РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ **1.**

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вышла въ свѣтъ осьмая книга Архива Князя Воронцова, содержащая въ себѣ автобіографію графа Семена Романовича Воронцова и его переписку съ графомъ Θ. В. Ростопчинымъ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

(НА УГЛУ ВОЗДВИЖЕНКИ И МОХОВОЙ).

Согласно Высочайшему повелѣнію 3-го Мая 1811 года, у Коммиссіонера онаго Архива книгопродавца А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ графа Мусина-Пушкина, продаются изданія существующей при Архивѣ Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ по слѣдующимъ, значительно сбавленнымъ противъ прежнихъ, цѣнамъ:

1) *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, 4 т. изд. 1813—1828 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, Богдана Хмѣлницкаго и т. п., каждый томъ по **3 р. 75 к.**

2) *Законы Великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ Царя Іоанна IV Васильевича*, съ дополнительными указами, изданные Калайдовичемъ и Строевымъ въ 1819 г. Въ началѣ помѣщено предисловіе издателей и снимокъ съ двухъ заглавныхъ листовъ; въ концѣ напечатана въ особомъ приложеніи выпись, данная Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину о наблюденіи за благопристойнымъ поведеніемъ духовенства. **1 р. 30 к.**

3) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней *Русской Исторіи А. Х. Лерберга*, съ приложеніемъ карты, изъясняющей положеніе Югорской земли. Изданы на нѣмец. языкѣ по опредѣленію Имп. С.-Петер. Академіи Наукъ, Ф. Кругомъ. Перевелъ въ 1819 г. Д. Языковъ **1 р. 50 к**

4) *Рустрингія*, первоначальное отечество перваго Россійскаго Великаго Князя Рюрика и братьевъ его. Историческій опытъ Г. Ф. Голльмана. Пер. въ 1819 г. И. Снегиревъ. **30 к. 20 к**

5) *Исторія Льва Діакона Калойскаго*, и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской библіотеки К. Б. Газе. Перев. въ 18.0 г. Д. Поповъ. **1 р. 40 к.**

6) *Софійскій Временникъ*, или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г., 2 части. Изданы въ 1820—21 г. П. Строевымъ съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника каждая часть по **2 р. 50 к.**

7) *Записки* о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ *Средней Азіи* Ф. Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ въ 1813—1814 г. изд. въ 1821 г. **40 к. 20 к**

8) *Памятники Россійской Словесности XII вѣка*, изданные съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ въ 1821 г. **2 р. 50 к.**

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1876.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ азбучнымъ указателемъ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ *).

А. КЪ МИХАИЛУ МИХАИЛОВИЧУ ИЗМАЙЛОВУ.

Писано еще великимъ княземъ.

1.

„Теща управляющаго Гатчинскою моею волостью полковника Обольянинова, тайная совѣтница Катерина Хитрова, имѣя дѣло по отбывательству отъ нея крѣпостныхъ ея людей на волю, а жена онаго же полковника Обольянинова (по первому мужу Ордина-Нащокина) объ окончаніи раздѣла съ наслѣдниками Нащокиными, прошу васъ, Михаилъ Михаиловичъ, объ оказаніи имъ законнаго вспоможенія. Впротчемъ остаюсь къ вамъ доброжелательный Павелъ.

Гатчина, Марта 18-го 1796-го года“.

2.

„Вручительница сего, Михайло Михайловичъ, подпоручица Елисавета Аракчеева, мать находящагося при мнѣ подполковника Аракчеева, подала отъ имени своей матери въ Московскій Верхній Земскій Судъ прошеніе объ отдачѣ оной, яко законной наслѣдницѣ, оставшагося послѣ умершаго отставнаго полковника Тишкова имѣнія; а такъ какъ оное имѣніе взято теперь до рѣшенія въ Московскую Опеку, то и прошу васъ о законномъ ея удовлетвореніи и о скоромъ онаго дѣла рѣшеніи. Впротчемъ съ всегдашнимъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Гатчина, Марта 19-го 1796-го года“.

По воцареніи.

3.

Михайло Михайловичъ. Прикажите, кому слѣдуетъ, отпустить императорскія регалии и прочія вещи, по прилагаемому реестру, присланному отъ насъ статскому совѣтнику Николаю Львову. Пребываемъ вамъ благосклонны „Павелъ“.

Въ С. П.-бургѣ.

Ноября 8 числа 1796.

---

*) Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ архивѣ Канцеляріи Московскаго генерала-губернатора. За дозволеніе помѣстить эти письма въ Русскомъ Архивѣ мы обязаны признательностію его сіятельству князю Владиміру Андреевичу Долгорукову. Что̀ писано государемъ своеручно, то означено здѣсь кавычками „ “. Обычныя начала и окончанія въ дальнѣйшихъ письмахъ опущены для краткости.

П. Б.

4.

Для приготовленія къ будущей коронаціи нашей, о коей вскорѣ указъ послѣдуетъ, нужно, чтобы присланы были къ намъ изъ Москвы порфира, крестъ, бармы и прочія царскія утвари, употребляемыя отъ древнихъ еще временъ при коронаціи предковъ нашихъ, въ Бозѣ почивающихъ государей Всероссійскихъ; и для того повелѣваемъ вамъ, истребовавъ всѣ сіи вещи отъ того, въ чьемъ вѣдомствѣ хранятся оныя, доставить ихъ сюда немедленно, подъ конвоемъ двухъ нашихъ кавалергардовъ, нарочно за тѣмъ посылаемыхъ.

Въ С. П.-Бургѣ. Ноября 15-го 1796 года.

5.

Съ удовольствіемъ извѣстились мы отъ возвратившагося изъ Москвы генералъ-маіора Митусова о тѣхъ знакахъ усердія и преданности, каковыми исполнены къ намъ обитатели Московской нашей столицы, учинившіе подъ руководствомъ вашимъ присягу на вѣрное намъ подданство. Изъявляя вамъ, яко главному тамошнему начальнику, признаніе наше и благодарность, поручаемъ мы вамъ объявить оную и всѣмъ чинамъ тамъ пребывающимъ, гражданскимъ и воинскимъ, такожъ дворянству, купечеству и прочаго состоянія жителямъ, и увѣрить о продолженіи къ нимъ всегдашней нашей милости и благоволенія; „а вамъ находимъ нужнымъ примѣтить только то, для чего присяга не въ самый первый день сдѣлана".

Въ С. П.-Бургѣ. Ноября 19-го 1796.

6.

По содержанію донесенія вашего отъ 12-го сего мѣсяца о состояніи Московской столицы, нужнымъ нахожу дать вамъ знать, что всякія въ оной случающіяся происшествія, каковы суть: пожары и тому подобное, такъ какъ и все то, что́ относится къ вѣдѣнію по части полицейской, на основаніи военнаго устава моего, входитъ въ должность опредѣленнаго отъ меня въ Москву военнаго губернатора, генералъ-поручика Архарова, отъ котораго и рапорты объ ономъ я получать буду; а вамъ остается доносить только ко мнѣ по ввѣренной вамъ гражданской части.

Въ С. П.-Бургѣ. Ноября 20-го 1796 года.

7.

Изъ числа присланныхъ изъ Москвы, по указамъ нашимъ, одинъ разъ съ статскимъ совѣтникомъ Львовымъ, а другой съ кавалергардами Скориковымъ и Звягинымъ, императорскихъ регалій и прочихъ государственныхъ вещей, такожъ священныхъ и царскихъ утварей, за оставленіемъ надобныхъ здѣсь *), всѣ прочія, по приложенной при семъ росписи, препровождаются обратно съ помянутымъ статскимъ совѣтникомъ Львовымъ, подъ конвоемъ двухъ кавалергардовъ, для отдачи въ то мѣсто, откуда оныя были взяты. О цѣлостномъ же ихъ полученіи не оставьте намъ донести, возвратя и посланныхъ нашихъ.

Въ С. П.-Бургѣ. Ноября 27-го 1796 года.

---

*) Эти утвари нужны были для коронованія въ гробу смертныхъ останковъ императора Петра Третьяго. *П. Б.*

РОСПИСЬ ВОЗВРАЩАЕМЫМЪ ВЪ МОСКВУ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РЕГАЛІЯМЪ И ПРОЧИМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ВЕЩАМЪ, ТАКОЖЪ СВЯЩЕННЫМЪ И ЦАРСКИМЪ УТВАРЯМЪ.

А.

Изъ числа привезенныхъ оттуда статскимъ совѣтникомъ Львовымъ:
Государственный щитъ.
Государственное знамя.
Два оберъ-церемонимейстерскихъ жезла изъ чернаго дерева.
Два такихъ же жезла церемонимейстерскихъ.
Восемь серебряныхъ штанговъ.
Двѣнадцать серебряныхъ подсвѣчниковъ.

Б.

Изъ числа присланныхъ изъ Москвы во второй разъ съ кавалергардами Скориковымъ и Звягинымъ:
Цѣпь золотая сканной работы.
Цѣпь золотая съ финифтью.
Крестъ золотой съ каменьи.
Порфира или, по древнему названію, становой кафтанъ.
Три покрова со столовъ, на коихъ поставлены были регаліи.
Парча постиланная въ Успенскомъ соборѣ отъ амвона до царскихъ вратъ.

Парча, постиланная въ томъ же соборѣ въ алтарѣ отъ царскихъ вратъ до престола.

Сосудъ мѵропомазанія, при коронаціи употребляемый, въ ковчежцѣ.
При томъ сосудѣ сучецъ серебряный вызолоченый.
Крестъ золотой сканный въ дскѣ серебряной, золоченой, а въ немъ животворящее древо креста Господня.

„Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Трощинской“.

8.

Объявите княгинѣ Дашковой *), чтобъ она, напамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762-мъ году, выѣхала изъ Москвы въ дальныя свои деревни. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ“.
„Извольте смотрѣть, чтобъ ѣхала немедленно“.

Въ С. П.-Бургѣ. Декабря 1-го 1796 года.

9.

Письмо ваше, въ коемъ вы благодарите меня за племянницу вашу, я получилъ и очень радъ, что чрезъ сіе могъ дать вамъ знакъ моего къ вамъ благорасположенія, съ коимъ и пребуду вамъ навсегда благосклоннымъ.

Санктпетербургъ. Декабря 5-го 1796 года.

10.

По неудобности покоевъ, назначенныхъ для любезнаго сына нашего цесаревича и великаго князя Александра Павловича въ Крем-

*) Письма княгини Дашковой, писанныя изъ этой ссылки, напечатаны въ 5-й книгѣ Архива князя Воронцова. *П. Б.*

левскомъ дворцѣ, пріемлемъ за благо представляемое вами помѣщеніе его въ архіерейскомъ домѣ, что̀ въ Чудовѣ монастырѣ; а для любезнаго сына нашего великаго князя Константина Павловича повелѣваемъ пріуготовить оберъ-комендантскій домъ, исправивъ оный всѣмъ потребнымъ.

Въ С. П.Бургѣ. Декабря 18-го 1796 года.

11.

Изъ манифеста, сего дня изданнаго, усмотрите, что мы предположили съ Божіею помощію совершить коронованіе наше въ Москвѣ въ Апрѣлѣ наступающаго года. Верховнымъ маршаломъ для онаго назначенъ отъ насъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Юсуповъ, который, вслѣдствіе указа, ему даннаго, для свѣдѣнія вашего въ копіи при семъ посылаемаго, отправляется въ помянутую нашу столицу; соизволяемъ, чтобъ вы, по требованіямъ его въ опредѣленіи людей ему потребныхъ для разныхъ должностей изъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ и вообще касательно дѣла на него возложеннаго, подавали свое всемѣрное пособіе.

Въ С. П.Бургѣ. Декабря 18-го 1796 года.

12.

Истребованныя на время изъ Москвы императорскія регаліи при семъ обратно отправляются съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Львовымъ по описи, здѣсь приложенной, по которой прикажете отдать оныя въ тѣ мѣста, откуда они взяты были.

Въ С. П.Бургѣ. Декабря 19-го 1796 года.

13.

Генералу-маіору князю Степану Куракину повелѣваемъ быть при строеніяхъ казенныхъ въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ вашимъ, съ жалованіемъ по чину его.

Въ С. П.Бургѣ. 21-го Декабря 1796 года.

14.

За нужное находимъ предписать вамъ, чтобъ вы подтвердили всѣмъ, кому надлежитъ, наблюдать за пріѣзжающими въ Москву и пребывающими тамъ чужестранцами, и если между ними окажутся люди подозрительные, поведенія нескромнаго или непристойнаго, таковыхъ высылать вонъ за границу съ запрещеніемъ вновь показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизбѣжнаго наказанія, увѣдомляя какъ губернатора той пограничной губерніи, чрезъ которую таковые праздношатающіеся люди за границу высланы будутъ, такъ и начальствующаго въ Санктпетербургѣ.

Въ С. П.Бургѣ. Декабря 26-го 1796 года.

15.

Усмотрѣвъ изъ увѣдомленія вашего къ генералу-прокурору, что вы, по случаю сдѣланнаго доноса крестьянами Тульскаго намѣстничества, Каширской округи, на помѣщика своего маіора Нестерова, въ томъ намѣстничествѣ живущаго, безъ нашего на то дозволенія рѣшились послать за нимъ и симъ самымъ вмѣшались въ дѣло до начальства вашего не принадлежащее, нужнымъ находимъ симъ

предписать, чтобъ сего вы не дѣлали и ограничили себя въ исполненіи того, что́ точно отъ насъ вамъ препоручено.

Въ С. П.Бургѣ. Генваря 4-го 1797 года.

16.

Отъ 8-го сего мѣсяца указомъ, посланнымъ отъ меня къ тайному совѣтнику Кожину, требовалъ я вѣдомости о вещахъ, выбывшихъ изъ Мастерской и Оружейной Палаты, но не только по сему указу дѣйствительнаго исполненія не вижу, ниже о полученіи онаго репорта не имѣю, и для того повелѣваю вамъ истребовать отъ Кожина помянутую вѣдомость безъ малѣйшаго замедленія и мнѣ оную доставить вмѣстѣ съ отвѣтомъ его, для чего онъ столь долго по указу моему исполненія не учинилъ.

Въ С. П.Бургѣ. Генваря 28-го 1797 года.

17.

Для предпріемлемаго нами шествія въ Москву повелѣваемъ къ 1-му наступающаго Марта поставить на каждомъ стану по той дорогѣ въ губерніи Московской до пяти сотъ лошадей съ потребнымъ числомъ людей и съ надлежащею упряжью, включая имѣющееся количество и на ямахъ и наблюдая, чтобъ въ семъ нарядѣ соблюдена была всевозможная сразмѣрность и чтобъ подъ видомъ онаго никакихъ незаконныхъ поборовъ или другаго рода злоупотребленій не происходило; такожъ, чтобъ установленныя прогонныя деньги плачены были проѣзжающими за полное число лошадей, кому сколько дано будетъ, и чтобъ тѣ прогонныя, а равно и простойныя деньги досталися непремѣнно въ тѣ руки, кому слѣдуетъ, при чемъ вамъ должно имѣть сношеніе съ генераломъ Архаровымъ, дабы по проѣздѣ нашемъ и двора нашего лошади, по сему указу наряженныя, тотчасъ отпущены были.

Въ С. П.Бургѣ. Февраля 10-го 1797 года.

18.

По поданному намъ отъ коллежской совѣтницы Брылкиной у сего прилагаемому прошенію, съ жалобою на сестру ея Авдотью Чернышеву *), которая, получа отъ умершей матери ихъ для сохраненія сто тысячъ рублей, не возвращаетъ оныхъ, мы, ссылаясь на данный вамъ отъ покойной государыни императрицы, любезнѣйшей нашей родительницы, въ 1795 году Іюля 7-го числа указъ, и усматривая изъ вашихъ въ слѣдствіе онаго донесеній, что дѣло сіе, предоставленное вами на разбирательство Совѣстнаго Суда, за несогласіемъ медіаторовъ, осталось нерѣшеннымъ, повелѣваемъ вамъ, для избѣжанія дальнѣйшей между ближними родственниками тяжбы, посредствомъ третейскаго суда, взявъ основаніемъ прежнее того дѣла въ Совѣстномъ Судѣ производство, привести оное къ окончанію и потомъ принять дѣйствительныя мѣры къ полному справедливой стороны удовлетворенію.

Въ С. П.Бургѣ. Февраля 23-го дня 1797 года.

---

*) Сестра любимца Екатерины Ланскаго и мать князя А. И. Чернышева. *П. Б.*

19.

Для пребыванія его величества короля Польскаго въ Москвѣ прикажите очистить и пріуготовить домъ на Тверской, въ которомъ вы, по званію начальствующаго Московской губерніи, живете; для принятія же того дома и помѣщенія свиты королевской присланъ будетъ къ вамъ нарочный отъ генерала-лейтенанта графа Безбородка, или кто при его величествѣ находиться будетъ.

Въ С. П.-Бургѣ. Февраля 24-го 1797 года.

20.

По прошенію Московскаго купца Болотина, должность здѣшняго аукціониста исправляющаго, всемилостивѣйше утверждаемъ его въ семъ званіи, распространяя оное и на сына его.

Въ Москвѣ. Апрѣля 3-го 1797 года.

21.

Даннымъ отъ насъ бывшему генералъ-прокурору графу Самойлову прошедшаго Ноября 11-го дня указомъ, возвращено было во владѣніе отставному поручику Новикову имѣніе его, состоявшее въ вѣдомствѣ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія; нынѣ же, всемилостивѣйше снисходя на его Новикова прошеніе, повелѣваемъ Московскому Приказу Общественнаго Призрѣнія, оставя то имѣніе въ полномъ своемъ вѣдомствѣ и распоряженіи и предварительно освободя всѣхъ по немъ Новиковѣ поручителей, употребить оное на заплату долговъ его какъ Воспитательному Дому, такъ и всѣмъ другимъ кредиторамъ, включая въ число оныхъ маіора Походяшина и тѣхъ, которымъ векселя на счетъ сего имѣнія имъ Походяшинымъ подписаны были, равно и прочихъ, въ прилагаемой у сего запискѣ [1]) именованныхъ, кои прежде изъ списка кредиторовъ исключены были.

Въ Москвѣ. Апрѣля 10-го 1797 года.

22.

По содержанію поданнаго намъ отъ васъ доклада, въ резолюцію предписываемъ. ***Первое***, Арсеналу и водопроводному каналу быть въ вѣдѣніи подполковника Герарда 3-го; и какъ суммы, опредѣленныя на строенія вообще, разассигнованы уже на нынѣшній годъ всѣ, то отпускъ денегъ, потребныхъ для окончанія сихъ работъ, расположенъ будетъ по срокамъ съ будущаго 1798-го года. ***Второе***, строеніе въ Кремлѣ, яко то: городскія стѣны, башни и прочее, равномѣрно дома, гдѣ помѣщается Сенатъ и гдѣ живетъ главноуправляющій гражданскою въ Москвѣ частью, должны остаться по прежнему въ вашемъ вѣдѣніи; о числѣ же надобной суммы на содержаніе и починку оныхъ, такъ какъ и на жалованье присутствующимъ въ Кремлевской Экспедиціи, снестися съ государственнымъ казначеемъ, которому объ отпускѣ дано будетъ отъ насъ повелѣніе. ***Третье***, Петровскій подъѣздный дворецъ [2]) оставить

---

[1]) Этой записки при письмѣ не имѣется. *П. Б.*

[2]) Прекрасное созиданіе Екатерины II-й. *П. Б.*

безъ починки. *Четвертое*, обдѣлку камнемъ берега Москвы-рѣки противъ Кремля продолжать подъ вашимъ же наблюденіемъ, заимствуя на сіе тѣ тридцать тысячъ рублей, которыя остаются за проданныя мѣста, Гостинному двору принадлежавшія. *Пятое*, исправленіе монастырей Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, и въ Москвѣ Новодѣвичьяго, для которыхъ суммы уже отпущены, продолжать. *Шестое*, три пустыя мѣста, о коихъ въ 11-ой статьѣ вашего доклада упоминается, оставить такъ, какъ они есть, до будущаго впредь нашего соизволенія.

Въ Москвѣ. Апрѣля 21-го 1797 года.

23.

Изъ находящихся въ губерніи, вамъ ввѣренной, казенныхъ строеній, тѣ, которыя, за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ, останутся праздны, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ, или на шпитали и тому подобное, донеся намъ, гдѣ, какія и на что именно употреблены будутъ.

Въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.
Апрѣля 24-го 1797 года.

24.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову. Купленное въ прошедшемъ году въ казну нашу у генералъ-маіора Львова порожнее мѣсто въ Москвѣ на Яузѣ у Николы въ Воробьинѣ, всемилостивѣйше пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе нашему канцлеру князю Безбородко.

Въ Москвѣ. Апрѣля 26-го 1797 года.

Б. КЪ КНЯЗЮ ЮРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ ДОЛГОРУКОВУ.

1.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и Московскій военный губернаторъ князь Долгоруковъ.

Принявъ въ свое вѣдомство Екатерининской дворецъ, обратите оный на казармы, предоставляя собственному усмотрѣнію вашему, конный ли полкъ или же пѣхотные въ оныхъ помѣстить удобнѣе. Мнѣ же въ свое время дайте знать, какъ вы сіе распорядите и какія точно войска въ тѣхъ казармахъ помѣщены будутъ.

Въ Гжатѣ. Маія 4-го 1797 года.

2.

Дошедшія до меня прошенія кожевника Юнга и иностранца Бауера препровождаю къ вамъ для удовлетворенія просителей по ихъ претензіямъ, желая, чтобы впредь таковыя просьбы до меня допускаемы не были.

При переправѣ черезъ Нѣманъ. Маія 13-го дня 1797 года.

3.

Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ отъ жены флота капитанъ-лейтенанта Борисова съ жалобою на волокиту, которою десять лѣтъ изнуряютъ ее Московскія присутственныя мѣ-

ста въ дѣлѣ по вексельному ея иску на дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Самойловѣ, повелѣваемъ вамъ понудить, кого слѣдуетъ къ немедленному рѣшенію помянутаго дѣла и къ удовлетворенію просительницы по законамъ.

Въ Янишкахъ. Маія 20-го 1797 года.

4.

Отставнаго капрала Макарова прошеніе намъ поданное у сего препровождая, повелѣваемъ, поелику онъ, находяся въ военной службѣ, помѣщику своему уже не принадлежалъ, то и нынѣ, доставя ему отъ нашей Военной Коллегіи паспортъ, дать волю избрать родъ жизни, каковый онъ самъ пожелаетъ.

Въ Павловскѣ. Іюня 3-го 1797 года.

5.

Желаніе жителей Московской столицы внести деньги на построеніе казармъ для войскъ я пріемлю съ благоволеніемъ и поручаю вамъ объявить имъ за то мою благодарность. Чтó же касается до мѣстъ, гдѣ построить казармы, то предписываю: для одного полку въ части между Сухаревой башни и Тверской; для другаго между Тверской и Никитской; для третьяго между Никитской и Арбата; для артилеріи же въ ея мѣстахъ у Красныхъ воротъ. При чемъ нужнымъ считаю примѣтить, что казармы сіи для каждаго полку должны быть устроены побатальонно такимъ образомъ, чтобъ для 1-го батальона казармы были на поломъ мѣстѣ Бѣлаго города, а для втораго на таковомъ же мѣстѣ Землянаго города, дабы всякаго полку одинъ батальонъ имѣлъ казармы впереди, а другой назади.

Въ Павловскомъ. Іюня 12-го 1797 года.

6.

По рапорту вашему на нужныя передѣлки и исправленія бывшаго Екатерининскаго дворца, назначаемаго для казармъ гарнизонному Архарова 2-го полку, повелѣли мы тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву отпустить въ ваше распоряженіе до пятидесяти тысячъ рублей, по срокамъ, о коихъ онъ съ вами снестися имѣетъ.

Въ Павловскомъ. Іюня 12-го 1797 года.

7.

Вмѣсто сообщенія духовному начальству о поступленіи по законамъ съ пономаремъ Звѣнигородской округи, села Михайловскаго, который подалъ поводъ крестьянамъ тамошнимъ оказать неповиновеніе владѣльцу своему, прикажите его сыскать къ себѣ и предайте суду гражданскому немедленно.

Въ Павловскомъ. Іюня 16-го 1797 года.

8.

По докладу вашему я дозволяю въ городахъ Московской губерніи: Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ, крѣпостныя стѣны, такъ какъ и ворота, по крайней ихъ ветхости, разобрать и на мѣсто

оныхъ тѣ города обнесть палисадникомъ съ воротами, какіе обыкновенно при въѣздахъ употребляются; матеріалы же отъ разобранныхъ стѣнъ продать, обращая вырученныя деньги на сію самую работу.

Въ Павловскомъ. Іюня 16-го 1797 года.

9.

Собираемыя при Московскомъ аукціонѣ двупроцентныя за продаваемыя имѣнія деньги я позволяю вамъ взять въ свое распоряженіе и употреблять на исправленіе въ тамошней столицѣ мостовъ и на прочія случающіяся казенныя починки, давая однакожъ отчеты государственному казначею, по силѣ узаконеній.

Въ Павловскомъ. Іюня 16-го 1797 года.

10.

Прилагая у сего поданное намъ отъ Московскаго купца Сажина Красильникова прошеніе, повелѣваемъ вамъ живущаго въ Москвѣ капитана Лугинина къ немедленной заплатѣ просителю, по просроченному имъ векселю, принудить.

Въ Павловскѣ. Іюня 23-го 1797 года.

11.

Прошеніе Московскаго купца Стефанова съ жалобою на купца Горошкова, не допустившаго его къ содержанію по контракту Новгородскаго въ Москвѣ подворья и на Московское Губернское Правленіе, поступившее будто бы въ семъ дѣлѣ вопреки законовъ, препровождаю при семъ къ вамъ для надлежащаго разсмотрѣнія и доставленія просителю удовольствія, поколику оное ему слѣдуетъ, по справедливости и по законамъ.

Въ Петергофѣ. Іюля 1-го 1797 года.

12.

Представленіе ваше объ учрежденіи въ Москвѣ, по случаю строенія казармъ, особой Комиссіи я нахожу излишнимъ и никакого уваженія незаслуживающимъ, тѣмъ болѣе, что по какой части сіе строеніе производиться будетъ, изъ той и люди надобные для смотрѣнія употребляться могутъ; а еще лучше сдѣлаете, когда назначите къ тому, по примѣру здѣшнему, одного или сколько надобно бау-адъютантовъ и для опредѣленія въ сіе званіе мнѣ объ нихъ представите. Архитектора же употреблять или губернскаго, или нанимая вольнаго, съ заплатою, по мѣрѣ способности и трудовъ его, изъ строенной суммы.

Въ Петергофѣ. Іюля 3-го 1797 года.

13.

Постановленіе ваше, въ присланномъ ко мнѣ докладѣ отъ 25-го Іюня изображенное, о построеніи казармъ для войскъ, я нахожу во всѣхъ его частяхъ весьма порядочнымъ и за благоразумное сего дѣла распоряженіе изъявляю вамъ мое удовольствіе; но что̀ касается до того, что̀ вы изъясняете въ 7-мъ пунктѣ вашего доклада, какимъ образомъ расположить ежегодный сборъ потребныхъ

денегъ на содержаніе въ исправности строенія и на покупку дровъ и свѣчъ, я предписываю вамъ сію часть распорядить согласно съ здѣшнею столицею, гдѣ назначается поземельный сборъ со всѣхъ городскихъ жителей, съ различеніемъ только по измѣреніи особо той земли, что̀ подъ строеніями отъ той, что̀ подъ садами, огородами и пустырями.

Въ Петергофѣ. Іюля 6-го 1797 года.

14.

Разсматривая поданный намъ докладъ относительно должной суммы поручикомъ Новиковымъ Московскому Воспитательному Дому, находимъ мы, что изъ помянутаго дома въ 1786-мъ году выдано было въ заемъ восемьдесятъ тысячъ рублей съ срокомъ на пять лѣтъ, подъ обязательство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Трубецкаго, бригадировъ Лопухина и Чулкова, надворныхъ совѣтниковъ Новикова и Гамалѣи, съ залогомъ каменнаго дома, у поручика Шрейдера ими купленнаго, и съ поручительствомъ при томъ князя Черкаскаго и маіора Кутузова, которые сверхъ того представили въ залогъ недвижимое ихъ имѣніе, въ деревняхъ съ людьми, въ четырехъ стахъ семи душахъ состоящее; а съ ними безъ залоговъ въ поручительствѣ же подписались полковникъ Ладыженскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Трубецкой, титулярный совѣтникъ князь Енгалычевъ, тайный совѣтникъ Лопухинъ, полковникъ Тургеневъ и поручики Карамзинъ и Новиковъ; что отъ тѣхъ заимщиковъ донынѣ ни капитала, ни процентовъ въ уплатѣ не было, и долгъ сей съ процентами по 1-е Іюня сего года возросъ до ста сорока семи тысячъ девятисотъ шестидесяти двухъ рублей, пятидесяти копѣекъ, каковая сумма до совершенной заплаты оной и еще увеличится. А между тѣмъ оказалось, что помянутый, заложенный Опекунскому Совѣту, домъ принадлежитъ уже собственно поручику Новикову и, по бывшимъ съ нимъ происшествіямъ, поступилъ въ распоряженіе Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія со всѣмъ прочимъ его Новикова имѣніемъ, которое однакожъ, хотя по указу нашему отъ 11-го Ноября прошлаго 1796-го года возвращено было ему Новикову; но, по прошенію его, вторичнымъ указомъ нашимъ, отъ 10-го Апрѣля сего года даннымъ предмѣстнику вашему дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову, предписали мы, оставя то имѣніе въ полномъ вѣдомствѣ и распоряженіи Приказа Общественнаго Призрѣнія и предварительно освободя всѣхъ по немъ, Новиковѣ, поручителей, употребить оное на заплату долговъ его, какъ Воспитательному Дому, такъ и всѣмъ другимъ кредиторамъ, включая въ число оныхъ маіора Походяшина и тѣхъ, которыхъ векселя на счетъ сего имѣнія имъ Походяшинымъ подписаны были, равно и прочихъ въ приложенной у того запискѣ именованныхъ, кои прежде изъ списка кредиторовъ исключены были. Но какъ таковое на просьбу Новикова снисхожденіе и освобожденіе вышесказанныхъ поручителей учинено нами въ томъ единственно удостовѣреніи, что имѣніе Новикова достаточно на удовлетвореніе не только Воспитательнаго Дома, но и всѣхъ партикулярныхъ долговъ его; а нынѣ совсѣмъ

противное тому является, и Совѣтъ Опекунскій, за исключеніемъ поручительскаго имѣнія и личности ихъ, изъ одного оставшагося у него въ залогѣ дома всего своего долгу и съ процентами выручить не надѣется: того ради, въ предохраненіе капитала Воспитательнаго Дома, яко публичнаго мѣста, отъ ущерба и невозвратной потери, повелѣваемъ не освобождать отъ поручительства тѣхъ, которые въ исправномъ платежѣ занятой изъ Воспитательнаго Дома суммы поручиками подписались; и въ случаѣ недостатка на платежъ того долга одного Новикова дому, употребить въ продажу на недостающее число и имѣніе поручителей, стараясь, чтобъ Воспитательный Домъ, въ удовлетвореніи своемъ изъ того имѣнія, первенствующее передъ всѣми другими имѣлъ право, что̀ и возлагаемъ мы на особенное ваше попеченіе и, ожидая объ успѣхѣ въ томъ вашихъ донесеній, пребываемъ и пр.

На фрегатѣ Еммануилъ, противъ Красной Горки. Іюля 9-го 1797 года.

15.

По вексельнымъ претензіямъ надворнаго совѣтника Яниша въ двадцати четырехъ тысячахъ рубляхъ и Грека Болеца въ тринадцати тысячахъ семи стахъ восьмидесяти восьми рубляхъ на дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ князѣ Трубецкомъ, коего имѣніе состоитъ въ опекѣ, повелѣваемъ вамъ подтвердить опекунамъ, чтобъ они старались какъ сихъ, такъ и прочихъ князя Трубецкаго кредиторовъ скорѣе удовольствовать, не допуская ихъ до повторенія къ намъ жалобъ.

Въ Петергофѣ. Іюля 17-го 1797 года.

16.

Разсмотрѣвъ представленныя вами обстоятельства по поводу просьбы крестьянина Алексѣева, сходно съ вашимъ на то мнѣніемъ, предписываю: взнесенныя просителемъ въ Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія пятьсотъ рублей возвратить ему съ процентами за все время, сколько оными Приказъ пользовался; въ выемкѣ же бута, оставшагося по сломкѣ бывшей стѣны Бѣлаго города *), ему отказать и впредь никого изъ партикулярныхъ людей къ выемкѣ того бута не допускать, а употреблять оный, сверхъ обдѣлки Москворѣцкаго берега, вообще на всѣ казенныя строенія въ Москвѣ производимыя, съ тѣмъ, чтобъ отъ того правительства, на подвѣдомственное коему казенное строеніе бутъ выниматься будетъ, какъ ямы заровняемы были, такъ и деревья, если по той дистанціи встрѣтятся и для сей работы изъ мѣстъ вынутся, то бы оныя по тѣмъ же мѣстамъ при первомъ удобномъ къ тому времени опять посажены были.

Въ Петергофѣ. Іюля 21-го 1797 года.

17.

По содержанію приложеннаго при семъ донесенія нашего гофмейстера князя Гагарина, о показаніи жителей около рѣки Яузы, что они подвергаются болѣзнямъ отъ нечистоты рѣки сея, особли-

*) При Павлѣ уничтожались и свозились въ Москвѣ стѣны и башни Бѣлаго города, на мѣсто которыхъ потомъ устроены бульвары и доселѣ именуемыя воротами площади. *П. Б.*

во въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, когда вода въ ней цвѣтетъ и гніетъ, повелѣваемъ вамъ приказать находящимся въ Москвѣ медицинскимъ чинамъ составить по сему предлогу консиліумъ и представить намъ ихъ примѣчанія и мнѣнія, какимъ образомъ можно предохранить жителей отъ болѣзней, ежегодно почти тамъ бываемыхъ.

Въ Петергофѣ. Іюля 21-го 1797 года.

18.

Жалобу цеховаго мастера Ульмана на Московскаго полицмейстера Лопухина за неплатежъ по поручительсту его должныхъ денегъ при семъ къ вамъ препровождаемъ для надлежащаго разсмотрѣнія и доставленія просителю законнаго удовлетворенія.

Въ Павловскомъ. Іюля 25-го 1797 года.

19.

Препровождая при семъ прошеніе поданное намъ отъ Аглинскихъ купцовъ Томсона, Рованда и компаніи о вексельной ихъ претензіи на князя Трубецкаго и прочихъ, повелѣваемъ вамъ во взысканіи, съ кого слѣдуетъ, должныхъ денегъ и въ удовлетвореніи просителей поступить по законамъ и объ успѣхѣ въ томъ намъ доносить.

Въ Павловскомъ. Іюля 25-го 1797 года.

20.

По донесенію вашему, если обстоятельства потребуютъ, подвиньте впередъ, по разсмотрѣнію вашему и по надобности, Староингерманландскій и Ряжскій мушкетерскіе полки.

Павловское. Іюля 29-го 1797 года.

21.

Вслѣдствіе рапорта вашего и представленнаго при ономъ мнѣнія медицинскихъ чиновъ, я поручаю вамъ приступить къ дѣйствительному исполненію сего послѣдняго, и на основаніи онаго стараться рѣку Яузу привести въ то состояніе, чтобъ она гнилостями и испареніями своими не могла причинять жителямъ тамошнимъ болѣзней, въ чемъ я на стараніе и попеченіе ваше совершенную надежду полагаю.

Въ Павловскомъ. Августа 10-го 1797 года.

22.

Въ резолюцію на рапортъ вашъ отъ 6-го сего мѣсяца я инаго не нахожу сказать вамъ, какъ только подтвердить, чтобъ вы во взысканіи съ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Трубецкаго долговъ поступили по точности законовъ и по силѣ послѣдняго моего о таковыхъ долгахъ указа, 12-го Августа Сенату даннаго.

Въ Павловскомъ. Августа 13-го 1797 года.

23.

По прошенію здѣсь приложенному Биркенфельда повелѣваемъ бригадира князя Голицына заставить заплатить должныя просительницѣ по векселю деньги, поступя во взысканіи оныхъ по законамъ.

Въ Павловскомъ. Августа 14-го 1797 года.

24.

Разсматривая представляемыя отъ васъ вѣдомости о содержащихся по присутственнымъ мѣстамъ Московской губерніи колодникахъ, вижу я по двумъ дѣламъ, коллежскаго секретаря Крюкова и губернскаго секретаря Ленева, съ 30-го прошедшаго Маія одинаковую отмѣтку, что по онымъ сочиняются рѣшительныя опредѣленія. Находя таковое сочиненіе не только весьма медлительнымъ, но и законамъ противнымъ, повелѣваю взять отъ Палаты Суда и Расправы отвѣтъ и виновныхъ не оставить безъ взысканія; да и вообще наблюдать, по возложенной на васъ должности, чтобъ теченіе дѣлъ, а паче уголовныхъ, по коимъ содержатся колодники, происходило безъ малѣйшей медленности.

Въ Павловскомъ. Августа 18-го 1797 года.

25.

Видя изъ рапорта вашего, что сгорѣвшій въ Москвѣ Яузской части деревянный водочный тамошнихъ откупщиковъ заводъ построенъ былъ противу узаконеній, повелѣваемъ вамъ не дозволять возобновленія онаго, да и прочіе подобные заводы пересмотрѣть и въ разсужденіи ихъ поступить по точной силѣ законовъ.

Въ Гатчинѣ. Августа 21-го 1797 года.

26.

Полученное мною изъ Москвы прошеніе отъ коллежскаго совѣтника Наумова препровождаю къ вамъ наддранное съ тѣмъ, чтобъ въ семъ состояніи возвратили ему оное, яко не-дѣльное.

Въ Гатчинѣ. Августа 25-го 1797 года.

27.

Сходно съ представленіемъ вашимъ, позволяю казенныя въ бывшихъ уѣздныхъ Московской губерніи городахъ строенія, отъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ оставшіяся и кои по ветхости своей неспособны ни на казармы, ни на шпитали, продать желающимъ и вырученныя за оныя деньги обратить на исправленіе другихъ казенныхъ строеній.

Въ Гатчинѣ. Августа 27-го 1797 года.

28.

Апробуя представленіе ваше, чтобъ для скорѣйшаго взысканія Московскому Опекунскому Совѣту долгу съ поручика Новикова и его поручителей обратить въ уплату онаго заложенную отъ одного изъ тѣхъ поручителей, полковника Ладыженскаго, облигацію Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка въ пятьдесятъ тысячъ рублей, дано отъ насъ повелѣніе главному сего Банка директору, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину, о переводѣ означенной облигаціи на имя Опекунскаго Совѣта и о заплатѣ ему по оной слѣдующихъ денегъ; при окончательномъ же платежѣ всего долгу Новикова долженствуетъ учиненъ быть съ прочими поручителями надлежащій расчетъ.

Въ Гатчинѣ. Сентября 11-го 1797 года.

29.

Увидя изъ рапортовъ, что во время переправленія черезъ Оку пушекъ, везомыхъ изъ Кіева въ Москву, одна, проломя мостъ, упала въ воду, о чемъ однакоже отъ васъ донесено мнѣ не было, что̀ я и приписываю оплошности вашей.

Гатчино. Сентября 26-го 1797 года.

30.

Увидѣвъ изъ письма вашего, князь Юрій Володиміровичъ, сдѣланное по случаю дня рожденія моего, съ чувствительностью благодаря, прошу, кому слѣдуетъ, за оное сіе сказать.

Гатчино. Сентября 28-го 1797 года.

31.

Весьма одобряя и похваляя мѣры вами принятыя для очищенія рѣки Яузы, позволяю вамъ зе́мли, по той рѣкѣ лежащія и которыя отдавались только временно въ оброкъ, раздать желающимъ въ вѣчное владѣніе со взносомъ каждогодно въ городовые доходы нынѣ платимаго оброка и съ обязательствомъ, чтобы получившіе тѣ мѣста завели къ Яузѣ сады, сходно съ планомъ, отъ васъ представленнымъ.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29-го 1797 года.

32.

Видя изъ доклада поданнаго мнѣ отъ ея величества императрицы, яко начальствующей надъ Воспитательными Домами, что, по случаю спуска воды съ мельницъ, на рѣкѣ Яузѣ состоящихъ, казна Воспитательнаго Дома уничтоженіемъ мельницы лишилась навсегда ежегоднаго доходу четырехъ тысячъ четырехъ сотъ рублей и желая убытокъ тому дому причиненный наградить отдачею въ пользу онаго какой нибудь оброчной статьи, какъ напримѣръ лавокъ и тому подобнаго, повелѣваю вамъ сыскать въ Москвѣ, нѣтъ ли такого роду оброчныхъ статей, съ коихъ сборъ равнялся бы хотя съ нѣкоторымъ еще превосходствомъ противу уничтоженной мельницы и мнѣ объ оныхъ подробно донести.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29-го 1797 года,

33.

Прилагаются здѣсь для вашего свѣдѣнія въ копіяхъ полученныя мною съ границы извѣстія и данныя отъ меня вслѣдствіе того предписанія. Соображаясь съ сими послѣдними, вы не оставьте въ Москвѣ за иностранцами имѣть бдительное наблюденіе и, при малѣйшемъ сомнѣніи или подозрѣніи, о таковыхъ тотчасъ мнѣ доносить.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29-го 1797 года.

КОПІЯ СЪ СЕКРЕТНАГО РАПОРТА ГЕНЕРАЛА-МАІОРА МЕРЛИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ РЕПНИНУ ИЗЪ ГРОДНО ОТЪ 20-ГО СЕНТЯБРЯ 1797 ГОДА. № 14.

По сдѣланмому мнѣ извѣщенію отъ его превосходительства Якова Ивановича Булгакова, задержалъ я здѣсь третьяго дня, т. е.

18-го сего мѣсяца, подъ именемъ цесарскаго дворянина ѣдущаго Польскаго поручика Себастіана Цецерскаго, у коего, по учиненномъ ему по приказанію моему обыскѣ, нашлись зашитыя въ воротникѣ его фрака слѣдующія бумаги: *Akt powstania Wileńskego*, *artykuly do assocyacyi przyjęte*, *artykuly czlenom assocyacyi*, росписка *Станислава Юдицкаго*, *іероглифическая азбука*, съ коихъ копіи и съ приложеніемъ ихъ перевода честь имѣю у сего вашему сіятельству представить. Симъ открытіемъ Цецерскій былъ такъ устрашенъ, что самъ хотѣлъ зарѣзаться, до чего однакожъ его не допустили, и на вопросъ мой о участникахъ возстанія отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что лучше ему одному погибнуть, нежели погубить многихъ; но когда я увѣрилъ его, что все уже извѣстно, то онъ сказалъ мнѣ, что ежели я его обнадежу, что его ни въ Сибирь не пошлютъ, ни обнаружатъ передъ его товарищами, тогда онъ объявитъ мнѣ всю истину и не скроетъ ничего. Я его обнадежилъ, и онъ открылъ мнѣ теперь только то, что изъ главныхъ членовъ ассоціаціи, находящихся въ Вильнѣ, суть: ксензъ Зюлковскій, живущій въ женскомъ Бенедиктинскомъ монастырѣ; Доминиканскій ксензъ Цецерскій; мѣстный патронъ Грабовскій, родной братъ адъютанта Грабовскаго, находившагося въ Смоленскѣ; Станиславъ Юдицкій, сынъ генерала того же имени, которые всѣ вмѣстѣ, по словамъ Цецерскаго, присягали на возстаніе у ксенза Зюльковскаго и всѣ имѣютъ копіи съ помянутыхъ какъ акта, такъ и артикуловъ, о чемъ всемъ извѣстилъ уже я его превосходительство Якова Ивановича и копіи съ акта и артикуловъ, также и алфавита, сообщилъ; что̀ же далѣе свѣдаю какъ о сей затѣянности, такъ и сообщникахъ, не умедлю представить вашему сіятельству безъ потерянія времени съ формальнымъ, сдѣланнымъ ему Цецерскому извѣтомъ и таковой же сообщу Якову Ивановичу для улики тѣхъ, на коихъ онъ Цецерскій показываетъ, а между тѣмъ спѣшу донести вашему сіятельству о семъ происшествіи.

Выписка изъ письма генерала-маіора Мерлина изъ Гродно отъ 20-го Сентября.

Сію минуту получилъ я свѣдѣніе, что генералъ Гинтеръ получилъ чрезъ штафету по командѣ увѣдомленіе о возстаніи, яко бы послѣдовавшемъ въ Галиціи; о чемъ хотя ни откуда ничего подтвердительнаго нѣтъ, однакоже я для осторожности сообщилъ сіе свѣдѣніе стоящему въ Брестѣ г-ну полковнику Макарову и просилъ его о всемъ, что̀ относительно сего свѣдаетъ, сообщить.

34.

По представленію вашему, повелѣваемъ находящимся по штату при Московской полиціи четыремъ стамъ сорока извощикамъ, сверхъ получаемаго денежнаго жалованья, производить отъ Московской Казенной Палаты провіантъ по примѣру прочихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ полицейскихъ, таковымъ провіантомъ довольствующихся.

Въ Гатчинѣ. Октября 3-го 1797 года.

35.

Когда вы находите выгодными и способными для казармъ домы приторгованные у князя Волконскаго и Лопухина, то и купить ихъ можете; первое же построеніе казармъ, между Бѣлаго и Землянаго города у Пречистенскихъ воротъ, назначаю я для вашего полку, къ чему вы и приступите.

Въ Гатчинѣ. Октября 5-го 1797 года.

36.

Дошедшее до меня прошеніе отъ вдовы титулярнаго совѣтника Виль о домѣ, купленномъ въ Москвѣ на деньги будто бы просительницы, но на имя мужа ея, умершаго скоропостижно безъ всякихъ распоряженій, препровождаю къ вамъ въ оригиналѣ, для разбора сего дѣла, гдѣ слѣдуетъ, по законамъ, и для донесенія мнѣ о существѣ онаго.

Въ Гатчинѣ. Октября 7-го 1797 года.

37.

Убѣждаясь представленіемъ ея величества императрицы, любезнѣйшей супруги нашей, по ввѣренному ей главному начальству надъ Воспитательными Домами, пекущейся о благосостояніи и сохраненіи жизни несчастно-рожденныхъ младенцевъ, раздаваемыхъ изъ тѣхъ домовъ на прокормленіе по деревнямъ, гдѣ происходятъ разныя злоупотребленія, такъ что многіе изъ нихъ утаеваются, показывая въ число умершихъ, а другіе весьма худо содержатся, — долгомъ поставляемъ, соотвѣтствуя толико похвальнымъ ея императорскаго величества попеченію и заботѣ, предписать вамъ о снабженіи Нижнихъ Земскихъ Судовъ тѣхъ уѣздовъ, которые ближе къ столицѣ положеніе имѣютъ и коихъ въ селенія отдаются изъ Воспитательнаго Дома на прокормленіе младенцы, дабы они, по случаю всегдашнихъ разъѣздовъ по селеніямъ своего уѣзда, имѣли наблюденіе надъ образомъ ихъ содержанія и призрѣнія и, во отвращеніе всякихъ въ томъ злоупотребленій и подлоговъ, доставляли бы Воспитательному Дому третныя или полугодовыя вѣдомости о всѣхъ дѣтяхъ, помянутому дому принадлежащихъ, съ показаніемъ и умирающихъ изъ нихъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 9-го 1797 года.

38.

По донесенію вашему отъ 5-го Октября, для осмотру полковъ инспекціи вашей изъ Москвы отлучиться вамъ позволяется. Проѣхавшихъ черезъ Ригу 3-го Октября Французской націи Армонга Мишеля и мадамъ де-Фарже, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, изъ оной за границу выслать.

Гатчино. Октября 12-го 1797 года.

39.

Дошло до свѣдѣнія моего, что сборъ денегъ съ Московскихъ жителей на выкупъ содержащихся за долги учиненъ по повѣсткѣ чрезъ полицію по вашему приказанію. Таковый поступокъ вашъ

нахожу я дерзкимъ и непристойнымъ, за который и дѣлаю вамъ строжайшій выговоръ, подтверждая впредь отъ подобныхъ остерегаться.

Въ Гатчинѣ. Октября 13-го 1797 года.

40.

Снисходя на прошеніе у сего приложенное подпоручицы Байковской, повелѣваемъ домъ ея деревянный, состоящій въ Мясницкой части, дозволить исправить починкою и перекрыть вновь тесомъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 24-го 1797 года.

41.

Получивъ рапортъ вашъ отъ 16-го сего мѣсяца съ планами казармъ гарнизоннаго Архарова 2-го полка, въ резолюцію предлагаю: *первое*, оставшіеся отъ перестройки оныхъ восемь тысячъ семь сотъ тридцать рублей двадцать копѣекъ употребить на отдѣлку церкви при тѣхъ же казармахъ, на планѣ показанной; и *второе*, къ строенію прочихъ въ Москвѣ казармъ дозволяю употребить рекомендуемаго вами отставнаго подполковника Гиршвельта, съ произвожденіемъ ему подлежащаго жалованья изъ суммы, на тѣ строенія назначенной. За труды же его при перестройкѣ Екатерининскаго дворца въ казармы, также за добрую экономію и усердіе вручите ему посылаемую при семъ золотую табакерку, алмазами украшенную, которую я ему жалую въ знакъ моего благоволенія, съ каковымъ и къ вамъ пребываю.

Въ Гатчинѣ. Октября 25-го 1797 года.

42.

Получивъ рапортъ вашъ отъ 30-го минувшаго Октября, инаго въ отвѣтъ сказать не имѣю какъ только, чтобъ вы представили мнѣ распоряженіе о предосторожности отъ заразительной болѣзни.

Въ С. П. Бургѣ.
Ноября 8-го 1797 года.

43.

По представленію вашему о начавшихся въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ запрещать ихъ никакой надобности не нахожу; а замѣтить нужнымъ почитаю: *первое*, чтобы не были представляемы никакія піесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя черезъ цензуру не прошли; *второе*, для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ сохраняемъ былъ надлежащій порядокъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ.

Въ С. П. Бургѣ. Ноября 23-го дня 1797 года.

В. КЪ ГРАФУ ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ САЛТЫКОВУ.

1.

С. Петербургъ. 29-го Декабря 1798 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-ой! Я получилъ донесеніе ваше отъ 21-го Декабря, въ которомъ вы пред-

ставляете мнѣ трудами и стараніемъ отличившихся при возобновленіи землянаго вала въ Москвѣ около стѣнъ Китая-города и Кремля, инженерной команды капитана Биппена, штабсъ-капитана Гельмерсена, подпоручиковъ Кривошапкина и Шевякова, и въ знакъ моего благоволенія за оказанное ими въ семъ случаѣ усердіе и въ поощреніе и впредь съ такою же ревностью исправлять возложенныя на нихъ должности, произвелъ я ихъ всѣхъ въ слѣдующіе чины. Отставнаго же капитана Романова, котораго вы отличнѣе отъ всѣхъ рекомендуете, принимаю въ службу маіоромъ, опредѣливъ въ инженерной корпусъ.

2.

Вслѣдствіе донесенія отъ генералъ-лейтенанта Архарова о происшествіи, случившемся 27-го Декабря въ маскарадѣ, отставнаго маіора Шпренгпортена арестовавъ посадить на недѣлю на гаптвахту и дать знать отъ имени моего княжнѣ Волконской, что сіе дѣлается изъ уваженія къ ней. А вы впредь прикажите имѣть смотрѣніе, дабы никто въ маскарады безъ маскараднаго платья не ѣздилъ; „а въ противномъ случаѣ брать подъ караулъ, кто бы ни былъ".

С. П-Бургъ. Января 8-го 1798 года.

3.

По содержанію приложенной при семъ жалобы Московскаго купца Турчанинова, истребуйте у генерала князя Долгорукова письменный отвѣтъ, для чего онъ разборъ дѣла помянутаго купца Турчанинова съ купцомъ Пищальниковымъ поручилъ не тѣмъ людямъ, которымъ отъ меня приказано было, и оный отвѣтъ доставьте ко мнѣ съ возвращеніемъ и жалобы.

Въ С. П-бургѣ. Января 15-го 1798 года.

4.

По благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени нашей любезнѣйшей супруги ея величества императрицы, рожденіемъ намъ въ сей день сего Января мѣсяца сына, нареченнаго Михайломъ, сообщая вамъ сіе пріятное для насъ приключеніе, ознаменующее благодать Всевышняго къ намъ и дому нашему, повелѣваемъ вамъ извѣстить оное всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, въ командѣ вашей состоящимъ.

С. П-Бургъ. Января 28-го 1798 года.

5.

Вслѣдствіе донесеній вашихъ отъ 28-го Января, прапорщика Васильева, исключа изъ инвалидныхъ ротъ, опредѣлить въ Экспедицію Кремлевскаго строенія на ея содержаніе. Отставнаго подполковника Давыдова женѣ, по сношеніи съ ея роднею, опредѣлить пристойное содержаніе и смотрѣніе за ея поступками; а притомъ о состояніи ея предъявить для предупрежденія могущихъ быть на имя ея сдѣлокъ. Но все сіе учинить негласно. Гусарскаго Анненкова полка корнетъ Протопоповъ изъ службы исключается; а по иску на немъ купца Меера поступить съ нимъ по законамъ. О ли-

шеніи права опредѣленій избирательства и голоса исключенныхъ изъ службы былъ уже тотъ самый указъ, который вы прописываете и который можете еще разъ прочитать.

С. П-Бургъ. 3-го Февраля 1798 года.

6.

Отправьте немедленно сюда, съ однимъ изъ находящихся при васъ фельдъегерей, Астраханскаго гранодерскаго полка квартирмейстера Иванова, который и будетъ отданъ здѣсь въ Генералъ-Аудиторіатъ для учиненія надъ нимъ примѣрнаго наказанія.

С. П-Бургъ. 7-го Февраля 1798 года.

7.

За принятое радостное участіе городомъ Москвою въ дарованіи намъ Всевышнимъ великаго князя Михаила Павловича изъявите мое благоволеніе, кому слѣдуетъ.

С. П-Бургъ. 10-го Февраля 1798 года.

8.

Приложенное при семъ прошеніе губернскаго секретаря Страхова прикажите возвратить ему наддранное, подтвердя ему, чтобъ онъ, за сдѣланною на просьбѣ, поданной отъ него предмѣстнику вашему, надписью, отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ воздержался, подъ опасеніемъ непріятныхъ для себя послѣдствій.

Въ С. П-Бургѣ. Февраля 10-го 1798 года.

9.

Съ посланнымъ къ вамъ фельдъегеремъ препроводите полковника Коробьина въ Петербургъ для изслѣдованія его въ Генералъ-Аудиторіатѣ.

С. П-бургѣ. 14-го Февраля 1798 года.

10.

Вслѣдствіе донесеній вашихъ, подполковникъ Текутьевъ для того не получилъ отставки, что онъ ни въ какомъ полку не состоитъ, слѣдственно и въ спискахъ нигдѣ его нѣтъ; я же для исполненія прихотей его переводовъ и опредѣленій дѣлать не намѣренъ; росписаніе же эскадронныхъ командировъ, утвержденное мною, не слѣдовало никакому съ вашей стороны представленію. Дѣло вдовы титулярной совѣтницы Виль, яко судное, отдано на разсмотрѣніе генералъ-прокурору. Что̀ же касается до исполненія въ Москвѣ Санктъ-Петербургской полиціи публикаціи, то сіе не можетъ относиться какъ къ приказаніямъ общимъ, а не частнымъ.

С. П-бургъ. Февраля 17-го 1798 года.

11.

Употребленіе при строеніи казармъ отставнаго подполковника Гиршвельта предоставьте на волю Московскому дворянству.

С. П-бургъ. Февраля 24-го 1798.

12.

Дошедшее ко мнѣ прошеніе Калужскаго помѣщика отставнаго маіора Домогацкаго, въ которомъ онъ между прочихъ жалуется на

дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Остермана за неудовольствованіе его принадлежащаю ему частью изъ Московскаго каменнаго дома, купленнаго имъ у генеральши Похвисневой, препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналѣ для надлежащаго разсмотрѣнія и поступленія по законамъ.

Въ С. П-Бургѣ. Марта 2-го 1798.

13.

По случаю кончины ея королевскаго высочества вдовствующей герцогини Виртембергской, повелѣваемъ вамъ держаться тогожъ обряда, который наблюденъ былъ по кончинѣ супруга ея, покойнаго герцога Виртембергскаго. Указавъ возложить здѣсь трауръ 15-го сего мѣсяца, вы имѣете сообразоваться сему и въ Москвѣ.

Въ С. П-Бургѣ. Марта 14-го 1798.

14.

Вслѣдствіе донесеній вашихъ отъ 22-го Марта, Черноморскаго флота капитанъ-лейтенанта Лобысевича судить военнымъ судомъ на мѣстѣ. Отставнаго маіора князя Голицына прикажите лѣчить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь находится.

С. П-Бургъ. Марта 30-го 1798.

15.

По дошедшему къ намъ прошенію отъ княжны Багратіоновой объ освобожденіи ея и одноземцевъ ея, въ Москвѣ живущихъ, отъ постоя, повелѣваемъ вамъ войти въ разсмотрѣніе прежнихъ имъ пожалованныхъ привилегій, лично ли оныя на кого или на всѣхъ вообще Грузинъ простираются и представить намъ ваше по сему случаю мнѣніе.

Въ С. П-Бургѣ. Апрѣля 4-го 1798.

16.

Съ посланнымъ къ вамъ фельдъегеремъ отправьте сюда въ С. Петербургъ отставленнаго изъ кирасирскаго имени вашего полку маіора Спренгпортена.

С. П-Бургъ. 12-го Апрѣля 1798.

17.

Дошедшее до меня прошеніе отъ Задунайскаго жителя Грека Мустакова, жалующагося на Московскій городовой магистратъ и на 2-ой депертаментъ тамошней Палаты Суда и Расправы за послабленіе, оказанное имъ купецкой женѣ Гусятниковой, во взысканіи съ нея должныхъ ему по векселю денегъ, препровождаю къ вамъ въ оригиналѣ для надлежащаго разсмотрѣнія и доставленія просителю, яко иностранцу, безволокитнаго удовлетворенія по справедливости и законамъ.

Въ С. П-Бургѣ. Апрѣля 15-го 1798.

18.

Донесеніе ваше отъ 22-го Апрѣля я получилъ. Для Ордонансъгауза, назначеннаго быть въ Потѣшномъ дворцѣ, непремѣнно пере-

дѣлать и починить все то, что̀ къ лучшему употребленію его служить можетъ, и къ прибытію моему въ Москву, чтобы все окончено было.

Павловское. Апрѣля 28-го 1798.

19.

Изъ дошедшаго ко мнѣ отъ дѣвицы Алексѣевой прошенія видя, что дѣйствительный тайный совѣтникъ Свиньинъ, объявя согласіе свое на совершеніе брака сына своего съ просительницею, два раза въ томъ обманывалъ, повелѣваемъ, не смотря на упорство его, бракъ сей совершить до прибытія моего въ Москву.

Въ Павловскѣ. Апрѣля 28-го 1798.

20.

Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 3-го Маія о случившихся пожарахъ въ Московской губерніи, желаю знать, взятъ ли подъ караулъ *) крестьянинъ графа Румянцова, который былъ причиною одному изъ оныхъ. Ежели онъ не взятъ, то сіе немедленно исполнить.

Городъ Валдай. 7-го Маія 1798.

21.

По сдѣланному мнѣ донесенію отъ лейбъ-хирурга Блока о порядкѣ и благоустройствѣ, въ каковомъ нашелъ онъ въ Москвѣ осматриваемые имъ по волѣ моей госпитали, какъ главный и городовой, равно и состоящіе въ полкахъ имени вашего и генерала-лейтенанта Архарова 2-го, долгомъ поставляю изъявить вамъ за то мое благоволеніе, препоруча объявить оное моимъ именемъ и всѣмъ тѣмъ, до кого, по особому каждаго своей части надзиранію, сіе принадлежать будетъ.

Въ Володимирѣ. Маія 17-го 1798.

22.

Вслѣдствіе представленія вашего отъ 12-го Августа, тѣхъ Грузинъ, коихъ предки поселены были на Прѣснѣ, равно изъ нихъ же купившихъ тѣ дома, каковыхъ числомъ шестьдесятъ три, отъ постою уволить повелѣваю; а прочіе дома, кои по куплѣ или другимъ сдѣлкамъ состоятъ нынѣ во владѣніи разночинцевъ, такъ какъ и Грузинъ выстроившихся въ другихъ частяхъ города, или купившихъ дома отъ разночинцевъ, отъ онаго не освобождать.

Гатчино. 18-го Августа 1798.

23.

По поводу открывшейся заразительной болѣзни въ нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ губерній, желая предохранить отъ оной внутреннія наши губерніи, повелѣваемъ вамъ на всѣхъ трактахъ, отъ стороны Польши, Бѣлоруссіи, Крыма, Астрахани и Малороссіи въ Москву идущихъ, учредить въ пристойныхъ мѣстахъ карантины,

*) Извѣстно, что у государя были любимыя и опа́льныя слова́. Слово *караулъ* написано самимъ государемъ; вмѣсто того было въ подлинной бумагѣ написано *стражу*. *П. Б.*

къ которымъ определивъ известныхъ въ усердіи и способностяхъ чиновниковъ, приказать имъ съ проезжающими отъ тамошняго края разнаго званія людьми поступать по изданнымъ на таковые случаи предписаніямъ.

Сентября 11-го 1798. Въ Гатчине.

24.

Дошедшее ко мне прошеніе отъ Московскаго купца Керлиса о должныхъ ему по векселямъ камергеромъ Нарышкиномъ, маіоромъ княземъ Мещерскимъ и бригадиромъ Демидовымъ деньгахъ препровождаю къ вамъ въ оригинале для надлежащаго разсмотренія и поступленія во взысканіи техъ долговъ по законамъ, буде претензія окажется справедливою.

Гатчино. Сентября 20-го 1798.

25.

Узнавъ изъ рапорта Московскаго Опекунскаго Совета, что для воспитанія въ доме онаго младенцевъ оказывается въ кормилицахъ недостатокъ, и что, не смотря на разныя и знатныя выгоды, предоставленныя имъ, является весьма малое ихъ число, прошу васъ, по отношенію къ вамъ Опекунскаго Совета, подать оному нужныя пособія, а при томъ, разсмотревъ, отчего можетъ происходить подобный недостатокъ въ охотницахъ къ вступленію въ должность кормилицъ, принять зависящія отъ васъ меры для спасенія жизни несчастно-рожденныхъ младенцевъ.

Октября 4-го 1798-го года.

26.

Въ донесеніяхъ вашихъ о случающихся пожарахъ вы не означаете, сколько и какія для утушенія оныхъ употребляемы бываютъ воинскія команды; повелеваю вамъ впредь о семъ меня извещать.

С. П-Бургъ. 10-го Ноября 1798.

27.

На донесеніе ваше отъ 12-го Ноября объ оставшихся за продажею Гостиннаго двора 9-ти лавокъ, повелеваю вамъ объявить купеческому обществу, что я охотно отдаю ему сіи лавки безъ полученія за нихъ платы.

С. П-Бургъ. 15 Ноября 1798.

28.

Въ 18-ый день сего Мая наша любезная невестка великая княгиня Елисавета Алексеевна разрешилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки, а ихъ императорскимъ высочествамъ дочери, нареченной Маріею. Извещая васъ о семъ радостномъ происшествіи, уверены мы, что поспешите возвестить о немъ въ нашей столице для принесенія Всевышнему молитвъ благодаренія, по сношенію съ просвященнымъ Платономъ, митрополитомъ Московскимъ.

Маія 18-го 1799. Въ Павловске.

29.

Изобрѣтенный аптекаремъ Биндгеймомъ, новый способъ, столь полезный для государства моего, въ дѣланіи сахару, не заимствуясь изъ иностранныхъ земель пескомъ, изъ одной только бѣлой свеклы, я аппробуя, изъявляю за пріемлемыя въ семъ случаѣ со стороны вашей попеченія совершенное мое благоволеніе, каковое и за то изобрѣтеніе способа объявить оному аптекарю; а при томъ положите ваше мнѣніе, исключительную ли дать ему на сіе привилегію или, предоставя оное казнѣ, сдѣлать ему особливое какое награжденіе и мнѣ о семъ донесите.

Петергофъ. Іюля 5-го 1799.

30.

Усмотрѣно мною въ рапортѣ Рижскаго военнаго губернатора генерала Бенкендорфа, что ѣдетъ въ Бальдонъ отставной конной гвардіи штабъ-ротмистръ Раевскій по подорожной за подписаніемъ вашимъ: то повелѣваю вамъ быть впредь осторожнѣе и не давать безъ вѣдома моего паспорты на границу ѣдущимъ туда подъ видомъ болѣзни.

Петергофъ. 1799-го года Іюля 8-го дня.

31.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 26-го Іюля и для обдѣлки Кремлевскаго берега Москвы рѣки дикимъ камнемъ позволяю вамъ взять потребное количество буту и щебню изъ находящагося онаго въ вѣдомствѣ Кремлевской Экспедиціи.

Петергофъ. Августа 2-го 1799 года.

32.

Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 8-го Августа повелѣваю вамъ; 1) по просьбѣ Московскаго Купеческаго общества отдать имъ въ ихъ распоряженіе навсегда мытный и животинный дворы, безъ всякаго въ казну платежа; 2) женѣ генералъ-маіора князя Урусова позволяю отправиться въ Вѣну съ ея дѣтьми для совмѣстной жизни съ находящимся тамъ ея мужемъ; 3) находящагося въ инвалидномъ домѣ капитана Бурцова отпустите въ Бѣлгородъ на его собственное пропитаніе.

Г. Павловскъ. Августа 15-го 1799 года.

33.

Въ отвѣтъ на полученное мною письмо ваше объ учиненныхъ Московскими актерами предложеніяхъ увѣдомляю васъ, что я по сему предмету писалъ къ Николаю Ивановичу Маслову, который не оставитъ сообщить вамъ мои замѣчанія по симъ предложеніямъ.

„Поклонъ мой графинѣ".

Августа 19-го 1799 года.

34.

Генералъ-лейтенантъ графъ Ивеличъ I-ый просилъ меня быть воспріемникомъ новорожденнаго у него сына; то препоручаю вамъ исполнить оное за меня.

Гатчино. Октября 4-го 1799 года.

35.

Съ большимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ донесенія вашего отъ 3-го Октября новое доказательство усердія къ мнѣ Московскаго дворянства; объявите имъ именемъ моимъ, что я принимаю съ чувствительною благодарностью сей знакъ ихъ ко мнѣ привязанности, въ которой всегда увѣренъ, имѣвъ уже отъ нихъ не первый опытъ оной.

Гатчино. Октября 13-го 1799 года.

36.

По случаю неурожая хлѣба въ нѣкоторыхъ заграничныхъ мѣстахъ, возвышеніемъ на оный цѣнъ, чѣмъ болѣе подается способу къ выгодному сбыванію продукта сего за границу, тѣмъ паче почитаемъ мы нужнымъ подтвердить предосторожность, каковая при дозволеніи свободнаго выпуска хлѣба за границу предположена и единственно на попеченіе губернаторовъ по должности ихъ препоручена, чтобъ, польстясь корыстію, не произведено было собственнаго въ хлѣбѣ оскудѣнія. И для того многократныя предписанія, чтобы за годовыми обиходами и сѣменами, на случай въ собственномъ хлѣбѣ недорода или недостатка и даже дороговизны, оставалось онаго достаточно въ запасѣ, подтверждая симъ наисильнѣйше, возлагаемъ на точный отвѣтъ губернаторовъ наблюденіе неупустительное, чтобы оказаться могущее оскудѣніе въ хлѣбѣ заблаговременнымъ донесеніемъ отъ нихъ предохранено быть могло; каковое донесеніе и нынѣ ожидаемъ отъ васъ безъ промедленія, а впредь повелѣваемъ ежегодно и о всходѣ озими и о состояніи хлѣбовъ доносить намъ неупустительно.

С. П.-Бургъ. Января 9-го 1800 года.

37.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 18-го Января и апробую представленное вами, равно и планъ для отдѣлки остающагося Москворѣцкаго берега до Каменнаго моста, и построеніе моста черезъ Неглинную; слѣдующая же по смѣтѣ сумма на построеніе онаго ассигнована будетъ.

„О суммѣ снеситесь съ генералъ-прокуроромъ и съ г. казначеемъ, поставя на счетъ строевой годовой“.

С. П.-Бургъ. Января 24-го 1800 года.

38.

Повелѣваю вамъ увѣдомить меня, наблюдается ли, какъ слѣдуетъ, данное повелѣніе касательно всѣхъ исключенныхъ изъ службы,

дабы оные въѣзда не имѣли въ обѣ столицы имперіи, и подъ начальствомъ вашимъ въ Москвѣ исполняется ли сіе во всей силѣ.

С. П.-Бургъ. Января 27-го 1800 года.

39.

По полученіи сего имѣете вы немедленно отправить въ Шлюссельбургъ къ коменданту, съ присланными къ вамъ двумя фельдъегерями, титулярнаго совѣтника князя Барятинскаго и жену его, приставя къ нимъ оныхъ фельдъегерей, порознь.

С. П.-Бургъ. Января 31-го 1800 года.

40.

По учиненному вновь обязательству содержателя Петровскаго театра Медокса, предписавъ Московскому Опекунскому Совѣту отдать оный обратно въ полное его распоряженіе, прошу васъ оказывать оному все зависящее отъ васъ пособіе, что̀ послужитъ къ пользѣ Воспитательнаго Дома и тѣмъ къ моему удовольствію.

С. П.-Бургъ. Марта 27-го 1800 года.

41.

Снисходя на просьбу Московскаго купца Лекена, желающаго завесть въ Москвѣ домъ подъ названіемъ Музыкальной Академіи и просящаго на оное утвержденія, я, соизволяя, повелѣваю вамъ объ ономъ ему дать знать и домъ этотъ учредить на основаніи всѣхъ въ Москвѣ находящихся домовъ публичныхъ.

С. П.-Бургъ. Апрѣля 14-го 1800 года.

42.

По полученіи сего, повелѣваю вамъ объявить обоимъ братьямъ отставнымъ генераламъ отъ инфантеріи Архаровымъ повелѣніе мое выѣхать нимало не медля изъ Москвы въ свои деревни „въ Тамбовѣ“, гдѣ и жить имъ впредь до повелѣнія.

С. П.-Бургъ. Апрѣля 23-го 1800 года.

43.

Получа отъ тайнаго совѣтника князя Куракина аптекарскій счетъ на сдѣланіе деревяннаго моста въ Слободскомъ дворцовомъ саду чрезъ Яузу, который, по смѣтѣ мнѣ присланной, стоить будетъ восьми тысячъ шести сотъ двадцати одного рубля, препровождая къ вамъ при семъ и планъ и смѣту, повелѣваю въ разсужденіи только садоваго моста, который состоитъ въ вѣдѣніи его, князя Куракина, войдя въ расчетъ, сдѣлать другую смѣту и мнѣ прежде о томъ дать знать; что̀ жъ касается до другихъ поврежденныхъ половодіемъ мостовъ, то оные должны, какъ слѣдуетъ, построены быть городомъ.

С. П.-Бургъ. Маія 4-го 1800 года.

44.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 14-го Маія касательно смѣты для построенія моста черезъ рѣку Яузу въ Слободскомъ дворцовомъ саду и что уже издержано тайнымъ совѣтникомъ княземъ Куракинымъ на сію постройку тысячу рублей, то повелѣваю упо-

требить на сіе изъ казны еще тысячу рублей, а достальную сумму, что̀ по смѣтѣ выведена, взыскать съ князя Куракина и употребить на достройку сего моста.

Маія 19-го 1800 года. г. Павловскъ.

45.

Получилъ я донесеніе вашего отъ 14-го Маія касательно дурнаго поведенія и безпорядочной жизни отставнаго прапорщика Нелидова, находящагося въ инвалидномъ домѣ, то повелѣваю вамъ послать его въ Екатеринбургъ на работу.

Маія 21-го 1800 года. г. Павловскъ.

46.

Получилъ я изъ Звѣнигорода вздорную просьбу отъ исключеннаго изъ службы корнета Малиновскаго, то повелѣваю вамъ посадить его за оное на мѣсяцъ подъ караулъ на хлѣбъ и воду.

Маія 22-го 1800 года. г. Павловскъ.

47

Получилъ я донесеніе ваше отъ 21-го Маія касательно дурнаго всхода озими во всей Московской губерніи, то въ отвращеніе на случай неурожая, чтобъ не потерпѣли, какъ сельскіе, такъ и городскіе обыватели губерніи вамъ ввѣренной недостатка въ жизненныхъ припасахъ, повелѣваю вамъ взять заблаговременно всѣ мѣры, чтобы по всей Московской губерніи нигдѣ отнюдь никакого недостатку не было въ нихъ. Касательно же выдаваемыхъ вами паспортовъ за границу Россійскимъ купцамъ, то повелѣваю вамъ впредь безъ особеннаго моего повелѣнія никому не давать за границу паспортовъ.

Маія 25-го 1800 года. г. Павловскъ.

48.

Отставнаго корнета князя Голицына, вслѣдствіе донесенія вашего, за неисполненіе обѣщанія его жениться на дочери отставнаго же корнета Павловой, съ которой онъ уже былъ помолвленъ и за прочіе его противу ней дурные поступки, повелѣваемъ посадить въ смирительный домъ безъ срока. „А деньги или удовлетвореніе съ него взыскать“.

Петергофъ. Іюля 10-го дня 1800 года.

49.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 17-го Октября касательно поступковъ Коломенскаго земскаго комисара съ раскольниками, находящимися въ ономъ уѣздѣ, то я объ ономъ имѣлъ свѣдѣніе прежде полученія вашего рапорта и точно въ той силѣ, безъ всякой разницы, какъ вы доносили о семъ происшествіи, и похваляю все вами сдѣланное по сему случаю.

Октября 23-го 1800 года. г. Гатчино.

50.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 25-го Октября касательно скоропостижной смерти двороваго человѣка Григорьева и дѣвки Акимовой, послѣдовавшей имъ отъ отравленія мышьякомъ, въ коемъ увѣ-

домляете, что по сдѣланному слѣдствію виновные сего не открыты; а какъ таковое преступленіе нельзя оставить безъ отысканія виновныхъ, для поступленія съ ними по законамъ, то повелѣваю вамъ употребить всевозможное стараніе къ открытію ихъ и что̀ окажется, меня увѣдомить.

Октября 30-го 1800 года. г. Гатчино.

51.

Присланы къ вамъ будутъ изъ Адмиралтейской Коллегіи для жительства въ Москвѣ, впредь до повелѣнія, морской службы офицеры, коихъ именной списокъ препровождаю вамъ при семъ, и повелѣваю вамъ имѣть строжайшее смотрѣніе, какъ за ихъ пребываніемъ, такъ за поведеніемъ и перепиской ихъ.

Ноября 12-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

Списокъ генералитету штабъ и оберъ-офицерамъ, служащимъ во флотахъ Россійскихъ посланнымъ для жительства въ Москву, впредь до повелѣнія.

Вице-адмиралъ.	Тетъ.	
Контръ-адмиралы.	Вильсонъ.	Келли.
	Пристманъ.	Скотъ.
	Кроунъ.	Боиль.
Капитаны 1-го ранга.	Гилль.	Броунъ.
	Елліотъ.	Кровве.
Капитаны 2-го ранга.	Гелле.	Денъ.
	Мессеръ.	Муръ.
	Миллеръ.	Монкъ.
Капитанъ-лейтенанты:	Огильвій 2.	
	Мофетъ.	Бортвичъ.
	Розе.	Ерле.
	Ельфистонъ.	Фоллечъ.
	Гамельтонъ.	Мофетъ.
	Симме.	Гогартъ.
	Скиль.	Гравве.
	Бутлеръ.	Гальфъ.
	Кандлеръ.	Боедіе.
Лейтенанты:	Баргетъ.	
	Пильгардъ.	
	Мофетъ. Баллачъ.	

„Павелъ“:

52.

Полученнаго мною письма препровождаю вамъ при семъ копію и что̀ въ немъ найдете по содержанію онаго, повелѣваю вамъ отправить гарнизоннаго Рехенберха полку подполковника Айгустова въ то мѣсто, которое въ ономъ письмѣ означено.

Ноября 12-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

53.

По полученіи сего повелѣваю вамъ немедленно отправить въ Тулу оставшаго за реформою гарнизоннаго Рехенберха полку

аудитора Томина, которому и находиться тамъ при посланномъ туда подполковникѣ Айгустовѣ.

Ноября 23-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

54.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 28-го Ноября касательно старообрядцевъ, то по сему получите вы черезъ генералъ-прокурора генерала Обольянинова надлежащія мои повелѣнія.

Декабря 3-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

55.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 17-го Декабря и приложенные при ономъ рапорты отъ подполковника Айгустова препроводилъ я въ Генералъ-Аудиторіатъ, а какъ уже въ Тулѣ находится теперь комиссія для изслѣдованія о справедливости доноса, то и повелѣваю вамъ предписать подполковнику Айгустову и 14-го класса Никифорову относиться обо всемъ касающемся до ихъ доноса въ оную комиссію.

Декабря 21-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

56.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 24-го Декабря и соизволяю на представленіе ваше, чтобы позволить Англичанамъ, торгующимъ лошадьми, распродать оныхъ съ обращеніемъ получаемыхъ за оное денегъ въ Московскій Ратгаузъ, гдѣ и хранить ихъ впредь до повелѣнія. Капитана же 2-го ранга Огильвія 1-го и шкипера 9-го класса Гемсшина оставьте въ Москвѣ на основаніи даннаго мною вамъ повелѣнія 12-го Ноября нонѣшняго года касательно всѣхъ морскихъ офицеровъ-Англичанъ, въ службѣ нашей находящихся.

Декабря 28-го 1800 года. С. П.-Бургъ.

57.

Съ полученія сего повелѣваю вамъ во всѣ Агличанамъ принадлежащіе домы въ Москвѣ находящіеся ввести сильные постои и что̀ вами по сему сдѣлано будетъ мнѣ донести. „Сіе репрезайль“ *).

Генваря 10-го 1801 года. Въ С. П.-Бургѣ.

58.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 4-го Февраля и разсмотря подробно и съ прилежаніемъ планъ города Москвы, нахожу, что гораздо пристойнѣе будетъ построить Тверскіе ворота у самой заставы Тверской Ямской, такимъ образомъ, чтобы крылья оныхъ воротъ съ обѣихъ сторонъ примыкали къ самому валу, весь городъ окружающему, „чѣмъ городъ и будетъ замкнутъ“.

Февраля 8-го 1801 года. Въ Михайловскомъ замкѣ.

59.

Отдаю на ваше попеченіе обдѣлать берегъ Москвы-рѣки противу Воспитательнаго Дома точно такъ, какъ обдѣланъ берегъ противу Кремля, кромѣ деревьевъ, которыхъ можно и не сажать. Въ разсужденіи кошта, издержки класть въ общіе расходы, а отнюдь не требовать ничего изъ Воспитательнаго Дома.

Февраля 21-го 1801 года. Въ Михайловскомъ Замкѣ.

---

*) Т. е. это въ отместку.—Сдѣлали ли что̀ нибудь подобное Англичане съ Русскими въ Англіи, намъ неизвѣстно. *П. Б.*

АВТОБІОГРАФІЯ ГРАФА СЕМЕНА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА.

Знаменитый нашъ посолъ въ Лондонѣ графъ С. Р. Воронцовъ, племянникъ и воспитанникъ государственнаго канцлера Елисаветинскихъ временъ, графа Михаила Ларіоновича, не могъ, по своимъ связямъ, преданіямъ и образу мыслей, пользоваться личнымъ благорасположеніемъ Екатерины II-й. Общественнымъ и служебнымъ положеніемъ онъ обязанъ былъ своимъ личнымъ качествамъ; но эти качества находили себѣ оцѣнку не столько у самой государыни, какъ сначала у графа Румянцева-Задунайскаго, а потомъ у графа Безбородки. Оба эти лица, къ концу Екатерининскаго царствованія, ослабѣли въ правительственномъ значеніи своемъ, и нашъ Лондонскій посолъ очутился одинокъ: съ 1794 года покидаетъ службу и уѣзжаетъ въ Москву старшій его братъ, по дѣятельности своей (въ должностяхъ сенатора и президента Комерцъ-Коллегіи) бывшій лицомъ весьма вліятельнымъ въ высшихъ сферахъ управленія. Передъ самою кончиною Екатерины графъ Семенъ Романовичь очутился въ непріятныхъ отношеніяхъ съ княземъ Зубовымъ, сила котораго была такъ велика, что перечить ему значило выходить въ отставку, при чемъ могли потребовать его въ Россію, а путешествіе на ту пору было для него невозможно и по собственному разстроенному здоровью, и ради окончанія наукъ его сына. Внезапное воцареніе Павла измѣнило всѣ отношенія: фельдмаршалъ графъ Румянцевъ вызывался въ Петербургъ изъ своего Малороссійскаго бездѣйствія; графъ Безбородко воскресъ съ новою правительственною силою; ежедневнымъ вліятельнымъ собесѣдникомъ государя сдѣлался усердный корреспондентъ и восторженный почитатель графа Воронцова Ѳ. В. Ростопчинъ; самому графу Воронцову, въ первые же дни царствованія, пожалованъ чинъ полнаго генерала. Въ это именно время онъ получилъ отъ графа Ростопчина письмо (10 Ноября 1796) со слѣдующими строками: „Напишите мнѣ поскорѣе и изложите въ подробности ваши мысли. Скажите ваши мысли и чего вы хотите“. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ и послужила печатаемая здѣсь автобіографическая записка, которую графъ Воронцовъ писалъ безъ малаго два мѣсяца. Читатели сами оцѣнятъ историческую важность содержащихся въ ней показаній.—Французскій подлинникъ напечатанъ въ осьмой книгѣ Архива Князя Воронцова. *П. Б.*

*

Ричмондъ, 18 (29) Декабря 1796 года.

Вы спрашиваете меня, какія я имѣю намѣренія относительно самого себя. Я не могу и не желаю скрывать ихъ отъ друга, котораго столько люблю и уважаю, какъ васъ, и который принимаетъ столько участія во всемъ, меня касающемся; но, къ сожалѣнію, я вынужденъ буду утомлять васъ длиннымъ перечнемъ моихъ приключеній: ибо не могу поступить иначе. Вамъ нужно знать все, что̀ случилось со мною, мое прежнее и теперешнее положеніе; въ противномъ случаѣ вамъ непонятенъ будетъ образъ дѣйствій, котораго я долженъ держаться.

Мы узнали другъ друга въ Лондонѣ; мы связались дружбою, которая даже укрѣпилась, несмотря на разлуку, время и разстояніе, насъ разъединяющія; и, что̀ довольно рѣдко, эта дружба была и всегда будетъ основана на взаимномъ уваженіи. Когда вы прибыли въ Англію, я въ лицѣ вашемъ видѣлъ дворянина исполненнаго чести, офицера образованнаго, молодаго, усерднаго къ наукѣ, преданнаго своему Отечеству и одареннаго тѣмъ возвышеннымъ настроеніемъ души, при которомъ не всегда достигается удача въ жизни, и нерѣдко счастье измѣняетъ, но безъ котораго, ни на какомъ поприщѣ, нельзя быть достойнымъ отличія, уважаемымъ и великимъ. Вы увидѣли во мнѣ отставнаго солдата, человѣка брошеннаго, помимо воли его и очень поздно, уже на закатѣ дней, безъ всякой предварительной подготовки, на поприще совершенно чуждое его вкусамъ и привычкамъ; короче, политическаго новобранца, который приступалъ къ изученію своего дѣла на 44-мъ году жизни, и старался прилежнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и усердіемъ къ службѣ Отечеству вознаградить недостатокъ природныхъ и пріобрѣтаемыхъ способностей. Наши бесѣды касались Петербурга, покинутаго мною около 4-хъ или 5-ти лѣтъ тому назадъ, и который сдѣлался мнѣ уже незнакомъ вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ, происшедшихъ на этомъ вѣчно разнообразномъ и подвижномъ театрѣ; мы бесѣдовали и объ Англіи, которой вы еще не знали, по недавнему пріѣзду, и которая мнѣ становилась знакомою. Я никогда не говорилъ вамъ о себѣ и о своихъ невзгодахъ, потому что долженъ былъ говорить вамъ о томъ, что̀ вамъ нужнѣе было знать.

Теперь, когда ваша нѣжная дружба ко мнѣ побуждаетъ васъ освѣдомиться о моихъ предположеніяхъ, я нахожусь винужденнымъ подробно разсказать вамъ всѣ мои прежнія приключенія, дабы вы могли лучше понять мои виды и причины моихъ будущихъ дѣйствій. Это объясненіе, совершенно историческаго свойства, будетъ пространно; но вы не обязаны прочесть его разомъ. Вы прочтете на досугѣ и не торопясь, по полъ-страницѣ и въ теченіи 10 или 12 дней, какъ самъ я пишу: ибо мои глаза такъ ослабѣли, что я не могу много писать безъ утомленія и, начавши это письмо сегодня утромъ, я не знаю, окончу ли его въ 3 дня, или въ 5 или 8 дней. Вотъ предисловіе, черезъ чуръ длинное. Приступимъ къ дѣлу.

Съ самаго ранняго дѣтства я имѣлъ страсть и неодолимый порывъ къ военному ремеслу. Я нѣсколько лѣтъ былъ камеръ-пажемъ при императрицѣ Елисаветѣ и долженъ былъ, вмѣстѣ съ тремя товарищами, выдти въ гвардію, поручикомъ, 1-го Января 1762 года. Императрица скончалась недѣлею ранѣе. Спустя нѣсколько часовъ послѣ ея смерти, императоръ Петръ III, который очень благоволилъ ко мнѣ, произвелъ меня въ камеръ-юнкеры. Я умолялъ его не дѣлать изъ меня придворнаго, объясняя, что въ тысячу разъ больше желаю поступить въ гвардію поручикомъ, какъ мнѣ и слѣдовало по уставу. Онъ согласился, и я былъ совершенно счастливъ. Такъ какъ онъ часто производилъ ученіе своему Преобра-

женскому полку, гдѣ я находился въ первой гренадерской ротѣ, то онъ замѣтилъ мою страсть къ военному дѣлу и удвоилъ благосклонность ко мнѣ. Около первыхъ чиселъ Іюня, онъ объявилъ формально о томъ, что̀ было уже извѣстно, именно, что самъ отправится въ походъ противъ Даніи, что выступитъ впередъ, а гвардейскіе полки послѣдуютъ за нимъ. Въ тоже самое время я узналъ, что графъ Румянцевъ, командовавшій нашей арміей въ Помераніи, вскорѣ получитъ приказаніе пройти черезъ Мекленбургію для вступленія въ Голштинію и открытія военныхъ дѣйствій. Тогда я просилъ Его И. В-во о милости: послать меня курьеромъ къ графу Румянцеву, служить мнѣ при немъ охотникомъ до прибытія нашего полка, которое не могло состояться ранѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо я не желалъ терять это время въ походѣ, и мнѣ хотѣлось быть при началѣ военныхъ дѣйствій. Государь одобрилъ мое усердіе и даровалъ просимую милость. Изданъ былъ приказъ по полку: считать меня въ посылкѣ. Это было за три дня до переворота.

Наканунѣ этого ужаснаго дня, я простился съ родными и долженъ былъ выѣхать на другой день въ 8 часовъ утра въ Ораніенбаумъ, гдѣ находился Императоръ, чтобъ откланяться ему, получить приказанія къ графу Румянцеву и слѣдовать далѣе по пути на Нарву, Ригу, и проч. Но въ этотъ другой день, самый день переворота, когда я уже садился въ коляску, одинъ изъ моихъ родственниковъ, жившій въ домѣ моего отца, подошелъ и сказалъ мнѣ, что императрица находится въ Измайловскомъ полку, который шумно окружаетъ ее съ радостными кликами, провозглашая Государыней, и что ей присягаютъ; что цѣлыя толпы Семеновскаго полка бѣгутъ къ тому же мѣсту и присоединяются къ прочимъ; что онъ все это видѣлъ своими глазами и что, безъ сомнѣнія, совершился рѣшительный и заранѣе подготовленный переворотъ.

Мнѣ тогда было всего 18 лѣтъ; я былъ нетерпѣливъ какъ Французъ и вспыльчивъ какъ Сициліецъ. Я пришелъ въ невыразимую ярость при этомъ извѣстіи, обнаружившемъ мнѣ всю важность измѣны, которая мнѣ стала болѣе понятна, чѣмъ самому разскащику, такъ какъ я зналъ кое-какія обстоятельства, пояснявшія дѣло. Полагаясь однакоже на вѣрность Преображенскаго полка, я не думалъ, чтобъ мятежники могли имѣть перевѣсъ. Я поскакалъ къ этому полку, который оказался уже въ сборѣ, въ наилучшемъ порядкѣ и готовымъ выступить колоннами. Во ста шагахъ отъ моей роты, находившейся во главѣ полка, я встрѣтилъ нѣсколько офицеровъ, собравшихся въ кружокъ, между прочими Бредихина, Баскакова, князя Ѳ. Барятинскаго. Послѣдній былъ подпоручикомъ въ моей ротѣ. Я спрашиваю ихъ, знаютъ-ли они о томъ, что̀ происходитъ въ двухъ другихъ полкахъ, и высказываю имъ о поступкѣ мятежниковъ, все, что̀ крайняя раздражительность моего характера внушаетъ мнѣ въ эту минуту при чемъ выражаю увѣренность, что они, и вмѣстѣ съ ними весь нашъ полкъ, мы подадимъ примѣръ вѣрности прочимъ войскамъ, бывшимъ въ городѣ. Они мнѣ ничего не отвѣчали и глядѣли другъ на друга, блѣдные,

разстроенные. Я принялъ ихъ только за трусовъ, не зная, что они были сообщниками въ мятежѣ. Отвернувшись отъ нихъ, я поспѣшилъ обнять моего капитана, Петра Ивановича Измайлова, одного изъ храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ нашего несчастнаго Государя. Онъ гнушался тѣмъ, что̀ происходило, готовъ былъ умереть за вѣрность своему долгу и надѣялся, также какъ и я, что полкъ не увлечется. Мы, на Французскомъ языкѣ, уговорились внушать вѣрность нашимъ гренадерамъ, и пошли по рядамъ, увѣщевая ихъ остаться вѣрными законному Государю, которому они присягали, и объясняя имъ, что онъ племянникъ императрицы Елисаветы, сынъ старшей дочери Петра I-го и, слѣдовательно, внукъ этого великаго основателя имперіи; что лучше умереть честно, вѣрнымъ подданнымъ и воиномъ, чѣмъ присоединиться къ измѣнникамъ, которые будутъ побѣждены: ибо примѣръ нашего полка ободритъ линейные полки къ исполненію долга. „Мы умремъ за него“ отвѣчали они, и этотъ возгласъ насъ обрадовалъ въ высшей степени.

Въ это самое время секундъ-маіоръ полка, Петръ Петровичъ Воейковъ, почтеннѣйшій человѣкъ и преданнѣйшій своему Государю, проскакалъ вдоль полка, восклицая: „Ребята! не забывайте вашу присягу къ законному вашему государю императору Петру Ѳедоровичу, умремъ или останемся ему вѣрны!“ Онъ остановился, чтобъ поговорить съ нами, протянулъ намъ руку и прослезился отъ радости, видя, что мой капитанъ и я одушевлены тѣми-же чувствами чести, какъ и онъ. Потомъ онъ скомандовалъ: ступай! и мы пошли къ Казанскому собору, гдѣ, какъ намъ сказали, уже находилась Императрица и совершалось молебствіе. Мы надѣялись, секундъ-маіоръ, капитанъ, и я, что при первомъ окликѣ нашъ полкъ единогласно воскликнетъ: Да здравствуетъ Императоръ Петръ Ѳедоровичь! и что мы, по первомъ выстрѣлѣ на насъ со стороны мятежниковъ, за невозможностью для насъ стрѣлять (такъ какъ мы, выступая по Невскому проспекту, могли только идти колонною), ударимъ на нихъ въ штыки всею тяжестью нашей колонны, сомнемъ ихъ и уничтожимъ: ибо они толпились въ разстройствѣ, безъ рядовъ и линій, какъ мужики, собранные случайно и большею частью въ пьяномъ видѣ; мы же были въ стройномъ порядкѣ. Но Провидѣніе рѣшило иначе. Нѣкто князь Меншиковъ, премьеръ-маіоръ въ нашемъ полку, неспособный отъ природы, преданный пьянству, не имѣвшій никакого значенія и терпимый на службѣ только по состраданію и снисхожденію Императора, вдругъ появился, безъ сомнѣнія подстрекаемый мятежниками, въ тылу колонны, и воскликнулъ: „Виватъ Императрица Екатерина Алексѣевна, наша Самодержица!“ Это было электрическимъ ударомъ. Вся колонна повторила это восклицаніе. Секундъ-маіоръ, капитанъ и я, тщетно усиливались удержать этотъ порывъ. Мы находились уже въ пятидесяти шагахъ отъ двухъ другихъ полковъ, но всѣ усилія наши были безполезны, и я не знаю, какъ и почему случилось, что насъ не убили. Воейковъ, возмущенный этимъ зрѣлищемъ, бросилъ свою шпагу, крикнулъ изо всѣхъ силъ: „Ступайте къ чорту, канальи,

измѣнники; я съ вами не буду!", затѣмъ поворотилъ лошадь и поѣхалъ домой, гдѣ его вскорѣ арестовали, какъ я узналъ впослѣдствіи.

Не смотря на мою молодость и крайнее раздраженіе, я внезапно возымѣлъ хорошую мысль: бросивъ ружье и гренадерскую офицерскую шапку, я рѣшился сквозь толпу побѣжать къ рѣкѣ, отдать первому встрѣчному лодочнику 10 или 12 имперіяловъ, бывшихъ у меня въ карманѣ, и плыть къ Ораніенбауму, гдѣ находился Императоръ, который могъ-бы еще, проѣхавъ въ Нарву, найти тамъ войска, воодушевить ихъ своимъ присутствіемъ и по крайней мѣрѣ прикрыть свой путь, еслибъ онъ рѣшился немедленно отправиться въ армію, бывшую за границей подъ начальствомъ такого великаго и вѣрнаго полководца, какъ графъ Румянцевъ. Но едва мнѣ пришла эта мысль, и я усиливался пробраться сквозь толпу, какъ вдругъ я почувствовалъ, что меня хватаютъ за воротъ. Я вынулъ шпагу изъ ноженъ, обернулся и нанесъ ударъ, который скользнулъ по шляпѣ и по плечу моего дерзкаго противника. Это былъ офицеръ Измайловскаго полка. Онъ закричалъ: „Схватите его!" Меня окружили и задержали одинъ унтеръ-офицеръ и шесть мушкетеровъ этого полка, а офицеръ отдалъ приказъ: „Отведите его въ зимній дворецъ и держите подъ карауломъ".

Приведенный въ какой-то уголъ на гауптвахтѣ этого дворца, я не упалъ духомъ и началъ говорить унтеръ-офицеру и шести мушкетерамъ, какъ человѣкъ увѣренный въ томъ, что ихъ предпріятіе окончится дурно, и что законный Государь останется побѣдителемъ. Такъ какъ мнѣ ничего не отвѣчали, то это ободрило меня продолжать мое увѣщаніе, и я даже предложилъ имъ отпустить меня или слѣдовать за мною до первой лодки. Я обѣщалъ унтеръ-офицеру повышеніе по службѣ, а солдатамъ предлагалъ мои имперіалы, отъ которыхъ они, повидимому, не отказались бы; но начальникъ ихъ остался непреклоненъ. Онъ приказалъ мнѣ молчать и велѣлъ позвать другаго сержанта (который, кажется, былъ однимъ изъ мятежниковъ) поручилъ ему команду и удалился. Я понялъ, что онъ пошелъ рапортовать о случившемся.

По прошествіи 4-хъ или 5-ти часовъ и по возвращеніи унтеръ-офицера, я былъ отведенъ моею стражею въ домъ, принадлежавшій дворцовому вѣдомству, напротивъ стараго деревяннаго дворца, и отданъ подъ караулъ офицера Семеновскаго полка съ командою изъ одного сержанта и 6 или 8 солдатъ. Офицеръ находился и спалъ со мною въ одной комнатѣ, а передняя была занята солдатами. Это былъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ, который въ обращеніи со мною явилъ много человѣколюбія и кротости, хотя я прежде никогда не былъ съ нимъ знакомъ, между тѣмъ какъ его начальникъ князь Черкасскій, маіоръ конногвардейскаго полка, имѣвшій главный надзоръ надъ политическими плѣнниками, при каждомъ своемъ появленіи, обращался ко мнѣ съ самыми грубыми рѣчами, которыя съ моей стороны не оставлялись безъ отпора, такъ какъ я не могъ совладѣть съ моимъ пылкимъ и чувствительнымъ характеромъ.

Я теперь уже не помню, оставался ли я въ такомъ положеніи 8, или 10, или 12 дней; знаю только, что былъ выпущенъ изъ подъ ареста черезъ два дня послѣ кончины Императора. Г. Порошинъ, бывшій флигель-адъютантомъ при Императорѣ, пришелъ сказать мнѣ, что ему приказано возвратить мнѣ шпагу, и что Императрица повелѣла, чтобъ я вернулся домой и продолжалъ службу.

Тогда я узналъ о подробностяхъ событія и о смерти Государя. Я также узналъ, что одинаковой со мною участи подверглись только секундъ-маіоръ Воейковъ, мой капитанъ Измайловъ и Иванъ Ивановичъ Черкасовъ штабсъ-капитанъ 1-й мушкетерской роты, гдѣ самъ Императоръ былъ капитаномъ.

Прибывши въ нашъ домъ, я нашелъ въ немъ множество солдатъ: ибо мой отецъ и моя сестра были тоже арестованы, отдѣльно другъ отъ друга. Первый былъ высланъ въ Москву, а сестру отправили въ деревню за Москвою. До моего свѣдѣнія дошло, что и къ дому моего дяди, великаго канцлера, на нѣсколько дней приставляли офицера, якобы для того, чтобы оберегать его отъ народа, который, однакожъ, ничего противъ него не имѣлъ и не помышлялъ его безпокоить; но вы знаете, съ какою благородною твердостью мой дядя велъ себя во время переворота [1]).

Оставшись въ домѣ одинокимъ и не желая болѣе служить, я сказался больнымъ, и дѣйствительно чувствовалъ себя нездоровымъ: ибо въ моей легковоспалимой крови все видѣнное и претерпѣнное мною произвело лихорадочное состояніе, вслѣдствіе котораго я написалъ къ моему дядѣ и просилъ его исходатайствовать мнѣ дозволеніе отправиться въ Англію, гдѣ находился братъ мой въ качествѣ посланника. Дядя обѣщалъ исполнить мою просьбу, но, зная пылкость моего нрава, пожелалъ поручить меня надзору человѣка пожилыхъ лѣтъ, который могъ бы внушать мнѣ болѣе покорности, чѣмъ братъ мой. Онъ испросилъ дозволеніе отправить меня въ Вѣну, совѣтникомъ посольства, къ князю Голицыну, котораго особенно уважалъ. Я поспѣшилъ выѣхать, обрадованный возможностью оставить Россію. Спустя 15 или 16 мѣсяцевъ, дядя мой проѣзжалъ черезъ Вѣну въ Италію, путешествуя для поправленія здоровья; я поѣхалъ съ нимъ, посѣтилъ Францію, Берлинъ, гдѣ онъ прожилъ четыре мѣсяца и, возвращаясь въ Россію, привезъ меня съ собою.

Такъ какъ служба въ гвардіи мнѣ опротивѣла, то я хотѣлъ выдти въ отставку; но дядя не дозволилъ мнѣ этого, и потому я изъ Берлина послалъ прошеніе о переводѣ моемъ въ армейскій полкъ.

---

[1]) Графъ М. Л. Воронцовъ не захотѣлъ присягать Екатеринѣ, объявивъ, что у него есть законный Государь, которому онъ уже присягалъ. Между тѣмъ всѣ дипломатическія сношенія были въ его рукахъ. Увѣряютъ, будто этотъ отзывъ побудилъ Орлова и князя Барятинскаго поспѣшить развязкою. Дѣйствительно, графъ Воронцовъ возобновилъ свою канцлерскую дѣятельность, какъ только получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Петра III-го (см. Архивъ Князя Воронцова, книгу 7-ю). *П. Б.*

Это было въ 1766 году. Я былъ третьимъ поручикомъ; мнѣ слѣдовало производство въ штабсъ-капитаны, на что̀ имѣлось пять вакансій и, по тогдашнему обычаю, я долженъ былъ выдти въ подполковники по докладу на новый годъ; но меня произвели только въ премьеръ-маіоры, съ зачисленіемъ въ 4-й гренадерскій полкъ. Почувствовавъ эту обиду, отъ которой графъ Захаръ Чернышевъ [2]), тогда любившій меня, не могъ меня оградить (ибо это совершилось именнымъ указомъ), я болѣе года терпѣливо сносилъ ее, и наконецъ вышелъ въ отставку, несмотря на возраженія графа Чернышева, и послѣдовалъ за дядей, который тоже оставилъ службу, въ Москву и въ его имѣнія. Я жилъ въ его домѣ. Онъ смотрѣлъ на моего брата и на меня, какъ на своихъ сыновей, и мнѣ суждено было горе —видѣть смерть этого дяди, человѣка самой возвышенной души между его современниками. Какъ онъ достойно показалъ себя въ день переворота и впослѣдствіи при очень важномъ случаѣ, во время пребыванія Императрицы въ Москвѣ по случаю ея коронованія! [3])

Послѣ его смерти, я вернулся въ Петербургъ; братъ мой возвратился изъ посольствъ, и я жилъ спокойно въ обществѣ родственниковъ и нѣкоторыхъ близкихъ друзей. Я обожалъ женщину, которая доставляла мнѣ полное счастіе своею любовью [4]). Между тѣмъ Турки объявили намъ войну, подъ конецъ осени 1768-го года. Я не могъ устоять противъ моей врожденной страсти къ военному дѣлу: она пробудилась во всей силѣ, заглушая въ моей душѣ всякое иное чувство. Я поспѣшилъ къ графу Чернышеву, которому высказалъ, что желаю вновь поступить на службу и тотчасъ отправиться въ армію. Онъ одобрилъ мое намѣреніе, увѣрилъ меня, что старшинство, отнятое у меня при выходѣ моемъ изъ гвардіи, будетъ мнѣ возвращено; что онъ, конечно, представитъ обо мнѣ какъ о единственномъ офицерѣ, который, по случаю войны, пожелалъ вновь поступить на службу, тогда какъ со всѣхъ сторонъ сыплются просьбы объ увольненіи, которыхъ получено уже болѣе 400-тъ: это были его подлинныя слова. Но меня приняли на службу только подполковникомъ, т. е. тѣмъ чиномъ, который я получилъ при выходѣ изъ гвардіи. Графъ Чернышевъ обидѣлся моимъ отказомъ быть подполковникомъ въ Петербургскомъ полку (его любимомъ, потому что онъ прежде былъ его полковникомъ), а какъ онъ спрашивалъ меня о причинѣ, то отвѣтъ показался ему еще обиднѣе этого отказа: я высказалъ ему, что, имѣя цѣлью служить и пріобрѣсти опытность въ военномъ дѣлѣ, я желаю находиться въ арміи графа Румянцева, а не князя Голицына, къ которой, какъ мнѣ было извѣстно, принадлежалъ Петербургскій полкъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ гнѣвно и су-

---

[2]) Президентъ Военной Коллегіи. *П. Б.*

[3]) Говорится вѣроятно о замыслѣ графа Бестужева сочетать бракомъ Екатерину съ кн. Г. Г. Орловымъ, что̀ было устранено графомъ М. Л. Воронцовымъ и А. Г. Разумовскимъ. Объ этомъ предположеніи упоминаетъ самъ кн. Г. Г. Орловъ въ одной запискѣ, напечатанной въ VII томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества, стр. 290. *П. Б.*

[4]) Говорится о возвышенной платонической страсти графа Семена Романовича, къ двоюродной сестрѣ, графинѣ А. М. Строгоновой. *П. Б.*

хо: „Ступайте же въ вашу любимую армію, но вы въ ней будете сверхштатнымъ, ибо нѣтъ вакансій“, послѣ чего повернулся ко мнѣ спиною. Я зналъ, что онъ всегда втайнѣ завидовалъ моему герою; но мнѣ показалось чрезвычайно низкимъ съ его стороны ненавидѣть желающихъ служить подъ начальствомъ того, кому онъ завидовалъ.

Я поѣхалъ въ армію. Графъ Румянцевъ отдалъ мнѣ подъ команду гренадерскій баталіонъ и былъ такъ доволенъ моимъ усердіемъ къ службѣ и моею исправностью, что когда, подъ конецъ похода, ему предписано было отправиться лично и съ своимъ штабомъ къ первой арміи для замѣщенія князя Голицына, то онъ удостоилъ взять съ собою меня и покойнаго г. Ельчанинова, подполковника кавалеріи. Тамъ онъ опредѣлилъ меня въ комплектъ 3-го гренадерскаго полка и назначилъ меня командиромъ одного батальона. Такимъ образомъ я участвовалъ въ главномъ походѣ 1770-го года, находясь постоянно въ авангардѣ, подъ начальствомъ генерала Бауера. Я былъ во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ принимала участіе вся армія, и въ нѣсколькихъ другихъ, гдѣ дѣйствовалъ одинъ авангардъ. Графъ Румянцевъ, въ донесеніи ко двору, съ похвалой упомянулъ о моемъ поведеніи, когда я, за нѣсколько дней до битвы при Ларгѣ, былъ отряженъ съ 200 егерей чтобы сбить съ позиціи отъ 2-хъ до 3-хъ тысячь Турковъ, которые, засѣвъ въ кустарникѣ вдоль фронта всей арміи, подстрѣливали нашихъ людей, какъ утокъ, что̀ крайне безпокоило весь лагерь; я исполнилъ это предпріятіе удачно и сбилъ непріятеля. Онъ также съ похвалой отозвался обо мнѣ за битву при Ларгѣ, что̀ доставило мнѣ крестъ 4-й степени; а въ сраженіи при Кагулѣ онъ былъ такъ доволенъ мною за то, что, бывъ отряженъ отъ авангарда съ моимъ батальономъ, я первый вступилъ въ непріятельскій ретраншаментъ, гдѣ завладѣлъ слишкомъ 40 пушками и отбилъ два знамени Московскаго полка, бывшаго подъ командой Бороздина и разбитаго Турками за четверть часа передъ тѣмъ; онъ, говорю я, былъ такъ доволенъ мною и Ельчаниновымъ (который одинъ съ тремя эскадронами отличился изо всей Русской кавалеріи, дѣйствовавшей въ этотъ день слабо), что, составляя на самомъ полѣ сраженія краткій рапортъ Императрицѣ, въ 12 или 15 строкахъ, съ обѣщаніемъ выслать подробную реляцію впослѣдствіи, онъ, однакожъ, упомянулъ о насъ обоихъ исключительно, съ отличною похвалою. По полученіи реляціи, Императрица сдѣлала его фельдмаршаломъ, а мы были произведены въ полковники; кромѣ того, я получилъ крестъ 3-й степени.

Съ того времени прекратились мои успѣхи на военномъ поприщѣ, и начался для меня рядъ неудачъ по службѣ: ибо послѣ этой кампаніи, не смотря на свое усердіе, на одобреніе и похвальные отзывы фельдмаршала, меня постоянно обходили наградами. Во время военныхъ дѣйствій подъ Силистріей, мой полкъ, бывшій не въ полномъ составѣ и имѣвшій въ строю не болѣе 600 человѣкъ, находясь въ авангардѣ и отряженный съ цѣлью прикрытія работъ

по устройству лагеря для этого авангарда, былъ окруженъ слишкомъ 10 тысячами Турковъ и защищался съ изумительною храбростью, пока не было прислано мнѣ, часа черезъ полтора, подкрѣпленіе. Князь Потемкинъ, который, вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Ступишина, былъ очевидцемъ этого дѣла, сталъ оказывать мнѣ дружеское расположеніе, хотя не любилъ меня. Это было 12-го Іюня; мой премьеръ-маіоръ Олсуфьевъ былъ убитъ возлѣ меня, и я думалъ, что мы всѣ ляжемъ на мѣстѣ. Шесть дней спустя, всею арміею совершено было наступленіе на Силистрію, и мой полкъ вмѣстѣ съ Куринскимъ высланъ былъ для прикрытія корпуса князя Потемкина, половина котораго была разбита Турками; тогда мы не только прикрыли этотъ корпусъ, но и прогнали Турковъ въ городъ и сохранили нашу позицію, несмотря на дѣйствіе трехъ батарей, причинявшихъ большую убыль въ нашихъ рядахъ, тогда какъ мы не могли отвѣчать на пальбу. Мы провели часовъ 6 или 7 на этой позиціи, послѣ чего фельдмаршалъ приказалъ намъ возвратиться въ лагерь. На пути мы были атакованы отрядомъ, который былъ высланъ визиремъ на помощь Силистріи и состоялъ изъ 12 тысячъ самой лучшей Турецкой конницы, подъ начальствомъ храбрѣйшаго вождя ихъ Черкесъ-паши. Это было на совершенно гладкой равнинѣ, гдѣ кавалерія могла удобно дѣйствовать противъ двухъ полковъ неполнаго состава, изнуренныхъ непрерывными усиліями съ 2-хъ часовъ утра до 6-ти пополудни, при чемъ мы всѣ были голодные; однакоже, мы разбили эту отборную конницу и заставили ее обратиться вспять, что̀ спасло корпусъ князя Потемкина, противъ котораго она была направлена, и который не могъ еще придти въ порядокъ послѣ утренняго разгрома. А что̀ еще важнѣе, это спасло драгоцѣнную особу фельдмаршала; ибо онъ находился позади насъ въ одной верстѣ, возвращаясь къ лагерю въ сопровожденіи около тридцати человѣкъ. Мы остановили напоръ непріятеля и, благодаря открытому нами сильному огню, фельдмаршалъ имѣлъ время и возможность взять влѣво и спуститься по лѣсистымъ оврагамъ къ лагерю, куда и прибылъ невредимо.

Я ссылаюсь на фельдмаршала [5]) и на всю армію какъ на свидѣтелей того, что̀ я говорю вамъ. Графъ Самойловъ можетъ тоже подтвердить вамъ это, ибо онъ былъ прапорщикомъ гвардіи или адъютантомъ при своемъ дядѣ [6]); я помню, что когда въ этотъ день 18-го Іюня я двинулся для прикрытія разбитаго корпуса его дяди, онъ служилъ мнѣ проводникомъ и указывалъ мнѣ путь; и я долженъ сознаться, что, никогда не видавши его прежде, я былъ пораженъ мужествомъ и хладнокровіемъ этого молодаго офицера, ибо онъ былъ тогда очень молодъ. За эти дѣла, 12-го и 18-го, фельдмаршалъ высказалъ мнѣ самыя лестныя похвалы, привѣтствовалъ всѣхъ моихъ офицеровъ и благодарилъ гренадеръ. Онъ горячо реко-

---

[5]) Когда писаны были эти строки, графъ Воронцовъ не зналъ, что фельдмаршалъ графъ Румянцевъ уже скончался (4 Декабря 1796). *П. Б.*

[6]) Т. е. при Потемкинѣ. *П. Б.*

мендовалъ меня Императрицѣ, которая поручила графу Чернышеву поднести ей для подписанія указъ о пожалованіи меня въ бригадиры. Послѣдній отвѣчалъ, что не преминетъ это сдѣлать, но замедлилъ исполненіемъ, далъ остыть этому первому пылу и поднесъ указъ спустя цѣлую недѣлю, замѣчая при томъ, что если она его подпишетъ, то нѣсколько полковниковъ, старшихъ меня по службѣ, выдутъ въ отставку, и она указа не подписала. Это разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи г. Стрекаловъ, бывшій тогда секретаремъ Совѣта.

Спустя два мѣсяца послѣ этого дѣла, Павелъ Потемкинъ, бывшій поручикомъ гвардіи, когда я былъ уже полковникомъ, получилъ званіе камеръ-юнкера и произведенъ въ бригадиры; Гартвисъ и Бредихинъ также удостоены бригадирскаго чина единственно за то, что были зрителями дѣйствій нашей эскадры въ Архипелагѣ, хотя были только капитанъ-лейтенантами въ 1770 г., когда я состоялъ въ чинѣ полковника. Все это внушило мнѣ отвращеніе къ службѣ, которую я покинулъ бы, еслибъ меня не удерживалъ фельдмаршалъ и еслибъ я не считалъ безчестнымъ покидать армію въ военное время. Наконецъ миръ былъ заключенъ въ Кайнарджи (при чемъ мнѣ отъ фельдмаршала поручено было изложить всѣ статьи на Итальянскомъ языкѣ, согласно Турецкому обычаю). Князь Репнинъ, графъ Завадовскій и я были единственными лицами, избранными фельдмаршаломъ для участія въ этомъ славномъ дѣлѣ, и я ссылаюсь на нихъ обоихъ, что фельдмаршалъ непремѣнно хотѣлъ послать меня съ извѣщеніемъ о мирѣ, что я упорно отказывался, считая эту честь принадлежащею его сыну, и что лишь послѣ многихъ настояній съ его стороны и упорныхъ отказовъ съ моей, онъ послалъ своего сына, который въ предъидущую кампанію былъ подполковникомъ, тогда какъ я былъ уже четыре года полковникомъ, и фельдмаршалъ постоянно отличалъ меня. Это порученіе доставило графу Михаилу чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Александра Невскаго. Недѣлею позже, фельдмаршалъ послалъ меня съ княземъ Репнинымъ отвезти мирный договоръ съ ратификаціей визиря. Князь былъ произведенъ въ генералъ-аншефы, а я въ бригадиры, хотя князь не скрывалъ, что я участвовалъ въ изложеніи статей трактата, и что я изъ одной деликатности не пожелалъ привезти первое извѣстіе о мирѣ.

Князь Потемкинъ, котораго значеніе при дворѣ начиналось, устыдился сдѣланнаго мнѣ вреда, вспомнивъ, что я въ предъидущую кампанію выручилъ его изъ бѣды подъ Силистріей, и сталъ оказывать мнѣ особенную ласку, обѣщая множество выгодъ въ будущемъ; но намекалъ мнѣ, чтобъ я согласился поступить премьеръ-маіоромъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ, въ которомъ онъ самъ былъ подполковникомъ. Такъ какъ мое нерасположеніе къ гвардейскимъ полкамъ, по воспоминаніямъ 1762-го года, было еще живо (и, между нами будь сказано, доселѣ существуетъ), то я отклонилъ это предложеніе; а какъ я не могъ обнаруживать передъ нимъ угодливости, который никогда не являлъ

никому, то онъ принялъ отсутствіе низости въ моемъ характерѣ за высокомѣріе и надменность. Онъ отмѣтилъ меня въ своемъ умѣ какъ человѣка, ни на что ему не пригоднаго и, сохраняя относительно меня наружные пріемы вѣжливости и даже вниманія, поставилъ себѣ за правило унижать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Я возвратился въ армію, гдѣ фельдмаршалъ, заключивъ конвенцію объ очищеніи Молдавіи въ возможно-лучшемъ порядкѣ, для охраненія области отъ разграбленія, раздѣлилъ свои войска на нѣсколько колоннъ, которыя поручилъ начальству тѣхъ, кому онъ наиболѣе довѣрялъ. Одна изъ этихъ колоннъ была отдана подъ мою команду. Возвратясь въ Польшу, фельдмаршалъ получилъ приказаніе отправить въ Москву, для торжественнаго празднованія мира, 1-й и 3-й гренадерскіе полки, пѣхотный С.Петербургскій и Сумскій гусарскій, командиромъ котораго былъ слишкомъ извѣстный Тутолминъ. Фельдмаршалъ поручилъ мнѣ начальство надъ этими четырьмя полками, а я провелъ ихъ черезъ Польскія воеводства въ такой строгой дисциплинѣ, что не было взято ни одного яйца, за которое не заплатили-бы, и воеводства, не привыкшія къ подобнымъ порядкамъ, письменно благодарили фельдмаршала и высылали ко мнѣ множество депутацій съ самыми лестными изъявленіями. Между Черниговомъ и Сѣвскомъ примкнули къ моему отряду 680 рекрутъ, а между Сѣвскомъ и Москвою я получилъ сукна для обмундированія войскъ, съ приказаніемъ ускорить переходы и вступить въ новыхъ мундирахъ. И такъ, я не имѣлъ возможности упражнять моихъ рекрутъ на походѣ, а тѣмъ менѣе производить маневры, требующіе полнаго полковаго сбора, и мои старые солдаты на дневкахъ исправляли должность портныхъ. Поэтому я не могъ помышлять объ упражненіи людей въ чемъ-либо иномъ, кромѣ маршировки повзводно. Прибывъ въ Москву, я представилъ князю Потемкину о состояніи моего полка, и онъ далъ мнѣ слово, что до истеченія трехъ мѣсяцевъ ему не будетъ произведено развода или инспекторскаго смотра. Полкъ вступилъ въ парадной формѣ и прошелъ церемоніяльнымъ маршемъ вполнѣ удовлетворительно; но, 10 дней спустя, князь Потемкинъ, вопреки данному слову, прислалъ вечеромъ сказать мнѣ, что на другой день Императрица со всѣмъ дворомъ будетъ присутствовать при разводѣ и маневрахъ полка. Тогда я понялъ, что онъ хочетъ уронить меня въ общественномъ мнѣніи, которое ранѣе меня извѣстилось объ инспекціи полка, но ничего не знало о его состояніи. Я безропотно принялъ этотъ предательскій ударъ, и полкъ былъ выведенъ для развода и маневровъ на лугу противъ Коломенскаго, гдѣ, сверхъ всякаго ожиданія и къ моему великому удивленію, все обошлось довольно хорошо, что̀ было приписано искусству офицеровъ, устранившихъ своими распоряженіями безпорядокъ, неизбѣжный при такомъ сбродѣ рекрутъ. Потемкинъ ничего не понималъ въ пѣхотной службѣ, а Императрица еще менѣе, и потому они нашли удовлетворительнымъ то, что̀ было только посредственно. Уступая моему чувствительному и пылкому нраву, я на другой день отправился къ князю Потемкину и упрекнулъ его за нарушеніе даннаго слова, чѣмъ онъ подвергалъ

меня публичному посрамленію. Онъ извинялся волею Императрицы, отдавшей такое приказаніе, и старался успокоить меня сильнѣйшими увѣреніями въ своемъ желаніи быть мнѣ полезнымъ. Мы разстались, оба убѣжденные: онъ, что обманулъ меня своими завѣреніями, а я, въ его недоброжелательствѣ. Съ тѣхъ поръ я бывалъ у него только въ необходимыхъ случаяхъ, по дѣламъ моей бригады.

Въ день торжества по случаю мира, манифестъ о милостяхъ отличившимся въ послѣднюю войну содержалъ, послѣ почетнаго отзыва о генералахъ (безъ сомнѣнія достойныхъ) длинный перечень лицъ всякаго чина, маіоровъ, подполковниковъ и полковниковъ, получившихъ повышенія за отличіе и кресты, розданные щедро, и между послѣдними были многіе, поведеніе которыхъ я видѣлъ и видѣла вся армія подъ Силистріей; нѣкоторые изъ нихъ, въ самомъ разгарѣ войны, не выходя въ отставку, отправились назадъ въ Россію и болѣе не возвращались. Между прочими, приведу вамъ одинъ только примѣръ, чтобъ не писать еще болѣе пространно и многорѣчиво, чѣмъ доселѣ. Г. Толстой, за три года до заключенія мира, получилъ незначительную рану при Журжѣ; онъ оставилъ батальонъ, которымъ командовалъ въ Валахіи, и поѣхалъ въ Молдавію къ фельдмаршалу просить отпуска въ Москву для излеченія раны, по его словамъ очень опасной. Фельдмаршалъ далъ отпускъ, и вслѣдъ за тѣмъ Толстой просилъ снабдить его курьерскою подорожною, въ чемъ фельдмаршалъ отказалъ, замѣтивъ съ насмѣшкою, что коль скоро онъ такъ тяжело раненъ, то ему нельзя будетъ путешествовать иначе, какъ на носилкахъ. Этотъ человѣкъ, столь опасно раненый, едва прибывши въ Москву, женился, народилъ дѣтей и никогда болѣе не возвращался въ армію. Однакожъ, этотъ самый человѣкъ, вмѣстѣ съ другими ему подобными, получилъ повышеніе и крестъ 3-й степени, съ пышнымъ отзывомъ о его заслугахъ въ манифестѣ по случаю заключенія мира. Мое же имя вовсе не было упомянуто; а что̀ еще болѣе странно, мой полкъ удостоенъ чрезвычайной похвалы, какъ отличившійся передъ всѣми прочими во всѣхъ дѣлахъ минувшей войны, вслѣдствіе чего, въ награду полку, объявлено было въ указѣ, что Императрица именуетъ его лейбъ-гренадерскимъ и сама принимаетъ званіе его полковника. Потомство, читая этотъ указъ, подумаетъ, что командиръ этого полка, либо умеръ наканунѣ, либо былъ подлымъ трусомъ, который бѣгалъ каждый разъ, когда сражался его храбрый полкъ: почему, достойно наказанный и отставленный отъ службы, онъ и не названъ въ числѣ лицъ, награжденныхъ за эту войну.

Послѣ этого я рѣшился оставить службу, какъ скоро наступленіе зимы мнѣ дастъ къ тому возможность: ибо, по уставу 1763 года, только зимою можно было выходить въ отставку. Я привелъ мой полкъ на квартиры въ Ладогу и, прежде чѣмъ успѣлъ подать въ отставку, долженъ былъ проглотить еще двѣ обиды: Михаилъ Потемкинъ обошелъ меня, а братъ его Павелъ, тоже обошедшій меня полтора года тому назадъ, былъ назначенъ командиромъ моей бригады, и тотчасъ по прибытіи своемъ началъ придираться ко мнѣ.

На это послѣднее гоненіе я отвѣчалъ только подачею просьбы объ окончательномъ увольненіи меня отъ службы. Я пріѣхалъ въ Петербургъ дѣйствительно больной, захворалъ воспаленіемъ въ груди, вторымъ въ моей жизни, и едва не умеръ. Моя просьба объ отставкѣ была подана въ Февралѣ, послѣ чего Императрица, которая знала нанесенныя мнѣ обиды, но чрезмѣрно щадила самолюбіе князя Потемкина, два раза присылала ко мнѣ моего друга графа Завадовскаго [7]) высказать мнѣ желаніе, чтобъ я оставался на службѣ. Я отвѣчалъ, что не могу, совершенно потерявъ здоровье. Она велѣла передать мнѣ, что я воленъ ѣхать куда пожелаю для излеченія, съ сохраненіемъ жалованья, но чтобъ не оставлялъ службы. Но я настоялъ на своемъ, ибо служба была мнѣ такъ противна, что я не переставалъ просить отставки, которую получилъ лишь по истеченіи шести мѣсяцевъ.

Тогда-то я бросилъ кокарду и мундиръ и даже, еслибъ могъ, охотно отдалъ-бы мой крестъ 3-й степени, чтобъ не имѣть у себя ничего, напоминающаго службу. Я поѣхалъ въ Италію, гдѣ провелъ двѣ зимы въ Пизѣ, городѣ очень скучномъ, но который славится климатомъ, полезнымъ для больныхъ грудью. Мое здоровье тамъ поправилось. Я обозрѣлъ Италію, и въ концѣ 1778 года возвратился въ Петербургъ, гдѣ жилъ очень уединенно. Три года спустя, я женился и былъ совершенно доволенъ моею судьбою, когда вдругъ, въ 1782 г., прибылъ ко мнѣ изъ Царскаго Села курьеръ отъ графа Безбородки, который писалъ мнѣ, по приказанію Императрицы, что она желаетъ, чтобъ я сдѣлалъ ей удовольствіе и принялъ на себя новую миссію, учреждаемую ею въ Венеціи [8]). Моимъ рѣшительнымъ намѣреніемъ было извиниться, но братъ мой и гр. Завадовскій уговаривали меня не отказываться, и такимъ образомъ я былъ привлеченъ опять на службу, съ чиномъ генералъ-маіора, полученнымъ мною при отставкѣ, и который слѣдовалъ мнѣ еще шесть лѣтъ тому назадъ, прежде Павла и Михаила Потемкиныхъ. Черезъ 10 или 11 мѣсяцевъ я выѣхалъ къ мѣсту моего назначенія. Около 10 мѣсяцевъ спустя, я имѣлъ горе лишиться жены, съ которою былъ счастливъ и о которой вѣчно буду сожалѣть: ибо три года, проведенные вмѣстѣ съ нею, были счастливѣйшими въ моей жизни. Отъ огорченія я опасно заболѣлъ, что̀ на нѣсколько мѣсяцевъ замедлило мой отъѣздъ въ Лондонъ, куда я былъ уже назначенъ. Эта болѣзнь произвела перемѣну въ моемъ характерѣ и въ моихъ физическихъ силахъ: моя живость исчезла, и тѣло мое съ тѣхъ поръ не можетъ переносить ни зноя, ни холода.

Я прибылъ сюда при обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ даже для человѣка искуснаго и опытнаго въ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе для меня, политическаго новобранца, имѣвшаго отъ роду за 40 лѣтъ:

---

[7]) Находившагося тогда въ случаѣ. Большое собраніе писемъ его къ графу Семену Романовичу появится въ одной изъ книгъ Архива Князя Воронцова. *П. Б.*

[8]) Тутъ разгадка правительственныхъ успѣховъ Екатерины. Она забывала личныя отношенія и знала, что̀ именно можетъ дать выбираемое лицо: графъ С. Р. Воронцовъ отлично зналъ Италію и имѣлъ въ ней многочисленныя связи. *П. Б.*

здѣсь была свѣжа память о вооруженномъ нейтралитетѣ, направленномъ прямо противъ этой страны, и Англія искала союза съ Пруссіей, съ которою Россія находилась въ дурныхъ отношеніяхъ. Въ добавокъ къ этимъ затрудненіямъ, мнѣ вовсе незнакомо было это сложное правительственное устройство, безъ глубокаго знанія котораго здѣсь приходится дѣйствовать въ потемкахъ. Надлежало изучать' характеры лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, а также и тѣхъ, кто могъ занять ихъ мѣста (вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ министерства); нужно было изслѣдовать различныя партіи, которыя, раздѣляя страну, имѣютъ одна на другую взаимное воздѣйствіе. Несмотря на трудности, я приложилъ все стараніе къ изученію этого кажущагося хаоса, въ основѣ котораго однакоже кроется удивительный порядокъ. Я вмѣнилъ себѣ въ обязанность основательно ознакомиться съ этою своеобразною страною, дабы имѣть, при случаѣ, возможность принести пользу моему Отечеству, что̀ и дѣйствительно сбылось черезъ шесть лѣтъ послѣ моего пріѣзда. Пруссія, бывшая съ нами въ очень дурныхъ отношеніяхъ и все болѣе и болѣе сближавшаяся съ Англіей, оказала ей услугу подавленіемъ Французской партіи въ Голландіи; связь между этими державами до того усилилась, что послѣ союза, заключеннаго ими въ Лоо, онѣ втайнѣ дѣйствовали противъ насъ въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ, что имѣло послѣдствіемъ Турецкую и Шведскую войны. Послѣдняя прекратилась по недостатку денегъ: ибо скупость г. Питта и Берлинскаго двора, вмѣстѣ съ истощеніемъ Французскихъ финансовъ (которое было причиною открытія генеральныхъ-штатовъ, а вслѣдъ за тѣмъ и революціи) не могла доставить покойному Шведскому королю столько денегъ, сколько ему было нужно. Въ этомъ случаѣ достойно особеннаго примѣчанія, что именно Франція, которая увѣряла нась въ своей дружбѣ, выдавала однакоже Швеціи, подъ рукою, болѣе денегъ, чѣмъ дворы Берлинскій и Лондонскій. Когда Швеція не могла болѣе продолжать войну, а Пруссія принудила Австрію помириться съ Портою, тогда остались только двѣ воюющія стороны: Россія и Турція.

Въ это время гр. Герцбергъ [9]) сталъ убѣждать здѣшнее правительство присоединиться къ Пруссіи, чтобъ указать Императрицѣ условія мира, надменно предписавъ ей возвратить до послѣдней пяди земли, завоеванной отъ Турковъ, предлагая, въ случаѣ если она отвергнетъ эти унизительныя требованія, сообща и явно начать съ нею войну. Во всемъ этомъ согласились, и тотчасъ-же Пруссія открыто заключила наступательный и оборонительный союзъ съ Портою и такой-же съ Швеціей. Вышеупомянутыя условія мира были предложены намъ министрами Пруссіи и Англіи. У насъ смутились, отговаривались, давали уклончивые отвѣты и не умѣли заговорить тономъ, приличнымъ одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ. Это ободрило оба союзные двора; но, чтобъ играть въ болѣе вѣрную игру, они стали заискивать въ Стокгольмѣ, побуждая Шведскаго короля

---

[9]) Прусскій государственный министръ. *П. Б.*

возобновить войну, съ обѣщаніемъ значительныхъ денежныхъ пособій отъ Англійскаго короля. Шведскій король былъ на столько измѣнчивъ и безразсуденъ, что поддался этимъ внушеніямъ и согласился на все, споря только о подробностяхъ, т. е. требуя болѣе денегъ, чѣмъ предлагалъ Англійскій посланникъ Листонъ, которой хотя и былъ уполномоченъ обѣщать болѣе, но, видя горячность короля, хотѣлъ отдѣлаться меньшею суммою. Такъ испарялся дымомъ этотъ миръ, заключенный барономъ Игельстромомъ и за который онъ получилъ Андреевскую ленту. Я сообщалъ всѣ эти свѣдѣнія и нашему двору, и посланнику нашему въ Швеціи гр. Штакельбергу; но послѣдній, обольщенный любезностями короля, который водилъ его за носъ, ничему не хотѣлъ вѣрить и отвѣчалъ мнѣ, что мои сообщенія лишены всякаго основанія.

Наконецъ г. Питтъ вооружилъ огромныя морскія силы: онъ приказалъ снарядить 36 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ 8 трехдечныхъ, 12 фрегатовъ и столько-же бриговъ и куттеровъ. Не вѣря, чтобъ онъ окончательно рѣшился на мѣру столь крутую, противную дѣйствительнымъ интересамъ его страны, опасную для его популярности, благодаря которой онъ держался на своемъ мѣстѣ, я нѣсколько разъ объяснялся съ нимъ со всею смѣлостью человѣка, желающаго предотвратить несправедливую войну, одинаково пагубную для обѣихъ сторонъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво и ничего незначащими фразами, какъ человѣкъ, рѣшившійся на мѣру, которую не можетъ оправдать, при всемъ своемъ искусствѣ въ діалектикѣ. Я обратился къ герцогу Лидскому, тогдашнему статсъ-секретарю и, найдя его въ тѣхъ же мысляхъ, какъ и г. Питтъ, высказалъ ему слѣдующія слова, доселѣ памятныя Англійскому министерству, часто приводимыя и которыя, уязвивъ тогда министерство, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли мнѣ (особенно съ тѣхъ поръ, какъ оба двора помирились) лестныя для меня уваженіе и признательность: „Коль скоро министерство на столько ослѣплено, что готово настаивать (подъ предлогомъ сохраненія Очакова для Турціи, что̀ для Англіи не имѣетъ никакого значенія) на продолженіи бѣдственной войны, вредной для обѣихъ сторонъ, то моя обязанность—устранить это зло. Вы, конечно, можете разсчитывать на большинство въ обѣихъ палатахъ; но я настолько уже ознакомился съ здѣшнею страною, чтобы знать, что министерство и самый парламентъ не имѣютъ никакой силы безъ поддержки графствъ и независимыхъ собственниковъ, въ сущности управляющихъ страною. Поэтому я вамъ объявляю, господинъ герцогъ, что я всѣми мѣрами буду стараться, чтобъ нація узнала о вашихъ намѣреніяхъ, столь противныхъ ея интересамъ, и я слишкомъ убѣжденъ въ здравомысліи Англійскаго народа, чтобъ не надѣяться, что громкій голосъ общественнаго мнѣнія заставитъ васъ отказаться отъ несправедливаго предпріятія“.

Онъ былъ пораженъ смѣлостью и откровенностью моихъ словъ, и я оставилъ его изумленнаго и безмолвнаго. Я посѣтилъ вождей оппозиціи и, что̀ было еще дѣйствительнѣе, нѣсколькихъ членовъ нижней палаты, которыхъ независимый и честный характеръ поль-

зуется уваженіемъ и министерства, и оппозиціи, и которые внушаютъ всей странѣ такое довѣріе, что по ихъ голосамъ судятъ о правотѣ и полезности всякаго дѣла. Я объяснилъ имъ несправедливость предположенныхъ мѣръ, огромные расходы, которые онѣ повлекутъ за собою и вредъ отъ прекращенія торговли съ нами, столь необходимой для Англіи. Они обѣщали мнѣ свою поддержку. Нѣкоторыхъ членовъ палаты, бывшихъ со мною въ дружескихъ отношеніяхъ, я уговорилъ разъяснить ихъ товарищамъ безразсудство министровъ; изъ числа этихъ друзей моихъ, въ то время и доселѣ ко мнѣ расположенныхъ, нѣкоторые оказали мнѣ важныя услуги. Такъ, между прочими, одинъ только Димсдаль, сынъ стараго барона, прививавшаго оспу покойной Императрицѣ и нынѣшнему нашему Государю, склонилъ въ нашу пользу нѣсколькихъ членовъ Парламента; принадлежа къ министерской партіи, онъ перешелъ на сторону ея противниковъ и примѣромъ своимъ увлекъ многихъ другихъ. Поэтому, когда г. Питтъ открыто объявилъ въ Парламентѣ, что снаряжаемый флотъ предназначенъ противъ Россіи, что по его мнѣнію необходимо положить предѣлъ неумѣренному ея властолюбію и спасти Отоманскую имперію отъ погибели, онъ хотя и добился большинства въ палатѣ, но увидѣлъ съ удивленіемъ, что оппозиція его министерству вдругъ усилилась на сто членовъ противъ прежняго числа, и онъ подвергся сильнѣйшимъ нападкамъ многихъ ораторовъ. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые друзья его вышли изъ палаты, чтобъ не подавать голоса противъ него и не высказаться въ его пользу. Это его весьма смутило, а на другой день онъ пришелъ еще въ дальнѣйшее замѣшательство, когда увидѣлъ, что число опонентовъ возрасло, и что онъ хотя сохранилъ еще большинство въ палатѣ, но можетъ его лишиться. Вслѣдствіе этого онъ послалъ курьера догонять отправленнаго въ Берлинъ съ извѣстіемъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, и въ Петербургъ съ нотою, заранѣе приготовленною по соглашенію съ Герцбергомъ: этою нотою оба союзные двора формально объявляли войну Россіи, если она не заключитъ немедленно мира съ Портою и не возвратитъ ей всего завоеваннаго въ Турецкихъ предѣлахъ. Второй курьеръ прибылъ во̀ время въ Берлинъ, чтобъ остановить перваго и предотвратить послѣдствія дерзкой выходки, на успѣхъ которой г. Питтъ уже не могъ надѣяться. Но, оставляя это дѣло втайнѣ, онъ разсчитывалъ запугать нашъ дворъ вооруженіемъ флота, который стоялъ на якорѣ въ Портсмутѣ. Онъ не прекращалъ этого вооруженія, въ надеждѣ, что нашъ дворъ откажется отъ большей части своихъ требованій, а именно отъ обладанія Очаковомъ. Я нашелъ однакожъ средство узнать о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и посылалъ курьера за курьеромъ въ Петербургъ, совѣтуя не уступать. Но между тѣмъ я извѣстился изъ вѣрнаго источника, что у насъ склонялись на уступки, и что князь Потемкинъ оказывалъ болѣе робости, чѣмъ кто-либо иной, такъ что Императрица, говоря объ этихъ дѣлахъ и упоминая обо мнѣ, сказала: „только онъ одинъ мыслитъ также, какъ и я“.

Этотъ страхъ, обуявшій князя Потемкина, заставилъ его склонить нашъ дворъ къ неловкой мѣрѣ, которая сто̀ила много денегъ, рас-

траченныхъ безъ пользы и довольно смѣшнымъ образомъ. Г. Симолинъ [10]), вѣроятно самъ обманутый пресловутымъ Мирабо̀, писалъ, что если заплатить этому человѣку и друзьямъ его въ учредительномъ собраніи, то они, своимъ вліяніемъ, заставятъ объявить войну Англіи. Деньги были посланы, и Мирабо̀ съ своими друзьями проѣли ихъ безъ всякой пользы, что̀ слѣдовало предвидѣть заранѣе: ибо въ то время національное или учредительное собраніе ничего такъ не опасалось, какъ разрыва съ Англіей. Съ моей стороны, дабы скорѣе разрѣшить вопросъ и принудить г. Питта къ разоруженію, я велѣлъ составить записки, для которыхъ доставлялъ самые точные и убѣдительные матеріялы, съ цѣлью доказать націи, что ее влекутъ къ разоренію посредствомъ уничтоженія ея торговли, и что все это дѣлается ради интересовъ ей чуждыхъ. Эти записки были переводимы на Англійскій языкъ и, по напечатаніи, разсылаемы мною во всѣ провинціи. Онѣ произвели тревогу въ мануфактурныхъ городахъ и между прочими въ Норичѣ, Уекфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ, гдѣ произошли митинги и публичныя собранія, которыхъ постановленія были напечатаны и клонились къ подачѣ прошеній Парламенту противъ дѣйствій министерства относительно Россіи. Другіе города готовились послѣдовать этому примѣру; изъ нѣсколькихъ графствъ независимые избиратели писали къ своимъ представителямъ въ Парламентѣ, внушая имъ отдѣлаться отъ г. Питта и подавать голоса противъ него. Въ Лондонѣ, на стѣнахъ всѣхъ домовъ, простой народъ мѣломъ чертилъ слова: „Не хотимъ войны противъ Россіи“. Въ 20 и болѣе газетахъ, выходящихъ здѣсь ежедневно, появлялись постоянно статьи, происходившія (хотя не гласно) отъ меня и убѣдительныя для націи, которая со дня на день все сильнѣе негодовала на министерство, и все это не стоило и 250 ф. стерлинг. нашему двору; но мнѣ и всѣмъ чиновникамъ моей канцеляріи оно стоило большихъ трудовъ: ибо во все время этой борьбы, съ Марта мѣсяца до Іюня, ни я, ни они не знали покоя. Мы цѣлыя ночи писали, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и если я могъ еще имѣть нѣсколько минутъ отдыха, они не могли: приходилось по ночамъ разносить въ конторы разныхъ газетныхъ редакцій статьи, которыя должны были появляться въ печати на слѣдующій день.

Наконецъ Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ и послалъ въ Россію Фаукнера, съ наставленіемъ уступить во всемъ волѣ Императрицы. Флотъ былъ разоруженъ, а въ Швецію отправленъ къ Листону курьеръ для прекращенія всѣхъ переговоровъ о субсидіи королю, который очень желалъ взять деньги и открыто возобновить войну, при поддержкѣ Пруссіи и Англіи. Я получилъ краснорѣчивый рескриптъ, въ которомъ меня осыпали похвалами и въ награду прислали мнѣ орденъ Св. Владиміра, тогда какъ я имѣлъ уже орденъ Св. Александра Невскаго, гораздо старшій и болѣе почетный, и прибавили 6 тысячь рублей къ моему жалованью, такъ какъ я былъ уже въ долгахъ по горло. Назначивъ, за годъ передъ тѣмъ, такую-же прибавку г-ну Симолину (который богаче ме-

[10]) Нашъ посолъ въ Парижѣ. *П. Б.*

ня и, не имѣя дѣтей, жилъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ такой дороговизны, какъ здѣсь), не могли мнѣ въ этомъ отказать. Это помогло мнѣ уменьшить нѣсколько мои долги, но сполна уплатить ихъ я не могъ; ибо вы знаете, что въ этой странѣ, гдѣ все было уже такъ дорого, дороговизна еще усилилась съ тѣхъ поръ, какъ налоги возрасли на 5 милліоновъ фунт. стерлинг. Дошло до того, что Берлинскій дворъ, самый скупой изо всѣхъ, выдаетъ своему посланнику 18 тысячь Прусскихъ талеровъ въ годъ, и этотъ министръ живетъ очень скудно и никогда не даетъ обѣдовъ здѣшнимъ почетнымъ лицамъ. Поэтому у него и мало друзей.

Между тѣмъ Французская революція шла своимъ чередомъ; король былъ принужденъ подчиниться нелѣпой конституціи, отнимавшей всякую власть у главы великой страны. Все предвѣщало анархію, окончательное паденіе несчастнаго короля и вскорѣ послѣдовавшіе ужасы. Англійское министерство безразсудно повѣрило, что конституціонный король на Французской землѣ возможенъ и, по ограниченности своей власти, будетъ менѣе опасенъ для Англіи, чѣмъ король въ родѣ Людовика XIV, вслѣдствіе чего здѣсь благопріятствовали вождямъ конституціонной партіи. Императрица желала вовлечь Англію въ коалицію, что̀ было невозможно, какъ по упомянутому сейчасъ ошибочному образу мыслей министерства, такъ и по національному предразсудку Англичанъ, которые, увлекаясь именемъ свободы, вѣрили, что Французы будутъ счастливы и спокойны, и оставятъ всѣ прочіе народы въ покоѣ. Это убѣжденіе простиралось до того, что здѣсь смотрѣли на императора и на короля Прусскаго какъ на тирановъ, желавшихъ поработить свободную націю и силою навязать ей ненавистное правительство. Такое мнѣніе было нелѣпо, но оно укоренилось, и еслибъ даже министерство придерживалось болѣе здравыхъ и ясныхъ воззрѣній, то оно оказалось бы, тѣмъ не менѣе, невластнымъ преодолѣть всеобщее желаніе сохранять миръ съ Франціей. И такъ, въ это время невозможно было достигнуть того, чего хотѣла Императрица, которой здѣшнее министерство не любило, а меня, ея посланника, еще менѣе, вслѣдствіе борьбы моей съ нимъ въ предшедшемъ году. Но я предвидѣлъ по ходу Французскихъ дѣлъ, что они неизбѣжно доведутъ до разрыва между Франціей и Англіей, и что въ такомъ случаѣ послѣдняя сочтетъ за счастіе имѣть Россію союзницей. Мнѣ оставалось пріобрѣсти личное довѣріе министерства, и это удалось мнѣ единственно вѣрнымъ путемъ, т. е. благодаря моей откровенности. Лордъ Гренвиль смѣнилъ герцога Лидскаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Я мало зналъ его лично; но мнѣ было извѣстно, что, не смотря на его тѣсную дружбу и родственную связь съ г. Питтомъ, его двоюроднымъ братомъ, онъ одинъ во всемъ совѣтѣ (гдѣ засѣдалъ въ качествѣ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ) постоянно противился разрыву съ Россіей, о чемъ я даже извѣщалъ въ то время нашъ дворъ. Мы мало по малу познакомились ближе, и однажды, когда мы разговаривали объ Англіи и раздѣляющихъ ее партіяхъ, я сказалъ ему, что нахожу эти разногласія благотворными: ибо одна партія

наблюдаетъ за другою и заставляетъ ее вести себя осторожно; что въ противномъ случаѣ Англія потерпѣла бы великій ущербъ, и правительство пало-бы отъ всеобщей небрежности. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою: „Вы говорите какъ приверженецъ опозиціи". Я возразилъ, что „онъ меня не знаетъ; что я не придерживаюсь ни„какой партіи, кромѣ партіи моего Отечества; что я Русскій, и только „Русскій; что для меня совершенно все равно, двоюродный братъ-ли „и другъ его Улліямъ Питтъ, или Чарльзъ Фоксъ, управляетъ этою „страною, лишьбы управлялъ ею человѣкъ, желающій поддержать доб„рое согласіе между Англіей и Россіей, и что всякое лицо, руководи„мое этимъ желаніемъ, столь мудрымъ и основаннымъ на истин„ныхъ интересахъ и благѣ обоихъ государствъ, всегда найдетъ во „мнѣ самаго усерднаго сотрудника въ такомъ добромъ дѣлѣ; что̀„же я сдѣлалъ въ прошедшемъ году, понуждаемый обстоятельства„ми, то онъ и самъ сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ". Онъ взялъ меня за руку, сказалъ мнѣ, что я правъ и что я въ немъ найду желаемаго мною сотрудника. Съ тѣхъ поръ онъ всегда оказывалъ мнѣ полное довѣріе, и это дало мнѣ возможность часто говорить ему о необходимости разрыва съ Франціей. Онъ долго не соглашался со мною, но потомъ долженъ былъ сознаться, что министерство наконецъ убѣдилось въ этой необходимости, прибавивъ, что нація еще не расположена къ такому разрыву, что̀ было дѣйствительно правда. Замѣтно было однакожъ, что удобная минута приближалась; но нашъ дворъ, который то и дѣло понуждалъ меня вовлечь Англію въ войну, не видѣлъ трудностей, какія здѣсь были. Я старался успокоить его и проповѣдывалъ терпѣніе, обѣщая, что его желаніе скоро исполнится.

Гибель Французскаго короля признана была неизбѣжною, коль скоро мы узнали, что его будутъ судить, и ужасъ, внушаемый Англійской націи всякимъ убійствомъ, долженъ былъ произвести поворотъ въ общественномъ мнѣніи и направить его противъ гнусной Французской республики. Это дѣйствительно произошло, а какъ министерство воспользовалось такой перемѣной для разныхъ придирокъ въ ущербъ Французамъ, придирокъ умышленныхъ и сопряженныхъ съ частыми нарушеніями торговаго договора, и какъ послѣ казни короля министру республики, г. Шовелену, воспрещено было являться ко двору, то республика не замедлила объявить войну Англіи. Мнѣ тотчасъ прислали полномочіе для заключенія двухъ конвенцій. Онѣ были готовы въ четыре дня, и у насъ остались очень довольны моимъ усердіемъ; здѣсь-же противники этой войны меня обвиняли и донынѣ обвиняютъ въ подстрекательствѣ, вовлекшемъ страну въ бѣдствія войны.

Наконецъ, на мое несчастіе, пріѣхалъ сюда графъ Артуа, котораго Императрица направила въ Англію, не испросивъ согласія короля и не зная, могутъ ли здѣсь принять этого принца. Вся эта поѣздка задумана, устроена и приведена въ исполненіе княземъ Зубовымъ и великимъ любимцемъ его Эстергази. Оказалось, что графъ Артуа не могъ пребывать въ Англіи и доселѣ не можетъ вслѣдст-

віе своихъ долговъ, за которые онъ подлежитъ заключенію въ тюрьму: ибо кромѣ короля и членовъ Парламента каждый можетъ быть посаженъ въ тюрьму, коль скоро долгъ его простирается до 10 фунтовъ стерл., и сыновья короля, не облеченные званіемъ перовъ королевства, подлежатъ тюремному заключенію за долги, какъ частныя лица. Перы и члены палаты общинъ, правда, не подвергаются аресту; но кредиторы, снабженные приговоромъ мироваго судьи, удовлетворяются изо всего движимаго имущества должника. Это при мнѣ случилось три раза съ принцемъ Вельскимъ, у котораго такимъ образомъ взята была вся движимость изъ его дворца, и не проходитъ года, чтобъ не случилось подобнаго происшествія съ перами и членами палаты общинъ. Когда долги значительны, тогда налагаютъ секвестръ на недвижимыя имѣнія и, предоставляя соразмѣрную часть доходовъ должнику, остальную отдаютъ кредиторамъ впредь до погашенія долга, или до смерти должника, если имѣніе заповѣдное. Братъ Польскаго короля былъ здѣсь арестованъ за долги, и тоже самое непремѣнно случилось бы и съ графомъ Артуа, если бъ онъ и поселился въ Англіи. Теперь даже онъ живетъ въ Шотландіи, гдѣ гражданскіе законы не такъ строги, и поселился въ королевскомъ замкѣ, который пользуется привилегіями: онъ выходитъ изъ этого замка лишь послѣ заката солнца и долженъ всегда возвращаться до свѣта, за исключеніемъ воскресныхъ дней, такъ какъ въ эти дни, а равно по ночамъ, во всей Великобританіи никого нельзя арестовать за долги. Всего хуже было, что не знали суммы долговъ этого принца: одни насчитываютъ ихъ на 10 или 12 милліоновъ Французскихъ ливровъ, другіе простираютъ ихъ до 18 или 20 милліоновъ и болѣе: ибо, во время своего пребыванія въ Кобленцѣ, онъ подписывалъ счеты и векселя за поставки для его арміи, не ведя никакихъ расходныхъ книгъ, и самъ онъ не знаетъ, сколько долженъ. Кромѣ этого неодолимаго препятствія къ его пріѣзду, мнѣ поручили выхлопотать здѣсь для него разныя льготы, въ то время совершенно невозможныя и которыхъ министерство никакъ не могло ему предоставить. Это потребовало бы слишкомъ пространныхъ объясненій; короче, герцогъ д'Аркуръ, завѣдывающій здѣсь дѣлами Французскаго королевскаго дома, человѣкъ разсудительный, хладнокровный и честный, увидѣлъ, подобно мнѣ, что доводы, представленные намъ обоимъ лордомъ Гренвилемъ, были основательны и неопровержимы. Мы отправились, герцогъ и я, въ Гуль [11]) для свиданія съ Французскимъ принцемъ, который находился на Русскомъ фрегатѣ, на рейдѣ, и объяснили ему положеніе дѣлъ, совѣтуя возвратиться въ Германію. Вы можете судить о моемъ удивленіи, когда онъ сказалъ мнѣ: „Я предвидѣлъ всѣ эти затрудненія и,

---

[11]) Графъ С. Р. Воронцовъ бралъ съ собою въ Гуль дѣтей своихъ, и въ числѣ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній фельдмаршала князя Воронцова была сцена у отца его съ герцогомъ д'Артуа (будущимъ Карломъ X-мъ). Въ полурастворенную дверь дѣти слышали, какъ отецъ въ горячности сказалъ герцогу: „Когда въ жилахъ течетъ кровь Генриха IV-го, то нечего попрошайничать, а надо возвращать себѣ права свои со шпагою въ рукѣ". *П. Б.*

„поставивъ себѣ за правило вести журналъ всему, что̀ дѣлаю въ „важныхъ обстоятельствахъ, я вамъ тотчасъ докажу это". Онъ досталъ большую книгу, писанную его рукою, изъ письменнаго стола, находившагося въ его каютѣ, и далъ мнѣ прочесть подробное изложеніе его бесѣды съ кн. Зубовымъ, въ которой этотъ знаменитый временщикъ выражался слѣдующими подлинными словами, достаточно изобличающими его самонадѣянность, непониманіе различныхъ формъ правленія и неумѣніе вести дѣла: „Всѣ недоумѣнія вашего королевскаго высочества будутъ разрѣшены; Англія сочтетъ лестнымъ для себя принять васъ; она сдѣлаетъ все, „чего желаетъ Императрица, и мы имѣемъ тамъ посланника, который сумѣетъ склонить министерство угождать вамъ во всемъ".

Вотъ, мой другъ, какимъ образомъ этотъ молодой любимецъ, не знавшій въ Россіи никакихъ преградъ, думалъ управлять всею Европою и считалъ все возможнымъ, чего только захочетъ. Французскій принцъ отправился въ Германію, довольно терпѣливо покоряясь необходимости; но окружавшія его лица, изъ которыхъ половина были пустые хвастуны, а другіе интриганы и которые надѣялись играть въ Лондонѣ важную роль, увѣрили его, что все уладилось бы согласно ихъ желаніямъ, еслибъ съ моей стороны не было отсутствія доброй воли; и въ этомъ смыслѣ написали они къ Эстергази, а послѣдній возбудилъ противъ меня негодованіе Зубова, уже оскорбленнаго и недовольнаго совершенною неудачею замысловъ, которые онъ приписывалъ себѣ, но которые, въ сущности, непримѣтно для него самаго, нашепталъ ему Эстергази [12]).

Къ довершенію моего злополучія, нѣкто Инглисъ, искусный литейщикъ орудій, поссорившійся съ главнымъ начальникомъ артиллеріи, герцогомъ Ричмондомъ, попалъ, неизвѣстно какимъ образомъ, къ Зубову, былъ принятъ имъ въ нашу службу и подалъ ему списокъ другихъ здѣшнихъ мастеровъ для вызова ихъ въ Россію, что̀ нужно было сдѣлать тайно, ибо это запрещено актами Парламента. И вотъ князь Зубовъ открыто пишетъ мнѣ по почтѣ, приказывая, именемъ Императрицы, завербовать этихъ рабочихъ, и объявляетъ мнѣ, что Инглисъ пріѣдетъ самъ, чтобъ постараться добыть инструментовъ, вывозъ которыхъ здѣсь тоже запрещенъ, подъ угрозою строгихъ наказаній. Я немедленно отвѣчалъ ему шифрованнымъ письмомъ, выражая крайнее сожалѣніе, что онъ меня компрометируетъ; компрометируетъ и бѣднаго Инглиса, который тотчасъ по прибытіи своемъ будетъ посаженъ въ тюрьму; что онъ даже компрометируетъ достоинство нашего двора; что я не могу взяться за такое порученіе и прошу его сообразить, что̀ случилось бы, еслибъ кавалеръ Витвортъ [13]), злоупотребляя народнымъ правомъ, ограждающимъ его личность, сталъ вербовать Русскихъ подданныхъ и рабочихъ, выѣздъ которыхъ запрещенъ законами, какъ и здѣсь, и вывозилъ бы тайно, путемъ контрабанды, инструменты и снаряды,

[12]) Этотъ Эстергази много намутилъ при нашемъ дворѣ. См. его письма о водвореніи въ Петербургѣ въ 1-й книгѣ Девятнадцатаго Вѣка. *П. Б.*

[13]) Англійскій посолъ при нашемъ дворѣ. *П. Б.*

недозволенные къ вывозу подъ страхомъ строгихъ взысканiй. Не возбудилъ-ли бы онъ у насъ всеобщаго негодованiя? Могъ-ли бы, онъ послѣ того вести текущiя дѣла и служить съ пользою своему Отечеству и Государю въ сношенiяхъ съ Россiей? Я просилъ Зубова предположить на мгновенiе, что онъ на моемъ мѣстѣ, и тогда онъ увидѣлъ бы, что я не могу взяться за подобное порученiе, а еслибъ даже и могъ, то онъ лишилъ меня средствъ къ тому, написавши ко мнѣ гласно: ибо вскрытiемъ писемъ Англiйское правительство прежде меня извѣстилось о данномъ мнѣ порученiи, и вслѣдствiе этого Инглисъ будетъ арестованъ, какъ скоро сюда прiѣдетъ. Онъ ничего не отвѣчалъ на это письмо, но, уязвленный урокомъ, поневолѣ даннымъ ему мною, порочилъ меня, какъ человѣка, болѣе преданнаго Англiи, чѣмъ своему Отечеству. Оскорбленное тщеславiе этого молодаго гордеца, встрѣтившаго лишь во мнѣ одномъ неповиновенiе его приказанiямъ, отомстило мнѣ самымъ низкимъ образомъ, и человѣкъ, служившiй болѣе 40 лѣтъ съ пламеннымъ усердiемъ, сталъ подвергаться непрiятностямъ при всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

Меня не только обходили по службѣ и оскорбляли презрительными отзывами, мнѣ даже отказывали въ самыхъ справедливыхъ просьбахъ. Между прочимъ, мнѣ было и до сихъ поръ осталось наиболѣе обиднымъ слѣдующее. Я не переставалъ ежегодно (и это длилось нѣсколько лѣтъ) хлопотать о повышенiи лицъ, состоявшихъ при моей канцелярiи. Для нихъ однакожъ ничего не дѣлали, послѣ того какъ они работали, подобно каторжнымъ, въ то время, когда мы всѣ здѣсь трудились денно и нощно для отвращенiя войны, замышляемой противъ насъ Англичанами, и успѣли въ этомъ. Такой отказъ въ повышенiи тѣмъ болѣе жестокъ, что оно не было сопряжено съ возвышенiемъ окладовъ, и экономiя въ расходахъ не могла служить предлогомъ, а только хотѣли оскорбить меня и заставляли моихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ по службѣ быть жертвами ихъ привязанности ко мнѣ: ибо еслибъ они просили о переводѣ ихъ въ другiя миссiи, то это было бы исполнено, и они пользовались бы повышенiемъ наравнѣ съ прочими; но они рѣшились скорѣе все переносить, чѣмъ разстаться со мною, и меня болѣе всего огорчаетъ, что они должны страдать за привязанность свою ко мнѣ. Всѣ они люди даровитые, примѣрнаго поведенiя, вполнѣ способные служить съ пользою вездѣ, а въ особенности здѣсь, по основательному знанiю страны и языка. Несчастнѣе всѣхъ достойный г. Лизакевичъ, происходящiй отъ старинныхъ Малороссiйскихъ дворянъ; онъ служитъ около 45 лѣтъ, былъ уже совѣтникомъ посольства, когда г. Алопеусъ поступилъ на службу, а г. Бюлеръ находился еще въ школѣ. Онъ, неоднократно и въ продолжительное время, исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ; здѣсь же онъ находится уже 33 года. Онъ старъ и дряхлъ, и такъ обжился здѣсь, что умеръ бы, еслибъ вынужденъ былъ переселиться въ иное мѣсто. Онъ чуждъ всякаго честолюбiя и желалъ исходатайствовать себѣ туже милость, какъ и г. Хотинскiй, который прослужилъ менѣе его (хотя тоже долго служилъ), а имен-

но увольненіе съ правомъ остатокъ своихъ дней провести здѣсь, какъ тотъ во Франціи, и съ сохраненіемъ жалованія. Это было въ минуту, когда наши дѣла съ Англіей устроились. И онъ успѣлъ бы въ своемъ ходатайствѣ, ибо намѣренъ былъ обратиться прямо къ Императрицѣ, которая любитъ подобные пріемы и не отказала бы ему въ томъ, что̀ даровала Хотинскому; но я отклонилъ его отъ этого намѣренія, потому что онъ мнѣ нуженъ: онъ мнѣ другъ, и я надѣялся, что обстоятельства могутъ принять болѣе благопріятный для меня оборотъ и что мнѣ удастся выпросить ему прибавку содержанія безъ увольненія и тѣмъ удержать на службѣ столь полезнаго человѣка. Вы знаете его лично, мой добрый другъ; вы сами въ состояніи судить, возможно ли найти человѣка честнѣе и благодушнѣе этого достойнаго и почтеннаго старца. Ему 60 лѣтъ, и онъ тѣломъ крайне слабъ, выдержавъ двѣ опасныя болѣзни послѣ вашего отъѣзда; но голова у него свѣжа и работаетъ какъ у молодаго человѣка. Я сегодня пишу канцлеру и вице-канцлеру, ходатайствуя о повышеніяхъ для моей бѣдной, забытой и опальной канцеляріи; но, какъ недозволено въ представленіяхъ опредѣлять самыя награды, а я таковыхъ ожидаю по случаю коронаціи, то я вамъ настоятельно поручаю, какъ другу моему, похлопотать у канцлера, у вице-канцлера и у графа Безбородки, чтобъ г. Лизакевичъ избавленъ былъ отъ своего Владиміра 4-й степени, носимаго одновременно съ нимъ молодыми людьми, которые родились, когда онъ уже давно состоялъ на службѣ; чтобъ ему дали крестъ 3-й степени и, вмѣстѣ съ заслуженнымъ повышеніемъ, по крайней мѣрѣ 100 фунтовъ стерл. добавочнаго содержанія за долговременную службу. Мы имѣемъ счастіе быть подданными Государя великодушнаго и справедливаго, и я увѣренъ, что какъ скоро Его И. В. извѣстится о долговременномъ служеніи г. Лизакевича, Государь не откажетъ ему въ просимой милости на остальные немногіе годы жизни этого почтеннаго человѣка. Вы хотя знали этого достойнаго человѣка, но есть въ Петербургѣ люди, которые знали его еще ближе; между ними есть одинъ, котораго я не имѣю удовольствія знать, о чемъ очень сожалѣю (ибо онъ, по всеобщему отзыву, человѣкъ добродѣтельный)—это г. Плещеевъ. Поговорите съ нимъ о г. Лизакевичѣ: онъ болѣе меня скажетъ вамъ о его честности, добротѣ, способностяхъ, долговременной службѣ и о недостаточности средствъ, которыя принесла ему эта служба. Помогите, умоляю васъ, нѣсколько усладить горькую жизнь человѣка, уже сошедшаго одною ногою въ могилу и которому, по его болѣзненному состоянію, необходимо болѣе безбѣдное существованіе. Вы любите творить добро, и я надѣюсь, что вы не оставите заняться этимъ благимъ дѣломъ.

Дабы возвратиться къ моимъ собственнымъ приключеніямъ, я долженъ сказать вамъ, что, наскучивъ постоянными гоненіями, я хотѣлъ оставить службу и удалиться въ деревню, не имѣя достаточнаго состоянія для жительства въ Лондонѣ на собственные доходы и не находя возможнымъ покинуть Англію до истеченія четырехъ еще лѣтъ, безъ крайняго вреда для образованія моего сына.

Я имѣлъ въ виду поселиться въ окрестностяхъ Бата, гдѣ жизнь дешевле Лондонской и гдѣ онъ могъ найти учителя математики для окончанія своихъ занятій этою наукою, столь необходимою вездѣ, которую онъ изучаетъ съ охотою и которая нигдѣ на свѣтѣ такъ не процвѣтаетъ, какъ въ Англіи. Но братъ мой далъ мнѣ понять, что тѣже самые враги, которые насъ преслѣдовали, изобразятъ меня какъ человѣка, отрекшагося отъ своей родины, и станутъ приписывать мнѣ всякую случайную неудачу моего преемника, увѣряя, что дѣло испорчено моими подпольными происками; любовь моя къ сыну превозмогла мое отвращеніе къ службѣ, столь же несчастливой, сколько нелестной для меня, и я рѣшился пожертвовать собою, остаться на моемъ мѣстѣ еще четыре года, съ цѣлью окончить воспитаніе и научныя занятія моего сына, служащаго мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ много непріятностей и хлопотъ съ нашею эскадрою; но умалчиваю о нихъ, чтобъ никому не повредить, и жалѣю тѣхъ, которые навязали мнѣ эти хлопоты единственно по своей глупости.

Вотъ мой послужной списокъ. Теперь я долженъ представить вамъ обзоръ моего частнаго имущества. Отецъ мой былъ богатъ собственнымъ имѣніемъ, но еще болѣе отъ щедротъ императрицы Елисаветы, всегда благоволившей къ нашему семейству. Онъ былъ услужливъ и щедръ и, не предаваясь расточительности, жилъ прилично своему званію. Покойный императоръ Петръ III, бывши великимъ княземъ, оказывалъ ему особенное расположеніе и довѣрялся ему до того, что каждый разъ, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, обращался къ моему отцу, который въ этихъ случаяхъ служилъ ему съ охотою и усердіемъ. Когда великій князь вступилъ на престолъ, онъ выразилъ моему отцу все свое благоволеніе и, безъ всякаго ходатайства, по собственному побужденію, обѣщалъ пожаловать ему земли во время коронаціи. Ссылаюсь въ этомъ на свидѣтельство Андрея Васильевича Гудовича. Но вамъ извѣстны, и кратковременность этого царствованія, и трагическая кончина этого добраго и несчастнаго Государя. Отецъ мой былъ арестованъ, подвергся опалѣ, разоренію и вынужденъ былъ продать желѣзныя руды, которыя составляли почти половину его достоянія и за которыя онъ былъ обязанъ щедротамъ императрицы Елисаветы. Послѣ этого у него, и единственно у него, отняли четыре большія имѣнія въ Малороссіи: Бѣлики, Кобыляки, Старые и Новые Сенжары. Но этого было мало: отняли еще у моего брата, у меня и у двухъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ имѣніе, которое принадлежало намъ безспорно по праву и было послѣднимъ остаткомъ милостей императрицы Елисаветы покойному моему дядѣ, великому канцлеру графу Воронцову за его многолѣтнія, важныя и безупречныя услуги: ибо, по своимъ щедрымъ наклонностямъ, онъ исстратилъ все собственное имѣніе и продалъ всѣ прочія земли, полученныя отъ нея. Имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ Кареліи и въ немъ числится, по послѣдней ревизіи, 12 тысячь

душъ. Оно было отнято у насъ послѣ того какъ графъ Скавронскій былъ помолвленъ, или сочетался бракомъ, съ племянницею князя Потемкина. Это слишкомъ долгая исторія, но графу Безбородкѣ извѣстны вся несправедливость и всѣ подробности этого дѣла, и онъ можетъ разсказать вамъ о немъ.

Отецъ мой умеръ, лишившись болѣе двухъ третей своего состоянія, и оставилъ намъ долги. На службѣ, ни я, ни братъ мой никогда ничего не пріобрѣли, а напротивъ всегда тратили свое. Начальствуя полкомъ, я не только не извлекалъ изъ него выгодъ, какъ другіе, но расходовалъ собственное достояніе, въ чемъ могу сослаться на всѣхъ гренадеръ, которые еще налицо. Они могутъ сказать вамъ, въ какомъ положеніи они находились; когда же я оставилъ полкъ, тогда не было роты, которая не имѣла бы отъ 8 до 9 сотъ рублей артельныхъ денегъ. Когда я сдалъ полкъ и долженъ былъ ѣхать въ Италію для возстановленія здоровья, у меня не было необходимыхъ денегъ на поѣздку: я принужденъ былъ заложить мой Петербургскій домъ и продать немногія драгоцѣнныя вещи, которыя у меня были. Я имѣю долги, которыхъ иначе уплатить не могу, какъ продавши какое-нибудь имѣніе. Дохода я получаю отъ 20 до 22 тысячь рублей; но вы знаете, что это уже не рубли императрицы Елисаветы, и до какой степени все у насъ вздорожало. Поэтому, когда воспитаніе моего сына будетъ окончено и я привезу его для поступленія на службу, я долженъ буду поселиться въ деревнѣ, дабы онъ (какъ и слѣдуетъ по справедливости) ни въ чемъ не имѣлъ недостатка, тѣмъ болѣе, что я обязанъ думать объ уплатѣ, изъ моего имѣнія, приданаго моей дочери.

Могу завѣрить васъ честью, что я не огорченъ жалкимъ положеніемъ, въ которое приведено мое семейство. Оно безъ всякой своей вины пало съ высоты, на которой находилось при императрицѣ Елисаветѣ и въ продолженіе слишкомъ кратковременнаго царствованія Петра III. Это произошло вслѣдствіе несчастій, которыхъ оно не навлекло себѣ, и слѣдовательно ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, ни потомству ихъ не придется краснѣть, и лишь бы сынъ мой и дочь моя были благовоспитаны и честны (чего я надѣюсь достигнуть, благодаря ихъ добрымъ наклонностямъ и доброму нраву), это будетъ наилучшимъ наслѣдствомъ, какое я могу имъ оставить. Я видѣлъ очень богатыхъ людей, всѣми презираемыхъ и неспособныхъ на какую-либо государственную службу. Я надѣюсь, что этого не будетъ съ моимъ сыномъ.

Перейдемъ теперь къ состоянію моего здоровья. Рожденный съ довольно слабою грудью, я въ 1766 и 1767 годахъ едва не сдѣлался жертвою чахотки, отъ которой спасся только благодаря молочной и растительной діэтѣ и употребленію Зельтерской воды, согласно совѣтамъ доктора Галеди. Въ бытность мою при арміи, я выдержалъ три гнилыя горячки, которыя совершенно истощили мой организмъ. Въ 1776 году я вновь заболѣлъ грудью и принужденъ былъ уѣхать въ Италію. Графъ Николай Румянцевъ, который въ этой поѣздкѣ сопровождалъ меня до Вѣны, можетъ разсказать вамъ, въ

какомъ жалкомъ состояніи находилось тогда мое здоровье. Въ 1783 году, по смерти моей жены, я былъ долго боленъ и самъ едва не умеръ. Здѣсь, въ зиму съ 1789 на 1790 годъ, я страдалъ водянкою въ груди и вылечился только благодаря искусству врачей и старательному уходу. Два года съ половиною тому назадъ, я чуть не лишился зрѣнія вслѣдствіе воспаленія глазъ, простудившись на свадьбѣ принца Вельскаго, и съ тѣхъ поръ я такъ плохо вижу, что не могу ни читать, ни писать безъ очковъ; короче, имѣя отъ роду 53 года, я похожъ на человѣка 65 лѣтъ, и дряхлость постигла меня ранѣе, чѣмъ старость. Малѣйшая стужа, малѣйшее тѣлесное напряженіе, уничтожаютъ меня. Къ счастью, я нахожусь въ странѣ, гдѣ каждый живетъ, какъ хочетъ, и гдѣ не соблюдается никакого этикета въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Наприм, когда холодно, и я имѣю дѣло до лорда Гренвиля, я отправляюсь къ нему надѣвши 3 или 4 пары шерстяныхъ чулокъ, сапоги и двойное верхнее платье изъ фланели, чѣмъ онъ нисколько не обижается, потому что самъ принимаетъ меня въ сапогахъ и во фракѣ.

Однимъ словомъ, я человѣкъ истощенный тѣлесно, и мнѣ всего прискорбнѣе, что силъ моихъ уже недостаетъ для службы нашему доброму Государю. Я теперь не что иное, какъ плохой лимонъ, изъ котораго выжали небольшое количество сока, въ немъ бывшее, и который, отъ продолжительнаго тренія, лишился тонкаго слоя цедры, покрывавшей корку. Я гожусь только быть брошеннымъ. Мои слабыя, но усердныя заслуги принадлежатъ прошедшему, и мнѣ остается единственнымъ утѣшеніемъ, что, можетъ быть, вслѣдствіе моего долгаго пребыванія въ Англіи, я пріобрѣлъ, несмотря на ограниченность моихъ дарованій, основательное знаніе этой страны, имѣющей столь важное значеніе въ дѣлахъ Европы, и что знаніемъ этимъ я могу принести нѣкоторую долю пользы моему Государю. И такъ, я не высказываю моего намѣренія, ибо исполненіе его не зависитъ отъ меня; но желаніе мое—остаться здѣсь впредь до окончанія научныхъ занятій моего сына. Тогда я попрошу отпуска, для представленія моего сына и опредѣленія его на службу, и если къ тому времени будетъ у Россіи война и, несмотря на мою дряхлость, Императоръ соизволитъ дать мнѣ назначеніе, то я сочту это за счастіе, предпочитая смерть отъ пушечнаго ядра на полѣ чести медленной кончинѣ въ постели отъ какой-нибудь лихорадки. Но если не будетъ войны, то не думаю, чтобъ я могъ устоять противъ тягостей обиходной военной службы: я бы не вынесъ 20 градусовъ мороза на парадѣ.

Я наскучилъ вамъ, мой добрый другъ, этимъ длиннымъ повѣствованіемъ о 35-лѣтней дѣятельной жизни; но я надѣясь, что вы не прочли всего разомъ.

Мнѣ остается сказать вамъ одно: прошу васъ, убѣждаю васъ, умоляю васъ не показывать этого очерка никому на свѣтѣ, не говорить также никому на свѣтѣ, что я сообщилъ вамъ эти подробности. Я сообщилъ ихъ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, и вы слишкомъ честны, чтобъ не оправдать довѣрчивости друга, который

только вамъ, и никому иному, хотѣлъ поставить на видъ всѣ превратности своей жизни. Прошу васъ также отослать мнѣ назадъ эту бумагу, которую я желаю оставить послѣ себя моему сыну, дабы ему извѣстно было поведеніе его отца, и что если его отецъ и все семейство его впадали въ несчастіе, то не заслуживали этого. Онъ увидитъ также, читая о всѣхъ постигшихъ меня невзгодахъ и соображая ихъ съ тѣмъ спокойствіемъ духа, съ какимъ я жилъ на его глазахъ, что оно достигается только чистою и безупречною совѣстью, которая дороже всего на свѣтѣ и несравненно выше всякихъ богатствъ и почестей.

Прочитывая эти листы, вы найдете, что правописаніе мое плохо; вы встрѣтите неправильныя согласованія, повторенія, пропуски нѣкоторыхъ словъ; но подумайте, что я почти ослѣпъ, что пишу corrente calamo [14]), что я не имѣлъ времени перечитать это мараніе, и наконецъ я убѣжденъ, что вы сумѣете исправить всѣ погрѣшности и пропуски словъ.

Прощайте, мой добрый другъ; будьте счастливы, и дай вамъ Богъ нѣсколько друзей, которые бы также искренно любили васъ, какъ я.

8 Февраля н. ст. 1797 года.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ГРАФУ И. П. САЛТЫКОВУ *.

Графъ Иванъ Петровичь. Вручитель сего коллегскій советникъ Каразинъ оставленъ мною въ Москвѣ на некоторое время для прісканія въ здешнихъ архивахъ историческихъ сведеній **). Онъ мнѣ лично известенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе.

Пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательной

Александръ.

(Помѣта. Получено 18 Октября 1801 года).

---

[14]) Бѣглымъ перомъ, наскоро.

*) Писано въ Москвѣ, гдѣ 15 Сентября 1801 года происходило коронованіе. Подлинникъ хранится въ архивѣ Канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора. Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника. *П. Б.*

**) Читатели знаютъ, какого рода были эти историческія свѣдѣнія. *П. Б.*

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Актеръ Фрожеръ.—Мистификаторъ и мистификаціи.—Перовскій (Погорѣльскій)— В. Л. Пушкинъ: пріемъ его въ Арзамаское общество.—Рѣчи Арзамаскія.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, Французская труппа при Петербугскомъ театрѣ отличались многими первостепенными дарованіями. Что́ ни говори, а хорошій иностранный театръ въ столицѣ есть роскошь не только позволительная, но и полезная и просвѣтительная. Подобная роскошь не можетъ подавлять развитіе туземнаго театра; напротивъ. А если и подавляетъ, то развѣ въ томъ случаѣ, когда туземнаго настоящаго, самобытнаго театра нѣтъ. Есть театральная дирекція, есть и актеры, есть и драматическіе писатели, пожалуй есть и публика; но все-же нѣтъ театра, а есть что-то въ родѣ полубарскихъ затѣй. Въ числѣ отличныхъ Французскихъ актеровъ, особенно выдѣлялся комикъ необыкновеннаго дарованія, Фрожеръ. Онъ былъ любимъ дворомъ и обществомъ: забавлялъ ихъ и смѣшилъ. Кромѣ сценическихъ успѣховъ, цѣнили въ немъ и дарованіе искуснаго и оригинальнаго разскащика. Былъ онъ къ тому-же и отличный мистификаторъ. Между прочими разсказами былъ одинъ очень забавный. Какой-то несчастный, за продѣлки свои, былъ осужденъ на повѣшаніе; но онъ съ висѣлицы сорвался живой, изъ благодарности сдѣлался палачемъ, и въ послѣдствіи пришлось ему повѣсить палача своего, который — на грѣхъ мастера нѣтъ—самъ провинился и осужденъ былъ правосудіемъ. Разсказъ заключался слѣдующимъ нравоученіемъ:

Heureux celui qui peut rendre
Un bienfait à lui rendu;
Mais plus heureux qui peut pendre
Le bourreau qui l'a pendu.

Это нравоученіе можно, кажется, такъ передать порусски:

Тотъ можетъ быть неска́занно-утѣшенъ,
Кто за услугу самъ воздать услугой могъ;
Но счастливѣй еще, кого сподобитъ Богъ
Повѣсить палача, которымъ былъ повѣшенъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, по свойству нашего языка, трудно, если не вовсе не можно, перевести короткіе Французскіе стихи такими-же короткими Русскими стихами. Нашъ Великороссійскій языкъ богатъ и великороссійскими, или длинно-россійскими словами, которыхъ не скоро упрячешь въ стихъ. Да и обороты Французскихъ выраженій легче и поворотливѣе, чѣмъ наши.

*

Мы сказали, что Фрожеръ былъ искусный мистификаторъ. Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго у насъ. Мистификація не просто одураченіе, какъ значится въ нашихъ словаряхъ. Это, въ своемъ родѣ, разыгрываніе маленькой домашней драматической шутки. Въ старину, особенно во Франціи—а слѣдовательно и къ намъ перешло—были, такъ сказать, присяжные мистификаторы, которые упражнялись и забавлялись надъ простодушіемъ и легковѣріемъ простяковъ и добряковъ. Такъ напримѣръ, Фрожеръ, мастеръ гримироваться и переряжаться, не только предъ лампами и освѣщеніемъ сцены, но и днемъ и запросто въ комнатѣ, бывалъ представляемъ въ разные салоны подъ видомъ то врачебной Европейской знаменитостей, пріѣхавшей въ Петербургъ, то подъ извѣстнымъ именемъ какого нибудь Англичанина или Нѣмца, и такъ далѣе. До конца вечера разыгрывалъ онъ невозмутимо принятую на себя роль. Въ обществѣ находились довѣрчивые простачки. Легко вообразить, какія выходили тутъ забавныя недоразумѣнія и qui pro quo (прошу покорнѣйше и это слово перевести порусски).

Въ Парижѣ былъ литтераторъ Поансине (Poinsinet). По необыкновенной довѣрчивости своей былъ онъ мишенью всѣхъ возможныхъ мистификацій. Однажды увѣрили его, что король хочетъ приблизить его ко двору и назначить придворнымъ экраномъ (ширмы, щитъ передъ каминомъ). Поансине поддался на эту ловушку, нѣсколько дней сряду стоялъ близехонько передъ пылающимъ каминомъ и безъ милосердія жарилъ себѣ икры, чтобы пріучить себя къ новой должности своей. Милый и незабвенный нашъ Василій Львовичь Пушкинъ былъ въ своемъ родѣ нашъ Поансине. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, Дмитріевъ, Дашковъ, Блудовъ и другіе пріятели его не щадили довѣрчивости добраго поэта. Однажды, не смотря на долготерпѣніе свое, онъ рѣшился, если смѣемъ сказать, огрызться прекраснымъ, полнымъ горечи стихомъ:

„Ихъ дружество почти на ненависть похоже“.

Алексѣй Перовскій (Погорѣльскій) былъ, позднѣе, удачный мистификаторъ. Онъ однажды увѣрилъ сослуживца своего (который послѣ сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими историческими сочиненіями), что онъ великій мастеръ какой-то масонской ложи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Тутъ выдумывалъ онъ разныя смѣшныя испытанія, чрезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ онъ его расписаться въ томъ, что онъ бобра не убилъ.

Перовскій написалъ амфигури (amphigouri), шуточную, веселую чепуху. Вотъ нѣкоторые стихи изъ нея:

Авдулъ-визирь
На лбу пузырь
И холитъ и лелѣетъ;
А Папій сынъ,
Взявъ апельсинъ,

ужъ не помню, что изъ него дѣлаетъ. Но такими стихами написано было около дюжины куплетовъ. Онъ приноситъ ихъ къ Антонскому, тогдашнему ректору университета и предсѣдателю общества любителей словесности, знакомитъ его съ произведеніемъ своимъ и говоритъ, что желаетъ прочесть стихи свои въ первомъ публичномъ засѣданіи общества. Не должно забывать, что въ то время графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій былъ попечителемъ Московскаго университета, или уже министромъ народнаго просвѣщенія. Можно вообразить себѣ смущеніе робкаго Антонскаго. Онъ, краснѣя и запинаясь, говоритъ: „Стишки-то ваши очень-то милы и замысловаты-то; но, кажется, не у мѣста читать ихъ въ ученомъ собраніи-то“ *). Перовскій настаиваетъ, что хочетъ прочесть ихъ, увѣряя, что въ нихъ ничего противуцензурнаго нѣтъ. Объясненія и пререканія продолжались съ полчаса. Бѣдный Антонскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, изнемогалъ чуть не до обморока.

А вотъ еще проказа Перовскаго. Пріятель его былъ женихомъ. Вотчимъ невѣсты былъ человѣкъ такъ-себѣ. Перовскій увѣрилъ его, что и онъ страстно влюбленъ въ невѣсту пріятеля своего, что онъ за себя не отвѣчаетъ и готовъ на всякую отчаянную продѣлку. Вотчимъ, растроганный и перепуганный такимъ признаніемъ, увѣщеваетъ его образумиться, одолѣть себя. Перовскій пуще предается своимъ сѣтованіямъ и страстнымъ разглагольствіямъ. Вотчимъ не отходитъ отъ него, сторожитъ, не спускаетъ его съ глазъ, чтобы во̀ время предупредить какую нибудь бѣду. Это продолжается съ недѣлю и болѣе. Разъ все семейство гуляетъ въ саду. Вотчимъ идетъ рука подъ руку съ Перовскимъ, который продолжаетъ нашептывать ему свои жалобы и отчаянныя признанія; наконецъ вырывается изъ рукъ его и бросается въ прудъ, мимо котораго они шли. Перовскій зналъ, что этотъ прудъ былъ не глубокъ и не боялся утонуть; но прудъ былъ грязный и покрытый зеленою тиною. Надобно было видѣть, какъ вылѣзъ онъ изъ него зеленою русалкою и какъ Менторъ ухаживалъ за своимъ злополучнымъ Телемакомъ: одѣлъ его своимъ халатомъ, поилъ теплою ромашкою и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Другой проказникъ-мистификаторъ читаетъ въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, что такой-то баринъ объявилъ о желаніи имѣть на общихъ издержкахъ попутчика въ Казань. На другой день, въ четыре часа поутру, нашъ мистификаторъ отправляется по означенному адресу и велитъ разбудить барина. Тотъ выходитъ къ нему и спрашиваетъ что̀ ему угодно. „А я, пришелъ, отвѣчаетъ онъ, чтобы извиниться и доложить вамъ, что я на вызовъ вашъ собирался предложить вамъ товарищество свое, но теперь, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, раздумалъ ѣхать съ вами и остаюсь въ Петербургѣ. Прощайте: желаю вамъ счастливаго пути!“

Кажется, этотъ мистификаторъ чуть не былъ-ли сродни Перовскому.

---

*) Антонскій имѣлъ привычку прилагать къ словамъ частичку: то.

*

Когда образовалось Арзамаское общество, пригласили и В. Л. Пушкина принять въ немъ участіе. При томъ его увѣрили, что это общество родъ литтературнаго масонства и что при вступленіи въ ложу нужно подвергнуться нѣкоторымъ испытаніямъ довольно тяжелымъ. Пушкинъ, который уже давно былъ настоящимъ масономъ, легко и охотно согласился на всѣ предстоящія искушенія. Тутъ воображеніе Жуковскаго разыгралось. Онъ былъ не только гробовыхъ дѣлъ мастеръ, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ. Странное физіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залоги каррикатуры и пародіи, отличающіеся нерѣдко острою замысловатостью. Пріемъ Пушкина вдохновилъ его. Онъ придумалъ и устроилъ разныя мытарства, чрезъ которыя новобранецъ долженъ былъ пройти. Тутъ пошли въ дѣло и въ символъ и Липецкія Воды Шаховскаго, и Расхищенныя Шубы его, и еще Богъ вѣсть что. Барыня-Арзамасъ требуетъ весь туалетъ: вотъ вся Славянофильская Бесѣда заочно всполошилась, вспрыгнула съ усыпительныхъ креселъ и прибѣжала, или притащилась на крестины новорожденнаго Арзамасца. Приводемъ здѣсь рѣчи, которыя были произнесены при этомъ торжественномъ обрядѣ. Онѣ познакомятъ непосвященныхъ и невѣдующихъ съ Арзамаскими порядками. Много было тутъ шалости и, пожалуй, частью и вздорнаго; но не мало было и ума и веселости. Въ старой Италіи было множество подобныхъ академій, шуточныхъ, по названію и нѣкоторымъ обрядамъ своимъ, но не менѣе того обратившихся на пользу языка и литтературы. Можетъ быть, и Арзамасъ, хотя не долго просуществовавшій, принесъ свою долю литтературной пользы. Во первыхъ, это было новое скрѣпленіе литтературныхъ и дружескихъ связей, уже существовавшихъ прежде между пріятелями. Далѣе, это была школа взаимнаго литтературнаго обученія, литераторскаго товарищества. А главное, засѣданія Арзамаса были сборнымъ мѣстомъ, куда люди разныхъ возрастовъ, иногда даже и разныхъ воззрѣній и мнѣній по другимъ постороннимъ вопросамъ, сходились потолковать о литтературѣ, сообщить другъ другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурачиться.

РѢЧИ ЧИТАННЫЯ ПРИ ПРІЕМѢ ВЪ АРЗАМАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВАСИЛЬЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА.

1. Рѣчь „Свѣтланы“ члену „Вотъ“ лежащему подъ шубами.

Какое зрѣлище предъ очами моими? Кто сей, обремененный толиками шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичь, который снисшелъ съ своею Музою, чистою дѣвою Парнасса, въ обитель нечистыхъ барышень покушенія, и вывелъ ее изъ сего вертепа не осрамленною, хотя и близокъ былъ сундукъ *); тотъ Василій Львовичь, который видѣлъ въ Парижѣ не одни

*) Поэма Пушкина: Опасный Сосѣдъ.

переулки [1]), но г. Фонтаня и г. Делиля; тотъ В. Л., который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку. Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей В. Л. есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшешествующаго къ Арзамасу, мятель Расхищенныхъ Шубъ. И не спасла его дѣвственная Муза, матерь Буянова. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ [2]). Очи его постигла курячья слѣпота Бесѣды; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость Академическихъ Извѣстій, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: терпѣніе, любезный! Сіе испытаніе конечно есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту Арзамасскаго гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище Арзамаса; но ты еще скверенъ; еще короста Бесѣды, покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичь. Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ вѣтхій В. Л.! Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный Вотъ! Разсыптесь шубы! Востань другъ нашъ! Гряди къ Арзамасу! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ Арзамаскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги.

2. Рѣчь „Рѣзваго Кота" члену „Вотъ", стрѣлявшему въ чудище.

Не страшись, любезный странникъ, и смѣлыми шагами путь свой продолжай. Твоему-ли чистому сердцу опасаться испытаній? Тебѣ ли трепетать при видѣ пораженнаго непріятеля? Мужайся! Уже ты освобожденъ отъ прохладительнаго удушья чудотворныхъ шубъ, и переходъ твой изъ одного круга подлунныхъ храминъ очищенія въ другой уже ознаменованъ великимъ событіемъ. Ты пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, и совѣсть твоя, не смотря на изможденный ликъ растерзаннаго врага Арзамаса, спокойна. Такъ, любезный странствователь и будущій согражданинъ! Я нахожу на лицѣ твоемъ всѣ признаки тишины, всегда украшающей величавую осанку живаго Арзамаскаго знака! Какое сходство въ судьбахъ любимыхъ сыновъ Аполона! Ты напоминаешь намъ о путешествіи предка твоего Данта. Ведомый божественнымъ Виргиліемъ въ подземныхъ подвалахъ царства Плутона и Прозерпины, онъ презиралъ возраждавшіяся препят-

---

[1]) Шишковъ гдѣ-то намекалъ, что Пушкинъ таскался только по Парижскимъ улицамъ и переулкамъ.

[2]) Намекъ на острословіе графа Д. Н. Блудова: Ты въ „Шубахъ" Шутовскій холодный; въ „Водахъ" ты Шутовскій—сухой. *П. Б.*

ствія на пути его, грознымъ взоромъ убивалъ порокъ и глупость, съ умиленіемъ смотрѣлъ на несчастныхъ жертвъ страстей необузданныхъ и наконецъ, по трудномъ испытаніи, достигъ земли обѣтованной, гдѣ ждали его вѣнецъ и Беата. Гряди подобно Данту, повинуйся спутнику твоему; рази безъ милосердія тѣни Мѣшковыхъ и Шутовскихъ и помни, что „прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ“. Уже звѣзда восточная на высотѣ играетъ; стремись къ лучезарному свѣтилу; тамъ при его сіяніи ты вмѣсто Беаты услышишь пѣніе Соловья и Малиновки *), и чувства твои наполнятся пріятнѣйшими воспоминаніями.

3. Рѣчь члена „Чу!“ при цѣлованіи Совы.

Принимая съ сердечнымъ умиленіемъ тебя, любезный товарищъ, въ нѣдро отечественнаго Арзамаса, можемъ ли мы отъ тебя сокрыть таинственное значеніе обрядовъ и символовъ нашихъ? Можемъ-ли оставить на глазахъ твоихъ мрачную завѣсу невѣжества бесѣднаго? Намъ-ли слѣдовать примѣру Бесѣдъ, сихъ рыкающихъ Сциллъ и Харибдъ, между коими ты донынѣ плавалъ и, подобно клевретамъ, тщательно прятать отъ слушателей и сочленовъ, даже отъ самихъ себя, здравый, обыкновенный смыслъ и самыя обыкновенныя познанія? Что̀ намъ до Бесѣдъ? Арзамасъ далекъ отъ нихъ, какъ Востокъ отъ Запада, какъ водяный Шутовской далекъ отъ Моліера, а дѣдъ сѣдой отъ Лагарпа. Нѣтъ! Сердца и таинства наши равно открыты новому нашему собрату, защитнику вкуса, врагу Славянскаго варварства.

Вступая въ сіе святилище, ты на каждомъ шагу видишь цѣль и бытописанія нашего общества. Ты переносишься въ трудныя времена, предшествовавшія обновленію благословеннаго Арзамаса, когда мы скитались въ странѣ чуждой, дикой, между гіеннами и онаграми, между Халдеями Бесѣды и Академіи. На каждомъ шагу видишь слѣды претерпѣнныхъ нами бурь и преодолѣнныхъ опасностей, прежде нежели мы соорудили ковчегъ Арзамаса, дабы спастись въ немъ отъ потопа Липецкаго.— Съ непроницаемою повязкою на глазахъ блуждалъ ты по опустѣвшимъ чертогамъ; такъ и бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ Славенскихъ періодовъ, отъ страницы до страницы вялые свои члены простирающихъ. Ты ниспускался въ глубокія пропасти: такъ и досточудные внуки сѣдой Славены добровольно ниспускаются въ бездны безвкусія и безсмыслицы. Ты мучился подъ символическими шубами, и обильный потъ разливался по тѣлу твоему, какъ-бы при видѣ огромной мелкописанной тетради въ рукахъ чтеца бесѣднаго. Можетъ быть роптала ты на излишнюю теплоту сего покрова; но гдѣ же было взять шубъ холодныхъ? Онѣ остались всѣ въ поэмѣ Шутовскаго! Потомъ у священныхъ вратъ представился взорамъ твоимъ блѣдный, изсохшій ликъ Славенофила: глубокія морщины, собранныя тщательно съ лицъ всѣхъ усопшихъ прабабушекъ, украшали чело его; глаза не зря смотрѣли на новаго витязя Арзамаса, а изъ недвижныхъ устъ, казалось, исходилъ грозящій голосъ: „Чадо! возвратися вспять въ Бесѣду вторую, изъ нея же изшелъ еси“! Но тебѣ ли устрашиться суетнаго гласа? Ты извлекъ свой лукъ, который подобно луку Іонаѳана отъ крове язвеныхъ и отъ тука сильныхъ не возвратися тощъ вспять, наложилъ вмѣсто стрѣлы губительный стихъ: Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье..., и призракъ упалъ, извергая изъ устъ безвредный свой

*) Басня, сочиненіе В. Л. Пушкина, которую онъ особенно любилъ читать.

пламень. Не такъ ли упалъ передъ тобою и самъ Славенофилъ, тщетно твердя о Парижскихъ переулкахъ! Наконецъ совершены всѣ испытанія. Уста твои прикоснулись къ таинственнымъ символамъ: къ Лирѣ, конечно не Хлыстова и не Барабанова, и къ Совѣ, сей вѣрной подругѣ Арзамаскаго Гуся, въ которой истинные Арзамасцы чтятъ изображеніе сокровенной мудрости. Не Бесѣдѣ принадлежитъ сія посланница Аѳинъ, хотя сѣдой Славенофилъ и желалъ себѣ присвоить ее въ слѣдующей пѣснѣ, достойной бесѣдныхъ Анакреоновъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Оченьками лопъ, лопъ,
Ноженьками топъ, топъ.

Нѣтъ! не благородная Сова, но безобразный нетопырь служитъ ему изображеніемъ, ему и всѣмъ его клевретамъ.

Настала минута откровеній. Приближься, почтенный „Вотъ", новый любезный собратъ нашъ! Прими же изъ рукъ моихъ истинный символъ Арзамаса, сего благолѣпнаго Гуся, и съ нимъ стремись къ совершенному очищенію. Въ потокѣ Липецкомъ омой остатки бесѣдныя скверны, сей грубой коры, которую никогда не могутъ проникнуть лучи здраваго разсудка; и потомъ, съ Гусемъ въ рукахъ и сердцѣ, займи мѣсто, давно тебя ожидающее. Таинственный Гусь сей да будетъ отнынѣ всегдашнимъ твоимъ путеводителемъ. Не ищи его происхожденія въ новѣйшихъ басняхъ: въ нихъ Гуси едва ли опрятнѣе свиней собственныхъ! Гусь нашъ достоинъ предковъ своихъ. Тѣ спасли Капитолій отъ внезапнаго нападенія Галловъ, а сей бодрственно охраняетъ Арзамасъ отъ нападеній бесѣдныхъ Халдеевъ и щиплетъ ихъ побѣдоноснымъ своимъ клювомъ. И ты, любезный собратъ, будешь, подобно ему, нашимъ стражемъ, бойцемъ Арзамаса, смѣло сразишься съ гидрою Бесѣды и съ симъ нелѣпымъ чудовищемъ, столь краснорѣчиво предсказанномъ въ извѣстномъ стихѣ патріарха Славенофиловъ:

Чудище обло, озорно, огромно, трезѣвно и лаяй.

Пусть лаетъ сіе чудище, пусть присоединятся къ нему и всѣ другіе Церберы, по образу и по подобію его сотворенные; но пусть лаютъ они издали, не смѣя вредить дарованіямъ, возбуждающимъ зависть и злобу ихъ.

4. Рѣчь Кассандры.

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ, и близокъ былъ сундукъ...

Такъ, добрый Вотъ, ты разсказывалъ о древнихъ грѣхахъ твоихъ и, слыша въ памяти вой и крикъ полицейскихъ, ты проливалъ слезы раскаянія.... О несчастный, сіи слезы были безплодныя: ты готовъ на грѣхъ новый, ужасный, сказать ли? На любодѣйство души! И вотъ роковая минута. Меркнетъ въ глазахъ твоихъ свѣтъ Московской Бесѣды, и близокъ сундукъ Арзамаса. Ты погибалъ, поэтъ легковѣрный! Для тебя запираются врата Бесѣды старшей, и навсегда изсчезаютъ жетоны Академіи. Но судьба еще жалѣетъ тебя; она вѣщаетъ: „Ты добрый человѣкъ, мнѣ твой пріятенъ видъ". Есть средство спасенія. Такъ, мой другъ, есть средство. Оно въ этой лахани. Взгляни—тутъ Липецкія Воды: въ нихъ очистились многіе. Творецъ сей влаги, лишь вздумалъ опрыскать публику, и все перемѣнилось. Баллады сдѣлались грѣхомъ и посмѣшищемъ; достоинство стиховъ стали опредѣлять по сходству ихъ съ прозой, а достоинст-

во комедій по лишнимъ ролямъ. Что говорю я? Одинъ-ли вкусъ перемѣнился? Всѣ глупцы сдѣлались умными, и въ честныхъ людяхъ мы узнали извергов. Тоже будетъ съ тобою. Окунись въ эти воды и осмотрись: увидишь себя на краю пропасти. О пилигримъ блуждающій, о пилигримъ блудливый! Знаешь ли, гдѣ ты? Но разслѣпленный сухою водою узнаешь, узнаешь, что Арзамасъ есть пристань убійцъ, разбойниковъ, чудовищъ. Вотъ здѣсь они вокругъ стола сидятъ

И объ убійствахъ говорятъ,
Готовясь на злодѣйства новы.

Тамъ на первомъ мѣстѣ привидѣніе, исчадіе Тартара, съ щетинистой брадой, съ хвостомъ, съ когтями, лишь только не съ рогами; но вмѣсто роговъ торчитъ нѣкое перо. Смотри, на немъ, какъ на ружьѣ охотника, навѣшана дичина, и гдѣжъ она настрѣляна? И въ лѣсу университетскомъ, и въ бесѣдныхъ степяхъ, и въ театральномъ болотѣ. Увы! и въ Московскомъ обществѣ. Съ нимъ рядомъ старушка, нарушительница мертвыхъ: она взрывала могилы, сосетъ кровь изъ неопытной Музы, и подъ ней черный котъ „Сынъ Отечества". За нею сидитъ съ полуобритой бородой красная дѣвушка; она проводитъ дни во снѣ, и ночи безъ сна передъ волшебнымъ зеркаломъ, и въ зеркалѣ мелькаютъ скоты и Хвостовъ. И вотъ твое чудное зрѣлище. Ты видишь и не знаешь что̀ видишь, гора ли это, или туча, или бездна, или эхо. Чу! тамъ кто-то стонетъ и мычитъ пославянски. Но одни ли Славяне гибнутъ въ сей безднѣ? Въ ней погрязли и Макаровъ Московскій, и Анастасевичь Польскій, и сей Хвостовъ не-славянскій и не-русскій. Надъ пропастію треножникъ, на немъ тѣнь Кассандры. Ей хочется трепетать, и предсказывать, и воздымать свои волосы; но пророчества не сбываются, и въ волосахъ недостатокъ. Вдали плыветъ челнокъ еще пустой. Увы! онъ скоро нагрузится тѣлами. Изъ него выпрыгнулъ Котъ и для забавы гложетъ не-русскаго сына Русской отчизны. А тамъ Журавль съ другимъ Хвостовымъ на носу. А тамъ единственная, вѣтреная Арфа, безъ злодѣйствъ и безъ струнъ, и наконецъ тамъ Громобой-самоубійца: онъ перомъ прокололъ сердце, въ коемъ былъ образъ Бесѣды. Какое скопище безумныхъ злодѣевъ! Бѣдный Вотъ! Ты увидишь и ужаснешься; но берегись, берегись полотенца. Естьли оно сотретъ воду прозрѣнія, ты ослѣпъ навсегда: злодѣи будутъ твоими друзьями, безумцы твоими братьями. Избирай: тьма или свѣтъ? Вертепъ или Бесѣда?

5. Рѣчь Асмодея при заключеніи всѣхъ испытаній.

Непостижимы приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни, младшій на поляхъ Арзамаса, пріемлю кого? Героя, посѣдѣвшаго въ буряхъ житейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума и Арзамаса! Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ Халдейскихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда Арзамаскаго Гуся, и пламенными чертами написалъ манифестъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія къ Свѣтланѣ, и продолжалъ послѣ вызывать враговъ на частыя битвы, битвы трудныя, но навсегда увѣнчавшія сына Арзамаской крѣпости новою славою, новыми трофеями, новыми залогами побѣды. Не смѣю толковать приговоровъ судьбы, благоговѣю предъ нею и съ признательностію исполняю обязанность возложенную на меня. Приди, о мой отче! О мой сынъ, ты, побѣдившій всѣ испытанія, переплывшій бур-

ныя пучины водъ на плоту, построенномъ изъ деревянныхъ стиховъ угрюмаго пѣвца, съ торжественнымъ флагомъ, развѣвающимъ по воздуху безсмертныя слова:

Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ!

Ты, вѣрною рукою поразившій урода Халдейскаго прямо въ чело! Приди, ты, безбѣдно, но не безъ славы приставшій къ Арзамаскому брегу! Посвяти мокрую одежду свою коварному богу Липецкимъ Водъ и займи мѣсто свое между нами. Оно давно призывало тебя. Давно трапеза Арзамаская тосковала по собесѣдникѣ знаменитомъ, давно кладбище Халдейское требовало священныхъ остатковъ сего пѣвца угрюмаго, сего Филина-великана, прокричавшаго на гробахъ цѣлую ночь, возмутившаго сонъ усопшихъ и погрузившаго въ сонъ живущихъ. Насталъ часъ удовлетворенія. Почтенѣйшія собратія! Онъ здѣсь, сей мужъ опыта, онъ засѣдаетъ съ нами; на открытомъ челѣ его читаю зрѣлыя надежды и вѣчную славу Арзамаса. Еще рука его дымится чернилами; еще взоръ его, упоенный благороднымъ тщеславіемъ, указываетъ намъ на трупъ распростертый, хладный какъ Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ, бездушный какъ Петръ Великій или, по словамъ одного Арзамасца, Петръ долгой, безобразный, какъ оды читанныя въ Бесѣдѣ *).

Излишне и дерзновенно было бы хотѣть мнѣ руководствовать тебя моими совѣтами. Семена Арзамаскихъ правилъ давно таились въ душѣ твоей, и уже нѣкоторые изъ противниковъ Арзамаса подавились ранними плодами, взращенными отъ нихъ усердіемъ твоимъ, угадавшимъ, что нѣкогда перенесутся они на почву благословенную, на землю обѣтованную. Судьба, отворившая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ сказать, замыкающая тобою торжественный рядъ Арзамаскихъ Гусей, хотѣла оправдать знаменитое предсказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Сердце мое и разсудокъ удостовѣряютъ меня въ справедливости моей догадки. Такъ! Ты будешь Староста Арзамаса. Благодарность и осторожность вручатъ тебѣ патріархальный посохъ. Арзамаскій Гусь пріосѣнитъ чело твое покровительствующимъ крыломъ и охранитъ его отъ коварнаго крыла времени—сего алчнаго ястреба, „скалящаго зубы" **) на все, что̀ носитъ на себѣ печать дарованія, вкуса и красоты. Но если пророчество мое одна мечта, то по крайней мѣрѣ современники мои и потомство скажутъ о немъ вздохнувши: Жаль, что не исполнился сонъ добраго человѣка.

6. Рѣчь члена „Вотъ".

Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе Арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе, но я не почитаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ: ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ называемомъ ученомъ, собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши.

*) Намеки на поэмы князя Шихматова.

**) Хвостовъ въ одной баснѣ своей придалъ зубы голубю.

Нынѣ, говоря объ ушахъ Мидасовыхъ, долгомъ почитаю обратиться къ пресловутой Петербургской Бесѣдѣ. О сколько тутъ длинныхъ ушей находится! Сколько мы въ ней встрѣчаемъ старыхъ, юныхъ, сухихъ, чреватыхъ, блѣдныхъ и румяныхъ Мидасовъ! Бесѣда Петербургская ни въ чемъ конечно Московской не уступаетъ, но по моему мнѣнію во всемъ ее превосходитъ.

Къ сожалѣнію моему я исполню сердца любезныхъ Арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши, въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго патріарха Халдеевъ, утверждающаго, что тротуары должны называться пѣшниками, а жареный гусь печенииною; юноши, которому кортикъ *) не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литтературы, но во славу досточестной Бесѣды.

Тщетно я силюсь, чувствомъ гнетомый (позвольте мнѣ употребить собственныя слова умершаго), тщетно я силюсь изобразить все происходящее въ Бесѣдѣ. Она лишается наилучшихъ усастыхъ сочленовъ своихъ.

Тучей надъ ними гибель виситъ.
Туча обрушась варваровъ губитъ,
Губитъ ихъ глупость, губитъ безстыдство,
Губитъ ихъ уши, губитъ языкъ.
Тысяща поприщъ тѣлами полны,
Множеству тѣней тѣсенъ сталъ адъ.

Такъ точно! Они валятся какъ мухи отъ мухоморовъ, и мы здѣсь, въ почтеннѣйшемъ нашемъ собраніи, отпѣваемъ ихъ, превозносимъ и удивляемся ихъ дарованіямъ. Наприм., какъ не дивиться творцу лирическаго пѣснопѣнія! Сотворить поэму, въ которой находится неисчетное множество строфъ, и нѣтъ поэмы; отказаться навсегда отъ Аполона и Музъ, и не смотря на то заниматься поэзіей? Не ему ли одному сіе предстояло? Не онъ ли воспѣлъ, какъ отъ грознаго взора патріарха Халдейскаго, Гальское слово умираетъ на устахъ каждаго. Не ему ли надлежало на такой предметъ сочинить оду? Изящный талантъ превозмогалъ всѣ трудности, и вмѣстѣ съ талантомъ возрастали и уши лирикопѣснопѣвца. Нѣтъ болѣе невиннаго умомъ и тѣломъ. Онъ лежитъ бездыхàненъ.

Обратимся, слушатели, къ плачевному сему зрѣлищу. Слѣдуйте за мною въ мрачную храмину, обитую академическими сочиненіями! Горящія свѣщи, обернутыя въ Письма Схимника, освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ служитъ ему возглавіемъ, разсужденіе объ одахъ въ десницѣ его, Бдѣнія Тассовы, похвальныя слова и переводы Андромахи, Ифигеніи, Гамлета и Китайской Сироты лежатъ у подножія гроба. Патріархъ Халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдожелтую главу свою, машетъ надъ лежащимъ въ гробѣ Извѣстіями Академическими и кадитъ въ него прибавленіемъ къ прибавленіямъ. Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножаются печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безсчисленныхъ и безсмысленныхъ одъ, палачь Депрео и Расина, стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ

*) Говорится про моряка князя Шихматова.—Напомнимъ читателю, что въ Арзамасѣ въ каждомъ засѣданіи отпѣвали и хоронили кого нибудь изъ членовъ Бесѣды.

напечатать, ибо любитъ „писать стихи и отдавать въ печать“, раздаетъ ихъ сотоварищамъ своимъ, и сотоварищи его не читаютъ ихъ. Секретарь Бесѣды, ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсточреватый сочинитель Липецкихъ Водъ кропитъ ими въ умершаго и тщится согрѣть его овчинными шубами своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно ли я дерзновенный воспѣвалъ невиннаго юношу, имянуя его Варягороссомъ и кумомъ Славенофила? И се успе! Длинныя уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на съѣдѣніе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ Халдейскій забудетъ о нихъ!

O vanitas vanitatum, omnia vanitas.

Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду изчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена Бесѣды въ содроганіе, точно такъ какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится! Что̀ съ нами будетъ, если не будетъ, если не будетъ Извѣстій Академическихъ? Что̀ намъ останется дѣлать, если патріархъ Халдейскій престанетъ безумствовать въ разборѣ происхожденія словъ и принимать черное за бѣлое? Куда сокроемъ мы, если толсточреватый комикъ догадается, что комедіи его ничто иное суть какъ печать глупости, злобы и невѣжества? Какая намъ будетъ польза въ томъ, если неутомимый рифмоткачъ узнаетъ наконецъ, что у козла нѣтъ свиной туши, а у голубей зубовъ, точно такъ какъ нѣтъ здраваго разсудка въ стихахъ его; не совершенная ли бѣда для насъ будетъ, если Мидасы, оглянувшись другъ на друга, примѣтятъ, что уши ихъ еще длиннѣе похвальныхъ словъ, читаемыхъ въ пресловутой ихъ Бесѣдѣ? Да сохранитъ насъ отъ того златовласый Фебъ и Музы. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса.

(*Продолженіе будетъ*).

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-ОЙ.

Князь Потемкинъ, заселившій Новороссійскій край разными народами, построившій въ немъ цѣлые города, былъ озабоченъ также и заселеніемъ на Кавказѣ Моздокской линіи, на которой только частью, для разныхъ службъ, были водворены казаки, подъ названіемъ Терскихъ и Гребенскихъ. Въ этихъ видахъ онъ представлялъ императрицѣ Екатеринѣ II свой всеподданнѣйшій докладъ, напечатанный ниже. Но сія мудрая государыня, какъ видно, невсегда полагавшаяся на проэкты друга своего, иной разъ переступавшіе мѣру возможности, очень основательно указала въ

собственноручной замѣткѣ, также ниже напечатанной, что Потемкинымъ были упущены изъ виду общія, принятыя по государству, правила относительно размежеванія земель и надѣленія ими въ достаточномъ количествѣ Кавказскихъ линейныхъ казаковъ. Эта замѣтка, какъ резолюція, по важности своей, вполнѣ заслуживаетъ общаго вниманія. Къ сожалѣнію, ни на докладѣ, ни на резолюціи нѣтъ времени, когда они состоялись. Надо полагать, что это было въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, такъ какъ документы сіи найдены мной въ числѣ разнородныхъ проэктовъ и бумагъ князя Потемкина того времени.

Григорій Александровъ.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской.

Отъ генералъ-аншефа, Новороссійскаго, Азовскаго, Астраханскаго и Саратовскаго генералъ-губернатора и кавалера князя Потемкина, всеподданнѣйшій докладъ.

Пространныя между Буга, Днѣпра и Дона степи покрыты нынѣ селеніями; число народа ежедневно умножается въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ; обиліе и благоденствіе расцвѣтаютъ въ сей, почти необитаемой прежде, странѣ, всемилостивѣйшимъ вашего императорскаго величества призрѣніемъ воспользовавшейся. Не менѣе сего обогощена дарами природы окрестность линіи Моздокской. Но какъ оная еще не населена, то мѣста толь плодоносныя, не будучи воздѣланы тщательною рукою земледѣльца, недостаточествуютъ въ потребныхъ для пропитанія припасахъ, и доставленіе оныхъ издалека на линію соединено съ великимъ трудомъ и иждивеніемъ. Въ такомъ случаѣ пріемлю дерзновеніе в-му им-му в-у всеподданнѣйше представить, не благоугодно ли будетъ в-му им-му в-у всевысочайше повелѣть: землю по Моздокской линіи раздавать для поселенія желающимъ и на томъ самомъ основаніи, на какомъ всевысочайше повелѣно раздавать земли въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ?

РѢШЕНІЕ ГОСУДАРЫНИ.

„Необходимо надлежитъ о сихъ земляхъ отмежеванныхъ разсмо-„трѣть въ Сенатѣ; ибо, окромѣ того, что о семъ формальное ме-„жеваніе было, въ докладѣ не написано, на сихъ земляхъ заведе-„ны ли селенія, или нѣтъ. Буде заведены, то не сказано, какъ съ „ними быть. Да сверхъ того многія сотъ верстъ полезны ли быть „впустѣ и безплодно, и малое число казаковъ, кои на сихъ земляхъ, „едва имѣютъ ли вида, что̀ имъ принадлежитъ. Дабы же о семъ ни-„чего проронено не было, то Сенатъ призоветъ для разбиратель-„ства, какъ Военную Коллегію, такъ и Опекунскую Канцелярію, „а наипаче генерала Потемкина“.

МОЙ ДЯДЯ И КОЕ-ЧТО ИЗЪ ЕГО РАЗСКАЗОВЪ.

Въ Ряжскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи есть сельцо Смолеевка. Оно когда-то, какъ родовое имѣнье, принадлежало родному дядѣ моему Александру Яковлевичу Кафтыреву. Въ сороковыхъ годахъ, за годъ до выхода моего изъ Московскаго университета, во время каникулъ лѣтомъ провелъ я чуть ли не цѣлый мѣсяцъ въ его деревенскомъ домѣ, съ окнами и балкономъ на выгонъ, съ бутылями разныхъ настоекъ на окнахъ, съ охотничьими ружьями въ спальной и съ запахомъ клоповника и онучъ въ сѣняхъ и въ передней.

Дядя этотъ носилъ меня когда-то на рукахъ и училъ меня ползать, когда я былъ ребенкомъ (такъ какъ, говорятъ, я сталъ ходить не умѣя ползать), любилъ меня какъ роднаго сына—и конечно былъ такъ радъ моему пріѣзду, что уже не бранилъ меня за длинные волосы.

Жилъ онъ почти также, какъ и многіе тогдашніе помѣщики, состарившіеся холостяками: не только передъ обѣдомъ, но и передъ чаемъ, и передъ завтракомъ, и передъ ужиномъ водку пилъ, но бранилъ старосту за пьянство, и читалъ встрѣчнымъ крестьянамъ уроки трезвости. Держалъ при себѣ крѣпостную дѣвицу въ качествѣ хозяйки дома и каждое воскресенье не только ходилъ къ обѣднѣ, но и пѣлъ на клиросѣ или, вѣрнѣе сказать, завывалъ, вторя деревенскимъ дьячкамъ. Это пѣніе невольно возбуждало улыбку: мой старый дядя не имѣлъ ни слуха, ни голоса. Дома, цѣлый день не выпускалъ онъ изо рта коротенькаго, волосянаго чубучка съ большою пѣнковою трубкой, съ серебряннымъ колпачкомъ и такою же ковырялкою. Но, не смотря на странности, Александръ Яковлевичь былъ и гуманнѣе и образованнѣе своихъ сосѣдей: рѣдкій день чего нибудь не читалъ, могъ читать понѣмецки и пофранцузски, ежегодно выписывалъ календарь и подписывался на Московскія Вѣдомости. Въ Рязани, въ домѣ тетокъ моихъ, на Дворянской улицѣ, у него были своя библіотека и небольшое собраніе медалей, рѣдкихъ монетъ, раковинъ и минераловъ. Въ молодости своей онъ былъ военнымъ, бывалъ и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, и въ Казани, и на Кавказѣ. Добрый и довѣрчивый, онъ, по видимому, легко сходился съ людьми всѣхъ возрастовъ и состояній; но жениться не могъ, потому что во всю жизнь свою не имѣлъ духу ни признаться въ любви, ни рѣшиться за кого нибудь посвататься. Уже въ пожилыхъ годахъ, судьба свела его съ одною изъ горничныхъ его покойной матери *) Лисаветой, и онъ до конца жизни своей не разставался съ нею. Набожныя до фанатизма и до брезгливости цѣломудренныя сестры его Вѣра и Анна, состарѣвшіяся дѣвицами, никогда не могли простить ему этой связи и смотрѣли на Елисавету какъ на лука-

---

*) Александры Богдановны Кафтыревой, урожденной Умской, дочери графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

вую и коварную дѣвку, которая, будто-бы, для того чтобы приколдовать его и забрать въ свои руки, пріучила его водку пить. Но я былъ еще слишкомъ юнъ и довѣрчивъ, чтобы подозрѣвать разныя ехидства въ этой женщинѣ. Я смотрѣлъ на нее какъ на няньку моего дяди; и она была искренно, какъ родная, рада мнѣ, когда я, въ телегѣ, прикатилъ въ Смолеевку.

Въ Смолеевкѣ я засталъ дядю своего уже не задолго до его кончины: онъ уже не ѣздилъ съ ружьемъ на охоту, и даже бѣлый, лягавый песъ его „Пижонъ" былъ не страшенъ, когда, залѣзая подъ обѣденный столъ, ворчалъ и хваталъ меня за ноги. Онъ также былъ наканунѣ своей кончины. Дядя мой, въ это время, сильно страдалъ грыжей и часто жаловался на боль въ поясницѣ. Не могу, при этомъ удобномъ случаѣ, не разсказать, какъ онъ нажилъ себѣ эту грыжу. Она не была для него недугомъ наслѣдственнымъ: онъ схватилъ ее, спасая жизнь сестры своей Натальи Яковлевны Полонской, моей матери. Вотъ какъ это случилось.

Почему и отъ чего, не помню, на рукахъ у незамужнихъ тетокъ моихъ въ Рязани оставалась дочька замужней сестры ихъ Евлампіи Яковлевны Плюсковой (двухлѣтній или трехлѣтній ребенокъ); и не знаю почему именно, мать моя вмѣстѣ съ дядей взялись отвезти эту маленькую племянницу къ ея матери въ деревню „Острыя Луки", верстахъ въ 10-ти отъ Спаска, гдѣ мужъ Плюсковой былъ въ это время дворянскимъ предводителемъ. Деревня Острыя Луки (или Острая Лука) лѣтомъ была въ 40 верстахъ отъ Рязани; зимою же путь къ ней шелъ по рѣкѣ Окѣ (по льду) и былъ короче. Была масляница, и еще стояли зимніе морозы, когда они выѣхали и вѣроятно такъ разсчитали, чтобы засвѣтло добраться до усадьбы Плюсковыхъ. Но въ концѣ пути кучеръ сбился съ дороги, не нашелъ подъёма съ Оки на берегъ, понадѣялся на Русское „авось", повернулъ тройку къ берегу, хлестнулъ возжами, и лошади по грудь провалились въ снѣжный сугробъ, а кибитка завязла. Дядя и мать мои, со спящимъ ребенкомъ на рукахъ, кое-какъ вылѣзли изъ подъ снѣга и взобрались на берегъ, „Эге", сказалъ дядя, „да мы не далеко; вотъ это крышка виднѣется: это ихъ домъ, а это садъ ихъ. Пойдемъ!" Они двинулись по снѣгу, но не успѣли пройти и четверти часа, какъ уже началась мятель, и наступили непроглядные сумерки. Даже обратный путь къ кибиткѣ былъ потерянъ. Въ сторонѣ мелькнулъ огонекъ. „Эге", сказалъ дядя, „мы скоро дойдемъ: это у Плюсковыхъ огонекъ. Посиди здѣсь; ты устала, а я дойду и пришлю къ тебѣ лошадей". Мать моя сѣла у опушки какого-то лѣса, плотнѣе закутала спавшую на рукахъ ея дѣвочку, въ глубокій снѣгъ погрузила ноги свои, чтобъ не отморозить ихъ, и преспокойно рѣшилась сидѣть и ждать, увѣренная, что вотъ-вотъ сейчасъ пришлютъ за ней сани или пошевни. Дядя пошелъ на огонекъ и, осаждаемый собаками, пришелъ не въ усадьбу, а на мельницу, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы, построенную при впаденіи въ Оку какого-то ручья или рѣки „Истьи", если не ошибаюсь. У мельника въ избѣ, въ эту ночь, справлялась масляница; были гости, всѣ были

пьяны, орали и пѣли пѣсни. Никто ничего не понялъ изъ того, что̀ сталъ разсказывать имъ дядя мой. Онъ былъ имъ какъ снѣгъ на голову или нѣчто въ родѣ оборотня. „Съ нами сила крестная! ты отколева, любезный?“ спрашивали моего дядю подгулявшіе пріятели мельника. „Съ какой стороны пришелъ? Сказывай! Э, братъ, съ эфтой стороны и дороги нѣтъ, что̀ ты. Какой слѣдъ оттелева тебѣ съ Рязани ѣхать. Ишь ты, уменъ! Не-е... Не хочешь ли сивухи шкаликъ?“ Какъ ни умолялъ мой дядя о помощи, что́ онъ ни говорилъ имъ, какихъ денегъ ни сулилъ, они толкомъ не поняли и не захотѣли ночью идти помогать ему, да и не могли бы помочь, потому что ноги ихъ и безъ того плохо слушались. Не зная что̀ дѣлать, съ отчаянья, дядя мой одинъ, ночью, пустился отыскивать усадьбу Плюсковыхъ. Онъ догадался, что мать моя не у сада, а въ лѣсу; не на берегу рѣки Истьи, а надъ Окой. Въ ужасѣ за нее, прямикомъ, на удачу, блуждая, проваливаясь въ снѣгъ, перелѣзая какіе-то плетни, усталый, измученный добрался онъ къ двумъ часамъ по полуночи до деревни Острыя Луки, пробрался садомъ къ заколоченному балкону дома, сталъ стучаться, кричать, обошелъ на крыльцо и опять сталъ стучаться; но долго никто не рѣшался пускать его, такъ какъ лакеи не узнавали его охрипшаго голоса. Наконецъ-то проснулся весь домъ; проснулись Плюсковы и пришли въ ужасъ.

„Ступайте скорѣй, ищите сестру Наташу, тамъ гдѣ-то въ лѣсу, за мельницей“. Вотъ все, что̀ могъ, страшно запыхавшись, проговорить несчастный дядя, и повалился на диванъ какъ мертвый. Его раздѣли и стали оттирать теплой водкой, а между тѣмъ на ноги подняли чуть не всю деревню, велѣли осѣдлать лошадей, зажгли фонари. Окна дома, особливо антресольныя, освѣтили зажженными свѣчками; словомъ, иллюминовали весь домъ, чтобъ онъ былъ виденъ издали, и всѣхъ послали на поиски. Бѣдная мать моя найдена была, уже на разсвѣтѣ, полузастывшая отъ холода и, къ счастью, не съѣденная волками. Она уже начинала засыпать, когда услышала голоса, которые аукались. Въ домъ къ сестрѣ довезли ее на форейторскомъ сѣдлѣ. „Я ѣхала въ салопѣ, точно рыцарь въ епанчѣ“, говорила мнѣ мать моя. Наши няньки ахали и охали и даже утирали слезы, когда слушали разсказъ ея. Мнѣ было уже около 8-ми лѣтъ, и это не совсѣмъ обыкновенное приключеніе съ моею матерью сильно потрясло меня. Приключеніе это не обошлось безъ примѣси фантастическаго. Люди, посланные на поиски, разсказывали другъ другу шопотомъ, что во вѣки вѣковъ не найти бы имъ барыни, коли бы не какой-то невѣдомый старичекъ, который попался имъ на встрѣчу, протянулъ палецъ, сказалъ имъ: „тамъ ищите“ и изчезъ. Они поѣхали и нашли.

И такъ, вотъ съ которыхъ поръ у дяди моего, съ натуги, стали появляться признаки грыжи. Но извините, если я отклонился въ сторону. Я имѣлъ въ виду передать вамъ кой-какіе разсказы моего дядюшки, записанные мною со словъ его, въ то единственное лѣто, когда я гостилъ у него въ Смолеевкѣ.

Переписывая вамъ эти разсказы безъ всякихъ прикрасъ и объясненій, не знаю, насколько они будутъ интересны для вашихъ читателей; не отвѣчаю и за ихъ полнѣйшую достовѣрность; но что отъ нихъ пахнетъ Русской стариной—это несомнѣнно. Вотъ эти разсказы.

Былъ, въ царствованіе Павла, въ Казани, генералъ-губернаторъ князь Мещерскій. Онъ былъ и глухъ и слѣпъ. У него былъ племянникъ, фамилія его Овцинъ. Бывало, Мещерскій выѣдетъ на смотръ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, который былъ у него адъютантомъ. Ну вотъ Овцинъ тотчасъ же и подъѣдетъ къ капитану, да и спроситъ его: „Что! угостишь меня Шампанскимъ?"—Нѣтъ.—„Ну вотъ увидишь, что̀ будетъ!" Какъ только начнется, бывало, церемоніальный маршъ, Овцинъ и подъѣдетъ къ генералъ-губернатору да и говоритъ ему на ухо: Дядюшка, гадко! скверно! Тотъ и начнетъ кричать: „Государи мои, глазъ не видитъ, ухо не слышитъ, а знаю, что скверно, гадко, мерзко!" и начнетъ всѣхъ пушить. Вотъ, послѣ смотра, подъѣдетъ Овцинъ къ капитану и говоритъ: „Бутылки Шампанскаго пожалѣлъ, а теперь что̀, братъ?"

Этотъ Овцинъ былъ большой проказникъ. Была въ Казани распланировка улицъ. Вотъ племянникъ и повезетъ генералъ-губернатора по городу и начнетъ его водить; заведетъ его, напримѣръ, въ какую нибудь землянку или лачугу, назначенную къ сломкѣ, куда не согнувшись и пройти нельзя, а Мещерскій князь и кричитъ: Мошенникъ! куда ты меня завелъ! Я-то пролѣзу, да чинъ-то мой не пролѣзетъ!...

У князя Мещерскаго, какъ у генералъ-губернатора, въ торжественные дни, по обыкновенію того времени, ставились во время обѣда на столъ разные казенные серебрянные сервизы, для параду, часто пустые. Вотъ Овцинъ, бывало, наловитъ воробьевъ и напуститъ ихъ вездѣ и въ чаши, и въ соусники, и накроетъ крышками. Во время стола и попроситъ кого либо изъ гостей поднять крышки. Воробьи начнутъ летать по залѣ, а Мещерскій кричитъ: Александръ! Мошенникъ! Хоть бы дядю-то твоего пожалѣлъ!

Вотъ краткая біографія Овцина. Овцинъ служилъ въ провіатскомъ штатѣ. Вотъ однажды, когда воцарился Павелъ, Овцинъ съ своимъ товарищемъ, другимъ офицеромъ, и заведи такую рѣчь: что намъ здѣсь добраго дожидаться, денегъ казенныхъ у насъ много; возмемъ да и удеремъ за границу. Ихъ подслушали. Донесли Павлу. Вдругъ строгій приказъ: схватить ихъ обоихъ и отправить въ Петербургъ. Привезли ихъ въ Петербургъ и посадили подъ арестъ въ домѣ генералъ-губернатора, откуда имъ уйти было никакъ невозможно, такъ какъ заперли ихъ на четвертомъ этажѣ. Вотъ Овцинъ и говоритъ своему товарищу: „Эхъ, братъ, плохо намъ; я уже рѣшился броситься изъ окошка. Одной смерти не миновать, а двумъ не бывать: отъ Государя же вышла сентенція казнить насъ обоихъ яко измѣнниковъ отечества".—Ну такъ и я брошусь, отвѣчалъ товарищъ.—„Ну бросайся, сказалъ Овцинъ; ты сперва, а я за тобою". Тотъ бросился и разбился въ дребезги. Овцинъ же и не подумалъ

за нимъ послѣдовать. Доложите, говоритъ, Государю, что я имѣю кое-что нужное сообщить Его Императорскому Величеству. Павелъ велѣлъ позвать его. „Государь, сказалъ Овцинъ; мы подпили и пьяные сказали глупость, которой бы никогда не сдѣлали. До насъ дошли слухи, что ты Богъ знаетъ что такое; страхъ такой напустили объ тебѣ. Мой товарищъ, съ испуга, бросился въ окошко; а я понадѣялся на твою милость, не захотѣлъ умереть“.

Павелъ, выслушавъ его, велѣлъ посадить его только въ крѣпость. Но не больше мѣсяца просидѣлъ онъ въ этой крѣпости и назначенъ былъ въ Казань, прокуроромъ. Императоръ позвалъ его и говоритъ: Ну, смотри же, впередъ не шали.

Въ Казани Овцинъ женился на Мосоловой, дочери одного заводчика и взялъ за женою немало денегъ; потомъ былъ запутанъ въ какое-то дѣло и попался подъ судъ.

На престолъ взошелъ императоръ Александръ. Овцинъ и подаетъ новому Государю проэктъ объ управленіи иностранными исповѣданіями въ Россіи, гдѣ между прочимъ говоритъ: „Государь! У меня связаны руки, я запутанъ въ одномъ дѣлѣ, которое почти меня не касается, а то я могъ бы быть полезенъ и тебѣ и Отечеству“. Александръ велѣлъ ему явиться на лицо. Овцинъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Казани приходитъ къ тестю своему, Ивану Антоновичу Мосолову, обѣдать. Послѣ обѣда отводитъ его въ кабинетъ и говоритъ, что долженъ поговорить съ нимъ по секрету. Приходятъ въ кабинетъ. Овцинъ запираетъ дверь и проситъ у тестя десять тысячъ. Тотъ говоритъ: „Помилуй, гдѣ мнѣ взять; тебѣ я и такъ много далъ за дочерью“.—„Ну!“ говоритъ Овцинъ, и вынимаетъ два пистолета. „Если вы не дадите десяти тысячъ, мнѣ ѣхать къ Государю не съ чѣмъ, и я вотъ что сдѣлаю: сперва застрѣлю васъ, потомъ матушку Марью Ивановну, потомъ братца Николая Ивановича, потомъ всѣхъ вашихъ наслѣдниковъ, а потомъ и себя застрѣлю. Для чего вамъ беречь деньги, когда никого не будетъ“?

Тесть испугался и далъ ему десять тысячъ; Овцинъ же, выходя изъ кабинета, сказалъ: „Дуракъ я, что не попросилъ двадцати тысячъ; онъ бы испугался и далъ бы, да еще пожалуй и обчелся бы со страху“.

Съ тѣхъ поръ Мосоловъ не велѣлъ Овцину показываться себѣ на глаза и такъ его боялся, что на своемъ мѣдномъ заводѣ въ Вяткѣ приставилъ караулъ и когда пріѣзжала къ нему дочь его, то осматривали экипажъ, не спрятался ли куда нибудь Овцинъ.

Мосоловъ былъ скупъ и имѣлъ много странностей. Его любимая поговорка была: Богъ дастъ; впередъ увидимъ! Когда онъ собирался угощать кого нибудь чаемъ, то кричалъ: Эй, человѣкъ, чаю самоваръ! Когда ему нужно было говорить съ женой, то онъ всегда обращался къ ней: Матушка Марья Ивановна, мнѣ нужно съ вами переговорить; прошу пожаловать со мною въ укромное мѣстечко.

Овцинъ же явился въ Петербургъ къ Государю и такъ ему понравился, что былъ сдѣланъ прокуроромъ новаго управленія по

дѣламъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1805 году, когда открылась война, Овцинъ попросился у Государя за границу. Ему дали паспортъ. Пріѣхалъ онъ въ Саксонію, назвался графомъ Овцинымъ, живетъ тамъ въ одномъ трактирѣ, ничего не дѣлаетъ, ѣстъ да пьетъ, и уже задолжалъ рублей съ пятьсотъ. Случилось Государю проѣзжать по Саксоніи, остановиться у самаго этаго трактира и приказать дать себѣ напиться. Выходитъ трактирщикъ Нѣмецъ и начинаетъ хвастаться, что у него живетъ нѣкто Русскій графъ Овцинъ. Государь и говоритъ: нѣтъ, говоритъ, у меня такихъ графовъ; позвать его. Овцинъ подошелъ къ коляскѣ Государя, солгалъ, что укрывается отъ Французовъ, не знаетъ куда дѣваться, хочетъ въ Россію, но никакъ не можетъ. Кончилось тѣмъ, что Государь позволилъ ему сѣсть на козлы, рядомъ съ кучеромъ Ильею Ивановичемъ. Трактирщикъ хотѣлъ было напомнить Овцину о долгѣ, но тотъ показалъ ему только кулакъ и уѣхалъ. Сидя на козлахъ, Овцинъ попросилъ у Государя позволенія Русскія пѣсни пѣть; Государь позволилъ.

По пріѣздѣ въ Россію, Овцинъ назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Москву, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ графъ Гудовичъ. Гудовичъ ненавидѣлъ Овцина и написалъ Государю, что если Овцинъ будетъ въ Москвѣ вице-губернаторомъ, то онъ подастъ въ отставку. Вслѣдствіе сего Овцинъ былъ снова отозванъ въ Петербургъ, гдѣ ему и было обѣщано мѣсто губернатора.

Между тѣмъ, въ ожиданіи этого мѣста, онъ пишетъ въ Москву къ одному изъ своихъ пріятелей... Письмо это попалось Гудовичу; онъ тотчасъ же и отправилъ его къ Государю на прочтеніе. Ждетъ-ждетъ Овцинъ мѣста, не выходитъ ему это мѣсто. Князь Голицинъ, Александръ Николаевичъ, напоминаетъ о немъ Государю; но Государь позвалъ Голицина въ свой кабинетъ и показалъ ему письмо Овцина. Голицинъ отступился. Затѣмъ Овцину велѣно было въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга и выѣзжать изъ Москвы и изъ того мѣста, гдѣ будетъ проѣзжать Государь Императоръ. Жизнь его кончилась тѣмъ, что въ 1813-мъ году онъ поступилъ въ гусарскій полкъ, куда былъ принятъ маіоромъ и за границей умеръ горячкою.

Вотъ еще записанный разсказъ о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Орловъ былъ высокаго роста, ходилъ на деревяшкѣ, одна нога его была имъ потеряна въ Бородинскомъ сраженіи, говорилъ немного пискливымъ голосомъ, силы былъ необыкновенной и былъ ужасный гуляка.

Въ 182... (дядя мой не вспомнилъ года и добавилъ: кажется въ 25-мъ году) Орловъ жилъ въ Ярославлѣ, гдѣ родной сестры его мужъ, Безобразовъ, былъ губернаторомъ.

Однажды идетъ онъ по улицѣ, видитъ въ одномъ домикѣ: купецъ съ семействомъ и попъ сидятъ подъ окошкомъ и чай пьютъ. Онъ остановился подъ окошкомъ, попросилъ позволенія войти и напиться чаю въ такой прекрасной компаніи. Купецъ съ радостію изъявилъ ему свое согласіе (такъ какъ весь городъ Орлова зналъ); и

вотъ онъ вошелъ къ нимъ, усѣлся, долго дружелюбно бесѣдовалъ, потомъ вдругъ обратился къ попу. Батюшка, говоритъ, у меня есть къ вамъ просьба.—А что?—Да вотъ, я хочу попросить васъ, чтобы вы сняли рясу.—Попъ удивился.—Сдѣлайте милость, батюшка, снимите; я хочу ее примѣрить, хочу посмотрѣть, пристанетъ ли она ко мнѣ, или нѣтъ. Попъ долго не соглашался, наконецъ согласился. Θедоръ Θедоровичъ надѣлъ на себя рясу, схватилъ поповскую шапку да и былъ таковъ.

Идетъ Θедоръ Θедоровичъ въ рясѣ по улицѣ. Ѣдетъ бочка съ виномъ. Онъ сѣлъ верхомъ на бочку, и такимъ образомъ, на винной бочкѣ, въ поповской рясѣ, прокатился по всему городу.

А то вотъ еще что.

26 Августа Орловъ былъ въ гостяхъ у одного своего пріятеля, гдѣ былъ прокуроръ Б., тоже его пріятель. Сидѣли они долго, до 12-ти часовъ ночи. Б. ушелъ домой, а Орловъ остался. Вдругъ вспомнилъ онъ, что это день Бородинской битвы, день, который Θедоръ Θедоровичъ ежегодно праздновалъ. Ну, какъ хочешь, пошли за Шампанскимъ, сказалъ онъ хозяину дома. Да теперь ночь, Гдѣ-же взять Шампанскаго?—Какъ хочешь: въ этотъ день я не могу жить безъ Шампанскаго.

Послали доставать Шампанскаго. Достали.

— Ну, теперь пойдемъ къ Б., пусть и онъ съ нами выпьетъ; а если спитъ, разбудимъ.

Б. дѣйствительно былъ уже дома, раздѣлся и легъ спать съ своей метрессой. Вдругъ слышитъ, стучатся въ дверь. Кто тамъ? — Мы. Нынче 26-е Августа, день Бородинской битвы: вставай пить Шампанское.

— Не хочу.

— Отворись!

Б. не хотѣлъ отворить двери и сталъ ругаться. Орловъ не выдержалъ: схватилъ свой костыль, вышибъ двери, вошелъ въ комнату, поймалъ Б. за рубашку и стальнымъ прутомъ сталъ по голой спинѣ стегать его. Къ счастью, рубашка оборвалась, и Б. убѣжалъ.

Разсказывая все это, дядя мой заливался, по истинѣ, дѣтскимъ хохотомъ. Мы же, старики нашего времени, такъ смѣяться уже не можемъ.

Я. Полонскій.

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ.

Графъ Семенъ Романовичь Воронцовъ, живучи въ Англіи, сперва, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, въ званіи Русскаго посланника, а остальныя двадцать семь лѣтъ частнымъ человѣкомъ, былъ однако чуждъ такъ называемаго абсентеизма или самопроизвольнаго отлученія отъ родины, тяжкой позднѣйшей болѣзни Русскаго общества. Напротивъ, его домъ въ Лондонѣ былъ маленькою Русскою колоніею, въ которой заѣзжіе Русскіе люди чувствовали себя какъ-бы на родинѣ. Графъ Воронцовъ, во всю свою жизнь, поддерживалъ непрестанныя сношенія съ горячо-любимымъ Отечествомъ. Сношенія эти были для него столько же потребностью сердца, какъ и требованіемъ тонкаго ума: въ нихъ была его сила, и они давали ему самобытность, которая вездѣ цѣнится, а особливо въ Англіи. Отвѣчая живому, сердечному участію, которое онъ принималъ въ дѣлахъ Россіи, къ нему обращались письменно (и съ извѣстіями и за совѣтомъ) сначала бывшіе его товарищи по службѣ, князь Безбородко, графы Завадовскій и Марковъ, Д. П. Трощинскій; потомъ люди младшаго поколѣнія, князь Кочубей, графы Новосильцовъ и Н. П. Панинъ; наконецъ, уже будучи въ отставкѣ и въ глубокой старости, онъ имѣлъ усердныхъ корреспондентовъ въ своемъ сынѣ, который съ раннихъ лѣтъ сдѣлался участникомъ и дѣятелемъ важныхъ событій и въ Н. М. Лонгиновѣ, занимавшемъ мѣсто секретаря при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься: я скажу, кто ты таковъ и чѣмъ ты занятъ“. Имена лицъ, съ которыми графъ Воронцовъ состоялъ въ перепискѣ, сами свидѣтельствуютъ о важности сей послѣдней: въ ней содержатся драгоцѣнныя историческія показанія. Графъ Воронцовъ умѣлъ внушать къ себѣ горячее сочувствіе и прочную привязанность. Къ нему относились довѣрчиво и въ тоже время уважали его; оттого умышленно извращать передъ нимъ истину не было поводовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нему нельзя было писать одни пустяки. Мы надѣемся познакомить читателей Русскаго Архива съ этимъ важнымъ историческимъ запасомъ, по мѣрѣ разработки его и приведенія въ порядокъ. Но первый разъ предлагаются здѣсь выдержки изъ писемъ въ Англію графа Ѳ. В. Ростопчина, Французскіе подлинники которыхъ помѣщены въ осьмой книгѣ Архива Князя Воронва. Приводимъ отрывокъ изъ предисловія въ этой книгѣ.

Письма графа Ростопчина затрогиваютъ важнѣйшія явленія стараго времени и касаются множества лицъ. Цѣлое поколѣніе, нынѣ все сошедшее въ могилу, находитъ въ графѣ Ростопчинѣ меткаго, но въ тоже время желчнаго и почти всегда пристрастнаго оцѣнщика и судію. Нынѣ живущіе потомки затронутыхъ имъ лицъ простятъ ему его отзывы: умышленно клеветать онъ не былъ способенъ; но въ тоже время, по самой природѣ своей, пылкой, поверхностной, артистически-щеголеватой, не могъ

онъ быть вполнѣ правдивъ и точенъ. „Красное словцо“ слетало съ его устъ почти безсознательно. Объ одномъ и томъ же лицѣ онъ отзывается розно, смотря по тому, какъ это лицо представляется всегда возбужденному наблюденію его. Но какъ бы ни были желчны и невѣрны сужденія графа Ростопчина, невозможно отказать его письмамъ въ сообщеніи множества новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, въ зоркой наблюдательности и въ чрезвычайной живости изложенія. Намъ кажется, что съ обнародованіемъ ихъ, мы имѣемъ въ графѣ Ростопчинѣ уже не только оригинальнаго писателя и достопамятнаго дѣятеля грозныхъ Павловскихъ временъ и 1812 года, но и лѣтописца, показанія котораго не могутъ быть опущены въ Исторіи. Глядя на него съ этой точки зрѣнія, надо признаться, что и тутъ онъ жилъ не безслѣдно: въ его письмахъ (изъ которыхъ многія, относящіяся къ 1812 году, помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1875 года) и въ его отрывочныхъ запискахъ отразилась вся современная ему жизнь, съ молодости и до послѣдняго предсмертнаго мѣсяца, съ Ясскаго конгресса, котораго онъ былъ секретаремъ и до 14 Декабря: его извѣстія о событіи этого дня напечатаны во 2-й книгѣ Девятнадцатаго Вѣка. Онъ умеръ въ Январѣ 1826 года, но еще успѣлъ сострить про Декабристовъ: во Французскую революцію сапожники и портные вздумали стать на мѣсто князей и графовъ, а у насъ князьямъ и графамъ захотѣлось въ сапожники и портные.

Во имя всепримиряющей Исторіи да простится графу Ѳедору Васильевичу его злорѣчіе. Самъ онъ жестоко потерпѣлъ за него: къ концу поприща своего онъ покинутъ обществомъ и доживалъ вѣкъ въ одинокомъ желчномъ раздраженіи. Но онъ лицо вполнѣ историческое, и нижеслѣдующія дружественныя повѣренія содержатъ въ себѣ многія любопытныя черты какъ его времени вообще, такъ и его собственной біографіи.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ С. Р. ВОРОНЦОВУ.

1.

20 Февраля 1791. Спб.

Два раза имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству въ продолженіи похода 1789 года и, не получа отвѣта, я полагалъ, что мнѣ слѣдуетъ замолчать. Съ майоромъ Ламсдорфомъ, посланнымъ въ Вѣну, отправленъ мною для отдачи на почту пакетъ на ваше имя, и въ немъ планы Фокшанскаго и Рымникскаго сраженій, съ замѣтками принца Кобурга. За тѣмъ, я всѣмъ разсказывалъ о вашихъ ко мнѣ милостяхъ и просилъ г-на Кочубея [1]) напомнить вамъ обо мнѣ.

Не было никогда человѣка болѣе меня неудачливаго. Полный того усердія, которое заслужило мнѣ вашу рекомендацію, я продолжаю служить и испытываю лишь невзгоды. Я участвовалъ въ первомъ Финляндскомъ походѣ [2]). Когда князь Ангальтъ прі-

---

[1]) Славный впослѣдствіи князь Кочубей посланъ былъ своимъ дядею, графомъ Безбородкою, въ Англію, гдѣ воспитывался подъ надзоромъ графа С. Р. Воронцова.

[2]) Лѣтомъ 1788 года. Весною этого года Ростопчинъ еще въ Лондонѣ (Записки гр. Комаровскаго въ І-й кн. Девятнадц. Вѣка, стр. 327), въ чинѣ поручика Преображенскаго полка. Уже это предрасполагало графа Воронцова къ молодому, любознательному и острому юношѣ: графъ Воронцовъ, страстно любившій военное дѣло, тоже началъ службу въ Преображенскомъ полку.—Ростопчинъ бралъ въ Лондонѣ уроки кулачнаго боя (тамъ же, стр. 329).

ѣзжалъ изъ подъ Очакова, я причислился къ нему и рѣшился за нимъ послѣдовать. Я видѣлъ, какъ Турки бѣгали и какъ брались крѣпости безъ боя. Лишившись брата, который погибъ отъ Шведовъ въ морскомъ бою 13 Августа [3]), я поѣхалъ навѣстить своего отца, въ рѣшимости не возвращаться болѣе въ армію, гдѣ чинъ не защищаетъ отъ обиды и гдѣ надо скрывать свою честность, если желаешь успѣховъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы находиться при князѣ Ангальтѣ, но онъ вскорѣ погибъ [4]).

Его отличное обращеніе со мною внушило желаніе князю Нассау имѣть меня при себѣ. Онъ далъ мнѣ въ команду гренадерскій баталіонъ. Въ дѣлахъ 22 и 28 Іюня я исполнилъ мою обязанность; но молчалъ и ничего не получилъ, хотя отзывы обо мнѣ были самые лестные. Нѣсколько раздосадованный этимъ, я просилъ князя Нассау, чтобы вмѣсто креста, который онъ желалъ мнѣ доставить, онъ выхлопоталъ мнѣ званіе камеръ-юнкера; потому что мое намѣреніе всегда было не носить его только, а заслуживать. Императрица немедленно приказала заготовить указъ о моемъ повышеніи. Указъ долженъ былъ быть подписанъ 8 Сентября. Отложили до 22, но онъ и до сихъ поръ остается въ портфелѣ графа Безбородки. Между тѣмъ князь Нассау сталъ мною заниматься и приманкою награды, на которую онъ далъ мнѣ право разсчитывать, захотѣлъ женить меня на своей незаконной дочери, такъ какъ, по несчастію, оставшись единственнымъ сыномъ, я имѣю состояніе. Такой безчестный поступокъ привелъ меня въ негодованіе и въ бѣшенство. Какъ скоро я увидѣлъ, что со мною играютъ въ такую игру, я уѣхалъ изъ Петербурга, покинувъ всякія надежды. Теперь меня увѣряютъ, что стоитъ только графу Безбородкѣ сказать одно слово, и Ея И. Величество вспомнитъ о своемъ намѣреніи наградить меня. Князь Ангальтъ желалъ мнѣ добра, но его нѣтъ на свѣтѣ. Будьте моимъ благодѣтелемъ, и признательность моя будетъ вѣчною, какъ и память, которую храню я о вашихъ ко мнѣ милостяхъ. Коль скоро будетъ заключенъ миръ, успѣю ли я или нѣтъ въ моемъ намѣреніи, я попрошу у васъ убѣжища отъ преслѣдующаго меня злополучія и посвящу мои дни на то, чтобы заслуживать ваше уваженіе, и пр.

2.

7 Октября 1791 года, Яссы.

Я имѣлъ честь писать къ вамъ изъ Петербурга въ Маѣ мѣсяцѣ и прошлаго года послѣ кампаніи, въ которой я участвовалъ съ княземъ Нассаускимъ. Не получивъ отвѣта, опасаюсь, не лишился ли я вашей благосклонности, тогда какъ мое живѣйшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ удостоиться вашего добраго мнѣнія. Злосчастная судьба, преслѣдующая меня во всѣхъ случаяхъ жизни,

[3]) 1789 года. Это была побѣда надъ Шведами, которую Екатерина напрасно приравнивала къ побѣдѣ Чесменской.

[4]) Это былъ Викторъ-Амедей Ангальтъ-Бернбургскій. Онъ скончался въ Апрѣлѣ 1790 года вслѣдствіе ранъ, полученныхъ въ сраженіи со Шведами.

заставила меня, вопреки моему ожиданію, предпринять сіе послѣднее путешествіе. Принцъ Виртембергскій, оказывавшій мнѣ искреннюю дружбу, пригласилъ меня сопровождать его, и я тѣмъ охотнѣе согласился, что великая княгиня желала, чтобъ я сопутствовалъ ея брату. Едва пріѣхавъ на мѣсто, онъ заболѣлъ и умеръ отъ желчной лихорадки. Я хотѣлъ тотчасъ пуститься въ обратный путь, но не могъ добиться разрѣшенія на отъѣздъ, и сожалѣлъ о потерѣ принца, одареннаго столь прекрасными качествами души. Онъ сбирался путешествовать и съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая познакомиться съ вами. Я пріѣхалъ въ Яссы, гдѣ болѣзнь сдѣлалась повальною; всѣ заболѣвали, но никто не умиралъ. Князь Потемкинъ, пораженный мыслью о смерти (потому что въ Галацѣ, на похоронахъ принца Виртембергскаго, вмѣсто своихъ дрожекъ, ошибкою сѣлъ на дроги, привезшія тѣло), захворалъ, уѣхалъ въ Берлатъ, въ Гушъ, и наконецъ поселился на дачѣ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Были у него лихорадочные припадки, но онъ поправился, возвратился въ городъ и вновь заболѣлъ, наѣвшись гусятины и плодовъ. Онъ не согласился принять никакого лекарства и, слабый, но упрямый какъ всегда, непремѣнно захотѣлъ оставить Яссы и водвориться близъ Очакова, въ Николаевѣ, посреди новыхъ сооруженій. Онъ остановился ночевать, отъѣхавъ 25 верстъ, провелъ всю ночь безпокойно, обливалъ себѣ голову одеколономъ и желудокъ холодною со льдомъ водою. Въ 8 часовъ утра, онъ отправился далѣе, проѣхалъ 6 верстъ и закричалъ, чтобъ его выпустили и что онъ умираетъ. Хотѣли его удержать, но онъ выпрыгнулъ, съ босыми ногами, крича, что умираетъ и ничего уже не видитъ и, черезъ пять минутъ предсмертнаго томленія, испустилъ духъ на большой дорогѣ. Кончина его была также необыкновенна, какъ и его жизнь. Всѣ здѣсь притворяются огорченными, и никто не думаетъ о послѣдствіяхъ. Г. Каменскій принялъ начальство, какъ старшій. Вѣрно то, что день смерти Потемкина есть день возрожденія честныхъ людей, и что никто изъ военныхъ не сожалѣетъ о немъ; но многіе думаютъ, что лишились новыхъ чиновъ, орденовъ и проч.

Я нѣсколько поправился послѣ моей болѣзни; вскорѣ выѣду отсюда и надѣюсь еще увидѣть графа Румянцева, истинно знаменитаго Европейскаго военачальника. Я счелъ долгомъ сообщить вамъ эту важную новость и покорно прошу васъ увѣдомить меня, могу ли надѣяться на продолженіе оказаннаго мнѣ вами расположенія.

3.

25 Декабря 1791 года, Яссы.

Рѣдко въ моей жизни испытывалъ я столь счастливую минуту какъ при подачѣ мнѣ барономъ Бюлеромъ вашего письма. Оно уничтожило мои опасенія быть вами забыту и, разсѣявъ сомнѣнія, давно меня мучившія, внушило мнѣ новую увѣренность въ вашемъ благорасположеніи. Простите меня, графъ, если я вообразилъ, что вы могли перемѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Хотя, въ мое кратковременное пребываніе въ Англіи, я старался сдѣлаться достойнымъ вашего вниманія; но судьба, неотступно меня преслѣдующая,

до того противодѣйствовала моимъ начинаніямъ, что я не удивился бы, услышавъ, что нѣкоторые мои поступки подвергаются въ обществѣ невыгодному для меня истолкованію. Я не имѣю передъ вами иныхъ заступниковъ, кромѣ моихъ несчастій и моихъ чувствъ, которыми руководился я во всѣхъ случаяхъ; а какъ мнѣ никогда не отказывали въ имени благороднаго человѣка, то я надѣюсь, что оно же и дастъ мнѣ право на ваше уваженіе и вашу благосклонность.

Вы не ошибаетесь, когда говорите, что несчастіе во всемъ преслѣдовало меня еще упорнѣе, нежели я противъ него боролся. Неудача была наградою за усердіе, съ какимъ я старался заслужить отличіе. Можетъ быть, я мѣтилъ высоко, имѣя лишь слабыя средства; но внушенная мнѣ вами ревность и ваши наставленія должны были, по мнѣнію моему, разсчистить мнѣ путь. Къ сожалѣнію, опытъ доказалъ мнѣ, что человѣческія усилія не могутъ преодолѣть судьбы; цѣлые три года неудачь, гоненій и непріятностей отвратили меня отъ поприща, избраннаго мною съ пламеннымъ порывомъ и на которомъ я чаялъ найти вѣрные случаи отличиться и удостоиться почестей, которыя раздавались такъ щедро, а на мою долю не выпали единственно потому, что я родился несчастливымъ и слишкомъ заботился о соглашеніи моихъ поступковъ съ моею совѣстью.

Вы удивляетесь, графъ, моему скитанію во время обѣихъ войнъ. Вотъ моя исторія. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, я отправился въ главную квартиру, мирно расположенную въ Фридрихсгамѣ, и присутствовалъ на смотру небольшой арміи, которую считали достаточною для защиты всей страны и которая болѣе походила на обсерваціонный корпусъ во время перемирія. По возвращеніи въ Петербургъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія другой кампаніи. Опасаясь причисленія къ гвардейскому батальону и роли простаго зрителя военныхъ дѣйствій, я рѣшился направиться въ походъ противъ Турковъ. Я пожелалъ состоялъ при князѣ Ангальтскомъ, заслужилъ его довѣріе и, слѣдовательно, нерасположеніе князя Потемкина. По окончаніи этого похода сдачею Бендеръ, я поспѣшилъ вернуться въ Россію и оставилъ армію, въ которой личность главнокомандующаго производила на меня мучительное впечатлѣніе. Я дождался въ Петербургѣ возвращенія князя Ангальтскаго. Онъ пріѣхалъ изъ Германіи и, получивъ назначеніе въ Финляндію (куда и я послѣдовалъ за нимъ), былъ тамъ убитъ. Тогда принцъ Нассаускій принялъ меня подъ свое покровительство, въ память брата моего, который служилъ подъ его начальствомъ въ предъидущую кампанію и былъ взорванъ на воздухъ, вмѣстѣ съ своею галерою, въ день 13-го Августа. Я участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, и между прочими въ томъ, гдѣ Шведскій король, уже лишенный всякой надежды сохранить свое королевство, сдѣлался побѣдителемъ, самъ не зная какъ. Князь Нассаускій, который также легко забываетъ свои неудачи, какъ дурную погоду, возвратился, хотя и побитый, но весьма гордый, и не имѣлъ причинъ жаловаться: онъ былъ осыпанъ наградами и, болѣе чѣмъ когда-либо, сталъ по прежнему

героемъ и адмираломъ. Я говорилъ вамъ о скверной продѣлкѣ, задуманной имъ противъ меня, заодно съ его супругою. Видя, что награды даются только иностранцамъ и шпіонамъ, я изъяснилъ ему въ письмѣ мой взглядъ на это, и уѣхалъ въ Москву разсѣять свое горе. Нынѣшнею весною, видя, что приготовленія къ новой войнѣ продолжаются безостановочно, я возвратился въ Петербургъ, чтобы присмотрѣться къ обстоятельствамъ. Принцъ Виртембергскій выразилъ сильное желаніе имѣть меня при себѣ, и я тѣмъ охотнѣе согласился, что великая княгиня раздѣляла это желаніе. Я прибылъ въ армію съ принцемъ и лишился его въ Галацѣ. Я вновь попалъ подъ гнетъ вмѣстѣ со всѣми и заболѣлъ; а между тѣмъ смерть совершила свой тяжкій ударъ. Великій человѣкъ исчезъ, не унося съ собою ничьихъ сожалѣній, кромѣ разочарованія лицъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ, и слезъ гренадеровъ его полка, которые, лишаясь его, теряли также и возможность воровать безнаказанно. Что касается меня, то я очень радъ, что день его смерти положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія Родосскаго колосса.

Г. Самойловъ, назначенный быть первымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, пригласилъ меня въ сотрудники. Я поѣхалъ съ нимъ въ качествѣ секретаря. Графъ Безбородко прибылъ, одобрилъ этотъ выборъ и, по отъѣздѣ г-на Машкова, мнѣ поручено составленіе журнала или протокола конференцій.

Я крайне сожалѣю, что не получилъ вашего письма: оно избавило бы меня отъ многихъ тяжелыхъ минутъ, проведенныхъ мною въ изъисканіи причинъ, которыя могли навлечь мнѣ ваше неудовольствіе. Послѣ положительныхъ увѣреній, данныхъ мнѣ въ Петербургѣ, о согласіи Императрицы сдѣлать меня камеръ-юнкеромъ, я воображалъ, что нужно только напомнить ей мое имя. Вижу теперь, что князь Нассаускій, г. Турчаниновъ и прочіе, недовольствуясь несправедливостью своихъ поступковъ, еще потѣшались надъ моимъ легковѣріемъ. Коль скоро такъ случилось, то я этому радъ: подобный образъ дѣйствій избавляетъ меня отъ благодарности, чувства очень тяжкаго относительно лицъ, которыхъ нельзя уважать. Не думаю, чтобъ занимаемая мною теперь должность могла дать мнѣ право на какія-нибудь значительныя награды. Надѣюсь только на васъ; мнѣ невозможно найти болѣе достойнаго покровителя. Въ новый годъ буду капитаномъ; чинъ полковника для меня слишкомъ высокъ. Впрочемъ, война окончена, и вмѣстѣ съ тѣмъ служба теряетъ всякую прелесть. Армія наполнена иностранцами, людьми безъ рода и племени, казаками, которымъ даны лучшіе полки; все это—челядь покойнаго князя. Только тѣ, кто не имѣлъ къ нему доступа, остались маіорами. Найдется двадцать примѣровъ, что люди, бывшіе сержантами гвардіи, въ какіе нибудь два года, или даже менѣе, попали въ подполковники; и я утѣшаюсь только тѣмъ, что не оставилъ гвардіи, какъ предполагалъ сначала. Дай Богъ, чтобъ порядокъ возстановился; но уваженіе къ чинамъ потеряно. Здѣсь никогда не было рѣчи о заслугахъ, за какія получалось по-

вышеніе; говорили просто: это подполковникъ или маіоръ, по милости госпожи такой-то. Вотъ почему я желаю сдѣлаться камеръ-юнкеромъ, дабы заслужить доброе о себѣ мнѣніе и продолжать службу. Меня увѣряютъ, и я знаю, что это званіе дается легко; но нужно его исходатайствовать, а я такъ несчастливъ во всѣхъ моихъ начинаніяхъ. Мнѣ сулятъ успѣхъ, предложенія покровительства сыплются на меня со всѣхъ сторонъ; но у насъ такъ много обѣщаютъ, что подъ конецъ ничего не дѣлаютъ. Я сталъ недовѣрчивъ. Больно, никогда никого не обманывая, постоянно быть обмануту.

Послѣ того, къ кому обратиться? Исполненный слѣпаго довѣрія къ вашей благосклонности, ожидаю моей участи. Желаю, чтобъ вы были ея рѣшителемъ. Пусть напомнятъ обо мнѣ, отъ вашего имени, графу Безбородкѣ, когда будутъ назначаемы награды бывшимъ на конгрессѣ; въ такомъ случаѣ я навѣрно получу желаемое, и во всю жизнь буду имѣть поводъ гордиться моимъ покровителемъ.

По всѣмъ вѣроятностямъ, миръ будетъ подписанъ недѣли черезъ три или ранѣе, если не представится къ тому совершенно неожиданныхъ препятствій. Бароцци, посланный отъ графа Безбородки къ великому визирю, возвратился, и повидимому исполнилъ свое порученіе удачно. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ переговоры затянулись: ибо графъ Безбородко, пріѣхавъ сюда, послалъ Турецкимъ уполномоченнымъ письмо (исполненное убѣдительнаго краснорѣчія), въ которомъ открыто изъяснилъ свое намѣреніе не терять времени и потребовалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ. Если теперь можетъ возникнуть какое-нибудь затрудненіе, то единственно съ нашей стороны. Съ посланниками высокой Порты обращаются строго и часто даютъ имъ чувствовать, что конгрессъ въ Яссахъ не похожъ на конгрессъ въ Систовѣ, и что переговоры между нами ведутся безъ посредниковъ. Въ Шумлѣ великій визирь и чума; приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобъ остановить распространеніе заразы и не дать ей проникнуть въ наши квартиры.

Городъ Яссы, всегда грязный и нечистый, совсѣмъ опустѣлъ послѣ вывоза тѣла князя Потемкина и отъѣзда его свиты. Два мѣсяца тому назадъ, онъ былъ настоящею больницей. Лихорадки страшно свирѣпствовали, и въ Августѣ мѣсяцѣ, на Дунаѣ, двѣ трети арміи были больны. Эта болѣзнь начиналась ознобомъ и бредомъ. По истеченіи четырехъ дней, опасность проходила; но нужны были недѣли для поправки и возстановленія силъ. Эти лихорадки, которыя, казалось, утихли, возобновились отъ сырой погоды, и отъ нихъ умерло нѣсколько лицъ, между прочими графъ Гуровскій и молодой Рибасъ. Послѣдній былъ кавалеромъ св. Георгія и св. Владиміра 3-хъ степеней. Онъ имѣлъ золотую шпагу и всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей храбрости, при покровительствѣ старшаго брата, который командуетъ флотиліей и хвалится своими подвигами, ссылаясь на свой большой Георгіевскій крестъ и на великолѣпную шпагу, подаренную ему Императрицею за мнимую храбрость. Этотъ человѣкъ, умѣющій, посредствомъ разныхъ происковъ, сблизиться

съ кѣмъ захочетъ, дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобъ угодить графу Безбородкѣ, который своимъ привѣтливымъ видомъ и вѣжливымъ обращеніемъ подаетъ ему надежду на успѣхъ. Г. Павелъ Потемкинъ болѣнъ, и полагаютъ, что изнуреніе сведетъ его въ могилу. Братъ его Михаилъ, который пріѣзжалъ изъ Петербурга для ревизіи дѣлъ коммиссіи и для повѣрки чрезвычайной суммы, не нашедши послѣдней, уѣхалъ, въ полномъ убѣжденіи, что имѣетъ вѣрный случай повредить г. Попову, своему врагу; но смерть разстроила его предположеніе, постигнувъ его внезапно, въ каретѣ, на разстоніи ста верстъ отъ Кіева. Раздѣлъ имѣній князя еще не состоялся. Наслѣдники положились на рѣшеніе Императрицы. Князь Потемкинъ оставилъ нѣкоторые долги, 70000 душъ крестьянъ въ Польшѣ, 6000 въ Россіи, и на полтора милліона рублей бриллiянтовъ. Чуденѣе всего, что онъ забытъ совершенно. Грядущія поколѣнія не будутъ благословлять его память. Онъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ изъ добра дѣлать зло и внушать къ себѣ ненависть, расточая благодѣянія небрежною рукою. Казалось, онъ опредѣлилъ себѣ задачей, во всѣхъ званіяхъ, унижать человѣка, чтобъ становить себя выше его. Вы не можете себѣ представить, графъ, сколько повредила послѣдняя поѣздка его въ Петербургъ многимъ лицамъ, пользовавшимся до того времени уваженіемъ. Низость восторжествовала надъ высокомѣріемъ и притворными чувствами. Послѣднею слабостью князя Потемкина было влюбляться во всѣхъ женщинъ и прослыть за повѣсу. Это желаніе, хотя и смѣшное, имѣло, однакоже, полный успѣхъ. Ему было очень легко стать въ такую обстановку, и попытка эта обмануть публику на счетъ себя обнаружила всѣ происки Петербургскаго общества. Немногія лица могли похвалиться своимъ поведеніемъ. Женщины хлопотали о благосклонности князя, какъ мущины хлопочатъ о чинахъ. Бывали споры о матеріяхъ на платья, о приглашеніяхъ, и пр. Князь обѣщалъ все и не могъ ничего добиться. Онъ былъ почти сосланъ; значеніе его упало, и онъ уѣхалъ, истративъ въ 4 мѣсяца 850000 рублей, которые были выплачены изъ Кабинета, не считая частныхъ долговъ.

Его смерть повредила г. Каменскому, который оказался здѣсь старшимъ генераломъ. Онъ сотворилъ столько продѣлокъ и такъ надоѣлъ Императрицѣ, что она приказала ему отправиться въ Москву. Г. Каховскій командуетъ здѣсь, хотя это незамѣтно: у него нѣтъ власти, и онъ ничего не смѣетъ дѣлать. Графы Потоцкій и Ржевускій находятся еще здѣсь. Партія ихъ въ Польшѣ становится очень сильною. Перваго изъ нихъ хотѣли на сеймѣ выбрать въ короли. Войска республики стоятъ на границѣ и подаютъ видъ, будто намѣрены защищаться.

Извините, графъ, пространность этого письма. Я вынужденъ былъ говорить вамъ о моихъ несчастіяхъ и о моей благодарности за ваше участіе. О грядущихъ событіяхъ извѣщу васъ при первомъ случаѣ. Не замедлю васъ увѣдомить о заключеніи мира. Я думаю выѣхать прежде графа Безбородки, чтобъ повидаться съ отцомъ мо-

имъ въ Москвѣ. Если вы захотите сообщить мнѣ что-нибудь, потрудитесь адресовать письмо въ Петербургъ къ вашему брату. Позволяю себѣ вложить письмо къ г. Кочубею.

*

29 Декабря 1791.

Письмо мое осталось неотправленнымъ, вслѣдствіе сегодняшняго счастливаго событія. Прибавляю это дополненіе, болѣе достойное вниманія чѣмъ все, что̀ я имѣлъ честь говорить вамъ выше. По пріѣздѣ Бароцци, была 27-го числа конференція, на которой Турки согласились безусловно принять двѣ статьи, вызвавшія возраженія съ ихъ стороны. Въ силу одной изъ этихъ статей, Порта дѣлается отвѣтственною за всѣ безпорядки, могущіе произойти отъ Закубанскихъ племенъ; по другой, она обязуется вознаградить изъ своей казны всѣ убытки, нанесенные корсарами подданнымъ Россійской имперіи. По принятіи этихъ двухъ статей, оставалась только статья о денежномъ вознагражденіи за военныя издержки, которая не входила въ текстъ договора, а составляла особое приложеніе и которую Турки никакъ не рѣшались взять со стола, гдѣ она была оставлена ими въ день ея предъявленія. Однакоже они, взявши ее наконецъ, согласились имѣть на другой день конференцію для ея обсужденія; но графъ Безбородко избавилъ ихъ отъ этого труда неожиданнымъ сообщеніемъ: вошедши въ залу конференцій, онъ объявилъ, что *Ея Императорское Величество, желая установить безопасность своихъ границъ и видя готовность, съ какою гг. уполномоченные высокой Порты удовлетворили ея требованіямъ, отказывается отъ вознагражденія за военные расходы и даруетъ миръ.* Турки едва могли этому повѣрить: такъ велика была ихъ радость. Благодаренія ихъ соотвѣтствовали признательности, которую должно было внушить имъ подобное великодушіе. Подчеркнутыя мною строки выписаны изъ протокола. Я хотѣлъ послать вамъ копію со всѣхъ статей мирнаго договора, но гр. Безбородко совѣтовалъ мнѣ этого не дѣлать, такъ какъ мое письмо пойдетъ по почтѣ на Варшаву.

Г. Марковъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Онъ мнѣ не чета относительно счастья: въ три года, изъ маіоровъ онъ будетъ генераломъ, и притомъ увѣшанъ орденами. Г. Бюлеръ младшій отправленъ въ Вѣну; г. Татищевъ, гвардейскій офицеръ, въ Константинополь; другой того-же имени въ Неаполь; подполковникъ Бороздинъ—въ Варшаву, куда хотѣли послать меня, что̀ мнѣ графъ и предлагалъ; но когда я благодарилъ его, онъ былъ на столько добръ, что выбралъ для меня болѣе пріятное порученіе: онъ чрезъ пять дней посылаетъ меня къ Императрицѣ съ тремя послѣдними протоколами, объясняя притомъ, что они ведены мною. Не знаю, чѣмъ я могъ заслужить такой знакъ его расположенія; но думаю, что я обязанъ этимъ вашему предстательству. Генералъ Самойловъ ѣдетъ чрезъ двѣ недѣли съ ратификаціей великаго визиря. Онъ беретъ съ собою Раевскаго, внучатнаго племянника покойнаго князя. Графъ Чернышевъ повезетъ ратификацію султана, и немедленно затѣмъ послѣдуетъ возвращеніе графа Безбородки.

Простите, графъ, несвязность этого письма: радость взволновала меня. Я люблю мое Отечество, хотя долженъ въ немъ страдать; вижу, что оно озаряется новымъ блескомъ и что наша Государыня увѣнчана славою, принадлежностью великаго духа. Если въ этой войнѣ вы не имѣли случая примѣнить ваши военныя дарованія, бывши вдалекѣ отъ мѣстъ, гдѣ такъ легко одерживались побѣды, то вы оказали другія услуги, достойныя вашего высокаго ума и вашей прекрасной души.

4.

С. Петербургъ, 13/24 Февраля 1792 г.

Я на дняхъ произведенъ въ камеръ-юнкеры и спѣшу принести вамъ дань моей благодарности. Какъ до объявленія этой царской милости такъ и послѣ, мнѣ высказано были столько лестнаго, что я не рѣшаюсь вполнѣ уповать на открываемую мнѣ будущность. Впервыя въ жизни моей я получилъ то, чего могъ желать при настоящихъ обстоятельствахъ. Чувство радости, которое овладѣло мною, не помрачается воспоминаніемъ о средствахъ, употребленныхъ для достиженія этой цѣли: покровительствомъ, которымъ я пользуюсь, и перемѣною моей жизни я обязанъ вашей благосклонности. Мой образъ мыслей удостоился вашего одобренія, и съ той поры моею главною задачею было заслужить уваженіе ваше. Не откажите мнѣ, графъ, въ чувствѣ, котораго я домогаюсь и которое необходимо для моего счастія. Довершите то, что̀ вамъ угодно было начать и руководите меня вашими совѣтами въ той сферѣ, гдѣ человѣка подобнаго вамъ не существуетъ.

Я заболѣлъ на другой день по пріѣздѣ моемъ изъ Яссъ и до сихъ поръ не выхожу изъ комнаты. Братъ вашъ почтилъ меня присылкою письма, въ которомъ вы изъявляете ваше удовольствіе за сообщеніе мною извѣстій, какія мнѣ казались для васъ наиболѣе занимательными. Я высоко цѣню, графъ, новые знаки вашей благоволенія. Я очень радъ, что вы говорите гр. Безбородкѣ о моей признательности; ей безъ сомнѣнія повѣрятъ. Жду съ нетерпѣніемъ его пріѣзда, чтобъ его встрѣтить и принести ему мои благодаренія; послѣ васъ, я этого человѣка почитаю болѣе всѣхъ, не столько за сдѣланное имъ мнѣ добро, сколько за благородный образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. Я съ удивленіемъ узналъ, по прибытіи сюда, что онъ неоднократно, въ очень лестныхъ выраженіяхъ, писалъ обо мнѣ Ея Величеству, и она благоволила сказать г. Самойлову, что предназначаетъ меня состоять при его посольствѣ [5]).

Вы вполнѣ справедливо говорите, что графъ Безбородко покрылъ себя славою. Препятствія, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, отсутствіе самыхъ необходимыхъ средствъ для переговоровъ съ Турками, извѣстныя свойства ихъ уполномоченныхъ, все было соединено, чтобъ выставить въ яркомъ свѣтѣ его великія дарованія. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на его труды, тѣмъ болѣе удивлялся его генію. Для успѣха въ самомъ трудномъ дѣлѣ ему сто̀итъ только при-

---

[5]) Посольство графа А. Н. Самойлова въ Константинополь не состоялось.

няться за работу. Онъ теперь собираетъ на пути своемъ должную дань хваленій, и предполагаетъ быть здѣсь около 20-го числа будущаго мѣсяца; но думаютъ, что онъ ускоритъ свой пріѣздъ вслѣдствіе послѣдняго письма Императрицы, гдѣ она говоритъ ему, что онъ окажетъ ей новую услугу, если прибудетъ къ ней какъ можно скорѣе.

Принцъ Нассаускій здѣсь и разглагольствуетъ о блестящемъ успѣхѣ своего посольства въ Вѣну, гдѣ, по его словамъ, онъ добился разрѣшенія Французскимъ принцамъ жить въ Кобленцѣ, куда онъ самъ намѣренъ вскорѣ возвратиться. Сына князя Эстергази произведенъ въ корнеты конногвардейскаго полка, вмѣстѣ съ сыномъ г-жи де Виттъ, который, во время послѣдняго путешествія князя Потемкина, былъ его повѣреннымъ въ разныхъ кружкахъ Петербургскаго общества. Офицеры его штаба получили повышеніе; его адъютанты произведены въ полковники, но только за урядъ, со старшинствомъ по прежнему чину. Вотъ имена этихъ четырехъ новыхъ полковниковъ: князь Борисъ Голицынъ, г. Закревскій, Коновницынъ, сынъ здѣшняго губернатора, и Самаринъ, юноша 18-ти лѣтъ. Г. Поповъ получилъ Александровскую ленту, г. Бюлеръ—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ этихъ главныхъ лицъ, имѣется еще нескончаемый списокъ офицеровъ разнаго званія, награждаемыхъ чинами, и сверхъ того, еще большее число ожидающихъ производства: ибо они при жизни кн. Потемкина были прикомандированы къ его особѣ или, вѣрнѣе, къ мѣстамъ его пребыванія, для интригъ и празднаго препровожденія времени. Кирасирскій полкъ изъ тридцати эскадроновъ, столь же огромный и чудовищный какъ его командиръ генералъ Энгельгардтъ [6]), недавно упраздненъ, при чемъ Энгельгардтъ получилъ Александровскую ленту. Много толкуютъ о производствахъ въ арміи. Манифестъ о мирѣ будетъ обнародованъ на дняхъ. Я намѣренъ, прибывши въ Константинополь съ посольствомъ, остаться тамъ до его отъѣзда, и тогда предпринять поѣздку, черезъ Швейцарію и Францію, въ Англію: эта страна, пока вы ея не покинете, будетъ для меня тѣмъ же, что святыя мѣста для богомольцевъ. Тамъ я принесу вамъ выраженіе моей благодарности и буду еще пользоваться счастьемъ васъ видѣть. Я имѣю къ вамъ особенную просьбу: позвольте мнѣ заказать для себя копію съ портрета, который вы прислали вашему брату. Ваше благодѣяніе напечатлѣно въ моемъ сердцѣ, и я желаю имѣть васъ постоянно передъ глазами.

5.

8 Іюля. С. Петербургъ (1792 г.).

Я до сихъ поръ лишалъ себя удовольствія писать къ вамъ, по справедливому недовѣрію къ почтѣ. Отъѣздъ г. Чичагова представляетъ мнѣ случай къ вѣрной доставкѣ вамъ моего письма, что даетъ мнѣ возможность сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о текущихъ событіяхъ и вообще обо всемъ, происходящемъ въ странѣ, ко-

[6]) Василій Васильевичъ, племянникъ князя Потемкина, отличался дородностью.

торая носитъ названіе вашего Отечества и въ которой я, уже четыре года, тщетно ищу человѣка, подобнаго вамъ.

Вторженіе въ Польшу, хотя и не было названо войною, но доставило военныя отличія людямъ, отправленнымъ отсюда съ дозволеніемъ отличиться. Г. Каховскій получилъ голубую ленту, за то что отрядилъ Маркова съ 6000 войска за 35 верстъ отъ главныхъ силъ арміи; послѣдній, вмѣсто того чтобъ встрѣтить авангардъ непріятеля, очутился лицомъ къ лицу со всею арміею Понятовскаго, числомъ въ 24.000 человѣкъ. Онъ послѣдовалъ примѣру ген. Суворова въ битвѣ при Рымникѣ, пошелъ впередъ, обратилъ въ бѣгство Поляковъ, которые не слишкомъ любятъ сражаться, и получилъ за этотъ подвигъ большой крестъ св. Георгія и шпагу съ алмазами. Удивительнѣе всего, что Салтыковъ, полковникъ, племянникъ гр. Николая Салтыкова и другъ фаворита, завязавши по своей глупости дѣло, изъ котораго князь Лобановъ съ своимъ полкомъ выручилъ его чрезвычайными усиліями, тоже получилъ крестъ св. Георгія 3-й степени и шпагу, тогда какъ кн. Лобановъ, старшій по службѣ и начальникъ въ дѣлѣ, не былъ даже упомянутъ. Эту битву называютъ уничтоженіемъ крамолы: я называю ее сраженіемъ по предварительному уговору. Въ эту минуту происходитъ очень забавная вещь: князь Долгоруковъ, генералъ-лейтенантъ, занявъ Гродну, прислалъ какого-то подполковника извѣстить о томъ дворъ; но присланный курьеръ, цѣлые два дня, не знаетъ кому отдать свои депеши и ходитъ поочередно отъ графа Салтыкова къ Зубову, которые, ни тотъ ни другой, не хотятъ принять ихъ. Конфедерація, имѣя во главѣ маршаловъ Потоцкаго и Коссаковскаго, уподобляясь лекарю по неволѣ, прислала депутатовъ съ увѣреніями въ своемъ усердіи и несогласіи на новую конституцію. Разсказываютъ, что король написалъ Императрицѣ письмо, въ которомъ, изложивъ причины, побудившія его принять новую конституцію, въ доказательство своей преданности предлагаетъ Польскую корону великому князю Константину Павловичу и выражаетъ желаніе, чтобъ онъ женился на дочери курфирста Саксонскаго.

Вы, безъ сомнѣнія, уже наслышаны о важномъ значеніи, какое пріобрѣлъ г. Марковъ [7]). Вы достаточно знаете этого человѣка, чтобъ имѣть вѣрное понятіе о его способностяхъ и о возможности для него, заручившись довѣріемъ Императрицы, подняться на необыкновенную высоту. Зубовъ избралъ его себѣ совѣтникомъ, необходимымъ для прикрытія его невѣжества довольно, впрочемъ, извинительнаго. Предполагается, что они трудятся вмѣстѣ, и послѣдній курьеръ получилъ свои депеши отъ г. Маркова, безъ вѣдома графа Безбородки и вице-канцлера. Всѣ дѣла въ его рукахъ, и онъ идетъ быстрыми шагами къ высокому положенію. Теперь онъ домогается должности посланника въ Варшаву. Если его честолюбіе на время удовлетворится этимъ посольствомъ (въ коемъ нѣкогда онъ былъ секретаремъ при князѣ Репнинѣ) то онъ, навѣрное, лишится доли своего вліянія, и примѣръ гр. Безбородки достаточно показываетъ, какъ

[7]) Т. е. Аркадій Ивановичъ, старшій братъ Ираклія, о комъ выше шла рѣчь.

много при дворѣ теряютъ отсутствующіе. Всѣ дѣла распредѣлены между Марковымъ и Поповымъ. Зубовъ считается главнымъ руководителемъ всего и заявляетъ свое всемогущество возмутительнымъ образомъ. Онъ по природѣ недалекъ, но ему память замѣняетъ разсудокъ. Его изрѣченія, то ученыя, то таинственныя, и техническія выраженія, которыя онъ произноситъ, прикрываютъ его бездарность. Онъ выказываетъ грубую и возмутительную гордость; всѣ поступки его свидѣтельствуютъ о дурномъ воспитаніи, и бывать у него значитъ подвергаться униженію. Но такъ какъ многіе имѣютъ желанія, не имѣя души, то его передняя наполнена презрѣнною толпою, которая покланяется его мѣсту и молится его силѣ. Онъ остороженъ или, скорѣе, недовѣрчивъ; онъ опасается новыхъ связей, окруженъ негодяями, въ родѣ Державина [8]), Грибовскаго (довѣреннаго у него человѣка, бывшаго писцомъ у Попова) и Грека Алтести, котораго Булгаковъ прогналъ за предательство и выдачу его бумагъ.

Поповъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, отдавая отчетъ о предначертаніяхъ князя Потемкина, память котораго, хотя и ненавистная всѣмъ, имѣетъ еще сильное вліяніе на мнѣнія двора; къ нему нельзя примѣнить пословицу: morta la bestia, morte il venino [9]). Споры о раздѣлѣ его имѣнія между наслѣдниками подаютъ поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ, которыя нѣсколько оживляютъ однообразную жизнь въ Сарскомъ Селѣ. Вожаками обѣихъ противныхъ сторонъ выступаютъ г. Самойловъ и г-жа Браницкая, мужъ которой поѣхалъ въ Польшу...

Какъ видно, наше посольство въ Константинополь не будетъ отправлено въ нынѣшнемъ году. Еще ни въ чемъ не согласились и не захотятъ подвергать Турка морозамъ, заставляя его зимою проѣхаться по Россіи. Я не очень доволенъ симъ замедленіемъ, ибо желалъ бы еще сократить годовой срокъ, опредѣленный вами для моей службы.

Въ настоящее время оказывается, что я, не знаю, право, по какому случаю, сдѣлался любимцемъ великаго князя [10]). Вы знаете, графъ, съ какими непріятными послѣдствіями бываютъ сопряжены слишкомъ явные знаки его благоволенія. Дѣвица Нелидова, въ письмѣ, поданномъ Императрицѣ, просила дозволенія удалиться въ монастырь и покинуть дворъ *столь же бѣдною и невинною, какъ при своемъ поступленіи* [11]). Нѣкоторые видятъ въ этомъ хитрость и тайный замыселъ: думаютъ, что она хочетъ раздражить великаго князя и сильнѣе воспалить его чувства; но по всему видно противное, и нельзя сомнѣваться въ искренности ея намѣреній, тѣмъ болѣе, что князь

---

[8]) Нечего напоминать читателю, что самъ графъ Ростопчинъ впослѣдствіи не рѣшился бы повторить подобнаго отзыва.

[9]) У мертвой змѣи не остается яда.

[10]) И такъ-вотъ начало сближенія, благодаря которому, через четыре съ небольшимъ года, открылось графу Ростопчину поприще государственной дѣятельности.

[11]) Нелидова говорила правду: извѣстно, что императоръ Павелъ любилъ ее рыцарски. У насъ имѣются увѣрительныя доказательства тому, что и отношенія къ Лопухиной были тоже слѣдствіемъ исключительно-рыцарскаго, восторженнаго настроенія нервной природы Павла Петровича.

Голицынъ, который былъ душою этой интриги, впалъ въ совершенную немилость и получилъ приказаніе никогда болѣе не являться въ Павловскъ. Нелидова знаетъ великаго князя; она утомлена его настояніями; она видитъ, что ему наскучило ея сопротивленіе, и умъ ея внушилъ ей средство сохранить уваженіе публики. Если это удаленіе состоится, то оно удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ честныхъ людей и положитъ конецъ огорченіямъ, причиненнымъ этими дрязгами великой княгинѣ, столь любимой всѣми за ея высокія добродѣтели: нѣтъ женщины, которая болѣе ея заслуживала бы лучшей судьбы. Она единственную отраду находитъ въ своихъ дѣтяхъ, которыя подаютъ блестящія надежды. Вел. князь Александръ Павловичъ соединяетъ съ рѣдкою красотою замѣчательное здравомысліе и благородный, откровенный характеръ. Константинъ отличается живостью, впечатлительностью; онъ воинъ въ душѣ. Маленькія великія княжны миловидны какъ амуры и удивляютъ своихъ наставниковъ; словомъ, это семейство, и помимо своего высокаго положенія, привлекало бы взоры всѣхъ и заставляло бы завидовать счастію родителей.

Моя жизнь имѣетъ мало пріятнаго: такъ много вещей мнѣ колятъ глаза и, находясь при дворѣ, я призванъ все видѣть, постоянно изумляться и каждый день находить новое лицо достойнымъ презрѣнія. Средства, которыми достигаются придворные успѣхи, внушаютъ мнѣ омерзѣніе, и часто я жалѣю, что сдѣлался чѣмъто. Утѣшаюсь надеждой прибыть къ вамъ и начать новое существованіе.

Графъ Сергѣй Румянцовъ поручаетъ мнѣ напомнить вамъ о немъ. Ему предлагали порученіе привѣтствовать Шведскаго короля, но онъ отказался, подъ предлогомъ нездоровья. Г Марковъ преслѣдуетъ гр. Николая и глумится надъ его депешами. Эта ненависть возбуждена попытками гр. Румянцова сдѣлаться членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, на мѣсто Маркова. Меня увѣряли, что посольство въ Гагу обѣщано графу Головкину, камеръ-юнкеру, презрѣнному и отъявленному лгуну, но онъ пользуется милостью любимца и вхожъ у него за просто. Г-жа Загряжская [12]), у которой я живу на дачѣ, поручаетъ мнѣ передать вамъ выраженіе ея искреннихъ чувствъ. Я каждую недѣлю бываю въ Сарскомъ Селѣ, гдѣ считаю часы. Мое спасеніе—въ домѣ графа Безбородки.

6.

10 Сентября 1792, С. Петербургъ.

Вы требуете, чтобъ этикетъ былъ устраненъ изъ моихъ писемъ. Повинуюсь вамъ. Всякіе титулы отъ меня къ вамъ, дѣйствительно, излишни; ибо только титулъ моего благодѣтеля достойно соотвѣтствуетъ моимъ къ вамъ чувствамъ и обязанностямъ.

Шестинедѣльная болѣзнь, послѣдствіе неполнаго излеченія отъ Молдавской лихорадки, заставила меня удалиться отъ свѣта и отъ двора, уединиться въ моей комнатѣ, и дала мнѣ случай познать людей, принимающихъ во мнѣ искреннее участіе. Г. Кочубей не-

---

[12]) Знаменитая впослѣдствіи Наталья Кириловна.

отлучно проводилъ со мною все время, которымъ могъ располагать. Льщу себя увѣренностью, что понимаю и цѣню его болѣе, чѣмъ кто-либо иной. Я часто удивлялся его чувствительности, его благодушію, и въ образѣ его мыслей всегда находилъ безукоризненно-честнаго человѣка. Между нами бываетъ только одинъ споръ—о степени нашей привязанности къ вамъ; но онъ имѣетъ передо мною большое преимущество, а именно трехлѣтнее пребываніе съ вами. Вы имѣли время узнать его вполнѣ. Вѣрьте, что еслибъ не отецъ мой, которому я обязанъ доставлять утѣшеніе, то я прежде всего испросилъ бы вашего дозволенія жить подлѣ васъ и окончилъ бы тѣмъ, что былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Вы совершенно правы, когда говорите, что рано или поздно отдаютъ справедливость истинному достоинству. Мы теперь видимъ тому явное доказательство, и я радуюсь этому. Я страдалъ, видя что мужъ великихъ дарованій [13]) подвергался пересудамъ толпы и хуленію негодяевъ. 22-го числа текущаго мѣсяца должны быть объявлены награды за конгрессъ. Я освѣдомился о фельдмаршалѣ, и графъ Сергѣй, который поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, сказалъ мнѣ, что онъ все еще находится въ Ташани, что онъ уже около трехъ мѣсяцевъ никому изъ здѣшнихъ не писалъ, что онъ вообще здоровъ, хотя у него болятъ ноги, и что онъ намѣренъ купить домъ въ Москвѣ и въ немъ поселиться. Графъ Сергѣй велѣлъ съ бюста фельдмаршала написать портретъ, который, говорятъ, очень схожъ: онъ изображенъ въ мундирѣ, съ однимъ только орденомъ св. Георгія, который онъ прославилъ и сдѣлалъ почетнымъ.

Я чрезвычайно радъ всему, что̀ досталось Кочубею [14]), и увѣренъ, что вы очень довольны, будучи виновникомъ его успѣховъ. Мнѣ совѣтуютъ съѣздить въ Москву для перемѣны воздуха, и я думаю отправиться туда на шесть недѣль, въ концѣ мѣсяца. Я не видалъ еще капитана Энкена, но я его узналъ, бывши на кораблѣ, на которомъ онъ находился. Дворъ очень веселъ; часто бываютъ балы, эрмитажи и пр. Кочубей обѣщалъ мнѣ найти удобный случай для доставленія вамъ письма, и я воспользуюсь этимъ. Г-жа Загряжская васъ очень любитъ и говоритъ, что хорошо знаетъ васъ. Я очень часто у нея бываю: она принимаетъ порядочное, образованное общество, въ которомъ я не встрѣчаю ничего что̀ бы отталкивало меня.

Если вы мнѣ запрещаете оканчивать мои письма обычными изъявленіями, то по крайней мѣрѣ дозволите сказать вамъ, въ заключеніе, что я вашъ на всю жизнь.

7.

28 Сентября 1792 г., С. Петербургъ.

Г. Кочубей взялся доставить вамъ мое письмо, и я пишу не опасаясь вамъ наскучить, ободренный мыслью, что здѣшнія событія для васъ не лишены занимательности.

---

[13]) Графъ Безбородко.

[14]) Назначеніе посланникомъ въ Константинополь?

Вы предусмотрѣли вѣрно, что вновь обратятся къ графу Безбородкѣ; и если считали, что онъ впалъ въ немилость, то поводомъ къ такому мнѣнію было добровольное удаленіе его отъ дѣлъ. Правда, его безпечность иногда трудно объяснить, и образъ жизни его достаточно доказывалъ, что онъ ни во что́ не хотѣлъ вмѣшиваться. Тонкіе политики увѣряли, что, потерпѣвъ неудачу въ честолюбивомъ замыслѣ захватить всю власть въ свои руки, онъ выжидалъ болѣе удобнаго случая для достиженія своихъ цѣлей. Другіе говорятъ, что онъ небрежно относился ко всему, предполагая скоро выдти въ отставку, и этотъ слухъ подтверждался высказаннымъ имъ желаніемъ продать свой домъ, что́ было принято за ловкій намекъ съ его стороны, чтобы получить увольненіе. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что графъ Безбородко, видя большую часть дѣлъ въ рукахъ у Зубова, счелъ за лучшее предоставить ему свободу дѣйствій, сохраняя притомъ свое вліяніе. Судъ надъ какимъ-то Ярославовымъ, предсѣдателемъ одной изъ судебныхъ палатъ въ Ярославлѣ, недавно показалъ, что личные виды всѣмъ руководятъ, все рѣшаютъ и опредѣляютъ. Этотъ Ярославовъ, первый мошенникъ въ мірѣ, надѣлалъ столько неправды и столько награбилъ, что былъ отданъ подъ судъ и отставленъ отъ должности. Онъ пріѣхалъ сюда съ запасомъ денегъ, подкупилъ Зубова-отца, подалъ въ Сенатъ просьбу о пересмотрѣ дѣла и, благодаря всему этому, вышло, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, а судьи его остались виноватыми, приговорены къ лишенію мѣстъ съ запрещеніемъ вновь поступать на службу; онъ же возстановленъ въ прежней должности, объявленъ честнымъ человѣкомъ и, для увѣнчанія этого достойнаго дѣла, Сенатъ сдѣлалъ выговоръ г. Кашкину, Ярославскому генералъ-губернатору. Кашкинъ тотчасъ пріѣхалъ сюда; дѣло было доложено Императрицѣ, которая страшно разгнѣвалась, отмѣнила сенатскій приговоръ во всѣхъ частяхъ, приказала Ярославова посадить въ тюрьму и объявила свое неудовольствіе департаменту Сената и въ особенности оберъ-секретарю Державину, великому мошеннику, одному изъ клевретовъ Зубова. Послѣ этой передряги, многія части управленія перешли въ руки гр. Безбородки, въ томъ числѣ, въ послѣднее время, переписка по дѣламъ Польши.

Я долженъ сообщить вамъ о случаѣ, который былъ съ нимъ въ Сарскомъ Селѣ у Императрицы, и который извѣстенъ лишь немногимъ. Явившись однажды со множествомъ дѣлъ для поднесенія къ подписи, Безбородко при докладѣ замѣтилъ на лицѣ Императрицы выраженіе неудовольствія, и тотчасъ взялъ назадъ бумаги. Удивленная этимъ, она спросила о причинѣ, на что̀ онъ отвѣчалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаетъ неодобреніе его работы Императрицею и предпочитаетъ удалиться, опасаясь ее прогнѣвить. Это подало поводъ къ объясненію, въ которомъ высказано было множество завѣреній и обѣщаній. Слѣдуетъ признаться, что графъ Безбородко имѣетъ рѣдкія достоинства: его можно упрекать развѣ за лѣность и за лицъ, терпимыхъ имъ около себя. Я не надивлюсь этимъ людямъ, которыхъ Трощинскій называетъ *дикій народъ*: они ровно ничего не дѣлаютъ, а только пьютъ, ѣдятъ и постоянно тор-

чатъ на глазахъ у графа, который привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою домовую мебель. Многіе своею неотступностью навязали публикѣ убѣжденіе, что они пользуются самымъ близкимъ довѣріемъ графа, и это доставило имъ поддержу вліятельныхъ лицъ.

Вы безъ сомнѣнія были удивлены быстрымъ успѣхомъ Кочубея. Правда, ему повезло счастье, и нравъ его, довольно несогласный съ медленнымъ ходомъ здѣшнихъ дѣлъ, не подвергся испытанію въ терпѣливости. Во первыхъ, ваше ходатайство произвело сильное дѣйствіе; потомъ, любимцу очень польстило, что племянникъ гр. Безбородки обратился къ нему, а не къ дядѣ, и какъ во время путешествія въ Тавриду Кочубей казался Мамонову опаснымъ соперникомъ, то и Зубовъ, быть можетъ, недовѣрчиво смотрѣлъ на крѣпкое сложеніе и здоровую наружность новоприбывшаго, и поспѣшилъ отправить его на Босфоръ. Излишнимъ считаю сообщить вамъ о прекрасномъ поступкѣ Кочубея. Ему предлагали Туринское посольство, которое хотѣли отнять у князя Бѣлосельскаго за его идиллическія депеши о Французскихъ дѣлахъ. Онъ отказался, изъ опасенія навлечь своему дядѣ вражду родственниковъ Бѣлосельскаго. Словомъ, Кочубей долженъ служить образцомъ для молодыхъ людей, особенно для путешествовавшихъ. Онъ дѣлалъ честь своей родинѣ; онъ понравился всѣмъ благоразумнымъ людямъ своею скромностью, простотою обхожденія и вѣжливостью. Не помышляя о введеніи новыхъ модъ, онъ придерживается здѣшней. Онъ вовсе не выставляетъ своихъ познаній на показъ и ежедневно болѣе и болѣе доказываетъ, что руководствовался вашими совѣтами.

Вліяніе Попова усиливается со дня на день. Онъ назначаетъ на всѣ должности по Екатеринославской губерніи, принимаетъ прошенія и дѣлаетъ сотню тысячь вещей, устраняя всѣ препятствія увѣреніемъ, что такова была воля покойнаго князя Потемкина, что̀ порусски называется „предположеніемъ“. Когда Императрица пріѣхала во дворецъ у конногвардейскихъ казармъ, названный по указу Таврическимъ, Поповъ на колѣняхъ благодарилъ ее за то, что она соизволитъ пребывать въ домѣ его создателя; ибо онъ называетъ себя созданіемъ князя Потемкина. Этотъ Поповъ преданъ гр. Безбородкѣ, насколько негодяй можетъ быть преданнымъ. Онъ прилѣпился къ графу, по невозможности преуспѣянія въ партіи З., вслѣдствіе непріятностей, понесенныхъ послѣднимъ отъ кн. Потемкина, и въ которыхъ Поповъ служилъ орудіемъ. Вамъ покажется удивительнымъ, что этотъ человѣкъ, несмотря на завѣдываніе всѣми дѣлами государства и десятилѣтній навыкъ, совершенно неспособенъ къ работѣ и лишенъ самыхъ необходимыхъ дарованій. Онъ проводитъ время за карточной игрой, предается распутству и заставляетъ своихъ чиновниковъ работать. Его значеніе у Потемкина происходило отъ привычки, слѣпой преданности, а можетъ быть и сходства характеровъ, вслѣдствіе чего приказанія исполнялись буквально и охотно. Я никогда не находилъ въ этомъ человѣкѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ крѣпкаго физическаго сложенія, которое позволяло ему проводить ночи за картами и выслушивать грубости.

Несчетны милости, которыя сыпались на его жалкую особу въ теченіи десяти лѣтъ: изъ маіоровъ онъ сдѣлался генераломъ, получилъ ордена св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1-й степени и св. Анны, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ 50,000 рублей годоваго дохода.

Рибасъ, какъ бывшій наперсникъ князя Потемкина, удостоился самаго благосклоннаго пріема. Онъ съ утра до ночи занятъ происками, съ коими свыкся; онъ мѣтитъ на посольство въ Неаполь, гдѣ желаетъ отдыхать на лаврахъ и быть предметомъ поклоненія для своихъ родныхъ. Онъ роскошенъ и великолѣпенъ съ тремя своими звѣздами, плодами флотиліи. Однакожъ онъ, въ самый пріѣздъ, потерпѣлъ непріятность отъ великаго князя за морской мундиръ; но Итальянецъ отстоялъ свой нарядъ и даже просилъ начальства надъ Балтійскою флотиліей.

Вы раздѣлите удивленіе всей Россіи по поводу назначенія г. Самойлова генералъ-прокуроромъ. Онъ сдѣланъ членомъ Совѣта и директоромъ государственнаго казначейства. Хотя онъ назначенъ только для исправленія должности, но предполагаютъ, что на ней и останется. Стараются узнать, кто будетъ посланникомъ на его мѣсто. Начинаютъ подозрѣвать, что все это придумано только съ цѣлью удалить г-на З., отославъ его въ Константинополь. Все это скоро выяснится; но между тѣмъ молодой человѣкъ печаленъ. Напрасно: ибо онъ удалится съ честью и какъ прилично министру, который сосредоточивалъ всѣ дѣла въ своей комнатѣ. Этотъ г. Самойловъ, если удержится на своемъ мѣстѣ, надѣлаетъ много хлопотъ Императрицѣ; но она хочетъ сдѣлать изъ него подобіе кн. Потемкина хотя по наружности, тѣмъ болѣе что ненавидитъ всѣхъ его родныхъ, а его считаетъ благороднымъ человѣкомъ, что̀ и справедливо. Гр. Салтыковъ, при распредѣленіи войскъ на квартиры внутри страны, преднамѣренно отдалялъ къ границѣ тѣ полки, которые были особенно близки къ Потемкину и пользовались его унизительными льготами. Павлу Потемкину, второму генералъ-лейтенанту въ арміи, предложили сенаторское мѣсто, отъ котораго онъ отказался, равно какъ и графъ Сергѣй Румянцовъ, неоднократно просившій назначить его директоромъ канцеляріи Совѣта; но ходатайство его было отклонено. Онъ все еще желаетъ получить назначеніе въ чужихъ краяхъ; но, хотя Императрица обращается съ нимъ очень благосклонно, я сильно сомнѣваюсь, чтобъ онъ успѣлъ въ томъ. Если честолюбіе побуждаетъ его домогаться отличій, то, съ другой стороны, его отношенія къ г-жѣ Нелединской налагаютъ на него обязанность оставаться здѣсь. Онъ 22-го числа этого мѣсяца отказался принять званіе сенатора, потому что это мѣсто заградило бы ему путь къ другимъ. Императрица оказываетъ ему особенную благосклонность, и я искренно желаю, чтобъ онъ получилъ назначеніе, при которомъ могъ бы заявить свои природныя дарованія, не обнаруживая опять тѣхъ же недостатковъ, которые уже столько повредили ему. Я вижу его почти каждый день и нахожу въ немъ философію, которой у него совсѣмъ не было четыре года тому назадъ.

Я очень люблю графа Николая. Его доброжелательные поступки со мною обезпечили ему мою благодарность. Я искренно преданъ ему; но съ самыхъ тѣхъ поръ какъ я узналъ его, я находилъ, что онъ слишкомъ далеко простираетъ свое добродушіе. Онъ хочетъ дѣлать добро всему свѣту и со всѣми на свѣтѣ быть въ хорошихъ отношеніяхъ. Крайне сожалѣю, если это пристрастіе къ любезнымъ Французскимъ принцамъ ему повредило и подвинуло его на необдуманныя дѣйствія. Удивляюсь, какъ могутъ подобные люди внушать неподдѣльное участіе. Я никогда не принималъ бы въ нихъ иного, какъ то, какое можетъ быть возбуждено трогательнымъ театральнымъ представленіемъ: ибо эта нація существуетъ только въ видѣ комедіи и для комедіи [15]). Здѣсь не слишкомъ довольны военными операціями герцога Брауншвейгскаго, ибо соображаютъ его марши съ разстояніемъ, и желали бы услышать, что онъ уже въ Парижѣ, мало помышляя о томъ, что̀ дѣлать, когда онъ тамъ будетъ. Нашъ графъ Эстергази, великій говорунъ, занимаетъ женщинъ цѣлый день своимъ отчаяніемъ на счетъ судьбы короля; эти сѣтованія, заранѣе придуманныя ночью, производятъ большое впечатлѣніе и заслужили ему названіе человѣка чувствительнаго. Пока рѣшится судьба короля, онъ доставилъ мѣсто сенатора г. Дивову [16]), который поселилъ его у себя въ домѣ.

Фельдмаршалъ вообще здоровъ, но слабъ ногами. Онъ сказалъ г. Завадовскому, что не будь этой немощи, онъ отправился бы къ Рейну посмотрѣть на войну. Къ намъ наѣхало теперь много Англичанъ, которые желаютъ испытать, что̀ такое зима. Готовятся празднества къ прибытію принцессъ, которыхъ ожидаютъ вскорѣ; по всей вѣроятности, гр. Шувалова останется при нихъ наставницею. Предназначаемыя ей почести возбуждаютъ зависть нашихъ дамъ, которыя проводятъ время въ карточной игрѣ и злословіи. Мнѣ вовсе не нравятся здѣшнія общества: въ нихъ нѣтъ никакой связи, а только милость двора и личные виды сближаютъ людей. Приходится проводить очень непріятныя минуты, но дѣлать нечего.

Я сегодня уѣзжаю въ Москву, гдѣ думаю пробыть до Декабря мѣсяца. Я совершенно сбился съ толку въ моихъ предположеніяхъ. Повидимому Самойловъ останется здѣсь, и неизвѣстно, кто поступитъ на его мѣсто. Вы желаете, чтобъ я получилъ назначеніе. Я вижу къ тому столько препятствій, что отказываюсь преодолѣть ихъ и побѣдить мое рѣшительное нерасположеніе къ несправедливымъ домогательствамъ: ибо не имѣю никакого права на полученіе мѣста. У меня даже не достало духа сообщить о моихъ намѣреніяхъ гр. Безбородкѣ, который, кажется, желаетъ мнѣ добра: такъ сильно я опасаюсь внушить ему дурное мнѣніе обо мнѣ и заставить его перемѣнить прежнее. Обращаюсь къ вамъ, чтобъ узнать, что̀ мнѣ

---

[15]) Любопытно, что уже въ это время графъ Ростопчинъ выражаетъ такое мнѣніе о Французахъ. [16]) Адріанъ Ивановичъ, женатый на графинѣ Е. П. Бутурлиной, племянницѣ графа С. Р. Воронцова.

слѣдуетъ дѣлать; но я никакъ не могу придти къ убѣжденію, что я долженъ прозябать здѣсь и умножать собою число физическихъ существъ, населяющихъ дворъ. Я очень дорожу моимъ предположеніемъ ѣхать къ вамъ искать того, чего недостаетъ у меня здѣсь и что̀ почти не существуетъ въ этой толпѣ, которая о чести знаетъ развѣ лишь по имени. Мнѣ будетъ очень трудно выпросить у отца моего позволеніе отлучиться отъ него на нѣсколько лѣтъ; но, я надѣюсь, ему пріятнѣе будетъ слышать, что сынъ его счастливъ, чѣмъ видѣть его страждущимъ. Ожидаю вашихъ совѣтовъ. Согласно съ ними буду я поступать. Пошлите ваше письмо къ вашему брату. Жду этого письма съ нетерпѣніемъ.

Вчера, у г. Загряжской, четыре особы, которыя знаютъ васъ, вспоминали о васъ и говорили объ участіи, которое вы мнѣ оказываете. Желаю вамъ и вашимъ дѣтямъ добраго здоровья. Говорятъ, что Мишенька такъ на васъ похожъ.

8.

$^{14}/_{25}$ Апрѣля. С.-Петербургъ (1793 года).

Я начиналъ сильно безпокоиться о вашемъ молчаніи, и ваше письмо доставило мнѣ величайшее удовольствіе, доказавъ мнѣ, что я совершенно ошибался въ моихъ догадкахъ. Въ жизни моей случалось со мною столько непріятностей, что мнѣ позволительно опасаться несчастія быть забыту вами. Такъ какъ вы любопытствуете о здѣшнихъ новостяхъ, то я не премину писать къ вамъ съ каждымъ курьеромъ и сообщать вамъ исправно о событіяхъ, обыкновенныхъ, необыкновенныхъ и достойныхъ смѣха, которыя здѣсь непрерывно чередуются. Не думаю, чтобъ какой-либо иной городъ въ настоящее время представлялъ столько занимательнаго и любопытнаго, какъ Петербургъ: путешественникъ могъ-бы здѣсь многое видѣть, отмѣтить и записать.

Увѣренность въ счастливомъ и спокойномъ положеніи, которымъ будетъ пользоваться вашъ братъ, должна уменьшать ваше сожалѣніе о принятомъ имъ рѣшеніи. Кто посвятилъ всю жизнь службѣ своему государю и оказалъ странѣ существенныя услуги, тому, кажется, позволительно пожить и для себя. Никто не превосходилъ его когда-либо въ усердіи къ труду и къ дѣламъ; его кабинетъ замѣнялъ ему мѣсто прогулки. Не знаю, позаботились-ли, отпуская его, объ его преемникѣ. Сто разъ легче назначить на мѣсто, чѣмъ усмотрѣть, что оно занято достойнымъ человѣкомъ.

Готовятся большія празднества къ торжеству миропомазанія принцессы и къ ея обрученію. Не дай только Богъ, чтобъ этотъ бракъ былъ неудачнымъ союзомъ. Великій князь Александръ Павловичъ, можно смѣло утверждать это, не имѣетъ подобнаго себѣ въ мірѣ. Душа его еще прекраснѣе, чѣмъ его тѣло: никогда въ одномъ лицѣ не соединялось столько нравственнаго и физическаго совершенства. Чтобы дать вамъ понятіе о чистотѣ его чувствъ, я приведу вамъ двѣ черты. Князь Волконскій влюбленъ въ графиню Салтыкову, которая отвѣчаетъ ему холодностью. Великій князь, при-

мѣтивъ это, возъимѣлъ очень дурное мнѣніе о дѣвицѣ и обвиняетъ ее въ неблагодарности и жестокосердіи, будучи убѣжденъ, что чувство имѣетъ право на взаимность, и что невозможно не любить человѣка любящаго. Онъ не постигаетъ, чтобъ можно было лгать; онъ приписываетъ этотъ порокъ неумѣренному самолюбію, которое провозглашаетъ всякія небылицы, безъ намѣренія обманывать. Великая княгиня опасается, не утратилъ бы онъ этихъ драгоцѣнныхъ свойствъ, увлеченный предметами и примѣрами, которые будутъ передъ его глазами. Эта графиня ***, предававшая распутству свою дочь во времена князя Потемкина и состоящая наставницей при молодой принцессѣ, графъ Головкинъ, ея камеръ-юнкеръ, презрѣннѣйшій изо всѣхъ негодяевъ, — вотъ особы, которыя должны блюсти за воспитаніемъ супруги великаго князя, украшеннаго добродѣтелью и подающаго самыя блестящія надежды. Его познанія изумительны, особенно въ исторіи и математикѣ. — Младшій братъ одаренъ очень живымъ и проницательнымъ умомъ. Онъ очень похожъ на отца.

Какъ видно, г-нъ З. укоренился, и мнимые успѣхи обезпечиваютъ ему его пребываніе. Онъ чрезвычайно гордится послѣднимъ раздѣломъ Польши, ибо онъ начертилъ планъ дѣйствій, которому г. Каховскій соблаговолилъ послѣдовать. Въ недавнее время онъ окончательно сломилъ шею Попову. Вытребовавъ Екатеринославскаго вицегубернатора, онъ его устами довелъ до свѣдѣнія Императрицы о поборахъ и грабежахъ, которые совершались и совершаются въ этихъ краяхъ. Каховскій, Рибасъ и въ особенности Поповъ, раздѣляли между собою всѣ подряды. На земляхъ послѣдняго никогда не бывало на работѣ менѣе 500 человѣкъ рекрутъ. — Въ празднованіе мира, которое, какъ говорятъ, должно произойти въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, г. З. получитъ большое количества земель въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ. Не знаю, насколько гр. Безбородко заботится, или нѣтъ, о сохраненіи своего вліянія; но онъ обнаруживаетъ рѣдкую безпечность и, хотя облеченъ первою ролью въ дѣлахъ, а кажется простымъ зрителемъ. Онъ устраняется сколько возможно и, не покидая двора, ищетъ спокойствія. Онъ достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ; еслибъ ему возвратили власть, которую онъ имѣлъ, то онъ сдѣлалъ бы во сто разъ болѣе добра, чѣмъ всѣ эти люди, которые только стараются унизить весь родъ человѣческій и полагаютъ великое счастіе въ надменности и нахальствѣ.

Вы увидите впослѣдствіи, сколько пребываніе гр. Эстергази надѣлало вреда: онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозою, что государь-наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія, и пр. Г-нъ Нарышкинъ—его любимецъ. Это прекрасный человѣкъ, сердцемъ и душою преданный великому князю; но у него нѣтъ достаточно энергіи........ Великая

княгиня не имѣетъ уже никакой власти; эта достойная и почтенная женщина обрекла себя на страданія и находитъ счастье въ дѣтяхъ. Великій князь оказываетъ мнѣ особенное отличіе; но можно-ли на это разсчитывать? Онъ принимаетъ къ сердцу Французскія дѣла, и приверженность его къ Прусакамъ исчезла со времени дурнаго исхода ихъ великаго предпріятія [17]).

Пребываніе графа Артуа очень занимало нашихъ дамъ; онѣ повторяли свои глупости временъ кн. Потемкина и хлопотали о безсмертной чести удостоиться вниманія принца Бурбонскаго дома. Я думаю, онъ имѣетъ достаточно поводовъ быть довольнымъ своею поѣздкою къ намъ. Онъ уѣхалъ, вполнѣ счастливый: имъ нужно такъ немного. Онъ обѣщаетъ возвратиться сюда, когда ихъ дѣла поправятся. Здѣшніе эмигранты не обрадовались возсоединенію Дюмурье; сквозь пошлыя рѣчи ихъ видно было, что надежда имѣть государемъ сына короля, такъ позорно покинутаго ими, не представляется имъ особенно лестною, и я не думаю также, чтобъ королева питала къ дворянству чувство благодарности.

Графъ Сергѣй твердо разсчитываетъ на свое посольство. Порученіе состоять при графѣ Артуа сблизило его съ Императрицей, и онъ опять въ большомъ ходу. Стакельбергъ будетъ здѣсь въ началѣ Мая. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что причиною жалобъ на него регента была г-жа Дивова. Увѣряютъ, что она мѣтила на Стокгольмское посольство для своего мужа и, въ виду этой цѣли, начала съ того, что поссорила посланника съ герцогомъ Зюдерманландскимъ. Распустили слухъ, что г-жѣ Дивовой велѣно отправиться изъ Стокгольма прямо въ свои помѣстья; но это неправда, и она возвратится не ранѣе Октября. Происки ея дошли, однакожъ, до свѣдѣнія Императрицы.—На посольство въ Туринъ явилось нѣсколько соискателей: наиболѣе замѣчательные изъ нихъ двое князей Голицыныхъ. Одинъ изъ нихъ племянникъ оберъ-камергера [18]), а другой—зять графини ***; но я думаю, что не будетъ удачи ни тому, ни другому: первому, вслѣдствіе внушеннаго о немъ плохаго мнѣнія; второму, потому что онъ глупъ, какъ животное. Еслибъ можно было жену его одѣть въ мужское платье, или покрайней мѣрѣ дать ей вѣрительную грамоту, то миссія могла бы еще состояться. Зиновьевъ [19]) здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ и повидимому очень слабъ тѣломъ; но умъ его исполненъ живости. Онъ старается выхлопотать изрядную пенсію, чтобъ провести остатокъ дней гдѣ-нибудь въ Италіи. Если это не удастся, то онъ вернется въ Испанію.

Я хочу просить объ отправленіи моемъ отсюда съ графомъ Румянцовымъ; это доставило бы мнѣ случай видѣть Сѣверъ и при-

---

[17]) Т. е. послѣ пышнаго и неудачливаго похода противъ Французовъ. Преемникъ Фридриха Великаго, король-масонъ и его наслѣдникъ вскорѣ потомъ открыли у себя доступъ Французской революціонной пропагандѣ.

[18]) Князь Ѳедоръ Николаевичъ, коего Записки напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1774 года.

[19]) Василій Николаевичъ. О немъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1872 года, гдѣ напечатаны письма къ нему князя П. Д. Цицiанова.

близиться къ вамъ, въ чемъ и заключается моя цѣль. Главное—выбраться отсюда. Очень завидую г. Корсакову, который явится къ вамъ, имѣя рекомендаціей уваженіе, питаемое къ нему фельдмаршаломъ. Это одинъ изъ нашихъ господъ, постоянно отличавшійся благородствомъ въ поступкахъ. Онъ можетъ сообщить вамъ много подробностей о Финляндской войнѣ, въ которой онъ совершилъ два похода съ большимъ отличіемъ. Вы узнаете отъ него, какую жизнь здѣсь всѣ ведутъ, и какъ нѣкоторые не издыхаютъ со стыда.

Я смертельно скучаю. Я вздумалъ было влюбиться въ одну изъ племянницъ г. Протасовой, или, вѣрнѣе, мнѣ она понравилась; но, поразмысливъ, я не рѣшаюсь высказаться и теперь нахожусь въ борьбѣ съ самимъ собою. Эти племянницы получили превосходное воспитаніе, благодаря попеченіямъ одной госпожи де-Понъ, которая случайно попала къ г. Протасовой и усердно содѣйствовала благодѣтельнымъ видамъ этой почтенной особы. Она выражаетъ искреннее расположеніе къ вамъ. Старшей племянницѣ ея, которая за мужемъ за кн. Алексѣемъ Голицынымъ, приключилось большое несчастіе: у сына ея, девятимѣсячнаго ребенка, оказался переломъ бедра, о чемъ кормилица умолчала. Опасаются, не осталось-бы дитя изувѣченнымъ. Я напрасно говорю вамъ объ этомъ несчастномъ случаѣ: онъ напомнитъ вамъ о бывшемъ съ Мишенькой. Простите меня.

Княгиня Голицына, Наталья Петровна, достигла вершины счастія: она сосватала свою старшую дочь за ея двоюроднаго брата, генерала Апраксина. Все замолкло въ виду 90,000 рублей дохода. Вообще, мечты овладѣваютъ здѣсь всѣми головами; сердца устоять не могутъ. Мнѣ противно видѣть ничтожныхъ для меня людей, и я провожу время либо на прогулкѣ, либо въ домахъ, гдѣ люблю хозяевъ. Вотъ почему я каждый день нахожусь у г. Загряжской или у гр. Головина. Сожалѣю, что не вижу гр. Безбородки такъ часто, какъ я желалъ-бы; но его образъ жизни ставитъ преграду моему желанію. Я предпочитаю его бесѣду чтенію самой назидательной книги. Я иногда обѣдаю у г. Завадовскаго, который оказываетъ мнѣ благосклонность.

9.

6 Іюля (1793 г.). С.-Петербургъ.

Предполагаю, что вы получили мое письмо, посланное мною съ г. Корсаковымъ. Я убѣдительно просилъ его доставить вамъ оное. Хотя легко было предвидѣть приключеніе съ графомъ Артуа, однакоже никто не посмѣлъ сказать ни слова, и походъ его былъ необыкновенно веселъ и оживленъ; онъ покинулъ стѣны Петербурга съ полнымъ почти убѣжденіемъ, что пріѣдетъ прямо въ Бретань, а слѣдовательно и въ Парижъ. Окружавшіе его люди были болѣе способны угощать его кредиторовъ обѣщаніями, чѣмъ растолковать ему, сколько они нелѣпы. — Неизмѣнно вѣрный Эстергази съ грустью смотрѣлъ, какъ удаляется братъ его бывшаго государя, стре-

мясь ко славѣ. Во время путешествія отсюда въ Ревель произошли очень забавныя вещи, о которыхъ я слышалъ отъ гр. Румянцова. Находили довольно потѣшнымъ, что графъ Артуа сядетъ на *Венеру*, которую будетъ сопровождать *Меркурій*; хотѣли выпросить у Императрицы этотъ фрегатъ и сохранить его для потомства, какъ памятникъ столь славнаго путешествія. Судьба и здравый смыслъ иначе порѣшили дѣло, и все пришло опять въ прежній порядокъ, т. е. въ гостинницу въ Гаммѣ. Когда пришла вѣсть объ этой отсылкѣ [20]), я сначала очень опасался, что Императрица, въ первомъ порывѣ досады, разгнѣвается на васъ. Я освѣдомлялся сколько могъ и меня увѣрили, что г. Марковъ очень правдиво изъяснилъ ей настоящее положеніе дѣлъ во Франціи, что это ее успокоило, и что она сердилась только за недонесеніе ей о долгахъ, сдѣланныхъ принцами въ Англіи. Эстергази былъ нѣкоторое время въ немилости, но онъ довольно ловко оправдалъ свою оплошность, объяснивъ ее совѣстливостью, которая будто заставляла графа Артуа опасаться, что упоминаніе о его долгахъ можетъ быть принято за намекъ на ихъ уплату. Теперь объ этомъ нѣтъ болѣе рѣчи. Она любитъ дать понять и почувствовать, что только она одна простерла руку помощи этимъ несчастливцамъ и приняла ихъ при своемъ дворѣ. Всѣмъ надоѣла уже эта революція, и получаемыя извѣстія читаются только по привычкѣ. Г. Эстергази чрезвычайно негодовалъ на воззваніе Гастона и говоритъ, что не знаетъ, ***въ чемъ заключается преданность Отечеству, коль скоро хотятъ возстановить короля на престолъ, чтобъ предписывать ему законы.*** Онъ болѣе всего недоволенъ молчаніемъ Гастона о принцахъ, о регентѣ и въ особенности объ эмигрантахъ. Съ этого человѣка личина окончательно снята, и злонамѣренность его стала всѣмъ извѣстна. Подъ его брюзгливою и грубоватою внѣшностью предполагали правдивую и чувствительную душу, и съ удовольствіемъ видѣли Француза въ необычайномъ образѣ; но теперь въ немъ разочаровались: это величайшій проныра на свѣтѣ. Онъ овладѣлъ умомъ г. Зубова и пользуется своимъ вліяніемъ, чтобъ устроить свою будущность. Онъ одинаково хорошъ со всѣми дворами. Онъ проповѣдываетъ самовластье великому князю и приписываетъ бѣдствія Франціи излишней любви короля къ народу, который отринулъ его власть и презрѣлъ его особу. Ему даютъ 15,000 руб. въ годъ; онъ имѣетъ хорошую дачу близъ Сарскаго Села, гдѣ живетъ съ семействомъ, состоящимъ изъ жены, добрѣйшей женщины, занятой исключительно своими дѣтьми и пресловутаго сына Валентина: это офицеръ Конногвардейскаго полка, баловень Императрицы, мальчикъ восьми лѣтъ, великій шалунъ и буянъ, который уже слишкомъ вошелъ въ моду. Дабы не употребить во зло воли, которую ему даютъ, онъ является заискивать одобреній, твердя грубую лесть и привѣтствія, которыя дражайшій родитель внушаетъ ему на дому. Его двѣ дочери еще слишкомъ малы, чтобъ имѣть какое-нибудь значеніе; но ихъ

---

[20]) См. выше (стр. 52) разсказъ самого графа Воронцова о недопущеніи графа Артуа поселиться въ Англіи.

находятъ одинаково забавными, потому что онѣ говорятъ по-французски. Этотъ г. Эстергази теперь въ большомъ затрудненіи по случаю прибытія графа Шуазель-Гуффье: несмотря на всѣ его усилія заранѣе повредить послѣднему, новоприбывшій, однакоже, начинаетъ нравиться: его принимаютъ съ большимъ отличіемъ; недавно онъ получилъ въ подарокъ 2000 червонцевъ, которые нашелъ на столѣ; старшій сынъ его произведенъ на дняхъ въ поручики гвардіи. Младшій воспитывается въ кадетскомъ корпусѣ. Г. Шуазель-отецъ имѣетъ пріятныя черты лица, говоритъ хорошо, но съ нѣкоторою наклонностью къ высокопарнымъ выраженіямъ; отвѣты его быстры и, когда представляется случай, онъ всегда умѣетъ вставить кстати какую-нибудь любезность. Когда Императрица спросила его, имѣетъ-ли онъ извѣстія о гр. Сегюрѣ, онъ отвѣчалъ: *никакихъ, Государыня, съ тѣхъ поръ какъ онъ увѣрился, что я не стану ему отвѣчать.* Эстергази недавно пристроилъ нѣкоего *Шамборана*, который слыветъ маіоромъ и кавалеромъ Св. Людовика. Онъ прибылъ сюда съ своимъ сыномъ. Этотъ сынъ помѣщенъ въ кадетскомъ корпусѣ, отецъ же принятъ въ армію подполковникомъ.

Князь Долгорукій [21]) вновь поступилъ на службу и получитъ начальство надъ войсками, которыми командовалъ г. Кречетниковъ. Г. Тутолминъ, генералъ-губернаторъ Архангельскій и Петрозаводскій, ѣдетъ въ Польшу для учрежденія новыхъ губерній и для введенія нашего судоустройства въ этой странѣ. Г-нъ Зубовъ Валеріянъ получилъ разрѣшеніе носить орденъ Чернаго Орла, присланный ему Прусскимъ королемъ, который при этомъ просилъ Императрицу принять во вниманіе, что для ношенія этого ордена необходимо имѣть чинъ генералъ-поручика. Но эта хитрость не удалась и подала только поводъ къ великой ссорѣ между братьями. Младшему приказано было немедленно выѣхать; онъ теперь находится въ Москвѣ. Воображали даже въ городѣ, что причиною такой ссылки была ревность; но, мнѣ кажется, это время уже прошло. Графъ Гольцъ ѣздилъ въ Сарское Село для врученія этого Чернаго Орла, который отнынѣ будетъ менѣе высокопаренъ и очутится въ неловкомъ положеніи. Г-нъ Зубовъ старшій дѣлаетъ все, чего только захочетъ; уже писали въ Вѣну о грамотѣ ему на княжеское достоинство; онъ получитъ огромное помѣстье въ Польшѣ и, сверхъ того, право думать, что онъ великій государственный человѣкъ. Г. Марковъ имѣетъ большое значеніе: онъ пользуется довѣріемъ г. Зубова и завѣдываетъ всѣми иностранными дѣлами. У него также должно быть крупное состояніе; онъ, какъ видно, мѣтитъ на существенное и мало хлопочетъ объ орденахъ. Недавно пожаловали таковой камергеру Колычеву, что̀ всѣхъ потѣшило: онъ безъ дальныхъ околичностей упросилъ графа Артуа, въ то время какъ состоялъ при немъ, исходатайствовать ему какую-нибудь ленту, что̀ тотъ и сдѣлалъ. Онъ написалъ потомъ изъ Гамма и напомнилъ Императрицѣ о Колычевѣ. Это приводитъ въ отчаяніе всѣхъ, кто полагалъ имѣть заслуженное право на орденъ.

---

[21]) Юрій Владиміровичъ.

Я увѣренъ, что назначеніе графа Сергѣя посланникомъ въ Швецію будетъ вамъ очень пріятно. Онъ достигъ этого своеобразнымъ и неподражаемымъ способомъ. Онъ всегда обращался прямо къ Императрицѣ и каждый разъ, когда хочетъ переговорить съ нею, приходитъ и велитъ о себѣ доложить, и его тотчасъ принимаютъ. Кажется, г-нъ Зубовъ дуется на него, потому что очень дорожитъ своими исключительными правами на милость, а его любезность не соотвѣтствуетъ любезности графа Сергѣя. Пока графъ Артуа находился здѣсь, графъ Сергѣй свободно выражалъ свой образъ мыслей о положеніи ихъ дѣлъ и старался нѣсколько разсѣять ослѣпленіе, въ которое у насъ были погружены: онъ предсказалъ то, что̀ случилось съ ними въ Англіи и утверждалъ, что ихъ не примутъ, тогда какъ Эстергази толковалъ объ усердіи Англійскаго народа оказать покровительство графу Артуа, коль скоро онъ обратится за помощью. Вы, кажется, знаете, что гр. Сергѣй получилъ знаки Польскаго ордена; они были вручены ему въ такое время, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ сдѣлаться кавалеромъ. Онъ говорилъ мнѣ, что первымъ его движеніемъ было отказаться; но, получивъ удостовѣреніе, что на другой день его назначутъ посланникомъ, онъ рѣшился принять предлагаемое, высказавши, однакоже, Императрицѣ, что онъ, сколько помнитъ, не оказывалъ королю Польскому никакой услуги, которая заслуживала-бы столь блистательнаго отличія. Онъ уѣзжаетъ завтра для свиданія съ фельдмаршаломъ и думаетъ возвратиться черезъ шесть недѣль. Отъѣздъ его въ Швецію еще очень отдаленъ; онъ говоритъ объ устройствѣ своего дома, о выпискѣ вещей изъ-за границы, и проч. Онъ былъ очень огорченъ смертью одной изъ его дочерей. Этотъ ребенокъ былъ 8-ми лѣтъ и казался необыкновеннаго ума. Г-жа Нелединская неутѣшна.

Графъ Безбородко уѣзжаетъ послѣ завтра [22]); его отсутствіе продлится мѣсяцъ, и онъ предполагаетъ посѣтить вашего брата. Ему поручено изготовить всѣ бумаги, относящіяся къ наградамъ по случаю празднованія мира. Онѣ до сихъ поръ не подписаны, и даже у Императрицы никто не знаетъ, когда будетъ это празднованіе; нѣкоторые думаютъ, что послѣ свадьбы, а другіе, что прежде. Я вижу съ крайнимъ огорченіемъ, что гр. Безбородко удаляется отъ дѣлъ, и что единственно страсть и привычка къ пышности его удерживаютъ: онъ ничего болѣе не дѣлаетъ и ни о чемъ не говоритъ. Это я слышалъ отъ г. Завадовскаго. Когда я сообщилъ ему о моемъ намѣреніи ѣхать къ вамъ и о моемъ объясненіи по этому поводу съ гр. Безбородкой, который одобрилъ меня и обѣщалъ все уладить въ два дня, г. Завадовскій сказалъ мнѣ, что этого не будетъ, что гр. Безбородко ничего не можетъ сдѣлать и ничего не сдѣлаетъ, и потому совѣтовалъ мнѣ обратиться къ г-ну Зубову. Нѣсколько жалкихъ людей злобно отзываются о гр. Безбородкѣ, но его можно упрекать развѣ за излишнюю доброту. Все, что̀ онъ сдѣлалъ хорошаго, уже забыли, а помнятъ только нѣкоторыя слабости и еще выдумываютъ ихъ.

---

[22]) Въ Москву, гдѣ у него строился домъ.

На Штакельберга смотрятъ, какъ на шута и, правду сказать, онъ заслуживаетъ этого своею нелѣпою наружностью и своими притязаніями на остроуміе, которыя слишкомъ трудно поддержать при такомъ дворѣ, гдѣ Государыня есть геній, а временщикъ ревнуетъ людей, одаренныхъ любезностью. Штакельбергу назначено при увольненіи 6000 руб. въ годъ: 3000 р. пенсіи и 3000 съ аренды, которую ему дали. Увѣряютъ, что онъ мѣтитъ въ министры; но я думаю, что онъ успѣетъ наскучить Императрицѣ прежде, чѣмъ этого достигнетъ. Его младшій сынъ, умный и даровитый малый, надѣется быть посланникомъ въ Туринѣ. Зиновьевъ прибылъ изъ Испаніи; онъ скоро долженъ опять уѣхать: его мысли такъ заняты страною, которую онъ оставилъ, что это дѣлаетъ его нѣсколько забавнымъ и вызываетъ насмѣшки. Онъ живетъ въ Сарскомъ Селѣ, гдѣ жалуется на холодъ и постоянно воюетъ съ Штакельбергомъ, который, чтобъ разсмѣшить Императрицу, бранитъ Испанію. Этотъ г. Зиновьевъ, какъ видно, человѣкъ очень порядочный.

Пребываніе двора въ Сарскомъ Селѣ необыкновенно оживлено, благодаря новому двору и множеству дамъ, что̀ влечетъ за собою всеобщую суету и безконечные толки. Великая княгиня Елизавета всѣми любима; но жаль, что у нея передъ глазами дурные примѣры. *** женщина въ высшей степени лукавая, преданная сплетнямъ, кокетству, и беззастѣнчивая въ рѣчахъ. Вообще выборъ лицъ къ этому двору, за исключеніемъ графа Головина и Тутолмина, весьма неудаченъ: тутъ все либо дураки, либо повѣсы, либо молодые люди, о которыхъ ничего нельзя сказать. Великій князь Александръ Павловичъ, при добрѣйшемъ сердцѣ, совершенно неопытенъ во всемъ, что̀ касается знанія людей и общества; окруженный тупоумными людьми, онъ свыкся съ ними. Графиня Шувалова, вмѣсто того чтобъ исправлять и учить его съ кротостью, выставляетъ на видъ всѣ его недостатки и добилась уже того, что великій князь и молодая великая княгиня ее возненавидѣли. Первый имѣетъ необыкновенно доброе сердце. Недавно одинъ каменьщикъ упалъ съ крыши дворца и переломилъ себѣ ногу; великій князь прислалъ ему своего хирурга, денегъ и, собственными руками снявъ съ кровати свой тюфякъ, отправилъ къ больному. Онъ слышитъ столько плоскостей и столько разговоровъ о предметахъ недостойныхъ его вниманія, что будетъ чудомъ, если онъ не поддастся дурному примѣру. Къ тому-же, люди, его окружающіе, не понимаютъ ни важности его призванія, ни должнаго уваженія къ личности молодаго князя, стараясь только чѣмъ нибудь его позабавить. Онъ доселѣ довольно охотно выслушиваетъ правду и заботится о своемъ улучшеніи. Я принялъ смѣлость высказать ему мой образъ мыслей относительно остротъ и каламбуровъ, которыми онъ любитъ пощеголять въ разговорѣ, и, какъ видно, онъ въ этомъ отношеніи исправился: ибо я таковыхъ болѣе не слышу отъ него. Онъ искренно любитъ Кочубея. При обоихъ великихъ князьяхъ состоитъ наставникомъ прекрасный и достойный человѣкъ, по имени Лагарпъ, Швейцарецъ. Не знаю, какимъ образомъ и по какой причинѣ, принцъ Нассаускій и Эстергази съумѣли оклеветать его передъ Императрицею подъ пред-

логомъ нѣкоторыхъ писемъ, написанныхъ имъ на родину, во время смутъ въ Ваатландѣ. Съ бѣднягою обошлись очень сурово: его забыли при назначеніи наградъ кавалерамъ великаго князя Александра Павловича. Онъ хотѣлъ удалиться, и это было-бы великой потерей: ибо великіе князья обязаны своими познаніями этому человѣку. Но Императрица приглашала его къ себѣ два раза, и Швейцарецъ, объяснивъ все какъ было, уличилъ г. Эстергази въ обманѣ и вышелъ побѣдителемъ.

Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все что̀ дѣлаетъ великій-князь отецъ; онъ какъ-будто-бы изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго Прусскаго короля. По Середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда они случаются. Малѣйшее опазданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно то, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ. Онъ дѣлаетъ выговоры всѣмъ; то отсылаетъ цѣлую команду, потому что затерялась повѣстка, посылаемая наканунѣ; то велитъ сказать г. Зиновьеву, что онъ долженъ оказывать болѣе почтенія лицамъ, пользующимся его благосклонностью, Гурьеву, что онъ не долженъ забываться, гофъ-маршаламъ, что онъ научитъ ихъ службѣ. Недавно сынъ его съ его невѣсткою пріѣхали къ нему въ Павловскъ ужинать. Забыли приказать часовому, чтобъ онъ пропустилъ ихъ; пикеты были разставлены, и пришлось добраться до экипажей обходомъ черезъ садъ. Когда сказали ему объ этомъ, онъ вспылилъ, но вслѣдъ за тѣмъ засмѣялся и велѣлъ объявить благодарность караульному офицеру. Младшій сынъ похожъ на него лицомъ, хотя ростомъ гораздо выше; онъ пылокъ и добръ, предается военнымъ занятіямъ съ дѣтскимъ увлеченіемъ и восторгается своимъ отцомъ. Я, сколько возможно, уклоняюсь отъ его благоволенія; онъ хочетъ, чтобъ я пріѣзжалъ въ Павловскъ и на всѣ его маневры; но я опасаюсь изліяній его довѣрія, которыя ничего ему не стоятъ. Здѣсь очень довольны, что при немъ находится г. Нарышкинъ: это вполнѣ благородный человѣкъ, преданный сердцемъ и душою великому князю и по добротѣ своей имѣющій право на блестящую будущность, вопреки всѣмъ дурнымъ примѣрамъ.

Я подалъ г-ну Зубову письмо, въ которомъ просилъ его исходатайствовать мнѣ дозволеніе отправиться къ вамъ, чтобъ не оставаться въ праздности. До сихъ поръ я ничего не слышу о моей просьбѣ. Г-нъ Марковъ обѣщалъ оказать мнѣ участіе; но какъ я не имѣю никакихъ правъ на услуги съ его стороны, и какъ притомъ г. Зубовъ очевидно не благоволитъ ко мнѣ, то я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Еслибъ вы согласились замолвить слово Маркову и по-

ручили ему уладить мою отправку, то она бы конечно состоялась. Я здѣсь изнемогаю, и мнѣ до такой степени опротивѣло и наскучило поминутно видѣть непріятныя вещи, что я ничего такъ усердно не желаю, какъ потерять ихъ изъ виду. Можно сказать, что мы живемъ въ странѣ пороковъ и предразсудковъ; если не держаться твердыхъ правилъ, то сохраненіе чести подвергается большимъ опасностямъ, и я сожалѣю о молодыхъ людяхъ, которые должны образовать себя въ подобномъ обществѣ. Я надѣюсь на ваши благодѣянія; вы изливали ихъ на меня безъ моего вѣдома. Теперь я прошу о нихъ. Я удовлетворилъ бы живѣйшему желанію моей души, былъ бы съ вами и въ усталомъ духѣ моемъ вновь обрѣлъ бы силу и бодрость. У меня недостаетъ ни благоразумія, ни философіи, чтобы смотрѣть спокойно на то, что̀ происходитъ. Я питаю страсть, которая можетъ только сдѣлать меня несчастнымъ: я люблю племянницу г. Протасовой. Не могу никакъ удостовѣриться, нравлюсь ли ей, или нѣтъ. Бракъ со мною не представляетъ ей ничего блестящаго и, я щадя свое самолюбіе, живу въ мучительной неизвѣстности. Пожалѣйте меня, графъ, и заставьте меня забыть вблизи васъ о моихъ несчастіяхъ. Почему бы вамъ для человѣка, который вамъ обязанъ всѣмъ, не сдѣлать того же самаго, что̀ вы сдѣлали для многихъ, и недавно еще для Грейга? Отцу вы были другомъ; сыну вы покровитель. Я читалъ ваши письма. Вы почтеннѣйшій человѣкъ, достойный благоговѣнія. Вы не встрѣчаете неблагодарныхъ, и всегда найдется на этомъ свѣтѣ Кочубей, Грейгъ, Форсманъ, которые благословятъ вашу память. Прощайте, многоуважаемый графъ.

10.

6/17 Октября (1793). С.-Петербургъ.

Эмигрантъ Монмортъ вручилъ мнѣ ваше письмо. Мнѣ кажется, что опасенія ваши насчетъ впечатлѣнія, произведеннаго при дворѣ вашимъ прямымъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи, лишены основанія. Я увѣдомлялъ васъ въ то время, что извѣстіе о поступкахъ Лондонскаго кабинета съ гр. Артуа возбудило здѣсь неудовольствіе; но это продолжалось недолго, и коварный Эстергази былъ, я думаю, единственнымъ человѣкомъ, который подозрѣвалъ васъ въ нерадѣніи или въ нежеланіи услужить знаменитымъ бродягамъ. Императрица смотритъ ясно, но графъ Зубовъ собственными глазами ничего не видитъ и остался въ ослѣпленіи, по излишнему самолюбію или слабости воли, слѣдуя мнѣнію Эстергази. Марковъ, который скорѣе другаго былъ бы въ состояніи доказать нелѣпость усерднаго преслѣдованія призраковъ, держится уклончивыхъ пріемовъ съ цѣлью разчистить путь своему самолюбію. Со времени послѣдняго столкновенія этого человѣка съ гр. Безбородкой, я не допускаю мысли, чтобъ онъ былъ способенъ къ благороднымъ чувствамъ. Можетъ быть, онъ искалъ предлога къ явному разрыву и хотѣлъ имѣть поводъ покинуть человѣка, которому онъ обязанъ всѣмъ; какъ-бы то ни было, но во время празднествъ по случаю

мира, взбѣшенный тѣмъ, что въ спискѣ наградъ, прочтенномъ съ престола, не упоминалось о пожалованія ему земель, Марковъ пришелъ въ ярость, достойную грубаго мужика, свалилъ все на Безбородку, назвалъ его государственнымъ воромъ, лгуномъ и обманщикомъ, наговорилъ дерзостей Судіенкѣ, только-что получившему орденъ св. Владиміра и, не довольствуясь этимъ, повторилъ всѣ свои ругательства въ присутствіи г. Завадовскаго, чтобы тотъ передалъ ихъ гр. Безбородкѣ. Императрица, узнавъ объ этой исторіи, разгнѣвалась на Маркова и выражаетъ свое неудовольствіе усугубленіемъ вниманія къ графу Безбородкѣ. Онъ держалъ вѣнецъ надъ головою великой княгини Елисаветы Алексѣевны при совершеніи брачнаго обряда. Вы знаете, какъ дорожитъ гр. Безбородко внѣшними отличіями; ему очень польстило это. Въ самое недавнее время онъ рѣшился на шагъ, судить о которомъ предоставляю вамъ. Когда должность оберъ-гофмаршала сдѣлалась вакантною, за смертью г. Елагина, онъ написалъ къ гр. Зубову письмо, ходатайствуя о своемъ назначеніи и ссылаясь на свои заслуги. Этотъ послѣдній, человѣкъ молодой и соединяющій въ себѣ всѣ званія покойнаго князя Потемкина (которому вчера была годовщина), пользуется безграничнымъ вліяніемъ. Все проходитъ черезъ его руки; онъ обо всемъ подаетъ свое мнѣніе, и помимо его ничего не дѣлается. Эта депутація Поляковъ, которые, въ числѣ 40 человѣкъ, явились просить новыхъ законовъ, ставитъ его еще въ болѣе выдающееся положеніе: ибо онъ приписываетъ себѣ честь предначертанія и совершенія послѣдняго раздѣла Польши. Онъ повидимому опять хорошъ съ графомъ Николаемъ Салтыковымъ, который получилъ 7000 душъ, 25.000 руб. годовой пенсіи и единовременно 100,000 рублей за воспитаніе великаго князя Александра Павловича, въ которомъ онъ участвовалъ только тѣмъ, что жилъ при дворѣ. Г. Протасовъ получилъ 1400 душъ и 3000 рублей годовой пенсіи.

Я очень боюсь, не повредила бы супружеская жизнь великому князю: онъ такъ молодъ, а жена его такъ хороша собою. Празднества не слишкомъ блестящи, вслѣдствіе непріятныхъ отношеній, существующихъ между Императрицею и сыномъ ея. Г-жа Нелидова, вмѣсто того чтобъ оставить дворъ, получивъ увольненіе, остается при немъ и пользуется успѣхомъ, который наноситъ ущербъ достоинству великаго князя и подвергаетъ его всеобщимъ нареканіямъ. Онъ удалилъ отъ себя Нарышкина, Александра Львовича, который былъ слишкомъ довѣрчивъ и привязанъ къ великому князю. Князь Александръ Куракинъ, котораго онъ звалъ „своею душою", потерпѣлъ жестокія обиды. Бѣдная великая княгиня остается въ одиночествѣ, не находя никого, кому могла бы открыть свое горе и не имѣя иного утѣшенія, кромѣ добродѣтельной жизни. На дняхъ она долго говорила мнѣ о васъ и хвалила ваши понятія о нравственности. Графиня Шувалова пылаетъ гнѣвомъ, ибо ожидала получить орденъ Св. Екатерины. Она выражается такъ грубо, какъ мужичка, и я никогда не находилъ въ ней умной женщины, какою ее величали. Молодая чета ненавидитъ ее, особенно великій князь.— Графъ Сергѣй уѣзжаетъ недѣли черезъ двѣ и сядетъ на куттеръ

въ Ревелѣ. Опасаюсь, не повредили бы ему во время его отсутствія: ибо Зубовъ терпѣть его не можетъ съ тѣхъ поръ, какъ Императрица его отличила и охотнѣе бесѣдуетъ съ нимъ, чѣмъ съ другими. Сегодня происходитъ въѣздъ Турецкаго посланника. Распространили слухъ, что Порта замышляетъ возобновленіе войны. Это было бы прискорбно и для насъ, и для Кочубея: ибо на занимаемомъ имъ мѣстѣ онъ можетъ показать, что употребилъ время съ пользою. Полякамъ оказываютъ многія милости: раздаютъ имъ мѣста; нѣкоторые изъ нихъ произведены въ сенаторы, въ тайные совѣтники, а Ильинскій причисленъ ко двору въ званіи камергера. Военные переведены въ нашу армію тѣми-же чинами, и почти всѣ состоятъ генералами, украшены Александровскимъ орденомъ, и пр. Еслибъ Фиппсъ не обанкрутился, то легко могъ бы, для перваго начала, сдѣлаться фельдмаршаломъ: ибо кто изъ нихъ богаче, тому дается и наибольшій чинъ, такъ какъ чины покупаются въ Польшѣ и утверждаются въ Россіи.

Наши собранія скучны. Нѣкоторыя изъ нашихъ молодыхъ женщинъ, желая возродить Французскую любезность, убитую революціей, перестали быть добрыми матерьми и порядочными женами, и сдѣлались достойными смѣха. Графъ Шуазель, бывшій посланникъ, заискиваетъ милости; но Эстергази слишкомъ опасается его и не допуститъ достигнуть цѣли. Послѣднему подарили домъ, стоющій 24.000 рублей. Г. Корсаковъ счастливъ, что находится съ вами. Я видѣлъ его письма. Онъ человѣкъ весьма достойный и одинъ изъ тѣхъ, которыхъ нельзя не уважать, особенно здѣсь. Когда я желаю ѣхать къ вамъ, то не имѣю иной цѣли, какъ удовлетворить влеченію моего сердца, исполненнаго благодарностью и священною привязанностью къ вамъ. Я ничего не ищу; я отдалилъ отъ себя мечты, которыя могли волновать мой умъ; мой образъ мыслей, отвращеніе мое отъ всякой подлости и должное самоуваженіе, заставляютъ меня отказаться отъ всякихъ видовъ на повышеніе и дѣятельную службу. Я всегда заботился о томъ, чтобъ быть человѣкомъ благороднымъ и достойнымъ вашего добраго мнѣнія. Я хочу воспользоваться плодами моихъ стараній и получить отъ кого-либо одобреніе моимъ поступкамъ.

Я нахожусь теперь въ самомъ тревожномъ состояніи. Я пожелалъ разсѣять сомнѣнія г-жи Протасовой на счетъ моихъ отношеній къ ея племянницѣ. Я написалъ къ ней письмо, въ которомъ объяснилъ мои намѣренія. Я изобразилъ ей себя въ настоящемъ видѣ и хотѣлъ знать, на что́ я могу надѣяться. Ничего еще не рѣшено. Тетка проситъ меня подождать и имѣть терпѣніе. Я вижу, что племянница ея грустна, озабочена, неравнодушна ко мнѣ; но для свиданій съ нею встрѣчаю все тѣже затрудненія, и теряю голову и надежду обладать этимъ божественнымъ созданіемъ, о которомъ г. Корсаковъ дастъ вамъ понятіе. Я никогда не могу быть счастливымъ; но еслибъ это было возможнымъ, то для этого мнѣ были бы необходимы Протасова и ваша дружба.

11.

1 (12) Декабря (1793 г.) С.-Петербургъ.

Я очень сожалѣю, что внезапный отъѣздъ курьера лишилъ меня случая имѣть болѣе подробныя извѣстія о васъ. Надѣюсь, что въ другой разъ вы меня вознаградите за это. Я съ удовольствіемъ вижу, что мои письма вамъ пріятны, и хотя я не смѣю думать, чтобъ они могли быть вамъ полезны, однакоже, поощряемый вашимъ одобреніемъ, буду сообщать вамъ, по мѣрѣ возможности, безчисленныя событія, которыя здѣсь чередуются съ изумительною быстротою, и которыя, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ нимъ, не производятъ столь сильнаго впечатлѣнія, какъ слѣдовало бы ожидать. Невѣроятно, до какой степени это Петербургское общество, тѣсное и сомкнутое, способно размножаться и принимать различныя формы. Отдѣльныя лица, изъ которыхъ состоитъ оно, ежедневно смѣняются и никогда не остаются однимъ и тѣмъ же. Не знаю, на сколько имъ весело, но они чужды однообразія.

Императрица была нездорова и не выходила въ день своихъ имянинъ: она страдаетъ ревматизмами, которыя довольно часто повторяются и переходятъ съ одного мѣста на другое. Она не подкрѣпляетъ себя никакимъ тѣлеснымъ упражненіемъ, недовольна воздержна въ пищѣ и слишкомъ охотно предъявляетъ свое несокрушимое здоровье. Великій князь-отецъ возвратился 23-го въ городъ; я состоялъ при немъ въ Гатчинѣ и вернулся вмѣстѣ съ его свитою. Пребываніе тамъ стало подъ конецъ не только скучнымъ, но даже небезопаснымъ, и многимъ изъ насъ отъ этого не поздоровилось. Какой-то злосчастный медикъ, по имени Фрейгангъ, увѣрилъ великаго князя, что ему необходимо усильное и непрерывное упражненіе тѣла. По совѣту этого врача, е. и. высоч. сталъ ѣздить верхомъ каждый день, присутствуетъ на разводѣ, обѣдаетъ иногда въ окрестностяхъ своего дворца, куда всѣ возвращаются верхами, объѣздомъ въ десять верстъ. Прямо съ обѣда отправляются на прогулку, которая продолжается полтора часа; великая княгиня участвуетъ во всѣхъ этихъ похожденіяхъ, и только дождь избавляетъ ее отъ нихъ: недавно, морозъ въ 15 градусовъ показался очень благопріятною погодою для движенія.

Нелидова наконецъ заняла приготовленное ей въ Смольномъ монастырѣ помѣщеніе, богато убранное и снабженное всѣмъ, что́ только можетъ быть придумано роскошью и вкусомъ. Эта маленькая чародѣйка пріѣзжаетъ, однакоже, ужинать во дворецъ, и отшельничество ея незамѣтно. Это удаленіе есть ничто иное, какъ смѣлая политическая уловка. Ее приписывали князю Николаю Голицыну, но когда онъ сталъ просить мѣста въ Московскомъ Сенатѣ, это сбило угадчиковъ съ толку; онъ слишкомъ уменъ, чтобъ подвергнуть себя новому посрамленію, и если когда-нибудь на немъ остановится взоръ Монарха, то ему не трудно будетъ оставить этотъ Московскій Сенатъ и занять любое высшее мѣсто. Великая княгиня-мать, которая очень часто говоритъ мнѣ о васъ, главное свое утѣшеніе повидимому, находитъ въ дѣтяхъ, и религія

подкрѣпляетъ ее въ горестномъ положеніи, которое только она одна въ состояніи переносить. Великій князь не ладитъ съ г. Зубовымъ. Они усиливаются доказать другъ другу, что этотъ не болѣе какъ поданный, а тотъ—великій князь; но на сколько всемогущъ первый, на столько второй безвластенъ. Жаль, что его послѣднее пристрастіе къ А-ру Львов. Нарышкину очень повредило послѣднему; ибо, какъ мнѣ извѣстно, Императрица сказала: *„я надѣюсь, что всѣ безразсудства прекратятся теперь, послѣ отсылки этого толстаго господина“*. Я, однакоже, свидѣтельствуюсь небомъ, что онъ былъ честнѣйшій любимецъ, когда либо находившійся при царственной особѣ. Онъ все дѣлалъ по искренней привязанности и получилъ плохую награду. Онъ съѣздилъ въ Польшу къ сестрѣ и возвратился третьяго дня.

Наши вельможи, или по крайней мѣрѣ тѣ, кому богатство и кредитъ позволяютъ содержать свои домà побарски, даютъ праздники, на которые приглашаютъ молодыхъ великихъ князей и гдѣ сіи послѣдніе ведутъ себя довольно легкомысленно, не имѣя никого, кто замѣтилъ бы имъ неприличность такихъ шалостей. Старики негодуютъ, видя, что ими пренебрегаютъ: они бòльшую часть времени проводятъ съ молодыми людьми, которымъ подражаютъ, объявляя себя рѣшительными приверженцами всѣхъ новыхъ модъ, вводимыхъ очаровательнымъ княземъ Борисомъ Голицынымъ вопреки здравому смыслу и пристойности. Страсть къ необъятнымъ галстукамъ, закрывающимъ подбородокъ, возбудила здѣсь неудовольствіе. Императрица вторично запретила носить ихъ; но наши молодые люди, несмотря на запрещеніе, одѣваются попрежнему, и въ минувшее Воскресенье, когда графиня Салтыкова вздумала пожурить за это своего племянника, онъ такъ громко заговорилъ ей о свободѣ, что она побѣжала отъ него со всѣхъ ногъ, воображая видѣть въ этомъ семействѣ Голицыныхъ зародышъ революціи.

Графиня Шувалова крайне раздражена отказомъ въ ея домогательствахъ, которыя не отличаются скромностью: ибо она толковала объ орденскомъ знакѣ для нея, о бригадирскомъ чинѣ для ея сына и ея зятя, и пр. Она жалуется на поднявшуюся подаргу, но тѣмъ не менѣе останется при дворѣ. Главный врагъ ея—графъ Николай Салтыковъ. Орудіемъ ея посрамленія служитъ г. Протасовъ, который еще недавно, въ день своихъ имянинъ, получилъ перстень съ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Великая княгиня Елизавета была больна простудою; у нихъ въ покояхъ невыносимо холодно, и большая комната о четырехъ окнахъ отапливается только фарфоровою печкою.

Говорятъ, что г-нъ Сиверсъ будетъ отозванъ, надѣлавъ глупостей по проискамъ короля, который снабдилъ его любовницей, дабы руководить имъ. Этотъ Яковъ Сиверсъ въ теченіи шести мѣсяцевъ получилъ 6000 душъ, денежныя награды и цѣлый ворохъ орденовъ, а именно не менѣе шести различныхъ наименованій.

Марковъ здѣсь орудуетъ всѣмъ, а при дворѣ г-на Зубова случилось важное событіе: отсылка его главнаго секретаря, по имени

Алтести, Греко-Итальянца, человѣка несомнѣнно заслуживающаго висѣлицы. Г. Марковъ доставилъ ему мѣсто, потому что онъ былъ прогнанъ г. Булгаковымъ изъ Варшавы за предательство, продавши ввѣренныя ему бумаги. Этотъ Алтести отличается даровитостью и необыкновенными способностями къ письменной работѣ; но онъ негодяй въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не удовольствовался пожалованіемъ ему 800 рублей пожизненной пенсіи, 600 душъ крестьянъ въ Польшѣ и великолѣпнаго помѣстья въ Тавридѣ; онъ пожелалъ еще имѣть квартиру въ Эрмитажѣ, пріемную, и успѣлъ въ этомъ. Онъ былъ совѣтникомъ канцеляріи и кавалеромъ св. Владиміра 4-й степени; послѣднее противъ воли, ибо онъ не хотѣлъ этого ордена. Желая придать себѣ изящную наружность, онъ остригъ себѣ волосы и въ такомъ видѣ расхаживалъ повсюду. Онъ явился на большомъ балѣ у г. Апраксина въ башмакахъ съ бантами и, развалившись на диванѣ, отвѣчалъ множеству другихъ прощелыгъ, которые приходили съ нимъ бесѣдовать. Онъ такъ проворовался, что г. Зубовъ узналъ о его грабежахъ и хочетъ прогнать его; но недоумѣваютъ, какъ это сдѣлать: ибо ему довѣрили важныя тайны и бумаги.

Графъ Безбородко ничего не дѣлаетъ и, повидимому, доволенъ этимъ. Должность оберъ-гофмейстера чрезвычайно занимаетъ его; между тѣмъ Императрица взяла къ себѣ его секретаря Трощинскаго, которому поручаетъ многія дѣла. Онъ человѣкъ очень достойный, свѣдущій въ дѣлопроизводствѣ, неутомимый и честный. Онъ нѣсколько суровъ, но его откровенность нравится Императрицѣ, которой наскучили умничанье и лживость.

Графа Штакельберга схватила на дняхъ падучая болѣзнь у кн. Долгорукаго, гдѣ давали домашній спектакль. Этотъ бѣдняга находится въ незавидномъ положеніи при дворѣ, гдѣ онъ домогался мѣста оберъ-гофмейстера, которое получилъ гр. Безбородко. Онъ имѣетъ соперникомъ графа С., самаго низкаго и презрѣннаго человѣка. У насъ вездѣ опять даютъ домашніе спектакли, нерѣдко въ ущербъ благопристойности; такъ намедни у князя Долгорукова произносили вещи, едва терпимыя на ярмаркахъ; но говорятъ: *нужно повеселиться.*

Здѣсь много свадебъ, между прочимъ камергера Щербатова съ гр. Пушкиною, которой братъ недавно женился на гр. Брюсъ; баронессы Строгановой съ Демидовымъ, человѣкомъ имѣющимъ 250,000 р. годоваго дохода; гр. Суворовой съ сыномъ ген. Эльмпта, полковникомъ, котораго прислалъ г. Суворовъ женихомъ къ дочери. Онъ отдалъ орденъ Георгія 3-й степени, препровожденный къ нему Императрицей, одному подполковнику, правителю его канцеляріи.

Моя невѣста собиралась писать въ вамъ, но она захворала вчера утромъ.

Послали курьера къ гр. Андрею Разумовскому, съ дозволеніемъ ему пріѣхать сюда, и тотъ же курьеръ везетъ инструкціи Кочубею. Говорятъ о войнѣ съ Турками.

Я забылъ сказать вамъ, что Императрица сильно разгнѣвалась на гр. Андрея Разумовскаго за декларацію Вѣнскаго двора о намѣреніяхъ относительно Польши, которою въ Вѣнѣ хотѣли завладѣть, занявъ ее войсками. Гр. Разумовскій, отправляя курьера, чтобъ извѣстить о томъ свое правительство, сообщилъ эту новость г. Сиверсу, совѣтуя ему отсрочить засѣданія сейма, впредъ до разъясненія видовъ императора. Сиверсъ переслалъ это письмо Императрицѣ, и она заговорила объ отозваніи Разумовскаго; но гр. Зубовъ и г. Марковъ смягчили ея гнѣвъ, и слѣдуетъ думать, что счастливое довершеніе этого пріобрѣтенія заставитъ забыть о промахѣ посланника. Графъ Сергѣй поѣхалъ къ фельдмаршалу и будетъ директоромъ (*sic*) черезъ мѣсяцъ. Императрица въ началѣ будущаго мѣсяца переѣдетъ на жительство въ Таврическій дворецъ. Она любитъ это мѣсто ради малолюдства и уединенія, а также ради прогулокъ: ибо садъ очень хорошъ. Опять прощаюсь съ вами, преисполненный благодарностью и желаніемъ провести мою жизнь вблизи васъ. Тогда я былъ бы менѣе несчастливъ и, стараясь удостоиться вашего одобренія, могъ бы забыть о непріятностяхъ, которымъ подвергаюсь вслѣдствіе предвзятыхъ понятій и непреклонности моего характера.

12.

28 Мая (1794). С. Петербургъ.

Настоящее письмо доставитъ вамъ г. Швейцеръ, бывшій офицеръ Французской службы, близкій знакомый графъ Николая Румянцова. Это малый очень умный и свѣдущій. Я узналъ его въ арміи кн. Потемкина, гдѣ онъ участвовалъ въ послѣднемъ походѣ въ качествѣ охотника и получилъ крестъ за то, что былъ зрителемъ битвы при Мачинѣ. Онъ намѣренъ просить разрѣшенія поступить на службу въ армію герцога Іоркскаго и уповаетъ на ваше доброе содѣйствіе, о чемъ и я присоединяю мою просьбу.

Я сообщилъ вамъ по почтѣ о великомъ и счастливомъ событіи, о назначеніи фельдмаршала Румянцова главнокомандующимъ арміями. Нужда заставила всѣхъ склониться на сторону достойнѣйшаго, и гр. Зубовъ, Салтыковъ и Безбородко указали въ лицѣ его на единственнаго человѣка, способнаго разрѣшить настоящій кризисъ. Онъ уже принялъ начальство и, кажется, выѣхалъ въ Литву. Въ числѣ писемъ, присланныхъ имъ сюда, письмо къ графу Зубову содержитъ нѣкоторыя язвительныя насмѣшки. Онъ говоритъ, что ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ пріѣзда брата его Валеріяна, дабы обсудить сообща положеніе дѣлъ и воспользоваться его добрыми совѣтами. Онъ наказалъ одного полковника за безпорядки, лишивъ его полка и, нашедши недостаточное количество лошадей въ одномъ кавалерійскомъ полку, сдѣлалъ изъ него пѣхотный, чтобъ угодить вкусу полковника, занимавшагося болѣе своимъ обогащеніемъ, чѣмъ службою. Нужно было находиться здѣсь, чтобъ составить себѣ понятіе о всеобщей радости, произведенной этою новостію: были люди, которые, не зная лично фельдмаршала, плакали отъ восторга, и никто не хочетъ болѣе слышать о неудачахъ. Какъ видно, по-

бѣда собирается вновь поступить на службу Россіи вмѣстѣ съ порядкомъ и дисциплиной, которые при Потемкинѣ отставлены были безъ пенсіона, какъ старыя слуги графа Румянцова.

Не знаю, довольны ли будутъ гр. Салтыковъ Иванъ и гр. Суворовъ этимъ начальникомъ. Они слишкомъ великіе люди въ собственномъ мнѣніи, чтобы повиноваться тому, кто дѣйствительно великъ во мнѣніи цѣлаго свѣта. Но фельдмаршалу предстоитъ много трудностей и огорченій въ началѣ. Я въ этомъ увѣренъ, ибо невозможно составить себѣ понятіе о распущенности войскъ и офицеровъ: это все тѣже люди, но уже лишенные воодушевленія и болѣе похожіе на разбойниковъ, чѣмъ на солдатъ. Я не знаю, извѣстны ли вамъ подробности ужасовъ, совершавшихся въ Варшавѣ. Похищали женъ у мужей и дочерей у отцовъ, и никто не имѣлъ права жаловаться. Г. Игельстромъ по цѣлымъ недѣлямъ не принималъ почетнѣйшихъ лицъ страны. Крестьянъ грабили, доводили до отчаянія, и дворяне подвергались еще бо̀льшимъ притѣсненіямъ, чѣмъ рабы ихъ. Неудачное дѣло Тормазова съ Костюшкой усилило отрядъ послѣдняго нѣсколькими тысячами Польскихъ солдатъ, которые бѣжали изъ нашей службы. Г. Игельстромъ выбралъ Денисова, казацкаго генерала и казака въ полномъ смыслѣ слова. Онъ отрядилъ Тормазова съ четырьмя батальонами пѣхоты и тремя эскадронами кавалеріи, чтобъ атаковать непріятельскій лагерь, укрѣпленный и занятый 12000 войска, большею частью конницей. Тормазовъ не уронилъ воинской чести, но былъ опрокинутъ и смятъ въ виду Денисова, который не тронулся съ мѣста, говоря, что не слѣдуетъ рисковать всѣмъ корпусомъ. Поляки отбили у насъ 8 пушекъ, взяли одного полковника въ плѣнъ, и мы потеряли 1500 ч. убитыми. Костюшко издалъ свое воззваніе, и взрывъ произошелъ въ Варшавѣ. Игельстромъ имѣлъ 4000 войска и батальонъ артиллеріи. Онъ покойно спалъ въ ночь возстанія, увѣренный, что генералъ Мандалинскій (другъ Костюшки, составившій планъ защиты Варшавы на случай нападенія) сумѣетъ пособить всему. Не подвергшись никакой опасности и безъ всякой надобности, начальникъ, сопровождаемый генералами Апраксинымъ, Зубовымъ и Писторомъ, вышелъ изъ города и скрылся въ Прусскомъ лагерѣ, обрекая своихъ солдатъ на рѣзню и налагая вѣчное пятно на Русское оружіе. Генералъ Новицкій, интендантъ арміи, спасая всѣ бумаги и 30000 червонцевъ экстраординарной суммы, покинулъ городъ въ наилучшемъ порядкѣ. Нѣкто маіоръ Т...ъ, котораго я знаю, совершенный болванъ, выступилъ никѣмъ не тревожимый и прошелъ черезъ весь городъ съ своимъ батальономъ. Маіоръ Депрерадовичъ, стоявшій на караулѣ у арсенала, на требованіе одного Польскаго генерала, чтобъ онъ отступилъ, приказалъ стрѣлять (при чемъ убиты генералъ и 150 рядовыхъ) и, послѣ 5-ти часовой защиты, не видя помощи ни откуда, оставилъ свой постъ и городъ. По этимъ примѣрамъ вы видите, что главный начальникъ и генералы могли удержаться въ городѣ и, еслибъ даже не справились съ возставшею чернью, то покрайней мѣрѣ могли бы спасти жертвъ разъяренной толпы. Полковникъ князь Гагаринъ находится въ числѣ послѣднихъ.

Нѣсколько Русскихъ женщинъ взяты въ плѣнъ, и никого не выпускаютъ изъ города. Костюшко соединился съ Варшавскимъ отрядомъ войскъ и стоитъ лагеремъ подъ городомъ. Его движеніе совершилось безъ малѣйшаго препятствія со стороны г. Денисова и Прусскаго генерала Фаврата, который не сошелся съ нашимъ казакомъ, чтобъ атаковать непріятеля, потому что нашъ генералъ не захотѣлъ дѣйствовать съ нимъ сообща, дабы не уступить старшинства. Онъ уже во второй разъ совершаетъ подобную продѣлку: въ Финляндіи онъ выпустилъ изъ рукъ Шведскій батальонъ съ эскадрономъ конницы, потому что не захотѣлъ поступить подъ начальство генерала Арбенева, который былъ моложе его. Князь Репнинъ не выступалъ изъ Риги. Подъ его командой будутъ генералы Нумсенъ и князь Голицынъ. Г. Игельстромъ получилъ отставку съ сохраненіемъ жалованія, и на дняхъ, когда кто-то въ обществѣ началъ было рѣзко отзываться о немъ, Императрица сказала: „Потише, господа; не забудьте, что онъ служилъ мнѣ 30 лѣтъ, и что „ему обязана я миромъ съ Швеціей!“ Апраксину велѣно отправиться въ Ригу и ждать тамъ приказаній. Я не опасаюсь, чтобъ съ нимъ случилось тоже, что̀ съ его отцомъ и чтобъ онъ умеръ съ горя. Его теща тѣмъ болѣе опечалена этимъ событіемъ, что она выхваливала достоинства своего зятя и сулила ему не менѣе, какъ ленту св. Александра Невскаго. Возстаніе распространилось на всю Польшу и произвело множество тревогъ. Въ Вильнѣ, генералъ Арсеньевъ, возвратившійся въ городъ переночевать съ своей красавицей, взятъ въ плѣнъ; а генералъ Коссаковскій, перешедшій въ нашу службу, повѣшенъ. Полковникъ Дѣевъ съ однимъ полкомъ пѣхоты, атакованный 8000 Поляковъ, побилъ изъ нихъ 2000 и захватилъ 6 орудій. Подполковникъ Шпильманъ, съ батальономъ егерей, разбилъ отрядъ въ 3000 Поляковъ и взялъ у нихъ 2 пушки. Ген. князь Циціановъ, находившійся въ Гроднѣ съ 2000 ч., забралъ болѣе 20 орудій, 30000 червонцевъ контрибуціи и сукна для обмундировки всего своего отряда. Онъ получилъ за это Владимірскій крестъ 2-й степени и 6000 р. денежной награды.

Я желалъ бы, чтобъ появленіе графа Румянцова во главѣ арміи произвело впечатлѣніе на Турокъ. Хотя, по новѣйшимъ извѣстіямъ отъ Кочубея, они повидимому остаются спокойными и, судя по ихъ заявленіямъ, нельзя ожидать войны; однакоже несомнѣнно, что Молдавскій господарь получилъ отъ Порты приказаніе давать убѣжище всѣмъ выходцамъ изъ Польши. Здѣсь очень довольны Кочубеемъ, который не щадитъ своихъ трудовъ. Вы не повѣрите, что у него до сихъ поръ нѣтъ секретаря и что онъ принужденъ все писать и переписывать собственноручно; тутъ видно упущеніе со стороны графа Безбородки, и по этому случаю я замѣтилъ, что онъ питаетъ неудовольствіе на племянника со времени его послѣдняго пріѣзда сюда. Нѣкоторыя истины, высказанныя изъ усердія, явное презрѣніе къ прислужникамъ дяди, которыхъ онъ видѣлъ каждый день, а въ особенности пренебреженіе, оказанное г-у **., человѣку недостойному, который неизвѣстно какими способами водитъ графа и покровительствуетъ всей сволочи въ имперіи, были причи-

нами, навлекшими на Кочубея неудовольствіе гр. Безбородки. Гр. Зубовъ также могущественъ, какъ прежде, и гр. Безбородко, вступившій опять въ завѣдываніе дѣлами, нерѣдко принужденъ ходить къ нему съ бумагами, въ которыхъ онъ иногда дѣлаетъ поправки. Гр. Безбородко самъ по себѣ никогда не будетъ опасенъ для тѣхъ, кто захочетъ овладѣть исключительнымъ вліяніемъ: онъ слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ, и въ тоже самое время слишкомъ увѣренъ въ своей полезности, чтобы стѣснять себя и хвататься за власть, которую онъ столько разъ имѣлъ въ рукахъ.

Грамоты гр. Зубову на достоинство имперскаго князя, и графская для Маркова, все еще остаются у гр. Кобенцеля. *Она* затруднялась этимъ дѣломъ съ самаго начала, и Польскія событія заставили отсрочить это новое изъявленіе милости. Въ городѣ думаютъ, что Марковъ менѣе силенъ, чѣмъ прежде; но въ этомъ ошибаются: онъ пользуется большимъ значеніемъ по своему вліянію на г-на Зубова, который въ немъ нуждается. Онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за промахи г. Игельстрома, и такъ какъ его предначертанія г-нъ Зубовъ вполнѣ одобрилъ, то и не захочетъ отказаться отъ возможности выдавать ихъ за свои собственныя. Другіе полагаютъ, что г. Марковымъ недовольны по поводу барона Армфельда. Здѣсь это хранятъ въ строгой тайнѣ, но онъ былъ въ городѣ; а какъ Шведскій посланникъ отправилъ по его пятамъ людей для поимки, то полиція выслала для его охраненія одного офицера и нѣсколько солдатъ, которые стояли карауломъ у дверей гостинницы, въ которой жилъ баронъ Армфельдъ. Оттуда онъ перебрался въ Чесменскій дворецъ, въ пяти верстахъ отъ города, а на третій день его повезли въ Тверь, гдѣ онъ находится въ настоящее время, тогда какъ его жена нисколько не скрывается и явно получала деньги у г-на Штединга [23]). Такое покровительство Армфельду не возвратитъ намъ дружбы регента, тѣмъ болѣе что было обѣщано не давать здѣсь убѣжища этому вождю заговорщиковъ. Перехваченная корреспондеція его уже обнародована. Шведскій посланникъ имѣетъ одинъ экземпляръ. Все сводится на гг. Маркова, Штакельберга и гр. Разумовскаго. Говорятъ, что княгиня Меншикова, которая путешествуетъ, сильно замѣшана въ этомъ дѣлѣ.

Нашъ флотъ, подъ начальствомъ Чичагова и Крузе, которые ненавидятъ другъ друга, вышелъ на прошлой недѣлѣ. Онъ состоитъ изъ 18 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ, слѣдовательно слишкомъ силенъ для мирнаго времени и слишкомъ слабъ въ случаѣ войны. Шведская флотилія, въ составѣ 300 флаговъ, стоитъ противъ Роченсальма, этого знаменитаго залива, гдѣ принцъ Нассаускій былъ сначала побѣдителемъ, а потомъ побѣжденнымъ. Нашъ гребной флотъ имѣетъ недостатокъ въ людяхъ и не будетъ въ силахъ противостать Шведамъ. Думаютъ, однакоже, что до войны не дойдетъ, потому что Датскій дворъ медлитъ рѣшеніемъ. Если онъ вы-

---

[23]) Шведскаго посланника.

скажется противъ насъ, то мы будемъ въ плохихъ обстоятельствахъ: ибо всѣхъ войскъ въ Финдляндіи не наберется и 8000 ч., и дѣла находятся въ томъ же положеніи, какъ въ началѣ послѣдней войны. Князь Юрій Долгорукій отправился для осмотра границъ и готовится принять начальство надъ арміей. Дай Богъ, чтобъ не нуждались въ немъ. Дабы пособить недостатку въ деньгахъ, предположено вновь выпустить на 20.000.000 р. ассигнацій и увеличить на 30 коп. подушную подать. Въ Москвѣ фунтъ говядины продавался уже мѣсяцъ тому назадъ по 25 коп., потому что кн. Сергѣй Голицынъ и Московскій губернаторъ князь Долгорукій [24]) скупили весь скотъ и завладѣли рынкомъ.

Вотъ нѣсколько маленькихъ анекдотовъ, которые дадутъ вамъ понятіе о положеніи дѣлъ. Великій князь находится въ Павловскѣ, постоянно не въ духѣ, съ головою, наполненною призраками, и окруженный людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживаетъ быть колесованнымъ безъ суда. Онъ теперь въ гораздо лучшихъ отношеніяхъ съ своею супругою, чѣмъ былъ прежде; потому что она рѣшилась уступить г. Нелидовой и сблизиться съ нею. Это маленькое созданіе властвуетъ неограниченно, при содѣйствіи нѣкоего врача, по имени Фрейганга, который сопровождалъ князя Орлова въ его послѣднемъ путешествіи и выхлопоталъ ему докторскую шапку въ Монпелье [25]). Этотъ человѣкъ, пекущійся о физическомъ состояніи его высочества, простираетъ свои заботы и на его нравственное существо, и одинаково отравляетъ и то и другое. Великій князь вездѣ видитъ отпрыски революціи. Онъ всюду находитъ Якобинцевъ, и на дняхъ четыре несчастные офицера изъ его батальоновъ были арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки—вѣрный признакъ революціоннаго духа. Когда въ прошломъ году онъ разсердился на графа Безбородку, месть его пала на Лафермьера, котораго онъ лишилъ пожалованной ему пенсіи: ибо Лафермьеръ очень близокъ съ гр. Александромъ, а послѣдній имѣетъ сношенія съ гр. Безбородкой. Онъ очень радъ назначенію фельдмаршала и говоритъ, что этотъ день есть праздникъ для всѣхъ честныхъ людей. Отъ него взяли еще хорошаго и достойнаго человѣка, но который ничего не дѣлаетъ и удаленъ по подозрѣнію въ искренней привязанности къ великой княгинѣ: это г. Плещеевъ. Послѣ г. Нелидовой, главный всему вершитель—Иванъ Павловичъ [26]), нѣкогда Турокъ, потомъ христіянинъ, а въ настоящее время первый камердинеръ его высочества. При этомъ дворѣ состоитъ еще подполковникъ Линденеръ, пошлая личность, надутая самолюбіемъ, выдвинутая изъ толпы минутною прихотью великаго князя. Этотъ человѣкъ очень опасенъ, будучи подозрителенъ и недовѣрчивъ, тогда какъ властелинъ легковѣренъ и вспыльчивъ. Я, однакоже, всегда остерегаюсь излишней ко мнѣ милости, и

---

[24]) Т. е. гражданскій губернаторъ (князь Алексѣй Алексѣевичъ, позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ?).

[25]) Такъ въ подлинникѣ. Но не Орловъ-ли выхлопоталъ врачу докторскую шапку?

[26]) Тогда еще неимѣвшій фамильнаго имени Кутайсовъ.

на послѣднемъ моемъ дежурствѣ онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не говорилъ со мною, потому что я утверждалъ, что г. Тормазовъ благородный человѣкъ.

Имѣя случай близко видѣть великихъ князей, которые меня очень любятъ, я въ состояніи судить, до какой степени не радѣли объ ихъ воспитаніи. Они не читали ничего и въ настоящее время забываютъ то немногое, что́ знали. Великій князь Александръ Павловичъ имѣетъ отъ природы прекрасныя качества: сердце у него доброе, непорочное и наклонное ко всему хорошему; но онъ лѣнивъ и ничѣмъ не хочетъ заниматься. Я пытался уже возбудить въ немъ любознательность, подстрекая нѣсколько его самолюбіе; но это не повело ни къ чему. Онъ никогда не дотрогивается до книги. Нѣкоторые изъ окружающихъ его внушаютъ ему пристрастіе къ нарядамъ и модамъ, на что Императрица смотритъ снисходительно, говоря, что мелкія слабости проходятъ сами собою. Она часто повторяетъ еще другую поговорку, что тотъ, кто ничему не выучился до 15 лѣтъ, останется навѣки невѣждой. Молодая великая княгиня — особа очень привлекательная, лучшаго тона въ обществѣ, имѣющая самостоятельную волю и почти всегда поступающая по собственному разумѣнію. Или я сильно ошибаюсь, или со временемъ она будетъ руководить всѣмъ. Ея супругъ обожаетъ ее, и они между собою какъ дѣти, когда нѣтъ никого. Но при постороннихъ, она становится вполнѣ великою княгинею. Собесѣдничество великаго князя тѣмъ непріятно, что онъ страдаетъ глухотой, и нужно кричать очень громко: онъ слышитъ только однимъ ухомъ. Графъ Салтыковъ приходитъ только обѣдать съ ними, а г. Протасовъ, хотя добрый и честный человѣкъ, неспособенъ воспитывать будущаго наслѣдника престола. За исключеніемъ Головина и Тутолмина, весь дворъ его состоитъ изъ негодяевъ или глупцовъ, избранныхъ по лицепріятію или благодаря знатному имени.

Великій князь Константинъ, пылкій и строптивый, начинаетъ обнаруживать признаки сходства характера съ отцовскимъ. Онъ предается вспышкамъ гнѣва, никого не слушается и держитъ себя невсегда прилично. Онъ выказываетъ небрежность въ одеждѣ и часто носитъ вывороченное платье и грязные галстуки изъ черной тафты. Воспитатель его Сакенъ, человѣкъ тупоумный, пронырливый и завистливый, остается въ ожиданіи награды, которая его не минуетъ. Его правила также достойны порицанія, какъ и его поведеніе. Хотятъ изъ великаго князя Константина сдѣлать воина. Онъ имѣетъ сильную наклонность къ военному ремеслу, выпросилъ себѣ 15 солдатъ изъ гренадерскаго корпуса, помѣстилъ ихъ въ своемъ домѣ въ Сарскомъ Селѣ и занимается ими цѣлый день. На это направляетъ его и отецъ, который поощряетъ его наклонность и оказываетъ ему предпочтеніе, будучи недоволенъ особеннымъ вниманіемъ Императрицы къ старшему сыну. Забавно видѣть обоихъ юношей въ тѣ дни, когда отецъ пріѣзжаетъ въ Сарское Село: они мѣняютъ весь свой костюмъ и появляются въ длинныхъ камзолахъ, узкихъ галстукахъ, толстыхъ букляхъ и пр., все для того, чтобъ угодить отцовскому вкусу.

Я удержалъ въ памяти недавно слышанныя мною слова стараго гренадера вашего Перепелкина, нынѣ сержанта. Узнавъ, что онъ 26 лѣтъ служитъ въ одномъ и тамъ же полку, я спросилъ его, вашего ли онъ времени и помнитъ ли васъ. Вотъ его отвѣтъ: *мы всѣ молимъ за его сіятельство Бога*; *онъ нашъ былъ отецъ*, *а не командиръ*. Съ тѣхъ поръ я принимаю участіе въ этомъ Перепелкинѣ, какъ въ товарищѣ по чувствамъ.

Общество въ Сарскомъ Селѣ довольно многочисленно и кажется веселымъ, ибо при дворѣ видна только наружность. Г. Ламбертъ, генералъ-поручикъ нашей службы, живетъ въ Сарскомъ Селѣ. Онъ кичится большою строгостью въ нравахъ и немилосердно судитъ о всѣхъ Французахъ, кромѣ самого себя. Онъ выказываетъ смѣшную небрежность и, кромѣ Императрицы, г. Зубова, Маркова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, ни на кого не обращаетъ вниманія и никому не кланяется. Онъ получилъ на дняхъ извѣстіе о казни его шурина и его тестя. Его теща съ четырьмя дочерьми прячутся на чердакѣ, чтобъ избѣгнуть той же участи, которая неизбѣжна постигнетъ ихъ, если онѣ будутъ отысканы. Эстергази все еще поддерживается, а Шуазель, всецѣло преданный кн. Голицыной, рожденной Шуваловой, занимается только ею. Когда изучаешь Французовъ, находишь что̀-то до такой степени легкое во всемъ ихъ существѣ, что нельзя понять, какимъ образомъ эти люди удерживаются на землѣ и, такъ какъ они неспособны сохранить никакого впечатлѣнія, то я склоненъ думать, что они созданы изъ резинки, подающейся во всѣ стороны.

Маленькія великія княжны очаровательны. Какъ видно, настоящія обстоятельства заставили отказаться отъ предположенія выдать старшую за короля Шведскаго. Для нея уже были оправлены бриллiянты, и назначена была поѣздка въ Петергофъ; но теперь не желали бы, чтобъ онъ туда пріѣхалъ.

Высокопарный негодяй Головкинъ просилъ 60.000 р. для уплаты долговъ и, какъ теперь время обильное милостями, то надѣялся ихъ получить; но, къ счастью, сдѣланная имъ глупость избавила гр. Зубова отъ просителя и казну отъ убытка. Онъ былъ посредникомъ въ тяжбѣ князя Любомирскаго съ наслѣдниками князя Потемкина; это дѣло поступило въ Совѣстный Судъ, который не принялъ его къ разсмотрѣнію, и Головкинъ послалъ сумму денегъ предсѣдателю, сенатору Ржевскому. Посреднику изрядно намылили голову, велѣвъ ему сказать, что его продѣлка достойна Польскаго адвоката.

Княгиня Радзивилъ, столь извѣстная своими романическими затѣями и строющая замокъ, изображающій древнюю Аркадію, уѣхала за своими дѣтьми, изъ коихъ нѣкоторыя находятся въ Варшавѣ. Она была хорошо принята здѣсь и получила въ подарокъ медальонъ, стоющій 26000 рублей. Она пыталась раздуть пламя страсти г. Витворта, но тщетно: наша соотечественница [27]), не владѣя ни да-

---

[27]) Т. е. Ольга Александровна Жеребцова.

ромъ пѣнія, ни обольстительнымъ словомъ, удерживаетъ кавалера ордена Бани въ своемъ домѣ, какъ другая Армида.

Хотя мнѣ разрѣшено жить въ Сарскомъ Селѣ все лѣто, однакоже я пріѣхалъ въ городъ: моя жена снимаетъ съ себя портретъ для моего отца, и кромѣ того пріятно оставить дворъ на нѣсколько дней. Пребываніе тамъ слишкомъ утомительно для человѣка, чуждаго происковъ. Страдаешь за другихъ, и кромѣ того есть двое или трое людей, при видѣ которыхъ меня въ жаръ бросаетъ. Жена моя добрѣйшая особа въ мірѣ и принесла бы счастіе любому мирному гражданину. Она беременна и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда сдѣлается матерью. Я люблю Анну Степановну [28]), но она слишкомъ многимъ жертвуетъ мнѣнію свѣта и задалась мыслью, которую такъ трудно привести въ исполненіе: быть философкою находясь при дворѣ и оставаясь его рабою. Моя свояченица, кн. Голицына, ѣдетъ на зиму въ Англію. Вы найдете въ ней очень привлекательную особу. Я говорилъ о себѣ съ г. Марковымъ; онъ совѣтовалъ мнѣ дождаться первой вакансіи на посольскую должность. Мнѣ хочется написать письмо къ Императрицѣ, дабы знать, на что̀ можно надѣяться. Прощайте. Сохраните мнѣ мѣсто въ вашей памяти.

Здѣсь много больныхъ. Графъ Ангальтъ умеръ; гр. Панинъ очень нездоровъ. У г-жи Загряжской лихорадка, что̀ ее крайне разстроиваетъ. Принцъ Нассаускій пріѣзжалъ сюда съ извѣстіемъ о походѣ Прусскаго короля въ Польшу во главѣ 24000 войска. Принцу дали 2000 червонцевъ; онъ поѣхалъ въ Берлинъ, а Прусскій король все еще остается въ Потсдамѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[28]) Протасову.

ДВА ПИСЬМА И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

изъ С.-Петербурга въ Лондонъ къ графу С. Р. Воронцову *).

1801 года.

Иванъ Матвѣевичь Муравьевъ-Апостолъ, отецъ Декабристовъ Муравьевыхъ, авторъ Путешествія въ Тавриду и переводчикъ Аристофановыхъ Облаковъ, человѣкъ отмѣннаго просвѣщенія, служилъ при императорѣ Павлѣ резидентомъ въ Гамбургѣ, и черезъ него начаты были сношенія наши съ первымъ консуломъ Бонапартомъ (имѣвшія послѣдствіемъ крутой поворотъ во всѣхъ внѣшнихъ, а черезъ нихъ и во внутреннихъ дѣлахъ Россіи). Графъ Н. П. Панинъ находился съ нимъ въ перепискѣ, будучи посланникомъ въ Берлинѣ. Съ переѣздомъ графа Панина въ Петербургъ, на должность вице-канцлера (осенью 1799 года), вѣроятно возвратился въ Россію и Муравьевъ-Апостолъ. Позднѣе онъ былъ сенаторомъ; но съ паденіемъ графа Панина прекратилась и его дѣятельность: онъ также томился подъ гнетомъ царской немилости и слишкомъ полвѣка остальной жизни не принималъ почти никакого участія въ дѣлахъ государственной службы. Онъ пережилъ своего друга и умеръ въ Петербурга въ 1852 году.

Первое изъ нижеслѣдующихъ писемъ даетъ намъ новыя черты къ доселѣ загадочной біографіи въ высокой степени замѣчательнаго лица новой Русской исторіи, графа Никиты Петровича (1772—1837), съ коимъ читатели наши лишь нѣсколько познакомились по его письмамъ въ Москву въ первые дни Александровскаго царствованія, помѣщеннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1874 года (II, 709) и по обширному письму къ нему графа С. Р. Воронцова (тамъ же, 971). Второе письмо Муравьева-Апостола рисуетъ живую картину общественнаго счастія, коимъ началась для Россіи Александровская эпоха. *П. Б.*

1.

С.-Петербургъ, 16 Февраля 1801 года.

Графъ Панинъ, сосланный въ свою деревню, поручилъ мнѣ, въ минуту отъѣзда изъ Петербурга, изложить вашему сіятельству всѣ обстоятельства, которыя причинили эту опалу. Пользуясь настоящимъ вѣрнымъ случаемъ, исполняю сію обязанность, горестную, но въ тоже время лестную, такъ какъ она возложена на меня самымъ искреннимъ моимъ другомъ и при томъ по отношенію къ человѣку, котораго я наиболѣе уважаю.

Ваше сіятельство знаете, также какъ и я и лучше меня, что г-нъ Панинъ, вѣрный правиламъ чести и здравой политики, не по-

---

*) Печатаются съ Французскихъ подлинниковъ, имѣющихъ появиться въ XII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. *П. Б.*

нравился съ самаго вступленія своего въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ [1]): онъ хотѣлъ привести въ систему дѣйствія Кабинета, который въ теченіи двухъ лѣтъ поступалъ очертя голову, отличаясь лишь непостоянствомъ и измѣнчивостію намѣреній. На первыхъ же порахъ г-нъ Панинъ заявилъ себя такимъ, каковъ онъ есть, т. е. неспособнымъ сгибаться и оберегать свое положеніе. Поэтому и нельзя ему было пробыть долго въ этой службѣ. Съ начала прошлаго года онъ уже сознавалъ это и помышлялъ лишь о томъ, чтобы не запятнать своего добраго имени. Трудно перечислить всѣ непріятности, которыми онъ подвергался въ теченіи послѣднихъ десяти мѣсяцевъ. При дворѣ на него постоянно смотрѣли косо, и онъ получалъ даже самые грубые выговоры, не смотря на то, что работалъ безъ устали, стараясь пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать добро или что̀ бывало всего чаще—чтобы ослабить зло. Таково было его тягостное положеніе до Октября мѣсяца прошлаго года. Тогда направленіе политики внезапно перемѣнилось, и вмѣстѣ съ этою внезапною перемѣною произошелъ переворотъ въ положеніи графа Панина. Онъ ожидалъ этого, и тутъ не нужно было много прозорливости; но никто не могъ предсказать тѣхъ крутыхъ и безпощадныхъ мѣръ, которыми сопровождалась его опала. Повидимому имѣлось въ виду, чтобы онъ выпилъ до дна чашу горечи. Но я долженъ начать по порядку.

Ваше сіятельство знаете первую ноту, которую наше правительство подало здѣшнему дипломатическому корпусу по случаю послѣдняго амбарго [2]). Вы помните также, что она была подписана однимъ графомъ Ростопчинымъ. Вотъ какъ это произошло. Еще за недѣлю до взрыва, стали говорить объ этой нотѣ и о томъ, чтобы въ ней упомянуть про вѣроломство Англичанъ, нарушившихъ будто бы конвенцію, торжественно заключенную въ 1798 году. Графъ Панинъ возражалъ противъ такой мѣры, говоря, что ни за что не согласится подвергать нареканію имя своего Государя, который въ этомъ случаѣ заявитъ неправду, такъ какъ помянутая конвенція не состоялась. Не взирая на это, нота, въ томъ видѣ, какъ она напечатана во всѣхъ газетахъ, была прислана изъ Гатчины уже подписанная графомъ Ростопчинымъ, съ повелѣніемъ, чтобы графъ Панинъ передалъ ее всѣмъ иностраннымъ министрамъ. Графъ Панинъ воспользовался возможностью устранить себя отъ участія въ актѣ, который столь противорѣчилъ всѣмъ формамъ, усвоеннымъ націями, признающими народное право: онъ передалъ ноту, не подписавъ на ней своего имени. На другой день у него спросили, почему онъ такъ поступилъ. Тогда онъ прибѣгъ къ уловкѣ. „Обыкновенно, отвѣчалъ онъ, младшій членъ Коллегіи подписывается на-

---

[1]) Коллегія или нынѣшнее Министерство Иностранныхъ Дѣлъ управлялась нѣсколькими членами. Канцлеромъ или перво-присутствующимъ былъ въ это время графъ Ростопчинъ, сосланный въ подмосковную деревню лишь за нѣсколько дней до кончины императора Павла.

[2]) Т. е. наложеніе запрещенія на Англійскіе товары.

передъ; а такъ какъ нота была подписана графомъ Ростопчинымъ, то въ моемъ имени, показалось мнѣ, не представлялось уже надобности". Послѣ такого уклончиваго отвѣта, нѣсколько дней прошло спокойно. Но спокойствіе это было обманчивое, и скоро наступила гроза, разразившаяся надъ головою графа Панина. Незадолго до его отставки, другая нота, совершенно въ томъ же родѣ какъ и первая, была прислана къ нему изъ Гатчины съ именнымъ высочайшимъ повелѣніемъ подписать ее и также передать дипломатическому корпусу. Уклоняться болѣе стало невозможно; приходилось повиноваться, что́ онъ и сдѣлалъ, но опять не безпрекословно: онъ настоялъ на позволеніи измѣнить начало злосчастной ноты, прибавивъ къ ней, что она подается *по особому повелѣнію Государя*. Я употреблялъ всѣ возможныя усилія, чтобы удержать его отъ сего послѣдняго поступка; но мои увѣщанія были напрасны, и съ той минуты я предвидѣлъ и предсказывалъ все что́ случилось.

По возвращеніи двора въ городъ, т. е. послѣ 1-го Ноября, графъ Панинъ искалъ случая объясниться съ своимъ товарищемъ, но безуспѣшно: тотъ уклонялся отъ его посѣщеній. Наконецъ, въ самый день отставки, ему удалось проникнуть къ графу Ростопчину. Часа два сряду они бесѣдовали о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и разговоръ коснулся высылки Сардинскаго министра, кавалера де Бальбо. Графъ Панинъ спросилъ, по какому поводу Государь прогнѣвался на кавалера де Бальбо. Ростопчинъ отвѣчалъ ему на этотъ вопросъ, и потомъ, какъ будто спохватившись, сказалъ: „А знаете ли, графъ, что Государь очень прогнѣвался и на васъ". — „Мнѣ неизвѣстно, отвѣчалъ графъ Панинъ, чѣмъ могъ я навлечь на себя немилость моего Государя; но если вы полагаете, что выходъ мой изъ службы будетъ ему пріятенъ, я готовъ вамъ представить прошеніе объ отставкѣ".—„Не зачѣмъ, возразилъ графъ Ростопчинъ, потому что отставка ваша уже состоялась". И дѣйствительно онъ вынулъ изъ кармана указъ, который былъ подписанъ Государемъ еще въ семь часовъ утра и которымъ графъ Панинъ увольнялся изъ Коллегіи съ назначеніемъ въ Сенатъ.

Было два часа по полудни. Въ этотъ день (Четвергъ) у вице-канцлера обыкновенно бывалъ дипломатическій обѣдъ. Графъ Панинъ замѣтилъ своему товарищу, что такъ какъ иностранные министры приглашены къ нему на обѣдъ еще съ вечера, то имъ придется остаться безъ обѣда, коль скоро онъ не пуститъ ихъ къ себѣ, когда они явятся по его приглашенію; что поэтому онъ проситъ довести до свѣдѣнія Государя о необходимости, въ которой онъ находится, дать обѣдъ, какъ бы ничего не произошло и лишь послѣ обѣда разослать повѣстки о своемъ увольненіи изъ Коллегіи. Графъ Ростопчинъ сказалъ ему на это, что иначе поступить и нельзя. Ваше сіятельство сей часъ увидите, какъ это самое вмѣнено было ему въ преступленіе.

Графъ Панинъ велъ себя при этомъ съ достоинствомъ и воздержностью, которыя снискали ему похвалу и удивленіе всего города. Онъ исполнилъ послѣднія формальности, сопряженныя съ его долж-

ностью, не обнаруживая ни досады, ни малѣйшаго волненія. Всѣ жалѣли о немъ; а самъ онъ, повидимому, жалѣлъ только о томъ, что не можетъ больше служить своему Отечеству на томъ поприщѣ, къ прохожденію котораго готовился съ дѣтства. При первой возможности, онъ отправился въ Сенатъ и занялся сенатскими дѣлами, какъ будто у него не было иной цѣли въ жизни, какъ быть сенаторомъ.

Но твердость эту не оцѣнили. Напротивъ, она послужила лишь къ тому, чтобы еще болѣе раздражить Императора. Его Величеству были извѣстны связи графа съ генераломъ Паленомъ, и когда сей послѣдній, однажды утромъ, вошелъ въ кабинетъ Государя, первый вопросъ ему былъ, видѣлъ ли онъ Панина и веселъ ли онъ? „Я видѣлъ Панина, отвѣчалъ военный губернаторъ, но я не нашелъ его веселымъ. Ваше величество можете быть увѣрены, что человѣку, имѣвшему несчастіе подвергнуться вашей немилости, не до веселья". — „Онъ Римлянинъ, сказалъ Государь; я его знаю; милость или немилость моя не слишкомъ на него дѣйствуютъ. Онъ не задумался даже угощать обѣдомъ въ самый день своей отставки". Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: „Я знаю, что онъ не лишенъ дарованій; но въ немъ три главные недостатка: онъ *педантъ*, *систематикъ и методистъ*". Графъ Паленъ замѣтилъ, что онъ ничего не смыслитъ въ политикѣ, что онъ человѣкъ военный, и его дѣло умѣнье драться; но что, сколько онъ слышалъ, метода и система бываютъ иной разъ полезны въ дѣлахъ. Государь перервалъ его вопросомъ, все ли еще графъ Панинъ намѣревается дать балъ (рѣчь идетъ о церемоніальномъ балѣ, который, по распоряженію двора, долженъ былъ дать вице-канцлеръ). „Не знаю, сказалъ Паленъ; но мнѣ кажется, что Панинъ не имѣетъ охоты ни самъ танцовать, ни смотрѣть, какъ другіе у него танцуютъ". — „Это ему все равно, воскликнулъ Государь. Онъ Римлянинъ!".

Нѣсколько дней спустя, Государь повторилъ Палену почти тѣже вопросы и прибавилъ, въ видѣ своего мнѣнія, что графъ Панинъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы попросилъ перемѣщенія въ Московскій Сенатъ. Предупрежденный Панинымъ на случай подобнаго предложенія, графъ Паленъ отвѣчалъ не обинуясь, что графъ Панинъ счелъ бы себя еще болѣе счастливымъ, если бы ему дозволено было выдти совсѣмъ въ отставку. „Хоть сей часъ!" сказалъ Государь. „Но будетъ ли ему дано позволеніе, перервалъ военный губернаторъ, прожить здѣсь еще мѣсяца три или четыре, чтобы дождаться родовъ своей супруги, которая почти на сносяхъ?"—„Разумѣется, сказалъ Государь, разумѣется!" И немедленно состоялся указъ въ такихъ именно выраженіяхъ: „Сенаторъ графъ Панинъ отъ службы отставляется".

Однако, не смотря на *разумѣется*, не прошло и трехъ дней, какъ приказано было графу Панину черезъ полицію немедленно выѣхать изъ Петербурга, и мѣстомъ изгнанія назначено Дугино *), помѣстье,

*) Дугино было куплено Екатериною у барона Корфа и подарено графу Н. И. Панину. *П. Б.*

пожалованное покойною императрицею его дядѣ по окончаніи воспитанія нынѣшняго императора.

Этотъ человѣкъ, столь гордый и мужественный, несокрушимый въ несчастіи и непреклонный въ гоненіи, когда оно постигало лишь его одного, поникъ подъ бременемъ горя: его милымъ дѣтямъ и обожаемой супругѣ предстояло раздѣлять съ нимъ ужасы ссылки, въ деревнѣ, въ полуразрушенномъ домѣ, безъ всякой помощи въ случаѣ болѣзни или какихъ другихъ нуждахъ. Онъ не выдержалъ этого испытанія и, при всемъ своемъ нежеланіи испрашивать милостей въ то время какъ онъ чувствовалъ себя достойнымъ награжденій, онъ написалъ передъ отъѣздомъ своимъ письмо къ княгинѣ Гагариной, умоляя ее повергнуть на воззрѣніе Государя ужасное положеніе, въ которомъ онъ находится, обреченный съ больными дѣтьми и супругою на 8-мъ мѣсяцѣ беременности ѣхать въ деревню, гдѣ почти нѣтъ угла, подвергать ихъ всѣмъ ужасамъ суроваго времени года и имѣть въ виду, что можетъ быть онъ будетъ виновникомъ гибели существъ, которыя для него дороже всего на свѣтѣ. Онъ умолялъ его величество, въ единственное облегченіе его несчастій, дозволить ему поселиться въ Москвѣ или если это покажется слишкомъ снисходительно, то гдѣ нибудь по близости Москвы. Письмо это нѣсколько времени оставалось безъ отзыва: Государь не желалъ, чтобы при немъ заводили рѣчь о графѣ Панинѣ. Наконецъ, благодаря настойчивости княгини, ея мольбамъ и слезамъ, дозволено графу Панину жить въ окрестностяхъ древней столицы. Достойная подруга графа приняла это дозволеніе какъ величайшую милость; она поспѣшила извѣстить о томъ своего супруга и вскорѣ отправилась на житье къ нему въ Петровское, имѣніе графа Разумовскаго, въ 4 верстахъ отъ Москвы.

И вотъ они тамъ, въ полной надежности, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Не тутъ то было: преслѣдованіе несчастныхъ жертвъ еще не кончилось.

Надо знать вашему сіятельству, что когда Панинъ уѣзжалъ отсюда, Государь именно приказалъ задерживать всѣ его письма и докладывать о лицахъ, съ которыми онъ будетъ переписываться. Легко понять, что при такихъ условіяхъ графъ Панинъ воздерживался отъ переписки съ кѣмъ бы то ни было. Но могъ ли онъ предположить, что ему вмѣнятъ въ преступленіе переписку съ сестрою? И однако, письмо его къ сей послѣдней было для него гибельно, и преслѣдованіе возобновилось съ новою свирѣпостью. Я читалъ это роковое письмо. Графъ говоритъ въ немъ о *своей теткѣ, вдовѣ-графинѣ Чернышевой и о благодѣяніяхъ, которыя она ему оказываетъ*. Готовъ прозакладывать что угодно, что ваше сіятельство не угадаете, какъ растолковали эту фразу. Слово *тетка* было объяснено въ этомъ новомъ лексиконѣ словомъ *Государь*, а *благодѣяніе*—словомъ *преслѣдованіе*. Немедленно послѣдовалъ указъ къ графу Салтыкову—удалить графа Панина съ его семействомъ изъ подъ Москвы, но держать его въ Московской губерніи, чтобъ онъ находился подъ непрестаннымъ наблюденіемъ фельдмаршала.

И вотъ онъ изгнанникъ, скиталецъ, неувѣренный, что ему позволятъ провести двѣ ночи сряду на одномъ мѣстѣ. Будь онъ одинъ, и то трудно не пасть духомъ; но у него дѣти и жена на сносяхъ, у которой роды всегда бывали трудны и опасны! Положеніе ужасное, и признаюсь вашему сіятельству, я не знаю какъ онъ его вынесетъ. Я трепещу за его жизнь, не имѣя о немъ извѣстій со времени послѣдней грозы.

Исполнивъ тяжкую обязанность, возложенную на меня дружбою, я долженъ просить у вашего сіятельства извиненія въ небрежности слога и въ несвязности моего разсказа. Я самъ разстроенъ, лишившись единственнаго человѣка, который привлекалъ меня къ службѣ. Я нѣкоторымъ образомъ лишился способности размышлять, и потому неудивительно, что не умѣю выражаться.

Пользуйтесь, графъ, посреди любезнаго вашего семейства, единственнымъ счастіемъ, какое существуетъ для такой души, какъ ваша. Пользуйтесь имъ долго и прежде всего подальше отъ здѣшнихъ бурь. Это желаніе человѣка, который всегда былъ вамъ преданъ и сохранитъ къ вамъ навѣки неизмѣнное уваженіе и приверженность. Вашего сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

Муравьевъ.

2.

С. Петербургъ, (6) 18 Апрѣля 1801.

Имѣвъ честь писать къ вашему сіятельству въ тѣ дни, когда я чувствовалъ потребность подѣлиться моею скорбью и сокрушеніемъ, берусь за перо и теперь, когда совершенно другія чувства наполняютъ мою душу и въ избыткѣ радости хочу поздравить васъ съ общимъ благоденствіемъ Отечества и съ тѣми знаками отличія и милости, коими нашъ августѣйшій Монархъ почтилъ въ лицѣ вашемъ заслуги, добродѣтели и дарованія.

Не стану говорить вашему сіятельству о настоящей нашей политикѣ. Предписанія Его Императорскаго Величества и сообщеніе изъ Коллегіи извѣстятъ васъ обо всѣхъ относящихся сюда обстоятельствахъ. Я бы хотѣлъ передать вамъ точное понятіе о благополучіи, которымъ всѣ теперь пользуются въ Россіи, но эта задача слишкомъ превышаетъ мои силы. И такъ попытаюсь сообщить вамъ нѣкоторыя черты, изъ которыхъ нельзя составить полнаго изображенія, но по которымъ вы можете заключить о картинѣ общественнаго счастія и радости.

По воцареніи, однимъ изъ первыхъ дѣйствій нашего Ангела, нашего обожаемаго Государя было освобожденіе невинныхъ жертвъ, которыя цѣлыми тысячами стонали въ заточеніи, сами не зная, за что они были лишены свободы. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ государственныхъ узниковъ былъ Иловайскій, казацкій атаманъ, тотъ самый, котораго отличала Екатерина II-я. Я былъ свидѣтелемъ, какъ этотъ почтенный старецъ въ первый разъ выглянулъ на свѣтъ Божій послѣ трехлѣтняго заключенія. Имя Божіе мѣшалось въ его устахъ съ именемъ Александра; онъ просилъ, чтобы ему

дали взглянуть на сына. Сынъ былъ уже въ его объятіяхъ, но онъ не могъ его распознать: до такой степени горе обезобразило этого замѣчательнаго молодаго человѣка, который также въ теченіи трехъ лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, не подозрѣвая, что только одна стѣна отдѣляла его отъ того каземата, гдѣ томился несчастный его отецъ. Вообразите себѣ, что подобныхъ сценъ, какая произошла съ Иловайскимъ, насчитывалось до 15 тысячъ, по всему пространству Россіи, и ваше сіятельство составите себѣ понятіе, что́ такое воцареніе Александра.

Нѣжный и почтительный къ матери, обходительный со всѣми, нашъ любезный Государь суровъ только къ самому себѣ. Въ строгости при исполненіи своихъ обязанностей онъ точно ученикъ Епиктета. Съ 7 часовъ утра до 11-ти онъ занятъ исключительно дѣлами государственными, и ничто не можетъ отвлечь его отъ нихъ. Въ 11 часовъ бываетъ кратковременный парадъ, и не столько для дисциплины, какъ ради удовольствія показаться безчисленному множеству народа, который всегда жаденъ его видѣть и не можетъ на него наглядѣться. Единственное время отдохновенія—отъ полудня до обѣда, который всегда подается въ часъ. За тѣмъ онъ выходитъ пѣшкомъ или ѣдетъ верхомъ, но всякій разъ приказываетъ гофмаршалу немедленно извѣстить его, если до него будетъ дѣло кому нибудь изъ его министровъ. Съ 5 часовъ по полудни онъ опять занимается дѣлами правленія, и эти занятія продолжаются иной разъ до 11 часовъ ночи. Вотъ образъ жизни, который предписалъ себѣ Государь, а вотъ нѣсколько подлинныхъ анекдотовъ, его изображающихъ.

Онъ запретилъ черезъ полицію выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ нимъ. Одинъ офицеръ, желая поближе взглянуть на него, нарушилъ это распоряженіе. Государь приблизился къ нему и сказалъ: „Я васъ просилъ не выходить изъ экипажа".

Фраки и круглыя шляпы появились съ первыхъ же дней новаго царствованія. Военный губернаторъ, въ видахъ охраненія военной выправки, вошелъ къ Государю съ докладомъ, не прикажетъ ли сдѣлать распоряженіе относительно одежды офицеровъ. „Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ Государь. Пусть ихъ ходятъ какъ хотятъ; мнѣ еще легче будетъ распознать порядочнаго человѣка отъ дряни".

Г-нъ Трощинскій представилъ къ подписанію милостивый манифестъ, начинавшійся извѣстными словами: „По сродному намъ къ вѣрноподаннымъ нашимъ милосердію" и пр. Императоръ зачеркнулъ эти слова, сказавъ: „Пусть народъ это думаетъ и говоритъ, а не намъ этимъ хвастаться".

Другой разъ, тотъ же Трощинскій принесъ указъ Сенату съ обыкновеннымъ началомъ: „Указъ нашему Сенату".—„Какъ, сказалъ съ удивленіемъ Государь, нашему Сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ; онъ учрежденъ, чтобы насъ просвѣщать. Сенатъ не нашъ: онъ Сенатъ Имперіи". И съ этого времени стали писать въ заголовкѣ: „Указъ Правительствующему Сенату".

Г-нъ Ламбъ, завѣдующій военною частію, возражая однажды противъ какого-то распоряженія, сказалъ: „Извините меня, Государь,

если я скажу, что это дѣло не такъ".... „Ахъ, мой другъ, сказалъ Императоръ, обнявъ его: пожалуй, говори мнѣ чаще *не такъ*. А то вѣдь насъ балуютъ".

Я бы не кончилъ, если бы сталъ записывать вамъ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія; ихъ слышишь каждый день новые. Счастливые Россіяне, съ радостью и признательностію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ своего обожаемаго Государя. Не могу изобрать вашему сіятельству, до какой степени всѣ въ восхищеніи.

Графъ Панинъ, работая съ Государемъ въ его кабинетѣ, съ каждымъ днемъ болѣе удивляется его мудрости, разсудительности, необыкновенной толковитости. Ваше сіятельство будете довольны, узнавъ, что этотъ почтенный человѣкъ пользуется у Государя уваженіемъ и довѣренностью, которыя столь соотвѣтствуютъ его заслугамъ. Онъ заслуживаетъ также дружбы вашего сіятельства, ибо почитаетъ васъ искренно. Знаю, что предвосхищаю у него эти слова; но мнѣ извѣстно также, что у него нѣтъ минуты свободной. Иначе онъ самъ бы написалъ къ вамъ и лучше и больше моего.

Прилагаю драгоцѣнный для вашего сіятельства подарокъ: С. Петербургскія Вѣдомости съ манифестами, которые были привезены въ Сенатъ самимъ Государемъ, когда онъ въ первый разъ присутствовалъ въ немъ.

Князь Сибирскій, о несчастіяхъ котораго вѣроятно дошли до васъ слухи, вызванъ изъ ссылки и уже находится въ Москвѣ. Сколько другихъ, ему подобныхъ!

Ваше сіятельство были всегда ко мнѣ милостивы, и потому скажу нѣсколько словъ и о самомъ себѣ. Государь почтилъ меня порученіемъ отвезти въ Вѣну извѣстіе объ его восшествіи на престолъ. Черезъ нѣсколько дней я отправляюсь и поѣду на Дрезденъ. Если бы я могъ быть чѣмъ либо полезенъ вашему сіятельству, въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ, лежащихъ на предстоящемъ мнѣ пути, то я сочту порученіе, какое вамъ будетъ угодно дать мнѣ, трогательнымъ знакомъ драгоцѣннаго для меня вашего воспоминанія.

(*Сообщено его свѣтлостью княземъ С. М. Воронцовымъ*).

Заявленіе.

Въ послѣднее время напечатано много документовъ о Потемкинѣ и объ его личныхъ отношеніяхъ, между прочимъ къ княгинѣ В. В. Голицыной (урожденной Энгельгардтъ). Въ виду всего этого, я не имѣю возможности отстаивать нынѣ нѣкоторые выводы свои объ „Осени Очаковской" Державина или тому подобныхъ стихотвореніяхъ изъ той эпохи, изложенные мною въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ" (девятомъ выпускѣ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго), какъ возраженіе противъ достоуважаемаго Я. К. Грота.

Петръ Безсоновъ.

20 Ноября 1875.

---

9) Историческій и хронологическій опытъ о *Посадникахъ Новгородскихъ*, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, съ приложеніемъ алфавитнаго списка Новгородскихъ посадниковъ, изд. 1821 г. **1 р. 50 к.**

10) *Бѣлорусскій Архивъ* древнихъ Грамотъ составленъ изъ различныхъ Бѣлорусскихъ Грамотъ съ 1463—1768 г., съ приложеніемъ снимковъ съ разныхъ подписей, изд. 1824. **1 р. 50 к.**

11) *Іоаннъ Эксархъ Болгарскій*. Изслѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литературы IX и X ст. Изданъ К. Калайдовичемъ въ 1824 г., съ 16-ю грав. изображеніями. **3 р. 75 к.**

12) *Кириллъ и Меѳодій*, Словенскіе первоучители. Историко критическое изслѣдованіе І. Добровскаго, съ приложеніемъ житія Кирилла и Меѳодія. Пер. въ 1825 г. М. Погодинъ. **1 р. 50 к.**

13) *Письма Русскихъ Государей* и другихъ особъ Царскаго семейства, съ приложеніемъ трехъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ. Изд. 1848 г. 4 вып. Каждый по **65 к. 25 к.**

Г. г. иногородные съ своими требованіями должны обращаться *исключительно* къ книгопродавцу Васильеву, прилагая при этомъ за пересылку по вышеозначенному разсчету.

Кромѣ того, *въ Архивѣ* продаются:

14) Первые два тома *Собранія Трактатовъ и Конвенцій*, заключенныхъ Россіею съ Иностранными Державами, изд. по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, профессоромъ Мартенсомъ:

Трактаты съ Австріей (1648—1868 г.), каждый томъ по **3 р.**

15) *Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи*, 2 тома (1814—1822 г.). **10 р. 50 к.**

16) *Описаніе Знаменскаго Монастыря и Палатъ Бояръ Романовыхъ*, съ приложеніемъ хромолитографіи родовой ихъ иконы, соч. Архимандрита Сергія, изд. 1866 г. **3 р.**

17) *Закладка и освященіе* тѣхъ же Палатъ. **10 к.**

18) *О вооруженномъ Морскомъ Нейтралитетѣ*, составлено съ Высочайшаго соизволенія по документамъ Моск. Глав. Архива. Изд. 1859 г. **75 к.**

Также слѣдующія изданія покойнаго директора Архива, *князя М. А. Оболенскаго*:

1) *Соборная Грамота*, утверждающая санъ Царя за Великимъ Княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ. **1 р.**

2) *Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго*. **1 р.**

3) *Новый Лѣтописецъ*, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. **1 р.**

4) Проэктъ *Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ*. **25 к.**

5) *Иностранныя сочиненія и акты*, относящіеся до Россіи, 4 части. **1 р.**

6) *Сказаніе о Лже-Дмитріи* (La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'Imposteur). **1 р.**

7) *Дневникъ Гордона*, въ Нѣмец. пер. 3 тома. **6 р.**

8) *Сборникъ князя Оболенскаго*, 12 выпусковъ. **5 р.**

9) *О первоначальной Русской Лѣтописи*, 2 т. **5 р.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля* (*близъ церкви Св. Ѳеодора Студита*), *издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

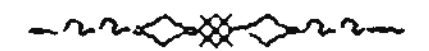
РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 2.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

(съ Воздвиженки),

и у книгопродавца А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ графа Мусина-Пушкина продаются изданія существующей при Архивѣ Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ по слѣдующимъ, значительно сбавленнымъ противъ прежнихъ, цѣнамъ:

1) *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, 4 т. изд. 1813—1828 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Димитріевъ, Марины Мнишекъ, Богдана Хмѣльницкаго и т. п., каждый томъ по **3 р.**

2) *Законы Великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ Царя Іоанна IV Васильевича*, съ дополнительными указами, изданные Калайдовичемъ и Строевымъ въ 1819 г. Въ началѣ помѣщено предисловіе издателей и снимокъ съ двухъ заглавныхъ листовъ; въ концѣ напечатана въ особомъ приложеніи выпись, данная Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину о наблюденіи за благопристойнымъ поведеніемъ духовенства. **1 р.**

3) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней *Русской Исторіи А. Х. Лерберга*, съ приложеніемъ карты, изъясняющей положеніе Югорской земли. Изданы на нѣмец. языкѣ по опредѣленію Имп. С.-Петер. Академіи Наукъ, Ф. Кругомъ. Перевелъ въ 1819 г. Д. Языковъ. **1 р. 50 к.**

4) *Рустрингія*, первоначальное отечество перваго Россійскаго Великаго Князя Рюрика и братьевъ его. Историческій опытъ Г. Ф. Голлмана. Пер. въ 1819 г. И. Снегиревъ. **30 к.**

5) *Исторія Льва Діакона Калойскаго*, и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской библіотеки К. Б. Газе. Перев. съ греческ. въ 1820 г. Д. Поповъ. **1 р.**

6) *Софійскій Временникъ*, или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г., 2 части. Изданы въ 1820—21 г. П. Строевымъ съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника каждая часть по **2 р.**

7) *Записки* о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ *Средней Азіи* Ф. Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ въ 1813—1814 г. изд. въ 1821 г. **40 к.**

8) *Памятники Россійской Словесности XII вѣка*, изданные съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ въ 1821 г. **2 р.**

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

ОПЫТЪ ОБРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ [1]).

XIII.

Ясскій миръ.

(Послѣдніе мѣсяцы 1791 года).

Въ половинѣ Февраля 1791 года въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ князь Потемкинъ. Безбородко писалъ о томъ, къ пріятелю своему графу С. Р. Воронцову (отъ 7 Марта): „Прибытіе князя Потемкина если не принесло пособія намъ большаго въ публичныхъ дѣлахъ (ежели позволено иногда и личное свое рядомъ за тѣмъ полагать), для меня, по крайней мѣрѣ, доставило, хотя можетъ быть минутное облегченіе. Уже наневидящій меня [2]) до того простиралъ свои происки, чтобъ меня привести въ ничтожество и по части политической. Колобродства, нерѣдко выходившія, и недоумѣнія въ трудныхъ случаяхъ заставили по необходимости за насъ браться; а я, рѣшившись трудное нынѣшнее для государства время перенести, не уважая никакими особенными огорченіями, никогда ни отъ чего не отказывался и противу всѣхъ нападеній твердо и смѣло воевалъ. Князь Потемкинъ пріѣхалъ, не инако какъ со мною по дѣламъ работалъ и чрезъ меня во всемъ относился и, по крайней мѣрѣ, я имъ лично доволенъ, зная, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость во всякомъ случаѣ. Знаю, что, по отъѣздѣ его, и паки за меня примутся; но никто же имъ такъ тяжелъ не былъ, какъ я: ибо я конечно не нагнулся и никому больше цѣны, какъ онъ стòитъ, не далъ. Въ дѣлахъ я, въ очищеніе свое, завелъ (когда вижу, что добрые совѣты не внемлются) подавать на письмѣ мнѣніе [3]); и часто бываетъ, что вице-канцлеръ, а иногда и цѣлый Совѣтъ, къ оному пристаетъ. Сіе нужно, дабы послѣ не сказали, что мы виною всего, хотя знающіе отдаютъ справедливость, что нынѣшнія хлопоты не наше дѣло, а послѣдствіе d'incoséquence [4]), лѣни и прочее“.

---

[1]) Первыя двѣнадцать главъ этого труда помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1875 года.

[2]) Т. е. князь Зубовъ.

[3]) Обыкновенный въ Исторіи признакъ ослабленія правительственныхъ пружинъ: всякій бережетъ себя и прибѣгаетъ къ письменной очисткѣ. *П. Б.*

[4]) Непослѣдовательности.

Черезъ два дни, именно 9 Марта 1791 года, Безбородко почти тоже писалъ въ Англію же племяннику своему, Виктору Павловичу Кочубею: „Мы живемъ весело, и ежели пребываніе князя Григорія Александровича облегчаетъ насъ въ дѣлахъ публичныхъ, то для меня оно еще другую особенную выгоду приноситъ, что я облегченъ и со стороны нападокъ злыхъ людей. По крайней мѣрѣ, хотя сіи мѣсяцы, что̀ онъ тутъ проживаетъ, отдохнуть удастся; между тѣмъ время пройдетъ, дѣло къ миру придетъ, и я достигну своей цѣли, т. е. отдохновенія". „Князь у Льва Александровича (Нарышкина) вечера провождаетъ. Въ городѣ увѣрены, что онъ женится на Марьѣ Львовнѣ [5]). Принимаютъ туда теперь людей съ разборомъ, а вашу братью-молодежъ исключаютъ".

Былъ слухъ, что князь Потемкинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ „вырвать зубъ" и вообще „раздавить своихъ враговъ". Приведенныя письма даютъ чувствовать, что онъ сразу достигъ этой цѣли и поставилъ себя передъ Императрицею такъ, что даже Безбородко, силою его авторитета, на все время пребыванія его въ Петербургѣ, былъ „облегченъ со стороны нападокъ злыхъ людей". Безбородко уважалъ Потемкина, сознавая, „что онъ отдаетъ справедливость во всякомъ случаѣ". Если эти слова связать съ признаніемъ Безбородки, что онъ „конечно не нагнулся и никому больше цѣны, какъ онъ сто̀итъ, не далъ", то можно составить вѣрное понятіе о благородной гордости, отличавшей Безбородку. Къ чести Потемкина слѣдуетъ отнести, что и онъ считалъ Безбородку своимъ доброхотомъ. „Я справедливъ (говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ): отнюдь графа Безбородку не почитаю себѣ недоброхотомъ, но напротивъ; а есть много другихъ" [6]).

По предмету „публичныхъ дѣлъ" Безбородкѣ съ Потемкинымъ было надъ чѣмъ поработать. Не даромъ первый изъ нихъ называлъ то время „труднымъ для государства временемъ". Политическое положеніе тогдашей Россіи было небезопасно: Пруссія двинула свои войска къ предѣламъ Курляндіи, Польша грозила возмущеніемъ, флотъ Англіи готовился идти въ Балтійское море. Какъ ни шутила Екатерина, говоря, что „пива и портера не будетъ", но тѣмъ не менѣе, когда опасность миновалась, она видимо была обрадована, чего и не хотѣла скрывать. Подъ 9 Апрѣля 1791 года Храповицкій записалъ: „сего-же утра князь съ графомъ Безбородкомъ составили какую-то записку для отклоненія отъ войны"; а Императрица рескриптомъ, отправленнымъ въ Англію къ графу С. Р. Воронцову, просила выслать бюстъ Фокса [7]), который, будто

---

[5]) Князь Потемкинъ въ этотъ предсмертный пріѣздъ свой дѣйствительно соединился тайнымъ бракомъ, только не съ Марьею Львовною Нарышкиной (вышедшею впослѣдствіи за мужъ за князя Любомирскаго). Современники свидѣтельствуютъ, что онъ ухаживалъ тогда за многими женщинами. Можетъ быть, это дѣлалось для отводу глазъ отъ настоящей прочной связи. *П. Б.*

[6]) „Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго", письма его къ Екатеринѣ, Рускій Архивъ 1865 г., стр. 770.

[7]) Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ, род. 1748 г. ум. въ 1806 г. Ему въ Лондонѣ воздвигнуты два памятника: статуя въ Сити и монументъ въ Вестминстерѣ.

бы своимъ краснорѣчіемъ, отстранилъ войну отъ Россіи, и въ тоже самое время спрашивала: „не смѣялся-ли Безбородко“ [8])?

Въ Государственномъ Архивѣ записка Императрицы къ Безбородкѣ о бюстѣ Фокса не отыскалась. За то въ дѣлахъ Кабинета Его Императорскаго Величества (связка 444, № 627) сохранился драгоцѣнный рескриптъ Екатерины, отъ 8 Октября 1791 года, къ ея посланнику въ Лондонѣ. Этотъ рескриптъ свидѣтельствуетъ, что въ дѣлѣ устраненія войны съ Англіею императрица не менѣе Фоксова краснорѣчія цѣнила и труды графа Воронцова. Упомянувъ въ рескриптѣ о „неутомимыхъ трудахъ, понесенныхъ въ важныхъ возлагаемыхъ порученіяхъ, особливо же ревностными подвигами въ пособіе благо-полученной и славной развязкѣ съ Англіею и Пруссіею по настоящей войнѣ съ Турками, къ концу приближающейся“, Екатерина, въ „доказательство своего къ онымъ признанія“, пожаловала ему Владимірскую ленту и по 6000 руб. ежегодно столовыхъ денегъ.

Когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о Мачинской побѣдѣ (1 Іюня) и о взятіи Анапы, Потемкину данъ былъ (18 Іюля) секретнѣйшій рескриптъ съ любопытными политическими разоблаченіями и съ подробнѣйшими наставленіями касательно веденія возложенныхъ на него мирныхъ переговоровъ. „Король обѣихъ Сицилій [9])“, говорилось въ этомъ рескриптѣ, „и съ самаго того времени, когда между нами открыта безпосредственная дружеская переписка, не переставалъ подавать намъ во всякомъ случаѣ опыты своей пріязни и искренняго желанія утвердить оную распространеніемъ торговой и политической связи, поколику удобность оныя дозволяетъ. Въ таковомъ благонамѣренномъ расположеніи, наипаче же во время пребыванія его въ областяхъ союзника нашего императора Римскаго, онъ предложилъ намъ добрыя свои услуги и готовность стараться о наклоненіи Турковъ къ миру. Всѣ предписанія, отъ него посланныя въ Константинополь къ министру его графу Лудольфу, основаны были на совершенномъ безпристрастіи, и ежели бы другіе дворы столь искренно поступали, давно бы уже Порта образумилася, не подвергая себя новымъ потерямъ и напрягая свои подвиги къ достиженію покоя. Послѣднія донесенія графа Лудольфа, по повелѣнію двора Неапольскаго намъ сообщенныя, заслуживаютъ главнѣйше въ томъ примѣчанія, что Порта приняла добрыя услуги короля Сицилійскаго, что она оказала наклонность къ миру и что, вѣдая отъ министра Неапольскаго наши условія, не вступила въ опроверженіе ихъ и ниже отъ себя не предложила прежнихъ ея нелѣпыхъ требованій; но, бывъ однакожъ ослѣплена надеждою на помощь Пруссіи, единое сомнѣніе свое пред-

---

[8]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 361, 364.

[9]) Фердинандъ, сынъ Испанскаго короля Карла III, род. 1751 г., ум. 1825 г., былъ женатъ на Австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Каролинѣ, извѣстной своею связью съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ Разумовскимъ, которой своими блестящими способностями очаровывалъ многихъ и умѣлъ Неаполитанцевъ склонить на сторону Россіи.

ставляетъ, что, имѣя наступательный и оборонительный союзъ съ королемъ Прусскимъ, не знаетъ, какимъ образомъ вступить въ мирные переговоры безъ его соучастія и потому спрашиваетъ совѣта и мыслей двора Неапольскаго. Полагая, что таковое уваженіе Порты къ ея союзнику наибольше удерживаетъ ее отъ начатія негоціаціи мирной съ нами прямо, встрѣчаемъ мы самое вѣрное средство вывести ее изъ заблужденія, когда ей въ полномъ свѣтѣ открыто будетъ поведеніе короля Прусскаго, который, вмѣсто дѣятельной помощи, доселѣ ограничивалъ всѣ подвиги свои въ пользу Турковъ въ однихъ переговорахъ съ видами при томъ для себя корыстными на Данцигъ и другія въ Польшѣ пріобрѣтенія; теперь же, при усмотрѣніи непреоборимой нашей твердости, гдѣ идетъ дѣло о нашемъ достоинствѣ [10]), сей государь и его союзники, не бывъ отъ Порты уполномочены, въ лицѣ ея хотятъ производить негоціацію, предлагая намъ тѣже самыя границы, которыя и мы въ ультиматѣ нашемъ назначили. Доказательствомъ тому служатъ ноты, поданныя 18-го Іюня и 11 Іюля Англійскимъ и Прусскимъ министрами. Какъ вся сія негоціація производилась явно и подъ глазами свѣта, который видитъ съ одной стороны справедливость нашего дѣла и нашу твердость противъ всѣхъ горделивыхъ видовъ союзниковъ, съ другой же двоякіе поступки короля Прусскаго и слѣпо ему повинующагося Англійскаго министерства вопреки гласу всея націи, усердствующей сохранить съ нами дружбу, для торговли ихъ необходимую: то мы приказали сообщить министру короля Сицилійскаго дюку Серро-Капріола всѣ сіи бумаги, какъ средства, которыми дворъ Неапольскій можетъ вывести Порту изъ ослѣпленія и суетной надежды на пособіе Пруссіи и Англіи и утвердить ее въ начатіи и окончаніи мирной негоціаціи прямо съ нами, безъ всякаго посторонняго участія".

Затѣмъ въ рескриптѣ излагаются наставленія касательно веденія мирныхъ переговоровъ. Этими наставленіями Потемкину предписывалось, не прекращая военныхъ дѣйствій, какъ самыхъ вѣрнѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ для Турковъ аргументовъ, завести переписку съ верховнымъ визиремъ, открыть ему поведеніе Берлинскаго двора и склонить его къ „безпосредственнымъ" переговорамъ о мирѣ. Трактованіе о мирѣ предписывалось производить въ Русской главной квартирѣ, съ подтвержденіемъ, „что условія, предложенныя въ нашемъ ультиматѣ, таковы до тѣхъ поръ, покуда Турки ихъ примутъ по первому со стороны нашей предложенію; но коль скоро они отвергнутъ ихъ,

---

[10]) Потемкинъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, настаивалъ на необходимости мирволить новому королю Прусскому. Екатерина относилась къ нему съ презрѣніемъ, вспоминала, что въ 1762 году Пруссія самымъ существованіемъ своимъ обязана была Россіи, а наперснику своему писала, что не можетъ унижать передъ королемъ Прусскимъ своего достоинства, безъ котораго „ни жизни, ни короны ей не нужно". „Что оскорбленіе короля Прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ прилично, за сіе прошу меня не осуждать: ибо я бъ недостойна была своего мѣста и званія, еслибъ я сего чувства въ душѣ своей не имѣла".

то, при дальнѣйшемъ продолженіи войны, мы себя въ полномъ правѣ находимъ распространить требованія наши соразмѣрно убыткамъ нашимъ и успѣхамъ, каковыми Промыслъ Божій увѣнчаетъ наше праведное оружіе". Предписывалось за тѣмъ склонить Турцію къ признанію народовъ, обитающихъ на нашихъ Азіятскихъ границахъ съ нею, независимыми, а для привлеченія ихъ къ России дозволить имъ брать соль изъ нашихъ озеръ, а на Тамани устроить хорошую крѣпость и учредить ярмарки и торговлю; стараться объ удержаніи нашихъ завоеваній за рѣкою Кубанью, опираясь на актѣ 28-го Декабря 1783 года, заключенномъ по случаю присоединенія къ Россійской имперіи Крыма, Тамани и Кубани, и статью о варварскихъ кантонахъ составить такъ, чтобъ Порта отвѣчала за убытки причиняемые отъ захвата сими разбойниками Русскихъ судовъ; артикулъ о Грузіи составить „въ приличныхъ и сходныхъ для насъ изъ раженіяхъ", а Молдавцамъ „исходатайствовать какія либо пользы и облегченія по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію". Во вниманіи „къ худой вѣрѣ Турецкой" предписывалось произвести размѣнъ государскихъ ратификацій „на мѣстѣ негоціаціи", въ шестинедѣльный срокъ, назначенный для выхода изъ Турціи Русскихъ войскъ по заключеніи мира. Такъ какъ союзникъ Екатерины, императоръ Австрійскій Іосифъ II „во всѣхъ отзывахъ и изъясненіяхъ на коварныя и отвратительныя внушенія короля Прусскаго и покорствующаго ему Англійскаго министерства явилъ свое единодушіе съ императрицею Россіи", то рескриптомъ повелѣвалось Потемкину (въ случаѣ заключенія имъ мира съ Турціею прежде завершенія продолжавшихся въ то время Систовскихъ переговоровъ съ нею Іосифа) не только заблаговременно предупредить объ этомъ Австрійскаго императора, но и въ сепаратномъ артикулѣ выговорить, что, до окончанія негоціаціи съ императоромъ, войска наши останутся въ Бессарабіи и Молдавіи, дабы онъ инако не претерпѣлъ тягости отъ нападенія на него всѣхъ силъ Турецкихъ и не учинился жертвою своего союза съ нами.

Кромѣ того въ рескриптѣ сообщалось Потемкину, что, по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ графа Лудольфа, султанъ уже далъ своему визирю полную мочь для веденія мирныхъ переговоровъ съ Россіею и что нашъ ультиматъ извѣстенъ Туркамъ во всемъ его пространствѣ, „отъ котораго мы ниже черты убавить не намѣрены" [11]).

Паденіе Анапы и пораженіе Турецкихъ войскъ княземъ Репнинымъ при Мачинѣ принудили султана вступить съ Россіею въ переговоры о перемиріи. Князь Потемкинъ ввѣрилъ веденіе этихъ переговоровъ тому же князю Репнину. Въ основаніе переговоровъ положенъ былъ Русскій ультиматъ, и 31 Іюля 1791 г. между княземъ Репнинымъ и великимъ визиремъ заключено перемиріе, при чемъ уполномоченными той и другой стороны подписаны „прелиминарные мирные артикулы".

---

[11]) Подлинники этого и ниже приводимаго рескриптовъ хранятся въ Московск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, IX, связка 13. Мы воспользовались ими при благосклонномъ посредствѣ г-на директора Архива, барона Ө. А. Бюлера.

Когда извѣстіе о томъ дошло до Императрицы, Потемкину посланъ новый рескриптъ, отъ 12 Августа.

„Одно токмо встрѣчаемъ неудобство касательно перемирія", говоритъ Екатерина, „что толь долговременный срокъ онаго назначенъ. Гораздо было бы сходнѣе, если бы онъ былъ неточно опредѣленный, но ограниченный, покуда мирные переговоры для дефинитивнаго или рѣшительнаго договора продолжатся. Симъ воздержаны были-бы всякія Туркамъ свойственныя замашки по разнымъ артикуламъ, которые еще распорядить осталось и которые для насъ довольно важны: ибо непріятель принужденъ былъ бы бояться всякій разъ, что, съ разрывомъ переговоровъ, вдругъ кончится и перемиріе и что ему надобно готовиться выдержать новые удары. Вамъ извѣстно, что и самые доброхотствовавшіе Портѣ дворы не настояли на долговременное перемиріе, а только, требуя унятія оружія на случай согласленія Порты на главные артикулы нашего ультимата, предлагали четырехмѣсячный срокъ, какъ нужный для съѣзда полномочныхъ и распоряженія дѣла, оставляя ихъ по окончаніи онаго (буде бы Турки не согласилися на наши условія) собственному ихъ жребію. Чтобъ не быть съ нашей стороны въ двоякомъ затрудненіи (и именно или потерявъ всю настоящую кампанію при упорствѣ Турецкомъ готовиться къ будущей съ новыми убытками, или же согласиться на разныя облегченія по переговорамъ мирнымъ), мы находимъ нужнымъ и желаемъ, чтобъ вы сей артикулъ распорядили на пользу дѣла однимъ или другимъ образомъ, т. е. или предъуспѣвъ неотлагательно одержать отъ Турковъ и самый окончательный трактатъ, такъ какъ вы въ реляціи вашей намъ и сами изъясняете, или же, въ случаѣ нерѣшимости визиря и отговорокъ, что онъ долженъ представить султану, давъ необходимо нужное время для таковаго отношенія, ограничить срокъ перемирія, покуда переговоры продолжаться будутъ, такъ что, въ случаѣ непреодолимаго упорства Турецкаго, съ разрывомъ негоціаціи, разорвано было бы и унятіе оружія".

О Турецкихъ „укрѣпленіяхъ" Императрица писала: „Въ прелиминарномъ 5-мъ артикулѣ предоставлено соглашенію назначаемыхъ обоюдныхъ полномочныхъ постановить объ укрѣпленіяхъ въ части земли, намъ отъ Порты уступаемой, простирающейся отъ Буга до Днѣстра. Какъ вамъ извѣстно, наше непремѣнное намѣреніе, чтобъ свобода строить крѣпости и учреждать свои границы, въ Кайнаржійскомъ договорѣ постановленная, осталася въ силѣ и для сего новаго нашего пріобрѣтенія; и какъ не меньше того, что дворы Туркамъ благопріятствующіе и сами отстали отъ противнаго тому требованія: то всякое о томъ со стороны Порты домогательство долженствуетъ быть на отрѣзъ не принято, убѣждая ее тѣми же доводами, которыми предъуспѣли мы убѣдить помянутые дворы въ неосновательности таковыхъ требованій".

Въ концѣ рескрипта излагаются наставленія объ Алжирцахъ, употребляемыхъ Турціею въ службѣ „на Бѣломъ [12]) и Черномъ

[12]) До-петровское, стародавнее названіе Мраморнаго моря.

морѣ" и о Грузіи, совершенно сходныя съ наставленіями предъидущаго рескрипта отъ 18-го Іюля.

Черезъ мѣсяцъ, именно 11 Октября 1791 года, Безбородко сообщалъ графу С. Р. Воронцову весьма важныя свѣдѣнія о себѣ по отношенію къ тогдашнимъ событіямъ: „Если бы я въ дѣлѣ не рѣшился дождаться только мира и потомъ или вовсе отъ службы отстать или, по крайней мѣрѣ (какъ говорится) изъ гусаръ въ карабинеры на рекреацію, т. е. быть оберъ-гофмейстеромъ и титулярнымъ министромъ въ Совѣтѣ, или, лучше сказать, почту читать: то бы я уже отъ одного сего убрался отъ иностраннаго департамента. Утѣшеніемъ мнѣ служитъ, что Государыня сама видитъ изъ сокровенныхъ особливо каналовъ, что чужеземцы многое знаютъ отъ какихъ либо у насъ невѣрныхъ людей и жалуются, что члены моей канцеляріи дики, неприступны и въ особой сферѣ обращаются". И такъ Безбородко нетерпѣливо ожидалъ мира съ Турціею и готовился, воспользовавшись имъ, какъ завершеніемъ своихъ трудовъ, оставить службу.

Но судьба рѣшила иначе.

12 Октября 1791 года, члены Совѣта получили повѣстку собраться во дворецъ къ 8 часамъ вечера. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія Безбородко объявилъ, что Императрица въ этотъ самый вечеръ „получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміей, такъ и по мирной съ Турками негоціаціи". Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генералъ-аншефу Каховскому и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, „осмѣлился представить ея величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе ея величество и изволила принять за благо". Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки, въ третьемъ пунктѣ протокола опредѣлилъ слѣдующее: „что принадлежитъ до отправленія графа Безбородко, то возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры сходно достоинству Ея Императорскаго Величества и благу государства завременно принять надлежитъ" [13]).

[13]) Архивъ Госуд. Совѣта. т. I, ч. I, стр. 893 и 894.

Данный по этому случаю Безбородкѣ рескриптъ поименовываетъ прежніе рескрипты [14]) по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирные переговоры съ удержаніемъ въ пользу Императрицы „всего возможнаго на основаніи ультимата" и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ. Сообщая за тѣмъ о распоряженіяхъ, данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ „надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами", рескриптъ заканчивается словами: „Да управитъ Всевышній путь вашъ и да поможетъ вамъ свершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро Отечеству" [15]).

Въ тотъ же день, т. е. 13 Октября, генералъ-маіору Попову, правителю канцеляріи покойнаго кн. Потемкина, посланъ указъ съ извѣстіемъ о назначеніи Безбородки преемникомъ Потемкину по веденію мирныхъ переговоровъ; а самъ Безбородко отправилъ Самойлову (главному изъ уполномоченныхъ) письмо съ предписаніемъ „производить негоціацію".

На поѣздку и на издержки Императрица собственноручно назначила Безбородкѣ „десять тысячъ золотою и серебрянною монетою". 14 Октября Екатерина подписала ему „полномочіе", при этомъ назвала Безбородку „нашъ любезновѣрный"; а 16 Октября 1791 года передъ полуднемъ [16]) преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга.

Заготовленіе бумагъ по дѣламъ, которыми такъ блистательно управлялъ Безбородко, Екатерина немедленно поручила Трощинскому, а докладъ бумагъ и дѣлъ возложила на П. А. Зубова. 18-го Октября, въ письмѣ къ князю Вяземскому, Зубовъ извѣщалъ, что „Ея И. В., за отсутствіемъ г-на д. т. с. графа А. А. Безбородки, дѣла, имъ производимыя, ввѣрить мнѣ соизволила" [17]). Д. Б. Мертваго, просившійся въ то время въ секретари къ Зубову, указываетъ на это: „молодой человѣкъ, бывшій тогда весьма важнымъ при дворѣ, по случаю отъѣзда правителя кабинетскихъ дѣлъ на конгрессъ, назначенъ былъ исправлять его должность" [18]).

---

[14]) 1) 30 Іюня 1789 года, 2) 19 Марта 1790 г., 3) 18 Іюля и 4) 12 Августа 1791 г.

[15]) Подлинникъ хранится въ Московск. Глав. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣлъ IX, св. 13, а копія съ него въ дѣлахъ Кабинета Е. И. В., св. 444, № 636.

[16]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 378.

[17]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 450, № указа 539. Грибовскій въ своихъ Запискахъ упоминаетъ, что, „по отъѣздѣ Безбородки въ Яссы всѣ бывшія у него дѣла препоручены Трощинскому, которому велѣно заготовляемыя по онымъ бумаги представлять для подписанія Государынѣ чрезъ П. А. Зубова; а подъ 18-мъ числомъ записалъ: „Зубовъ ходилъ докладывать съ бумагами изъ Безбородкинской канцеляріи и послалъ къ генералъ-прокурору письмо для свѣдѣнія, что поручены ему всѣ дѣла Безбородки". Но тутъ родится тотчасъ вопросъ: какія дѣла? Когда объ нихъ публиковано? И имѣлъ ли самъ Безбородко тогда право объявлять именные указы?

[18]) Записки Мертваго, изданіе Русскаго Архива, Москва 1867 г., стр. 67 и 69.

Какъ ни поспѣшенъ былъ отъѣздъ Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвиняли его въ медлительности и провозглашали его „тяжелымъ и безполезнымъ“ [19]). Не такъ судила Екатерина. Вскорѣ по отъѣздѣ его, 19 Октября, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: „О содержаніи Турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лашкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, что тутъ ничего не будетъ проронено“ [20]).

Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ-де-Серра-Капріола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 (12) Ноября, ласкаетъ себя надеждою, „что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ (Безбородко) соединяетъ въ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ тому-жъ чрезъ его руки проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи“ [21]).

Съ отъѣздомъ Безбородки въ Яссы, между нимъ и Императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря.

17-го Октября Безбородко отправилъ первое донесеніе Екатеринѣ изъ Заполья [22]). Императрица отвѣчала ему двумя довольно длинными рескриптами, отъ 19 и 20 Октября. Въ первомъ, собственноручномъ, увѣдомивъ Безбородку о полученіи „на другой день“ письма̀ его „со всѣми приложеніями“ Екатерина между прочимъ пишетъ: „Шалости господина Каменскаго несносны, сказываютъ. Одна бѣда не бываетъ, но всегда два несчастія вмѣстѣ: такъ то потеря князя, да Каменскій взялъ своевольно команду, ему ни отъ кого не порученную, къ вящему огорченію всѣхъ. Я опасаюсь, чтобъ, при прибытіи Каховскаго до моего курьера, новыхъ комедій не было отъ него“. Сказавъ за тѣмъ, что она „Васильемъ Степановичемъ Поповымъ весьма довольна, что онъ нашелся совершенно посреди горести и отчаянія“, Императрица касается переговоровъ по заключенію мира: „Весьма нужно, ежели миръ пойдетъ въ ладъ, чтобъ соображены было выходъ войскъ и возвращеніе флотилии изъ Дуная со возможностію. Старайтеся при мирѣ, по плану фельдмаршала, привести, буде возможность только, Средиземную флотилію съ Греками, и продолжайте Грековъ ласкать и принимать съ своими наравнѣ, также духовенство и самыхъ Молдаванъ не давайте въ раззореніе ни своихъ, ни чужихъ. Отъ Потоцкаго и Ржевусскаго я получила письмо и планъ; я къ нимъ отвѣт-

---

[19]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ управляющихъ иностранными дѣлами. Сочин. Терещенки, СПБ. ч. II, стр. 178.

[20]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. III, стр. 392 и 393.

[21]) Съ тогдашняго перевода, хранящагося въ Москов. Главн. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣлъ, IX, св. 13.

[22]) Этого донесенія я не нашелъ въ числѣ бумагъ, относящихся къ Ясскому миру и хранящихся въ трехъ картонахъ (13, 14 и 15) въ Московск. Гл. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ.

ствую, что вы отъ меня уполномочены съ ними условиться въ пользѣ дѣлъ ихъ. Къ полномочнымъ нашимъ отвѣтствую, одобряя ихъ и ссылаясь на данныя вамъ повелѣнія". Далѣе приказано озаботиться обезпеченіемъ „въ содержаніи войска и полномочныхъ".

Рескриптомъ отъ 20-го числа Безбородкѣ повелѣвалось собрать подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ Азіатскихъ посланцовъ, находившихся при покойномъ князѣ, и „купно съ мнѣніемъ его, кого изъ нихъ (по соображеніи обстоятельствъ, относящихся до связей съ тѣми народами и могущей быть отъ дальнѣйшаго утвержденія оныхъ пользы для Россіи) препроводить въ С.Петербургъ" [23]).

Рескриптомъ отъ того же числа Императрица увѣряла полномочныхъ, черезъ которыхъ велись переговоры съ Турками при Потемкинѣ, именно Самойлова, Рибаса и Лашкарева, что она сохраняетъ „въ незабвенной памяти заслуги покойнаго князя Потемкина и не оставляетъ безъ особаго уваженія и тѣхъ, кои подъ его руководствомъ служили", и увѣдомляла ихъ, что дальнѣйшія приказанія сообщитъ имъ графъ Безбородко, который уже въ дорогѣ и скоро прибудетъ.

27-го Октября, полномочные съ своей стороны отправили къ графу Безбородкѣ донесеніе, въ которомъ сообщили, что Турки не согласились сначала на „приступленіе къ начатію конференцій" безъ „новыхъ полныхъ мочей [24]), за смертію Потемкина; но съ присылкою высочайшаго повелѣнія о продолженіи мирныхъ переговоровъ, а равно письма̀ Безбородки, и съ полученіемъ по ихъ желанію означеннаго повелѣнія въ переводѣ на Французскій языкъ, Турки потребовали только для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности по особой Русской копіи съ него и обѣщали начать конференціи, но не съ 29 числа Октября, какъ назначали Русскіе полномоченные, а съ 30, такъ какъ 29 число „случилось въ Среду, а по суевѣрію Турокъ оный день считается у нихъ неблагополучнымъ къ начатію какого ни есть дѣла, особливо столь спасительнаго, каково есть примиреніе двухъ имперій" [25]).

---

[23]) Это и дальнѣйшія письма и бумаги касательно Ясскаго мира приводятся съ подлинниковъ, хранящихся въ Москов. Главн. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣлъ, IX, св. 13.

[24]) Поповъ, въ докладѣ отъ 18 Октября 1791 г., говоритъ, что когда они Турокъ стали приглашать къ продолженію конференціи по заключенію мира, остановившихся за смертію князя Потемкина, то рейсъ-эфенди отвѣчалъ: „Еслибы Великая Екатерина надъ нами царствовала, то ко всякому благому дѣлу приступилъ бы я самъ собою, безъ наималѣйшаго опасенія; но при Селимѣ самая малая неосмотрительность будетъ стоить головы" (Московск. Гл. Архивъ М. И. Д., IX, св. 13).

[25]) Это суевѣріе дало поводъ рейсъ-эфендію, на первой конференціи 30 Октября, заявить, что „Систовскій конгресъ начался въ Четвертокъ, благополучное окончаніе котораго подастъ надежду думать, что и сей начатый въ подобный день будетъ имѣть желанный успѣхъ". Генералъ-поручикъ А. Н. Самойловъ замѣтилъ ему, „что добрая воля и искреннее желаніе исполнить волю государей предпочтительнѣе дней".

Письмо съ этимъ донесеніемъ уполномоченныхъ Безбородко отправилъ къ Императрицѣ 1-го Ноября, изъ Ольвіополя. Увѣдомивъ, что онъ приближается къ Яссамъ съ великимъ трудомъ, по причинѣ чрезвычайно худой дороги, Безбородко испрашивалъ въ запасъ особой полной мочи для нашихъ полномоченныхъ, которую обѣщался употребить, съ соблюденіемъ полнаго приличія, только въ случаѣ настоянія Турецкаго, чтобъ за одними пустыми формами не продолжить дѣло.

Между тѣмъ Императрица, отъ 4-го Ноября, вновь писала Безбородкѣ: „Почитая васъ уже теперь прибывшимъ въ Яссы, ожидаю отъ васъ нетерпѣливо увѣдомленія о возложенномъ на васъ дѣлѣ, не имѣя отъ васъ съ дороги, кромѣ того письма, при которомъ приложены были Польскія письма, на которыя я немѣшкатно отвѣтствовала“.

Вечеромъ 2-го Ноября Безбородко прибылъ въ Яссы. Гельбигъ въ сочиненіи „Russische Günstinge“, пишетъ, что Безбородко, пріѣхавши туда, „выказалъ роскошь владѣтельнаго восточнаго сибарита“.

Роскошь могла только облегчить Безбородкѣ успѣшный приступъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла, и несомнѣнно, что она нисколько не помѣшала ему сразу приняться за это дѣло со всею энергіею и со всею основательностію.

Два первыхъ дня по пріѣздѣ въ Яссы Безбородко посвятилъ именно на изученіе этого дѣла и на узнаніе ближайшихъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. За тѣмъ, 5 Ноября, онъ отправилъ письмо къ визирю, повѣстку къ Турецкимъ уполномоченнымъ и обстоятельное донесеніе Императрицѣ, въ которомъ представляетъ любопытныя характеристики Турецкихъ уполномоченныхъ: „Первый изъ нихъ—Абдулахъ-рейсъ-эфенди, человѣкъ, по ихъ образу понятія, въ дѣлахъ искусный, скромный и вѣжливой, но слывущій у нихъ за самаго хитраго и дѣльнаго человѣка. Опасаясь потерять голову, будетъ онъ искать протянуть дѣло, въ ожиданіи перемѣны какой либо въ обстоятельствахъ. Но, впрочемъ, робкій и такой когда увидитъ, что не допустятъ его продолжать время, то непремѣнно, въ отвращеніе разрыва и возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, согласится на всѣ пристойныя и удобныя къ тому средства. Второй—Изметъ-бей, воинскій судья, сынъ извѣстнаго рейсъ-эфендія Измаилъ-Бея, бывъ отцемъ своимъ посвященъ въ число улемовъ, отличается между ними ненавистью къ христіанамъ и сильнымъ фанатизмомъ. Онъ не любитъ войны и боится, чтобы продолженіе ея не обратилося къ разрушенію Имперіи ихъ, особливо послѣ опытовъ, что нельзя имъ надѣяться на защиту и пособіе въ Англіи и Пруссіи; желаетъ окончанія сей войны, но думаетъ, чтобъ сдѣлать миръ сколько можно для себя выгоднѣйшій. Товарищи его весьма боятся. Третій — Дурри-Заде-Рузнабеджи, или генералъ-контролеръ, военный, человѣкъ въ разныхъ дѣлахъ употребляемый, великій пріятель рейсъ-эфендію, весьма миролюбивый и, въ бытность его при Портѣ, отъ миссіи нашей съ пользою по разнымъ надобно-

стямъ употребленный. Драгоманъ Порты настоящій заслуживаетъ особое примѣчаніе. Онъ старшій сынъ господаря Мурузи и самъ имѣющій уже запасный хатышерифъ на господство Молдавское. Понеже отецъ его, вступивъ на мѣсто Гики, котораго и смерти онъ способствовалъ, не былъ инако со стороны нашей трактованъ, какъ человѣкъ злой и сущій Турокъ; то, по мнѣнію всѣхъ, скрываетъ онъ въ себѣ огорченіе противу Россіи. Впрочемъ, интересованъ онъ однакожъ въ скорѣйшемъ совершеніи мира тѣмъ, чтобъ скорѣе пользоваться господарствомъ ему даннымъ. Человѣкъ вида пріятнаго и съ немалымъ разумомъ изъясняющійся. Вообще всѣ они для Турковъ довольно искусные люди. Сіе доказываетъ то осторожное поведеніе, которое наблюдали и наблюдаютъ они касательно бывшей у насъ съ союзными дворами негоціаціи. Сколько ни старались довести ихъ до какихъ либо откровеній по сей матеріи и до того, чтобы они полюбопытствовали увидѣть и прочесть ноты Англійскія и Прусскія, рейсъ-эфендій умѣлъ отъ того отдѣлаться, говоря, что баронъ Гербертъ сказывалъ имъ нѣчто подобное, но что они о томъ оффиціально ничего не вѣдаютъ, да и не знаютъ, что̀ бы тутъ могло быть общее съ мирными переговорами, безпосредственно между двумя великими имперіями производимыми. По таковомъ краткомъ начертаніи свойствъ Турецкихъ полномочныхъ, ваше И. В-во усмотрѣть соизволите, что небезтрудный предлежитъ подвигъ въ окончаніи съ ними дѣла; но я надѣюсь на помощь Божію и на добрые успѣхи, сопровождавшіе ваши намѣренія и дѣла̀, что при скоромъ поворотѣ сихъ переговоровъ, при оказаніи твердости въ настояніяхъ и при удостовѣреніи Турковъ, что, въ случаѣ несоглашенія ихъ, готовы мы на брань, уже иныя будутъ предстоять условія, и всѣ увертки ихъ вотще обратятся“.

Ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состаявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самойловымъ, Рибасомъ и Лашкаревымъ, Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. „Метода негоціаціи, тутъ употребленная, совсѣмъ не надежна для поспѣшнѣйшаго ея окончанія. Сообщая Туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо ежели они, по трусости своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы и по крайней мѣрѣ до срока перемирія будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподалъ я имъ ту самую методу, которая уже не одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ Туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей въ Субботу (т. е. 8 Ноября) конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оные. Тутъ, хо-

тя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получатъ, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныя примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ. Первое, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегалися касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно покойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ Вашего Величества, не было утверждено; слѣдовательно намъ должно и оставить себя господами рѣшиться, въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства; такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать неполезно. Второе, чтобъ держалися основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая Туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгресахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если Турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представятъ визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія и на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Бароцци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы конференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ“.

Свое донесеніе Безбородко оканчиваетъ извѣстіями о наклонности Турокъ къ окончанію войны. Извѣстія эти получены были отъ визирскаго курьера Агассы-Абдула-аги подполковникомъ Ибрагимовичемъ, лично извѣстнымъ императрицѣ, котораго и покойный князь Потемкинъ неоднократно употреблялъ для важныхъ дипломатическихъ порученій и графъ Безбородко отправлялъ съ извѣстительнымъ письмомъ къ великому визирю въ Шумлу. Агассы-Абдулъ-ага сообщилъ Ибрагимовичу, что „визирь остался въ Шумлѣ, и Санджакъ-Шерифъ положенъ въ ящикъ, что̀ у Азіятскихъ народовъ означаетъ точное и рѣшительное прекращеніе войны“; что „когда великій визирь, чрезъ курьера, отправленнаго къ нему изъ Яссъ Турецкими уполномоченными, услышалъ о смерти свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, онъ съ горестію произнесъ слова; „Ахмедетъ! (ахъ, помощникъ). Кончина твоя воспрепятствовала скорѣйшему совершенію начатаго нами спасительнаго дѣла“; что онъ, Агасы-Абдулъ-ага“ видѣлъ во многихъ мѣстахъ крайнюю бѣдность и разореніе, слышалъ всюду великое роптаніе на несчастіе войны и общее мнѣніе Турокъ въ томъ, что изъ всѣхъ Масульманъ нѣтъ благополучнѣе Крымцовъ, которые, не бывъ причастны къ войнѣ и пагубнымъ ея слѣдствіямъ, благоденствуютъ подъ державою Россійской императрицы“; и что „Турецкій народъ о своемъ султанѣ такого мнѣнія: хотя къ титулу его приписывается названіе милосерднаго (адиль), однако жесто-

кость его и упрямство не кончается съ молодыми его лѣтами, по пословицѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку [26])".

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ Безбородко препроводилъ къ Императрицѣ и другое секретное, о прибывшихъ въ Яссы Польскихъ графахъ Потоцкомъ и Ржевусскомъ. „По прибытіи моемъ въ Яссы, свѣдавъ отъ генералъ-маіора Попова и статскаго совѣтника барона Билера, что графъ Потоцкій и графъ Ржевусскій находятся въ Буковинѣ, въ 170 верстахъ отъ Яссъ, ожидая высочайшей вашей отповѣди на письма ихъ, послалъ я къ нимъ нарочнаго съ письмами В. И. В-ва. Дабы скрыть мое съ ними свиданіе, предложилъ я имъ для онаго лежащую отъ Яссъ въ 6-ти верстахъ деревню Чердакъ, гдѣ иногда покойный фельдмаршалъ имѣлъ свое пребываніе; и туда я, подъ видомъ прогулки и охоты, на сутки или двое отлучуся съ помянутыми генераломъ-маіоромъ и статскимъ совѣтникомъ. Въ проѣздѣ моемъ отъ многихъ я слышалъ, что бытности Ржевусскаго и Потоцкаго даются разные толки. Я, однакожъ, видѣвъ въ пути моемъ, близъ Могилева, генералъ-поручика князя Любомирскаго и узнавъ, что было намѣреніе у покойнаго фельдмаршала купить Гуманъ (?), стараюся внушать, что пріѣзду Потоцкаго не иное что, какъ подобная спекуляція была причиною. Ржевусскій же оставался въ Галиціи".

Третья бумага, отправленная Безбородкою по пріѣздѣ въ Яссы, была письмо его къ П. А. Зубову. Зубовъ постоянно писалъ изъ Петербурга къ Безбородкѣ съ курьерами, отвозившими въ Яссы бумаги, посылаемыя Императрицею или канцеляріею. Въ первомъ письмѣ своемъ, отъ 20 Октября, Зубовъ выражалъ Безбородкѣ „пожеланіе благополучія" и сообщалъ „дворскія новости". Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 5-го Ноября Безбородко излагаетъ установленный имъ планъ для продолженія мирныхъ переговоровъ и описываетъ предшествовавшіе его пріѣзду въ Яссы труды по переговорамъ нашихъ уполномоченныхъ. „Ссылаяся на донесеніе мое Ея Им. В-ву, не повторяю я содержаніе онаго, а присовокупляю только, что какъ мы надѣемся къ слѣдующей Субботѣ, буде же не успѣютъ переводами (ибо ничто еще не было готово до моего пріѣзда), по крайней мѣрѣ въ Понедѣльникъ, вручить Туркамъ полный проэктъ трактата, въ которомъ внесутся задачи о Закубанскихъ народахъ и о пропускѣ судовъ нашихъ изъ Бѣлаго моря чрезъ каналъ въ Черное, разумѣя тѣ, чтó были подъ командою полковника Качони и флота капитана Гилелма, и о денежномъ удовлетвореніи за издержки [27]): то первыя послѣ той конференціи натурально будутъ

[26]) Какъ ни подробны Безбородкинскія донесенія о конференціяхъ, но въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ здѣсь будутъ представляемы любопытныя и характерныя выдержки и изъ протоколовъ засѣданій, которые, при Безбородкѣ, писались на Французскомъ языкѣ.

[27]) Слѣдовательно несправедливъ Гельбигъ, который пишетъ, что Безбородко „въ самомъ концѣ переговоровъ, сказалъ Турецкимъ уполномоченнымъ, что у него есть еще одно условіе, безъ котораго онъ никакимъ образомъ не можетъ

съ большимъ шумомъ. Мы станемъ располагать сами артикулами на основаніи данныхъ отъ Ея Величества наставленій, такъ чтобы не прежде спускать оные, какъ въ случаѣ крайняго упорства, и то въ облегченіе другихъ, для насъ существенныхъ. Полагая непремѣнно, что Турецкіе полномочные отнесутся къ визирю и отъ него отвѣтъ въ первыхъ числахъ Декабря получатъ, можно, кажется, надѣяться, что прежде исхода того мѣсяца негоціація однимъ или другимъ образомъ окончена будетъ. Что́ же касается до намѣренія ихъ, о коемъ я отъ многихъ здѣсь слышу, предложить и съ своей стороны разныя требованія, въ нихъ на отрѣзъ имъ отказать надобно, сославшися на прежніе договоры, нынѣ возобновляемые. О полныхъ мочахъ настоитъ немалое затрудненіе. Они приняли мнѣ данную и отъ меня возобновленный листъ нашимъ, и сказали только, что поелику вступили они въ переговоры до моего прибытія по полномочію умершаго, взявъ за поводъ къ тому указъ Ея В-ва на имя Александра Николаевича Самойлова, то и должны удержать съ тѣхъ копіи, нашими засвидѣтельствованныя, въ свое оправданіе“.

Не получивъ еще депешъ съ только-что приведенными извѣстіями, Императрица въ отвѣтъ на письмо, писанное Безбородкою изъ Ольвіополя 1-го Ноября и полученное ею въ Петербургѣ 8-го, собственноручно сообщала своему главноуполномоченному въ Яссахъ, отъ 11-го Ноября, слѣдующее: „По представленію вашему, требуемыя полномочія, вдвойнѣ заготовленныя, одни за моимъ подписомъ, а другія съ одной государственной печатью, къ вамъ сего дня посылаются. Изъ присланныхъ ко мнѣ дневныхъ записокъ мирной негоціаціи вижу я, что визирь всячески домогался бичевника на пядень имѣть по сю сторону Днѣстра; но князь (Потемкинъ) ему сей никакъ не давалъ; да и дать не должно, понеже тогда уже Днѣстръ не граница будетъ, чего мы однако и союзнымъ державамъ, и Туркамъ, и всей Европѣ объявили. Да за пяднемъ пядень бы послѣдовалъ. И такъ, Бога для, ни вершка не давайте имъ по сю сторону Днѣстра, а бичевника могутъ заводить на свою сторону, ежели похотятъ“.

Приведенныя строки Екатерины очень живо рисуютъ характеръ ея политическихъ взглядовъ и въ тоже время невольно заставляютъ чувствовать, какою она умѣла быть руководительницею даже для тѣхъ опытныхъ лицъ, которымъ поручала наши международныя сношенія. Эти строки показываютъ, что она слѣдила за всѣми подробностями мирныхъ переговоровъ, которые происходили въ Яссахъ, оцѣнивала и помнила дѣйствія и мысли покойнаго князя Потемкина. Внимательно разсматривала она и отчетливо обсуждала

подписать миръ“, т. е. онъ требовалъ 12 милл. піастровъ (Русскій Архивъ, 1865 г., 416). Этого условія, равно какъ и условія о Закубанскихъ народахъ (какъ выяснится далѣе) дѣйствительно не было ни въ ультиматумѣ, ни въ прелиминарныхъ статьяхъ мирнаго договора; но они оба были внесены въ полный проэктъ трактата, который былъ первымъ прямымъ документомъ, или настоящимъ началомъ Безбородкинскихъ переговоровъ съ Турецкими уполномоченными.

мѣры и соображенія, внесенныя въ это дѣло Безбородкою, и была ими вполнѣ довольна. Опредѣленное указаніе на такія чувства Екатерины въ отношеніи къ началу мирныхъ дѣйствій Безбородки въ Яссахъ находится въ письмѣ Зубова, полученномъ Безбородкою съ тѣмъ-же курьеромъ, которымъ было привезено письмо Императрицы отъ 11-го Ноября. „Донесеніе ваше", писалъ Зубовъ, „Государынѣ весьма было пріятно; съ удовольствіемъ изволила видѣть разумное распоряженіе ваше, какимъ образомъ трактовать мирное дѣло, совершенно одобрила рѣшительную методу вашу и въ твердой надеждѣ пребываетъ, что вскорѣ столь желаемый миръ воспослѣдуетъ".

Между тѣмъ, 10-го Ноября, состоялась первая въ присутствіи Безбородки (а по общему счету третія) конференція нашихъ уполномоченныхъ съ Турецкими, а черезъ день послѣ конференціи, 12 Ноября, Безбородко отправилъ къ Императрицѣ два донесенія. Въ первомъ изъ нихъ, Безбородко описывалъ заслуги умершаго князя Матвѣя Кантакузина. „Изъ всѣхъ бояръ Молдавскихъ и Волоскихъ фамилія князей Кантакузиныхъ", — писалъ Безбородко, — „издавна отличалася усердіемъ и преданностію къ Россіи. Великій вистіарій сего княжества Иванъ Кантакузинъ еще до войны бывшей, обще съ умершимъ логофетомъ Палладіемъ, подавалъ разныя нужныя свѣдѣнія и способствовалъ переселенію людей изъ Молдавіи въ Новороссійскую губернію и въ Малороссію. Сохранилъ онъ во все время свою приверженность, и естьли бы не обольстило его возведеніе на господарство Молдавское шурина его, покойнаго князя Гики, то онъ тогда же бы въ Россію переселился. Не избѣжалъ онъ гоненія Турецкаго, и естьли бы смерть естественная отъ болѣзни не ускорила, то пострадалъ бы онъ насильственною: ибо три дни по кончинѣ его присланъ былъ изъ Царьграда нарочный за головою его. Сынъ его, великій же вистіарій, князь Матвѣй Кантакузинъ, зять господаря Григорія Калимаха, казненнаго въ 1769 году у Рябой-Могилы по подозрѣнію въ доброжелательствѣ къ Россіи, наслѣдовалъ отцовское усердіе. Онъ былъ самый вѣрный корреспондентъ нашихъ консулей. Генералы-фельдмаршалы, графъ Румянцевъ-Задунайскій и покойный князь Потемкинъ-Таврическій отдавали ему полную справедливость. Послѣдній освободилъ домъ его отъ постоевъ, оказывалъ ему разныя пособія, пристроилъ дѣтей его въ Греческій кадетскій корпусъ, опредѣляя отъ себя выгоднѣйшее предъ другими имъ содержаніе, и наконецъ, когда сей вѣрный Имперіи Вашей человѣкъ рѣшился, не смотря на тяжкую свою параличную болѣзнь, переселиться въ Россію, далъ ему дозволеніе ѣхать, обѣщавъ предстательствовать у В. И. В-ва о пожалованіи ему чина заслугамъ его, породѣ и степени сообразнаго, съ выгоднымъ пристроеніемъ, по примѣру одноземцевъ и однородцевъ его [28]).

---

[28]) Къ донесенію Безбородки было приложено прошеніе вдовы умершаго князя Кантакузина. Результатъ ходатайства Безбородки записанъ Храповицкимъ въ дневникѣ, подъ 4 Декабремъ 1791 года: „Приказали мнѣ заготовить, по представленію графа Безбородки, указъ о пожалованіи деревень княгинѣ Кантакузиной.

Вѣрность и усердіе суть лучшіе у Вашего Величества ходатаи за всякаго; великодушіе же и покровительство, котораго обыкли Вы удостоивать всѣхъ, единственнымъ служатъ одобреніемъ для всѣхъ добронамѣренныхъ изъ здѣшняго народа".

Во второмъ донесеніи Безбородко сообщалъ о своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Турецкими полномочными. „Послѣ отправленія моей всеподданнѣйшей реляціи отъ 5 сего Ноября, на другой день Турецкіе полномочные сдѣлали мнѣ визиту, въ присутствіи трехъ уполномоченныхъ со стороны В. И. В-ва, генералитета и многихъ другихъ чиновъ. Вѣдая, что, при жизни покойнаго генералъ-фельдмаршала, когда настояло дѣло о пріѣздѣ ихъ къ нему и о взаимномъ отъ него посѣщеніи, онъ сказалъ, что сдѣлаетъ то безъ всякой церемоніи, и видѣвъ примѣръ при Кайнарджійскомъ мирѣ, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій навѣстилъ бывшихъ тогда Турецкихъ министровъ, внушилъ я имъ чрезъ перваго драгомана, что хотя качество, въ каковомъ я отъ Вашего Величества присланъ, и поставляетъ для меня особыя уваженія: со всѣмъ тѣмъ я намѣренъ, для утвержденія знакомства и пріязни, пріѣхать къ нимъ безъ всякихъ обрядовъ. Они были довольны симъ; но рейсъ-эфендій не упустилъ тутъ изъяснить, что онъ знаетъ, что у насъ и у другихъ дворовъ не въ обычаѣ статскимъ министрамъ отдавать визиты посланникамъ или полномочнымъ министрамъ; что онъ дружески примѣчаетъ, чтобъ его не смѣшивали съ тѣми, которыхъ обыкновенно у нихъ посылаютъ, употребляя тамъ большею частью изъ самыхъ малыхъ чиновъ, а иногда и такихъ, что́ весьма недавно слугами были, и что онъ и его товарищи отнюдь не такіе, но люди въ знатныхъ мѣстахъ находящіеся; просилъ притомъ драгомана оставить сіе безъ всякаго послѣдованія. 8-го Ноября я былъ у нихъ, не взявъ съ собою никакой свиты, кромѣ перваго драгомана Яковлева и подполковника Бароцци, принятъ былъ съ особеннымъ уваженіемъ и ни малѣйше не примѣтилъ замашки къ какой либо съ ихъ стороны гордости или грубости. Между тѣмъ, чрезъ драгомана дано имъ знать, что какъ общее добро обѣихъ державъ требуетъ скорѣйшаго окончанія мирныхъ переговоровъ, то и положено у насъ на слѣдующей конференціи вручить имъ всѣ артикулы мирнаго договора. Хотя и отвѣтствовали они на сіе сообщеніе дружественно, похваляя нашъ планъ, яко надежнѣйшій для скорѣйшаго окончанія, но, по всѣмъ вѣрнымъ извѣстіямъ, оный былъ не по ихъ вкусу. Они желали, по обычаю своему, протянуть дѣло и отъ времени выжидать облегченій. Узнавъ, что они сепаратный артикулъ о денежномъ удовлетвореніи оставили на столѣ конференціи, внушилъ я имъ, что непринятіе сего артикула даетъ и намъ поводъ не принять отъ нихъ никакого примѣчанія и, словомъ, никакой бумаги. Драгоманъ Порты, по выходѣ изъ дома рейсъ-эфендія, сказалъ, что они его оставили въ общей залѣ и на общемъ столѣ, куда и паки они будутъ, и что они на все учинятъ дружескій отвѣтъ; что относительно артикуловъ о независимости народовъ Закубанскихъ и сепаратнаго о денежномъ удовлетвореніи (какъ совсѣмъ новыхъ и въ прелиминаріяхъ не поставленныхъ) они

никакъ сами рѣшительно изъясниться не могутъ, а представятъ визирю, дабы онъ со мною о томъ имѣлъ сношеніе; но что̀ до другихъ артикуловъ касается, то они ради объ нихъ трактовать. Я на таковое партикулярное объясненіе и самъ объяснилъ, что касательно всѣхъ другихъ артикуловъ, которые основаны на прелиминаріяхъ, не трактовать, но подписать ихъ должно, и о сихъ я не оставлю снестися съ визиремъ и далъ почувствовать наше на то право и сущую необходимость (для прочности самого мира и для обезпеченія границъ нашихъ) сдѣлать пристойное о Закубанскихъ народахъ распоряженіе, каковое, конечно, къ обоюдной выгодѣ и спокойству отъ насъ предложено. Оба сіи дни заняты Турки совѣтомъ между собою и письмомъ, сочиняя, какъ видно, отвѣтъ и готовя отправленіе курьеровъ къ визирю или въ Царьградъ, куда они иногда и прямо относятся; а какъ между обосторонними полномочными условлено, чтобъ быть конференціямъ, по крайней мѣрѣ, трижды въ недѣлю, то и пошлютъ наши сегодня, приглашая ихъ на завтра, дабы отнюдь дѣла не пустить въ даль. Осмѣливаюся всеподданнѣйше удостовѣрить Ваше И. В-во, что, по полученіи ихъ отповѣди на артикулы отъ насъ предложенные, не упущу я имъ отвѣчать съ твердостію, стараяся одержать все возможное, и ежели бы, паче чаянія, сверхъ ультимата не удалося одержать что либо полезное, то, по крайней мѣрѣ, ничего изъ ультимата упущено не будетъ. Турецкіе полномочные стараются приводить меня въ замѣшательство, что будто при употребленіи приватномъ, во время прелиминарій, г. м. Рибаса и ст. сов. Лашкарева, они въ разговорахъ своихъ увѣрили, что мы сверхъ прелиминарій ничего не спросимъ, что окажемъ всякую податливость, что будто бы Васыфи-эфендію сказалъ ст. сов. Лашкаревъ (а послѣ и у визиря подтвердилось) что мы никакого денежнаго удовлетворенія не требуемъ, а еще и болѣе имъ покажемъ свою дружбу. Но я, зная, что никто изъ нихъ не былъ отъ покойнаго фельдмаршала уполномоченъ на подобныя увѣренія, и что онъ, услыхавъ отъ Лашкарева, что онъ сходно тому нѣсколько въ приватныхъ разговорахъ съ визирскимъ докторомъ Жуліани отозвался, весьма не одобрилъ сего поступка. Посему внушено Туркамъ, что подобныя сказки ни къ чему не служатъ, что сіи особы не имѣли тогда никакой полной мочи и что дѣло наше долженствуетъ рѣшено быть скоро и дружескимъ соглашеніемъ“.

Обѣщавъ затѣмъ своевременно донести о послѣдующемъ и упомянувъ о подносимыхъ при депешѣ Варшавскихъ извѣстіяхъ и другихъ приложеніяхъ [29]) Безбородко заключаетъ свое донесеніе похвалою Попову, какъ „наилучшему своему помощнику“.

---

[29]) Въ числѣ этихъ приложеній находится и бумага, полученная Безбородкою изъ Яссъ отъ Попова и увѣдомлявшая, что крестъ, высланный Безбородкою покойному Потемкину для священника Трофима Куцинскаго, врученъ Поповымъ преосвященному архіепископу Амвросію, а этимъ послѣднимъ возложенъ на Куцинскаго, произведеннаго имъ въ протоіереи. Съ бумагою препровождались Поповымъ

Въ письмѣ къ П. А. Зубову, отправленномъ съ курьеромъ, который везъ донесеніе Императрицѣ, отъ 12 Ноября, Безбородко выразилъ всю трудность веденія переговоровъ съ Турками. „Начало нашихъ переговоровъ довольно было шумно. Господа полномочные Турецкіе, довольно Лукезиніевымъ духомъ наполненные, попытываются вести себя и здѣсь, какъ въ Систовѣ съ Гербертомъ и товарищи. По несчастію, болѣзнь фельдмаршала препятствовала открыть тогда конференцію, и чтобы они хотя одинъ разъ выпалку выдержали. Я надѣюся однакожъ не дать имъ удержать Систовскаго тона и довести ихъ до увѣренія, что ежели мы мира желаемъ, то и войны отнюдь не боимся. Когда имъ сія конференція, 10-го Ноября (по счету третья), не полюбилася, то стали ихъ приближенные твердить, что Богъ знаетъ, будетъ ли миръ и не надобно ли заранѣе посылать въ Багдадъ и другія Азіятскія мѣста за войсками. Я чрезъ такихъ, что̀ имъ конечно перескажутъ, выговорилъ, что намъ такъ далеко посылать не достанется; да и подлинно: армія прекрасная, какой я не видалъ, стотысячная почти, въ одной Молдавіи съ Бессарабіею. Думаю, однакожъ, что сладимъ, и ежели ничего изъ двухъ спорныхъ артикуловъ, которые и не были у насъ въ ультиматѣ, не удастся одержать, то, по крайней мѣрѣ, прочіе пункты въ полномъ вѣсѣ и силѣ, не перемѣня ничего, получимъ. Денежное удовлетвореніе я для того предложилъ, что и покойный фельдмаршалъ намѣренъ былъ оное употребить, въ сугубомъ намѣреніи: или что нибудь получить, или обратить уступку его въ облегченіе другихъ требованій. Тоже самое и артикулъ Закубанскій, хотя онъ не сходенъ съ обнадеживаніями, другимъ дворамъ данными (что претензію имѣть Днѣстръ границею, другіе предали, а мы оставляемъ по старому). Я буду опираться на рескриптѣ покойному князю данномъ въ 30 день Іюня 1789 г., спрашивая, чѣмъ же насъ Порта облегчитъ противу набѣговъ сихъ ордъ и приметъ-ли на себя удовлетвореніе убытковъ ими причиняемыхъ? Когда станутъ медлить отвѣтомъ, я скажу имъ, что наши условіи были ограничены въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, а при разрывѣ негоціаціи инако уже будетъ. Тогда же я имъ скажу волю Государыни и о перемиріи, о чемъ князю ихъ драгоманъ истолковывалъ. Они и сами нѣсколько догадываются, что перемиріе не было утверждено ни Ея Величествомъ, ни главнымъ ея полномочнымъ. Изъ сего изволите видѣть, милостивый государь мой, сколько въ окончаніи дѣла предстоитъ труда и заботъ; но я ихъ и себя на сіе не пощажу по мѣрѣ всего моего понятія“.

Рескриптомъ отъ 19-го Ноября Императрица одобрила все, что̀ сдѣлалъ Безбородко по пріѣздѣ въ Яссы и о чемъ онъ доносилъ ей отъ 5 Ноября. „Умоначертаніе Турецкихъ уполномоченныхъ вами сдѣланное и двѣ первыя конференціи, ничего незначущія, ме-

---

къ Безбородкѣ, а Безбородкою къ Императрицѣ, „аттестаты“, данные находившемуся при казацкихъ войскахъ священнику Филоѳею Владевичу, мужественно предшествовавшему казачей колоннѣ по лѣстницѣ на штурмѣ Измаильскомъ и „тѣмъ заслужившему равное награжденіе“.

нѣе подавали бы надежду къ скорому заключенію мира по нашему желанію, ежели бы не настоящая нужда, и такъ то сказать, существованіе Турецкой имперіи на свѣтѣ требовало оной въ нынѣшнихъ ея худыхъ обстоятельствахъ. Когда при потерѣ Меки и Медины и лишается Порта также Египта бунтомъ, а въ Альбаніи ея ни который начальникъ не слушается, всѣ умы отъ нея отвратились, и она насилу сыскала тысячу человѣкъ нанять въ Бѣлградѣ и оставляла крѣпости по Дунаю, кои ей императоръ добровольно возвратилъ: то всеконечно, дать или не дать ей Портѣ побѣдоноснымъ морскимъ и сухопутнымъ ополченіемъ послѣдній ударъ, ежели продолжатъ излишно либо коварно конференціи за истеченіе перемирія и нашу терпѣливость исчерпаютъ и не воспользуются нашей естественной склонностію къ миру и не примутъ щедростію нашею единою предписанныя статьи онаго. Изъ сего слѣдуетъ, что весьма разумно располагаете перемѣнить образъ негоціаціи и не статью за статьею предлагать, но вдругъ всѣ статьи мира имъ отдать на размышленіе; и ежели возьмутъ на донесеніе къ визирю, оному письмомъ вашимъ объяснить дѣло. Все сіе сходственнѣе съ поведеніемъ, употребленнымъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ и принятымъ имъ правиламъ въ негоціаціи съ визиремъ, и чрезъ что Турки увидятъ, что и послѣ фельдмаршала тонъ не перемѣнился. Я надѣюсь, что вы не оставите сильными и приличными доводами убѣдить визиря, дабы дѣло скорѣй объяснилось, и мы бы знали къ чему готовиться, къ мирнымъ ли или военнымъ мѣрамъ. О сихъ послѣднихъ если демонстраціи нужны будутъ, то увѣдомьте заранѣе генерала Каховскаго, дабы расположиться могъ по локальному положенію. О драгоманѣ Мурузіи имѣю вамъ сказать, что ежели онъ Молдавцамъ не милъ, либо дѣламъ нашимъ вреденъ и къ намъ недоброжелателенъ, то, думаю, чтобъ вы приказали внушить визирю, что сей человѣкъ подъ видомъ пріятнаго, хотя и уменъ, но скрываетъ огорченіе и злобу противу насъ и не радѣетъ о добромъ согласіи обѣихъ имперій и чтобъ лучше было его смѣнить и прислать другаго; или напугайте его самого, что вы, при малѣйшей кривизнѣ, не стерпите его господарства въ Молдавіи, а будете требовать другаго до вакуаціи. Изъ письма вашего понимаю, что онъ не столько будетъ миру препятствовать, какъ послѣ мира изъ него выльется дурной и намъ недоброжелательный господарь, чего выводить изъ того можно, что погубилъ господаря Гику своими происками. Освѣдомьтесь, какія князь имѣлъ о немъ намѣренія также. Впрочемъ, кажется вообще, что Порта выбрала для конгреса въ Яссахъ людей довольно умныхъ, а можетъ статься, что у нихъ и лучше ихъ нѣтъ".

Въ тотъ же самый день, 19-го Ноября, Екатерина отправила къ Безбородкѣ и другой рескриптъ, касающійся Польскихъ дѣлъ. Здѣсь, сказавъ, что она ожидаетъ извѣстія, на чемъ Безбородко условится съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ во время предположеннаго свиданія, она продолжаетъ: „Но какъ вы ни слова не упоминаете о графѣ Браницкомъ, то заключаю я, что онъ, пріѣхавъ въ Яссы, ухватя

жену, увезъ ее въ Польшу, не имѣя съ вами свиданья. Пожалуй отпишите ко мнѣ, видѣлся ли онъ съ кѣмъ изъ нашихъ, и каково было его поведеніе. Я думала, что онъ, воспользуясь удобнымъ симъ случаемъ, останется, ежели не въ Яссахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Бѣлоцеркви. Вѣдь онъ князю все писалъ, что сеймъ сѣчетъ головы въ три дни, и для того къ нему ѣхать не можетъ; но теперь добровольно голову паки наклонилъ, ежели поѣхалъ въ Варшаву. Объясните мнѣ все сіе. Василій Степановичъ писалъ ко мнѣ, что̀ при пріѣздѣ Браницкій говорилъ, а объ отъѣздѣ его либо графини никто ко мнѣ ни строки не написалъ" [30]).

14-го Ноября уполномоченные прислали Безбородкѣ письмо съ возраженіями на полученный отъ него полный проэктъ мирнаго трактата. Начало письма̀ состоитъ изъ комплиментовъ. Турецкіе полномочные говорятъ, что они, при первомъ свиданіи, „подтвердили въ воображеніи" своемъ все, о чемъ они по славѣ и слуху были увѣрены касательно рѣдкихъ качествъ Безбородки и, желая окончанія „спасительнаго дѣла," рѣшились препроводить потому на его разсмотрѣніе „возраженія на проэктъ Ясскаго мира".

Въ отвѣтъ на это письмо, Безбородко, 17 числа того-же мѣсяца, препроводилъ къ Турецкимъ уполномоченнымъ свое письмо, въ которомъ подвергъ откровенному и обстоятельному разбору требованія, заявленныя ими въ возраженіяхъ. Приводимъ здѣсь всю существенную часть этого отвѣтнаго письма Безбородки, въ которой живо рисуются и дипломатическій умъ графа, и основные вопросы Ясскихъ переговоровъ.

„Съ помощію Божіею, первый и второй артикулы мирнаго договора ихъ превосходительствами, господами полномочными Ея Имп. В-ва и вашими превосходительствами, уже совершены [31]). Слѣдуетъ за симъ артикулъ третій, опредѣляющій, чтобъ отнынѣ впредъ рѣка Днѣстръ была границею между имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою такимъ образомъ, чтобъ вся земля, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки Днѣстра, осталася на вѣчныя времена въ полномъ и безпрекословномъ владѣніи Ея Имп. В-ва и Ея высокихъ наслѣдниковъ и преемниковъ Всеросійскаго императорскаго престола; а земля, лежащая на правомъ берегу помянутой рѣки, осталася на вѣчныя времена въ полномъ и безпрекословномъ его величества императора Оттоманскаго и его наслѣдниковъ и преемниковъ престоловладѣніи. Сими точно краткими, но ясными словами расположенъ помянутый артикулъ въ нашемъ проэктѣ, вашимъ превосходительствамъ врученномъ. Оный уже принятъ со стороны блистательной Порты въ основаніе мира, при соглашеніи о прелиминар-

---

[30]) Храповицкій, подъ 19-мъ Ноябремъ, записалъ: „Съ перомъ въ рукахъ проходилъ письма къ графу Безбородку. Тутъ Ея В-во апробуетъ, что, вмѣсто разсмотрѣнія на конференціяхъ статьи за статьею, графъ рѣшился предложить всѣ статьи трактата; утверждено и то, что графъ, слѣдуя примѣру князя, будетъ самъ переписываться съ визиремъ".

[31]) Первый—о пресѣченіи вражды и о постановленіи взаимной амнистіи, второй—о подтвержденіи прежнихъ договоровъ.

ныхъ пунктахъ, и я долженъ сказать вамъ, что сей артикулъ составляетъ одинъ изъ тѣхъ, которые Ея Имп. В-во сущимъ ультиматомъ своимъ предложить изволила. Извѣстно всему свѣту, что, не взирая на представленія со стороны державъ, Портѣ доброжелательныхъ, Ея Имп. В-во, поставя оный за непремѣнное условіе, не разсудила за благо принять никакихъ ограниченій ни касательно берега, ниже укрѣпленій, которыя каждая изъ высокихъ договаривающихся имперій, по силѣ и разуму трактата Кайнарджискаго, властна у себя строить и починять. Дружественныя Портѣ державы, отдавъ справедливость умѣренности, съ каковою Ея Величество рѣшилась возвратить Портѣ всѣ прочія, побѣдоносным ея оружіемъ учиненныя, завоеванія, признали справедливость требованій ея и излишность всякаго въ томъ ограниченія и предъявили готовность свою споспѣшествовать таковому окончанію дѣла, полагая между прочимъ точно, что ежели Порта отвергнетъ толь умѣренныя требованія, въ такомъ случаѣ оставляютъ они продолженіе войны собственному ея жребію, требуя токмо, дабы четырехмѣсячный срокъ, какъ нужный къ собранію полномочныхъ и къ распоряженію мирныхъ переговоровъ, Ея Имп. В-вомъ былъ принятъ. Если Ея В-во для сего условія готова была стать противу всѣхъ силъ державъ, Портѣ благопріятствующихъ, то уже явно, что какъ отъ сего, такъ и отъ другихъ пунктовъ, крайнюю черту ея кондицій содержащихъ, конечно и никогда отступить не согласится".

„Ваши превосходительства, между прочимъ, упоминать изволите, что о дружественномъ распоряженіи означеннаго пункта предложено было покойному генералу-фельдмаршалу, князю Г. А. Потемкину-Таврическому отъ его сіятельства господина верховнаго визиря; но ни покойный генералъ-фельдмаршалъ не могъ, ни я, на мѣсто его къ мирной негоціаціи главноуполномоченный, не могу принять никакого иного распоряженія по пунктамъ ультиматъ отъ всемилостивѣйшей Государыни моей предписанный составляющимъ. Сверхъ того, извѣстно мнѣ изъ протоколовъ, что помянутый генералъ-фельдмаршалъ, въ разговорахъ своихъ съ присланнымъ при жизни его (послѣ соглашенія о прелиминаріяхъ) вторымъ переводчикомъ Мурузи и другими, твердилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что такого рода пункты не новому разбору, но окончанію подписаніемъ чрезъ обоюдныхъ полномочныхъ подлежатъ".

„Артикулъ четвертый о земляхъ, оружіемъ Ея И. В-ва завоеванныхъ и Портѣ возвращенныхъ, содержитъ въ себѣ условія, основанныя на точной силѣ трактата вѣчнаго мира, въ Кайнарджи заключеннаго, изъяснительной конвенціи и акта, верховнымъ визиремъ, въ 1783 году, отъ имени блистательной Порты даннаго. Расположенъ онъ согласно съ тѣмъ, что̀ относительно сея матеріи положено при соглашеніи о прелиминаріяхъ. Оный содержитъ двоякаго рода постановленія: одни вѣчныя на времена будущія (таково есть отдѣленіе первое сего артикула, подтверждающее наблюдать и свято исполнять все, что̀ въ пользу княжествъ Молдавіи и Валахіи постановлено въ трактатѣ 1774 г., въ изъяснительной конвенціи 1779 и

въ актѣ, верховнымъ визиремъ отъ имени блистательной Порты данномъ 1783 г.); другія относящіяся на настоящее время: напримѣръ, нетребованіе и невзысканіе съ Молдавіи никакого платежа за старые счеты, какого бы существа они ни были, нетребованіе отъ сего княжества никакой контрибуціи, ни платежа за все время войны; увольненіе его на два года отъ всякой дани и тягости за многія его претерпѣнія и, наконецъ постановленіе безпрепятственнаго выхода тѣмъ фамиліямъ, кои пожелаютъ переселиться отсюда, съ свободою продать или распорядить движимыя и недвижимыя ихъ имущества въ теченіи дозволяемаго имъ для того двухмѣсячнаго срока. Когда, такимъ образомъ, ясно, что сей артикулъ основанъ на разумѣ прежнихъ договоровъ и когда, при соглашеніи о прелиминаріяхъ, положено было распорядить сходно съ трактатомъ Кайнарджискимъ и другими ему послѣдующими актами: то какое можетъ встрѣтиться препятствіе принять оный такъ, какъ въ проэктѣ нашемъ написано? Не могу притомъ не сказать, что сей артикулъ есть также одинъ изъ составляющихъ крайнюю черту требованія Ея И. В-ва, какъ то видно было при соглашеніи о прелиминаріяхъ между ихъ сіятельствами господиномъ генералъ-аншефомъ Репнинымъ и верховнымъ визеремъ.—Столь-же важны и сущій ультиматъ Ея И. В-ва содержащіе суть артикулы: одинъ о посылкѣ указовъ къ пашѣ Ахалцыхскому и другимъ пограничнымъ начальникамъ съ строжайшимъ прещеніемъ, чтобъ они не безпокоили земель, владѣемыхъ царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, ни сами собой, ниже чрезъ подсылку Лезгинъ и другихъ тѣмъ подобныхъ народовъ, и чтобъ нигдѣ они добраго согласія сосѣдняго не нарушали; а другой—о корсерахъ Алжирскихъ, Тунискихъ и Трипольскихъ".

„Относительно перваго, расположенъ онъ съ полнымъ наблюденіемъ дружественнаго къ Портѣ уваженія и въ намѣреніи отдалить всякій поводъ къ ссорѣ и остудѣ. Передъ началомъ нынѣшней войны блистательная Порта не затруднялась послать въ такой силѣ ферманъ къ помянутому пашѣ. Тоже самое отъ нея и нынѣ требуется. Надобно токмо, чтобы онъ въ приличныхъ израженіяхъ былъ составленъ, не заключая въ себѣ ничего противнаго достоинству обѣихъ имперій и дружеству, между ними постановляемому. Что̀ же касается до примѣчанія, что сей артикулъ не внесенъ въ трактатѣ Кайнарджискомъ, то не настоялъ тогда ни случай, ни надобность, а напротиву того уже послѣ оказалося, что и по сей матеріи разныя выходили непріятности и безпокойства".

„Не меньше нужно объяснить въ трактатѣ будущемъ и артикулъ о корсерахъ Алжирскихъ, Тунискихъ и Трипольскихъ. Постановленное объ нихъ въ договорѣ Кайнарджискомъ и изъясненное въ коммерческомъ трактатѣ не могло предохранить Россійскій купеческій флагъ отъ прикосновенія сихъ варваровъ купцовъ и мореходцевъ нашихъ отъ узъ неволи и собственности ихъ отъ хищенія оныхъ разбойниковъ. Жалобы наши не были удовлетворены. Блистательная Порта Оттоманская учинила ясныя и точныя о томъ постановленія съ Вѣнскимъ дворомъ, давъ даже право репресалій въ случаѣ

медленія. Съ другой стороны доказала она власть свою надъ оными кантонами, когда могла употребить изъ нихъ Алжирцевъ съ судами ихъ въ службу свою, не токмо на Бѣломъ, но и на Черномъ моряхъ. Мы требуемъ, чтобъ она туже власть свою употребила къ обузданію сихъ разбойниковъ касаться флагу и собственности Россійскимъ. Впрочемъ, ваши превосходительства видѣть изволите, съ какимъ уваженіемъ и деликатностью сей артикулъ расположенъ въ проэктѣ нашемъ въ сравненіи постановленнаго таковаго-же съ Вѣнскимъ дворомъ. Ея] Имп. В-во полагается тутъ на добрую вѣру Порты и точность ея въ сохраненіи обязательствъ, на себя пріемлемыхъ".

„Артикулъ шестой нашего проэкта о народахъ Закубанскихъ требуетъ также истолкованія. Народы сіи, по сосѣдству съ нами, производили безпрерывные набѣги въ границы наши и разныя хищничества. Сколько ни принесено было на нихъ жалобъ, не могли одержать ни удовлетворенія за оныя, ниже ускромленія своевольныхъ. Война застала дѣла въ такомъ положеніи. Покоривъ оружіемъ сіи народы, могли мы ихъ истребить или разсѣять въ неволю, по крайней мѣрѣ, знатную часть ихъ, если бы Ея И. В-во, по сродному ей человѣколюбію, не обыкла прибѣгать къ способамъ самымъ кроткимъ. Въ семъ точно видѣ Ея В-во освободила ихъ отъ присяги, ей учиненной, и даровала имъ свободу, въ чаяніи, что и блистательная Порта примѣру ея послѣдуетъ для отдаленія на времена будущія безпокойствъ: ибо тогда бы сіи народы, пребывая въ независимости, равно остерегалися бы наносить вредъ обѣимъ державамъ, опасаяся отъ нихъ наказанія и служа такимъ образомъ между ними барьеромъ. Ея И. В-во не присвоила себѣ тутъ собственно ничего далѣе рѣки Кубани, границею Ея владѣній въ томъ краѣ положенной. Если со стороны Порты встрѣчаются средства къ предохраненію границъ нашихъ отъ набѣговъ и воровства сихъ людей, то какія обезпеченія подастъ она къ нашему въ томъ краѣ спокойствію? Сіе требуетъ ближайшаго и дружественнаго изъясненія".

„Вмѣстѣ съ проэктомъ артикуловъ мирнаго договора сообщенъ вашимъ превосходительствамъ и сепаратный артикулъ, содержащій требованіе со стороны Россійско-императорскаго двора денежнаго удовлетворенія за убытки, войною ему нанесенные. Несразмѣрно нимало тѣмъ убыткамъ назначена въ помянутомъ артикулѣ сумма, но и тутъ наблюдена умѣренность, явно видимая вообще въ условіяхъ, отъ Ея И. В-ва предлагаемыхъ, среди побѣдъ и успѣховъ, которыми Всевышній благословилъ ея оружіе [32]).—Сообщивъ такимъ образомъ вашимъ превосходительствамъ мои примѣчанія относительно мирныхъ переговоровъ, удовлетворилъ я моей искренной къ вамъ пріязни. Впрочемъ, долгомъ будетъ господъ уполномоченныхъ со стороны Россійской императорской съ вами свершить всѣ сіи

[32]) Россія требовала съ Турціи 24.000 мѣшковъ или 12.000.000 піастровъ, съ тѣмъ чтобы сумма эта выплачена была въ 4 года равными частями, а именно: по 6000 мѣшковъ, или по 3.000.000 піастровъ ежегодно, начиная съ 1792 и оканчивая 1796 годомъ.

артикулы, одинъ за другимъ по порядку. Добрую имѣю надежду, что ваши превосходительства возмете въ уваженіе основательность моихъ примѣчаній и, принося духъ миролюбія въ мѣсто собранія вашего, поспѣшите благополучнымъ окончаніемъ спасительнаго дѣла, на васъ возложеннаго. Да отвратитъ Всевышній Богъ мира всякое тому препятствіе! Но я не могу, по моей откровенности, умолчать предъ вами, что несовмѣстно и съ данными мнѣ наставленіями несообразно продолженіе въ даль сихъ переговоровъ; такъ равно не скрою завременно предъ вами и ту истину, что кроткія и свѣтъ умѣренностію удивляющія условія всемилостивѣйшей моей Государыни, въ ультиматѣ предложенныя, имѣютъ себѣ предѣломъ самую-же сію негоціацію. Съ разрывомъ ея и съ возобновленіемъ дѣйствій непріязненныхъ, нынѣшнія снисхожденія наши учинятся какъ уже не существующія, и Ея И. В-во будетъ тогда въ полномъ правѣ другія предположить условія миру, какія Промыслъ Божій и успѣхъ Ея оружія устроятъ. Повторяю еще одинъ разъ мое нелицемѣрное желаніе, чтобъ общіе труды наши преуспѣли неотлагательно совершить дѣло, намъ отъ высокихъ государей нашихъ ввѣренное, къ отвращенію дальняго пролитія крови человѣческой".

Нѣкоторыя дополнительныя подробности къ приведеннымъ фактамъ и часть дальнѣйшаго хода конференцій обстоятельно разсказываются Безбородкою во всеподданнѣйшемъ донесеніи, отъ 21 Ноября, посланномъ въ отвѣтъ на высочайшій рескриптъ Императрицы отъ 4-го Ноября. Здѣсь Безбородко сообщаетъ о принятіи всѣми уполномоченными на четвертой конференціи 13 Ноября двухъ первыхъ артикуловъ мирнаго проэкта и говоритъ: „Турки тутъ сдѣлали было затѣю, чтобъ актъ 28 Декабря 1783 года такимъ только названіемъ упомянутъ былъ; но мы одержали, что они именно согласилися сказать о немъ сими точно словами: „актъ, касающійся до присоединенія къ имперіи Россійской Крыма и Тамана, и что граница ея есть рѣка Кубань". Сказавъ далѣе о письмѣ Турецкихъ полномочныхъ съ возраженіями на артикулы Русскаго мирно-договорнаго проэкта, привезенномъ къ нему, „по предварительномъ испрошеніи", вторымъ секретаремъ Мушибъ-ефендіемъ и драгоманомъ Порты Мурузи, Безбородко излагаетъ свои переговоры съ ними. „На сдѣланную въ письмѣ Турецкихъ уполномоченныхъ задачу о границѣ по Днѣстру я возразилъ имъ всѣми доводами сущей невозможности поступить хотя на малѣйшую перемѣну. Подобнымъ тому образомъ толковалъ я имъ и по другимъ пунктамъ, отъ нихъ замѣченнымъ; но когда увидѣлъ я, что и артикулъ о Барбарескахъ они оспариваютъ, принужденнымъ себя нашелъ сказать драгоману Порты, что, повидимому, хотятъ они весь трактатъ составить въ свою единственную пользу; что, конечно, великодушіе и умѣренность В. И. В-ву во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ вашихъ сопутствуютъ, но что имъ не надобно забывать, что война воздвигнута не нами, но ими самими неправеднымъ образомъ, съ большимъ для двора вашего оскрбленіемъ и съ нарушеніемъ тѣхъ постановленій, кои въ ком-

мерческомъ договорѣ на подобные непріятные случаи точно означены и которые по всенароднымъ правамъ сохраняются; что въ продолженіи сея войны побѣды и успѣхи сопровождали наше оружіе; что не они пришли на Волгу или Оку, но мы на Дунай и за оный, и что потому справедливо, чтобъ мы одержали нѣкоторыя выгоды предъ тѣми, которыя до того имѣли, возвращая имъ множество завоеваній; что инако вышелъ-бы почти status in quo, который друзья ихъ предлагали и коего Ваше Величество не токмо не приняли, но для отраженія достоинству и пользѣ вашей предосудительныхъ предложеній готовы были стать противу съ ополченіями вашими на сушѣ и морѣ. Драгоманъ Порты, въ крайнее изумленіе симъ приведенный, не сталъ было переводить словъ моихъ, говоря кратко секретарю Турецкому, что онъ скажетъ полномочнымъ отвѣтъ мой; но находившійся тутъ-же при мнѣ нашъ первый драгоманъ Яковлевъ сказалъ мнѣ, что Мурузи не то переводитъ, заставивъ его отъ слова въ слово пересказать Мугибъ-эфендію. Въ дополненіе къ тому присовокупилъ я, что сколько ни желателенъ миръ для человѣколюбиваго сердца вашего, но не меньше нужно знать скоро, чего отъ настоящихъ переговоровъ ожидать, дабы по тому мы дальнѣйшія наши мѣры взять могли. Оба они отвѣчали, изъявляя надежду добраго конца; а я обѣщалъ имъ отвѣтъ мой, который въ прошедшее Воскресенье имъ доставленъ“.

„На другой день, то есть 17 Ноября, была пятая конференція. Надлежало тутъ выдержать все упрямство Турковъ, которые, отставъ отъ требованія части земли на лѣвомъ берегу Днѣстра, затѣяли новое домогательство о неимѣніи съ нашей стороны въ уступаемой намъ землѣ укрѣпленій, основывая оное отчасти на поводѣ къ тому, въ прелиминаріяхъ поданномъ, отчасти же на кривомъ толкованіи условія въ Айналиковакской конвенціи внесеннаго по случаю переведенія права на сію землю отъ Татаръ на Порту, а болѣе требуя того будто бы въ единый знакъ дружбы, по настоятельнымъ отъ визиря къ нимъ предписаніямъ. Хотя они по сему пункту отъ домогательства своего не отступили, въ ожиданіи отповѣди визирской; но имъ дано чувствовать, чтобъ не ждали они ни малѣйшаго снисхожденія, какъ въ дѣлѣ, сущій ультиматъ Вашего Величества составляющемъ; да и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, чтобъ они до крайности довели въ семъ артикулѣ свое упорство“.

„Между тѣмъ, собирая съ крайнимъ тщаніемъ, точностію, а при томъ и большою осторожностію разныя извѣстія, узналъ я, что они, пораженные сперва проэктомъ нашимъ, старалися разсѣвать внушенія, что мы, повидимому, хочемъ войны, и она, конечно, будетъ. Потомъ увидѣли они, съ одной стороны, что, не смотря на всѣ ихъ внушенія, мы твердымъ образомъ поступаемъ; съ другой отъ командующаго арміею генерала Каховскаго, вслѣдствіе учиненнаго имъ росписанія, отправляются всѣ чины по мѣстамъ своимъ, происходятъ разныя въ землѣ распоряженія, до надобностей военныхъ относящіяся и наконецъ, полкамъ и командирамъ даны при-

казанія быть въ полной исправности и готовности въ 24 часа выступить въ походъ; вѣдая же при томъ, что когда главная визирская квартира и разныя ихъ крѣпости обнажены въ войскахъ, въ то время у насъ ими вся земля наполнена, зачали говорить инымъ голосомъ, ссылаясь на невозможность кончить дѣло, не подвергая головъ своихъ опасности и на необходимость дожидаться отвѣта отъ визиря, который, по словамъ ихъ, въ скорости полученъ быть можетъ. Отвращая, однакожъ, чтобъ они, по привычкѣ ихъ выигрывать время и для спасенія головъ своихъ, не стали тянуть въ даль и о каждомъ спорномъ артикулѣ брать порознь на доношеніе, приказалъ я ген. пор. Самойлову, ген. м. Рибасу и ст. сов. Лашкареву послать къ Турецкимъ полномочнымъ перваго драгомана съ словеснымъ изъясненіемъ, что какъ они по поводу наканунѣ бывшей конференціи отзывалися о необходимости своей послать къ визирю и ожидать его рѣшенія, то и желательно было бы, чтобъ они, имѣя въ рукахъ своихъ нашъ проэктъ и вѣдая, такъ сказать, крайнюю черту нашихъ требованій, однимъ уже разомъ на все испросили наставленія своего верховнаго министра, дабы отвращено было медленіе, тутъ ни мало несовмѣстное. Отвѣтъ ихъ словесный состоитъ въ томъ, что они на прочіе пункты имѣютъ достаточные инструкціи, по которымъ готовы приступить къ распоряженію ихъ, а только касательно Днѣстра, гдѣ визирь имъ поручилъ дружески стараться, также совсѣмъ новыхъ для нихъ предложеній (разумѣя о дѣлахъ Закубанскихъ и о денежномъ удовлетвореніи) писали они къ своему начальству".

За тѣмъ, упомянувъ о письмѣ, которое привезъ изъ Шумлы отъ великаго визиря подполковникъ Ибрагимовичъ и о запискѣ этого подполковника, подробно излагающей обстоятельства его пребыванія въ Шумлѣ [33]), Безбородко переходитъ къ шестой конфе-

---

[33]) Великій визирь Юсуфъ-паша въ своемъ письмѣ отъ „23-й луны Реббіуль Евбеля 1206-го" т. е. отъ 13 Ноября 1791 года, поздравляетъ Безбородку съ пріѣздомъ въ Яссы и выражаетъ надежду на добрый исходъ мирнаго дѣла, такъ какъ онъ слышалъ, что Безбородко „доброжелателенъ, благоразуменъ, проницателенъ и справедливъ". Ибрагимовичъ въ своей запискѣ говоритъ, что онъ пріѣхалъ въ Шумлу 10-го Ноября 1791 г. и былъ принятъ на другой день въ 9 часу поутру, по предварительной повѣсткѣ, учиненной со стороны Тешрифатчи-эфендія", и пошелъ онъ со своимъ приставомъ и приданнымъ для охраненія его муджіи къ Портѣ. Представленъ онъ былъ прежде Кегаю бею, „коимъ принятъ былъ ласковымъ образомъ, и который много распрашивалъ о графѣ Безбородкѣ, а потомъ Тешрифатчи-эфендіемъ представленъ былъ верховному визирю въ присутствіи множества чиновниковъ и прочихъ людей. Визирь, принявъ у него самъ письмо и при отданіи достоинствамъ графа справедливости, навѣдывался о его здравіи, и въ такомъ дальнемъ пути не былъ ли обезпокоенъ. За симъ сказалъ Ибрагимовичу, что, разсмотря письмо и изготовя свой отвѣтъ на него, его отправитъ, а между тѣмъ чтобъ онъ отдохнулъ. По выходѣ отъ него, былъ онъ у Кеседаря-рейсъ-эфендія, а потомъ, бывъ паки позванъ къ визирю, пересказалъ ему, о добромъ и искреннемъ расположеніи графа Безбородко къ скорому и счастливому окончанію порученной ему мирной негоціаціи. Визирь, взявшись за бороду, отвѣчалъ, что онъ, доживъ до старости лѣтъ, ни о чемъ болѣе те-

ренціи, состоявшейся 20-го Ноября. Время не позволило ему приготовить для отправленія къ Императрицѣ протоколъ этого засѣданія, и онъ доноситъ только вкратцѣ, что на сей конференціи, съ помощію Божіею, два изъ важныхъ артикуловъ, и именно: о выгодахъ Молдавіи, и другой по дѣламъ, до царя Карталинскаго касающимся, кончены и согласно положены. „О первомъ, о Молдавіи, одержаны противу Кайнарджискаго трактата тѣ преимущественныя выгоды, что послѣ бывшей войны бѣдные жители здѣшніе уволены были на два года отъ дани. Сія дань Портѣ менѣе ста тысячъ левковъ составляетъ, но за то подвергалися они разнымъ тягостямъ другимъ; нынѣ же точно сказано, что они на два года освобождаются отъ дани и тягостей. Второе, что вмѣсто году сроку для переселяющихся положенъ оный тремя мѣсяцами болѣе прежняго, да и ясными словами выговорена свобода продажи недвижимыхъ имѣній, переселенцами оставляемыхъ". Безбородко выражаетъ за тѣмъ надежду, что на 7-й конференціи, назначенной 29-го Ноября, „ультиматъ" Императрицы „въ полной мѣрѣ удовлетворенъ будетъ", и что, затѣмъ останутся только два не помѣщенные въ ультиматѣ артикула, именно артикулы о дѣлахъ Закубанскихъ и о должномъ удоволетвореніи. „Сіе послѣднее даже не именовано въ инструкціяхъ (данныхъ князю Потемкину), но мною извлечено по поводу того, что, между прочимъ, отъ В. И. В-ва поручено стараться одержать все, что полезно или выгодно въ сторону нашу быть можетъ. Я употреблю всѣ силы и старанія мои къ соглашенію Турковъ на сходственнѣйшія, колико можно, распоряженія сихъ двухъ пунктовъ и не отступлю отъ нихъ, какъ въ случаѣ непреоборимаго съ противной стороны упорттва и неизбѣжной опасности разрыва негоціаціи; да и то пойду по степенямъ, особливо по дѣламъ Закубанскимъ. Высочайшій рескриптъ В. В-ва отъ 30-го Іюня 1789 г. предписуетъ средства къ обузданію тамошнихъ народовъ въ томъ, чтобы или Порта сняла на себя отвѣтъ и удовлетвореніе за набѣги и воровства, въ границахъ нашихъ сими людьми причиняемые, или же бы не зазрѣла намъ, если мы, въ случаѣ предъявленія ея въ томъ невозможности, станемъ сами наказывать своевольныхъ. Репресаліи во многихъ случаяхъ употребительны. Конечно, ни для чего Порта не согласится признать сіи народы независимыми, и тѣмъ болѣе, что тутъ потребно знать ихъ именованія, обстоятельства и границы земель, ими обитаемыхъ. Безчисленныя и безконечныя предлежали тутъ хлопоты. Дальнѣйшіе настояніе наше по пункту сему противорѣчило бы въ существѣ съ актомъ о Крымѣ, гдѣ точное положеніе о рѣкѣ Кубанѣ, что она есть граница между имперіею Россійскою и Портою и гдѣ сказано, что земля, на которой крѣпость Суджакъ построена, признается собственностію Порты; вмѣсто того, что съ одной стороны лаская

перь столько не помышляетъ, какъ о доставленіи обѣихъ имперій рабамъ Божіимъ тишины и спокойствія". При отправленіи Ибрагимовича, визирь „учинилъ" ему подарки: цвѣтокъ изъ дорогихъ камней, 8 кусковъ матерій и 150 Турецкихъ червонныхъ.

помянутые народы, на основаніи данныхъ отъ генералъ-фельдмаршала покойнаго генералу Гудовичу повелѣній открытіемъ для нихъ торговли и дозволеніемъ брать соль изъ озеръ на Таманѣ, съ другой—содержа ихъ въ страхѣ наказанія за воровства и набѣги, всего надежнѣйшимъ образомъ обезпечены будутъ наши предѣлы. Впрочемъ, имѣя въ насъ нужду и опасаясь насъ, они скорѣе ослабѣютъ въ своей приверженности къ Портѣ и дѣломъ самимъ независимы учинятся".

Представивъ послѣднія приложенія съ свѣжими политическими извѣстіями [34]), касавшимися Россіи, и сообщивъ о мѣрахъ, приня-

---

[34]) Часть этихъ извѣстій была получена изъ Букареста подполковникомъ Бароцци, а другая была привезена въ Яссы изъ Константинополя ассесоромъ Фродингомъ. Извѣстія были изложены и тѣмъ и другимъ въ отдѣльныхъ запискахъ, поданныхъ ими Безбородкѣ. Отъ Бароцци въ документахъ сохранилось три записки. Въ первой изъ нихъ, отъ 3 Ноября, сообщался слухъ изъ Константинополя, будто по порученію Англійскаго посланника при султанскомъ дворѣ, первый его драгоманъ сообщилъ Портѣ, что Англійскій король „въ настоящую минуту только о томъ и заботится", какъ бы упрочить дружбу Австріи съ Пруссіей и что дружба эта непремѣнно послужитъ къ выгодамъ Порты. Въ разговорѣ, происшедшемъ по этому поводу, Англійскій драгоманъ будто бы услышалъ слѣдующія слова отъ одного изъ представителей Порты: „Любезный Пизани! Опытъ открылъ намъ больше, нежели вы думаете, и въ будущемъ мы постараемся сами рѣшать свои дѣла". Затѣмъ въ запискѣ сообщалось, что Польскій посолъ прислалъ Портѣ бумагу съ желаніемъ республики заручиться отъ султана гарантіей, въ которой онъ обѣщалъ бы, въ случаѣ нападенія по заключеніи мира между Россіею и Турціею на Польшу которой нибудь державы, открыто воспротивиться этому и что въ Валахіи скоро ничего не останется, такъ какъ пшено, ячмень и все что только крестьяне добываютъ съ своей земли, немедленно отбирается у нихъ Турецкими войсками. Во второй запискѣ, отъ 4 Ноября, сообщалось, что заключеніе мира можно считать рѣшеннымъ, такъ какъ Порта не дала Польскому послу никакого удовлетворительнаго отвѣта на его предложеніе изложенное въ первой запискѣ и не задержала его, когда онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ. Юсуфъ-паша въ обѣихъ запискахъ представляется интригующимъ противъ заключенія мира. Наконецъ, въ третьей запискѣ Бароцци, отъ 11 Ноября, говорилось, что союзъ, заключенный между Россіею и Швеціею, надѣлалъ много шуму въ Константинополѣ. Порта не хотѣла этому вѣрить и обратилась съ вопросомъ къ посланникамъ Венеціи и Голландіи, увѣрившихъ ее, что извѣстіе вѣрно, и что есть даже статьи очень выгодныя для Россіи и невыгодныя для Порты. Судя по этому, Шведскій посолъ играетъ роль не изъ завидныхъ. Султанъ послалъ имъ сказать черезъ своего перваго драгомана, что даритъ Шведскому королю 70 тысячь кило (мѣръ) пшена, за которымъ онъ можетъ прислать, когда угодно, въ Воло (мѣстность, изобилующая пшеномъ). Одинъ Турецкій министръ сказалъ нашему другу, что это сдѣлано для того, чтобы не оставаться въ долгу у короля Шведскаго за бриліантъ въ 100 т. піастровъ, подаренный имъ султану по заключеніи договора о союзѣ" (Съ Французскихъ, подлинниковъ хранящихся въ Главномъ Московск. Архивѣ М. И. Д.. карт. IX, св. 13.).—Въ запискѣ Фродинга передавалось: „Въ Константинополѣ весь народъ вздыхаетъ о мирѣ съ Россіею; оный бы уже давно взбунтовался, но счастіе султанское, что имѣетъ строгихъ и расторопныхъ людей и начальниковъ, а особливо капитанъ-пашу, янычаръ-ягу и стамбулъ-эфендія, которые знаютъ удерживать народъ и удовольствовать ихъ. Султанъ съ фаворитомъ своимъ Кучюкъ-гусейномъ занимаются приготовленіемъ Доналма или пуб-

тыхъ имъ, совмѣстно съ главнокомандующимъ, въ обезпеченіе арміи отъ моровой язвы (о которой носились „мало-основательные слухи“), Безбородко оканчиваетъ свое донесеніе сообщеніемъ, что между прочимъ, „наши полномочные, по его приказанію, внушили Туркамъ о надобности спѣшить окончаніемъ переговоровъ и ясно намекнули имъ о нашемъ намѣреніи положить имъ срокъ для этого окончанія, и что онъ самъ, устраняя домогательство великаго визиря о снисхожденіи по артикуламъ, готовится отправить къ нему депеши съ настойчивымъ приглашеніемъ дать приказанія „о поспѣшеніи окончаніемъ негоціаціи“, а къ министру обѣихъ Сицилій, графу Лудольфу — пакетъ [35]), присланный вице-канцлеромъ отъ дюка Серра-Капріола.

Отправка Безбородкою пакета графу Лудольфу показываетъ, что прежнія сношенія Екатерины съ Сицилійскимъ королемъ для разумныхъ вліяній на Турцію велись и теперь, въ самый разгаръ Ясскихъ мирныхъ переговоровъ.

*

Предъидущія страницы разъяснили, что Безбородко въ своихъ сношеніяхъ съ Турками былъ предупредителенъ, но твердъ и непреклоненъ. Содѣйствіе Сицилійскаго двора, одобреніе и поощреніе Екатерины, знаніе исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ другими державами вообще и съ Турціею въ частности, служили для него твердою опорою. Кромѣ того: изучивъ характеры Ясско-турецкихъ уполномоченныхъ, онъ, въ самомъ началѣ переговоровъ, позаботился заручиться средствами къ тому, чтобы получать постоянныя свѣдѣнія и о самыхъ частныхъ воззрѣніяхъ Турецкихъ уполномоченныхъ по разнымъ предметамъ совѣщаній. Въ секрет-

---

личнаго праздника и иллюминаціи, который данъ будетъ по случаю избавленія отъ родинъ султанши. Народъ поговаривалъ, что этотъ праздникъ имѣть будетъ двойную радость, ибо надѣются, что въ тоже время заключенъ будетъ миръ съ Россіею. 28 Октября и 2-го Ноября, по новому стилю, графъ Потоцкій имѣлъ конференцію съ Рашидъ-эфендіемъ; слухъ пущенъ былъ, будто бы трактуютъ о новомъ коммерческомъ трактатѣ, но люди изъ Сарайля (Сераля) увѣряли, что въ сихъ конференціяхъ Польскій и Прусскій министры обѣщали Портѣ къ будущей веснѣ новую диверсію противъ Россіи, прося Порту, чтобъ она какъ можно старалась продолжать дѣла и сыскать способъ продлить перемиріе. Также сказываютъ, что они увѣряли Порту, будто-бы Государыня обѣщалась будущею весною послать 25 или 30 тысячъ войска во Францію. О семъ тоже часто говорено было самимъ Французскимъ посломъ.

[35]) Пакетъ шелъ отъ Дюка-Серра-Капріола и заключалъ въ себѣ инструкціи графу Лудольфу по улаженію нашихъ отношеній съ Турціею. Предлогомъ послужила доставка денегъ нашимъ плѣннымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, проживавшимъ въ Константинополѣ. 29 Ноября Безбородко отправилъ къ графу Лудольфу двухъ курьеровъ: маіора Кирѣева и капитана Кирико при письмѣ къ великому визирю, въ которомъ онъ „при настоящемъ сближеніи совершеннаго примиренія между высокою имперіею Всероссійскою и блистательною Портою Оттоманскою“ въ полной надеждѣ на дружбу его сіятельства „и въ соотвѣтствіе тому, какъ и въ разсужденіи отъ Турецкой стороны подобное“ Русскіе наблюдали и наблюдаютъ взаимство, просилъ визиря приказать препроводить упомянутыхъ курьеровъ съ безопасностью по мѣсту ихъ назначенія и обратно.

номъ донесеніи, отъ 21 Ноября 1791 года, Безбородко, писалъ слѣдующія любопытныя строки: „Генералъ-маіоръ Рибасъ пріобрѣлъ знакомство живущаго здѣсь доктора Филадельфи, долгое время въ Константинополѣ находившагося, посредствомъ котораго заведено сношеніе съ Турецкимъ первымъ секретаремъ конференціи Аввы-эфендіемъ, который, бывъ у Порты при Россійской экспедиціи, за разныя оказываемыя намъ услуги, получалъ отъ министра Россійскаго подарки и который, по давнему знакомству съ первымъ драгоманомъ Яковлевымъ, оставшися однажды съ нимъ наединѣ, сказалъ, что онъ помнитъ хлѣбъ и соль Русскую и готовъ и впередъ служить и, бывъ издавна въ связи съ помянутымъ докторомъ, сдѣлалъ такое-же и чрезъ него внушеніе. Когда для поощренія его предложенъ былъ ему денежный подарокъ, то онъ просилъ, чтобы на сей разъ замѣнить его какою-либо вещію и впредь не оставить его, такъ какъ будто бы тайный совѣтникъ Булгаковъ, въ свое время, предлагалъ ему намѣреніе пособить въ строеніи дому его на каналѣ. Я послалъ ему изъ вещей кабинетскихъ табакерку въ 850 р. и перстень въ ней въ 1600 р., чѣмъ онъ весьма былъ доволенъ. Онъ сообщаетъ намъ чрезъ доктора, на словахъ, о происходящихъ между полномочными совѣтахъ о томъ, что̀ бываетъ у нихъ положено говорить на завтрешней конференціи, о посылкѣ курьеровъ и о прочемъ. Увѣряетъ, что они имѣютъ точныя приказанія стараться окончить дѣло, чтобы мы стояли крѣпко въ нашихъ предложеніяхъ, и что онъ только не ручается за два новые пункта, и именно о независимости Закубанцевъ, чего они принять не могутъ, и о денежномъ удовлетвореніи, въ коемъ, будто бы по собственнымъ нашимъ изъясненіямъ (разными людьми при заключеніи прелиминарій сдѣланнымъ) имѣли они надежду, что мы отстанемъ; но и тутъ онъ думаетъ, что, при настояніи нашемъ, сіи пункты съ помощію взаимной податливости распоряжены будутъ. Онъ говоритъ, что Порта хочетъ не токмо себя съ нашей стороны обезпечить миромъ, но и предложить такія вещи, которыя удивятъ постороннихъ, о коихъ онъ тогда изъяснится, когда сближится къ тому время. По многимъ стараніямъ и вопросамъ нашего конфидента, изъ темныхъ отвѣтовъ Аввы-эфендія проникнуть было можно, что, при жизни покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго, для приласканія, повидимому, министерства Турецкаго, внушаемо было иногда о пользѣ прочной дружбы и тѣснаго согласія между имперіями Всероссійскою и Оттоманскою. Турки часто смѣшиваютъ сіи слова съ союзомъ. Было нѣчто подобное и въ представленіяхъ его, во время визиря Гассанъ-паши присланныхъ. При отзывѣ о томъ, я отклоню вновь оный изъясненіемъ, что мое назначеніе и полная мочь, мнѣ данная, до сего пункта не простираются, что удобнѣе о сихъ дѣлахъ трактовать тогда, когда установлена будетъ миссія наша въ Константинополѣ; но что̀ касается до дружбы и добраго согласія, всякъ изъ министровъ Вашего Императорскаго Величества поставитъ себѣ въ обязательство, по заключеніи мира, употреблять всѣ способы, отъ него зависящіе, къ сохраненію ихъ и отвращенію повода къ раздо-

рамъ и коварствамъ. Я чувствую, всемилостивѣйшая Государыня, все то отвращенiе, каковое свойственно государю прямо христiанскому имѣть отъ союза съ державою, коей первое правило закона и политики есть ненависть къ христiанамъ. По словамъ его, третiй ихъ секретарь есть совершенно наполненъ Прусскимъ духомъ; но что у нихъ знаютъ всю суетность союза ихъ съ Пруссiею. Впрочемъ сей первый секретарь, будучи въ милости у рейсъ-эфендiя Рашида, который при султанѣ ту должность исправляетъ, пишетъ прямо къ сему министру, а потому здѣшнiй рейсъ-эфендiй его ненавидитъ".

„Другой каналъ къ полученiю также разныхъ свѣдѣнiй есть входъ того же доктора къ третьему полномочному Дурри-Заде. Онъ былъ мехтунчи или первый комми при Портѣ и служилъ намъ, также получая подарки. Сей полномочный есть человѣкъ веселый и болѣе другихъ вѣжливый. Онъ признается, что твердость, со стороны нашей оказанная, и готовность на дѣйствiя, въ случаѣ разрыва (котораго, какъ онъ думаетъ, будто-бы мы желаемъ) въ крайнее приводитъ ихъ смущенiе. Ему были весьма примѣчательны слова мои, что, будучи побѣдителями, имѣемъ право требовать какихъ либо отъ нихъ для себя выгодъ. „Хотятъ (онъ говоритъ) давать намъ законы; да мы, по несчастiю, и принимать ихъ должны; дай Богъ, чтобъ только не превзошли мѣры!" Смѣется часто надъ своими старшими товарищами, что они теперь сами видятъ, что не въ Систовѣ и не съ Нѣмцами имѣютъ дѣло. Однажды высказался онъ, что султану надобно непремѣнно кончить здѣшнiй миръ, обезпечить себя съ Россiею и потомъ доставить себѣ славу болѣе предковъ своихъ, приведя въ тишину свою имперiю, т. е. внявъ совѣту самыхъ вѣрныхъ ему: послать флотъ къ берегамъ Сирiи и Египта, самому идти къ Меккѣ и тамъ возстановить тишину и порядокъ, а посредствомъ такого похода обуздать и всѣ Азiятскiя области; но признается, что на духъ султана не надѣется, посылкою же пашей лишь только новыя неистовства и бунты родятся. Часто изъясняетъ онъ скорбь свою, что столь опасное возложено на нихъ служенiе. „Ежели мы (говоритъ онъ) сдѣлаемъ миръ невыгодный, потеряемъ головы; а буде не сдѣлаемъ, и война паки начнется, отъ которой добра не ожидать, то также лишимся головъ". О друзьяхъ своихъ отзывается съ крайнимъ презрѣнiемъ, что отъ нихъ требовали и ждали объявленiя намъ войны, а помириться уступя все и безъ нихъ бы умѣли".

„Третiй каналъ нашъ есть здѣшнiй великiй верникъ и вистiарiй Стурдза. Онъ всегда казался преданнымъ Россiи и былъ обнадеженъ покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ, что съ выгодою можетъ переселиться въ имперiю Вашего Величества. Будучи женатъ на сестрѣ драгомана Порты Мурузи, сомнительно теперь, чтобы онъ переселился, когда сей драгоманъ назначенъ уже господаремъ, хотя онъ и теперь продолжаетъ увѣрять въ своемъ намѣренiи. Получая отъ сего боярина извѣстiя посредствомъ подполковника Бароцци, я то только ему пересказывать велю, что̀ прилично для вне-

чатлѣнія въ Туркахъ страха и охоты скорѣе кончить. Впрочемъ, драгоманъ Порты есть сущій Турокъ, какъ и большая часть Цареградскихъ Грековъ. Онъ не облегчалъ дѣла, но затруднялъ своими внушеніями, особливо артикулъ о Молдавіи, увѣряя Турецкихъ полномочныхъ, что теперь имъ года два нельзя помышлять о починкѣ крѣпостей, ибо привяжутся къ слову тягостей; а ежели и подъ видомъ найма пошлютъ, то уже теперь Россія владѣетъ на Днѣстрѣ — легко обольстить работниковъ и переселить ихъ на свою сторону, въ чемъ и помѣшать трудно. Онъ началъ было на конференціяхъ самъ мѣшаться въ споры, но наши полномочные точно ему сказали, чтобъ онъ переводилъ рѣчи взаимныя, а инако ихъ сторона будетъ сильнѣе: тогда противу нашихъ трехъ четверо отъ нихъ говорить станутъ“.

Въ особомъ донесеніи, отъ того же 21 Ноября 1791 года, Безбородко извѣщалъ Екатерину о ходѣ своихъ переговоровъ по Польскимъ дѣламъ: „Съ 8 Ноября находятся здѣсь Польскіе: польный гетманъ Ржевусскій и артиллеріи генералъ Потоцкій. Я отдавалъ имъ на волю, хотятъ ли они оставаться здѣсь инкогнито, или же инако; но они сочли, что какъ великій гетманъ графъ Браницкій, здѣсь уже находившійся, зналъ о пріѣздѣ ихъ, да они же не скрываютъ ни образа мыслей ихъ, ни того, что они единственно полагаютъ надежду на высочайшее покровительство Вашего Императорскаго Величества, то и нѣтъ препятствія имъ жить въ Яссахъ. Должно имъ отдать справедливость, что ведутъ себя тихо и скромно, не любопытствуя ни сами, ни чрезъ другихъ о теченіи дѣлъ. Часто пріѣзжаютъ ко мнѣ обѣдать и провожать вечеръ; а между тѣмъ имѣлъ я случай говорить съ ними о дѣлахъ ихъ. Сообщая имъ, что̀ именно сказано было въ рескриптѣ 18 Іюля сего года покойному генералу-фельдмаршалу, князю Потемкину-Таврическому объявить имъ, я, однакожъ, не говорилъ имъ тутъ упомянутаго, между прочимъ, въ концѣ резолюціи высочайшей на 9 пунктѣ представленій Потоцкаго, что „если недовольные нынѣшнею формою правленія откроютъ на дѣлѣ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не должно уже будетъ отлагать вашего дѣятельнаго пособія“: опасался, чтобъ они, взявъ за поводъ такое израженіе, не затѣяли хлопотъ преждевременно и для того ограничилъ мою конференцію, во первыхъ, въ общихъ увѣреніяхъ въ особливомъ благоволеніи Вашемъ къ нимъ и ко всѣмъ добрымъ патріотамъ и въ одобреніи ихъ образа мыслей касательно произведенной въ Польшѣ революціи; объ осторожности, съ каковою Ваше Императорское Величество уклонилися отвѣтствовать курфирсту Саксонскому, что̀ и держитъ дѣло неконченнымъ; о препятствіяхъ на настоящее время дѣятельно за нихъ вступиться сильнымъ образомъ, покуда не будутъ у насъ развязаны руки миромъ съ Портою; что, по достиженіи сего случая, удобность откроется сдѣлать ближайшія съ ними постановленія, а между тѣмъ чтобы они составили свой подробный планъ, который я бы могъ съ ними искренно уважить и потомъ внести на всемилостивѣйшее Ваше разсмотрѣніе. Ничего я не упустилъ къ убѣжденію ихъ въ доброхотствѣ Вашего Величества къ націи Польской. Они были

довольны моими изъясненіями и обѣщали дать свой проэктъ. Ржевусскій мнѣ сказалъ, что намѣреніе ихъ есть, дабы Потоцкій былъ шефомъ конфедераціи; ибо, по твердости его и по способамъ, всѣхъ онъ надежнѣе. Оба они рѣшилися явно противиться нынѣшнему насильствомъ установленному правленію. Гетманъ Браницкій разговаривалъ со мною также часто о дѣлахъ своего отечества, изъявляя свою благонамѣренность. Я не открывалъ ему ничего, о чемъ съ Ржевусскимъ и Потоцкимъ объяснялся, а твердилъ только о милостивомъ расположеніи Вашего Величества къ нему и къ дому его. Тутъ онъ просилъ меня засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ его нелицемѣрную преданность и готовность (если Вы въ Польскія дѣла вступиться изволите) собою жертвовать. Онъ думаетъ, что какъ Ржевусскій и Потоцкій суть самые ревнительные и надежные люди для дѣйствія въ Польшѣ и Украйнѣ, то онъ себя на тоже представляетъ въ Литвѣ, гдѣ онъ можетъ съ генераломъ-поручикомъ Косаковскимъ во многомъ успѣть; требуетъ токмо, чтобы, когда настанетъ часъ къ открытію дѣла, былъ онъ за нѣсколько дней извѣщенъ отъ тайнаго совѣтника Булгакова [36]), дабы могъ онъ уѣхать безвредно, отправя теперь же, завременно, жену и дѣтей въ С.Петербургъ. Ржевусскій и Потоцкій отдаютъ справедливость его патріотическимъ расположеніямъ и способностямъ, приписывая только ему нѣсколько вѣтренности. Но когда они мнѣ сообщили свое сомнѣніе, чтобы въ настоящую бытность графини Браницкой [37]) въ Варшавѣ король не обольстилъ ея своими хитростями, то я имъ совѣтовалъ сего отнюдь не опасаться и навѣрное считать, что она, по породѣ, по благородности и по преданности къ Вашему Императорскому Величеству, никогда не поддастся ни на что, общему нашему дѣлу противное, и что ея поступки были точно такіе во все теченіе нынѣшняго сейма. Впрочемъ, они обходилися весьма дружественно съ гетманомъ Браницкимъ, видѣвся всякій день, хотя, впрочемъ, наблюдая скромность относительно своего плана".

Къ донесенію этому были приложены письма къ Императрицѣ отъ Ржевусскаго и Потоцкаго. Безбородко оканчиваетъ его извѣщеніемъ, что „произведетъ съ ними конференцію", пока Турецкіе уполномоченные будутъ ожидать инструкціи великаго визиря по предмету твердо направленныхъ Безбородкою мирныхъ переговоровъ, и представитъ Императрицѣ желанія, какія на конференціи сообщены ему будутъ Польскими уполномоченными, которые „полагаютъ ѣхать въ Австрійскія земли, чтобы тамъ ожидать рѣшительной отповѣди" [38]).

---

[36]) Тогда посла въ Варшавѣ.

[37]) Графиня Александра Васильевна, ур. Энгельгардтъ.

[38]) Въ письмѣ къ П. А. Зубову, отъ того же 21 Ноября, Безбородко, отказывая ему къ опредѣленіи къ себѣ драгомана Пизани, между прочимъ, пишетъ: „кажется, наша негоціація на путь свой поставлена, хотя много работы и много скуки и хлопотъ еще надобно, чтобъ се докончить".

Вслѣдъ за тѣмъ, препровождая къ Императрицѣ три записки бывшихъ съ 20 числа конференцій [39]), Безбородко, отъ 30 Ноября, доносилъ ей, что „на послѣдней изъ этихъ конференцій, видя неприличныя со стороны Турецкой затѣи", онъ принужденъ былъ совѣтовать нашимъ полномочнымъ взять съ ними тонъ сухой. Наши, встрѣтивъ разные недѣльные споры, прекратили первые конференцію и первые вышли изъ залы, чѣмъ Турки приведены были въ крайнее замѣшательство, да и по всему городу разнесся слухъ, будто негоціація со стороны нашей рушилася. Мы не обослалися съ ними наканунѣ Четвертка, дня, для переговоровъ назначеннаго; но въ Пятницу, 28 Ноября, Турецкіе полномочные первые прислали къ нашимъ сообщить, что, получивъ отъ визиря отповѣдь на артикулъ, до Днѣстра касающійся, желаютъ объ ономъ и о другихъ переговорить и окончить. Конференція нами была принята, и я далъ рѣшительное предписаніе, чтобы, какъ сей пунктъ есть самый главнѣйшій, то въ случаѣ дальнихъ и скучныхъ настояній, однажды пресѣчь оныя, сказавъ, что споры и непринятіе онаго въ такой точно силѣ, какъ отъ насъ предложенъ, конечно заставятъ насъ рушить негоціацію. Полномочные наши сіе исполнили, и Турки, пораженные страхомъ, по изъявленіи сожалѣнія, что визирьское дружеское домогательство осталося безъ всякаго уваженія, сказали, что они согласны. Во мгновеніе былъ оный артикулъ приведенъ въ порядокъ, подписанъ и размѣненъ. По достиженіи, такимъ образомъ, сего верховной важности артикула во всей его силѣ, отвергнувъ всѣ попытки, простиравшіяся до неукрѣпленія земли и до одержанія какой нибудь частицы на берегу, нѣтъ уже, повидимому сомнѣнія, что миръ въ рукахъ нашихъ: ибо Турецкіе полномочные весьма ясно даютъ разумѣть, что они не поспорятъ объ артикулѣ противу Барбаресковъ, если токмо мы отстанемъ отъ требованія нашего, касающагося до Закубанцевъ, коихъ никогда они не согласятся признать независимыми. Я однакожъ не токмо не подаю имъ вида, что мы на семъ основаніи все кончить готовы, но и показываю, что и у визиря и въ Царьградѣ произведу свои настоянія о расположеніи, сходномъ съ нашими желаніями, пунктовъ о помянутыхъ Закубанскихъ народахъ и о денежномъ удовлетвореніи. Въ такомъ намѣреніи послалъ я въ сію ночь курьерами въ Константинополь, подъ видомъ посылки денегъ отъ генерала Каховскаго къ нашимъ плѣннымъ, маіора Кирѣева и переводчика Кирико съ письмомъ моимъ къ министру короля обѣихъ Сицилій, графу Лудольфу, въ которомъ просто увѣдомилъ я его о положеніи нашихъ переговоровъ, и два оставшіеся пункты неоконченными препоручаю дружескому его старанію и добрымъ услугамъ, на случай, буде визирь съ ними отнесется къ султану. Въ самую же сію минуту отправляю подполковника Бароцци съ письмомъ моимъ къ визирю и съ инструкціею, сему полковнику данною отъ меня, какія онъ на словахъ долженъ учинить визирю внушенія къ окончанію дѣла, колико можно, сходственнѣйшимъ образомъ съ пользою Ва-

[39]) Т. е. протоколы конференцій 5, 6 и 7-й, бывшихъ 22, 25 и 29 Ноября.

шего Императорскаго Величества. Не могъ я никакимъ образомъ успѣть, чтобы къ сей реляціи приложить копіи помянутыхъ писемъ и иструкцій [40]), оставя то исполнить съ будущимъ курьеромъ. Донесу только кратко, что желая попытаться, не можно-ли будетъ убѣдить визиря принять отъ насъ декларацію, посредствомъ которой мы предохранимъ право (въ случаѣ набѣговъ Закубанскихъ народовъ и при неполученіи управы) употребить самимъ намъ репрессаліи для наказанія и ускромленія своевольныхъ, а сверхъ того одержать и нѣкоторое денежное удовлетвореніе, счастливымъ себя почту, если Богъ мнѣ поможетъ превзойти такимъ образомъ требованія со стороны Вашего Императорскаго Величества. Впрочемъ же, время не будетъ потеряно; ибо на основаніи ультиматума, да и съ одержаніемъ артикула противу Алжирцовъ, въ три дни трактатъ подписанъ будетъ. Для приданія серьезнаго вида нашимъ требованіямъ дѣлаются всѣ демонстраціи и, можно сказать, весьма убѣдительныя. Я долженъ похвалиться предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ откровенностію и доброю волею генерала Каховскаго. Сообщая другъ другу все, что̀ для пользы службы вашей потребно, мы стараемся оказывать взаимное пособіе. По увѣдомленію моему, что нужны оказательства, велѣлъ онъ двинуть на флотилію четыре баталіона, усилить магазейны, собрать подводы для перевозки разныхъ тягостей и, словомъ, все поставить въ готовность. Завтра пройдутъ мимо квартиръ Турецкихъ уполномоченныхъ 200 орудій полевой артиллеріи, и они чувствуютъ, что срокъ перемирія ни Вашимъ Величествомъ, ни покойнымъ главнымъ уполномоченнымъ отъ Васъ не принятъ за благо и не утвержденъ. Всѣ сіи демостраціи не разстраиваютъ ни выгодъ, ни порядка войскъ, а будь такого свойства, что, Боже сохрани, разрывъ, то при продолженіи нынѣшней теплой и сухой погоды, могутъ, ежели бы по необходимости началися дѣйствія военныя, къ тому послужить, что миръ въ полѣ и подъ звукомъ оружій совершился бы и прежде, чѣмъ визирь успѣетъ созвать свое многочисленное войско. Повторяю, однакожъ, что до сего не дойдетъ, и что мы надѣемся окончить все, не доводя дѣлъ до такой крайности. Въ теченіи прошедшихъ временъ (великій визирь) прислалъ ко мнѣ своего секретаря церемоніальнаго департамента съ письмомъ, въ переводѣ при семъ прилагаемомъ, и съ подарками [41]). Упоминаемый тутъ эгретъ ал-

---

[40]) Копіи съ письма къ графу Лудольфу и инструкцію, данную полковнику Бароцци, я не отыскалъ.

[41]) Въ дѣлахъ главнаго Московскаго архива Минист. Иностр. Дѣлъ не нашлось перевода съ письма визиря, съ которымъ Безбородкѣ были присланы подарки, но сохранилась слѣдующая роспись подаркамъ: 1) цвѣтокъ, брилліантами осыпанный, съ тремя вѣтвями, работанный въ Голландіи; 2) шаль-ризай, съ красными полосами; 3) желтая шаль съ цвѣтами; 4) бѣлая шаль съ цвѣтами; 5) шаль безъ цвѣтовъ, называемая хасанъ-шлей; 6) бѣлая шаль безъ цвѣтовъ; 7) голубая шаль; 8) сувай, Индѣйская матерія, съ золотомъ, вишневаго цвѣта; 9) сувай Индѣйская съ частыми золотыми полосками; 10) билдаръ Индѣйскій съ золотомъ; 11) другой такой же съ золотомъ; 12) сувай зеленая съ цвѣтами; 13) Алепская сувай,

мазный стоитъ, по мнѣнію здѣшнихъ ювелировъ, до четырехъ тысячъ рублей. Матеріи же оставлены на нѣсколько дней въ карантинѣ для провѣтренія и окуренія. Сказываютъ, что состоятъ въ разныхъ и одинъ на другой непохожихъ малыхъ кускахъ. Во взаимность послалъ я ему съ подполковникомъ Ширяемъ, при письмѣ въ копіи у сего слѣдующемъ, часы бриліантовые въ 8000 р., мѣхъ соболій въ 3000 р. и 40 соболей Камчатскихъ въ 600 р.“

Безбородко окончилъ это донесеніе извѣстіемъ объ удовольствіи совѣтника посольства Машкова, согласно волѣ Государыни [42]), переѣхать на службу въ Парижъ.

„Онъ трудился здѣсь много“ (продолжаетъ Безбородко свое донесеніе) бывъ отъ меня представленъ для управленія протоколами конференцій и счастливымъ себя почитаетъ, что Вашему Величеству благоугодно обратить на него вниманіе избраніемъ его къ служенію въ самомъ нынѣ трудномъ мѣстѣ; во вторыхъ, что по крайней мѣрѣ онъ дождался здѣсь того времени, въ которое мирная негоціація стоитъ уже при дверяхъ благополучной развязки. Способности и усердіе его къ службѣ видны во всякомъ случаѣ, гдѣ онъ употребленъ былъ“ [43]).

„Сказавъ выше о стеченіи дѣлъ многихъ въ одно время по мирной негоціаціи, я долженъ присовокупить, что никакъ успѣть не могу донести Вашему Величеству по дѣламъ Польскимъ. Чѣмъ далѣе вхожу я въ нихъ, тѣмъ съ бóльшимъ убѣжденіемъ предусматриваю, что съ окончаніемъ мирной съ Портою негоціаціи и сіи дѣла доброе воспріимутъ теченіе. Благоразуміе, твердость и честность двухъ начальниковъ нашей партіи, особливо же Потоцкаго, много обѣщаютъ. Они трудятся въ составленіи плана, внемля совѣтамъ моимъ, чтобъ терпѣливо ожидать, покуда руки наши развязаны будутъ“.

Въ тотъ же день, 30 Ноября, вмѣстѣ съ приведеннымъ донесеніемъ Императрицѣ, Безбородко отправилъ письмо къ Зубову. „Сегодняшнее мое донесеніе докажетъ вамъ, м. г. мой, что миръ въ карманѣ; но, имѣя его въ рукахъ, для чего же не попытаться вытя-

---

съ цвѣтами; 14) сувай вишневаго цвѣта; 15) пепенъ Цареградскій съ золотомъ; 16) четари, Индѣйская матерія; 17) мехтеръ-ханъ, Индѣйская матерія; 18) такая же матерія, называемая гези; 19) двѣ стклянки лучшаго розоваго масла; 20) двѣ банки розовой воды.

[42]) Въ особомъ рескриптѣ къ графу Безбородкѣ, отъ 13 Ноября 1791 года, Императрица выяснила поводъ, вызвавшій въ ней желаніе видѣть Машкова въ Парижѣ: „Какъ король Шведскій мнѣ предлагаетъ отозвать изъ Парижа нашихъ министровъ (его и моего) и я на то согласилась; вице-канцлеру, однако-бы, хотѣлось на мѣсто Симолина оставить повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, Дубровскаго же къ тому не находитъ никакъ способнымъ, паче же по цифирной переписи, а Машковъ съ вами уѣхалъ, то спросите у Машкова, не поѣдетъ-ли онъ паки въ Парижъ? И если онъ хочетъ, и вы можетъ быть безъ него, то отправьте его сюда“.

[43]) Мѣсто Машкова занялъ знаменитый впослѣдствіи графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, писавшій протоколы послѣднихъ Ясскихъ конференцій. *П. Б.*

нуть что-либо и лишнее сверхъ ультимата? Покуда я получу отвѣтъ отъ визиря, станемъ приводить въ порядокъ уже весь трактатъ, чтобъ, за пріѣздомъ курьера, тотчасъ и подписать было можно. Я забылъ въ реляціи Ея Величеству донести, сколько трудно съ Турками дѣла дѣлать, что, при гордости и трусости, они-же еще и плутишки: составляя артикулъ о свободѣ плѣнныхъ, выскоблили въ своемъ экземплярѣ между именованіями христіанъ Грузинцевъ. Я завелъ съ ними шумъ чрезъ посылку нарочныхъ къ рейсъ-эфендію съ товарищи, что, когда положено сей артикулъ сдѣлать по тому, какъ въ Кайнарджи сдѣланъ, то на что они выключили? Они сперва поспорили, говоря, что ежели отдавать имъ обоего пола невольниковъ Грузинскихъ, то станутъ осматривать и обирать ихъ, а можетъ быть и султанскіе гаремы, и что для сего при Петерсонѣ и Стахіевѣ на подобные случаи, по взаимному соглашенію, положено было Грузинъ не отдавать. Я сказалъ имъ, что сему теперь быть нельзя и, по многимъ спорамъ, принудилъ ихъ поставить Грузинцевъ. Рейсъ-эфендій послѣ говорилъ, чтобъ меня просить, дабы я не писалъ къ визирю, который за все къ нимъ привязывается. Отправивъ теперь къ визирю, покуда буду имѣть отвѣтъ, заимусь разборомъ Горскихъ и Персидскихъ посланцевъ, которыхъ здѣсь много. Объ архіереѣ Екатеринославскомъ прошу доложить, что викарій его уѣхалъ съ тѣломъ княжимъ; а какъ ему поручена по именному указу митрополія здѣшняя отъ князя, то не лучше-ли ему остаться до вывода войскъ? А между тѣмъ онъ думаетъ, что теперь время исполнить указъ, 1789 г. отъ Ея Величества данный, о посвященіи здѣсь весьма вѣрнаго Сербскаго архимандрита Гавріила сперва епископомъ, а потомъ и митрополитомъ, дабы намъ своего здѣсь оставить. Бояра его весьма любятъ, и покойникъ только не исполнилъ тогда указа, по его представленію даннаго, отчасти за своими поѣздками, а отчасти за приборами къ посвященію, съ дня въ день отлагая. При отправленіи сего получилъ я курьера отъ 20 Ноября изъ С.Петербурга [44]). Писавъ двое сутокъ не переставая, не въ силахъ отвѣчать по содержанію писемъ, мною полученныхъ. Я прошу повергнуть къ стопамъ монаршимъ должную благодарность мою за всемилостивѣйшее одобреніе моего поведенія. Сколько силъ и понятія станетъ, радъ истощить ихъ къ заслуженію благоволенія Государыни“.

4 Декабря Безбородко получилъ два новые рескрипта отъ Екатерины: одинъ собственноручный, а другой за ея подписью. Въ послѣднемъ Императрица отвѣчала ему на реляцію отъ 12 Ноября и какъ бы соглашалась отказаться отъ денежнаго удовлетворенія и отъ артикула о Закубанцахъ. „Изъ послѣдней реляціи вашей (писала Екатерина) отъ 12 минувшаго Ноября, видимъ мы, что къ совершенію мира встрѣчаются съ Турецкой стороны затрудненія главнѣйше по двумъ статьямъ: 1) о независимости Закубанскихъ народовъ и 2) о денежномъ удовлетвореніи за убытки, войною по-

[44]) Курьеръ изъ С.Петербурга отъ Императрицы былъ отправленъ 19 Ноября, какъ означено на самыхъ рескриптахъ, а не 20-го.

несенные. Пріемля за благо все то, что̀ по сю пору учинено вами при мирной негоціаціи, мы находимъ нужнымъ по означеннымъ только двумъ артикуламъ изъяснить вамъ мысли наши. По первому, въ случаѣ неопреодолимой упорности къ одержанію онаго, полезно-бы было, если-бъ, покрайней мѣрѣ, можно довести Турецкихъ полномочныхъ на постановленіе въ договорѣ, чтобъ или Порта отвѣчала за всѣ неустройства и набѣги, которые отъ тѣхъ народовъ могутъ иногда намъ причинены быть, или (бы Турки) предоставили намъ самимъ право обуздывать и усмирять ихъ, не почитая таковаго наказанія за нарушеніе съ нею мирнаго трактата. Относительно втораго, то есть удовлетворенія денежнаго, оное не упоминалось въ негоціаціи нашей съ Англіею и ея союзными дворами или, лучше сказать, въ нашемъ ультиматѣ, не только тѣмъ дворамъ, но всей Европѣ торжественно объявленномъ; и хотя сіе Туркамъ предложено конечно въ облегченіе другихъ артикуловъ и для низложенія разныхъ Турецкихъ затѣй, но тѣмъ не меньше подаетъ причину недоброхотствующимъ намъ оглашать насъ съ худой вѣры, аки бы мы въ словѣ не устояли. Не смотря однакожъ на сіе, мы одобряемъ поведеніе ваше въ производствѣ сей негоціаціи, приписывая оное усердному желанію кончить скорѣе мирное дѣло, въ которомъ, не связывая вамъ рукъ, мы совершенно надѣемся на ревность вашу къ славѣ и пользѣ нашей и на дознанное нами искусство ваше, что, при сохраненіи въ полной и ненарушимой силѣ ультимата нашего, не упустите вы воспользоваться, если только окажется возможность, къ одержанію и сверхъ онаго чего либо выгоднаго для государства нашего, и что труды къ трудамъ приложите для скорѣйшаго совершенія вожделѣннаго мира, въ чемъ Всемогущій Богъ, вѣдающій искреннія наши желанія и справедливыя намѣренія, да подастъ вамъ благополучный успѣхъ“.

Въ другомъ рескриптѣ, Екатерина уже выражала „опасность“ относительно требованія уплаты 12 милліоновъ. „Письма ваши, отъ 12 Ноября до меня доставлены, изъ которыхъ видѣла все производство мирной негоціаціи до того дня и что, по предложеніи всѣхъ статей, Турецкіе полномочные отправили курьеровъ къ визирю и въ Царьградъ, можетъ быть. Признаюсь, что я опасаясь, что недоброжелатели наши, по случаю предложеній о удовлетвореніи въ 12 милліоновъ, скажутъ, что мы, сказавъ два года, что болѣе не требуемъ, нежели всей Европѣ объявили, теперь перемѣнили свой голосъ, требуя великую сумму, о коей прежде вовсе не упоминали; но чрезъ сіе думать надобно, что Турки убавятъ прихотей о бичевникѣ по Днѣстру, да и независимость Закубанскихъ народовъ обдержимъ“.

Сказавъ за тѣмъ о посылкѣ креста [45]), Императрица продолжаетъ: „Усердіе генералъ-маіора Попова соотвѣтствуетъ и въ семъ

[45]) Крестъ этотъ предназначался священнику Филоѳею Владевичу, аттестатъ котораго былъ препровожденъ Безбородкою Екатеринѣ, при донесеніи изъ Яссъ отъ 12 Ноября. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д. (IX, 14) сохранился собственноручный рескриптъ Екатерины о крестѣ: „Сему священнику послать

случаѣ моему о немъ мнѣнію. Я бы желала, чтобъ, отдѣлавшись скорѣе тамо, онъ-бы возвратился сюда: понеже мы здѣсь такъ занесены дѣлами, что нерѣдко въ сутки часовъ по пятнадцати на силу сквозь чтеніе пройдетъ. Скажите мнѣ, что у васъ съ Поляками происходитъ и имѣете-ли вы съ ними переговоры? Кой часъ миръ заключится, ихъ дѣла важны становятся. А у короля проэктъ за проэктомъ родится. Видя, что курфирстъ съ трудомъ приметъ корону, уже поговариваетъ выбрать кого иного. Я приказала къ вамъ отправить копію отъ Булгакова привезенныхъ депешъ. Марковъ говоритъ, чтобъ заготовить партію въ Польшѣ и дѣлать внушеніе дворамъ; а я говорю, чтобъ дворамъ не сказать слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобы не было людей, кои-бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ староствъ и о уничтоженіи гетмановъ. Папа отсовѣтываетъ вводить Греческихъ епископовъ въ Польшѣ и подчинить ихъ Цареградскому патріарху; ему надо унію. Вѣдь кажется тутъ, въ Волыніи и Подоліи, много разныхъ предлоговъ; лишь выбрать. Я приказала сдѣлать выпись изъ поведенія Польши въ разсужденіи насъ отъ 1787 года.—Кто-бы думалъ, что Бецкій и князь Вяземскій переживутъ князя Потемкина и графа Брюса? А сей, по десятидневной болѣзни, скончался, въ Андреевъ день, по утру, къ всеобщему прискорбію всего города. Онъ былъ дежурный, когда занемогъ, и прислалъ ко мнѣ трость, а предъ тѣмъ за три дни обѣдалъ у Стрекалова, откудова, садясь въ карету, ушибъ ногу; къ сему пристала рожа и подагра. Смѣнясь изъ дворца, поѣхалъ домой и началъ бредить; доктора, бывъ призваны, нашли, что ниже ушибленнаго мѣста уже антоновъ огонь, а подагра въ желудокъ.—Вѣнскій дворъ, въ отвѣтѣ своемъ, всѣ возможныя непріятныя намъ дѣла упоминаетъ, даже женитьбу принца Оранскаго на дочери герцога Курляндскаго: симъ хотѣлъ, кажется, мстить за то, что къ оному послана была копія съ письма моего къ королю Прусскому, гдѣ хваленъ поступокъ короля Прусскаго въ Голландіи, по дѣлу его сестры. А по дѣламъ Французскимъ Вѣнскій дворъ пишетъ и дѣлаетъ такія противорѣчія, которыя ни на что не похожи. Рѣчамъ же императора впредь мало вѣры дать можно. По его домогательству и предложенію, мы вошли въ сіи дѣла; ни противорѣчить, ни перемѣнить наше поведеніе я не нахожу пристойно; еще менѣе плясать по перемѣнчивой Италіянской махіавелизмѣ, которая, сдѣлавъ шагъ впередъ, поворачивается искось, не смотря на то, теряетъ-ли достоинство и пристойности. Разумовскій пишетъ въ одномъ письмѣ изъ Вѣны сюда: les mots de magnanimité et de grandeur d'âme sont ignorés ici [46]). Я васъ спрашиваю, то ли объ насъ донынѣ говорили? И тѣмъ ли наша братія кредитъ въ людяхъ, въ своихъ и чужихъ, пріобрѣтаютъ? Стопы бы я написала къ вамъ, ежели бы

крестъ на Георгіевской лентѣ на шею, какъ священникамъ дается, и оный послать къ В. С. Попову. Я думаю что посланному кресту подобный есть у камердинеровъ моихъ".

[46]) Слова великодушіе и возвышенность чувствъ здѣсь неизвѣстны.

я вамъ все то сказала, что̀ я думаю о семъ Вѣнскомъ отвѣтѣ. Читавъ оный, я двѣнадцать страницъ своею рукою написала. Сказываютъ, самъ посолъ стыдится и безотвѣтенъ, а только сказываетъ: quel intérêt si pressant avez-vous de prendre si fort à coeur les affaires de France? A ceci je réponds: C'est d'après la réquisition de la cour de Vienne, que je m'y suis engagée. Je ne saurais changer d'avis tous les quinze jours, comme une girouette; et plus encore, quand je prévois que dans quinze autre jours vous changerez derechef d'avis: car il est impossible que le roi et la reine de France ne s'enfuyent de nouveau de Paris, parce que leurs jours sont plus menacés que jamais par les républicains, qui ne veulent pas de rois dutout et qui prennent parfaitement le-dessus à Paris. Alors que fera l'empereur? Les fera-t-il gouverneurs des Pays-Bas [47])?"

„Платонъ Александровичъ дней пять или шесть лежитъ въ постелѣ; жаръ, и голова опухла; однако, надѣюсь, что опасности никакой нѣтъ. Я здорова, но желаю, чтобъ сіе тяжелое время скорѣй прошло. У насъ донынѣ прямой зимы нѣту. Рѣка вскрылась и закрывалась безсчетные разы, и попеременно таетъ и мерзнетъ; градусъ одинъ, а много когда два или три. Прощайте. Когда миръ созрѣетъ, я надѣюсь, что не пропустите минуту оный заключить".

„P. S. Что ранѣе не отвѣтствовала, тому причины праздники и другія помѣшательства разныя".

Не получивъ еще этихъ рескриптовъ, Безбородко, 8 Декабря, отправилъ къ своему другу графу А. Р. Воронцову,письмо, проникнутое тревожнымъ опасеніемъ за свою репутацію, по поводу розысканій экстраординарной суммы, произведенныхъ Михаиломъ Потемкинымъ. Сказавъ въ началѣ письма, что онъ ожидаетъ возвращенія лицъ, посланныхъ къ великому визирю и занимается разборомъ „навезеннаго изъ Дагестана народа, который тѣмъ труднѣе разобрать, что по два отъ разныхъ одного народа владѣтелей наслано, изъ коихъ одинъ другаго именуетъ самозванцемъ", Безбородко продолжаетъ: „Между тѣмъ былъ я свидѣтелемъ сценъ, которыя, хотя, для меня постороннія, но изъ осторожности, чтобы злость Михаила Потемкина не нашла тутъ чего нибудь къ моему предосужденію, принужденъ я безпокоить ваше сіятельство, въ случаѣ надобности, за меня вступиться и графа Николая Ивановича (Салтыкова) заранѣе предварить. Потемкинъ требовалъ отъ Василія Степановича (Попова) подробныхъ вѣдомостей объ экстраординарной суммѣ. По многимъ между ними спорамъ и непріятнымъ

---

[47]) Какая вамъ особенная нужда принимать такъ сильно къ сердцу дѣла Франціи? На это я отвѣчаю, что вошла въ эти дѣла вслѣдствіе требованія Вѣнскаго двора. Я не въ состояніи, какъ флюгеръ, мѣнять убѣжденія каждыя двѣ недѣли, тѣмъ болѣе что предвижу, что чрезъ другія двѣ недѣли вы измѣните убѣжденія: ибо невозможно, чтобы король и королева Французскіе не бѣжали опять изъ Парижа, такъ какъ ихъ жизнь, болѣе чѣмъ когда либо, въ опасности отъ республиканцевъ, которые не хотятъ совсѣмъ короля и вполнѣ преобладаютъ въ Парижѣ. Что̀ будетъ дѣлать тогда императоръ? Или онъ назначитъ ихъ правителями въ Нидерланды?

перепискамъ, Василій Степановичъ доставилъ ему многочисленныя вѣдомости съ тѣмъ самымъ подполковникомъ, который имѣлъ на рукахъ счеты. Потемкинъ тутъ сдѣлалъ великую непристойность, нашедъ въ двухъ, что написана заплата за поставленное мною для госпиталей и на порціи вино, сказавъ: „Гдѣ оно? Я чаю, ничего не бывало. Конечно, онъ (говоря обоимъ) за то въ дружбѣ съ Поповымъ". Быть можетъ, что сей коварный человѣкъ зачнетъ меня марать; но вы знаете, что я пользовался прибылью, какая всякому помѣщику и всякому частному хозяину или частному человѣку позволена и свойственна. Ставилъ я продукты свои изъ выслуженныхъ своихъ имѣній и гораздо совѣстнѣе тѣхъ барышей, которыми родня его за подряды провіантскіе корыстовалася. Неужели тутъ найдутъ чѣмъ меня упрекать? Пусть спросятъ отъ меня объясненія, а не спрося не винятъ. Надобно, чтобы было уже что нибудь закинуто подобное и до моего отъѣзду, потому что крѣпко приказано было Потемкину прежде меня въ Яссы выѣхать скорѣе; въ своеручномъ указѣ, ему данномъ, сказано, чтобы онъ старался исполнить ему порученное и не давалъ себя никому сбивать. Хорошо-бы было очень, ежели бы мнѣ за мой подвигъ, отъ усердія проистекшій, заплатили подозрѣніемъ или обвиненіемъ въ дѣлѣ, гдѣ никто въ моемъ состояніи виннымъ быть не можетъ. Я сіе дѣло поручаю вашей дружбѣ, зная, что вы сами лучше все знаете, какъ сдѣлать. Поповъ скоро ѣдетъ и тамъ все лучше объяснить можетъ. Вы не повѣрите, сколько сей негодяй мнѣ пакостей дѣлалъ. Увидѣвъ, что не могъ отвратить отъ повиновенія мнѣ ни Самойлова, ни Рибаса, и что они оба его негодные поступки мнѣ открыли, переталъ говорить съ послѣднимъ, а первому выговаривалъ, что онъ ему открывалъ все по родству и зная положеніе вещей, да и былъ удостовѣренъ при отъѣздѣ, что тому такъ и быть слѣдовало. Хотѣлъ даже внушить, что ему свыше то разумѣть дали. При всемъ томъ ко мнѣ ѣздилъ и вездѣ, гдѣ меня звали, старался быть. Ваше сіятельство сами судить изволите, сколько мнѣ подобныя пакости чувствительны быть должны; но я ни о чемъ, кромѣ о благополучномъ дѣла моего окончаніи, не забочусь; а положилъ, по окончаніи его, написать прямо, сколько мнѣ было помѣшательствъ и досадъ отъ подобной твари. Прощайте и не оставьте меня увѣдомленіемъ о полученіи сего письма".

Письмо это наводитъ на мысль, что интрига противъ Безбородки, начатая еще при жизни князя Потемкина, не давала ему покоя и въ Яссахъ, и что даже одного изъ ближайшихъ своихъ пособниковъ по заключенію мира съ Турками онъ долженъ былъ считать сторонникомъ своихъ недоброжелателей. Какъ ни осторожно выражался Безбородко, но нельзя не замѣтить, что въ интригѣ противъ него, еще до выѣзда изъ Петербурга въ Яссы, Императрица принимала уже дѣятельное участіе, снабдивъ Потемкина указомъ, съ крѣпкимъ предписаніемъ никому не давать себя сбивать. Естественно, что интрига породила и клевету; а гдѣ клевета, тамъ и преувеличеніе и искаженіе фактовъ. Въ приведенномъ письмѣ есть несомнѣнное указаніе на добросовѣстность Безбородкинскихъ поста-

вокъ для арміи; въ противномъ случаѣ не достало-бы у него присутствія духа говорить Воронцову о своихъ болѣе совѣстливыхъ барышахъ сравнительно съ барышами Потемкинской родни. Но во имя справедливости нельзя не замѣтить, что молва о денежныхъ захватахъ Безбородки въ Крыму ходила даже между иностранцами [48]). Всего вѣроятнѣе думать, что соленыя озера и поставка продуктовъ въ армію были въ рукахъ Безбородки предметомъ умной и честной коммерціи, такъ какъ не имѣемъ никакого документальнаго основанія утверждать противное или даже хоть отчасти заподозривать добросовѣстность его по отношенію къ упомянутымъ предметамъ.

Что̀ думала объ этомъ Императрица, она даже и намеками не высказывала въ своихъ письмахъ, которыми продолжала удостоивать Безбородку. Въ тотъ же самый день, въ который Безбородко отправлялъ письмо къ графу Воронцову, т. е. 8 Декабря, Екатерина въ отвѣтъ на донесеніе его, отъ 21 Ноября, собственноручно писала ему слѣдующее: „Лишь только что написано было мое письмо отъ 4 Декабря, когда и курьеръ вашъ съ письмами отъ 21 Ноября прибылъ, по которымъ кажется, что надежда есть, что вашъ трудъ увѣнчанъ будетъ успѣхомъ, къ чему конечно твердые и рѣшительные ваши отзывы много способствуютъ. Мнѣ кажется, Турки вяще упрямятся на всѣ тѣ нелѣпые артикулы, которые Англія и Пруссія выдумали: дификультеты, кои нами уже опровергнуты всякій разъ, когда объ оныхъ рѣчь настояла. Изъ сего я заключаю, что Турки, хотя со вредомъ своимъ, спознать могли, каковы имъ коварные совѣты тѣхъ дворовъ; но однако, все еще оные въ нихъ дѣйствительнѣе, нежели чувство нужды скораго мира; а можетъ статься, что часто спорятъ лишь для сбереженія своихъ головъ. Благоразумнымъ вашимъ поведеніемъ и отчетомъ, мнѣ даннымъ, я весьма довольна. Продолжайте, какъ начали, и я надѣюсь, что Богъ увѣнчаетъ дѣло ваше успѣхомъ. Съ удовольствіемъ вижу, что въ шестой конференціи одержаны облегченія тягостей Молдавіи и что срокъ переселяющимся для продажи имѣній назначенъ. Барбарейцы нынѣ объявили войну Шведамъ и Французамъ въ самое то время, когда у насъ о нихъ идетъ условіе съ Турками. Касательно двухъ пунктовъ Закубанскихъ народовъ я инаго не скажу, какъ только то вамъ напомню, что я люблю, для сохраненія довѣрія къ Россіи и ко мнѣ, колико возможно точнѣе сохранить данное единожды обѣщаніе; и такъ стараться надлежитъ и симъ народамъ доставить обѣщанное. Объ удовлетвореніи денежномъ мои

[48]) Въ сочиненіи: Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II, переведенномъ съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ въ Кобленцѣ, въ 1799 году, между прочимъ сказано: „Графъ Безбородко получилъ подъ Херсономъ помѣстье, гдѣ было соленое озеро, отдаваемое имъ на откупъ за 15.000 рубл. въ годъ. Потому говорили, будтобы князь Потемкинъ получалъ доходы съ соляныхъ озеръ Крыма, доставлявшихъ годично 300.000 рубл. и составлявшихъ почти весь доходъ Крыма. Вотъ почему вдругъ Потемкинъ и Безбородко сдѣлались друзьями“. (стр. 166 и 167).

мысли изъяснены въ предыдущемъ письмѣ отъ 4 Декабря, и я вижу, что вы сами обѣщаете, елико возможно, паче же по дѣламъ Закубанскихъ народовъ, одержать сходственное моимъ предположеніямъ. Когда Порта не умѣетъ Закубанцевъ удержать отъ шалостей и шаткости, ни оборонить ихъ во время войны, то тѣмъ самымъ не потеряла-ли она права требовать подданства ихъ? И можетъ ли она препятствовать намъ наказать ихъ, когда они предъ нами виноваты будутъ въ набѣгахъ и нарушеніи сосѣдственнаго покоя? И не лучше ли ей не компрометироваться съ нами всякій разъ и тѣмъ свѣту показать естественную ея нынѣшнюю слабость? А конечно лучше, чтобъ тѣ народы остались барьеромъ между обѣихъ имперій, не причитая ихъ ни къ которой; а Суджакъ пусть останется по силѣ акта о Крымѣ, либо положится въ барьеръ-же. По случаю вѣстей о язвѣ надлежитъ взять всѣ возможныя осторожности; какъ вы о томъ дали знать генералу Каховскому, то надѣюсь, что взятіе мѣры достаточно будетъ для предохраненія отъ заразы. Опасность сія, по крайней мѣрѣ, та, которая отъ частаго сообщенія съ визиремъ родиться можетъ, предохранится скорымъ заключеніемъ мира, котораго вы поспѣшить старались, поставляя срокомъ 10-ое или одинадцатое Декабря, и отвѣтъ Турецкихъ полномочныхъ былъ довольно разумный и доказываетъ, что они не отдалены отъ дѣйствительнаго заключенія. Посылка къ визирю Бароцція сіе болѣе объяснитъ, паче-же добро ожидаю отъ посылки вашего курьера къ графу Лудольфу, Неаполитанскому министру. Сей дворъ намъ оказывалъ въ нынѣшнее время болѣе прочихъ дружбы и чистосердечія".

При донесеніи отъ 9 Декабря Безбородко препроводилъ къ Императрицѣ протоколы четырехъ конференцій и выразилъ увѣренность, что пунктъ объ Африканскихъ морскихъ разбойникахъ „кончится къ пользѣ и безопасности торговли вѣрныхъ подданныхъ" Ея Величества, ссылаясь на протоколы, какъ на свидѣтельство того, „что все мирное дѣло приведено уже въ полную готовность къ окончанію", и что „по прибытіи отповѣди отъ визиря, немного дней надобно будетъ, чтобы подписать договоръ", и потомъ сообщаетъ: „Между тѣмъ продолжаемыя военныя пріуготовленія съ большою дѣятельностію содержатъ ихъ въ великомъ страхѣ. Визирь писалъ къ нимъ (къ Турецкимъ уполномоченнымъ), что, слыша отвсюду о движеніи войскъ и артиллеріи нашей, подвозѣ провіанта и совершенной къ походу исправности, принужденъ и самъ употреблять всѣ способы, хотя и трудные по настоящему времени, къ собранію околичныхъ войскъ, поручая имъ стараться проникать прямыя намѣренія наши. По увѣренію извѣстнаго канала нашего, они отвѣтствовали, что, по всѣмъ словамъ и отзывамъ нашимъ, заключаютъ они, что мы упорно стоять будемъ въ остальныхъ трехъ пунктахъ, и что однимъ посредствомъ рѣшительныхъ имъ наставленій можно окончить дѣло; да и можетъ быть найдется способъ къ умягченію хотя нѣсколько нашихъ требованій. Сей самый каналъ сообщалъ намъ, что съ послѣднимъ курьеромъ имѣли они изъ Константинополя письма о присылкѣ къ Портѣ депутата или, какъ они

называютъ, посла отъ царя Карталинскаго. Ваше Императорское Величество видѣть изволили изъ рапортовъ, въ свое время къ покойному генералу-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому отъ генерала Гудовича присланныхъ, что сей владѣтель намѣренъ былъ отозваться къ Портѣ о запрещеніи безпокоить его области. Мы таковое откровеніе его приняли безъ всякаго уваженія".

Обратившись затѣмъ въ донесеніи къ дѣламъ Польскимъ и сказавъ, что Ржевусскій и Потоцкій занимаются составленіемъ подробныхъ плановъ для своей послѣдующей дѣятельности, Безбородко пишетъ: „Оба они получили позывъ на $^{14}/_{25}$ Генваря въ Варшаву; но положивъ непремѣнно не токмо не присягать новой конституціи, напротивъ того искать всѣми способами ее отвергнуть, намѣрены они остаться здѣсь до подписанія мира, а за тѣмъ ѣхать ко двору Вашего Императорскаго Величества въ образѣ простыхъ путешественниковъ и тамъ просить всемилостивѣйшаго покровительства. Между тѣмъ, пріѣзжаютъ къ нимъ ихъ друзья, коимъ они поручаютъ стараться располагать умы людскіе".

„Благоугодно было Вашему Величеству изъяснить мысли Ваши касательно драгомана Мурузи. Я не упустилъ чрезъ зятя его, вистіарія Стурдзу, сдѣлать всѣ тѣ внушенія, которыми только страхъ на него навести можно. Назначеніе его извѣстно было покойному генералу-фельдмаршалу, но никто не знаетъ, какія его о томъ были мнѣнія; а только вѣдаю, что когда живущій въ Елисаветградѣ господарь Маврокордато прислалъ къ нему письмо, требуя его ходатайства къ доставленію ему у Турокъ княжества Молдавскаго, покойный фельдмаршалъ весьма осердился, почитая сіе прошеніе безразсуднымъ, отъ одной жадности къ деньгамъ проистекающимъ; сказалъ, что, при неизвѣстности удачи сего исканія, то только вѣрное, что ему отрубили бы голову, или бы онъ къ намъ ушелъ, и новыя намъ нанесъ хлопоты. Таковую же просьбу возобновлялъ онъ и въ проѣздъ мой чрезъ Елисаветградъ. Совсѣмъ инако думаетъ другой, ушедшій къ намъ господарь Еммануилъ Россети, извѣстный инако подъ именемъ Манойла-Воды. Онъ какъ къ покойному фельдмаршалу отозвался, такъ и ко мнѣ пишетъ, что, достигши глубокой старости, вкушая покой подъ державою Вашего Императорскаго Величества, при изобильномъ опредѣленномъ ему содержаніи, ничего инаго не хочетъ, какъ, оставшися въ такомъ благополучномъ состояніи до конца дней своихъ, молить Всевышняго о долгоденственномъ и славномъ Вашемъ царствованіи. Пребываніе свое онъ имѣетъ въ Херсонѣ".

Съ курьеромъ, везшимъ реляцію къ Императрицѣ отъ 9 Декабря, Безбородко послалъ письмо и къ Зубову. „Хотя въ ожиданіи возвращенія курьера моего, за Дунай посланнаго и отлагалъ я мое всеподданнѣйшее Ея Императорскому Величеству донесеніе; считаю однакожъ, что по дорогамъ, кои, при продолженіи дождей, начали сильно портиться, пройдетъ нѣсколько дней, а свѣдавъ при томъ, что Михаилъ Васильевичъ (Потемкинъ) и Василій Степановичъ (Поповъ) отправляютъ курьера, посылаю и я съ нимъ мою реляцію,

съ пріобщеніемъ (протоколовъ) бывшихъ конференцій. Между посылкою къ визирю и возвращеніемъ, я было думалъ дней нѣсколько отдохнуть, уставши отъ письма; но вмѣсто того Персидское и Горское посольства, къ покойному князю прибывшія, болѣе меня замучили, нежели Турецкая негоціація. Есть такіе, что надобно доискаться, отъ кого они присланы; есть опять такіе, что изъ одного мѣста двое прибыли, и надобно разобрать, кто законный или не законный; есть опять и наслѣдники послѣ умершихъ здѣсь, и именно изъ Имеретіи. Собираю всѣ рапорты и съ Василіемъ Степановичемъ (Поповымъ) на будущей недѣлѣ доставлю мое мнѣніе. А между тѣмъ, какъ многіе не получали нѣсколько времени кормовыхъ денегъ, стараемся имъ доставить опредѣленное. Не могъ я прежде успѣть въ дѣлѣ семъ для того, что вся эта Азіятская чудь не въ одномъ городѣ Яссахъ, но въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Кременчукѣ; я всѣ способы употребляю тамъ ихъ и удержать до полученія высочайшихъ приказаній“.

Черезъ два дня, именно 12 Декабря, Безбородко вновь писалъ Екатеринѣ: „Въ ожиданіи возвращенія изъ главной квартиры Турецкой посланныхъ отъ меня, удерживался я утруждать Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніемъ. Но какъ по причинѣ продолжающихся съ 1-го Декабря и по сіе время непрерывныхъ теплыхъ дождей, дороги учинились почти вовсе непроѣзжими, сверхъ того, можетъ быть, и по важности дѣла, даже и полномочные Турецкіе болѣе недѣли не получали отъ визиря курьеровъ, долгомъ почелъ я отправить сіе съ приложеніемъ извѣстій Варшавскихъ. По словамъ нашего канала, послѣдній курьеръ, изъ Шумлы 9 Декабря сюда прибывшій, доставилъ имъ полныя наставленія по пункту о корсерахъ Барбарескихъ. Визирь пишетъ имъ, чтобъ они на конференціи старалися съ нами объясниться о причинахъ, для чего у насъ происходитъ движеніе войскъ и знатное усиленіе флотиліи и передовыхъ постовъ, когда, по перемирію, до срока его, можно было-бы довольствоваться только одними малыми оберегательными постами? Но поелику онъ тутъ же говоритъ имъ, что оставляетъ на ихъ разсмотрѣніе по обстоятельствамъ сдѣлать изъ сего приказанія употребленіе, то и отвѣтствовано ему, что никакого полезнаго дѣйствія не предвидятъ они на сей разъ изъ подобнаго объясненія, отлагая оное до крайняго случая. Между прочимъ изражаетъ (будто бы) визирь, что, при дальнемъ настояніи съ нашей стороны на независимость Закубанцевъ и (денежное) удовлетвореніе, нужно будетъ ему приказать въ Константинополѣ находящемуся рейсъ-эфендію заготовить и вручить ноту для посла Англійскаго и министровъ Гишпанскаго и Прусскаго, изъясняя виды наши на вредъ Порты, наипаче касательно независимости горскихъ народовъ. Но каналъ нашъ думаетъ, что уже по первымъ ихъ представленіямъ изъ Царьграда весьма скоро рѣшеніе придетъ; да я и не сомнѣваюсь, что, дождався отъ визиря отповѣди на его посылку, тотчасъ къ окончанію дѣло приведено будетъ. „Написавъ сіе, получаю извѣстіе, что полномочнымъ Турецкимъ присланы отъ визиря курьерами два его чегодаря, которые,

выѣхавъ, въ Пятницу, 12 Декабря по утру, были почти цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Они сказали приставу при Туркахъ, полковнику Лесли, что чрезъ сутки послѣ нихъ имѣло послѣдовать и отправленіе подполковника Бароцци изъ Шумлы и что курьеръ, отъ меня въ Константинополь посланный, выѣхалъ туда за день передъ ними. Безпрепятственное отправленіе моего курьера въ Царьградъ, кажется, служитъ добрымъ признакомъ къ скорому окончанію дѣла. Я далъ комиссію конфиденту нашему развѣдать, буде можно, у канала о содержаніи депешъ, а по прибытіи Бароцци, отправлю и своего нарочнаго со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, если хотя нѣсколько дней еще дѣло замедлиться должно. Но буде окажется удобность приступить тотчасъ къ совершенію мирнаго договора, въ такомъ случаѣ я уже пошлю курьера по окончаніи всего“.

Между тѣмъ, отъ великаго визиря возвратился давно ожидаемый Безбородкою подполковникъ Бароцци. Съ его возвращеніемъ, одинъ изъ Турецкихъ полномочныхъ, Дурри-Заде-Магметъ-эфенди-Рузнамеджи-Эвель, вступилъ въ отправленіе особо возложеннаго на него великимъ визиремъ порученія къ главнокомандующему со стороны Россіи. „По предварительному испрошенію часа“, Дурри-эфенди, 23 Декабря, пріѣхалъ къ Безбородкѣ съ драгоманомъ Порты Мурузи „для изъясненія повелѣній отъ верховнаго визиря, данныхъ Турецкимъ полномочнымъ“ и имѣлъ съ нашимъ главноуполномоченнымъ весьма продолжительный и чрезвычайно интересный разговоръ, вполнѣ сохранившійся въ подлинной дневной запискѣ. Разговоръ этотъ живо рисуетъ дипломатическія силы Безбородки и его оппонентовъ и вмѣстѣ изображаетъ Ясское мирное дѣло въ напряженномъ и въ самомъ любопытномъ его положеніи.

„Дурри-эфенди началъ сообщеніемъ, что визирь, видѣвъ добрый успѣхъ негоціаціи и желая распространить оный, предписалъ имъ окончить артикулъ седьмой, касающійся до корсаровъ Африканскихъ, хотя впрочемъ сей артикулъ не былъ включенъ въ прелиминаріи и хотя въ трактатахъ Кайнарджискомъ и коммерческомъ, нынѣ вновь утверждаемыхъ, имѣются точныя между Россіею и Портою о томъ постановленія“.

„Графъ Безбородко на сіе сказалъ, что онъ радуется, что господинъ верховный визирь рѣшился на окончаніе такого артикула, который есть одинъ изъ составляющихъ ультиматъ Ея Величества, и что весьма бы надобно было сожалѣть, если бы сіе дѣло не такъ кончилось; ибо навѣрное напрасны были-бы всѣ труды, въ мирной негоціаціи понесенные; что ссылка на прелиминаріи тутъ ни къ чему не служитъ. Если-бы прелиминаріи столь достаточными почиталися, что кромѣ написаннаго въ нихъ ни о чемъ иномъ, при составленіи дефинитивнаго договора, и говорить не слѣдуетъ: то какая была бы нужда и заключать дефинитивные договоры? Прелиминаріи бы тогда мѣсто ихъ заняли, вмѣсто того, что они служатъ только основаніемъ къ примиренію и обыкновенно касаются до такихъ артикуловъ, безъ которыхъ ни переговоры начаты, ниже дѣй-

ствія военныя уняты быть не могутъ. Что же принадлежитъ до упоминанія о корсерахъ Барбаресскихъ въ трактатахъ Кайнарджискомъ и торговомъ, опыты доказали, что, не смотря на обнадеживанія, къ обезпеченію нашему тутъ поданныя, все оное на однихъ словахъ оставалося, и мы еще и теперь имѣемъ судно съ грузомъ и людей въ рукахъ сихъ разбойниковъ отъ 1785 года. Слѣдовательно необходимы постановленія, которыя точнымъ образомъ обезпечили-бы насъ отъ убытка и вреда, тѣми корсерами причиняемаго".

„Дурри-эфенди сказалъ, что сіе дѣло къ нашему желанію будетъ кончено, внеся прибавку, нами требуемую, что въ случаѣ неисполненія кантонами Африканскими даваемыхъ отъ Порты фирмановъ, Порта заплатитъ въ мѣсяцъ послѣ рекламаціи министрамъ изъ своей собственной казны. Проситъ онъ только приказать полномочнымъ Россійскимъ вновь пересмотрѣть сей артикулъ и съ ними о совершеніи его согласиться".

„Обѣщавъ то исполнить, графъ Безбородко примѣтилъ, что онъ однакожъ надѣется, что тутъ вновь никакихъ перемѣнъ не будетъ учинено: ибо не можетъ онъ умолчать, что ему весьма странно казалося, когда почти во всякомъ артикулѣ съ ихъ стороны требовали наипаче въ переводахъ перемѣны въ стилѣ и въ израженіяхъ, даже и самыхъ незначущихъ; что можетъ быть, то приписать должно превосходному знанію господина драгомана Порты въ языкахъ, а нашихъ незнанію, или же vice versa. Драгоманъ Мурузи тутъ изъяснялся, что, настоявъ иногда на перемѣны въ переводахъ, онъ принужденъ то дѣлать для лучшаго соображенія съ Турецкимъ, хотя и самъ онъ вѣдаетъ, что почти и невозможно слово въ слово согласить переводы Французскіе съ оригиналами Турецкими".

„По окончаніи такимъ образомъ пункта о корсерахъ Барбаресскихъ, Дурри-эфенди отозвался, что касательно VI артикука о народахъ Закубанскихъ верховный визирь поручаетъ имъ кончить ко взаимной безопасности границъ; что, исключая требованную съ нашей стороны независимость помянутыхъ народовъ, на которую никогда Порта не согласится, и тому подобное, они рады подать всѣ способы къ отвращенію споровъ и жалобъ, и что визирь, сдѣлавъ нѣкоторыя прибавки въ проэктѣ артикула, полномочными составленномъ, для насъ выгодныя, желаетъ, чтобъ и графъ Безбородко, если что къ вящему взаимному обезпеченію найдетъ сходнымъ, присовокупилъ тутъ же и такимъ образомъ окончилъ мирное дѣло".

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ: Проэктъ, господами полномочными Оттоманскими составленный, и прибавки, господиномъ верховнымъ визиремъ тутъ сдѣланныя, столь далеки отъ какого-либо существеннаго насъ въ той сторонѣ обезпеченія, что я принялъ бы ихъ за чистый отказъ, если бы визирь не присовокупилъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее къ распоряженію сего дѣла. Прежде нежели войду въ раздробленіе его, я принужденъ сказать, что

непристойно вовсе тутъ полагать какое либо взаимство съ нашей стороны, когда всѣ знаютъ, что у насъ тамъ нѣтъ иныхъ людей, какъ или войскà, въ подчиненности и добромъ порядкѣ содержимыя, или спокойные и никакимъ шалостямъ непричастные поселяне, въ весьма маломъ количествѣ. Какъ же можно ихъ равнять съ ордами варварскими, или, лучше сказать, съ ворами и разбойниками, которыхъ ничѣмъ инымъ, кромѣ страхомъ наказанія неизбѣжнаго, не удержать? Я предложилъ господину верховному визирю единственный способъ учредить сей артикулъ подъ условіемъ, чтобъ модификація, мною предлагаемая, рядомъ шла съ принятіемъ артикула о денежномъ удовлетвореніи; подъ тѣмъ же условіемъ предложу я на будущей, въ Субботу, конференціи чрезъ полномочныхъ Россійскихъ господамъ полномочнымъ Оттоманскимъ проэктъ сего артикула, въ которомъ истощу все, чтò, сходно съ волею моей всемилостивѣйшей Государыни, могу употребить для единаго обезпеченія нашихъ предѣловъ, но заранѣе говорю, что то будетъ мое послѣднее слово".

„Дурри-эфенди началъ защищать свой артикулъ; но графъ Безбородко на разъясненія его отвѣчалъ, что нѣтъ никакой надобности распространять его упоминаніемъ крѣпостей Анапы и Суджака".

—Для чего же, спросилъ Дурри-эфенди, не именовать сихъ мѣстъ?

—Для того, сказалъ графъ Безбородко, что когда не одинъ разъ въ трактатѣ повторяется, что между обѣими имперіями есть границею рѣка Кубань, когда вновь подтверждается актъ о Крымѣ, Тамани и Кубани во всей его силѣ, и когда независимость Закубанцевъ не входитъ въ новый договоръ: тогда вещи всѣ вступаютъ послѣ мира въ прежнее положеніе. Порта согласилась на утвержденіе границею рѣки Днѣстра между ею и Россіею. Всѣ земли на лѣвомъ берегу той рѣки учинилися собственностію имперіи Всероссійской; но была-ли нужда говорить тутъ, что Порта уступаетъ Россіи—Очаковъ, Гаджибей, Дубоссары и тому подобное? Другую причину и ту еще можно предъявить, что Анапа и Суджакъ болѣе на свѣтѣ семъ не существуютъ, бывъ тотчасъ по взятіи ихъ разрушены до основанія".

„Сіе послѣднее привело въ крайнее изумленіе Дурри-эфендія, такъ что онъ весьма не скоро собрался съ отвѣтомъ. Графъ Безбородко продолжалъ, что ежели въ четвертомъ артикулѣ и упоминаются по именамъ возвращенныя крѣпости, то сіе сдѣлано для того, что таковое возвращеніе замѣнено особыми выгодами: выговоренными землями, въ которыхъ оныя крѣпости построены. Чтò же касается до обузданія Закубанцевъ, положимъ, что Порта возметъ на себя ручательство и удовлетвореніе за украденные или захваченные скотъ и вещи, за сожженіе и разрушеніе жительствъ и за подобные тому убытки, но не можно такимъ образомъ наградить захвата людей въ неволю, въ случаѣ неотдачи ихъ; слѣдовательно нѣтъ иного средства, какъ положить условіе: если въ опредѣленный срокъ, по жалобамъ на сихъ воровъ, не будутъ

отысканы увезенные ими наши люди, въ такомъ случаѣ, по предварительномъ дружественномъ сообщеніи министра нашего въ Константинополѣ, мы можемъ сами захватить ихъ людей и не отдавать прежде, покуда наши не будутъ возвращены; и Порта таковое средство, производимое въ дѣйство надъ Закубанцами, не приметъ за нарушеніе дружбы и тишины. Можно навѣрное надѣяться, что коль скоро будутъ знать Закубанскіе народы, что ихъ воровства и разбои такъ наказаны будутъ, воздержатся, конечно, отъ прикосновенія нашимъ предѣламъ, и до подобныхъ репрессалій и дѣло не дойдетъ. А инако, хотя нельзя сего артикула оставить безъ надлежащаго распоряженія, какъ выше сказано (положа на примѣръ, чтобъ вещи осталися въ прежнемъ состояніи), извѣстно, какія трудности до войны встрѣчалися въ одержаніи справедливости за набѣги и хищенія сихъ своевольниковъ; тѣже самыя встрѣтятся, конечно, и въ будущее время. Имперія Россійская не потерпитъ того и, видя, что дружественнымъ образомъ нельзя получить скорой управы, принуждена будетъ сама себѣ оную доставить. Тутъ и родятся новыя къ войнѣ причины, которыя отвращать завременно есть долгъ всякой державы".

„Всѣ сіи разсужденія не нравилися Дурри-эфендію, и онъ, представляя невозможность согласиться на какія-либо репрессаліи, обратился, наконецъ, къ послѣднему пункту его коммиссіи, и именно къ артикулу сепаратному, говоря, что онъ ссылается на всѣ переговоры, въ Шумлѣ съ подполковникомъ Бароцци бывшіе, считая, что графъ Безбородко доводы ихъ вопреки сего артикула уважитъ и изъятіемъ онаго изъ негоціаціи облегчитъ окончаніе оной".

„Графъ Безбородко на сіе отвѣтствовалъ: Прежде, нежели вступимъ въ самую сію матерію, скажу я не обинуясь, что поступокъ господъ полномочныхъ Оттоманскихъ въ непринятіи артикула сепаратнаго и оставленіи его на столѣ въ залѣ конференціи никѣмъ одобренъ быть не можетъ. Въ цѣломъ свѣтѣ есть обычай принимать предложенія, разбирать ихъ и отвѣчать, что̀ должно; такимъ точно образомъ поступилъ господинъ верховный визирь, принявъ дѣло сіе, изъяснившись сперва съ подполковникомъ Бароцци самолично, а потомъ и чрезъ подчиненныхъ ему особо и, наконецъ, сдѣлавъ мнѣ отвѣтъ какъ въ письмѣ своемъ, такъ и въ запискѣ, подполковнику Бароцци данной. Вѣжливость и благопристойность требуютъ, чтобъ всему предварительно господа полномочные Оттоманскіе приняли сей артикулъ, который велѣлъ я господамъ полномочнымъ Россійскимъ отдать имъ на первой конференціи, или чтобъ они сами послали одного изъ секретарей своихъ съ нашимъ взять его. Безъ сего ничего говорить нельзя. Отъ нихъ зависитъ отвѣчать, что̀ отъ верховнаго визиря имъ предписано, или что̀ они могутъ по своимъ инструкціямъ, такъ какъ будетъ мое дѣло рѣшительно изъясниться по сему пункту на основаніи полной мочи и инструкцій, отъ моей всемилостивѣйшей Государыни мнѣ данныхъ".

„На сіе сказалъ Дурри-эфенди, что непринятіе ими сего артикула произошло ни отъ гордости, ни отъ желанія досадить графу Без-

бородкѣ, или ихъ товарищамъ, нашимъ полномочнымъ, но единственно отъ того, что сія матерія и въ инструкціи ихъ не входила. Теперь же, видя, что верховный визирь самъ объ оной трактовалъ, бумагу оную принять не отрекутся на первой конференціи, о чемъ онъ съ товарищами своими условится, разумѣя, однакожъ, подъ оговоркою, чтобъ не сочли таковое ими сея бумаги принятіе за какое либо со стороны ихъ обязательство согласиться на оную".

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ, что принять проэктъ не значитъ, конечно, соглашенія на оный, а дѣломъ будетъ взаимныхъ полномочныхъ имѣть о томъ переговоры".

„Дурри-эфенди молвилъ, что они будутъ отвѣтствовать на сей артикулъ, какъ имъ отъ верховнаго ихъ начальника приказано; но что́ до него собственно касается, то онъ, вслѣдствіе коммиссіи, отъ визиря на него положенной, приноситъ со стороны его просьбу объ отложеніи всякаго требованія объ удовлетвореніи (денежномъ), тѣмъ болѣе что оно не токмо въ прелиминаріи не положено, но еще и дружескимъ объясненіемъ между генераломъ княземъ Репнинымъ и отъ нихъ употребленными людьми заранѣе предостережено было".

„Графъ Безбородко возразилъ касательно прелиминарій, ссылаясь на сказанное имъ прежде, прибавя, что князь Репнинъ ни на какія точныя постановленія не былъ снабженъ полною мочью, а имѣлъ препорученіе отъ покойнаго генерала фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, въ случаѣ отзыва со стороны Турецкой о мирѣ и унятія оружія, не согласиться на сіе послѣднее инако, какъ по принятіи верховнымъ визиремъ извѣстныхъ трехъ главныхъ артикуловъ ультимата Ея Императорскаго Величества. Сверхъ того самъ визирь и другіе министры въ разговорахъ своихъ съ подполковникомъ Бароцци говорятъ, что князь Репнинъ на внушеніе ему объ удовлетвореніи отвѣтствовалъ только, что онъ на то не уполномоченъ, слѣдовательно и отъ него даже никакого обѣщанія не было".

„Дурри-эфенди сказалъ, что они считали князя Репнина полномочнымъ, какъ начальствующаго арміею".

„Графъ Безбородко отвѣтствовалъ, что онъ командовалъ арміею по случаю временнаго отсутствія покойнаго фельдмаршала, что онъ одинъ былъ на то время главный полномочный Ея Императорскаго Величества, что видѣли они, при первомъ ихъ съѣздѣ, особую полную мочь на мирное дѣло ему данную; что, по прибытіи графа Безбородки, онъ на первой же конференціи сообщилъ свою полную мочь для того, что, не предъявя ея, никакихъ точныхъ и рѣшительныхъ постановленій дѣлать не можно; при чемъ прибавилъ, что какъ препорученіе, отъ фельдмаршала князю Репнину сдѣланное, было ограничено, то, при полученіи извѣстія о заключеніи прелиминарій, Ея Императорское Величество рескриптомъ къ покойному фельдмаршалу не изволила апробовать срока осьмимѣсячнаго, для перемирія положеннаго, назначая не иной предѣлъ унятію оружія, какъ окончаніе самой негоціаціи однимъ или другимъ образомъ; и что сіе извѣстно было всѣмъ, такъ что Англій-

скій министръ въ С.-Петербургѣ писалъ тогда же къ послу Англійскому въ Константинополѣ, увѣдомляя его о неодобреніи у насъ помянутаго срока. Да мы и дѣйствительно онаго не признаемъ".

„Дурри-эфенди тутъ вызвался, что они всегда были въ доброй вѣрѣ на продолженіе перемирія до 1 Апрѣля. Но графъ Безбородко рѣшительно повторилъ, что означенный срокъ не былъ ратификованъ, да и не нуженъ: ибо, при добромъ расположеніи обѣихъ сторонъ, негоціація скорѣе можетъ окончиться, а ежели не могутъ сблизить своихъ намѣреній, то лучше скорѣе испытать иныя къ тому средства".

„Дурри-эфенди паки началъ рѣчь о сепаратномъ артикулѣ, что онъ излишнимъ почитаетъ повторить все, говоренное на конференціяхъ министровъ съ Бароцци, но только прибавитъ, что сей артикулъ не столь важенъ, чтобъ могъ прибавить что либо къ величію и силѣ Россійской имперіи".

„На что графъ Безбородко ему возразилъ, что когда почитаютъ себя стороною правою, атакованною несправедливо и при томъ побѣдоносною, тогда обыкновенно требуютъ какихъ либо жертвъ или уступокъ".

„Дурри-эфенди сказалъ, что они уже и уступки и жертвы сдѣлали во многихъ артикулахъ, особливо же границею на Днѣстрѣ".

„Несоразмѣрно все то, сказалъ графъ Безбородко, ни нашимъ убыткамъ, ни нашимъ успѣхамъ. Ежели умѣренность и великодушіе Ея Императорскаго Величества были причиной, что въ замѣну толь многихъ завоеваній, нынѣ возвращаемыхъ, удерживается толь малая и ненаселенная частица земли, то, по крайней мѣрѣ, надобно, чтобъ одна выгода больше оное дополняла. Въ Кайнарджискомъ мирѣ, гдѣ мы одержали премногія выгоды, прибавлено было и денежное удовлетвореніе. Для чего же не присовокупить его и при нынѣшнемъ трактатѣ? Что̀ же касается до многихъ другихъ артикуловъ, они хотя и полезны для Россіи, но не меньше выгодны и для Порты, когда служатъ или къ обезпеченію торговли, взаимно полезной, или къ содѣланію мира прочнымъ, слѣдовательно и къ отвращенію отъ самой Порты на будущія времена подобныхъ нынѣшней войнѣ потерь".

„Видя, что всѣ попытки неудачны къ одержанію со стороны графа Безбородка соглашенія на изъятіе изъ негоціаціи артикула сепаратнаго, просилъ Дурри-эфенди именемъ верховнаго визиря представить сіе дѣло Ея Императорскому Величеству и ожидать ея высочайшаго рѣшенія".

„Графъ Безбородко и тутъ изразилъ невозможность отлагать на долгое время окончаніе дѣла, говоря, что всѣ артикулы, имъ сообщенные, не собственнымъ его хотѣніемъ изобрѣтены, а основаны на данныхъ ему высочайшихъ повелѣніяхъ; что онъ взнесъ проэкты къ Ея Императорскому Величеству и, не имѣя отъ нея никакихъ вопреки тому предписаній, вѣдая же, что его поведеніе по негоціаціи аппробовано, считаетъ, что иной пользы быть не можетъ отъ новаго его представленія, какъ только потеря времени.

Наконецъ, Дурри-эфенди просилъ, чтобъ хотя, по крайней мѣрѣ, графъ Безбородко съ точною отповѣдью своею отправилъ къ верховному визирю подполковника Бароцци. На сіе сказалъ графъ Безбородко, что онъ тотъ часъ послѣ конференціи, если увидитъ, что господа полномочные еще не въ состояніи будутъ совершить заключеніе трактата, въ послѣдній разъ пошлетъ помянутаго подполковника въ визирю съ отвѣтомъ своимъ, назнача крайній срокъ по вычету времени на оба пути и трехъ дней на пребываніе его въ Шумлѣ; что его въ семъ нельзя будетъ упрекнуть, тѣмъ болѣе, что самъ господинъ верховный визирь, въ послѣднюю бытность у него подполковника Бароцци, напоминалъ ему, какимъ образомъ онъ для упрежденія разрыва предъ настоящею войною назначалъ г-ну Булгакову срокъ довольный на испрошеніе изъ С.-Петербурга резолюцій по тогдашнимъ спорамъ; что отъ нихъ будетъ тогда зависѣтъ окончить въ одинъ день всѣ мирные переговоры; что ему прискорбно будетъ видѣть худой конецъ; что онъ бы предпочелъ лучше договоръ мирный подписать въ Яссахъ, нежели иногда имѣть нужду ѣхать далѣе впередъ для совершенія онаго, и что онъ не повторяетъ тутъ того, что́ онъ уже достаточно далъ разумѣть относительно случая разрыва и возобновленія военныхъ дѣйствій".

„Потомъ взаимно кончили привѣтствіями и желаніями, дабы дѣло мирное могло окончено быть добрымъ успѣхомъ въ мѣстѣ нынѣшнихъ переговоровъ".

Твердый тонъ, который держалъ Безбородко въ разговорѣ съ Дурри-эфендіемъ, долженъ былъ убѣдить Турецкихъ полномочныхъ, что уступки со стороны Россіи ожидать нечего. Для нихъ оставалось одно изъ двухъ: или согласиться на предложенныя условія, или прекратить переговоры. Нельзя не замѣтить, что разговоръ Турецкаго уполномоченнаго съ Русскимъ главно-уполномоченнымъ объ уступкахъ былъ только попыткою со стороны визиря, который, вѣроятно, и сознавалъ безуспѣшность ея. Настояніе же Безбородки и его неуступчивость легко объяснить поддержкою Императрицы. Она и теперь, 25 Декабря, въ отвѣтъ на донесенія графа отъ 30 Ноября и 9 Декабря, писала ему: „Крайнее ощущаемъ удовольствіе, видя изъ оныхъ (донесеній), что ввѣренная вамъ негоціація идетъ благоуспѣшно, и что сближается минута къ совершенію желаемаго нами мира. Отдавая достойную справедливость трудамъ вашимъ въ семъ дѣлѣ, мы въ полной остаемся надеждѣ на усердіе ваше къ намъ, на ревность къ славѣ государства нашего и на искусство ваше, многими опытами доказанное, что вы не только ускорите заключеніе мирнаго договора, но и предуспѣете одержать въ ономъ, безъ разрыва негоціаціи, все то, что́ только служить можетъ къ пользѣ имперіи здѣшней" [49]).

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи Турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго

---

[49]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 444, № 663.

ими на столѣ конференціи, Безбородко не считалъ однако денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ разсчитанною цѣлію—сосредоточить на немъ все упорство Турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ. Въ такомъ смыслѣ онъ доносилъ Императрицѣ, отъ 29 Декабря, въ отвѣтъ на высочайшіе рескрипты отъ 4 и 8 того же Декабря.—По ходу переговоровъ, кромѣ вопроса о денежномъ удовлетвореніи, оставался нерѣшеннымъ вопросъ о нашихъ Азіатскихъ или, какъ онѣ называются въ тогдашнихъ документахъ, „Кубанскихъ“ границахъ съ Турціею. Намѣреваясь непремѣнно привести переговоры къ концу устраненіемъ всякаго повода къ ихъ затяжкѣ со стороны неблагопріятныхъ Россіи Европейскихъ дворовъ, Безбородко сказалъ уполномоченнымъ, что конференція и не начнется, если Турки „формально не примутъ со стола оставленнаго ими сепаратнаго артикула о денежномъ удовлетвореніи для дружескаго трактованія объ ономъ“ и чрезъ третьи руки внушилъ Туркамъ, „что изъ непринятія артикула Кубанскаго, конечно, выдетъ разрывъ“. Но конференція началась тѣмъ, что Турки взяли со стола сепаратный артикулъ о денежномъ удовлетвореніи, и уполномоченными было докончено рѣшеніе вопроса о срокѣ уплаты Турецкимъ правительствомъ убытковъ, наносимыхъ подданнымъ Россійской имперіи Африканскими корсарами. По поводу-же сепаратнаго артикула положено было предоставить рѣшеніе дѣла главно-уполномоченнымъ, между которыми по этому вопросу шла переписка. Когда наконецъ уполномоченные приступили къ рѣшенію статьи договорнаго проэкта, которою отъ Порты требовалось торжественное обязательство обуздать Закубанскіе народы и положить преграду ихъ посягательствамъ, взявъ всякую отвѣтственность на себя, „Турки изъявили желаніе“ (записано по этому поводу въ протоколѣ конференціи) „перейти въ другую комнату для совѣщаній“. Возвратясь, они предложили занести въ статью, что изысканіе и употребленіе средствъ предупреждать хищничество вышеупомянутыхъ народовъ должны быть сдѣланы обѣими сторонами и обоюдно соблюдаемы. Наши отвѣчали, что такой обоюдности дѣйствій нельзя допустить въ данномъ случаѣ; что согласиться на это можно было-бы только тогда, когда пограничнымъ съ нами народомъ были бы Турки; народы же, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ идетъ дѣло, не имѣютъ никакого понятія о дисциплинѣ, незнакомы ни съ какой формой правленія и представляютъ собою не больше, какъ хищниковъ. Между тѣмъ, наши береговые жители занимаются обработкой земли и стараются жить какъ можно покойнѣе. Графъ Безбородко заявилъ третьему уполномоченному Порты, что именно эта разница и служитъ препятствіемъ къ согласію на требуемую обоюдность дѣйствій. И какимъ же образомъ можно поставить на одну доску земледѣльцевъ или правильно организованное войско съ разбойниками большой дороги? Турки отвѣчали, что имъ хорошо извѣстно, что между подданными Русскихъ нѣтъ такихъ, но очень можетъ слу-

читься, что какія нибудь злонамѣренныя личности, перейдя рѣку, станутъ тревожить спокойствіе жителей и торговлю. Наши отвѣчали, что въ такомъ случаѣ ихъ примѣрно накажутъ на мѣстѣ преступленія. Турки замѣтили, что, какъ населеніе нашихъ береговъ состоитъ только изъ солдатъ и земледѣльцевъ, то это тѣмъ болѣе служитъ основаніемъ для включенія требуемаго условія въ статью. Наши отвѣчали, что вышеупомянутые народы такъ низко стоятъ въ ихъ глазахъ, что даже Турокъ побрезгалъ-бы поставить себя съ ними подъ одинъ уровень. Турки возразили, что во владѣніяхъ Императрицы живутъ Татарскія племена, которыя въ свою очередь могутъ нарушать порядокъ во владѣніяхъ, принадлежащихъ Портѣ. Наши замѣтили, что племена эти слишкомъ далеко отъ Оттоманскихъ границъ, и имъ пришлось бы, чтобы достичь до нихъ, переходить очень большія разстоянія, слѣдуя по мѣстностямъ, въ которыхъ правительство постоянно заботится о порядкѣ и безопасности жителей; что аргументы основываются всегда на прошломъ, а Высокой Портѣ никогда не приходилось жаловаться на подданныхъ Императрицы, тогда какъ Россіи не разъ случалось жаловаться на подданныхъ Порты. Турки признали справедливость аргумента; но просили ограниченія, въ случаѣ, если бы виновными пришлось быть Русскимъ подданнымъ. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что обѣщали уже дать полное удовлетвореніе, но хотѣли только оградить жителей пограничныхъ владѣній отъ хищниковъ, которые, переходя рѣку, проникаютъ въ центръ страны и иногда грабятъ цѣлыя селенія. Они прибавили, что это требованіе должно считать ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ гарантировать безопасность границъ, служащую основаніемъ взаимнаго мира, но что Россію нельзя заподозривать при этомъ въ какомъ нибудь честолюбивомъ замыслѣ относительно Оттоманскихъ владѣній. Они просили, наконецъ, уполномоченныхъ принять во вниманіе, что статья шестая, оставаясь безъ всякихъ ограниченій и безъ малѣйшихъ измѣненій въ ея выраженіяхъ, значительно приблизитъ переговоры къ желаемому концу. Турки согласились принять статью и приготовить къ обмѣну на завтрашней конференціи".

„Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ Турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята-ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и возвратясь объявилъ, что сей часъ придетъ графъ Безбородко".

Съ этого момента зала конференціи обращается для Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и офиціально записаны въ протоколѣ, а Безбородко оживленно передаетъ ихъ въ донесеніи къ Императрицѣ отъ 29 Декабря. „Какъ скоро мнѣ донесено было (что Турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ Русскими артикулъ о Кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождалися меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при растворенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ,

въ изумленіи на ногахъ бывшимъ [50]), что я радуюся, видя благоразумное ихъ соглашеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ Ваше Величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя Ваши намѣренія были одержать пункты необходимо нужные для безопасности предѣловъ Вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, Вашу и Оттоманскую имперіи населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные Турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе Ваше. Присовокупивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ товарищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29 Декабря трактатъ, испросили у меня дозволеніе войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями сказалъ, что Ваше Величество велики въ войнѣ и мирѣ и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе“.

Торжество, устроенное дипломатическимъ талантомъ Безбородки, 26 Декабря, не отвлекло его отъ обычной разнообразной дѣятельности. Въ этотъ самый день онъ отправилъ письмо къ Булгакову, занимавшему мѣсто нашего посла въ Варшавѣ, и въ немъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Вчера получилъ я ваше письмо о принятомъ намѣреніи правительствомъ Польскимъ сдѣлать нотификацію о перемѣнѣ 3-го Мая, въ дѣйство произведенной. Видѣлъ я тутъ же и записку сеймовую, въ которой король безъ нужды и безъ пристойности коснулся выраженіями ига и опеки до насъ. Неужели они думаютъ, что насъ застращаютъ тѣмъ множествомъ рукъ, которыя его величество упоминаетъ въ рѣчи своей, какъ довольныя для защищенія работы его и единомышленниковъ его? Инфлюенцію нашу ему бы всѣхъ менѣе повторять слѣдовало, когда извѣстно, что безъ нея и вѣкъ бы ему быть на престолѣ не удалося. Молчавъ восемь мѣсяцевъ о сей перемѣнѣ и говоря, что всѣмъ державамъ сдѣлано обвѣщеніе, кромѣ Россіи, неужели они думаютъ, что и Россія прежде осьми же мѣсяцевъ имъ отвѣчать станетъ? Или что она также скорѣе и сама другимъ державамъ, кромѣ Польши, не скажетъ свои разсужденія? Ежели миръ нашъ съ Турками имъ не по вкусу, то никогда имъ лопаться съ досады не должно, какъ теперь, когда онъ безсомнителенъ и къ самому концу сближается. Въ одномъ письмѣ видѣлъ я, что Лукезини [51]) отзывался о вашемъ равнодушномъ поведеніи въ

[50]) Въ протоколѣ записано, что „графъ попросилъ Турецкихъ уполномоченныхъ, вставшихъ при его появленіи, сѣсть“.

[51]) Прусскій посолъ въ Варшавѣ.

разсужденіи всѣхъ шалостей Польскихъ, которое болѣе разстроиваетъ сіи горячія головы, нежели лишняя живость и охота къ интригамъ Итальянская, примолвивъ, что развѣ онъ заставилъ васъ говорить и дѣйствовать. Тутъ наши политики заключили разное: иные, что онъ тутъ разумѣлъ, что оба двора наши согласятся и станутъ говорить за одно; иные, что паки жадность на Торнъ и Данцигъ возобновится; иные же, послѣ вчерашняго извѣстія, считаютъ, не научилъ-ли Итальянецъ ихъ приступить съ подобною нотификаціею, чтобъ у насъ вытянуть отвѣтъ или для нихъ полезный, или по крайней мѣрѣ опять запутать всѣхъ съ нами. Они весьма ошибаются, если надѣются или застращать насъ, или привесть въ замѣшательство. Высокіе союзники Порты и не имъ чета, а однако въ началѣ нынѣшняго года истрясли многіе милліоны на вооруженіе и пождавъ во время переговоровъ Факнеровыхъ не одинъ Русскій мѣсяцъ, дѣло тѣмъ кончили, что пожелали счастливаго успѣха обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ ихъ войнѣ и переговорахъ" [52]).

На конференціи 27 Декабря статьи 6 и 7 были сличены, подписаны и обмѣнены. Русскіе уполномоченные показали Туркамъ вступленіе мирнаго трактата и ратификацію высочайшаго уполномоченнаго, которую надлежало обмѣнять на ратификацію великаго визиря. Драгоманъ Порты прочелъ обѣ бумаги. Согласно волѣ высочайшаго уполномоченнаго, условлено было, тотчасъ по обмѣнѣ ратификацій Ея Императорскаго Величества и султана, дать знать великому визирю о назначеніи Русскаго посланника въ Великую Порту. Назначенія обѣихъ сторонъ должны были находиться въ запечатанныхъ конвертахъ и быть обмѣненными послѣ ратификацій ихъ величествъ.

Турецкіе уполномоченные просили нашихъ устроить такъ, чтобъ все было готово къ Понедѣльнику, т. е. къ 29-му числу, и на конференціи въ это число оставалось бы только подписать миръ [53]).

По окончаніи этой 14 конференціи, Безбородко отправилъ къ верховному визирю письмо съ извѣстнымъ Бароцци. Извѣстивъ визиря обо всемъ происшедшемъ, Безбородко между прочимъ заключаетъ свое письмо слѣдующими словами: „Такимъ образомъ, съ помощію Всевышняго, предуспѣли мы въ служеніи, отъ августѣйшихъ государей нашихъ на насъ возложенномъ; и я, раздѣляя съ вашимъ сіятельствомъ труды въономъ, раздѣляю и удовольствіе, оттуда проистекающее. Въ слѣдствіе сего, поспѣшаю отправить съ онымъ къ вашему сіятельству помянутаго выше подполковника Бароцци, для предварительнаго извѣщенія васъ о семъ происшествіи, надѣясь, что послѣ завтра и самое подписаніе мирнаго трактата учинится".

На другой день, 28 Декабря, Безбородко отправилъ къ Императрицѣ два донесенія: одно о выѣхавшемъ изъ Яссъ въ Петербургъ Поповѣ и о Польсбихъ дѣлахъ, другое—о Молдавскихъ боярахъ, преданныхъ Россіи.

---

52) Съ подлинника, хранящагося у П. С. Киселева.

53) Съ копіи Французскаго протокола 14-й конференціи (она же 12).

Въ первомъ Безбородко доносилъ: „Генералъ-маіоръ Поповъ отъѣзжаетъ къ высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества наканунѣ подписанія мирнаго договора съ Турками; но какъ курьеръ съ извѣстіемъ о томъ предваритъ, по крайней мѣрѣ, двумя днями прибытіе означеннаго генерала-маіора, то не обременяю Ваше Величество какими либо донесеніями, до мирной негоціаціи касающимися. Впрочемъ онъ былъ свидѣтелемъ всего происходившаго и потому найдется въ состояніи о всемъ подать надлежащія изъясненія. Ваше Императорское Величество справедливую изволите давать цѣну поступкамъ Вѣнскаго двора, наипаче же по дѣламъ Польскимъ, въ которыхъ, кажется, нельзя имъ не знать, что мы не можемъ быть одного мнѣнія съ тѣми, кои одобряютъ настоящую форму правленія въ Польшѣ. Совершеніе мира здѣшняго откроетъ свободу рѣшиться, какъ того Ваши интересы потребуютъ, и смѣлѣе изъясниться съ сосѣдними дворами о Вашихъ намѣреніяхъ. Всякую почту я получаю увѣдомленіе отъ тайнаго совѣтника Булгакова изъ Варшавы о тамошнихъ происшествіяхъ. 25 сего мѣсяца прислалъ онъ мнѣ письмо съ изъявленіемъ, что на сеймѣ положено сдѣлать высочайшему двору Вашему нотификацію о перемѣнѣ 3 Мая и прочая, и что нота о томъ составлена въ почтительныхъ израженіяхъ. Я видѣлъ тутъ, всемилостивѣйшая Государыня, изъ сеймоваго журнала, съ какою непристойностью король Польскій говорилъ, что они избавилися отъ ига, отъ посторонней инфлюенціи и тому подобное, что всѣмъ дворамъ уже сдѣлано обвѣщеніе, кромѣ Россіи. Отвѣтствуя тайному совѣтнику Булгакову чрезъ подполковника Жермангена, въ Варшаву отправившагося, я сдѣлалъ ему партикулярное отъ себя примѣчаніе, что королю всѣхъ меньше слѣдовало-бы говорить о семъ мнимомъ игѣ, ибо безъ нашей инфлюенціи не былъ-бы онъ и на престолѣ; а ежели она нашими министрами иногда кому въ тягость обращена была, то и тутъ, конечно, выходило оное болѣе въ угожденіе его величеству; что когда они восемь мѣсяцевъ ждали, дабы сдѣлать Россіи нотификацію, то и у насъ, можетъ быть, не меньше надобно будетъ времени одуматься, въ какой силѣ отвѣчать; а при томъ, когда Польша сама признается, что она прежде всѣмъ другимъ державамъ сдѣлала сообщеніе, кромѣ одной Россіи, то, можетъ быть, взаимно Россія должна прежде же всѣмъ другимъ державамъ сдѣлать сообщеніе. Извѣстіе о мирѣ я тотчасъ пошлю въ Варшаву, какъ скоро къ Вашему Императорскому Величеству курьеръ отправленъ будетъ“.

„По прибытіи моемъ въ Яссы,—писалъ Безбородко во второмъ изъ своихъ донесеній,—вѣдая, что изъ бояръ Молдавскихъ были такіе, кои, оказавъ на дѣлѣ ихъ преданность къ Россіи и пользовався потому особливымъ уваженіемъ покойнаго генерала-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, не пожелаютъ остаться въ Турецкомъ подданствѣ, и что были уже они отъ покойнаго фельдмаршала обнадежены монаршимъ благоволеніемъ, съ каковымъ Ваше Императорское Величество обыкли принимать всѣхъ Вамъ приверженныхъ; а при томъ имѣвъ повелѣніе Вашего Величества, чтобъ

Молдавцевъ и прочихъ нашихъ единовѣрныхъ всячески ласкать, старался я собрать достовѣрныя свѣдѣнія отъ генерала-маіора Попова и статскихъ совѣтниковъ Лашкарева и барона Билера, какія по сей матеріи были предположенія покойнаго князя Потемкина-Таврическаго, и въ какой силѣ учинены обнадеживанія? По симъ свѣдѣніямъ оказалося, что когда нѣкоторые изъ помянутыхъ бояръ открыли фельдмаршалу намѣреніе ихъ уклониться изъ подъ ига Турецкаго подъ державу Государыни, защитницы вѣры православной, въ то время помянутый фельдмаршалъ обнадежилъ ихъ, что таковымъ будетъ онъ ходатайствовать чины Россійскіе, и именно: великимъ логофетамъ четвертаго класса, великимъ ворникамъ, гетману и вистіаріямъ—пятаго класса; кто же отличныя заслуги окажетъ, тѣмъ вяще; прочимъ же шестаго и ниже классовъ, сообразно старшинству и степенямъ ихъ, для чего и взято было имъ объясненіе чиновъ Молдавскихъ въ приложенной при семъ выпискѣ изъ узаконенія ихъ, именуемаго кондика [54]). Всѣмъ переселяющимся въ Россію чиновникамъ ихъ обѣщаны были порозжія земли въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ, наипаче же въ близости границъ Молдавскихъ, для удобнѣйшаго населенія; а тѣмъ, которые съ усердіемъ служили, обѣщано просить и пожалованія нѣкотораго количества крестьянъ въ Бѣлоруссіи. А какъ въ Молдавіи Цыгане суть точно крѣпостные люди боярскіе, то фельдмаршалъ обнадеживалъ ихъ точно, что, по переселеніи ихъ въ Россію, выводимые ихъ собственные Цыгане останутся ихъ крѣпостными, и что онъ на то испроситъ монаршее повелѣніе. Обѣщаны имъ были сроки, достаточные къ продажѣ ихъ имѣній, что̀ и наблюдено въ заключаемомъ завтра трактатѣ. Сказано было, что если кто изъ вышедшихъ бояръ пожелаетъ вступить въ военную или гражданскую службу, таковые, по принятіи ихъ въ оную, по способности ихъ будутъ имѣть и жалованье по чинамъ. Сіи самыя обѣщанія подтверждены были и по возвращеніи его въ послѣдній разъ изъ Санктпетербурга. По прибытіи моемъ, тѣже самые бояре, которые и при жизни фельдмаршала объявляли свое желаніе, повторили оное и предо мною, прося повергнуть оное къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Поднося списокъ ихъ съ моими всеподданнѣйшими примѣчаніями на высочайшее усмотрѣніе Ваше, осмѣливаюся представить, не благоугодно-ли будетъ Вашему Величеству дать рескриптъ на имя командующаго арміею, дабы онъ всякому изъ просящихъ объявилъ то, что̀ щедрота Ваша опредѣлитъ, разумѣя, что каждый таковою монаршею милостію воспользуется не инако, какъ при дѣйствительномъ его переселеніи въ Россію, дабы иногда не вздумалъ иной продать деревню, ему жалуемую, и только умножить свой достатокъ, оставаяся здѣсь съ нимъ подъ властію Турецкою“ [55]).

---

[54]) Выписки не нашлось.

[55]) Къ донесенію Безбородки былъ приложенъ списокъ бояръ Молдавскихъ, желающихъ переселиться въ Россію, съ слѣдующими примѣчаніями:

1) Великій ворникъ и вистіарій, бывшій князь Матвѣй Кантакузинъ, отличающійся усердіемъ къ Россіи, котораго отецъ, дядя и тесть жертвовали жизнію за

29 числа, до открытія послѣдней Ясской конференціи (15-й) Безбородко доносилъ Императрицѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Настоящій день назначенъ для подписанія мирнаго договора, по совершеніи котораго идемъ принести Всевышнему жертву благодаренія, сопровождаемаго усердными къ Нему моленіями и обѣтами о сохраненіи на должайшія времена дражайшаго здравія Вашего и продолженія славнаго Вашего царствованія. Формальное обвѣщеніе мира исполнимъ по размѣнѣ государскихъ ратификацій. Въ Варшаву и

ихъ преданность къ имперіи единовѣрной. Самый богатый здѣсь помѣщикъ и рѣшительно въ Россію переселяющійся. Высочайшая милость, оказанная ему пожалованіемъ чина и деревень, принята была отъ всѣхъ здѣшнихъ съ крайнимъ восхищеніемъ.

2) Великій ворникъ и вистіарій настоящій, Скарлатъ Стурдза. Происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій предавныхъ Молдавскихъ. Человѣкъ отличнаго достоинства и къ службѣ способный. Всегда оказывалъ отличное усердіе къ Россіи и много трудился во время войны нынѣшней, имѣвъ особливое уваженіе отъ покойнаго фельдмаршала. Не смотря на то, что онъ женатъ на сестрѣ родной драгомана Порты Мурузи, рѣшился непремѣнно переселиться въ Россію и требуетъ отъ меня открытаго листа съ названіемъ Россійско-императорскаго подданнаго. Многія онъ оказалъ услуги по мирной негоціаціи, особливо въ послѣдніе дни, когда дѣло шло о пріуготовленіи Турковъ кончить спорные артикулы, отвергнувъ всѣ настоянія шурина своего, чтобъ остался здѣсь для спасенія его. По справедливости достоинъ отличнаго предъ другими награжденія, напримѣръ пожалованіемъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ Полоцкой губерніи семисотъ или осьмисотъ душъ. Въ 1775 г. покойному поставнику Аргію Бастанжіалу было пожаловано 800 душъ.

3) Ворникъ Георгій Гика. 4) Гетманъ Константинъ Гика. Родственники несчастнаго господаря Гики. Послѣдній учился въ С.-Петербургѣ. Оба усердные Россіи и служили въ землѣ во время войны. Не благоугодно-ли будетъ пожаловать ихъ чинами статскихъ совѣтниковъ и отъ 400 до 500 душъ каждому, въ Полоцкой губерніи?

5) Гетманъ Илья Катаржи. Зять несчастнаго Гики, человѣкъ способный къ службѣ и трудившійся при арміи въ разныхъ исправленіяхъ. Чинъ статскаго совѣтника и душъ 400 будетъ для него награжденіемъ довольнымъ.

6) Великій ворникъ и бывшій вистіарій Георгій Балшъ. Фамилія сія изъ первѣйшихъ отлично Россіи предана. Онъ человѣкъ достаточный и можетъ знатное сдѣлать населеніе въ Екатеринославской губерніи и Тавридѣ. Чинъ и награжденіе противъ вышеписаннаго весьма было-бы для него довольно.

7) Великій ворникъ Драке-де-Паста. По смерти господаря Гики былъ гонимъ Мурузіемъ и во все его правленіе находился въ тяжкой ссылкѣ въ соляныхъ окнахъ (sic). Не имѣя дѣтей и будучи вдовъ, самъ не проситъ деревень, а желаетъ получить чинъ съ пенсіею и землею въ Екатеринославской губерніи. Не угодно-ли пожаловать его статскимъ совѣтникомъ съ пенсіею по тысячѣ по двѣсти рублей, сообразно тому чину?

8) Отъ арміи подполковникъ испаторъ Емануилъ Балшъ, бывшій въ С.-Петербургѣ съ покойнымъ княземъ Челаути. Въ службѣ усердный. Не благоугодно-ли будетъ его наградить чиномъ полковника, дозволяя ему набрать полкъ изъ переселяющихся Арнаутовъ, которые въ мирное время не получали бы жалованья, а упражнялися земледѣліемъ, и сверхъ того дать ему въ Полоцкой губерніи душъ триста?

Вѣну посылаю я нарочныхъ, сообщая послу и министрамъ, чтобъ они копіи трактата держали для собственнаго ихъ свѣдѣнія, покуда отъ Вашего Императорскаго Величества оный утвержденъ будетъ. Подношу при семъ записку, содержащую нѣкоторые пункты, по коимъ мнѣ нужно высочайшее разрѣшеніе. Краткость времени не позволяетъ мнѣ отдать теперь справедливость полномочнымъ Вашего Императорскаго Величества, съ какимъ усердіемъ исполняли они на нихъ возложенное; ниже представить о прочихъ чинахъ, въ мирномъ дѣлѣ трудившихся ревностно. При доставленіи ратификаціи султанской осмѣлюся я внесть всеподданнѣйшій списокъ имъ, съ означеніемъ, кто къ чему былъ употребленъ".

Къ донесенію этому Безбородко приложилъ собственноручную записку, въ которой испрашивалъ разрѣшенія Екатерины на отправленіе подарковъ Турецкимъ чинамъ, съ свойственною ей щедростію.

„Не благоугодно-ли будетъ приказать тотчасъ прислать ратификацію на трактатъ, которую и скорѣе намъ размѣнять можно, ибо Цареградская вѣрно около 25 Генваря поспѣетъ? При размѣнѣ учинить надлежитъ подарки здѣшнимъ полномочнымъ Турецкимъ, ихъ секретарямъ и драгоману. Вещи для того здѣсь имѣются, кромѣ мѣховъ, коихъ ожидаю. Примѣръ заимствованъ будетъ изъ происходившаго при заключеніи Кайнарджискаго трактата. Но какъ при Систовскомъ конгрессѣ Турки подарили Герберту и Эстергазію по двадцати мѣшковъ сверхъ вещей, подъ видомъ, что, бывъ гостьми въ ихъ землѣ, имѣютъ надобность на вояжъ: не позволено-ли будетъ дать имъ, тремъ полномочнымъ, каждому по 2000 червонныхъ, да на свиты ихъ по 400 червонныхъ, секретарямъ: первому 600, второму 500, третьему 400 червонныхъ, сказавъ, что сіи деньги даются имъ на ихъ дорожнія издержки при возвращеніи во свояси. Сверхъ того, извѣстному изъ моей реляціи каналу полезно бы было дать секретно тысячи двѣ червонныхъ. Онъ можетъ у нихъ и весьма значущимъ сдѣлаться. Къ визирю отправлю я по размѣнѣ ратификацій кинжалъ или богатую табакерку, соболій мѣхъ, два сорока соболей и два горностаевыхъ мѣха; такожъ Кегаю-Бею, Нишанжи

---

9) Ворникъ де-Апразъ, Николай Балшъ. Братъ двухъ вышеименованныхъ Балшей и другой зять несчастнаго Гики. Во время настоящей войны употребленъ былъ въ службу. Пожалованіемъ ему чина коллежскаго совѣтника и 250 душъ оная совершенно наградится.

10) Отъ арміи маіоръ и поршаръ Марко Гаюсъ. Человѣкъ отличнаго усердія. Покойный фельдмаршалъ произвелъ его въ чинъ и далъ медаль за ревностные его труды при арміи, а особливо за построеніе мостовъ на Днѣстрѣ и Прутѣ. Употребляется съ великимъ успѣхомъ при заготовленіи лѣсовъ и строеніи судовъ. Не угодно-ли пожаловать его въ полковники и въ Бѣлоруссіи до двухсотъ душъ?

11) Капитанъ де-Лефечи Вартоломей. По его вѣрности въ разныхъ завѣдываніяхъ и исправленіяхъ употребленый, достоинъ чина отъ арміи капитана и душъ сто въ Бѣлоруссіи.

12) Вамывъ Алексѣй, экономъ. Изъ знатнаго купечества; переселяется въ Россію съ довольнымъ капиталомъ. Онъ былъ также употребленъ въ разныя по службѣ исправленія. Проситъ чина титулярнаго совѣтника.

и двумъ первымъ секретарямъ, Мехтунчи и Бейликчи по вещи, да особо въ Царьградъ рейсъ-эфендію Рашиду, который самый миролюбивый и у султана сильный человѣкъ, часы или табакерку, тысячи въ двѣ или три рублей, и соболій мѣхъ. Не благоугодно-ли будетъ приказать сдѣлать подарокъ обоимъ графамъ Лудольфамъ, старому перстень тысячи въ три или до четырехъ, а молодому, яко настоящему министру, прислать табакерку хорошую съ вензелемъ Вашего Императорскаго Величества, и при томъ по мѣху въ тысячу рублей каждый; а драгоману ихъ Шаберу можно послать перстень или табакерку, сотъ въ восемь рублей, имѣющійся здѣсь".

Въ заключеніе записки Безбородко касается вопроса о послахъ и о размѣнѣ ратификацій. „Въ трактатѣ положено (говоритъ онъ) пословъ наименовать обоимъ дворамъ въ одно время. Соглашенося между полномочными, чтобъ въ день размѣны государскихъ ратификацій произвесть въ дѣйство сіе такимъ образомъ, что каждый главноуполномоченный, то есть я и визирь, получивъ высочайшее назначеніе, заготовимъ письма взаимныя и чрезъ полномочныхъ другъ другу доставимъ по размѣнѣ ратификацій".

Послѣдняя Ясская конференція, 29 Декабря, происходила слѣдующимъ порядкомъ. „Послѣ того какъ переводчикъ конгресса и драгоманъ Порты провѣрили и сличили мирный трактатъ и въ слѣдъ за тѣмъ въ залу конференціи вошли уполномоченные обѣихъ сторонъ, наши спросили, будетъ-ли въ тоже время сдѣланъ и обмѣнъ полномочій? Турки отвѣчали, что предоставляютъ это вполнѣ ихъ усмотрѣнію, сами же не находятъ въ этомъ никакой разницы. Тогда сначала прочли трактатъ порусски, а затѣмъ драгоманъ Порты прочелъ потурецки. Когда это было кончено, уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали трактатъ и приложили къ нему свои печати [56]); потомъ открылась зала конференціи и, въ присутствіи многочисленной публики [57]), генералъ Самойловъ обмѣнялся трактатомъ съ рейсъ-эфендіемъ и произнесъ слѣдующую рѣчь: Наконецъ мы достигли счастливой минуты, когда съ помощью Всемогущаго, подъ руководствомъ нашего вождя, графа Безбородко, окончательно выполнили высочайшую волю нашей всемилостивѣйшей Государыни, подписавъ вѣчный миръ между Ея имперіей и Оттоманской Портой. Содержаніе мирнаго трактата ручается за его прочность и неизмѣнность. Мы считаемъ себя высоко осчастливленными тѣмъ, что Ея Императорскому Величеству угодно было выбрать насъ для совершенія этого полезнаго дѣла, и поздравляемъ ваши превосходитель-

---

[56]) 1-е Полн. Собр. Зак. № 17008.

[57]) „При торжественномъ подписаніи мирнаго договора—сообщалъ Безбородко Я. И. Булгакову въ Варшаву отъ 29 Декабря,—присутствовали, въ числѣ зрителей, господа гетманъ польный коронный Ржевусскій и генералъ артиллеріи Потоцкій съ прочими своими одноземцами; а когда Турецкіе полномочные вошли въ комнату мою для поздравленія меня съ миромъ, то спрашивали о сихъ господахъ. Должно отдать нашимъ Полякамъ справедливость, что они съ нами наравнѣ миру рады. Я не знаю, такъ-ли ваши довольны будутъ". (Съ подлинника, хранящагося у П. С. Киселева).

ства, какъ друзей нашихъ, съ событіемъ одинаково важнымъ и полезнымъ для обѣихъ столь могущественныхъ имперій; оно увеличитъ вашу славу и блескъ вашихъ трудовъ.—Турки отвѣчали, что радость не позволяетъ имъ выразить, до какой степени это счастливое событіе наполняетъ ихъ удивленіемъ къ августѣйшей особѣ Императрицы; что они глубоко цѣнятъ высокоблагородный образъ дѣйствій графа Безбородки и уполномоченныхъ. Русскіе уполномоченные отнесли трактатъ къ высочайшему уполномоченному, который немедленно отправилъ его къ Ея Императорскому Величеству съ маіоромъ гвардіи Марковымъ. Турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи своихъ секретарей, явились къ графу Безбородкѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе и повторить выраженія благодарности".

Лишь только конференція кончилась, Безбородко писалъ Императрицѣ: „Въ сей самый часъ, въ который Промыслъ Божій увѣнчалъ желанія Ваши возстановленіемъ мира, поспѣшаю о томъ донести всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству, прилагая здѣсь и самый договоръ, подписанный и обосторонне размѣненный. Подносителемъ сего будетъ бригадиръ, гвардіи Преображенскаго полка секундъ-маіоръ, Марковъ. Я призналъ, всемилостивѣйшая Государыня, справедливымъ, чтобъ онъ удостоился быть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ вѣстникомъ о прекращеніи войны, въ которой отличился онъ усердіемъ и храбростію и въ коей онъ отъ покойнаго главнаго начальника своего не одинъ разъ толь отмѣнныя заслужилъ одобренія". Послѣднія строки этого донесенія Безбородко заключилъ: „Счастливымъ почитаю себя, что былъ избранъ орудіемъ къ окончательному исполненію высочайшихъ намѣреній Вашихъ и повергаю къ священнѣйшимъ стопамъ Вашимъ поздравленіе".

Въ тотъ же день и съ тѣмъ же маіоромъ Марковымъ, который везъ Императрицѣ Ясскій трактатъ, Безбородко писалъ къ своей матери: „Богъ благословилъ насъ миромъ; сегодня договоръ мирный подписанъ, и я отправляю его къ Ея Императорскому Величеству. Я долженъ еще остаться недѣль на пять, дабы сперва размѣнять мою и визирскую ратификаціи и обоихъ государей. И такъ считаю, что въ Февралѣ, около 15, буду имѣть честь васъ увидѣть, на возвратномъ пути".

Еще не зная, чѣмъ кончится происходившее въ Яссахъ, Екатерина, отъ 31 Декабря, отправила къ Безбородкѣ два собственноручныхъ рескрипта. Въ первомъ она писала: „Третьяго дня я получила письмо ваше, отъ 12 Декабря, со всѣми приложеніями. Вы пишите ко мнѣ, что непрестанные теплые дожди съ перваго Декабря мѣшаютъ поспѣшной ѣздѣ курьеровъ; а я опасаюсь, чтобъ сей не замерзъ въ дорогѣ, понеже пишу къ вамъ во время 25-градуснаго мороза, который, однако, мира не столько остановляетъ, какъ ваши дожди и отъ того происшедшія распутья. Мы считаемъ теперь минуты, паче съ тѣхъ поръ, что мнѣ извѣстна стала готовность всѣхъ пунктовъ, окромѣ Барбаренскаго, независимости Закубан-

цевъ и удовлетворенія. Ежели не скоро отъ васъ курьеръ пріѣдетъ, то почтемъ за добрый знакъ. Да поможетъ вамъ Богъ, а спасибо послѣ скажемъ".

Во второмъ рескриптѣ Императрица даетъ Безбородкѣ наставленія по Польскимъ дѣламъ: „Письмо гетмана графа Ржевусскаго изъ Яссъ и со включеннымъ рескриптомъ королевскимъ призывнымъ,—сообщала Екатерина,—я получила, о чемъ прошу его извѣстить. И какъ онъ у меня требуетъ совѣта, что́ ему отвѣтствовать, то скажите ему, что мое мнѣніе есть, дабы отвѣтъ отложилъ до тѣхъ поръ, что планъ ихъ порядочно составленъ будетъ, и о семъ съ нашей стороны съ ними соглашеносъ будетъ; тогда либо манифестомъ, либо по ихъ стариннымъ республиканскимъ обрядамъ поступать могутъ; а теперь всякій отвѣтъ прежде времени разбудитъ снова злобу противу ихъ. Обо мнѣ же скажите ему, что гетманъ Ржевусскій и всѣ привязанные къ старому ихъ образу правленія найдутъ истиннаго друга республики, въ чемъ я и трактатами обязана. Поклонитесь ему отъ меня и графу Потоцкому, генералу артиллеріи. Я ихъ почитаю истинными патріотами, борющимися за законы и вольности".

Поздравительное письмо свое къ визирю Безбородко отправилъ съ подполковникомъ Ширяемъ въ Шумлу. Вмѣстѣ съ нимъ въ Шумлу прибылъ и лейбъ-гвардіи Ея Императорскаго Величества офицеръ Татищевъ, которому было поручено доставить самолично въ Константинополь письмо Безбородки къ посланнику короля обѣихъ Сицилій графу Лудольфу, „извѣщающее о благомъ окончаніи мирнаго дѣла, въ которомъ дворъ его толь искреннее и толь безпристрастное принималъ участіе, что по всей справедливости обѣ державы наши оный за самый дружественный почитать могутъ". Безбородко просилъ визиря препроводить Татищева по назначенію.

6 Января 1792 года въ Петербургъ прибылъ маіоръ Марковъ. Велика была радость Екатерины, давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшей этого событія. Она пожаловала Маркову чинъ генералъ-маіора и 2000 червонныхъ [58]), а Безбородкѣ, отъ 10 Января, писала: „Съ крайнимъ удовольствіемъ получили мы донесеніе ваше отъ 29 Декабря о подписаніи взаимными полномочными мирнаго договора, между нами и Портою Оттоманскою заключеннаго. Труды и искусство, какое вы оказали, руководствуя сею негоціаціею, благополучнымъ успѣхомъ увѣнченною, а равно и усердіе полномочныхъ нашихъ суть такія дѣянія, коими вы оправдали въ полной мѣрѣ нашу къ себѣ довѣренность, явили Отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее наше къ себѣ благоволеніе, котораго несумнѣнные доводы на дѣлѣ увидите. Повелѣваемъ вамъ объявить монаршее благоволеніе наше всѣмъ трудившимся въ производствѣ сего дѣла. Ратификація наша на заключенный договоръ, по изготовленіи ея, чрезъ нѣсколько дней къ вамъ доставлена будетъ, а въ то время не оставимъ назначить и посла

[58]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 388.

къ Портѣ Оттоманской, апробуя образъ, какимъ вы предполагаете ознаменовать его чрезъ взаимныя съ верховнымъ визиремъ письма. Равнымъ образомъ пріемлемъ за благо распоряженіе ваше касательно учиненія подарковъ при размѣнѣ ратификацій, чего ради доставлено къ вамъ будетъ изъ Кабинета [59]) нашего двѣнадцать тысячъ червонныхъ, и тогда же получите вы для обоихъ графовъ Лудольфовъ перстень и табакерку. Прочія вещи и мѣха позволяемъ вамъ употребить изъ тѣхъ, которыя для сего случая посланы были къ покойному генералу-фельдмаршалу, князю Потемкину-Таврическому и тамъ находятся" [60]).

Черезъ недѣлю, 14 Января, Безбородко, извѣщая Булгакова о полученномъ отъ визиря наканунѣ „подтвердительномъ актѣ" на мирный договоръ, и о томъ, что визирскій подтвердительный актъ „сего дня при пушечной пальбѣ, съ таковомъ же актомъ", отъ него Безбородки даннымъ, размѣненъ, и что онъ ожидаетъ черезъ двѣ недѣли непремѣнной размѣны „государскихъ ратификацій", сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о настроеніи Турокъ по поводу заключенія ими мира съ Россіею и объ обстоятельствахъ, касающихся пріѣзжавшаго въ Яссы генералъ-маіора Потоцкаго, родственника проживавшему тамъ однофамильцу его, представителю части Польскаго общества, преданной Россіи. „Ночью минувшей возвратился оттуда же (изъ Шумлы),—пишетъ Безбородко,—извѣстный вашему превосходительству подполковникъ Бароцци, посыланный отъ меня къ визирю съ извѣщеніемъ, коимъ образомъ, по сродному Ея Императорскому Величеству великодушію и миролюбію, преподаны были самыя надежныя средства къ возстановленію мира и тишины между обѣими имперіями. Онъ принятъ былъ съ оказаніемъ крайняго восторга радости и съ отличными почестями отъ визиря, всего министерства и вообще отъ всего ихъ лагеря или главной квартиры. Они теперь сами видятъ и познаютъ въ полномъ свѣтѣ, что для спокойствія и благоденствія ихъ всего надежнѣе сохранять съ нами искреннюю дружбу и тѣсное согласіе и что другія державы употребляютъ ихъ по своимъ видамъ для ихъ имперіи. Съ большею готовностію визирь сдѣлалъ разныя, по нашимъ требованіямъ, распоряженія, въ такихъ матеріяхъ, которыя не могли войти въ постановленія трактата, а могли оставлять нѣкоторый поводъ къ притязаніямъ. Коль много ошибаются тѣ, кои надѣются интригами своими предуспѣть въ чемъ либо для насъ предосудительномъ. Россія столь велика, столь сильна, что подобное покушеніе менѣе ей чувствительно, нежели укуситъ человѣка муха. Я жалѣю только по человѣчеству, если люди въ томъ заблуждаются, и не горюю, ежели между ними находятся неблагодарные, которые безъ могущественной руки нашей едва были бы въ свѣтѣ и мало извѣстны".

„На сей разъ я хотѣлъ-бы кончить письмо мое; но не могу упустить, чтобъ не увѣдомить ваше превосходительство объ одномъ,

---

[59]) Указъ Кабинету послѣдовалъ 6 Января 1792 г.

[60]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 445, № 42.

здѣсь случившемся, происшествіи. Польской службы г. генералъ-маіоръ Станиславъ Потоцкій пріѣхалъ сюда дни два спустя по подписаніи мира. Онъ былъ мнѣ представленъ г. генераломъ артиллеріи Потоцкимъ, его родственникомъ, и я принялъ его съ надлежащимъ уваженіемъ въ сугубомъ видѣ, какъ человѣка породы знаменитой, и какъ ближняго родственника господъ гетмана Ржевускаго и Потоцкаго, мною отлично почитаемыхъ. Вдругъ услышалъ я, что г. генералъ-маіоръ Потоцкій, не соображая, что онъ пріѣхалъ въ землю, Ея Императорскимъ Величествомъ владѣемую, слѣдовательно гдѣ иностранцу прилично и должно размѣрять шаги свои противъ другихъ иностранныхъ съ крайнею осторожностію, наибольше когда тутъ дѣйствуютъ порядокъ и полиція воинскіе, поѣхалъ на свиданія сперва съ драгоманомъ Порты Мурузи, а потомъ и съ рейсъ-эфендіемъ, которыя были долговременныя. Я вспомнилъ тутъ, что во время мира Кайнарджискаго г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ Задунайскій учинилъ строгій выговоръ Римско-императорскому генералу, барону Барку, который при немъ былъ аккредитованъ, за то что онъ хотѣлъ ѣхать къ Турецкимъ полномочнымъ того времени. Я могу васъ увѣрить, что и изъ нашихъ никто къ нимъ не ѣздитъ, не сказавшися мнѣ и командующему арміею. Съ нимъ посовѣтовавъ, нашли мы, что ежели г. Потоцкій хотѣлъ видѣть Турецкихъ полномочныхъ, то долженъ былъ сказаться начальству и арміи и земли, куда онъ пріѣхалъ. Впрочемъ, Яссы, покуда мы здѣсь, могутъ быть убѣжищемъ утѣсняемыхъ, въ сѣнь оружія Ея Величества притекающихъ, а отнюдь не должны служить...... [61]) Въ иное время, ежели бы онъ пріѣхалъ, напримѣръ, до заключенія мира, да вздумалъ соваться по министрамъ державы, съ нами еще войну и несовершенно прекратившей, мы-бы его подъ честнымъ присмотромъ въ самый Петербургъ препроводили, какъ эмиссара, не позволеннымъ образомъ поступающаго; но въ разсужденіи, что дѣло благополучно и славно на досаду завистникамъ нашимъ кончено, подали мы ему consilium....... [62]) и какъ можно скорѣе вруча ему въ туже минуту паспортъ. Сего требовала военная и полицейская осторожность, и онъ внушенію нашему послѣдовалъ. Вотъ вамъ всѣ подробности происшествія, кои для того сообщаю вамъ, чтобъ вы, милостивый государь мой, были въ состояніи возражать на всякія несклонныя толкованія“ [63]).

Въ слѣдъ за тѣмъ, 30 Января, Безбородко отправилъ изъ Яссъ въ Москву къ князю А. А. Прозоровскому письмо, въ которомъ, извѣстивъ князя о заключеніи мира съ Турками, выразилъ желаніе на возвратномъ пути въ Петербургъ посѣтить Москву. „Мы все то одержали—говоритъ Безбородко—чего хотѣли, и теперь остается пользоваться покоемъ на приведеніе внутренности нашей въ цвѣтущее состояніе. Я долженъ остаться здѣсь еще до 1 Февраля для

---

[61]) Въ подлинникѣ эта часть вырвана.

[62]) Эта часть письма вырвана.

[63]) Съ собственноручнаго подлинника, хранящагося у П. С. Киселева.

размѣны государскихъ ратификацій и прочаго, а потомъ, если получу дозволеніе, учрежу путь свой обратный на Москву, и тамъ буду имѣть честь самолично васъ увѣрить въ истинной преданности и совершенномъ почтеніи“ [64]).

Вѣроятно прежнее пребываніе въ Москвѣ, о которомъ Безбородко такъ лестно отзывался въ свое время, манило его въ первопрестольную, гдѣ онъ съ исполненіемъ важнѣйшихъ государственныхъ трудовъ умѣлъ соединять заботу о своихъ домашнихъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ дѣлахъ.

Въ концѣ того же Января 1792 года онъ писалъ, между прочимъ, къ пріятелю своему Н. А. Львову слѣдующія строки: „A propos: ежели-бы я генералъ былъ, то-бы надобно сказать me reposer sur les lauriers; а мнѣ развѣ sur mes oliviers; но, кажется, жирно. И такъ мы станемъ лучше кушать des olives зеленые и черные, особливо же въ постъ, котораго первая недѣля будетъ въ дорогѣ. Прощай и напиши, что̀ говоритъ Гваренги о мирѣ. О домѣ (Московскомъ) онъ мнѣ уже прислалъ мораль, что много поваровъ портятъ обѣдъ, e poi cabale. Другое à propos для меня корыстное. Разумовскій изъ Вѣны пишетъ, что рѣзчикъ не принялся еще за работу багетовъ и креселъ для того, что по его требованію не добавлено денегъ на начало, гульденовъ тысячи; а я, давъ разомъ 2000 рублей на задатокъ, далъ и другіе 2000 ему же на люстры, наканунѣ отъѣзда моего въ Яссы. Sono perdute i miei poveri rubetti, ed io resterò senza mobili e senza denari. Trum, trum, addio“ [65]).

Черезъ день, 1 Февраля, въ письмѣ къ Я. И. Булгакову, Безбородко извѣщалъ, что размѣна взаимныхъ государскихъ ратификацій учинена 29 минувшаго Января. „Дней черезъ десять—продолжаетъ Безбородко — отправляюсь въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву; но по дурной дорогѣ, я, кончивши благополучно здѣшнее мое служеніе, намѣренъ путь свой учредить прохладно, тѣмъ паче, что и силы уже съ курьерскою ѣздою не согласуютъ; не прежде 10-го, а можетъ быть и 15-го Марта, у двора явиться располагаюся. Всѣ письма ваши съ курьеромъ получилъ я исправно. Въ краткое время жизни моей, проводивъ ея большую часть на службѣ, столько я шалостей видѣлъ, что описываемыя вами нимало меня не удивляютъ, и особливо, когда извѣстны люди. Что̀ до вашихъ собственныхъ дѣлъ касается, вѣрьте, что я не упущу ни времени, ни способовъ къ изъявленію искренней привязанности къ вамъ и почтенія“.

Къ этому письму Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми Русскіе размѣнялися съ Турками. „Отъ визиря именемъ

[64]) Съ собственноручнаго подлинника, сообщеннаго полковникомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ.

[65]) Т. е. потерялъ свои бѣдные рублики и остаюсь безъ мебели и безъ денегъ. Трумъ, трумъ, прощай! (Съ подлинника, сообщеннаго мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ).

Порты присланы мнѣ: перстень, брилліантовый солитеръ, тысячъ до 25 рублей, табакерка въ 8000 и часы тысячъ въ семь, лошадь съ богатымъ уборомъ, палатка шитая, но весьма ветхая, коверъ Салоникскій, полъ-ока адатоту (sic), 37 пудъ слишкомъ кофею, множество бальзаму, Индѣйскаго и Мекскаго, табаку, мыла, губки, трубки, амбра и 24 куска матерій и шалей, все мелкіе и разные. Я ему послалъ: прекрасный кинжалъ въ 9000 рублей, соболій мѣхъ въ 6000 рублей и до сорока соболей въ 4000 рублей съ чаемъ и ревенемъ. Не забылъ я подарить, какъ видите, все министерство, и съ обѣихъ сторонъ были подарки великолѣпные. Турки теперь употребляли все брилліанты вмѣсто розовъ" [66]).

Пока Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30 Января въ Петербургѣ изъ Яссъ пріѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. „Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). „Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали", записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ [67]). Въ этотъ же самый день Государыня наградила Безбородку 50-ю тыс. рублей денегъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ рескриптѣ по этому поводу Екатерина выражалась: „Донесенія ваши, отъ 16 минувшаго Генваря, съ генераломъ-поручикомъ Самойловымъ, мы получили. Изъявивъ вамъ признательность нашу за труды и подвиги, понесенные вами въ мирной негоціаціи, пріобщеніемъ васъ въ число кавалеровъ перваго нашего ордена святаго Андрея, сверхъ того всемилостивѣйше жалуемъ вамъ пятьдесятъ тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго, данъ отъ насъ указъ д. т. совѣтн. и генералу-прокурору князю Вяземскому. Воздавъ должное собственнымъ вашимъ заслугамъ, не оставили мы наградить и перваго изъ полномочныхъ нашихъ, мирный договоръ подписавшихъ, помянутаго генерала-поручика Самойлова [68]) пожалованіемъ ему тогда же ордена и тридцати тысячъ рублей, а подполковника Раевскаго, съ нимъ присланнаго, въ полковники. Другимъ же полномочнымъ, какъ и всѣмъ прочимъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ и, по свидѣтельству вашему, заслужившимъ монаршую нашу милость, не приминемъ мы явить опыты оныя по мѣрѣ достоинства каждаго, въ чемъ вы ихъ обнадежить можете". „Обращаясь къ содержанію донесеній вашихъ, не находимъ ничего нужнаго къ разрѣшенію по онымъ, видя съ удовольствіемъ благоразумные мѣры и поступки ваши во всемъ томъ, что предлежало еще въ настоящемъ служеніи вашемъ къ мѣстному вашему распоряженію, которое во всѣхъ частяхъ мы апробуемъ, соглашаясь и на замѣну въ свое время купцамъ нашимъ убытковъ, арес-

---

66) Съ подлинника, хранящагося у П. С. Киселева.

67) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 389.

68) Въ этихъ наградахъ, по словамъ Храповицкаго, Безбородко проигралъ. Въ дневникѣ его, подъ 31 Января 1793 г., записано: „Пожалованъ графу Александру Андр(еевичу) Безбородкѣ орденъ св. Андрея и 50 т. р.; Самойлову тотъ же орденъ и 30 т. р., но на послѣдняго въ то число надѣтъ, а къ первому посланъ послѣ, то и вышелъ Самойловъ старшимъ кавалеромъ".

тованіемъ судовъ ихъ при началѣ войны понесенныхъ, тѣми средствами, о коихъ вы представляете относительно облегченія ихъ въ пошлинѣ. Что касается до времени и мѣста размѣны взаимныхъ чрезвычайныхъ посольствъ, мы предоставляемъ также на собственное ваше благоусмотрѣніе и соглашеніе съ верховнымъ визиремъ начначить то и другое, располагая только первое такимъ образомъ, чтобъ можно было успѣть нужными къ сему случаю приготовленіями. Считая, что по сю пору и султанская ратификація получена и уже размѣнена, мы ожидаемъ ея вскорѣ, а за тѣмъ и самихъ васъ незамедлительно видѣть желаемъ, пребывая всегда вамъ императорскою нашею милостію благосклонны" [69]).

9 Февраля, „въ вечеру пріѣхалъ въ Петербургъ камергеръ графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ съ султанской ратификаціею" [70]); а 13 Февраля Императрица почтила Безбородку новымъ рескриптомъ, въ которомъ читаемъ: „Получивъ присланную отъ васъ съ камергеромъ графомъ Чернышевымъ и полковникомъ Ширяемъ султанскую ратификацію на миръ, съ Портою Оттоманскою заключенный, повторяю вамъ благоволеніе и признательность къ вашимъ усерднымъ трудамъ въ полезномъ семъ дѣлѣ. Теперь не осталось мнѣ болѣе желать, какъ скорѣе самихъ васъ здѣсь видѣть, и для того вы новую угодность мнѣ сдѣлаете, поспѣшивъ сюда пріѣздомъ вашимъ" [71]).

Въ письмѣ отъ того же числа Зубовъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ Безбородкѣ причину, почему Императрица желала скорѣе видѣть его въ Петербургѣ: „Изъ вложеннаго при семъ письма усмотрите, что угодно Ея Императорскому Величеству, чтобъ вы поскорѣй сюда возвратились. Польскіе вельможи, надѣюсь, пріѣдутъ на сихъ дняхъ. Нужно бы учинить съ ними рѣшительное положеніе, къ чему и ваши свѣдѣнія необходимо нужны".

Нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатеринѣ и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Предложенный возможно-подробный разсказъ о ходѣ мирныхъ переговоровъ, веденныхъ Безбородкою въ Яссахъ, наглядно свидѣтельствуетъ, что онъ, съ одной стороны, вполнѣ зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ отношеній и потребностей, а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неусыпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Безбородкою во время заключенія Ясскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноминувшихъ событій. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающеюся, мѣстами, къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. „Труды и искусство", оказанные Безбородкою при заключеніи Ясскаго мира, говоря слова-

[69]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 445, № ук. 94.
[70]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. Стр. 389.
[71]) Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 445, ук. 135.

ми Екатерины, „въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили Отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему“ Императрицы [72]). Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполнѣ принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки.

Пока Безбородко держалъ изъ Яссъ свой „прохладный“ путь въ Петербургъ, отдыхая отъ чрезвычайныхъ, почти полугодовыхъ, трудовъ, 25 Февраля въ столицѣ былъ обнародованъ манифестъ о заключеніи Ясскаго мира. Въ этомъ манифестѣ Императрица, сказавъ о тяжкихъ ударахъ, нанесенныхъ Турціи силами и храбростію Русскихъ войскъ на сушѣ и на водахъ, въ Европѣ и Азіи, и изложивъ ходъ мирныхъ переговоровъ, всенародно извѣщала своихъ подданныхъ о важныхъ выгодахъ имперіи и частныхъ пользахъ, доставленныхъ Россіи Ясскимъ мирнымъ трактатомъ: „Ибо 1-ое) всѣ пріобрѣтенія въ безопасности предѣловъ государства, мореплаваніе и торговля на всѣхъ водахъ Турецкихъ, которые доставили мы имперіи Россійской Кайнардижскимъ миромъ и послѣдовавшими за нимъ постановленіями, подтверждены и при семъ замиреніи во всей ихъ силѣ; а сверхъ того 2) вся Турецкая земля съ населеніями на оной между рѣкъ Буга и Днѣстра уступлена нашей державѣ. Подвинувъ предѣлы Россіи на рѣку Днѣстръ, которая отнынѣ есть границею обоюдно нашей и Турецкой имперій, получаемъ мы чрезъ свободное водоходство по сей рѣкѣ новыя способности къ распространенію нашей торговли. 3) Селенія нашихъ подданныхъ къ рѣкѣ Кубани подвергалися доселѣ набѣгамъ и грабительству горскихъ сосѣднихъ народовъ. Во пресѣченіе таковыхъ наглостей и къ полной безпечности нашихъ въ той странѣ селеній, Порта дала новыя обязательства удержать тѣ народы отъ всякихъ въ нашъ край своевольствъ и обязуется по жалобамъ съ нашей стороны доставлять скорое удовлетвореніе съ тѣмъ, что въ случаѣ полученія онаго чрезъ полгода, сама платитъ убытки изъ казны своей. Такимъ образомъ, преграда хищнымъ, а безопасность въ той странѣ живущимъ нашимъ подданнымъ содѣлана. 4) Производимое подъ флагомъ нашимъ торговое плаваніе по Средиземному морю не имѣло донынѣ полной безопасности, будучи нерѣдко обезпокоивано нападеніями отъ грабительствующихъ варварскихъ кантоновъ Алжирскаго, Тунисскаго и Трипольскаго; но и въ семъ важномъ пунктѣ храненіе чести и выгодъ нашего флага настоящимъ трактатомъ Оттоманская Порта переняла на себя, обязуяся властію своею обуздать хищниковъ, и ежели они преступили-бы когда о томъ повелѣнія ея, вознаграждать отъ себя причиненные убытки“ [73]).

Н. Григоровичъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[72]) Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 445, № 42.

[73]) Полн. Собр. Зак., № 17024.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

—„Меня насильно обвѣнчали“, жаловался пріятелю своему одинъ мужъ, недовольный своимъ брачнымъ положеніемъ.—„Да какъ же такъ?“ возразилъ ему пріятель; „вѣдь священникъ спрашивалъ же тебя: имаши ли благое и непринужденное произволеніе пояти себѣ въ жену юже предъ собою видѣши?“—„Да, теперь помнится, у меня что-то такое спрашивали; да тогда я не спохватился отвѣчать, а нынче уже поздно: не воротишь! Вотъ мы недавно отпраздновали и серебрянную свадьбу у тещи въ деревнѣ. Богъ съ нею совсѣмъ!“

*

А иногда и серебрянныя свадьбы развязываются. Карамзинъ разсказывалъ про одну знакомую ему чету. Были имянины мужа; заботливая жена заготовила ему съ полдюжины сюрпризовъ, разные подарки, обѣдъ на славу, пиръ на весь міръ, вечеромъ спектакль и балъ; однимъ словомъ, торжество на цѣлые сутки. Мужъ былъ не въ духѣ и все это принялъ брюзгливо. Когда кончился день, и гости разъѣхались, онъ пенялъ женѣ, что она сдѣлала большія издержки, что все это одна суетность, и такъ далѣе, и такъ далѣе. На слѣдующій годъ, въ день совершившагося двадцатипятилѣтняго брачнаго счастья, жена, помня прошлогоднее головомытье, ничего не готовитъ для празднованія этого дня. Она молчитъ, и мужъ молчитъ. День прошелъ ничѣмъ неотмѣченный. Недовольный супругъ пеняетъ женѣ своей за невниманіе ея, за равнодушіе, за холодность. Она сердито отвѣчаетъ, что худо была прошлаго года вознаграждена за всѣ свои сердечныя заботы и за желаніе угодить ему. Мужъ пуще сердится, разговоръ обращается въ крупный споръ, споръ въ ссору, ссора чуть ли не въ драку. На другой день двадцатипятилѣтніе супруги навсегда разъѣхались.

*

Умный, образованный графъ Сергѣй Петровичь Румянцовъ пенялъ Дмитріеву, что онъ излишне строгъ къ графу Хвостову: „А воля ваша, Иванъ Ивановичъ,“ продолжалъ онъ: „Хвостовъ уже тѣмъ заслуживаетъ уваженіе, что часто для своихъ пѣснопѣній избираетъ предметы особенно высокіе и важные“. Въ этомъ случаѣ графъ Румянцовъ сбивается немножко на Нѣмца.

*

Баратынскій какъ-то не цѣнилъ ума и любезности Дмитріева. Онъ говаривалъ, что уходя, послѣ вечера у него проведеннаго, ему всегда кажется, что онъ былъ у всенощной. Трудно разгадать эту странность. Между тѣмъ онъ высоко ставилъ дарованіе поэта. Пуш-

кинъ, обратно, не рѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ къ поэту, но всегда увлекался остроумною и любезною рѣчью его.

*

Нѣкто, очень свѣтскій, былъ по службѣ своей близокъ къ министру далеко несвѣтскому. Въ слѣдствіе положенія своего, обязанъ онъ былъ являться иногда на обѣды и вечеринки его.—„Что же онъ тамъ дѣлаетъ?“ спрашиваютъ Ѳ. И. Тютчева.—„Ведетъ себя очень прилично“, отвѣчаетъ онъ: „какъ маркизъ-помѣщикъ въ старыхъ Французскихъ опереткахъ, когда случается попасть ему на деревенскій праздникъ, онъ ко всѣмъ благопривѣтливъ, каждому скажетъ любезное, ласковое слово, а тамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлаетъ пируетъ и исчезаетъ“.

*

Неправильная разстановка буквъ *е* и *ѣ* еще небольшая бѣда: по крайней мѣрѣ, мы успѣли уже къ ней привыкнуть частыми примѣрами. Я видѣлъ собственноручное писаніе одного литтератора: онъ благодаритъ кого-то за *лѣсныя* выраженія письма его (лестныя). Одно правительственное лицо писало всегда своею рукою черновые проэкты по дѣламъ особенной важности. Этотъ грамотѣй, для облегченія себя, совершенно выкинулъ изъ Русской азбуки неугомонное *ѣ* и употреблялъ вездѣ одно *е*. Въ концѣ бумаги выставлялъ онъ съ дюжину *ѣ* и, отдавая бумагу для переписыванья, говорилъ чиновнику: „Распоряжайтесь ими, какъ знаете“. Но вотъ что можетъ быть названо nec plus ultra пренебреженія къ правописанію. Мнѣ также случилось имѣть въ рукахъ письмо нѣжнаго родителя: въ немъ извѣщаетъ онъ родственника, что *Бохъ* даровалъ ему дочку. Подобное самоуправство подлежитъ не только уголовному вѣдѣнію грамматики, но едва ли и не наложенію эпитиміи духовникомъ.

*

Въ какомъ-то уѣздѣ врачъ занимался, между прочимъ, и переводами романовъ. Землякъ его по уѣзду написалъ по этому поводу:

Уѣздный врачь, Пахомъ, въ часы свободы
От должности убійственной своей,
Съ недавнихъ поръ пустился въ переводы.
Дивлюсь, Пахомъ, упорности твоей:
Иль мало *перевелъ* въ уѣздѣ ты людей?

*

Вотъ едва ли не лучшее опредѣленіе просвѣщенія, слышанное мною отъ крѣпостнаго крестьянина, впрочемъ уже бурмистра въ селѣ своемъ и занимавшагося довольно обширною хлѣбною торговлею. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ деревню, былъ я приглашенъ имъ вечеромъ на чай. Чай, разумѣется, съ Нижегородской ярмарки, и очень хорошій. Въ продолженіе разговора обратился онъ ко мнѣ со слѣдующими словами: „А позвольте доложить вамъ: батюшка вашъ былъ къ намъ очень благоволителенъ; но вы, ка-

жется, еще благоволительнѣе; вѣдь это, я думаю, должно отнести къ успѣхамъ просвѣщенія". Я прогостилъ недѣли двѣ въ его домѣ. На прощаніи спросилъ я, какой гостинецъ прислать ему изъ Москвы за постой. „Если милость ваша будетъ, отвѣчалъ онъ, пришлите мнѣ Исторію Россіи, написанную г-номъ Карамзинымъ". Это все происходило въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Вотъ, стало быть, не все же было черство и дикообразно въ сношеніяхъ помѣщика и крѣпостнаго. Были проблески и свѣтлые и отрадные. Зачѣмъ о нихъ умалчивать?

*

Есть на языкѣ нашемъ оборотъ рѣчи совершенно *нигилистическій*, хотя находившійся въ употребленіи еще до изобрѣтенія нигилизма и употребляемый донынѣ вовсе не нигилистами. „Какова погода сегодня?"—Ничего.—„Какъ нравится вамъ эта книга?"—Ничего. — „Красива ли женщина, о которой вы говорите?" — Ничего. — „Довольны ли вы своимъ губернаторомъ?"—Ничего.—И такъ далѣе. Въ этомъ оборотѣ есть какая-то Русская, лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно Русское *себѣ на умѣ*.

*

N. N. говоритъ о Нѣмцахъ: въ числѣ ихъ хорошихъ качествъ и свойствъ, которыя могутъ почти вмѣниться въ добродѣтель, есть и то, что они не знаютъ или, по крайней мѣрѣ не сознаютъ, скуки. Этотъ общій недугъ, эта костоѣда новѣйшихъ поколѣній не заразила ихъ. Въ другихъ мѣстахъ скука доводитъ людей часто до совершенія дурачества, а иногда и преступленія: Нѣмца (говоримъ здѣсь вообще о среднемъ состояніи, о бюргершафтѣ) если, паче чаянія, и дотронется скука, то онъ выпьетъ развѣ одну или двѣ лишнія кружки пива молча, съ толкомъ и съ разстановкой; но вообще скука для Нѣмца (если уже быть скукѣ) не въ тягость, не въ томленіе; нѣтъ, она для него родъ священнодѣйствія. Онъ скучаетъ, какъ другіе священнодѣйствуютъ, съ самозабвеніемъ, съ благоговѣйною важностію. Такъ покорные и преданные племянники слушаютъ, въ Москвѣ, у старой тетки, мефимоны и длинную всенощную. На то и постъ, и племянники стоятъ у тетки, не давая замѣчать въ себѣ ни усталости, ни нетерпѣнія, ни ропота. Въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ вѣчный постъ. Посмотрите на нихъ, когда соберутся они послушать Vorlesung какого нибудь преподавателя, закаленнаго въ учености и скукѣ. Скука, крупнымъ потомъ, такъ и пробивается на лбу чтеца и слушателей; но ничего: никто не осмѣлится, никому не придется зѣвнуть, или охнуть, или уйти до окончанія длинной рацеи. Тоже и съ слушателями какой нибудь глубоко-ученой и головоломной симфоніи. Развѣ два-три человѣка изъ слушателей способны понять въ этихъ музыкальныхъ и громкихъ алгебраическихъ задачъ, а прочимъ это тарабарская грамота. Но они и не пришли веселиться: дѣло въ томъ, что музыка изъ важныхъ; вотъ они и сошлись соборно посвященнодѣйствовать.

*

Французъ и въ тяжелые и трудные дни живетъ припѣваючи; Нѣмецъ и веселится надсѣдаючись.

*

Вопросъ. Чтò можетъ быть глупѣе журнала *такого-то*?

Отвѣтъ. Подписчики на него.

*

N. N. говорилъ о комъ-то: „онъ удушливо глупъ; глупость его такъ и хватаетъ насъ за горло".

Въ скукѣ, которую иные навѣваютъ на васъ, есть точно что-то и физическое, и болѣзненно-наступательное.

*

Не помню въ какой-то газетѣ была забавная опечатка: вмѣсто банкирская контора было напечатано—башкирская контора.

*

Въ Казани, около 1815 или 1816 года, пріѣзжій иностранный живописецъ печатно объявлялъ о себѣ: „пишетъ портреты въ постелѣ и очень на себя похожіе". (Разумѣется, рѣчь идетъ о *пастельныхъ краскахъ*).

А какова эта вывѣска, которую можно было видѣть въ 1820-хъ годахъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ или Поварской! Большими золочеными буквами красовалось: Гремиславъ, портной изъ Парижа.

*

„Почему не пишите вы Записокъ своихъ?" спрашивали N. N.—„А потому", отвѣчалъ онъ, „что судьба издала въ свѣтъ жизнь мою отрывками, на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Жизнь моя не цѣльная переплетеная тетрадь, а потому и можно читать ее только урывками".

*

Въ пріемной комнатѣ одного министра (подобныя комнаты могли-бы часто, по Французскому выраженію, быть называемы salle des pas perdus—сколько утрачено и въ нихъ безполезныхъ шаговъ?) было много просителей, чающихъ движенія воды и министерскихъ милостей. Одинъ изъ этихъ просителей особенно суетился, бѣгалъ къ запертымъ дверямъ министерскаго кабинета, прислушивался, распрашивалъ дежурнаго чиновника: скоро-ли выйдетъ министръ? Между тѣмъ часы шли своимъ порядкомъ, и утро было на исходѣ; а нашъ проситель все волновался и кидался во всѣ стороны. Кто-то изъ присутствующихъ вспомнилъ стихи Лермонтова и, передѣлывая ихъ, сказалъ ему:

Отдохни немного,
Подождешь и ты.

*

На Германскихъ водахъ молодой Французъ ухаживалъ за пригоженькою Русской барынею; казалось, и она не была совершенно равнодушна къ заискиваніямъ его. Провинціальный мужъ ея не догадывался о томъ, что̀ завязывалось подъ его глазами. Пріятель его былъ прозорливѣе: онъ часто уговаривалъ его, не теряя времени, уѣхать съ женою въ деревню и напоминалъ, что пришло уже время охотиться. Онъ прибавлялъ:

Пора, пора, рога трубятъ!

*

Жуковскій, въ пѣвцѣ во станѣ Русскихъ войновъ, сказалъ между прочимъ:

И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ, Кайсаровъ.

Батюшковъ говорилъ, что эти стихи можно объяснить только стихомъ изъ того-же Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ:

Для дружбы—все что̀ въ мірѣ есть.

*

Вотъ еще одно довольно удачное примѣненіе стиха старика Майкова изъ поэмы „Елисей". N. N. говоритъ, что если кому вздумалось-бы собрать большую часть нашихъ журнально-полемическихъ статей, то онъ предлагаетъ услугамъ его и стихъ для эпиграфа:

Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады.

Только вѣрнѣе было-бы допустить маленькую варіанту и сказать:

Мараемъ и клеймимъ другъ друга безъ пощады.

Въ нашихъ полемическихъ схваткахъ рѣдко доходитъ до смертныхъ случаевъ: потому что и дерутся обыкновенно уже заблаговременно убитые и мертвые. Двухъ смертей не бывать.

*

Глупый либералъ непремѣнно глупѣе глупаго консерватора. Сей послѣдній остается тѣмъ, при чемъ Богъ создалъ его: его не трогай, и онъ никого и ничего не тронетъ. Другой заносчиво лѣзетъ на все и на всѣхъ. Одинъ просто и безобидно глупъ; другой изъ глупости дѣлаетъ глупости, не только предосудительныя, но часто враждебныя и преступныя.

*

Русскій Нѣмецъ, который любитъ щеголять Русскими пословицами, говоритъ между прочимъ: *потливой* коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

*

N. N. говоритъ про дочь одного архитектора: elle est assez mal bâtie pour la fille d'un architecte (она довольно нестройна для дочери строителя).

*

Въ Римѣ были двѣ статуи: одна древняя Марфоріо, другая новѣйшая Пасквино. Стояли онѣ другъ противъ друга. Долго служили онѣ для разныхъ вывѣсокъ и выходокъ сатирическихъ. Статуя Марфоріо задавала вопросъ, на который другая отвѣчала остротою и пасквиладою. Лѣтъ сорокъ тому или болѣе, Марфоріо спрашиваетъ сосѣда своего, что думаетъ онъ о святѣйшемъ отцѣ? Пасквино отвѣчаетъ: padre si; ma sancto, no.

*

Въ игрѣ *секретарь* заданъ былъ вопросъ: что можетъ быть непріятнѣе полученной пощечины?—Двѣ, сказано въ отвѣтъ.

*

„Жаль, что я не *выпивши*, а то далъ-бы оплеуху этому мерзавцу", говорилъ одинъ оскорбленный, но трезвый мудрецъ.

*

Жуковскій припоминалъ стихи Мерзлякова изъ одной оперы Италіянской, которую тотъ, для бенефиса какого-то актера, перевелъ въ ранней молодости своей:

Пощечину Испанцу Титу
Во всю ланиту!

Онъ, то есть Жуковскій (на ловца и звѣрь бѣжитъ) подмѣтилъ въ оперѣ Херубини слѣдующій стихъ. Водовозъ, во Французской оперѣ, спасаетъ въ бочкѣ, во время Парижскихъ смутъ, несчастнаго приговореннаго къ смерти и прикрывавшаго себя плащемъ и поетъ: Il est sauvé, l'homme au manteau. Въ Русскомъ переводѣ, отличный и превосходный актеръ Зловъ долженъ былъ пѣть:

Спасенъ, спасенъ мой другъ въ плащѣ.

Этотъ стихъ долго былъ у насъ поговоркою.

Странно, какъ подобныя поговорки, прибаутки непримѣтно и невольно вкрадываются, а иногда вторгаются въ рѣчь. Часто сами по себѣ онѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, но при частомъ употребленіи кончаютъ тѣмъ, что получаютъ условное и обыкновенно забавное значеніе въ примѣненіи къ лицу, или событію. Въ Парижѣ безпрестанно *бѣгаютъ по улицамъ* подобныя выходки, клички. Москва также отличалась ими. Напримѣръ въ 1810-мъ и 1811-мъ годахъ можно было слышать въ высшемъ Московскомъ обществѣ слова: *comme ça брусника*. Дѣло въ томъ, что кто-то подслушалъ, какъ кучеръ, разговаривая на дворѣ съ товарищами, сказалъ: *комса брусника*. И самъ расхохотался онъ, и слушатели расхохотались. Подслушавшій присвоилъ себѣ это выраженіе и перенесъ его шуткою въ нѣкоторые салоны; оно тамъ принялось и разошлось. Вошло оно въ употребленіе и по стихотворной части. Кто-то написалъ:

Пускай Сперанскій образуетъ,
Пускай на вкусъ Бесѣда плюетъ

И хлещетъ умъ въ бока хвостомъ:
Я не собьюся съ панталыка!
Нѣтъ, мое дѣло только пить,
И на нихъ глядя говорить:
Comme ça брусника!

Съ этимъ припѣвомъ написано было нѣсколько куплетовъ. Вьельгорскій положилъ ихъ на музыку, и они весело и шумно распѣвались на пріятельскихъ ужинахъ.

*

Забавный чудакъ, служившій когда-то при Московской театральной дирекціи, былъ между прочимъ, какъ и слѣдуетъ Русскому человѣку, а тѣмъ паче Русскому чиновнику, охваченъ повальною болѣзнью чинолюбія и крестолюбія. Онъ безпрестанно говорилъ и писалъ кому слѣдуетъ: „я не прошу кавалеріи чрезъ плечо, или на шею, а только маленькаго *анкураже* (encouragé) въ петличку“. Пушкинъ подхватилъ это слово и примѣнилъ его къ любовнымъ похожденіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніи не капиталъ любви, а мелкая монета ея: то есть съ одной стороны ухаживаніе, а съ другой снисходительное и ободрительное кокетство. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ кругу и слово *анкураже* пользовалось, нѣкоторое время, правомъ гражданства въ Московской рѣчи.

А вотъ еще жемчужина, отысканная Жуковскимъ, который съ удивительнымъ чутьемъ нападалъ на слѣдъ всякой печатной глупости. Въ романѣ *Вертеръ* есть милая сцена: молодежь забавляется, пляшетъ, играетъ въ фанты, и между прочими фантами, раздаются легкія пощечины, и Вертеръ замѣчаетъ съ удовольствіемъ, — что Шарлота ударила его крѣпче, нежели другихъ. Между тѣмъ на небѣ и въ воздухѣ гремитъ ужасная гроза. Всѣ немножко перепугались. Подъ впечатлѣніемъ грозы Шарлота съ Вертеромъ подходятъ къ окну. Еще слышатся вдали перекаты грома. Испаренія земли, послѣ дождя, благоуханны и упоительны. Шарлота, со слезами на глазахъ, смотритъ на небо *и на меня*, говоритъ Вертеръ, и восклицаетъ: Клопштокъ! — такъ говоритъ Гёте, намекая на одну оду Германскаго поэта. Но въ старомъ Русскомъ переводѣ романа, Клопштокъ превращается въ слѣдующее: „Пойдемъ играть въ короли“ (старая игра). Что-же это можетъ значить? Какой тутъ смыслъ? спрашиваете вы. Послушайте Жуковскаго. Онъ вамъ все разъяснитъ, а именно: переводчикъ никогда не слыхалъ о Клопштокѣ и принимаетъ это слово за опечатку. Въ началѣ было говорено о разныхъ играхъ: Шарлота, вѣроятно, предлагаетъ новую игру. *Клапштосъ* выраженіе извѣстное въ игрѣ на биліардѣ: переводчикъ заключаетъ, что Шарлота вызываетъ Вертера сыграть партійку на биліардѣ. Но по понятіямъ благовоспитаннаго переводчика, такая игра не подобаетъ порядочной дамѣ. Вотъ изо всего этого и вышло: пойдемъ играть въ короли.

Жуковскій очень радовался своему комментарію и гордился имъ.

*

Мы, кажется, упоминали уже о Павлѣ Николаевичѣ Каверинѣ, умномъ, веселомъ и неистощимомъ говорунѣ. Онъ самъ сознавался

въ словоохотливости своей. Вотъ что̀ я слышалъ отъ него. Однажды заѣхалъ онъ къ старику, больному и умирающему Офросимову, мужу извѣстной въ Московскихъ лѣтописяхъ Настасіи Дмитріевны. Желая развлечь больнаго, да и себя потѣшить, онъ цѣлый битый часъ не умолкалъ. Наконецъ простился и вышелъ. Въ передней догоняетъ его слуга и говоритъ ему: „Баринъ приказалъ спросить васъ, не угодно ли вамъ будетъ взять кого нибудь къ себѣ въ карету, чтобъ было вамъ съ кѣмъ поговорить?"

Сынъ его, Петръ Павловичь, бывшій Гетингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и Скиѳскою жаждою. Но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ сослуживцами своими: между прочими Хомутовымъ, въ послѣдствіи казацкимъ атаманомъ. Русская литтература не должна забывать, что Каверинъ былъ товарищемъ и застольникомъ Евгенія Онѣгина, который съ нимъ заливалъ Шампанскимъ горячій жиръ котлетъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

13.

20 Іюля. Сарское Село (1794).

Вы очень удивитесь, узнавъ, что я сосланъ на годъ въ имѣніе отца моего. Это событіе поразило всѣхъ. Привязались къ одному письму, написанному мною болѣе шести недѣль тому назадъ къ оберъ-камергеру [1]) съ жалобою на моихъ товарищей, изъ которыхъ ни одинъ не хотѣлъ исправлять своей должности [2]). Правда, что, въ порывѣ раздраженія, я нѣкоторыхъ изъ нихъ обозвалъ негодяями. Они сдѣлали всѣ гадости, на какія только могутъ быть способны бездѣльники. Они подписались впятеромъ, требуя, чтобъ я отрекся отъ моего письма. Потомъ, каждый по одиночкѣ, въ тотъ-же день, предложили мнѣ драться или отречься отъ моихъ словъ. Я отвѣчалъ

---

*) См. выше стр. 79.

[1]) И. И. Шувалову.

[2]) Т. е. дежурить при великомъ князѣ. Отъ большаго двора къ двору малому, т. е. въ Павловскъ или Гатчину, отряжались камеръ-юнкеры, которые могли небрежно и уклончиво относиться къ своей обязанности, зная, что съ нихъ за это не взыщется; а иные, можетъ быть, желая показать, что имъ хорошо только при большомъ дворѣ.—Надо припомнить, что Ростопчинъ тогда только что женился, и отлучаться изъ дому безъ очереди было ему непріятно; но въ тоже время онъ не хотѣлъ участвовать въ искательствѣ и угодливости своихъ товарищей.

имъ всѣмъ. Двое только назначили мнѣ встрѣчу въ городѣ, Голицынъ и Шуваловъ. Первый раздѣлся, чтобъ драться на шпагахъ, и не сталъ драться; другой хотѣлъ стрѣляться на смерть, и не принесъ пистолетовъ. Когда вся эта возня кончилась, тогда на меня взвалили новыя дрязги. Г. Мятлевъ сталъ распространять обо мнѣ слухи чрезъ нѣкоего Всеволожскаго [3]), который, съ обычнымъ нахальствомъ, вездѣ разсказывалъ, будто я на колѣняхъ просилъ прощенія у тѣхъ, кого я обидѣлъ. Бывши дежурнымъ у великаго князя, я написалъ къ нему, освѣдомляясь, отъ кого онъ слышалъ вѣсти, которыя позволяетъ себѣ разносить. Получивъ уклончивый отвѣтъ, я нѣсколько вспылилъ и отдѣлалъ его, какъ слѣдовало. Я сказалъ ему, что буду въ городѣ въ Понедѣльникъ; но, до этого дня, мои письма были показаны Зубову. Оберъ-полицмейстеръ доложилъ Императрицѣ, что на другой день будетъ дуэль. Начали съ того, что объявили мнѣ неудовольствіе ея величества. Всеволожскій прибѣжалъ съ письмомъ къ Императрицѣ, въ которомъ просилъ ее спасти честь мундира и носимаго имъ креста. Дѣло было отложено. Отобрали мои письма, разсмотрѣли ихъ, велѣли мнѣ оставаться дома, и потомъ генералъ Пассекъ сообщилъ мнѣ приказаніе ѣхать къ отцу. Въ указѣ не говорится ни о дуэли, ни объ оскорбленіи чести Всеволожскаго; упомянуто только мое письмо къ оберъ-камергеру. Замѣтьте, что *она сама* читала это письмо, что оно ее разсмѣшило, что она говорила мнѣ о немъ и велѣла написать исторію камеръ-юнкера, обратившись за матеріялами къ оберъ-камергеру. Я забылъ сказать вамъ, что Мятлевъ предупредилъ обо всемъ оберъ-полицмейстера. Въ тотъ день, когда должна была произойти моя дуэль съ Голицынымъ и Шуваловымъ, г-нъ Зубовъ пожертвовалъ мною графинѣ Шуваловой, и ея величество, по слабости своей, выслушавъ только сдѣланныя ей донесенія, наказала меня одного. Единственнымъ утѣшеніемъ служитъ мнѣ участіе, съ какимъ отнеслись къ моему приключенію немногіе, существующіе здѣсь, добродѣтельные люди. Душа моя полна негодованія, и я съ трудомъ переношу несправедливость, которой сдѣлался жертвою. Я уѣзжаю сегодня, на годъ, въ прекрасное имѣніе, принадлежащее моему отцу въ Орловской губерніи. Моя жена, которая умна и разсудительна не по своимъ лѣтамъ, поѣдетъ вслѣдъ за мною. Она рада провести со мною годъ. Помышленіе о ребенкѣ, которымъ она уже занята, вмѣстѣ съ ожиданіемъ спокойной жизни, отклоняютъ ея воображеніе отъ непріятностей пребыванія, скучнаго для нелюбящихъ уединенія. Что касается меня, то у меня тамъ будетъ много книгъ, и я займусь моимъ образованіемъ, стараясь придать зрѣлость уму, часто еще слишкомъ молодому и несозрѣлому... Зубовъ все дѣлаетъ для гр. Шуваловой...

Молодой великій князь Александръ одаренъ душою, какихъ уже не встрѣчаешь въ нынѣшнемъ вѣкѣ. По дружбѣ своей онъ соболѣзнуетъ

---

[3]) Не былъ ли это извѣстный потомъ въ Москвѣ Масонъ Николай Сергѣевичъ Всеволожскій? Въ такомъ случаѣ объяснилось бы отчасти нерасположеніе Ростопчина къ Масонамъ.

моему положенію. Онъ не колебался ни минуты и посѣтилъ меня. Онъ ничего не можетъ сдѣлать, но его слезы свидѣтельствуютъ о его сожалѣніи. Я пользуюсь его довѣріемъ и смѣю думать, что мое сближеніе съ нимъ могло бы послужить, по крайней мѣрѣ, къ удаленію отъ него нравственной испорченности и ласкательства. Но я долженъ его оставить.

Великій князь-отецъ очень сожалѣетъ о случившемся и прислалъ сказать мнѣ, что я не долженъ сомнѣваться въ его чувствахъ.

Для моего утѣшенія, напишите ко мнѣ нѣсколько словъ. Обнадежьте меня продолженіемъ вашей благосклонности: вы знаете, что ваше мнѣніе для меня выше всего. Пришлите ваше письмо на имя г-жи Загряжской. Я поступилъ опрометчиво. Мнѣ казалось, что я оскорбленъ. Остальное было дѣломъ человѣка, воодушевленнаго честью, который пришелъ въ столкновеніе съ подлецами. Прощайте, мой благодѣтель. Вы знаете, какихъ людей нужно при дворѣ. Я трепещу заранѣе, думая о моемъ возвращеніи. Я зналъ ихъ и прежде, теперь я ненавижу ихъ.—Прощайте. Да сохранитъ Богъ васъ и вашихъ дѣтей отъ всякихъ огорченій и да надѣлитъ васъ всѣми благами.

14.

26 Сентября (1794). Ливны, Орловской губерніи.

Оставляя Сарское Село, я написалъ къ вамъ письмо съ извѣстіемъ о неожиданномъ событіи. Я нахожусь въ деревнѣ уже два мѣсяца, и вѣроятно проведу здѣсь еще десять, не прибѣгая ни къ какимъ ходатайствамъ для сокращенія срока моего пребыванія. Жена моя замѣняетъ мнѣ все. Въ ней столько же кротости, сколько и твердости. Озабоченная исключительно моимъ счастьемъ, она радуется своему пребыванію въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ вполнѣ предаться своей наклонности къ умственнымъ занятіямъ. Она очень свѣдуща въ исторіи и въ литературѣ и владѣетъ искусствомъ рисованія въ совершенствѣ. Я имѣю большую библіотеку, надежду сдѣлаться отцомъ черезъ два мѣсяца—сколько причинъ, чтобы не знать горя и скуки! Я могу себя упрекать за нелѣпый и неумѣстный порывъ выступить Катономъ; но я наказанъ. Впрочемъ, моя совѣсть спокойна, и я утѣшаюсь мыслью, что стоялъ за свою честь. Я нажилъ себѣ много враговъ. Дворянинъ древняго, но малоизвѣстнаго рода, захотѣвшій обходиться съ людьми какъ они того заслуживаютъ, не могъ ожидать ничего инаго, кромѣ непріятностей. Это очень долгая исторія, которую я объясню вамъ впослѣдствіи.

Я получилъ ваши два письма и столько же цѣню вашу дружбу, сколько горжусь мыслью, что заслужилъ ее; человѣкъ, удостоившійся вашего уваженія, имѣетъ надежное оружіе противъ зависти и клеветы. Поэтому я почитаю величайшимъ счастіемъ въ моей жизни, что вы меня знаете, и мнѣ ничего не оставалось бы желать, еслибъ я могъ доказать вамъ мою преданность и мою признательность за оказанныя мнѣ благодѣянія.

По извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Петербурга, видно, что успѣхи Французовъ въ нынѣшнемъ году значительнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Было бы очень прискорбно, еслибъ имъ удалось, перемѣною системы и обращенія въ завоеванныхъ странахъ, внушить сочувствіе къ ихъ гнуснымъ правиламъ, кои способны произвести совершенное потрясеніе въ общественномъ строѣ. Они слишкомъ увѣрены въ своихъ силахъ и слишкомъ ободрены быстрыми успѣхами, чтобъ отказаться отъ распространенія повсемѣстныхъ безпорядковъ. Притомъ, ихъ самозванные законодатели, или взаимные обличители, находятъ себѣ личную выгоду въ томъ, чтобы занимать умы народа опасностями войны и удерживать армію вдали отъ родины, гдѣ она могла бы захватить власть. Слѣдуя примѣру Римлянъ, они безъ сожалѣнія вспоминаютъ о Силлахъ, Маріяхъ, и т. п. Гильотина стóитъ, конечно, Тарпейской скалы и мѣшаетъ нѣкоторымъ бездѣльникамъ (болѣе отважнымъ, чѣмъ товарищи ихъ по преступленіямъ) стремиться къ правленію націей, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время: ибо они все-таки останутся Французами.

Кочубеемъ очень довольны. Его усердіе, его дарованія и честный характеръ заранѣе обезпечили ему успѣхъ. Г. Смирновъ пишетъ мнѣ, что вы приняли на себя трудъ велѣть для меня снять портреты съ вашихъ дѣтей. Этимъ вы мнѣ оказываете новую милость. Еслибъ я могъ имѣть еще новое чувство, то оно было бы посвящено вамъ; но я весь вашъ, и моя жена раздѣляетъ священную и неизмѣнную приверженность мою къ вашимъ добродѣтелямъ.

Слѣдующее за симъ письмо уже опять писано изъ Петербурга. Ростопчинъ пробылъ около года въ Ливенской деревнѣ своего отца и потерпѣлъ наказаніе за свою горячность. Обѣщаннаго имъ подробнаго разсказа объ этой ссылкѣ мы не отыскали; но во всякомъ случаѣ его приверженность къ великому князю Павлу Петровичу была вполнѣ заявлена, и тутъ надо видѣть одну изъ причинъ послѣдующаго ихъ сближенія, имѣвшаго столь великое значеніе въ судьбѣ ихъ обоихъ. М. А. Дмитріевъ, въ книгѣ: „Мелочи изъ запаса моей памяти“ (стр. 231) передаетъ (со словъ А. П. Протасова) анекдотъ о томъ, какъ Ростопчинъ вошелъ въ милость къ Павлу, подаривъ ему воинскія игрушки, вывезенныя изъ Пруссіи. Это могло быть, но конечно не имѣло существеннаго значенія. Анекдотъ слышанъ отъ самаго Ростопчина; но онъ передавалъ его въ послѣдніе годы жизни, въ томъ безотрадномъ состояніи, когда онъ обливался желчью и готовъ былъ самому себѣ приписывать неблаговидныя побужденія.

15.

20 Августа 1795. С.-Петербургъ.

Послѣ того, какъ я сообщилъ вамъ радостное извѣстіе, что у меня родился сынъ [4]), я три раза принимался писать вамъ и три раза рвалъ мои письма: я могъ писать только по почтѣ, и благоразуміе, съ которымъ я начинаю нѣсколько свыкаться, заставляло меня

[4]) Говорится про графа Сергѣя Өедоровича, нѣжно любимаго, потомъ отвергнутаго отцомъ, долго проживавшаго въ Италіи и скончавшагося въ Москвѣ уже въ царствованіе Николая Павловича.

опасаться прочтенія. Въ томъ положеніи, въ какомъ я находился, письмо къ благодѣтелю требовало надежности, и я могъ навлечь вамъ какую нибудь непріятность, передавая о томъ, что́ случилось со мною и что̀ доходило до моего свѣдѣнія.

Вы упрекаете меня въ неосторожности моего поступка; но мнѣ сдается, что вы не хотите назвать его настоящимъ именемъ, то-есть страшною глупостью. Стеченіе мелкихъ непріятностей, неумѣстное тщеславіе и презрѣніе къ нѣкоторымъ моимъ товарищамъ вызвали это проклятое письмо [5]), надѣлавшее мнѣ столько хлопотъ. Черезъ полчаса по написаніи я почувствовалъ, какой сдѣлалъ промахъ; но уже нельзя было поправить дѣло. Я поступилъ, какъ мыслилъ во всю мою жизнь, которая была бы мнѣ въ тягость безъ сохраненія чести. Для этого я пожертвовалъ всѣмъ. Я пострадалъ, что̀ и было естественно. Я имѣлъ противъ себя вліятельнѣйшія фамиліи, г-на Зубова и мою глупость, которая дѣлала меня виноватымъ. Меня сослали въ деревню. Я принадлежалъ самому себѣ въ продолженіи года. Я сдѣлался отцомъ, будучи другомъ женщины, которая, 20-ти лѣтъ отъ роду, заслуживаетъ уваженія и почитанія, подобающихъ добродѣтели. Эти двѣнадцать мѣсяцевъ протекли слишкомъ скоро. Вотъ я возвратился. Я нѣсколько отвыкъ отъ двора; но надѣюсь скоро опять привыкнуть и стану вести себя совершенно иначе, мыслить какъ можно тише и беречь мои думы про себя. Императрица велѣла мнѣ сказать чрезъ г-на Пассека, что она никогда не имѣла намѣренія меня наказывать, но что сочла мое удаленіе необходимымъ, какъ единственное средство предотвратить послѣдствія, еще болѣе прискорбныя и которыя заставили бы ее прибѣгнуть къ строгости законовъ; что она даже надѣялась, что голова у меня освѣжится и что *битый стоитъ двухъ небитыхъ*. Въ мое отсутствіе всячески старались очернить меня въ ея мнѣніи, выставляя мою неосторожность какъ вѣрный знакъ буйнаго и безпокойнаго нрава. Утверждали даже, будто я написалъ письмо къ оберъ-камергеру по приказанію великаго князя. Вообще, я никогда не кончилъ бы, еслибъ захотѣлъ передать вамъ всѣ пошлыя клеветы, которыя разносились на мой счетъ. Я презираю общественное мнѣніе, подчиненное придворному вліянію и направляемое наглыми глупцами, которые, не имѣя собственной репутаціи, посягаютъ на чужую.

Съ моего отъѣзда, великій князь не захотѣлъ видѣть никого изъ камеръ-юнкеровъ и, какъ скоро узналъ о моемъ возвращеніи, велѣлъ сказать мнѣ, чтобъ я къ нему явился въ Павловскъ. Онъ осыпалъ меня знаками благоволенія и настоятельно потребовалъ, чтобъ я, не стѣсняя себя, посѣщалъ его вездѣ, гдѣ онъ будетъ находиться и когда мнѣ заблагоразсудится. Наконецъ, желая дать мнѣ еще сильнѣйшее доказательство отличнаго вниманія, онъ дозволилъ мнѣ носить у него особенный его мундиръ, что̀ почитается за величайшую милость, которой онъ не удостоиваетъ почти никого. Зная

---

[5]) Т. е. дерзкое письмо къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

лучше другихъ, на сколько его характеръ склоненъ къ перемѣнѣ, я мало полагаюсь на теперешнія его чувства и буду всѣми мѣрами стараться не заходить слишкомъ далеко въ сближеніи съ нимъ. Всего вѣрнѣе ни во что не вмѣшиваться. Притомъ, его тайны не имѣютъ для меня ничего привлекательнаго, и я предпочелъ бы явную опалу и его ненависть униженію себя неблаговидною угодливостью, которую многіе считаютъ дозволеннымъ и нисколько непреступнымъ средствомъ. Великій князь уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ останется до 24-го Ноября. Съ нимъ обходятся хуже обыкновеннаго и прошлымъ лѣтомъ велѣли сказать ему, по поводу предположенной имъ поѣздки въ Павловскъ, что это будетъ стòить слишкомъ много денегъ и чтобъ онъ оставался на своемъ мѣстѣ. Великому князю Россійскому, которому отъ роду 41 годъ и на котораго будущіе подданные смотрятъ съ пренебреженіемъ, есть съ чего сохнуть на корню (sécher sur pied). Обращеніе его съ супругою нисколько не измѣнилось...

Великій князь Александръ тронулъ меня изъявленіемъ привязанности во время моего отсутствія и радости, съ какою онъ встрѣтилъ меня, когда я возвратился. Когда подумаю о лицахъ, его окружающихъ, и нахожу въ немъ такую прекрасную душу, то сердце мое обливается кровью при мысли, что этотъ молодой человѣкъ не былъ ввѣренъ вашему попеченію. Въ вашихъ убѣжденіяхъ онъ почерпнулъ бы все благо, которое осчастливило бы милліоны людей, и вы образовали бы лучшаго изъ государей, внушая ему добродѣтель вашимъ примѣромъ.

Великая княгиня Елизавета довольно плоха здоровьемъ. Скука убиваетъ ее. Она любитъ своего супруга, но онъ слишкомъ молодъ, чтобъ занимать ее вполнѣ. Она отличается умомъ и поведеніемъ, рѣдкимъ въ ея лѣта. Ея характеръ развивается и начинаетъ проявлять внушительную твердость. Съ тѣхъ поръ какъ она здѣсь, ее ни разу не могли упрекнуть въ какомъ либо необдуманномъ поступкѣ....

По отъѣздѣ Головкина, Штакельбергъ, бывшій посланникъ, замѣстилъ его во всѣхъ его должностяхъ при графѣ Зубовѣ; онъ ведетъ себя омерзительно. Графъ Зубовъ—здѣсь все. Нѣтъ иной воли, кромѣ его собственной. Его власть обширнѣе той, какою пользовался князь Потемкинъ. Онъ все также нерадивъ и неспособенъ, какъ и прежде, хотя Императрица говоритъ всѣмъ и каждому, что это величайшій геній, какого когда-либо производила Россія, что одинъ Богъ свидѣтель его усердія и трудовъ и что единственно онъ присоединилъ къ Россіи Курляндію и Польскія области. Въ настоящее время онъ старается вытѣснить изъ службы графа Николая Салтыкова, съ цѣлью получить мѣсто президента Военной Коллегіи и черезъ то сдѣлаться фельдмаршаломъ. Онъ очень сблизился съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, котораго скоро женятъ на одной изъ трехъ принцессъ Саксенъ-Кобургскихъ; онѣ въ будущемъ мѣсяцѣ пріѣдутъ сюда съ матерью. Онъ помѣстится въ Мраморномъ дворцѣ, который для него отдѣлывает-

14*

ся. Думаютъ также составить ему дворъ, и находится уже довольно людей, отважныхъ и себя не жалѣющихъ, которые ищутъ при немъ назначеній.

Третьяго дня роздано 62-мъ лицамъ 109,000 душъ Польскихъ крестьянъ, большею частью староства. Графу Зубову досталось 13,000 съ доходомъ въ 100,000 рублей на серебро. Фельдмаршаламъ графамъ Румянцову и Суворову по 7000 каждому; князю Репнину, графу Остерману и Безбородкѣ по 5000, Маркову 3700, Тутолмину 3000, Трощинскому 1700. Васъ пріятно удивитъ, что Рожерсонъ получилъ 1600 душъ: это доставитъ ему по крайней мѣрѣ 6000 р. годоваго дохода. Эти милости породили болѣе завистниковъ, чѣмъ счастливцевъ.

Вы удивитесь, графъ, услышавъ о женитьбѣ фельдмаршала на вдовѣ Капуани. Бракосочетаніе должно было совершиться вчера, и это удивляетъ всѣхъ. Нѣкоторые приписываютъ это старинной страсти, а другіе неудовольствію на дѣтей. Вѣрно то, что онъ открылся только г-ну Пассеку, который испросилъ ему дозволеніе жениться и распорядиться имѣніемъ. Графъ Сергѣй смотритъ на это событіе, повидимому, довольно спокойно. Онъ все еще остается здѣсь, не помышляетъ объ отъѣздѣ, совсѣмъ не является къ двору и не ладитъ съ графомъ Зубовымъ. Графъ Николай Румянцовъ скоро пріѣдетъ сюда и вѣроятно не возвратится болѣе во Франкфуртъ. Вдова оберъ-шенка дѣлаетъ его наслѣдникомъ въ ея части Нарышкинскихъ имѣній, т. е., изъ десяти тысячъ душъ крестьянъ, городскаго дома и дачи на Петергофской дорогѣ. Увѣряютъ, что графъ Сергѣй желаетъ уступить свое мѣсто брату, чтобъ оставаться неотлучно при г-жѣ Нелединской, которая овладѣла имъ вполнѣ.

Г-нъ Марковъ, повидимому, опять въ милости; по крайней мѣрѣ это явствуетъ изъ пожалованія ему имѣнія. Графъ Валеріянъ Зубовъ еще ничего не получилъ. Онъ живетъ здѣсь съ одной графиней Потоцкой, въ которую влюбленъ до безумія и на которой желалъ бы жениться, но ему не позволяютъ. Генералъ-прокуроръ имѣлъ наглость тоже просить помѣстій, видя, что всѣмъ раздаютъ; но ему порядкомъ намылили голову. Г-нъ Пассекъ, который проводитъ жизнь у графа Зубова, тоже ничего не получилъ. Трощинскій очень въ ходу и очень вліятеленъ. Его приверженность къ графу Безбородкѣ заслуживаетъ искренняго уваженія тѣхъ, кто считаетъ благодарность одною изъ величайшихъ добродѣтелей. Кочубеемъ очень довольны. Онъ говоритъ все, какъ есть, и никогда не скрываетъ правды. Это, какъ я думаю, вѣрное средство пріобрѣсти со временемъ довѣріе, испытавъ нѣсколько вспышекъ оскорбленнаго самолюбія.

Полученъ положительный отвѣтъ отъ Берлинскаго двора, что онъ нисколько не желаетъ воевать и расположенъ оказывать всяческое вниманіе къ волѣ Императрицы, которая съ своей стороны не на шутку сердится на толстаго короля и сказала недавно, что она знала его кроткимъ, но не думала, чтобъ онъ былъ до такой сте-

пени угодливъ. Дѣло въ томъ, что *она* хочетъ войны. У нея уже готовы были распоряженія, по которымъ графъ Суворовъ съ однимъ корпусомъ долженъ былъ вступить въ Пруссію черезъ Польшу, князь Репнинъ занять границы Курляндіи, взять Мемель и пойти на Кенигсбергъ, а графъ Румянцовъ прикрывать новопріобрѣтенныя области.

Эмигранты наговорили и надѣлали столько глупостей, что начинаютъ докучать. Повидимому, даже добродѣтельный Эстергази уже не столь значителенъ, какъ прежде. Сужу по привѣтливому виду и вѣжливому тону, которые я въ немъ замѣтилъ, возвратившись сюда. Нѣкоторые изъ нихъ поѣхали устроивать хутора въ Крыму и, кажется, кончатъ голодною смертью.

Непріятное воспоминаніе о моемъ приключеніи ежедневно изглаживается новыми доказательствами пріязни ко мнѣ г-жи Загряжской, женщины рѣдкихъ свойствъ, которая достойно пользуется вашею дружбою и эту дружбу умѣетъ цѣнить. Судя по всему, что̀ графъ Головинъ сдѣлалъ для меня, я не могу, безъ явной неблагодарности, сомнѣваться въ его дружбѣ, и на мнѣ въ настоящее время оправдывается поговорка: гдѣ найдешь не знаешь, гдѣ потеряешь не чаешь. Когда мнѣ прошлаго года, въ Сарскомъ Селѣ, объявленъ былъ домашній арестъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что это дѣло можетъ принять совсѣмъ иной оборотъ, и я сжегъ всѣ бумаги, находившіяся въ моемъ портфелѣ. Ваши письма для меня погибаютъ: я жгу ихъ тотчасъ по полученіи и лишаю себя лестныхъ знаковъ вашего уваженія, съ тою цѣлью, чтобы быть покойну и не упрекать себя въ неосторожности. Я имѣю только два желанія: доказать вамъ когда либо, на сколько я вамъ преданъ, и чтобы вы имѣли случай узнать мою жену и отдать справедливость ея великимъ достоинствамъ. Ни одна женщина, въ такихъ лѣтахъ, не соединяла столько доброты нрава съ такою разумностью. Скучая придворною жизнью, среди которой она воспитывалась и которую близко узнала, она любитъ большой свѣтъ лишь на столько, на сколько необходимо бывать въ немъ, чтобы не казаться странною; мое счастье и нашъ ребенокъ вотъ исключительно два предмета, ее занимающіе. Человѣкъ вашихъ убѣжденій позавидуетъ счастью моей тетки, которой удалось образовать двухъ такихъ женщинъ, какъ моя жена и сестра ея, княгиня Голицына.

Корсаковъ такъ много наговорилъ мнѣ о вашихъ дѣтяхъ, что я начинаю вѣрить, что вамъ болѣе ничего не остается желать, какъ только прожить возможно долѣе для вашего общаго благополучія.

Г-жа Загряжская просила меня напомнить вамъ объ ея порученіи относительно касторовaго масла, которое ей очень нужно. Г-нъ Колычевъ изъ Гаги скоро отправится въ Берлинъ, и увѣряютъ, что Алопеусъ получитъ назначеніе въ Регенсбургъ.

16.

14 Сентября (1795). С. Петербургъ.

Спустя недѣлю по моемъ пріѣздѣ сюда, я послалъ вамъ длинное письмо съ Англійскимъ курьеромъ и полагаю, что оно уже получено вами. Пользуюсь еще отъѣздомъ г. Эйттена, чтобъ сообщить вамъ нѣсколько новостей. Раздача земель произвела множество недовольныхъ, такъ какъ награждены большею частью люди богатые и слѣдовательно нерасположенные удовлетвориться имѣніями, которыя составили бы большое состояніе для людей съ умѣренными средствами. Эмигрантамъ не нравится, что добродѣтельному Эстергази даны земли, и эти господа не шутя воображаютъ, будто Императрица не можетъ сдѣлать лучшаго употребленія изъ своихъ доходовъ, какъ продовольствовать имъ подобныхъ. Сословіе врачей очень обижено тѣмъ, что одинъ Рожерсонъ получилъ награду. Г-нъ генералъ-прокуроръ, съ досады, что ничего не получилъ, затворился у себя и не является ко двору. Онъ имѣлъ дерзость написать къ Императрицѣ письмо, въ которомъ просилъ ее принять во вниманіе расходы, неразлучные съ его должностью, и разстройство его дѣлъ. Его пожурили порядкомъ, а онъ, видно съ горя, представилъ къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 3-й степени камеръ-юнкера Д., женатаго на Строгановой, сущаго мѣщанина во дворянствѣ, которому въ одинъ и тотъ-же день даны опекуны для управленія его имѣніями и мѣсто въ департаментѣ государственнаго казначейства. Поистинѣ кажется, что хотятъ слѣдовать системѣ уничиженія, по которой негодямъ предоставляются отличія, подобающія людямъ честнымъ и достойнымъ. Иностранная Коллегія представила Кочубея къ ордену, и я надѣюсь, что ему не откажутъ въ крестѣ, который не будетъ крестомъ изъ милости (une croix de faveur). Начинаютъ цѣнить вашего соревнователя, но мало говорятъ о немъ; ибо заслуги вездѣ находятъ завистниковъ, а здѣсь производятъ клеветниковъ [6]).

Послѣ 13 мѣсяцевъ невольной отлучки, я сдѣлался воспріимчивѣе къ впечатлѣніямъ, которыя производитъ на меня зрѣлище придворныхъ низостей и подлостей, нерѣдко почитаемыхъ столь необходимыми, что онѣ становятся какъ бы священнымъ долгомъ для подлецовъ. Уѣзжая отсюда, я оставилъ дѣла̀, людей и дѣянія въ самомъ гнусномъ видѣ, и долженъ признаться, что по возвращеніи моемъ все сдѣлалось еще отвратительнѣе. Здѣсь есть генералъ-лейтенантъ **, тотъ самый, который былъ посланникомъ въ Константинополѣ. Повѣрите-ли вы, что дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ является къ Зубову за часъ до того, какъ ему вставать съ постели, готовитъ ему кофей (заявляя, что владѣетъ искусствомъ приготовлять его) и, на виду цѣлой толпы посѣтителей, наливаетъ чашку и несетъ ее наглому временщику, лежащему въ постелѣ. Другой столпъ государства, генералъ Тутолминъ, который мнитъ, что

---

[6]) Мы не понимаемъ, къ кому именно относятся эти слова.

онъ съ помощью 120.000 войска единственно своимъ геніальнымъ. умомъ удержалъ въ повиновеніи новоприсоединенныя отъ Польши области, осмѣлился сказать въ полномъ собраніи Сената графу Зубову, что онъ-де не похожъ на нѣкоего зловреднаго генія, который присоединялъ къ имперіи однѣ только пустыни, разсадники чумы, тогда какъ онъ (Зубовъ) завоевалъ плодоноснѣйшія области Польши и жертвуетъ своимъ здоровьемъ и лучшими годами для славы Императрицы. Кому больше подивитесь? Этой гадинѣ, или дрянному мальчишкѣ, дерзающему корчить Нерона передъ раболѣпнымъ Сенатомъ? Тотъ же самый Тутолминъ получилъ помѣстья, приносящія 30.000 р. годоваго дохода, и наканунѣ своего отъѣзда произведенъ въ генералъ-аншефы. Когда мнѣ сказали объ этомъ, моимъ первымъ движеніемъ было негодованіе. Онъ моложе васъ по службѣ, но навѣрное давно обошелъ васъ. Вы узнáете этого человѣка, убѣдитесь, каковы его способности, и я увѣренъ, что не почувствуете ничего, кромѣ жалости. Ваши знакомые говорили мнѣ, что имъ неловко сообщить вамъ эту новость; но я вамъ сообщаю ее, въ полной увѣренности, что она огорчила меня болѣе, чѣмъ васъ.

Принцессъ ожидаютъ къ 5 числу будущаго мѣсяца. Онѣ будутъ жить въ Мраморномъ дворцѣ, а для великаго князя Константина Павловича приготовляютъ помѣщеніе въ Шепелевскомъ дворцѣ, рядомъ съ большимъ дворцомъ. Неизвѣстно еще, когда будетъ свадьба; но вѣроятно Императрица пожелаетъ скорѣе доставить себѣ удовольствіе женить второго внука. Заранѣ соболѣзную о его супругѣ и о всѣхъ, кто будетъ состоять при его дворѣ. Послѣ свадьбы, гр. Николай Салтыковъ намѣренъ оставить службу; онъ намекнулъ объ этомъ гр. Зубову, въ надеждѣ получить болѣе значительныя награды: ибо должность президента Военной Коллегіи можетъ доставить чинъ фельдмаршала г-ну генералъ-фельдцейхмейстеру, чего онъ сильно желаетъ.

Я въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ-отцомъ; но, зная его ближе, чѣмъ кто другой, не увлекаясь никакими льстивыми надеждами въ будущемъ, веду себя такъ, чтобъ избѣгнуть короткости. Я къ нему являюсь и ухожу отъ него, какъ мнѣ вздумается. Онъ ведетъ жизнь человѣка, не желающаго ни на минуту оставаться наединѣ съ самимъ собою; онъ утомляетъ себя цѣлый день, чтобъ ночью заснуть спокойно. Онъ удостоилъ меня величайшей (по его мнѣнію) милости—носить мундиръ и шпагу его изобрѣтенія. — Великій князь Александръ Павловичъ, съ которымъ я вчера прогуливался, поручаетъ мнѣ передать вамъ привѣтствіе и увѣрить васъ, *что онъ ничего на свѣтѣ больше не желаетъ, какъ заслужить ваше уваженіе и со временемъ имѣть счастіе пользоваться вашими совѣтами.* Чѣмъ чаще вижу великую княгиню Елизавету, тѣмъ болѣе нахожу въ ней разума, удивительнаго въ ея лѣта. Большинство публики ее не очень любитъ, потому что ея застѣнчивость придаетъ ей выраженіе холодности, которую принимаютъ за гордость.

Третьяго дня спустили на воду 74-хъ-пушечный корабль, названный *Елизаветою.* При этомъ находилась Императрица. Такъ

какъ погода, которая наканунѣ вечеромъ была очень дурна, съ утра прояснилась, то Пассекъ замѣтилъ молодымъ великимъ князьямъ, что эта перемѣна погоды произошла отъ непосредственнаго дѣйствія воли Божіей, благопріятствующей всѣмъ начинаніямъ Императрицы. Она держитъ здѣсь этого человѣка, зная, что онъ грабитъ ввѣренныя ему области, и не воображая, чтобы можно было грабить и чрезъ повѣреннаго. Мнѣ очень досадно, что я кое-чѣмъ ему обязанъ.—Г-жа Лебрёнъ беретъ по 1000 и по 2000 рублей за портретъ, тогда какъ въ Лондонѣ ей платили-бы развѣ по двѣ гинеи. Она очень въ ходу; она преподаетъ моды, и ей даютъ праздники. Музыкантъ Джіардини здѣсь съ двумя своими учениками. Народъ сильно ропщетъ по поводу хлѣбнаго налога, который самъ по себѣ былъ-бы ничтоженъ, но при взиманіи будетъ для чиновниковъ удобнымъ случаемъ къ наживѣ.

У насъ имѣется здѣсь нѣкая г-жа Рекъ, сестра герцогини Курляндской. Она что-то въ родѣ ученой женщины, и притомъ еще искательница приключеній. Она была когда-то пріятельницею Каліостро, посвящалась въ тайны магнетическихъ палочекъ, но отреклась отъ старыхъ связей. Императрица оказываетъ ей благосклонность, и нѣкоторые полагаютъ, что она получитъ назначеніе состоять при новой великой княгинѣ.

Графъ Безбородко живетъ на дачѣ, потому что его городской домъ отстраивается. Онъ еще прошлаго года купилъ на 110.000 рубл. картинъ, при чемъ нѣкто Л*, великій негодяй, былъ его коммиссіонеромъ. Я имѣю искреннюю привязанность къ графу Безбородкѣ, по чувству благодарности, но огорчаюсь и не могу привыкнуть къ мысли о томъ, какъ дурно онъ окруженъ и какъ мало надежды подаетъ его племянникъ и будущій наслѣдникъ, котораго онъ здѣсь воспитываетъ. Мои враги или, вѣрнѣе, тѣ господа, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло, встрѣтили меня очень хорошо. Одинъ изъ нихъ, Всеволожскій, котораго я жестоко обидѣлъ, желая поддержать свою честь во мнѣніи публики, просилъ меня обѣщать ему, въ присутствіи свидѣтелей, что я не откажусь дать ему удовлетвореніе, если мы встрѣтимся въ чужихъ краяхъ. Я не затруднился исполнить его требованіе, вполнѣ справедливое.

17.

8 (19) Декабря 1795 г. С. Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо въ самый день прибытія курьера: г. Витвортъ мнѣ тотчасъ прислалъ его. Я столько-же польщенъ изъявленіями вашей дружбы и вниманія ко мнѣ, сколько опечаленъ, видя, что вы имѣете огорченія, которыя дѣйствуютъ на ваше здоровье. Высоко цѣня ваше благоволеніе, не имѣя ни достаточно силъ, чтобъ выразить вамъ мою признательность, ни смѣлости, чтобъ рѣшиться давать вамъ совѣты, я болѣе чѣмъ кто либо раздѣляю ваши огорченія и, уважая ваши качества и ваши намѣренія, соболѣзную о государяхъ, которые, никогда не находя случая лично распознавать людей, способныхъ достойно служить имъ, являютъ неблагодарность къ тѣмъ,

кто способствуетъ ихъ славѣ и расточаютъ благодѣянія, вспоминать о которыхъ впослѣдствіи имъ бываетъ стыдно. Я радовался мыслію, что вы нѣкогда будете счастливы памятованіемъ вашихъ дѣлъ, унося съ собою въ уединеніе благодарность народа, который цѣнитъ ваши добродѣтели и многимъ обязанъ вамъ. Здѣсь мало честныхъ людей. Эту печальную истину горько мнѣ заявлять вамъ, человѣку чувствительному, дѣтямъ котораго придется жить посреди возмутительнаго развращенія. Но есть еще нѣсколько лицъ, умѣющихъ уважать заслуги и преданныхъ вамъ душою и сердцемъ. У васъ есть въ Россіи два или три друга, но вы можете разсчитывать на сотни почитателей.

Здѣсь очень довольны этимъ союзомъ, сближающимъ насъ съ націей, которой Русскіе такъ охотно сочувствуютъ [7]). Но вообще очень мало занимаются политическими дѣлами, и продолжительность смутъ во Франціи внушаетъ равнодушіе къ ея нынѣшнимъ дѣламъ и положенію. По просьбѣ Французскаго короля, вызвали изъ Швеціи графа Сенъ-При съ цѣлью дать ему необходимыя наставленія и отправить его (если будетъ возможно) къ его законному государю. Повидимому, этотъ Французъ нисколько не похожъ на своихъ соотечественниковъ, прибывающихъ сюда искать хлѣба и приключеній. Онъ прямо говоритъ, что очень польщенъ довѣріемъ короля и нашей Императрицы и готовъ исполнить свой долгъ, но что заранѣе увѣренъ въ безплодности своего усердія. — Графъ Николай Румянцовъ находится здѣсь. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ, чтобъ увидѣть и утѣшить супругу оберъ-шенка [8]). Марковъ, который золъ на него, совѣтовалъ отправить его въ Верону поздравлять Людовика XVIII, живущаго въ тамошней гостинницѣ, съ восшествіемъ на Французскій престолъ; но это назначеніе не состоялось. Непріязнь Маркова къ гр. Румянцову возникла въ послѣдній пріѣздъ графа. Супруга оберъ-шенка, чтобъ удержать племянника при себѣ, вообразила, что нѣтъ ничего легче, какъ доставить ему мѣсто, занимаемое Марковымъ. Этотъ планъ не удался, потому что излишне разсчитывали на благосклонность Зубова, который, по мнѣнію Нарышкиной, обязанъ ей своимъ положеніемъ, такъ какъ она склоняла всѣхъ раболѣпствовать предъ нимъ, когда онъ водворялся [9]). Герцогъ Полиньякъ, прибывшій съ извѣстіемъ о вступленіи короля на престолъ, имѣлъ аудіенцію и находится еще здѣсь. Вы, кажется, знаете, что графъ Сергѣй Румянцовъ отозванъ вслѣдствіе дворскихъ непріятностей. Со времени возвращенія изъ Стокгольма, онъ не показывался и явился ко двору лишь черезъ восемь мѣсяцевъ, на другой день по пріѣздѣ Саксонскихъ принцессъ. Императрица разсердилась и велѣла сказать ему чрезъ князя Барятинскаго, чтобъ онъ болѣе не являлся въ ея малое общество; спустя

---

[7]) Говорится о тогдашнемъ тѣсномъ сближеніи нашемъ съ Англіею.

[8]) Т. е. двоюродную тетку графа Н. П. Румянцова Анну Никитишну Нарышкину.

[9]) Дѣйствительно по Дневнику Храповицкаго (21 Іюня 1789) видно, что А. Н. Нарышкина ввела 22 лѣтняго Зубова во внутренніе покои Екатерины.

нѣсколько дней послѣдовало его отозваніе. Въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ посланъ нѣкто Будбергъ, состоявшій при посольствѣ во время графа Стакельберга. Это молодой человѣкъ, воспитанный во Франціи, который усвоилъ себѣ всѣ дурные пріемы, выраженія и чванливость гарнизонныхъ офицеровъ. Притомъ, регентъ лично терпѣть его не можетъ за нѣкоторыя неумѣстныя выходки. Но у насъ дѣлаютъ все возможное, чтобъ дойти до разрыва съ Швеціей. Императрица сильно негодуетъ на предстоящій бракъ Шведскаго короля съ принцессой Мекленбургской. Она прочила за него великую княжну Александру, и когда, въ недавнее время, регентъ прислалъ камеръ-юнкера барона Шверина и другаго придворнаго кавалера возвѣстить нашему двору о бракосочетаніи короля, Императрица отправила курьера на встрѣчу этимъ посланцамъ, дабы оборотить ихъ назадъ, и они должны были пуститься домой изъ Выборга. Она даже высказалась въ приближенномъ кругу, что пока будетъ жива, этому браку не бывать. Она очень занята мыслію о завоеваніи Персіи, и въ этихъ видахъ вызванъ сюда фельдмаршалъ графъ Суворовъ, который пользуется большимъ почетомъ, живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, предается сумасбродствамъ, глумится надъ графами Салтыковыми, высказываетъ Императрицѣ непріятныя истины о дурномъ состояніи войскъ и на каждомъ словѣ обнаруживаетъ безмѣрное самолюбіе. Онъ представилъ списокъ генераловъ, которыхъ желаетъ имѣть съ собою. Съ удивленіемъ находятъ, что въ этомъ спискѣ не значатся ни гр. Валеріянъ Зубовъ, ни даже гр. Николай, который, однакоже, ему зять. Суворовъ хочетъ служить съ генералами Исленьевымъ, Буксгевденомъ, Шевичемъ и Исаевымъ. Для этого похода предназначается 15.000 войска.

Персидскій шахъ прислалъ сюда своего брата просить покровительства Императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловаться на неистовства, совершенныя генераломъ Павломъ Потемкинымъ въ бытность его главнокомандующимъ на Кавказѣ. Жестокости Испанцевъ въ новомъ свѣтѣ и Англичанъ въ Индіи ничтожны въ сравненіи съ дѣйствіями нашего воина-философа, занимавшагося переводомъ Элоизы Руссо и въ тоже самое время губившаго всѣхъ, послѣ кого онъ могъ покорыстоваться. Императрица назначила слѣдственную коммисію изъ членовъ всѣхъ судебныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ адмирала Чичагова. Потемкинъ вскорѣ пріѣдетъ сюда, но полагаютъ, что ему ничего не будетъ, потому что онъ слишкомъ богатъ.

Нѣкто Воланъ, инженерный офицеръ, который ѣздилъ съ Кутузовымъ въ Константинополь и которому поручено было снять на карту тамошнюю мѣстность, возвратился съ плодами своихъ работъ. Онъ привезъ великолѣпные планы и проектъ, по которому три колонны, отправясь одна изъ Бендеръ, другая изъ Яссъ, третья изъ Очакова и поддерживаемыя многочисленною флотиліей, должны къ Августу мѣсяцу дойти до Константинополя, совершивъ весь походъ въ три мѣсяца. Этотъ проектъ такъ хорошъ и такъ удобоисполнимъ, что предполагаютъ осуществить его при первомъ слу-

чаѣ. Въ ожиданіи этого, Воланъ получилъ Владимірскій крестъ 3-й степени и денежную награду.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ жалобъ Неаполитанскаго двора на посланника нашего и благодаря многимъ лживымъ донесеніямъ его, Императрица приказала отозвать негодяя Головкина, и кандидаты наперерывъ домогаются этого привлекательнаго мѣста. Полагаютъ, что оно достанется графу Панину, который находится при князѣ Репнинѣ въ Гроднѣ, гдѣ нечего дѣлать ни тому, ни другому.

Г-нъ Тутолминъ, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ подаются на него жалобы, придумалъ написать сюда, чрезъ одного изъ подвластныхъ ему губернаторовъ, что во время объѣзда новыхъ областей карета его опрокинулась, при чемъ будто онъ переломилъ себѣ руку и два ребра. Въ первую минуту были очень тронуты несчастнымъ случаемъ, приключившимся такому усердному слугѣ: послали хирурговъ и операторовъ; но истина, всюду проникающая, успокоила всѣхъ на счетъ сохраненія дней этого новаго намѣстника, и оказывается, что онъ просто былъ вываленъ изъ экипажа и получилъ легкій ушибъ въ руку. Въ настоящее время Императрица очень недовольна этимъ господиномъ. Онъ ограбилъ всѣ области, точно они были взяты приступомъ. Пожалованныя ему земли принадлежали нѣкоему Чапкѣ, который былъ за границей, когда началась послѣдняя революція въ Польшѣ. Все это время Чапка провелъ въ Карлсруэ и переслалъ въ свое имѣніе серебряной утвари на 8000 червонцевъ. Онъ возвратился домой тотчасъ послѣ раздѣла и нашелъ свое имущество секвестрованнымъ. Тутолминъ предназначилъ оное себѣ и получилъ безъ труда, выдавши этого Чапку за самаго отъявленнаго Якобинца. Теперь этотъ человѣкъ находится здѣсь, съ одобрительными свидѣтельствами отъ фельдмаршала графа Румянцова, который принимаетъ въ немъ большое участіе.

Великій князь Александръ Павловичъ поручаетъ мнѣ сказать вамъ, *что онъ желаетъ, чтобъ вы вспоминали о немъ, когда вспоминаете о тѣхъ, кто васъ уважаетъ.* Ему очень хочется имѣть дѣтей; но я думаю, что они оба еще слишкомъ молоды.

Великій князь отецъ возвратился въ городъ къ 24 Ноября. Ему приключилась большая непріятность. Одинъ проходимецъ, по имени баронъ Борхъ, опредѣлившійся къ нему въ качествѣ управляющаго Гатчинскими землями, вкрался въ его довѣренность и сдѣлался главнымъ директоромъ по строительной части. Въ теченіи двухъ лѣтъ этотъ человѣкъ укралъ покрайней мѣрѣ 300.000 р., такъ какъ не могъ дать удовлетворительнаго отчета въ 500.000 р., перешедшихъ черезъ его руки. Великій князь прогналъ его. Это еще болѣе запутало его дѣла, и у него слишкомъ на 600.000 р. долговъ. Увѣряютъ, что Императрица теперь хочетъ заплатить всѣ эти долги. Дай-то Богъ! Я все въ тѣхъ же отношеніяхъ съ великимъ княземъ-отцомъ: избѣгаю его откровенностей, никогда не пріучаю его видѣть меня два дня съ ряду и говорю ему правду, насколько это возможно при его характерѣ. Онъ говоритъ, что я также необ-

ходимъ ему, какъ воздухъ; но я хорошо знаю цѣну этимъ выраженіямъ, и они не дѣйствуютъ на мои нервы. Я съ нимъ ѣзжу верхомъ, могу приходить къ нему въ кабинетъ, но имѣю свой неизмѣнный планъ дѣйствій, отъ котораго не уклонялся еще ни на минуту. Я ношу одинъ изъ тѣхъ жалованныхъ мундировъ, которые онъ предоставляетъ лишь тѣмъ, кого желаетъ особенно отличить. Вообще великій князь думаетъ, что я великій воинъ; но я уже потерялъ прежнюю охоту и усердіе къ этому ремеслу, столь почетному и у насъ столь опозоренному.

Архаровъ, прибывшій сюда нѣсколько дней тому назадъ, назначенъ *первозасѣдательствующимъ въ С.-Петербургской губерніи*. Выгодное мнѣніе, какое онъ внушилъ о своихъ дарованіяхъ, въ бытность Московскимъ полицеймейстеромъ, и всеобщій безпорядокъ, царствующій въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, были виною этого назначенія. Чтобы дать вамъ понятіе о тупоуміи здѣшняго полицеймейстера г. Глазова, я сообщу вамъ слѣдующій случай. На дачѣ князя Шаховскаго, находящейся въ 3 верстахъ отъ города, на Петергофской дорогѣ, произошелъ пожаръ. Глазовъ прискакалъ со всѣми гасительными снарядами; но, узнавъ, что эта мѣстность принадлежитъ къ Софійскому уѣзду, поворотилъ назадъ, объявивъ, что это до него не касается.

Графъ Безбородко скоро уѣзжаетъ въ Москву посмотрѣть на свой новый домъ и немного освѣжиться, какъ самъ онъ говоритъ. Онъ вдругъ пристрастился къ покупкѣ картинъ, на которыя, въ теченіи десяти мѣсяцевъ, издержалъ около 120.000 рублей. Вы можете себѣ представить, какъ наживаются тѣ, кому графъ поручаетъ покупки, и во главѣ ихъ г. Л-въ Живописецъ Гуттенбрунъ, въ которомъ вы принимали столько участія [10]), кажется, разбогатѣетъ, по многимъ причинамъ: прежде всего потому, что онъ довольствуется умѣренными цѣнами и потому, что пріѣхалъ именно въ такое время, когда Императрица была сердита на г-жу Лебрёнъ. Преувеличенный восторгъ нашихъ дамъ, страсть ихъ одѣваться по ея указаніямъ и множество разныхъ нелѣпостей помѣшали г-жѣ Лебрёнъ имѣть успѣхъ, какого она ожидала. Она написала портреты обѣихъ молодыхъ великихъ княгинь и, не будучи большимъ знатокомъ въ картинахъ, можно сказать, что портреты очень плохи: есть очень крупныя ошибки въ рисункѣ и колоритъ, въ которомъ преобладаетъ лиловый цвѣтъ, производитъ самое непріятное впечатлѣніе. Вы удивитесь, когда я вамъ скажу, что наши свѣтскія женщины не только наперерывъ ухаживаютъ за г-жею Лебрёнъ, но что и пѣвецъ, Итальянецъ Мандини, членъ здѣшней прекрасной труппы, тоже производитъ между ними ссоры. На этихъ дняхъ княгиня К..., жена князя Алексѣя (этого лицемѣра и низкаго льстеца), разсказывая, какъ счастлива она была наканунѣ, полагала это счастіе въ томъ, что провела вечеръ съ г-жею Мандини, которая не что иное, какъ старая содержанка, и вдобавокъ, что самъ Мандини,

---

[10]) См. въ Р. Архивѣ 1873 (стр. 1687) письмо графа С. Р. Воронцова къ графу Безбородкѣ отъ 17 Сентября 1795 года о Гуттенбрунѣ.

весь въ поту и въ халатѣ, появился тутъ же, вернувшись изъ театра послѣ представленія. Коль скоро не стыдишься говорить подобныя вещи и до такой степени забываешься, неудивительно, что не внушаешь къ себѣ уваженія, подобающаго общественнымъ добродѣтелямъ и порядочному поведенію.

Г-жа В... ская, которая ѣздила повидаться съ отцомъ, разсердить его и уѣхать, когда онъ былъ при смерти, возвратилась изъ своей поѣздки. Она хвалится тѣмъ, что привезла изъ Рима кости своей матери, которая была похоронена тамъ прошлаго года. Вмѣсто дочерней нѣжности, которою она хочетъ отличиться, я тутъ вижу только жестокость: открывъ гробъ матери и видя, что трупъ еще не совсѣмъ истлѣлъ, она, дабы избавиться отъ запаха, велѣла погрузить тѣло въ негашенную известь, такъ чтобъ остались однѣ кости. Сколько я знаю, г-жа В... ская никогда не обладала качествами, отличающими добрыхъ дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, и потому ея поступокъ, выхваляемый глупцами какъ нѣчто превышающее силы женщины, мнѣ кажется болѣе свойственнымъ Медеѣ, чѣмъ доброй дочери.

Принцъ Нассаускій недавно возвратился изъ Испаніи, гдѣ хлопоталъ о полученіи генеральскаго чина. Онъ имѣетъ нѣкоторыя притязанія на земли, конфискованныя у Поляковъ, родственниковъ его жены, участвовавшихъ въ послѣднемъ возстаніи. Здѣсь его приняли очень дурно. Ему намекнули, чтобъ онъ болѣе не являлся на придворные обѣды. Неудовольствіе Императрицы происходитъ отъ того, что онъ оставилъ службу. У насъ толчется множество Французовъ, которые вмѣшиваются во все и обо всемъ хлопочатъ, подавая записки, удостоиваемыя прочтенія. Графъ Эстергази поѣхалъ осматривать пожалованныя ему земли и пишетъ, что, пріѣхавъ туда, нашелъ прежнихъ владѣльцевъ, которые не хотятъ покинуть своего имѣнія и желаютъ знать, почему ихъ вздумали лишить собственности, тогда какъ они не отлучались ни на шагъ изъ своихъ помѣстій, дабы не подать никакого повода къ подозрѣніямъ. Это опять достойная черта почтеннаго генералъ-губернатора Тутолмина.

Сейчасъ я слышалъ, что фельдмаршалъ Суворовъ ѣдетъ въ Финляндію. Одно изъ двухъ: или не хотятъ держать здѣсь фельдмаршала-потѣшника, или желаютъ увѣрить Шведовъ, что серьозно думаютъ воевать съ ними.

Третьяго дня приключился ужасный случай съ шуриномъ г. Зиновьева, нѣкоимъ г. Дубянскимъ, который былъ камерпажемъ, гвардіи капитаномъ, а теперь совѣтникъ Банка и кавалеръ св. Владиміра. Онъ поѣхалъ на публичный балъ средняго круга, называемый танцъ-клубомъ. Встрѣтивши особу легкаго поведенія, которая была когда-то на содержаніи у графа Валеріяна Зубова, онъ сказалъ своему собесѣднику: „говорятъ, что эта дѣвка выходитъ за мужъ; нужно, чтобъ ея женихъ остерегся, какъ бы не потерять ему здоровья". Спустя нѣсколько минутъ, одинъ офицеръ подходитъ къ нему и спрашиваетъ его, правда-ли, что онъ такъ выразился объ этой женщинѣ, и на утвердительный его отвѣтъ, даетъ

ему нѣсколько пощечинъ, такъ что лицо покрылось кровью. Этотъ офицеръ оказался женихомъ распутной дѣвки и принадлежитъ къ числу тварей, покровительствуемыхъ Зубовымъ. Его безо всякаго наказанія отослали въ полкъ, а г. Дубянскаго лишили права камеръ-пажей входить въ тронную залу. Предоставляю вамъ судить объ этомъ случаѣ.

Я не совсѣмъ здоровъ. У меня ревматизмъ въ рукѣ, который меня очень безпокоитъ. Жена моя жалуется на грудь, что̀ сильно меня тревожитъ. Одинъ только сынокъ нашъ пользуется хорошимъ здоровьемъ. Вообще я нахожу, что трудно жить на свѣтѣ: жизнь есть великое испытаніе. Пока продлится моя, всегда буду вамъ преданъ.

12-го Декабря.

Графъ Сергѣй [11]) появился при дворѣ. Не знаю еще подробностей. Увѣряютъ, что Императрица, отозвавъ Головкина изъ Неаполя, писала къ г. Гримму и предложила ему это мѣсто. Онъ въ Регенсбургѣ. Неизвѣстно, приметъ-ли онъ это назначеніе [12]).

(*Продолженіе будетъ*).

---

[11]) Т. е. графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ.

[12]) Какъ извѣстно, знаменитый корреспондентъ Императрицы предпочелъ оставаться въ Германіи.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ *.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Послѣ Бородинской битвы Французскія войска „провели на бивуакахъ ужасную ночь, безъ огней, посреди мертвыхъ, умирающихъ и раненыхъ. Только на разсвѣтѣ они узнали объ отступленіи Русскихъ. Едва ли когда случалось, чтобы побѣдители испытывали послѣ побѣды такое необычайное чувство: они были какъ будто ошеломлены (frappés de stupeur). Послѣ столькихъ бѣдствій, лишеній и трудовъ, перенесенныхъ для того, чтобы понудить непріятеля къ сраженію, послѣ такихъ подвиговъ мужества, какія-же послѣдствія? Въ концѣ концовъ страшная рѣзня и скопленіе бѣдъ. Еще менѣе, чѣмъ прежде, знали они, долго ли продлится война и какой будетъ ея исходъ" [1]). Безъ сомнѣнія не бывало другой побѣды, которая производила бы такое дѣйствіе на побѣдителей. Подобное настроеніе духа въ войскахъ и невозможно послѣ одержанной побѣды, особенно въ первое время, когда еще неизвѣстны потери. А между тѣмъ это торжество, какъ „въ арміи, такъ и въ палаткѣ Наполеона, было безмолвно, мрачно, скромно и даже безъ льстецовъ" [2]). Вечеромъ послѣ битвы не слышалось ни пѣсенъ, ни разсказовъ: господствовало общее, грустное и молчаливое, уныніе [3]).

Императоръ Наполеонъ, приказавъ прекратить бой, „вечеромъ въ 7 часовъ, возвратился въ свою палатку. Его лице необычайно горѣло, волосы были въ безпорядкѣ; онъ имѣлъ видъ усталый" [4]). Часа два провелъ онъ одинъ въ палаткѣ, потомъ велѣлъ позвать къ себѣ графовъ Дарго и Дюма. „Въ 9 часовъ вечера, разсказываетъ первый изъ нихъ, мы были позваны къ императору. Ему подали обѣдъ; онъ былъ одинъ. Онъ посадилъ насъ, одного по правую, другаго по лѣвую сторону. Выслушавъ наши донесенія о тѣхъ рас-

---

*) Состояніе Москвы въ 1812 году, до вступленія въ нея непріятеля, изложено въ статьяхъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1875 года.

[1]) M. Chambray, Histoire de l'expédition de Russie, изд. 2-е, Paris, 1825, т. II, гл. 2, стр. 82.

[2]) C-te Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée, т. I, кн. VII, гл. 12, стр. 414. Paris, 1825.

[3]) L. Celner, Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812. Reutlingen. 1839, стр. 86.

[4]) Bausset, Mémoires anecdotiques par ancien préfet du palais impérial, т. II, стр. 99.

поряженіяхъ, которыя мы сдѣлали относительно раненыхъ и о ничтожности способовъ, которыя представляли намъ Колоцкій монастырь и нѣсколько уцѣлѣвшихъ избъ около Бородина, онъ началъ говорить объ исходѣ битвы и — вдругъ заснулъ. Минутъ черезъ двадцать, онъ проснулся и продолжалъ рѣчь. „Будутъ удивляться, почему я не ввелъ въ дѣло моихъ резервовъ, чтобы достигнуть болѣе рѣшительныхъ послѣдствій; но я долженъ ихъ сохранить для рѣшительнаго удара въ сраженіи, которое дастъ намъ непріятель подъ Москвою". Наполеонъ, также какъ и Кутузовъ, предполагалъ возможность новаго большаго сраженія и, стало быть, не считалъ Русскую армію разбитою и только что замолкнувшій бой рѣшительною побѣдою. Но, поддерживая вѣру въ свою непобѣдимость, онъ хотѣлъ увѣрить не только всю Европу, но и своихъ боевыхъ сотрудниковъ, свидѣтелей происшествія, что онъ одержалъ побѣду. „Успѣхъ дня обезпеченъ, продолжалъ онъ, но я долженъ заботиться объ успѣхѣ всей кампаніи, и вотъ почему мнѣ слѣдовало сберечь мои резервы" [5]). Когда онъ говорилъ, Дюма и Дарго слушали его молча; но ихъ опущенные глаза, ихъ молчаніе достаточно выражали что́ они думали. Они молчали только въ присутствіи Наполеона, передъ которымъ не смѣли говорить. Внѣ его палатки всѣ говорили, что „сраженіе съ утра было выиграно на лѣвомъ крылѣ; но вдругъ успѣшный его ходъ былъ пріостановленъ и для продолженія битвы двинуты противъ центра огромныя силы, какъ это дѣлалось въ первобытныя времена военнаго искусства; что въ этомъ сраженіи не было никакого единства въ дѣйствіяхъ, что это побѣда солдатъ, а не военачальника. Къ чему такъ спѣшили догнать непріятеля, имѣя войска усталыя, истощенныя, ослабленныя? Зачѣмъ, догнавъ его, не довершить пораженія и въ бѣдственномъ положеніи оставаться посреди озлобленнаго народа, въ безпредѣльныхъ степяхъ, въ 800 миляхъ отъ своихъ запасныхъ силъ?" „Въ этотъ важный день я не узнавалъ Наполеонова генія", говорилъ Мюратъ. „Я не могу понять его нерѣшительность", говорилъ вицекороль Итальянскій. Ней настойчиво совѣтовалъ отступать [6]). „Наполеонъ побѣдилъ, но не достигъ той цѣли, которая составляла предметъ его постоянныхъ желаній, и его положеніе сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Рѣшившись продолжать дальнѣйшее движеніе внутрь Россіи, онъ только умножалъ опасность; рѣшившись отступать, онъ понесъ бы большія потери, а его противникъ пріобрѣлъ бы огромную нравственную силу. До этого времени геній Наполеона по преимуществу блисталъ на самомъ полѣ сраженія; тамъ онъ, казалось, повелѣвалъ судьбою. При Бородинѣ, почти во все время сраженія, онъ находился въ такомъ состояніи равнодушія и въ такомъ отдаленіи отъ боеваго поприща, что самъ не могъ видѣть дѣйствій, а потому отдавалъ часто несвоевременныя приказанія. Въ самыя важныя минуты сраженія онъ выка-

---

[5]) C-te Dumas, Souvenirs, т. III, стр. 440, Paris, 1839.

[6]) C-te Segur, тамъ же, стр. 415, 416.

зывалъ большую нерѣшительность и былъ ниже своей славы". Такъ говоритъ Шамбре [7]).

Конечно не простуда, которою слегка страдалъ въ это время Наполеонъ, была причиною того, что на поляхъ Бородина онъ казался своимъ боевымъ товарищамъ и поклонникамъ его генія совершенно инымъ человѣкомъ, нежели при Аустерлицѣ, Іенѣ и Фридландѣ [8]). Его способности, какъ военачальника, не утратили своей силы; но положеніе дѣлъ было совершенно иное въ сравненіи съ прежнимъ. Это былъ уже не военачальникъ, способный жертвовать всѣмъ своему призванію; но императоръ, женатый на принцессѣ старѣйшаго изъ царственныхъ домовъ въ Европѣ, основатель династіи, которую онъ желалъ упрочить на престолѣ Франціи, государь, сравнивавшій себя съ Карломъ Великимъ. Могъ-ли онъ, гоняясь только за славою полководца, подвергать свою жизнь опасности? Напротивъ, онъ берегъ себя и въ пресловутомъ бюллетенѣ о Бородинскомъ сраженіи счелъ нужнымъ прямо заявить Европѣ, что „императоръ ни разу не подвергалъ себя опасности": l'empereur n'a jamais été exposé [9]). Съ гордой самоувѣренностью онъ предполагалъ, что вся Европа обязана его глазами смотрѣть на дѣла и заботиться о безопасности его, какъ онъ самъ заботился о ней. Но сметливый и дальновидный его умъ понималъ конечно, что какъ его отсутствіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи и Португаліи, такъ и удаленное положеніе на поляхъ битвъ, которыми онъ самъ руководилъ, должно быть чѣмъ нибудь восполнено. Отдавая справедливость дарованіямъ и опытности своихъ маршаловъ, онъ не думалъ однакоже, чтобы они могли замѣстить его. Изъ Парижа онъ самъ руководилъ военными дѣйствіями въ Испаніи и, предпринявъ походъ въ Россію, самъ повелъ свои войска. Но онъ думалъ замѣнять себя въ этихъ случаяхъ огромнымъ числомъ войскъ и количествомъ артиллеріи, подавляющею матеріальною силою. Въ этихъ видахъ разсчитаны были всѣ военныя дѣйствія Наполеона съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ бракъ съ Австрійскою эрцъ-герцогиней. Съ 1807 года до приготовленій къ войнѣ съ Россіею, въ границы Испаніи было введено болѣе 618 тысячъ Французскихъ войскъ [10]); черезъ Нѣманъ Наполеонъ перевелъ въ Россію болѣе 400 тысячъ, за которыми находился резервъ, простиравшійся до 200 тысячъ. Но дѣйствіе огромными силами несовмѣстимо съ быстротою движеній, составлявшей отличительное свойство тактики Наполеона: такихъ огромныхъ массъ не въ состояніи продовольствовать никакая, хотя бы и богатая, страна своими мѣстными средствами (чѣмъ постоянно пользовался Наполеонъ въ прежнихъ войнахъ). За огромнымъ полчищемъ должны слѣдовать такіе-же ог-

---

[7]) Histoire de l'expédition de Russie, т. II, стр. 77.

[8]) C-te Segur, Histoire et mémoires, Paris, 1873, т. VI, гл. 2, стр. 9—18.

[9]) 18-me bulletin de la grande armée. Mojaisk, 12 Septembre 1812.

[10]) Письмо Чернышева къ гр. Румянцову 1811 г. 9 (21) Февраля изъ Парижа.

ромные обозы съ продовольствіемъ. При этомъ условіи или войскà должны двигаться медленно, соображаясь съ движеніемъ обозовъ, или обозы должны отставать отъ войскъ, и войскà послѣ немногихъ переходовъ нуждаться въ продовольствіи. Такъ и случилось съ великою арміею, которая вторгнулась въ Россію. Уже въ Витебскѣ она умалилась на цѣлую треть, и подъ Бородино Наполеонъ привелъ съ небольшимъ 130 тысячь.

Но если бы огромныя количества и могли обезпечить успѣхъ, то ничто не могло замѣнить той быстроты и вѣрности боеваго взгляда, которыми отличался Наполеонъ, какъ полководецъ. Ни одно неловкое или ошибочное движеніе непріятеля не ускользало отъ его вниманія; каждымъ такимъ движеніемъ, не давая противнику времени исправить ошибку, онъ умѣлъ быстро пользоваться. Обладая такими качествами, часто онъ превращалъ сраженія, грозившія ему совершеннымъ пораженіемъ, въ полную побѣду. Но для этого нужно находиться у самаго поля сраженія, а не руководить имъ издали, и въ этомъ случаѣ, можетъ быть, упреки его боевыхъ сотрудниковъ были справедливы: слѣдуя правилу дѣйствовать бòльшими силами въ сравненіи съ непріятелемъ, онъ долженъ былъ пустить въ дѣло резервы.

Но всѣ эти упреки вытекаютъ изъ общей Французамъ увѣренности, что въ Бородинскомъ сраженіи побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Не говоримъ уже о хвастливости, имъ свойственной, о твердой вѣрѣ въ непобѣдимость императора; но частные успѣхи въ разные моменты сраженія и общая отчаянная храбрость, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, могли возродить и поддержать въ нихъ это обольщеніе. Но такъ ли смотрѣлъ на дѣло самъ императоръ Наполеонъ? Онъ тоже заявлялъ, что Бородинскій день кончился для него побѣдою. Такъ говорилъ онъ во всеуслышаніе Франціи и всей Европы; этотъ взглядъ поддерживалъ онъ и въ своихъ войскахъ. Но могъ ли онъ говорить иначе, не подрывая обаянія своей силы, которое одно держало въ покорности угнетенную имъ Европу? Могъ ли онъ говорить иначе, не лишая бодрости свою армію, истомленную трудными походами, оборванную и голодавшую? Передъ началомъ Бородинскаго сраженія онъ объявилъ войскамъ, что одержанная ими побѣда доставитъ имъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе на родину. Войска дрались отчаянно, но встрѣтили несокрушимую преграду: не было ни плѣнныхъ (кромѣ ничтожнаго количества), ни трофеевъ. Могъ ли этого обстоятельства не оцѣнить Наполеонъ и, еслибы была одержана дѣйствительная побѣда, могъ ли такой полководецъ, какъ онъ, не преслѣдовать разбитаго непріятеля? Когда, по окончаніи битвы, въ 10 часовъ вечера, заносчивый Мюратъ явился къ нему и предложилъ преслѣдовать Русскихъ, будто бы въ безпорядкѣ отступающихъ за Москву-рѣку, Наполеонъ не принялъ этого предложенія [11]).

---

[11]) C-te Segur, Hist. de la grande armée, т. I, стр. 415.

Но не одни непріятельскія войска, вторгнувшіяся въ предѣлы Россіи, провели ужасную ночь послѣ Бородинской битвы, когда то и дѣло тревожили ихъ нападенія отдѣльныхъ отрядовъ Русскаго аріергарда; не спалось и не легко было на душѣ самому ихъ предводителю, императору Наполеону. „Я провелъ ночь подлѣ него (говоритъ свидѣтель-очевидецъ); его сонъ былъ тревоженъ или, лучше сказать, онъ вовсе не спалъ. Онъ много разъ восклицалъ, быстро перевертываясь на постелѣ: „что̀ за день, что̀ за день!" (quelle journee! [12]). Его ставка у Шевардина была во всю ночь окружена цѣлымъ баталіоннымъ каре старой гвардіи: не смотря на значительное отдаленіе отъ мѣста сраженія, онъ считалъ нужнымъ принимать эти предосторожности. Когда, по утру на другой день, ему донесли объ отступленіи Русскихъ войскъ, онъ и тутъ не рѣшался ихъ преслѣдовать. „Пусть отступаютъ, говорилъ онъ; а мы повременимъ нѣсколько часовъ, чтобы заняться нашими несчастными ранеными" [13]).

„Чѣмъ бы ни кончилась битва, разсуждаетъ одинъ изъ участниковъ въ ней, отступленіемъ Русскихъ или Французовъ; но во всякомъ случаѣ Французы были такъ изнурены, напрягаясь овладѣвать укрѣпленіями и за тѣмъ удерживать ихъ, что имъ нельзя было преслѣдовать Русскихъ или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ" [14]). Герцогъ Фегензакъ, назначенный полковымъ командиромъ послѣ Бородинскаго сраженія, прямо свидѣтельствуетъ, что онъ не нашелъ прежней веселости въ солдатахъ, не слышалъ пѣсенъ и всякихъ разсказовъ: солдаты погружены были въ глубокое молчаніе. Даже офицеры ходили словно опущенные въ воду и лишь по долгу и чести исполняли служебныя обязанности. „Это уныніе, естественное послѣ пораженія, было странно послѣ побѣды, открывшей намъ ворота Москвы" [15]). Очевидно, это была такая побѣда, которая равнялась пораженію. Поэтому „Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, чтобы опамятоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы узнать навѣрное о пути, по которому двинулся ихъ непріятель. Многое, что̀ случилось потомъ, было послѣдствіемъ изнуренія великой арміи, которая, можетъ быть, и била непріятеля, но не обращала его въ бѣгство; можетъ быть, отбила его, но не разстроила" [16]).

---

[12]) Saint-Hilaire, Histoire de la campagne de Russie de 1812, т. III, гл. 7, стр. 31.

[13]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 44.

[14]) Der Krieg der Franzosen gegen Russland 1812 und 1813 von R..., стр. 124.

[15]) Souvenirs militaires, стр. 261.

[16]) Der Krieg der Franzosen etc. von R. тамъ же. Сравни сочиненіе И. П. Липранди: „Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы", въ которомъ собрано множество свидѣтельствъ очевидцевъ и большею частію иностранцевъ и послѣдующихъ историковъ войны 1812 г. (Чтенія въ имп. Моск. обществѣ исторіи и древностей 1866 г.).

Французская армія дѣйствовала наступательно, а потому не могла отбить непріятеля; Русскія войска отбили ея нападеніе и разстроили ее. Наполеонъ и не преслѣдовалъ въ порядкѣ отступавшихъ нашихъ войскъ, но шелъ слѣдомъ за ними. Обозрѣвъ поле сраженія и принявъ мѣры къ призрѣнію раненыхъ, онъ около полудня двинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, къ Можайску съ приказаніемъ остановиться въ 6 или 7 верстахъ за этимъ городомъ. Въ то время какъ Мюратъ начиналъ уже приближаться къ нашему аріергарду, въ послѣдній разъ находившемуся подъ начальствомъ Платова, въ 4 часа пополудни, начали выступать и остальныя Французскія войска. Вмѣстѣ съ ними направился къ Можайску и самъ императоръ Наполеонъ, пославъ напередъ графа Сегюра объявить Мюрату, что онъ намѣренъ ночевать въ этомъ городѣ. Приблизившись къ Неаполитанскому королю, графъ Сегюръ нашелъ его въ сильномъ волненіи и негодованіи на войска. Онъ торопилъ ихъ идти впередъ, не смотря на то, что ему было донесено, что на пути ихъ движенія находится непроходимый для конницы оврагъ; а на высотахъ за Можайскомъ, господствующихъ надъ городомъ и его окрестностями, выстроились въ грозномъ боевомъ порядкѣ Русскіе. Заносчивый Мюратъ, не довольствуясь сшибками отдѣльныхъ отрядовъ, хотѣлъ ввести въ дѣло всѣ полки своего авангарда, сердился, что они подвигаются медленно и не хотѣлъ слушать, что между нимъ и Русскими, находившимися передъ Можайскомъ, былъ непроходимый для конницы оврагъ. Графъ Сегюръ уговорилъ его не вступать въ сраженіе и возвратился объяснить императору Наполеону положеніе дѣлъ. „Я повстрѣчалъ маршала Мортье, говоритъ онъ, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ. Разговаривая между собою, мы замѣтили, что къ намъ приближается Русское ядро. „Посторонитесь, Сегюръ, сказалъ маршалъ: уступимъ дорогу тому, кто болѣе нашего спѣшитъ“ (aux plus pressés). Когда мы разступились, я замѣтилъ въ сторонѣ человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, который шелъ одинъ. Это былъ императоръ; онъ шелъ по дорогѣ къ Можайску, тихо, съ опущенною головою. Я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ находится подъ Русскими выстрѣлами. „Стало быть Русскіе еще держатся въ Можайскѣ?“. День уже клонился къ вечеру; я указалъ ему на огни по крайней мѣрѣ 40 тысячной арміи на высотахъ за Можайскомъ и прибавилъ, что сильный аріергардъ защищаетъ входъ въ городъ. Наполеонъ повернулъ назадъ, сказавъ: „Если такъ, то пойдемъ и подождемъ до завтра“, и провелъ ночь въ первой попавшейся деревушкѣ, Кривушѣ [17]). Очевидно, императоръ Наполеонъ не думалъ преслѣдовать Русскія войска, но шелъ за ними, наблюдая ихъ движеніе и не зная, что̀ можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Что въ такомъ именно настроеніи духа находился императоръ Наполеонъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство. Во всю бо-

---

[17]) Segur, Hist. et mémoires, т. VI, гл. 1, стр. 11—15. Его же Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. I, гл. 13, стр. 243 и слѣд.

евую его жизнь никогда не случалось, чтобы онъ медлилъ извѣстить Францію и Европу объ одержанной побѣдѣ, и всегда бывало, что онъ немедленно диктовалъ бюллетень, извѣщавшій всѣхъ объ его успѣхѣ. Между тѣмъ „18-й бюллетень великой арміи" помѣченъ: „Можайскъ 12-го Сентября 1812 г." (30 Августа)", т. е. черезъ четыре дня спустя послѣ Бородина, когда Наполеона убѣдился, что Русскія войска безостановочно продолжаютъ отступленіе къ Москвѣ. Это отступленіе, послѣ большаго, кровопролитнаго сраженія, давало ему предлогъ выдать передъ Европою Бородино какъ одну изъ блистательныхъ побѣдъ великой арміи. Такъ смотрѣли на дѣло и тѣ изъ его боевыхъ сотрудниковъ, которые, не участвуя въ немъ, не увлекались отдѣльными подвигами лицъ и разныхъ частей войскъ въ разные періоды битвы и общею отчаянною храбростію всѣхъ войскъ, хорошо знавшихъ, что только одержанная побѣда можетъ вывести ихъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ они находились." „Это сраженіе, говоритъ маршалъ Сенъ-Сиръ, самое кровопролитное, какое только представляетъ исторія, доставило Наполеону одну выгоду, если только доставило какую нибудь: оно облегчало его прибытіе въ Москву. Русскіе, не смотря на самое упорное сопротивленіе, были побѣждены потому только, что должны были отступить; но они не были разбиты, не было ни малѣйшаго замѣшательства (déroute) ни на одной точкѣ ихъ линіи; было поражено тѣло, но не душа ихъ арміи. Ихъ потери были велики, даже огромны, но они почти уравновѣшивались потерями Наполеона, а между тѣмъ на ихъ сторонѣ оставалось великое преимущество: ихъ потери могли быть немедленно вознаграждены тѣми подкрѣпленіями, которыя они получали ежедневно, тогда какъ убыль въ нашихъ войскахъ оставалась невознаградимою" [18]).

Попятное движеніе нашихъ войскъ послѣ Бородинскаго сраженія дало поводъ непріятелю присвоить себѣ побѣду. Но коль скоро отступленіе входило въ общія военныя соображенія съ самаго начала кампаніи, то конечно оно не могло служить знакомъ проиграннаго сраженія, тѣмъ болѣе, что непріятель не отваживался преслѣдовать. „Непріятельскія войска, говоритъ одинъ изъ Французовъ, участниковъ въ событіяхъ, продолжали отступленіе съ такимъ же порядкомъ, какъ и правильностью. Нашъ авангардъ слѣдовалъ за ними и продолжалъ наблюдать за ихъ движеніемъ по дорогѣ къ Москвѣ" [19]). На второй день послѣ Бородинской битвы (28 Августа, 9 Сентября), когда Русскія войска оставили Можайскъ, и этотъ городъ былъ занятъ непріятелемъ послѣ горячей схватки, нездоровье императора Наполеона усилилось. Вслѣдствіе насморка онъ потерялъ голосъ. Не смотря на то, совладавъ уже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на него дѣйствія Русскихъ войскъ въ

---

[18]) M. Saint-Syr, Mémoires pour servir à l'histoire militaire etc. Paris, 1831, т. III. стр. 268—271.

[19]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon. Paris, 1842, стр. 83.

Бородинской битвѣ, и только что расположившись въ приготовленномъ для него домѣ въ Можайскѣ, онъ принялся за свои кабинетные труды, прерванные въ продолженіи пяти дней. Потеря голоса разстроивала его привычки. Обыкновенно онъ диктовалъ свои приказанія, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Теперь онъ долженъ былъ писать ихъ самъ начерно и, немедленно принявшись за эту работу, онъ задалъ трудную задачу своей канцеляріи разбирать связный и безобразный его почеркъ [20]).

Въ бумагахъ этой канцеляріи сохраняется наглядное разъясненіе того, что̀ именно озабочивало въ это время императора Наполеона. Первое написанное имъ предписаніе было начальнику его штаба, графу Невшательскому; онъ поручалъ ему двинуть вице-короля на Рузу, а Даву́ на Борисовъ въ то время, какъ Мюратъ съ авангардомъ двигался по большей дорогѣ къ Москвѣ. Но эти движенія происходили медленно и нерѣшительно, потому что не преслѣдовать непріятеля предписывалъ Наполеонъ, а сообщать вѣсти о непріятельскихъ передвиженіяхъ и собирать какъ можно болѣе провіанта для голодавшихъ войскъ. Не зная навѣрное, каковы намѣренія Русскаго главнокомандующаго, Наполеонъ заботился, какъ бы пополнить боевые запасы, значительно истощенные въ Бородинской битвѣ, и подкрѣпить войска новыми силами. Съ этою цѣлью, измѣнивъ первоначальное назначеніе корпуса маршала Виктора (поддерживать войска, дѣйствовавшія съ тылу великой арміи противъ Витгенштейна и Тормасова), онъ предписалъ ему слѣдовать въ Смоленскъ. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ, писалъ онъ маршалу Виктору изъ Можайска. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы помѣшать намъ войти въ Москву и обнаруживаетъ намѣреніе также употребить всѣ средства, чтобы выгнать поскорѣе насъ оттуда. Поэтому изъ Смоленска надо слѣдовать къ Москвѣ, чтобы подкрѣпить армію въ той мѣрѣ, какъ непріятель подкрѣпляетъ свою“ [21]). Постоянное отступленіе нашихъ войскъ ободрило Неаполитанскаго короля, и онъ задумалъ разбить нашъ аріергардъ, поступившій уже (съ 28 Августа) подъ начальство Милорадовича и отбросить его на армію, которой главная квартира находилась на берегу рѣки Нары, въ дер. Крутицахъ. Но Мюратъ былъ отбитъ и послѣ этого „слѣдовалъ съ большою осторожностію за нашимъ аріергардомъ, оставаясь всегда внѣ пушечнаго выстрѣла“ [22]), конечно по распоряженію Наполеона. Убѣдившись однакоже, что Русскія войска отступаютъ и не зная, дадутъ ли они сраженіе, Наполеонъ рѣшился отправить циркуляръ къ Французскимъ епископамъ, съ приказомъ распорядиться о торжественномъ молебствіи по слу-

---

[20]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 45, 46.

[21]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 74.

[22]) Военный журналъ полковника Толя подъ 29 Авг.; Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. II, стр. 90; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 47.

чаю одержанныхъ имъ побѣдъ, и составилъ бюллетень о Бородинскомъ сраженіи. Бюллетень этотъ помѣченъ тѣмъ числомъ, когда Наполеонъ выѣхалъ изъ Можайска и перенесъ свою главную квартиру въ село Леутинское [23]). Но императора тревожила еще мысль о томъ, что̀ можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Онъ не ожидалъ, чтобы неразбитое имъ войско рѣшилось безъ новаго боя впустить его въ древнюю столицу имперіи и подозрѣвалъ особые замыслы со стороны Кутузова. На другой день, переѣхавъ въ село Таторки, онъ поручилъ маршалу Бертье написать Мюрату, что его тревожитъ неимѣніе свѣдѣній о непріятелѣ. „Если непріятель не находится передъ вами, писалъ онъ, то надо опасаться, не перешелъ ли онъ въ право отъ васъ, на Калужскую дорогу. Въ такомъ случаѣ очень возможно, что онъ бросится на нашъ тылъ. Неизвѣстно, что̀ дѣлаетъ Понятовскій, который долженъ находиться въ двухъ миляхъ, въ право отъ васъ. Прикажите ему двинуть свою конницу на Калужскую дорогу. Императоръ остановилъ здѣсь корпусъ Даву̀ и Нея до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ находится непріятель. Его величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о томъ, что̀ происходитъ на вашемъ правомъ крылѣ, т. е. по дорогѣ изъ Калуги въ Москву“ [24]). Это письмо, написанное по порученію Наполеона, начальникомъ его главнаго штаба къ главнокомандующему авангардомъ, за день до вступленія въ Москву, безспорно доказываетъ, что Наполеонъ не преслѣдовалъ отступавшаго непріятеля, но ощупью шелъ за нимъ, наблюдая за его движеніями и недоумѣвая о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Онъ постоянно требовалъ извѣстій отъ своихъ передовыхъ отрядовъ и посылалъ къ нимъ своихъ офицеровъ-ординарцевъ. Утромъ 2(14) Сентября онъ отправилъ Гурго въ авангардъ къ Мюрату, поручивъ ему немедленно привезти ему извѣстіе о положеніи дѣлъ. Гурго подъѣхалъ къ Неаполитанскому королю въ то время, когда Москва уже находилась почти въ виду Французскаго авангарда.

Когда подъѣзжать къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ, то подъ самымъ городомъ внезапно открывается видъ на него, во всемъ широкомъ его объемѣ. Рядъ холмовъ на самой дорогѣ, извѣстный подъ именемъ Поклонной горы и оканчивающійся у города такъ называемыми Воробьевыми горами, долго скрываетъ Москву отъ взоровъ. Рано утромъ, 2 Сентября, нашъ аріергардъ находился у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. Съ 9-ти часовъ Французскій авангардъ завязалъ съ нимъ перестрѣлку и тѣснилъ его къ Москвѣ. Медленно отступая, чтобы дать время и воз-

---

[23]) Предписаніе маршалу Бертье 9 Сент. (28 Авг.), предписаніе маршалу Виктору 11 Сент. (30 Авг.), циркуляръ Французскимъ епископамъ 10 Сент. (29 Авг.), 18-й бюллетень 12 Сент. (31 Авг.) В. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 74 и слѣд., Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. III, прилож., стр. 403 и слѣд.

[24]) Chambray, Hist. de l'expéd. en Russie, т. III, прилож., 404—405.

можность остальнымъ войскамъ съ обозами и артилеріею пройти черезъ городъ, нашъ аріергардъ къ 12 часамъ дня занялъ Поклонную гору и растянулъ линію до Воробьевыхъ горъ. Генералъ Милорадовичъ имѣлъ въ виду, чтобы непріятель предположилъ, будто подъ его начальствомъ находится болѣе войскъ, нежели было на самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ принудить непріятеля дѣйствовать осмотрительно и медленно. Но въ это самое время онъ получилъ извѣстіе, что одинъ корпусъ непріятельскихъ войскъ подходитъ къ Тверской заставѣ (Понятовскаго), а другой (вице-короля) обходитъ Воробьевы горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милорадовичу донесли, что улицы Москвы еще наполнены войскомъ, толпами спасающихся жителей и обозами. Очевидно угрожала большая опасность: не только весь аріергардъ могъ быть отрѣзанъ непріятелемъ отъ главной арміи, но и части этой арміи и обозы, не успѣвшіе еще выйти изъ Москвы на Рязанскую дорогу. Что̀ оставалось дѣлать Милорадовичу, которому главнокомандующій въ трудное время ввѣрилъ начальство надъ аріергардомъ послѣ Платова, какъ извѣстному издавна и опытному вождю, въ той надеждѣ, что онъ своими дѣйствіями обезпечитъ спокойное отступленіе главной арміи? Блистательно исполняя возложенное на него порученіе съ 28 Августа, теперь, передъ самой Москвою, Милорадовичъ былъ поставленъ въ положеніе безвыходное. Но выборъ Кутузова былъ удаченъ: находчивость военачальника, не только храбраго, но и опытнаго, спасла ввѣренный ему аріергардъ и отчасти самую армію.

Рѣшившись безъ боя оставить Москву, послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ, нашъ главнокомандующій поручилъ генералу Ермолову увѣдомить объ этомъ начальника аріергарда и предписать ему какъ можно долѣе удерживать непріятеля, чтобы дать возможность войскамъ спокойно пройти столицу. Милорадовичъ, пораженный извѣстіемъ о рѣшеніи оставить Москву безъ боя, особенно былъ возмущенъ выраженіемъ: „если будетъ нужно, то почтите *видомъ сраженія* древнія стѣны Москвы“. Прямодушный, откровенный герой, Милорадовичъ безъ сомнѣнія готовъ былъ пасть въ упорномъ бою, защищая Москву; но *видъ сраженія* представлялся ему насмѣшкою надъ нимъ и не почтеніемъ, а скорѣе оскорбленіемъ древнихъ стѣнъ столицы. Приписывая это выраженіе лично Ермолову, онъ упрекалъ его въ *макіавелизмѣ* и до такой степени горячился, что на другой день захотѣлъ даже просить, чтобы уволили его отъ начальства аріергардомъ. Но личный гнѣвъ, отчасти справедливый, не могъ заглушить въ немъ чувство долга, и на другой день онъ имѣлъ отраду совершить великій подвигъ: избавить войска отъ страшныхъ потерь, выигравъ время, дать имъ возможность отступить за Москву и спасти значительное число Московскихъ жителей съ ихъ имуществомъ.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ Ермолова Милорадовичъ получилъ письмо отъ фельдмаршала (подписанное Кайсаровымъ) къ начальнику штаба Наполеона, маршалу Бертье. Въ этомъ письмѣ, по принятымъ военнымъ обычаямъ, Кутузовъ поручалъ попеченію непрія-

теля оставшихся въ Москвѣ нашихъ раненыхъ. Милорадовичъ долженъ былъ отправить это письмо къ начальнику непріятельскаго авангарда Мюрату. Доведя аріергардъ до Поклонной горы и замѣтивъ опасность какъ для него, такъ и для всей арміи, Милорадовичъ немедленно послалъ офицеровъ съ конными отрядами въ городъ, чтобы способствовать водворенію порядка при отступленіи; и въ тоже время, обратившись къ стоявшему неподалеку лейбъ-гвардіи гусарскому полку, спросилъ: кто изъ офицеровъ можетъ хорошо говорить пофранцузски? Выѣхалъ штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ, передавъ ему присланное отъ фельдмаршала письмо къ маршалу Бертье, приказалъ отвезти его въ непріятельскій авангардъ, лично вручить Мюрату и при этомъ сказать ему отъ его имени: „Если Французы желаютъ занять Москву цѣлою, то должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти изъ нея, съ артилеріею и обозомъ. Въ противномъ случаѣ генералъ Милорадовичъ передъ Москвою и въ Москвѣ будетъ драться до послѣдняго человѣка и вмѣсто Москвы оставитъ одни развалины“. Онъ поручилъ Акинфову, чтобы онъ старался какъ можно долѣе оставаться у Французовъ. Взявъ съ собою трубача изъ конвоя Милорадовича, Акинфовъ подъѣхалъ къ передовой Французской цѣпи, состоявшей изъ конныхъ егерей. По сигналу трубача, къ нему выѣхалъ командиръ полка и, узнавъ въ чемъ дѣло, поручилъ проводить его къ генералу Себастьяни, начальнику аванпостовъ, который сказалъ Акинфову, что онъ можетъ передать ему письмо и такимъ образомъ исполнить возложенное на него порученіе. Но услыхавъ отъ Акинфова, что Милорадовичъ поручилъ ему лично передать письмо Неаполитанскому королю и на словахъ сообщить ему свои предложенія, Себастьяни немедленно поручилъ проводить его къ Мюрату. Имя Милорадовича пользовалось большою извѣстностью во Французскихъ войскахъ, какъ одного изъ доблестныхъ сотрудниковъ Суворова въ Италіянской кампаніи, и генералъ Себастьяни зналъ его лично: онъ познакомился съ нимъ въ Бухарестѣ въ 1809 году, участвуя, въ качествѣ посредника со стороны Наполеона, въ нашихъ мирныхъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою.

Проѣхавъ пять конныхъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ передъ пѣхотными колоннами, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата, разодѣтаго въ блиставшую золотомъ одежду и окруженнаго многочисленною свитою. Когда подъѣхалъ Акинфовъ, Мюратъ привѣтствовалъ его, „приподнявъ свою шитую золотомъ съ перьями шляпу“ и велѣлъ своей свитѣ удалиться. „Что̀ вы мнѣ скажите, капитанъ?“ спросилъ онъ Акинфова, приблизясь къ нему и положивъ руку на шею его лошади. Акинфовъ вручилъ ему письмо и передалъ порученіе Милорадовича. Прочитавъ письмо, Мюратъ отвѣчалъ: „Касательно больныхъ и раненыхъ излишне поручать ихъ великодушію Французскихъ войскъ: Французы на плѣнныхъ непріятелей не смотрятъ какъ на враговъ. Что же касается до предложенія генерала Милорадовича, то безъ приказаній императора Наполеона нельзя на нихъ дать отвѣта“. Немедленно за тѣмъ Мюратъ отправилъ Акинфова съ своимъ адъютантомъ къ императору; но едва

они проѣхали нѣсколько сотъ шаговъ, какъ Мюратъ послалъ возвратить ихъ назадъ. Въ то время какъ Мюратъ принималъ Акинфова, пріѣхалъ ординарецъ Наполеона Гурго. Вѣроятно въ слѣдствіе разговора съ нимъ, Мюратъ рѣшился воротить назадъ нашего парламентера. „Желая сохранить Москву, сказалъ онъ возвратившемуся Акинфову, я рѣшаюсь самъ согласиться на предложеніе генерала Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы могли сегодня же занять Москву". Когда Акинфовъ отвѣчалъ, что Милорадовичъ будетъ согласенъ на это условіе, то Мюратъ послалъ приказъ всѣмъ передовымъ цѣпямъ остановиться и прекратить перестрѣлку.

„Вы знаете Москву?" спросилъ Мюратъ Акинфова.—„Я Московскій уроженецъ", отвѣчалъ Акинфовъ. „Такъ передайте жителямъ, чтобы они были совершенно покойны, что имъ не только не сдѣлаютъ никакого вреда, но и не возмутъ съ нихъ контрибуціи и всѣми способами будутъ заботиться объ ихъ безопасности". Зная однакоже, что со вступленія Французовъ въ предѣлы Смоленской губерніи жители селъ и городовъ удалялись изъ нихъ и даже жгли свои дома, Мюратъ прибавилъ: „Не оставлена ли Москва жителями и гдѣ графъ Ростопчинъ?"—„Я постоянно находился въ аріергардѣ и участвовалъ въ дѣлахъ, поэтому ничего не знаю ни о Москвѣ, ни о графѣ". На вопросъ, гдѣ находятся императоръ Александръ и великій князь Константинъ, Акинфовъ точно также отозвался незнаніемъ. Хотя очень довольный тѣмъ, что Мюратъ задерживаетъ его своими распросами и тѣмъ даетъ возможность исполнить данное ему порученіе, молодой офицеръ однако опасался, чтобы какъ нибудь не проговориться въ своихъ отвѣтахъ. Мюратъ сказалъ, что „онъ очень уважаетъ Русскаго императора, а съ великимъ княземъ даже друженъ и очень сожалѣетъ, что обстоятельства сложились такъ, что онъ долженъ воевать противъ нихъ. „Много-ли вашъ полкъ потерялъ людей?" спросилъ онъ Акинфова.—„Можно ли не понести потерь, находясь почти ежедневно въ сраженіяхъ!" отвѣчалъ тотъ. „Тяжелая война", замѣтилъ Мюратъ. — „Мы деремся за Отечество и не примѣчаетъ тягости военной", замѣтилъ Акинфовъ. Наводя своими распросами молодаго Русскаго офицера на то, не скажетъ ли онъ чего нибудь, изъ чего можно бы заключить, что Русскія войска утомлены войною и желаютъ мира и, не достигнувъ своей цѣли, Мюратъ рѣзко сказалъ: „Отъ чего не заключаютъ мира?" и при этомъ прибавилъ по своей привычкѣ (говоритъ Акинфовъ) солдатское выраженіе, неудобное конечно для печати. „Это должно быть извѣстнѣе вашему величеству, отвѣчалъ Акинфовъ. По моему мнѣнію, ни одна изъ армій не разбита и не одна не можетъ похвалиться совершенною побѣдою". Мюратъ улыбнулся сказавъ: „Пора мириться".

Отпуская нашего парламентера, Мюратъ снова увѣрялъ его, что приложитъ всѣ средства къ сохраненію Москвы и увѣрялъ въ уваженіи, которое питаетъ къ Милорадовичу. „Скажите ему, говорилъ онъ, что я согласился на его предложеніе единственно изъ уваже-

нія къ нему". Нѣтъ сомнѣнія, что Мюратъ говорилъ правду, отзываясь лестно о Милорадовичѣ, военныя доблести котораго ему удалось уже испытать въ дѣлѣ у села Крымскаго (29 Августа). Нельзя было найти лучшаго соперника начальнику Французскаго авангарда, какъ Милорадовичъ. Кромѣ безоглядной храбрости и боевой опытности, въ характерѣ Милорадовича было много сходнаго съ Мюратомъ. Но, конечно, не изъ личнаго уваженія къ нему онъ согласился на его предложеніе: овладѣть Москвою, а не ея развалинами, составляло послѣднюю, желанную цѣль Французскихъ войскъ.

Акинфовъ отправился назадъ въ сопровожденіи того-же полковника конно-егерскаго полка, который сопровождалъ его къ генералу Себастьяни и Мюрату. „Я ѣхалъ легкимъ галопомъ, говоритъ онъ, а чтобы продлить болѣе время, попросилъ позволить мнѣ полюбоваться двумя Польскими гусарскими полками. Полковникъ согласился проѣхать со мною по фронту этихъ полковъ. Но, замѣтивъ, что я ѣхалъ тихо и что мы теряемъ много времени, онъ просилъ меня пустить лошадь въ полный галопъ. Я долженъ былъ исполнить его желаніе и, проѣхавши Французскую цѣпь, приблизился къ начальнику нашей цѣпи, лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковнику Ефремову. Объявивъ ему, что Мюратъ согласился тихо идти за нашими казаками, я поскакалъ къ Милорадовичу" [25]).

Въ то время когда на аванпостахъ шли эти переговоры, Наполеонъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своего авангарда. Переночевавъ въ Вяземѣ, селѣ, принадлежавшемъ князю Голицыну (въ 40 верстахъ отъ Москвы), на другой день, 2 Сентября, на разсвѣтѣ, онъ выѣхалъ оттуда въ каретѣ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертье. Но, проѣхавъ верстъ 12, они должны были продолжать путь верхами, потому что на большой дорогѣ былъ сожженъ мостъ черезъ глубокій оврагъ; мостъ этотъ Французы не успѣли построить вновь. Въ 10 часовъ утра, не доѣзжая до Москвы за 12 верстъ, Наполеонъ остановился на одной дачѣ, находившейся на правой сторонѣ большой Смоленской дороги. Тутъ его встрѣтилъ Мюратъ. Не входя въ домъ, онъ прохаживался съ Мюратомъ по церковному двору, освѣдомляясь конечно о положеніи дѣлъ. Мюратъ могъ сообщить ему пріятное извѣстіе [26]): еще въ 9-мъ часу утра, осматривая свои аванпосты, онъ замѣтилъ начатыя, но не оконченныя укрѣпленія. Эти укрѣпленія свидѣтельствовали, что Русскій главнокомандующій намѣревался дать сраженіе; но какъ не было видно никакихъ войскъ, то Наполеонъ могъ заключить, что эта мысль

---

[25]) Записка сенатора Акинфова, составленная имъ по просьбѣ Михайловскаго-Данилевскаго въ 1837 году (рукопись). Ѳ. Н. Глинки, Подвиги гр. М. А. Милорадовича, Москва, 1814 г. стр. 10—11; Дѣянія гр. М. А. Милорадовича, СПБ. 1816, ч. II, стр. 23—25; Клаузевицъ, Der Feldzug von 1812, стр. 172; Михайловскаго-Данилевскаго, Собраніе сочиненій, т. IV, гл. XXXV.

[26]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву, СПБ, 1813 г., стр. 21—22. (Сочиненіе это составляетъ книжную рѣдкость).

была оставлена [27]). Лишь только онъ отпустилъ Мюрата, какъ началось движеніе Французскихъ войскъ къ Москвѣ, давшее поводъ Милорадовичу отправить къ Французамъ своего парламентера съ предложеніемъ заключить перемиріе, о чемъ разсказано выше.

Позавтракавъ на подмосковской дачѣ, императоръ Наполеонъ, со всею свитою и конвоемъ изъ двухъ эскадроновъ шассеровъ и Польскихъ улановъ, отправился къ Москвѣ. За нимъ вели и троихъ Русскихъ плѣнниковъ, отъ которыхъ добивались получить свѣдѣній о Москвѣ. Въ числѣ ихъ былъ чиновникъ нашего министерства финансовъ Корбелецкій, который потомъ почти во все время пребыванія Французовъ находился въ Москвѣ.

„Императоръ Наполеонъ уже приближался къ авангарду, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, когда подъѣхалъ къ нему Гурго, отдалъ отчетъ о переговорахъ Мюрата и немедленно долженъ былъ возвратиться къ Неаполитанскому королю, чтобы сообщить ему, что императоръ утверждаетъ заключенный имъ договоръ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Русскіе непрерывно продолжали отступленіе. Не смотря на то, что Гурго весьма короткое время оставался передъ императоромъ, ему пришлось отвѣчать на множество вопросовъ о видѣ Москвы, объ ея мѣстоположеніи, обширности. Отвѣты Гурго Наполеону были вѣрны; но въ нихъ сказывалось увлеченіе или, лучше сказать, упоеніе (l'enivrement), которое мы всѣ испытывали передъ вступленіемъ въ эту древнюю столицу Россіи, припоминая, что многіе изъ насъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ находились при осадѣ Кадикса. Въ самомъ дѣлѣ, Москва — это миръ! Это славный миръ! Дѣйствительность казалась этимъ войскамъ волшебною сказкою изъ тысячи и одной ночи. Геній ихъ полководца снова возставалъ передъ ними въ прежнемъ блескѣ; они достигли указаннаго имъ окончанія похода безпримѣрнаго по трудностямъ, которыя они преодолѣли. За тѣмъ послѣдуютъ обѣщанный миръ, довольство, спокойствіе и—слава“ [28]).

Между тѣмъ, лишь только Мюратъ, прежде нежели отпустилъ Акинфова, далъ знать передовымъ войскамъ, чтобъ они прекратили перестрѣлку и подвигались медленно впередъ, генералъ Себастьяни выѣхалъ за свою цѣпь и встрѣтилъ Милорадовича. Онъ нѣсколько времени ѣхалъ рядомъ съ нимъ, дружески бесѣдуя о сохраненіи Москвы, о чемъ свидѣтельствуетъ Клаузевицъ, находившійся въ это время въ авангардѣ. „Генералъ! (говорилъ Себастьяни) Императоръ во главѣ своихъ войскъ введетъ свою гвардію, и въ такомъ случаѣ конечно всякій безпорядокъ будетъ предупрежденъ“. Тѣмъ временемъ пѣхота нашего аріергарда уже вступала въ городъ, и Милорадовичъ поспѣшилъ къ ней. Подъѣхавъ съ своею свитою къ Кремлю, онъ увидалъ, что командиръ Московскаго гарнизоннаго полка Брозинъ, съ двумя баталіонами, только что выступалъ изъ

---

[27]) Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, Paris. 1830, стр. 259; B. Fain. Manuscrit de 1812, т. II, стр. 50 и слѣд.

[28]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon, стр. 84—86.

Кремля и, ко всеобщему удивленію, съ музыкою. Со всѣхъ сторонъ отъ солдатъ и оставшихся жителей слышались возгласы: что̀ это за измѣнникъ радуется нашему несчастію! Милорадовичъ, взволнованный этимъ явленіемъ, подскакалъ къ Брозину и крикнулъ: „Какая каналья приказала вамъ выходить съ музыкою?" Съ невольнымъ простодушіемъ Брозинъ отвѣчалъ, что когда гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ позволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою, какъ сказано въ Регламентѣ Петра Великаго. „Да развѣ сказано что нибудь въ Регламентѣ Петра Великаго о сдачѣ Москвы?" закричалъ Милорадовичъ. „Прикажите немедленно замолчать вашей музыкѣ!" [29]).

Акинфовъ нагналъ Милорадовича уже близь Яузы и передалъ ему о своемъ разговорѣ съ Мюратомъ и о согласіи на его предложенія. „Видно Французы очень рады занять Москву", сказалъ Милорадовичъ и отправилъ немедленно полковника Потемкина увѣдомить князя Кутузова о заключенномъ перемиріи; а Акинфову вновь приказалъ ѣхать къ Мюрату съ требованіемъ заключить дополнительное условіе и продлить перемиріе до 7 часовъ утра слѣдующаго дня. Въ случаѣ несогласія онъ поручилъ сказать Мюрату, что остается при прежнемъ рѣшеніи и будетъ драться въ улицахъ Москвы. Милорадовичъ видѣлъ, что улицы по ту сторону Кремля къ Рогожской заставѣ были наполнены обозами, отсталыми солдатами и спасавшимися жителями. Онъ совѣтывалъ послѣднимъ оставаться въ Москвѣ, говоря, что ее сдаютъ съ условіемъ, чтобы жителямъ не было дѣлаемо притѣсненій, но конечно понималъ, что немногихъ убѣдятъ его завѣренія: потому, чтобы дать возможность свободно выйти изъ Москвы, какъ имъ, такъ и остальнымъ войскамъ, Милорадовичъ предложилъ новое условіе Неаполитанскому королю, разсчитывая на сильное желаніе Французовъ овладѣть столицею безъ боя, цѣлою и невредимою.

По мѣрѣ того, какъ наши войска отступали за Москву, войска Французскія приближались къ ней. За Дорогомиловской заставой остались только казаки нашей задней цѣпи, когда Французскій авангардъ вступалъ на высоты Поклонной горы, съ которой открылся великолѣпный видъ на Москву, широко раскинувшуюся и своими золотыми маковками блиставшую подъ яркими лучами солнца. „Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: Москва! Москва! За тѣмъ всякій усиливалъ шагъ, всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, били рука объ руку, съ восторгомъ повторяя: Москва! Москва! Такъ кричатъ моряки: земля, земля! послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго средоточія, гдѣ соединялись роскошь, нравы и искусства

---

[29]) Klausewitz, Der Feldzug von 1812, стр. 172—173; Бутурлинъ, Hist. milit. de la campagne de Russie en 1812, ч. I, стр. 394

двухъ лучшихъ частей свѣта, мы остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ наконецъ день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ всей нашей жизни. Мы чувствовали, что въ это время обращены удивленные взоры всего міра на наши дѣйствія, и каждое малѣйшее наше движеніе будетъ имѣть значеніе въ исторіи. Казалось, мы шествуемъ по этому громадному и величественному поприщу, окруженные всеобщимъ удивленіемъ народовъ, гордые тѣмъ, что мы вознесли славу нашего вѣка выше всѣхъ другихъ вѣковъ. Когда мы возвратимся на родину, — чего такъ сильно желаемъ, — съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ насъ наши жены, наши соотечественники и даже наши отцы! Во всю остальную нашу жизнь мы будемъ какими-то особыми существами, на которыхъ они будутъ смотрѣть съ удивленіемъ, которыхъ они будутъ слушать съ любопытствомъ изумленія, будутъ бѣгать за нами, ловить каждое наше слово. Это чудодѣйственное завоеваніе (miraculeuse conquête) облечетъ насъ славою; отъ насъ будетъ вѣять чѣмъ-то дивнымъ и чудеснымъ. Когда эти гордыя мысли смѣнились болѣе скромными чувствами, мы говорили себѣ: вотъ обѣщанный предѣлъ нашихъ трудовъ; наконецъ-то мы остановимся, потому что мы уже не можемъ превзойти самихъ себя послѣ похода, достойнаго стать на ряду съ походомъ въ Египетъ и со всѣми великими и славными боями древности. Въ это время были забыты всѣ опасности и страданія. Можно ли купить слишкомъ дорогою цѣною высокое счастіе во всю жизнь повторять: и я былъ въ войскахъ, вступившихъ въ Москву?“ [30]).

Какимъ-то дѣломъ сверхъестественнымъ, какимъ-то чудомъ казалось для Французовъ ихъ вступленіе въ древнюю столицу Россіи. Отблескъ чуждой славы, можетъ быть, въ это время увлекалъ и ихъ союзниковъ; но безъ сомнѣнія они волновались гораздо болѣе **скромными чувствами**, полагая найти въ Москвѣ конецъ похода, въ которомъ ихъ подвергли столькимъ бѣдамъ и лишеніямъ. Были между ними и такіе, которые изъ этого торжества Французовъ присвоивали и себѣ нѣкую долю. „Можно понять, какое испытывалъ я чувство, говоритъ графъ Романъ Солтыкъ, при видѣ древней столицы царей, возбудившемъ во мнѣ столько великихъ историческихъ воспоминаній. На ней въ началѣ XVII столѣтія побѣдоносные Поляки водрузили свое знамя, и передъ нимъ преклонялся Московскій народъ, признавъ своимъ государемъ сына нашего короля. И вотъ ихъ потомки, сражаясь въ фалангахъ Наполеона, пришли во второй разъ осѣнить ее своими побѣдоносными орлами. Всѣ эти побѣды моихъ соотечественниковъ, старыя и новыя, сливались въ одно цѣлое въ моемъ воображеніи, и я припоминалъ дѣянія Ходчевичей, Жолкевскихъ и Сапѣгъ, заставлявшихъ трепетать Московское царство“ [31]).

---

[30]) C-te Segur, Hist. de Napoleon etc. ч. II, стр. 33—35.

[31]) C. R. Soltyk, Napoleon en 1812, стр. 259—260.

Двинувшись впередъ и какъ бы невольно несомые къ Москвѣ, Французы смѣшались съ казаками, составлявшими заднюю цѣпь нашего аріергарда. Мюратъ очутился между ними. Онъ остановилъ свою лошадь и спросилъ: не говоритъ ли пофранцузски кто нибудь изъ офицеровъ? Къ нему подъѣхалъ молодой офицеръ. „Кто начальникъ этого аріергарда?" спросилъ его Мюратъ. Офицеръ указалъ ему на пожилаго человѣка, воинственнаго вида, въ казацкомъ мундирѣ. Цѣпью казаковъ командовалъ въ это время полковникъ Ефремовъ. „Спросите его, продолжалъ Мюратъ, знаетъ ли онъ меня". Молодой офицеръ исполнилъ это порученіе и отвѣчалъ: „онъ говоритъ, государь, что знаетъ ваше величество и всегда видалъ васъ въ огнѣ". Такой отвѣтъ (совершенно правдивый) польстилъ Мюрату", замѣчаетъ одинъ изъ Французскихъ офицеровъ, свидѣтелей этой сцены. Разговаривая такимъ образомъ въ Русской цѣпи, посреди казаковъ, Мюратъ обратилъ вниманіе на бурку, которая была на плечахъ казацкаго начальника и замѣтилъ, что эта одежда должна быть очень хороша на бивуакахъ. Когда это замѣчаніе было переведено Ефремову, тотъ молча снялъ съ себя бурку и подалъ ее Мюрату. На любезность онъ хотѣлъ отвѣчать такою же любезностію; но, ничего не найдя у себя, взялъ часы у Гурго и подарилъ ихъ казацкому офицеру [32]).

Когда Акинфовъ возвратился съ новымъ предложеніемъ Милорадовича, онъ встрѣтилъ Мюрата уже недалеко отъ Дорогомиловской заставы. „Мюратъ ѣхалъ въ слѣдъ за своей передовой цѣпью, смѣшавшейся съ нашими казаками, говоритъ Акинфовъ. Принявъ меня очень ласково, онъ безпрекословно согласился на это предложеніе; но съ тѣмъ, что все непринадлежащее арміи будетъ остановлено". Потомъ онъ спросилъ его, сообщилъ ли онъ жителямъ Москвы, что они будутъ въ совершенной безопасности. „Хотя по истинѣ я о томъ не думалъ (продолжаетъ Акинфовъ), да и не съ кѣмъ было въ Москвѣ говорить объ этомъ, но долженъ былъ увѣрить Мюрата, что исполнилъ его порученіе".

Въ это время императоръ Наполеонъ со свитою въѣхалъ на Поклонную гору. „Наконецъ вотъ этотъ знаменитый городъ" (la voilà donc enfin cette fameuse ville!) воскликнулъ онъ, прибавивъ въ слѣдъ за тѣмъ: „да и пора уже" (il était temps!) Его лице сіяло радостью, потому что онъ былъ увѣренъ, что, занявъ Москву, заключитъ миръ, какой ему будетъ угодно. Перемиріе, заключенное Мюратомъ, которое онъ утвердилъ, казалось ему хорошимъ предзнаменованіемъ. Послѣ Бородинскаго сраженія, недовольные имъ маршалы удалялись отъ него; но при видѣ отдававшейся имъ Москвы, узнавъ о переговорахъ Мюрата съ Милорадовичемъ, удивленные такимъ оборотомъ военныхъ дѣйствій, восторженные славою, они забыли тѣ упреки, которые ему дѣлали. Они спѣшили собраться вокругъ него, преклоняясь передъ его счастіемъ и готовы были

---

[32]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon, стр. 85—87; Segur, Hist. de Napoleon etc., т. III, стр. 37; B. Fain, Manuscrit etc., т. II, стр. 52,

даже приписать дальновидности его генія то обстоятельство, что онъ не позаботился довершить побѣду въ Бородинскомъ сраженіи [33]).

Наполеонъ долго смотрѣлъ въ зрительную трубу какъ на Москву, такъ и на ея окрестности, по которымъ двигались его войска: вице-король со стороны Рузы и Звенигорода подвигался къ Тверской заставѣ, Понятовскій подходилъ отъ Вереи и съ противоположной стороны долженъ былъ обложить городъ до самой Коломенской дороги; за Поляками и вице-королемъ долженъ былъ расположиться корпусъ маршала Даву́. Наполеонъ сошелъ съ коня, велѣлъ разослать передъ собой карту Москвы и подозвалъ къ себѣ одного изъ своихъ секретарей Лелорня, который зналъ порусски, былъ знакомъ съ Москвою и служилъ ему переводчикомъ. Онъ раcспрашивалъ Лелорня о нѣкоторыхъ зданіяхъ и между прочимъ, указавъ на огромное строеніе и узнавъ, что это Воспитательный Домъ, находящійся подъ покровительствомъ вдовствующей императрицы, приказалъ поставить къ нему охранительную стражу и вообще дѣлалъ распоряженія къ огражденію спокойствія и безопасности города и его жителей [34]). Соображаясь съ движеніями конныхъ отрядовъ, приближавшихся уже къ Тверской и Калужской заставамъ, онъ выстрѣломъ изъ пушки приказалъ дать сигналъ, чтобы авангардъ и главныя войска шли къ Москвѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ и всѣ окружавшіе его сѣли на лошадей и понеслись къ Москвѣ. „Въ тоже мгновеніе, авангардъ и часть стоявшей позади его главной арміи, съ невѣроятнымъ стремленіемъ, конница и артиллерія, поскакали во весь опоръ. Пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрыпъ колесъ, трескъ оружія смѣшивались съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, сливаясь въ дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли, и вся земля какъ бы заколебалась и застонала отъ такого движенія. Черезъ какія нибудь 12 минутъ всѣ очутились у Дорогомиловской заставы“ [35]). При громѣ восклицаній: да здравствуетъ императоръ! обрадованнаго войска, достигшаго конечной цѣли похода, Наполеонъ сошелъ съ коня и по лѣвой сторонѣ Камеръ-коллежскаго вала началъ ходить взадъ и впередъ „въ спокойномъ расположеніи духа“, между тѣмъ какъ войска съ музыкою вступали въ городъ. Не за долго передъ тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ своего генералъ-адъютанта графа Дюронеля и барона Денье, состоявшаго при начальникѣ главнаго его штаба, и далъ имъ порученія: „Поѣзжайте въ городъ, генералъ, устройте порядокъ службы и составьте депутацію, которая должна мнѣ поднести ключи. Вы, Денье, поѣзжайте въ правительственныя учрежденія и мѣста, соберите свѣдѣнія объ имѣющихся средствахъ (des ressources) и донесите мнѣ“. Императоръ Наполеонъ, спокой-

---

[33]) Segur, Histoire de Napoleon, ч. II, стр. 35—36; Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. II, стр. 114; Beitzke, Geschichte des russ. Krieges im J. 1812, изд. 1862 г., стр. 264—265.

[34]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 55.

[35]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 24—25.

но прохаживаясь у Камеръ-коллежскаго вала, ожидалъ депутаціи отъ столицы, которая бы повергласъ къ стопамъ побѣдителя съ мольбами о милости, представила бы ему ключи города и дала бы возможность выказать благодушіе великаго человѣка, которое разнеслось бы потомъ по всей Европѣ въ высокопарныхъ выраженіяхъ бюллетеня великой арміи [36].

Передовые отряды Французскаго авангарда, подъ начальствомъ генерала Себастьяни, входили въ городъ въ слѣдъ за нашими казаками. Ихъ поражало отсутствіе жителей и мертвая тишина, которую нарушали только топотъ ихъ лошадей и шаги пѣхоты. Двери домовъ были заперты, окна затворены, даже ставнями. Въ первое время Французы полагали, что жители, опасаясь безпорядковъ и насилія со стороны непріятеля, очистили тѣ улицы, по которымъ они должны были слѣдовать къ средоточію города, къ Кремлю, и скрылись въ боковыя улицы и переулки. Но скоро истина обнаружилась. Генералъ Дюронель и Денье также не встрѣчали никого въ опустѣлой столицѣ, до Дорогомиловскаго моста. Но когда они переѣхали этотъ мостъ, къ нимъ бросилась на встрѣчу испуганная толпа иностранныхъ купцовъ, Нѣмцовъ, Италіянцовъ и Французовъ, которые съ одной стороны боялись оставаться въ городѣ, покинутомъ властями и жителями, а съ другой желали обезпечить себя и свои имущества отъ войскъ, входившихъ въ Москву въ качествѣ побѣдителей: они прибѣгли къ покровительству Наполеона. Въ числѣ ихъ былъ одинъ типографщикъ Ламуръ (Lamour). Когда графъ Ростопчинъ выслалъ изъ Москвы Семе́на, извѣстнаго въ послѣдствіи типографа и книгопродавца, который управлялъ въ то время типографіею Н. С. Всеволожскаго *), Ламуръ занялъ его мѣсто при типографіи. Ламуръ былъ поклонникъ Наполеона и очень радовался, что могъ увидать его. „Императоръ желаетъ говорить съ однимъ изъ васъ“, сказалъ, обращаясь къ нимъ, приведшій ихъ генералъ. Ламуръ подошелъ и лишь только началъ рѣчь: „государь, имѣю честь“, какъ Наполеонъ прервалъ его вопросами: „давно ли городъ оставленъ жителями, когда оставили его начальники и власти?“—„Москвичами овладѣлъ паническій страхъ, отвѣчалъ Ламуръ, при вѣсти о торжественномъ приближеніи вашего величества, и въ нѣсколько дней городъ опустѣлъ. Графъ Ростопчинъ послѣдній выѣхалъ изъ города. Люди, имѣющіе вѣрныя свѣдѣнія, увѣряли меня, что онъ рѣшился уѣхать только 31-го Августа“... „Прежде Бородинскаго сраженія!“ перервалъ его Наполеонъ. „Что̀ за сказки!“ и, повернувшись спиной къ Ламуру, произнесъ: „Дуракъ“ (imbecile) [37]. Ламуръ, долго жившій въ Россіи, привыкъ считать числа по нашему

---

[36]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе. стр. 25; B. Dennié, Itinéraire de l'emp. Napoleon, стр. 88—89.

*) Августъ Семенъ (въ послѣдствіи управлявшій Московскою Синодальною тепографіей) въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Француженкѣ, падчерицѣ Н. С. Всеволожскаго; оба они были Масоны. П. Б.

[37]) Толычева, Разсказы очевидцевъ, стр. 30—31; Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 26.

стилю и не догадался, что для Наполеона 31-го Августа предшествовало 7-го Сентября новаго стиля, т. е. дню Бородинской битвы. Но кромѣ этой неудачно окончившейся попытки Ламура, многимъ изъ находившихся въ Москвѣ Французамъ, между которыми были люди образованные, какъ напр. книгопродавцы Рисъ, Сессе и лекторъ Московскаго университета Виллерсъ, удалось подробно объяснить императору Наполеону состояніе Москвы. Нельзя было не вѣрить единогласнымъ показаніямъ ихъ [38]; но императоръ не вдругъ свыкся съ мыслью, что нечего ожидать депутаціи съ ключами отъ города и что безъ нея должно ему вступить въ опустѣлую столицу Россіи. Онъ подозвалъ къ себѣ Гурго. „Москва оставлена жителями"! (Moscou déserte), воскликнулъ онъ. „Какое невѣроятное событіе! Надо его обдумать. Подите, приведите мнѣ бояръ". Двинувъ въ городъ весь авангардъ Мюрата, Наполеонъ все еще полагалъ, что, можетъ быть, испуганные жители „не знаютъ, какъ надо сдаваться; здѣсь все ново и для нихъ, и для насъ", говорилъ онъ [39].

Извѣстіе, что Москва оставлена жителями, быстро распространилось въ войскахъ и привело ихъ въ уныніе. Вельсовичъ [40] подбѣжалъ къ Русскимъ плѣннымъ, которые стояли не въ далекѣ отъ самаго императора и наблюдали, что̀ происходило передъ ними и, обращаясь къ Корбелецкому, спросилъ: „Что̀ это значитъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни арміи вашей, ни жителей?"—„Не знаю", отвѣчалъ Корбелецкій. По его свидѣтельству „такая нечаянная вѣсть, казалось, поразила и самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ". Онъ былъ чрезвычайно изумленъ и какъ бы „впалъ въ самозабвеніе". Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ

---

[38] Герцогъ Бассано писалъ императору Наполеону слѣдующее письмо:

Vilna, le 5 Septembre (1812).

Lorsque v. m. entrera à Moscou, elle pourrait faire appeler deux hommes sur la fidélité desquels, on m'assure, qu'elle peut compter. L'un se nomme Pataud d'Orflans; il est Francais établi depuis longtems en Russie. M-r de Lesseps et ses prédécesseurs l'ont constament employé comme agent du consulat général. Il y a sur lui dans les archives de mon ministère des rapports trés-favorables. L'autre est un professeur allemand, attaché à l'université de Moscou depuis 1803; il se nomme Reinhard; il est frère du ministre de v. m. à Cassel. Il passe pour un homme de beaucoup de mérite. Но Рейнхарда не нашли въ Москвѣ: онъ умеръ именно въ 1812 г. Ноября 7-го въ Нижнемъ Новгородѣ (Біографическій словарь И. Моск. Университета, т. I, стр. 166 и т. II, стр. 328 и 329). Подлинное письмо герцога Бассано находится въ Архивѣ Главнаго Штаба.

[39] Dennié, Itinéraire, стр. 89; Segur, Hist. de Napoleon, т. II, стр. 38; Damas, Souvenirs etc. т. III, стр. 443 и слѣд.

[40] Такъ называетъ Корбелецкій Польскаго офицера, бывшаго однимъ изъ переводчиковъ у Наполеона. Романъ Солтыкъ называетъ его Васовичь (Wasocvicz, Napoleon en 1812, стр. 44); въ таблицѣ войскъ у Сентъ-Илера онъ названъ Vauzowitch, Hist. de la campagne en Russie, т. II, стр. 371. Корбелецкій, Кратк. повѣств., стр. 26.

кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ ее, и это повторяется нѣсколько разъ". Въ этомъ состояніи сильнаго волненія Наполеонъ находился „битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и пошевелиться" [41]). Нѣсколько успокоившись, онъ снова сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ городъ вслѣдъ за авангардомъ, между тѣмъ какъ другія войска обходили Москву съ правой и лѣвой сторонъ. Но, проѣхавъ Дорогомиловскую слободу, императоръ снова остановился на берегу Москвы-рѣки, сошелъ съ лошади и опять началъ ходить взадъ и впередъ, и уже спокойнѣе прежняго. Оставленіе Москвы жителями было такою неожиданностію для Французовъ, что они подозрѣвали, нѣтъ-ли тутъ обмана, не подготовляются-ли какія нибудь засады. По всей Дорогомиловской слободѣ и по берегу Москвы-рѣки поставлены были караулы; Наполеонъ не рѣшался въѣхать въ городъ и провелъ ночь съ 2(14) на 3(15) Сентября въ одномъ изъ трактировъ этой слободы, гдѣ изо всѣхъ Русскихъ обывателей нашлось только четыре дворника. Въ этой квартирѣ онъ поручилъ маршалу Бертье отдать слѣдующіе приказы:

„Маршалу Лефевру съ молодою гвардіею предписывается занять Кремль и устроить въ немъ полицію; генералъ Дюронель назначается губернаторомъ города; Неаполитанскому королю предписывается, чтобы онъ поручилъ Понятовскому занять своею кавалеріею пространство между дорогами, которыя ведутъ къ Коломнѣ и Троицѣ (Рязанскою и Ярославскою); вице-король долженъ перенести свою главную квартиру къ С. Петербургской заставѣ и занять все пространство отъ нея до дороги къ Троицѣ; Даву́ перерѣжетъ всѣ дороги, начиная съ той, которую займетъ вице-король и до той, на которой остановится Понятовскій; вице-король и король Неаполитанскій пошлютъ сильные отряды на Петербургскую дорогу и на ту, по которой направился непріятель съ тѣмъ, чтобъ сообщать о немъ извѣстія и забирать отсталыхъ" [42]).

Въ то время, когда все это совершалось на одномъ краю Москвы, куда вела Смоленская дорога, на другомъ краю, откуда шла дорога въ Рязань и Владиміръ, отступали отставшія войска и обозы нашей арміи, а потомъ аріергардъ и толпы Москвичей съ ихъ пожитками. Глубокое, мертвое безмолвіе царствовало въ остальныхъ частяхъ города; никого не было на улицахъ; оставшіеся жители заперлись въ домахъ. Но довольно было скрытыхъ глазъ, направленныхъ въ ту сторону, откуда ожидали вторженія непріятеля. Нѣкоторые однакоже не ожидали вторженія, вѣря объявленіямъ графа Ростопчина и, завидѣвъ появленіе Французскихъ войскъ, полагали, что это Шведы пришли къ намъ на помощь [43]). Признаки обществен-

---

[41]) Корбелецкій, Кратк. повѣствованіе, стр. 27—28.

[42]) Chambray, т. III, приложеніе, стр. 405; Fain, т. II, стр. 76.

[43]) Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 9, 36, 71—72, 120; Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 7 и слѣд. Русс. Вѣстн. 1872 г. Ноябрь, стр. 277, 281;

ной жизни, но уже неправильной и болѣзненной, еще сказывались въ Кремлѣ. Толпа, которая передъ тѣмъ добила несчастнаго Верещагина и съ неистовыми криками волочила его трупъ по улицамъ, эта толпа, состоявшая изъ самыхъ низшихъ людей населенія, буйная и пьяная, ввалилась въ Кремль къ Арсеналу, чтобы забрать оставшееся оружіе, которымъ обѣщалъ главнокомандующій Москвою вооружить жителей и вести ихъ на рѣшительный бой съ непріятелемъ. Случайнымъ свидѣтелемъ дѣйствій этой толпы оказался сенатскій чиновникъ, надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ.

Вотчинный Департаментъ, со времени его образованія въ 1786 году изъ Вотчинной Коллегіи, составлялъ присутствіе государственнаго архива древнихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ, заключавшаго въ себѣ всѣ документы, обезпечивающіе обладаніе недвижимою собственностію частныхъ лицъ. Это присутственное мѣсто, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора общаго собранія Московскихъ депертаментовъ Сената, состояло изъ трехъ членовъ, называвшихся по старшинству первымъ, вторымъ и третьимъ [44]). Перваго члена уже не было въ Москвѣ, когда третій членъ Вотчиннаго Департамента, 1-го Сентября, рано утромъ, принесъ Бестужеву слѣдующее предложеніе Вотчинному Департаменту: „Такъ какъ оберъ-прокуроръ Сената (Озеровъ) отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ г. Казань, то и передаетъ власть свою надъ Департаментомъ старшему по себѣ". Затруднительнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ прокуроръ, объясняется это странное предложеніе: онъ долженъ былъ со всѣмъ Сенатомъ отправляться въ Казань, между тѣмъ важный архивъ Вотчиннаго Департамента не былъ вывезенъ, и естественно онъ полагалъ невозможнымъ бросить его на произволъ судьбы. Еще затруднительнѣе было положеніе Бестужева-Рюмина: онъ имѣлъ отпускъ съ 9 Августа на 28 дней и потому могъ давно оставить Москву; но болѣзнь жены задержала его, и онъ продолжалъ ходить на службу. Онъ собирался ѣхать въ Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи, и гр. А. Г. Бобринскій прислалъ за нимъ уже лошадей и снабдилъ деньгами. Кромѣ его оставался еще одинъ членъ Вотчиннаго Департамента, надворный совѣтникъ Ивановъ, который и принесъ ему предложеніе прокурора Озерова. „Но каково было мое удивленіе!" говоритъ Бестужевъ. „Лишь только я прочиталъ эти строки, какъ увидалъ у ногъ моихъ Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго подписать ему паспортъ на выѣздъ изъ Москвы, который онъ уже держалъ въ своихъ рукахъ. Я подписалъ паспортъ: въ противномъ случаѣ онъ уѣхалъ бы и безъ него; а можетъ быть и того хуже: умеръ бы со страху, и причину его смерти приписали бы мнѣ". Конечно, въ такомъ положеніи Бестужеву слѣдовало оставаться въ Москвѣ. „Трусость, говоритъ онъ, которую обнаружу бѣгствомъ отъ не-

---

Графъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, стр. 268 и слѣд.; Chambray т. II, стр. 115 и слѣд.

[44]) Полное Собраніе Законовъ № 16307; П. И. Иванова, Систематич. обозр. помѣстныхъ правъ и пр. М. 1836, стр. 87 и слѣд.

пріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Департамента, на произволъ судьбы, будетъ съ моей стороны подлымъ нарушеніемъ присяги". Поэтому, „возложивъ упованіе на Всемогущаго Творца", оставляя квартиру подъ надзоръ своихъ служителей, отпустивъ назадъ лошадей графа Бобринскаго, онъ взялъ жену и дѣтей, переселился въ Вотчинный Департаментъ, и „самъ себя сдѣлалъ его стражемъ". Нѣтъ поводовъ заподозрѣвать правдивость этого разсказа, хотя, быть можетъ, къ чувствамъ долга и святости присяги присоединялись и иного рода побужденія. Самоувѣренность въ подвигѣ почти невозможномъ, и самая начальническая власть, такъ случайно и неожиданно доставшаяся, быть можетъ, увлекли Бестужева. Эту власть онъ выказалъ на другой же день своимъ подчиненнымъ: 2-го Сентября, когда явились нѣкоторые изъ нихъ въ департаментъ, онъ сдѣлалъ имъ выговоръ, „что, будучи дежурными, они не находились въ эту ночь по своимъ мѣстамъ" и даже угрожалъ послать ихъ для наказанія къ коменданту. На это секретарь департамента отвѣчалъ: „ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ; а вы хотите, чтобы мы были при своихъ мѣстахъ". Въ это время вошелъ другой чиновникъ и разсказалъ объ участи Верещагина, какъ очевидецъ событія. „Не продолжая далѣе выговоровъ", Бестужевъ велѣлъ написать журналъ въ такомъ смыслѣ: такъ какъ онъ одинъ не можетъ составлять цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента, то закрываетъ его; велѣлъ раздать нерозданное еще жалованье чиновникамъ за Августъ мѣсяцъ и самъ вышелъ изъ Сената, направляясь къ Арбату, чтобы посмотрѣть что̀ дѣлается въ той сторонѣ, откуда долженъ былъ появиться непріятель. Но лишь только Бестужевъ вышелъ изъ Кремля вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, какъ они встрѣтили „пьянаго господскаго человѣка", который шелъ пошатываясь, что-то ворчалъ и несъ въ одной рукѣ ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Бестужевъ, въ качествѣ начальника, замѣтилъ улыбаясь: „вотъ видишь что̀ значитъ безначаліе!" Въ отвѣтъ на это полетѣло на него сначала ружье, пролетѣвшее мимо, а потомъ карабинъ, который такъ ушибъ ему ногу, что онъ долженъ былъ возвратиться назадъ.

О пьяныхъ толпахъ, разгуливавшихъ въ это время по Москвѣ, разсказываютъ не одни иностранцы, но и многіе изъ Русскихъ. „Передъ самымъ тѣмъ временемъ (говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, дворовый человѣкъ), какъ вступилъ Французъ въ Москву, приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ. Народъ-то на нихъ и навалился; перепились пьянехоньки. Вино течетъ по улицамъ, а иные припадутъ къ мостовой и камни лижутъ. Драки, крикъ! Чѣмъ бы казниться, что Господь такое наказаніе за грѣхи послалъ, они окаянные такое безобразіе затѣяли! Я-то, разумѣется, понять того не могъ; а помню, покойный батюшка, глядя на нихъ, говорилъ: „видно послѣднія времена пришли, и не спасти намъ грѣшныхъ головушекъ" [45]). И. В. Тутолминъ, остававшійся въ Москвѣ

[45]) Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 102—103.

начальникомъ Воспитательнаго Дома, говоритъ, что въ день отступленія нашей арміи разбито было много кабаковъ, „изъ которыхъ рабочіе люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами, и перепились такъ, что я на другой день вынужденъ былъ ходить по квартирамъ съ обыскомъ и, находя вино, выливать на землю и бить посуду“ [46]). Такіе-то защитники Москвы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, которые разбирали большею частію испорченное и негодное оружіе въ Арсеналѣ, оказались въ Кремлѣ, когда къ Троицкимъ его воротамъ подошли передовые отряды Французскаго авангарда. Себастьяни, увидавъ вооруженную толпу, подозвалъ къ себѣ молодаго человѣка, который изъ любопытства вышелъ посмотрѣть, что̀ происходитъ въ Кремлѣ и стоялъ у Никольскихъ воротъ. Узнавъ, что онъ говоритъ пофранцузски, Себастьяни поручилъ ему уговорить эту толпу положить оружіе и не вступать въ неравный бой. Но раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на которые Французы отвѣчали двумя выстрѣлами изъ орудій. Произошла схватка, и Бестужевъ увидѣлъ изъ оконъ Сената, какъ уланы начали рубить стоявшихъ у Арсенала нѣсколькихъ человѣкъ съ оружіемъ. Уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, бросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней, отбили приклады отъ ружей, и безъ того къ употребленію негодныхъ, забрали людей и засадили ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату“ [47]). Генералъ Себастьяни, не отпуская отъ себя любопытнаго зрителя, который оказался Французомъ, плохо знавшимъ Русскій языкъ, заставилъ его провести отрядъ по пути отступленія Русскихъ войскъ до самой Рогожской заставы [48]). За отрядомъ Себастьяни слѣдовалъ авангардъ Мюрата, и къ вечеру Кремль былъ занятъ молодою гвардіею Наполеона.

Такъ окончился день 2-го Сентября. Несмотря на повторявшіяся извѣстія, что Москва оставлена жителями, на пожары, начавшіеся уже съ этого вечера въ разныхъ мѣстахъ, императоръ Наполеонъ утромъ на другой день [49]) торжественно въѣхалъ въ Москву и по-

[46]) Чтенія въ Имп. Моск. общ. исторіи и древности, 1859 г., кн. 2-я, отд. V, стр. 163. Ср. M-me Fusil, l'incendie de Moscou, стр. 6; L'abbé Surugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 12 и 13; B. B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 80; Arm. Domergue, т. II, стр. 51 и слѣд.

[47]) Бестужева-Рюмина, Краткое описаніе происшествій въ Москвѣ до вторженія непріятеля, стр. 83—80; его же донесеніе министру юстиціи 27 Февр. 1813 г. стр. 164—169. (Чтенія въ Имп. Моск. общ. исторіи и древн. 1859 г. кн. 2, отд. V).

[48]) Chev. Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou, стр. 4—6; Arm. Domergue, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 40—43.

[49]) Въ которомъ часу? Въ 11 часовъ утра, пишетъ Корбелецкій (стр. 29); въ 8 часовъ утра, говоритъ Денье (Itinéraire, стр. 90); въ 6 часовъ утра, увѣряетъ Гурго (Examen critique стр. 280); на разсвѣтѣ, jour venu lui-même y court, повѣствуетъ Сегюръ (т. II, стр. 47); около полудня, говоритъ Рене-Буржуа (Tableau de la campagne de Moscou, стр. 54); Chev. d'Ysarn—въ

мѣстился въ Кремлевскомъ царскомъ дворцѣ. Отъ Дорогомиловскаго моста онъ слѣдовалъ по Арбату и въ Боровицкіе ворота въѣхалъ въ Кремль. „Ни одного человѣка! Что́ за народъ! Это невѣроятно!“ (pas un homme, quel peuple, c'est inimaginable), восклицалъ онъ. Улицы были пусты, окна и двери домовъ заперты. Изъ окна Арбатской аптеки выглянули только семейство аптекаря Нѣмца и Французскій генералъ, на канунѣ поставленный къ нимъ на постой. Наполеонъ ѣхалъ на маленькой Арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ; за нимъ многочисленная свита и три Русскихъ плѣнныхъ, а впереди два эскадрона конной гвардіи. Выраженіе его лица было сурово; но оно прояснилось нѣсколько, когда онъ вошелъ въ Кремлевскій дворецъ. „Вотъ эти гордыя стѣны“, сказалъ онъ, увидавъ Кремль и потомъ, войдя во дворецъ: „Наконецъ я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!“ (je suis donc enfin dans Moscou, dans l'antique palais des czars, dans le Cremlin). Гордость была удовлетворена; онъ могъ возвѣстить Европѣ о занятіи древней Русской столицы и тѣмъ подтвердить бюллетень о побѣдѣ при Бородинѣ. Но, несмотря на то, онъ очень хорошо понималъ всю опасность своего положенія и зналъ, что единственное для него спасеніе состояло въ томъ, чтобы заключить миръ. „Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы“. Онъ полагалъ, что извѣстіе объ этомъ приведетъ ихъ въ такое отчаяніе, что императоръ Александръ прибѣгнетъ къ переговорамъ о мирѣ. „Посмотримъ, говорилъ онъ окружавшимъ его лицамъ, что̀ будутъ дѣлать Русскіе. Если они еще не войдутъ въ мирные переговоры съ нами, мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру небывалое явленіе спокойно зимующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Французская армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, обхваченный льдинами.... Но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну“.

Но что̀ возможно было сдѣлать въ Вильнѣ и даже Смоленскѣ, т. е. остановиться на зимнія квартиры и отложить окончаніе войны до будущаго года (какъ и совѣтовали Наполеоновы маршалы), то уже представлялось совершенною невозможностію въ Москвѣ. Конечно императоръ это понималъ, а потому и поспѣшилъ прибавить: „Впрочемъ до этого не дойдетъ; императоръ Александръ не доведетъ меня до этого. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ“ [50]).

---

2 часа пополудни (Relation, стр. 8). Такъ современники и очевидцы, записывая въ *послѣдствіи* свои воспоминанія, забывали подробности и особенно часы дня и даже дни.

[50]) Корбелецкій, стр. 29; Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 113; Segur, т. II, стр. 40 и 47; Fain, Manuscrit II, 85; Русскіе и Наполеонъ Бонапарте 1813 г. М., стр. 68 и 69; Михайловскій-Данилевскій, т. IV, стр. 510; Saint-Hilaire, Hist. de la campagne de Russie en 1812, т. III, стр. 104.

ПО ПОВОДУ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

ДВА ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

I.

Вы просите меня, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, дать вамъ нѣкоторыя поясненія относительно къ бумагамъ В. А. Жуковскаго, которыя напечатаны въ вашемъ Русскомъ Архивѣ *). Охотно исполняю желаніе ваше. Начну съ того, что вы совершенно справедливо замѣчаете, что полная по возможности переписка Жуковскаго, т. е. письма ему писанныя и имъ писанныя, будетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ литературнымъ трудамъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ она прекраснымъ комметаріемъ его жизни. За неимѣніемъ особенныхъ событій или рѣзкихъ очерковъ, которыми могла-бы быть *иллюстрировака* его біографія, эта переписка близко ознакомитъ и насъ современниковъ, и потомство, съ внутреннею, нравственною жизнью его. Эта внутренняя жизнь, какъ очагъ, разливалась теплымъ и тихимъ сіяніемъ на все окружающее. Въ самыхъ письмахъ этихъ есть уже дѣйствіе: есть въ нихъ несомнѣнные, живые признаки душевнаго благорастворенія, душевной дѣятельности, которая никогда не остывала, никогда не утомлялась. Вы говорите, что *печатныя творенія выразили далеко не всѣ стороны этой удивительно-богатой души*. Совершенно такъ. Но едва-ли не тоже самое бываетъ и со всѣми богатыми и чисто-возвышенными натурами. Полагаю, что ни одинъ изъ великихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренныхъ, какъ вы говорите, *общечеловѣческимъ достоинствомъ*, не могъ выказаться и высказаться вполнѣ въ сочиненіяхъ своихъ. Натура все таки выше художества. Въ твореніи назначенномъ для печати человѣкъ, вольно или невольно, принаряживается сочинителемъ. Сочинитель въ печати чуть-ли не актеръ на сценѣ. Въ сочиненіи все-таки невольно выглядываетъ сочинитель. Въ письмахъ же самъ человѣкъ болѣе на лицѣ. Художникъ, разумѣется, не убиваетъ человѣка; но, такъ сказать, умаляетъ, стѣсняетъ его. Все это говорится о писателяхъ, которые отличаются и великимъ художествомъ, и великими внутренними качествами. Съ писателями средней руки бываетъ часто напротивъ. Они, по дарованію своему, когда оно есть, могутъ высказываться болѣе и выказывать болѣе, чѣмъ натура ихъ выноситъ. Дарованіе ихъ, то есть талантъ, то есть врожденная уловка, есть прикраса, а не красота: это часто блестящее шитье по основѣ неплотной, быть можетъ, и дырявой.

---

*) См. Р. Архивъ 1875, III (кн. XI), стр. 317—375.

Изъ бумагъ, сообщенныхъ вами, каждая имѣетъ цѣну и достоинство свое. Но на меня живѣе всего подѣйствовали письма Батюшкова. Другіе будутъ читать эти письма, а я ихъ слушаю. Въ нихъ слышится мнѣ знакомый, дружественный голосъ. На него какъ будто отзываются и другіе сочувственные голоса. Въ этомъ *унисонѣ*, въ этомъ стройномъ единогласіи, сдается мнѣ, что слышу я и свой голосъ, еще свѣжій, не притупленный годами. При этомъ возрожденіи минувшаго, припоминаю себѣ ближнихъ и себя. Это частное и временное воскресеніе изъ мертвыхъ. Да и кто-же и здѣсь на землѣ, хотя отчасти, не живетъ уже загробною жизнью? Въ жизни каждаго таится уже нѣсколько заколоченныхъ гробовъ.

Гдѣ прежній я, цвѣтущій, жизнью полный?

сказалъ, кажется, Жуковскій. Гдѣ они? Гдѣ оно, это время, которое оставило по себѣ однѣ развалины, пепелъ и могилы? Для людей новаго поколѣнія эти развалины, эти могилы и остаются развалинами и могилами. Развѣ какой нибудь археологъ обратитъ на нихъ мимоходомъ одно буквальное вниманіе: холодно и сухо изслѣдуетъ ихъ, и пойдетъ далѣе искать другихъ могилъ. Но если, на долгомъ пути своемъ, странникъ, попутчикъ товарищей, отъ которыхъ отсталъ, которыхъ давно потерялъ изъ виду, наткнется въ степи на могилу одного изъ нихъ, эта могила, пепелъ въ ней хранящійся, мгновенно преобразуются въ глазахъ его въ духъ и плоть. Эта могила ему родственная: тутъ часть и его самаго погребена. Могила уже не могила, а вѣчно живущая, вѣчно нетлѣнная святыня. Въ виду подобныхъ памятниковъ, запоздалый странникъ умиляется и съ какимъ-то сладостно-грустнымъ благоговѣніемъ переживаетъ съ отжившими для свѣта, но для него еще живыми, годà уже давно минувшіе.

И тутъ не нужны воспоминанія ярко опредѣлившіяся, не нужны слѣды глубоко впечатлѣвшіеся въ почву. Довольно бездѣлицы, одного слова, одной строки, чтобы вызвать изъ нея полный образъ, всего человѣка, все минувшее. Любовнику достаточно взглянуть на одинъ засохшій цвѣтокъ, залежавшійся въ бумажникѣ его, чтобы возсоздать мгновенно предъ собою всю повѣсть, всю поэму молодой любви своей. Дружба такой-же могучій и волшебный медіумъ.

Старость имѣетъ одно преимущество (надобно-же ей имѣть что нибудь отрадное): она можетъ многое помнить; много и печальнаго, спора нѣтъ; но вѣдь и въ дѣйствительности, и въ насущности, нѣтъ свѣта безъ тѣни и, какъ говорили въ старину, нѣтъ розы безъ шиповъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ имѣлъ я случай напомнить о себѣ лорду Стратфорду Редклифу. Подъ именемъ Стратфорда Каннинга былъ онъ мнѣ знакòмъ по Константинополю. Въ то время слылъ онъ большимъ недоброжелателемъ Россіи; можетъ, и былъ онъ таковымъ; но во всякомъ случаѣ былъ онъ болѣе противникомъ политики Россіи на Востокѣ или, чтò къ одному приходитъ, былъ слишкомъ ревнивымъ, мнительнымъ и раздражительнымъ блюстителемъ политическихъ Англійскихъ интересовъ на Востокѣ. Какъ бы то ни было, но въ частныхъ сношеніяхъ съ Русскою колоніею

въ Константинополѣ былъ онъ самаго любезнаго и дружескаго расположенія. Никогда не забуду свидѣтельствъ вниманія и пріязни, которыя онъ мнѣ оказывалъ. Вотъ что, по поводу привѣта моего, пишетъ онъ мнѣ изъ Лондона и что̀ навело меня на имя его, въ рѣчи, до которой, казалось, нѣтъ ему никакого дѣла. Nous nous rappelons bien, lady Stratford et moi, le temps, aujourd'hui aussi éloigné, de votre visite aux rives du Bosphore. *Il vaut bien la peine de vivre longtemps pour pouvoir encore jouir d'un souvenir tellement agréable* *).

Разумѣется, это вѣжливыя, любезныя слова; но много теплоты и чувства въ мысли выраженной старцемъ, что *отрадно, что сто́итъ того долго прожить, чтобы наслаждаться еще пріятными воспоминаніями.* Въ этой мысли лучшая похвала, лучшее оправданіе и утѣшеніе старости.

Въ письмахъ Батюшкова находятся звѣздочки (на стран. 350 и 361). Эти звѣздочки въ печати тоже что̀ маски лицамъ, которымъ предоставляется сохранять *инкогнито.* Оно иногда нужно изъ приличія. Вообще періодическая и хроническая печать мало придерживается этого обычая: она любитъ демаскировать лица, она мало уважаетъ охранительныя звѣздочки и ведетъ большой расходъ собственнымъ именамъ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что собственное имя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и личная собственность, собственность родовая, семейная. Съ такимъ имуществомъ посторонним людямъ должно обращаться осторожно и почтительно, пока эта собственность, какъ напримѣръ литтературная, авторская, не поступитъ, за истеченіемъ нѣсколькихъ десятилѣтнихъ давностей, въ область общаго достоянія. А до законнаго срока — эта законность не можетъ быть опредѣлена цыфрами, но чувствомъ приличія и нравственнымъ тактомъ. Такая собственность должна оставаться неприкосновенною, не только при жизни собственника, смотря съ которой стороны подходишь къ этой собственности, но должна быть признаваема во второмъ и третьемъ поколѣніи. Печать унижаетъ себя, когда печатаетъ то, что̀ человѣкъ не осмѣлился-бы сказать гласно и прямо въ лицо другому человѣку; или когда говоритъ на листкахъ своихъ то, что̀ подсказывающій ей никогда не рѣшился-бы сказать въ порядочномъ домѣ и предъ порядочными людьми. Печатное слово должно быть брезгливо, цѣломудренно и совѣстливо. Вотъ оттѣнки, которые мало,—извините меня, милостивый государь Петръ Ивановичъ, — и не всегда соблюдаются господами журналистами. Впрочемъ, говорю здѣсь не объ одной нашей журналистикѣ: иностранная также не безъ грѣха. Но особенность нашей журналистики заключается въ томъ, что даже самая животрепещущая, самая горячая часть ея живетъ какъ-то внѣ общества, на которое хочетъ она дѣйствовать. Говоря языкомъ ея, она часто *игнорируетъ* семейныя преданія, связи тѣхъ лицъ, кото-

---

*) Мы съ женою хорошо помнимъ время, нынѣ столь отдаленное, когда вы навѣстили насъ на берегу Босфора. Жить долго сто́итъ труда, дабы имѣть еще возможность наслаждаться столь пріятнымъ воспоминаніемъ.

рыя выводитъ на свѣжую, и еще чаще, на мутную воду. Все это не рѣдко дѣлаетъ она невинно, безсознательно. Въ такихъ случаяхъ журналистика выходитъ *бѣдовое дитя* гласности (enfant terrible). Но какъ-бы то ни было, соблазнъ, скандалъ все таки заносится на печатные листы.

Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ не о письменной жизни писателя: такая сторона дѣятельности его есть прямая принадлежность публики. Сочиненіе, отданное въ печать, есть тотъ же товаръ, выносимый на рынокъ: каждый прохожій имѣетъ право судить его, толковать о немъ, хвалить его или хаять, какъ угодно.

Возвратимся къ вашимъ звѣздочкамъ. Въ принципѣ я совершенно ихъ одобряю; но здѣсь, кажется, были онѣ излишняя осторожность. Сначала онѣ, особенно первыя, меня немножко интриговали. Но скоро могъ я сказать: je te reconnais, или je me reconnais, beau masque *). Если-бы вы снеслись со мною заблаговременно, я уполномочилъ-бы васъ выдать меня публикѣ живьемъ и en toutes lettres. Въ первомъ инкогнито я догадываюсь, что это я. Но вовсе не помню, къ чему относится жалоба и укоризна Батюшкова. Вѣроятно, недовольный Жуковскимъ за медлительное распоряженіе рукописями Михаила Никитича Муравьева, обратилъ онъ гнѣвъ и на меня, по тому-же поводу. Досада его понятна и приноситъ честь ему. Онъ дорожилъ именемъ и памятью Муравьева. Муравьевъ былъ родственникъ ему, пекся о воспитаніи его; какъ человѣкъ, какъ государственный дѣятель, онъ былъ чистая, возвышенная личность; какъ писатель, оставилъ онъ по себѣ труды, если не блестящіе, то пріятные и добросовѣстные, пропитанные любовью къ Россіи, къ наукѣ и чувствами высокой нравственности. Сочувствія и благодарность связывали Батюшкова съ Муравьевымъ. Очень понятно, что онъ признавалъ себя въ правѣ сердиться на друзей своихъ, когда относились они небрежно къ памяти ему дорогой и милой.

Подъ звѣздочками (стран. 361) уже несомнѣнно узнаю себя и долженъ въ томъ сознаться, не смотря на похвалы, означенныя подъ ними. Похвалы, медъ въ сторону; но строгій приговоръ, но горькая истина всплываетъ, и я не могу отречься отъ нихъ. Тѣмъ болѣе не могу, что нерѣдко слыхалъ я отъ самаго Батюшкова почти тоже, что говоритъ онъ обо мнѣ въ письмѣ къ Жуковскому. Не жалуюсь и не аппелирую. Но, если уже пришлось къ слову, то вотъ что скажу я отъ себя. Пора жизни моей, на которую указываетъ мой цензоръ, была точно ознаменована, а по мнѣнію его, обезсилена большимъ разсѣяніемъ, свѣтскою и всякою житейскою суетностью. Но, можетъ быть, все это происходило между прочимъ и отъ смиреннаго убѣжденія, что я вовсе не могу считать себя, по дарованію своему, призваннымъ занять трудовое и видное мѣсто въ литтературѣ нашей. Я былъ, такъ сказать, подавленъ дарованіями и успѣхами двухъ друзей моихъ; мало того, я не смѣлъ срав-

*) Я узнаю тебя (себя), прекрасная маска.

нивать себя и съ второстепенными дарованіями, которыя въ то время, болѣе или менѣе, пользовались сочувствіями и одобреніемъ публики. Эти слова не униженіе паче гордости, а добросовѣстное и убѣжденное сознаніе. Батюшковъ пеняетъ мнѣ, что я не вполнѣ посвящаю себя обязанностямъ и трудамъ писателя. Но я никогда и не думалъ *сдѣлаться* писателемъ: я писалъ, потому что писалось, потому что во мнѣ искрилось нѣчто такое, что́ требовало улетучиванія, просилось на волю и наружу. Это напоминаетъ мнѣ мой-же сатирическій куплетъ, давнымъ давно на кого-то написанный:

Одинъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что онъ въ умники попалъ,
Нечаянно случилось.

Впрочемъ не хочу оправдывать и прикрывать себя однимъ смиреніемъ. Смиреніе смиреніемъ, но вѣроятно числилась на совѣсти моей въ то время и порядочная доля легкомыслія, беззаботности и падкости къ житейскимъ увлеченіямъ и соблазнамъ.

Карамзинъ, около той-же поры и еще съ бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ Батюшковъ, также журилъ меня, съ укоризною и скорбью въ голосѣ, за то, что я *живу слишкомъ легко* (собственныя слова его). И эти укоризны не относились къ литтературѣ, а ко всему складу жизни. И въ самомъ дѣлѣ, какъ припоминаю себѣ то время, не могу не сказать, что я тогда не признавалъ жизни за трудъ, за обязанность, за нравственный подвигъ. Какъ писалъ я, потому что писалось: такъ и жилъ я, потому что жилось. О служеніи какому нибудь высшему идеалу, о стремленіи къ цѣли общеполезной я и не заботился и не думалъ. Мнѣ какъ-то казалось, что у меня на это не хватитъ и достаточно силъ. Довольствовался я тѣмъ, что могъ уважать въ другихъ эти высокія побужденія, эту святую вѣру въ свой подвигъ, эту силу и постоянство, съ которыми были они вѣрны цѣли своей; но въ себѣ не находилъ я ни натуры, ни призванія подвижничества. Спасибо и за то, что ихъ умѣлъ оцѣнивать я въ другихъ. Благодарность и Провидѣнію, которое по пути моему свело и сблизило меня съ подобными избранными подвижниками.

Разумѣется, въ послѣдствіи времени жизнь беретъ свое. Какъ ни обращайся съ нею легко и непочтительно, но уроки ея, испытанія, досадные щелчки, а иногда и удары обухомъ по головѣ, или по сердцу, царапины, раны, болѣе или менѣе глубокія, заставляютъ человѣка опамятоваться и призадуматься. Тогда онъ узнаётъ, онъ убѣждается, и часто слишкомъ поздно, что съ жизнью шутить нельзя, что она не игра, не увеселительный катокъ, по которому скользишь и на досугѣ расписываешь фантастическіе узоры и вензеля.

Возстановленіе имени моего на мѣсто загадочныхъ звѣздочекъ нужно и для исторіи литтературы нашей. Оно хорошо объяснитъ и выставитъ на показъ, какія были въ то время литтературныя и литтераторскія отношенія, а особенно въ нашемъ кружкѣ. Мы люби-

ли и уважали другъ друга (потому что безъ уваженія не можетъ быть настоящей, истинной дружбы), но мы и судили другъ друга безпристрастно и строго, не по одной литтературной дѣятельности, но и вообще. Въ этой нелицепріятной, независимой дружбѣ и была сила и прелесть нашей связи. Мы уже были Арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамаское общество служило только оболочкой нашего нравственнаго братства. Шуточные обряды его, торжественныя засѣданія, все это лежало на второмъ планѣ. Не излишне будетъ сказать, что съ приращеніемъ общества, какъ бываетъ это со всѣми подобными обществами, общая связь, растягиваясь, могла частью и ослабнуть: подъ конецъ могли въ общемъ итогѣ оказаться и Арзамасцы пришлые и полуарзамасцы. Но ядро, но сердцевина его сохраняли всегда всю свою первоначальную свѣжесть, свою коренную, сочную, плодотворную силу.

Напечатанное на страницѣ 358-й *письмо неизвѣстнаго лица* къ неизвѣстному лицу есть письмо Батюшкова ко мнѣ. Стихи разбираемые въ немъ мои. „Не помяни грѣховъ юности моея". Я этихъ стиховъ и не помянулъ, то есть не напечаталъ; они со многими другими стихотвореніями моими лежатъ въ бумагахъ моихъ и не торопясь ожидаютъ движенія печати.

Стихи, упоминаемые въ примѣчаніи на той-же 358 страницѣ, взяты изъ куплетовъ, сочиненныхъ Д. В. Дашковымъ. Послѣ перваго представленія *Липецкихъ Водъ* было устроено въ честь Шаховскаго торжественное празднество, помнится мнѣ въ семействѣ Бакуниныхъ. Автора увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ и читали ему похвальныя рѣчи. По этому случаю и написаны куплеты Дашкова. Иные изъ нихъ очень забавны. Когда нибудь можно-бы ихъ напечатать, потому что все относящееся до комедіи *Липецкія Воды* и до общества Арзамасъ принадлежитъ, болѣе или менѣе, исторіи Русской литтературы. Тутъ отыщутся нѣкоторыя черты и выраженія физіономіи ея въ извѣстное время. Напечатанное въ Сынѣ Отечества и упоминаемое на страницахъ 356 и 357 *письмо къ новѣйшему Аристофану*, то есть къ князю Шаховскому, есть тоже произведеніе Арзамасца *Чу*, то есть Д. В. Дашкова.

Теперь отъ чисто литтературной стороны повернемъ къ политической, также по поводу бумагъ Жуковскаго и поговоримъ о братьяхъ Тургеневыхъ. Но оставимъ это до слѣдующаго письма.

II.

На страницѣ 318 (Русскій Архивъ 1875, кн. III), сказано: „три „послѣдніе брата (Тургеневы) послѣ 14-го Декабря 1825 года принад„лежали къ числу опальныхъ и проч". Это не совсѣмъ такъ. Опалы тутъ не было. Николай Ивановичь былъ не въ опалѣ, а подъ приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Не явясь къ суду, послѣ вызова, онъ долженъ былъ, какъ добровольно не явившійся (contumace), нести на себѣ всю тяжесть обвиненій, которыя приписывались ему сочленами его по тайному обществу и, между прочими,

если не ошибаюсь—Пестелемъ и Рылѣевымъ. Братья Александръ и Сергѣй не принадлежали къ Обществу. Послѣ несчастія брата, они сами и добровольно отказались отъ дальнѣйшей своей служебной дѣятельности. Сергѣй Тургеневъ вскорѣ потомъ умеръ. Александръ сохранилъ придворное званіе свое. Во время пріѣздовъ своихъ въ Россію, онъ, какъ камергеръ, состоялъ даже иногда дежурнымъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и (прибавимъ здѣсь откровенно и безъ малѣйшаго нареканія) назначался на эту службу вовсе не противъ воли своей. Въ продолженіи того-же времени, по ходатайству князя Александра Николаевича Голицына, получилъ онъ орденъ св. Станислава первой степени, за историческія и дипломатическія изысканія и труды свои въ Римскихъ архивахъ. Знавшіе и видѣвшіе его, вѣроятно, помнятъ еще, какъ онъ носилъ двѣ звѣзды на фракѣ своемъ. Все это доказываетъ, что ни его не считали, и что онъ самъ не считалъ себя въ опалѣ. Онъ могъ быть въ числѣ недовольныхъ, но не былъ въ числѣ опальныхъ.

Императоръ Николай не препятствовалъ и Жуковскому, человѣку приближенному ко двору и къ самому царскому семейству, быть въ сношеніяхъ съ другомъ своимъ Николаемъ Тургеневымъ и упорно и смѣло ходатайствовать за него, устно и письменно. Тѣмъ болѣе не могъ онъ негодовать на двухъ братьевъ Тургеневыхъ за то, что они, по связямъ родства и любви, не отрекались отъ несчастнаго брата своего. Въ то время разсказывали даже слѣдующее. Вскорѣ по учрежденіи слѣдственной коммиссіи по дѣламъ политическихъ обществъ, Жуковскій спрашивалъ Государя: нужно-ли Николаю Тургеневу, находящемуся за границею, возвратиться въ Россію? Государь отвѣчалъ: „Если спрашиваешь меня, какъ Императора, скажу: нужно. Если спрашиваешь какъ частнаго человѣка, то скажу: лучше ему не возвращаться“.—Не помню въ точности, слышалъ-ли я этотъ разсказъ отъ самаго Жуковскаго, или отъ кого другаго; а потому и не ручаюсь въ достовѣрности этихъ словъ. Но, по убѣжденію моему, они не лишены правдоподобія.—А вотъ другое обстоятельство, которое живо запечатлѣлось въ памяти моей. Жуковскій разсказывалъ мнѣ слѣдующее и читалъ мнѣ письма, относящіяся къ этому дѣлу. Спустя уже нѣсколько времени, Тургеневъ, по собственному желанію своему, изъявилъ готовность пріѣхать въ Россію и предать себя суду. Онъ писалъ о томъ Жуковскому, который поспѣшилъ доложить Государю. Императоръ изъявилъ на то согласіе свое. Дѣло пошло въ ходъ, но по силѣ вещей, по силѣ дѣйствительности, не могло быть доведено до конца. Не состоялось оно, между прочимъ, и потому, что не только трудно было, но положительно несбыточно, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, возобновить бывшее слѣдствіе и бывшій судъ. Обвиненія, павшія на Тургенева, были неисключительно частныя и личныя. Это былъ не уголовный, обыкновенный процессъ, за отдѣльный проступокъ; дѣло было государственное и въ связи со многими другими; а изъ этихъ другихъ, иныхъ не было уже на

свѣтѣ; прочіе сосланы были въ отдаленныя мѣста Сибири. Голословное сужденіе о виновности Тургенева не повело-бы ни къ какому юридическому заключенію. Поднять на ноги все минувшее и весь злополучный процессъ было дѣло невозможное. Такъ оно и кончилось. Честный пріятель Тургеневыхъ и вовсе въ понятіяхъ и стремленіяхъ своихъ *не ретроградный* Дашковъ, говорилъ мнѣ въ то время, что попытка Тургенева оправдать себя на возобновленномъ судѣ не имѣетъ для себя никакой юридической почвы и пользы принести не можетъ. Александръ Тургеневъ, раздраженный обстоятельствами и глубоко уязвленный въ любви своей къ брату, поссорился при этомъ случаѣ съ Дашковымъ, какъ онъ прежде поссорился съ Блудовымъ. Онъ полагалъ, что Дашковъ, изъявленіемъ мнѣнія своего, затормозилъ и окончательно прекратилъ всѣ дальнѣйшія попытки брата и его самаго *).

Взвѣшивая безпристрастно всѣ обстоятельства этого дѣла и вѣроятныя послѣдствія его, можно, кажется, придти къ тому заключенію, что нечего сожалѣть о неудачѣ начатыхъ переговоровъ. Конечно, изгнаніе для Тургенева было тяжкое испытаніе, особенно въ началѣ. Но все-же не было оно ссылкою въ Сибирь и на каторжныя работы. Вѣрю вполнѣ, что *виновность* Тургенева не доходила до *преступленія*; но за то на дѣлѣ и не раздѣлялъ онъ нуждъ и страданій бывшихъ сочленовъ своихъ, чтобы не сказать сообщниковъ: онъ пользовался свободою и, благодаря самоотверженію брата своего Александра, пользовался всѣми удобствами и угодьями жизни.

На той-же страницѣ сказано, что Жуковскій *имѣлъ отраду убѣдить предержащія власти въ политической честности своего друга*. Кажется, и это не совсѣмъ такъ. Если подъ словомъ честности разумѣть въ этомъ случаѣ совершенную невиновность, политическую невиновность, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣ убѣжденія предержащихъ властей, свободное возвращеніе въ Россію Тургенева было бы разрѣшено; но этого не было и быть не могло. Самъ Жуковскій въ одной докладной запискѣ своей Государю пишетъ: „Прошу на „колѣняхъ Ваше Императорское Величество оказать мнѣ милость. „Смѣю надѣяться, что не прогнѣваю васъ сею моею просьбою. „Не могу не принести ея Вамъ, ибо не буду имѣть покоя душевнаго, пока не исполню того, что почитаю священнѣйшею должно„стію. Государь, снова прошу о Тургеневѣ; но уже не о его оправ„даніи: если чтеніе бумагъ его не произвело надъ Вашимъ Ве„личествомъ убѣжденія въ пользу его невиновности, то уже онъ ни„чѣмъ оправданъ быть не можетъ“. Далѣе Жуковскій проситъ, по разстроенному здоровію Николая Тургенева, разрѣшенія ему выѣхать изъ Англіи, климатъ коей вреденъ ему, и обезпечить его

*) Уже въ нынѣшнее царствованіе, возвратившись на время въ Россію послѣ слишкомъ 30-ти лѣтняго отсутствія, Н. И. Тургеневъ началъ было опять ходатайствовать о возобновленіи надъ нимъ суда по дѣлу бывшихъ тайныхъ обществъ; его отклонилъ отъ того пріятель его и заступникъ князь А. Ѳ. Орловъ. *П. Б.*

отъ опасенія *преслѣдованія*. „По волѣ Вашей, продолжаетъ Жуков-„скій, сего преслѣдованія быть не можетъ; но наши иностранныя „миссіи сочтутъ обязанностью не позволять ему имѣть свободное „пребываніе въ земляхъ, отъ вліянія ихъ зависящихъ". Докладная записка, или всеподданнѣйшее письмо, заключается слѣдующими словами: „Государь, не откажите мнѣ въ сей милости. Съ восхити-„тельнымъ чувствомъ благодарности къ Вамъ, она прольетъ и яс-„ность, и спокойствіе на всю мою жизнь, столь совершенно Вамъ „преданную". Голосъ дружбы не напрасно ходатайствовалъ предъ Государемъ: съ той поры Николай Тургеневъ могъ безопасно жить въ Швейцаріи, во Франціи и вездѣ, гдѣ хотѣлъ за границею. Мы привели выписку изъ прошенія Жуковскаго, чтобы доказать, что если онъ былъ убѣжденъ въ политической невиновности Тургенева, то *предержащія власти* не раздѣляли этого убѣжденія.

Не знаю, о какихъ оправдательныхъ бумагахъ Тургенева говоритъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Государю; но помню одну оправдательную записку, присланную изгнанникомъ изъ Англіи. Въ бытности моей въ Петербургѣ, былъ я однажды приглашенъ княземъ А. Н. Голицынымъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, и вѣроятно по указанію Жуковскаго, на чтеніе вышепомянутой записки. Передъ чтеніемъ, князь сказалъ намъ улыбаясь: „Мы поступаемъ немного беззаконно, составляя изъ себя комитетъ, не разрѣшенный правительствомъ; но такъ и быть, приступимъ къ дѣлу". По окончаніи чтенія, сказалъ онъ: „cette justification est trop à l'eau de rose" *). Князь Голицынъ былъ человѣкъ отмѣнно благоволительный; онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева уважалъ онъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался-бы первой возможности придраться къ случаю быть защитникомъ любимаго брата любимаго имъ Александра Тургенева; однакоже записка не убѣдила его. По миновеніи столькихъ лѣтъ, разумѣется, не могу помнить полный составъ ея; но по оставшемуся во мнѣ впечатлѣнію, нашелъ и я, что не была она вполнѣ убѣдительна. Это была скорѣе адвокатская рѣчь, болѣе или менѣе искусно составленная на извѣстную задачу; но многое оставалось въ ней неяснымъ и какъ будто недосказаннымъ.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ по этому поводу. Полемика о виновности или невинности Николая Тургенева была уже не однажды, хотя и поверхностно, возбуждена въ печати. Выразимъ о томъ и свои соображенія. По мнѣнію нашему, учрежденіе тайнаго общества и участіе въ немъ, съ цѣлью болѣе или менѣе политическою, съ цѣлью замѣнить существующій государственный порядокъ новымъ порядкомъ есть преступленіе: оно заключаетъ въ себѣ виновность не только противъ правительства, но, можно сказать, еще болѣе противъ гражданскаго общества, противъ народной гражданской семьи, къ которой принадлежишь. Горсть людей изъ этой семьи, какія ни были-бы побужденія и цѣли ихъ, никогда не въ правѣ, по

*) Въ этомъ оправданіи слишкомъ много розовой воды.

собственному почину своему, распоряжаться судьбами Отечества и судьбами тысячи и милліоновъ ближнихъ своихъ. Возставая противъ злоупотребленій настоящаго и противъ произвола лицъ власть имѣющихъ, эти господа сами покушаются на величайшій произволъ: они присвоиваютъ себѣ власть, которая ни въ какомъ случаѣ имъ законно не принадлежитъ. Они, въ кружкѣ своемъ, мимо всего общества согражданъ своихъ, тайно, притворно, двулично, замышляютъ дѣло, котораго не могутъ они предвидѣть ни значеніе, ни исходъ. Можно сказать почти утвердительно, что никакое тайное политическое общество не достигало цѣли своей: оно никогда и нигдѣ никого и ничего не спасало, но часто проливало много неповинной крови и губило много жертвъ.

Малое-ли время и мало-ли было тайныхъ политическихъ обществъ въ Италіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе? Вся Италія, съ своими Карбонарами и другими имъ подобными, была обширная и неугасимая кузница, въ которой ковались всевозможные заговоры. Что-же сдѣлали эти общества? Ровно ничего. Кавуръ одинъ освободилъ Италію при содѣйствіи и подъ прикрытіемъ штыковъ и пушекъ Наполеона III. Изъ исторіи, можетъ быть, видимъ еще примѣры нѣкоторыхъ нужныхъ и полезныхъ переворотовъ, подготовленныхъ какъ будто самимъ историческимъ промысломъ. Въ подобныхъ переворотахъ возникаютъ великія личности, обреченныя Промысломъ на такой-то день, на такой-то подвигъ. Но въ тайномъ обществѣ есть всегда съ одной стороны непомѣрное высокомѣріе или злой умыселъ, а съ другой робкое малодушіе или легкомысліе. Эта необходимость облекаться всегда доспѣхами лжи, лукавить, промышлять предательствами, должна окончательно имѣть пагубное вліяніе на понятія и самыя чувства. Все это, такъ сказать, съеживаетъ внутреннее достоинство человѣка, ограничиваетъ горизонтъ его и заражаетъ его исключительными предубѣжденіями касты, въ самой себѣ замкнутой.

По стеченію какихъ обстоятельствъ, неизвѣстно, но Николай Тургеневъ былъ въ Петербургѣ членомъ тайнаго политическаго общества. Если и не былъ онъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, однимъ изъ двигателей его, то сила вещей такъ сложилась, что долженъ онъ былъ быть однимъ, если не единственнымъ, то главнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ. Серьезный складъ ума его, самая наружность его, серьезная и нѣсколько строгая, образованность его, свѣдѣнія по наукѣ финансовъ и по другимъ государственнымъ наукамъ, высота его надъ умственнымъ уровнемъ окружавшихъ его, независимость и благородство характера, все это должно было обращать вниманіе на него. Серьезныхъ политическихъ людей въ обществѣ было мало, очень мало. Молодежъ, смутно тревожимая стремленіями, еще неясно и неположительно опредѣлившимися, должна была сочувственно и съ надеждою смотрѣть на Тургенева, какъ на наставника, какъ на будущаго руководителя и вождя. Можетъ быть, умъ Тургенева не могъ быть причисленъ къ разряду умовъ очень обширныхъ и производительныхъ.

Кажется, въ умѣ его было мало гибкости и движенія: онъ не отсвѣчивался оттѣнками; умъ его былъ одноцвѣтенъ. Но за то, онъ былъ человѣкъ нѣсколькихъ твердыхъ и честныхъ убѣжденій; это свойство встрѣчается рѣже, чѣмъ другія болѣе блестящія. Эти убѣжденія съ нимъ срослись; они врѣзались въ немъ неизгладимо, и неистребимо, какъ на завѣтныхъ каменныхъ доскахъ. Вступая въ тайное общество, онъ вѣроятно, хотѣлъ и надѣялся провести эти убѣжденія въ средѣ сочленовъ своихъ, съ тѣмъ чтобы позднѣе могли они разлиться далѣе и проникнуть въ самое гражданское общество. Одно изъ таковыхъ убѣжденій была человѣческая и государственная необходимость освобожденія крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостнаго состоянія. Это желаніе, эта завѣтная дума были присущи и другимъ въ то время. Между прочими, Батюшковъ, мало занимавшійся политическими вопросами, написалъ въ 1814-мъ году прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу, призванъ онъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ Русскаго народа. Къ сожалѣнію, утратились эти стихи и въ бумагахъ моихъ, и изъ памяти моей. Но въ Тургеневѣ эта мысль была не летучимъ вдохновеніемъ, а такъ сказать idée fixe, символомъ политической религіи его. Онъ ее всюду и всегда проповѣдывалъ. Онъ былъ ревностнымъ апостоломъ ея. Здѣсь стоялъ онъ на твердой почвѣ, и на почвѣ совершенно родной, совершенно Русской. Но, кажется, сочлены его худо слѣдовали за нимъ по этой почвѣ. Большинство изъ нихъ увлекалось болѣе условными, космополитическими соображеніями: оно хотѣло, во что бы ни стало, переворота и не удовольствовалось коренными улучшеніями. Мы уже замѣтили выше, что серьезныхъ политическихъ дѣятелей въ обществѣ почти не оказывалось. Тургеневъ, можетъ быть, и самъ былъ не чуждъ нѣкоторыхъ умозрительныхъ началъ западной конституціонной идеалогіи; но въ немъ, хотя онъ и мало жилъ въ Россіи и мало зналъ ее практически, билась живая народная струя. Онъ страстно любилъ Россію и страстно ненавидѣлъ крѣпостное состояніе. Равнодушіе, или по крайней мѣрѣ не довольно горячее участіе членовъ общества въ оживотвореніи этого вопроса, вѣроятно, открыло глаза Тургеневу; а открывши ихъ, могъ онъ убѣдиться, что и это общество, и всѣ его замыслы и разглагольствія ни къ чему хорошему и путному повести не могутъ.

Вотъ что между прочимъ, по этому поводу, говорилъ Жуковскій въ одной изъ защитительныхъ своихъ докладныхъ записокъ на Высочайшее имя, въ пользу Тургенева (ибо онъ былъ точно адвокатомъ его предъ судомъ Государя).

„По его мнѣнію (т. е. Тургенева), которое и мнѣ было давно „извѣстно, освобожденіе крестьянъ въ Россіи можетъ быть съ ус„пѣхомъ произведено только верховною властью самодержца. Онъ „имѣлъ мысли свободныя, но въ тоже время имѣлъ умъ образован„ный. Онъ любилъ конституцію въ Англіи и въ Америкѣ и зналъ

„ея невозможность въ Россіи. Республику-же вездѣ почиталъ химе-„рою. Вступивъ въ него (въ общество), онъ не надѣялся никакой „обширной пользы, ибо зналъ, изъ какихъ членовъ было оно соста-„влено; но счелъ должностью вступить въ него, надѣясь хотя „нѣсколько быть полезнымъ, особенно въ отношеніи къ цѣли своей, „то есть къ освобожденію крестьянъ. Но скоро увидѣлъ онъ, что „общество не имѣло никакого дѣла, и что члены, согласившись „съ нимъ въ главномъ его мнѣніи, то есть въ необходимости от-„пустить крѣпостныхъ людей на волю, не исполняли сего на „самомъ дѣлѣ. Это совершенно его къ обществу охладило. И во „всю бытность свою членомъ, онъ находился не болѣе пяти разъ „на такъ называемыхъ совѣщаніяхъ, въ коихъ говорено было не „о чемъ иномъ, какъ только о томъ, какъ бы придумать для об-„щества какое нибудь дѣло. Сіи разговоры изъ частныхъ, то есть „относительныхъ къ обществу, обыкновенно обращались въ общіе, „то есть въ разговоры о томъ, что̀ въ то время дѣлалось въ Рос-„сіи, и тому подобное“.

Далѣе Жуковскій говоритъ въ той же запискѣ:

„Если онъ былъ признаваемъ однимъ изъ главныхъ, по всеобщему „къ нему уваженію, то еще не значитъ, чтобы онъ былъ глав-„нымъ дѣйствователемъ общества. На это нѣтъ доказательствъ“.

Все это не подкрѣпляетъ-ли правду словъ нашихъ, что честному и благоразумному человѣку не слѣдуетъ вступать ни въ какое тайное общество? Съ честнѣйшими, лучшими преднамѣреніями можно попасть въ просакъ, или въ ловушку: дѣлаешься не только участникомъ, но, по общинному началу, и отвѣтственнымъ лицемъ за рѣчи, за дѣянія, отъ коихъ внутри совѣсти отрекаешься. Вступая въ общество, можетъ быть знаешь голову его, но не знаешь хвоста; а въ подобныхъ сходбищахъ хвостъ часто перетягиваетъ голову и тащитъ ее за собою.

Жуковскій гораздо короче моего зналъ Николая Тургенева. Всѣ защитительныя соображенія, приводимыя имъ въ запискахъ своихъ, вѣроятно, сообщены были ему самимъ Тургеневымъ. Принимать-ли все сказанное на вѣру, или подвергать безпристрастному и строгому изслѣдованію и анализу, не входитъ въ нашу настоящую задачу. Могу только отъ себя прибавить, что, по моему убѣжденію, Тургеневъ былъ въ полномъ смыслѣ честный и правдивый человѣкъ; но все-же былъ онъ предъ судомъ виновенъ: виновенъ и предъ нравственнымъ судомъ. Какъ-бы то ни было, можно положительно сказать, что онъ не былъ-бы на Сенатской площади 14-го Декабря. Сослуживецъ и пріятель государственнаго Прусскаго мужа Штейна, онъ могъ-бы съ нимъ участвовать въ упованіяхъ и тайныхъ стремленіяхъ какого нибудь *Tugenbund'a*; но всегда былъ бы противенъ понятіямъ его, чувствамъ и правиламъ всякой уличный бунтъ. Съ другой стороны убѣжденъ я и въ томъ, что Тургеневъ, сознавшій всю несостоятельность общества для правильнаго дѣйствія въ предѣлахъ, которые онъ себѣ, по совѣсти, предназначилъ, и убоясь увлеченій этого общества по дорогѣ, на которой онъ

остановить его былъ-бы не въ силахъ, пришелъ къ заключенію, что необходимо ему окончательно удалиться изъ общества и прекратить съ нимъ всѣ сношенія. Это онъ и исполнилъ, отправившись за границу. Таковы мои личныя догадки, почти убѣжденія. Разумѣется, могу и ошибаться.

Совокупляя и провѣряя всѣ эти соображенія, невольно приходишь къ одному грустному заключенію: жаль, что Тургеневъ былъ увлеченъ политическимъ водоворотомъ. Честное и почетное мѣсто ожидало его въ рядахъ государственныхъ Русскихъ дѣятелей. Изо всѣхъ несчастныхъ жертвъ, которыхъ разгромила и похитила гроза 14-го Декабря, онъ да можетъ быть еще человѣка два-три, не болѣе, носили въ себѣ залоги чего-то, которое могло созрѣть въ будущемъ и принести плодъ. Часто повторяютъ, что гроза 14-го Декабря погубила прекрасную жатву дарованій и гражданскихъ надеждъ, которымъ не дано было возможности развернуться и осуществиться. Все это, не сомнѣваюсь, сострадательныя и добросовѣстныя сѣтованія, но не выдерживающія безпристрастной и строгой повѣрки. Въ государственномъ и политическомъ значеніи и говорить нечего: дѣла́ прискорбно и громко говорятъ сами за себя. Сама затѣя совершить государственный переворотъ на тѣхъ началахъ и при тѣхъ способахъ и средствахъ, которые были въ виду, уже побѣдоносно доказываетъ политическую несостоятельность и умственное легкомысліе этихъ мнимыхъ и самозванныхъ преобразователей. Были между ними благодушныя, скажу чистыя личности, у которыхъ умъ зашелъ за разумъ, которыя много зачитались и мало надумались. Ихъ соблазняла слава гражданскаго подвига. Они мечтали, что сто́итъ только захотѣть, сто́итъ только заключить союзъ благоденствія или какой другой, обязать себя клятвою, и дѣло народнаго спасенія и перерожденія возникнетъ, какъ будто само собою. Это были утописты, романтическіе политики. Много знавалъ я таковыхъ. Прочіе, большинство, были политическіе диллетанты, любители политическихъ зрѣлищъ и дѣйствій. Многіе изъ нихъ вступали въ тайное общество, какъ приписывались къ Масонамъ, къ членамъ благотворительныхъ и литтературныхъ обществъ, даже къ членамъ Англійскаго клуба: приписывались съ тѣмъ, чтобы въ собственныхъ глазахъ своихъ быть и казаться чѣмъ нибудь. Приманка тайны была всесильнымъ соблазномъ для нихъ. Она дѣлалась для нихъ освященіемъ. Сами на себя смотрѣли они съ какимъ-то благоговѣніемъ. Все это исторія почти всѣхъ тайныхъ обществъ, особенно нашего. Много пало и падаетъ жертвъ, по закону виновныхъ, по нравственному и физіологическому сужденію невинныхъ или непорочныхъ, въ которыхъ недугъ былъ не самородный, а привитой. О несчастныхъ можно, и даже должно, сожалѣть, будь они увлекатели, или увлеченные; но все-же изъ того не слѣдуетъ, что каждое несчастіе должно возводить на амвонъ и преклонять предъ нимъ колѣна, какъ предъ святынею.

Обратимся теперь къ мнимымъ нашимъ литтературнымъ утратамъ. Въ поэтическомъ дарованіи Рылѣева не было ничего такого,

что̀ могло-бы въ будущемъ обѣщать великія поэтическія созданія; что̀ было въ немъ поэтическаго, онъ все высказалъ. Стало быть, не въ литтературномъ отношеніи можно сожалѣть о преждевременной погибели его. Можно въ немъ оплакивать только человѣка увлеченнаго при жизни фанатизмомъ политическимъ, возросшимъ до крайней степени и вѣроятно безкорыстнымъ. Извѣстный стихъ его:

Меня судьба ужъ обрекла

былъ искренній стихъ, глубоко имъ прочувствованный и для него самаго пророческій. Въ предсмертные дни, судя по письмамъ его *), онъ смиренно и съ покорностью сознавалъ заблужденія свои. Александръ Бестужевъ, и послѣ тяжкой участи, постигшей его, имѣлъ все время выдать и осуществить весь запасъ дарованія своего. Тоже можно сказать и о Кюхельбекерѣ. Стало быть, буря 14-го Декабря не губительно опустошила ниву литтературы нашей. И здѣсь можно сожалѣть о людяхъ, по чувству человѣческому, а не о погибшихъ надеждахъ, которыя обѣщали намъ богатую литтературную жатву.

Но Тургеневъ имѣлъ въ себѣ способности, которыя готовили въ немъ хорошаго и замѣчательнаго дѣятеля. Нельзя не сожалѣть, что участіе его, или пожалуй злополучное присутствіе его въ тайномъ обществѣ, лишило его возможности быть гласно полезнымъ Отечеству. Онъ любилъ дѣятельную службу. Къ ней призывали его горячее желаніе благотворнаго труда, непреклонная правота его, познанія въ дѣлѣ государственнаго управленія. Познанія эти съ каждымъ годомъ совершенствовались и росли; опытность увѣнчала-бы ихъ полнымъ успѣхомъ. Въ праздномъ изгнаніи своемъ скучалъ онъ бездѣйствіемъ, тосковалъ по дѣятельнымъ занятіямъ своимъ въ канцеляріи Государственнаго Совѣта. Если былъ-бы онъ и совершенно чуждъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, все-же могъ онъ въ изгнаніи своемъ упрекать себя, что не пошелъ далѣе и выше по законной дорогѣ, которая открыта была предъ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ достигъ-бы на ней значенія и положенія, которыя раскрыли-бы предъ нимъ широкое поприще государственной дѣятельности. Еще одно замѣчаніе. Если главною и завѣтною думою его, было—и нѣтъ повода здѣсь къ сомнѣнію—освобожденіе крестьянъ, то какъ не пожалѣть, что онъ, отсутствіемъ изъ Россіи, лишилъ себя законнаго участія въ совершеніи подвига, который считалъ онъ необходимымъ и святымъ? Правда, дожидался-бы онъ долго; но все-же дождался-бы этого радостнаго и обѣтованнаго для него дня. Какъ-бы то ни было, все-же могъ онъ сказать: „нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“.

Вѣроятно, никто болѣе его не возрадовался событіемъ 19-го Февраля. Съ этимъ событіемъ жизнь его, соскочившая когда-то съ законной колеи, могла снова стать на прямую дорогу свою. Было-ли

*) Которыя издалъ П. А. Ефремовъ въ Полномъ Собраніи сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. *П. Б.*

ему между тѣмъ грустно, что дѣло сдѣлалось и безъ него, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ долженъ былъ онъ самъ на себя посѣтовать, что погубилъ около тридцати годовъ своей жизни, безъ участія въ дѣлахъ и судьбѣ Отечества, которое любилъ онъ пламенно и которому могъ-бы служить усердно и полезно.

Я здѣсь нѣсколько распространился въ общихъ и частныхъ соображеніяхъ, во первыхъ потому, что такая за мною водится привычка и слабость; а во вторыхъ потому, что мнѣ казалось нужнымъ сказать, при случаѣ, мнѣніе мое въ спорномъ и нѣсколько загадочномъ дѣлѣ.

Къ событіямъ и лицамъ, болѣе или менѣе историческимъ, нужно, по мнѣнію моему, приступать и съ историческою правдивостью и точностью. Сохрани Боже легкомысленно клепать и добровольно наводить тѣни на нихъ; но не хорошо и раскрашивать исторію и лица ея идеализировать; тѣмъ болѣе, что возвышая иныхъ не въ мѣру, можно тѣмъ самымъ понижать другихъ несправедливо. Исторія должна быть безпристрастною и строгою возмездницею за дѣла и слова каждаго, а не присяжнымъ обвинителемъ и не присяжнымъ защитникомъ.

Неизмѣнно вамъ преданный
Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.
Ноябрь 1875.

ПАМЯТИ М. П. ПОГОДИНА.

Еще нѣтъ одного изъ спутниковъ, когда-то
Отправившихся въ жизнь на подвигъ и на трудъ:
Паломники свою хоругвь держали свято,
И каждый бодро несъ завѣтный свой сосудъ.

Кругомъ земля цвѣла и на небѣ свѣтлѣло,
День майскій разсвѣталъ въ прозрачной синевѣ:
И каждый шелъ впередъ восторженно и смѣло
Съ надеждою въ груди и думой въ головѣ.

Въ дали таинственной, въ краю обѣтованномъ,
У каждаго была мечта и цѣль своя;
Но породнила всѣхъ, въ служеньи постоянномъ,
Единодушная и дружная семья.

Не знали зависти: однимъ соревнованьемъ
Горѣли доблестно свободныя сердца,
И каждаго успѣхъ былъ общимъ достояньемъ,
И братью озарялъ блескъ братняго вѣнца.

Въ дни трудные, они другъ друга выручали;
Вносили въ свой союзъ всѣ помыслы свои;
Кто старше былъ—тому довѣрчиво внимали,
А младшихъ старшіе съ любовью берегли.

Все было въ той порѣ заманчиво и ново,
Духъ свѣжій обхватилъ сподвижниковъ младыхъ;
Въ народѣ отзывъ былъ на каждое ихъ слово,
Заслушивался онъ рѣчей и пѣсней ихъ.

Прекрасенъ былъ тотъ день и путь тотъ былъ прекрасенъ!
Струей обильной жизнь лилась въ младую грудь.
Казалось, до конца день этотъ будетъ ясенъ,
Казалось, до конца надеженъ будетъ путь.

И гдѣ-жъ сей свѣтлый день, надеждами богатый?
Затмился онъ въ тѣни ненастныхъ облаковъ,
И этотъ свѣтлый путь усѣяли утраты,
И многихъ не слыхать знакомыхъ голосовъ.

Такъ! Пали многіе, не доходя до цѣли,
Не довершивъ труда, который созрѣвалъ;
И грустно старшіе подъ бурей уцѣлѣли,
Когда жестокій вихрь за цвѣтомъ цвѣтъ срывалъ.

И онъ жрецъ-труженикъ науки, посвятившій
Ей плодотворные и многіе года,
Пылъ бодрой юности и въ старости хранившій,
Палъ доблестнымъ бойцемъ на поприщѣ труда!

На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали;
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ.

На старца па̀дали кощунства молодежи,
Самонадѣянной въ тщеславіи своемъ;
Но онъ не унывалъ и, вѣря въ Промыслъ Божій,
Шелъ твердо, съ юныхъ лѣтъ, предъизбраннымъ путемъ.

Онъ былъ изъ той среды, онъ возмужалъ въ томъ строѣ,
Что бранью пошлою встревоженъ быть не могъ:
Во время óно зналъ судилище другое,
А новыхъ лже-судей онъ крики пренебрёгъ.

Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ треволненій,
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.

Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздья свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.
Декабрь 1875.

П. И. СЛАТВИНСКІЙ.

Обязанностью считаю заявить издателю Русскаго Архива, что въ 12-й тетради его за 1875 годъ вкралась ошибка. Въ одномъ изъ писемъ князя И. В. Васильчикова къ князю П. М. Волконскому, на страницѣ 413, упоминается о полковникѣ Слатвинскомъ и въ выноскѣ *), со словъ М. И. Муравьева-Апостола, сказано, что „полковникъ Слатвинскій былъ эскад„роннымъ командиромъ въ л. г. гусарскомъ полку и вышелъ въ отстав„ку, когда генералъ Левашовъ засѣкъ до смерти его вахмистра за какую„то вину".

Я служилъ тогда въ л. г. гусарскомъ полку, и именно въ 5-мъ эскадронѣ, у П. И. Слатвинскаго, слѣдовательно могу сказать утвердительно, что г-лъ Левашовъ никогда не засѣкалъ никого у Слатвинскаго и Слатвинскій въ отставку изъ полка не выходилъ, а въ 1821 году выступилъ съ полкомъ въ походъ и командовалъ онымъ за болѣзнію г-ла Левашова, который оставался въ С.-Петербургѣ и прибылъ къ полку въ мѣстечко Люцинъ (Витебской губ.), гдѣ тогда весь гвардейскій корпусъ былъ собранъ на смотръ, къ главнокомандующему 1-й арміею графу Ф. В. Сакену. Слатвинскій, послѣ похода, былъ назначенъ полковымъ командиромъ л. г. конно-егерскаго полка (нынѣ лейбъ-драгунскій) и потомъ флигель-адъютантомъ въ 1825 году. Командуя этимъ полкомъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и участвовалъ въ сраженіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ въ 1831 году. Въ послѣдствіи Слатвинскій былъ начальникомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и потомъ уже вышелъ въ отставку по болѣзни.

Въ происшествіи съ вахмистромъ есть нѣкоторая доля правды, но только это было въ 1816 году, и не у Слатвинскаго въ эскадронѣ, а у А. В. Пашкова, который послѣ того получилъ въ командованіе Ахтырскій гусарскій полкъ. Помню я и вахмистра: его звали Кулаковъ. Г-лъ Левашовъ его не засѣкъ, а наказалъ фухтелями, какъ это въ то время, по несчастію, дѣлалось во всѣхъ кавалерійскихъ полкахъ.

Долгомъ считаю при этомъ сказать нѣсколько словъ о полковникѣ Петрѣ Ивановичѣ Слатвинскомъ. Онъ былъ уважаемъ и любимъ отъ генерала до послѣдняго корнета; солдаты его боготворили и всегда готовы были идти за него, какъ говорится, въ огонь и въ воду. До сего времени память его осталась въ полкахъ л. г. гусарскомъ и л. г. драгунскомъ. Человѣкъ онъ былъ честный, добрый, прямой; однимъ словомъ, безукоризненный.

В. Ильинъ.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1875 г. (книга III, стр. 476) вкралась искажающая смыслъ опечатка: напечатано, что неправильности въ *свѣтскихъ* выборахъ тяжело ложились на душу покойнаго А. В. Горскаго; между тѣмъ какъ слѣдовало *совѣтскихъ*, т. е. выборахъ, которые производились въ *совѣтѣ* Московской Духовной Академіи.

На стр. 443-й той же книги вмѣсто *такъ глухъ* напечатано *такъ глупъ*. На стр. 452-й вмѣсто *авторъ Монастырки* напечатано *авторъ Монастырскій*.

П. Б.

---

*) Принадлежащей В. Д. Давыдову.

9) Историческій и хронологическій опытъ о *Посадникахъ Новгородскихъ*, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, съ предисловіемъ Калайдовича, изд. 1821 г. **1 р. 50 к.**

10) *Бѣлорусскій Архивъ* древнихъ Грамотъ составленъ изъ различныхъ Бѣлорусскихъ Грамотъ съ 1463—1768 г., съ приложеніемъ снимковъ съ разныхъ подписей, изд. 1824. **1 р.**

11) *Іоаннъ Эксархъ Болгарскій.* Изслѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литературы IX и X ст. Изданъ К. Калайдовичемъ въ 1824 г., съ 16-ю грав. изображеніями. **3 р.**

12) *Кириллъ и Меѳодій*, Словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе I. Добровскаго, съ приложеніемъ житія Кирилла и Меѳодія. Пер. въ 1825 г. М. Погодинъ. **1 р.**

13) *Письма Русскихъ Государей* и другихъ особъ Царскаго семейства, съ приложеніемъ трехъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ. Изд. 1848 г. 4 вып. Каждый по **65 к.**

Г. г. иногородные съ своими требованіями должны обращаться *исключительно* къ книгопродавцу Васильеву.

Кромѣ того, *въ Архивѣ* продаются:

14) Первые два тома *Собранія Трактатовъ и Конвенцій*, заключенныхъ Россіею съ Иностранными Державами, изд. по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, профессоромъ Мартенсомъ:

Трактаты съ Австріей (1648—1808 г.), каждый томъ по **3 р.**

15) *Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи*, 2 тома (1814—1822 г.). **10 р. 50 к.**

16) *Описаніе Знаменскаго Монастыря и Палатъ Боярь Романовыхъ*, съ приложеніемъ хромолитографія родовой ихъ иконы, соч. Архимандрита Сергія, изд. 1866 г. **3 р.**

17) *Закладка и освященіе* тѣхъ же Палатъ. **10 к.**

18) *О вооруженномъ Морскомъ Нейтралитетѣ*, составлено съ Высочайшаго соизволенія по документамъ Моск. Глав. Архива. Изд. 1859 г. **75 к.**

Также слѣдующія изданія покойнаго директора Архива, *князя М. А. Оболенскаго*:

1) *Соборная Грамота*, утверждающая санъ Царя за Великимъ Княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ. **1 р.**

2) *Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго.* **1 р.**

3) *Новый Лѣтописецъ*, составленный въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. **1 р.**

4) Проэктъ *Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ.* **25 к.**

5) *Иностранные сочиненія и акты*, относящіеся до Россіи, 4 части. **1 р.**

6) *Сказаніе о Лже-Димитріи* (La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'Imposteur). **1 р.**

7) *Дневникъ Гордона*, въ Нѣмец. пер. 3 тома. **6 р.**

8) *Сборникъ князя Оболенскаго*, 12 выпусковъ. **5 р.**

9) *О первоначальной Русской Лѣтописи*, 2 т. **5 р.**

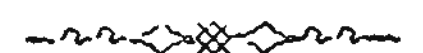
РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 3.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ.

Цѣна **одинъ** рубль.

*

Насъ просятъ сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе, что охотно исполняемъ, такъ какъ предметъ онаго связанъ съ успѣхами Русской рѣчи между нашими иноязычными соотечественниками.

ШВЕДСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

Для дѣловаго слога.

Заключающій въ себѣ термины и фразы, выбранные изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, Русскихъ юридическихъ сочиненій по части правъ государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, экономическаго, финансовъ и государственнаго благоустройства.

Составляется г-номъ Лундалемъ въ Гельсингфорсѣ.

Со времени присоединенія къ Россіи Великаго Княжества Финляндскаго чувствуется потребность въ словарѣ подобнаго рода. Въ предисловіи къ изданному въ 1846 году по Высочайшему повелѣнію Шведско-Русскому словарю говорится о такомъ словарѣ, какъ о совершенно-необходимой потребности для устраненія затрудненія, встрѣчаемаго въ Финляндіи при отысканіи лицъ способныхъ занимать должности, на которыхъ нужно знаніе Русскаго судебнаго и канцелярскаго слога. Составленіе подобнаго словаря предполагаетъ многолѣтнія ученыя занятія, и за недостаткомъ подготовительныхъ работъ до сихъ поръ Финляндцы не имѣютъ его.

Еще съ 1845 года г-нъ Лундаль подготовлялъ и собиралъ изъ Русскихъ источниковъ матеріалы для этого словаря. Многосложныя и неусыпныя занятія по службѣ, а впослѣдствіи и слабость здоровья, отрывали его отъ этого дѣла. Нынѣ онъ занятъ редакціею накопленныхъ матеріаловъ, но встрѣчаетъ немаловажныя затрудненія за неимѣніемъ руководствъ по этой отрасли лексикографіи. По крайней мѣрѣ нельзя винить его въ недостаткѣ доброй воли и безкорыстнаго участія къ дѣлу.

КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

Недавно были отпразднованы въ Москвѣ столѣтніе юбилеи Екатерининской больницы и Екатерининской богадѣльни. Торжества эта напомнили намъ, что въ 1872 году, именно 20-го Ноября, минуло ровно сто лѣтъ съ того дня, когда состоялось высочайшее повелѣніе императрицы Екатерины II объ учрежденіи Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны. Не смотря на то, что эти кредитныя установленія принесли за все время своего существованія много пользы, а одно изъ нихъ, именно Московская Сохранная Казна, была краеугольнымъ камнемъ Воспитательнаго Дома и всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Московскаго Опекунскаго Совѣта, Сохранную Казну не помянулъ никто даже и добрымъ словомъ. Печать наша по крайней мѣрѣ хранила о томъ глубокое молчаніе и не занесла въ свою лѣтопись о ней ни единой строчки.

Съ цѣлію сколько нибудь восполнить этотъ пробѣлъ, представляется здѣсь нѣсколько свѣдѣній, которыя удалось мнѣ собрать слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть и эти скудныя, но не лишенныя своего интереса, свѣдѣнія возбудятъ вниманіе занимающихся отечествовѣдѣніемъ и послужатъ пособіемъ къ исторіи нашихъ кредитныхъ установленій. Въ архивахъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Опекунскаго Совѣта хранятся весьма богатые матеріалы, которые еще ждутъ разработки.

Въ 1844 году я получилъ отъ управлявшаго въ то время Московскою Сохранною Казною почетнаго опекуна М. П. Штера предписаніе составить общій обзоръ Сохранной и Вдовьей Казны. Сроку мнѣ было дано всего одинъ мѣсяцъ и рамка для составленія обзора довольно тѣсная, такъ что свѣдѣнія, которыми я долженъ былъ поневолѣ въ то время ограничиться, далеко не представляютъ того, что̀ заключаетъ въ себѣ богатый запасъ матеріаловъ. Обзоръ этотъ представляется въ томъ самомъ видѣ и объемѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ въ то время. Перебирая въ памяти содержаніе собственноручныхъ писемъ императрицы Екатерины, Бецкаго, разныхъ благотворителей, завѣщавшихъ съ разными условіями и цѣлями капиталы Воспитательному Дому, первые журналы засѣданій Опекунскаго Совѣта, невольно дивишься, какъ изъ такихъ ничтожныхъ суммъ, которыми начала свои обороты Сохранная Казна, могли впослѣдствіи и въ такое непродолжительное время выроcти капиталы, которые дали средства къ учрежденію и существованію столькихъ благотворительныхъ заведеній.

Предлагаемая записка даетъ понятіе о дѣйствіяхъ Сохранной Казны только до 1844 года. Само собою разумѣется, что обороты ея за тѣмъ росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и средства для умноженія капиталовъ благотворительныхъ учрежденій. Ко времени ликвидаціи, оборотъ Московской Сохранной Казны, не смотря на ея весьма несложныя операціи, достигъ 370 милліоновъ. Правила Сохранной Казны дѣйствительно становились не современными; но врядъ ли былъ справедливъ и главный укоръ, который ей дѣлали, что безсрочные вклады не соотвѣтствовали долгосрочнымъ займамъ. Опасеніе, чтобы при внезапномъ требованіи вкладчиками ихъ капиталовъ, Сохранная Казна не была поставлена въ затрудненіе ихъ удовле-

творить, такъ какъ капиталы были розданы заемщикамъ въ долгосрочныя ссуды, врядъ ли имѣло основаніе. Не говоря уже о томъ, что въ Московской Сохранной Казнѣ обращалось до 20 милліоновъ вкладовъ вѣчныхъ, которые никогда не могли быть потребованы обратно, что въ ней обращались еще капиталы, „неприкосновенные“ „условные“, капиталы, принадлежавшіе разнымъ учрежденіямъ, вклады, внесенные на имя малолѣтнихъ или доставшіеся имъ по наслѣдству, спорные и другіе, которые никоимъ образомъ не могли быть потребованы вдругъ и одновременно: въ Государственномъ Банкѣ на счету бывшей Московской Сохранной Казны обращается еще и теперь около 6 милліоновъ вкладовъ изъ 2-хъ процентовъ.

СОХРАННАЯ КАЗНА.

Время и обстоятельства учрежденія Сохранной Казны.

Мысль объ учрежденіи Сохранной Казны одновременна мысли объ учрежденіи Воспитательнаго Дома, самое же учрежденіе Сохранной Казны послѣдовало въ 1772 году, когда главный попечитель Императорскаго Воспитательнаго Дома И. И. Бецкій всеподданнѣйше поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II-ой планы Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны. Планы эти именнымъ указомъ велѣно было разсмотрѣть графу Н. Панину, графу Э. Миниху, князю А. Голицыну, графу И. Чернышеву и Гр. Теплову. Исполняя высочайшую волю, эти лица „по строгомъ и внимательномъ изслѣдованіи плановъ“, донесли о необходимости и пользѣ такихъ учрежденій для всего государства. Желая же увѣковѣчить и навсегда оградить неприкосновенность столь благаго дѣла они, въ донесеніи своемъ, всеподданнѣйше представили на утвержденіе: 1) О сравненіи корпуса Опекунскаго Совѣта съ Государственными Коллегіями; 2) О дозволеніи опекунамъ, какъ членамъ мѣста, состоящаго подъ единственною монаршею защитою, обращаться непосредственно къ освященной особѣ монаршей; 3) Объ учрежденіи почетныхъ благотворителей, изъ которыхъ одинъ имѣлъ бы всегда право, по согласію главнаго попечителя съ Совѣтомъ, быть ходатаемъ по дѣламъ Воспитательнаго Дома, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ и о выборѣ балотированіемъ изъ числа ихъ преемника, который бы могъ, въ случаѣ надобности, немедленно замѣнить главнаго попечителя; 4) О сообщеніи генералъ-прокуроромъ изъ Сената, а оберъ прокуроромъ изъ Синода главному попечителю опредѣленій о дѣлахъ, касающихся Воспитательнаго Дома; 5) О дарованіи Воспитательному Дому первенствующаго права на полученіе въ возвратъ раздаваемыхъ въ займы капиталовъ предъ всякими казенными и партикулярными по обязательствамъ долгами; 6) О доставленіи Каморъ, Вотчинною и Юстицъ-Коллегіями или ихъ и Банковою Конторами точныхъ свѣдѣній относительно закладываемаго въ Воспитательномъ Домѣ имѣнія, съ тѣмъ, что Воспитательный Домъ будетъ сообщать въ Вотчинную Коллегію о вступающихъ, вышедшихъ и просроченныхъ закладныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ и объ отдачѣ на выкупъ или (за неявкою законныхъ выкупщиковъ) на продажу просроченныхъ имѣній и 7) О предоставленіи главному попечителю И. И. Бецкому исключительнаго права, чтобы всѣ данныя имъ инструкціи и наставленія частныя, безъ особой монаршей воли отмѣнены быть не могли. Всеподданнѣйшій докладъ этотъ, вмѣстѣ съ планами учрежденій Вдовьей Ссудной и Сохранной Казны былъ конфирмованъ 20-го Ноября 1772 года.

Съ того времени начались приготовленія къ помѣщенію Сохранной Казны въ зданіи Воспитательнаго Дома и къ открытію ея, которое и послѣдовало въ 1775 году, о чемъ было предварительно публиковано въ 1774 году въ Русскихъ и Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ и особыми листками, разосланными губернаторамъ и воеводамъ для раздачи по всѣмъ городамъ.

Цѣль учрежденія.

При учрежденіи Сохранной Казны была въ виду цѣль въ высшей степени благотворительная для всѣхъ сословій государства—вѣрное охраненіе, на основаніи всемилостивѣйше пожалованныхъ Воспитательному Дому привиллегій, собственности каждаго, при самыхъ выгодныхъ для вкладчиковъ условіяхъ, что̀ должно было пода̀ть и дѣйствительно подало поводъ къ возстановленію кредита, удерживая въ нѣдрахъ Отечества капиталы, часто весьма значительные, которые стремились въ иностранные банки, и скорое пособіе, за умѣренные проценты, каждому впавшему въ нужду, при огражденіи снисходительными льготами отъ лишенія имущества, за неплатежъ капитала и процентовъ. Вотъ два главныхъ и чрезвычайно важныхъ обстоятельства, которыя были въ виду при учрежденіи Сохранной Казны. Необходимость ея учрежденія была столь ощутительна, что еще задолго до конфирмаціи плана ея на̀чали, въ слѣдствіе всемилостивѣйше дарованныхъ Воспитательному Дому привиллегій, поступать отъ разныхъ лицъ капиталы на сохраненіе, и производиться ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній *). Что цѣлью этого учрежденія было постоянно и единственно общее благо, это очевидно изъ того, что оно не имѣло въ виду никакой частной выгоды, какъ это замѣчается въ подобныхъ учрежденіяхъ иностранныхъ, но напротивъ, охраняло, при выгоднѣйшихъ нежели въ другихъ государствахъ условіяхъ, собственность каждаго и оказывало пособіе, за самые умѣренные проценты, впавшимъ въ нужду; получаемыя же выгоды отъ оборотовъ служили сначала пособіемъ, а потомъ настоящимъ источникомъ къ воспитанію сиротъ и къ содержанію подвѣдомственныхъ Воспитательному Дому въ послѣдствіи „благотворительныхъ", заведеній.

Основные способы дѣйствія.

Первоначальные капиталы, которыми Сохранная Казна нача̀ла свои дѣйствія, состояли собственно изъ всемилостивѣйше пожалованныхъ Воспитательному Дому единовременно и жалованныхъ на содержаніе его, каждогодно, комнатныхъ т. е. частныхъ Ея Величества суммъ, изъ приношеній разныхъ благотворителей, окладныхъ и неокладныхъ подаяній и съ разныхъ (по силѣ привиллегій Воспитательнаго Дома) сборовъ, какъ то: штрафовъ, четвертой части сбора и дохода съ публичныхъ увеселеній, за камерирскіе и коммисарскіе чины и проч. что̀ составило къ 1-го Мая 1775 года 307. 427 р. 20 к.

Первоначальное устройство.

Дѣйствія Сохранной Казны, т. е. вклады капиталовъ на сохраненіе съ приращеніемъ процентовъ и ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній съ обращеніемъ выгоды отъ процентовъ въ пользу Воспитательна̀го Дома, начались вслѣдствіе дарованныхъ Воспитательному Дому привиллегій, еще за долго, какъ выше объяснено, до исполнительнаго учрежденія Сохранной Казны, послѣдовавшаго 20-го Ноября 1772 года, до котораго еще не было постоянныхъ постановленій, коими бы могъ руководствоваться Опекунскій Совѣтъ безъ совѣта и согласія главнаго попечителя И. И. Бецкаго. Съ 1772 же года начались приготовленія къ открытію Сохранной Казны для всѣхъ вообще, потому что до сего времени хотя и при-

*) Бецкій не могъ конечно расчитывать на одну только благотворительность, какъ на постоянный способъ для существованія Воспитательнаго Дома, почему онъ и испросилъ особыя привиллегіи, на основаніи коихъ почти одновременно съ учрежденіемъ Восп. Дома принимались вклады на храненіе и выдавались ссуды (съ разрѣшенія впрочемъ только самаго Бецкаго).

нимались на сохраненіе капиталы, однако съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, такъ что для пріема значительныхъ суммъ Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ согласія главнаго попечителя, во избѣжаніе, могущихъ встрѣтиться затрудненій при обратной выдачѣ; ссуды же подъ залогъ недвижимыхъ имѣній производились большею частію лицамъ лично извѣстнымъ главному попечителю или съ его согласія. По приведеніи въ надлежащій порядокъ отдѣленія Сохранной Казны, Опекунскій Совѣтъ открылъ ее въ Январѣ 1775 года. Понедѣльникъ, Среда и Пятница, отъ 8 до 12 часовъ передъ полуднемъ и отъ 2 до 5 часовъ послѣ полудня, были дни (исключая праздничныхъ) назначенные для удовлетворенія требованій публики. Въ экспедиціи Сохранной Казны, общей со Вдовьею и Ссудною, кромѣ директора, присутствовалъ одинъ изъ опекуновъ. Оборотъ Сохранной Казны раздѣлялся на два главныхъ дѣйствія: на вклады капиталовъ для приращенія и на ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Сначала капиталы вносились съ назначеніемъ срока и безъ срока. Въ первомъ случаѣ вкладчику выдавался билетъ за подписью членовъ, по которому онъ могъ, по прошествіи каждаго года, брать проценты самъ или чрезъ повѣреннаго, который долженъ былъ предъявить въ Сохранную Казну копію съ выданнаго билета съ роспискою на немъ вкладчика въ полученіи процентныхъ денегъ. Капиталъ выдавался обратно всякому, по представленіи настоящаго билета, съ надписью на оборотѣ только имени и прозванія вкладчика. Когда вкладчики не желали оставлять капиталовъ долѣе назначеннаго ими срока, то объявляли о возвращеніи имъ капиталовъ за шесть мѣсяцевъ до срока. Если вкладчики не являлись въ срокъ къ совершенію новаго договора, не брали капитала, или не извѣщали письменно о своемъ желаніи, то хотя капиталъ и сохранялся, однако безъ платежа процентовъ послѣ прошествія назначеннаго срока. Во второмъ случаѣ, т. е. на капиталы, внесенные на безсрочное время, выдавались билеты или на всю положенную сумму, которая должна была быть не менѣе 500 р. или на разное количество денегъ не ниже ста рублей; а за сохраненіе оныхъ и билеты плачивалось при взносѣ по копѣйкѣ съ рубля; когда же капиталъ отдавался на сохраненіе не менѣе какъ на годъ, то за сохраненіе и за билеты пошлинъ не бралось. По смерти вкладчика капиталъ выдавался наслѣдникамъ и безъ надписи на билетѣ, но съ засвидѣтельствованіемъ законности наслѣдства присутственнымъ мѣстомъ. Билеты ходили изъ рукъ въ руки какъ деньги, потому что капиталъ выдавался всякому предъявившему билетъ, съ надписью на билетѣ рукою вкладчика. Для избѣжанія же подлоговъ и обмановъ, билеты, по особымъ образцамъ и рисункамъ, вырѣзывались на мѣди, отпечатывались на нарочно для того приготовленной бумагѣ, съ оттискомъ особливаго клейма на назначенномъ мѣстѣ и выдавались за подписаніемъ двухъ присутствующихъ при Сохранной Казнѣ „и за справою кого либо изъ приставниковъ". За утратою билета выдавался новый, но по свидѣтельству присутственнаго мѣста и по прошествіи года послѣ публикаціи въ вѣдомостяхъ объ утратѣ.

Капиталы съ запечатанными завѣщаніями принимались въ Сохранную Казну при письменныхъ объявленіяхъ, съ надписью на пакетѣ: „Въ учрежденную въ Москвѣ „отъ Опекунскаго Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Дома Сохранную „Казну". Капиталъ долженъ былъ быть не менѣе пятисотъ рублей. Роспискою въ пріемѣ завѣщанія и всего въ немъ содержимаго служила копія съ письменнаго объявленія, за подписаніемъ опекуновъ и членовъ Сохранной Казны. Возвратя росписку, вкладчикъ могъ измѣнить завѣщаніе, или взять его обратно и весь капиталъ, или часть его, или принять билеты на всю сумму, или на ея части. Завѣщанія принимались отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ вкладчиковъ; въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто подписи имени употреблялись знаки или печати. За сохраненіе завѣщаній при взносѣ платилось по рублю со ста. За долговременною неявкою (по прошествіи срока) вкладчика или его наслѣдниковъ, для принятія капитала, Сохранная Казна должна была ожидать пять лѣтъ, а въ шестой годъ публиковать въ Русскихъ и иностранныхъ газетахъ. Когда же и по прошествіи шестаго года

никто за полученіемъ денегъ не являлся, то капиталъ поступалъ въ пользу Воспитательнаго Дома и другихъ подвѣдомственныхъ ему благотворительныхъ учрежденій. Всѣ поручаемые Сохранной Казнѣ капиталы были обезпечены отъ всякой конфискаціи и убытка въ обмѣнѣ монетъ.

Сохранная Казна занималась также переводомъ суммъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ и обратно, съ полученіемъ по $^1/_4$ процента платежа съ переводной суммы.

Ссуды по закладнымъ выдавались: тысяча руб. на годъ, двѣ—на два года и т. д. до пяти тысячъ; но капиталы въ пять тысячъ и болѣе выдавались не болѣе какъ на 5 лѣтъ. Ежегодно ли брать, по расчисленію, въ уплату капитала или въ срочное время всю занятую сумму, со взносомъ ежегодно только процентовъ, предоставлялось на благоусмотрѣніе Московскаго Опекунскаго Совѣта и С. Петербургскаго Отдѣленія. Одинъ процентъ подаянія въ пользу Дома сверхъ указанныхъ процентовъ брали при выдачѣ ссуды за все время, на сколько лѣтъ былъ совершенъ заемъ. Въ закладъ принимались, какъ и въ дворянскихъ банкахъ, отъ заемщика 50 душъ и отъ его поручителя 50 душъ, или отъ одного заемщика 100 душъ на 1000 руб. Можно было также представлять извѣстнаго и надежнаго поручителя и безъ обезпеченія его имѣніемъ, что̀ предоставлялось благоусмотрѣнію Совѣта. По полученіи отъ заемщика закладной и по выдачѣ ему денегъ немедленно было сообщаемо въ Государственную Юстицъ-Коллегію или ея контору о наложеніи запрещенія на имѣніе заемщика. Для облегченія заемщиковъ, по расчисленію вносимыхъ въ расписанные въ закладныхъ сроки суммъ, немедленно разрѣшалось ежегодно соотвѣтствующее число душъ изъ заложеннаго имѣнія. Когда заемщикъ не выплачивалъ долга, то имѣніе его описывалось и продавалось; въ случаѣ же невыручки всей занятой суммы съ проданнаго имѣнія, взыскивалось съ поручителя. Каморъ, Вотчинная и Юстицъ-Коллегіи, или ихъ и банковыя конторы, должны были доставлять свѣдѣнія: „1) о подлинности количества душъ, 2) собственное ли то имѣніе закладчиково? 3) не заложено ли гдѣ и не состоитъ ли „въ поручительствѣ? и 4) не спорное ли какое или запрещенное?“

Подъ залогъ каменныхъ домовъ, фабрикъ и лавокъ выдавались ссуды, если безъ мѣста, то половина противъ оцѣнки, а если съ мѣстомъ, то, смотря по удобствамъ, двѣ трети противъ оцѣнки.

Экспедиція Сохранной Казны, въ силу 8-й статьи своего учрежденія, должна была избѣгать, по возможности, продолжительнаго письменнаго производства и дѣла̀ производить по порядку, заведенному въ иностранныхъ купеческихъ конторахъ, содержа книги по Италіянскому способу „наилегчайшимъ, кратчайшимъ и вразумительнѣйшимъ образомъ“.

Состояніе оборотовъ въ первое время по учрежденіи.

Въ 1763 по 1765 годъ было	175.940 р.	$21^1/_2$ к.
а въ 1765 году	236.025 —	$45^3/_4$ —
за 1766 „	313.303 —	$35^3/_4$ —
„ 1767 „	397.112 —	$80^1/_4$ —
„ 1768 „	500.452 —	$62^1/_2$ —
„ 1769 „	589.209 —	37 —
„ 1770 „	713.914 —	$71^1/_4$ —
„ 1771 „	855.553 —	76 —
„ 1772 „	1.008.277 —	$53^1/_4$ —
„ 1773 „	1.388.011 —	$35^3/_4$ —
„ 1774 „	1.297.836 —	$77^3/_4$ —
„ 1775 „	1.368.486 —	38 —

Итакъ далѣе обороты увеличивались и уменьшались, смотря по обстоятельствамъ.

Къ 1797 году, когда императрица Марія Θеодоровна приняла подъ свое покровительство Воспитательные Дома, обороту по Сохранной Казнѣ состояло ассигнаціями 7.810.707 руб.; а къ 1843 году серебромъ 210.365.674 р. 66$^{4}/_{7}$ коп.; по переложеніи же на ассигнаціи 736.279.861 руб. 32 коп. Слѣдовательно въ теченіи 45 лѣтъ оборотъ Сохранной Казны увеличился во сто разъ.

Важнѣйшія мѣры къ распространенію оборотовъ и происшедшія оттого перемѣны и послѣдствія.

Въ первое время по учрежденіи Сохранной Казны обороты ея шли медленно и состояли изъ небольшихъ суммъ; займы совершались не болѣе какъ на 5 лѣтъ, съ цѣлію скорѣйшаго обращенія капиталовъ въ пользу Дома и изъ опасенія, чтобы не встрѣтить затрудненій при обратномъ востребованіи отданныхъ на сохраненіе капиталовъ. Но со времени вступленія Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны въ управленіе Воспитательными Домами обороты Сохранной Казны значительно увеличились и распространились, въ слѣдствіе благодѣтельныхъ мѣръ, предпринятыхъ къ поддержанію кредита и облегченію заемщиковъ. Капиталы, внесенные на сохраненіе, стали выдаваться, при востребованіи обратно, безъ замедленія; а ссуды, которыхъ размѣръ также значительно увеличился противу выдававшихся въ первое время учрежденія Сохранной Казны, стали выдаваться на бо́льшее число лѣтъ, съ важнымъ облегченіемъ и бо́льшими выгодами для заемщиковъ. Столь благодѣтельныя перемѣны, послужившія къ распространенію и увеличенію оборота Сохранной Казны, совершались постепенно, по мѣрѣ представлявшихся къ тому удобствъ. Такимъ образомъ, по предположеніямъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, послѣдовали Высочайшія повелѣнія: 3-го Апрѣля 1800 года, о распространеніи срока займовъ, подъ недвижимыя имѣнія, изъ Сохранной Казны на 8 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ первые три года были платимы одни только проценты въ началѣ каждаго года, а въ послѣдующія пять лѣтъ ежегодно проценты и пятая часть капитала безъ возбраненія заемщикамъ уплачивать и прежде срока весь долгъ или вносить его по частямъ. 20 Августа 1819 года, о выдачѣ ссудъ подъ залогъ имѣній Великороссійскихъ губерній по 150 рублей, а Малороссійскихъ и отъ Польши присоединенныхъ по 100 руб. на ревизскую душу, срокомъ на 12 лѣтъ, съ платежемъ въ первые два года обыкновенныхъ процентовъ впередъ ежегодно, а въ послѣдующіе 10 лѣтъ капитала по десятой части и процентовъ впередъ же съ остальной суммы. 9 Мая 1824 года, о выдачѣ ссудъ подъ залогъ имѣній, раздѣленныхъ на два класса, перваго 200, а втораго 150 руб. на ревизскую душу, срокомъ на 24 года, съ платежемъ, по истеченіи каждаго года, шести процентовъ интереса и двухъ въ уплату капитала и со взиманіемъ единовременно, при каждой ссудѣ, по одному проценту съ занимаемой суммы преміи въ пользу Воспитательнаго Дома. Наконецъ, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста 1 Января 1830 г., учреждены займы на 26 и на 37 лѣтъ, съ платежемъ въ концѣ каждаго года въ первомъ случаѣ по 7, въ послѣднемъ по 6 процентовъ со ста, съ занятаго капитала, при чемъ 5 процентовъ зачитывались въ проценты на неуплаченный капиталъ, а остальные въ уплату самаго капитала. При совершеніи означенныхъ займовъ взимались въ доходъ Воспитательнаго Дома премія: при 26 лѣтнихъ по одному проценту, а при 37 лѣтнихъ по полутора процента со всей занятой суммы. Такіе облегчительныя уплаты капитала и процентовъ, вмѣстѣ съ увеличившимся размѣромъ ссудъ, содѣйствовали значительному роспространенію оборотовъ Сохранной Казны, которые, какъ было прежде показано, въ теченіи 45 лѣтъ увеличились во сто разъ.

Количество, чрезъ каждыя десять лѣтъ, со времени учрежденія: а) суммъ вкладовъ, б) суммъ займовъ, в) заложенныхъ душъ и домовъ, г) чистой прибыли, д) суммъ расходовъ на основаніе и содержаніе заведеній представляетъ слѣдующая таблица.

годы	Суммъ вкладовъ		Суммъ займовъ		Заложен. душъ	домовъ и лаво.	Чистой прибыли		Убытка		Суммъ расходовъ на основаніе и содержаніе заведеній	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.			Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
1763	29.250	»	«	«	«	«	146.515.	$96\frac{1}{2}$	«	«	Съ 1803 по	
1773	773.711	10	914.366	$90\frac{1}{2}$	«	«	62.715	$63\frac{1}{4}$	«	«	1819 годъ по	
1783	3.202.261	$90\frac{3}{4}$	3.657.914	30	«	«	177.938	$40\frac{3}{4}$	«	«	Маріинской	
											больницѣ и	
											Вдовьему Дом.	
1793	8.697.089	$45\frac{1}{4}$	8.189.939	60	«	«	«	«	70.433	$93\frac{3}{4}$	2.489.354	$55\frac{1}{4}$
1803	15.485.642	$86\frac{1}{2}$	16.930.048	$07\frac{3}{4}$	244.277	46	159.327	82	«	«	По всѣмъ за-	
1813	56.062.641	$56\frac{3}{4}$	61.391.227	$91\frac{1}{4}$	676.199	123	427.427	$81\frac{3}{4}$	«	«	веденіямъ во-	
											обще:	
1823	189.894.757	«	216.807.646	97	1.450.411	221	2.198.219	42	«	«	192.875	$51\frac{3}{4}$
1833	429.288.241	$65\frac{1}{4}$	459.401.138	$45\frac{1}{2}$	1.997.240	120	2,311.099	$37\frac{1}{4}$	«	«	1.160.115	$07\frac{1}{4}$
1843	С.204.842.207	$10\frac{3}{4}$	С.212.512.985	91	3.038.263	161	Сер. 1.382.442	$78\frac{3}{4}$	«	«	Сер. 316.333	$37\frac{1}{2}$

Общую массу оборотовъ отъ начала дѣйствій Сохранной Казны по 1843 годъ составляли 210.365.674 руб. $66\frac{4}{7}$ коп. серебромъ (къ 1857 году было около 370 милліоновъ р. сер.).

Общая масса суммъ, употребленныхъ на заведенія по 1844 годъ.

По Вдовьему Дому по 1844 г. сер.	756.430	р. $68\frac{1}{4}$	к.
„ Маріинской больницѣ	1.397.259	„ $37\frac{1}{2}$	„
„ Инвалидному Дому Г-жи Шереметевой	180.483	„ 84	„
„ Александринскому Сиротскому Институту	1.460.128	„ $92\frac{1}{4}$	„
„ Ремесленному Учебному заведенію	1.290.556	„ 88	„
„ Ортопедическому Институту	100.785	„ $71\frac{1}{4}$	„
„ Училищу Ордена св. Екатерины	397.241	„ $82\frac{3}{4}$	„
„ Александровскому Училищу	292.361	„ $94\frac{1}{4}$	„

О состояніи капиталовъ Воспитательнаго Дома и подвѣдомственныхъ оному заведеній.

Воспитательнаго Дома по 1844 г. Сер.	13.301.781	„ $60\frac{1}{4}$	„
Марійнской Больницы	878.311	„ $67\frac{3}{4}$	„
Вдовьяго Дома	414.793	„ $70\frac{1}{2}$	„
Инвалиднаго Дома г-жи Шереметевой	274.818	„ $49\frac{3}{4}$	„
Александринскаго Сиротскаго Института	2.478.635	„ $64\frac{1}{2}$	„

Дѣйствія Сохранной Казны въ 1843 году.

Отъ разныхъ вкладчиковъ внесено въ Сохранную Казну на приращеніе	57.829.219	„ $76\frac{3}{4}$	„
Отъ разныхъ лицъ въ уплату ихъ долговъ поступило	22.357.654	р. $46\frac{1}{4}$	„
По разнымъ предметамъ въ доходъ Воспит. Дома поступило:	41.610	„ $83\frac{1}{2}$	„
Въ приходѣ всего	80.228.485	„ $6\frac{1}{2}$	„
Возвращенно разнымъ вкладчикамъ принадлежащихъ имъ капиталовъ съ процентами	54.277.555	„ $54\frac{1}{4}$	„

Разнымъ лицамъ и вѣдомствамъ выдано заимообразно:	21.300.137	„	94³/₄	„
Изъ общихъ Воспитательнаго Дома доходовъ отпущено на содержаніе разнымъ заведеніямъ, на жалованье и награжденіе чиновникамъ и на экипировку писарямъ и нижнимъ чинамъ:	1.423.419	„	59³/₄	„
Въ расходѣ всего:	77.001.113	„	08³/₄	„
За тѣмъ съ остаткомъ отъ 1843 года къ 1-му Января 1844 г. въ наличности	5.631.002	„	80	„

ВДОВЬЯ КАЗНА

Время и цѣль учрежденія.

Учрежденіе Вдовьей Казны послѣдовало въ одно время съ Сохранною, въ слѣдствіе высочайше конфирмованныхъ 20 Ноября 1772 года плановъ Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны.

Человѣколюбивая цѣль этаго учрежденія состоитъ въ пособіи осиротѣвшимъ вдовамъ и ихъ семействамъ, охраняя ихъ отъ нищеты. Важность этого благотворительнаго учрежденія объяснена въ генеральномъ планѣ при изложеніи побудительныхъ причинъ къ учрежденію Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны; относительно Вдовьей между прочимъ сказано: „Сколь горестно состояніе бѣдныхъ вдовъ, „которыя послѣ мужей своихъ съ многими, а часто и малолѣтными дѣтьми остаются безъ пропитанія и безъ помощи, сіе легко понять можетъ всякъ имѣющій „къ милосердію и состраданію склонное сердце. Вдовы и сироты могутъ почесться главнымъ предметомъ, яко достойнѣйшія сожалѣнія. Бѣдность оныхъ столь „велика и различна, что тщетны бы того труды были, кто бъ вознамѣрился живо „описать оную. Но ежели кто о жестокой ихъ судьбинѣ ясное желаетъ имѣть „понятіе, тому надлежитъ представить себѣ оныхъ въ гнусныхъ ихъ жилищахъ, „окруженныхъ многими неодѣтыми дѣтьми, гдѣ онѣ претерпѣваютъ весь тотъ ужасъ, „что нераздѣльно сопряжено съ неимуществомъ и наготою; при томъ слышать отъ „нихъ самихъ и видѣть всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ наконецъ они погибаютъ“. „Военной или гражданской служитель, въ какомъ бы чинѣ ни былъ высокомъ ли, „или низкомъ, имѣетъ какое ни есть по смерть свою пропитаніе; но какія слѣдствія бываютъ, когда его не станетъ? Чѣмъ знатнѣе былъ чинъ такого, тѣмъ „жалостнѣе обстоятельства оставшимъ послѣ его. Пріобыкнувъ содержать себя „достойнымъ образомъ по званію или знатности, сугубо чувствуютъ послѣ горесть „отъ бѣдности и недостатка“.

„Вдова при жизни мужа своего, ремесленника или художника, имѣла пропитаніе отъ его трудовъ и радѣнія. Но какъ рѣдко удается таковымъ наживать „столько, чтобъ жена и дѣти впредь безъ нужды содержать себя могли; то обыкновенно, лишась мужей, лишаются вдругъ всего и подвергаются бѣдности и странствію. Не рѣдко и между купечествомъ подобныя бываютъ приключенія: торговый „человѣкъ, имѣя знатные промыслы, содержитъ жену свою и дѣтей пристойнымъ „образомъ. Хотя многія несчастія и неудачные случаи торгъ его иногда приводятъ въ упадокъ; однакожъ, перемогая и таковыя обстоятельства, промыслъ свой „во всю жизнь продолжаетъ; но по смерти оказывается, что его имѣніе едва, а „иногда и совсѣмъ не достаетъ къ удовольствованію всѣхъ заимодавцевъ; а жена „и дѣти остаются въ бѣдствіи. Множество таковыхъ вдовъ всякаго чина и званія, „которыя не токмо способа не имѣютъ помышлять о пристойномъ воспитаніи „дѣтей своихъ, но по бѣдности претерпѣваютъ недостатокъ въ пропитаніи и „одеждѣ, отъ чего возрастающіе безъ обученія сами становятся отцы и матери „невѣжды. Такимъ образомъ цѣлые роды приходятъ въ упадокъ, которые могли „бы полезными быть членами общества, въ чемъ имъ однакожъ недостатки вос-

„препятствовали. Богатство-жъ таковыхъ людей обыкновенно состоитъ въ пожит„кахъ, къ коимъ вдова бѣдная по смерти мужа своего первое имѣетъ прибѣжи„ще, и продаетъ отъ нужды одно за другимъ, за половину цѣны; или въ надеж„дѣ чаемой впредь исправы закладываетъ, и тѣмъ раззореніе себѣ умножаетъ, „потому что вещи достаются иногда такимъ людямъ въ руки, которые весьма „малую часть противъ того даютъ, чего оныя стоятъ, да изъ тогожъ вычитаютъ „тройные проценты. Подъ видомъ помоществованія ближнему, безсовѣстно отни„маютъ законно нажитое ихъ имѣніе въ свою только пользу, и таковымъ душе„вредствомъ вдову бѣдную по малу приводятъ въ такое неимущество, что нако„нецъ не въ состояніи свои заклады выкупить, и тѣмъ бѣдствіе ея вящше умно„жается. А понеже таковымъ раззорителямъ милосердіе и соболѣзнованіе о ближ„немъ несвойственно: для того представляется здѣсь вторый предметъ христіан„скаго о бѣдныхъ сожалѣнія".

И такъ пособіе осиротѣвшимъ вдовамъ и ихъ семействамъ составляетъ благодѣтельную цѣль однаго изъ благотворительнѣйшихъ учрежденій. Къ сожалѣнію это человѣколюбивое учрежденіе не получило желаемаго успѣха. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ запискѣ объ отчетности по предмету дѣйствій Воспитательныхъ Домовъ за 1802 годъ, изволила изъяснить: „Но Вдовья Казна, „за совершеннымъ недостаткомъ денежныхъ вносовъ, по невыгодности ли предло„женныхъ отъ нея условій, или непривычкѣ публики къ таковымъ заведеніямъ, „до того въ Россіи несуществовавшимъ, или же по какой либо другой причинѣ, „осталась безъ обороту и, лучше сказать, вовсе не существуетъ".

Вкладчиковъ до 1803 года не было, можетъ быть и потому, что основныя правила Вдовьей Казны были многосложны и несовсѣмъ удобны. Вдовья Казна раздѣлялась на четыре класса, изъ которыхъ первый опредѣлялъ вдовѣ 100 р., второй—75 р., третій—50 р. и четвертый—25 р. ежегодной пенсіи. Для того, чтобы вдова получила пенсію перваго класса, мужъ долженъ былъ внести единовременно 240 р., втораго класса—180 р., третьяго 120 р. и четвертаго—60 р. При томъ вкладчикъ долженъ былъ быть не старѣе 25 лѣтъ; въ противномъ случаѣ, чтобы вдова его могла получить такуюже пенсію, онъ долженъ былъ сдѣлать вкладъ большій, смотря по числу лѣтъ и сообразуясь съ особенною для того составленною табелью, по которой на каждый годъ старшинства лѣтъ вкладчика набавлялось для перваго класса 4 р., для втораго 3 р., для третьяго 2 р. и для четвертаго 1 руб. Отъ вкладчиковъ старѣе 60-ти лѣтъ вклады не принимались. Кромѣ того вкладчикъ долженъ былъ быть не болѣе 5-тью годами старѣе своей жены; въ противномъ случаѣ для обезпеченія своей вдовѣ пенсіи, онъ долженъ былъ дѣлать, сообразно особенному расписанію, прибавку въ пропорціи подобной же предшествующей, именно: для перваго класса должно было прибавить 4 р., для втораго—3 р., для третьяго—2 р. и для четвертаго—1 р. Если же вкладчикъ былъ старѣе своей жены болѣе 30-ти лѣтъ, то вкладъ не принимался. Планъ этотъ замѣненъ новымъ проектомъ, который, по предложенію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, вмѣстѣ съ проектами Вдовьихъ Домовъ и больницъ для бѣдныхъ, былъ высочайше конфирмованъ 1-го Февраля 1803 года.

Новый проектъ лучше соотвѣтствовалъ цѣли этого благотворительнаго учрежденія, замѣнивъ простотою и удобствомъ многосложность прежняго. По правиламъ новаго проекта всякій, безъ ограниченія званія, состоянія и лѣтъ, Россійскій подданный или иностранный, живя внутри или внѣ Россіи, могъ положить во Вдовью Казну какую ни пожелаетъ сумму, отъ 10 рублей и до нѣсколькихъ тысячь, въ пользу своей жены или какой нибудь вдовы.

Основный капиталъ

Со времени введенія новаго проекта начались вклады во Вдовью Казну, и въ 1803 году, изъ 6-ти процентовъ на сто въ годъ, поступило 3850 руб., которые и составляютъ основный капиталъ Вдовьей Казны.

Увеличеніе капитала чрезъ каждые 10 лѣтъ.

Въ 1803	году	состояло	3.850 р. —
„ 1813	„	„	15.700 — —
„ 1823	„	„	27.603 — —
„ 1833	„	„	48.303 — —
„ 1843	„	„	82.177 — 07¼
а на серебро	. „	.	23.479 — 16½

Употребленіе капитала

Къ 23.479 р. 16½ к. сер., составляющимъ капиталъ Вдовьей Казны приписано процентовъ 11.673 р. 59½ к., что составило всего: 35.152 р. 76 к., изъ числа коихъ выдано капитала съ процентами 20.708 р. 88 к.

Настоящее состояніе кассы.

Къ 1 Января 1844 года оставалось въ обращеніи въ Сохранной Казнѣ 8.449 руб. 90¾ к. сер., а съ накопившимся процентами 14.443 руб. 88 коп.

Вкладовъ всего съ 15-го Апрѣля 1803 по 1844 годъ было 26, изъ числа которыхъ 15 взято обратно. Изъ остальныхъ 11-ти на одинъ въ 1500 руб. асс., внесенный 28 Марта 1806 года и составившій до 1822 года 3821 руб. 80 коп. вдова 3-й гил. купца Аѳонасія Васильева Талалаева Ирина Аполлонова получала ежегодно 229 руб. 30 коп. асс. *).

ССУДНАЯ КАЗНА **)

Ссудная Казна въ Москвѣ Высочайше учреждена 20 Ноября 1772 года, открытіе же ея дѣйствій для всѣхъ нуждавшихся послѣдовало съ 15-го Іюля 1775 года, и первымъ цѣновщикомъ вещей опредѣленъ Іоганъ Веберъ. Однако изъ дѣлъ видно, что и до 1775 года Опекунскій Совѣтъ производилъ ссуду подъ ручные заклады, по журнальнымъ, за подписаніемъ всѣхъ членовъ, постановленіямъ; и такіе заклады, за неустройствомъ еще особой кладовой залы Ссудной Казны, хранились въ самомъ присутствіи Совѣта за печатями казенною и закладчика. Такъ первый такой закладъ принятъ былъ 10 Ноября 1772 года отъ генералъ-поручика Ивана Васильевича Левашева, а именно: Золота три фунта и серебра одинъ пудъ десять фунтовъ за тысячу триста руб. серебр. монетою.

Цѣль учрежденія Ссудной Казны состояла въ скоромъ вспоможеніи впадшимъ въ несчастную нужду и въ предохраненіи всякаго отъ лихоимства ростовщиковъ.

Первоначальная ссуда ограничивалась выдачею ¾ цѣны подъ залогъ серебра и золота, и ½ цѣны подъ залогъ другихъ металловъ; алмазы же, часы, табакерки и всякія галантерейныя вещи предоставлено было Ссудной Казнѣ принимать въ какую цѣну сочтено будетъ возможнымъ. Впрочемъ бриліанты указано было принимать съ крайнимъ осмотрѣніемъ, дабы значительной выдачей одному лицу не истощить капитала и не лишить тѣмъ другихъ нуждающихся возможности получить пособіе. Вообще же на одинъ закладъ болѣе 1000 руб. выдавать не дозволялось. Пріемъ платья, новыхъ матерій, льняныхъ и мѣховыхъ товаровъ производился съ большею осторожностью, какъ по тлѣнности закладовъ, такъ и особенно потому, чтобы не понести нарѣканія отъ публики за нерадивое храненіе закладовъ. Ссуда производилась на 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ, со взысканіемъ при выдачѣ ея 6 процентовъ въ годъ интереса и 1%, на всякій срокъ, въ подаяніе. Полученные впередъ проценты уже назадъ не возвращались, хотя бы выкупъ заклада произведенъ

*) Къ 1 Января 1853 г. по Вдовьей Казнѣ было 36 вкладовъ и въ обращеніи кап. съ проц. 15219 р.

**) Предлагаемый обзоръ дѣйствій Московской Ссудной Казны доставленъ А. И. Свѣчинымъ.

былъ и ранѣе срока. Въ пріемѣ закладовъ выдавались печатные билеты. Кромѣ установленныхъ процентовъ взималось съ каждаго билета на 3 мѣсяца по денежкѣ съ выданнаго рубля, а ежели заложены были бриліантовыя вещи то взималось вдвое; сборъ сей назначался на содержаніе цѣновщика и другіе необходимые расходы.

Заемщики должны были свои заклады въ срокъ выкупать или отсрочивать; въ противномъ случаѣ, за просрочку трехъ недѣль закладъ подвергаемъ былъ аукціонной продажѣ; ежели же заемщикъ явился за выкупомъ просроченнаго, но непроданнаго еще заклада, то выкупъ ему разрѣшался; но не иначе какъ по уплатѣ имъ аукціонныхъ сборовъ по положенію. Покупщику на аукціонѣ дозволялось вносить задатокъ, по усмотрѣнію Ссудной Казны; но съ условіемъ непремѣннаго вноса всей суммы въ трехдневный срокъ. Хозяинъ проданной вещи, въ теченіи года сохранялъ право получить вырученныя на аукціонѣ деньги, сверхъ долга его Казнѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за серебрянныя или золотыя вещи на аукціонѣ предлагали цѣну ниже ихъ настоящей стоимости, Ссудная Казна распоряжалась отправкою ихъ на монетный дворъ, откуда получала полное количество денегъ, по стоимости вещей.

Ссудная Казна была освобождена отъ отвѣтственности за принятіе въ залогъ хотя бы и краденыхъ вещей; но для большаго обезпеченія публики не должна была принимать, безъ ясныхъ и несомнѣнныхъ видовъ, значительныхъ закладовъ ни отъ ливрейныхъ служителей, ни отъ рабочихъ и малолѣтнихъ.

Руководствуясь вышеизложенными правилами, Ссудная Казна была открыта для публики три раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 8 часовъ утра до полудня и отъ 2 часовъ до 5 по полудни.

Спустя нѣсколько лѣтъ, когда первые дѣятели Ссудной Казны удалились отъ дѣлъ, начали обнаруживаться злоупотребленія, публика стала роптать на то, что цѣль, которую имѣла Великая Основательница учрежденія, далеко не удовлетворялась, что капиталы преимущественно назначались для помощи неимущимъ, а истощались на прихоти богатыхъ. Казна сама стала терпѣть убытокъ, и правительство вынуждено было наконецъ обратить серьезное вниманіе на искорененіе зла: Указомъ 21 Декабря 1796 года Императоръ Павелъ I повелѣлъ Опекунскому Совѣту пріостановить выдачу ссудъ подъ ручные залоги впредь до новаго Указа. На слѣдующій годъ 2 Мая послѣдовалъ указъ о принятіи Императрицею Маріею главнаго начальства надъ Воспитательными Домами, и 4 Января 1798 г. Ссудная Казна снова была открыта съ нѣкоторымъ измѣненіемъ первоначальныхъ ея правилъ. Новыми правилами, между прочимъ, воспрещалось выдавать на одинъ билетъ болѣе 500 руб. установлено было за серебро и золото выдавать $^3/_4$ противъ оцѣнки, за бриліанты $^1/_2$ противъ оцѣнки, и $^1/_3$ за всѣ галлантерейныя вещи; принимать же въ залогъ картины, книги, фарфоръ, зеркала и тому подобныя вещи вовсе воспрещалось. Взиманіе аукціонныхъ денегъ отмѣнено, а процентовъ вмѣстѣ съ подаяніемъ постановлено было взыскивать по 1 к. въ мѣсяцъ, изъ которой $^2/_3$ отчислялось въ капиталъ, а $^1/_3$ въ подаяніе. Аукціоны назначено производить каждую недѣлю по два раза съ 1-го Сентября по 15 Мая.

7-го Марта того-же года (1798) Высочайше повелѣно было къ числу разрѣшенныхъ къ пріему залоговъ присоединить и билеты Сохранной Казны, но съ непремѣннымъ условіемъ выдачи на одинъ билетъ не болѣе 500 руб.

22 Декабря Высочайше разрѣшено было выдавать на одинъ билетъ снова по 1000 руб.

Съ Января 1799 постановлено исчислять по 6% при расчетѣ Сохранной съ Судною Казною и 10-го Апрѣля 1800 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы выдачу на одинъ билетъ распространить до 3000 руб. и вмѣсто 8% интереса и 4% подаянія: взимать по 6% интереса и 3% подаянія; а продажу вещей совершать по четырехнедѣльной просрочкѣ и съ публикаціей въ вѣдомостяхъ на счетъ должника. Въ 1802 году 10 Марта для большаго облегченія Казны постановлено,

чтобы поступающіе въ залогъ золото, жемчугъ и бриліанты, по оцѣнкѣ, вносились въ совѣтъ, гдѣ по освидѣтельствованіи запечатывались бы казенною печатію, а серебро и прочія вещи свидѣтельствовались на мѣстѣ почетнымъ опекуномъ, Ссудною Казною управляющимъ, и затѣмъ всѣ бы вещи вносились въ кладовую директоромъ, который и отвѣтствовалъ бы за ихъ цѣлость.

10 Декабря 1803 г. Высочайше повелѣно: аукціоны просроченныхъ вещей производить только два раза въ мѣсяцъ по вечерамъ, по субботамъ, „какъ днямъ когда Русскаго спектакля не бываетъ".

23 Сентября 1805 г. повелѣно вмѣсто прежняго утренняго и вечерняго присутствія установить впредь одно отъ 8 часовъ утра и до 3-хъ пополудни.

21 Ноября 1810 г. разрѣшено принимать въ залогъ наравнѣ съ билетами Сохранной Казны и срочныя облигаціи Коммиссіи погашенія долговъ 1-й части займа, но не иначе какъ на трехмѣсячный срокъ и не болѣе какъ на 3000 р. на одно лицо.

15 Августа 1812 г. вслѣдствіе рескрипта Императрицы Маріи Θеодоровны на имя почетнаго опекуна Александра Михайловича Лунина, по случаю ожидавшагося вступленія въ Москву Французовъ, Ссудная Казна была закрыта и отправлена въ Казань, гдѣ дѣйствія ея открылись съ 12 Ноября 1812 г. По очищеніи же Москвы отъ непріятеля, было открыто почетнымъ опекуномъ Нечаевымъ временное отдѣленіе Ссудной Казны, которому разрѣшено было въ облегченіе раззоренныхъ заемщиковъ взыскивать проценты не впередъ и за полные мѣсяцы, а при выкупѣ и по числу дней. При выдачѣ ссудъ было обращаемо вниманіе на дѣйствительно нуждавшихся. Для оборотовъ своихъ Ссудная Казна получила деньги изъ С-т Петербургскаго отдѣленія. Ссуды иногда были такъ велики, что кн. Сергію Михайловичу Голицыну, управлявшему Ссудною Казною послѣ Нечаева, келейно замѣчено было, чтобы въ мѣсяцъ не выдавать болѣе 100.000 рубл. Временное отдѣленіе существовало нѣкоторое время и по прибытіи изъ Казани въ Москву Ссудной Казны съ тою цѣлію, чтобы узнать мнѣніе публики, какія правила, прежнія или новыя, она предпочитаетъ. Новыми правилами между прочимъ установлялось брать проценты по 4 коп. съ 5 руб. въ мѣсяцъ но не впередъ при займѣ, а при выкупѣ залога; отсрочекъ же ни подъ какимъ видомъ не допускалось, хотя заклады выкупленные тотчасъ же вновь принимать дозволялось. А какъ болѣе 3000 р. на одну вещь выдавать законъ не дозволялъ, то допущено было, буде вещь можетъ быть раздѣлена на части, выдавать по 3000 р. на каждую отдѣльную часть.

Въ 1830 году 1-го Января повелѣно было исчислять проценты по 6% въ годъ со 100 руб., а въ 1838 г. Октября 2 дня дозволено было перезакладывать залоги со взносомъ только одныхъ процентовъ.

Съ того времени уставъ Ссудной Казны оставался безъ значительныхъ измѣненій до 5-го Декабря 1862 года, когда изданы были Высочайше утвержденныя новыя правила вмѣстѣ съ отчисленіемъ Ссудной Казны изъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта въ Министерство Финансовъ. Между этими новыми, нынѣ дѣйствующими правилами, особеннаго вниманія заслуживаетъ замѣна опредѣленнаго жалованья цѣновщикамъ $1/8$ долею процента съ оцѣнки поступающихъ въ залогъ вещей. Польза этой мѣры оправдалась скоро, ибо цѣновщики, побуждаемые собственнымъ интересомъ, стали цѣнить вещи внимательнѣе и выше, прибыли Казны увеличились, и публика болѣе довольна, чѣмъ прежде.

Къ 1797 году число залоговъ не превышало 2600 р. на сумму 600000 р. с., къ 1863 году было 18.500 залоговъ на сумму 2.110.000 р. с., а къ 1872 году числилось уже 26.000 залоговъ на сумму 3.740.000 р. сер. Процентовъ къ 1797 году собрано 34.000 р. въ 1862 г. 82.500 руб. а въ 1872 году получено было 164.700 руб.

Д. Филимоновъ.

ОБЪ ОТМѢНѢ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

Письмо А. С. Хомякова къ (графу) І. И. Ростовцеву *).

Милостивый государь
Яковъ Ивановичъ!

Задача, назначенная Богомъ Россіи въ наше время, и мѣсто, назначенное, также не безъ воли Промысла, вашему превосходительству при разрѣшеніи этой задачи таковы, что ни вы не можете быть удивлены полученіемъ письма отъ человѣка, вамъ вовсе незнакомаго, ни я не могу быть обвиненъ въ дерзости или низости за безъимянное письмо.

Далеко отъ государственнаго центра, мы по необходимости довольствуемся слухами болѣе или менѣе справедливыми, которыми міръ полнится; по нимъ стараемся мы понять намѣренія правительства и причины этихъ намѣреній; съ ними соображаемъ мы, сколько возможно, свои собственные расчеты и, разумѣется, должны безпрестанно ошибаться и въ расчетахъ, и въ сужденіяхъ, вслѣдствіе крайне-недостаточной основы какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Поэтому напередъ прошу извиненія у в. п. въ тѣхъ ошибкахъ, которыя встрѣтятся вамъ въ письмѣ моемъ, не только на счетъ предполагаемыхъ правительственныхъ мѣръ, но и на счетъ вашихъ собственныхъ взглядовъ на разрѣшеніе современнаго вопроса.

Я думаю, что при всякомъ измѣненіи внутренняго устройства государственнаго, будь оно въ области администраціи или въ области правосудія, частный человѣкъ имѣетъ право и, скажу болѣе, нѣкоторую обязанность способствовать успѣшному и разумному ходу дѣла сообщеніемъ своихъ мыслей объ немъ или обществу (если такое сообщеніе дозволяется), или тѣмъ лицамъ, которымъ дѣло по преимуществу поручено. Но эта обязанность особенно сильна, и такъ сказать, повелительна при теперешнемъ вопросѣ. Предположимъ, что нынче приняли дурную административную мѣру: конечно, многіе пострадаютъ; но завтра ее можно отмѣнить, и ходъ народной жизни пойдетъ впередъ, безъ всякаго значительнаго волненія. Положимъ, что допущенъ неразумный законъ: многія частныя права будутъ нарушены, болѣзненно отдастся въ жизни общественной правительственная ошибка; но завтра законъ неразум-

---

*) Писано въ 1858 году. Печатается съ черноваго подлинника. Письмо это было отправлено по назначенію, но безъ имени писавшаго. *П. Б.*

ный можетъ быть замѣненъ лучшимъ, и временная болѣзнь минетъ, едва оставивъ по себѣ какой нибудь легкій слѣдъ въ жизни и памяти народной. При теперешнемъ дѣлѣ не то: цѣлая будущность Россіи ставится на ставку. Разумное рѣшеніе обезпечиваетъ на всегда счастье народа, ошибка же можетъ быть неисправимою: всѣ основы общества могутъ быть ею потрясены; всѣ вещественныя и нравственныя отношенія сельскихъ сословій, другъ къ другу и къ государству, могутъ быть искажены на всегда, и длинный рядъ неотвратимыхъ волненій и революцій можетъ быть послѣдствіемъ мѣры, задуманной для самой благой и человѣколюбивой цѣли. Вотъ что мнѣ даетъ смѣлость и налагаетъ на меня обязанность писать къ вамъ.

Можетъ быть, все это введеніе покажется в. п. вовсе безполезнымъ; для меня оно необходимо, чтобъ въ моихъ собственныхъ глазахъ оправдать непривычный поступокъ и непривычное вмѣшательство въ общественныя дѣла.

Молва шла и ходитъ добрая о томъ духѣ, въ которомъ вы приступаете къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, духѣ истинно-христіанскомъ, соединяющемъ желаніе добра и справедливости въ отношеніи къ бѣднѣйшему сословію съ желаніемъ вознаградить помѣщиковъ за утрату правъ и собственности, утвержденныхъ за ними долговременностью и правительственными указами. Добрая эта молва, радующая всѣхъ истинно-благомыслящихъ людей, подтверждается, какъ мнѣ кажется, именами многихъ вами избранныхъ сотрудниковъ, а можетъ быть еще болѣе именами сильныхъ враговъ, которые (если вѣрить слухамъ и внѣшнимъ признакамъ) ополчились на васъ. Поэтому смѣлость моего обращенія къ вамъ сопровождается нѣкоторою надеждою на сочувствіе съ вашей стороны.

Первыя извѣстія (на сколько достовѣрныя, не знаю) о тѣхъ средствахъ, которыми вы думали разрѣшить свою задачу, вполнѣ подтверждали общую молву. Говорили, что вы намѣрены отстранить всякое переходное состояніе, всегда сопровождаемое шаткостью и, такъ сказать, неувѣренностью закона въ самомъ себѣ, слѣдовательно и нѣкоторымъ недовѣріемъ и неуваженіемъ народа къ нему. Говорили, что вы намѣрены, прямо при объявленіи свободы народу, объявить его полноправство и прямыя отношенія къ государству, безъ всякой утѣснительной подчиненности другому сословію, и отдать ему въ неотъемлемую собственность, на правѣ общинномъ, часть той полевой земли, на которую въ продолженіи двухъ вѣковъ лился его кровавый потъ. За эту часть земли, отходящей отъ дворянскихъ вотчинъ, дворянство (какъ говорили) должно было получить умѣренное вознагражденіе отъ казны, а казна должна была, по срокамъ, въ теченіи извѣстнаго числа годовъ, получить уплату отъ собственниковъ—крестьянскихъ міровъ.

Слухъ о такомъ простомъ, справедливомъ, прекрасномъ разрѣшеніи вопроса былъ принятъ съ общимъ одобреніемъ. Люди благонамѣренные, любящіе Отечество и уважающіе нравственный законъ хри-

стіанства, радовались прекрасной будущности Русской земли; радовались закону, удовлетворяющему всѣмъ требованіямъ правды и человѣколюбія, во сколько такое удовлетвореніе возможно для обществъ, возросшихъ на случайностяхъ исторической жизни; радовались тому, что государство получало твердое и, можно сказать, святое основаніе въ истинно-человѣческомъ устроеніи сельскаго сословія, свободнаго собственника и облеченнаго въ полноту гражданскихъ правъ по дѣламъ внутренняго суда и внутренней администраціи. Такое нравственное и христіанское основаніе общества, возможное только въ Русской землѣ, становило ее сразу выше всѣхъ другихъ народовъ, предметомъ ихъ зависти и посильнаго подражанія. Такъ думали лучшіе; но и менѣе просвѣщенные, болѣе себялюбивые или закованные въ старую привычку не отказывали въ своемъ искреннемъ одобреніи. Правда, роптали отчасти на излишнюю умѣренность вознагражденія (желая, разумѣется, неумѣреннаго), но все таки понимая, что вопросъ, поднятый такъ сильно, не можетъ уже оставаться безъ разрѣшенія; радовались скорости и простотѣ разрѣшенія; радовались тому, что собственность отходила не безъ вѣрнаго вознагражденія и особенно радовались тому, что полная свобода крестьянъ, единожды надѣленныхъ землею, давала полную свободу самому помѣщику въ распоряженіи всею остальною землею, всѣмъ своимъ досугомъ, всѣми своими способностями, всѣми своими заботами. Онъ лишался господства и его злыхъ радостей; но оно замѣнялось свободою, а не горькимъ рабствомъ вещественныхъ узъ и вещественной зависимости, скрытыхъ подъ именемъ права на обязанности, трудовыя или денежныя. По совѣсти я утверждаю, что радость была общая и во всѣхъ сословіяхъ.

Теперь говорятъ, что этотъ прекрасный и разумный планъ брошенъ по слѣдующимъ причинамъ:

потому что у правительства нѣтъ ни денегъ, чтобы совершить выкупъ единовременный будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостатокъ;

потому, что выкупъ полевыхъ земель у помѣщиковъ по цѣнѣ, не ими самими назначенной, есть нарушеніе права собственности; а требованія отъ крестьянъ уплаты за покупку, которой они можетъ быть не желали, есть нарушеніе ихъ свободы;

потому наконецъ, что такой крутой переходъ отъ рабства къ полной свободѣ невозможенъ и долженъ подать поводъ къ безконечнымъ волненіямъ.

Этотъ новый слухъ, по видимому, не лишенъ основанія. Справедливо-ли или нѣтъ, что противъ перваго плана вооружились во имя собственности, свободы и спокойствія общественнаго, мы не можемъ знать; но слабость кредита не подлежитъ сомнѣнію, послѣ неудавшихся займовъ; а недостатокъ денегъ, доказанный уже самою попыткою заграничнаго займа, еще болѣе доказывается остановкою въ выдачѣ суммъ изъ Ломбарда подъ залогъ имѣній, мѣрою вовсе ненужною и крайне вредною въ такое время, когда заклады имѣній въ общественныя кредитныя учрежденія должны были пользоваться особеннымъ покровительствомъ и поощреніемъ.

И такъ мы новому слуху вѣримъ по неволѣ.

Первый планъ отложенъ, чѣмъ же замѣняется онъ? Форма разрѣшенія неизвѣстна никому, и по всей вѣроятности еще не опредѣлена, но смыслъ ея несомнѣненъ.

1-е. Свобода крестьянъ. За тѣмъ или устраненіе всѣхъ ихъ правъ или притязаній на полевую землю (объ усадьбахъ отдѣльно и говорить нечего) и допущеніе вольныхъ договоровъ съ помѣщиками, или признаніе ихъ правъ на полевую землю, правъ отягченныхъ обязанностями въ отношеніи къ тѣмъ же помѣщикамъ.

Первое предположеніе сблизило бы положеніе Русскаго селянина съ положеніемъ заграничнаго и не представляло бы ничего противнаго здравому смыслу, логикѣ и справедливости. За всѣмъ тѣмъ его вовсе допускать нельзя. Я не стану говорить объ общемъ стремленіи всѣхъ народовъ къ распространенію правъ земледѣльцевъ на обработываемую ими землю, о современномъ прогрессѣ и т. д. Всѣ эти общіе взгляды, сколько бы ни было въ нихъ правды, допускаютъ такъ много возраженій и примѣшиваются къ такому множеству мнимыхъ аксіомъ (мыльныхъ пузырей) псевдо-филантропіи, что на нихъ основываться не слѣдуетъ въ такихъ вопросахъ, которые могутъ легко разрѣшаться на основаніи положительныхъ данныхъ. У насъ въ теперешнемъ случаѣ есть данная весьма положительная, именно: глубокое и ничѣмъ неотразимое убѣжденіе всѣхъ крестьянъ въ своихъ правахъ на нѣкоторую часть земли тѣхъ дачъ, на которыхъ они живутъ. Это вѣковое, исконное убѣжденіе, подтвержденное всѣми законами правительства (старавшагося, въ продолженіи многихъ вѣковъ, только опредѣлить взаимныя права помѣщиковъ и крестьянъ) не можетъ быть искоренено. Уничтоженіе этихъ крестьянскихъ правъ на землю будетъ, въ глазахъ крестьянъ, похищеніемъ со стороны помѣщиковъ и измѣною со стороны правительства, отъ котораго они всегда ждали и теперь ждутъ защиты и обороны. Усиленная ненависть къ дворянскому сословію, съ которымъ они только съ прошлаго года начали мириться, ненависть къ правительству, которому они всегда служили и служатъ самою твердою опорою, наконецъ рѣзня въ близкомъ или по крайней мѣрѣ недалекомъ будущемъ, вотъ несомнѣнный исходъ обращенія крестьянъ въ безземельныхъ работниковъ. Я упомянулъ о такомъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не потому, чтобы самъ предполагалъ его возможность, но потому что есть на Святой Руси немало людей ослѣпленныхъ себялюбіемъ и завознымъ просвѣщеніемъ, которые вѣрятъ въ него и желаютъ его. Съ своей стороны я убѣжденъ, что правительство никогда не допуститъ такого разрѣшенія, не ради страха, но ради чувства правды и стремленія къ добру и счастью народному. — Перехожу къ единственно-возможному разрѣшенію вопроса, при устраненіи обязательнаго выкупа казною.

2) Признаніе права крестьянъ на владѣніе частью полевой земли, права, отягченнаго какою нибудь обязанностью трудовою или денежною въ отношеніи къ помѣщику. Какая бы ни была форма

этихъ обязанностей, общій юридическій характеръ ихъ будетъ слѣдующій: договоръ между двумя свободными лицами (помѣщикомъ и крестьянскимъ міромъ, заключенный безъ ихъ согласія третьимъ лицемъ, правительствомъ). Одного такого опредѣленія достаточно, чтобы оцѣнить всю нравственную несообразность закона, основаннаго на такихъ началахъ, а между тѣмъ это опредѣленіе есть единственное возможное. Имъ уже была осуждена инвентарная система Юго-западныхъ губерній въ самое время ея учрежденія, и мы знаемъ, что практика доказала справедливость осужденія: и крестьяне, и помѣщики только объ одномъ и думаютъ, какъ бы изъ договора выскочить, а покуда это еще невозможно, какъ бы его не исполнить. Распространеніе такого начала на всю Россію служило бы къ великой славѣ юриста Димитрія Гавриловича Бибикова, но никогда не перешло бы въ общее убѣжденіе тѣхъ сословій, которыхъ правà слѣдовало опредѣлить.

Сказавъ нѣсколько словъ о юридическомъ достоинствѣ переходнаго состоянія (ибо я называю его переходнымъ, потому что впереди всѣ предполагаютъ выкупъ), я разсмотрю его возможность и удобство въ дѣйствительномъ приложеніи.

Законъ состоялся, крестьяне свободны, помѣщикъ обязанъ имъ удѣлить часть земли, а они обязаны на него работать или платить ему извѣстную ренту. Очень хорошо. Работать? Чтò значитъ работать? Кѣмъ и какъ? Долженъ ли тяглецъ непремѣнно *самъ* работать? Вы мнимую свободу обращаете въ самое тяжкое рабство, ибо крестьянинъ лишенъ возможности распоряжаться своими способностями и своимъ временемъ. Или можетъ онъ замѣнить себя плохимъ батракомъ или плюгавымъ мальчишкою? Вы допускаете крайнюю несправедливость въ отношеніи къ помѣщику. Или можетъ крестьянинъ себя замѣнить другимъ только съ согласія помѣщика? Вы допускаете непремѣнно надбавочный и произвольный налогъ. Но вопросъ „кѣмъ?“ можетъ быть устраненъ опредѣленіемъ „какъ? Ибо при достоинствѣ работы, однажды опредѣленномъ, не нужно знать, кѣмъ она будетъ совершаться. Можно ли опредѣлить самую работу? По времени? Прохаживаться по пашнѣ не значитъ пахать. По рабочему уроку? Опредѣлить эти уроки не только для всей Россіи, но даже для одной губерніи невозможно. И кто же будетъ судить о достоинствѣ исполненнаго урока? Какъ глубоко вспахано? Есть ли огрѣхи? Какъ обмолочено? и т. д. На каждую деревушку придется назначить по эксперту, или экспертомъ надобно признать помѣщика съ правомъ суда и казни, т. е. съ крѣпостными правами, или эксперство надобно предоставить міру, который, не участвовавъ въ сдѣланномъ положеніи, не приметъ и по совѣсти не можетъ принять на себя судъ надъ отдѣльными работами и отвѣтственность за нихъ. ***Обязательная работа окажется сей часъ невозможною при вольномъ работникѣ.*** Она осуждается собственнымъ, неизбѣжнымъ своимъ названіемъ ***вольно-принудительный трудъ.***

Вмѣсто работы положимъ деньги. Сколько? *Непремѣнно гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы платить процентовъ съ погашеніемъ*

при выкупѣ; иначе помѣщикъ будетъ разоренъ. И такъ плата обязательная за землю будетъ непремѣнно отяготительна крестьянину и все таки неудовлетворительна для помѣщика, потому что у него, на первый разъ, не будетъ капитала для заведенія первыхъ вольно-наемныхъ работъ. Но чѣмъ же обезпечена уплата этой ренты? Совѣстью крестьянъ? Они не участвовали въ сдѣлкѣ и, слѣдовательно, совѣстью не связаны. Властью помѣщика? Надъ людьми свободными ея нѣтъ, или самая свобода обращается въ слово безъ смысла, раздражающее и не удовлетворяющее надежды. Властью правительственною? По мнѣнію многихъ, недоимки съ казенныхъ крестьянъ не внушаютъ большаго довѣрія къ такому взыску; но я такого мнѣнія не раздѣляю и твердо убѣжденъ, что всѣ эти недоимки происходятъ отъ дурнаго распредѣленія взаимной отвѣтственности и дурнаго управленія. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ однако, чтобы сборъ былъ также легокъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: тутъ совсѣмъ иное дѣло. Казенные крестьяне смотрятъ на свою подать, какъ на повинность государственную и понимаютъ, что законы, обезпечивающіе ее, во первыхъ могутъ быть строже, и во вторыхъ будутъ всегда строже исполнены, потому что недоимка отзывается въ карманѣ того самого правительства, которое имѣетъ власть взыскивать. Имущественныя средства къ взысканію съ міра или съ отдѣльныхъ крестьянъ всегда очень ограничены и легко могутъ быть утаены. Уголовныя же средства могутъ быть употребляемы только въ отношеніи къ обязанностямъ государственнымъ; приложеніе же ихъ къ взыскамъ въ пользу частныхъ лицъ почти невозможно и носитъ на себѣ характеръ безнравственности. Очевидно приходится самую поземельную ренту обратить въ налогъ, котораго выручка поступитъ въ пользу помѣщика, чтобы сколько нибудь обезпечить помѣщика; но тогда это тотъ же выкупъ, безъ капитализаціи, слѣд. болѣе тяжелый для крестьянина и болѣе невыгодный для помѣщика, и помѣщикъ никакъ не можетъ быть обремененъ заботою о его сборѣ. Здравый смыслъ не допускаетъ такого неразумнаго соединенія юридическихъ понятій противуположныхъ другъ другу.

Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить: 1) вражду сословій, изъ которыхъ одно обложено податью въ пользу другаго; 2) непріязненное отношеніе сословій къ правительству; ибо помѣщикъ, всегда не вполнѣ удовлетворенный, будетъ считать себя обманутымъ; а крестьянинъ, обложенный налогомъ въ пользу дворянства, будетъ считать себя постоянно ограбленнымъ; 3) безнравственный характеръ налога, соединеннаго съ общинною отвѣтственностью, падающею не на собственность (что̀ было бы разумно), но на невольное пользованіе.

Всѣ эти формы разрѣшенія крестьянскаго вопроса очевидно дурны, отяготительны для крестьянъ, разорительны для помѣщиковъ, сопряжены съ самыми вредными нравственными послѣдствіями, какъ въ смыслѣ отношенія сословій другъ къ другу, такъ и въ смыслѣ отношенія сословій къ самому правительству. Но, по крайней мѣрѣ,

устраняютъ ли они тѣ мнимые недостатки, которыми вооружаются противъ выкупа, т. е. сохраняютъ ли они неприкосновенность собственности, и удобнѣе ли онѣ прямаго перехода крестьянъ въ полную свободу отъ всякой зависимости, по ихъ полевому надѣлу?

Рѣшительно нѣтъ. Я сказалъ уже, что плата невольною работою вольныхъ людей невозможна и что плата денежная, по необходимости, принимаетъ характеръ выкупа, только безъ капитализаціи; но сверхъ того я утверждаю, и конечно ни одинъ юристъ въ этомъ со мною не поспоритъ, что нарушеніе правъ собственности одинаково при вынужденной продажѣ и при опредѣленіи того употребленія, которое одно только впредь и будетъ дозволено извѣстному имуществу, опредѣленіи, соединенномъ еще съ опредѣленіемъ высшей дозволяемой выручки (maximum'a). Я желалъ бы знать, какое различіе найдетъ кто нибудь въ двухъ слѣдующихъ формахъ нарушенія собственности: 1) отбираются всѣ наличныя деньги у какого нибудь сословія и назначается ему въ годовое полученіе шести процентная уплата отъ правительства, или 2) оставляются этому сословію наличныя деньги при запрещеніи употреблять ихъ иначе какъ для покупки шести-процентныхъ акцій правительственнаго долга? Иначе: 1) берется домъ безъ моего согласія въ казну и выплачивается мнѣ за него произвольная капитальная сумма, или 2) домъ остается за мною съ тѣмъ, что наемщики его опредѣляются правительствомъ, и высшая цыфра найма опять таки опредѣляется правительствомъ, и все это разъ на всегда? При такой постановкѣ вопроса (а она совершенно вѣрна) юристу придется только улыбнуться. Очевидно во всѣхъ этихъ случаяхъ нарушеніе правъ собственности одинаково, и обвиненія, падающія на одну изъ двухъ предполагаемыхъ формъ, падаютъ точно также на другую. Съ своей стороны я знаю, что по историческому ходу вотчиннаго права въ Русской землѣ обвиненіе будетъ одинаково ложно, какую бы форму ни выбрали для разрѣшенія крестьянскаго вопроса (будь она только разумна); но во всякомъ случаѣ я утверждаю, что тѣ, которые, во имя правъ собственности, нападаютъ на выкупъ, не могутъ допускать и принудительнаго пользованія съ принудительною разъ на всегда опредѣленною рентою.

Наконецъ, удобнѣе ли переходъ отъ крѣпостнаго права къ свободѣ при допущеніи такъ называемаго переходнаго состоянія? Ваше превосходительство, я надѣюсь, простите мнѣ искреннее признаніе. Я не могу безъ невольнаго смѣха вообразить себѣ двухъ слѣдующихъ аксіомъ, хозяйственной и политической: шаткость, неопредѣленность, запутанность всѣхъ отношеній и затрудненіе во всѣхъ оборотахъ составляетъ, въ вещественномъ смыслѣ, хорошій переходъ отъ одного общественнаго порядка, утвержденнаго временемъ и привычкою, къ другому, который опредѣлится закономъ; и вражда, ссоры, неурядицы и безпрестанное неисполненіе обязанности, такъ легко входящія въ привычку, составляютъ, въ нравственномъ смыслѣ, хорошее приготовленіе къ мирному и строгому исполненію законовъ.

Но куда же наконецъ должно насъ привести это переходное состояніе? Всѣ говорятъ въ одинъ голосъ: къ выкупу крестьянами полевой собственности. Такъ говорятъ всѣ, но не всѣ искренно. Есть люди, не лишенные житейской мудрости, которые, говоря о переходномъ положеніи и о будущемъ выкупѣ, держатъ про себя надежду на исходъ совершенно иной. Признать бы только землю неотъемлемою собственностью помѣщика безъ немедленнаго выкупа, а съ какою бы то ни было обязательною годовою платою, и послѣдствія будутъ очень простыя. Рента не будетъ уплачиваться, помѣщики будутъ безъ дохода; чтобы спасти ихъ и особенно казенныя кредитныя учрежденія отъ разоренія, придется допустить право сгонять неплатильщиковъ съ земель; а такъ какъ съ убавкою тяглецовъ міры будутъ отказываться отъ владѣнія тягловыми участками послѣ выбылыхъ, а землѣ пустовать нельзя, то дозволено будетъ вольное распоряженіе землею и вольные договоры съ отдѣльными лицами, при сохраненіи полныхъ правъ собственности за помѣщиками и при совершенномъ устраненіи всѣхъ правъ и притязаній крестьянскихъ. Расчетъ не дуренъ, и предполагаемый исходъ дѣла очень вѣроятенъ: ибо, при странныхъ и въ юридическомъ отношеніи крайне-запутанныхъ началахъ, допускаемыхъ во время переходнаго положенія, неисправностей будетъ дѣйствительно много, взыскъ недоимокъ очень неудовлетворителенъ, вѣра правительства въ состоятельность крестьянъ очень слаба и, слѣдовательно, охота употребить огромную сумму на выкупъ, безъ увѣренности въ срочной уплатѣ процентовъ, можетъ пропасть даже у самыхъ либеральныхъ дѣятелей, и легкость разрѣшенія вопроса посредствомъ простой передачи земель въ безусловное распоряженіе помѣщиковъ можетъ соблазнить почти всѣхъ.

Такой исходъ, совершенно обездоливающій крестьянъ, уничтожающій всѣ истинно-добрые плоды преобразованія, начатаго правительствомъ, но за то вполнѣ удовлетворяющій желанію самыхъ себялюбивыхъ помѣщиковъ, есть истинная цѣль, къ которой многіе стремятся посредствомъ переходнаго состоянія и выкупа обѣщаемаго, но которому никогда, по ихъ мнѣнію, не придется осуществиться. Я долженъ былъ упомянуть объ этихъ надеждахъ для того, чтобы указать на одну изъ предстоящихъ опасностей, ибо исполненіе такихъ надеждъ было бы, какъ я уже сказалъ, гибелью Россіи; но теперь возвращаюсь къ людямъ искренно желающимъ выкупа, но предпочитающимъ выкупъ, основанный на добровольныхъ соглашеніяхъ и постепенный, выкупу одновременному и основанному на однообразной нормѣ. Дѣйствительно ли такой выкупъ представляетъ какія нибудь выгоды?

Предполагаются двѣ: бо́льшая справедливость въ оцѣнкѣ и бо́льшее удобство въ добывкѣ необходимыхъ для выкупа суммъ. Первая причина содержитъ въ себѣ долю правды, но гораздо менѣе, чѣмъ можно бы было предполагать при поверхностномъ сужденіи. Торгующіяся стороны, помѣщикъ и крестьяне, обѣ свободныя, по словамъ закона, будутъ находиться дѣйствительно, все время торга,

въ отношеніяхъ взаимнаго рабства: ибо ихъ связываетъ одинаково тяжелая цѣпь извнѣ наложенныхъ обязанностей, выдуманныхъ для переходнаго времени. Рѣшать вопросъ о цѣнѣ будетъ не оцѣнка разумная и справедливая самой земли, но бо̀льшая или меньшая твердость торгующихся, хорошее или дурное отношеніе къ власти, взыскивающей крестьянскія повинности, примѣръ сосѣдей, страхъ и т. д. Безспорно будутъ многіе случаи, въ которыхъ добровольное согласіе поставитъ цѣну болѣе справедливую, чѣмъ та общая норма, которая назначена бы была правительствомъ; но можно сказать утвердительно, что при такомъ торгѣ, гдѣ почти все будетъ зависѣть отъ случайностей, неразумно-опредѣленныя цѣны (хотя бы и ограниченныя какимъ нибудь предѣломъ maximum'а) чаще будутъ встрѣчаться чѣмъ разумныя, и что общая норма, назначенная правительствомъ, скорѣе будетъ приближаться къ правдѣ, чѣмъ мнимо-добровольный торгъ. При взаимно-отяготительныхъ обязанностяхъ, вольное соглашеніе будетъ все въ выгоду сильнѣйшихъ, которые и безъ того всегда въ барышахъ, а опредѣленная норма будетъ спасеніемъ для слабыхъ, которые особенно и нуждаются въ покровительствѣ.

И такъ со стороны справедливости нѣтъ никакой выгоды откладывать выкупъ и основывать его на добровольномъ соглашеніи. Есть ли выгода въ отношеніи финансовомъ?

Тутъ выгода можетъ быть разсмотрѣна съ двухъ сторонъ: болѣе дешевая оцѣнка и менѣе ускоренное требованіе капитала. Первой вовсе ожидать нельзя, а съ нѣкоторою достовѣрностью можно предполагать противное, именно болѣе высокой оцѣнки по слѣдующей причинѣ. При постановленіи правила для выкупа, правительство, выплачивающее капитальную сумму, должно, разумѣется, ограждать себя назначеніемъ высшей дозволяемой оцѣнки. Эта высшая непремѣнно будетъ выше средней нормальной цѣны. Помѣщикъ будетъ старатся удержать за собою maximum; крестьяне, либо изъ нетерпѣнія, чтобы получить собственность и выдти изъ стѣснительныхъ предѣловъ усадьбы и выгона, или въ надеждѣ на привычную неисправность, усиленную во время переходнаго времени, или въ надеждѣ на будущія разсрочки и льготы въ уплатахъ, будутъ очень часто соглашаться на этотъ maximum, обременяя казну выдачею огромнаго капитала. Выгоды казны будутъ непремѣнно весьма плохо охраняемы и постоянно приносимы въ жертву; потому что помѣщикъ, при полученіи высшей оцѣнки, видитъ явную и огромную выгоду, скажемъ 20 р. или 30 р. на душу, и даже болѣе; крестьянинъ же видитъ только въ отдаленіи ежегодное по видимому незначительное увеличеніе уплаты отъ одного до полутора рубля. И такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, общая необходимая для выкупа сумма увеличится и, можетъ быть, въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Мѣра, которой цѣлью считаютъ уменьшеніе финансоваго затрудненія, усилитъ его.

Но по крайней мѣрѣ медленность всего оборота покроетъ эту невыгоду и дастъ правительству возможность выплачивать капи-

талъ при болѣе выгодныхъ условіяхъ? Кажется, и это предположеніе вовсе произвольно. Выкупъ единовременный вовсе еще не значитъ—совершаемый въ одинъ день. Онъ можетъ производиться послѣдовательно, по губерніямъ, по разрядамъ имѣній, по количеству долга кредитныхъ учрежденій и т. д., и такая разсрочка также не требуетъ переходнаго положенія. Терпѣніе народа несомнѣнно, какъ скоро народъ увидитъ дѣйствительный приступъ къ дѣлу; а что́ терпѣлось полтораста лѣтъ, можетъ еще безъ большой бѣды идти года на три, на четыре, постоянно стѣсняясь въ объемѣ. Финансовой выгоды въ выкупѣ по соглашенію я не вижу никакой; невыгода же огромная заключается въ томъ, что такой выкупъ, не имѣя никакого правильнаго распредѣленія, будетъ всегда грозить требованіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, на которые финансы государственные не приготовились, и постоянно будетъ представлять какой-то характеръ денежныхъ и общественныхъ кризисовъ, тогда какъ правильность жизни экономической и государственной состоитъ по преимуществу въ томъ, чтобы нынѣшній день всегда зналъ требованія завтрашняго и былъ готовъ удовлетворять имъ безъ торопливости и натяжки общественныхъ силъ.

И такъ проэктъ допускающій выкупъ только по соглашенію не представляетъ никакихъ выгодъ въ финансовомъ отношеніи, а напротивъ того можетъ увеличить и непремѣнно усложнить финансовое затрудненіе, замѣняя правильную и срочную уплату капитала неправильными, безвременными и всегда нѣсколько неожиданными требованіями, въ крайне-неровныхъ размѣрахъ. Но даже предположивъ, при такой формѣ выкупа, какія нибудь выгоды (которыхъ впрочемъ предполагать нѣтъ никакой причины), я смѣю утверждать, что и тогда его должно устранить и предпочесть ему выкупъ обязательный по общей нормальной цѣнѣ. Всякій кто сколько нибудь занимается самъ своими дѣлами и оборотами; всякій, кто покупаетъ или продаетъ что нибудь, хоть бы на рынкѣ, знаетъ, что во время торга являются всегда два врага, продавецъ и покупщикъ: одинъ негодуетъ за слишкомъ низкое предложеніе, а другой за слишкомъ высокое требованіе, и это чувство вражды, неизбѣжное даже при самомъ лучшемъ настройствѣ мысли и при торгѣ совершенно-свободномъ, будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ чувствомъ цѣлыхъ двухъ сословій, уже издавна недружелюбныхъ другъ къ другу, а теперь поставленныхъ другъ противъ друга въ прямой противуположности всѣхъ своихъ интересовъ. Вражда, возбужденная торгомъ, переживетъ его и передастся, какъ злое наслѣдство, будущимъ поколѣніямъ. Мягкость и уступчивость или равнодушіе къ своимъ выгодамъ одного помѣщика сдѣлается часто началомъ раздора для цѣлой округи, представляя всѣхъ другихъ въ видѣ жадныхъ корыстолюбцевъ (не смотря на ихъ право и даже прямодушіе), и горькое сѣмя вражды будетъ плодиться столько же отъ добра, сколько и отъ зла. Я говорилъ, что скрытое чувство вражды сопровождаетъ всякій торгъ, даже самый свободный; но прибавлю, что онъ безконечно сильнѣе и ядовитѣе тамъ, гдѣ отношенія торгующихся несвободны и гдѣ каждая сторона имѣетъ пра-

во оподозривать другую въ злоупотребленіи ихъ взаимнаго положенія. И такъ, выкупъ по свободному договору, безвыгодный по всѣмъ экономическимъ соображеніямъ, будетъ, въ смыслѣ государственномъ, общественномъ и нравственномъ, величайшею ошибкою, богатою самыми гибельными послѣдствіями.

Я надѣюсь, что я оцѣнилъ совершенно безпристрастно и безъ всякого преувеличенія неизбѣжные недостатки того пути, который, если вѣрить слухамъ, пользуется одобреніемъ многихъ изъ членовъ, и едва ли не большинства комитетовъ. Если в. п. признаете безпристрастіе этой оцѣнки, вы согласитесь и съ моимъ выводомъ. Одновременный, однообразный и обязательный выкупъ есть единственное разумное разрѣшеніе всей задачи.

Противъ него только и есть одно возраженіе: нѣтъ у правительства ни денегъ, ни кредита.

Признаю кажущуюся силу этого возраженія; но вопервыхъ утверждаю, что оно точно также сильно и противъ выкупа по соглашенію, а во вторыхъ, что его сила есть чистый призракъ, исчезающій при серіозномъ разборѣ.

Прежде вопроса,—какъ уплатить сумму, долженъ быть поставленъ вопросъ: „какая сумма?“ Для опредѣленія самой суммы, требуемой на выкупъ, удобнѣе и справедливѣе всего считаю я то раздѣленіе Россіи, которое принято въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. По видимому, различіе, допускаемое ими въ отношеніи цѣнности имѣній, слишкомъ мало и не соотвѣтствуетъ нисколько различіямъ въ достоинствѣ почвы; но въ предстоящемъ случаѣ такое сужденіе было бы несправедливо. Такъ какъ земля, поступающая въ надѣлъ крестьянъ, должна быть ближайшая къ селеніямъ, то слѣдуетъ цѣнить не землю дачи вообще, а только подсельную, и мы увидимъ, что различіе цѣнностей въ разныхъ мѣстахъ дѣйствительно весьма незначительно.

Причина тому очень проста: въ благодатномъ черноземѣ Новороссійскаго края десятины подлѣ самой деревни представляютъ только образчикъ дачи; а въ песчаномъ паглинкѣ Вологодской или Новогородской губерній онѣ суть произведеніе дачи, которой соки сосредоточены къ деревнямъ, трудомъ человѣка. Это самое обстоятельство служитъ отвѣтомъ противъ тѣхъ, которые увѣряютъ, что, отдавая подсельную землю крестьянамъ, помѣщикъ лишается единственной годной части своего имущества и слѣдовательно всего имущества. Напротивъ того, именно на Сѣверѣ подсельная часть дачъ находится въ прямой зависимости отъ цѣлаго ихъ состава, и крестьянинъ, для поддержанія плодородія на своемъ участкѣ, долженъ постоянно нанимать покосы, отавы и угодія, оставшіяся за помѣщикомъ. Какую же можно назначить мѣру для крестьянскаго надѣла?

Всѣ разсужденія комитетовъ, всѣ толки благомыслящихъ хозяевъ, однимъ словомъ, все практическое знаніе экономическихъ условій въ Россіи приводитъ къ тому заключенію, что душевой надѣлъ двухъ десятинъ, кромѣ усадьбъ, будетъ весьма близокъ къ искомо-

му размѣру: его можно смѣло принимать вездѣ, за исключеніемъ краевъ Ново-россійскаго и Заволжскаго, гдѣ, по сравнительной мало-цѣнности и обилію земель, онъ долженъ быть возвышенъ. Впрочемъ и тутъ едва ли долженъ онъ превышать трехъ-десятинную мѣру: въ этихъ краяхъ цѣна земель растетъ необыкновенно быстро, между тѣмъ какъ измѣненіе ея въ средней Россіи идетъ медленно и можетъ считаться вовсе ничтожнымъ въ сѣверной.

Послѣ мѣры надобно опредѣлить цѣну. Нѣтъ сомнѣнія, что подсельную землю въ лучшихъ частяхъ Россіи нельзя опредѣлять ниже пятидесяти рублей, а въ худшихъ ниже сорока. По этой цѣнѣ слѣдовало бы быть и вознагражденію. Но этого допускать нельзя. Отчужденіе земли сопровождается освобожденіемъ помѣщика отъ многихъ и весьма отяготительныхъ обязанностей, отъ постройки послѣ пожаровъ, содержанія во время голода, отвѣтственности передъ полиціею и т. д. Капитализуя эту обязанность, получимъ мы, безъ сомнѣнія, цифру не ниже пятой части цѣнности самого надѣла. Я даже рѣшительно скажу, значительно выше; но признаю справедливымъ уменьшить вычетъ на томъ основаніи, что принятая оцѣнка земли нѣсколько ниже настоящей. Цѣна за вычетомъ будетъ въ лучшихъ земляхъ $2\times(50-10)=80$, въ худшихъ $2\times(40-8)=64$. Прибавляя вознагражденіе за отходящую усадьбу около $\frac{1}{5}$ на душу, вознагражденіе въ лучшихъ земляхъ будетъ 88, а въ худшихъ 70 рублей, т. е. почти таже сумма, которая теперь выдается правительствомъ подъ залогъ за имѣнія.

Выдавши ее, казна должна получать уплату отъ крестьянъ погодно, въ видѣ процентовъ съ погашеніемъ, не свыше 5%, т. е. не свыше 4 р. 40 к. въ лучшихъ и 3 р. 50 к. въ худшихъ земляхъ. Никакой прибавки допускать нельзя, подъ предлогомъ расходовъ, необходимыхъ для взиманія этихъ процентовъ; ибо такой расходъ, какъ и всякій другой государственный расходъ, долженъ входить въ общій государственный бюджетъ и покрываться изъ итога всѣхъ доходовъ и налоговъ.

Разумѣется, при такомъ основаніи вознагражденія должно допускать и исключенія, напр. тѣ деревни, которыхъ цѣнность зависитъ отъ случайнаго положенія, подгородныя при большихъ городахъ, пристани (какъ напр. Лысково или Промзино на Волгѣ и Сурѣ), деревни съ сильнымъ торгомъ (какъ напр. Сергіевское въ Тульской губ.), деревни при большихъ дорогахъ и при шоссе, гдѣ постоялые дворы составляютъ главный доходъ крестьянъ и, можетъ быть, нѣкоторыя другія. Объ нихъ должно вытребовать немедленное полное свѣдѣніе изъ губерній, и тоже самое вознагражденіе должно быть положено уже не за двѣ десятины, а за полторы, за одну, за полдесятины, а въ иныхъ случаяхъ (напр. въ Лысковѣ) можетъ быть просто за усадьбу, принимая уже тамошнихъ крестьянъ за мѣщанъ, что̀ они дѣйствительно и есть.

И такъ вся сумма вознагражденія (за исключеніемъ дворовыхъ, о которыхъ я вовсе не говорю) будетъ около слѣдующей циф-

ры: $11{,}000{,}000 \times \frac{(88\ \ 70)}{2} = 11{,}000{,}000 \times 79 = 869{,}000{,}000$, или около 850,000,000.

Какъ и откуда получить такую сумму?

Вопервыхъ, должно признать, что всѣ люди, говорящіе о выкупѣ, хотя бы по соглашенію, уже допускаютъ возможность такого оборота и даже оборота значительно бо̀льшаго, какъ я уже сказалъ. Слѣд. противъ суммы возражать нельзя; но говорятъ, что сборъ ея требуетъ довольно продолжительнаго срока и не допускаетъ мысли объ единовременномъ выкупѣ. Это будетъ уже другой вопросъ, который разсмотрю далѣе.

Всю ли сумму слѣдуетъ казнѣ собрать и выплатить? Очевидно, нѣтъ: ибо казеннаго невыплаченнаго долга на дворянскихъ имѣніяхъ лежитъ до 450,000,000, и слѣд. казнѣ остается приплатить около 400,000,000 или съ небольшимъ. Сумма крупная, но мнѣ кажется вовсе не недостижимая для Русскаго государства, даже при нецвѣтущемъ положеніи его финансовъ.

Людямъ, слѣдящимъ за ходомъ хозяйственныхъ оборотовъ въ Россіи, извѣстны обороты, безпрестанно совершаемые въ большомъ видѣ самими крестьянами, и въ томъ числѣ частые примѣры выкуповъ какъ личныхъ, такъ и цѣлыми деревнями. Многіе частные выкупы такъ значительны, что цѣлая деревня съ ея нормальнымъ надѣломъ могла бы быть освобождена за ту сумму, которую получаетъ иногда помѣщикъ съ одной какой нибудь семьи. Такіе примѣры не рѣдкость, и какъ бы мы ни судили о такихъ поступкахъ помѣщиковъ (которые я лично считаю злоупотребленіемъ), они могутъ и должны служить для насъ поученіемъ. Та семья, которая вноситъ за себя десять тысячъ рублей серебромъ, могла бы выкупить всю свою деревню; при этомъ она точно также получила бы свободу и сверхъ того получила бы, по срокамъ, съ своихъ односельчанъ большую часть затраченныхъ ею денегъ; нѣтъ причины думать, чтобы она отказалась отъ такого выгоднаго оборота. Цѣлыя деревни предлагаютъ или вносятъ за себя единовременно суммы несравненно значительнѣе той, которая требовалась бы по оцѣнкѣ нормальнаго надѣла. Такъ мнѣ извѣстно, что въ Вологодской губерніи цѣлая деревня предлагала своему помѣщику по полутораста р. за душу чистыми деньгами, соглашаясь при этомъ принять на себя долгъ Опекунскаго Совѣта; точно также я могу указать на деревню въ Костромской губ., которая взнесла за себя по триста десяти рубл. за душу и изъ благодарности подарила бывшей помѣщицѣ щегольскую двумѣстную карету съ парою сѣрыхъ рысаковъ. Такіе примѣры конечно гораздо обыкновеннѣе на Сѣверѣ, но они встрѣтятся во многихъ частяхъ средней Россіи. Скажутъ мнѣ, что эти деревни выкупаются со всею землею; это справедливо, но вовсе не составляетъ возраженія: ибо вопросъ состоитъ только въ томъ, найдутся ли у крестьянъ деньги для своего освобожденія. Взнести по 70 или 88 рубл. за душу, получить за это сверхъ свободы усадьбу и двухъдесятинный надѣлъ и уже не носить на себѣ никакой подати, кромѣ общихъ подушныхъ и земскихъ сборовъ, на это найдется множество охотниковъ и множество деревень, которыя этотъ взносъ

сдѣлаютъ весьма легко. Я утверждаю (и думаю, что всякій знающій бытъ крестьянскій согласится со мною), что дозволеніе такого взноса убавитъ требуемый отъ правительства расходъ, не менѣе какъ на пятьдесятъ милліоновъ. Это должно бы быть первою мѣрою: за успѣхъ ея можно отвѣчать.—За тѣмъ останется около 350,000,000, которыхъ слѣдуетъ добыть. Русское правительство владѣетъ множествомъ земель, лѣсовъ, заводовъ, и всѣ эти владѣнія, которыя были бы и должны быть источникомъ богатства для страны, не приносятъ почти никакого дохода, между тѣмъ какъ они представляютъ огромный капиталъ. Пусть исполнится хоть теперь и для разрѣшенія такой важной государственной задачи то, чего давно уже требовало разумное хозяйство; пусть продастся для пользы общей то, что̀ теперь существуетъ только для частной пользы чиновническаго міра, и нѣтъ сомнѣнія, что выручка будетъ огромная.

Начнемъ съ горныхъ заводовъ. Было время, когда смѣло можно было допустить всѣхъ иностранцевъ къ ихъ покупкѣ, въ полной увѣренности, что огромный капиталъ, затраченный въ пріобрѣтеніи и разработкѣ завода, не станетъ высылать своихъ процентовъ въ отечество покупщика, а перетянетъ его самаго въ Россію, новаго и полезнаго дѣятеля, обогащающаго ее своими трудами, знаніями и искреннею привязанностію; но теперь не то. Предпріятія и пріобрѣтенія въ большомъ размѣрѣ совершаются почти постоянно компаніями, а компанія не натурализируется. Покупка всѣхъ казенныхъ горныхъ заводовъ не можетъ быть дозволена всѣмъ иностранцамъ безусловно. Съ другой стороны, наше горнозаводское производство нуждается отчасти въ капиталахъ, но болѣе всего въ придпріимчивости и знаніи дѣла. Эта нужда такъ велика и, скажу болѣе, такъ настоятельна при теперешнемъ соперничествѣ всѣхъ народовъ въ области промышленности, что, минуя всѣ невыгоды компанейской разработки нашихъ металическихъ пріисковъ, необходимо допустить безусловно всѣхъ соискателей, изъ какого бы народа они ни были, къ покупкѣ первыхъ двухъ или трехъ казенныхъ заводовъ, назначенныхъ въ продажу. Этимъ значительно возвысится ихъ цѣна, что̀ весьма нужно, и Россія пріобрѣтетъ, въ дѣлѣ горно-заводскомъ, отличныхъ учителей, которымъ подражать станутъ всѣ будущіе и теперешніе владѣльцы такой же собственности. Дальнѣйшая распродажа заводовъ и розсыпей должна оставаться въ пользу Русскихъ покупщиковъ, и иностранные капиталы могутъ быть допущены только личные, а не компанейскіе. Точно тоже правило должно быть, кажется, наблюдаемо и при продажѣ лѣсовъ, пустопорожнихъ дачъ и другихъ оброчныхъ статей. Вся выручка пойдетъ на выкупъ, но по этому самому можно соединить оба оборота въ одинъ. Предложить помѣщикамъ получить вмѣсто денегъ безпроцентный листъ или книгу, представляющую цѣнность отходящей отъ нихъ къ крестьянамъ земли; напр. на тысячу душъ незаложенныхъ книга представляетъ отъ 70,000 до 88,000 р.; въ заложенныхъ, но отъ части выкупленныхъ, туже сумму за вычетомъ остающагося на нихъ долгу; въ тоже время пус-

тить въ продажу казенныя дачи, лѣсныя, земляныя и пр. съ объявленіемъ, что при покупкѣ только принимаются эти книги (съ приплатою или недоплатою деньгами не болѣе 10%: приплата отъ покупателя, недоплата получается имъ отъ казны). Множество найдется помѣщиковъ, которые предпочтутъ такія книги, немедленно обращаемыя въ недвижимую собственность, чистымъ деньгамъ, по весьма простымъ причинамъ: во первыхъ, ясно, что такая большая гуртовая продажа пойдетъ по пониженнымъ цѣнамъ; во вторыхъ, купцы, желающіе пріобрѣсти казенныя имущества, будутъ скупать у помѣщиковъ эти книги выше ихъ номинальной цѣны.

Весь этотъ оборотъ дастъ казнѣ безъ сомнѣнія до 150,000,000 и при немъ она сама не дѣлаетъ никакого расхода. Но противъ этого можно возразить, что она свою собственность будетъ отчуждать по низкой цѣнѣ. Это правда, и все таки она будетъ въ огромныхъ барышахъ. Я могъ бы показать многіе случаи, что оброчная статья, проданная казною, даетъ покупщикамъ въ шесть или семь разъ, а въ Симбирскѣ одинъ случай, въ которомъ она дала въ тринадцать разъ болѣе, чѣмъ выручалось отъ нея казною. Это правило общее. Казна, въ замѣнъ собственности которая не даетъ ей и двухъ процентовъ той цѣны, по которой она пойдетъ (хотя и эта цѣна будетъ низка), получитъ плату съ освобожденныхъ крестьянъ пять процентовъ съ погашеніемъ, и слѣд. сдѣлаетъ самый выгодный оборотъ. Тѣшить себя надеждою, что когда нибудь эти казенныя имущества будутъ давать доходъ близкій къ тому, который они могутъ дать въ частныхъ рукахъ, и слѣд. продаться съ большею выгодою, было бы дѣтскимъ самообольщеніемъ, котораго въ государственныхъ людяхъ я не могу предполагать.

Всѣ эти предварительныя дѣйствія, усиливая обороты, пуская въ ходъ мертво-лежащее богатство и возвышая по преимуществу добывку металовъ въ горныхъ заводахъ и розсыпяхъ, уже подѣйствуютъ благодѣтельно на курсъ и на цѣнность бумажныхъ представителей монеты.

Заемъ для окончательной операціи не представитъ затрудненій. Требуемая цыфра будетъ около 200,000,000. Естьли какая нибудь причина бояться такого займа и откладывать его? Процентъ его составитъ при дурныхъ обстоятельствахъ десять милліоновъ (по 5%), при хорошихъ восемь милліоновъ (по 4%). Разница годовая два милліона. Предположимъ крайнюю низость курса и скажемъ, что наши пятипроцентныя облигаціи, которыя постоянно были десятью процентами выше альпари, упали на десять процентовъ ниже альпари (я дѣлаю предположеніе вовсе невозможное): и тогда мы находимъ еще разницу только на 10% противъ номинальной цѣны или одного милліона процентовъ, всего трехъ милліоновъ лишней платы противъ самыхъ выгодныхъ обстоятельствъ. Такая разница, конечно важная для Баваріи или Саксоніи, не должна, не можетъ ни на минуту останавливать Русское правительство, въ то время какъ оно совершаетъ перемѣну, которая должна быть вещественнымъ и нравственнымъ возрожденіемъ всего государства. Россія

не княжество Рейссъ-Глейцъ или Рейссъ-Шлейцъ. Ее тремя милліонами не обѣднишь, а при живомъ движеніи впередъ она и не замѣтитъ этой разницы.

Государственная расточительность, какъ и расточительность частная, есть конечно большой порокъ. При ней оказывается всегда недостатокъ средствъ именно для добраго и полезнаго; но есть минуты, въ которыя излишняя осторожность и бережливость обращаются также во вредъ. Много разстроилось частныхъ имѣній и дѣлъ, много рушилось самыхъ выгодныхъ предпріятій потому только, что своевременно не было сдѣлано необходимаго расхода: незначительный убытокъ, который былъ необходимъ и легко вознаградился бы, разросся въ послѣдствіи и тяжестью своею задавилъ безвременно поскупившагося хозяина. Тоже самое встрѣчается и въ государственномъ хозяйствѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что то великое дѣло, котораго рѣшеніе, по преимуществу, поручено в. п—ву, именно принадлежитъ къ разряду тѣхъ, въ которыхъ отсрочка расхода и желаніе избѣжать временнаго убытка могутъ или, лучше сказать, непремѣнно будутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Уже и теперь, вслѣдствіе неопредѣленности общественнаго положенія, обороты становятся крайне затруднительными. Невозможность обращать недвижимую собственность въ подвижной денежный капиталъ посредствомъ займа въ кредитныхъ учрежденіяхъ обращаетъ ее въ мертвую хозяйственную залежъ и роняетъ ея цѣнность; сомнѣніе на счетъ будущаго увеличиваетъ тяжесть настоящаго; общій застой и сдавленное положеніе оборотовъ подрываютъ частную дѣятельность, только что начинавшую оживляться и вмѣстѣ съ частнымъ кредитомъ и частною производительностью подрываютъ государственный кредитъ. Обстоятельства по видимому теперь не выгодны для займа. Спорить въ этомъ нельзя; но, какъ я уже сказалъ, эту невыгоду можно опредѣлить, и цыфра годоваго убытка очень не высока; но при займѣ, совершенномъ въ скоромъ времени, всѣ обороты оживятся, и кредитъ возвысится; слѣдовательно уже начнется эпоха лучшая и болѣе выгодная въ обще-государственномъ хозяйствѣ. Отложится заемъ: всѣ обороты замедляются, состояніе государственнаго хозяйства становится со дня на день худшимъ, кредитъ падаетъ еще ниже, условія займа становятся тяжелѣ съ каждымъ днемъ; а при выкупѣ, основанномъ на добровольномъ соглашеніи, сумма можетъ быть потребована вся неожиданно и безъ сомнѣнія въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Поэтому всякую отсрочку займа считаю я величайшимъ бѣдствіемъ, котораго нѣкоторыя предвкушенія имѣемъ мы уже теперь отъ остановки пріема имѣній подъ залогъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Я описалъ весь денежный оборотъ, необходимый для обязательнаго выкупа. Если в. п-во допустите его возможность, я думаю, что вы допустите также превосходство его передъ всѣми другими путями. За тѣмъ послѣдовательность мѣръ, которыми дѣло приведется къ концу, указывается уже послѣдовательностью самаго оборота.

1) Объявить весь планъ выкупа; сказать, что Государь, переговоривъ съ своимъ дворянствомъ, получилъ отъ него согласіе на освобожденіе крестьянъ съ такимъ-то надѣломъ земли въ полную собственность деревенскихъ міровъ, за что дворянство получаетъ отъ крестьянскихъ міровъ такое-то вознагражденіе; но что, такъ какъ у крестьянъ на такую покупку рѣдко могутъ найтись наличныя деньги, правительство взноситъ само это вознагражденіе, получая уплату отъ крестьянъ погодно. Этотъ выкупъ будетъ конченъ въ четыре года, потому что государственной казнѣ слишкомъ отяготительно бы было совершить его въ одинъ годъ. Взносъ будетъ совершаться поочередно въ четырехъ полосахъ Россіи. (При этомъ раздѣлѣ Заволжье и Ново-Россійская область должны быть въ послѣдней полосѣ, потому что онѣ нуждаются въ рукахъ и слѣдовательно могутъ быть только тогда переведены на новое положеніе безъ раззоренія помѣщиковъ, когда уже будетъ къ нимъ свободный приливъ рабочей силы).

2) Объявить, что всякая деревня, которая сполна взнесетъ за себя выкупъ, въ какой бы ни было мѣстности, получаетъ немедля свободу и слѣдующій ей надѣлъ земли, уже не платя ничего кромѣ общихъ податей и повинностей. Выкупъ взносится помѣщику черезъ правительство.

3) Деревня, уже заложенная, взноситъ помѣщику только ту часть капитала, которая уже имъ уплачена въ кредитномъ учрежденіи и пополнительную сумму до 70 или 88 р. и продолжаетъ выплачивать долгъ въ кредитное учрежденіе черезъ правительство; но процентъ съ погашеніемъ не долженъ превышать 5%. Для этого должны быть уже готовы таблицы перечисленія.

4) Всякое имѣніе, на которомъ въ кредитномъ учрежденіи насчитывается долга(накопившагося отсрочками и льготами) столько же или болѣе, чѣмъ слѣдуетъ за надѣлъ крестьянскій, объявляется немедля свободнымъ съ нормальнымъ надѣломъ, и выплачиваетъ уже долгъ прямо правительству по 5% съ погашеніемъ.

5) Срокъ, разумѣется, будетъ длиннѣе теперешняго тридцати-трехълѣтняго. Что̀ останется на имѣніи сверхъ суммы слѣдующей за крестьянскій надѣлъ признается долгомъ помѣщика и обезпечивается его остальною землею въ тѣхъ же дачахъ. (Эти первоначальныя мѣры освободятъ конечно добрую треть всѣхъ имѣній, особенно на Сѣверѣ посредствомъ выкупа, и на Западѣ посредствомъ отчисленія). Въ тоже время выдаются всѣмъ помѣщикамъ безъ исключенія тѣ книги, о которыхъ я уже говорилъ, съ правомъ платить значущимися въ нихъ свободными суммами за казенныя дачи, которыя поступятъ въ продажу.

6) Въ тоже время начинается продажа казенныхъ дачъ, лѣсовъ, заводовъ и т. д. Уплата допускается только кредитными книгами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ землямъ и лѣснымъ дачамъ. Если кредитная книга въ 100,000 р. то покупщикъ можетъ идти до 110,000, приплачивая 10 000 (т. е. до 10%) деньгами; если при 100,000-ной книгѣ, онъ купилъ только на 90,000, онъ можетъ отъ казны требовать

сдачи деньгами до 10,000 (т. е. до 10%). Если же цѣна купленнаго имъ участка менѣе девяноста тысячь, то сдачи онъ получитъ только при очередномъ выкупѣ. (Разумѣется, книга уже употребленная сполна на покупку казенной дачи освобождаетъ немедля крестьянъ, на которыхъ она выдана).

7) Совершаются займы и идетъ полный выкупъ по полосамъ, и такимъ образомъ кончается все дѣло освобожденія. (Разумѣется, что еслибы курсъ нашъ былъ высокъ, то можно совершить заемъ, не выжидая продажи казенныхъ земель и тѣмъ ускорить весь оборотъ).

Затѣмъ считаю долгомъ прибавить, что взысканіе годовой уплаты по совершеннымъ выкупамъ должно быть съ міровъ и производимо съ величайшею строгостью, посредствомъ продажи имущества, скота и. т. д., особенно же посредствомъ жеребьеваго рекрутства съ продажею квитанцій не съ аукціона (ибо это унизительно для казны), но по положенной цѣнѣ, съ жеребьевымъ розыгрышемъ между покупщиками. Въ случаѣ крайней неисправности должно допустить выселеніе цѣлыхъ деревень въ Сибирь, съ продажею ихъ земляного надѣла; но такихъ случаевъ почти быть не можетъ. Въ этомъ дѣлѣ неумолимая и повидимому жестокая строгость есть истинное милосердіе.

Теперь остается послѣдній вопросъ: за исключеніемъ имѣній, которыя съ перваго года уже освободятся отчисленіемъ за долгъ кредитныхъ учрежденій или взносомъ отъ крестьянъ и которыя слѣдовательно немедленно освобождаются съ землею, на какомъ положеніи останутся ждущіе выкупа? Тутъ мнѣ кажется представляются двѣ формы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды.

1) Крестьяне получаютъ немедленно свободу и пользованіе своимъ надѣломъ; но такъ какъ помѣщики еще не могутъ получить полнаго капитала, то они получаютъ съ крестьянъ черезъ правительство (которое эту уплату само взыскиваетъ и считаетъ ее уже казенною повинностью) шесть процентовъ съ слѣдующаго имъ капитала, т. е. отъ 4 р 20 до 5 р. 28 съ души. Крестьянамъ объявляется причина почему они платятъ лишній процентъ и въ тоже время, сверхъ строгихъ мѣръ для взысканія этихъ денегъ, имъ объявляется, что въ случаѣ ихъ неисправности казна имъ откажетъ въ ссудѣ и они останутся безземельниками, а земля, даже усадебная, останется цѣликомъ у помѣщика, который получитъ право ихъ сгонять.

Все, что̀ въ этомъ разрѣшеніи вопроса можетъ казаться отяготительнымъ и чего я вовсе не скрываю, точно съ такою же и еще большею силою падаетъ на всякое переходное положеніе съ денежною платою: я говорю бо̀льшею потому, что сроки, мною полагаемые, весьма коротки, что дѣло освобожденія начнется немедля и слѣдовательно крестьянинъ получитъ полное довѣріе къ правительству и понесетъ всякую тяготу съ бо̀льшимъ терпѣніемъ, особенно же потому, что на пути, который я предполагаю, онъ пойдетъ какъ человѣкъ вполнѣ зрящій и понимающій причину того пожертвованія, котораго отъ него правительство требуетъ.

2) Крестьяне до полнаго выкупа, слѣд. въ продолженіи отъ одного года до четырехъ лѣтъ, остаются въ прежнихъ отношеніяхъ къ помѣщику, съ полнымъ сознаніемъ своихъ будущихъ правъ и своей очереди къ выкупу. Какъ деревенскій житель съ измала, я знаю всю гадость крѣпостнаго состоянія и всѣ его дурныя послѣдствія, какъ въ нравственномъ, такъ и въ вещественномъ отношеніи, и нетерпѣливо желаю его прекращенія; но думаю, что сохраненіе крѣпостнаго права на такой короткій, заранѣе опредѣленный и всѣмъ объявленный срокъ представляетъ многія выгоды. Имъ отстраняется все переходное положеніе съ его шаткими и измѣнчивыми учрежденіями, устраняется неизбѣжное столкновеніе правъ и обязанностей, которыхъ нельзя вполнѣ опредѣлить, устраняется небходимость взыскивать лишній процентъ во имя правительственной бѣдности, а болѣе всего устраняется неизбѣжная строгость Драконовскихъ законоположеній, необходимыхъ для обезпеченія шести процентнаго взноса помѣщику. При этомъ предоставляется бо́льшій просторъ времени для отдѣленія крестьянскаго надѣла. Дурныя же стороны крѣпостнаго состоянія, конечно не вполнѣ отвратимыя, но къ несчастію уже сжившіяся съ народною привычкою, не будутъ уже такъ тяжело ложиться на жизнь и духъ крестьянъ, не только вслѣдствіе опредѣленной и несомнѣнной надежды, но еще болѣе вслѣдствіе настроенія самыхъ помѣщиковъ, знающихъ, что они уже теперь заготовляютъ себѣ дурныхъ или хорошихъ сосѣдей.

Тотъ, кто пожилъ въ деревнѣ въ теченіи прошлаго полутора года, знаетъ, какъ взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ измѣнились къ лучшему и какъ много дружелюбія всплыло надъ старою враждою.

Прозорливость в. п-ва, согрѣтая и укрѣпленная добрыми и человѣколюбивыми намѣреніями, рѣшитъ: которая изъ этихъ двухъ формъ выжиданія заслуживаетъ предпочтенія; съ своей же стороны признаюсь въ томъ, что послѣдняя по своей крайней простотѣ и малосложности кажется мнѣ болѣе согласною съ характеромъ и бытомъ Русскихъ поселянъ.

Такъ какъ для меня вопросъ о надѣлѣ и поземельной собственности выше самаго вопроса о личной свободѣ, я вовсе не говорю о дворовыхъ людяхъ, и думаю, что освобожденіе ихъ не представляетъ никакого затрудненія въ отношеніи къ помѣщикамъ, которые будутъ въ барышахъ, какъ бы отъ нихъ ни отдѣлались. Иной вопросъ: какое мѣсто займутъ они въ государственной организаціи? Но во всякомъ случаѣ онъ касается болѣе городоваго, чѣмъ сельскаго устройства.

Вотъ мысли, которыя я счелъ себя обязаннымъ изложить в. п-ву. Онѣ не подкрѣплены никакою подписью; но какъ ни противенъ такой образъ дѣйствія всѣмъ моимъ привычкамъ и инстинктамъ, я рѣшился на него. Никакого низкаго побужденія во мнѣ предполагать нельзя въ теперешнемъ случаѣ, а отъ подписи моей никакой не можетъ быть пользы. Имя темное оставляетъ письмо не подписаннымъ; имя извѣстное (если бы таково было мое) можетъ встрѣ-

тить предубѣжденіе. Пусть мысль сама отвѣчаетъ за себя своею дѣльностью, если она основана на разумныхъ началахъ. Одно только позволяю сказать о себѣ. Ни для кого на Русской землѣ теперешній вопросъ не представляетъ болѣе живаго интереса: ибо много и много лѣтъ прежде, чѣмъ онъ былъ возбужденъ офиціально, онъ былъ уже для меня предметомъ заботы и заботы не праздной, а искренней, горячей и дѣятельной, во сколько это зависѣло отъ меня.

Просить васъ взвѣсить безпристрастно мои доводы было бы смѣшно: я глубоко убѣжденъ, что для славы Государя, достойнаго всякой славы за Свои истинно человѣческія стремленія, для чести сашего имени, тѣсно связанной съ успѣшнымъ исходомъ крестьянвкаго вопроса, болѣе же всего для блага Россіи и для удовлетворенія требованіямъ христіанскаго человѣколюбія, одинъ только возможенъ путь въ этомъ дѣлѣ, путь обязательнаго выкупа и самыхъ прямыхъ и откровенныхъ отношеній къ народу. Не знаю, найдетъ ли это убѣжденіе сочувствіе въ васъ; но во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что вы не оставите безъ вниманія искренно высказанную мысль. Таковъ общій объ васъ голосъ.

Самое письмо мое есть, какъ мнѣ кажется, ясное доказательство моей увѣренности въ этомъ и того глубочайшаго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
N. N.

Инымъ изъ читателей предложенный въ этомъ письмѣ способъ увольненія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости можетъ показаться плодомъ кабинетныхъ размышленій и слѣдствіемъ малаго знакомства съ дѣйствительнымъ сельскимъ нашимъ бытомъ; но, сколько намъ извѣстно, покойный А. С. Хомяковъ, еще задолго до своей кончины (23 Сентября 1860), постоянно хлопоталъ о взаимномъ *добровольномъ соглашеніи* съ собственными крестьянами и о переводѣ ихъ съ барщины на оброкъ (См. статью его „О сельскихъ условіяхъ“ въ Москвитянинѣ 1842 года). Послѣ долговременныхъ усилій удалось ему почти во всѣхъ своихъ деревняхъ — а ихъ было у него немало — достигнуть своей цѣли. Отсюда-то извлекъ онъ заявленное въ напечатанномъ выше письмѣ убѣжденіе о возможности и благотворной необходимости сознательнаго соглашенія между правительствомъ и освобождаемымъ народомъ, для облегченія затрудненій переходнаго времени отъ крѣпости къ свободѣ. *П. Б.*

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

1874—1876.

ИСТОРІЯ. ПОЛИТИКА. БІОГРАФІЯ.

Жизнь и эпоха Александра I, императора Всероссійскаго, соч. Джойневилля, въ 3 томахъ. (Life and Times of Alexander I, Emperor of all the Russias, by C. Joyneville. London, 1875. Tinsley brothers). Это обширное сочиненіе посвящено въ особенности описанію военныхъ дѣйствій и событій внѣшней политики въ царствованіе имп. Александра Павловича. Авторъ принадлежитъ къ числу восторженныхъ почитателей нашего Государя, котораго онъ превозноситъ безусловно, столь же безусловно осуждая Наполеона и всѣ его дѣйствія. Политикѣ Русскаго правительства, какъ внутренней, такъ и внѣшней, воздаются великія похвалы. Тонъ всего сочиненія, по мнѣнію Англійской серіозной критики, пристрастный, и авторъ почерпаетъ свои свѣдѣнія и сужденія слишкомъ часто изъ второстепенныхъ источниковъ.

*

Въ извѣстномъ изданіи: Staatsgeschichte der neuesten Zeit (Leipzig, Hirzel) появилась вторая половина 2-аго тома *Исторіи Россіи*, соч. Бернгарди (См. Книжныя Вѣсти прошлаго года). Авторъ, по личнымъ своимъ отношеніямъ, имѣлъ доступъ ко множеству важныхъ матеріаловъ для Русской исторіи новаго времени. Онъ получилъ воспитаніе въ Лифляндіи въ домѣ матери своей, бывшей, послѣ развода съ отцомъ его, въ замужствѣ за Кноррингомъ, и потомъ во второмъ бракѣ за родственникомъ графа Толя, извѣстнаго военнаго дѣятеля въ кампаніяхъ 1813—1815 гг., собравшаго множество важныхъ бумагъ и матеріаловъ для исторіи того времени и вообще для Русской исторіи. Все это богатое собраніе досталось, по смерти графа Толя, въ руки Бернгарди, который, пользуясь имъ, сталъ извѣстенъ въ Нѣмецкой литературѣ любопытными статьями о Русской исторіи и издалъ военные мемуары графа Толя. *Исторія Россіи*, которую онъ теперь излагаетъ въ изданіи Гирцеля, особенно исторія Павловой и Александровой эпохъ, представляетъ немало фактовъ и взглядовъ, новыхъ и интересныхъ не только для иностраннаго, но и для Русскаго читателя *).

*

Принцесса Шарлотта Русская, невѣстка Петра Великаго, по вновь открытымъ письмамъ 1707—1715 г. (Charlotte v. Russland, die Kronprinzessin, Schwiegertochter Peters des Grossen, nach ihren noch ungedruckten Briefen 1707—1715. Bonn. 1875). Книжка эта есть переводъ или скорѣе художественная передѣлка статей проф. Геррье, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы. Книга составлена, сколько извѣстно, одною Русскою дамой, въ совершенствѣ владѣющею Нѣмецкимъ языкомъ.

---

*) Мы уже имѣли случай указывать на то, что г-нъ Бернгарди приписалъ графу Толю свои собственныя воззрѣнія и недостойно воспользовался его бумагами. См. Р. Архивъ 1873, стр. 411 и слѣд. *П. Б.*

*

Вышли 5 и 6 томы извѣстнаго сочиненія Арнета: Исторія Маріи Терезіи (Arneth. Geschichte M. Theresiens. Wien, 1875). Эти томы изображаютъ дѣятельность Австрійской императрицы въ эпоху Семилѣтней войны съ 1756 по 1763 годъ и содержатъ въ себѣ не мало новыхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Вѣнскихъ архивовъ. Авторъ имѣетъ въ виду не столько исторію событій, сколько исторію Маріи Терезіи, и потому останавливается преимущественно на личной ея дѣятельности въ направленіи войны, въ организаціи арміи, на ея отношеніяхъ къ министрамъ, особливо къ Кауницу и къ командовавшимъ генераламъ. Много новыхъ фактовъ приведено въ этихъ томахъ изъ переписки Кауница объ участіи маркизы Помпадуръ въ политическомъ движеніи и о сношеніяхъ ея съ императрицей. Вопреки утвердившемуся мнѣнію, Арнетъ не приписываетъ Вѣнскому гофкрихсрату рѣшительнаго вліянія на ходъ военныхъ операцій и относитъ сдѣланныя въ нихъ ошибки къ неспособности и нерѣшительности генераловъ, требовавшихъ на все рѣшенія изъ Вѣны.

*

Матеріалы для исторіи Австрійской политики въ 1801 и 1802 г. Австрія и Россія въ 1804 и 1805 годахъ. Соч. Беера (Beer. Zur Geschichte der österreichischen Politik in den J. 1801 u. 1802. Oesterreich und Russland in den J. 1804 u. 1805. Wien, 1875).

*

Вышелъ 4-й томъ извѣстной въ ученомъ мірѣ Исторіи Польши, профессора Кàро (Caro, Geschichte Polens. Gotha, 1875). Онъ содержитъ въ себѣ періодъ отъ 1430 по 1455 годъ.

*

Картина горной войны, въ очеркахъ кампаніи 1799 г. въ Швейцаріи, соч. генералъ-маіора Шадвелля (Shadwell. Mountain Warfare, illustrated by the Campaign of 1799 in Swetzerland. London, 1875. H. King). Для Русскаго читателя эта книга, написанная обстоятельно и съ знаніемъ дѣла, представляетъ особый интересъ разборомъ Суворовской кампаніи и разсказомъ о переходѣ Русскихъ войскъ черезъ Альпы. Къ этому очерку присоединена статья о томъ же предметѣ, писанная неизвѣстнымъ Русскимъ авторомъ, офицеромъ нашего Генеральнаго Штаба.

*

Г. Муй въ Парижѣ издалъ неизвѣстную доселѣ переписку Польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго съ знаменитою г-жею Жоффренъ (Correspondance inédite du roi Stanislas Auguste Poniatovski et de madame Geoffrin. Publiée par Charles de Mouy. Paris, 1875). Письма короля недавно найдены въ архивѣ фамиліи Понятовскихъ и представляютъ важный матеріалъ для исторіи перваго раздѣла Польши. Въ нихъ король разсказываетъ послѣдовательно, день за день, событія и обстоятельства этой эпохи, разсказываетъ, повидимому, изъ потребности раскрыть душу въ бесѣдѣ съ близкимъ человѣкомъ. Издатель въ предисловіи и многочисленныхъ примѣчаніяхъ объясняетъ имена и факты, о которыхъ рѣчь идетъ въ письмахъ.

*

Вышелъ 5-й томъ извѣстнаго сочиненія Кинглека о Крымской экспедиціи Англо-Французскихъ войскъ. Онъ содержитъ въ себѣ исторію и описаніе битвы подъ Инкерманомъ (The Invasion of the Crimea: its Ori-

gins, and an Account of its Progress down to the Death of Lord Raglan. By Kinglake. Vol. V. Battle of Inkerman. Lond., 1875. Blackwood).

*

Исторія Севастопольской кампаніи, по лагернымъ запискамъ, соч. полковника Гамлея (Hamley. The Story of the Campaign of Sebastopol, written in the Camp by Colonel Hamley. Lond., 1875. Blackwood).

*

Исторія современной литературы въ Россіи, соч. Курьера (Courrière. Histoire de la litterature contemporaine en Russie. Paris, 1875.) Послѣ историческаго очерка древней литературы и литературы 18 стол. авторъ, знающій Русскій языкъ и знакомый повидимому не по слуху только съ новѣйшими писателями, представляетъ въ довольно живомъ изложеніи, хотя и съ нѣкоторыми неточностями и ошибками, очеркъ литературной и журнальной дѣятельности въ Россіи, съ 20-хъ годовъ до нашихъ дней. Онъ старается быть безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ, но они поневолѣ отзываются иногда крайними мнѣніями той и другой литературной партіи, отъ которой онъ воспринималъ свои впечатлѣнія.

*

Послѣ Өедора фонъ Лидерса, бывшаго дипломатическимъ представителемъ Россіи при Англійскомъ дворѣ во времена Петра III и Екатерины II, остались бумаги, доставшіяся въ недавнее время г. Уиллису Бенду (Bund). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны въ Англійскомъ журналѣ Academy (3 Апр. 1875 г.); въ томъ числѣ есть записка, писанная на Испанскомъ языкѣ, вѣроятно, однимъ изъ Испанскихъ дипломатовъ, бывшихъ въ Петербургѣ при вступленіи на престолъ Екатерины. Онъ жилъ на Невскомъ Проспектѣ, недалеко отъ Казанскаго собора, и описываетъ происходившее на глазахъ у него, на улицѣ, 9 Іюля 1762 года, передавая вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшія событія. Тутъ же напечатано письмо Екатерины къ графу А. Воронцову 13 Авг. 1762 г., въ которомъ она успокоиваетъ его опасенія относительно участи сестры его графини Елисаветы Воронцовой *).

*

Въ Лондонѣ вышелъ новый томъ Своднаго Указателя Государственныхъ бумагъ, относящихся къ царствованію Елисаветы и содержащій въ себѣ памятники иностранныхъ сношеній съ 1569 по 1571 годъ (Calendar of State Papers. Foreign Series of the Reign of Elizabeth. Edited by Crosby. London, 1875. Longmans). Въ числѣ этихъ документовъ есть относящіеся до сношеній Англіи съ Россіей при Иванѣ Грозномъ—именно письмо изъ Россіи Өомы Баннистера, посланнаго въ 1569 году для заключенія торговаго договора. Онъ описываетъ между прочимъ свою поѣздку изъ Архангельска, черезъ Вологду, внизъ по Волгѣ, до Астрахани. Посольство его не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ, и онъ отправился изъ Астрахани далѣе, черезъ Каспійское море, въ Среднюю Азію и былъ въ Самаркандѣ, гдѣ у Англичанъ купили товары, но не пустили ихъ ѣхать далѣе въ Индію.

*

Въ Вашингтонѣ явился ежегодно издаваемый сборникъ дипломатическихъ донесеній правительству Соед. Штатовъ за 1874 годъ. Въ числѣ

---

*) Письмо это издано въ Архивѣ Князя Воронцова, кн. V, стр. 145.

этихъ донесеній для Русскаго читателя особенно интересна подробная записка г. Скайлера (816—831 стр.) о Русскомъ Туркестанѣ, объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, о Русскихъ чиновникахъ и о Русской политикѣ въ Средней Азіи, въ отношеніяхъ къ Кокану, Бухарѣ, Хивѣ, Афганистану, Кашгару и Кульджѣ (Papers relating to the foreign relations of the United States, transmitted to Congress with the annual Message of the president). Извѣстна полемика, возникшая въ Русскихъ газетахъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ законченная, по поводу этой записки и выставляемыхъ въ ней фактовъ.

*

По поводу извѣстныхъ записокъ Фокеродта о Россіи при Петрѣ Великомъ, изданныхъ профессоромъ Германомъ *), завязалась въ печати довольно любопытная полемика между Дерптскимъ профессоромъ Брикнеромъ, помѣстившимъ въ журналѣ Russische Revue (1875, №, 2 и 3) свои замѣчанія на изданіе Германа, и Германомъ, который, оскорбившись критикой, напечаталъ отдѣльно свои на нее возраженія, въ духѣ крайняго раздраженія (Ernst Hermann. Vockerodt und der Professor für russische Geschichte zu Dorpat A. Brückner. Eine Entgegnung. Leipzig, 1874). Независимо отъ личностей и отъ критики ученаго труда, въ статьяхъ Брикнера собраны, изъ Миллеровыхъ матеріаловъ для Русской исторіи, любопытныя подробности о личности самого Фокеродта, который, какъ оказывается, прежде дипломатической своей службы при Прусскомъ посольствѣ, жилъ въ домѣ князя Димитрія Кантемира домашнимъ учителемъ при сынѣ его. Часть его записокъ помѣщена была, безъ имени, въ приложеніяхъ къ Запискамъ Манштейна еще въ прошломъ столѣтіи.

*

Извѣстный Французскій историкъ Мишлѐ, окончивъ въ 1869 году обширный трудъ свой о Французской исторіи до конца 18 столѣтія, въ 23 томахъ, предпринялъ, уже на исходѣ своей жизни, продолженіе его подъ заглавіемъ: Исторія XIX столѣтія, и успѣлъ, до кончины своей въ Февралѣ 1874 года, написать три тома этой исторіи. Первый томъ, изданный еще при жизни автора, содержитъ въ себѣ начальную исторію Бонапартовъ до 1796 года. Слѣдующіе томы продолжаютъ эту исторію: второй до 18 Брюмера, и третій—до Ватерлоо. Эти два тома изданы только въ исходѣ 1875 года. Въ нихъ нѣсколько главъ, составляющихъ интереснѣйшую часть книги, посвящены Россіи и характеристикѣ императора Павла I. Личность Русскаго императора авторъ, пользовавшійся указаніями и разсказами нѣкоторыхъ образованныхъ Русскихъ людей въ Парижѣ, идеализируетъ въ своемъ сочиненіи и описываетъ живыми чертами, съ свойственнымъ ему талантомъ. Образъ Павла является у него величественнымъ и поэтическимъ. Павелъ представленъ геніемъ глубокаго негодованія и отвращенія—съ одной стороны къ Германіи, съ другой—къ Англіи. Задушевный планъ его и цѣль политической его дѣятельности: составить крѣпкій союзъ изъ всѣхъ малыхъ Европейскихъ государствъ для противодѣйствія Англійскому самовластію на морѣ и для раздѣленія Турецкой имперіи съ помощью Франціи, которая должна была получить Египетъ. Въ объясненіе этой мысли Мишлѐ ссылается на любопытную записку Ростопчина съ собственноручными замѣтками Павла (напечатанную въ первомъ томѣ Сборника историческихъ матеріаловъ, изданнаго покойнымъ Кашпиревымъ).

*) Извлеченіе изъ нихъ помѣщено въ Русскомъ Архивѣ 1872 года.

*

Въ Женевѣ довольно давно уже существуетъ редакція изданія, предпринятаго, надобно думать, въ видѣ спекуляціи подъ названіемъ: Всеобщая исторія замѣчательныхъ людей XIX вѣка (Histoire générale des hommes du XIX siècle, vivants et morts, de toutes les nations). Редакція эта занимается разсылкою по всей Европѣ къ лицамъ, имѣющимъ извѣстное имя или знатный чинъ, печатныхъ циркуляровъ съ просьбою о доставленіи біографическихъ о себѣ свѣдѣній для составленія статьи; за этимъ слѣдуетъ обыкновенно предложеніе подписаться на изданіе, дорого стóющее. Изданіе это, кажется, до сихъ поръ не появилось еще въ полномъ видѣ, но начали появляться съ недавняго времени отдѣльныя статьи изъ него съ біографіями. Такъ появился въ недавнемъ времени выпускъ, подъ названіемъ: Extraits de l'histoire générale des hommes vivants et morts du XIX s., содержащій въ себѣ свѣдѣнія о тайномъ совѣтникѣ П. П. Семеновѣ и о сенаторѣ П. Н. Даневскомъ.

*

Іоаннъ Госнеръ. Картина изъ церковнаго быта XIX столѣтія. Соч. Дальтона (Herm. Dalton. Johannes Gossner. Ein Lebensbild aus der Kirche des 19 Jahrhunderts. Berlin, 1874. 440 стр.). Книга эта содержитъ въ себѣ очеркъ жизни и дѣятельности извѣстнаго пастора Госнера и описаніе приключеній его и бывшихъ съ ними въ связи общественныхъ событій въ Россіи въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Авторъ извѣстенъ въ литературѣ прежнимъ своимъ сочиненіемъ объ исторіи реформатской церкви въ Россіи; если не ошибаемся, самъ онъ проповѣдникъ реформатской Нѣмецкой церкви въ Петербургѣ.

*

Въ Парижѣ вышла біографія извѣстнаго композитора *Бойельдье*, соч. Пужена (Pougin. Boieldieu, sa vie, ses oeuvres, son caractère, sa correspondance. Paris, 1875). Въ ней описано между прочимъ пребываніе Бойельдье съ 1805 по 1811 годъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ въ службѣ капельмейстеромъ Французскаго театра.

*

Будущность Русской церкви, соч. Тондини. (Tondini. L'avenir de l'eglise russe. Paris, 1874, 77 стр.). Памфлетъ іезуитскаго духа и направленія.

Къ исторіи Остзейскихъ губерній относятся книги.

Лифляндія—колыбель Нѣмецкихъ епископовъ, соч. Бунге (Bunge. Livland—die Wiege der deutschen Weihbischöfe. Leipzig, 1875).

Курляндія въ XIII столѣтіи, соч. Шварца (Schwartz. Kurland im 13 Jahrh. Leipzig, 1875).

Лифляндія, соч. г. Фàне (Fahne, Livland. Ein Beitrag zur Kirchen und Sittengeschichte. Düsseldorf, 1875. 240 стр.). Въ этомъ сочиненіи описывается общественное и церковное состояніе Лифляндіи, подъ владычест-

вомъ Ливонскихъ меченосцевъ. Это описаніе, составленное безъ критической повѣрки источниковъ, не имѣетъ научнаго значенія.

Балтійскіе историческіе этюды, соч. Бунге, 2-й выпускъ. Орденъ Меченосцевъ (Dr. Fr. Bunge. Baltische Geschichtsstudien. Leipzig, 1876. Der Orden der Schwertbrüder, 98 стр.).

ЭТНОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ, ОПИСАНІЯ.

Россія со времени отмѣны крѣпостнаго состоянія, соч. Целестина (Celestin, Russland seit der Abschaffung des Leibeigenthums. Laibach, 1875. 388 стр.). Авторъ этой книги излагаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Россіи и сужденія о разныхъ предметахъ Русскаго быта, частнаго, общественнаго и государственнаго. Поборникъ Славянскихъ интересовъ, онъ не вынесъ изъ Россіи большихъ надеждъ съ этой стороны для Славянства. По мнѣнію его въ Россіи слишкомъ мало искреннихъ и дѣятельныхъ друзей Славянскаго дѣла. Цѣлыя страницы въ книгѣ посвящены Русской литературѣ и явленіямъ общественной жизни; въ числѣ ихъ авторъ останавливается на такъ называемомъ нигилизмѣ, о которомъ мы сами, къ сожалѣнію, слишкомъ протрубили въ Европѣ преувеличенными разсказами и воплями. Въ немъ авторъ, подобно многимъ писателямъ Запада, видитъ глубокую и опасную язву современнаго Русскаго общества.

Авторъ этой книги, самъ изъ Австрійскихъ Славянъ, пробылъ въ разныхъ частяхъ Россіи, на Югѣ и на Сѣверѣ, четыре года, начиная съ 1869 гг. и въ томъ числѣ два года прожилъ во Владимірѣ, учителемъ въ тамошней гимназіи, и теперь излагаетъ въ довольно большомъ и обстоятельномъ сочиненіи результаты своихъ личныхъ наблюденій и изученія по Русскимъ матеріаламъ. Съ Русскимъ языкомъ и съ Русскою литературой онъ знако́мъ, повидимому, довольно основательно. Эпиграфомъ къ своей книгѣ поставилъ онъ пословицу: „Варвара мнѣ тетка, а правда сестра", чѣмъ выражено желаніе быть справедливымъ въ своихъ сужденіяхъ о Россіи. Книга его написана спокойнымъ тономъ, безъ желчи, хотя ему часто приходится судить строго явленія Русской жизни и черты Русскаго характера. Онъ пріѣхалъ въ Россію подъ вліяніемъ чувства, возбужденнаго Славянскимъ съѣздомъ 1867 года,—съ цѣлью узнать ближе Россію и Русскихъ, и не скрываетъ, что потерпѣлъ въ самомъ началѣ горькое розочарованіе въ своихъ мечтахъ. „Въ Россіи, говоритъ онъ, лишь незначительная часть славянофиловъ питаетъ дѣйствительно Славянскія симпатіи. Либералы и радикалы рѣшительно враждебны Славянской взаимности: они опасаются, что она можетъ послужить къ оживленію властительнаго духа 40-хъ годовъ и къ отстраненію соціальнаго прогресса. Консерваторы опасаются отъ нея политическихъ замѣшательствъ. И такъ, продолжаетъ авторъ, въ нынѣшнюю пору едва ли можетъ пойти рѣчь о Славянской взаимности въ смыслѣ 60-хъ годовъ". За всѣмъ тѣмъ ничто видѣнное имъ въ Россіи не поколебало въ немъ горячей вѣры въ Славянство и въ будущія судьбы его. Онъ не питаетъ расположенія къ Нѣмцамъ и говоритъ немало о положеніи ихъ въ Россіи, но признаетъ то воспитательное значеніе, которое имѣютъ они для Русской и вообще для Славянской цивилизаціи. Въ пространномъ введеніи описывается общественное состояніе Россіи отъ эпохи Александра 1 до Крымской войны, съ обстоятельнымъ очеркомъ литературы и главныхъ ея дѣятелей по всѣмъ

частямъ. За тѣмъ первая глава посвящена состоянію Россіи до реформъ настоящаго царствованія и послѣ нихъ. Во 2-й главѣ говорится особенно о финансовыхъ реформахъ; въ 3-й—о судебной реформѣ, въ 4-й—о преобразованіяхъ въ администраціи и о земскихъ учрежденіяхъ; съ особенною подробностью и съ знаніемъ дѣлъ и отношеній авторъ распространяется о реформѣ учебной и о борьбѣ партіи классиковъ и реалистовъ; онъ очевидно сочувствуетъ классической системѣ, но обсуживаетъ безпристрастно практическія мѣры въ ея примѣненіи. Послѣдняя глава описываетъ современное состояніе Русскаго общества, характеръ и бытъ его во всѣхъ сословіяхъ, общественныя партіи и состояніе новѣйшей литературы. Авторъ часто и пристально всматривается, и съ глубокимъ сожалѣніемъ, въ такъ называемый *нигилизмъ* Русской молодежи, старается объяснить это явленіе, въ которомъ видитъ язву современнаго Русскаго общества и отмѣчаетъ признаки его ослабленія. Книга Целестина заслуживаетъ вниманія въ ряду сочиненій о Россіи, появляющихся такъ часто въ иностранной литературѣ.

*

Этимъ же предметомъ, т. е. нигилизмомъ молодой Россіи, занимается напечатанный въ Парижѣ памфлетъ подъ названіемъ: La Russie actuelle. Le Gouvernement. La Jeunesse et l'Aristocratie. Paris, 1875.

*

Странствованія по Западной Россіи графа фонъ Лейбфлинга (Leubfling. Wanderungen im Westlichen Russland. Leipzig, 1875. 160 стр). Собраніе статеекъ, прежде напечатанныхъ въ газетѣ Ausland. Онѣ содержатъ въ себѣ бѣглыя путевыя замѣтки автора о Петербургѣ, Москвѣ и на обратномъ пути черезъ Смоленскъ и Варшаву.

*

Прогулка по Волгѣ, соч. Джонстона (A Trip up the Volga, by Munro Butler Johnstone. Oxford, 1875. J. Parker et C-°). Книга эта составлена изъ писемъ о поѣздкѣ по Волгѣ осенью 1874 года, напечатанныхъ въ газетѣ Daily News и писанныхъ извѣстнымъ членомъ Парламента Джонстономъ. Это одно изъ лучшихъ сочиненій о Россіи въ новѣйшей Англійской литературѣ. Авторъ, человѣкъ высоко образованный, тонкій и талантливый наблюдатель, не принадлежитъ ни къ одной изъ крайнихъ партій и не имѣетъ враждебнаго предубѣжденія противъ Россіи. Первая глава книги посвящена историческо-политическому обозрѣнію Россіи, подъ заглав. „Россія, какъ она есть теперь". Слѣдующія главы посвящены преимущественно этнографіи, промышленности и санитарному состоянію Россіи. Поѣздка начинается съ Астрахани и степей Киргизскихъ и Калмыцкихъ. Потомъ путешественникъ поднимается вверхъ по Волгѣ, къ Саратову, описываетъ Нѣмецкія колоніи, въ Самарѣ занимается изслѣдованіемъ кумыса, восхищается воздухомъ Самарскихъ степей и берегами Волги, которые, по его мнѣнію, много величественнѣе береговъ Рейна и выше Самары гораздо разнообразнѣе видами. За Самарою слѣдуетъ Казань, гдѣ авторъ останавливается на Татарскихъ школахъ. Центральную часть книги и главный интересъ ея составляетъ описаніе Нижегородской ярмарки съ разсужденіями и гаданіями о будущности ярмарки и вообще Русской промышленности и торговли. О Русскомъ народѣ авторъ отзывается вообще съ сочувствіемъ и говоритъ между прочимъ, что онъ привезъ съ собою домой самыя пріятныя воспоминанія о странѣ, кипящей всевозможнымъ интересомъ и о дружескихъ отношеніяхъ въ средѣ людей самыхъ пріятныхъ и привлекательныхъ по природѣ, какихъ толь-

ко можно встрѣтить. По возвращеніи изъ Россіи, Джонстонъ путешествовалъ уже по Турціи, и письма его о Турціи въ газетѣ Pall Mall обратили на себя вниманіе въ политическомъ мірѣ.

*

Страна сѣвернаго вѣтра, или путешествіе къ Лапландцамъ и Самоѣдамъ, соч. г. Рэ (The Land of the North Wind, or Travels among the Laplanders and the Samoyedes. By Edward Rae. Lond., 1875. Murray). Первая поѣздка автора въ 1873 году была въ Лапландію; вторая, черезъ Архангельскъ, Пинегу, Кулой и Канинскій полуостровъ, къ Самоѣдамъ. Авторъ путешествовалъ съ пріятелемъ своимъ Брандретомъ. Цѣль его была между прочимъ этнологическое изученіе племени Мезенскихъ Самоѣдовъ. Онъ видитъ въ нихъ соединительное звѣно между Самоѣдскимъ и Сибирско-монгольскимъ племенемъ. Ихъ бытъ онъ по преимуществу описываетъ и собралъ данныя для изученія ихъ языка. Мѣстныя описанія интересны и заслуживаютъ вниманія; но тамъ, гдѣ авторъ, знакомый только съ этою частью Россіи, дѣлаетъ общіе выводы и заключенія, онъ говоритъ не мало вздору и впадаетъ въ невѣжественный и презрительный тонъ иностранца, повторяющаго общія мѣста о Русскомъ варварствѣ. Онъ описываетъ подробно Канинскій полуостровъ, Архангельскъ и Мезень.

*

Бѣглыя замѣтки о путешествіяхъ 1868—1873 г. въ Сирію по Тигру, въ Кашмиръ, Цейлонъ, Японію, Монголію, Сибирь, Сѣверо-Американскіе Штаты, на Сандвичевы острова и въ Австралію (Rough Notes of Journeys Mode in the Jears 1868 etc. in Syria, down the Tigris, Kaschmir, Ceylon etc. London, 1875. Trübner). Неизвѣстный авторъ описываетъ три большихъ путешествія, изъ коихъ въ первомъ онъ отправился изъ Лондона черезъ Италію, въ Александрію, въ Остъ-Индію, Китай, Японію; изъ Тіенъ-Тзина въ Пекинъ, оттуда черезъ Монголію и Кяхту, Тобольскъ, Томскъ и Пермь, по Камѣ и Волгѣ, въ Петербургъ. Замѣчанія его и разсказы имѣютъ въ виду болѣе всего практическую и утилитарную сторону; но онъ расположенъ болѣе осуждать, нежели хвалить то, что́ видѣлъ на пути своемъ.

*

Охотникъ за старьёмъ, соч. Маіора Галля (The Bric-a-brac Hunter, or Chapters on Chinamania, by Major Byng Hall. London, 1875. Chatto a Windus). Записки любителя и знатока старинныхъ вещей, особенно стараго фарфора. Онѣ содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о рынкахъ, на которыхъ старыя вещи пріобрѣтаются и указаній на отмѣтки и знаки старинныхъ вещей и издѣлій. Авторъ описываетъ между прочимъ свою поѣздку за старыми вещами въ Россію и особенности Петербургскаго ихъ рынка.

*

Докторъ Мейеръ издалъ въ Берлинѣ книгу, обратившую на себя общее вниманіе, подъ названіемъ: *Борьба за освобожденіе четвертаго сословія* (Der Emancipationskampf des vierten Standes. 2 тома. Berlin, 1874—1875). Подъ четвертымъ сословіемъ разумѣется классъ рабочихъ, интересы коего составляютъ въ послѣднее время одинъ изъ главныхъ, если не главнѣйшій предметъ общественнаго движенія мысли въ западной Европѣ. Излагая въ первомъ томѣ своего сочиненія общую исторію этого движенія и связанныхъ съ нимъ соціальныхъ теорій, преимуще-

ственно въ Германіи, авторъ является поборникомъ не столько интересовъ особого класса, сколько интересовъ цѣлаго общества и государства въ Германіи. Онъ доказываетъ, что государство должно, въ видахъ самосохраненія, произвести необходимыя реформы въ положеніи рабочаго класса и дать ему законныя средства къ борьбѣ съ капиталомъ и къ пріобрѣтенію мелкой собственности, для того чтобы предотвратить готовящуюся на Западѣ общественную катастрофу. Второй томъ этого сочиненія, появившійся весною 1875 года, содержитъ въ себѣ особенную часть т. е. исторію и нынѣшнее состояніе того же движенія въ каждомъ изъ государствъ Западной Европы. Изложеніе очень любопытно, потому что основано все на документахъ и содержитъ въ себѣ множество выписокъ изъ актовъ и статей, разсѣянныхъ по журналамъ. Одна глава (около 100 страницъ мелкой печати большой осьмушки) посвящена Россіи. Хотя въ самомъ началѣ авторъ оговаривается, что о такъ называемомъ рабочемъ движеніи въ Россіи писать нечего, такъ какъ оно почти не существуетъ въ западномъ смыслѣ; но тѣмъ съ большею ревностью занимается Мейеръ Россіей, потому что въ ней представляется осуществленный на дѣлѣ коммунизмъ крестьянской собственности, который угрожаетъ, по его мнѣнію, страшною опасностью всей Западной Европѣ, и особливо Германіи. Глава эта любопытна какъ образецъ, до чего можетъ быть разстроено преувеличенными фантазіями воображеніе Нѣмца, публициста, зараженнаго глубокою, подозрительною, презрительною и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливою ненавистью ко всему Славянскому, и особенно Русскому. Въ виду тѣхъ опасностей, которыя, по признанію д-ра Мейера, грозятъ изъ рабочаго сословія всему общественному строю въ Германіи, — Русскій такъ называемый коммунизмъ представляется ему главнымъ и страшнымъ орудіемъ, которое Русская государственная политика въ тайнѣ готовитъ противъ Германіи въ предстоящей борьбѣ съ нею, и теорію коммунизма онъ отождествляетъ совершенно съ панславизмомъ. Не мудрено, что съ этой точки зрѣнія Бакунинъ, съ своей революціонною дѣятельностью, представляется ему чуть-ли не агентомъ Русскаго правительства, нарочно выпущеннымъ изъ тюрьмы и ссылки для того, чтобы производить пожаръ въ западномъ обществѣ. Около Бакунина сосредоточено все изложеніе, и вся статья наполнена выписками изъ его статей и прокламацій.

*

Морозный край Кавказа. Описаніе путешествія въ горы и восхожденія на Эльбрусъ въ 1874 году соч. Крафорда Грова (The Frosty Caucasus etc. by Crawford Grove. London, 1875. Longmans). Это описаніе путешествія совершеннаго лѣтомъ 1874 года, пѣшкомъ, четырьмя Англичанами, съ проводникомъ Швейцарцемъ и съ толмачемъ, подъ руководствомъ г-на Мура, совершавшаго уже подобное путешествіе въ 1868 году. Путешественники, пройдя черезъ Мингрельскія горы отъ Кутаиса до Геби, выходили на Балкоръ, гдѣ восхищались величественными ледниками, при видѣ коихъ Альпійскія горныя картины вспоминались имъ мелкими и Альпійскіе походы легкими. Отсюда, черезъ Безингей, партія, прошла къ Урусniю и всходила на него; потомъ, сѣверными отрогами Эльбруса, шла на Учкусанъ, черезъ Нахарскій перевалъ и Кодорскіе лѣса въ Сухумъ-Кале, гдѣ и кончился походъ. Главное содержаніе книги, живо и съ талантомъ написанной, составляетъ обстоятельное описаніе края и жителей-горцевъ, съ которыми путешественникамъ доводилось входить въ близкія отношенія.

Восточныя моря. Описаніе плаванія фрегата „Карликъ", соч. капитана Бакса (The Eastern Seas, being a Narrative of the Voyage of H. M. S. „Dwarf". By Capt. Bax. Lond., 1875. Murray). Въ числѣ описаній, которыя содержитъ въ себѣ эта книга, довольно сухо написанная, есть описаніе прибрежныхъ мѣстъ Татарскаго пролива и береговъ Восточной Сибири, въ томъ числѣ Владивостока и заливовъ Врангеля, Св. Ольги и Св. Владиміра.

*

Нѣкто г. Банкрофтъ, Американскій издатель, живущій въ Санъ-Франциско, предпринялъ собрать полную библіотеку всѣхъ книгъ и рукописей, относящихся до Сѣверо-американскихъ областей, прилежащихъ къ Тихому Океану. Занимаясь этимъ дѣломъ въ теченіе 15 лѣтъ въ своемъ отечествѣ и на большихъ Европейскихъ рынкахъ, онъ успѣлъ составить громадное (свыше 16000 листовъ) собраніе и предпринялъ разобрать его въ сообществѣ съ нѣкоторыми другими учеными и привесть въ порядокъ множество разнообразныхъ фактовъ и свѣдѣній, извлеченныхъ изъ всѣхъ сочиненій. Полное изданіе всего этого матеріала предположено имъ въ 5 томахъ, изъ коихъ вышелъ въ свѣтъ первый подъ заглавіемъ: Туземныя расы государствъ Сѣверной Америки близъ Тихаго Океана (The Native Races of the Pacific States of North America By Hubert Howe Bancroft. Vol. I. Wild Tribes London, 1875. Longmans). Онъ содержитъ въ себѣ описаніе дикихъ племенъ, населяющихъ страны отъ сѣвернаго полярнаго круга до Панамскаго перешейка. Обозрѣніе начинается съ крайняго Сѣвера, выше Берингова пролива. Книга г. Банкрофта заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній объ Эскимосахъ, Корякахъ, Алеутахъ и Колошахъ.

*

Французскій Славистъ Луи Лежѐ издалъ второй томъ (первый былъ изданъ года два тому назадъ подъ назв. Monde Slave) сборника статей о славянствѣ, подъ названіемъ Etudes Slaves (Paris, 1875). Большая часть книги посвящена путевымъ и литературнымъ очеркамъ, относящимся до Россіи; здѣсь есть описаніе Кіева и Кіевскихъ пещеръ, Татарскихъ школъ въ Казани, Ярославля, Владиміра, Нижегородской ярмарки, плаваніе по Волгѣ, очерки литературныхъ и ученыхъ отношеній Россіи къ другимъ Славянскимъ народамъ (Etudes Slaves en Russie). Цѣлая глава посвящена извѣстному Польскому поэту и драматургу Александру Фредро (1819—1845 г.). Въ трехъ послѣднихъ статьяхъ авторъ говоритъ о Сербахъ, о языкѣ ихъ, исторіи и о настоящемъ политическомъ значеніи Сербіи, о Черногорскомъ народѣ, о Чехахъ и о нынѣшнемъ раздѣленіи партій въ Богеміи, наконецъ о панславизмѣ. Цѣль всѣхъ этихъ сношеній, говоритъ авторъ, познакомить Западную Европу съ тѣмъ племенемъ, „котораго такъ долго знать не хотѣли и которое держитъ въ рукахъ своихъ судьбы Европы и нашу судьбу". Книга написана живо и читается легко и съ интересомъ.

*

Г. Цецесъ, ученый, занимающійся изслѣдованіемъ древней Еллинской музыки, затрудняясь крайнею скудостью матеріаловъ и свѣдѣній по этому предмету, сталъ искать указаній и пособій себѣ въ древней музыкѣ восточной Греческой церкви, предполагая, не безъ основанія, что въ ней, по тѣсной связи преданія между христіанскимъ и до-христіанскимъ еллинствомъ, должны были сохраниться или отозваться многіе тоны древней Греческой музыки. Съ этой цѣлью сталъ онъ изучать всѣ памятники древней Греческой церковной музыки, какіе могъ найти на Западѣ въ библіо-

текахъ Парижа, Вѣны, Мюнхена и Оксфорда. Древнѣйшимъ изъ памятниковъ оказался, въ Вѣнѣ, рукописный, X столѣтія, сборникъ церковныхъ пѣсней въ честь святыхъ первыхъ 5 вѣковъ христіянства. Изслѣдованія утвердили г. Цецеса въ первоначальномъ его предположеніи. Результаты ихъ онъ излагаетъ въ сочиненіи „о древнеэллинской музыкѣ въ Греческой церкви“ (Joh. Tzetzes. Ueber die altgriechische Musik in der griechischen Kirche. München, 1874, 134 стр.).

*

Три очерка изъ быта Лифляндскаго дворянства въ 16 стол., соч. Лоссіуса (Johann Lossius. Drei Bilder aus dem livländischen Adelsleben des 16 Jahrhunderts. Die Gebrüder, die Uexküll zu Fickel. Leipzig, 1875. 82 стр.). Авторъ, библіотекарь Дерптскаго университета, собралъ въ этой книжкѣ разсказы изъ матеріала, разработаннаго имъ въ семейномъ архивѣ бароновъ Искулей въ имѣніи Фикель. Разсказы эти относятся къ эпохѣ упадка и разложенія Ливонскаго ордена и представляютъ любопытныя черты тогдашняго дворянскаго и общественнаго быта.

*

Ручная и адресная книга Нѣмецкихъ архивовъ въ области Германской имперіи, въ Австріи и въ Русскихъ Балтійскихъ губерніяхъ, составленная по оффиціальнымъ источникамъ архиваріусомъ Буркгартомъ (Burkhardt. Hand und Adressbuch der deutschen Archive im Gebiete des deutschen Reiches, des Oesterreichs und der russischen Ostseeprovinzen etc. Leipzig, 1875. 208 стр.).

*

Вышло географическое описаніе восточной и сѣверной Азіи, Закавказья, Туркестана и Сибири, въ первомъ томѣ сочиненія: Géographie générale. Description physique, politique, administrative, géographie historique, topographie etc. Bar le Duc, 1875. Tome 1. 564 стр.

*

Мое путешествіе на Кавказъ. Соч. Гейерсбурга (Geyersburg. Meine Reise in den Caucasus. Mannheim, 1875. 124 стр.).

*

Очерки Кіева, соч. Ванкеля (Wankel. Skizzen aus Kiew. Wien, 1875. 33 стр.).

*

Восточная Сибирь и Русская Америка. Сѣверный полюсъ и его обитатели. Разсказы путешественника, соч. Октава Сашо (Sachot. La Sibérie orientale et l'Amérique russe. Le Pole Nord et ses habitants. Récits de voyages. Paris, 1875. 370 стр.).

*

Вольная Сванетія. Эпизодъ изъ путешествія по центральной цѣпи Кавказскихъ горъ, соч. Берновиля (Bernoville. La Souanétie libre. Episode d'un voyage à la chaîne centrale du Caucase. Paris, 1875).

*

Русскія картинки. Путевыя очерки, соч. Бета (*Beta*. Russische Bilderbogen. Reiseskizzen, mit Randglossen. Leipzig, 1876. 182 стр.)

*

Въ Брюсселѣ напечатано сочиненіе графа Растопчина подъ заглавіемъ: „Россія анекдотическая, библіографическая, біографическая, географиче-

ская, историческая, литературная, статистическая и правдиво описанная, чего обыкновенно не случается". Сочиненіе посвящено иностранцамъ, любопытствующимъ узнать Россію, безъ намѣренія бранить ее. (С. André Rastaptchine. Russie anecdotique etc. Bruxelles, 1874. 413 стр.).

СОЧИНЕНІЯ О СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Англія и Россія на Востокѣ. Сборникъ статей о политическомъ и географическомъ положеніи Средней Азіи, соч. ген.-маіора Раулинсона, президента Лондонскаго географич. общества и члена Совѣта по дѣламъ Индіи, бывшаго посланника въ Персіи (H. Rawlinson, England and Russia en the East. London, 1875. Murray). Всѣ помѣщенныя въ этомъ сборникѣ статьи были уже прежде напечатаны въ журналахъ Calcutta Review и Quarterly Review. Авторитетъ Раулинсона, считаемаго первымъ спеціалистомъ по дѣламъ Средней Азіи, придаетъ этимъ статьямъ особый интересъ для Англійской публики въ политическомъ вопросѣ, имѣющемъ современное для нея значеніе, именно въ вопросѣ объ опасностяхъ, представляющихся для Англіи отъ Русскихъ завоеваній и отъ Русской политики въ Средней Азіи. Авторъ не принадлежитъ къ числу алармистовъ, вопіющихъ о крайней опасности. Онъ старается быть безпристрастнымъ въ обсужденіи политическаго значенія успѣховъ Русскаго оружія и Русскаго владычества въ Средней Азіи и расположенъ признать благодѣтельное его значеніе для мѣстной цивилизаціи. Онъ находитъ, что Русскія завоеванія представятъ дѣйствительную опасность для Англійскаго владычества въ Индіи въ такомъ только случаѣ, когда дойдутъ до Мерфы и откроютъ Русскому оружію прямой путь въ Индію черезъ Гератъ и Кандагаръ. На этотъ случай онъ указываетъ необходимость для Англіи занять Кандагаръ и Гератъ. Въ началѣ книги помѣщенъ очеркъ исторіи Персіи, писанный въ 1849 году; за тѣмъ слѣдуютъ статьи о Русскихъ завоеваніяхъ и Русской политикѣ въ Туркестанѣ и объ Англійской политикѣ въ Гератѣ и Кандагарѣ.

*

Древнее русло Оксуса (Аму Дарьи), соч. Гейе (Goeje. Das alte Bett des Oxus. Mit einer Karte. Leiden, 1875. 115 стр.). Изслѣдованіе ученаго филолога по части Арабской и археолога о перемѣнахъ теченія и впаденія Оксуса, въ особенности по сочиненіямъ старинныхъ Арабскихъ географовъ; оно содержитъ въ себѣ и критику новѣйшихъ ученыхъ сочиненій о томъ же предметѣ, Рёслера, Лерха, Ленца и пр. Авторъ не находитъ въ источникахъ подтвержденія той мысли, будто Оксусъ за нѣсколько столѣтій тому назадъ изливался въ Каспійское море; напротивъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ самой глубокой древности, до какой простираются наши свѣдѣнія, Оксусъ впадалъ, какъ и теперь, въ Аральское море.

*

Средняя Азія. Земля и племенное населеніе въ Кашгарѣ, Туркестанѣ, Кашмирѣ и Тибетѣ, особливо въ отношеніи къ стремленіямъ и культурному призванію Россіи. Соч. Фридриха фонъ Гельвальда, съ 70 рисунками и картами (Fr. v. Hellwald. Centralasien. Landschaften und Völker in Kaschgar, Turkestan, Kaschmir und Tibet. Mit besonderer Rücksicht auf Russlands Bestrebungen und seinen Kulturberuf. Leipzig, 1875. 446 стр.) Сочиненіе это составляетъ не самостоятельное изслѣдованіе, но

старательную и талантливую компиляцію изъ другихъ сочиненій и журнальныхъ статей.

*

Записки о Средней Азіи, Де Ріалля (De Rialle. Mémoires de l'Asie centrale. Paris, 1875).

*

Горные проходы черезъ Каракорумъ и Кинъ-Линъ въ Бальти, въ Ладокѣ и восточномъ Туркестанѣ, соч. Шлагинтвейта (Schlagintweit-Sakünlünski. Die Pässe über die Kammlinien des Karakorum und des Künlüw in Balti, in Ladok und un östl. Turkistan. München, 1874. 116 стр.). Хронологическое описаніе путей, намѣченныхъ Европейскими путешественниками, и въ томъ числѣ самимъ авторомъ (1856 и 1857 г.) черезъ Каракорумъ и Кинъ-Линъ до Кашгара; и всего менѣе отведено въ этомъ описаніи мѣста наблюденіямъ Русскихъ путешественниковъ.

ПЕРЕВОДЫ.

Въ Лондонѣ появился Англійскій переводъ въ стихахъ поэмы Лермонтова „Демонъ" (The Demon, a Poem. By M. Lermontoff. Translated from the Russian by Alexander Condie Stephen. London, 1875. Trübner.). Переводчикъ, зная хорошо Русскій языкъ, хорошо владѣетъ и Англійскимъ стихомъ, такъ что переводъ его можетъ дать Англійскимъ читателямъ понятіе о поэтическихъ красотахъ подлинника. Въ предисловіи переводчикъ, еще молодой человѣкъ, объясняетъ, что главною побудительною причиною къ труду послужила ему необыкновенная, очаровавшая его, прелесть языка въ поэмѣ Лермонтова. Русскому читателю пріятно узнать, что прекрасный, звучный, гармоническій языкъ нашихъ поэтовъ становится понятенъ и даже возбуждаетъ восторгъ на дальнемъ Западѣ. Замѣчательно, какъ основательно выучился нашему языку и съ какимъ искусствомъ владѣетъ своимъ стихомъ молодой переводчикъ, проведя не болѣе семи мѣсяцевъ въ Россіи.

*

Англійскій переводъ поэмы Мцыри, Лермонтова, подъ назв.: The *Circassian Boy*, by Lermontoff, transl. by Conant. London, 1875. Trübner.

*

Въ Парижѣ появился стихотворный Французскій переводъ нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина, сдѣланный г-жею Энгельгардтъ, урожденною Новосильцевой (Oeuvres de Pouchkin. Paris. 1875) Переведены: Борисъ Годуновъ, Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери и Египетскія Ночи. Переводъ этотъ отличается изяществомъ и вѣрностью.

*

Карорта. Разсказъ изъ Туркестанскаго быта. In den Dsehungeln. Переводъ Ланкенау. Leipzig, 1875.

*

Петерманнъ, въ Готѣ, издалъ переводъ Путешествія Сѣверцова по Тіянь-цянскимъ горамъ (Erforschung des Thian-Schan-Gebirgs Systems. Gotha, 1875).

*

Wenjukow. Die russisch-asiatischen Grenzlande. 3 и 4 Lieferungen. Leipzig, 1874.

Въ Лондонѣ изданъ сдѣланный капитаномъ Кларкомъ переводъ Русскихъ публичныхъ лекцій о тактикѣ военныхъ дѣйствій въ степи, подъ названіемъ *Степная война* (Steppe Campaigns. Transl. from the Russian in the Topographical Department by Capt. Clarke. London, 1875).

*

Духовный Регламентъ Петра Великаго, во Французскомъ переводѣ съ Русскаго, со введеніемъ и примѣчаніями отца Тондини. Съ присоединеніемъ Латинскаго перевода, напечатаннаго въ Петербургѣ въ 1785 году попеченіемъ князя Григорія Потемкина, Русскаго текста и инструкціи оберъ-прокурору Сѵнода (Réglement ecclésiastique de Pierre le grand trad. par le R. P. C. Tondini. Paris, 1874. XL и 270 стр. Тоже, съ Латинскимъ и Рускимъ заглавіемъ). Изданіе этого памятника въ трехъ текстахъ послужило издателю и переводчику темою для множества примѣчаній, которыми переполнена книга и которыя, вмѣстѣ съ обширнымъ предисловіемъ, имѣютъ цѣлію изъяснить для иностранныхъ читателей историческую, церковную, общественную и литературную обстановку Регламента и его эпохи. Издатель энергически доказываетъ необходимость эмансипаціи Русской церкви изъ подчиненія государственной власти.

*

Въ Парижѣ бывшій аббатъ Гетте (отецъ Владиміръ) издалъ новый Французскій переводъ Литургіи св. Іоанна Златоустаго, съ истолковательными примѣчаніями (La Divine Liturgie de N. S. P. Jean Chrysostôme. Paris; 1875. 111 стр.).

*

Вышелъ въ Парижѣ Французскій переводъ сочиненія г. Краинскаго: „Католицизмъ по католическимъ источникамъ“.

*

Романъ графа Толстаго „Князь Серебряный“ изданъ въ Итальянскомъ переводѣ Патуцци и Садлера.

*

Книжная фирма Сампсонъ Лоу объявляетъ на Январь 1876 г. переводъ *Путешествія въ Монголію* Пржевальскаго. Переводъ этотъ, сдѣланный г. Моргакомъ, издается съ примѣчаніями полковника *Юля*.

*

Въ 30-хъ годахъ, въ нашей литературѣ много писано было о талантѣ замѣчательной по раннему поэтическому развитію дѣвицы Елисаветы Кульманъ, родившейся и жившей въ Петербургѣ и писавшей на Нѣмецкомъ языкѣ. Она умерла въ первой еще молодости, но ея сочиненія до сихъ поръ пользуются извѣстностью въ Германіи и выдержали нѣсколько изданій. Недавно появилось изданіе избранныхъ ея стихотвореній (Ausgewählte Dichtungen von Elisab. Kulmann. Heidelberg, 1875).

РУССКІЯ ИЗДАНІЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Берлинѣ, въ книжной торговлѣ Бера, вышла книжка: *Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи,* соч. А. И. Кошелева (Berlin, 1875. 118 стр.) Сочиненіе это написано по поводу критическихъ отзывовъ объ общин-

номъ землевладѣніи, помѣщенныхъ въ Докладѣ коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и промышленности въ Россіи. Оно содержитъ въ себѣ аргументы въ защиту экономическихъ началъ сельской общины. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: объ условіяхъ для выхода крестьянъ изъ обществъ, о семейныхъ раздѣлахъ и о книгѣ Ѳадѣева: *Чѣмъ намъ быть*. Сверхъ того помѣщенъ переводъ предисловія къ извѣстному сочиненію Лавелѐ: La propriété et ses formes primitives.

Тамъ же издано дополненіе къ прошлогодней книжкѣ того же автора *Наше положеніе*.

*

Въ Берлинѣ, у Бера, напечатаны, подъ названіемъ *Революціонный консерватизмъ*, двѣ политическія статьи Ю. Ѳ. Самарина и Ѳ. М. Дмитріева, содержащія въ себѣ критическія возраженія на извѣстную книгу Ѳадѣева: *Чѣмъ намъ быть* и на проектъ учрежденія всесословной волости, обсуждавшійся въ С. Пбургскомъ дворянскомъ собраніи. Обѣ статьи очень живо и остроумно написаны.

Еще возраженія на ту же книгу напечатаны въ Берлинѣ же подъ названіемъ: *Чѣмъ намъ быть?* Отвѣтъ редактору газеты Русскій Міръ, въ двухъ письмахъ.

*

Въ Женевѣ предпринято полное изданіе сочиненій А. Герцена, которое будетъ состоять изъ 15 томовъ. Вышелъ изъ печати покуда одинъ первый томъ, съ предисловіемъ, въ которомъ неизвѣстный издатель излагаетъ, въ умѣренномъ духѣ, общіе взгляды на жизнь и дѣятельность Герцена и объясняетъ, почему сочиненія его до сихъ поръ еще не утратили своего политическаго значенія и должны сохранить значеніе художественное. Въ первомъ томѣ напечатаны: Дневникъ Герцена и двѣ статьи его о Диллетантизмѣ и о Буддизмѣ въ наукѣ, давно извѣстныя Русскимъ читателямъ. Большую часть книги занимаетъ Дневникъ, въ первый разъ напечатанный. Онъ весьма интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ состоитъ изъ дневныхъ замѣтокъ, писанныхъ Герценомъ, очевидно только для себя лично, въ удовлетвореніе личной потребности, въ теченіе 1842, 1843, 1844 и 1845 годовъ. Начинается онъ передъ выѣздомъ изъ Новгорода, оканчивается въ Москвѣ передъ выѣздомъ за границу. На этихъ страницахъ Герценъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, изливаетъ свои личныя жалобы и негодованія, дѣлаетъ замѣтки о прочитанныхъ книгахъ и по поводу ихъ описываетъ свои впечатлѣнія и встрѣчи, разсуждаетъ о своихъ Московскихъ пріятеляхъ и недругахъ и говоритъ часто о семейныхъ дѣлахъ своихъ, особенно объ отношеніяхъ къ женѣ, которыя, судя по этому дневнику, далеко не были удовлетворительны для обоихъ супруговъ, хотя и любившихъ другъ друга. Въ числѣ лицъ, о которыхъ часто упоминаетъ Герценъ: Хомяковъ и вообще Московскіе Славянофилы, Грановскій, Боткинъ. Вообще дневникъ представляетъ не мало данныхъ для исторіи умственнаго и психическаго развитія Герцена въ эту эпоху его жизни.

*

Во Флоренціи отпечатана особою книжкой статья г. Бобарыкина, помѣщенная въ журналѣ Rivista Europea „о критикѣ въ Россіи“. Въ этой статьѣ сообщаются Итальянской публикѣ свѣдѣнія о критической школѣ Бѣлинскаго, о преемникахъ его Добролюбовѣ и Писаревѣ, о дви-

женія такъ называемыхъ нигилистовъ и о критическихъ направленіяхъ нынѣ господствующихъ въ Русской литературѣ.

*

Объ атмосферическомъ обращеніи, соч. Воейкова. Распространеніе воздушнаго давленія, вѣтровъ и дождей на поверхности земли (A. Woieikow. Die atmosphärische Circulation. Ergänzungsheft № 38 zu Petermann's Geographischen Mittheilungen. Gotha, 1874. 35 стр.). Объ этомъ сочиненіи Русскаго ученаго Германская ученая критика отзывается съ большой похвалою.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ И УЧЕБНИКИ.

Литовскія и Латышскія печатныя книги 16 столѣтія, изд. Бецценгергеромъ (Litauische und lettische Drucke des 16 Jahrhunderts. Götting. 1874). Первый выпускъ этого изданія содержитъ въ себѣ древнѣйшее произведеніе печати на Литовскомъ нарѣчіи, Катехизисъ 1547 года, коего единственный экземпляръ находится въ Кенигсбергѣ, въ королевской библіотекѣ.

*

Литовскія студіи профессора Гейтлера: Сборникъ выписокъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы Литовскаго нарѣчія, діалектическихъ примѣровъ, лексикографическихъ и филологическихъ статей (Litauische Studien von Prof Geitler. Prag, 1875. 123 стр.).

*

Уфальви, Сравнительное изученіе Угрофинскихъ нарѣчій (Ujfalvy. Etude comparée des langues ougro-finnoises. I-re partie. Paris, 1875. 3 стр.).

*

Опытъ Русско-корейскаго словаря, соч. М. Пуцило (M. Poutzilo. Essai de dictionnaire Russe-coréen. Berlin, 1875. Asher).

*

Изрѣченія, правила и пословицы Манджурскія и Монгольскія, съ Французскимъ переводомъ, алфавитами и словарями, соч. Рошѐ. Сочиненіе это должно служить введеніемъ къ сравнительному изученію Татарскихъ нарѣчій средней Азіи. (Rochet. Sentences, maximes et proverbes mantchoux et mongols. Paris, 1875. 170 стр.).

*

Г. Луи Лежѐ издалъ въ Парижѣ Русскую Хрестоматію (Chrestomathie russe. Paris, 1875). Она перепечатана съ исправленіями и дополненіями съ подобной же Хрестоматіи Днѣпровскаго, изданной недавно въ Прагѣ, назначена для пособія изучающимъ Русскій языкъ Французамъ и содержитъ въ себѣ 2 отрывка изъ прозаическихъ и 6 изъ стихотворныхъ писателей.

*

Въ Венгріи издано сочиненіе Павла Гунфальви о нарѣчіи Сѣверныхъ Остяковъ; появился второй томъ сравнительнаго словаря Финно-угорскихъ нарѣчій проф. Буденца; вышло сочиненіе извѣстнаго филолога Багинта о нарѣчіи Казанскихъ Татаръ, содержащее въ себѣ грамматику памятниковъ народной литературы и словарь. Сочиненіе это считается первымъ въ своемъ родѣ, въ западной литературѣ, такъ что Венгерская Академія рѣшила издать его и въ Нѣмецкомъ переводѣ.

СЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческіе памятники Южныхъ Славянъ и сосѣднихъ народовъ, взятые изъ Итальянскихъ архивовъ и библіотекъ, изд. Макушевымъ (W. Makuscew. Monumenta historica Slavorum meridionalium vicinorumque popularum e tabulariis et bibliothecis italicis deprompta. Tomus I. vol. I. Prag, 1875).

*

Древніе памятники, объясняющіе исторію Южныхъ Славянъ, извлеченные изъ Ватиканскихъ архивовъ Тейнеромъ, бывшимъ хранителемъ Ват. архивовъ, извѣстнымъ своими изслѣдованіями о Іезуитахъ, о Тридентскомъ Соборѣ и пр. (Theiner. Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia ex tabulariis Vaticanis deprompta. Agram, 1875).

*

Болгарскія народныя пѣсни, въ первый разъ изданныя съ Французскимъ переводомъ г. Дозономъ. Всего 88 пѣсенъ (Dozon. Bulgarski narodni pesni. Chansons populaires bulgares inédites. Paris, 1875. 427 стр.).

*

Въ Прагѣ издано сочиненіе молодого ученаго Константина Жиречека объ исторіи Болгарскаго народа (Jirecek. Dejiny nàroda Bulharskeho).

*

Тамъ же юридическимъ обществомъ *Vsehrd* издано извѣстное сочиненіе юриста XV столѣтія Викторина Всѐрда *О законахъ земли Чешской* (O pràvich zeme ceskè).

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Въ Revue de deux Mondes (*1 Мая*). Продолженіе статей г. Леруà Больѐ о Россіи: L'empire des Tsars et les Russes. Вторая статья о расколѣ содержитъ въ себѣ очеркъ нынѣшняго состоянія поповщины и безповщинскихъ сектъ, съ исторіей Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ, Австрійской іерархіи, раздора по случаю окружнаго посланія и проч. Авторъ указываетъ, съ знаніемъ дѣла, отличительныя черты Русскаго раскола въ сравненіи съ характеромъ западныхъ сектаторовъ и диссидентовъ.

1 Іюня. Продолженіе труда Леруа Больѐ о расколѣ въ Россіи. Въ этой статьѣ онъ говоритъ о безпоповщинѣ съ ея сектами, особенно о хлыстахъ, скакунахъ, скопцахъ, духоборцахъ, молоканахъ и субботникахъ.

Въ книжкѣ *15 Іюня* и дальнѣйшихъ трехъ, четыре статьи Юліана Клачко: Два канцлера. Миссіи князя Горчакова и дебюты Бисмарка, біографическій очеркъ князя Горчакова, очеркъ его дипломатической дѣятельности и отношеній его и Русской политики къ политикѣ Бисмарка.

Тамъ же статья г. Рамбо объ Остапѣ Вересаѣ и о Малороссійскихъ былинахъ и думахъ.

Quarterly Review 1875, Октябрь. Статья о Русскихъ пословицахъ, въ которыхъ авторъ видитъ проявленіе особаго свойства Русскаго народнаго духа меткимъ выраженіемъ объяснять и пускать въ ходъ самыя отвлеченныя идеи и представленія. Русская пословица, по отзыву его, отличается краткостью, выразительностью, простотою и юморомъ, иногда очень

лукавымъ. Онъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли много примѣровъ изъ народныхъ пословицъ, указывая, какъ нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ глубиною мысли, скрытою въ образѣ, иногда поэтическомъ. Затѣмъ указаны примѣры многочисленныхъ заимствованій въ Русскихъ пословицахъ изъ древне-греческаго, Римскаго міра и изъ западной Европейской жизни и литературы. Потомъ авторъ старается воспроизвесть для своихъ читателей по Русскимъ пословицамъ характерныя черты Русскаго народнаго и хозяйственнаго быта и нрава, народныхъ понятій о религіи, о нравственности, о правѣ и судѣ, отношеній къ правительству, наконецъ черты древней Русской исторіи по историческимъ поговоркамъ. Статья эта весьма хорошо изложена, человѣкомъ, по видимому, хорошо знакомымъ съ Русскимъ языкомъ и литературой.

Въ Берлинской Gegenwart № 40 и 41 статья. Лемана :Императоръ Николай въ Лондонѣ.

Въ Preussische Jahrbücher 1875 № 3 статья ф. д. Брюггена: Первый раздѣлъ Польши и Конституція 3 Мая 1791 года.

Въ Итальянскомъ журналѣ Rivista Europea 1875 года напечатано письмо профессора Ѳ. И. Буслаева изъ Рима къ извѣстному ученому Анжело де Губернатисъ съ замѣчаніями на изданную имъ въ прошломъ году книгу: Чтенія о Ведической Миѳологіи. Это письмо содержитъ въ себѣ, въ дополненіе къ изслѣдованіямъ Губернатиса, указанія на факты и выводы языка и преданій Славянскихъ, Литовскихъ и Финскихъ племенъ, относящіеся къ Славянской миѳологіи. Это письмо издано послѣ того и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: *Appunti di Mitologia Slava*.

Въ Декабрьской книжкѣ журнала Rivista Europea напечатана автобіографическая записка покойнаго графа Алексѣя Толстого, присланная имъ самимъ весною 1875 года изъ Ментоны профессору де Губернатису.

Въ журналѣ: Revue de droit international (Gand, 1875, № 1) помѣщена вступительная лекція графа Комаровскаго въ Московскомъ Университетѣ, объ отношеніяхъ международнаго права къ разнымъ отраслямъ юриспруденціи.

Въ Январьской (1876 г.) книжкѣ Англійскаго журнала: St. James Magazine есть статья г. Грунейзена, подъ названіемъ: *Защита Голландіи въ 1787 году*, съ разсужденіемъ о Русской политикѣ того времени, при чемъ сообщается текстъ открытаго, по словамъ автора, въ недавнее время договора Екатерины II съ императоромъ Іосифомъ II о раздѣлѣ Германскихъ земель и объ отнятіи части Французской территоріи.

Въ Англійскомъ *Альпійскомъ журналѣ* 1875 г. (томъ VII, № 47), посвященномъ описанію восхожденій на горныя вершины, помѣщена статья г. Гардинера съ описаніемъ совершеннаго имъ вторичнаго восхожденія на вершину Эльбруса. Первая экспедиція на Эльбрусъ совершена была въ 1868 г. партіей Англичанина же Фрешфильда.

По вопросу о средней Азіи.

Въ Quarterly Review, Апрѣль 1875 г., статья: Россія и Англія на Востокѣ.

О Русской и Англійской политикѣ въ Средней Азіи статья въ Edinburgh Review, Іюль 1875, замѣчательная по умѣренности тона и по благопріятному отношенію къ Русскимъ завоеваніямъ.

Въ St. James Magazine, Февраль 1875, статья Педжета: *Хива и восточный вопросъ.*

Въ Fortnightly Review за Августъ 1875 года извѣстный знатокъ восточныхъ дѣлъ сэръ Ротерфордъ Алькокъ помѣстилъ статью: *Наслѣдство великаго Могола,* въ которой обсуждаетъ положеніе Россіи въ Средней Азіи и опасности, грозящія ей отъ усиленія магометанства и отъ оживленія Буддійскаго элемента въ племенахъ, населяющихъ среднеазіатскія степи.

Fortnightly Review, Ноябрь 1875 г.: Англія и Россія въ Азіи, статья члена парламента Гранта Доффи, недавно вернувшагося изъ поѣздки въ Остъ-Индію.

Въ Macmillans Magazine, 1875 Ноябрь: Среднеазіятскій вопросъ, статья Сатерланда Эдвардса.

СМѢСЬ.

Записка о причинахъ наводненій въ Петербургѣ и о способахъ предотвратить оныя и сдѣлать изъ Невы одинъ изъ величайшихъ и лучшихъ въ мірѣ морскихъ портовъ, соч. г. Эрсàна (Hersent, Etude sur les causes d'inondation à Petersbourg etc. Paris, 20 стран.).

Опись южно-русскихъ пауковъ, Торелля (Thorell. Verzeichniss Südrussischer Spinnen. Upsala, 1875 г.)

Египетскіе памятники въ Петербургѣ (Die aegyphtchen Denkmaler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen, v. J. Lieblein. Christiania, 1875).

Драма при Екатеринѣ II, соч. кн. Любомірскаго (Pr. Lubomirski. Un drame sous Catherine II. Paris, 1875. 313 стр.).

Драматическая исторія приключеній Голландца Баренца съ товарищами на Новой Землѣ переложена въ стихахъ и явилась на Англійскомъ языкѣ въ видѣ поэмы г. Юнга, подъ заглавіемъ: Nova Zembla. A Tale of the Arctic regions, translated from the Dutch by Will. Joung. London, 1875.

На Сербскомъ языкѣ издано сочиненіе капитана Прóтича о преобразованіяхъ въ Русской арміи.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сначала Наполеонъ принималъ мѣры, чтобы оградить Москву отъ грабежа: онъ занялъ городъ своею гвардіею и запретилъ отлучаться съ бивуаковъ солдатамъ тѣхъ войскъ, которыя были расположены за городскими заставами [1]), и въ продолженіи перваго дня въ войскахъ еще сохранялся кое-какой порядокъ. Но лишь наступила ночь (съ 2-го Сентября на 3-е), о порядкѣ не могло уже быть рѣчи [2]): нельзя было голодныхъ солдатъ заставить, чтобы они умирали съ голоду у заставъ того города, на который постоянно указывали имъ, какъ на послѣднюю цѣль многотруднаго похода, гдѣ ожидали ихъ миръ, хорошія квартиры и обильное продовольствіе. Лишь только ночная тьма дала возможность незамѣтно уходить съ бивуаковъ, какъ Московскія улицы наполнились толпами непріятельскихъ солдатъ, которымъ „сами офицеры подавали примѣръ неповиновенія" [3]). Не только офицеры, но маршалы и генералы, утомленные бивуачною жизнію, спѣшили воспользоваться возможностію отдохнуть въ роскошныхъ домахъ Русскаго дворянства. Мюратъ начальствовалъ авангардомъ и долженъ былъ, слѣдуя по пятамъ отступавшей нашей арміи, зорко слѣдить за ея движеніями; но и онъ возложилъ эту обязанность на подчиненныхъ ему генераловъ. Слѣдуя съ авангардомъ за городъ на Рязанскую дорогу, Мюратъ обратилъ вниманіе на великолѣпный домъ Баташева что́ на Швивой горкѣ, назначилъ въ немъ себѣ квартиру, приставилъ караулъ и, доведя свои войска до заставы, возвратился вечеромъ въ этотъ домъ съ многочисленною свитою. Потребовавъ къ себѣ домоправителя, онъ осмотрѣлъ не безъ удовольствія роскошныя палаты, напомнившія ему Итальянскіе дворцы и, съ самоувѣренностію Наполеоновскаго генерала и лично ему свойственнымъ легкомысліемъ, поручилъ домоправителю написать своему господину, чтобы онъ возвратился въ Москву и воспользовался его

---

[1]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, гл. VI, стр. 46.

[2]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 59. Только что отрядъ Себастьяни вошелъ въ Кремль, ограблено было семейство дьякона церкви Николы въ Сапожкахъ, бывшей у нынѣшняго экзерцирсгауза на Моховой. „Многіе принялись тутъ же за грабежъ", говоритъ очевидецъ.

[3]) M. Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. II, стр. 118 и слѣд.

покровительствомъ. Не только именитыя и богатыя дворянскія семейства имѣли собственные дворцы въ Москвѣ, отличавшіеся огромностью и роскошью; но и большая часть зажиточныхъ дворянъ, преимущественно ближайшихъ къ Москвѣ губерній, имѣли также свои дома, благоустроенные и снабженные всѣми средствами для привольной жизни. Но въ этихъ домахъ они проводили только зиму, на лѣто уѣзжая въ свои подмосковныя или болѣе отдаленныя деревни. Такъ было и въ этомъ году: домà стояли пустые, но совершенно въ томъ видѣ, какъ были въ присутствіи своихъ владѣльцевъ и всегда готовые принять ихъ. Въ нихъ оставались дворовые люди, охранять имущество господское. Такъ и въ обширномъ домѣ Баташева находились управляющій и значительное количество прислуги. Желая задобрить непріятеля и оградить домъ своего господина отъ грабежа, они старались исполнять всѣ требованія и прихоти незваныхъ постояльцевъ. Они освѣтили весь домъ, приготовили сытный ужинъ, какъ королю Неаполитанскому, такъ и его свитѣ. Но только для одного Мюрата нашлась четверть сайки, уцѣлѣвшая случайно у дворовыхъ ребятишекъ: всѣмъ другимъ гостямъ положенъ былъ черный хлѣбъ. „Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него“, увѣдомлялъ потомъ Баташева его дворовый человѣкъ, смотрѣвшій за домомъ. Послѣ ужина, продолжаетъ тотъ же свидѣтель: „всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій особаго покоя. Покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ; ибо на холопской постелѣ спать никто не хотѣлъ; а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой ему хотѣлось. Всю ночь насъ какъ кошекъ за хвостъ то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ, и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, и всю ночь мы бродили, какъ тѣни“ [4]).

Генералъ Клапередъ, котораго дивизія была присоединена къ авангарду, слѣдуя примѣру своего начальника, также поставилъ свое войско за Семеновскою заставою, а самъ помѣстился въ городѣ, въ Покровскомъ монастырѣ [5]). Вице-король, размѣстивъ свой корпусъ за Тверскою заставою, помѣстился въ домѣ Мамонова на Тверской улицѣ [6]). Дарю и Дюма, посланные Наполеономъ за болѣе точными свѣдѣніями о томъ, дѣйствительно ли Москва оставлена жителями, побродивъ по пустымъ улицамъ, выбрали себѣ домà для помѣщенія. „Я выбралъ домъ Мухановой, говоритъ графъ Дюма, на углу площади, на которой находится домъ генералъ-губернатора, плохой архитектуры, но внутри хорошо расположенный и отдѣланный. Въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ, я нашелъ двухъ му-

---

[4]) Письмо Максима Сокова къ И. Р. Баташеву отъ 25 Сент., 1812 г. Русск. Архивъ 1871 г.

[5]) Aus dem Leben des G. v. Brand, 2-е изд. Berlin, 1870, стр. 429.

[6]) Нынѣ Глазная Больница (Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, 4-е изд. Парижъ 1815, стр. 195).

жиковъ или рабовъ, которые ввели меня въ комнаты. Все было въ нихъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто-бы ожидали пріѣзда господъ. Въ гостинной, на кругломъ столѣ, лежали начатыя дамскія работы. Всѣ мебели стояли по своимъ мѣстамъ, и въ прекрасной спальнѣ на письменномъ столѣ лежали ключи" [7]). Послѣ стоянокъ на бивуахахъ, продолжавшихся такъ долго, естественно, каждый изъ сановниковъ и генераловъ великой арміи не безъ удовольствія помышлялъ объ удобной и покойной квартирѣ въ Русской столицѣ. Генералъ Сокольницкій, находившійся при Наполеонѣ по части собиранія свѣдѣній о непріятелѣ посредствомъ шпіоновъ, просилъ отправлявшагося въ городъ графа Солтыка пріискать и занять для него одинъ изъ домовъ неподалеку отъ Кремля. Достигнувъ до ближайшихъ улицъ къ Кремлю, графъ Солтыкъ былъ узумленъ прекрасными домами; особенно его поразилъ домъ Пашкова, на углу Вздвиженки и Моховой. „Я затруднялся, говоритъ онъ, какой выбрать домъ изъ сотни великолѣпныхъ, одинъ богаче другаго. Какая противоположность съ бивуаками и жалкими лачужками, которыми приходилось намъ довольствоваться столько мѣсяцевъ! Эти дома казались мнѣ очарованными замками Арабскихъ сказокъ. Проѣхавъ изъ конца въ конецъ ту улицу, въ которой я находился, я рѣшился постучаться у подъѣзда одного дома небольшаго, но очень достаточнаго для удобнаго помѣщенія генерала съ его свитою. Дверь отворилась, и я былъ изумленъ дюжиною служителей графини Мусиной-Пушкиной, привѣтливо меня встрѣчавшихъ". Главный изъ нихъ или управляющій спросилъ графа пофранцузски, что̀ ему угодно и объявилъ, что владѣтельница дома, уѣзжая, поручила ему не отказывать имъ въ пріемѣ, да и для ихъ услуги оставила достаточное число людей. „Онъ ввелъ меня потомъ въ комнаты, говоритъ графъ Солтыкъ, прекрасно отдѣланныя. Я объявилъ управляющему, что тутъ будетъ стоять генералъ и для себя выбралъ удобную комнату. Оно спросилъ меня, не желаю ли я обѣдать, и конечно я съ радостію принялъ предложеніе. Черезъ часъ мнѣ приготовленъ былъ прекрасный обѣдъ, съ разными винами и даже Шампанскимъ. Но мое удивленіе достигло высшей степени, когда управляющій спросилъ, не желаю я ли раздѣлить обѣдъ съ двумя Француженками, гувернанткою и компаніонкою графини, которыя, изъ чувства патріотизма, остались здѣсь въ ожиданіи своихъ соотечественниковъ?" Конечно графъ Солтыкъ съ радостію принялъ предложеніе и самъ отправился пригласить Француженокъ въ столовую. Такъ пріятно начавшійся первый вечеръ въ Москвѣ завершился однакоже весьма непріятно для новаго обитателя дома графини Мусиной-Пушкиной: къ концу обѣда, одна изъ Француженокъ вскочила изъ-за стола, подошла къ окну и съ особенно тревожнымъ чувствомъ воскликнула: вотъ и пожаръ! Графъ успокоилъ её, приписывая пожаръ случайнымъ обстоятельствамъ и безпорядку неразлучному съ войною (какъ думали и всѣ Французы о пожарахъ въ первый

---

[7]) C-te Dumas, Souvenirs etc, т. III, стр. 445.

день прибытія въ Москву). „Но Француженки не раздѣляли этого мнѣнія. Онѣ говорили, что Московское дворянство такъ раздражено противъ Французовъ, что надо ожидать большихъ бѣдствій". На распросы графа Солтыка, онѣ разсказали ему о намѣреніи графа Ростопчина сжечь городъ, о чемъ молва дѣйствительно еще за долго до вступленія Французовъ ходила по Москвѣ и особенно между жившими въ ней иностранцами. Но то бѣдствіе еще только предполагалось въ будущемъ, какъ тутъ оно наступало немедленно. Едва графъ Солтыкъ легъ въ постель, около одинадцати часовъ ночи, какъ сильные удары въ дверь его спальни разбудили его. Стучались тѣже Француженки, съ ужасомъ прося заступничества и объявляя, что Французскіе солдаты грабятъ домъ. Одѣвшись и взявъ оружіе, графъ Солтыкъ сошелъ во дворъ и увидалъ, что вооруженные гренадеры старой гвардіи грабили погреба и успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ вина. Онъ объявилъ имъ, что въ этомъ домѣ квартира генерала, принадлежащаго къ свитѣ Императора и чтобы они прекратили буйство. Въ отвѣтъ на это, одинъ изъ гренадеровъ поднялъ кулакъ, а другіе выражали готовность поддержать товарища. Такой неожиданный поступокъ, обличавшій совершенное ослабленіе дисциплины и притомъ въ старой гвардіи, наименѣе подвергавшейся лишеніямъ (сравнительно конечно съ другими войсками) вывелъ изъ терпѣнія графа Солтыка. Онъ ударилъ саблею по мохнатой шапкѣ гренадера такъ сильно, что тотъ повалился на землю. Это ошеломило остальныхъ, но не надолго. Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, взявъ ружья наперевѣсъ, бросились на графа со штыками. Польскій графъ поспѣшно вошелъ въ домъ, заперся въ своей комнатѣ и кричалъ оттуда, что пулею изъ пистолета положитъ на мѣстѣ всякаго, кто осмѣлится ломиться въ его комнату. Защитнику дома и Француженокъ, которыя такъ любезно въ лицѣ его привѣтствовали своихъ соотечественниковъ, пришлось спасать уже самаго себя. „Этотъ случай, говоритъ онъ, вѣроятно окончился бы трагически, если бы разбуженный шумомъ вдругъ не появился мой деньщикъ изъ конюшни, силачъ и храбрецъ—онъ разогналъ гренадеровъ и вывелъ меня изъ опаснаго положенія" [8]).

Въ тотъ самый день, когда непріятель вошелъ въ Москву, ночью начался грабежъ повсюду. Первые грабители, по свидѣтельству многихъ Москвичей, испытавшихъ на себѣ ихъ подвиги, начинали съ того, что просили накормить ихъ. Но они были не только голодны, но и оборваны: платье и бѣлье износились, обувь истерлась и развалилась въ продолженіи долгаго и утомительнаго похода. Въ слѣдъ за пищею имъ понадобилась и одежда, а за предметами первой необходимости пробуждались стремленія къ довольству, роскоши и обогащенію. Съ ранняго утра на другой день уже дошло извѣстіе во всѣ бивуаки тѣхъ войскъ, которыя стояли за заставами, что въ Москвѣ начался грабежъ. Когда взошло солнце, говоритъ одинъ

---

[8]) Гр. Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, гл. IX, стр. 273—278.

изъ свидѣтелей, въ лагерѣ дивизіи Клапереда и кавалерійскомъ, находившемся впереди на Рязанской дорогѣ (Себастьяни) сохранялись еще порядокъ и спокойствіе; но около осьми часовъ утра пріѣхало въ лагерь нѣсколько Польскихъ улановъ, и они объявили, что Москву грабятъ. Эта вѣсть съ быстротою молніи разнеслась по лагерю. Въ тоже время пришло приказаніе нарядить людей для пріема продовольствія. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе ушли въ городъ и возвратились не ближе какъ черезъ часъ, обремененные ношею, состоявшею изъ вина, рома, чаю, сахару и разныхъ дорогихъ вещей. За пѣхотинцами слѣдовали и конные. „Съ этого времени невозможно было и думать о поддержаніи порядка. Всѣ которые не стояли подъ ружьемъ и не исполняли непосредственно служебной обязанности, уходили, пользуясь разными предлогами. Котлы стояли безъ огня и кашеваровъ; посыланные за дровами, соломою или водою не возвращались назадъ. Безпорядокъ дошелъ до такой степени, что убѣгали даже нѣкоторые изъ патрулей. Конные намъ подавали худой примѣръ; безпрерывно они проходили черезъ нашъ лагерь, обремененные добычею. Одинъ Польскій уланъ подгонялъ безжалостно кнутомъ какого-то Русскаго, котораго онъ заставлялъ нести тяжелый грузъ награбленныхъ имъ вещей. Когда офицеръ упрекнулъ его въ жестокости, тотъ отвѣчалъ: „Это имъ за Прагу, гдѣ они погубили моихъ родителей и разрушили мой домъ. Я еще ни одного Русскаго не оставлялъ живымъ и надѣюсь, Богъ дастъ, и этотъ не возвратится въ Москву“ [9]).

Въ такомъ положеніи находились въ отношеніи къ грабежу войскà авангарда, которому предписалъ императоръ Наполеонъ не упускать изъ виду отступавшей Русской арміи. „Монастырь (говоритъ тотъ же свидѣтель происшествій), въ которомъ генералъ занялъ квартиру, былъ пощаженъ; но кладовыя и погреба добрыхъ монаховъ много пострадали. Маленькая церковь обращена въ конюшню, гдѣ поставлены лошади генерала и многихъ офицеровъ, которыхъ они привели изъ лагеря. Въ это же утро въ домѣ Баташева, гдѣ стоялъ самъ начальникъ авангарда Мюратъ, произошло тоже самое. „Мы провели вторникъ, т. е. 3-е число, писалъ Баташеву его прикащикъ, въ величайшихъ суетахъ; ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ каждый чего хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, Шампанскаго, Бургонскаго, водки, Рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобы его прихоти тотчасъ были исполнены. Всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришлось бѣжать и скрыться хоть въ воду... А тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеный и сырой хлѣбъ; въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, чтò ни попало. Ко всѣмъ ограбленнымъ мѣстамъ приставлены караулы; и тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3-е число прошло въ такой суматохѣ“ [10]).

---

[9]) Aus dem Leben des General v. Brand, стр. 427—428.

[10]) Письмо Сокова къ Баташеву, Русск. Архивъ 1871 г.

Въ тотъ же день, въ слѣдъ за въѣздомъ Наполеона въ Кремль, его войска начали занимать предназначенныя имъ части Москвы. Полки́ вице-короля Итальянскаго двигались отъ Тверской заставы и не встрѣчали ни жителей, ни солдатъ: все было пусто, и гробовое молчаніе производило на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Они шли медленно, опасаясь неожиданнаго нападенія, осматривали улицы и дома̀, прислушивались къ отдаленному шуму. Въ огромномъ и незнакомомъ городѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и притомъ ночью, грабежъ еще не могъ распространиться повсюду. За немногими вѣроятно исключеніями, онъ начатъ гвардіею, которая должна была оберегать Кремль, спокойствіе Наполеона въ трактирѣ Дорогомиловской слободы и быть охранною стражею у главныхъ военачальниковъ, какъ Мюрата и другихъ, поспѣшившихъ немедленно воспользоваться опустѣлыми домами Московскихъ жителей. Въ Тверской части, которую должны были занять полки́ вице-короля, господствовали безлюдье и тишина. Но тѣ изъ офицеровъ, которые проникли далѣе къ Кремлю, стали встрѣчать жителей и толпы солдатъ, которые открыто торговали и менялись награбленными вещами. Чѣмъ ближе они подъѣзжали, тѣмъ болѣе умножались толпы солдатъ. Они тащили на плечахъ тюки суконъ и другихъ товаровъ. „Мы не понимали, говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ могъ быть допущенъ такой безпорядокъ; но солдаты объяснили намъ, что дымъ, который мы видѣли, выходилъ изъ огромнаго зданія, въ которомъ находились лавки съ товарами, подожженныя самими Русскими во время ихъ отступленія черезъ городъ". Любопытство заставило ихъ приблизиться къ самому Гостинному Двору, близъ котораго суетилось множество солдатъ и *нищихъ*; каждый несъ разные товары, а менѣе цѣнные бросались на улицахъ. Скоро вся площадь и улицы покрылись разнаго рода товарами. „Я пришелъ наконецъ въ самое зданіе, говоритъ тотъ же свидѣтель; но увы, это не было уже прославленное обиліемъ зданіе: это была скорѣе громадная печь, изъ которой разносились во всѣ сторонѣ горѣвшіе обломки. Возможно было ходить только по наружной галлереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Ихъ-то грабили солдаты, увидавшіе добычу, которая превышала всѣ ихъ ожиданія. При этомъ ужасномъ позорищѣ не было слышно ни восклицаній, ни шуму: каждый находилъ возможность съ избыткомъ удовлетворить своей алчности. Слышался только трескъ отъ огня, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей и иногда страшный шумъ отъ рушившагося свода. Всевозможныя ткани Европы и Азіи пожирало пламя. Изъ погребовъ, изъ подземныхъ складовъ сахара, масла и другихъ смолистыхъ и спиртовыхъ товаровъ вырывались потоки пламени съ густымъ дымомъ" [11]).

Вслѣдствіе пожара и преимущественно въ Гостинномъ Дворѣ, наполненномъ всякимъ множествомъ всевозможныхъ товаровъ, грабежъ еще болѣе усилился и дошелъ до неистовыхъ размѣровъ: жадность разжигалась обиліемъ добычи.

---

[11]) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 195—200.

Едва наши войска вышли изъ Москвы и вступилъ въ нее Французскій авангардъ, какъ уже начались пожары. Наши войска, къ вечеру 2-го Сентября, сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ до деревни Панки, „увидали въ городѣ пожаръ: это было только начало, говоритъ очевидецъ. Въ продолженіи ночи пожаръ усилился, и поутру 3-го Сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ означилась пламенемъ. Огненныя волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ. Тогда всѣ мы невольно содрогались отъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не постигая что̀ совершается передъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣть паденіе Россіи, торжество Антихриста, потомъ скорое явленіе страшнаго суда и кончину свѣта. Мѣсто удивленія заступило негодованіе. Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! Красуйся матушка, Русская столица! говорили солдаты“ [12]).

Въ тотъ же день, когда Наполеонъ, переночевавъ за Дорогомиловскимъ мостомъ, торжественно въѣзжалъ въ Москву, во многихъ мѣстахъ города уже видны были пожары; а лишь только вступилъ онъ въ Кремлевскій дворецъ, запылалъ Гостинный Дворъ или, по мѣстному Московскому говору, *городъ*. Нѣкоторые изъ очевидцевъ говорятъ, что пожаръ начался на Солянкѣ; но едва ли возможно сказать навѣрное, гдѣ онъ именно начался. Москва такъ обширна, что житель одной улицы могъ и не знать и не замѣтить пожара въ отдаленной сторонѣ города, особенно въ такое время, когда никто изъ оставшихся обывателей не могъ быть спокойнымъ зрителемъ совершавшихся вокругъ него событій. Вѣроятно показаніе каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе вѣрно, и всѣ показанія въ совокупности приводятъ къ тому заключенію, что пожаръ единовременно начался во многихъ мѣстахъ и въ первое время не возбудилъ особеннаго вниманія Французовъ. Но это продолжалось недолго. Пожаръ, начавшійся на Солянкѣ вечеромъ 2 Сентября, перешелъ на скобяные и москательные ряды и новый Гостинный Дворъ *) и къ утру слѣдующаго дня охватилъ деревянныя зданія отъ Яузскаго моста вверхъ по Швивой горѣ и вокругъ церкви архидіакона Стефана. Этотъ пожаръ угрожалъ дому Баташева, гдѣ стоялъ Неаполитанскій король. Если значенія этихъ пожаровъ и ихъ послѣдствія не предвидѣлъ Мюратъ, то во всякомъ случаѣ оставлять роскошное помѣщеніе, только переночевавъ въ немъ одну ночь, было ему непріятно. Поэтому онъ принялъ мѣры, чтобы потушить пожаръ. Деревянные домики, тянувшіеся внизъ до Яузы, сгорѣли до тла, и не представлялось большихъ затрудненій отстоять сосѣднія съ ними зданія. Пожаръ на горѣ, по распоряженію Мюрата, былъ погашенъ войсками; имъ помогала дворня Баташева, которая усердно отстаивала домъ своего господина.

---

[12]) Записки артиллериста, т. I, стр. 172.

*) Т. е. вѣроятно Чернышовскіе ряды, построенные въ управленіе Москвою графа З. Г. Чернышова, нынѣ не существующіе и находившіеся вдоль Кремлевской стѣны отъ Никольской башни къ Спасской. *П. Б.*

Но труднѣе было справиться съ пожаромъ въ Гостинномъ Дворѣ. Съ Солянки отъ москательныхъ и скобянныхъ рядовъ пожаръ распространялся далѣе и далѣе. Часть Замоскворѣчья вовсе не была занята непріятельскими войсками до утра 3-го Сентября, по незнанію конечно расположенія города и за наступленіемъ ночи. Казаки показывались у Москворѣцкаго моста и къ утру зажгли его. Въ то время горѣли по берегу Москвы-рѣки казенные хлѣбные магазины и взлетѣлъ на воздухъ паркъ съ артиллерійскими снарядами. Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль, уже сильно горѣли москательныя и масляныя лавки, Зарядье, Балчугъ, и пламя все шире и шире захватывало большой Гостинный Дворъ на Красной площади. Близость пожара къ Кремлю, гдѣ находился императоръ Французовъ съ молодою гвардіей и сосредоточены были въ значительномъ количествѣ артиллерійскіе снаряды, вынуждала къ мѣрамъ предосторожности. Наполеонъ поручилъ маршалу Мортье употребить всѣ старанія, чтобы прекратить дѣйствіе огня и спасать горѣвшіе въ лавкахъ товары. Его настоятельныя приказанія съ ревностію приводились въ исполненіе; но огонь, питаемый горючими веществами, хранившимися въ лавкахъ и подвалахъ москательнаго, свѣчнаго и маслянаго рядовъ, при недостаткѣ средствъ къ загашенію, не покорялся усиліямъ Французскихъ солдатъ. Вокругъ лавокъ были разставлены часовые; они спасали товары и складывали ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ ближайшихъ къ Кремлю улицахъ еще соблюдался порядокъ; но далѣе къ окрестностямъ города грабежъ происходилъ уже въ большихъ размѣрахъ. Къ вечеру маршалу Мортье удалось если не совсѣмъ потушить угрожавшій опасностью Кремлю пожаръ, то значительно ослабить его силу. Въ это время Французы приписывали еще Московскіе пожары случайнымъ обстоятельствамъ, неизбѣжнымъ иногда при занятіи войсками обширнаго города. Хотя уже прошла вѣсть между ними, что пожарные трубы вывезены изъ столицы, а остававшіеся въ ней иностранцы сообщали нѣкоторымъ изъ нихъ давно тревожившее ихъ опасеніе, что городъ будетъ сожженъ, Французы не теряли еще надежды спокойно отдохнуть отъ трудовой походной жизни въ столицѣ Русскаго царства. Въ тотъ же день многіе изъ генераловъ и офицеровъ великой арміи отправились въ каретный рядъ за Петровкою, гдѣ находилось значительное количество готовыхъ красивыхъ городскихъ экипажей. Каждый выбралъ себѣ по экипажу и отмѣчалъ своимъ именемъ; но не долго спустя послѣ этого загорѣлся весь каретный рядъ. Занятые тушеніемъ пожаровъ въ средоточіи города, Французы мало обращали вниманія на болѣе отдаленныя его части, а между тѣмъ уже во многихъ мѣстахъ пламя бушевало. „Сильный пожаръ свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую Слободу и около Ильи Пророка. Ночь была тоже страшная отъ пожаровъ и войскъ Французскихъ“, говоритъ прикащикъ Баташева. Француженка-актриса, противъ воли оставшаяся въ это время въ Москвѣ, покинула свою квартиру въ срединѣ города и для бо̀льшей безопасности пріютилась у своихъ друзей, жившихъ на Басманной, въ домѣ князя Голицына. Ей захотѣлось

однакоже посмотрѣть на свою квартиру на другой день вступленія Французовъ въ Москву. „Всѣ дома, говоритъ она, были заняты военными; въ моей квартирѣ помѣщались два капитана гвардейскихъ жандармовъ; всѣ вещи были приведены въ безпорядокъ, мои бумаги разбросаны по полу. Эти господа безъ зазрѣнія совѣсти читали ихъ. Мое появленіе нѣсколько смутило ихъ, и они увѣряли, что застали уже этотъ безпорядокъ въ отведенной имъ квартирѣ, что при ней не было никого кромѣ Русскихъ слугъ, съ которыми они не могли объясниться и полагали, что этотъ домъ покинутъ хозяевами.“ Такъ распоряжались офицеры во всѣхъ домахъ, потому что дома почти всѣ были оставлены хозяевами; но многіе изъ офицеровъ и всѣ солдаты дѣйствовали иначе: они просто ломали и били все, чего не могли ограбить и унести съ собою. Хотя офицеры и предлагали этой актрисѣ вновь занять квартиру, обѣщая ей безопасность; но она предпочла возвратиться въ Басманную. „Впрочемъ, говоритъ она, повсюду были пожары и угрожали этому дому. Я возвращалась при свѣтѣ горѣвшихъ повсюду домовъ: освѣщеніе ужасающее своею яркостію. Огонь распространялся съ необыкновенною быстротою. Вѣтеръ порывисто завывалъ; казалось, все соединилось для того, чтобы сжечь этотъ злополучный городъ. Было только 3 Сентября, а осень въ Россіи бываетъ превосходная. Вечеръ былъ прекрасный. Мы пробрались сосѣдними улицами къ дому князя Трубецкого *), чтобы взглянуть на пожаръ. Это было великолѣпное и ужасное зрѣлище, и сколько разъ потомъ оно повторялось передо мною! Четыре ночи мы не зажигали свѣчей: было также свѣтло какъ въ полдень“ [13]).

Пожары во многихъ мѣстахъ города, значительною массою огня разрѣжая воздухъ, приводили его въ движеніе, а обычные въ это время года вѣтры превратили его, къ утру 4-го Сентября, въ настоящій ураганъ. До того времени (говоритъ одинъ изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ) жители съ какимъ-то безучастіемъ, которое можно объяснить только вѣрою въ предопредѣленіе, смотрѣли на свои горѣвшіе дома. Нѣкоторые выносили образа̀ и становились съ ними передъ воротами; другіе, на вопросъ, почему они не принимаютъ мѣръ противъ пожара? отвѣчали, что боятся, чтобы за это не убили ихъ Французы или что видно такъ Богу угодно. При такомъ настроеніи духа понятно, что только совершенное спокойствіе воздуха или полное безвѣтріе могло спасти городъ отъ общаго истребленія огнемъ. Французы съ своей стороны, видя беззаботность жителей, не давали себѣ труда противодѣйствовать. Пожаръ распространялся все болѣе и болѣе, и въ отдаленныхъ частяхъ города говорили о томъ также, какъ бы говорили въ Петербургѣ о пожарѣ въ Стокгольмѣ“ [14]).

---

*) Нынѣшняя Четвертая Гимназія на Покровкѣ. *П. Б.*

[13]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou, Paris, 1817, стр. 10.

[14]) Chev. d'Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou, Bruxelles, 1871, стр. 9; Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г. М. 1873, стр. 88—94.

Независимо отъ спокойной надежды единственно на помощь Божію противъ бѣдствія, которому противодѣйствовать почти никакихъ не было средствъ, равнодушіе жителей въ этомъ случаѣ объясняется и другими причинами. Безъ пожарныхъ трубъ и другихъ орудій трудно было и противодѣйствовать силѣ огня, и еще труднѣе рѣшаться на подвигъ спасенія своего достоянія въ пользу враговъ, угрожавшихъ постоянно не только имуществу, но и самой жизни. При томъ, въ обширномъ городѣ какъ Москва, состоявшемъ большею частію изъ деревянныхъ строеній, пожары были явленіемъ нерѣдкимъ, и дѣйствительно жители отдаленныхъ отъ пожаровъ мѣстностей мало обращали на нихъ вниманія. Но это могло быть только до *страшной* ночи съ 3-го на 4-е Сентября, какъ называютъ ее всѣ свидѣтели-очевидцы. Въ эту ночь поднявшійся сильный вѣтеръ раздулъ и усилилъ уже продолжавшіеся и не совсѣмъ погашенные пожары и разнесъ огонь по всѣмъ частямъ города.

Мюратъ спокойно провелъ эту ночь съ своею свитою въ домѣ Баташева и на другой день отправился за городъ къ своимъ войскамъ, считая свое мѣстопребываніе безопаснымъ послѣ того, какъ удалось ему наканунѣ прекратить пожаръ на Швивой горкѣ. Между тѣмъ въ одну ночь „загорѣлись дома за Москвой-рѣкой отъ Каменнаго моста, и пожаръ сдѣлался такъ ужасенъ, что и описать невозможно. Все Замоскворѣчье безъ изъятія занялось, а потомъ „и у насъ, говоритъ прикащикъ Баташева, домъ Никитскаго попа и причетниковъ, дома Безбородкинъ, Кирпичевъ и всѣ тутъ на горѣ, деревянные и каменные, были объяты пламенемъ. Также дома Сахарова и Соймонова, потомъ попа архидіаконскаго *) съ причетниками. Искры, какъ градъ, сыпались на главный корпусъ и прочія части" Баташевскаго дома. Видя, что нѣтъ спасенія, управляющій и дворня, припрятавъ кое-какое имущество, ушли изъ дому, который и загорѣлся вскорѣ потомъ. Свита же и прислуга Неаполитанскаго короля не только не могли бороться съ пожаромъ, но были захвачены имъ въ расплохъ. „Королевская кухня не успѣла вся выбраться; потому осталось много кострюль и котловъ, и нѣсколько повозокъ сгорѣло", писалъ потомъ своему господину прикащикъ Баташева [15]). Мюратъ вынужденъ былъ искать новаго помѣщенія и нашелъ его въ домѣ графа Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ *).

Первую Московскую ночь императоръ Наполеонъ провелъ спокойно въ Кремлевскомъ дворцѣ. Почувствовавъ облегченіе отъ простуды, которая тревожила его съ самой Бородинской битвы, въ 7 часовъ утра Наполеонъ велѣлъ позвать къ себѣ доктора. Ободренный имъ на счетъ состоянія своего здоровья, онъ предложилъ ему обычный вопросъ: что̀ новаго? Когда докторъ отвѣчалъ, что

---

*) Т. е. священника церкви архидіакона Стефана, близь дома Баташева (что̀ нынѣ Шепелева). *П. Б.*

[15]) Письмо Сокова, Русск. Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0221 и слѣд.

*) Нынѣ Малолѣтное Отдѣленіе Воспитательнаго Дома. *П. Б.*

вокругъ Кремля повсюду распространились пожары, императоръ равнодушно отвѣчалъ: „Это неосторожность солдатъ; они вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но потомъ, взглядъ его вдругъ остановился; выраженіе лица, „исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ“; онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногою такъ сильно Мамелюка, который подалъ ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и вышелъ въ другую комнату“ [16]). Очевидно Наполеонъ вспомнилъ доходившіе и до него разсказы, что Русскіе намѣреваются сжечь Москву.

Въ эту ночь не совсѣмъ потушенный пожаръ Зарядья и рядовъ разгорѣлся снова и перешелъ на главный Гостинный Дворъ, который къ утру весь объятъ былъ пламенемъ. Горѣли Ильинка и Никольская; видны были пожары со всѣхъ сторонъ, на Тверской, на Арбатѣ, на Остоженкѣ, у Каменнаго моста. Рѣзкіе порывы сѣверовосточнаго вѣтра, часто мѣнявшаго направленіе, прорываясь по улицамъ и переулкамъ города и направляемые силою огня, нѣсколько разъ обращали огонь къ Кремлю. Осыпаемый огненными искрами, Кремль освѣщался иногда такимъ свѣтомъ, что казалось будто въ его стѣнахъ уже начался пожаръ; а между тѣмъ туда ввезены были (по распоряженію начальника артиллеріи генерала Лабуассьера) подвижной пороховой магазинъ и всѣ боевые снаряды молодой гвардіи; фуры съ боевыми снарядами стояли даже противъ оконъ дворца, въ которомъ ночевалъ императоръ Наполеонъ [17]).

Всю ночь продолжалась тревога въ Кремлѣ. „Въ то время какъ наши солдаты, говоритъ графъ Сегюръ, боролись съ пожаромъ и оспаривали у огня свою добычу, Наполеонъ, котораго сонъ не смѣли потревожить въ теченіе ночи, былъ пробужденъ двойнымъ свѣтомъ: дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться и уступить необходимости. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, онъ почувствовалъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ все принесъ въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ дыма и въ пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самаго пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали внутреннюю, жестокую тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращавшееся распро-

---

[16]) Показаніе доктора Метивье у графа Сегюра: Histoire et mémoires etc. Paris, 1873, т. VI, стр. 17—18.

[17]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр. стр. 31; C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, стр. 50; Gourgaut, Examen critique, стр. 283.

страненіе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами они поджигаютъ; сколько прекрасныхъ зданій; какая необычайная рѣшимость; что за люди: это Скифы!".

Даже послѣ этой ужасной ночи, разнесшей огонь по всему городу, нѣкоторые изъ окружавшихъ Наполеона лицъ еще полагали, что причина пожаровъ заключалась „въ недостаткѣ дисциплины и пьянствѣ солдатъ" великой арміи, а сильный вѣтеръ только помогъ распространенію огня. „Намъ совѣстно было смотрѣть на себя, говоритъ тотъ же писатель-очевидецъ. Насъ устрашалъ крикъ ужаса, который раздастся по всей Европѣ. Съ опущенными глазами мы подходили одинъ къ другому, пораженные этимъ страшнымъ событіемъ; оно помрачило нашу славу, оно вырвало изъ нашихъ рукъ плоды побѣды, оно угрожало нашему существованію въ настоящемъ и будущемъ. Мы войско разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе Неба и образованнаго міра" [18]).

Можетъ быть, эти чувства волновали многихъ изъ Французовъ; но конечно мысль объ опасности и утратѣ добычи была господствующею въ войскахъ великой арміи. „Москва не существуетъ; пропала награда, которую я обѣщалъ моимъ храбрымъ войскамъ", говорилъ Неполеонъ [19]). Такова была первая его мысль при видѣ пылавшей столицы Русской, и онъ обрекъ Москву на грабежъ и не могъ поступить иначе: только надежда на это да чувство самосохраненія заставляли драться при Бородинѣ и поддерживали бодрость его войскъ, голодныхъ, изнуренныхъ и убавившихся на три четверти послѣ переправы черезъ Нѣманъ. При вступленіи въ Москву онъ отдавалъ строгія приказанія для предупрежденія грабежа, потому что желалъ привести войска въ порядокъ и не нарушать въ нихъ дисциплины, и такъ уже сильно ослабленной обстоятельствами этого необычайнаго для нихъ похода. Но конечно онъ очень былъ радъ предлогу приписать эти пожары самимъ Русскимъ. Въ это время ему сообщили, что въ Москвѣ не оказалось пожарныхъ трубъ, что они вывезены по распоряженію графа Ростопчина наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву; что видѣли, какъ сами Русскіе поджигаютъ свои дома, что поймали нѣкоторыхъ изъ зажигателей. Наполеону передали конечно въ подробности тѣ слухи, которые давно были распространены между Французами, находившимися въ Москвѣ, о преднамѣренномъ сожженіи Москвы по распоряженію если не высшаго правительства, то графа Ростопчина, о приготовленіи разрушительныхъ для этой цѣли снарядовъ подъ руководствомъ нѣкоего Шмита, въ одной изъ подмосковныхъ деревень.

Между тѣмъ пожаръ свирѣпствовалъ все болѣе и болѣе. Изъ оконъ дворца все Замоскворѣчье, объятое пламенемъ, представлялось взволнованнымъ огненнымъ моремъ. Не смотря на значитель-

---

[28]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, стр. 51 и слѣд.

[19]) M. Chambray, Hist. de l'expédition en Russie en 1812, т. II, стр. 121.

ное пространство, отдѣлявшее отъ Кремлевскаго дворца этотъ пожаръ, оконныя стекла во дворцѣ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Поставленные на кровляхъ солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Возроставшая сила пожара и извѣстія о поджигателяхъ усиливали тревогу императора Наполеона. Ему не хотѣлось, только что помѣстившись во дворцѣ Русскихъ царей, немедленно его оставить. Онъ не говорилъ ни слова, когда окружавшія его лица представляли ему о необходимости удалиться. „Онъ порывисто ходилъ взадъ и впередъ, останавливаясь передъ каждымъ окномъ и смотря на страшную стихію, побѣдоносно пожиравшую его блестящее завоеваніе, охватывавшую всѣ мосты, всѣ входы въ крѣпость, окружавшую его со всѣхъ сторонъ, какъ осажденнаго и подступавшую все ближе и ближе къ Кремлю", говоритъ графъ Сегюръ. До того, пожаръ Гостиннаго Двора и многіе другіе въ разныхъ концахъ Москвы еще не озабочивали Наполеона, находившагося въ Кремлевскомъ дворцѣ, посреди большихъ зданій и за высокими стѣнами Кремля; но пожаръ Замоскворѣчья, разстилавшійся прямо передъ окнами дворца, не могъ не произвести на него поразительнаго впечатлѣнія. Еще 2-го Сентября показывался огонь въ этой части города; но въ этотъ день (4 Сентября), сильный вѣтеръ разнесъ его повсюду, и въ нѣсколько часовъ занялось все Замоскворѣчье, состоявшее большею частію изъ деревянныхъ домовъ, и словно огненное море заволновалось передъ окнами дворца, на глазахъ императора. „Въ этотъ день погода была довольно хорошая (говоритъ плѣнный нашъ офицеръ); но страшный вѣтеръ, усиленный, а можетъ быть и произведенный, свирѣпствующимъ пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ. Внутри Кремля не было еще пожара; но съ площади за рѣку видны были одно только пламя и ужасные клубы дыма. Изрѣдка кое-гдѣ можно было различать кровли не загорѣвшихся еще строеній и колокольни; а вправо отъ Грановитой Палаты, за Кремлевской стѣной, подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако и слышенъ былъ трескъ отъ разрушавшихся кровель и стѣнъ [20]". Кремль былъ наполненъ солдатами гвардіи; одни тушили падавшія головни, другіе стояли наготовѣ съ оружіемъ; лошади были осѣдланы и запряжены; всѣ были готовы немедленно выступить изъ Кремля и вывезти военные снаряды. Но императоръ Наполеонъ медлилъ оставить Кремль.

Наконецъ распространился слухъ, что подъ Кремлемъ устроены мины, и раздался повсюду крикъ: Кремль горитъ! Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадку, чтобы самому удостовѣриться въ грозившей опасности. Горѣла Троицкая башня близъ Арсенала. Усиліями гвардіи этотъ пожаръ былъ прекращенъ; но ежеминутно могли вспыхнуть новые; искры и горѣвшія головни сыпались на Кремль, далеко разносимыя сильнымъ вѣтромъ. Пожаръ, вспыхнувшій въ Кремлѣ, побудилъ Наполеона позаботиться

[20]) Записки В. А. Перовскаго, Русскій Архивъ 1865 г., изд. 2-е, стр. 1038.

о личной безопасности. Мюратъ, Евгеній Богарне, Бертье и другія приближенныя къ нему лица на колѣняхъ умоляли его оставить Москву. Ихъ настоятельныя просьбы подкрѣпило случайное обстоятельство: въ то время, какъ справлялись съ этимъ пожаромъ, поймали въ Кремлѣ полицейскаго чиновника, котораго выдали за поджигателя. „Я увидѣлъ, говоритъ В. А. Перовскій, нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ. Его взвели на площадку (дворца), и одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать черезъ переводчика: „Отъ чего горитъ Москва? Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?“ и другіе тому подобные вопросы, на которые дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ полицейскій офицеръ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ Москвѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаться“, сказалъ допрашивавшій; „но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣстѣ съ другими“. Я старался, но тщетно увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служитъ въ полиціи и вѣрно знаетъ все“, отвѣчали мнѣ. Несчастнаго повели и заперли подъ площадкой, на которой я находился. „Что̀ съ нимъ будетъ?“ спросилъ я офицера, который его допрашивалъ.—„Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣленъ съ прочими, которые за туже вину съ нимъ заперты [21])“.

Императоръ Наполеонъ рѣшился оставить Кремль и переѣхать въ Петровскій дворецъ немедленно (въ два часа пополудни, 4 Сентября). Но прямою дорогою, по Тверской улицѣ, не представлялось никакой уже возможности пробраться: она представляла сплошное огненное море, волнуемое порывами вѣтра. „Мы были окружены цѣлымъ моремъ пламени, говоритъ очевидецъ и участникъ въ путешествіи Наполеона по сгоравшей Москвѣ; оно угрожало всѣмъ воротамъ, ведущимъ изъ Кремля. Первыя попытки выдти изъ него были неудачны. Послѣ нѣкоторыхъ изслѣдованій открыли подъ горой выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ него вышелъ Наполеонъ со своею свитою и гвардіею изъ Кремля. Но что̀ же за тѣмъ? Подойдя ближе къ пожару, мы не могли ни отступить назадъ, ни остановиться на мѣстѣ. Но какъ идти впередъ, въ эти волны огненнаго моря? Тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однакоже надо было спѣшить: съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе усиливался вокругъ насъ пожаръ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада *). Им-

---

[21]) Записки гр. В. А. Перовскаго. Русск. Архивъ 1865 г., изд. 2-е, стр. 1039.

*) Это былъ вѣроятно нынѣшній Лебяжій переулокъ и далѣе черезъ Лѣнивку и Волхонку путь къ Пречистенскимъ воротамъ, откуда переплетъ переулковъ близъ Старой Конюшенной еще до сихъ поръ затрудняетъ не только пріѣзжихъ, но и Москвичей. *П. Б.*

ператоръ пѣшкомъ, не задумываясь, пошелъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска этихъ горѣвшихъ костровъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ насъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли его путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и съ такою яростію пожиравшее зданія, среди которыхъ онъ шелъ, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть на опасность. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отвсюду пламя, спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Наши руки обжигались, защищая лицо отъ ужаснаго жара и отстраняя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился".

Выйдя изъ объятаго пламенемъ Московскаго Кремля, Наполеонъ долженъ былъ слѣдовать по тому же направленію, по которому вступилъ въ Москву. Отъ Каменнаго моста, за которымъ свирѣпствовалъ сплошной пожаръ почти всего Замоскворѣчья, путники подвигались вверхъ къ Арбату и запутались въ переулкахъ, прилегавшихъ къ этой улицѣ. Сохранилось преданіе, что Русскій, согласившійся быть ихъ проводникомъ, жертвуя собою, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ. „Здѣсь окончилась бы наша жизнь, исполненная треволненій", говоритъ графъ Сегюръ, если бы случайное обстоятельство не вывело императора Наполеона изъ этого грознаго положенія. Корпуса́ маршаловъ Даву́ и Нея оставались на тѣхъ же позиціяхъ, на которыхъ были размѣщены въ день вступленія въ Москву, за Дорогомиловскою и Прѣсненскою заставами. Въ первую ночь, которую Наполеонъ провелъ за Дорогомиловскимъ мостомъ въ слободѣ, конечно солдаты этихъ корпусовъ съ осторожностію пускались на грабежъ; но потомъ, когда онъ переѣхалъ въ Кремль и пожары распространились повсюду, даже суровая дисциплина маршала Даву́ не могла удержать голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Они разсѣялись въ этихъ частяхъ города, ища добычи и оспаривая ее у всепожиравшаго огня. Эти-то грабители неожиданно натолкнулись на императора Наполеона и его свиту, узнали его и спасли отъ неизбѣжной, быть можетъ, гибели. Познакомившись уже съ мѣстностію, они вывели его по пожарищамъ къ Москвѣ-рѣкѣ у Дорогомиловскаго моста [22]). Въ то время, когда отсюда поѣздъ Наполеона медленно пробирался между пожарами, вдругъ въ его свиту бросилась женщина, въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами. Она держала на рукахъ своего ребенка, спасая его, какъ самое дорогое свое сокровище. Ухватившись судорожно за сапогъ

[22]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, гл. VII.

Наполеона, она умоляла: „Государь, пощадите меня, спасите моего сына!" Императоръ смутился такимъ внезапнымъ явленіемъ и хотѣлъ ее успокоить. „Успокойтесь, говорилъ онъ, успокойтесь; будутъ приняты всѣ мѣры для спасенія васъ и вашего сына".

Это была жена Армана Домерга, высланнаго на баркѣ графомъ Ростопчинымъ въ Нижній-Новгородъ вмѣстѣ съ другими Французами. Она не отставала отъ Наполеона и дошла съ нимъ до Петровскаго дворца [23]).

Добравшись до Дорогомиловскаго моста, Наполеонъ и его спутники слѣдовали берегомъ Москвы-рѣки, доѣхали до села Хорошева, переправились черезъ рѣку по пловучему мосту, мимо Ваганькова кладбища и полями достигли къ вечеру Петровскаго подъѣзднаго дворца, что̀ за Тверской заставою [24]).

Между тѣмъ вѣтеръ не утихалъ, и пожаръ усиливался. Замоскворѣчье представляло сплошное море огня. Несчастные жители, захваченные въ расплохъ, оставляли свои дома́ и искали убѣжища въ церквахъ, унося съ собою что̀ попадалось подъ руку изъ своего имущества. Но пожары охватывали и большую часть храмовъ. „Находившіеся въ церкви жители (разсказываетъ современникъ, пріютившійся вмѣстѣ съ другими въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей), видя приближающіеся къ храму пожары, пришли въ отчаяніе: послышались рыданія, вопли, стоны. Всѣ отъ страха, потерявъ разсудокъ, бѣгали, суетились, спѣшили сами не зная куда, хватали разныя вещи и безсознательно опять ихъ бросали; всѣ говорили, и никого никто не слушалъ; требовали совѣта, между тѣмъ сами дѣлали наставленія. Произошла общая сумятица, общее разнорѣчіе". Но грозная опасность, поражая страхомъ, возбуждала и силы. Сговорившись наконецъ, нѣкоторые рѣшились оставить церковь, пали съ молитвою на колѣни передъ алтаремъ, и находившійся тутъ же священникъ благословлялъ ихъ, читая напутственную молитву. „Насъ вышедшихъ изъ церкви, говоритъ тотъ же свидѣтель, разнаго сословія набралось до ста человѣкъ обоего пола. Первый шагъ путниковъ ознаменовался преградою: зрѣніе поразилось мракомъ отъ несшагося дыма, слухъ грохотомъ, воемъ и свистомъ бури". По этому разсказу, пожаръ Замоскворѣчья, быстро распространяясь, преслѣдовалъ бѣгущихъ; пламя, волнуемое силою вѣтра, мгновенно охватывало зданія въ слѣдъ за ними и грозило преградить имъ дальнѣйшій путь. Они должны были колесить по разнымъ еще не охваченнымъ огнемъ переулкамъ, „въ непроницаемой темнотѣ отъ несомаго бурей горячаго пепла, залѣплявшаго глаза и обжигавшаго лице". Наконецъ имъ удалось добраться до Полянской, довольно обширной, площади; но здѣсь ихъ встрѣтило новое бѣдствіе: ихъ окружили грабители-непріятели. „Плѣнники пали на колѣна и, воздѣвая къ небу руки, трепещущія

---

[23]) Arm. Domergue, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 68—69; С. М. Любецкій, Москва въ 1812 г. М. 1872 г. стр. 170.

[24]) Корбелецкій, Краткое повѣтствованіе, стр. 33.

отъ страха, просили пощады и милосердія; но варвары, не знакомые съ человѣколюбіемъ, не внемля ни просьбамъ, ни мольбамъ беззащитныхъ, бросились съ обнаженными саблями, какъ дикіе звѣри на стадо овецъ, и съ неистовымъ крикомъ и ожесточеніемъ начали всѣхъ тормошить, грабить и бить. Площадь огласилась воплями мучимыхъ страдальцевъ. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоцѣнностей и разбрасывали остальное; съ мущинъ снимали одежду и сапоги, въ которыхъ сами нуждались обносившись; съ головъ женщинъ срывали платки и шали, со злобою сдергивали и срывали платья, вытаскивали изъ кармановъ часы, табакерки, золотыя и серебряныя монеты, вырывали изъ ушей серьги и снимали съ пальцевъ кольца и перстни. Пусть (говоритъ участникъ-страдалецъ) всякой дополнитъ воображеніемъ, какое зрѣлище представляла эта площадь, окруженная пожаромъ, освѣщенная заревомъ, наполненная дымомъ, смрадомъ и пепломъ, оглашаемая воемъ и свистомъ бури, и среди этого хаоса съ звѣрскими лицами и обнаженными саблями буйствующихъ, по раскиданному и изорванному имуществу, непріятелей; а между ними въ разныхъ положеніяхъ, съ искаженными отъ страха лицами, съ воздѣтыми къ небу руками, съ развѣвающимися по воздуху растрепанными волосами, жертвъ, обреченныхъ на мученія, несчастныхъ жителей Москвы" [25]).

Пожары усиливались и въ другихъ мѣстахъ города. Загорѣлись Стрѣтенская часть, обѣ Басманныя, вся Нѣмецкая Слобода. „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, Французъ. Пламя волнуемое вѣтромъ совершенно походило на морскія волны, воздвигаемыя бурею. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе — до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъ-естественнымъ. Несчастные жители Слободы, преслѣдуемые огнемъ съ однаго мѣста на другое, принуждены были удалиться на кладбище (Нѣмецкое), находившееся за главною военною больницею (устроенною для раненыхъ въ Лефортовскомъ дворцѣ), но и тамъ они не считали себя въ безопасности" [26]). Нѣмецкая слобода издавна составляла средоточіе иностраннаго населенія Москвы. Многіе изъ иностранцевъ были старожилами въ ней, владѣли домами и усадьбами; къ нимъ примыкали пріѣзжавшіе вновь въ Россію. Другимъ средоточіемъ для нихъ былъ Кузнецкій мостъ съ прилегавшими къ нему улицами, гдѣ пріютилась попреимуществу торговля Французовъ. 5-го Сентября пожаръ съ двухъ сторонъ угрожалъ Кузнецкому мосту: со стороны горѣвшей уже Петровки и съ Малой Лубянки. Жители оставляли свои дома и лавки, спасая по возможности имущество. Многіе удалялись изъ города, предаваясь покровительству Французскихъ войскъ; другіе толпились на дворѣ и въ зданіяхъ Латинской церкви Св. Людовика. „Тамъ господствовало глубокое отчаяніе, гово-

[25]) Воспоминанія очевидца (доктора Рязанова) М. 1852 г., стр. 77.

[26]) Ab. Surrugues, Lettres etc., стр. 29; Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія въ Моск. истор. общ. 1859. кн. 2, отд. V, стр. 170.

ритъ настоятель этой церкви аббатъ Сюрюгъ, остававшійся въ это время въ Москвѣ. Собравшіеся тамъ несчастные изгнанники изъ своихъ жилищъ, съ узлами въ рукахъ, отчаявались въ спасеніи и желали отъ меня исповѣди. Я просилъ повременить, обѣщая предупредить ихъ, когда настанетъ время. Я отправился на мѣсто опасности и достигъ его, осыпаемый искрами и головнями. Только помощь Провидѣнія могла спасти насъ; Оно внушило мужество ротѣ гренадеровъ, находившихся въ этой мѣстности, вооружиться ведрами и поливать крыши домовъ, наиболѣе подвергавшихся опасности, и съ такою дѣятельностію, что имъ удалось остановить пожаръ. Это спасло цѣлую мѣстность, единственную вполнѣ уцѣлѣвшую отъ пожара во всемъ городѣ, именно Кузнецкій мостъ, Рождественку, обѣ Лубянки, Почтамтъ, Банкъ, Чистые пруды, часть Покровки, между бульварами, и Моросейку“ [27]).

Конечно подобныя мѣры могли оказать помощь, но вѣроятно лишь не надолго, если бы въ это время вѣтеръ не перемѣнилъ направленія и не направилъ огненнаго моря въ другую сторону, гдѣ пожаръ не утихалъ, но распространялся. Въ этотъ день двѣ Француженки, помѣщавшіяся на Басманной въ домѣ князя Голицына, отправились въ Петровскій дворецъ, чтобы выпросить себѣ охранную стражу. „Незабвенный для меня день (говоритъ одна изъ нихъ), когда мы предприняли эту поѣздку. Когда мы отправлялись, домъ нашъ былъ въ совершенной цѣлости, и не было даже признаковъ огня въ сосѣднихъ улицахъ. Дочь моей спутницы, тринадцатилѣтняя дѣвочка, которая находилась съ нами, видала пожары только издали. Первый, который ее поразилъ, былъ у Красныхъ воротъ. Мы намѣревались ѣхать обычною дорогою по Садовой; но не было возможности пробраться посреди огня. Мы повернули къ Тверской, тамъ пожаръ былъ еще сильнѣе. Наконецъ мы достигли до Большаго Театра. Невозможно описать, какое тутъ зрѣлище представлялъ пожаръ. Это была бездна пламени. Годовой запасъ дровъ находился подлѣ самаго театра, который былъ деревянный, и можно понять, какая была пища для пламени. Мы повернули на право, въ ту сторону, гдѣ, казалось, менѣе свирѣпствовалъ пожаръ; но когда мы проѣхали половину улицы, сильный порывъ вѣтра направилъ пламя съ одной ея стороны на другую, такъ что образовался огненный сводъ. Это можетъ показаться преувеличеннымъ, но это сущая правда (l'exacte vérité). Мы не могли двинуться ни назадъ, ни впередъ, ни въ сторону. Приходилось возвращаться назадъ тою-же дорогою. Но по ней все болѣе и болѣе распростанялся пожаръ. Головни падали на наши дрожки, и мы такъ сильно чувствовали дыханіе пламени, что оно становилось невыносимо для насъ и для лошадей. Мы пустились вскачь, и намъ удалось доѣхать до Садовой. Мы возвращались въ свою улицу, довольныя тѣмъ, что могли дать отдыхъ глазамъ, изнемогавшимъ отъ пыли и жара. Никогда не изгладится изъ моей памяти то зрѣлище, которое

---

[27]) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou стр. 25.

открылось передъ нами. Этотъ домъ, въ который мы надѣялись спокойно возвратиться, который часъ тому назадъ стоялъ цѣлъ—уже объятъ былъ пламенемъ. Вѣроятно его недавно подожгли, потому что тѣ, которые помѣщались во флигелѣ, не замѣчали еще пожара. Крики дѣвочки, бывшей съ нами, обратили ихъ вниманіе. Этотъ ребенокъ совершенно потерялъ голову; она кричала: Спасайте мою мать, спасайте все; Боже мой, мы погибли! Эти крики и видъ пожара разрывали мнѣ сердце“ [28]).

По мѣрѣ усиленія пожаровъ умножался и грабежъ. Союзники Французовъ, особенно Нѣмцы Рейнскаго союза, съ перваго дня занятія Москвы, кинулись на добычу изъ жажды корысти; съ ними соперничали Поляки, но увлекаемые при томъ и ненавистью къ Русскимъ. Французы, по свидѣтельству современниковъ, вообще отличались отъ своихъ союзниковъ умѣренностью. Въ первые дни, голодные и обносившіеся, они требовали пищи, обуви, бѣлья, оставляя въ покоѣ жителей, удовлетворявшихъ эти требованія. Но по мѣрѣ распространенія пожаровъ, объявшихъ весь городъ, свойства грабежа измѣнились: онъ сдѣлался всеобщимъ. Запрещеніе грабить хотя не могло удерживать всѣхъ, удерживало однакоже многихъ. Но въ виду спасенія имуществъ отъ истребительнаго огня, это запрещеніе уже теряло силу: всѣ бросились на грабежъ и преимущественно войскà, находившіяся въ самомъ городѣ и въ ближайшихъ къ нему окрестностяхъ. „Хотя запрещено было солдатамъ входить въ городъ, говоритъ одинъ изъ полковыхъ командировъ, принадлежавшій къ корпусу Нея; но грабежъ начался, и какъ это былъ единственный способъ пропитанія, то понятно, что послѣдніе въ немъ участники умирали съ голоду. Я согласился съ полковникомъ 18-го полка, что молча мы позволимъ нашимъ солдатамъ ходить на грабежъ. Впрочемъ они съ большими затрудненіями могли добыть что либо. Имъ нужно было проходить черезъ лагерь перваго корпуса, который стоялъ передъ ними ближе къ городу и драться съ солдатами этаго корпуса или императорской гвардіей, которая хотѣла все захватить для себя одной. Никто менѣе насъ не пріобрѣлъ отъ грабежа“ [29]). Если солдаты различныхъ корпусовъ Наполеоновой арміи дрались между собой, оспаривая оружіемъ одни у другихъ добычу, то весьма понятно, какъ они должны были относиться къ Русскимъ, желавшимъ спасти отъ огня хотя часть своего имущества. „Хлѣбныя лавки были разграблены, говоритъ Французъ, Московскій обыватель; вино и водка наполняли погреба до того, что нѣсколько солдатъ въ нихъ утонули. Грабежъ дѣйствовалъ еще губительнѣе огня. Положимъ, что Русское правительство рѣшилось, какъ на военную мѣру, сжечь городъ; но грабежъ былъ неминуемымъ дѣйствіемъ его врага, лишившагося тѣхъ надеждъ, которыя были постоянно возбуждаемы въ немъ. И какое иное вознагражденіе можно было предоставить

[28]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 14—15.

[29]) Duc de Fezensac, Souvenirs militairs, стр. 264.

войскамъ, истомленнымъ трехмѣсячными трудами и битвами, подвергавшимся всевозможнымъ лишеніямъ и положившимся на торжественныя обѣщанія, что въ Москвѣ окончатся ихъ страданія и тамъ они найдутъ всѣ способы для удовлетворенія всѣхъ нуждъ? Но какое это ужасное оружіе въ рукахъ солдатъ, доведенныхъ до отчаянія и жаждавшихъ мести! Не было различія между Французомъ и Русскимъ, иностранцемъ и соотечественникомъ: всѣхъ грабили самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которыхъ пощадилъ огонь, не избѣжали грабежа, который доходилъ до такой степени, что многіе сожалѣли, что не погибли въ огнѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ“ [30]).

Пожары начали уменьшаться съ 5-го Сентября. Въ этотъ день къ вечеру небо покрылось тучами, и ночью пошелъ сильный дождь; вѣтеръ началъ стихать, и огонь постепенно уменьшался. На другой день дождь продолжалъ идти съ большею силою, вѣтеръ стихъ совершенно, и пожары почти прекратились. Хотя повсюду еще дымились пожарища и кое-гдѣ вспыхивалъ огонь, но уже миновала гроза новаго огненнаго разлива. Удушливый воздухъ, раскаленный огнемъ, наполненный дымомъ и пепломъ, освѣжился на нѣсколько по крайней мѣрѣ времени, пока вновь не наполнился испареніемъ сгнивавшихъ труповъ людей и животныхъ, разбросанныхъ повсюду. Накаленная почва и мостовыя, по которымъ едва возможно было ходить, охолодѣли, и жителямъ, спасавшимся изъ одного мѣста въ другое отъ грабителей, уже не предстояло опасности попадать изъ огня въ полымя. Но всѣ эти обстоятельства еще болѣе усилили грабежъ, вмѣстѣ съ тою мѣрою, которую принялъ императоръ Наполеонъ для того, чтобы ввести его въ опредѣленныя границы: возвратившись въ Кремлевскій дворецъ, онъ предписалъ, чтобы каждый корпусъ, находившійся въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, въ опредѣленные дни, одинъ за другимъ, отряжалъ отъ себя по нѣскольку ротъ для грабежа или, какъ говорилось въ приказѣ, для приготовленія себѣ запасовъ продовольствія [31]). Отряды, посыланные на грабежъ, полагая, что каждому изъ нихъ въ послѣдній разъ приходится идти на добычу, съ жадностью бросались на все. „На Московскихъ улицахъ встрѣчались только военные (говоритъ другой Французъ, также Московскій обыватель), которые толпились передъ домами, разбивая двери и окна, врываясь въ погреба и кладовыя. Жители прятались въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ и позволяли себя грабить всякому нападавшему на нихъ. Чтò всего было ужаснѣе въ этомъ грабежѣ, это систематическій порядокъ, который соблюдался при дозволеніи грабить послѣдовательно всѣмъ корпусамъ, одному за другимъ. Первый день принадлежалъ старой императорской гвардіи, слѣдующій молодой гвардіи, за нею грабилъ корпусъ Даву́ и т. д. Всѣ корпуса, стоявшіе вокругъ города, приходили по очереди

---

[30]) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 19—20.

[31]) M. Chambray, Hist de l'expédition en Russie, т. II, стр. 131.

обыскивать насъ. Можете судить, какъ трудно было удовлетворить тѣхъ, которые являлись послѣдними. Около осьми дней безъ перерыва продолжался такой чередъ. Нельзя себѣ объяснить жадность этихъ негодяевъ, не видавъ собственнаго ихъ бѣдственнаго положенія. Безъ сапогъ, безъ нижняго платья, въ лохмотьяхъ вмѣсто одежды, вотъ въ какомъ положеніи находились солдаты великой арміи, исключая лишь императорскую гвардію. Когда они возвращались въ свои лагери, облеченные въ самыя разнообразныя одежды, то ихъ можно было распознавать развѣ только по оружію. Но всего ужаснѣе было то, что офицеры, также какъ и солдаты, ходили изъ дома въ домъ и грабили. Другіе, менѣе безстыдные, довольствовались грабежемъ въ собственныхъ квартирахъ. Даже генералы, подъ предлогомъ реквизицій по обязанностямъ службы, брали повсюду все, чтò имъ нравилось, или перемѣняли квартиры съ тѣмъ, чтобы грабить новыя свои жилища [32])". Грабители не различали Русскихъ отъ иностранцевъ: „Какое мнѣ дѣло, что вы Французы! Чтò вы здѣсь дѣлаете? Только какой нибудь негодяй Французъ не за одно съ нами! Вы эмигранты!" Вотъ какими словами угощали меня разъ по двадцати на день", говоритъ тотъ же Французъ, Московскій обыватель. Одинъ солдатъ забрался въ подвалъ, гдѣ скрывалось цѣлое семейство Французовъ. Не обращая никакого вниманія на ихъ народность, онъ обобралъ ихъ дò-гола; но, замѣтивъ еще обручальное кольцо на рукѣ молодой женщины, онъ потребовалъ и кольца. На колѣняхъ она умоляла его оставить ей этотъ знакъ супружеской вѣрности; но онъ грубо отказалъ и грозилъ немедленно отрубить ей палецъ. Одинъ военный повстрѣчалъ Француженку, спасавшуюся отъ грабежа своихъ соотечественниковъ. Вѣжливыми словами, свидѣтельствовавшими объ его образованіи, онъ предложилъ ей свою защиту и, сопровождая ее, вызвался нести ея шубу (sa pelisse), чтобы она не утомилась. Она отказывалась изъ вѣжливости, онъ настаивалъ, и когда она передала ему свою шубу, единственное достояніе, которое удалось ей спасти отъ огня, онъ убѣжалъ, смѣясь надъ ея легковѣріемъ и довѣрчивостію. Переодѣваніе во всѣ возможныя одежды давало поводъ солдатамъ грабить даже своихъ офицеровъ, которыхъ они какъ будто бы не узнавали въ новыхъ одеждахъ. Такіе разсказы записалъ на память потомству третій Французъ, Московскій обыватель того времени [33]).

По словамъ этихъ очевидцевъ, послѣ того какъ прекратились пожары (8 Сентября, въ Воскресенье) и Наполеонъ снова поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ, они надѣялись вздохнуть свободнѣе, полагая, что послѣ грозы наступитъ тишина. „Въ первую недѣлю (пребыванія Французовъ въ Москвѣ) никто не смѣлъ выходить изъ дому, изъ опасенія быть ограбленнымъ на улицѣ.

---

[32]) Chev. d' Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou. Brux. 1871 г., стр. 25—27.

[33]) Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 125—127.

Несчастные погорѣльцы извѣдали это собственнымъ опытомъ. Вторая недѣля не болѣе внушила довѣрія. Все что̀ уцѣлѣло отъ огня, не сдѣлалось снова его жертвою; но все что̀ уцѣлѣло отъ жадности солдатъ послѣ первыхъ ихъ поисковъ, сдѣлалось вновь жертвою ихъ алчности. Они не уважали ни стыдливости женскаго пола, ни невинныхъ дѣтей въ колыбели, ни сѣдинъ старости. Жалкія лохмотья бѣдняковъ, выхваченныя изъ огня, стали снова предметомъ зависти людей, которыхъ напустили грабить своихъ братьевъ [34])".

Порядокъ, который намѣревался придать Наполеонъ такому дѣлу какъ грабежъ, только его усилилъ, также какъ и то обстоятельство, что грабежъ долженъ былъ въ это время ограничиться нѣкоторыми предѣлами: послѣ пожара осталось не болѣе пятой доли уцѣлѣвшихъ отъ огня или мало пострадавшихъ зданій. По возвращеніи Наполеона въ Кремль, вся его многочисленная свита, всѣ военные начальники и офицеры, которымъ такъ надоѣла жизнь на бивуакахъ, двинулись за нимъ и заняли всѣ уцѣлѣвшіе дома. Собственныя выгоды побуждали ихъ охранять свои помѣщенія отъ грабежа. Подъ ихъ покровъ укрылись и многіе изъ Московскихъ жителей, прежде проживавшіе въ этихъ домахъ или случайно загнанные въ нихъ, какъ въ послѣднія временныя убѣжища отъ пожара и грабежа. Пользуясь ихъ защитою, они сопротивлялись грабителямъ при помощи солдатъ, которыхъ имъ назначали для охраны. Это обстоятельство было поводомъ къ мелкой, но по всему городу распространившейся междоусобной войнѣ въ средѣ великой арміи, стоившей немногихъ конечно жертвъ, но всегда сопровождаемой шумомъ, бранью и побоями. Грабители, пользуясь дозволеніемъ, проникали повсюду, по нѣскольку разъ въ день, одна шайка за другою, а часто въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ. Обыватели обращались каждый разъ за помощью къ своимъ постояльцамъ — военнымъ начальникамъ. Тѣ отряжали солдатъ для ихъ защиты и, если этотъ отрядъ былъ сильнѣе пришедшаго на грабежъ, то онъ прогонялъ его безъ пощады, а въ противномъ случаѣ уклонялся отъ дѣйствія, спокойно объясняя, что эти разбойники не пощадятъ и ихъ самихъ. Не всѣ однакоже изъ однихъ личныхъ выгодъ оберегали остатки имущества тѣхъ домовъ, въ которыхъ они сами помѣщались; были многіе, которые руководились чувствомъ состраданія къ несчастнымъ жертвамъ и негодованіемъ къ неистовству грабителей [35]). Французы любили сваливать вину въ этомъ случаѣ на своихъ союзниковъ, Нѣмцевъ и Поляковъ. Въ первые дни по вступленіи въ Москву, одинъ Московскій житель Французъ встрѣтилъ у Мясницкихъ воротъ генерала верхомъ, въ сопровожденіи конвоя, который остановилъ его вопросомъ: говорите-ли вы пофранцузски? Получивъ утвердительный отвѣтъ, генералъ продолжалъ: „Что это

---

[34]) Ab. Surrugues, Lettres etc., стр. 28—29.

[35]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 61—63.

дѣлаютъ ваши Русскіе? Слыханное ли дѣло, чтобы жечь свою столицу?—„Я не знаю, кто ее поджигаетъ; но послѣдствія этого для насъ самыя гибельныя“, отвѣчалъ Французъ.—„Вѣроятно это ваши казаки“.—„Полноте, гдѣ вы видите теперь казаковъ?“—„Чертъ возьми, да они у воротъ города; не далѣе какъ вчера, на той дорогѣ (онъ указалъ по направленію къ Тверской заставѣ), мы ихъ прогнали. Могу васъ увѣрить въ этомъ, потому что я самъ командовалъ. Такъ не ведутъ войны!“—„Что же дѣлать, отчаяніе привело къ этимъ мѣрамъ, которыя всѣхъ насъ погубятъ. Вотъ посмотрите на этого несчастнаго, котораго грабятъ и бьютъ ваши солдаты. Какъ же вы хотите, чтобы это не вызвало подобныхъ послѣдствій?“—„Ей, солдаты! крикнулъ генералъ, оставьте этого гражданина! Это все эти черти Виртемберцы такъ грабятъ“ [36]).

Дѣйствительно, Русскіе люди, разсказывая потомъ объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, говорили: „Надо по совѣсти сказать, настоящіе-то Французы очень добры; гдѣ стащатъ, а гдѣ и своимъ подѣлятся. А ихъ пришельцовъ въ народѣ пуще собакъ ненавидѣли: въ нихъ жалости нѣтъ“. „Намъ на нихъ жаловаться нечего, разсказывала одна послушница Рождественскаго монастыря, бывшая въ то время 12-ти лѣтнею дѣвочкою; что̀ правда, то правда, добра-то они нашего не щадили; а все же грѣшно сказать, чтобы они до чиста обобрали и что̀ на насъ увидятъ, того не берутъ. Одинъ только разъ вышла матушка-игуменья въ шубкѣ и въ мѣховомъ воротникѣ. Подошелъ Французъ, захватилъ шубку за полу и тащитъ. Дѣлать нечего, матушка сняла ее съ себя; а онъ вынулъ саблю, отрѣзалъ воротникъ, а шубку отдалъ матушкѣ назадъ. А меня они всѣ ласкали (она была больная, не владѣла ногами): видно я имъ ужъ очень жалка была. Каждый день, бывало, пойдутъ они на добычу и чего-чего не нанесутъ: и варенья, и смоквъ, и пряниковъ, всякихъ кренделей, потому что въ лавкахъ и кладовыхъ много оставалось запасовъ. Какъ бывало придутъ съ кульками да съ узлами, такъ мнѣ полныя колѣни всякой всячины насыплютъ. Ласкаютъ меня, бывало, по головѣ гладятъ и все говорятъ: бо бо, бо бо. Добрые были ребята“ [37]). Хотя вообще воспоминанія о безпощадномъ грабежѣ у Русскихъ людей соединились особенно съ Нѣмцами и Поляками, но нельзя не замѣтить, что приведенные отзывы относятся до Французовъ, бывшихъ на постоѣ въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ; а съ постоемъ грабежъ мародеровъ по домамъ (по свидѣтельству современниковъ) прекратился. Внѣ же домовъ иногда происходили ужасныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. По той сторонѣ верхняго Прѣсненскаго пруда шелъ кто-то изъ Русскихъ и вздумалъ понюхать табаку изъ серебряной табакерки. Къ несчастію его, въ это самое время поравнялся съ нимъ ѣхавшій верхомъ непріятельскій уланъ. Увидавъ серебряную табакерку, онъ тотчасъ потребовалъ ее себѣ. Русскому не хотѣлось разстаться съ своею собственностію. Уланъ нисколько

---

[36]) Chev. d' Ysarn, Relation etc., стр. 23.

[37]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18, 128 и слѣд.

не задумался: въ одно мгновеніе проткнулъ его пикой и воспользовался табакеркой. „При пораженіи, несчастный упалъ спиной на скамейку, голова его свѣсилась назадъ, а ноги касались земли. Въ этомъ положеніи онъ находился болѣе недѣли [38])".

На третій уже день послѣ вступленіи непріятеля въ Москву, пожаръ объялъ большую половину города и съ одной стороны выгналъ притаившихся въ своихъ домахъ жителей, а съ другой наполнилъ ее шайками грабителей. Выбѣгая изъ горѣвшихъ домовъ, съ имуществомъ, которое успѣвали захватить, несчастные жители попадались въ руки грабителей, которые не только отнимали у нихъ послѣднее достояніе, но часто ихъ же самихъ заставляли тащить за собою награбленныя ими вещи, сопровождая свои приказанія угрозами и побоями. Кому удавалось избавиться отъ одной шайки, тотъ попадалъ въ руки другой, третьей и такъ далѣе, пока разутый и раздѣтый, измученный, избитый, въ лохмотьяхъ и безъ пищи, успѣвалъ гдѣ нибудь укрыться. По всѣмъ улицамъ, при свистѣ вѣтра и громѣ разрушавшихся отъ пожара зданій, раздавались неистовые крики и выстрѣлы грабителей, вопли и стоны ихъ несчастныхъ жертвъ. Женщины не только подвергались грабежу, нещадившему ихъ стыдливости, но и преступнымъ покушеніямъ и насилію. Улицы наполнялись обгорѣлыми обломками зданій, полурасплавленными листами желѣза, трупами людей и животныхъ. Когда прекратился пожаръ, немногіе изъ жителей укрывались въ уцѣлѣвшихъ домахъ, занятыхъ Французами. Тѣ кому удавалось найти себѣ пріютъ, охотно принимали другихъ несчастныхъ и дѣлились скудными средствами пропитанія. Въ эту годину горя и страданій всѣ братски помогали другъ другу и взаимно облегчали страданія [39]). Многіе изъ жителей скрывались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ развалинахъ, въ надворныхъ постройкахъ, въ ямахъ и погребахъ, гдѣ притаившись сидѣли днемъ и выходили ночью или рано утромъ, чтобы добыть дневное пропитаніе. Большая же часть оставались подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, пустыряхъ, многочисленныхъ въ тогдашней Москвѣ, и на кладбищахъ. Такъ описывается въ одномъ изъ современныхъ сказаній житье-бытье Московскихъ погорѣльцевъ на Орловомъ лугу *). Въ числѣ немногихъ твердо вѣрившихъ графскимъ афишкамъ (въ которыхъ сказано, чтобы „всѣ оставались въ Москвѣ, сюда Бонапарта не допустятъ"), былъ дьяконъ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ. Но когда, въ первый же день вступленія непріятелей въ Москву, незванные гости нѣсколько разъ посѣтили его домъ, онъ рѣшился уйти изъ Москвы съ молодою женою и груднымъ ребенкомъ. Но куда же мы пойдемъ? спрашивала его жена.—Куда глаза глядятъ, отвѣ-

[38]) П. Г. Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 31 и слѣд.

[39]) Разсказъ Москвича о Москвѣ въ 1812 г. (Чтенія въ Москов. общ. исторіи и древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 101—102, 110; B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, Paris 1822, стр. 128; С. М. Любецкаго, Москва въ 1812 г., стр. 185.

*) Близъ Нескучнаго. *П. Б.*

чалъ діаконъ: намъ здѣсь ужъ мѣста нѣтъ. „Но лишь только мы прошли шаговъ сто, разсказывала дьяконица, какъ повстрѣчались съ однимъ изъ нашихъ прихожанъ. Куда идете, отецъ діаконъ? Мужъ говоритъ: идемъ на авось, къ Калужской заставѣ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. А тотъ говоритъ: „Тамъ стоятъ Французскіе караульные и васъ изъ Москвы не выпустятъ; а шли бы вы къ Крымскому броду, на Орловъ лугъ; туда много народу сошлось, и я со своими туда думаю пробраться. Повернули мы къ Крымскому броду и видимъ издали на Орловомъ народу, что муравейникъ. Сѣли тутъ и мы; я стала оглядываться и прислушиваться. Чего-чего тамъ не было: и старый, и малый, и нищій, и богатый. Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки, сундуки. Всѣ расположились на лугу, и говоръ-то говоръ, что пчелинный рой. Около насъ лежала больная; такъ ея жаль сердечную! Молоденькая да хорошенькая, и видно, что въ богатствѣ жила, а какую нужду пришлось терпѣть! Всѣ за ней ухаживали, кто чѣмъ могъ пособлялъ. Какъ придетъ ночь, одѣнутъ ее потеплѣе и уложатъ попокойнѣе. Да, ужъ какой покой на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ! При ней была горничная дѣвушка, и все-то она плакала и разсказывала намъ, что пріѣзжала она съ бариномъ и барыней изъ деревни не надолго въ Москву, и остановились они въ пустомъ домѣ у родственниковъ. Баринъ-то въ армію уѣхалъ, а женѣ велѣлъ въ деревню отправляться. Она бѣдняжка разнемоглась, отъ того и замѣшкалась; а ужъ тутъ, видите, больная-ли, здоровая-ли, а ѣхать надо, и собрались. Все уже было готово, карета заложенная у подъѣзда стояла; вышли они уже совсѣмъ садиться, а тутъ Французы нагрянули и стали все изъ кареты выбирать. Хотѣли кучеръ и лакей заступиться, а Французы ихъ разогнали. Люди бѣжали неизвѣстно куда и такъ пропали безъ вѣсти; а у насъ (говорила горничная), мало что пожитки отняли, и карету увезли. Куда дѣваться? Въ пустомъ домѣ страхъ беретъ; я и привела ее сюда черезъ силу. Говорятъ, на людяхъ и смерть красна. Живемъ мы здѣсь недѣлю и больше, а больная не поправляется и все тоскуетъ. Дѣвушка ея и придумала: пойду я, говоритъ, на счастье узнаю, нѣтъ ли кого изъ ея родственниковъ или знакомыхъ; а я съ ней одна ума не приложу, что дѣлать. Ушла она, а меня просила за больной присмотрѣть. Часа черезъ три приходитъ, а съ ней старичекъ-дядя этой барыньки. Какъ она ему обрадовалась, обнимала, обнимала, а сама плачетъ! Онъ говоритъ: успокойся, я тебя отсюда возьму, и уѣдемъ мы въ дереню. Теперь трудненько найти здѣсь лошадей, да авось Богъ поможетъ; я попрошу Французскихъ начальниковъ, чтобы они намъ пропускъ дали. И точно дня черезъ два пріѣхалъ онъ въ коляскѣ, парой; а за нимъ два Французскіе солдата верхомъ. Они всѣхъ насъ благодарили за уходъ; а мы за нея бѣдняжку такъ рады! Перенесли ее въ коляску, и они уѣхали“ [40]). И жители этой юдоли плача испытывали иногда радостныя впечатлѣнія!

[40]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 73—75.

„Погода, на наше счастье (продолжаетъ разскащица) стояла сухая; только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся, бывало, всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. Насчетъ пищи мы жили безъ нужды: всѣ кондитерскія остались отперты, да частныя кладовыя, да ряды. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось. Цѣлыя цыбики чаю стояли, головы сахара, и всякаго было много съѣстнаго припаса. У насъ на лугу постоянно самовары кипѣли; либо разложатъ огонь и варятъ какую нибудь похлебку. Провизію брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что она и безъ того бы не уцѣлѣла; опять, не умирать же намъ съ голоду! Но вотъ бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили нехуже непріятеля. Уйдутъ, бывало, съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собой цѣлые узлы накраденныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно! Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возмутъ, а покорыстоваться все-таки не придется. Иной разъ еще не донесутъ до мѣста награбленнаго добра, а непріятели его отобьютъ. И страшно было и грустно; а иной разъ, по молодости, разболтаешься съ добрыми людьми и повеселѣешь. Помню я разъ, что смѣху-то было!"

Кухарка разскащицы отправилась въ Гостинный Дворъ поискать провизіи; съ ней пошелъ молодой двоюродный братъ дьяконицы, прослышавшій, что въ лавкахъ стоятъ цѣлыя бочки съ медомъ. Едва онъ нашелъ ихъ и хотѣлъ наполнить медомъ принесенный кувшинчикъ, какъ подоспѣли непріятельскіе солдаты, отняли у него кувшинчикъ и за сопротивленіе бросили его самаго головою въ бочку съ медомъ и со смѣхомъ ушли. Много стоило усилій мальчику выбраться изъ бочки, и еще болѣе кухаркѣ обмыть его на рѣкѣ отъ липкаго меду. Эта любезная шутка грабителей и вызывала веселый смѣхъ у обитателей Орлова луга. Смѣялась молодежъ, хотя тяжелая грусть подступала къ сердцу. У молодой дьяконицы таялъ и умиралъ на рукахъ ребенокъ, ея первенецъ, отъ голоду. Съ испугу она потеряла молоко, а ребенокъ съ трудомъ принималъ другую пищу.

„Москва горѣла (продолжаетъ разскащица), разлился пожаръ во всѣ стороны, что̀ огненное море, и вспомнить-то страшно! Ходили, что̀ ни день съ Орлова луга каждый въ свою сторону, узнать что̀ тамъ дѣлается, и многіе возвращались съ плачемъ и разсказывали, что отъ ихъ домовъ остались одни обгорѣлые столбы. Ждали и мы своей очереди и дождались. Сначала, кто изъ прихожанъ ходилъ къ намъ на Якиманку, разсказывалъ, что у насъ пока все благополучно и что въ домѣ Рахманова, противъ самыхъ воротъ, квартируютъ Французы, и ихъ генерала все хвалили: говорили, что никого изъ нашихъ, кто остался въ своей сторонѣ, онъ не обижаетъ. Разъ сидимъ мы ранешенько утромъ, толкуемъ о своемъ горѣ, вдругъ прибѣжали къ намъ мальчишки съ Якиманки (родители-то ихъ къ намъ прихожане были) и кричатъ въ нѣсколько голосовъ: ну, отецъ діаконъ, сгорѣлъ твой домикъ; весь до тла сгорѣлъ, и батюшкинъ, и дьячковской, все погорѣло! Какъ я это услыхала, то себя не вспомнила, да

такъ и взвыла; а мужъ взглянулъ на меня и говоритъ: О чемъ ты плачешь? Видишь, все гибнетъ, и мы погибнемъ; а ты о своей лачужкѣ плакать вздумала. Такой онъ былъ мрачный и сердитый съ того самаго дня, какъ къ намъ Французы пришли: словно его варомъ обдало. Не смѣешь, бывало, съ нимъ слова вымолвить. Ни на что онъ не жаловался, а желтый такой сталъ да блѣдный, настоящимъ смотрѣлъ старикомъ. Сначала къ намъ непріятелей хаживало немного. Придутъ, бывало, обойдутъ Орловъ лугъ и что̀ имъ приглянется стащутъ, платокъ-ли съ кого, съѣстное-ли что. Всякій радъ имъ отдать, лишь бы только ушли. А потомъ все чаще къ намъ заглядывать повадились; оттого-ли что провизія вездѣ стала истощаться, или они бродили отыскивать себѣ добычи, ужъ не знаю. Иные не очень насъ разобижали, а отъ другихъ просто житья не было. Разъ помню, идутъ ихъ человѣка четыре и несутъ большіе мѣшки, должно быть что нибудь награбили; и позвали они какого-то мѣщанина да моего мужа имъ пособить. А Дмитрій Васильевичъ говоритъ: не пойду, я и такъ еле ноги таскаю, обратился къ нимъ спокойно и пошелъ въ другую сторону. Они разсердились и бросились къ нему. Одинъ выхватилъ саблю и показываетъ, что убьетъ мужа, если онъ съ ними не пойдетъ. Наши прихожане закричали: иди, отецъ-дьяконъ; вѣдь ихъ окаянныхъ не переспоришь. И я закричала: голубчикъ мой, не губи ты себя, не покинь меня сироту съ малымъ ребенкомъ. Онъ не отозвался и взялъ мѣшокъ, пошелъ съ ними. Молоденькихъ женщинъ тоже бывало не проминаютъ. Разъ пришли къ намъ человѣкъ сорокъ и разбрелись по лугу. Кто всякое добро подбираетъ, кто къ женщинамъ пристаетъ. Одинъ подошелъ ко мнѣ и потрепалъ меня по щекѣ. Я отъ него; а онъ, спасибо, за мною не погнался. Мужъ это видѣлъ и сталъ еще пасмурнѣе. Какъ они ушли, онъ говоритъ: долго ли намъ здѣсь оставаться? Кончится тѣмъ, что всѣхъ насъ перебьютъ. Пожили около двухъ недѣль подъ открытымъ небомъ, довольно. Вѣдь у всякаго звѣря есть своя нора. Перейдемте въ нашу церковь: тамъ и жить будемъ. Хотя оно и не показано, да вѣдь некуда головы преклонить. Польютъ дожди, здѣсь хоть умирай. Съ насъ и Господь не взыщетъ въ такой бѣдѣ" [41]).

Такъ проживали насчастные Москвичи, собираясь на городскихъ пустыряхъ, садахъ и кладбищахъ. Но житье-бытье на Орловомъ лугу было сравнительно лучше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ приведенномъ разсказѣ не говорится ни объ убійствахъ, ни о безчеловѣчныхъ насиліяхъ, которыя совершались повсюду и вызывали месть со стороны Русскихъ. Въ приближенныхъ къ Орлову лугу частяхъ города былъ расположенъ постоемъ корпусъ маршала Даву, и его квартира находилась на Дѣвичьемъ полѣ въ домѣ князя Щербатова *). Этотъ маршалъ отличался неумолимою строгостью, поддер-

[41]) Тамъ-же, стр. 75—81; ср. Русск. Вѣстникъ 1872 г. Ноябрь, стр. 271 и слѣд.; Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 21; Абб. Сюрюгъ, Lettres etc. стр. 23.

*) Впослѣдствіи домъ М. П. Погодина.

живая порядокъ и дисциплину между своими солдатами. Вѣроятно грабители, посѣщавшіе Орловъ лугъ, принадлежали къ этому корпусу и опасались, чтобы жалобы на ихъ дѣйствія не дошли до маршала, который бы не пощадилъ виновныхъ.

Это обстоятельство было причиною того, что дѣвичій монастырь на Дѣвичьемъ полѣ, не смотря на то, что въ немъ стоялъ цѣлый полкъ, не только не подвергся грабежу, но пользовался покровительствомъ, и въ немъ ранѣе другихъ церквей началась служба и продолжалась до выхода Французовъ изъ Москвы. „Всѣ на нихъ жаловались (говоритъ свидѣтельница событій, монахиня этого монастыря), а намъ грѣшно сказать. А у насъ стояли не одни Французы, но и Поляки, и насъ не обижали, все потому, что ихъ начальникъ, Задёра, грѣха боялся. Въ тотъ самый день, когда они поселились у насъ, онъ вошелъ въ больничную церковь, а мы какъ пріобщались, такъ и оставили въ алтарѣ крестъ серебряный, Евангеліе и чарку съ теплотой. Батюшко-то не успѣлъ прибрать. А Задёра все это взялъ и принесъ къ Саррѣ Николаевнѣ (казначеѣ, замѣнявшей игуменью). На, говоритъ, *пани* и показываетъ, что за всѣхъ солдатъ отвѣчать нельзя. А батюшку просилъ, что если мои солдаты обижать станутъ, вы мнѣ жалобу принесите. Однако батюшка не сказывалъ, что они въ первый-то день нашалили (награбили нѣсколько вещей изъ келій, отведенныхъ имъ подъ постой), потому, говоритъ, что они и не то бы еще могли сдѣлать. И Французскій начальникъ тоже батюшку призывалъ (вѣроятно маршалъ Даву́) и говорилъ, что не позволитъ своимъ грабить или какое притѣсненіе намъ дѣлать. „Что̀ намъ надо, говорилъ, мы тоже стѣсняться не можемъ; а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу свою справлять". А батюшка ему говоритъ: мы бы рады, да намъ для совершенія литургіи требуется красное вино и пшеничная мука, а у насъ теперь все вышло. „Если вы желаете, говорилъ генералъ, я вамъ всего пришлю. Намъ даже будетъ пріятно, что вы свою службу справлять будете". Батюшка его поблагодарилъ, а онъ въ тотъ же день прислалъ ему муки и вина бутылки-три, и что́ ни Воскресеніе, что̀ ни праздникъ, была у насъ обѣдня въ соборной церкви" [42]).

Не то однакоже было въ другихъ мѣстахъ, гдѣ пріютились толпы Московскихъ погорѣльцевъ. Непріятели безчеловѣчно грабили даже своихъ соотечественниковъ, укрывавшихся на Нѣмецкомъ кладбищѣ, не щадя ни пола, ни возвраста. На обширный огородъ возлѣ церкви Спаса во Спасскомъ, гдѣ укрывалось около ста человѣкъ погорѣльцевъ и большею частію женщины, забрались два грабителя. „Они были безъ сапогъ, безъ рубашекъ; платье едва прикрывало ихъ наготу. Обнаживъ тесаки, они требовали сапогъ и другихъ вещей, въ которыхъ сами нуждались. „Казалось безумнымъ дѣломъ сопротивляться, и потому имъ отдавали все, говоритъ одна изъ жертвъ насилія. Но мародеры, видя, что мы не

---

[42]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18—19.

дѣлаемъ ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ, вздумали раздѣвать женщинъ, обыскивая ихъ безстыднымъ образомъ. „Господа, вы можете отнимать у насъ все что̀ хотите; но если вы дотронетесь до женщинъ, то мы бросимъ васъ въ эту грязную воду!" и указалъ на прудъ, находившійся въ этомъ огородѣ. Грабители присмирѣли и пошли прочь" [43]).

Не вездѣ однакоже такъ дешево отдѣлывались одинокіе или въ маломъ числѣ приходившіе грабители. „Нерѣдко бывало, говоритъ другая свидѣтельница, что и мы съ ними справимся. Они по ночамъ не бродили, потому наши мущины хаживали ночью за провизіею; а когда случится какая крайность, такъ и днемъ пойдутъ, дѣлать нечего. Вотъ разъ ушли они, а при насъ остался только мой отецъ. Къ обѣду къ намъ вломился непріятельскій солдатъ. У него на плечѣ была длинная дубина; онъ поддерживалъ ее лѣвою рукою, а правою схватилъ отца за воротъ. Я подбѣжала сзади къ этому разбойнику, выхватила у него дубину, да хвать его по затылку. Онъ упалъ; мы всѣ на него бросились, порѣшили съ нимъ и оттащили его въ прудъ. Въ этотъ прудъ да въ оба колодезя много побросали мы непрошенныхъ гостей. Придутъ ихъ, бывало, человѣкъ пять, обшарятъ вездѣ; мы ничего: смотри, благо на пустое мѣсто пришелъ; развѣ съ кого платьишко стащатъ, а ужъ если забижать вздумаютъ, то мы съ ними сладимъ: ни одного живаго не выпустимъ. Хотя и жаль, да своя-то голова дороже. Побили бы ихъ да и отпустили; но они, пожалуй, пойдутъ и съ сердцевъ наведутъ къ намъ цѣлую стаю своихъ, да насъ же всѣхъ передушатъ. Ну и убьемъ до смерти. Помню я, пришелъ къ намъ разъ купецъ Зарубинъ; у него въ домѣ непріятели стояли и просили, нельзя ли имъ рыбы половить. А Зарубинъ зналъ, что въ прудѣ генеральши Киселевой караси водились, и спрашиваетъ у батюшки: нельзя ли мнѣ въ вашъ прудъ неводъ бросить? А батюшка говоритъ: нечего насъ и спрашивать, прудъ не нашъ; да что ты, Григорій Никитичъ, въ свой неводъ захватишь: либо карася, либо молодца?" [44]).

Не одно чувство самосохраненія, безъ сомнѣнія, служило главною побудительною причиною къ избіенію непріятелей; но и чувство мести, естественно возбужденное неистовствами грабителей и святотатствомъ великой арміи. Много непріятелей погибло въ разныхъ углахъ Москвы, въ колодцахъ, подвалахъ, погребахъ и прудахъ. „Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло, разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ. Иду я разъ раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю: хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что̀ теперь Мальцева, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова, по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ Французъ и зоветъ его: алё. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы

[43]) Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1859 г., кн. II, отд. V, стр. 171; Абб. Сюрюгъ, Lettres etc., стр. 29.

[44]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 95—96.

онъ и меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ алё, а нашъ ему алё и манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ; а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ побѣжалъ къ колодезю и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ Французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками и бросилъ его въ колодезь. Я слышалъ, какъ крикнулъ Французъ, и меня точно варомъ обдало. Стою я на своемъ мѣстѣ точно прикованный. Тутъ вижу, нашъ вышелъ опять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. Что, говоритъ, видѣлъ? Хоть однимъ меньше! А я говорю: за что ты его сгубилъ? Вѣдь онъ на тебя не нападалъ. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: Должно быть они у тебя жены не отнимали, да никто изъ твоихъ подъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что̀ колѣлыхъ лошадей въ нашихъ храмахъ!—Чтожъ, говорю, за ихъ грѣхи да кощунство Господь ихъ накажетъ; а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а невиннаго да безоружнаго намъ губить не показано. Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону; а я не помню, какъ домой добрелъ, все-то мнѣ мерещилось, какъ Французъ въ колодезѣ тонетъ" [45]).

Если въ этихъ словахъ возможно усматривать чувство личной мести, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ выражается и чувство гражданскаго долга, побуждающаго всѣми способами содѣйствовать вооруженной силѣ для освобожденія Отечества отъ враговъ, внесшихъ разбой и грабежъ въ среду мирныхъ его гражданъ и оскорбившихъ всѣ священныя вѣрованія народа. Хотя вообще во время войны наступательной въ нѣдрахъ Отечества, войны сопровождаемой поступками такого необузданнаго звѣрства, подобный образъ дѣйствій представляется неизбѣжнымъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не остановиться съ сочувствіемъ на томъ впечатлѣніи, которое этотъ поступокъ произвелъ на другаго Русскаго человѣка. Всякое убійство, не въ рядахъ войскъ или добровольно вооружившихся противъ врага гражданъ, не во время сраженій, Русскій человѣкъ считаетъ преступленіемъ. Будь оно вызвано даже необходимостью самозащиты, оно тяготитъ его въ послѣдствіи, какъ грѣхъ. Съ этимъ чувствомъ мы встрѣтимся не разъ; оно объясняетъ то свойство Русскаго характера, въ которомъ хотятъ замѣтить какую-то страдательную покорность предъ роковою, подавляющею силою.

Въ первые дни вступленія въ Москву Французовъ, по сказанію современниковъ, погорѣльцы довольно спокойно проживали въ своихъ убѣжищахъ. Сухая и теплая погода благопріятствовала житью подъ открытымъ небомъ. Грабители посѣщали ихъ рѣдко; по нѣскольку разъ уже ограбленные, жители не возбуждали ихъ жадности, которую привлекала другая, болѣе богатая добыча въ лавкахъ, домахъ и особенно въ храмахъ и монастыряхъ.

[45]) Тамъ же, стр. 40—42.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. П. СУХТЕЛЕНА.

Переведено съ Французскаго неизданнаго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ покойнаго графа Г. А. Кушелева-Безбородки. Графъ Павелъ Петровичь Сухтеленъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, принадлежалъ къ числу симпатическихъ людей и образованнѣйшихъ Русскихъ генераловъ. Еще не достигнувъ старости, онъ окончилъ жизнь и многотрудную свою службу Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Біографія его находится въ изданіи: „Портретная Галлерея Зимняго Дворца". *П. Б.*

1816 годъ *).

28 Марта. Бывшій вице-губернаторъ Виттенгеймъ самъ слышалъ, какъ графъ Нессельродъ говорилъ, что Государь имѣетъ намѣреніе сократить иностранныя миссіи, такъ что напримѣръ въ Италіи нѣсколько миссій будутъ соединены въ лицѣ одного посланника, а въ Швеціи, по возвращеніи оттуда генерала С., будетъ только военный агентъ. Повидимому, Государь находитъ, что его дипломатическій корпусъ въ чужихъ краяхъ обходится ему слишкомъ дорого.

*

За обѣдомъ говорили о великомъ Фридрихѣ. Принцъ Виртембергскій сказалъ: „Я упрекаю его только въ одномъ: онъ оставилъ намъ въ наслѣдство вкусъ къ капральству".

*

На Пасху былъ большой парадъ. Семеновскій полкъ маршировалъ хуже другихъ. Состоялся грозный приказъ. Потемкину сдѣланъ выговоръ. Командиры трехъ батальоновъ посажены на сутки подъ арестъ: Паткуль, Гурко и Фридрихсъ. На другой день Государь сказалъ имъ, что онъ огорченъ больше чѣмъ они, что долгъ повелѣваетъ ему быть взыскательнымъ и въ особенности къ собственному полку, которому слѣдуетъ служить примѣромъ для другихъ.

*

Вчера ученіемъ были довольны. Онъ сказалъ: „Сегодня по-гвардейски".

---

*) Читатель припомнитъ, что это было время, непосредственно слѣдовавшее за окончаніемъ великихъ войнъ. Послѣ сильныхъ ощущеній наступила въ нѣкоторомъ родѣ тоска, и за нею послѣдовала явная перемѣна въ образѣ мыслей и въ пріемахъ правленія. *П. Б.*

12 Апрѣля всѣ находящіеся здѣсь генералы получили приказаніе ѣхать отсюда къ своимъ должностямъ, даже тѣ, которые въ отпуску, „исключая генерала Сухтелена, которой получитъ отправленіе особое".

*

Полковникъ Алексѣй Орловъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

*

Флигель-адъютантъ Киселевъ возвратился, исполнивъ данное ему порученіе. Онъ былъ въ южной Россіи и въ Крыму и выбиралъ въ армейскихъ полкахъ людей для гвардіи. Онъ нѣсколько часовъ сряду говорилъ съ Государемъ *о всякаго рода военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ.* Полковникъ Панкратьевъ, ѣздившій за тѣмъ же на Волынь и въ Украину, посылается теперь въ Саратовъ, Астрахань и Пензу, для разбора несогласій, возникшихъ между губернаторами и дворянствомъ, злоупотребленій властію и пр. Оба они честные и даровитые молодые люди. Я думаю, что выборъ Государя безошибоченъ. На дняхъ я читалъ у Роллена, что Сенатъ Римскій также посылалъ Сципіона Африканскаго къ Египтянамъ и Грекамъ разбирать ихъ ссоры.

*

Киселевъ показывалъ мнѣ Парижскія карикатуры. Королевская корона надѣта на мачту. Французскій король тянется достать ее. Его поддерживаетъ король Прусскій, стоящій на императорѣ Русскомъ, который въ свою очередь стоитъ на плечахъ у Французовъ. Король говоритъ: „Еще немножечко, и достану". Маленькій Наполеонъ говоритъ императору Францу: „Ахъ, дѣдушка, толкни ихъ, чтобъ они попадали. Какъ будетъ смѣшно!" Тотъ отвѣчаетъ: „Не смѣю; они всѣ повалятся на меня". Самъ Наполеонъ, скрестивъ руки, смотритъ на все это и говоритъ: „А я одинъ, безъ всякой подмоги, два раза доставалъ ее".

*

Кучеръ Илья посаженъ подъ арестъ на большую гауптвахту, за то, что подрался съ императрицынымъ кучеромъ.

*

Кикинъ настойчиво просилъ допустить его къ Государю, съ тѣмъ чтобъ доложить Его Величеству слѣдующее: такъ какъ, за важными дѣлами, которыми Государь занятъ, ему Кикину давно уже не приходится работать и въ портфелѣ у него накопилось великое множество бумагъ, а между тѣмъ его обвиняютъ въ небрежности, то онъ лучше желаетъ лишиться мѣста, котораго не искалъ, нежели подвергаться общественному поношенію. Наконецъ онъ добился того, что на нынѣшней недѣли ему назначенъ день для доклада.

Прусскій король прислалъ сюда гвардейскаго полковника слѣдить за нашими ученьями и вообще за всѣмъ военнымъ. Вчера Государь самъ показывалъ ему разныя движенія, какихъ нѣтъ у Прусаковъ, какъ напримѣръ развернутая колонна объ осьми взводахъ *).

*

Графъ Остерманъ уже давно назначенъ командиромъ гренадерскаго корпуса, но не ѣдетъ къ мѣсту своего назначенія. Государь, зная, что лордъ Каткартъ еще не имѣетъ дачи, сказалъ ему, чтобы онъ обратился къ Остерману и нанялъ у него дачу, и при семъ отозвался такъ: „Графъ уѣдетъ къ своему корпусу". Вчера графъ Аракчеевъ, выходя изъ кабинета, спросилъ у графа Остермана, когда онъ ѣдетъ. Тотъ не отвѣчалъ. „Я слышалъ, что ваше сіятельство скоро ѣдите". Вмѣсто отвѣта поклонъ. „Теперь дорога хороша". Опять поклонъ. Поѣдетъ ли онъ, теперь или нѣтъ? Странный человѣкъ! То принижается, то подымаетъ носъ какъ Артабанъ; всегда царедворецъ, всегда солдатъ, честолюбивъ, умышленно разсѣянъ, и никогда нельзя знать, что̀ онъ такое. Онъ нарочно выказываетъ себя грубымъ чудакомъ и, по видимому, нарочно же, искательнымъ и въ тоже время недовольнымъ.

*

Прусакъ есть маіоръ гвардіи. Зовутъ его Люцедо̀въ. Въ городѣ его называютъ Какадовъ.

*

Составленъ комитетъ изъ генераловъ Паулучи, Опермана и Гекеля, по поводу Динабургской крѣпости. Нѣтъ въ имперіи трехъ человѣкъ, болѣе одержимыхъ взаимною ненавистью, какъ трое этихъ господъ. Понятно, что съ перваго же засѣданія началась путаница. Между прочимъ Паулучи сказалъ Гекелю: „Ваше мнѣніе столь же вѣроподобно, какъ если бы съ вашимъ носомъ и фигурою вы вообразили себя красавцемъ. Никто съ вами не согласится". Гекель отвѣчалъ: „Не понимаю вашихъ Итальянскихъ аллегорій".

*

9 Мая. Петербургъ. Прекрасный климатъ! По Невѣ идетъ ледъ. Ни листка на деревьяхъ.

*

На парадѣ, когда войска маршировали, генералъ-адъютантъ Сипягинъ, онъ же начальникъ гвардейскаго штаба, становится возлѣ Государя, держа въ рукѣ секундные часы. Такіе же часы у Преображенскаго унтеръ-офицера, стоящаго между музыкантами: онъ ежедневно высчитываетъ по нимъ шаги. Надо, чтобы было 170 се-

---

*) Въ подлинникѣ при этомъ нарисована табличка распредѣленія 8 взводовъ, которая здѣсь не воспроизводится. *П. Б.*

кундъ въ удвоенномъ шагу и 80 во время парада. Хотятъ, чтобъ всѣ полки ходили одинаково и по равному числу шаговъ въ минуту.

*

За обѣдомъ у Государя шла рѣчь о терпимости. Паулучи сказалъ, что онъ можетъ привести прекрасный примѣръ религіозной терпимости, одушевляющей Государя. Когда онъ начальствовалъ на Кавказѣ, одинъ и тотъ же курьеръ привезъ ему приказъ и деньги на постройку и мечети, и Греческой церкви. Для первой—прибавилъ Паулучи—было назначено вдвое больше денегъ, нежели для второй.

*

Дѣвица Кошкуль живетъ у сестры своей, супруги маркиза Паулучи. Какой-то забавникъ написалъ у нихъ на дверяхъ:

Здѣсь живутъ двѣ кошки.
Одна изъ нихъ получше.

*

Генералъ Левашовъ сказалъ однажды княгинѣ Н. Салтыковой: „Служба есть колесо, которое надо безпрестанно смазывать. Мой полкъ есть колесо; ученье—это мазь. Я—работникъ, а мои солдаты.....“—„Ихъ вы колесуете“, докончила княгиня.

Май (1816).

Цѣна на домà очень дешева въ Петербургѣ; также и цѣна на землю въ Россіи. До 600 имѣній *описныхъ*, т. е. находящихся подъ секвестромъ и слишкомъ 300.000 крестьянъ помѣщичьихъ въ томъ же положеніи. У кого наличныя деньги, можетъ теперь сдѣлать отличную въ этомъ родѣ покупку.

*

Ермоловъ, который будетъ играть роль Митридата въ Грузіи, проситъ Государя оставить его тамъ покрайней мѣрѣ десять, а то и шестнадцать лѣтъ. Въ болѣе короткій срокъ онъ не полагаетъ, чтобы возрасли и принесли плодъ тѣ добрыя сѣмена, которыя онъ надѣется посѣять въ томъ краю. Власть его будетъ весьма велика. Онъ выпросилъ себѣ начальникомъ штаба артилерійскаго полковника Вельяминова. Посольство его въ Персію будетъ временное. Съ нимъ поѣдетъ астрономъ профессоръ Панцнеръ, получившій недавно Аннинскій крестъ.

*

Динабургскій комитетъ подалъ отчетъ о своихъ засѣданіяхъ. Рѣшено: нѣтъ нужды въ каменной обшивкѣ, тѣмъ болѣе, что рвы наполнены водою; а впрочемъ, если уже хотятъ обкладывать камнемъ

это мѣсто, то вовсе не нужно класть стѣну въ пять футовъ толщины, какъ предположено инженерною экспедиціей, а только въ три фута, слѣдов. по Вобану. Гекель получилъ приказаніе составить проэктъ; но какъ земляныя насыпи полезны и недòроги, то ихъ нашли достаточными. И такъ крѣпость будетъ устроена по первоначальной мысли и такъ, какъ она начата. Много было горячихъ споровъ о томъ, нанимать ли вольныхъ рабочихъ, т. е. издержать много денегъ, или производить работу солдатами. Остановились на послѣднемъ; но не опредѣлена заработная плата: они будутъ получать *по справкѣ*, на треть меньше того, чтò получаютъ вольнонаемные. Гекель говорилъ, чтобы имъ платить не поденно, а съ каждой кубической сажени; но на это не согласились. Въ комитетъ былъ допущенъ флигель-адъютантъ полковникъ Мишо. Узнаю, что Гекель въ частныхъ письмахъ къ князю Волконскому жаловался на Паулучи по поводу Динабургскихъ сооруженій и что всѣ эти письма были возвращены въ комитетъ. Послѣдовала грозная сцена между этими господами. Оперману насилу удалось ихъ успокоить.

*

Говорятъ, что, кромѣ Нессельрода и Каподистріи, никто изъ министровъ не работаетъ непосредственно съ Государемъ. Все идетъ черезъ руки Аракчеева. Военный министръ Коновницынъ есть въ сущности только начальникъ комиссаріата и продовольственной части. Министромъ военнымъ скорѣе Волконскій, начальникъ Главнаго Штаба; но и тотъ входитъ всегда съ Аракчеевымъ, въ присутствіи котораго обсуждаются дѣла. Докладчикъ Совѣта Оленинъ является по одному разу въ недѣлю съ отчетомъ о томъ, чтò происходило въ Совѣтѣ. Энгель ни разу не занимался съ Государемъ со времени возвращенія. Маркизъ Траверзе докладываетъ еженедѣльно: его часть такова, что ему было бы трудно дѣйствовать черезъ другаго.

*

Г-нъ К. *), имѣя возможность сообщать великимъ князьямъ Николаю и Михаилу о томъ, чтò дѣлается въ полкàхъ, куда они недавно назначены, вошелъ съ ними въ нѣкотораго рода сближеніе и недавно былъ приглашенъ къ нимъ на чай. Тутъ былъ еще молодой человѣкъ, учившійся вмѣстѣ съ ними, въ настоящее время офицеръ Павловскаго полка. К. увидѣлъ на столѣ новое сочиненіе Годта объ Испаніи и сталъ его перелистывать; другіе говорили о военной службѣ, т. е. объ ученьи солдатъ. Молодые люди катали пушку по комнатѣ и потомъ вздумали представить четырехсторонній батальонъ. Для этого нуженъ былъ четвертый, и они позвали К. Тотъ началъ извиняться, говоря, что не любитъ этихъ занятій и мало въ нихъ смыслитъ, и сказалъ: „Неужели мало вамъ вахтпарада и ежедневныхъ ученій?“—„Онъ либералъ, либералъ!“ закрича-

*) Такъ въ подлинникѣ: mr. К. Тоже и въ другихъ мѣстахъ: поставлены однѣ буквы. *П. Б.*

ли они: „онъ думаетъ, что это ни на что не нужно!" И вотъ они съ ревностью миссіонеровъ принимаются обращать на путь истинный человѣка, котораго они любятъ, способности котораго имъ дòроги, но который никогда не постигнетъ великаго капральскаго искусства, воспитывающаго героевъ!

*

У императрицы на придворномъ театрѣ давали Эсѳирь, въ переводѣ Катенина, 20 лѣтняго Преображенскаго офицера. Я слышалъ, какъ роль Амана примѣняли къ А(ракчееву).

*

11 Мая. Прощальная аудіенція Персидскаго посланника Мирзы-Абулъ-Гассанъ-хана. Дипломатическій корпусъ оставленъ въ Георгіевской залѣ и даже не видалъ Государя, чтò довольно странно.

*

Говорятъ, что генералъ Н., уѣзжая, сказалъ, что онъ очень радъ этому путешествію, потому что увидитъ свой полкъ и Россію.

*

Нѣсколько пожаровъ, въ теченіи десяти дней, истребили большую часть города Тамбова. Наконецъ поджигатели схвачены. Слѣдствіе потянулось и, какъ обыкновенно бываетъ въ Россіи, за однимъ ложнымъ или справедливымъ показаніемъ, пущены въ ходъ новыя, чтобы запутать и проволочить дѣло, такъ что наконецъ никто, ни сами судьи, ничего не могутъ разобрать. Чтобы добраться до истины, Государь послалъ туда генерала Творогова, а въ сосѣднія губерніи, Рязанскую и Воронежскую, еще другихъ лицъ. Дѣло было важное тѣмъ болѣе, что подозрѣвали о цѣломъ обществѣ зажигателей, разсѣянномъ по разнымъ мѣстностямъ государства, чтò и подтвердилось до нѣкоторой степени, хотя руководители сами оставались въ сторонѣ. Найдены бумаги, перечневые списки съ именами, подъ мистическими обозначеніями, и все это было захвачено Панкратьевымъ, который смѣнилъ въ производствѣ этого дѣла Творогова (Твороговъ умеръ въ слѣдствіе простуды: онъ застигнутъ былъ мятелью и плуталъ цѣлую ночь). Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ, человѣкъ самъ по себѣ богатый, честный и неподкупный, былъ до такой степени опутанъ этими мерзавцами, что не могъ высвободиться изъ ихъ сѣтей. Большая часть поджигателей дѣйствовали подъ вліяніемъ другихъ. Нѣкоторые были жестоко наказаны, но пожары не прекращались, и настоящаго дознанія не сдѣлано. Очевидно, что зажигатели дѣйствуютъ во всѣхъ концахъ государства: Кіевъ, Рязань, Казань, Бердичевъ, Балта и многіе другіе города въ короткое время обращены въ пепелъ. Увѣряютъ, будто общество это идетъ отъ Наполеона. Если это такъ, то онъ прибѣгъ къ страшному орудію. По мнѣнію другихъ, тутъ замѣшаны Мартинисты или Иллюминаты.

Баронъ Строгановъ, говорятъ, посылается въ Константинополь, такъ какъ Италинскій проситъ, чтобы въ награду за долгую службу его перевели оттуда въ Неаполь, гдѣ онъ нѣкогда оставался долго и гдѣ его любятъ королевская семья и ученые люди.

*

Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ женился на фрейлинѣ Шаховской. Государь, въ качествѣ посаженаго отца, присутствовалъ при обрученіи, но на свадьбѣ не былъ, а только на другой день посѣтилъ новобрачныхъ.

*

Генералъ А—въ пріѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ, говорятъ, взорвали себѣ черепа четыре офицера Польской арміи. Они будто написали Государю письмо, въ которомъ говорятъ, что имъ оставалось выбирать либо позоръ, либо смерть, и что они предпочли послѣднюю, такъ какъ, мстя за безчестіе, они могли навлечь новыя бѣды на свое злосчастное отечество.

*

Нѣсколько дней сряду мясныя лавки закрыты: хозяева ихъ не хотятъ продавать свой товаръ по установленной таксѣ. Говядина стòитъ теперь 38 коп. фунтъ.

*

Тѣло фельдмаршала князя Салтыкова чрезвычайно пахло; на похоронахъ кто-то сказалъ: „Онъ и мертвый такой же, какъ былъ въ живыхъ“.

*

Домъ католической церкви купленъ въ казну для *богоугоднаго* заведенія. Это прекрасное зданіе принадлежало католической общинѣ и выстроено на добровольныя приношенія и на завѣщанныя разными лицами суммы, съ цѣлью доставить дешевыя квартиры для бѣдныхъ людей католическаго исповѣданія. Теперь въ немъ расположатся люди, *угодные богамъ.*

*

Вчера зашла рѣчь о моемъ отправленіи. Генералъ Ф. сказалъ мнѣ, что онъ уже тридцать лѣтъ читаетъ великую книгу терпѣнія и до сихъ поръ еще не дочелъ до конца. „Я долго носился по волнамъ, какъ и вы; но напослѣдокъ присталъ къ берегу. Это вовсе не тотъ берегъ, къ которому я желалъ пристать; но я держусь его, чтобы унестись снова. А вы только еще на серединѣ пути; поплавайте: вамъ даже и надо еще долго плавать“.

*

Одна Испанская королева жаловалась, что ей приходится жить постоянно на показъ. Приближенная къ ней дама, чтобы доказать

ей, что это горе неизбѣжно, сказала: Ваше величество сами ничто иное, какъ вывѣска, которую выставляютъ на показъ (v. m. elle-même n'est qu'une étiquette).

*

Генералъ-адъютантъ Потемкинъ уѣхалъ провожать до границы принцессу и принца Оранскихъ.

*

Генералъ Ф. сказывалъ мнѣ, что во все время Данцигской осады, герцогъ А. Виртембергскій, командовавшій осадными войсками, не переписывался съ Государемъ и ни съ кѣмъ изъ его приближенныхъ. Уѣзжая, по сдачѣ крѣпости, герцогъ передалъ команду генералу Феньшау. Прусаки не доставляли осаждающимъ ни продовольствія, ни какихъ другихъ снабженій. Пребываніе Французовъ въ Данцигѣ было для нихъ сноснѣе вступленія Русскихъ. Такъ какъ было заявлено, что цѣль этой войны возстановить прежній порядокъ, то Феньшау хотѣлъ объявить Данцигъ вольнымъ городомъ. Сенатъ предлагалъ состоять подъ покровительствомъ Россіи и на иждивеніе города содержать пятитысячный Русскій гарнизонъ. Онъ заявилъ, что отдать Данцигъ Прусакамъ, которые нѣкогда такъ вѣроломно захватили его, значитъ предоставить имъ вмѣстѣ съ устьями Вислы ключь къ Герцогству Варшавскому. Составлена была по этому предмету записка и въ двухъ экземплярахъ послана къ князю Волконскому и къ графу Аракчееву. Одинъ отвѣчалъ, что это не его дѣло; другой не прислалъ никакого отвѣта, но черезъ нѣсколько времени выразился такъ: „Право, я тогда не въ силѣ былъ; меня бы не послушались".

*

Говоря о графѣ С.***, кто-то недавно сказалъ: „Онъ былъ недолго молодымъ человѣкомъ и соскучился; недолго супругомъ и соскучился; недолго министромъ и соскучился; недолго генераломъ и соскучился. Словомъ, ему все надоѣло".

*

Іюль (1816).

Офицеры кирасирскаго Ея Величества полка попросили, чтобы отъ нихъ уволенъ былъ ихъ подполковникъ г-нъ Мерлини. Сей послѣдній изъ мести донесъ, будто генералъ Бўдбергъ обворовываетъ казну, въ росписаніи цѣнъ на продовольствіе своей бригады. Скверная исторія. Заслуженый человѣкъ, старый слуга долженъ оправдываться отъ обвиненія, взведеннаго Богъ знаетъ кѣмъ. Послали фельдъегеря звать въ Петербургъ генерала Будберга и полковника (Семенова?). Говорятъ, что и генералу, и его обвинителю не сдобровать.

*

Захвачены фальшивые векселя, выданные княгинею Г.**, супругою Рязанскаго губернатора. Въ другихъ странахъ за это идутъ на висѣлицу. Дѣло замяли.

*

Пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ. Въ пріемной у него множество генераловъ, офицеровъ и пр. Явился и г-нъ Мерлини; человѣкъ двадцать, съ которыми онъ заговаривалъ, отворачивались отъ него. Какой-то молодой человѣкъ, въ первый разъ его видѣвшій, вступилъ было съ нимъ въ разговоръ; но товарищи дернули его за фалды и шепнули: „Это Мерлини!“ Пришлось замолчать. Наконецъ великій князь, еще не выходя къ собравшимся, посылаетъ Сипягина сказать г-ну Мерлини, что дворецъ его не трактиръ и что доносчиковъ изъ него гонятъ. Великій князь выходитъ, на этотъ разъ со всѣми ласковъ и, увидя Будберга, говоритъ: „Мерлини опозорилъ армію.“ Государь предоставилъ это дѣло Цесаревичу. Будбергу сдѣлаютъ выговоръ. Это неизбѣжно въ подобномъ казусѣ, при всей невиновности. Мерлини конечно будетъ прогнанъ.

*

На Петергофскомъ праздникѣ объявлено назначеніе князя Репнина Малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, т. е. двухъ губерній, Полтавской и Черниговской. Эти губерніи будутъ состоять на старинномъ казацкомъ положеніи. Онѣ недовольны были предположеніемъ образовать изъ нихъ двѣ уланскія дивизіи на подобіе Чугуевской. Худо то, что образуется недочетъ въ 5 милліоновъ, и надо прибѣгать къ новымъ источникамъ доходовъ съ этого прекраснаго края. По стариннымъ правамъ, тамошнее народонаселеніе не знаетъ другой подати, кромѣ подушной. Ихъ управленіе, въ родѣ Донскихъ казаковъ. Войсковая Канцелярія, Войсковой Судъ, упраздненныя Екатериною, теперь возстановлены; но гетмана не будетъ. Вотъ новое правительство въ государствѣ.

*

Говорятъ, графъ А. поссорился съ г-номъ К. Сей послѣдній всячески старался уладить дѣло, но безъ успѣха. Нѣсколько дней тому назадъ онъ поѣхалъ въ Грузино и велѣлъ доложить о себѣ. Графъ велѣлъ сказать, что ему недосужно и что онъ его проситъ ѣхать назадъ.

*

Большая часть нашихъ пѣхотныхъ полковъ будутъ обращены въ поселенные, на подобіе Елецкаго. Этотъ годъ начнутъ поселять остальные полки этой дивизіи и полкъ графа Аракчеева.

*

Говорятъ объ устройствѣ военныхъ дорогъ по всей имперіи; команды внутренней стражи будутъ сопровождать рекрутовъ, арестантовъ, транспорты и пр.

*

10 (*22*) ***Августа***, въ день отъѣзда Государя изъ Царскаго Села, мнѣ велѣно ѣхать въ Швецію. Въ тотъ же день я откланялся всей царской фамиліи.

*

11 (*23*). Ѣздилъ въ Стрѣльну съ Сипягинымъ смотрѣть на ученіе конной гвардіи и испросить повелѣній в. к. Константина. Онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я не утонулъ.

12 (*14*). Выѣхалъ изъ Петербурга.

16 (*28*) ***Або***. Демидовъ продолжаетъ прежній образъ жизни. Умеръ профессоръ Гартманъ. Видѣлъ академическую залу. Университетъ получаетъ ежегодно 80 тысячь рублей больше прежняго. Генералъ Штейнгель говоритъ, что профессора слишкомъ обезпечены и оттого мало трудятся.

17 (*29*). Пустились въ море. Мои спутники: капитанъ Сильверсванъ, студентъ Бойсманъ и негоціантъ Бергхольмъ.

28 ***Августа*** (*9* ***Сентября***). Представлялся королю въ Гагѣ, въ присутствіи королевы, наслѣднаго принца и Оскара. Солдаты, присланные для показа. Наши молодцы обѣдаютъ въ павильонѣ съ Шведскими кавалерами св. Георгія.

30 ***Августа*** (*11* ***Сентября***). День Св. Александра. Праздникъ въ Ульрихсдалѣ у батюшки *).

1 (*13*) ***Сентября***. Обѣдъ для нашихъ солдатъ въ манежѣ, данный конно-гвардейцами.

2 (*14*). Наслѣдный принцъ, Оскаръ и ихъ свита обѣдаютъ на Русскомъ бригѣ Фениксѣ. Столы поставлены на палубѣ. Русскіе, Шведскіе и Норвежскіе флаги.

15 (*27*) ***Сентября***. Наши молодцы во дворцѣ прощались съ королемъ и благодарили его. Они получили по 6 червонцевъ; унтеръ-офицеры по 12-ти—на дорогу. Константиновъ получилъ табакерку отъ короля и крестъ ордена Меча съ бриліантами.

19 ***Сент.*** (*1* ***Окт.***) ***Бригъ*** и Константиновъ уѣзжаютъ.

10 (*22*) ***Октября***. Пріѣздъ въ Петербургъ.

(***Продолженіе будетъ***).

---

*) Графа Петра Корнильевича Сухтелена, нашего посланника при Шведскомъ дворѣ. *П. Б.*

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФИНѢ ЛУИЗѢ КАРЛОВНѢ ВІЕЛЬГОРСКОЙ.

Письма эти (за сообщеніе которыхъ въ Русскій Архивъ читатели обязаны внуку графини Віельгорской, Михаилу Алексѣевичу Веневитинову), относятся къ графу Іосифу Михаиловичу Віельгорскому, старшему сыну графа Михаила Юрьевича и графини Луизы Карловны (урожд. Биронъ), родившемуся въ Петербургѣ, 13 Февраля 1817 года. Ему было 11 лѣтъ отъ роду, когда императоръ Николай Павловичь выбралъ его въ товарищи къ нынѣ державному Первенцу Своему по воспитанію и обученію. Молодой графъ принадлежалъ къ числу людей отмѣнныхъ. Высокія душевныя качества, соединенныя съ широкимъ образованіемъ и усиленною жаждою просвѣщенія, обращали на него общее вниманіе. Въ 1836 году, присутствуя при испытаніи артиллерійскихъ орудій на Волковомъ полѣ въ Петербургѣ, молодой графъ получилъ ударъ осколкомъ въ правое бедро, и съ этихъ поръ здоровье его пошатнулось, а черезъ три года чахотка свела его въ могилу. Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ юноша скончался въ окрестностяхъ Рима, 21 Мая 1839 года.

Умирающій графъ Віельгорскій подружился съ Гоголемъ, который жилъ тогда въ Римѣ (См. „Ночи на виллѣ" въ книгѣ П. А. Кулиша: Записки о жизни Гоголя, I, 227). „Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больнаго, умирающаго моего друга Іосифа Віельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали; можетъ быть видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ, характера, ни необыкновеннаго ума его. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его", писалъ Гоголь 18 Мая 1839 года (тамъ же, стр. 223). Въ другомъ письмѣ, отъ 5 Іюня 1839 года Гоголь пишетъ о графѣ Віельгорскомъ: „Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ, и талантъ, и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью и съ такимъ твердымъ, мужественнымъ характеромъ, это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича".

Жуковскій былъ издавна, еще съ Москвы, коротко знакомъ и впослѣдствіи друженъ съ гр. Віельгорскими; а извѣстно, что къ скорби и душевному дѣлу друзей своихъ Жуковскій всегда относился съ сердечнымъ, заботливымъ участіемъ. Нижеслѣдующія письма обращены къ скорбящей матери, душа которой терзалась мукою: удѣлъ старшаго ея сына былъ конечно завиденъ, но въ тоже время физическія силы его изнемогали, и онъ угасалъ безвозвратно. *П. Б.*

1.

Вятка, Мая 18. 1837.

Вотъ откуда пишу къ вамъ, милая моя душа, ваше сіятельство графиня. Это большое самолюбіе называть васъ своею душою: неправда ли, что у меня душа прекрасная, если вы—моя душа; и не слѣдуетъ ли изъ того, что я могу безъ всякаго зазрѣнія совѣсти любить

самаго себя? И такъ, душа моя, слушайте. Вчера, сидя въ дормёзѣ съ однимъ экземпляромъ сочиненія вашего, его сіятельствомъ графомъ Іосифомъ Михаиловичемъ, разговаривая съ нимъ о томъ и о другомъ, мы коснулись и нашего путешествія, которое идетъ довольно быстро. Надобно вамъ знать, что оно вообще сдѣлало ему до сихъ поръ пользу: онъ на видъ здоровѣе, веселъ и очень усердно занимается тѣмъ что̀ видитъ. И я открылъ въ немъ особенное качество, которое, за неумѣніемъ назвать его какъ слѣдуетъ порусски, назову пофранцузски persévérance. Подлинно, persévérance. Отъ заставы Петербургской принялся онъ на тетрадкахъ (мною для того нарочно приготовленныхъ) отмѣчать все, что́ видитъ справа и слѣва дороги. Н. В. виды довольно однообразные. Не смотря на это однообразіе (съ которымъ я грѣшный сладить не могъ), онъ по сію пору продолжаетъ постоянно свои отмѣтки, и у него теперь полный живописный маршрутъ того, что̀ промелькнуло мимо нашихъ глазъ, во все продолженіе нашей скачки [1]). Возвращаюсь къ моему разсказу. И такъ, разговаривая съ нимъ, мы коснулись до трудности нашего путешествія. Я сообщилъ ему свои опасенія на счетъ его здоровья. Отъ Вятки до Казани, чрезъ Пермь, Тобольскъ и Оренбургъ, въ продолженіи мѣсяца, на разстояніи 4500 в., мы должны дѣлать большіе переѣзды и часто ѣхать день и ночь. Признаюсь, это меня пугало на счетъ его болѣзни въ горлѣ, которая могла раздражиться и отъ пыли, и отъ недостатка во снѣ (ибо онъ дорогою не спитъ, а только дремлетъ и дремлетъ *съ открытымъ ртомъ*). Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ, онъ схватилъ карту, развернулъ ее и началъ дѣлать какія-то кабалистическія выкладки, и наконецъ вотъ что сказалъ мнѣ: „Я съ вами не поѣду въ Тобольскъ и Оренбургъ; оставлю васъ въ Вяткѣ и переѣду оттуда въ Казань, гдѣ васъ и дождусь; такимъ образомъ увижу съ вами одну только лучшую часть Россіи и то время, которое проведете вы въ трудныхъ переѣздахъ и въ которое сдѣлаете 4500 верстъ только для того, чтобы увидѣть нѣсколько заводовъ да Оренбургскія степи, проведу на покоѣ, укрѣплю свое горло и долечу свою ногу". Эта благословенная мысль пришла ему въ голову отъ взгляда на карту, на которой увидѣлъ онъ, что отъ Вятки до Казани не болѣе 400 верстъ. Такое намѣреніе, имъ самимъ принятое, меня чрезвычайно обрадовало: лучше ничего придумать было не можно.—Болѣзнь его не увеличилась; напротивъ, ему вообще гораздо лучше: онъ подобрѣлъ. Но раздраженіе въ горлѣ продолжается; оно могло бы усилиться, и что̀, если бы ему надобно было остановиться гдѣ нибудь между Пермью и Тобольскомъ или между Тобольскомъ, Оренбургомъ и Казанью! Было бы плохо. Я съ нимъ тутъ же согласился; а нынче, при нашемъ прибытіи въ Вятку, и всѣ единодушно одобрили его намѣреніе. Такимъ образомъ онъ остается въ Вяткѣ и въ одинъ день съ нашимъ отсюда отъѣздомъ отправится въ Казань. И отправится не одинъ, а съ хорошимъ попутчикомъ. Нѣ-

---

[1]) Жуковскій также снималъ виды Россіи во время этого объѣзда и потомъ перерисовалъ ихъ въ большой альбомъ, который мы имѣли случай разсматривать у покойной его супруги. *П. Б.*

кто Карповъ, присланный сюда депутатомъ изъ Симбирска приглашать Великаго Князя на балъ Симбирскаго дворянства, поѣдетъ съ нимъ до Казани, изъ которой только что пріѣхалъ. Онъ имѣетъ покойный экипажъ. А въ Казани онъ будетъ на рукахъ у генералъ-губернатора Стрекалова, къ которому напишетъ объ немъ самъ Великій Князь. Казань есть самый лучшій пунктъ для его отдохновенія. Тамъ университетъ, слѣд. и медицинскій факультетъ. Городъ прекрасный, ресурсовъ множество: онъ отдохнетъ самымъ лучшимъ образомъ [2]). Но главное дѣло не въ отдохновеніи, а въ томъ, что онъ избавится отъ самой затруднительной части путешествія, (которое вѣроятно бы ему повредило) и довершитъ то, чего не могъ довершить въ Петербургѣ.

Вотъ вамъ самая точная и вѣрная его біографія. Надѣюсь, моя милая душа, что вы мнѣ повѣрите, что вы нисколько не будете о немъ безпокоиться. Прошу васъ повѣрить мнѣ à la lettre. Если когда нибудь имѣли вы ко мнѣ довѣренность, то имѣйте ее теперь.... Онъ ужасно боится вашего страха. Повѣрьте, что я бы остался съ нимъ, если бы хотя мало могъ за него бояться. Обнимаю васъ отъ всего сердца, и друга Михеля, и кума Матвѣя, и всю вашу милую сволочь.

Жуковскій.

2.

27 Мая (8 Іюня). Пароходъ Геркулесъ (1838).

Пишу къ вамъ съ парохода въ Свинемундѣ, гдѣ мы ожидаемъ прибытія Великаго Князя и..... Государя, ѣдущаго съ ними въ Стокгольмъ [3]). Не хочу описывать вамъ нашей Берлинской жизни: вы это описаніе получите отъ Іосифа; но хочу поговорить съ вами о нашемъ миломъ Іосифѣ. Что̀ дѣлать! Судьба его преслѣдуетъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Берлинъ взволновало его кровь. Онъ пріѣхалъ съ красными прыщами на лбу, которые исчезли дня черезъ два; но за то онъ нѣсколько разъ харкалъ кровью. Чтобы это унять, осудили его на нѣсколько дней заточенія въ горницѣ. Отдохнувъ, онъ вышелъ и принялся, какъ слѣдуетъ путешественнику, осматривать городъ; между прочимъ въ одинъ день побывалъ на шести лекціяхъ университета: у Стефенса, Риттера, Савиньи, Ганса, Бёка и, кажется, Раумера. Это произвело опять волненіе въ крови и вмѣстѣ съ нимъ кровохарканье. Бѣды въ этомъ никакой нѣтъ, но нужна предосторожность. По совѣту нашихъ и здѣшнихъ докторовъ опредѣлено его оставить на нѣсколько дней въ Берлинѣ, дабы отдохнуть, потомъ ѣхать ему въ Эгру, и наконецъ провести зиму въ Италіи. Что̀ съ этимъ дѣлать! Бѣды еще нѣтъ никакой. И самому ему путешествіе это не слишкомъ повредитъ: ибо если онъ не увидитъ всей Германіи, какъ его товарищи, то увидитъ Италію, къ которой наилучшимъ

---

2) Молодой графъ пріѣхалъ уже одинъ къ родителямъ въ Царское Село. *П. Б.*

3) Это была внезапная и въ Россіи неоглашенная поѣздка. Государь пригласилъ съ собою въ Швецію между прочимъ графа М. С. Воронцова, который пользовался расположеніемъ Шведскаго короля Бернадота по совмѣстному участію въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ. *П. Б.*

образомъ приготовится на покоѣ. Я желалъ, чтобъ съ нимъ остался Липманъ, который самъ сначала на это вызвался и писалъ объ этомъ къ Кавелину въ Потсдамъ; но не знаю, чѣмъ это кончилось, ибо мнѣ самому невозможно съѣздить въ Потсдамъ: мы вдругъ получили повелѣнiе ѣхать въ Штетинъ и ждать на пароходѣ прибытiя Государя.... Онъ полагаетъ, что ему нѣтъ никакой нужды въ товарищѣ, ибо онъ не боленъ. Теперь дѣло въ одной предосторожности, а не въ леченiи. На него можно безъ всякаго страха положиться: онъ человѣкъ съ характеромъ и съ твердою нравственностiю. Въ двадцать лѣтъ можно уже и самому себѣ вѣрить. Прошу васъ, милая графиня не тревожить себя никакими призраками. Я передалъ Iосифа въ Берлинѣ съ рукъ на руки короткому моему прiятелю Клейсту, который будетъ ему полезенъ во всѣхъ отношенiяхъ.

P. S. Вотъ что рѣшено на счетъ леченiя Iосифа. Липману Государь не позволилъ съ нимъ остаться; но вмѣсто Липмана будетъ съ нимъ докторъ Шпереръ. Онъ будетъ имѣть для путешествiя своего дормёзъ. По окончанiи курса на водахъ, поѣдетъ въ Веве на виноградное леченiе, а по окончанiи онаго отправится въ Италiю. Арендтъ говоритъ въ Ниццу, я я совѣтую въ Римъ.

Простите. Мы плывемъ благополучно; но пароходъ нашъ покачивается, и меня съ утра позываетъ на нѣкоторое непристойное дѣйствiе, о которомъ лучше не думать.

3.

Милая, милая графиня! Нашъ любезный и добрый Матвѣй Юрьевичь разскажетъ вамъ лучше всѣхъ писемъ о томъ, что̀ у насъ происходитъ. Я съ своей стороны скажу вамъ словечка два. Для меня было величайшимъ утѣшенiемъ съѣхаться опять съ нашимъ Iосифомъ. Я не писалъ къ вамъ послѣ моей съ нимъ разлуки въ Эмсѣ, ибо нечего было написать хорошаго. Я покинулъ его тогда съ горемъ и съ весьма слабою надеждою, чтобы онъ скоро могъ выѣхать изъ Эмса. Извѣстiе, что онъ покинулъ Эмсъ, что онъ наконецъ въ Италiи, оставивъ за собою Альпы, меня обрадовало. Наконецъ, увидавшись съ нимъ въ Комо, я еще болѣе былъ утѣшенъ: я нашелъ его гораздо лучше противъ того, какимъ покинулъ въ Эмсѣ. Надежда опять возродилась въ душѣ моей. Болѣзнь его не сдѣлала шагу впередъ; въ его теперешнемъ состоянiи нѣтъ ничего безнадежнаго. Оно критическое, нужна большая о немъ заботливость; но главное мы выиграли: онъ въ Италiи, дышетъ цѣлительнымъ воздухомъ, и этотъ воздухъ уже сдѣлалъ ему видимое добро.... Я его только видѣлъ, но не говорилъ съ нимъ: онъ наложилъ на уста свои печать молчанiя и составилъ самъ для себя орденъ iероглифовъ; ходитъ, какъ командоръ, съ книгою на черной лентѣ, висящею у него на шеѣ. Обыкновенный костюмъ его — сюртукъ, и на сюртукѣ шлафрокъ. А нынче я видѣлъ его сидящаго на жаркомъ солнцѣ, передъ дверями своими, въ саду, въ огромныхъ креслахъ, около которыхъ сдѣланъ былъ родъ кибитки. Подъ этимъ балдахиномъ сидѣлъ онъ съ огромною тетрадью, въ которую вкладывалъ травы съ ярлыками и имѣлъ

видъ восточнаго волшебника, бѣжавшаго изъ Тысячи Одной Ночи. Онъ былъ веселъ, спокоенъ, но очень усердно продолжалъ играть въ молчанку. Этотъ способъ леченія хорошъ не только для больнаго, но и для здороваго. Посылаю вамъ рисунокъ того вида, который изъ оконъ Іосифа. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Не могу сказать вамъ: будьте спокойны; такой совѣтъ будетъ сердцу матери непонятенъ. Скажу только: помните, что и онъ, и вы въ рукѣ Божіей. Это одна изъ тѣхъ lieux communs, которыя становятся въ нѣкоторыя минуты жизни великими истинами, имѣющими характеръ новости и неожиданности. Простите, милая.

Комо, 8 (20) Октября 1838.

4.

...Теперь нашъ больной въ сердцѣ Италіи, и можно надѣяться, что теплый воздухъ Рима, гдѣ онъ вѣроятно уже теперь совсѣмъ устроился, произведетъ благодѣтельное дѣйствіе. Я не видалъ его въ Миланѣ и уѣхалъ изъ Комо, не имѣвъ возможности съ нимъ проститься; ибо самъ былъ боленъ въ послѣдніе дни пребыванія въ Комо и въ первые дни жизни въ Миланѣ; онъ между тѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь. Но главное то, что ему хорошо. Будемъ надѣяться на милость Божію. Онъ поможетъ намъ сохранить милую жизнь его, которая такъ прекрасно начинается; мы будемъ, будемъ радоваться ею.

Прошу васъ напомнить другу Матвѣю Юрьевичу [4]) о его обѣщаніи прислать мнѣ лучшаго Французскаго табаку. Это можно будетъ сдѣлать съ первымъ курьеромъ. Я буду чихать за его здоровье; но увы! онъ не скажетъ мнѣ *здравствуй*! а я не буду отвѣчать *благодарствуй*!

4 (16) Ноября (1838).

5.

Мой безцѣнный другъ [5]). Я писалъ къ вамъ одинъ разъ изъ Петербурга; не знаю, получилъ ли ты письмо мое; но отвѣта отъ тебя особеннаго не жду и не желаю. Что̀ можешь ты написать ко мнѣ, и на что писать? Объ васъ знаю отъ добраго твоего брата, и этого довольно. Хорошо, что вы на мѣстѣ: это дастъ время физическимъ силамъ окрѣпнуть, а бурѣ души не пройти! Изъ шумной она сдѣлалась глубокою. Безпрестанная мысль всегда тутъ, и она не удалится во всю жизнь; да и можно ли желать и ожидать ея удаленія? Указываютъ люди на время какъ на *утѣшителя*. И я на него указываю, но не какъ на утѣшителя. Нѣтъ! Имя его выше. Время—*просвѣтитель* сердца. Оно ничего не изглаживаетъ изъ его памяти. И такого рода утѣшеніе (доступное мелкимъ душамъ) было бы страшнымъ утѣшеніемъ. Нѣтъ! Оно дѣлаетъ только сердце внимательнымъ къ тому голосу, Божьему голосу, который въ немъ глубоко таится и въ первую минуту

---

[4]) Віельгорскому, дядѣ умиравшаго юноши.

[5]) Это письмо обращено къ отцу рано погибшаго юноши, графу М. Ю. Віельгорскому.

бываетъ заглушенъ крикомъ бѣды, на него напавшей. Время даетъ силу прислушиваться къ этому святому, прямо-утѣшительному голосу, но утѣшительному не забвеніемъ, не разсѣяніемъ, а напротивъ чистѣйшею, живѣйшею любовію къ тому, чего нѣтъ передъ глазами и что̀ стало болѣе нашимъ, ибо слилось съ бытіемъ души нашей, что̀ мы встрѣчали прежде посреди этой бѣдной *невѣрной* жизни и чего теперь не встрѣтишь, но что̀ уже вышло изъ подъ вліянія этой ужасающей невѣрности всего здѣшняго. Это просвѣтитель сердца любовію нѣжною, глубокою, вѣрующею, не смѣшанною ни съ какимъ эгоизмомъ. Вотъ время—близнецъ вѣчности. Оно знакомо бываетъ только высокимъ душамъ, способнымъ сильно страдать, но созданнымъ и вѣрить.

Какъ часто мы здѣсь бываемъ розно со своими! Девять десятыхъ жизни не проходитъ ли въ разлукѣ съ ними? Почему же не плачемъ мы о тѣхъ, которые уходятъ въ другую горницу и затворяютъ за собою двери? Знаемъ ли что̀ они въ эту минуту, въ которую мы ихъ не видимъ? И что̀ можетъ въ каждое мгновеніе съ ними случиться? Мысль, что мы *вольны*, какъ скоро захочемъ, быть съ ними вмѣстѣ, уничтожаетъ всѣ страхи этихъ безпрестанныхъ разставаній, и мы ихъ не называемъ ихъ именемъ: дверь отворится, и мы опять съ ними. Зная это, мы не боимся того, что̀ однако всякую минуту можетъ случиться за этою дверью безъ нашего вѣдома. А теперь что̀? Дверь затворилась навсегда; но за то уже ничто за нею ужасное для насъ не случится. Наши глаза его не увидятъ. Но за то *гдѣ* онъ! А то мѣсто, гдѣ *онъ можетъ* быть, онъ, чистый Ангелъ, не взявшій съ собою ни одного темнаго воспоминанія объ этой жизни? О, какое это мѣсто! И такъ вѣрно, такъ радостно можемъ знать, съ *кѣмъ* онъ!..... Все это, какъ мысль, выраженная словами, конечно не поможетъ душѣ, недавно вытерпѣвшей операцію, оторвавшую отъ нея лучшую ея часть. Но конвульсіи болѣзни пройдутъ; и то, что̀ теперь одно неслышное слово, сдѣлается чувствомъ, любовію, прибѣжищемъ души. *И тогда* ничто не перемѣнится: дверь останется затворенною какъ теперь; но за нею будетъ и видно, и слышно, и вмѣсто этихъ темныхъ створовъ, которые кажутся теперь тюремными створами, будетъ въ нихъ стоять утѣшительный Ангелъ, сторожъ нашего рая.

Ты понимаешь, что все это я пишу не для того, чтобы тебѣ помочь въ твоемъ настоящемъ горѣ. Мнѣ усладительно говорить тебѣ то, что̀ скажетъ и тебѣ еще съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ со *временемъ* твое собственное сердце и что̀ еще живѣе нѣкогда заговоритъ въ сердцѣ матери. Богъ сокровище общее, но Онъ какъ-то больше принадлежитъ отцу и матери надъ гробомъ ихъ сына. Я же, потерявъ сына, не бывши отцемъ, думаю объ немъ съ какимъ-то освящающимъ сердце умиленіемъ. Мысль объ этой жизни безъ упрека, объ этой душѣ безъ пятна, объ этомъ тихомъ, смиренномъ отбытіи въ свою сторону, въ сторону Ангеловъ, имѣетъ для меня глубокую, грустную прелесть. Поддержи Богъ душу матери и явись ей съ тѣмъ словомъ, которое только Онъ одинъ сказать можетъ! Прости, безцѣнный другъ.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ЗЕНФТА.

(MÉMOIRES DU COMTE DE SENFFT, ANCIEN MINISTRE DE SAXE. 1863).

Наполеонъ I.—Александръ I.—Лагарпъ.—Князь Чарторыйскій.—Сперанскій.—Графъ Каподистрія.—Приписка.

I.

Книга, выше озаглавленная, кажется, мало извѣстна; но не лишена она исторической занимательности. Графъ Зенфтъ былъ Саксонскимъ посланникомъ при дворѣ Наполеона I. Можетъ быть, и не былъ онъ дипломатъ первостатейный, не Талейранъ, не Поццо-ди-Борго; но чтеніе книги его убѣждаетъ читателя, что онъ былъ умный, честный и добросовѣстный повѣствователь событій, въ которыхъ, хотя и находился второстепеннымъ участникомъ, но всегда внимательнымъ и ясновидящимъ зрителемъ. Подобные свидѣтели и разскащики могутъ иногда внушать болѣе довѣренности, нежели главныя дѣйствующія лица: на нихъ менѣе лежитъ отвѣтственности; ихъ *я* не столько нуждается въ восхваленіи или оправданіи дѣйствій своихъ.

Саксонія, какъ извѣстно, оставалась вѣрною союзницею Наполеона, когда другіе Германскіе союзники его, или просто узники, одинъ за другимъ, пользуясь побѣдами Русскаго войска, отходили и освобождались отъ прежняго побѣдителя. Впрочемъ, точнѣе сказать, не Саксонія оставалась вѣрна, а король ея оставался вѣренъ Наполеону. Предпочитая политикѣ личную честность, онъ не хотѣлъ измѣнять союзнику, почти повелителю, въ то самое время, когда счастіе начало измѣнять прежнему своему любимцу. Было одно время, что въ Дрезденѣ царствовалъ не король, находившійся тогда въ роли плѣнника, а князь Репнинъ *).

Судя по запискамъ Зенфта, не всѣ государственные люди въ Саксоніи раздѣляли рыцарскія сочувствія короля и приверженность его къ Наполеону. Въ запискахъ, о коихъ идетъ рѣчь, не щадятъ его и не рисуютъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Вотъ что̀, между прочимъ, встрѣчаемъ въ нихъ: „Маркизъ Досмонъ (le marquis d'Osmond), столь „достойный почтенія, въ благородной простотѣ удаленія своего „отъ дѣлъ (retraite) ни малѣйшимъ пятномъ не задѣтый, имѣлъ „полное право сказать объ императорѣ Наполеонѣ: кто до него „дотронется, тотъ запачкается (quiconque y touche, se salit)“.

---

*) Намъ случилось видѣть оффиціальныя бумаги, на Нѣмецкомъ языкѣ, за подписью: Fürst Repnin, Vice-König von Sachsen.

А вотъ любопытныя и характеристическія отмѣтки о Наполеонѣ, при проѣздѣ его чрезъ Дрезденъ, послѣ несчастнаго путешествія въ Россію. „Онъ явился въ комнатѣ, въ которой всѣ собрались и „ожидали его, уже одѣтый въ дорожное платье. Вошелъ онъ напѣ„вая въ полъ-голоса (en fredonnant) какую-то пѣсеньку, съ видомъ „насмѣшливымъ и самодовольнымъ (un air goguenard.). Ясно было, „что онъ хотѣлъ казаться неподавленнымъ подъ гнетомъ вели„чайшаго бѣдствія. Такое притворство не было приличнымъ выра„женіемъ бодрости души высокой: оно, можетъ быть, скорѣе выка„зывало недостатокъ истиннаго великодушія и правильнаго образа „мыслей. Подобное свойство и расположеніе ума его не было-ли „слѣдствіемъ понятій, которыя остались въ немъ отъ первоначаль„наго воспитанія и сдѣлались ему привычными и сродными? Такая „черта характера можетъ быть присуща и настоящему величію, „но, она именно обличаетъ себя въ минуты великихъ кризисовъ и „переломовъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ были мы свидѣтелями, ког„да почти непостижимымъ образомъ внезапно угасалъ и разсѣевал„ся призракъ, такъ долго поражавшій міръ удивленіемъ. Къ нѣко„торымъ изъ присутствовавшихъ лицъ Наполеонъ обращался съ „вопросами, относившимся болѣе до предлежавшаго ему пути. По„говоривъ немного съ королемъ, онъ поспѣшно отобѣдалъ и въ семь „часовъ вечера сѣлъ съ герцогомъ Виченскимъ въ карету короле„вы. Карета поставлена была на санныя полозья. По отъѣздѣ его, „г-нъ де Серра сказалъ, что многіе въ Германіи, если бы догада„лись, что̀ вмѣщаетъ въ себѣ эта карета, дали бы ей знать себя „(jouer quelque mauvais tour)“.

Разсказъ простой и въ сущности маловажный; но подъ этими немногими словами подразумѣвается и чуется сцена изъ великой и роковой драммы.—Далѣе авторъ говоритъ, что, „вызывая новыя „усилія со стороны Поляковъ, Наполеонъ сказалъ: „Польскій во„просъ становится очень затруднительнымъ; но Герцогство Варшав„ское должно устоять, будь оно оставлено въ рукахъ Саксонскаго „короля, или передано кому другому“.

Нельзя здѣсь не замѣтить, что есть вопросы, которые исторія и время постоянно подымаютъ въ извѣстные дни и при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Таковы напримѣръ вопросы: Польскій и Восточный. Еще со временъ Екатерины не сходятъ они съ очереди; дипломатія и публицистика живутъ и промышляютъ ими. На нѣсколько времени они какъ бы и кое-какъ разрѣшаются и будто сдаются въ архивъ; но, неугомонные, они и тамъ окончательно не засыпаютъ. Вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, выскакиваютъ они изъ архива, стряхиваютъ съ себя пыль и снова колобродятъ по бѣлому свѣту. Такіе вопросы задавались на рѣшеніе Промысла и Россіи и Наполеономъ I-мъ, и Наполеономъ III-мъ.

А вотъ еще выписка изъ этой книги, болѣе для насъ любопытная.

„Россійскій императоръ въ Эрфуртѣ, 1808 года, говорилъ Саксон„скому королю, что онъ чувствуетъ себя лучшимъ (se sent meilleur)

„послѣ каждой бесѣды съ императоромъ Наполеономъ, и что часъ „разговора съ этимъ великимъ человѣкомъ обогащаетъ его болѣе, „нежели десять лѣтъ опытности".

Точно-ли въ такихъ словахъ выразилъ Александръ мысль свою, неизвѣстно. Можно даже, съ нѣкоторою достовѣрностью, предполагать, что сказанныя имъ слова были умѣреннѣе и нотою ниже здѣсь пересказанныхъ; но сущность, но смыслъ и духъ ихъ очень правдоподобны. Время Эрфуртскаго свиданія было временемъ высшаго увлеченія Александра и вѣроятно искреннихъ сочувствій его къ Наполеону.

Извѣстно, что при драмматическомъ представленіи у Наполеона въ Эрфуртѣ, devant un parterre de rois (какъ говорили въ то время), когда актеръ произнесъ стихъ

L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux,

Императоръ Александръ, сидѣвшій рядомъ съ Наполеономъ, схватилъ руку его и крѣпко пожалъ ее.

Какъ ни подозрѣвали Александра въ прирожденной и благопріобрѣтенной хитрости, какъ ни былъ онъ, въ полномъ значеніи слова, себѣ на умѣ; но нѣтъ повода сомнѣваться въ искренности движенія его и обаянія, которому онъ покорялся. Это обаяніе даже очень понятно и естественно: Наполеонъ былъ изъ малаго числа геніальныхъ и свѣтлыхъ умовъ, когда страсть честолюбія не омрачала его. Всѣ приближенные къ нему согласовались въ томъ, что въ обхожденіи, въ рѣчи его было много обольстительнаго, особенно когда нужно было ему кого нибудь приголубить и околдовать. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ заряды, всѣ чары умственнаго кокетства его были обращены на Александра. Многое въ характерѣ Наполеона еще не успѣло тогда выясниться. Ненасытный честолюбецъ еще не вполнѣ и не до наготы сорвалъ съ себя личину свою. Очень натурально, что онъ обольстилъ младшаго собесѣдника своего, впечатлительнаго и нѣсколько склоннаго къ идеализаціи. Прибавимъ, впрочемъ мимоходомъ, что Эрфуртскія впечатлѣнія могли и не закоренѣть въ Александрѣ; но они и не закоренились. Характеръ Александра былъ не изъ одного слоя образованъ: въ немъ оттѣнковъ было много. За порою обаянія могла слѣдовать пора отрезвленія; за порою довѣрчивости—пора не только охлажденія, но и мнительности. Все это человѣческое, а особенно царское. Царю трудно быть постоянно идеалистомъ: изъ области надоблачной или безоблачной, въ которой духъ его витаетъ, сами-же люди снизводятъ его на землю и часто переиначиваютъ этотъ духъ въ школѣ опыта, дознанія, разочарованія, а иногда и раскаянія въ излишней довѣрчивости.

Въ Императорѣ Александрѣ могло скрываться еще другое побужденіе, которое тогда влекло его къ Наполеону. Мы уже говорили о строѣ ума его, нѣсколько романическомъ. Но этотъ умъ имѣлъ еще другой отпечатокъ, въ слѣдствіе первоначальнаго воспитанія его, подъ руководствомъ Лагарпа: а именно, отпечатокъ слегка де-

мократическій. Извѣстно, что Государь мало обольщался блескомъ присвоеннымъ рожденію и званію. Въ Наполеонѣ, вѣроятно, нравился ему человѣкъ, который власти не наслѣдствовалъ, а пріобрѣлъ ее и царствованіе самъ собою, завоевалъ ихъ силою ума и воли, цѣною подвиговъ, едва-ли въ исторіи небезпримѣрныхъ. Съ этой точки зрѣнія Александръ могъ ставить Наполеона въ воображеніи и сочувствіи своемъ на подножіе, которое превышало все окружающее и все знакомое.

Впрочемъ, не одинъ Александръ въ семействѣ своемъ былъ временно подъ очарованіемъ Наполеона. Помню, какъ за обѣдомъ у Великой Княгини Екатерины Павловны, въ Твери, возникъ оживленный споръ между Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и Карамзинымъ. Первый говорилъ съ восторгомъ о Наполеонѣ и съ одушевленіемъ превозносилъ геніальныя качества его; другой, съ хладнокровіемъ и строгостью историка, судилъ о немъ болѣе умѣренно и отклонялъ излишнія похвалы, ему возносимыя. Споръ длился. Наконецъ Карамзинъ — какъ самъ въ томъ послѣ сознался—утомленный этими преніями, сказалъ, что за многіе подвиги и успѣхи свои Наполеонъ часто и преимущественно былъ обязанъ ошибкамъ противниковъ своихъ. Эти слова не совсѣмъ были умѣстны и царедворны; но они сорвались съ утомленнаго языка. Карамзинъ спохватился, но поздно: сказаннаго слова не воротишь. Впрочемъ, споръ кончился мирно и благополучно, то есть каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи.

Были приверженцы Наполеону и въ правительственной Русской средѣ: напримѣръ канцлеръ графъ Николай Петровичь Римянцовъ и Сперанскій. Разумѣется, тотъ и другой полагали, что для Россіи выгоднѣе было держаться политики его, нежели прекословить ей и раздражать Наполеона. Карамзинъ, какъ мы видѣли, былъ не поклонникъ Наполеона, но также не желалъ разрыва съ нимъ, то есть войны. Онъ опасался ея для благоденствія и цѣлости России. Историкъ не угадалъ 1812-го года, но и не обязанъ былъ угадывать его. Исторія есть наука не предположеній и не гаданій: она преимущественно наука опытности и преподающая уроки ея правительствамъ и народамъ.

II.

Мы имѣли уже случай отмѣтить способность Императора Александра пристращаться къ лицамъ: онъ также пристращался къ мыслямъ и къ предпріятіямъ. Вообще привязывался онъ и предавался лицамъ только тогда, когда они казались ему представителями мысли имъ возлюбленной, или надежными орудіями для совершенія задуманнаго предпріятія. Онъ не имѣлъ при себѣ того, что̀ на придворномъ языкѣ называется любимцемъ или фаворитомъ; но при немъ были и имъ самимъ уполномочивались вліятельныя лица.

Натуры, одаренныя способностью увлекаемости, бываютъ обыкновенно и сами привлекательны. Умъ и сердце ихъ имѣютъ нѣ-

сколько открытыхъ, доступныхъ сторонъ, призывающихъ сочувствіе и преданность. Натура слишкомъ цѣльная, замкнутая въ себѣ самой, какъ крѣпость, конечно, болѣе или менѣе, застрахована отъ нападеній и приступовъ какъ со стороны, такъ и отъ собственныхъ ошибокъ, болѣе увѣрена въ силѣ своего сопротивленія; но за то и остается она безъ сообщенія съ внѣшнею, окружающею ее жизнью. Она внушаетъ уваженіе, но не любовь. Ей предстоитъ опасность завянуть и зачерствѣть въ своемъ величавомъ одиночествѣ. Повторяемъ: въ подобной способности увлекаться и создавать себѣ идеалы есть признакъ особенной мягкости и свѣжести души воспріимчивой и дѣвственной. Много есть здѣсь высоко-человѣческаго, много любви и желанія добра. Можно ошибаться въ выборѣ сочувствій и приверженностей своихъ; ошибаться есть участь и дѣло всякаго человѣка; но внутренняя, задушевная потребность искать идеалы и орудія для совершенія благихъ предпріятій на пользу народа своего и человѣчества, эта тоска по чемъ-то лучшемъ, падаютъ на долю однихъ избранныхъ и возвышенныхъ личностей. Императоръ Александръ былъ одна изъ нихъ. Эти свойства должны быть ему зачтены предъ судомъ исторіи и потомства. Изъ писемъ его видимъ, что, еще во дни ранней молодости, онъ не сочувствовалъ дѣятелямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, которыя значились тогда при дворѣ и у кормила государства. Онъ уже тосковалъ о пріискѣ новыхъ людей; ему нужна была другая атмосфера, нуженъ былъ воздухъ болѣе чистый и легкій. Ему было душно въ той средѣ, въ которой былъ онъ запертъ; онъ жаждалъ перевоспитать себя, пересоздаться въ новой школѣ, въ сотовариществѣ или, вѣрнѣе сказать, подъ руководствомъ, подъ вліяніемъ людей другихъ понятій, другихъ стремленій, другаго закала. Съ увлекательностью молодости, съ полною довѣрчивостью и едва-ли не съ полнымъ нравственнымъ подчиненіемъ, окружилъ онъ себя Новосильцовымъ, Строгоновымъ, Чарторыйскимъ, Кочубеемъ. Позднѣе говаривалъ онъ, что не любитъ, когда ввертываютъ палки въ колеса его (quand on met des bâtons dans mes roues); но здѣсь бояться этого было нечего: сподвижники его не тормозили колесъ, а скорѣе придавали имъ лишняго хода. Позднѣе, когда требованія теоріи обратились въ обязанности практики, когда бремя государственныхъ заботъ и дѣлъ легло всею тяжестью своею на плеча и совѣсть его, онъ тоже, можно сказать, съ лихорадочною заботливостью искалъ людей избранныхъ и свыше предназначенныхъ для осуществленія чистыхъ и доброжелательныхъ намѣреній своихъ; искалъ, испытывалъ, но не всегда находилъ. За то, когда встрѣчалъ онъ личности, въ которыхъ признавалъ тѣ качества, которыя мечтались ему, онъ предавался имъ, можно сказать, безъ оглядки; но до поры и до времени, прибавить должно. Мы видѣли, какъ былъ онъ подъ обаяніемъ Сперанскаго и графа Каподистріи. Первоначальное вліяніе на него Лагарпа не осталось безъ слѣдовъ, можетъ быть, и на всю жизнь его. Г-жа Крюднеръ, и та имѣла свой вліятельный день: отпечатокъ ея отмѣтитъ двѣ-три страницы, какъ политической, такъ и глубоко-внутренней исторіи Александра.

III.

Были горячія привязанности, но бывали и охлажденія. Если ближе и безпристрастно вникнуть въ эти послѣднія, если изслѣдовать причины и свойства ихъ, то увидимъ, что они порождались не столько измѣнчивостью характера и сочувствій Александра, сколько логическою силою событій и знаменій времени. По странному стеченію обстоятельствъ, нѣкоторыя изъ довѣренныхъ лицъ Государя, при всей искренней преданности къ нему, въ которой нисколько не сомнѣваемся, имѣли еще и цѣли личныя, которыя они преслѣдовали. Не будемъ винить ихъ и въ этомъ: вѣроятно, по ихъ убѣжденію, подобное стороннее домогательство могло согласоваться съ политическимъ могуществомъ Россіи. Они могли заблуждаться, но могли быть и добросовѣстны. Лагарпъ, напримѣръ, былъ кровный Швейцарецъ и республиканецъ. Не измѣняя Россіи, онъ пользовался положеніемъ своимъ и благоволительными отношеніями къ нему Александра, чтобы склонять политику Россіи на сторону Швейцаріи и обезпечить судьбу и свободу ея могущественнымъ тогда покровительствомъ Русскаго императора. Князь Чарторыйскій былъ въ такомъ-же двусмысленномъ, или двуличномъ положеніи. Онъ безъ сомнѣнія былъ преданъ Государю. Нѣтъ повода признавать его измѣнникомъ государству и Россіи во время участія его въ государственныхъ дѣлахъ. Безъ натяжки нельзя обвинять его въ измѣнѣ. Но надежды, но виды его въ пользу родины такъ чувствительно и щекотливо дотрогивались до самородныхъ выгодъ Россіи, что политическое положеніе его было въ самомъ дѣлѣ неправильностью и могло даже казаться опасностью. Но въ этомъ отношеніи не онъ одинъ былъ виноватъ; а виноваты были обстоятельства, такъ сложившіяся. Безъ измѣны Россіи, Чарторыйскій могъ мечтать о Польшѣ, возстановленной при содѣйствіи Россіи и подъ охраною и опекою ея. Могло казаться ему, что Польша, удовлетворенная и успокоенная, будетъ надежною и полезною передовою страною Россіи; что такимъ образомъ она вѣрнѣе и навсегда сольется съ нею. Впрочемъ, въ то время самъ Александръ, болѣе или менѣе, раздѣлялъ съ нимъ желанія и надежды его. Слѣдовательно, измѣны пока не было. Позднѣйшаго Чарторыйскаго создали опять событія. По всѣмъ отзывамъ людей, близко знавшихъ его, онъ былъ человѣкъ характера не твердаго, воли не сильной, а легко поддающейся гнету обстоятельствъ, искательствамъ и внушеніямъ среды его окружающей. Къ тому-же наслѣдственное, родовое честолюбіе, которымъ пропиталъ онъ себя съ груди матери, могло легко увлечь его далѣе, нежели онъ предполагалъ и желалъ. Какъ-бы то ни было, измѣнникомъ Россіи и государственнымъ преступникомъ явился онъ уже по кончинѣ императора Александра *). Но прозорливый Государь какъ будто предвидѣлъ будущія колебанія и умыслы своего

*) Намъ кажется, что лѣтъ на восемь раньше. Время женитьбы (на кн. Сапѣгѣ, въ Августѣ 1817 г.) было поворотною точкою въ отношеніяхъ князя Чарторыйскаго къ Александру, какъ и въ личной судьбѣ его; а чистосердеченъ онъ никогда быть не могъ уже по разнородности элементовъ, входившихъ въ бытіе его. *П. Б.*

прежняго сподвижника и друга. Съ самаго возстановленія Царства Польскаго прервались почти всѣ сношенія, которыя болѣе или менѣе сближали ихъ. Многіе приписывали большое вліяніе Чарторыйскому надъ Александромъ и послѣ удаленія его отъ дѣлъ и увольненія отъ министерства. Это несправедливо. Доказательствомъ тому служитъ, что, при образованіи Царства Польскаго, Чарторыйскій оставленъ былъ на второмъ и третьемъ планѣ. Своимъ, такъ сказить, повѣреннымъ въ дѣлахъ Польскихъ Государь назначилъ не его, а Новосильцова. Этотъ выборъ ослабилъ и охолодилъ старыя связи двухъ пріятелей. Чарторыйскій никогда не могъ простить Новосильцову, что онъ занялъ мѣсто, которое онъ признавалъ своимъ.

Императоръ Александръ не разъ, съ тонкою политическою прозорливостью и осторожностью, умѣлъ останавливать на ходу и спроваживать людей, которые могли, такъ сказать, компрометировать достоинство и власть его. Здѣсь кстати примѣнить къ дѣлу простую нашу поговорку: дружба дружбою, а служба службою. Цари могутъ лично любить кого хотятъ; но государственною властью и довѣріемъ обязаны они облекать только тѣхъ, которые государству могутъ быть истинно полезны, и держать ихъ при себѣ, пока они полезны.

Сперанскій одаренъ былъ великими и разносторонними способностями; онъ легко и скоро работалъ. Не смотря на нѣкоторыя придирки Карамзина (впрочемъ всѣ основательныя) редакторъ былъ онъ искусный, даже изящный, особенно въ сравненіи съ прежними правительственными редакторами. Въ этомъ отношеніи отдавалъ справедливость ему и строгій до педантизма Дмитріевъ *). Докладчикомъ долженъ онъ былъ быть превосходнымъ, пріятнымъ, вкрадчивымъ, такъ сказать ловко преподающимъ свой докладъ. Умъ его не былъ умъ глубокій, сосредоточивающій, а легко податливый на всѣ стороны, умъ охотно и свободно объемлющій все что̀ представлялось глазамъ его. Онъ также могъ быть министромъ финансовъ, министромъ народнаго просвѣщенія, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вездѣ, и тутъ и тамъ, былъ-бы онъ на мѣстѣ и, болѣе или менѣе, отличался-бы своею служебною дѣятельностью. Но энциклопедическія свойства ума его призваны были на поприще ему именно болѣе всего приличное. Государь угадалъ его и съ полною довѣренностью приблизилъ къ себѣ. Онъ облекъ его сначала совѣщательною властью: никакого управленія не отдалъ онъ въ руки ему; но при себѣ, но въ кабинетѣ своемъ, давалъ ему голосъ по всѣмъ частямъ управленія. Вскорѣ сей голосъ келейный возобладалъ надъ всѣми другими голосами. Не имѣя министерства ему присвоеннаго, не будучи министромъ, Сперанскій былъ то, что́ въ старину называли первымъ министромъ.

*) Всѣ проэкты новыхъ постановленій и ежегодные отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ при Кочубеѣ были имъ (Сперанскимъ) писаны. Послѣдніе не только имѣли достоинство новизны, но и со стороны методическаго расположенія (весьма рѣдкаго и понынѣ въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), историческаго изложенія по каждой части управленія, по искусству въ слогѣ, могутъ послужить руководствомъ и образцами („Взглядъ на мою жизнь“ И. И. Дмитріева).

Какъ-бы то ни было, Сперанскій былъ для Александра неоцѣненной находкой. Нѣкоторые изъ дѣятелей стараго времени, еще оставшіеся на лице, имѣли болѣе опытности, болѣе государственнаго вѣса, можетъ быть ближе знали Россію, нежели Сперанскій, такъ сказать однимъ шагомъ поступившій изъ семинаріи въ среду государственныхъ дѣлъ. Но молодой Государь извѣрился въ достоинство старыхъ дѣятелей. Онъ требовалъ молодыхъ силъ, новыхъ стихій. Онъ хотѣлъ вино новое влить въ мѣхи новые; а вино преобразованій, новыхъ учрежденій, новыхъ порядковъ бродило въ то время и просилось наружу. Таковы были соображенія Государя. Можетъ быть, Россія не совершенно имъ сочувствовала: она болѣе довѣряла старикамъ, которыхъ привыкла видѣть у кормила государства, которыхъ привыкла она называть сановниками, вельможами. Народъ вообще вовсе не такъ демократиченъ, какъ многіе полагаютъ. Обаяніе высокаго имени очень дѣйствуетъ на него: онъ охотно вѣруетъ въ людей дошедшихъ до большихъ чиновъ постоянною, долговременною службою. Петровская Россія не любила Меншикова: Александровская Сперанскаго. Петръ и Александръ, напротивъ, особенно любили избранныхъ пріемышей своихъ. И это очень естественно. Они готовы были сказать: „Пусть мертвые хоронятъ мертвецовъ своихъ; намъ нужны живые, люди еще небывалые, не очерствѣвшіе подъ корою преданій.

Александръ также желалъ быть преобразователемъ и вѣроятно былъ-бы имъ, если бы внѣшнія обстоятельства не воспрепятствовали тому. Съ начала, при завоевательномъ и ненасытномъ властолюбіи Наполеона, прежде нежели предпринимать ломку у себя, нужно было думать о политическомъ достоинствѣ Россіи и едва-ли не о цѣлости ея. Отсюда почти безпрерывныя войны. Позднѣе, по паденіи Наполеона, возникала здѣсь и тамъ другая сила, не менѣе властолюбивая и не менѣе угрожающая мирному развитію и благоденствію Европы, а слѣдовательно и Россіи (которая, что̀ ни говори, все-же частичка Европейской общины и связана съ нею круговою порукою). Отсюда конгрессы. Все это отвлекало Государя отъ домашняго очага и домашняго хозяйства. По мнѣнію его и эти отвлеченія были необходимы для пользы самой Россіи и, такъ сказать, были вынуждаемы этою пользою. Мы здѣсь не беремся оправдывать воззрѣнія и дѣйствія; мы только стараемся изъяснить событія и логическую ихъ связь, стараемся очистить ихъ отъ тѣней и лживыхъ освѣщеній, которыя набрасываетъ на нихъ легкомысленная или преднамѣренно-недоброжелательная критика.

Но пора возвратиться намъ къ Сперанскому. Онъ, по рожденію своему, по воспитанію, по врожденнымъ свойствамъ, не могъ любить старые порядки. Вслѣдствіе быстраго перехода изъ одной среды въ другую, гораздо высшую, не могъ онъ не имѣть сильныхъ *новаторскихъ* стремленій. По своему положенію въ обществѣ, онъ долженъ былъ принадлежать къ этому разряду честолюбивыхъ умовъ *средняго состоянія*, которые играли такую важную роль во Франціи въ концѣ прошедшаго столѣтія. Судьба сблизила его съ Государемъ, именно въ эпоху, когда самъ Александръ желалъ *но-*

ваторства, то есть внутреннихъ государственныхъ нововведеній. Сперанскій, разумѣется, усердно дѣйствовалъ въ смыслѣ Государя; но частью, можетъ быть, еще усерднѣе въ своемъ собственномъ смыслѣ. Государь и Сперанскій дружно шли по одному пути. Но спрашивается: одна-ли цѣль, одна-ли межа была въ виду у того и у другаго? Не хотѣлъ-ли Сперанскій идти далѣе того предѣла, который предназначалъ себѣ Государь? Между тѣмъ на полъ-дорогѣ Александръ началъ одумываться. Тутъ кстати подоспѣли наговоры, болѣе или менѣе вѣрные и правдоподобные, игра придворныхъ и канцелярскихъ баттарей, по просту сказать интригъ. Современники той эпохи знаютъ, что Сперанскій на вершинѣ могущества своего, въ виду народа и общества, казался какъ-то представителемъ не Русской государственной мысли и силы. Онъ болѣе выражалъ силу какъ будто иноземную. Онъ казался болѣе пришлый самозванецъ власти, въ родѣ какого-то Бирона, разумѣется безъ злодѣйствъ и преступленій его. Напротивъ, можно положительно сказать, что онъ никогда не злоупотребилъ властью и положеніемъ своимъ съ цѣлью кому нибудь повредить и сбить его съ мѣста: онъ довольствовался тѣмъ, что всѣхъ преодолѣлъ и сталъ головою выше, нежели всѣ другіе. Но нашлись однакоже новые Волынскіе: они дѣйствовали успѣшнѣе перваго. Неожиданно для всѣхъ, приготовленный довольно издалека разрывъ совершился однимъ почеркомъ пера: вѣроятно и безъ пера, а просто устно, въ короткихъ, но повелительныхъ словахъ *).

Прежняя неограниченная довѣренность обращалась мало по малу въ охлажденіе; охлажденіе въ мнительность, мнительность въ сильное подозрѣніе, если не въ убѣжденіе виновности прежняго любимца. Чтó ни писали о томъ, чтò ни говорили, но паденіе Сперанскаго остается неразрѣшенною загадкою въ новѣйшей исторіи нашей. Сперанскій въ Перми такое-же загадочное лице, какъ узникъ въ желѣзной маскѣ во Франціи. Даже и по возвращеніи Сперанскаго изъ ссылки и новаго постепеннаго возвышенія его, маска эта не была съ него совершенно снята. Со времени паденія его, по старому юридическому выраженію нашему, онъ у большинства Русскихъ людей былъ оставленъ *въ сильномъ подозрѣніи*. Правильно, или нѣтъ? При существующихъ данныхъ рѣшить нельзя. Обвинять-ли Александра въ непостоянствѣ, въ малодушной уступчивости предъ врагами Сперанскаго, въ неблагодарности къ нему? Также нельзя. Поводъ, причины, содѣйствовавшія разрыву съ любимцемъ и паденію его, должны были быть на лицѣ. Это несомнѣнно. Но въ какой мѣрѣ оправдываютъ они

*) Намъ кажется, что ссылка Сперанскаго достаточно объясняется временемъ, когда она состоялась. Это было въ половинѣ Марта 1812 года, когда рѣшительная борьба съ Наполеономъ уже готова была начаться, когда Государь уже пригласилъ Ростопчина управлять Москвою. Сперанскій держался масонства; онъ терялся въ общечеловѣческихъ высокихъ отвлеченностяхъ. Возможно ли было въ ту минуту, когда волны народныя готовы были хлынуть черезъ край, оставлять у кормила правленія человѣка, для котораго вольное каменщичество, созиданіе града Божія на землѣ, все таки было первымъ дѣломъ души, а народность была дѣломъ второстепеннымъ? *П. Б.*

крутую кару, постигшую его, это также вопросъ, остающійся на очереди для будущаго времени *).

Въ числѣ лицъ, которыхъ государственная дѣятельность наиболѣе, наисимпатичнѣе слилась съ дѣятельностью Александра и живѣе выразила мысли и чувства его—по крайней мѣрѣ на время—ярко и особенно привлекательно отдѣляется отъ другихъ имя графа Каподистріи. Онъ также былъ пришлый въ Русской государственной средѣ. Онъ также при семъ былъ и представителемъ частнаго, случайнаго вопроса, который могъ находить сочувствіе въ Россіи, но не былъ вопросъ прямо Русскій, исключительно Русскій. Выборъ, можно сказать отысканіе такого человѣка, внѣ среды обыкновенной и подручной, уже показываетъ, какъ чутко и вѣрно было чувство Александра.

Чистая и благодушная личность Каподистріи была нѣсколько лѣтъ свѣтлою звѣздою царствованія Императора. Но и этому свѣтилу, по естественному теченію, суждено было, въ данную минуту, отклониться отъ прямого и главнаго пути, ему предстоявшаго. Такова уже была участь Александра въ приближеніи къ себѣ сподвижниковъ, вызываемыхъ имъ на совершеніе благихъ стремленій его. Преданный всѣми способностями ума своего и души, Каподистрія былъ вѣрный слуга Государя и Россіи; но въ виду цѣли, къ которой шелъ онъ добросовѣстно во слѣдъ Александру, имѣлъ онъ свою боковую, родную цѣль. Въ понятіяхъ его и по убѣжденіямъ совѣсти, не отдѣлялъ онъ одной цѣли отъ другой. Служа православной Россіи, онъ думалъ, что служитъ и православной родинѣ своей. Нельзя было требовать отъ него, чтобы, возлюбивъ второе отечество свое, забылъ и разлюбилъ онъ первое: тѣмъ болѣе, что выгоды того и другаго не имѣли ничего другъ другу враждебнаго. Напротивъ, онѣ могли казаться ему взаимно полезными, единомысленными, единокровными. Все это такъ и было до поры и до времени, какъ часто бываетъ на свѣтѣ и въ дѣлахъ житейскихъ. Государь и министръ его хорошо понимали другъ друга; они единодушно шли впередъ путемъ себѣ предназначеннымъ. Но возстаніе Ипсиланти, не въ добрый часъ и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ задуманное и затѣянное, бросило камень преткновенія на этотъ мирный и благоуспѣшный путь.

По своимъ человѣколюбивымъ и религіознымъ чувствамъ, Александръ не могъ не соболѣзновать о страданіяхъ единовѣрцевъ своихъ. Но политика имѣетъ свои условія и законы. Филантропія и политика не близнецы. Государь заподозрилъ народное Греческое движеніе. Онъ не находилъ въ немъ живыхъ признаковъ самобытности; въ этомъ движеніи не признавалъ онъ взрыва самороднаго ключа, который бьетъ и пѣнится самъ собою. Ему казалось, что тутъ есть

*) Припомнимъ, что сначала Сперанскій былъ только удаленъ на жительство въ Нижній. Его неосторожное поведеніе въ самый разгаръ ярмарки въ Нижнемъ, (куда тогда переселилось множество Москвичей вслѣдствіе нашествія Французовъ), обратило это удаленіе (въ половинѣ Сентября) въ настоящую ссылку. *П. Б.*

что-то поддѣльное, наносное, заимственное. Однимъ словомъ, въ этомъ возстанiи видѣлъ онъ движенiе болѣе революцiонное, пущенное со стороны, нежели народное. Едва-ли ошибался онъ въ сомнѣнiяхъ и въ подозрѣнiи своемъ: положенiе Грецiи и въ нынѣшнее время, послѣ пятидесятилѣтняго опыта, не показываетъ-ли, къ прискорбiю, что въ ней мало было политическихъ самобытныхъ силъ, мало политической живучести? Драться за свободу свою дѣло благородное; но одной драки, даже побѣдительной, не достаточно: нужны еще другiя доблести, чтобы заслужить и утвердить свободу свою. А подобныя доблести не вездѣ и не всегда встрѣчаются. Какъ-бы то ни было, разрывъ между Государемъ и министромъ былъ неминуемъ. Въ эти торжественные, роковые дни Греческаго возстанiя, для Каподистрiи выборъ не подлежалъ сомнѣнiю: онъ не могъ оставаться ни на службѣ Россiи, ни въ Россiи, когда Россiя отказывалась подать руку помощи Грецiи. А что онъ любилъ родину свою, онъ это доказалъ и жизнью, и смертью своею: „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ „душу свою за друзей своихъ". Убiйство Каподистрiи, совершенное Греческою рукою, наложило на Грецiю роковую эпитимiю, отъ которой она еще и понынѣ не отрѣшилась.

Разставаясь съ министромъ своимъ, Александръ не имѣлъ огорченiя видѣть, какъ бывало прежде, довѣрiе свое омраченное, пристыженное позднимъ подозрѣнiемъ. Искреннiй разрывъ между ними совершился послѣ искренняго и взаимнаго объясненiя. Но и объясненiе было не нужно: обоюдное положенiе ихъ было ясно и прямо говорило само собою. Каподистрiя въ данную минуту не могъ не быть прежде всего и выше всего Грекомъ. Государь, при всемъ уваженiи своемъ къ чувствамъ и характеру его, не могъ долѣе держать его при себѣ. По своимъ понятiямъ, по отвѣтственности, которую признавалъ онъ для себя непреложною, онъ выше выгодъ Грецiи ставилъ обязанности—Русскаго царя и Европейскаго государя; а этихъ двухъ званiй онъ никогда не отрывалъ одно отъ другаго. Онъ не могъ и не долженъ былъ мирволить и помогать народному возстанiю, въ какомъ видѣ ни являлось-бы оно, тѣмъ болѣе, что онъ не довѣрялъ правдѣ этого возстанiя. Такiя дѣйствiя Александра приписывали, приписываютъ нерѣдко и нынѣ, пагубному влiянiю Меттерниха. Обвиняютъ тогдашнюю внѣшнюю политику нашу въ слабодушномъ подчиненiи Австрiйской. И это не вѣрно. Тутъ никакого подчиненiя не было. Было одно взаимное политическое застрахованiе на случай пожара, или какого другаго бѣдствiя. Положимъ, со стороны Меттерниха, дипломата старой школы, и были тайныя козни, подспудныя, то есть дипломатико-подканцелярскiя интриги; но онѣ не могли-бы совратить политику Александра съ пути, который онъ себѣ предначерталъ. Ларчикъ проще открывался: политика Австрiи или Меттерниха, силою вещей, силою погоды господствующей тогда въ наэлектризированной Европейской атмосферѣ, невольно, почти безсознательно, сошлась по пути съ политикою Александра. Не правдоподобно, чтобы умъ Александра обольстился до ослѣпленiя умомъ

Австрійскаго министра и подчинился ему. Австріи, съ ея Италіянскими, Венгерскими, Чешскими и другими разнородными племенами, нельзя было сидѣть въ пріятномъ созерцаніи и спустя рукава, когда революція разгуливала себѣ по сосѣдству. Россія съ легко возгараемою Польшею, съ возникающимъ внутреннимъ броженіемъ умовъ, которое извѣстно было правительству, также не могла оставаться равнодушною зрительницею пожаровъ, занимавшихся здѣсь и тамъ. Противникъ революціонныхъ движеній въ Испаніи и Италіи, Александръ не могъ въ тоже время благопріятствовать подобнымъ движеніямъ, хотя и въ единовѣрной Греціи. Религіозный вопросъ не есть вопросъ политическій.

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о принципѣ невмѣшательства въ чужія дѣла, про которое толковали и толкуютъ. Не забываютъ-ли при этомъ вопросѣ, что, особенно со временъ первой Французской революціи, въ области политики уже нѣтъ прямо чужихъ дѣлъ? Каждое политическое дѣло, болѣе или менѣе, непосредственно или косвенно, такъ или иначе, ранѣе или позднѣе, но съ домашней почвы переходитъ на общую. Если взглянуть на эту чрезполосную политику съ хорошей стороны, то можно сказать себѣ въ утѣшеніе, что она плодъ цивилизаціи. Это общая круговая порука: и радости и скорби, выгоды и ущербы, все и для всѣхъ пополамъ. Мы знаемъ, что вся политическая мудрость нѣкоторыхъ публицистовъ заключается въ поговоркѣ: „моя хата съ краю, ничего не знаю". Но эта поговорка принадлежитъ лѣтамъ давно минувшимъ. Она могла годиться для Московскаго государства. Для Европейской Россіи она устарѣла. Нѣтъ, какую хату ни имѣй, а нынѣ надобно *знать*. Если же знать не можешь или не хочешь, то принудятъ тебя узнать; но знаніе тогда будетъ позднее. Нынѣ, выстрѣлъ въ отдаленномъ Европейскомъ захолустьѣ раздается по всей Европѣ, и грохотъ его долго не умолкаетъ. Построеніе Китайскихъ стѣнъ въ Европѣ неосуществимо. Да не въ пользу онѣ и самому Китаю. Онъ, за крѣпкою и высокою оградою (клепать на него нечего), въ чужія дѣла не вмѣшивается; но другіе вмѣшиваются въ дѣла его. Англичане и Французы, ни съ того, ни съ другаго, перелѣзли чрезъ эту стѣну и временно хозяйничали себѣ въ небесномъ государствѣ.

А нынѣ? Посмотрите на Герцеговину. Кажется, кому-бы до нея дѣло? Вся-то она ничто иное какъ большое село, едва-ли лучше нашего села Ивановскаго. Но расшевелилась, и всѣ дипломатическія перья съ одного конца Европы до другаго пришли въ движеніе. Хорошо еще, если дѣло обойдется безъ передвиженія войскъ. А на Европейскихъ биржахъ фонды, эта ртуть новѣйшихъ политическихъ барометровъ, уже пришли въ большое волненіе. Что̀ на глазахъ у насъ нынѣ, то было уже и при Александрѣ I. Одиночной политики быть не можетъ.

(*Продолженіе будетъ*)

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами.
Январь 1876 г.

ПИСЬМО ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ [1]).

(*Изъ Москвы въ Тверь*, *Апрѣль 1810*).

Государыня!

Письмо, коимъ почтить меня угодно было Вашему Императорскому Высочеству, я имѣлъ счастіе получить. Оно произвело особливую благодарность къ памяти покойнаго родителя Вашего, къ коему преданность моя удостоилась вниманія и Вашего Императорскаго Высочества [2]). Государыня! Вѣрьте симъ двумъ неоспоримымъ истинамъ, что императоръ Павелъ, взойдя двадцать прежде лѣтъ на Россійскій престолъ, превзошелъ бы дѣлами Петра Великаго и что Ростопчинъ, не имѣя дарованій Меньщикова, Шафирова и Остермана, болѣ ихъ былъ преданъ, вѣренъ и признателенъ своему благодѣтелю.

Найдя вѣрный случай, отправляю къ Вашему Императорскому Высочеству записки о происшествіяхъ, коимъ я былъ очевидецъ. Тутъ нѣтъ ничего упущеннаго, ничего прибавленнаго, и картина страшнаго сего дня писана съ истины. Къ пріѣзду моему въ Тверь я заготовлю собственно для Васъ исторію сословія Мартинистовъ въ Россіи, имѣя всѣ нужныя для сего свѣдѣнія [3]). Тайное сіе общество (и посему нетерпимое), бывъ разсѣяно при Екатеринѣ, возстало было на минуту при Павлѣ, но нынѣ явно господствуетъ и достигаетъ безопасно до своей цѣли, увѣря Государя въ своемъ ничтожествѣ.

Концерты заняли часть публики въ великой постъ. „Слѣпой дворянинъ" въ модѣ. А теперь пришло время сбора контрибуцій съ барынь на Кузнецкомъ мосту, гдѣ всѣ канальскія модныя Французскія лавки. При осмотрѣ мною богоугодныхъ заведеній въ столицѣ увѣрился я еще болѣ, что юстиція для бѣдныхъ не по деньгамъ, и я просилъ Государя о письменномъ позволеніи входить въ сношенія съ начальствами и съ министрами, безъ чего отъ меня другой пользы притѣсненнымъ не будетъ, какъ глотать почище

---

[1]) Печатается съ современнаго списка, поступившаго въ Русскій Архивъ въ числѣ разныхъ бумагъ графа Ростопчина, отъ сына его графа Андрея Ѳедоровича. П. Б.

[2]) Великой Княгинѣ шелъ 13-й годъ, когда скончался ея родитель. *П. Б.*

[3]) Эта исторія или Записка о Мартинистахъ напечатана въ Р. Архивѣ 1875 (III, стр. 75).

воздухъ. Донесенія мои я буду имѣть счастіе представить Вашему Императорскому Высочеству.

Графъ Иванъ Васильевичь дѣлаетъ противное калифу Гарунъ-Альрашиду, которому всякое утро напоминали для уничиженія, что онъ человѣкъ. А нашему, хотя онъ и не вантрилокъ, но собственный утробный гласъ кричитъ ежесекундно: Ты фельдмаршалъ! Гудовичь! Графъ! Главный! Грозный! Герой! Посему извольте себѣ представить, какъ онъ милъ для просителей и посѣтителей.

Валуевъ, сынъ смерти, выпрося, какъ милостыни, позволеніе пріѣхать на восемь дней въ Петербургъ, распускаетъ въ даль по улицамъ слухъ неблагопристойной, что онъ будто призывается. Онъ труситъ Твери и себя.

Вотъ двѣ надгробныя, заживо ему заготовленныя:

Ci gît l'agent de la mort,
Qui avait bien l'air d'un Maure.
Il vecut sans frein et sans mord,
Ne connut jamais le remord,
Et quoiqu'il soit bien mort,
Mais prends garde passant: il mord [4]).

Ci gît un fossoyeur, dont le chagrin extrême
Fut de ne pouvoir s'enterrer lui-même [5]).

Здѣсь есть слухъ, что Ваше Императорское Высочество, по совѣту доктора Крейтона, походъ въ Ярославль отмѣнить изволили; но, полагая быть въ Маію въ Твери, я намѣренъ справиться тайно, не будетъ ли мѣста на мачтѣ и потомъ, испросивъ соизволенія Вашего, плыть въ Петербургъ и пользоваться съ высоты зрѣніемъ природы и суетъ мірскихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ
Вашего Императорскаго Высочества
всепреданнѣйшій

14-го Апрѣля 1810 года.
Москва.

Графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

---

[4]) Здѣсь лежитъ агентъ смерти, имѣвшій видъ Мавра. Онъ жилъ безъ удержу и безъ узды, никогда не зналъ угрызенія, и хотя онъ конечно умеръ, но берегись, прохожій: онъ кусается.

[5]) Здѣсь лежитъ землекопъ, котораго главное горе состояло въ томъ, что онъ не могъ самаго себя закопать въ землю.

КЪ РОДОСЛОВІЮ ГРАФОВЪ ПАНИНЫХЪ.

Нижеслѣдующее письмо, сохранившееся въ семейномъ архивѣ княгини М. А. Мещерской (урожденной графини Паниной), представляетъ собою документъ къ исторіи славнаго въ отечественныхъ лѣтописяхъ и нынѣ угасшаго рода графовъ Паниныхъ, Итальянское происхожденіе которыхъ было доселѣ извѣстно только по преданію. Это письмо Христофора Панина изъ Лукки, писанное въ Данцигъ, 6 Декабря 1718 года, къ отцу знаменитыхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей, генералу-поручику Ивану Васильевичу Панину, коего предки, по свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, переселились въ Россію еще въ XV столѣтіи. *П. Б.*

Monsieur.

C'est avec un extrême plaisir que j'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 3-me Sept. passé, ayant appris par elle que vous avez reçu les armes et arbres de notre famille que je vous ai envoyés. Je voudrais être capable de vous donner des plus grandes marques de mon attention en tout ce qui pourrait vous faire plaisir que je ferai du meilleur de mon coeur. Pour ce qui regarde ce que vous me demandez, combien sommes nous de familles ici de notre nom, j'aurai l'honneur de vous dire qu'il y en a trois, toutes jouissantes de la noblesse et Dieu merci en très-bon état, et j'ai vu avec plaisir qu'il y en eu chez vous quatre familles et toutes de même, et en très-belles charges. Je leur souhaite toutes sortes de prospérité, et en particulier à votre maison que j'estime et considère beaucoup.

Pour ce qui regarde mes titres, lorsque vous voudrez m'honorer de mes lettres, vous pourrez le faire de la même manière dont vous avez fait jusqu'à présent, et j'aurai toujours un extrême plaisir de recevoir de temps en temps de vos chères nouvelles, et d'autant plus me seront agréables lorsqu'elles seront accompagnées de l'honneur de vos commandemens, n'ayant autre ambition que de vous faire connaître que je suis et serai toute ma vie, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur et parent.

Christ. Pagnini.

à Lucques.
ce 6 Décembre
1718.

Надпись: A monsieur de Pannin, général majeur et premier commissaire de guerre de Sa Majesté Czarienne à Danzic.

ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА КЪ ГРАФУ С. Р. ВОРОНЦОВУ.

I.

Въ первой книжкѣ „Русскаго Архива" 1876 года помѣщены два письма И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову, и одно изъ нихъ содержитъ въ себѣ интересный разсказъ объ опалѣ, постигшей графа Н. П. Панина въ послѣднее время царствованія императора Павла.

Въ дополненіе къ этому разсказу, мы считаемъ не излишнимъ сопоставить ему свидѣтельство и другаго современника той эпохи, извѣстнаго Нѣмецкаго писателя Августа ф. Коцебу, который находился тогда въ Петербургѣ и бывалъ часто при дворѣ, щедро осыпаемый царскими милостями, въ воздаяніе за безвинно-понесенную имъ кару: загадочную ссылку въ Сибирь [1]).

Вотъ что говоритъ онъ о вышеупомянутомъ случаѣ въ своемъ „Опроверженіи Секретныхъ Мемуаровъ о Россіи, Масона" (Réfutation des Mémoires Secrets sur la Russie, Paris, 1802, 25—26).

„Графъ Ростопчинъ стоялъ долгое время во главѣ управленія иностранными дѣлами и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ государя. Авторъ „Секретныхъ Мемуаровъ" сообщаетъ въ нихъ подробности о причинахъ возвышенія этого сановника [2]), но умалчиваетъ объ исторіи его паденія,—

---

[1]) Мы должны предупредить читателя, что Нѣмцы не могли терпѣть графа Ростопчина, и потому нельзя вполнѣ довѣрять отзывамъ пресловутаго автора безчисленныхъ комедій, которому хорошо были извѣстны Берлинскія симпатіи графа Н. П. Панина. *П. Б.*

[2]) Главною причиною успѣховъ служебной карьеры Ростопчина при Павлѣ Масонъ выставляетъ слѣдующее обстоятельство (См. „Mém. Secr. т. I, стр. 307—308): „За нѣсколько лѣтъ до кончины Екатерины II, Ростопчинъ, въ званіи камеръ-юнкера, дежурилъ, вмѣстѣ съ прочими, при дворѣ наслѣдника престола, въ Павловскѣ. Изъ числа молодыхъ товарищей Ростопчина, графъ Шуваловъ и князь Барятинскій считали свою службу при великомъ князѣ тяжелою барщиной (une corvée difficile), потому что одно слово, не впопадъ сказанное при немъ великой княгинѣ, или что-нибудь новомодное въ ихъ костюмѣ, могли погубить ихъ. И вотъ молодые люди всячески старались отдѣлываться отъ трудной службы, то подъ видомъ болѣзни, то подъ разными другими предлогами. Съ своей стороны, Ростопчинъ, оставшись одинъ въ Павловскѣ и соскучась въ долгомъ ожиданіи смѣны своему дежурству, написалъ къ гофмаршалу двора императрицы ѣдкое письмо, гдѣ подсмѣивался надъ своими товарищами, по поводу обстоятельствъ, которыя будто-бы препятствовали имъ явиться въ Павловскъ. „А что́ касается до меня", — писалъ онъ подъ конецъ,—„то такъ-какъ у меня нѣтъ ни секретной болѣзни,

исторіи, извѣстной мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ и дѣлающей истинную честь правосудію императора Павла".

„Извѣстно, что почтенный графъ Панинъ сдѣлался жертвою ревнивой завистливости Ростопчина, по интригамъ коего и былъ удаленъ императоромъ въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, былъ тамъ проѣздомъ одинъ чиновникъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, котораго имя я забылъ [2]). Онъ писалъ оттуда въ Петербургъ къ г. Муравьеву дружеское письмо, гдѣ, между-прочимъ, выразился такъ: „Я видѣлъ нашего Цинцинната въ его помѣстьѣ". Далѣе въ письмѣ говорилось только о совершенно-постороннихъ вещахъ, касавшихся родни писавшаго лица. Но посланіе это показалось графу Ростопчину подозрительнымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, ему хотѣлось, чтобы оно было сочтено такимъ: несомнѣнно только то, что Ростопчинъ показалъ письмо государю, который, со словъ его, понялъ, будто-бы оно писано графомъ Панинымъ и будто послѣдній обозначалъ въ немъ, подъ именемъ Цинцинната, князя Репнина (опальнаго), а подъ названіями родственниковъ, упоминаемыхъ тутъ-же,—друзей и приверженцевъ князя".

„Императоръ окончательно повѣрилъ хитрой выдумкѣ Ростопчина и тотчасъ-же повелѣлъ графу Салтыкову, Московскому главнокомандующему, объявить строгій выговоръ несчастному Панину. Повелѣніе это было исполнено, но графъ съ твердостію отозвался, что не писалъ ни одного письма въ Петербургъ. Тогда императоръ Павелъ, уже сильно предубѣжденный противъ него, принялъ это отрицаніе виновности за дерзость, страшно вспылилъ и распорядился отправить подлинное письмо въ Москву, съ приказомъ къ генералъ-губернатору: вопервыхъ, уличить графа Панина предъявленіемъ ему собственнаго его письма, а за тѣмъ сослать въ другую деревню, за двѣ тысячи верстъ отъ подмосковнаго имѣнія, гдѣ графъ имѣлъ дотолѣ свое пребываніе".

„Пока все это происходило, истинный авторъ письма̀, бывшій еще въ Москвѣ, узналъ и о новой немилости, разразившейся надъ Панинымъ, и объ ея причинѣ. Такъ-какъ этотъ чиновникъ былъ искренно привязанъ къ

чтобы лечиться, ни Итальянской пѣвицы на содержаніи, чтобъ заниматься ею, то я буду продолжать съ удовольствіемъ нести за нихъ службу при особѣ великаго князя". Эти язвительные намеки прямо относились на счетъ Шувалова и Барятинскаго, котораго Павелъ терпѣть не могъ. Между-тѣмъ письмо Ростопчина было показано гофмаршаломъ императрицѣ и сперва разсмѣшило ее; но Шуваловъ и Барятинскій разобидѣлись и потребовали у Ростопчина удовлетворенія. Наконецъ, исторія эта надѣлала немало шуму и завершилась тѣмъ, что Барятинскаго отправили въ дѣйствующую армію, а Ростопчина удалили отъ двора на годъ. Съ того времени Павелъ Петровичъ смотрѣлъ на послѣдняго, какъ на преданнаго своего рыцаря, и потому вовсе пересталъ принимать къ себѣ на дежурство другихъ камеръ-юнкеровъ, наряжаемыхъ къ нему по очереди, пока Ростопчинъ не былъ возвращенъ ко двору; а до тѣхъ поръ эти господа постоянно должны были ѣздить изъ Петербурга въ Павловскъ или Гатчину, собственно за тѣмъ лишь, чтобы побывать тамъ у дворцоваго подъѣзда и тотчасъ-же быть отосланными вспять".

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь, очевидно, о графѣ *Петрѣ Андреевичѣ Шуваловѣ* (р. 1771 + 1808), впослѣдствіи генералъ-лейтенантѣ и генералъ-адъютантѣ Павла I-го, и о князѣ *Иванѣ Ивановичѣ Барятинскомъ* (племянникѣ извѣстнаго кн. Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго), впослѣдствіи тайномъ совѣтникѣ и посланникѣ въ Мюнхенѣ.

[2]) Это былъ Петръ Ивановичъ Приклонскій, другъ Панинскаго дома. *П. Б.*

графу отношеніями дружбы, а еще болѣе—признательности, то не поколебался открыть въ чемъ дѣло и выручить изъ бѣды своего благодѣтеля. Онъ поскакалъ на почтовыхъ въ Петербургъ, добился тамъ свиданія съ графомъ Кутайсовымъ и объяснилъ ему чистосердечно всѣ обстоятельства, по поводу которыхъ писалъ свое письмо, высказавъ при томъ, что *Цинциннатомъ* онъ назвалъ графа Панина, но не съ умысломъ скрыть настоящее его имя, а изъ личнаго своего убѣжденія въ сходствѣ характера графа съ свойствами великодушнаго Римлянина. Эту исповѣдь онъ закончилъ предложеніемъ сличить свою подпись съ выставленною подъ письмомъ, которая, дѣйствительно, и оказалась его руки. Кутайсовъ немедленно доложилъ обо всемъ слышанномъ императору, и докладъ этотъ подтвердился полученнымъ въ тоже время оффиціальнымъ донесеніемъ изъ Москвы, что Панинъ не былъ авторомъ письма. Разгнѣванный обнаружившеюся продѣлкой Ростопчина, Павелъ, въ благородномъ негодованіи на него, вскричалъ: „Ростопчинъ—чудовище! Онъ хочетъ дѣлать изъ меня орудіе своей личной мести; ну, такъ я-же постараюсь, чтобъ она обрушилась на немъ самомъ!“ И въ тотъ-же день Ростопчинъ подвергся царской опалѣ“.

II.

По поводу другаго письма И. М. Муравьева-Апостола къ графу Воронцову о первыхъ дняхъ царствованія Александра I, приведемъ здѣсь выписку изъ XXVI тома „Полнаго Собранія Законовъ“, гдѣ подъ № 19 784-мъ напечатанъ именной указъ Сенату, отъ 15-го Марта 1801 г., „*о прощеніи людей, содержащихся по дѣламъ, производившимся въ Тайной Экспедиціи, съ присовокупленіемъ 4-хъ списковъ онымъ*“.

Вотъ текстъ высочайшаго указа, воскресившаго многихъ живыхъ мертвецовъ:

„Обращая бдительное вниманіе на всѣ состоянія врученнаго намъ отъ Бога народа и желая наипаче облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, въ Тайной Экспедиціи производившимся, препровождаемъ при семъ четыре списка: 1) О заключенныхъ въ крѣпостяхъ и разныя мѣста сосланныхъ съ лишеніемъ чиновъ и дворянскаго достоинства; 2) О таковыхъ-же, заключенныхъ и сосланныхъ безъ отнятія чиновъ и дворянства; 3) О содержащихся въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ разныя мѣста на поселеніе и въ работу людяхъ, не имѣющихъ чиновъ; и 4) О разосланныхъ по городамъ и въ деревни подъ наблюденіе и присмотръ земскихъ начальствъ,—Всемилостивѣйше прощая всѣхъ поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ безъ изъятія, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство и повелѣвая Сенату нашему освободить ихъ немедленно изъ настоящихъ мѣстъ ихъ пребыванія и дозволить возвратиться, кто куда желаетъ, уничтожа надъ послѣдними и порученный присмотръ. Впрочемъ мы въ полномъ надѣяніи пребываемъ, что воспользовавшіеся сею нашею милостію потщатся поведеніемъ своимъ содѣлаться оной достойными“.

I) Списокъ о содержащихся по вѣдомству Тайной Экспедиціи, лишенныхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, которые всемилостивѣйше прощаются и освобождаются, съ показаніемъ, гдѣ они нынѣ находятся:

1. *Огонь-Догановскій*, бывшій подпоручикъ. Въ Шлюссельбургской крѣпости.
2. *Вульфъ*, бывшій поручикъ. Въ Рижской крѣпости.
3. *Бухаровъ*, бывшій капитанъ. Въ Кексгольмской крѣпости.

4. *Барановскій*, подпоручикъ. Въ Кіевопечерской крѣпости.
5. *Васильевъ*, бывшій Нерчинскаго губернскаго магистрата прокуроръ.
6. *Домбровскій*, бывшій Тринитарскаго монастыря настоятель.
7. *Зюльковскій*, бывшій Бенедиктинскаго монаст. ксензъ.
8. *Цецерскій*, подпоручикъ бывшихъ Польскихъ войскъ.
9. *Цецерскій*-же, бывшій Виленскаго Доминиканскаго монастыря пріоръ. } Въ Нерчинскѣ.
10. *Юдицкій*, сынъ Польскаго генералъ-поручика.
11. *Шангинъ*, бывшій шихтмейстеръ 14-го класса.
12. *Зейдеръ*, бывшій въ Дерптѣ пасторъ [1].
13. *Васильчиковъ* [2], бывшій секретарь конторы Херсонскаго порта.
14. *Волчковъ*, бывшій полковникъ.—Въ Смоленской губерніи.
15. *Евреиновъ*, бывшій совѣтникъ. } Въ Калужской губерніи.
16. *Радищевъ* [3], бывшій коллежскій совѣтникъ.
17. *Глазатовъ*, бывшій подпоручикъ. Въ Казанской губерніи.
18. *Иванъ Засъ*, бывшій унтеръ-офицеръ гвардіи Семеновскаго полка. } Въ Тобольской губерніи.
19. *Грабовскій*, Виленскій палестрантъ.
20. *Іозефъ Черновскій*, шляхтичъ.
21. *Сестревитовскій*, бывшій регентъ Кобринскаго Земскаго Суда. } Въ Тобольской губерніи.
22. *Сестревитовскій*, того-жъ Суда писарь.
23. *Поздырскій*.— } шляхтичи.
24. *Кондратовичъ*.
25. *Гладковъ*, бывшій прапорщикъ. Въ Екатеринбургѣ. } Въ Пермской губерніи.
26. *Де Орлинъ*, Французъ, отставной поручикъ. Въ работѣ.
27. *Спасеновъ*, бывшій коммисаръ 9-го класса. Въ Екатеринбургѣ на работѣ.
28. *Тороповъ*, бывшій маіоръ. Въ Азовской крѣпости.

И того по сему списку 28 человѣкъ.

II. Списокъ о содержащихся по вѣдомству Тайной Экспедиціи безъ отнятія чиновъ и дворянскаго достоинства разныхъ чиновникахъ, которые всемилостивѣйше прощаются и освобождаются, съ показаніемъ, гдѣ они нынѣ находятся.

1. *Кречетовъ*, отставной поручикъ } Въ Шлюссельбургской крѣп.
2. *Любовецкій*. } Подольскіе шляхтичи.
3. *Снарскій*.
4. *Домашневъ*. } Отставные маіоры.
5. *Кардовской*.

6. *Бибиковъ*, полковникъ. } Въ Шлюссельбургской крѣп.
7. Жена его, урожденная *Говенъ*.
8. *Азанчевскій*, штабъ-капитанъ
9. *Шлиттеръ*, гусарскаго полка корнетъ.
10. *Потуловъ*, маіоръ.

---

[1]) *Фридрихъ Зейдеръ*. Подробности о немъ см. въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., т. VIII, стр. 589—593, 812 и 1003.

[2]) *Петръ Васильяновъ*, а не *Васильчиковъ*, какъ напечатано, по ошибкѣ, въ спискѣ, приложенномъ къ именному указу. Онъ былъ осужденъ въ 1797 г., *за оскорбленіе величества* и подвергнутъ наказанію кнутомъ.

[3]) *Александръ Николаевичъ*, извѣстный авторъ книги: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Р. 1749+1802.

11. *Юдинъ*, колежскій ассесоръ.
12. *Тюкинъ*, колежскій совѣт.
13. *Пироговъ*, ассесоръ.
14. *Перхуровъ*, отставной генералъ-маіоръ.
15. *Сокоревъ* 2-й, бывшій въ гвардіи поручикъ.

} Въ Шлюссельбургской крѣп.

16. *Елагинъ*, отставной корнетъ.
17. *Крюковъ*, подпоручикъ.
18. *Дюнантъ*, надворный совѣтникъ.
19. Княгиня *Анна Голицына*, урожденная *Зотова* [4]).
20. *Пасковъ*, маіоръ [5]).

} Въ Шлюссельбургской крѣпости.

21. *Кекулевъ*, штабсъ-капитанъ. Въ Даниловской крѣпости.
22. *Домбровскій*, генералъ-лейтенантъ.
23. *Ахматовъ*, прапорщикъ.

} Въ Рижской крѣпости.

24. *Амилахоровъ*, Грузинскій князь. Въ Выборгѣ.
25. *Войчинскій*, поручикъ. Въ Выборгской крѣпости.
26. *Козловскій*, шляхтичъ. Въ Кексгольмской крѣпости.
27. *Балье*, Французъ, при высочайшемъ дворѣ служившій кондиторомъ.
28. *Алтестій*, коллежскій совѣтникъ [6]).
29. *Петръ Калнишевскій*, бывшій Запорожскій кошевой атаманъ [7]). Въ Соловецкомъ монастырѣ.

30. *Сумороцкій*, отставной капитанъ.
31. Жена его.

} Въ Иркутской губ.

32. *Шапочкинъ*, прапор.
33. *Долбня*, корнетъ.
34. *Клементьевъ*, есаулъ.
35. *Лохвитской*, поручикъ.

} За Байкаломъ.

36. *Длускій*, Польскій шляхтичъ. Въ Нерчинскѣ.
37. *Шанинъ*, отставной прапорщикъ.
38. *Поповъ*, штабсъ-капитанъ.

} Въ Смоленской губ.

39. *Грузиновъ*, отставной лейбъ-казачьяго полка поручикъ [8]). Въ Нарвѣ.
40. *Метлоевъ*, придворный коммиссаръ.
41. Жена его.

} Въ Березовѣ.

42. *Стрѣлецкій*, Подольской губерніи шляхтичъ.
43. *Ивановъ*, штабсъ-капитанъ. Въ Петропавловской крѣпости.
44. *Больвіеръ*, полков. Въ Тобольскѣ.
45. *Каминскій*, поручикъ бывшихъ Польскихъ войскъ.
46. *Грундъ*, докторъ. Въ Омскѣ.
47. *Подпрятовъ*, штабсъ-капитанъ.

} Въ Тобольской губер.

48. *Геттъ*, подпоручикъ.
49. *Рожновъ*, отстав. прапорщикъ [9]). Въ Нарымѣ.

} Въ Тобольской губ.

---

[4]) Княгиня *Анна Ивановна*, первобрачная жена князя *Сергѣя Николаевича Голицына* (р. 1753 + 1827), дочь полковника *Ивана Никитича Зотова*.

[5]) Такъ измѣнена была, вслѣдствіе спорнаго дѣла объ имущественныхъ и родовыхъ правахъ, фамилія *Василія Васильевича Пассека*. Его автобіографическая записка напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., подъ заглавіемъ: „Отрывокъ жизни (его), имъ самимъ сочиненный въ С. Петербургской градской тюрьмѣ, въ 1803 году“.

[6]) *Андрей Ивановичъ*, уроженецъ Рагузы, служившій въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, любимецъ Зубова. Умеръ въ Италіи, въ 1841 году.

[7]). О *Петрѣ Ивановичѣ Калнишевскомъ*, см. статью въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., т. III., стр. 405—420.

[8]) О судьбѣ братьевъ Грузиновыхъ и мученической смерти, подъ кнутомъ, одного изъ нихъ см. статью въ „Русской Старинѣ“ 1871 г.

[9]) *Рожновъ* былъ осужденъ въ первое время царствованія Павла, въ 1797 г., по обвиненію въ дерзкихъ словахъ противъ религіи и особы Монарха. Прежде ссылки въ Сибирь, его наказали кнутомъ.

50. *Скамаровскій*, ловчій.
51. *Урбановскій*, шляхтичъ.
52. *Вербинскій*, писарь села Смолевы.
53. *Мороженъ*, бывшій табашной администраціи генеральный ревизоръ.
54. *Юковскій*.
55. *Линкѣвичь*, бывшій земскій коммиссаръ
56. *Пигловскій*, домовой кн. Любомирскаго секретарь.

Въ Тобольской губерніи.

57. [10]).
58. *Соколовскій*, житель Луцкаго повѣта [11]).

Въ Тамбов. губерніи.

59. *Странкевичъ*. Въ Перми.
60. *Панголо*, отставной маіоръ. Въ *Новгородской* [12]) губ., въ Кинбургской крѣпости.
61. *Кряжевъ*, титулярный совѣтникъ. Въ Вологодской губерніи, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ.

По Санктпетербургскому ратгаузу:

62. *Яцынъ*, надворный совѣтникъ. Въ цухтгаузѣ.
63. *Бѣляевъ*, штабсъ-ротмистръ.
64. *Короза*, Польской службы маіоръ.

И того по сему списку 64 человѣка.

III) Списокъ о содержащихся въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ разныя мѣста на поселеніе и въ работу людяхъ, не имѣющихъ чиновъ:

1. *Косцовъ*, С. Петербургск. купецъ Въ С. Петербургской крѣпости.
2. *Матвѣевъ*, Ревельскій купецъ.
3. *Агѣевъ*, Рожественскій мѣщанинъ.
4. *Савельевъ*, Ревельскій мѣщанинъ.
5. *Даниловъ*, С. Петербургскій купецъ.
6. *Ярмоловичъ*
7. *Киріадъ*

Уніатскіе ксензы.

Въ Шлюссельбургской крѣпости.

8. *Макіевскій*, Лифляндецъ. Въ Рижской крѣпости.
9. *Еленскій*, Полякъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ.
10. *Иконниковъ*, канцеляристъ.
11. *Илья Бухановъ*, солдатъ.
12. *Савва Петровъ*, Сенатскихъ ротъ вахмистръ.

Въ Суздальскомъ монастырѣ.

13. *Аванасій Алашевъ*, солдатъ. Въ Архангельской губерніи.
14. *Малаховъ*, бывшій рядовой. На суконной фабрикѣ.
15. *Кернеръ*, Французъ, тамъ-же
16. *Ренно*, Французъ.
17. *Бренкъ*, иностранецъ, за Байкаломъ.

Въ Иркутской губерніи.

18. *Перенъ*,
19. *Мертенъ*,

Французы въ Нерчинскѣ.

20. *Панченко*, отставной солдатъ.
21. *Зеленскій*, Малороссіянинъ.
22. *Позняковъ*, крестьянинъ.
23. *Винниченко*, помѣщика Надаржинскаго крестьянинъ.

Въ Нер-чинскѣ.

24. *Василій Григорьевъ*.
25. *Матвѣй Никифоровъ*.
26. *Даниловъ*.

бывшіе священники.

27. *Коровницкій*, бывшій діаконъ.
28. *Бельрозъ* Французъ. Въ Томскѣ.
29. *Уманьянъ*.
30. *Беккеръ* [13]).
31. *Монтаній*.

Иностранные купцы бывшіе въ Москвѣ.

Въ Тобольской губерніи.

---

[10]) Нумеръ 57-й пропущенъ въ печатномъ спискѣ: вслѣдъ за 56-мъ поставленъ 58-й.

[11]) Временнымъ товарищемъ его ссылки былъ Коцебу, который упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ: „Das merkwürdiegste Jahr meines Lebens". Berl. 1801.

[12]) Очевидно опечатка: слѣдовало сказать: „*Новороссійской*", а не *Новгородской*.

[13]) Объ этомъ человѣкѣ Коцебу также упоминаетъ въ запискахъ о своей ссылкѣ.

32. *Клавдій Николаевъ*, придворный служитель } Въ Смоленской губерніи.
33. Арапъ *Александровъ*, служившій при дворѣ. }

34. *Фоксъ*, Англичанинъ. Въ Вяткѣ.

35. *Патрушевъ*, отставной сержантъ. Въ работѣ по С. Петербургскому ратгаузу.

36. *Пасачниковъ*, отставной гусаръ. Въ Слободско-Украинской губ.

37. *Сумъ*, Шведскій подданный. Въ Вологодской губерніи.

38. *Гайкари Ейзасъ*, крестьянинъ. } Въ Пермской губ.
39. *Филиппова*, сержантская жена. }

40. *Анисья Александрова*, вдова солдатская жена. Въ Лифляндской губерніи

41. *Карякинъ*, отставной кадетъ. Калужской губерн., въ Лаврентьевомъ монастырѣ.

И того по сему списку **14** человѣкъ.

IV). Списокъ о живущихъ подъ вѣдомствомъ Тайной Экспедиціи въ городахъ и деревняхъ подъ присмотромъ.

1. *Гарновскій* [14]), полковникъ, въ Санктпетербургѣ.
2. *Грибовскій* [15]) отставной полковникъ, изъ Подольской губерніи. } Въ Московской губерніи.
3. *Рахмановъ*, отставной полковникъ. }
4. *Трегубовъ*, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаръ }
5. *Егоровъ*, прапорщикъ. Въ Серпуховѣ.
6. *Раевскій*, коллежскій ассесоръ } Въ Москвѣ.
7. *Болховкинъ*, } прапорщики. }
8. *Симоновъ*. } }
9. *Раевскій*, штабсъ ротмистръ. }
10. *Нарышкинъ*, подполковникъ. }
11. *Чириковъ*, маіоръ. Въ Тамбовской губерніи.
12. *Флемингъ*, баронъ, Шведскій дворянинъ. Въ Калугѣ.
13. *Подгорновъ*, отставной прапорщикъ. Въ Екатеринбургѣ.
14. *Бахметьевъ*, отставной подпоручикъ. Въ Костромѣ.
15. *Ермоловъ*, артиллеріи подполковникъ [16]). Въ Костромѣ.
16. *Чаплицъ*, отставной полковникъ Въ Сеннинскомъ повѣтѣ.
17. *Фуксъ*, аптекарскій гезель. Въ Астрахани.
18. *Бершевитиновъ*. Въ Тверскомъ уѣздѣ.
19. *Киселевъ*, титулярный совѣтникъ. Въ Твери.
20. *Ганандеръ*, Шведскій пасторъ. Въ Новѣгородѣ.
21. *Шарпинской*, статскій совѣтникъ. Въ Каргополѣ.
22. *Ѳедоръ Секретаревъ* [17]), бывшій при дворѣ каммердинеръ, *съ женою*. Въ Оренбургской губерніи.

И того по сему списку **22** [18]) человѣка.

А всего, по четыремъ спискамъ, насчитывается **155** человѣкъ.

Д. Рябининъ.

---

[14]) Авторъ извѣстныхъ записокъ объ Екатеринѣ II-й. *П. Б.*

[15]) Дѣлецъ князя Потемкина. Любопытныя записки его печатаются въ Русской Старинѣ 1876 года. *П. Б.*

[16]) Знаменитый, впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ.

[17]) Полное его имя: *Ѳедоръ Ермолаевичъ*, а жены его *Марья Іасоновна* (рожденная Струговщикова). Послѣдняя умерла въ Москвѣ въ 1839 г., а мужъ пережилъ ее двумя или тремя годами. О Секретаревѣ см. разсказъ въ Сентябрской книжкѣ „Русской Старины" за 1874-й годъ (впрочемъ невѣрный и очень не полный. *П. Б*).

[18]) Напечатано ошибочно „23".

ВЪ ПАМЯТЬ В. В. СКРИПИЦЫНА.

Въ Декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1875 г. помѣщена статья изъ „Воспоминаній“ О. А. Пржецлавскаго, заключающая въ себѣ характеристику министра-статсъ-секретаря Туркула.

Кто знакóмъ съ „Воспоминаніями“ г. Пржецлавскаго, помѣщаемыми въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и даже напечатанными особою книжкою, тотъ конечно согласится со мною, что они отличаются остроуміемъ, живымъ интересомъ и бойкимъ словомъ. Подъ удачнымъ названіемъ „Калейдоскопа“, они представляютъ цѣлый рядъ явленій, случившихся въ настоящемъ столѣтіи, которыя, при каждомъ поворотѣ точки зрѣнія читателя, являются предъ нимъ въ новомъ, болѣе или менѣе занимательномъ видѣ. Авторъ превосходно овладѣлъ Русскимъ языкомъ, и я смѣло скажу, что предпочитаю даже его Русскую рѣчь Польской, съ которой я когда-то былъ знакóмъ по издававшейся имъ въ Спб. газетѣ „Тыгодникъ“ (Еженедѣльникъ). Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго пристрастія къ парадоксамъ. Увлекаемый ими, онъ нерѣдко становится въ положеніе, вынуждающее его невѣрно характеризовать тѣ личности, къ которымъ онъ не чувствуетъ особеннаго расположенія. Къ числу ихъ я отношу наприм. графа Н. Н. Новосильцова и В. В. Скрипицына. Въ защиту перваго уже было написана длинная статья П. В. Кукольникомъ *), оставшаяся—сколько мнѣ извѣстно—безъ отвѣта; въ защиту втораго я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

Г. Пржецлавскій находитъ, что Скрипицынъ былъ болѣе остроуменъ, нежели уменъ; что ему недоставало глубокой образованности и основательнаго знанія существенныхъ основъ тѣхъ вѣроисповѣданій, дѣлами которыхъ онъ завѣдывалъ по званію директора департамента иностранныхъ исповѣданій. Въ подтвержденіе такого мнѣнія авторъ утверждаетъ, что Скрипицынъ былъ мало свѣдущъ въ органическихъ и дисциплинарныхъ законахъ Римско-католической церкви, тогда какъ это должно быть, по мнѣнію автора, „исходною точкою, азбукою“ человѣка, призваннаго управлять дѣлами этого исповѣданія. Какъ примѣръ грубаго невѣжества Скрипицына, онъ приводитъ разговоръ съ нимъ, изъ котораго оказывается, что бывшій директоръ департамента исповѣданій смѣшивалъ даже анаѳемы, изрекаемыя папою, съ понятіемъ о проклятіи,—и докторальнымъ тономъ объясняетъ, что Греческое слово: *анаѳема* состоитъ „изъ *ана*—отрицаніе, и *ѳема*—тема, ученіе церкви; вмѣстѣ же слово значитъ: внѣ церкви, внѣ общенія“.

---

*) Въ Русскомъ Архивѣ 1872 года. Для оцѣнки г-на Пржецлавскаго и его пріемовъ напоминаемъ читателямъ статью объ его Воспоминаніяхъ въ Р. Архивѣ 1873, стр. 637—1052 и слѣд. *П. Б.*

Уважая въ Скрипицынѣ умнаго, дѣльнаго и вполнѣ Русскаго человѣка, вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ, я не буду утверждать, что онъ обладалъ спеціальною ученостію, но не могу согласиться съ авторомъ, что онъ былъ будто бы образованъ только эклектически. Всѣ дѣйствія его по должности выказываютъ въ немъ близкое и глубокое знакомство съ своимъ предметомъ. Требовать, чтобы директоръ департамента иновѣрныхъ исповѣданій подробно зналъ органическіе и дисциплинарные законы каждаго исповѣданія немыслимо: такое знаніе могло бы быть развѣ только поверхностнымъ, а потому нетолько безполезнымъ, но даже вреднымъ. Чтобы дѣльно управлять дѣлами иновѣрныхъ исповѣданій, директоръ долженъ знать только Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Единственное правило, которымъ онъ обязанъ руководствоваться, должно состоять въ терпимости, въ той мѣрѣ, въ какой допускаетъ ее Сводъ. Обязанности его состоятъ въ надзорѣ, такъ сказать, чисто-прокурорскомъ. Онъ не входитъ и не долженъ входить въ разбирательства каноновъ той или другой церкви. Чтò бы ни дѣлала, какъ-бы ни разсуждала компетентная церковная власть, ему до этого нѣтъ дѣла. Онъ заботится только объ одномъ: чтобы эти дѣйствія и разсужденія не противорѣчили законамъ государства, въ которомъ они должны проявиться во внѣ, и не нарушали бы ничьихъ, ни гражданскихъ, ни междуисповѣдныхъ правъ. И горе директору, который сойдетъ съ этого фундамента и произвольно станетъ на почву каноновъ: любой ксёндзъ, любой пасторъ его загоняетъ!...

Я не могу согласиться и съ тѣмъ, чтобы Скрипицынъ былъ вовсе незнакомъ съ „азбукою“ своей должности, какъ это думаетъ г. Пржецлавскій. Его знаніе исторіи своего вѣдомства не подлежитъ сомнѣнію и доказывается трудомъ его вице-директора, изданнымъ подъ титуломъ „Le catholicisme romain en Russie“, предпринятымъ по *его* иниціативѣ и написаннымъ первоначально подъ *его* руководствомъ. Трудъ этотъ былъ только началомъ цѣлаго ряда историческихъ монографій каждаго изъ вѣроисповѣданій, входящихъ въ кругъ вѣдомства департамента, и долженъ былъ служить справочнымъ матеріаломъ для министерства. Нельзя не согласиться, что такой планъ, задуманный Скрипицынымъ, самъ по себѣ уже обличаетъ въ немъ не только умнаго, но и вполнѣ образованнаго человѣка. Если онъ въ своихъ докладахъ не приводилъ цитатъ изъ каноническаго права Римской церкви, то не потому, чтобы совершенно не зналъ его, а потому, что сознательно игнорировалъ его и никогда не признавалъ его обязательнымъ для государственной власти. За тѣмъ, чтò касается до неправильнаго пониманія имъ слова „анаѳема“, то и въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться съ нимъ, хотя въ переносномъ смыслѣ, чѣмъ съ этимологіею его ученаго критика. Г. Пржецлавскій принимаетъ почему-то *предлогъ* ’ανὰ, управляющій винительнымъ падежомъ, за отрицательную *частицу* ’α, и на этомъ основаніи насильственно сооружаетъ форму слова, придавая ему неменѣе насильственное значеніе, между тѣмъ какъ слово ’ανάθεμα очевидно происходитъ отъ ’ανάθημα, встрѣчающагося у классическихъ писателей и означающаго все возлагаемое на алтарь, приносимое въ жертву. Этимъ выраженіемъ отцы церкви аналогически называли человѣка, выставленнаго на публичный позоръ, и тѣмъ самымъ конечно отлученнаго отъ церкви. Понятіе объ отлученіи еще точнѣе истекаетъ изъ глагола ’αναθίτημι, если признать его корнемъ этого слова, какъ думаютъ нѣкоторые филологи. Несмотря однакоже на такое значеніе, злоупотребленіе этого выраженія такъ тѣсно связало съ нимъ понятіе о проклятіи, что оно едвали не на всѣхъ Европейскихъ языкахъ сдѣлалось съ нимъ вполнѣ тождественнымъ, и конечно такимъ неправильнымъ пони-

наніемъ оно прежде всего обязано именно папскимъ анаѳемамъ, ставившимъ нѣкогда пораженныхъ ими лицъ внѣ закона и чрезъ то подвергавшимъ ихъ de facto всѣмъ послѣдствіямъ проклятія. Напрасно авторъ ссылается на Восточную церковь. Ея анаѳемы никогда не влекли за собою подобныхъ послѣдствій, и всегда, или по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ, разумѣлись latae sententiae. Если Викторъ Еммануилъ, не смотря на анаѳему папы, остается на престолѣ Италіи, то конечно не потому, что Пій IX желалъ пощадить его отъ проклятія!...

Не соглашаясь съ мнѣніемъ уважаемаго автора относительно ума и образованности Скрипицына, еще менѣе могу я оставить безъ возраженія стремленіе его набросить тѣнь на добросовѣстность Скрипицына. Случай къ тому авторъ находитъ при посвященіи прелата Лубенскаго въ санъ епископа.

Вотъ какъ расказываетъ объ этомъ О. А. Пржецлавскій: „По предписаннымъ правиламъ, кандидатъ въ епископы, въ одинъ изъ моментовъ обряда, долженъ былъ произнести присягу на вѣрность Государю на Русскомъ языкѣ. Какъ графъ Лубенскій не зналъ порусски ни слова, то для него форма присяги, которую онъ долженъ былъ прочитать во всеуслышаніе, написана была Польскими буквами. Передъ выходомъ въ церковь, въ сакристіи (ризницѣ) было объ этомъ разсужденіе между митрополитомъ, будущимъ епископомъ и Туркуломъ. Извѣстно, какое значеніе въ произношеніи Русскихъ словъ имѣетъ просодія: неправильное удареніе на какомъ нибудь слогѣ, нарушая фонетическія требованія языка, производитъ страшную какофонію, дѣлая рѣчь почти непонятною. Это представляло непредусмотрѣнное препятствіе. Лубенскій призналъ для себя невозможнымъ читать вслухъ, боясь среди священнаго обряда насмѣшить многочисленную собравшуюся въ церкви публику; онъ представлялъ, что какъ въ самомъ ритуалѣ (требникѣ) посвященія заключается присяга вѣрности царствующему Государю на Латинскомъ языкѣ, то условіе это будетъ выполнено самимъ же обрядомъ. Если же, сверхъ того, признана будетъ необходимою особая присяга, то такую, по возвращеніи въ Варшаву, Лубенскій произнесетъ попольски, предъ коммисіею внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, въ присутствіи тамошняго архіепископа. Митрополитъ убѣдился этими доводами, и Туркулъ не протестовалъ. Посвященіе было совершено безъ упомянутой формальности, отложенной до возвращенія епископа въ Царство...... Этимъ обстоятельствомъ (тѣмъ, что Государь не принималъ нѣкоторое время никакихъ личныхъ докладовъ) воспользовался Скрипицынъ, ненавидѣвшій инстинктивно (?), неизвѣстно почему, Туркула, дабы поколебать довѣріе къ нему Государя. По внушенію своего директора департамента, министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ описанный фактъ при посвященіи Лубенскаго представленъ былъ Государю въ самомъ невыгодномъ, и даже предосудительномъ свѣтѣ, и для Лубенскаго, и для митрополита, а въ особенности для Туркула“.

Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ Лубенскій былъ по высочайшему повелѣнію вызванъ изъ Варшавы (куда онъ было уѣхалъ) снова въ С.П. бургъ; какъ подписалъ въ церкви Св. Екатерины присланный листъ, и какъ Туркулъ успѣлъ изгладить въ умѣ Государя всякое непріязненное впечатлѣніе относительно Лубенскаго. Послѣ такого успѣха „Туркулъ положилъ себѣ—продолжаетъ авторъ—не отмстить виновному всей этой неудавшейся интриги (онъ не былъ мстителенъ), а проучить его порядкомъ и дать понять разъ навсегда, что борьба съ нимъ была бы крайне неравна. Не встрѣчаясь съ Скрипицынымъ по службѣ, Туркулъ долженъ

былъ для этого выжидать удобнаго случая. Этотъ случай вскорѣ представился". Митрополитъ Дмоховскій умеръ, и на мѣсто его поступилъ Головинскій [1]), учредившій у себя по Воскресеньямъ послѣ обѣдни завтраки, къ которымъ разъ навсегда было приглашено нѣсколько лицъ, составлявшихъ его интимный кружокъ. Въ одно изъ такихъ Воскресеній митрополитъ пригласилъ и Скрипицына. Но пусть самъ авторъ продолжаетъ разсказъ.

---

[1]) Митрополитъ Головинскій оставилъ по себѣ память въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ: Русскомъ и Польскомъ, и разумѣется, въ каждомъ съ точки зрѣнія, тому и другому свойственной. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и видался довольно часто, конечно не въ той обстановкѣ и не въ томъ обществѣ, въ которыхъ вспоминаетъ его г-нъ Пржецлавскій. Скрипицынъ первый обратилъ на него вниманіе, по случаю изданнаго имъ путешествія въ Іерусалимъ, когда еще онъ былъ только священникомъ. „Ксендзъ, который предпочитаетъ поклоненіе Св. Гробу, въ Іерусалимѣ, поклоненію Св. Петру, въ Римѣ, не можетъ быть фанатикомъ", говорилъ мнѣ Валерій Валеріевичъ,—и страшно въ немъ ошибся... Онъ вызвалъ его въ С.Пб., опредѣлилъ профессоромъ Римско-католической духовной академіи, содѣйствовалъ назначенію его ректоромъ, потомъ суфраганомъ митрополита „съ правомъ наслѣдованія ему въ санѣ". Головинскій во все то время показывалъ полную преданность Скрипицыну: раздѣлялъ на словахъ его воззрѣнія, путешествовалъ, по мысли его, по внутреннимъ губерніямъ, посѣщалъ православные монастыри, знакомился съ нашими архіереями, выказывая имъ знаки глубокаго уваженія и совершенной христіанской терпимости. Наружное согласіе его со взглядами Скрипицына простиралось до того, что, по случаю встрѣченныхъ въ то время затрудненій со стороны Римской куріи при назначеніи къ намъ епископовъ, онъ подалъ особую записку, въ которой доказывалъ, что, по силѣ церковныхъ каноновъ, Латинская церковь въ Россіи можетъ законно посвятить для себя епископовъ безъ согласія папы—нѣчто въ родѣ янсенизма!... И въ тоже время—какъ видимъ изъ прекраснаго труда А. Н. Попова о папской политикѣ въ Россіи—писалъ въ Римъ секретные доносы, въ которыхъ обвинялъ Скрипицына въ ненависти и въ преслѣдованіи Латинской церкви! Ругая его передъ папою, онъ въ тоже время ползалъ передъ Скрипицынымъ дотолѣ, пока не усѣлся прочно на архіепископскомъ креслѣ. Быть можетъ, что такое поведеніе, съ точки зрѣнія о. о. Іезуитовъ, заслуживаетъ полнаго уваженія; но намъ, не посвященнымъ въ спасительное ихъ ученіе, оно представляется, по меньшей мѣрѣ, недобросовѣстнымъ.

Выше я сказалъ, что Головинскій обвинялъ Скрипицына въ ненависти къ Латинской церкви. Такое обвиненіе, раздѣляемое многими изъ его единовѣрцевъ, совершенно несправедливо. Скрипицынъ нисколько не былъ врагомъ Римскаго католицизма, какъ не былъ врагомъ протестанства, или какою иного исповѣданія. Если въ немъ проявлялось сколько нибудь враждебное, повидимому, направленіе, то оно было вызываемо не ученіемъ Латинской церкви, а ея конфессіоналомъ, изъ котораго постоянно истекали революціонныя начала противъ Россіи; точно также, какъ онъ не сочувствовалъ прибалтійскимъ пасторамъ не какъ духовенству, а какъ гонителямъ Православія и всего Русскаго въ своемъ краѣ.

Въ бытность мою въ 1869 и 1870 годахъ въ Римѣ, во время Ватиканскаго собора, графъ *, *скій посланникъ при папскомъ дворѣ, занимавшій нѣкогда дипломатическій постъ въ С.Пб. и расположенный къ Россіи, разсказывалъ мнѣ, что въ разговорѣ съ папою, на жалобы его противъ Русскаго правительства, графъ увѣрялъ его, что правительство наше нисколько невраждебно католицизму, а только преслѣдуетъ революціонныя идеи, распространяемыя Польскимъ духовенствомъ. Можно ли, вслѣдствіе такого взгляда графа *, католика и представителя католическаго правительства, обвинять его въ ненависти къ католицизму?

„Туркулъ (бывшій тутъ въ числѣ друзей Головинскаго) пожелалъ дать ему (Скрипицыну) маленькій урокъ. Не помню, кто изъ насъ спросилъ о Лубенскомъ, который, не совсѣмъ еще выздоровѣвшій, выѣхалъ изъ С.Пбурга. Туркулъ, отвѣтивъ, что епископъ совершенно здоровъ и находится уже въ своей епархіи, воспользовался этимъ и сказалъ слѣдующее:

—„Всѣ вы, господа, знаете, что графъ Лубенскій, по своемъ посвященіи и отъѣздѣ, былъ возвращенъ сюда по высочайшему повелѣнію для принесенія присяги на вѣрность Государю Императору, отъ чего при самомъ совершеніи обряда онъ будто бы отказался. Какъ исполненіе этой монаршей воли было поручено мнѣ, то я считаю нужнымъ разсказать и исходъ этого распоряженія. Въ немъ ясно видѣлось недоразумѣніе"...

„Тутъ Скрипицынъ прервалъ говорившаго и сказалъ: „Не знаю, въ чемъ ваше высокопр-во видите недоразумѣніе? До свѣдѣнія Государя былъ доведенъ совершившійся фактъ".

„Туркулъ отвѣчалъ: „Я позволю себѣ замѣтить, что одно, такъ сказать, голое изложеніе факта не составляетъ полнаго о немъ свѣдѣнія. Оно тогда только бываетъ полно и можетъ служить основаніемъ къ сужденію о самомъ фактѣ, когда тотъ изображенъ со всѣми побудительными къ нему причинами и со всею обстановкой. Государь не сообщалъ мнѣ полученнаго о Лубенскомъ донесенія, но по всей вѣроятности въ этомъ донесеніи не было упомянуто объ исполненіи посвящаемымъ присяги на вѣрность царствующему государю, находящейся въ самомъ ритуалѣ обряда; а главное, не было объяснено причины, вполнѣ уважительной, по которой графъ Лубенскій не рѣшился произнести словъ присяги на чуждомъ ему языкѣ, которыхъ онъ не понималъ и не могъ выговорить правильно. Это опасеніе весьма понятно и дѣлаетъ честь графу. Онъ разсудилъ, что въ такихъ обстоятельствахъ съ одной стороны форма, читанная имъ неправильно, была бы какой-то каррикатурой присяги, а съ другой, что, при непониманіи словъ, они могли бы считаться для произносившаго ихъ необязательными. Тутъ уже была заинтересована совѣсть, и вотъ почему, уступая требованіямъ ея и изъ уваженія къ святости присяги, Лубенскій, съ моего разрѣшенія и съ согласія митрополита, не исполнилъ тогда же формальности, а обязался произнести присягу по той же формѣ на Польскомъ языкѣ, предъ надлежащею властью Царства. Я употребилъ слово *недоразумѣніе* въ убѣжденіи, что если бы приводимыя мною обстоятельства и уваженія были изложены въ донесеніи о *совершившемся фактѣ*, какъ ваше пр-во изволили выразиться, то взглядъ Его Величества на этотъ фактъ былъ бы совсѣмъ иной. Я въ правѣ такъ думать, судя по тому, какъ Государь изволилъ принять мои устныя объясненія, а также по милостивому пріему, какого удостоился представленный мною въ Царскомъ Селѣ графъ Лубенскій. У всякаго, конечно, свое пониманіе, свой образъ дѣйствій. Но что́ до меня, я никогда не осмѣливаюсь докладывать Государю о какомъ бы то ни было предметѣ иначе, какъ со всѣми относящимися къ предмету мнѣ извѣстными данными. Я считаю это непремѣннымъ долгомъ *вѣрной* службы".

„Тутъ онъ, не посмотрѣвъ даже на Скрипицына, всталъ и, прохаживаясь по комнатѣ, началъ съ хозяиномъ разговаривать о другомъ предметѣ".

„Описанная сцена, происходившая на Французскомъ языкѣ, была настоящею *экзекуціею*", и пр.

„Послѣ это Скрипицынъ благоразумно, не сказавъ ни слова, простился и ушелъ".

Таковъ разсказъ г. Пржецлавскаго, выписанный мною съ дипломатическою вѣрностію изъ его статьи.

Передавая это повѣствованіе, я не позволю себѣ заподозривать его бо̀льшую или меньшую достовѣрность, хотя, зная близко характеръ Скрипицына, и имѣлъ бы поводъ усомниться въ кроткой покорности его при этой „экзекуціи"; не буду также говорить о намекѣ Туркула на то, что Русская рѣчь присяги будто бы давала Лубенскому право употребить при ней столь извѣстное restrictio mentalis; не упомяну даже о томъ, что гораздо проще и ближе было бы предварительно согласиться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ по случаю затрудненія для посвящаемаго прочитать присягу порусски, чѣмъ условливаться объ отмѣнѣ ея въ сакристіи. Все это, я увѣренъ, замѣтитъ и самъ читатель сколько нибудь безпристрастный. Но попытаемся разсмотрѣть, дѣйствительно ли исполненіе предписаннаго правила встрѣчало столь неодолимое препятствіе, чтобы рѣшиться, вопреки высочайшей волѣ, миновать его. Г. Пржецлавскій говоритъ, что въ Русскомъ языкѣ просодія играетъ столь важную роль, что неправильное удареніе дѣлаетъ рѣчь непонятною. Я думаю, что такое мнѣніе выражено имъ не спроста. Онъ слишкомъ хорошо знако́мъ съ Русскимъ языкомъ, чтобы не знать, что нѣтъ въ мірѣ языка, въ которомъ бы удареніе было столь произвольно, какъ въ нашемъ. У насъ есть множество словъ, въ которыхъ удареніе можетъ быть по произвому переносимо съ одинаковою правильностію съ одной гласной на другую, безъ всякаго ущерба смыслу [2]). Странно также, почему называетъ онъ описываемое имъ препятствіе *непредусмотрѣннымъ*, когда самъ же говоритъ, что форма присяги была написана для Лубенскаго, ни слова незнавшаго порусски, Польскими буквами. Если было извѣстно, что онъ вовсе не знаетъ порусски, то было извѣстно также, что онъ незнако̀мъ и съ удареніями. При этомъ нужно знать, что изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ, Польскій ближе всѣхъ созвученъ съ Русскимъ. У насъ нѣтъ звука, котораго бы Полякъ не могъ передать съ совершенною точностію [3]). Правда, что, имѣя опредѣленное удареніе всегда на предпослѣднемъ слогѣ, онъ не скоро усвояетъ себѣ въ устной рѣчи нашу просодію; но здѣсь дѣло шло не *о рѣчи*, а *о чтеніи* присяги, написанной Польскими буквами, гдѣ сто̀ило только ударенія отмѣтить надстрочными знаками, чтобы достигнуть вполнѣ правильнаго произношенія.

Нѣтъ. Дѣло о Лубенскомъ извѣстно мнѣ не менѣе, чѣмъ г-ну Пржецлавскому, и я очень хорошо его помню. Причиною самовольной отмѣны предписанныхъ правилъ было отнюдь не опасеніе неправильно произнести Русскую рѣчь,—чего, какъ доказано мною выше, и быть не могло,—а прямое нехотѣніе ввести Русское слово въ Латино-польскій обрядъ. По-

---

[2]) Таковы наприм. слова: высо̀ко—высоко̀, далѐко—далеко̀, зѐлено—зелено̀, воро̀ты—ворота̀, во̀лосы;—волоса̀, и мн. др. Есть даже слова, въ которыхъ удареніе можетъ быть по произволу переносимо съ одной гласной на другую во всѣхъ слогахъ, составляющихъ слово, наприм: глу̀боко, глубо̀ко, глубоко̀.

[3]) Сказанное мною о легкости, съ какою Полякъ можетъ произнести всѣ звуки нашего языка, не распространяется однакоже на насъ, Русскихъ. Не смотря на необыкновенное богатство нашей просодіи, мы не легко можемъ дать почувствовать различіе въ произношеніи наприм. твердаго и мягкаго *е*, весьма отчетливо различаемыхъ въ Польской рѣчи. Не менѣе труднымъ для Русскаго представляется произношеніе буквы с передъ мягкою гласною и ł передъ твердымъ е. Къ числу затрудненій я отношу и носовые звуки ą и ę.

чтенный авторъ „Воспоминаній“ не станетъ конечно отрицать существованія между Поляками, а еще болѣе между Польскимъ духовенствомъ, особенно того времени, рѣшительной антипатіи къ нашей національности, къ нашему обряду, къ языку, словомъ, ко всему Русскому, и вотъ гдѣ таилась истинная причина, побудившая консекратора, будущаго епископа и Туркула уговориться на отмѣну порядка, установленнаго государственною властію. Сюрпризъ, сдѣланный ими Скрипицыну и условленный тайно отъ него въ сакристіи, конечно не могъ пройти незамѣченнымъ, и онъ доложилъ о немъ министру. „По внушенію своего директора департамента—говоритъ авторъ—министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ описанный фактъ представленъ былъ Государю въ самомъ невыгодномъ и даже предосудительномъ свѣтѣ“. Я не читалъ этого доклада; но если фактъ былъ въ немъ описанъ вѣрно, какимъ онъ оказывается изъ написанныхъ мною строкъ, то онъ конечно не могъ показаться въ благопріятномъ свѣтѣ для участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Замѣчу также, что употребленное авторомъ выраженіе „по внушенію“ поставлено имъ здѣсь не у мѣста. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда графъ Л. А. Перовскій, конечно еще не забытый Россіею: онъ не легко поддавался внушеніемъ и всегда дѣйствовалъ самостоятельно. Безгранично преданный и вѣрный Государю, онъ высоко держалъ знамя Русской народности, и потому все, чтó хотя бы косвенно оскорбляло ее, близко касалось его сердца. Безъ всякихъ внушеній, онъ по собственной инціативѣ доложилъ, и долженъ былъ доложить, Государю о происшедшемъ. Здѣсь par anticipation проявилось тоже, чтó въ послѣдствіи произошло съ Русской рѣчью въ окатоличенномъ западномъ краѣ нашемъ, гдѣ *Русское* населеніе, подъ вліяніемъ *Польскаго* духовенства, воспротивилось введенію Русскаго языка въ такъ называемое дополнительное богослуженіе. Неужели г. Пржецлавскій и это отнесетъ къ опасенію худаго произношенія?... [4])

---

[4]) Неудачная попытка введенія Русскаго языка въ католическіе костелы напоминаетъ мнѣ случившееся со мною въ моей молодости. Въ тридцатыхъ годахъ я былъ заграницей. Тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было, и я путешествовалъ на почтовыхъ, въ собственномъ экипажѣ. При проѣздѣ черезъ какое-то село въ Восточной Пруссіи у меня сломалось колесо. Нужно было прибѣгнуть къ помощи кузнеца. Пока онъ работалъ въ кузницѣ, толпа крестьянъ обступила мою коляску и громко толковала между собою понѣмецки. Вдругъ одинъ изъ нихъ заговорилъ попольски. Это меня очень удивило. На вопросъ мой, почему онъ умѣетъ попольски, онъ отвѣчалъ: „Да мы всѣ здѣсь Поляки“.—Зачѣмъ же вы говорите понѣмецки?

—„Taka moda, panie“, простодушно отвѣчалъ мнѣ крестьянинъ. Я распросилъ его, какъ ввелась у нихъ эта „мода“, и узналъ, что тотчасъ послѣ присоединенія Великопольскихъ провинцій къ Пруссіи, правительство распорядилось, чтобы ксендзы непремѣнно въ теченіе каждыхъ шести недѣль произносили въ костелахъ одинъ разъ проповѣдь понѣмецки. Такимъ образомъ начало распространяться въ народѣ употребленіе Нѣмецкаго языка, чему конечно съ своей стороны усердно содѣйствовала школа.—Ну, а какъ теперь? спросилъ я у моего собесѣдника.—„Теперь ужь въ 6 недѣль только разъ говорятъ проповѣдь попольски“.—Напоминаю, что это было въ тридцатыхъ годахъ. Нынѣ тамъ и проповѣдь, и молитвы, употребляемыя внѣ мшала (служебника), произносятся исключительно понѣмецки. Я конечно далеко не сочувствую такому вынародовленію Польской національности, но привожу этотъ примѣръ, какъ доказательство умѣлости Нѣмцевъ.

Повторяю: я не считаю себя въ правѣ обвинять автора въ вымыслѣ сцены, происшедшей на завтракѣ у митрополита Головинскаго, въ которой Туркулъ задалъ столь безпощадную „экзекуцію" Скрипицыну, выслушавшему ее съ покорностію провинившагося школьника; но я думаю, что въ этомъ случаѣ или память измѣнила автору, или разсказъ его не вполнѣ точенъ. Въ противномъ случаѣ спрашивается, какъ могъ Туркулъ рѣшиться на подобную выходку? И въ особенности, какъ могъ онъ столь внушительно утверждать, что никогда не осмѣливается докладывать Государю о чемъ бы ни было иначе, какъ со всѣми относящимися къ тому данными, и что онъ считаетъ это непремѣннымъ долгомъ *вѣрной* службы? Я былъ лично знакóмъ съ покойнымъ Игнатіемъ Лаврентіевичемъ и очень уважалъ его, въ особенности за тактъ, съ которымъ относился онъ къ намъ, своимъ Русскимъ знакомымъ, и я отнюдь не желалъ бы чѣмъ бы то ни было омрачать его память. Но предоставленная ему въ настоящемъ случаѣ роль ставитъ меня въ чрезвычайное затрудненіе: какъ охарактеризовать эту выходку? Что Туркулъ не всегда бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ своихъ съ Государемъ такъ квакерски правдивъ, какъ заставляетъ его говоритъ здѣсь авторъ, на это указываетъ самъ г. Пржецлавскій, разсказавъ въ той же самой статьѣ, какъ ловко Туркулъ съумѣлъ мистифировать покойнаго Государя своимъ дипломомъ на званіе терціарія Доминиканскаго ордена и какъ удачно содѣйствовалъ бѣгству Валевскаго за границу, вопреки волѣ цесаревича Константина Павловича и безъ вѣдома Государя [5]). Кто знаетъ за собою подобные грѣшки, тому несовсѣмъ удобно проповѣдывать неуклюжую правдивость другимъ, и я имѣлъ бы право „экзекуцію" Туркула назвать безстыдною наглостію, еслибъ не зналъ, что онъ былъ на это неспособенъ.

Чему же приписать такіе невѣрные, по моему убѣжденію, отзывы о Скрипицынѣ? Я отношу ихъ къ тѣмъ увлеченіямъ, о которыхъ упомянулъ я въ началѣ моей статьи. Скрипицынъ, не смотря на то, что занималъ весьма второстепенный постъ въ государственной администраціи, былъ слишкомъ извѣстенъ, какъ по своему глубокому уму (а не только остроумію) и всестороннему знанію своего дѣла, такъ и по непоколебимой приверженности къ Престолу и Отечеству. То, чтò сдѣлано имъ въ кругу его служебной дѣятельности, не могло пройдти безслѣдно и должно было породить съ одной стороны приверженцевъ, а съ другой ярыхъ враговъ. Введеніе Русскаго языка въ дѣлопроизводство Римско-католическихъ консисторій и въ сношенія съ діэцезальными архіереями, секуляризація церковныхъ имуществъ, участіе его въ дѣлѣ уніи 1839 г. и въ присоединеніи къ православію Латышей и Эстовъ въ 1845 г., и т. п. дѣйствія, клонившіяся къ объединенію нашихъ окраинъ съ коренною Россіей,—все это не могло не раздражать иновѣрцевъ и тѣхъ изъ иноплеменныхъ Русскихъ подданныхъ, которые руководились иными тенденціями и стремились къ другимъ цѣлямъ. Вражда, и даже ненависть къ Скрипицыну, распространялась тѣмъ шире, чѣмъ болѣе клеветъ печаталось на него въ заграничныхъ изданіяхъ, которыя, при тогдашней безгласности нашей печати, имѣли всю силу безспорнаго авторитета. Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности враговъ и невольному молчанію друзей Скрипицына, неблагопріятные отзывы о немъ болѣе пріобрѣтали

---

[5]) См. Калейдоскопъ воспоминаній Ципринуса. М. 1874, стр. 84. III.

вѣры въ Петербургскихъ салонахъ, пока наконецъ не сдѣлались причиною его паденія.... Авторъ „Воспоминаній“ — какъ видно изъ всѣхъ его твореній—не только искренно преданъ своей церкви, но простираетъ свое усердіе къ ней даже до защиты чистоты и непорочности іезуитства: мудрено ли, что въ оцѣнкѣ В. В. Скрипицына онъ увлекся воззрѣніями столь любимыхъ имъ отцевъ общества Іисусова?...

Графъ Д. Н. Толстой.

Январь 1876.

Сергіевъ-Посадъ.

ПОПРАВКИ.

1.

Въ Русскомъ Архивѣ сего года, на страницѣ 64-й, неправильно приписана графу Д. Н. Блудову эпиграмма на князя Шаховскаго, автора поэмы „Расхищенныя *Шубы*“ и комедіи „Липецкія *Воды*“. Вотъ полный текстъ этой эпиграммы, сказанной княземъ П. А. Вяземскимъ въ 1816 году, во время разгара литературной борьбы Бесѣдниковъ съ Арзамасцами.

Съ какою легкостью свободной
Играешь ты въ стихахъ природой и собой:
Ты въ *Шубахъ* Шутовской холодной,
Въ *Водахъ* ты Шутовской сухой.

2.

На стр. 223 и 224-й, имя извѣстнаго генерала Наполеоновскаго графа Дарю по ошибкѣ напечатано *Дарго.*

3.

Въ статьѣ Д. Д. Филимонова о кредитныхъ учрежденіяхъ Московскаго Воспитательнаго Дома, на стр. 265 и 269 слѣдуетъ поправить вмѣсто 370 милліоновъ—*348 милліоновъ.*

О громадности этого труда можно заключать уже изъ того, что г-нъ Лундаль, для одного собиранія матеріаловъ, вынужденъ былъ дѣлать выборки между прочимъ изъ слѣдующихъ сочиненій:

Сводъ Законовъ Р. Имперіи; Уложеніе и Постановленія Финляндіи; Сводъ мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній; Словарь церковно-славянскаго и Русскаго языка; Учебная книга Российск. гражд. судоустройства и судебнаго дѣлопроизводства П. Дегая; Начертаніе Российск. гражд. права А. Кранихфельда; Римское гражд. право, изл. (по Макельдею) И. Рождественскимъ; Руководство къ Российск. законамъ сост. Рождественскимъ; Теорія налоговъ Гагемейстера; Общія основанія Русск. дѣлопроизводства соч. Вельдбрехта; Руководство къ воен. законамъ И. Рождественскаго; Основанія государствен. благоустройства, его же; Судебные Уставы 1864 г.; Руководство Соколова; Гражданскіе Законы Усова; Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, сост. Гарнакъ; Росси, основныя начала уголовнаго права, пер. съ Франц. Козополянскаго; Военные законы Михайлова; Судебный Журналъ, Судебный Вѣстникъ и пр. и пр.

По довершеніи своего труда г-нъ Лундаль намѣревается поручить повѣрку его Русскимъ юристамъ.

Изъ матрикула Финляндскаго Сената сообщаются здѣсь нѣкоторыя подробности о дѣятельности г. Лундаля (B. Lundahl). Онъ родился въ 1822 году въ г. Таммерфорсѣ. По окончаніи наукъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ по части юриспруденціи и по финансовымъ (камеральнымъ) наукамъ, онъ состоялъ въ разныхъ должностяхъ, также начальникомъ отдѣленія въ Канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, завѣдывалъ редакціею Финляндской Оффиціальной газеты, предсѣдательствовалъ въ разныхъ окружныхъ судахъ, былъ переводчикомъ Русскаго языка въ Сенатѣ и пр. Книги его на Русскомъ языкѣ: „Практическая грамматика Шведскаго языка“; „Изображеніе порядка судопроизводства въ Финляндіи“; въ Шведскомъ переводѣ, сочиненіе Гоголя „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“. Онъ сообщалъ въ Финляндскую Оффиціальную газету статьи о коронаціи въ Москвѣ въ 1856 году (состоя тогда въ свитѣ Финляндскаго генералъ-губернатора); издалъ порусски: „Руководство къ Финляндскимъ законамъ“, съ 2-мя таблицами присутственнымъ мѣстамъ; а на Шведскомъ языкѣ брошюру: „О физическомъ и психическомъ вліяніи табаку на человѣческій организмъ“, результаты изслѣдованій науки въ разныхъ странахъ (сочиненіе это появилось также на Нѣмецкомъ языкѣ и имѣло четыре изданія. Эта брошюра переведена уже на Русскій языкъ, но не явилась еще въ печати за неимѣніемъ издателя). Кромѣ того г. Лундаль перевелъ на Шведскій языкъ сочиненіе Воронецкаго: „Практическое руководство для начальныхъ учителей“ и пр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составляютъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близъ церкви Св. Өеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ Гостиномъ Дворѣ, у Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1863—1870) можно получать въ С. Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива не продаются; но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 4.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Для переплетчика: этою тетрадью оканчивается первая книга Русскаго Архива 1876 года; слѣдующею, пятою тетрадью начинается вторая книга.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Вышла въ свѣтъ осьмая книга Архива Князя Воронцова, содержащая въ себѣ автобіографію графа Семена Романовича Воронцова и переписку его и его сына съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. (Почти вся на Французскомъ языкѣ). Получать можно въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива; въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Исакова.

Цѣна три рубля.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ.

Цѣна одинъ рубль.

*

Насъ просятъ сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе, чтó охотно исполняемъ, такъ какъ предметъ оннаго связанъ съ успѣхами Русской рѣчи между нашими Финляндскими соотечественниками.

ШВЕДСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ ДѢЛОВАГО СЛОГА,

заключающій въ себѣ термины и фразы, выбранные изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, Русскихъ юридическихъ сочиненій по части правъ государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, экономическаго, финансовъ и государственнаго благоустройства.

составляется г-номъ Лундалемъ въ Гельсингфорсѣ.

Со времени присоединенія къ Россіи Великаго Княжества Финляндскаго чувствуется потребность въ словарѣ подобнаго рода. Въ предисловіи къ изданному въ 1846 году по Высочайшему повелѣнію Шведско-Русскому словарю говорится о такомъ словарѣ, какъ о совершенно-необходимой потребности для устраненія затрудненія, встрѣчаемаго въ Финляндіи при отысканіи лицъ способныхъ занимать должности, на которыхъ нужно знаніе Русскаго судебнаго и канцелярскаго слога. Составленіе подобнаго словаря предполагаетъ многолѣтнія ученыя занятія, и за недостаткомъ подготовительныхъ работъ до сихъ поръ Финляндцы не имѣютъ его. Еще съ 1845 года г-нъ Лундаль подготовлялъ и собиралъ изъ Русскихъ источ-

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ С. Р. ВОРОНЦОВУ *).

18.

1-го Февраля 1796 г. С. Петербургъ.

Послѣдній курьеръ изъ Лондона не привезъ мнѣ никакихъ извѣстій объ васъ. Я желаю знать, въ какомъ состояніи вы находитесь и вернулось-ли въ душу вашу спокойствіе, которому слѣдуетъ пребывать въ ней нераздѣльно съ подобающимъ вамъ счастіемъ. Ваши послѣднія письма чрезвычайно встревожили всѣхъ любящихъ васъ. Они боятся, чтобы вы не дали такого оборота дѣлу, который, пожалуй, лишитъ Императрицу человѣка, наиболѣе способствовавшаго ея славѣ; но мнѣ отрадно вѣрить, что желаніе служить и быть полезнымъ Отечеству отниметъ у неправды часть ея горечи, и что честь вашего имени замѣнитъ для васъ отличія и награды, покупаемыя уничиженіемъ и искательствомъ.

Война съ Персіей рѣшена; за отказомъ фельдмаршала Суворова принять начальство надъ войсками, назначенными для этого похода, оно ввѣрено графу Валерьяну Зубову. Этотъ молодой человѣкъ усердно желаетъ отличиться; но я думаю, что у него нѣтъ ни энергіи, ни ума, необходимыхъ, чтобы вести эту войну, которая издавна грозила намъ и въ которой самые искусные планы могутъ оказаться несостоятельными. Говорятъ, что г-нъ Корсаковъ будетъ участвовать въ этомъ походѣ. Мнѣ жаль его, потому что ему придется глядѣть сквозь пальцы на многое весьма непріятное для благороднаго человѣка, подобнаго ему. Другіе генералы: князь Циціановъ, служившій съ большимъ отличіемъ въ послѣднюю Польскую кампанію, и нѣкто г. Арсеньевъ, который далъ полонить себя въ Вильнѣ, но котораго фельдмаршалъ Суворовъ, по взятіи Варшавы, принялъ подъ свое покровительство, наградилъ этимъ дряннымъ орденомъ Прусскаго Краснаго Орла (его раздаютъ теперь Русскимъ, первому встрѣчному) и поддержалъ здѣсь въ Петербургѣ своимъ одобреніемъ, относя его глупыя дѣйствія къ несчастному случаю. Этотъ Арсеньевъ — человѣкъ горделивой наружности, въ сущности низкой души, великій игрокъ и негодяй. Само собою разумѣется, что съ графомъ Валерьяномъ поѣдутъ его пріятели, а именно: бездѣльникъ графъ Апраксинъ, бригадиръ украшенный четырьмя орденами, и Хвостовъ, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Большая часть полковъ, составляющихъ эту армію, взяты изъ корпуса генерала Гудовича. Суда, предназначенныя для перевозки войскъ, строятся въ Астрахани; но всего непо-

---

*) См. выше, стр. 79 и 206.

стижимѣе то, что, не смотря на сдѣланную роспись и на близкій отъѣздъ Зубова, провіантское вѣдомство ничего не знаетъ объ этихъ снаряженіяхъ и доселѣ не принимало никакихъ мѣръ для устройства магазиновъ. Едва-ли Татары на столько глупы, чтобъ покинуть свои горныя ущелья, гдѣ каждый шагъ будетъ стòить по нѣскольку сотенъ людей. Но если даже допустить, что посредствомъ подкупа можно устранить естественныя препятствія, то самый климатъ губителенъ, и слѣдуетъ всего опасаться отъ вѣроломнаго народа, который не потерпитъ, чтобы оскорбляли безнаказанно его женъ и проникали въ священныя для него обиталища ихъ.

Графъ Платонъ пользуется милостью, которая ставитъ его гораздо выше князя Потемкина: еще недавно, онъ далъ гофмаршальское мѣсто нѣкоему Колычеву, человѣку тупоумному и постоянно сонному; но это одинъ изъ тѣхъ, которые составляютъ его квартетъ *). Поведеніе Зубова относительно предмета его безумной страсти совершенно нелѣпо: онъ забывается до того, что ведетъ постоянную переписку съ графиней Шуваловой. Все это вредитъ великой княгинѣ, которой публика не любитъ, по причинѣ холодности ея обращенія, и на счетъ ея распространяются невыгодные слухи. Она одарена рѣдкимъ умомъ и по лѣтамъ своимъ необыкновеннымъ тактомъ; но, не имѣя случаевъ быть откровенною и не находя никого, кому могла бы довѣриться, она уединяется и скучаетъ въ своемъ затворничествѣ. Ея супругъ, добраго и кроткаго нрава и врагъ всякихъ дрязговъ, слишкомъ мало знаетъ человѣческое сердце и притязанія женской природы, чтобъ овладѣть душою своей подруги. Онъ иногда превратно понимаетъ ея рѣчи, ея тоску, и я очень опасаюсь, что охлажденіе замѣнитъ нѣжность и взаимное довѣріе. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что онъ слушается Кочубея, который совѣтуетъ ему заняться науками, этимъ единственнымъ средствомъ спасенія отъ скуки, на которую они осуждены своимъ рожденіемъ. Его братъ занятъ не столько своею супругою, какъ будущими проявленіями власти у себя въ дому, которымъ станетъ завѣдывать этотъ жалкій Сакенъ, сдѣлавшійся изъ наставника орудіемъ его нравственной гибели. У него будетъ шесть камергеровъ, столько-же камеръ-юнкеровъ, и пр., т. е. такой-же штатъ, какъ у великаго князя Александра. Онъ займетъ Мраморный дворецъ; но неизвѣстно, останется-ли тамъ навсегда. Ему назначатъ почетный караулъ изъ 40 гвардейскихъ солдатъ съ однимъ офицеромъ. Всего хуже то, что вздумали поссорить братьевъ; хотятъ, оказывая особенную милость младшему, возбуждать зависть въ старшемъ; но его душа недоступна такому низкому чувству. Онъ знаетъ, что Зубовъ его ненавидитъ и готовъ терпѣливо переносить всѣ предстоящія ему непріятности.

Вы безъ сомнѣнія уже знаете о томъ, чтò случилось въ Банкѣ у Завадовскаго: одинъ изъ кассировъ похитилъ 600.000 рублей. Онъ занимался этимъ дѣломъ цѣлыя шесть лѣтъ, и эти растраты

---

*) П. А. Зубовъ любилъ музыку и самъ былъ музыкантомъ.

не легко могли быть обнаружены, потому что онъ клалъ пустые пакеты на мѣсто пакетовъ, въ которыхъ находились деньги. Этотъ человѣкъ, по имени Клебберъ, имѣлъ поддѣльныя печати всѣхъ директоровъ и совѣтниковъ, которые держались стариннаго обыкновенія и довольствовались повѣркою суммъ по числу пакетовъ. Тутъ замѣшано нѣсколько конторъ, и въ особенности иностранные купцы. Императрица учредила коммисію, для разсмотрѣнія этого дѣла, изъ гг. Мятлева и Державина. Графъ Завадовскій пораженъ этимъ прискорбнымъ случаемъ. Онъ такъ сильно огорчился, что слегъ въ постель. Хотя онъ лично не замѣшанъ (ибо отвѣтственность за сумму лежитъ на директорахъ), но ему нестерпима мысль, что это могло случиться подъ его управленіемъ. Меня увѣряли, что онъ намѣревается оставить службу. Въ ожиданіи, пока будетъ оконченъ судъ надъ Клеббером, клевета не щадитъ Завадовскаго, и безсовѣстный М..., своимъ адскимъ злословіемъ, распространяетъ подозрѣнія на вашего друга *), которыя охотно выслушиваются, потому что М. пользуется большимъ вліяніемъ у Зубова. М. старается вредить Завадовскому, такъ какъ злоба есть вседневная пища его души; онъ же думаетъ занять мѣсто Завадовскаго, надѣясь впослѣдствіи быть генералъ-прокуроромъ.

Графъ Безбородко пробылъ въ Москвѣ одинъ мѣсяцъ и возвратился очень довольный своею поѣздкою. Ему удалось накупить рѣдкихъ картинъ и мраморовъ у графа Головкина, находившагося въ Парижѣ во время большой эмиграціи. Этотъ человѣкъ не дорожитъ тѣмъ, что̀ имѣетъ, и очень радъ сбывать вещи, которыя не прибавятъ ему благоденствія. Онъ уступилъ графу Безбородкѣ знаменитаго Амура, котораго Фальконетъ изваялъ для г-жи Помпадуръ. Здѣсь дожидались графа Безбородки для образованія придворнаго штата великому князю Константину и для раздачи наградъ. Вліяніе этого человѣка безъ сомнѣнія останется великимъ, ибо его дарованія необходимы Императрицѣ; но онъ врагъ труда и думаетъ только о своемъ спокойствіи. Возвратясь домой, онъ перестаетъ существовать, какъ министръ, и готовъ бѣжать отъ всякаго докучливаго просителя. Одаренный, какъ вамъ извѣстно, превосходнымъ сердцемъ и геніальными способностями, онъ даетъ обманывать себя негодяямъ, которые неоднократно доказали ему истинные поводы мнимой ихъ преданности къ его особѣ. Тѣмъ не менѣе онъ держитъ этихъ людей возлѣ себя, и гг. Карадыкинъ и Л... обманываютъ его и заставляютъ дѣлать непостижимыя вещи. Теперь страсть графа Безбородки къ картинамъ даетъ имъ всяческую возможность наживы. Въ Москву съ нимъ ѣздили и возвратились оттуда слѣдующія лица: генералъ Левашовъ, нѣкто Кукушкинъ, торговавшій сукномъ десять лѣтъ назадъ, а нынѣ коллежскій совѣтникъ; г. Черный и нѣкто Фонъ-Ронъ, существо самое глупое и потѣшное.

Марковъ все также вліятеленъ, какъ и прежде; онъ сдѣлался приближеннымъ человѣкомъ у Императрицы, которая посылаетъ за нимъ по нѣскольку разъ на день. Онъ преданъ карточной игрѣ и

*) Т. е. на графа Завадовскаго.

соритъ деньгами, не имѣя благоустроеннаго дома. Графъ Платонъ Зубовъ недавно получилъ доходу съ новопожалованныхъ земель 50 тысячъ червонцевъ. Это земли, принадлежавшія дому королей *) Польскихъ, на границѣ Курляндіи. А Графъ Валерьянъ недоволенъ имѣніемъ, которое ему досталось, хотя оно приноситъ до 40,000 рублей въ годъ: онъ сдѣлался при этомъ владѣльцемъ зàмка, построеннаго императрицею Анною въ бытность ея герцогинею Курляндскою, и увѣряетъ, что содержаніе садовъ дорого обходится.

Мы чуть не лишились драгоцѣннаго графа Эстергази, который, поѣхавъ обозрѣвать пожалованныя ему имѣнія, медлилъ возвращеніемъ, и даже такъ долго, что Императрица, дабы разсѣять сомнѣнія его жены, отправила курьера отыскивать знаменитаго бѣглеца. Я настойчиво держался первой моей мысли, что этотъ господинъ гдѣ-нибудь въ провинціи занятъ лицедѣйствіемъ и обманываетъ легковѣрныхъ. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ: онъ переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое и пробылъ долго у графа Браницкаго. Увѣряютъ, что Эстергази медлилъ возвратомъ нарочно, дабы не встрѣтить здѣсь герцога Полиньяка, которому онъ всѣмъ обязанъ и который пріѣзжалъ съ проэктами сельскохозяйственныхъ предпріятій въ Екатеринославской губерніи, хотя потомъ, устрашенный трудностями этого дѣла и смертью брата графа Шуазель-Гуффье, отказался отъ своего намѣренія, какъ и слѣдуетъ Французу. Это, впрочемъ, принесло намъ нѣкоторую пользу, такъ какъ мы избавимся отъ присутствія графа Шуазель-Гуффье, котораго король, его государь, назначилъ министромъ при Вѣнскомъ дворѣ. Многіе Французы, обольщаясь обширностью земель, предоставляемыхъ имъ на берегахъ Днѣпра, стали поселяться тамъ; нѣкоторые изъ нихъ погибли отъ лишеній. Одному графу Клермонъ-Тоннеру повезло: у него уже около 80 рабочихъ и красивый жилой домъ.

Графъ Сенъ-При отправленъ отсюда въ прошлое Воскресенье. Онъ уже откланялся, но отъѣздъ его замедлился, потому что онъ заболѣлъ почечными коликами. Еслибъ всѣ Французы, или хотя десятокъ изъ приближенныхъ къ королю, походили на графа Сенъ-При, то Французское королевство существовало-бы донынѣ. Его приняли не очень хорошо, потому что въ немъ мало искательства, и онъ часто говоритъ правду. Ему поручено составить совѣтъ при королѣ.

Графъ Суворовъ продолжаетъ предаваться шутовству. Это самое гордое существо на свѣтѣ; онъ жаловался Императрицѣ на великаго князя Александра Павловича за то, что сей послѣдній не послушался его совѣта не употреблять лорнетки въ театрѣ. Великій князь ссылался на свою близорукость; но фельдмаршалъ возражалъ, что запретилъ во всей арміи употребленіе очковъ и лорнетовъ, на чтò великій князь сказалъ, что, по его мнѣнію, такое запрещеніе

*) Во Французскомъ подлинникѣ графомъ Ростопчинымъ написано à la maison des gros de Pologne, вѣроятно по ошибкѣ вмѣсто des rois.

до него не касается. Этотъ фельдмаршалъ-шутникъ вздумалъ, на зло графамъ Зубовымъ, дать небольшое приданое своей дочери, вышедшей за графа Николая; но его уговорили, и онъ совершилъ запись, по которой даетъ дочери 7000 душъ, пожалованныхъ ему въ Польшѣ, 7000 рублей годоваго содержанія и 100000 рублей единовременно на обзаведеніе дома.

Графъ Николай Румянцовъ здѣсь; неизвѣстно, когда онъ уѣзжаетъ. Графъ Сергѣй сталъ опять посѣщать дворъ и, по видимому, ничего не добивается. Слухи о женитьбѣ фельдмаршала Румянцова замолкли, и хотя насчетъ этого существуютъ различныя мнѣнія, но вѣрно то, что онъ доселѣ не женатъ.

Прусскій король, какъ видно, чрезвычайно радъ, что ему досталась Варшава; онъ пожаловалъ Дерфельдену орденъ Чорнаго Орла. Буксгевденъ возведенъ въ графское достоинство, а сынъ его, 12-тилѣтній мальчикъ, и четверо другихъ офицеровъ, получили орденъ Pour le Mérite.

Въ обществѣ нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ перемѣнъ. Цѣлый мѣсяцъ всѣ заняты только музыкой и пѣніемъ. Однако же г-жа Лебренъ упала въ общемъ мнѣніи, и домá, въ которыхъ она была, по видимому, полновластной хозяйкой, нынѣ для нея закрыты. Я ничего не могу сказать вамъ объ успѣхахъ г. Гуттенбруна, ибо онъ еще не окончилъ ни одного изъ портретовъ особъ императорской фамиліи. Я ожидаю вашего портрета съ величайшимъ нетерпѣніемъ; онъ будетъ находиться въ кабинетѣ моей жены, гдѣ мы такъ часто остаемся вдвоемъ съ нею, и для двухъ существъ, способныхъ къ благодарности и къ истинной привязанности, смотрѣть на благодѣтеля будетъ самымъ пріятнымъ наслажденіемъ. Здоровье моей жены внушаетъ мнѣ опасенія: она мало бережетъ себя и скрываетъ отъ меня свою немощь. Эта женщина создана для семейнаго счастья; она у себя не знаетъ скуки, и день, когда она можетъ оставаться дома, есть для нея счастливый день. Жизнь при дворѣ произвела на нее дѣйствіе, противоположное обыкновенному. Жена моя и сестра ея, утомленныя зрѣлищемъ суеты и не домогаясь никакой роли въ свѣтѣ, съ радостью удалились отъ двора, куда столько людей стремится, считая удовлетвореніе самолюбія за истинное счастіе.

3-го Февраля.

Принцесса вчера приняла мvропомазаніе и наречена Анною Өеодоровною. Сегодня происходило обрученіе и утвержденъ придворный штатъ великаго князя Константина. Лица, участвовавшія въ его воспитаніи, получили слѣдующія награды: графъ Салтыковъ— домъ и посуду графа Чернышева (которому заплачено 270,000 рублей), и сверхъ того 50,000 рублей на устройство этого дома. Полагаютъ, что онъ оставитъ дворъ, а можетъ быть вскорѣ и службу: таково всеобщее мнѣніе, которое довольно правдоподобно. Сакену пожалованы Алексáндровская лента и 2000 душъ; онъ этимъ очень недоволенъ, ибо домогался чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, желая обойти Протасова. Бригадиръ Торсуковъ, женатый на

племянницѣ Перекусихиной, произведенъ въ маіоры Семеновскаго полка и получилъ 700 душъ въ Польшѣ. Полковникъ Муравьевъ, человѣкъ даровитый, обучающій Русскому языку двухъ молодыхъ великихъ княженъ, произведенъ въ бригадиры, съ пожалованіемъ Владимірскаго креста 3-й степени. Подполковникъ Муравьевъ сдѣланъ камергеромъ, подполковники Будбергъ и Кристовскій—полковниками. Всѣмъ кавалерамъ пожаловано по 2000 рублей пенсіи и по 5000 рублей единовременно.

Вотъ изъ кого составленъ дворъ великаго князя.

Гофмаршалъ: князь Борисъ Голицынъ, бывшій полковникомъ.

Камергеры:

Князья Вяземскій, Шаховской, Гагаринъ; гг. Муравьевъ, Олешевъ, Толстой.

Камеръ-юнкеры:

Жеребцовъ, графъ Суворовъ, графъ Разумовскій, графъ Ферзенъ, князь Щербатовъ, Эльмптъ.

Фрейлины:

Жигулина, Челищева, Рейнъ.

Произведено еще трое камеръ-юнкеровъ къ большому двору: князь Голицынъ, князь Трубецкой, Неплюевъ.

22 Февраля 1796.

Хотя я началъ мое письмо около трехъ недѣль, но отъѣздъ курьера нѣсколько разъ откладывался, чтó и даетъ мнѣ возможность дополнить уже сказанное мною и сообщить вамъ еще нѣкоторыя новости.

Свадьба, отсроченная съ 13-го на 15 число по причинѣ женскаго нездоровья великой княгини, состоялась въ назначенный день. Послѣ бала, новобрачныхъ отвезли въ Мраморный дворецъ, гдѣ они поселились. Мнѣнія различны на счетъ продолжительности пребыванія ихъ въ этомъ домѣ. Нѣкоторые думаютъ, что они тамъ останутся навсегда; другіе, что лишь на время; но, судя по настроенію Императрицы, слѣдуетъ полагать, что пребываніе великаго князя будетъ постояннымъ, ибо она сказала, что это будетъ зависѣть отъ его поведенія... Онъ ничѣмъ не оправдалъ громкихъ обѣщаній, заявленныхъ передъ свадьбою. Онъ намѣревался превзойти Геркулеса въ подвигахъ, но, къ своему, великому смущенію, до сихъ поръ не могъ еще ничего сдѣлать и тѣмъ доказываетъ, что самая обширная теорія безъ практики становится безполезнымъ знаніемъ.

Отъ Кочубея получены очень удовлетворительныя донесенія о томъ, какъ Турки относятся къ нашей Персидской войнѣ, которая начнется черезъ шесть недѣль: ибо графъ Валерьянъ Зубовъ уѣзжаетъ завтра, и сопровождающіе его генералы получили приказаніе съѣхаться въ Кизлярѣ къ 20 Марта. Эти генералы: Корсаковъ, князь Циціановъ, Бенигсенъ (Гановерскій урожденецъ, офи-

церъ замѣчательныхъ достоинствъ) и Платовъ, атаманъ казачьяго войска. Этихъ господъ приводитъ въ отчаяніе обстановка г-на Зубова, который окружаетъ себя негодяями. Во главѣ ихъ находится бригадиръ графъ Апраксинъ: онъ будетъ исправлять должность дежурнаго генерала. Сейчасъ получено донесеніе генерала Булгакова, овладѣвшаго горными ущельями, что онъ не находитъ болѣе средствъ продовольствовать два баталіона, которыми командуетъ, и что начинаютъ появляться болѣзни. Судите по этому, что̀ будетъ съ арміей въ 30.000 человѣкъ дѣйствующихъ войскъ: ибо послано приказаніе довести всѣ полки до полнаго состава. Зубовъ предполагаетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ быть въ Испагани. Если вы спросите меня, за чѣмъ предпринимаютъ эту войну, то вамъ очень трудно будетъ получить удовлетворительный отвѣтъ. Но вотъ главные поводы: 1) намѣреніе, съ нашей стороны, уклониться отъ исполненія статьи союзнаго договора съ Императоромъ, по которой мы, въ случаѣ требованія, обязаны доставить ему 30.000 вспомогательнаго войска или денежную сумму; эта статья теряетъ силу, коль скоро мы сами заняты войною; 2) желаніе графа Платона сдѣлаться фельдмаршаломъ; а какъ онъ безотлагательно станетъ во главѣ Военной Коллегіи, то, при первомъ благопріятномъ извѣстіи, его назначатъ президентомъ. Графъ Салтыковъ, не смотря на пожалованіе ему до̀ма, не хочетъ оставлять дворъ и ждетъ, чтобъ его прогнали.

Внутри страны происходятъ ужасы. Никогда еще преступленія не были такъ наглы, какъ нынѣ. Безнаказанность и дерзость дошли до крайняго предѣла. Еще третьяго дня, нѣкто Ковалинскій, бывшій старшимъ секретаремъ Военной Коллегіи, выгнанный Императрицею изъ службы за грабительство и взятки, назначенъ губернаторомъ въ Рязань, благодаря тому, что у него есть братъ, такой-же негодяй, который состоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Грибовскимъ, директоромъ канцеляріи графа Платона Зубова. Одинъ Рибасъ воруетъ болѣе 500.000 рублей въ годъ. По его проэкту, рѣшено построить у Гаджибея портъ, подъ названіемъ Одессы, для гребной флотиліи. Приходится воздвигать въ морѣ дамбу, которая, огибая мысъ, служила бы защитою для судовъ и отдѣляла бы военный портъ отъ купеческой гавани. Морское теченіе, довольно сильное въ томъ мѣстѣ, гдѣ производятся работы, при наступленіи бури разрушаетъ все сдѣланное и заставляетъ опять работать и тратить деньги. Устройство этого порта должно быть окончено въ десять лѣтъ. Уже три года, какъ оно началось. Каждый годъ назначаются по 1. 200.000 рублей и слишкомъ 5.000 солдатъ, изъ которыхъ четвертая часть умираетъ либо отъ истощенія силъ, либо по недостатку прѣсной воды и по вліянію лѣтняго зноя. Я думаю, вы помните этого Рибаса; онъ, кажется, былъ уже полковникомъ при кадетскомъ корпусѣ въ то время, когда вы отсюда уѣхали; теперь онъ вице-адмиралъ и увѣшанъ лентами.

Не знаютъ, какимъ образомъ отдѣлаться отъ фельдмаршала Суворова; плоскія шутки его наскучили Императрицѣ, и она отъ нихъ

краснѣетъ. Вызвали сына его изъ Москвы. Это человѣкъ [1]), подъ униженною и странною личиною скрывающій гордую, повелительную и впечатлительную душу.

Вы вѣроятно знаете, что генералъ Будбергъ, тотъ самый, который привезъ сюда принцессу Кобургскую, находится теперь въ Стокгольмѣ. Ему поручено возобновить переговоры и склонить короля на бракъ съ великой княжной Александрой Павловной, разстроивъ предполагаемый бракъ съ принцессою Мекленбургскою. Императрица занята этимъ до чрезвычайности; ея самолюбіе сильно затронуто; она не можетъ постигнуть, чтобъ какой-нибудь негодный герцогъ Зюдерманландскій смѣлъ противиться ея волѣ. Этотъ Будбергъ имѣетъ негласное порученіе. Онъ располагаетъ значительными суммами; но какъ партія короля ничтожна, а регентъ крайне раздраженъ противъ Императрицы, то слѣдуетъ ожидать, что прибавятъ лишь новыя неловкости и неумѣстныя попытки къ тѣмъ, которыя уже сдѣланы прежде.

На дняхъ случилось здѣсь довольно необыкновенное событіе, которое доказываетъ, какъ мало обращаютъ вниманія на дѣла, требующія большой осторожности. Одна женщина явилась къ Прусскому посланнику графу Тауэнцину и объявила, что она имѣетъ письмо къ королю. Оказалось, что это была вѣрительная грамота Колычеву, данная въ Сарскомъ Селѣ; но какъ его отъѣздъ состоялся лишь въ началѣ зимы, то онъ получилъ изъ Иностранной Коллегіи новую грамоту и не возвратилъ старой, которую затерялъ. Вице-канцлеръ извѣщенъ объ этомъ; но не знаю, доложено ли Императрицѣ.

Посольское мѣсто въ Неаполѣ еще не отдано никому; но до сихъ поръ думаютъ, что графъ Строгановъ [2]) возметъ верхъ надъ всѣми соискателями. Я очень огорченъ потерею, постигшею Кошелева, который лишился дочери, дѣвицы 14 лѣтъ, подававшей прекрасныя надежды. Знаете ли вы его жену, дочь Плещеева? Воспитаніе дѣтей было ихъ единственнымъ счастіемъ, и для него они жили здѣсь. Въ этомъ горестномъ положеніи ихъ подкрѣпляетъ лишь христіанское смиреніе, и примѣръ ихъ научилъ бы даже невѣрующаго любить религію.

Стакельбергъ продолжаетъ сидѣть дома и не возвращается ко двору. Какъ вамъ извѣстно, Императрица такъ обходилась съ нимъ, что онъ вынужденъ былъ уѣхать въ свои деревни. Графъ Николай Румянцовъ остается здѣсь; судя по тому, что̀ онъ мнѣ сообщалъ, онъ очень далекъ отъ мысли принять какое-нибудь мѣсто въ замѣнъ Франкфуртскаго; кажется, онъ имѣетъ въ виду посольство въ Вѣну. Я благодаренъ ему за привѣтливость и еще болѣе за то, что имѣю счастіе принадлежать вамъ; но сожалѣю, что онъ такъ превратно думаетъ о всѣхъ этихъ Французахъ, которые оболь-

---

[1]) Т. е. Суворовъ, а не сынъ его, которому тогда еще шелъ 16-й годъ.

[2]) Графъ Григорій Александровичъ, позднѣе посланникъ въ Мадридѣ, Стокгольмѣ и Константинополѣ.

стили его и внушили ему нѣкоторыя изъ своихъ понятій. Повидимому, онъ здѣсь имѣетъ мало поддержки, и всѣ его права заключаются единственно въ его имени. Ему предлагали званіе гофмейстера, но онъ отказался, потому что теткѣ его, супругѣ оберъшенка, хочется, чтобы онъ жилъ съ ней вмѣстѣ; а ей оказываютъ еще нѣкоторую внимательность. Полагаю, что отъ него будетъ зависить продлить свое здѣшнее пребываніе, сколько ему захочется. Графъ Сергѣй продолжаетъ посѣщать дворъ и остается при мысли, что неудовольствіе Императрицы противъ него есть не болѣе, какъ комедія. Онъ сильно хворалъ разстройствомъ желудка, и я всегда очень доволенъ, когда онъ не выходитъ изъ дому, чтобъ пользоваться въ это время его бесѣдою. Онъ одаренъ рѣдкимъ умомъ и возвышенною душею, и былъ бы замѣтенъ даже и не въ нашей странѣ. Я получилъ письмо отъ Кочубея, въ которомъ онъ жалуется на плохое здоровье: климатъ, повидимому, произвелъ въ немъ нервное разслабленіе, и столь сильное, что онъ похудѣлъ. Какъ видно, усиленныя занятія и важность занимаемаго имъ мѣста не даютъ ему времени скучать. Онъ сообщилъ мнѣ мысль, которую передаю вамъ. Предвидя, что, спустя нѣкоторое время, ему придется просить отпуска для поѣздки на воды, онъ желаетъ, чтобъ я занялъ его должность. Съ первымъ курьеромъ я изложу ему причины, заставляющія меня пребывать въ состояніи ничтожества, на которое я обрекъ себя. Все дѣлается чрезъ Зубова. Мои отношенія къ нему, проистекающія отчасти отъ сильнаго отвращенія, отчасти отъ непреклонности нрава, которой я никогда не могъ преодолѣть, вызвали непріязнь его ко мнѣ, и онъ считаетъ меня за человѣка дерзкаго, оказывающаго ему неуваженіе, такъ какъ моя нога не переступала черезъ его порогъ. Благосклонность великаго князя-отца не составляетъ рекомендаціи въ глазахъ Императрицы, и еслибъ я вздумалъ хлопотать о какомъ-нибудь мѣстѣ, то это значило бы идти на встрѣчу неизбѣжнымъ оскорбленіямъ и отказамъ. При томъ, чувство благодарности за дружественное расположеніе великаго князя внушило мнѣ рѣшимость доказать ему, въ какой мѣрѣ я цѣню это расположеніе. Видя, какъ онъ всѣми забытъ, унижаемъ и оставленъ въ пренебреженіи, я не хочу видѣть его недостатковъ, происходящихъ, быть можетъ, отъ характера, ожесточеннаго обидами. Онъ осыпалъ меня милостями, и я внимаю лишь голосу моего сердца. Я слишкомъ чуждъ разсчетовъ честолюбія, чтобъ предаваться какимъ-либо мечтамъ о будущемъ; но нахожу, что, доказывая ему мою благодарность усердіемъ и живымъ вниманіемъ ко всему, что̀ до него касается, я только исполняю мой долгъ. Вотъ мои побужденія; ввѣряю ихъ вамъ, не опасаясь, чтобы вы истолковали ихъ въ иномъ смыслѣ. У васъ чувствительное сердце, и вы поймете, что, слѣдуя его влеченію, можно въ немъ же и находить вознагражденіе за нѣкоторыя легкія пожертвованія. Я изъяснилъ великому князю, что ничего не желаю, какъ только доказать ему мою приверженность и заслужить его уваженіе. Я ни во что̀ не вмѣшиваюсь и увлекаюсь иной разъ особенно мыслію о прелестяхъ спокойной и

уединенной жизни, замѣняющею блестящія обольщенія, ради которыхъ приходится жертвовать спокойствіемъ, счастіемъ, а чаще всего и честью. Я люблю великаго князя отъ всего сердца, соболѣзную ему и надѣюсь, что онъ совершенно перемѣнится, когда выдетъ изъ настоящаго своего положенія. Таково мое горячее желаніе. Это нужно для блага нашего Отечества и для него самого.

24-го.

Мнѣ принесли вчера ваше письмо; я вижу, по вашему настроенію, что вы огорчены, и мнѣ кажется, что я угадываю ваши намѣренія: ваше несчастное Отечество понесетъ наибольшую утрату, тогда какъ вы обрѣтете спокойствіе, коль скоро отдадитесь самому себѣ. Воспоминанія о вашихъ заслугахъ и добродѣтеляхъ скоро изгладятъ изъ вашей памяти возмутительныя неправды, которыя здѣсь дозволяются. Я глубоко сочувствую вашему положенію. Вѣрьте, что вашъ примѣръ выведетъ изъ ослѣпленія многихъ, способныхъ мыслить. Дозвольте мнѣ быть отголоскомъ общественнаго мнѣнія, въ особенности голоса иностранцевъ. Гогорятъ, что вы великій человѣкъ и что никто замѣнить васъ не можетъ. Утѣшаюсь мыслію, что когда-нибудь увижу васъ возвратившимся на родину, которая столь многимъ обязана вамъ; что вы будете жить счастливо, наслаждаясь успѣхами вашихъ дѣтей, и не оставите вашимъ вниманіемъ того, въ чьей судьбѣ вы доселѣ принимали такое постоянное участіе.

Бывъ цѣлую недѣлю боленъ и только завтра намѣреваясь выйти, я не исполнилъ еще вашего порученія къ великому князю Александру Павловичу; но онъ сказалъ мнѣ, что послѣ каждаго разговора объ васъ, всегда ему пріятнаго, ему приходитъ желаніе писать къ вамъ и просить васъ, чтобъ вы его полюбили. Онъ одаренъ прекрасною душою, и потому естественно желаетъ пріобрѣсти ваше уваженіе.

Графъ Валерьянъ, наканунѣ своего отъѣзда, произведенъ въ генералъ-адъютанты. Вчера я имѣлъ случай разговаривать цѣлый вечеръ съ Корсаковымъ, который уѣзжаетъ завтра. Онъ будетъ начальствовать корпусомъ войскъ, которому назначено идти черезъ горы въ Тифлисъ, въ числѣ 10.000 человѣкъ, тогда какъ самъ главнокомандующій, съ 20.000, пойдетъ вдоль берега Каспійскаго моря. Эти два отряда должны пройти около 600 верстъ, прежде чѣмъ соединятся; имъ предстоитъ на пути, оружіемъ или подкупомъ, смирять Татаръ, которыхъ насчитываютъ до 600,000. Генералъ Гудовичъ долженъ прикрывать движеніе. По задуманному плану, этому походу нельзя предвидѣть конца; ибо предположено, дошедши до Баку, усилить войска на 20.000 и продолжать наступленіе до Испагани. Мегметъ-паша имѣетъ подъ начальствомъ отрядъ въ 120.000. Онъ опустошаетъ Грузію, съ цѣлью затруднить нашъ походъ недостаткомъ кормовъ. Вообще мало обратили вниманія на эту существенную потребность войны, особенно въ непріятельской странѣ. Все еще помышляютъ овладѣть Константинополемъ: таковы стремленія

нашей Императрицы, которая на закатѣ дней преобразилась въ завоевателя.

Валерьянъ Зубовъ говоритъ, что, въ случаѣ успѣха его плановъ, онъ возвратится не ранѣе какъ черезъ пять лѣтъ. Это будетъ новый Александръ Великій.

Да сохранитъ Богъ ваше здоровье. Будьте счастливы: ибо кто болѣе васъ достоинъ того?

19.

Софія, Май 1796.

Я получилъ письмо ваше, пришедшее по эстафетѣ (заключаю о томъ потому, что мнѣ его прислали изъ канцеляріи графа Остермана). Жду съ великимъ нетерпѣніемъ, чтобы пріѣхало то лицо, черезъ котораго вы хотите писать ко мнѣ подробнѣе. Предвижу ваше намѣреніе и прихожу въ отчаяніе при мысли о томъ, что васъ довели до такой крайности. Я удержусь отъ совѣтовъ: ослѣпленный участіемъ, которое принимаю во всемъ до васъ касающемся и видя невознаградимую утрату, я буду молчать и ограничу себя священною и сладостною для меня обязанностью — жить для васъ, быть къ вамъ привержену и признательну за благодѣянія ваши.

Я увѣдомлялъ васъ на счетъ моего опредѣленія на мѣсто Кочубея. Выходитъ, что это придумалъ самъ Кочубей и сообщилъ эту мысль своему дядѣ. Я съ перваго разу понялъ всѣ неудобства этой должности и опасность для здоровья жены моей, и этого было слишкомъ довольно, чтобы вселить въ меня отвращеніе къ мѣсту, на которомъ могла ожидать меня только какая-нибудь бѣда. Я тотчасъ отправился къ графу Безбородкѣ поблагодарить его за его доброе расположеніе и счелъ долгомъ представить ему важныя причины, по которымъ намѣреніе его не могло исполниться и встрѣтило бы положительный отказъ. Такимъ образомъ объ моемъ опредѣленіи не было болѣе рѣчи, такъ какъ оно ни въ какомъ случаѣ не могло состояться. Теперь думаютъ—и довольно правдоподобно—что на мѣсто Кочубея поступитъ Павелъ Бакунинъ. Ему весьма покровительствуетъ Марковъ; а мѣсто Бакунина въ Академіи хотятъ отдать Хвостову, плохому поэту, человѣку грязному и нелѣпому. Онъ племянникъ фельдмаршала Суворова, который принимаетъ въ немъ необыкновенное участіе.

Ко всеобщему изумленію явился къ намъ генералъ Будбергъ, которому Императрица поручила важное дѣло о бракосочетаніи великой княжны Александры съ королемъ Шведскимъ. Онъ прибылъ изъ Стокгольма, и хотя пропущенъ слухъ, будто его ждали, но на самомъ дѣлѣ онъ оставилъ Швецію въ силу послѣднихъ наставленій, которыми ему предписывалось немедленно выѣхать, коль скоро не дадутъ ему отвѣта положительнаго и удовлетворительнаго. Правда, что отъѣздъ его причинилъ большую тревогу и опасенія въ Стокгольмѣ, потому что тамъ вовсе не думали объ войнѣ и по ходу дѣлъ не дѣлали никакихъ приготовленій къ ней. По пріѣздѣ его сюда, Марковъ имѣлъ нѣсколько тайныхъ свиданій съ Швед-

скимъ посланникомъ, и полагаютъ, что Будбергъ не вернется въ Стокгольмъ. Онъ это самъ говоритъ. Вы себѣ представить не можете, до какой степени пропитанъ гордостью этотъ новый дипломатъ-чухонецъ, и какъ немного нужно, чтобы эти господа Нѣмцы вздернули носъ: имъ все кажется, что мы Русскіе передъ ними школьники. Думаютъ, что всѣ эти переговоры не поведутъ къ добру, и что Шведы станутъ манить насъ до послѣднихъ мѣсяцевъ года: еще три мѣсяца, и нельзя предпринять военныя дѣйствія. Гвардейцы выступаютъ въ лагерь въ концѣ этого мѣсяца. Въ Москвѣ сформировано шесть батальоновъ, подъ именемъ *запасныхъ*; они идутъ сюда. Одинъ изъ нихъ третьяго дня проходилъ черезъ городъ и расположился въ Осиновой Рощѣ, по Выборгской дорогѣ.

Назначена новая комиссія изъ князя Зубова, графа Безбородки, Самойлова, Румянцова, Попова, завѣдующаго Кабинетомъ, и Мятлева. Имъ поручено новое обращеніе мѣдной монеты, большая часть которой переплавлена. Она была на 22 процента ниже настоящей стоимости; пудъ мѣди въ монетѣ содержалъ только 16 рублей, а въ металѣ онъ стоитъ 21 рубль. Чтобы избѣжать долгаго разбирательства, прибѣгли къ очень простому и на первыхъ порахъ очень выгодному способу, именно удвоили цѣнность монеты и помощью новой переливки сдѣлали изъ пятикопѣечниковъ десятикопѣечники и т. д. Предоставляю вамъ опредѣлить, поведетъ ли эта финансовая операція къ цѣли изъять изъ обращенія ассигнаціи, которыя въ настоящее время уже стоятъ вмѣсто рубля 46 и 50 копѣекъ. Толкуютъ также о старомъ предположеніи графа Андрея Шувалова выписывать золото и серебро изъ за границы и чеканить изъ нихъ здѣсь монету.

Нынѣшняя непостоянная зима, съ частыми оттепелями, причинила значительные убытки. Не говоря уже о томъ, что за бездорожьемъ нельзя было подвозить въ города съѣстныхъ припасовъ, озимыя хлѣба не обѣщаютъ никакого урожая, и мой отецъ, котораго имѣнія находятся въ Орловской губерніи, самой плодоносной во всемъ государствѣ, сообщаетъ мнѣ весьма плохія вѣсти.

Наши дамы, законодательницы общества, обезумѣли. Пѣвецъ оперы-буффы Мандини доводитъ ихъ до крайнихъ дурачествъ. Этотъ потѣшникъ сдѣлался предметомъ ихъ споровъ, ихъ зависти и благополучія. Онѣ носятъ девизы, которые онъ раздаетъ; напр. госпожа Дивова имѣетъ девизъ *sempre pazza*. Чрезвычайно забавно смотрѣть на княгиню Долгорукую, какъ она аплодируетъ и одна, внѣ себя, кричитъ изъ глубины своей ложи браво и фора; а княгиня Куракина съ восторгомъ разсказываетъ всѣмъ и каждому, что Мандини провелъ у нея вечеръ въ шлафрокѣ и въ ночномъ колпакѣ, потому что передъ тѣмъ онъ игралъ въ Эрмитажѣ и опасался послѣ того простудиться...... Жена этого Мандини, публичная Парижанка, принята повсюду, и вамъ говорятъ, что это дѣлается ради ея мужа. Точно будто это супруга графа Румянцова, или другаго какого героя. Остается воскликнуть: бѣдные люди! И прибавить: сами того хотятъ!

Три дня какъ я живу здѣсь, по близости отъ Царскаго Села и Павловска, гдѣ живетъ великій князь-отецъ. Мнѣ очень пріятно на дачѣ съ моею доброю женою и моимъ мальчикомъ. Мы проводимъ время въ чтеніи, въ прогулкѣ, вдали отъ праздношатающихся, которые боятся оставаться съ самими собою и, не умѣя быть счастливы, мѣшаютъ счастію другихъ. Дворъ еще не переѣхалъ въ Царское Село, потому что хорошая погода еще не наступаетъ. Жена моя начала работу, о которой вамъ будетъ любопытно знать, потому что она для васъ назначена. Она хочетъ сдѣлать вамъ портфель съ двумя ея рисунками и заранѣе проситъ васъ принять его съ тѣмъ же ощущеніемъ, съ какимъ она его готовитъ. Я же впередъ увѣренъ, что малый даръ истинной дружбы, вами внушаемой, доставитъ вамъ удовольствіе. Моя жена почитаетъ ваши добродѣтели и готовится взглянуть на черты человѣка, который облагодѣтельствовалъ ея мужа. Мы должны вскорѣ получить вашъ портретъ. Получивъ его, я буду покоенъ. Я не знаю за собою ни одного дѣйствія, воспоминаніе о которомъ могло бы заставить меня покраснѣть; мнѣ будетъ пріятно, глядя на васъ, ставить себѣ это въ заслугу, и если мнѣ посчастливится снова увидаться съ вами, я не усумнюсь обнять васъ и имѣть нѣкоторыя права на довѣріе ваше.

Загряжская не очень здорова. Она нѣсколько опечалена, такъ какъ другъ ея Тамара ѣдетъ на житье къ себѣ въ деревню: онъ оставилъ службу.

Великій князь Александръ, который васъ такъ любитъ, поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ принимаетъ большое участіе во всемъ до васъ относящемся. Я пишу къ Смирнову *) о коммиссіи, которую онъ мнѣ далъ: ему хочется имѣть двухъ верховыхъ лошадей, и въ настоящее время, не имѣя лишнихъ средствъ, онъ не можетъ заплатить немедленно деньги, но какъ скоро получитъ, то вышлетъ вексель. Стало быть, если вы дадите эти деньги Смирнову, то окажете услугу доброму князю, у котораго 30 т. рублей годоваго содержанія и который слишкомъ половину этихъ денегъ тратитъ на пенсіи. Простите, мой благодѣтель. Если бы мои мольбы были услышаны, вы были бы самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, и я не покидалъ бы васъ никогда.

У дяди моего Протасова родился сынъ. У него прекрасная жена, и онъ могъ бы быть счастливъ; но онъ ищетъ счастія при дворѣ.

20.

7 Сентября 1796. Спб.

Я сейчасъ получилъ ваше письмо, и г. Витвортъ просилъ меня прислать мое письмо въ три часа, такъ какъ курьеръ его отъѣзжаетъ. Слѣдовательно медлить нельзя, и я поторопился домой, чтобы написать къ вамъ. Не можете себѣ представить, графъ, какъ я

---

*) Якову Васильевичу, Лондонскому священнику.

радъ вашему рѣшенію оставаться въ Лондонѣ. Первое ваше намѣреніе представлялось мнѣ сопряженнымъ со множествомъ непріятностей, и я поистинѣ признателенъ вашему брату за то, что онъ сообщилъ вамъ свое мнѣніе. Вамъ слѣдуетъ вспомнить, какъ фельдмаршалъ Румянцовъ въ послѣднюю войну проживалъ въ деревнѣ подъ Яссами. Тоже и съ вами; но ваше положеніе еще тяжелѣ, потому что нынѣшнія Европейскія событія не дозволяютъ вамъ выбрать мѣсто, гдѣ бы поселиться и докончить дѣло воспитанія, отъ котораго зависитъ счастіе вашихъ дѣтей и ваше собственное. И такъ, графъ, поступайте къ нимъ на службу и тѣмъ дѣлайте добро вашей родинѣ. Добродѣтели ваши послужатъ вамъ наградою. Мѣста получаются изъ милости, помощью искательства и не даются человѣку, подобному вамъ. Величіе души есть вашъ удѣлъ, и да покроются стыдомъ тѣ, которые могутъ забывать, что вы существуете на славу вашего Отечества и вашей Монархини.

Вы ошибаетесь, что я отдаю мои письма чиновникамъ нашихъ присутственныхъ мѣстъ. Это слишкомъ подлое отродіе, чтобы можно было оказывать имъ какую либо повѣренность. Ни одно письмо мое никогда не будетъ препоручено этимъ господамъ, даже и курьерамъ. Я довольствуюсь курьерами, которыхъ посылаетъ кавалеръ Витвортъ; онъ всегда предупреждаетъ меня о томъ. Послѣднее письмо оставалось долго въ дорогѣ, потому что его везъ Англійскій купецъ, возвращавшійся на родину моремъ.

Здѣсь чрезвычайно заняты королемъ Шведскимъ, который пріѣхалъ сюда 12 числа Августа и останется, какъ полагаютъ, до 12 числа нынѣшняго мѣсяца. Всѣ затрудненія улажены, и великая княжна Александра уже четвертый день на положеніи невѣсты. Во внутреннихъ покояхъ она проводитъ послѣобѣденное время то у матери, то у старшаго брата, вмѣстѣ съ королемъ и его дядею. Пріѣзда ихъ добились черезъ посредство денегъ, которыя такъ подѣйствовали, что военное сословіе готово было снарядить депутацію къ регенту съ прошеніемъ, чтобы Меклембургскую принцессу отстранили и сдѣлали предложеніе великой княжнѣ Александрѣ. Впрочемъ мнѣ кажется, что регентъ и министръ его, въ виду наступающаго совершеннолѣтія короля и его независимости отъ нихъ, захотѣли попользоваться случаемъ и устроить свои дѣла. Увѣряютъ, что это брачное дѣло теперь уже стòитъ два милліона рублей. Королевская свита очень многочисленна; тутъ все чтò у нихъ есть лучшаго. И однако эти Шведы далеко не внушаютъ къ себѣ уваженія и симпатіи. Они либо чудаки, либо хвастуны, либо даже ползуны. Король очень статенъ, средняго роста, рыжій, съ выраженіемъ лица весьма рѣзкимъ по причинѣ большихъ глазъ цвѣта головы; но глаза эти выражаютъ одно хладнокровіе. Онъ говоритъ мало, не скажетъ ничего неумѣстнаго; звуки его голоса очень низки и чрезвычайно однообразны. Онъ страстенъ къ военному дѣлу и готовъ подражать Карлу XII. Замѣчательно, что, съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, ни разу не видали, чтобы онъ улыбнулся. Въ дядѣ его что-то шарлатанское. Онъ очень кипятится и имѣетъ пріемы

шутовскіе, и отъ этого у него видъ стараго плута. Посланникъ Будбергъ получилъ Александровскую ленту; двоюродный братъ его, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ, пожалованъ въ камергеры, и министры наши отягчены наградами за такое дѣло, въ которомъ нужны были одни банкиры. Императрица объявила, что въ свитѣ Александры Павловны не будетъ никого изъ Русскихъ. Госпожа Ливенъ отвезетъ ее и возвратится тотчасъ послѣ бракосочетанія. День онаго еще не назначенъ.

Война наша противъ Персіянъ, или вѣрнѣе противъ ихъ городовъ, идетъ весьма успѣшно. Взяты Дербентъ, Баку и Шумаки; всѣ сдались безъ выстрѣла. Но такъ нужно было придать воинскій видъ этому походу, то велѣно было, въ башнѣ не подалеку отъ Дербента, умертвить человѣкъ до 50-ти. Приказаніе овладѣть этою вышкою, которой дали имя крѣпости, возложено было на Корсакова. Онъ послалъ сказать графу Зубову, что непріятель покоряется, не желая защищаться. Но Зубову эта вѣсть не понравилась. Онъ поспѣшилъ явиться самъ, сдѣлалъ видъ, какъ будто идетъ на приступъ и велѣлъ умертвить этихъ людей. На Корсакова онъ пожаловался и, не смотря на то, что у него Аннинская лента, объ немъ очень дурно отозвались, считая, что онъ поступилъ неразсудительно и выказалъ недостатокъ мужества. Мнѣ досадно за Корсакова; но онъ отправился туда не по своей охотѣ. Теперь этой арміи предстоитъ пройти пустыню въ 500 верстъ и встрѣтиться съ пашею Мехметомъ, у котораго 40.000 войска. Весьма вѣроятно, что если армія удалится отъ береговъ Каспійскаго моря, она будетъ отрѣзана, и Богъ вѣдаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Зубовъ прислалъ сюда инженернаго офицера Трузсона съ планами и предположеніями. Этотъ человѣкъ получилъ за взятіе Дербента Георгіевскій крестъ третьей степени, тотъ самый, который вы носите. Во всякомъ случаѣ войска меньше на 40 тыс. человѣкъ, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ люди намъ очень нужны.—Вы знаете, что 60-ти тысячный корпусъ, находящійся въ Польшѣ подъ начальствомъ Суворова, поставленъ на Богемскую границу и готовъ перейти ее. Но прежде чѣмъ идти на Французовъ въ случаѣ, если они тутъ покажутся, послали сказать императору, что ему слѣдуетъ отозвать своего брата Карла и назначить предводителями войскъ своихъ генераловъ Клерфе и Мака. — Въ Польшѣ умы пылаютъ; безпрестанные захваты и ссылки. Даже и здѣсь, мѣсяцъ тому назадъ, ходило по рукамъ посланіе къ людямъ, въ которомъ приглашаютъ ихъ рѣзать господъ своихъ и свергнуть съ себя позорное рабство.

Лучшій плодъ пребыванія Шведскаго короля есть то, что Императрица и великій князь-отецъ сблизились между собою. Повидимому, между ними доброе согласіе, такое по крайней мѣрѣ, какое возможно между 70-лѣтнею матерью и 42-мъ лѣтнимъ наслѣдникомъ, который изнемогаетъ отъ досады и ждетъ не дождется, когда ему вступить на престолъ....

Я ничего не желаю, потому что было бы странно чего либо добиваться, когда предержащая власть предубѣждена противъ тебя,

а всемогущій министръ тебя ненавидитъ. Я счастливъ женою и прекраснымъ ребенкомъ. Остаюсь здѣсь, потому что семейныя дѣла не позволяютъ мнѣ ѣхать въ деревню, гдѣ наше присутствіе могло бы стѣснять моего отца. И такъ я живу здѣсь. Я сплю спокойно, предаваясь моему счастію и чувству благодарности за ваши благодѣянія.

ЗАПИСКА О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ОБРУЧЕНІИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ СЪ КОРОЛЕМЪ ШВЕДСКИМЪ *).

11 Сентября 1796.

Въ полдень собрались у князя Зубова для обсужденія статей брачнаго договора. Комитетъ этотъ составляли: князь Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко и Марковъ, баронъ Штедингъ, баронъ Рейтергольмъ и графъ Эссенъ. Оказалось, что соглашеніе имѣлось лишь по самымъ незначительнымъ статьямъ, а другія статьи противорѣчили намѣреніямъ короля и министровъ. Въ 4 часа разошлись, не порѣшивъ ничего. Графъ Марковъ то и дѣло ѣздилъ въ домъ Шведскаго посланника; время проходило, и ничего не устроивалось. Въ 7 часовъ, согласно данному приказу, всѣ собрались въ кавалергардской залѣ. Обрученію назначено быть въ бриліянтовой. Все было готово. Митрополитъ (вызванный изъ Новгорода, откуда онъ ѣхалъ 18 часовъ) облачился въ святительскія одежды и дожидался въ церкви, что его позовутъ благословлять жениха и невѣсту. Наканунѣ Императрица говорила нѣкоторымъ дамамъ, что на завтра она готовитъ имъ сюрпризъ. Назначены лица въ свидѣтели брачнаго договора. Тутъ были, кромѣ императорской фамиліи: госпожа Ливенъ, князь Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко, Марковъ, Эссенъ и бароны Штедингъ и Рейтергольмъ. Послѣ ужина у великаго князя-отца долженъ былъ начаться балъ. До 7-ми часовъ Императрицѣ равно ничего не докладывали о происходившемъ. Наконецъ князь Зубовъ, не отваживаясь самъ идти съ такою дурною вѣстью, возложилъ ее на графа Маркова, который объявилъ Императрицѣ, что король согласенъ быть на ужинѣ и на балу, но что онъ не хочетъ обручаться, пока все не уладится. Тогда Императрица разгнѣвалась до такой степени, что приближенные опасались за ея жизнь. Маркова опять послали къ королю съ собственноручною запискою Императрицы и съ ея помѣтами на всѣхъ статьяхъ. Дочитавъ до статьи, гдѣ для великой княжны, когда она будетъ Шведскою королевою, требовалось свободное исповѣданіе ея вѣры, король взялъ перо и вычеркнулъ эту статью. Марковъ возвратился, отправился опять, и только въ 9 часовъ послали сказать королю, что онъ можетъ оставаться у себя. Во все это время князь Зубовъ то и дѣло ходилъ къ великому князю-отцу и передавалъ ему о происходив-

*) Записка эта написана нарочно для графа С. Р. Воронцова и составляетъ приложеніе къ нижеслѣдующему письму графа Ростопчина, здѣсь же помѣщается ради хронологической послѣдовательности изображаемыхъ событій.

шемъ. Въ половинѣ 10-го оберъ-маршалъ князь Барятинскій, на которомъ лица не было, провозгласилъ, что бала не будетъ, потому что Императрица не такъ хорошо себя чувствуетъ. Великій князь ходилъ къ ней и нашелъ ее въ сильнѣйшемъ волненіи: она хотѣла отдать приказаніе, чтобъ арестовать барона Флеминга, котораго считаютъ (невѣрно) фаворитомъ короля, и сослать его въ Сибирь; но великому князю удалось успокоить ее. На другой день Императрица признавалась, что ночь съ 27 на 28 Іюня [1]) ничто въ сравненіи съ тою, которую она провела.

21.

5 (16 Ноября) 1796 Спб. [2]).

Кавалеръ Витвортъ прислалъ мнѣ ваше письмо отъ 8-го числа прошедшаго мѣсяца. Мнѣ очень досадно, что вы все такъ заняты: правда, государство отъ того выигрываетъ, но ваши друзья въ накладѣ и даже не имѣютъ права жаловаться.

Не знаю, сильно ли встревожатся Французы, оттого что войска наши идутъ противъ нихъ; но успѣхъ нашихъ войскъ для меня сомнителенъ. Они привыкли къ разнузданности и дѣйствуютъ вяло, коль скоро нечего грабить. Это уже не тѣ люди, которыхъ вы нѣкогда водили къ вѣрной побѣдѣ. Къ тому же гдѣ у насъ офицеры и гдѣ генералы? Послѣдняя Турецкая война перепортила даже и тѣхъ, въ комъ обнаруживались способности; начальники не имѣли другихъ заслугъ, кромѣ преодолѣнія холода и усталости отъ трудныхъ походовъ, которые оканчивались штурмами; а тутъ храбрость одинакова у послѣдняго солдата и генерала. Въ Польшѣ они опустошили страну на подобіе Татаръ и, можно сказать, брали себѣ за образецъ этихъ же Поляковъ, когда тѣ приходили съ огнемъ и мечемъ въ сердце Россіи въ царствованіе Шуйскаго и во времена самозванцевъ. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ человѣкъ съ достоинствомъ. Вамъ лучше это знать; но я, не желая быть цензоромъ, думаю однако, что онъ обязанъ больше счастію, нежели генію и имѣлъ успѣхи, за которые на него сыпались награды. Онъ продолжаетъ куралесить въ Польшѣ, помѣстился въ зáмкѣ графини Потоцкой (жены Феликса), обѣдаетъ въ 7-мь часовъ утра, ходитъ въ платьѣ изъ грубой холстины, на головѣ каска, поетъ въ церкви и увѣряетъ всѣхъ, что у него отличный басъ, тогда какъ едва его можно слышать. Всего страннѣе, что онъ громко отзывается о Зубовѣ какъ объ негодяѣ, болванѣ и пр. Они поссорились здѣсь по тому случаю, что зять Суворова [3]) лишился надежды

[1]) Т. е. ночь, проведенная въ Петергофѣ передъ восшествіемъ на престолъ въ 1762 году.

[2]) Письмо это особенно замѣчательно потому, что графъ Ростопчинъ писалъ его утромъ того самаго дня, когда смертельный ударъ внезапно постигъ Екатерину Вторую и, можетъ быть, писалъ въ самую минуту удара. Оно служитъ какъ бы началомъ извѣстной его записки о воцареніи Павла.

[3]) Графъ Николай Зубовъ, братъ фаворита. Суворовъ нѣкоторое время лишалъ своего единственнаго сына наслѣдства. Благодаря настоянію Императрицы, онъ возвратилъ милость своему Аркашѣ.

наслѣдовать все его имущество......... Но я никогда не воображалъ, чтобы Суворовъ возвысилъ голосъ и такъ явно отзывался объ нашемъ великомъ визирѣ. Въ томъ же за́мкѣ, гдѣ обитаетъ Суворовъ, нашло себѣ убѣжище семейство Полиньяковъ, которымъ графъ Феликсъ Потоцкій отдалъ землю въ аренду. Всѣ эти бѣдныя женщины, волею неволею, должны угождать и хозяйкѣ дома, и чудаку-постояльцу, который у нихъ расположился: по шести разъ въ недѣлю все это населеніе обѣдаетъ у него въ 7 часовъ утра. Онъ очень любитъ маленькую княжну Гишъ, зоветъ Турчаночкою, щекочетъ ее и всякій разъ потомъ моетъ себѣ руки, говоря, что до него коснулась нехристь.

Вы уже знаете, что̀ послѣдовало за пребываніемъ здѣсь Шведскаго короля; въ ту минуту, когда думали, что все улажено, оказалось, что ничего не было сдѣлано, и Императрица заплатила за эту торопливость позоромъ, который ей было весьма тяжело вынести. Я прилагаю здѣсь на клочкѣ бумаги описаніе этого памятнаго дня, тогда же мною сдѣланное для васъ [1]). До сихъ поръ объ этомъ бракѣ неизвѣстно ничего положительнаго, и хотя его очень желаютъ, но не смѣютъ надѣяться, чтобы онъ состоялся. Никогда не было столько интригъ, какъ въ этомъ случаѣ. Лица, пользующіяся довѣріемъ короля, старались отсрочить рѣшеніе, чтобы имъ получить награды отъ нашего двора, когда король достигнетъ совершеннолѣтія: иначе эти награды достались бы креатурамъ регента. Сей послѣдній, помощію интригъ, слезъ и клятвъ, успѣлъ увѣрить Императрицу въ своей преданности. Онъ сваливалъ всю вину на короля и такъ какъ онъ считалъ, что, послѣ всего здѣсь случившагося, разрывъ неизбѣженъ и война послѣдуетъ за ихъ отъѣздомъ, то опредѣлялъ заранѣе свою судьбу: онъ хотѣлъ бѣжать сюда, чтобы избѣгнуть вѣрной смерти. У него было въ виду герцогство Финляндское. Онъ даже намекалъ на незаконное происхожденіе короля и проч. [2]) Король—молодой, взбалмошный человѣкъ, набравшійся религіозныхъ мыслей, вѣритъ въ предназначеніе, характера холоднаго, ни съ кѣмъ не откровененъ, и покуда онъ былъ здѣсь, никто не замѣтилъ, чтобы у него была какая нибудь страсть: онъ ни разу не засмѣялся, ни разу не выразилъ неудовольствія и все время былъ королемъ. За образецъ себѣ онъ выбралъ Карла XII; самолюбіе и льстецы вселили ему въ голову, что будто онъ предназначенъ для великихъ побѣдъ. Послѣ несостоявшагося обрученія, въ теченіе двухъ дней, дядя и племянникъ не видались другъ съ другомъ, обѣдая и ужиная каждый особо. Регентъ, понуждая короля подписать статьи брачнаго договора, когда тотъ отказывался, спросилъ: развѣ онъ забылъ, съ кѣмъ онъ говоритъ. Король на это сказалъ: „Я знаю, что вы мой дядя и регентъ королевства; но вы должны также знать, что черезъ три недѣли я буду самъ королемъ“. Вообще Шведы во всемъ этомъ дѣлѣ явили много надменности и притязательности: по пріему, который

---

[1]) Напечатано выше.

[2]) Густавъ IV былъ, какъ увѣряли, сынъ Монка.

имъ здѣсь все время оказывали, они ясно видѣли, какъ этотъ бракъ нуженъ для Императрицы. Съ нашей стороны ихъ слишкомъ чествовали при дворѣ и въ городѣ, а въ Кабинетѣ слишкомъ расчитывали на ихъ бѣдноту и на силу подкупа. Зубовъ слишкомъ неспособенъ и малоопытенъ, чтобы вести такое важное дѣло; кромѣ того онъ слишкомъ занятъ тѣмъ, чтобы его считали геніальнымъ человѣкомъ и наканунѣ ищетъ въ книгахъ, что̀ ему сказать завтра. Марковъ обходился съ ними черезъ чуръ слегка; онъ предъубѣжденъ противъ Шведовъ, они для него всѣ чудаки: мелкое мщеніе, на которое обыкновенно отвѣчаютъ ненавистью *). Это и случилось тутъ. Отъ Будберга пріѣзжаютъ часто курьеры, но не привозятъ ничего особеннаго. Ждутъ пріѣзда графа Штейнбока, значительной особы, которая извѣститъ о восшествіи на престолъ. Говорятъ, что онъ займетъ мѣсто посланника барона Штединга, а сей послѣдній будетъ великимъ канцлеромъ въ Швеціи. Королю онъ чрезвычайно понравился, и дѣйствительно это человѣкъ достойный, мягкаго характера, пріятный, очень своеобразный и очень забавный по своей разсѣянности. Полагали, что Марковъ утратитъ свое значеніе, но напрасно. Хотя господинъ Зубовъ, имѣя похвальную привычку никого не поддерживать, отступился отъ него въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ на него падала вся отвѣтственность; но Марковъ вышелъ съ торжествомъ, къ досадѣ придворныхъ, которые терпѣть его не могутъ за его сарказмы. Его честолюбію большой уронъ: ибо, на другой день послѣ обрученія, онъ долженъ былъ получить Андреевскую ленту, а Зубовъ—фельдмаршальство.... Теперь о пребываніи здѣсь короля Шведскаго думаютъ столько же, какъ о моемъ въ Лондонѣ; его зовутъ здѣсь *королекъ*.

Война наша съ Персами не представляетъ ничего особеннаго. Войска расположены въ окрестностяхъ Баку. Однако отпустили нѣкоего Волана, инженернаго офицера, пріѣзжавшаго отъ графа Валерьяна Зубова съ планами страны, черезъ которую ему надо идти на пространствѣ 600 верстъ, на встрѣчу непріятелю, занимающему Персію въ числѣ 400.000 человѣкъ и выжидающему только случая, чтобы отрѣзать нашей арміи возвратный путь, занявъ мѣста между нею и моремъ. Увѣряютъ, что въ этомъ случаѣ слѣдуютъ планамъ Петра Великаго, т. е. чтобы, укрѣпивъ Баку и Дербентъ, привлечь сюда всю торговлю шелкомъ, который идетъ теперь черезъ Армянъ въ Индію и Турцію. Для начала графу Валерьяну Зубову назначили 3 милліона рублей, которые онъ можетъ тратить какъ захочетъ, присылая планы и рисунки: больше отъ него ничего не требуютъ.

Такъ какъ денегъ тратится несмѣтное количество, то предложенъ и поспѣшно утвержденъ новый тарифъ, вслѣдствіе котораго должны умножиться доходы. На первый взглядъ разсчетъ превосходный, потому что однимъ почеркомъ пера прибавляется до 8 мил-

*) Марковъ прежде былъ посланникомъ въ Швеціи, гдѣ его не любили за рѣзкое обращеніе и откуда онъ былъ отозванъ осенью 1786 года.

ліоновъ въ годъ; но забываютъ, что страна будетъ платить налогъ изъ самыхъ тяжкихъ, такъ какъ всякій купецъ устанавливаетъ цѣну и барышъ свой соотвѣтственно деньгамъ, которые онъ платитъ за ввозъ своего товара, и самые необходимые предметы наиболѣе подорожаютъ. За пудъ сахару придется платить 40 р. Онъ уже теперь продается по 23 р., а съ новаго года надбавится 14 р. ввозной пошлины. Но вы подивитесь тому, что всѣ тѣ, которые считаютъ себя творцами этого благодѣтельнаго установленія, ждутъ себѣ награжденій. Это пружина всѣхъ дѣйствій. Нынѣ вѣкъ проэктовъ, искателей приключеній и страшнаго эгоизма, сокрушающаго нашу страну, которая такъ богата средствами отъ природы и такъ бѣдна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

У насъ здѣсь множество Поляковъ. Они являются заявить свое усердіе, хлопотать о конфискованныхъ имѣніяхъ или поступить на службу. Къ сей послѣдней обращаются тѣ, которые боятся, чтобы ихъ не обобрали, либо тѣ, которые по глупости ищутъ войти въ милость. У кого лента Бѣлаго Орла, тотъ считаетъ себя какъ бы въ правѣ просить камергерства; оно и дается довольно охотно. Тутолминъ неограниченно властвуетъ въ Польшѣ и очень напоминаетъ собою завоевателей Америки. Поляки недовольны здѣшнею жизнію, потому что кромѣ унизительной роли, которую приходится имъ играть противъ воли, въ силу обстоятельствъ, они видятъ, что по части низостей они школьники, а побѣдители ихъ суть настоящіе мастера въ этомъ искусствѣ, коимъ промышляетъ великолѣпная дворская сволочь. Вы удивитесь, узнавъ, что старый генералъ Мелиссинò, получивъ черезъ Зубова Владимірскую ленту, поцѣловалъ ему руку. Въ инженерномъ корпусѣ произнесена была рѣчь, въ которой доказано, что философъ Платонъ глупецъ въ сравненіи съ мальчишкою Платономъ; и тѣмъ не менѣе этотъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, этотъ князь Платонъ въ сильной досадѣ на то, что брата его Валерьяна сдѣлали полнымъ генераломъ. На поздравленія онъ отвѣчалъ сухо, будучи никакъ не въ состояніи примириться съ мыслію, что его творенія въ одинаковомъ чинѣ съ нимъ. Многіе недовольны этимъ повышеніемъ Дербентскаго завоевателя; князь Сергѣй Голицынъ и графъ Ферзенъ, генералъ-лейтенанты, подали прошенія объ отставкѣ. Я передаю вамъ объ этомъ не обинуясь, такъ какъ я увѣренъ, что это васъ не огорчитъ, а только удивитъ; васъ же я считаю на службѣ у государства и вашихъ дѣтей, которыя должны гордиться, что обязаны вамъ всѣмъ и помнить чтò вы для нихъ сдѣлали.

Вице-адмиралъ Черноморскаго флота Мордвиновъ, выведенный изъ терпѣнія происками Рибаса, который добивается занять его мѣсто, прислалъ сюда формальную бумагу, съ обвиненіями противъ него. Онъ жалуется тоже на секретаря Императрицы Грибовскаго, управляющаго канцеляріею Зубова и дѣйствующаго противъ Мордвинова. Кажется, эта жалоба подѣйствовала, ибо у Грибовскаго взяли Черноморскія дѣла. Мордвиновъ ѣдетъ сюда, но борьба будетъ неровная: добродѣтель и достоинства всегда въ накладѣ, какъ скоро противъ нихъ вооружаются каверза и преступленіе.

Здѣсь произошла трагическая, ужасная исторія. Одна княгиня Ш., очень богатая, во время путешествія своего, выдала единственную дочь свою за князя Аремберга, человѣка неважнаго. Эстергази, изъ нерасположенія къ Арембергу, описалъ его Императрицѣ въ такомъ свѣтѣ, что она приказала назначить опекуновъ къ старой княгинѣ и воспретить ея зятю въѣздъ въ Россію. Княгиня немедленно явилась домой съ дочерью. Императрица не взлюбила эту женщину за то, что ей хотѣлось женить одного изъ братьевъ Зубовыхъ на ея дочери. Сія послѣдняя, живучи здѣсь, часто видала родственника своего князя Ш., скотоподобнаго и очень несноснаго человѣка. Сблизившись съ нимъ, она незамѣтно пала, но не рѣшилась повѣрить свое горе матери и безъ ея вѣдома написала письмо къ Императрицѣ, которымъ испросила себѣ дозволеніе развестись съ княземъ Арембергомъ. Немедленно за тѣмъ и неизвѣстно чего ради, она бѣжала съ княземъ Ш. и повѣнчалась съ нимъ. Черезъ мѣсяцъ получено извѣстіе, что первый мужъ ея и ребенокъ отъ него померли. Послѣ годовой отлучки она возвратилась въ Петербургъ, представилась ко двору, и повидимому все прошлое было позабыто. Но злая судьба преслѣдуетъ бѣдную мать. Дочь ея влюбилась въ гвардейскаго офицера К.(*), того самаго, который въ 1788 году ѣздилъ курьеромъ въ Лондонъ. Между ними завязалась переписка; мужъ открылъ ее и хотѣлъ увезти жену въ деревню; но та пришла въ отчаяніе отъ предстоявшаго ей общественнаго позора, обманула аптекаря и приняла большой пріемъ мышьяку. Всѣ страданія медиковъ не могли спасти ее, и на четвертый день она скончалась, оставивъ восьмимѣсячнаго ребенка и 46 лѣтнюю мать, которой предстоитъ горе на весь остатокъ жизни и надежда, что Богъ надъ нею смилуется и сократитъ ея страданія *).

Дѣло графа Завадовскаго еще не кончилось, и онъ по прежнему не выѣзжаетъ. Мнѣ очень досадно, что я его не вижу; но онъ никого не принимаетъ кромѣ тѣхъ, кто составляетъ его партію въ картахъ.

Я распрашивалъ гвардейскаго маіора Торсукова, который недавно ѣздилъ къ графу Румянцову. Этотъ великій человѣкъ совершенно здоровъ; только не можетъ долго стоять отъ боли въ ногахъ. При немъ нѣтъ ни адъютантовъ, ни секретарей, ни этой толпы тунеядцевъ, которые, чтобъ избѣгнуть службы, примазываются къ кому нибудь въ свиту и толкутся въ пріемныхъ комнатахъ. Племянникъ вашъ князь Дашковъ проводитъ большую часть времени съ фельдмаршаломъ, который его очень любитъ. Графъ Николай Румянцовъ наиусерднѣйше посѣщаетъ дворъ и г-на Зубова. Онъ твердо разсчитываетъ наслѣдовать теткѣ своей Нарышкиной и мужественно переноситъ скуку и стѣсненіе въ ея домѣ. Графа Сергѣя было поистинѣ жаль: Нелединской хотя и лучше, но она

---

*) Сличи Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго въ I-й книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка“, стр. 341 и 342.

еще не оправилась. Она простудила себѣ и безъ того слабую грудь и была больна при смерти. Эта привязанность графа Сергѣя заслуживаетъ уваженія, ибо въ этой женщинѣ нѣтъ ничего привлекательнаго для мущины, не говоря уже о прежнемъ ея поведеніи. Она исполнена пороковъ и недостатковъ; но дѣти обезпечиваютъ ей вѣрность отца. Когда ближе узнаешь этого человѣка, то прощаешь ему чрезмѣрное самолюбіе, отъ котораго онъ столько разъ терпѣлъ.

Здоровье плохо [1]). Уже больше не ходятъ. Не могутъ оправиться отъ впечатлѣній взрыва, который произошелъ въ послѣднихъ числахъ Сентября [2]). Положеніе странное и у насъ небывалое, кромѣ послѣдняго года Елисаветинскаго царствованія. Не выходятъ изъ своихъ комнатъ.

Великій князь Александръ по прежнему добръ; но я боюсь, чтобъ онъ не остался въ накладѣ отъ частыхъ свиданій съ молодымъ княземъ Чарторижскимъ [3]). Ему внушили, будто противъ красоты его не устоитъ ни одна женщина, и нашъ молодой князь охотно заявляетъ о томъ. Понятно, что найдется немало кокетокъ, которыя захотятъ увлечь его. Всякое дурное дѣйствіе имѣетъ причину; здѣсь причина въ Чарторижскомъ, который обольщаетъ великаго князя съ этой стороны, чтобы имѣть болѣе къ нему доступа....

Великій князь-отецъ останется этотъ годъ въ Гатчинѣ до Рождества, и его деревенская жизнь продлится на цѣлый мѣсяцъ. Онъ живетъ по прежнему, довольный тѣмъ, что день прошелъ: время ему въ тягость. И то сказать, положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ крайне непріятно. Нужно бы терпѣнія, но его-то и не хватаетъ.

Я остаюсь часто до́ма, не будучи любителемъ большаго свѣта. Отсылаю письмо это къ Витворту, чтобъ не пропустить его курьера и завтра ѣду на четыре дня въ Гатчину [4]).

Я забылъ сказать вамъ, что изъ Стокгольма пріѣзжали уже два курьера послѣ восшествія короля на престолъ. По дѣлу бракосочетанія привезены довольно дурныя извѣстія. Король очень дурно обходится съ нашимъ посланникомъ, ни о чемъ не спрашиваетъ и ничего не дѣлаетъ. Вмѣсто знатной особы, которой ожидали съ объявленіемъ объ его благополучіи, пріѣзжалъ какой-то просто камергеръ. Первый министръ Рейтергольмъ, наканунѣ вступленія на

---

[1]) Т. е. здоровье Императрицы.

[2]) Т. е. по новому стилю. Неудавшееся обрученіе было 11-го Сентября. Однако письма Екатерины къ Будбергу, напечатанныя въ IX томѣ Сборника Историческаго Общества и писанныя передъ самою кончиною, показываютъ, что умъ ея сохранялъ еще необыкновенную свѣжесть и бодрость, и она продолжала неослабно держать въ рукахъ нити Европейской политики.

[3]) Указаніе это свидѣтельствуетъ о проницательности графа Ростопчина.

[4]) Графъ Ростопчинъ дѣйствительно поѣхалъ въ Гатчину, но уже въ самый день этого письма, т. е. 5-го Ноября, посланный великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ объявить Павлу Петровичу о смертномъ ударѣ, постигшемъ Екатерину.

престолъ, оставилъ свое мѣсто. Богъ вѣдаетъ, что̀ изъ этого выдетъ.

Зубовъ недавно вручилъ князю Понятовскому бумагу, которою ему пожаловано 30 т. крестьянъ въ Польшѣ. Недурной подарокъ племяннику короля, ученому и философу, который безпрестанно титуловалъ г-на Зубова высочествомъ.

22.

7-го Ноября 1796.

Спѣшу извѣстить васъ немногими строками о неожиданномъ событіи: Императрица скончалась отъ удара въ голову, вчера въ 9 часовъ 50 минутъ по полудни. Пятаго числа, поутру въ 9 часовъ, напившись кофею, Ея Величество пошла къ себѣ въ гардеробъ, долго не выходила оттуда; и ее нашли безъ чувствъ и съ хрипотою. Всѣ медицинскія пособія были безуспѣшны; ей ни разу не было лучше. Ея агонія продолжалась почти сутки. Императоръ прибылъ изъ Гатчины въ 8 часовъ вечера, 5-го числа.

Я изнемогаю отъ усталости, не спавши три ночи. Передъ глазами у меня отвратительное зрѣлище внезапно настигшей смерти; весь этотъ дворъ, князь Зубовъ, съ его величіемъ, покинутый всѣми. Ахъ, графъ, какъ люди глупы!

Знайте, что ваша личность и ваши труды угодны и нужны Императору. Не лишайте его такого слуги, какъ вы. Осмѣливаюсь подать вамъ совѣтъ: живите покойно на своемъ мѣстѣ, напишите Императору поздравительное письмо. Онъ знаетъ вашу службу и цѣну ей. То что̀ я вамъ здѣсь говорю, Рожерсонъ о томъ думаетъ и въ томъ убѣжденъ, какъ и я. Графъ Безбородко на отличномъ счету. Императоръ желаетъ забыть все и говоритъ объ этомъ. Онъ посылалъ къ графу Завадовскому узнать объ его здоровьи. Бѣдная жена моя изнемогаетъ отъ усталости, ухаживая за Протасовою, которая понесла большую утрату. Но Императоръ очень обнадеживаетъ ее. Прощайте, графъ. Какъ мнѣ доказать вамъ, что признательность, которую я къ вамъ питаю, наполняетъ мнѣ сердце?

Императоръ пожаловалъ меня своимъ генералъ-адъютантомъ и кавалеромъ ордена Св. Анны.

ПИСЬМО КНЯЗЯ Н. В. РЕПНИНА КЪ ОБЕРКАМЕРГЕРУ И. И. ШУВАЛОВУ.

Давнишнее предположеніе наше (въ Р. Архивѣ 1871, стр. 697) о томъ, что князь Н. В. Репнинъ позаботился облегчить князю Чарторыжскому путь къ Петербургскимъ успѣхамъ, оправдалось нижеслѣдующимъ письмомъ, которое служитъ какъ бы дополненіемъ къ картинѣ послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія, начертанной графомъ Ростопчинымъ въ его письмахъ къ графу Воронцову. Въ домѣ престарѣлаго И. И. Шувалова, въ которомъ хозяйничала окатоличенная племянница его графиня В. Н. Головина, завязались сношенія Польскаго патріота, открывшія ему путь во дворецъ, и вскорѣ онъ началъ обольщать будущаго Русскаго государя и его супругу, такъ что осенью 1796 года графъ Ростопчинъ уже называетъ вліяніе Чарторыжскаго опаснымъ для великаго князя Александра Павловича. *П. Б.*

Гродно, 31 Марта 1795.

Вы меня знаете, любезный другъ. Вы увидите, что предметъ этого письма не старыя проказы *), но что оно внушено человѣколюбіемъ, котораго я всегда былъ и буду поклонникомъ. Письмо это передадутъ вамъ молодые князья Чарторыжскіе, сыновья той княгини, супруги князя Адама, которую вы знаете по слухамъ. Положеніе ихъ было высокое; они жили въ богатствѣ и въ почетѣ; сло-

---

*) Князь Н. В. Репнинъ и И. И. Шуваловъ близко знали другъ друга еще съ молодыхъ лѣтъ, съ Аннинскихъ и Елисаветинскихъ временъ. При Елисаветѣ И. И. Шуваловъ былъ первымъ лицемъ во дворцѣ, а молодой князь Репнинъ, сынъ одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго, пользовался заботливымъ вниманіемъ Государыни. „Послали меня въ молодости, по тогдашнему обычаю, въ Парижъ (разсказывалъ князь Репнинъ), гдѣ я весело жилъ и проказничалъ. Пріѣзжаетъ къ нашему послу курьеръ и привозитъ между прочимъ ему отъ императрицы Елисаветы Петровны повелѣніе немедленно выслать меня въ Петербургъ; за что и про что, ни посолъ, ни я не понимали. Явился я къ Государынѣ. Здравствуй, Николаша! (такъ изволила называть меня). Ты не бось испугался? Въ Парижѣ, слышу, ужасть какой развратъ и распутство: Бога забыли. Вспомнила о тебѣ: что́ тебѣ дѣлать въ этомъ Содомѣ? Живи лучше дома". (См. Записки Ѳ. П. Лубяновскаго, въ Р. Архивѣ 1872 года, стр. 453). Позднѣе князь Репнинъ не уберегся въ другомъ Содомѣ. Говорятъ, что супругъ княгини Изабеллы Чарторыжской прислалъ къ нему новорожденнаго князя Адама въ корзинкѣ съ цвѣтами. Въ зрѣломъ возрастѣ князь Адамъ очень походилъ лицомъ на князя Репнина, и Репнины всегда считали его своимъ. Жизнь князя Репнина дѣлится на двѣ половины. Сначала онъ былъ полнымъ представителемъ XVIII вѣка; но кончина сына и дочери обратили его къ жизни внутренней, и съ 1784 года по кончину это былъ человѣкъ самаго искренняго и высокаго благочестія. Не говоримъ о великихъ его государственныхъ заслугахъ.—Впослѣдствіи одна изъ дочерей князя Репнина была первою супругою племянника и воспитанника И. И. Шувалова, князя Ѳ. Н. Голицына. О перепискѣ Шувалова съ княземъ Репнинымъ см. также Записки Лубяновскаго, стр. 138.

вомъ, были вельможами и еще въ ранней молодости всего лишились, лишившись отечества. Они ѣдутъ изъявить покорность, ѣдутъ въ страну, гдѣ, какъ имъ извѣстно, сильно предубѣждены противъ ихъ родителей. Человѣку съ сердцемъ и здравымъ умомъ легко понять, каковы должны быть ихъ внутреннія ощущенія. Какъ ни прекрасно они воспитаны, но при появленіи въ свѣтѣ они безъ сомнѣнія не въ силахъ будутъ преодолѣть смущенія. Имъ будетъ одинаково страшно и говорить, и молчать, и конечно ни въ чемъ они не встрѣтятъ успѣха, если не будетъ оказано имъ благоволительнаго поощренія. Несчастіе, и особенно несчастіе незаслуженное, другъ мой, всегда найдетъ себѣ сочувствіе въ душѣ прекрасной. Вотъ что̀ я хотѣлъ вамъ сказать. Прибавлю, что, по тѣмъ побужденіямъ и правиламъ, которыя изложены выше, я принимаю въ этихъ молодыхъ людяхъ большое участіе и что, оказавъ имъ ласковый пріемъ, вы мнѣ сдѣлаете личное одолженіе. И такъ прошу васъ, любезный другъ, принять ихъ милостиво, съ любовью и сердечнымъ участіемъ. Я писалъ о томъ же маленькому драгуну (au petit dragon); но я еще прошу васъ исходатайствовать у нея эту милость, ради дружбы ко мнѣ *). Старшій изъ этихъ молодыхъ людей уже созрѣлъ разумомъ. Онъ очень образованъ. Оба одарены хорошимъ сердцемъ. Но какъ усмотрѣть достоинство, когда оно закрыто уторопленною застѣнчивостью? Съ ними ѣдетъ нѣкто г-нъ Гурскій (Gorski), хорошій дворянинъ и честный человѣкъ; онъ сопровождаетъ ихъ изъ личной приверженности. Прошу васъ принять и его ласково.

Единому Богу, другъ мой, извѣстно, увидимся ли мы еще на этомъ свѣтѣ. Его пути неисповѣдимы; но вѣрно то, что Онъ повелѣваетъ намъ любить другъ друга, носить тяготы другъ друга и предавать сердца и души наши съ любовію и упованіемъ Ему, всевышнему нашему благодѣтелю и Источнику всякихъ благъ. Мысленно припадемъ къ стопамъ сего милосердаго Отца. Предадимся всецѣло Его волѣ. Прощайте, сердечный другъ. Живите всегда и повсюду съ Іисусомъ Христомъ. Безъ Него нѣтъ никому спасенія.

*

Переведено съ Французскаго подлинника. Князь Адамъ Чарторыжскій родился 3 (14) Января 1770, воспитанъ Іезуитомъ аббатомъ Піатоли, который впослѣдствіи руководилъ и его политическою дѣятельностью; потомъ князь Чарторыжскій учился нѣкоторое время въ Англіи и принималъ участіе въ Польскихъ смутахъ 1793 и 1794 годовъ. Онъ умеръ 3 (15) Іюля 1861. Былъ женатъ съ 13 (25) Сент. 1817 года на княжнѣ Аннѣ Евстафьевнѣ Сапѣгѣ, умершей въ Декабрѣ 1864 года.—Братъ его князь Константинъ родился 17 Октября 1773 и умеръ 11 (23) Апрѣля 1860.

---

*) Маленькимъ драгуномъ князь Репнинъ звалъ графиню В. Н. Головину.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЖСКАГО *).

Les scènes de ce monde et l'homme, qui en est l'auteur et l'acteur, ne sont qu'un mélange de bien et de mal, un combat continuel de ces deux principes, qui sont essentiels à sa nature et dont le conflit a été et sera toujours le même sans qu'aucun ne puisse jamais l'emporter entièrement sur l'autre. Rarement il arrive donc quelque chose de nouveau sur la terre, dont l'histoire ne nous fournisse déjà des exemples approchants; mais les passions, les préjugés, l'intérêt, l'esprit de parti influent plus directement sur les opinions relatives à des événemens qui se passent sous nos yeux. Ces causes y obscurcissent facilement la vérité des faits et l'équité des jugemens, tandis qu'on les respecte davantage en discutant des événemens dont des siècles nous ont séparés. Il faudrait cependant être toujours également juste et équitable, et si la raison d'état exige souvent que l'intérêt seul dirige les résolutions des gouvernemens; si les passions dans les peuples et les particuliers sont toujours trop fortes pour ne pas l'emporter quand il est question d'agir: la justice et la raison devraient du moins reprendre leurs droits, lorsqu'il ne s'agit plus que de juger de la valeur des actions, de prononcer sur les devoirs, d'accorder ou de refuser l'estime que l'ennemi le plus acharné, en égorgeant son ennemi, ne devrait pas lui ravir.

Il ne se passe rien qui ne se soit déjà passé. Il y a cependant des époques qui semblent avoir un caractère et des nuances particulières, qui par leur nature se font plus vivement sentir aux contemporains. La circonstance la plus pénible selon moi dans les tems où nous vivons, c'est que tous les principes ont été détruits, tous les devoirs confondus, de manière que non seulement la tranquillité de la vie n'existe plus, mais qu'il est même difficile de savoir quelle est la marche qu'il faut suivre lorsqu'on ne veut avoir d'autre but dans ses actions que le devoir et l'estime des autres et de soi-même.

Les mêmes actions, les mêmes circonstances ne produisent pas à présent les mêmes jugemens: l'intérêt et l'esprit de parti les pervertit sans qu'on ait égard à aucune équité. On appele héroique dans les uns ce que l'on trouve coupable et pervers dans les autres. La fidélité est appelée rébellion ou vertu selon que l'intérêt le demande; on prêche, on exhalte l'amour de la patrie chez les uns, on le condamne, on le

---

*) Печатается съ подлинной рукописи, на которой находятся поправки, сдѣланныя рукою автора и которая сообщена въ Русскій Архивъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ. Записку эту слѣдуетъ сопоставить съ письмомъ князя Чарторыжскаго о томъ же предметѣ (т. е. о политическомъ его положеніи между Польшею и Россіею) писанномъ въ 1812 году къ графу Матусевичу и напечатанномъ въ Р. Архивѣ 1863 года. Обширная переписка князя Чарторыжскаго съ императоромъ Александромъ Павловичемъ помѣщена нами въ Р. Архивѣ 1871 года. *П. Б.*

réprouve chez les autres; chaque parti a son tour, se joue également de tous les principes et s'aveugle sur leur valeur. De cette absence de toute équité, de toute générosité, dont l'abandon date du milieu de ce siècle, naît un état de choses où l'innocence et la noblesse des sentimens dans les nations et les individus a dû nécessairement souffrir et avoir le dessous. Le mal a servi d'exemple et d'excuse au mal, et ce qu'on reprochait aux autres, on l'avait déjà commis ou bien on allait l'imiter.

Placé dans une situation difficile et qui de tous les côtés est exposée à être mal jugée et méconnue, j'en dois un compte sincère à ceux qui s'intéressent à moi, afin de leur épargner, autant qu'il est en moi, la peine de s'être trompés dans les sentimens qu'ils m'ont accordés, afin qu'eux du moins me voyent tel que je suis et que leur équité me soit une consolation de l'injustice du grand nombre, à laquelle peut-être je n'échapperai pas.

Il me semble entendre continuellement deux voix qui crient à mon oreille avec la même violence. L'une me dit ce qui suit. „Votre position est sans doute des plus difficiles: mais ces difficultés même vous „tracent la marche que vous avez à suivre. Personne de vos compatriotes n'a été et n'est encore dans vos rapports et dans votre posi„tions, et tout homme sensé et juste le reconnaîtra. Vous avez occu„pé en Russie un poste distingué, vous y avez acquis l'estime géné„rale, sinon en l'occupant, du moins après l'avoir quitté, et ce juge„ment désintéressé doit vous être tout aussi flatteur. Vous avez été „l'ami de l'Empereur, en un mot vous avez joué un rôle qui vous a „fait monter pour un tems sur la scène de l'Europe. Vous y avez „énoncé des opinions et des sentimens conformes au bien du pays où „vous serviez et conformes au bien de l'Europe; contraires au système „dévastateur de Napoléon et aux injustices politiques dont il est cou„pable. Vous êtes sorti de cette scène emportant sans contredit l'es„time et les regrets de tout le gouvernement existant alors et des „gens bien pensans de ce tems. Même après avoir quitté votre place, „vous avez soutenu votre caractère et vos opinions, et les yeux des „cabinets et des gens attachés à leur pays ont été encore tournés sur „vous comme sur un de ceux qu'il fallait souhaiter en place pour es„pérer le salut de l'Europe. Irez-vous donc maintenant perdre l'estime „générale, agir contre les principes que vous avez proclamés, vous con„dredire, vous donner un démenti en face de l'Europe entière, vous „attacher au char de son tyran, devenir l'instrument de ses projets, „qui d'après vos propres sentimens font le malheur des générations „présentes et à venir? Vous ne devez rien à la Russie, ni à l'Empe„reur que vous avez bien servi tant que vous le pouviez? Soit. Mais „ne vous devez-vous pas à vous-même et au public de toute l'Eu„rope de conserver son estime et de soutenir votre caractère? Et pour„quoi iriez-vous sacrifier des considérations aussi graves et des avan„tages aussi précieux? Encore si c'était pour le bien réel et évident „de votre patrie; mais pour des espérances vagues, pour de simples „apparences, se perdre inutilement, perdre dans un moment ce que vous

„avez acquis pendant des années, serait impardonnable! Pouvez-vous vous „attendre que Bonaparte veuille sincèrement le bien d'aucun pays et „que le bonheur de la Pologne en particulier lui tienne fort à coeur? Il „veut faire de vos compatriotes de simples instrumens, prêt à les „abandonner dès que son intérêt l'exigera et à les tenir asservis tant „qu'il le pourra. Vous convient-il à vous, d'aider de pareilles „projets, et que votre nom soit mêlé à ces trames et paraisse par- „mi ses satellites? Représentez-vous quel effet cela ferait partout „où votre nom est connu; ce que diraient, ce que penseraient non seu- „lement ceux qui ne vous connaissent que par réputation, mais même „vos meilleurs amis et ce que ceux-ci souffriront par là? Dailleurs les „chances sont encore incertaines; la fortune peut abandonner Bonaparte; „il peut mourir. Que deviendrait alors votre pays et vous-même, si vous „pouviez vous décider à prendre un parti extrême? Qu'est-ce que votre „pays peut vous reprocher? N'avez vous pas été utile à vos compa- „triotes pendant que vous étiez en place; n'avez vous pas même fait „votre possible pour rétablir la Pologne de la manière la plus solide „et la plus heureuse? On ne disconvient pas que vu l'état actuel des „choses il ne vous soit difficile et peut-être même impossible de prendre „une part active aux affaires en Russie; mais d'un autre côté vous de- „vez pour le moins ne pas vous mêler dans aucun cas de ce qui se „passe et se passera en Pologne. Vous devez donc vous éloigner, et „vous tenir à l'écart, et rester entièrement passif tant que durera la „tourmente actuelle".

Tandis que j'écoute ces raisons et que je suis pénétré de leur force, l'autre voix me crie:

„Votre position est difficile sans doute, différente de celle de tous „les Polonais. Ils le sentent et rendent pleine justice à la conduite que „vous avez tenue jusqu'ici. Mais déjà vos devoirs ont changé; les cir- „constances dans leur vol peuvent les changer encore davantage: c'est „ce qu'il faut prévoir, c'est ce qu'il s'agit de discuter.

„Vous avez passé avec votre pays sous la domination de la Russie. „Ce n'est pas comme Russe, c'est par ce que vous êtes Polonais que „les circonstances vous ont placé à son service. Vous avez appartenu „à la Russie, parce que la Pologne était anéantie. Cette cause cessant, „l'effet, quand à vous, doit cesser. Des circonstances tout à fait parti- „culières vous ont entraîné jusqu'à prendre service et jouer un rôle „dans ce pays, malgré qu'il avait été une cause principale de la perte „de votre patrie. C'est uniquement une liaison particulière avec l'Em- „pereur qui vous a entraîné jusqu'à vous décider à le servir dans une „fonction publique malgré toutes les fortes raisons que vous avez pour „n'en rien faire: ces raisons, vous n'avez pas cessé dans le tems de les „lui soumettre avec toute la franchise possible, afin d'être dispensé „d'entrer dans la carrière des affaires. C'est proprement lui seul, et „d'après son insistance absolue, que vous avez voulu servir. Mais on „ne peut pas bien servir un Souverain sans servir son empire. Tant „que vous avez été en place, vous avez rempli tous vos devoirs avec „zèle et loyauté. Vous vous êtes uniquement pénétré des obligations

„de la place et de la position dans laquelle vous vous trouviez, pour „la remplir sans reproche et répondre en plein à la confiance que l'on „vous montrait.

„Quoique dans votre coeur vous fûtes toujours bon Polonais, l'exer„cice de ce sentiment fut suspendu et n'eut lieu que pour le bien des „provinces annexées. Il y eut un intervalle où le plus léger espoir de „voir la Pologne rétablie, sous quelques forme que ce puisse être, était „entièrement évanoui. Des que vous le vîtes renaître, vous cherchâtes „de faire servir la possibilité de la renaissance de la Pologne à la „gloire même de l'Empereur et de réunir par les liens d'un avantage „commun les deux intérêts qui devraient vous être les plus chers. „Mais l'on n'écouta pas vos conseils, vos plans ne furent pas suivis. „Les intérêts que vous vouliez réunir ont recommencé à se séparer, „et vous vous êtes retiré à tems pour éviter une situation où vous „auriez dû être coupable d'un côté ou de l'autre. Ces intérêts sont de„venus de plus en plus divergents et deviendront entièrement opposés. „Vous devez quitter un service et un pays essentiellement hostile au „vôtre et acharné contre son existence et contre vos compatriotes.

„Sur cette résolution il ne peut y avoir de doute; mais ce n'est pas „tout. Il viendra un moment, où vous ne pourrez rester passif; il fau„dra prendre un parti actif: c'est celui où la Pologne sera déclarée „et où elle sera toute en armes pour soutenir son existence. Ce „moment et celui d'une guerre avec la Russie sera probablement le „même, et tout Polonais qui resterait alors indifférent serait voué à la „mésestime et au mépris des siens.

„Comment pourrez-vous vous résoudre à rester seul inactif, à être „compté parmi le petit nombre qui, par des motifs personnels, se sépa„reront de la cause de leur patrie et y seront marqués du signe de „réprobation?

„Qu'on ne parle pas à des Polonais des injustices de Bonaparte et du „devoir qu'il y a à ne pas les supporter. Toutes les injustices criantes, „les vexations qui révoltent dans Napoléon et mettent l'opinion pu„blique contre lui dans tous les pays qu'il a humiliés et qu'il pré„tend encore soumettre, toutes ces injustices, dis-je, ont déjà été exécu„tées envers la malheureuse Pologne: il n'y a pas d'acte d'iniquité, de „froide cruauté de calcul, de carnage, de pillage, dont les puissances „n'ayent donné l'exemple chez nous. Ces gouvernements certes n'ont pas „le droit de se plaindre d'aucune injustice et de se faire les cham„pions des principes qu'ils ont les premiers foulés aux pieds et aux„quels ils n'ont jamais rendu un hommage véritable en réparant leurs „torts. S'il s'agit en effet de principes d'honneur, de vertu, de justice, „pourquoi ceux qui disent qu'on ne peut sous aucun rapport servir les „plans de Bonaparte, pourquoi n'ont-ils pas refusé dans le tems de „mêler leurs mains aux horreurs commises envers la Pologne?

„La Russie s'est plu à la tenir dans l'anarchie pour la dévaster et „la partager, et lorsque la nation Polonaise a cherché à s'organiser et „à se rendre heureuse, on l'en a puni en la déchirant entièrement et „en détruisant jusqu'à son nom. Non content de sa destruction et des

„cruautés, et des perfidies qu'on y avait commises, on a ajouté l'in„sulte à l'oppression. Après avoir épuisé tout ce que l'injustice pou„vait inventer de plus poignant, on a cherché à lui ôter jusqu'à l'es„time qui lui est due; on l'a calomnié, injurié; tous les pays ont sem„blé devenir les instrumens des gouvernemens qui avaient commis le „crime: c'était le seul moyen de le rendre moins odieux.

„Comme il n'y avait sorte de torts qu'on n'eût envers nous, il fal„lait nous les donner tous. Nous étions légers, inconstans, et pour„quoi? Parce que nous ne pouvions pas oublier notre pays et les trai„tements qu'on nous avait fait endurer, parce que nous étions constants „à ce souvenir, à ce devoir, et que nous étions prêts à lui sacrifier „notre existence et nos fortunes.

„Par quelle absence de logique, par quel déni de justice, trouve-t-on „les mêmes sentiments, les mêmes actions, héroïques en Espagne, en „Tyrol, et coupables et sans mérite en Pologne?

„On élèverait aux nues toute nation qui se serait déclarée contre „ses oppresseurs, mais on condamne les Polonais de vouloir se libérer „de leurs Bonapartes. Le mauvais traitement et l'injustice générale a „produit son effet accoutumé: elle a réuni davantage ceux qui en „étaient les victimes, elle a gravé plus profondément dans leurs coeurs le „désir de se délivrer de l'oppression par le sentiment de l'injustice „dont ils étaient accablés. Aussi à cet égard n'y a-t-il qu'un esprit, qu'une „âme dans tous les Polonais. Un des traits qui est devenu caractéristi„que dans cette nation, c'est d'aimer leur patrie par dessus tout et de „brûler d'impatience de tout sacrifier pour la ravoir. Un Polonais qui „montre d'autres sentimens veut tromper ou bien n'est qu'un homme „méprisable. En effet c'est un homme qui n'agit que par la crainte ou „l'intérêt sordide, mais tout Polonais capable de sentimens nobles et „élevés ne peut absolument avoir d'autre souhait et d'autre but que le „rétablissement de sa patrie.

„Irez-vous, vous parant des sentimens cosmopolites, sentir plus vive„ment ce qui se passe au bord du Tage ou de l'Adige que ce qui se „fait sur la Vistule? Vous exalter sur les injustices commises à d'autres „nations et être indifférents à celles que la vôtre a éprouvées? Cela „serait agir en opposition de ce que le bon sens et un coeur bien placé „exigent. Est-ce l'opinion publique dans plusieurs pays qui vous retiendra? „Mais outre que cette opinion est injuste dès qu'il s'agit de la Pologne, „est-ce que vous ne respecterez que les opinions des hommes qui sont „à 300 lieues et qui n'ont aucun rapport avec vous, et vous n'aurez „aucun égard aux opinions de ceux qui vous entourent, à qui vous ap„partenez, de vos compatriotes, de votre famille?

„Vous le savez: autant qu'en Russie l'opinion est prononcée contre „les Français, autant que la mode et l'honneur ne permettent à aucun „homme d'avoir des sentimens suspects à ce sujet: autant et par ces „mêmes motifs en Pologne il n'est permis à personne d'être mauvais „Polonais. D'ailleurs il ne faut pas juger de l'opinion publique dans le „reste de l'Europe par ce qu'elle est dans les cercles de Pétersbourg „Elle a souffert de grandes modifications et en reçoit tous les jours, à

„mesure que le nombre des victoires de Napoléon, de ses conquêtes, de „ses liaisons avec d'autres puissances augmente. On peut en juger par „la conduite des individus les plus distingués dans d'autres pays. Le „nouvel ordre de choses est assez consolidé pour que l'ancien soit pres- „que oublié. S'il y a encore des changemens à prévoir, ce n'est plus „dans le sens des anciennes idées et des anciens maîtres. Le nouvel „ordre de choses est terminé pour les deux tiers au moins. Ceux qui „voudraient le faire crouler et rétablir l'ancien que la dégénération „des gouvernements à fait tomber en ruine, commencent déjà à être „considérés comme des faiseurs de projets impossibles dans l'exécution „et comme des ennemis de la tranquillité générale, après laquelle on „soupire même au prix de la servitude, avec d'autant plus d'apparence „de raison que les efforts que l'on a faits jusqu'à présent pour s'en „délivrer n'ont servi qu'à répandre beaucoup de sang inutilement et „qu'à la rendre plus assurée, et que les nations qui ont la conscience „de leur peu d'énergie et surtout de l'insuffisance totale de leurs gou- „vernement sentent le besoin de respirer et de se conserver pour le „moment où après le chaos actuel il se fera une nouvelle création du „monde civil et politique, dans lequel elles reprendront nécessairement „leur place naturelle.

„Il n'y a que l'Angleterre, l'Amérique et jusqu'à présent l'Espagne „qu'il faut en excepter; mais en Angleterre ou juge des choses saine- „ment et avec équité. On y reconnaîtra quant à la Pologne que les „mêmes motifs qui ont fait détester Bonaparte dans le reste de l'Europe „doivent justifier les Polonais à l'écouter favorablement; qu'il n'a ja- „mais fait aucun mal à leur pays; que lui seul leur a tendu la main „et leur a témoigné de l'intérêt; qu'il a fait à chaque époque pour eux „tout ce qu'il lui a été possible de faire. Il a jugé que les Polonais „pouvaient lui être utiles, qu'ils étaient des instrumens qui méritaient „d'être employés et qu'il était de son intérêt de flatter leur attache- „ment à leur pays.—C'est ce qu'aucun autre gouvernement n'a daigné „faire. On connaît en Pologne Bonaparte comme partout ailleurs, on juge „ses actions, on plaint les Espagnols, on voudrait les voir heureux comme „partout ailleurs, on est désolé et honteux de combattre contre eux; „mais ces sentimens ne peuvent et ne doivent pas être poussés jusqu'à „se perdre soi-même sans que les autres s'en trouvent mieux. On regrette „d'être réduit à être attaché à la fortune de cet homme et de recevoir „d'une telle main des bienfaits qu'on ne peut pourtant pas rejeter, puisque „personne d'autre ne les offre, et pour lesquels on ne peut s'empêcher „de lui être reconnaissant.—Les Polonais n'ont rien à se reprocher à „cet égard. N'ont-ils pas tout fait pour prouver leur ardent désir de „devoir à l'Empereur Alexandre leur existence et leur bien-être? Ne le „désirent-ils pas même jusqu'à présent? Mais puisque on les a refusés, „rebutés, puisque dans ce moment, si Bonaparte avait le dessous, ils ne „pourraient s'attendre qu'à une perte totale; puisque d'une part ils trou- „vent de l'intérêt, du secours, de l'espoir, et de l'autre de l'animosité, „des persécutions et la ruine de toutes leurs espérances, de tous leurs „voeux, comment pourrait-on prétendre qu'ils aiment leurs ennemis „et qu'ils repoussent leurs amis? Car c'est à ce point que les circons-

„tances et la manière dont on les a conduites ont amené les choses. „Les intérêts les plus chers de la Pologne, soutenus uniquement par la „France et conformes à ses intérêts, sont devenus par la conduite actuelle „du cabinet diamétralement opposés aux intérêts de la Russie. Les Po„lonais raisonnent juste; ils ne s'abusent pas sur leur position; ils „savent qu'elle est toujours précaire, qu'ils peuvent encore être aban„donnés, et que ce n'est d'ailleurs qu'à force de persévérance et gra„duellement que leur patrie peut leur être rendue; mais voici leur lo„gique. Bonaparte a trouvé et trouvera son intérêt à nous soutenir. Aucune „puissance ne le ferait sans y voir son intérêt *; le sien est de relever „la Pologne. Nous serons d'abord sujets à ses volontés, mais nous le „serions également à celles de toute autre puissance qui nous tendrait „la main, et lui seul jusqu' à présent le fait. Nous avons au moins l'es„poir d'être réunis en corps de nation, de revoir notre nom, de ne faire „qu'une masse; parvenus là, si nous sommes sages, les circonstances „nous feront peut-être sortir heureusement du naufrage et de la dis„solution générale, lorsque les choses recommenceront à prendre forme „et solidité. Peut-être que ce n'est que dans cette attitude et au prix „de notre sang que nous pourrons enfin faire comprendre au gouverne„ment et à la nation Russe, qu'il serait utile et convenable de nous „gagner, de lier les deux nations par des noeuds d'avantage et d'intérêts „réciproques.

„Pour ce qui est de vous en particulier, les gens honnêtes et sensés „doivent vous rendre justice partout et ne pourront rien trouver à „redire à votre conduite: elle a toujours été nette. Vous n'avez rien à „vous reprocher vis-à-vis de personne. Vous avez loyalement servi „l'Empereur; vous avez toujours dit la vérité; vous avez épuisé, pour „ainsi dire, toute l'extension des devoirs que vous aviez envers lui, au „point même de manquer à ce que vous deviez à votre pays: car dans „deux occasions vous avez donné des conseils qui, s'ils étaient suivis, „pouvaient tendre directement à détruire ses dernières espérances. „L'Empereur connaît mieux que personne vos sentimens envers votre „patrie; jamais vous ne les lui avez cachés; maintenant il ne vous reste „plus que des convenances, des procédés à garder, mais qui ne peuvent „balancer vos premiers devoirs.

„Nos actions ne sont jamais que relatives aux circonstances et aux „rapports dans lesquels nous nous trouvons, et c'est en égard à ces „rapports qu'elles sont morales, convenables etc. etc.

„Les opinions et les sentimens que vous avez proclamés étaient ceux „d'un bon serviteur de l'Empereur et d'un ministre de Russie zêlé pour „la gloire et les intérêts de son maître; c'est comme étant à cette

---

* La Russie par exemple a soutenu les Grecs pour ses propres intérêts et les a considérés comme de simples instruments qu'elle a abandonnés trois fois de suite aussitôt qu'elle n'en avait plus besoin, en les livrant à la vengeance de leurs oppresseurs. Malgré cette funeste leçon, les malhereux Grecs prêtent encore l'oreille à la Russie quand elle leur parle au nom de la patrie, de la religion et de la liberté.

„place que vous les avez proclamés. D'ailleurs l'état de l'Europe était „différent alors; il y a avait du mérite et une vraie sagesse à s'oppo- „ser à son bouleversement, parce qu'il n'était pas encore avancé, parce „qu'un espoir d'une opposition efficace existait et qu'elle pouvait alors „avoir d'heureux effets pour l'humanité. Il n'en est plus de même. „Redevenant Polonais et comme tel, vous ne pouvez avancer les mê- „mes opinions, d'autant que la force même des événemens a dû les „nuancer, et que ce n'est plus de la même manière qu'elles seraient „applicables aux circonstances actuelles.

„Pour parler clair, vos opinions n'ont pas changées; vous n'avez pas „varié de principes; partout vous avez respecté vos obligations et vous „avez cherché à les remplir au mieux, rendant partout hommage à la „justice et laissant à la vérité toute sa force. Vous devez aussi main- „tenant agir comme votre nouvelle position et les nouveaux devoirs „qui en découlent l'exigent. Je dis nouveaux, mais ce sont les plus „anciens qui ont repris leur droits puissans. Vous êtes redevenu vous- „même; votre séjour en Russie n'était qu'une digression de votre vie, „une entre-parenthèse qui est terminée.

„Votre conduite ne peut pas être indifférente en Pologne; votre fa- „mille y a toujours marqué parmi les plus distinguées par leur attache- „ment au pays. Vous-même, quoique jeune encore, vous avez eu l'occasion „de vous prononcer dans le même sens en combattant pour votre pays „et en montrant des sentimens chauds et exaltés quand il s'agissait du „bien public. Cette impression est restée jusqu' à présent; on a pleine „confiance en vous; les yeux sont tournés sur vous. Ce qu'un autre „pourrait faire, vous ne le pouvez sans vous perdre et sans vous dés- „honorer: car on attend et l'on prétend plus de vous.

„Jusqu'à présent vous avez rempli et justifié l'attente générale; tâchez „que cela soit de même ultérieurement. Vous aviez rempli et com- „biné vos devoirs pendant que vous étiez en place, vous vous êtes re- „tiré et éloigné quand ces devoirs sont devenus opposés; mais jusqu'à „quand croyez vous rester impassible? Prétendez-vous n'être plus d'aucune „utilité à votre pays?Vous vouer à la nullité, vous expatrier, abandon- „ner votre famille?

„Il y a des momens où il faut nécessairement prendre un parti. Que „ferez vous lorsque les provinces Polonaises dans lesquelles vous êtes „censé, se réuniront à leurs frères et prendront les armes, pour „recouvrer une existence injustement ravie, quand vous les ver- „rez d'une part combattant pour la plus juste des causes et de l'autre „la dévastation, le pillage et le massacre mis en oeuvre pour la leur „ôter? Comment oserez-vous ne pas vous associer à leur cause dans une „guerre de destruction, car c'est le projet que l'on forme en Russie „pour le cas d'une rupture avec la France: pour arrêter l'ennemi on „veut réduire les provinces Polonaises en désert? Mais je demande, si „vous vouliez vous décider à rester passif pendant un tel moment, com- „ment vous prendriez-vous pour le faire? Dans quel lieu vous retire- „rez-vous? Sera-ce en Russie? Mais ce ne serait plus être passif: ce „serait prendre un parti, ce serait exposer toutes les personnes qui

„vous sont chères, mériter qu'on vous donne les noms odieux que „portent ceux qui agissent contre leur patrie. D'ailleurs vos propres „sentimens y seraient trop opposés; vous n'y résisteriez pas, votre po„sition serait trop difficile. Que feriez-vous, que diriez-vous, vous trou„vant ici? Tous vos voeux seraient pour votre pays, et vous seriez obli„gé de les renier! Ce parti est inadmissible.

„Mais excepté en Russie, dans quel lieu irez-vous où la voix de vos „compatriotes ne vous atteigne? Toute l'Europe est sous l'influence fran„çaise: quel rôle jouerez-vous et quel raison alléggurez-vous pour „vous y tenir caché et pour vous refuser aux invitations de vos frères?

„Mais, dira-t-on, vous pouvez rentrer en Pologne quand tout sera „heureusement terminé; c'est ce que vous pouvez en effet, mais je ne „vous le conseillerai pas. Vous pouvez, sacrifiant vos véritables senti„mens à une opinion qui changera d'elle-même, à des gens qui vous „abandonneront les premiers, vous pouvez tenir cette ligne de conduite; „mais il faut que vous ne vous vous abusiez pas sur les résultats. „Dans ce cas vous devez vous compter perdu pour votre pays, pour votre „famille. Un homme qui n'aura pas partagé les dangers des siens ne „pourra participer à leur bonheur, n'osera pas lever les yeux sur ses „compatriotes, devra même les éviter dans l'étranger: il sera déshonoré „et honni à jamais.—Pour ceux qui ne sont pas capables de comprendre „d'autres motifs, vous pourriez encore ajouter que vous risqueriez de „perdre vos biens; vous sacrifieriez donc votre bonheur et celui de „votre famille, et pourquoi? Parce que votre pays rentre dans l'existence „et parce que ceux qui l'ont perdu, le trouveront mauvais et auront „à leur tour éprouvé du malheur.

„Il ne s'agit pas de devenir satellite de Bonaparte; personne ne le veut „chez nous; il ne s'agit pas de se décider trop tôt ni légèrement. Il „s'agit de l'époque où le sort de la Pologne sera en effet décidé, où il „ne pourra y avoir de doutes sur les motifs évidens de ceux qui se „déclareront, ni d'excuse pour ceux qui s'éloigneront au moment où en „effet notre pays fera des efforts décisifs pour recouvrer son existence.

„Est-ce vos rapports d'amitié avec l'Empereur qui vous excuseront? „Mais d'abord ces rapports ont presque cessé, ensuite on n'a jamais cru „qu'on pouvait sacrifier à l'amitié les devoirs dus à sa patrie. De plus, si „dans votre conduite publique vous avez sacrifié cette même amitié pour „les intérêts et les opinions d'un état qui a fait la perte de la Pologne, „comment pourriez vous faire moins pour votre propre pays?"

C'est ainsi que ces deux voix opposées me parlent tour à tour, et ces mêmes discours m'ont été tenus avec la plus grande énergie par des personnes qui me sont chères et que je respecte. Placé entre deux opinions aussi opposées, opinion publique et opinion des gens auxquels je suis le plus attaché, il faudra que je cherche une décision dans ma propre façon de voir; mais j'avoue que je me perds chaque fois que je veux sortir du labyrinthe dans lequel je me trouve enfermé: je n'y vois pas encore clairement d'issue. Tout ce que je puis, c'est de sentir plus profondément que jamais le malheur qu'il y a de n'avoir pas suivi un chemin unique et de n'être pas resté strictement conséquent

avec les premiers sentimens de mon âme. Ma seule excuse est de dire que c'est comme de force et contre ma volonté que j'y ai été entraîné presque irrésistiblement.

Par le raisonnement je ne parviens jusqu' à présent à aucun résultat, car je vois avec une évidence égale toute la force des raisons de part et d'autre et que si l'on veut suivre les unes, il faut manquer aux autres, Cependant j'avouerai qu'au fond de mon coeur les sentimens et les motifs qui parlent pour mon pays l'emportent et que je serais heureux de pouvoir les suivre sans contrainte. Je suis né avec ces sentimens, mon éducation les a développés, ils sont profondément gravés dans mon âme. Personne, je crois, n'aime son pays avec plus d'exaltation que moi, et ce sentiment qui est resté enfoui, qui n'a pu s'exercer pendant quelques années, a conservé toute sa force. Mes opinions, mes idées, mes études, mes occupations m'ont tenu à ce sentiment et doivent encore s'y rapporter pour me convenir et m'intéresser. Je suis alors dans mon élément et réellement moi: autrement mes facultés ne se développent qu'à moitié. Je sens que je ne résisterais pas au mépris de mes compatriotes, que de conserver leur confiance, de faire du bien à mon pays est l'unique gloire qui me plaise, que de perdre l'estime et une partie de l'affection de ma famille serait le plus grand malheur qui pourrait m'arriver, et c'est à quoi je serai à coup sûr exposé; qu'enfin, si tout tourne mal pour mon pays et que ma réputation périsse avec son existence, je n'aurais pourtant pas à rougir devant moi-même: je n'aurais jamais agi que par des motifs justes et honorables; je n'aurais rien à me reprocher vis-à vis de personne dans toutes les positions, ayant rendu à chacun ce que lui était dû et n'ayant enfin sacrifié que des convenances à des devoirs sacrés.

Ne sachant pas comment satisfaire à toute ces considérations sans manquer à aucune, souvent je tombe dans le désespoir d'un homme qui ne sait où donner de la tête; d'autre fois je me flatte que les événemens m'aideront peut-être et tourneront de manière à faire naître quelque incident qui tracera avec évidence ma conduite à mes yeux et à ceux de tout juge impartial.

Ce 20 Juin
1810.

Переводъ записки князя Чарторыжскаго.

Событія сего міра и человѣкъ, ихъ вызывающій и въ нихъ дѣйствующій, суть не иное что какъ смѣшеніе добра и зла, какъ непрестанная борьба этихъ двухъ началъ, которыя врожденны людской породѣ и которыхъ столкновеніе всегда было и будетъ одно и тоже, безъ всякой возможности одному началу возобладать надъ другимъ. Поэтому рѣдко бываетъ на землѣ что либо новое, чему исторія не представляла бы похожихъ примѣровъ. Страсти, предубѣжденія, личныя выгоды и кумовство сильнѣе дѣйствуютъ при обсужденіи событій, происходящихъ передъ нашими глазами. Подъ этими вліяніями легко затемняются истина дѣйствій и правильная ихъ оцѣнка, коимъ предоставляютъ больше мѣста, когда разбираются событія, отдѣленныя отъ насъ вѣками. Между тѣмъ слѣдо-

вало бы въ обоихъ случаяхъ быть одинаково справедливымъ и правосуднымъ, и если въ силу государственныхъ причинъ правительства нерѣдко руководятся исключительно своими выгодами; если, коль скоро наступаетъ пора дѣйствовать, народы и отдѣльныя лица никогда не въ состояніи возобладать надъ одержащими ихъ страстями: то по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы обсудить достоинство поступковъ и исполненіе обязанностей, о томъ, чтобы заявить уваженіе или отказать въ ономъ (въ чемъ не отказываетъ даже и врагъ, самый ожесточенный, умерщвляя врага своего), тутъ справедливость и разумъ должны, кажется, вступить снова въ права свои.

Не происходитъ ничего такого, чтὸ не происходило бы прежде. Бываютъ однакоже эпохи съ отличительнымъ характеромъ и особенными оттѣнками, которыхъ свойство таково, что они живѣе чувствуются современниками. Мнѣ кажется, самое тяжелое обстоятельство переживаемаго нами времени есть то, что всѣ нравственныя начала уничтожены, всѣ обязанности перепутаны до такой степени, что не только нѣтъ уже спокойствія въ жизни, но даже трудно опредѣлить какъ нужно поступать, коль скоро въ дѣйствіяхъ своихъ не желаешь имѣть иныхъ цѣлей какъ свой долгъ и уваженіе другихъ и свое собственное.

Объ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ, объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ въ настоящее время судятъ неодинаково: личная выгода и кумовство руководятъ сужденіемъ безъ всякаго уваженія къ правосудію. Въ иномъ признаютъ героизмомъ то, чтὸ въ другомъ почитается преступнымъ и нечестивымъ. Вѣрность именуется крамолою или добродѣтелью, смотря по тому, какъ требуетъ личная выгода; у иныхъ проповѣдуется и превозносится любовь къ отечеству, у другихъ она осуждается и порицается; каждый приходъ имѣетъ свой чередъ, одинаково обращая въ игралище всѣ нравственныя правила и ослѣпляясь относительно ихъ значенія. При такомъ отсутствіи всякаго безпристрастія, всякаго великодушія, которыя исчезли съ половины *настоящаго* (sic) вѣка, возникаетъ такой порядокъ дѣлъ, что необходимо роняются и ниспровергаются въ народахъ и въ отдѣльныхъ лицахъ невинность и благородство чувствъ. Зло служило примѣромъ и оправданіемъ злу, и то, чтὸ ставили въ укоръ другимъ, совершалось или готово къ совершенію.

Будучи поставленъ въ затруднительное положеніе, подверженное со всѣхъ сторонъ возможности криваго толкованія или несправедливой оцѣнки, я обязанъ дать въ немъ искренній отчетъ лицамъ, принимающимъ во мнѣ участіе *), чтобы, сколько отъ меня зависитъ, избавить ихъ отъ огорченія обмануться въ чувствахъ, которыя они ко мнѣ питаютъ; чтобы по крайней мѣрѣ они видѣли меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ и чтобы ихъ справедливость послужила мнѣ утѣшеніемъ въ неправдѣ большинства, дѣйствія коей, можетъ быть, я не избѣгну.

Мнѣ кажется, что я безпрестанно слышу два голоса, съ одинаковою силою кричащіе мнѣ въ уши. Одинъ гласитъ мнѣ слѣдующее.

„Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе твое изъ самыхъ затруднительныхъ; но самыя затрудненія эти указываютъ путь, по которому тебѣ должно слѣдовать. Никто изъ твоихъ соотечественниковъ не находился и не находится еще въ такихъ отношеніяхъ и въ такой обстановкѣ какъ ты, и всякій разсудительный и справедливый человѣкъ признàетъ это. Ты за-

*) Въ числѣ этихъ лицъ были графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ (1774—1817) и его супруга графиня Софія Владиміровна (1774—1845). *П. Б.*

нималъ въ Россіи значительное мѣсто; при этомъ ты пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе, если и не въ то время, когда занималъ это мѣсто, то по крайней мѣрѣ послѣ того, какъ его оставилъ; а такое безпристрастное сужденіе должно быть тебѣ лестно. Ты былъ другомъ Императора; словомъ, тебѣ довелось нѣкоторое время играть роль на общеевропейской сценѣ. На этой сценѣ ты выражалъ убѣжденія и чувства, согласныя съ благомъ страны, въ которой ты служилъ, согласныя съ благомъ Европы и противныя губительной системѣ Наполеона и политическимъ неправдамъ, въ коихъ онъ виновенъ. Ты сошелъ съ этой сцены, безспорно унося съ собою уваженіе и сожалѣніе всѣхъ тогда существовавшихъ правительствъ и тогдашнихъ благомыслящихъ людей. Ты выдержалъ характеръ и остался при своемъ даже и по оставленіи твоего мѣста, и взоры кабинетовъ и людей, любящихъ свою родину, все еще обращались на тебя, какъ на одного изъ тѣхъ, чье возвращеніе къ дѣятельности желательно, дабы не отчаяваться въ спасеніи Европы. Неужели теперь ты утратишь всеобщее уваженіе, станешь поступать вопреки тѣмъ правиламъ, которыя провозглашалъ, противурѣчить и измѣнять самому себѣ передъ лицемъ всей Европы, пойдешь за колесницей ея тирана, обратишься въ орудіе для исполненія его замысловъ, которыя, по собственному твоему убѣжденію, составляютъ бѣдствіе настоящихъ и будущихъ поколѣній? Ты не обязанъ ничѣмъ ни Россіи, ни Императору; ты хорошо имъ служилъ, пока могъ. Пусть будетъ такъ. Но не обязанъ ли ты и передъ самимъ собою и передъ зрителями всей Европы сохранить ихъ уваженіе и выдержать свой характеръ? Къ чему станешь ты жертвовать столь вѣскими уваженіями и столь драгоцѣнными выгодами? Если бы еще для дѣйствительной и очевидной пользы твоей родины! Но изъ за неясныхъ надеждъ, изъ за пустыхъ приличій напрасно губить себя, терять въ одну минуту то, что́ пріобрѣтено годами, было бы непростительно. Можешь ли ты ожидать, чтобы Бонапартъ искренне желалъ блага какой бы то ни было страны, и чтобы счастіе Польши въ особенности было такъ близко его сердцу? Онъ просто хочетъ употребить твоихъ соотечественниковъ какъ свое орудіе; онъ готовъ покинуть ихъ, коль скоро его выгода потребуетъ того, и онъ будетъ держать ихъ въ порабощеніи, пока только можетъ. Подобаетъ ли тебѣ способствовать подобнымъ замысламъ, допускать, чтобы имя твое соединялось съ ними и появилось между именами его сообщниковъ? Вообрази себѣ дѣйствіе, которое бы это произвело вездѣ, гдѣ имя это извѣстно? Что̀ скажутъ, что̀ подумаютъ не одни тѣ, которые тебя знаютъ только по наслышкѣ, но даже и твои лучшіе друзья? Какъ будутъ скорбѣть эти друзья! При томъ, разсчетъ еще весьма сомнителенъ: счастіе можетъ покинуть Бонапарта; онъ можетъ умереть. Что́ станется тогда съ твоею страною и съ тобой самимъ, если бы ты могъ рѣшиться на принятіе крайней мѣры? Въ чемъ можетъ упрекнуть тебя страна твоя? Не былъ ли ты полезенъ своимъ соотечественникамъ, пока находился на мѣстѣ; не сдѣлалъ ли ты даже всего, что̀ было возможно для возстановленія Польши самымъ надежнымъ и самымъ благополучнымъ образомъ? Безспорно, въ виду настоящаго положенія дѣлъ, тебѣ трудно и даже пожалуй невозможно принять рѣшительное участіе въ дѣлахъ Россіи; но съ другой стороны тебѣ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ то, что̀ происходитъ или будетъ происходить въ Польшѣ. Поэтому ты долженъ удалиться, держаться въ сторонѣ и оставаться вполнѣ безучастнымъ, пока не минетъ нынѣшняя буря“.

Пока я внимаю этимъ доводамъ и проникаюсь ихъ силою, другой голосъ вопіетъ ко мнѣ.

„Нѣтъ сомнѣнія, что твое положеніе трудно, отмѣнно и непохоже на положеніе всѣхъ другихъ Поляковъ: они это чувствуютъ и отдаютъ полную справедливость тому, какъ ты себя велъ до сихъ поръ. Но твои обязанности уже измѣнились; событія въ своемъ полётѣ могутъ ихъ измѣнить еще болѣе. Это именно и нужно предвидѣть, объ этомъ именно и нужно разсудить“.

„Ты перешелъ вмѣстѣ съ своею родиною подъ владычество Россіи. Обстоятельства привели тебя на службу Россіи; но ты служилъ ей не какъ Русскій, но потому что ты Полякъ. Ты принадлежалъ Россіи, по той причинѣ, что Польша была уничтожена. Коль скоро причины нѣтъ, то и дѣйствіе съ твоей стороны должно прекратиться. Обстоятельства, совершенно частныя, довели тебя до того, что ты принялъ службу и получилъ значеніе въ этой странѣ, не смотря на то, что она была главною причиною гибели твоего отечества. Лишь благодаря особеннымъ связямъ съ Императоромъ, ты увлекся до того, что рѣшился служить ему въ публичной должности, вопреки всѣмъ важнымъ поводамъ не служить. Въ свое время ты не переставалъ повергать эти поводы на его усмотрѣніе со всевозможною откровенностію, дабы избавиться отъ управленія дѣлами. Собственно говоря, ты хотѣлъ служить только ему одному и повинуясь его настоятельному требованію. Но невозможно хорошо служить государю, не служа его государству. Пока ты занималъ мѣсто, ты исполнялъ весь твой долгъ съ рвеніемъ и добросовѣстностію. Ты предался исключительно обязанностямъ того мѣста и того положенія, въ которомъ находился, чтобы исполнять ихъ безупречно и вполнѣ отвѣтствовать тому довѣрію, которое тебѣ оказывали“.

„Хотя въ душѣ своей ты всегда былъ добрымъ Полякомъ, но примѣненіе Польскаго чувства къ дѣлу было пріостановлено и употребляемо лишь на благо присоединенныхъ областей *). Было время, когда вполнѣ исчезла малѣйшая надежда видѣть Польшу возстановленною въ какой бы то ни было формѣ. Но какъ скоро ты увидѣлъ, что надежда эта возрождается, ты приложилъ старанія употребить возможность возрожденія Польши на славу самого Императора; ты хотѣлъ соединить узами обоюдной выгоды два обязательства, которыя должны были быть для тебя дороже всего. Но твоихъ совѣтовъ не послушали, твоимъ планамъ не послѣдовали. Интересы, которые ты хотѣлъ соединить, стали вновь разъединяться, и ты удалился во-время, чтобы избѣгнуть положенія, въ которомъ пришлось бы сдѣлаться преступникомъ противъ той или другой стороны. Интересы эти все болѣе и болѣе расходились и сдѣлаются вполнѣ противуположными: ты долженъ покинуть службу и страну совершенно враждебную твоей родинѣ и озлобленную противъ нея и противъ твоихъ соотечественниковъ“.

„Такое рѣшеніе находится внѣ всякихъ сомнѣній. Но это еще не все: настанетъ минута, когда тебѣ нельзя будетъ оставаться безучастнымъ и нужно будетъ дѣйствовать; она настанетъ, какъ скоро существованіе Польши будетъ объявлено, и она вся вооружится, чтобы поддержать себя. Эта минута по всему вѣроятію совпадетъ съ объявленіемъ войны съ Россіею, и всякій Полякъ, который останется тогда безучастнымъ, будетъ осужденъ на неуваженіе и на презрѣніе своихъ соотечественниковъ“.

„Возможно ли тебѣ будетъ одному оставаться въ бездѣйствіи и попасть въ меньшинство, которое устранится изъ за личныхъ побужденій отъ дѣла родины и которое будетъ въ ней заклеймено отверженіемъ?“

*) „Забраннаго края“—Литовской Руси.

„Пусть не говорятъ Полякамъ о неправдахъ Бонапарта и о томъ, что они не должны сносить эти неправды. Всѣ вопіющія несправедливости, всѣ притѣсненія, которыя возмущаютъ въ Наполеонѣ и возбуждаютъ противъ него народное негодованіе во всѣхъ странахъ, какъ тѣхъ, которыя онъ довелъ до униженія, такъ и тѣхъ, которыя онъ еще намѣревается поработить, — всѣ эти обиды уже испытаны злополучной Польшею: нѣтъ того нечестиваго дѣла, такой хладнокровной и расчитанной жестокости, рѣзни и разграбленія, которыя бы не совершались у насъ со стороны державъ *). Подлинно, державы эти не имѣютъ права жаловаться на какую бы то ни было неправду; онѣ не имѣютъ права проповѣдывать тѣхъ началъ, которыя онѣ же сами первыя попирали и которымъ онѣ никогда не оказывали истиннаго уваженія исправленіемъ этихъ неправдъ своихъ. Еслибы дѣйствительно заботились о нравственныхъ началахъ, о чести, о добродѣтели, о справедливости, то зачѣмъ же тѣ, которые говорятъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя содѣйствовать замысламъ Бонапарта, зачѣмъ они не отказались участвовать въ неистовствахъ, совершавшихся надъ Польшею?“

„Россія со злорадствомъ поддерживала въ ней анархію, чтобы разорить и раздробить ее и когда Польская нація попыталась устроиться и создать свое благоденствіе, ее покарали, сокрушили и уничтожили самое ея имя. Не довольствуясь ея разрушеніемъ, жестокостью и коварствомъ, добавили къ угнетенію обиду. Истощивъ все, что̀ несправедливость можетъ изобрѣсти самого язвительнаго, постарались лишить ее подобающаго уваженія. На нее клеветали, ругались надъ нею; казалось, всѣ земли сдѣлались орудіями тѣхъ правительствъ, которыя совершили преступленіе: это было единственнымъ средствомъ содѣлать его менѣе гнуснымъ“.

„Не было неправды, которой бы противъ насъ не сдѣлали. Нужно было всѣ ихъ проявить надъ нами. Мы были легкомысленны, непостоянны, а отчего? Оттого, что мы не могли забыть нашей отчизны и положенія, которое насъ принудили выносить; оттого, что мы постоянно помнили о томъ, о нашемъ долгѣ, и готовы были принести ему въ жертву нашу жизнь и наше имущество“.

„По какому отсутствію логики, по какому насилованію справедливости находятъ, что одни и тѣже чувства, одни и тѣже дѣянія, геройскія въ Испаніи, въ Тиролѣ, преступны и недостойны въ Польшѣ? Всякую народность, которая возстала бы противъ своихъ притѣснителей, превознесли бы до небесъ, а Поляковъ осуждаютъ за то, что они хотятъ освободиться отъ своихъ Бонапартовъ. Дурное обращеніе и повальная несправедливость произвели свое обыкновенное дѣйствіе: они болѣе сплотили тѣхъ, кто были ихъ жертвами; они глубже запечатлѣли въ ихъ сердцахъ желаніе свергнуть иго сознаніемъ неправды, которая тяготѣла надъ ними“.

„За то въ этомъ отношеніи одинъ духъ, одна душа у всѣхъ Поляковъ. Отличительнымъ свойствомъ этой націи сдѣлались любовь къ отчизнѣ превыше всего и пламенное нетерпѣніе всѣмъ пожертвовать, чтобы возвратить себѣ отчизну. Полякъ, заявляющій иныя чувства, хочетъ обмануть, или онъ презрѣнный человѣкъ. Дѣйствительно это человѣкъ, дѣйствующій или по одному чувству страха или изъ за гнусныхъ разсчетовъ; но всякій Полякъ, которому доступны чувства благородныя и возвышенныя, не можетъ имѣть иного желанія и иной цѣли, какъ возстановленіе своей отчизны“.

---

*) Т. е. Пруссіи, Австріи и Россіи.

„Захочешь ли ты, щеголяя космополитизмомъ, чувствовать съ бо́льшей живостію то, что́ происходитъ на берегахъ Таго или Адижа, чѣмъ то, что̀ совершается на Вислѣ? Негодовать на несправедливости, оказываемыя другимъ народамъ и оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ, которыя перенесъ твой народъ? Это значило бы дѣйствовать вопреки требованіямъ здраваго смысла и благороднаго сердца. Неужели тебя смутитъ мнѣніе, господствующее въ нѣкоторыхъ странахъ? Не говоря уже о томъ, что мнѣніе это несправедливо по отношенію къ Польшѣ, неужели ты станешь уважать мнѣніе только тѣхъ людей, которые живутъ за триста миль отъ тебя и не имѣютъ съ тобою никакихъ сношеній и не обратишь никакого вниманія на мнѣніе тѣхъ, которые тебя окружаютъ, къ числу которыхъ ты самъ принадлежишь, на мнѣніе твоихъ соотечественниковъ, твоей семьи?“

„Ты знаешь, что въ той же мѣрѣ какъ въ Россіи стали ненавидить Французовъ, такъ что и честь не дозволяетъ кому бы то ни было питать въ этомъ отношеніи сомнительныя чувства, въ той же самой мѣрѣ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, никому въ Польшѣ нельзя быть дурнымъ Полякомъ. Да впрочемъ не слѣдуетъ судить объ общественномъ мнѣніи въ остальной Европѣ по тому, каково оно въ Петербургскихъ кружкахъ. Оно подвергалось многимъ измѣненіямъ и подвергается имъ ежедневно по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число побѣдъ Наполеона, его завоеваній, усиливаются его связи съ прочими державами. Объ этомъ можно судить по образу дѣйствій, коего держатся самыя замѣчательныя личности въ другихъ странахъ. Новый порядокъ вещей достаточно упрочился, чтобы о старомъ уже почти позабыли. Если еще предвидятся перемѣны, то уже не въ смыслѣ прежнихъ понятій и прежнихъ властителей. Новый порядокъ вещей уже водворился по крайней мѣрѣ на двѣ трети. На тѣхъ людей, кому хотѣлось бы его сокрушить и возстановить старый, доведенный до упадка и разрушенія выродившимися правительствами, начинаютъ уже смотрѣть какъ на сочинителей невозможныхъ къ исполненію проэктовъ и какъ на враговъ общественнаго спокойствія, по которомъ они вздыхаютъ въ ущербъ свободѣ, и этотъ взглядъ имѣетъ за собой нѣкоторый видъ основательности, такъ какъ доселѣ всѣ усилія избавиться отъ порабощенія повели только къ великому и безполезному пролитію крови и послужили къ закрѣпленію рабства. Притомъ народы, сознающіе въ себѣ недостатокъ энергіи и сверхъ того полную несостоятельность своихъ правительствъ, чувствуютъ потребность вздохнуть и сберечь себя до той минуты, когда за нынѣшнимъ хаосомъ послѣдуетъ новое сотвореніе міра гражданскаго и политическаго, въ которомъ они необходимо займутъ вновь принадлежащее имъ мѣсто“.

„Только Англія, Америка и покуда Испанія составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Но въ Англіи судятъ о дѣлахъ здраво и безпристрастно: въ ней поймутъ относительно Польши, что тѣже самыя причины, ради которыхъ Бонапартъ ненавидимъ въ остальной Европѣ, должны оправдать Поляковъ, если они склонны будутъ слушать его; что онъ никогда не дѣлалъ никакого вреда ихъ землѣ; что онъ одинъ протянулъ имъ руку и оказалъ участіе; что, при всякомъ случаѣ, онъ дѣлалъ для нихъ все, что̀ ему было возможно дѣлать. Онъ разсчелъ, что Поляки могли быть ему полезны, что они были орудіе, которое сто́ило употребить и что ему выгодно было поддерживать въ нихъ любовь къ отчизнѣ; а этого не удостоило сдѣлать ни одно правительство. Въ Польшѣ знаютъ Бонапарта также, какъ и вездѣ; обсуждаютъ его поступки, сожалѣютъ объ Испанцахъ, хотѣли бы видѣть ихъ, какъ и всѣ другіе народы, счастливыми, сокрушаются и стыдят-

ся, что довелось драться противъ нихъ. Но эти чувства не должны быть доводимы до той степени, чтобы губить самихъ себя, ничѣмъ не улучшивъ положенія другихъ. Сожалѣютъ о томъ, что связаны съ судьбою этого человѣка и что приходится получать изъ его рукъ благодѣянія, которыхъ однакоже нельзя отвергнуть, такъ какъ никто иной ихъ не предлагаетъ, и за которыя нельзя не благодарить его".

„Въ этомъ отношеніи Поляки не могутъ ни въ чемъ себя упрекнуть. Развѣ они не сдѣлали всего, чтобы доказать свое пламенное желаніе быть обязанными императору Александру и своимъ существованіемъ, и своимъ благоденствіемъ? Развѣ они не желаютъ этого даже и теперь? Но такъ какъ имъ отказали, ихъ отвергли, такъ какъ въ настоящую минуту, еслибы Бонапартъ потерпѣлъ неудачу, они могли бы ожидать лишь конечной погибели; такъ какъ съ одной стороны они встрѣчаютъ участіе, помощь, надежду, а съ другой враждебность, угнетеніе и разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, всѣхъ своихъ упованій: то возможно ли требовать, чтобы они полюбили своихъ враговъ и оттолкнули своихъ друзей? Вотъ до чего доведены дѣла событіями и направленіемъ, которое было имъ дано. Самыя дорогія желанія Польши, подкрѣпляемыя одною Франціею и сообразныя съ ея выгодами, оказались, благодаря дѣйствію кабинетовъ, діаметрально противоположны выгодамъ Россіи. Поляки разсуждаютъ вѣрно; они сознаютъ свое положеніе, они знаютъ, что оно все еще опасно, что они могутъ еще быть покинуты и что притомъ ихъ отчизна можетъ быть имъ возвращена не иначе какъ цѣною постоянныхъ усилій и постепенно. Но вотъ ихъ логика: Бонапартъ нашелъ и найдетъ свой разсчетъ въ томъ, чтобы насъ поддерживать. Никакая иная держава этого не сдѣлаетъ, не видя въ томъ своей выгоды *), тогда какъ его выгода состоитъ въ возстановленіи Польши. Сначала намъ придется повиноваться его волѣ, но намъ пришлось бы повиноваться всякой иной державѣ, которая протянула бы намъ руку, а до сихъ поръ онъ одинъ это сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ мы надѣемся быть собраны въ одну націю, съ возстановленіемъ нашего имени, съ образованіемъ одного цѣлаго. По достиженіи этого, если мы будемъ умны, обстоятельства, можетъ быть, помогутъ намъ выйти изъ всеобщаго крушенія и разложенія, когда предметы станутъ вновь сплачиваться и принимать опредѣленные образы. Можетъ быть, только при такой постановкѣ и цѣною нашей крови мы добьемся наконецъ того, что Русское правительство и Русскій народъ поймутъ, какъ полезно и пригодно привлечь насъ къ себѣ и слить обѣ народности узами взаимныхъ выгодъ и пользы".

„Что́ касается до тебя лично, честные и разумные люди должны воздать тебѣ справедливость вездѣ и не могутъ найти чего либо для осужденія твоего образа дѣйствій: онъ всегда былъ ясенъ. Тебѣ не въ чемъ себя упрекнуть въ отношеніи къ кому бы то ни было. Ты благородно служилъ Императору, ты всегда говорилъ правду; ты истощилъ всю, такъ сказать, протяженность тѣхъ обязанностей, которыя имѣлъ по отношенію къ нему, даже до того, что нарушилъ свой долгъ по отношенію къ твоей странѣ: ибо въ двухъ случаяхъ давалъ такіе совѣты, которые, еслибы имъ послѣдовали, прямо повели бы къ сокрушенію послѣднихъ ея на-

*) Россія, напримѣръ, изъ своихъ собственныхъ разсчетовъ, поддерживала Грековъ и смотрѣла на нихъ какъ на простое орудіе, которое она три раза кидала, когда не нуждалась въ немъ болѣе, предоставляя ихъ мести притѣснителей. Не смотря на этотъ роковой урокъ, несчастные Греки продолжаютъ слушать Россію, когда она имъ говоритъ именемъ отечества, вѣры и свободы.

деждъ. Императоръ лучше всѣхъ знаетъ твои чувства къ твоей отчизнѣ; ты никогда ихъ отъ него не скрывалъ. Теперь тебѣ уже не остается ничего болѣе какъ соблюденіе приличій и вѣжливости въ поступкахъ, но они не должны брать перевѣсъ надъ твоими главными обязанностями".

„Поступки наши всегда бываютъ относительны, смотря по обстоятельствамъ и связямъ, въ которыхъ мы находимся и, сообразно тому, они бываютъ нравственны, приличны и т. д".

„Мнѣнія и чувства, которыя ты провозглашалъ, были мнѣніями и чувствами вѣрнаго слуги Императора и Русскаго министра, усердствующаго къ славѣ и выгодамъ своего государя; ты ихъ провозглашалъ потому, что занималъ это мѣсто. Притомъ положеніе Европы было тогда иное: тогда было заслугою и истинною мудростью противуборствовать ниспроверженію Европы, потому что оно еще не совсѣмъ предстояло, потому что еще существовала надежда на успѣшное противуборство и что оно могло бы въ этомъ случаѣ имѣть благія послѣдствія для человѣчества. Теперь уже не то. Становясь вновь Полякомъ, ты, какъ Полякъ, не можешь болѣе высказывать тѣхъ же мнѣній, тѣмъ болѣе, что уже и сила событій дала имъ новые оттѣнки и что эти мнѣнія уже не могутъ имѣть прежняго приложенія къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ".

„Короче сказать, твои мнѣнія не измѣнились; ты остался при прежнихъ началахъ; во всемъ ты соблюдалъ свои обязательства и старался наилучше ихъ выполнить, всегда воздавая уваженіе справедливости и оставляя за истиною всю ея силу. Ты долженъ также дѣйствовать нынѣ, ибо того требуютъ твое новое положеніе и новыя обязанности, которыя изъ нея истекаютъ. Говорю новыя, но это обязанности самыя старыя, которыя лишь вновь воспріяли свои могущественныя права. Ты снова сдѣлался самимъ собою; твое пребываніе въ Россіи было лишь случайнымъ отступленіемъ въ твоей жизни, вводнымъ предложеніемъ между скобокъ; и оно окончилось".

„Твой образъ дѣйствій не можетъ быть безучастнымъ въ Польшѣ: твоя фамилія всегда стояла на виду между наиболѣе отличавшимися привязанностію къ странѣ; ты самъ, хотя будучи еще молодъ, имѣлъ случай заявить себя въ томъ же смыслѣ, сражаясь за свою отчизну *) и заявляя горячія и восторженныя чувства, когда дѣло касалось общественнаго блага. Впечатлѣніе это сохранилось доселѣ; къ тебѣ имѣютъ полное довѣріе, взоры обращены на тебя. Что̀ можно было бы сдѣлать другому, ты сдѣлать не можешь, не погубивъ себя и не утративъ чести; потому отъ тебя ожидаютъ и требуютъ болѣе".

„До сихъ поръ ты исполнялъ и оправдывалъ всеобщія ожиданія. Старайся, чтобы такъ было и впослѣдствіи. Ты исполнилъ и опредѣлилъ свои обязанности, пока занималъ мѣсто; ты оставилъ его и удалился, когда эти обязанности стали невыполнимы. Но какъ долго думаешь ты оставаться безучастнымъ? Намѣреваешься ли ты не приносить болѣе никакой пользы своей странѣ, осудить себя на ничтожество, покинуть отчизну, бросить свою семью?"

„Есть минуты, когда необходимость заставляетъ принять какое либо рѣшеніе? Что̀ сдѣлаешь ты, когда Польскія провинціи, гдѣ ты числишься на жительствѣ, присоединятся къ своимъ братьямъ и возмутся за оружіе, чтобы возвратить себѣ бытіе, неправедно у нихъ отнятое; когда ты увидишь ихъ, съ одной стороны, сражающихся за самое праведное дѣло,

---

*) Во время возстанія Костюшки. *П. Б.*

съ другой—опустошенія, грабежи и убійства, пущенныя въ ходъ, чтобы отнять у нихъ бытіе? Какъ посмѣешь ты не присоединиться къ ихъ дѣлу въ войнѣ, имѣющей цѣлью ихъ разрушеніе? Ибо такое намѣреніе имѣютъ въ Россіи на случай разрыва съ Франціей: чтобы остановить непріятеля, намѣреваются обратить Польскія провинціи въ пустыню. Но спрашиваю: если бы ты захотѣлъ оставаться безучастнымъ въ подобную минуту, какъ поступишь ты для этого? Въ какое мѣсто удалишься? Въ Россію? Но это уже не будетъ значить оставаться безучастнымъ. Это будетъ значить оказать участіе къ одной сторонѣ, выдать всѣхъ лицъ, тебѣ дорогихъ, заслужить позорное имя, носимое тѣми, кто дѣйствуетъ противъ своей отчизны. При томъ твои собственныя чувства слишкомъ бы воспротивились тому: ты не устоялъ бы, твое положеніе было бы слишкомъ трудно. Чтó дѣлалъ бы ты, чтó говорилъ бы, находясь здѣсь? Всѣ твои желанія были бы въ пользу отчизны, и ты бы вынужденъ былъ отъ нихъ отречься! Такое рѣшеніе невозможно допустить".

„А кромѣ Россіи въ какое мѣсто пойдешь ты, гдѣ бы не настигъ тебя голосъ соотечественниковъ? Вся Европа находится подъ Французскимъ вліяніемъ: какую роль будешь ты играть и какую причину предъявишь тому, чтобы укрываться и отказываться отъ призыва собратій?"

„Но—скажутъ—ты можешь возвратиться въ Польшу, когда все благополучно кончится. Дѣйствительно, ты можешь это сдѣлать, но нельзя тебѣ это посовѣтовать. Жертвуя настоящими чувствами убѣжденію, которое само собою измѣнится, людямъ, которые первые тебя покинутъ, ты можешь принять такой образъ дѣйствій; но тебѣ не нужно обманываться относительно послѣдствій. Въ этомъ случаѣ ты долженъ считать себя погибшимъ для твоей отчизны, для твоей семьи. Человѣкъ, который не будетъ дѣлить опасностей съ соотечественниками, не можетъ участвовать въ ихъ благоденствіи, не посмѣетъ поднять на нихъ глаза свои, долженъ будетъ даже избѣгать ихъ въ чужихъ краяхъ: онъ будетъ навсегда лишенъ чести, преданъ позору. Для тѣхъ, которые неспособны постигнуть иныя соображенія, ты могъ бы прибавить, что подвергнешься опасности лишиться своихъ имѣній. Итакъ ты пожертвуешь счастіемъ своимъ и своей семьи, изъ за чего? Изъ за того, что твоя отчизна возвращается къ бытію и тѣ, которые ее погубили, найдутъ это несправедливымъ и, въ свою очередь, испытаютъ несчастіе".

„Дѣло не въ томъ, чтобы сдѣлаться сообщникомъ Бонапарта: никто этого у насъ не хочетъ; дѣло не въ томъ, чтобы безвременно и легкомысленно принять рѣшеніе. Дѣло идетъ о томъ времени, когда судьба Польши будетъ на самомъ дѣлѣ рѣшена, когда не будетъ болѣе мѣста сомнѣнію относительно очевидныхъ побужденій тѣхъ лицъ, кто объявитъ свое рѣшеніе, ни оправданія для тѣхъ, кто удалится въ минуту, когда наша отчизна дѣйствительно употребитъ настойчивыя усилія, чтобы возвратить себѣ бытіе".

„Дружескія отношенія твои съ Императоромъ не извинятъ тебя. Вопервыхъ, эти отношенія почти прекратились; потомъ, никогда не слыхано, чтобы можно было жертвовать дружбѣ любовью къ отчизнѣ. Кромѣ того, если въ твоемъ служебномъ поведеніи ты жертвовалъ этою самою дружбою для выгодъ и мнѣній государства, которое причинило гибель Польшѣ, то какъ же можешь ты не принести этой жертвы твоей собственной странѣ?"

*

Такъ говорятъ мнѣ по очередно эти два противурѣчивые голоса, и такія же рѣчи говорили мнѣ съ величайшею энергіею лица мнѣ дорогія и мною

почитаемыя. Поставленный между двумя столь противуположными мнѣніями—мнѣніемъ общественнымъ и мнѣніемъ людей, къ коимъ я наиболѣе прявязанъ—я долженъ буду искать разрѣшенія въ моемъ собственномъ образѣ мыслей; но, признаюсь, я всякій разъ блуждаю, когда хочу выйти изъ лабиринта, въ которомъ я заключенъ, и не вижу еще ясно выхода изъ него. Все что̀ могу сдѣлать, это болѣе чѣмъ когда либо чувствовать несчастіе, что я слѣдовалъ не по единому пути и не держался неуклончиво первоначальныхъ побужденій моей души. Единственное мое оправданіе состоитъ въ томъ, что я былъ почти неудержимо увлеченъ, какъ бы насильно и невольно.

Соображенія до сихъ поръ не приводятъ меня еще ни къ какому заключенію, ибо усматриваю съ одинаковою очевидностью всю силу доводовъ съ той и съ другой стороны и вижу, что, если захочешь покориться однимъ, нужно отринуть другіе. Признаюсь однако, что въ глубинѣ моего сердца чувства и доводы, говорящіе за мою страну, берутъ верхъ и что я былъ бы счастливъ покориться имъ безъ помѣхи. Я родился съ этими чувствами: воспитаніе развило ихъ во мнѣ; они глубоко вкоренены въ мою душу. Никто, я думаю, не любитъ своей страны съ такою восторженностію, какъ я, и это чувство, которое оставалось затаеннымъ, которое не могло дѣйствовать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, сохранило всю свою силу. Мои мнѣнія, мои мысли, мои изысканія, мои занятія связаны съ этимъ чувствомъ и должны къ нему относиться, чтобы удовлетворять и занимать меня. Тогда я въ моей стихіи и становлюсь дѣйствительно самимъ собою; иначе мои понятія достигаютъ своего развитія лишь на половину. Я чувствую, что я не выдержу презрѣнія своихъ соотечественниковъ, что сохранить ихъ довѣріе, дѣлать добро своей странѣ есть единственная слава, которая имѣетъ для меня прелесть; что утратить уваженіе и отчасти пріязнь моей семьи было бы величайшимъ бѣдствіемъ, которое можетъ меня постигнуть, а я навѣрное буду этому подвергнутъ; наконецъ, что если все приметъ дурной оборотъ для моей страны и мое доброе имя погибнетъ вмѣстѣ съ ея существованіемъ, мнѣ все таки не придется краснѣть передъ самимъ собою: все таки я не руководился никогда иными побужденіями, кромѣ справедливыхъ и почтенныхъ; мнѣ не въ чемъ будетъ себя упрекнуть по отношенію къ кому либо, во всѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ я находился, такъ какъ я всегда воздавалъ каждому должное и въ заключеніе пожертвовалъ лишь условными приличіями священнымъ обязанностямъ.

Не умѣя какъ удовлетворить всѣмъ этимъ уваженіямъ, не опуская ни одного изъ нихъ, я часто впадаю въ отчаяніе человѣка, который не знаетъ что̀ предпринять; иногда же обольщаюсь надеждою, что событія, можетъ быть, помогутъ и примутъ такой оборотъ, что возродится какая нибудь случайность, которая ясно укажетъ мнѣ должный образъ дѣйствій, какъ въ моихъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судіи.

20 Іюня 1810.

ПИСЬМО БУНЗЕНА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Rome, 16 Décembre 1835.

Mon très-cher et très-honoré ami.

Je ne peux pas expirer l'année courante, sans vous envoyer du haut du Capitole mes salutations et mes félicitations et voeux les plus sincères pour la nouvelle année. Les nouvelles consolantes que je reçois de tous les voyageurs qui viennent de chez vous, sur l'état de votre santé, m'ont rempli de joie. Au reste il me manque toute autre nouvelle sur vous et vos occupations, et je ne sais pas si je peux espérer de vous revoir encore une fois à Rome dans le courant de l'hyver prochain, lequel, d'après toutes les probabilités, est le dernier que je passerai en Italie. Ayant vécu 20 ans hors de ma patrie et ayant neuf enfans qui me demandent le sol natal qu'ils n'ont jamais vu, ou qui me demandent ma présence, je ne saurais pas différer davantage mon retour en Prusse. De plus, ayant terminé l'ouvrage de Rome, et en même temps la 44-ème année de ma vie, il est temps de penser à recueillir ce qui reste de forces et de loisir, soit pour le service du roi dans la patrie, soit pour le service paisible de Muses. Si l'option m'est laissée, mon choix est fait, et il ne saurait jamais vous avoir été douteux.

L'année passée et le printems nous avons eu ici le grand maître de l'école historique de peinture, Cornelius. Il m'a confié le projet, dont vous avez déjà connaissance: c'est à dire de céder au gouvernement impérial tous les cartons de ses ouvrages, ce qui formerait une galerie à lui-seul. Un artiste-créateur ne peut pas amasser des richesses: il désire donc laisser à sa fille unique un capital sûr qui lui assûrerait un avenir honorable. Connaissant l'amitié et la bonté que vous avez pour moi, il m'a prié de vous en parler de ma part, pour assurer d'autant plus à ce projet, si vous le croyez susceptible de réalisation, votre bienveillante coopération. Il se proposait de vous en écrire plus tard directement; mais il met l'affaire entièrement entre vos mains. Les conditions qu'il proposerait, ou qu'il a proposées, me paraissent analogues au prix de ces chefs-d'oeuvres, si infiniment instructifs, et à la munificence et générosité du gouvernement impérial. Ce n'est que la vue de telles productions qui peut inspirer vos jeunes artistes et instruire le public, et vous assurer dans un avenir prochain une pein-

ture historique et sacrée, grandiose et digne, assurait un art national et qui parle à des siècles, au lieu d'un art conventionnel qui ne peut jamais être qu'éphémère.

Adieu, mon cher et honoré ami! Conservez-moi votre amitié qui m'est si chère, et que Dieu donne au monde, dans l'année qui va s'ouvrir, et à nous tous la paix, non seulement celle d'ici, qui me paraît assez menacée, mais aussi celle que le monde ne peut pas donner, mais qui est la seule base sûre et la garantie de notre bonheur.

Votre tout dévoué Bunsen.

Peut-être pourrait-on ajouter au contract en question les conditions que m. Cornelius se chargeât de la direction de tous les peintres russes qui fussent envoyés à Munich. C'est une idée qui me vient et qui peut-être n'est pas pratique.

Переводъ.

Римъ, 16 Декабря 1835. Дражайшій и почтеннѣйшій другъ. На отходѣ текущаго года, не могу не послать вамъ съ высоты Капитолія привѣтствія моего, поздравленія и искреннѣйшихъ пожеланій съ новолѣтіемъ. Всѣ пріѣзжающіе изъ вашей стороны путешественники радуютъ меня, сообщая утѣшительныя извѣстія о вашемъ здоровьи. Впрочемъ не имѣю никакого другаго увѣдомленія объ васъ и объ вашихъ занятіяхъ, и не знаю, можно ли мнѣ надѣяться, что увижу васъ еще разъ въ Римѣ въ теченіи ближайшей зимы: по всѣмъ вѣроятностямъ это будетъ послѣдняя зима, которую я проведу въ Италіи. Я прожилъ 20 лѣтъ внѣ отечества; у меня девять человѣкъ дѣтей, которыя требуютъ отъ меня родной земли, никогда ими невиданной и для которыхъ пребываніе мое въ отечествѣ необходимо; стало быть мнѣ трудно еще отсрочивать мой возвратъ въ Пруссію. Кромѣ того, я окончилъ мой Римскій трудъ и въ тоже время достигъ 44 лѣтняго возраста; стало быть пора подумать о томъ, чтобы собрать остатки силъ и досуга на служеніе королю въ отечествѣ или на мирное служеніе Музамъ. Если рѣшать мнѣ, то выборъ мною сдѣланъ, и вы конечно не сомнѣваетесь, какой именно.

Въ прошломъ году и весною нынѣшняго года у насъ былъ здѣсь великій учитель исторической живописной школы Корнеліусъ. Онъ сообщилъ мнѣ предположеніе, о которомъ вы уже знаете, т. е. объ уступкѣ императорскому правительству всѣхъ картоновъ его работы, чтó составитъ самостоятельную галлерею. Художникъ-творецъ не можетъ копить богатства, и потому онъ желаетъ только вѣрнаго капитала, которымъ бы обезпечена была достойнымъ образомъ будущность единственной его дочери. Зная о вашей дружбѣ и добротѣ ко мнѣ, онъ просилъ меня поговорить съ вами объ этомъ отъ себя, дабы, коль скоро вы найдете предположеніе его сбыточнымъ, имѣть ему болѣе увѣренности въ вашемъ благосклонномъ содѣйствіи. Потомъ онъ думаетъ обратиться къ вамъ прямо, но онъ предоставляетъ вамъ это дѣло вполнѣ. Условія, которыя онъ заявитъ или которыя онъ заявилъ, кажется мнѣ, соотвѣтствуютъ цѣнности этихъ образцовыхъ произведеній, а равно и великодушію и щедрости императорскаго правительства. Одно разсмотрѣніе этихъ произведеній можетъ одушевлять вашихъ молодыхъ артистовъ, поучать публику и въ близкомъ будущемъ обезпечить величавость и достоинство вашей

исторической и священной живописи: у васъ будетъ народное искусство, коего произведенія переживаютъ вѣка, а не искусство условное, по сущности своей всегда скоропреходящее.

Прощайте, мой дорогой и почтенный другъ. Сохраните мнѣ вашу дружбу, которая мнѣ такъ дорогá. Да подастъ Господь въ наступающемъ году свѣту и всѣмъ намъ миръ, и не одинъ здѣшній миръ, который, какъ мнѣ кажется, довольно ненадеженъ, но и тотъ, котораго свѣтъ не можетъ дать, но который есть единственное вѣрное основаніе и обезпеченіе нашего счастія. Совершенно вамъ преданный Бунзенъ.

Можетъ быть, можно прибавить къ вышеупомянутому соглашенію, что Корнеліусъ берется руководить всѣхъ Русскихъ живописцевъ, посылаемыхъ въ Мюнхенъ. Эта мысль мнѣ пришла въ голову; можетъ быть она неисполнима.

*

Знаменитый ученый и политикъ Бунзенъ родился въ 1791 году. Онъ былъ долгое время Прусскимъ посланникомъ сначала въ Римѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Жилъ онъ на Капитоліи, близь Тарпейской скалы. Трудъ, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Жуковскому, есть Описаніе Рима (три тома, 1830—1843). Позднѣе, будучи въ Лондонѣ, въ дѣлахъ по восточному вопросу Бунзенъ былъ противникомъ Россіи. Онъ скончался въ Боннѣ въ 1860 году.

Живописецъ Корнеліусъ (род. 1783 года) въ то время, къ которому относится письмо Бунзена, былъ директоромъ Мюнхенской академіи.

Предложеніе Русскому правительству картоновъ Корнеліуса, покупка которыхъ, сколько намъ извѣстно, не состоялась, составляетъ уже само по себѣ достопамятную черту въ исторіи живописи.

*

Письмо это доставлено въ Русскій Архивъ издателемъ Бѣлевской Вивліоѳики и предводителемъ Бѣлевскаго дворянства Николаемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ (род. 23 Августа 1823, скончался въ Бѣлевѣ 11 Февраля 1876), внучатнымъ племянникомъ В. А. Жуковскаго. Бѣлевскій уѣздъ, Тульское дворянство и Русское образованное общество понесли въ немъ чувствительную утрату; а для Русскаго Архива, для трудовъ нашихъ и для насъ лично кончина Н. А. Елагина составляетъ цѣлое событіе, котораго никогда намъ достаточно не оплакать. *П. Б.*

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Многочисленные церкви и монастыри Московскіе привлекли конечно особенное вниманіе опытныхъ грабителей, посѣщавшихъ уже христіанскіе храмы западной Европы, особенно въ Италіи и Испаніи. Произведеній искусства, для этихъ цѣнителей изящнаго, начиная съ самаго Наполеона и его маршаловъ, тутъ не нашлось; но въ Московскихъ храмахъ и монастыряхъ можно было захватить много золота, серебра, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней. Непріятели наслышались о богатствахъ столицы и о благочестіи ея жителей. Ихъ ожиданія далеко не были удовлетворены. Назначенныя графомъ Ростопчинымъ 300 подводъ въ распоряженіе архіепископа Августина увезли конечно значительное количество церковныхъ сокровищъ; но 267 приходскихъ церквей (не считая домовыхъ) и 24 монастыря внутри Москвы и три подгороднихъ обладали такимъ огромнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ украшеній, ризъ на иконахъ и церковной утвари, что конечно этотъ обозъ не могъ вывезти всего. По извѣстіямъ, доходившимъ отовсюду, куда ни вступалъ непріятель, Московскіе іерархи могли предвидѣть конечно, какая участь ожидаетъ храмы и монастыри столицы. Митрополитъ Платонъ и его викарій употребляли всѣ способы, чтобы во время ихъ вывезти изъ Москвы. Еще до отправленія большаго обоза, 31 Августа, архіепископъ Августинъ совѣтовалъ настоятелямъ монастырей удаляться изъ городу и увозить церковныя драгоцѣнности; а настоятельницамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и монахинь, особенно молодыхъ, и послушницъ. Августинъ помогалъ имъ нанимать подводы. По мѣрѣ ухода изъ Москвы прихожанъ, онъ разрѣшалъ и священникамъ съ причтами опустѣлыхъ приходовъ выѣзжать изъ Москвы и увозить съ собою сокровища изъ храмовъ. Изъ Московскихъ монастырей, включая Симоновъ, Перервинскій и Златоустовскій, вывезены были „только лучшая ризница и драгоцѣнныя утвари"; но оставалось еще много украшеній на иконахъ и менѣе цѣнныхъ вещей. Настоятель Донскаго монастыря оставилъ „образа во всемъ ихъ украшеніи, также большую часть облаченій (какъ объяснялъ впослѣдствіи его преемникъ) для того, чтобы не встревожить народъ",—опасеніе, которымъ руководился и Московскій главнокоман-

дующій и которое заявлено было священникамъ и настоятелямъ монастырей 30 Августа чрезъ благочинныхъ [1]).

Изъ пяти женскихъ монастырей и одного мужскаго ни ризница, ни утварь вовсе не были вывезены, точно также изъ большей части Московскихъ церквей. Конечно, въ виду грозившей опасности, вездѣ были приняты мѣры, чтобы скрыть отъ непріятеля церковныя драгоцѣнности: ихъ или зарывали въ землю, или опускали въ пруды и озера, или скрывали въ другихъ мѣстахъ, казавшихся наиболѣе безопасными. Такими способами удалось дѣйствительно уберечь отъ расхищенія многія изъ нихъ; но за то это тяжело отозвалось на остававшихся въ Москвѣ жителяхъ и особенно монашествующихъ и бѣлаго духовенства. Опытные грабители тотчасъ смекнули, что церковныя имущества гдѣ либо спрятаны. Они не вѣрили, что большая часть ихъ была уже далеко отъ Москвы и употребляли всѣ способы отыскать ихъ. Непріятели врывались, болѣе или менѣе значительными шайками, въ церкви и начинали съ того, что забирали всѣ драгоцѣнности, которыя оставались на виду, ризы, сосуды и другую утварь, обдирали ризы и вѣнчики съ иконъ. Потомъ начинался допросъ монахамъ, священно и церковно-служителямъ о томъ, гдѣ сокрыто церковное имущество. Требуя подъ угрозою смерти указаній, грабители сопровождали свои допросы всевозможными побоями и истязаніями. Въ Богоявленскомъ монастырѣ непріятели „таскали казначея, престарѣлаго іеромонаха Аарона, за волосы и бороду, приставляя къ груди штыки; домогаясь, гдѣ имущество, разломали кладовыя и все разграбили. Потомъ взяли казначея и монаховъ подъ ноши въ ряды. И они несли сукно и красное вино по Тверской, среди пылающихъ домовъ. При заставѣ у солдатъ отняли несомое другіе солдаты и монаховъ отпустили;

[1]) Въ 1817 г. Окт. 31, князь А. Н. Голицынъ писалъ преосвященному Августину, что Императору угодно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Московскихъ монастыряхъ во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ. Въ исполненіе воли Государя, преосвященный собралъ свѣдѣнія отъ всѣхъ настоятелей и настоятельницъ и 5 Декабря того-же года представилъ составленную изъ нихъ записку, которая напечатана въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1858 г. кн. 4, отд. II, стр. 36—48. Нѣкоторыя изъ подлинныхъ донесеній также напечатаны въ этихъ Чтеніяхъ 1861 года, кн. 1, стр. 193—197 и 1871 г. кн. 2, стр. 80—85; но большая часть осталась въ дѣлахъ Консисторіи. Изъ нихъ составлялись записки частными лицами; одна была издана въ Русск. Арх. 1869 г., стр. 1387—1399, другая въ Исторіи Моск. епархіальнаго управленія г. Розанова, ч. II, пр. стр. 19—32. Онѣ различаются лишь нѣкоторыми подробностями и числомъ монастырей. Въ 1836 г., по указу Синода 30 Мая, для г. Михайловскаго-Данилевскаго была составлена, по распоряженію митрополита Филарета, записка о подвигахъ духовенства въ Москвѣ и ея уѣздѣ въ 1812 г. по дѣламъ Консисторіи и вновь собраннымъ свѣдѣніямъ. Она не напечатана. Въ дополненіе къ ней изъ тѣхъ же свѣдѣній сотавлено описаніе храмовъ и монастырей въ Москвѣ при Французахъ и напечатано въ Моск. епарх. вѣдомостяхъ 1871 г. №№ 14, 31, 37; 1872 г. №№ 13 и 51. Эти записки составили главные источники для предлагаемаго разсказа. Исчисляю ихъ, чтобы избѣжать частыхъ указаній на одни и тѣже источники. Но они дополняются многими другими, на которыя и указано въ своихъ мѣстахъ.

но попавшіеся на пути другіе солдаты опять заставили ихъ везти телегу съ винами, не въ заставу, а черезъ гряды и валъ". Казначей Ааронъ попалъ въ монастырь уже на другой день къ вечеру; тутъ вновь нашли его непріятели и подлѣ Георгіевской церкви черезъ переводчика допрашивали, гдѣ серебряныя и золотыя вещи; били его въ два палаша по спинѣ и оставили безъ чувствъ. Въ первый день вступленія въ Москву, непріятели выгнали изъ Заиконоспасскаго монастыря всѣхъ оставшихся тамъ монаховъ, „ограбивъ ихъ до наготы, и употребляли подъ ноши. Іеромонахъ Викторъ за Новинскимъ монастыремъ былъ брошенъ въ Москву рѣку; но онъ ее переплылъ и ночевалъ на берегу среди кустовъ, зарывшись въ песокъ. Іеродіакона Вонифатія, который по древности не могъ нести ноши, также спустили въ рѣку, грозя потопить или отсѣчь голову. Іеродіакона Владиміра употребляли подъ ноши нагаго и, покрывъ св. покровомъ, приводили въ Кремль къ королю Неаполитанскому, который разбиралъ приводимыхъ Русскихъ. Его сочли за казака и угрожали разстрѣлять". Изъ Покровскаго монастыря, ограбивъ храмы, 4 Сентября, взяли пять монаховъ за заставу, „истязали ихъ, домогаясь, гдѣ имущество и, когда нашли у одного монаха нѣсколько денегъ зашитыхъ въ камилавкѣ, о которыхъ онъ не объявилъ, били его смертельно". Тоже повторялось повсюду съ бóльшею или меньшею жестокостью, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ храмахъ. Священника Сорока-святской церкви, противъ Новоспасскаго монастыря, замучили до смерти, и окровавленное его тѣло нѣсколько дней лежало въ Новинскомъ монастырѣ, безъ погребенія, потому что и въ этомъ монастырѣ неистовствовали непріятели. По отъѣздѣ съ церковнымъ имуществомъ архимандрита Амвросія, въ этомъ монастырѣ съ немногими изъ монашествующихъ оставался престарѣлый намѣстникъ Никодимъ. Вторгнувшись въ монастырь, непріятели били его, допытываясь, гдѣ имущество и вмѣстѣ съ однимъ послушникомъ привели въ соборный храмъ, неся надъ нимъ обнаженныя сабли. „Они поставлены были посреди храма на колѣни съ припертыми къ груди ружьями. Самъ начальникъ непріятельской партіи, приказывая имъ исповѣдать другъ друга, угрожалъ смертію изъ пистолета, если намѣстникъ не откроетъ мѣста храненія монастырскихъ сокровищъ". Наконецъ, видя угрозы и истязанія тщетными, Французы освободили ихъ отъ страха смерти и разграбили нѣкоторыя оставшіяся въ ризницѣ вещи и оклады съ иконъ, а также братскія кельи.—Во время сильныхъ пожаровъ за Москворѣчьемъ (5 Сентября), грабя дома частныхъ лицъ, шайки Поляковъ ворвались въ домъ престарѣлаго священника Троицкой церкви на Шаболовкѣ, въ глубокую ночь, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. „Ого, здѣсь попъ, должно быть много *пензы*, съ радостью закричали они (по разсказу современника-очевидца), разбрелись по разнымъ комнатамъ, ломали замки́, раскалывали сундуки, били посуду и раскидывали разный домашній скарбъ; но, нигдѣ не найдя ничего драгоцѣннаго, собрались въ комнату, въ которой мы находились, окружили священника и съ яростью кричали: „Попъ, сказывай, гдѣ ты сховалъ церковное золото и серебро!"

Старецъ съ безстрашіемъ и спокойнымъ видомъ отвѣчалъ, указывая на крестъ и Евангеліе, лежавшіе на аналоѣ: „Всѣ сокровища міра во Христѣ Іисусѣ!“ Злодѣи, раздраженные и не удовлетворяемые отвѣтомъ, выхвативъ сабли изъ ноженъ и, потрясая надъ головою пастыря, съ неистовствомъ вопили: смерть или деньги! Старикъ, не смущаясь, хладнокровно указалъ имъ на лежавшій въ углу мѣшокъ, въ которомъ хранились мѣдныя деньги для раздачи нищимъ. Грабители бросились на мѣшокъ; но, увидя свои надежды обманутыми, еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, приставивъ къ груди острія сабель, кричали: давай золота, серебра! Въ эту минуту старинные стѣнные часы зашипѣли, кукушка прокуковала полночь, и вдругъ вся комната освѣтилась отъ пожара загорѣвшагося сосѣдняго дома. Разбойники въ испугѣ бросились вонъ изъ дома“.

Тотъ же самовидецъ разсказываетъ, что, переходя съ мѣста на мѣсто по пожарищамъ, чтобы отыскать что нибудь для деннаго пропитанія, онъ съ братомъ дошли до Ордынки и, „приближаясь къ церкви Георгія на Всполье̂, услышали стоны и съ воплемъ произносимыя слова: „Отцы родные, если вѣруете въ Бога, не мучьте меня; лучше предайте смерти!“ Братья-калѣки, выпрямивъ спины, увидѣли, какъ казалось, Русскаго купца съ окладистой черной бородой, стоявшаго между двухъ злодѣевъ, державшихъ его за руки; третій же варваръ обнаженную спину его насѣкалъ остріемъ сабли, приговаривая: „Сказывай, попъ, гдѣ зарыто церковное серебро и золото; не думай отъ насъ отдѣлаться: мы допытаемся правды. Поляки шутить не любятъ!“ Хотя мученникъ клялся небомъ и землею, что онъ не священникъ, а Московскій купецъ, зашедшій въ храмъ только помолиться Богу, варвары, не вѣря божбѣ страдальца, продолжали ужасную пытку, приговаривая: „Врешь, твоя борода явная улика, что ты попъ этой церкви“. Мученикъ отъ невыносимой боли рвался изъ рукъ злодѣевъ и въ иступленіи кричалъ дикимъ голосомъ, раздиравшимъ душу. Мы, пораженные страхомъ отъ видѣнной кровавой сцены, забывъ болѣзненное притворство, бросились бѣжать къ Серпуховскимъ воротамъ и тамъ на рынкѣ въ первомъ встрѣтившемся подвалѣ скрылись“ [2]).

Очевидецъ, котораго слова приведены, былъ еще юношей въ это время. Непріятели, не различая возраста, какъ на дряхлыхъ стариковъ, такъ и на малолѣтковъ взваливали ноши не по ихъ силамъ. „Былъ у насъ ребенокъ (разсказывалъ одинъ изъ дворовыхъ людей г. Соймонова), лѣтъ десяти и выбѣжалъ онъ разъ на улицу. Стоитъ солдатъ, а передъ нимъ куль большой лежитъ, и показываетъ солдатъ мальчишкѣ, чтобы онъ этотъ куль за нимъ несъ. Мальчишка приподнялъ, тяжело, не въ моготу; а отказаться не смѣетъ, понесъ черезъ силу; но какъ дошелъ до Яузскаго моста, не въ терпежъ ему стало. Сѣлъ онъ на дорогѣ и заревѣлъ. Солдатъ началъ его пинками угощать. А тотъ ни съ мѣста; хотя бы онъ, говоритъ,

---

[2]) Воспоминанія очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, стр. 81—82, 135—136.

убилъ меня, я бы кажется не всталъ. Вдругъ подошелъ старичекъ, да здоровый такой, даромъ что сѣдъ. „Я, говоритъ, тебя мальчугана выручу, у меня сила не твоя", взялъ онъ куль и понесъ [3]). Но мальчуганы и сами нашли способъ избавлять себя отъ тяжелой ноши. Вынужденные блуждать по пожарищамъ, чтобы найти какую нибудь пищу для утоленія своего голода, а иногда и голода своихъ семействъ, они притворялись калѣками, бродили хромая, согнувшись, подпираясь костылями и такимъ способомъ избавлялись отъ исправленія должности вьючныхъ животныхъ въ пользу солдатъ великой арміи. Такъ научилъ поступать товарища по несчастію и тотъ юноша, разсказъ котораго о пожарѣ Замоскворѣчья мы привели. Грабежъ, соединенный съ убійствами, побоями, изнуреніемъ оставшихся въ Москвѣ жителей, переноскою тяжестей и другими работами, сопровождался также почти повсемѣстно кощунствомъ и оскверненіемъ храмовъ. Умышленно ругаясь надъ святынею, непріятели постоянно устраивали конюшни въ храмахъ, выбрасывали иконы, раскалывали ихъ и употребляли вмѣсто дровъ, вбивали гвозди въ лики святыхъ, престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ; иконы употребляли, чтобы стрѣлять въ нихъ въ цѣль. „Я самъ видѣлъ, разсказываетъ одинъ иностранецъ, оставшійся въ Москвѣ въ то время, подлѣ Красныхъ Воротъ была употребляема съ этою цѣлью весьма почитаемая икона" [4]). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были устроены бойни, какъ въ Петровскомъ, Даниловомъ. „Проходя мимо Петровскаго монастыря, разсказываетъ очевидецъ, я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ Русскихъ, которые съ любопытствомъ заглядывали въ монастырскіе ворота. Подражая имъ, я также взглянулъ туда; но въ какое я пришелъ изумленіе, увидавъ весь монастырскій помостъ покрытымъ спекшеюся кровью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валялись внутренности животныхъ, которыя гніеніемъ производили сильное зловоніе. Зажавъ носъ и вытаращивъ глаза, съ удивленіемъ я спросилъ зрителей, что̀ здѣсь происходитъ. Одинъ изъ толпы, насмѣшливо взглянувъ на меня, отвѣчалъ: „Ты, братъ, видно сытъ, да при томъ же изъ дворянской породы; ишь какъ законапатилъ носъ! Вотъ мы такъ принюхались къ вони, ходя сюда ежедневно, не достанется ли чего хотя изъ требушины на нашу сиротскую долю. Развѣ не видишь, что тутъ непріятельская бойня". „Оставивъ дожидавшихся мясной провизіи и проходя мимо соборной церкви, увидалъ я въ растворенныя двери въ ней устроенную мясную лавку: вокругъ стѣнъ, на широкихъ полкахъ, лежали разныя части мяса; на паникадилахъ и на вколоченныхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли внутренности животныхъ и разныя птицы" [5]). Также была устроена бойня въ церкви Воз-

---

[3]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 109.

[4]) B—ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 149; Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 122.—Въ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ доселѣ цѣла икона, прострѣленная непріятельскою пулею.
П. Б.

[5]) Воспоминанія очевидца, стр. 192.

несенія у Серпуховскихъ воротъ. Въ Петропавловскую церковь въ Лефортовѣ помѣщали быковъ, въ Троицкой въ Сыромятникахъ стояли лошади. Храмы въ Кремлѣ, гдѣ жилъ самъ Наполеонъ, не избѣжали поруганія. Въ Успенскомъ соборѣ, вмѣсто паникадила, висѣли вѣсы, на которыхъ вѣшали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; на иконостасѣ написаны были цифры: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ стояли плавильныя горны и были устроены стойла для лошадей. Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самаго Наполеона [6]). Въ Верхоспаскомъ соборѣ престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ; въ немъ стояли кровати. Маршалъ Даву́, пріѣзжая съ докладами съ Дѣвичьяго поля и оставаясь иногда подолгу въ Кремлѣ, устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ главнаго храма въ Чудовомъ монастырѣ. Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмо-демьянской церкви, разсказываетъ очевидецъ-свидѣтель, „изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоявшаго на паперти непріятеля. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ, безъ галстука, съ накинутою на плеча шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и буйства. По срединѣ храма пылалъ костеръ, вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ, надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: „Добре, Русъ". Я отблагодарилъ поклономъ. Послѣ того, желая, быть можетъ, похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы; тутъ же находились разныя овощи, картофель, капуста и проч. На вбитыхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли конская сбруя и военная аммуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскіе врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ увидѣлъ я стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою... Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста. Безбожникъ, сочтя мое изумленіе за знакъ удивленія красотою его лошади, началъ ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: добре, добре! Налюбовавшись конемъ, повелъ онъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла лошадь въ алтарѣ, ѣвшая овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ" [7]).

Не только безчувственное отношеніе, какое оказывалъ житель Козмодемьянскаго храма, но умышленное поруганіе святыни Русскаго народа составляло отличительное свойство великой арміи, за весьма немногими исключеніями. Аббатъ Сюрюгъ, которому удалось какъ церковь св. Людовика, такъ и всѣхъ пріютившихся въ ней

---

[6]) Корбелецкій, Краткое повѣств., стр. 43; B. Peyrusse, Mémorial et archives. Carcassone, 1869, стр. 107.

[7]) Воспоминанія очевидца, стр. 144.

Французовъ, обывателей Москвы, оградить отъ насилій и грабежа, писалъ потомъ своему сотоварищу Іезуиту Буве: „Въ продолженіи шести-недѣльнаго здѣсь пребыванія Французовъ, я не видалъ даже тѣни Наполеона и не искалъ случая увидать его. Мнѣ говорили, что онъ позоветъ меня, и это извѣстіе меня ужасало; но къ счастію оно не оправдалось. Онъ не посѣтилъ нашего храма и вѣроятно и не думалъ объ этомъ. Четыре или пять офицеровъ старыхъ Французскихъ фамилій посѣтили богослуженіе; двое или трое исповѣдывались. Впрочемъ вамъ будутъ понятны отношенія къ христіанской вѣрѣ этихъ войскъ, когда вы узнаете, что при 400 тысячахъ человѣкъ, перешедшихъ черезъ Нѣманъ, не было ни одного священника. Во время ихъ пребыванія здѣсь изъ нихъ умерло до 12-ти тысячь, и я похоронилъ, по обрядамъ церкви, только одного офицера и слугу генерала Груши́. Всѣхъ другихъ, офицеровъ и солдатъ, зарывали ихъ товарищи въ ближнихъ садахъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни вѣрованія въ загробную жизнь. Однажды я посѣтилъ больницу раненыхъ; всѣ говорили мнѣ объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ, и никто о духовныхъ, не смотря на то, что надъ третьею частію изъ нихъ уже носилась смерть. Я окрестилъ многихъ дѣтей у солдатъ. Крещеніе они еще признаютъ, и всѣ обходились со мною почтительно. Впрочемъ вѣра для нихъ составляетъ лишь слово, лишенное смысла“ [8]).

Не могла однакоже вся непріятельская армія, занявшая Москву, состоять изъ однихъ безчеловѣчныхъ грабителей. Не сморя на естественное ожесточеніе противъ Французовъ, народная память безпристрастно сохранила и добрыя черты ихъ. Хотя враги, вторгнувшіеся въ Россію, и слыли въ народѣ подъ общимъ именемъ Французовъ, однакоже оставшіеся въ Москвѣ обыватели отличали настоящихъ Французовъ отъ ихъ союзниковъ. Мелкій торговецъ, имѣвшій свой лабазъ въ Зубовѣ, разсказывая, какъ двое непріятелей ограбили икону, находившуюся у него въ лабазѣ, „содрали съ нея вѣнчикъ серебряный и рамку серебряную,“ прибавляетъ: „Только это были не настоящіе Французы; а настоящіе-то были такъ милосерды; какъ бывало придутъ, мы ихъ сей-часъ узнаемъ по рѣчи да по манерамъ, и не боимся, потому знаемъ, что у нихъ совѣсть есть. А отъ ихъ союзниковъ упаси Боже! Мы ихъ такъ и прозвали *безпардонное* войско, что ихъ ни просьбой, ни слезами не возьмешь. Въ народѣ даже говорили, что ихъ пуля не беретъ. Коли не дѣломъ, такъ ужъ словомъ обидятъ. Что̀ они говорятъ, не поймешь; но ужъ слышишь, что ругаются. А Французы ужъ бывало не обидятъ даромъ. Пришли они разъ и стали вездѣ шарить. Сестры сробѣли и убѣжали изъ комнаты, а сами изъ за двери выглядываютъ. Какъ они ихъ увидали, сейчасъ позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день глядимъ, идутъ опять тѣже самые съ гостинцами: принесли дѣтямъ игрушекъ, изъ лавокъ вѣроятно взяли. Дѣвочки-то радуются, а они, глядя на нихъ, смѣются и тутъ же вмѣстѣ съ ними играть стали“ [9]). Одинъ Нѣмецъ, служившій офицеромъ въ на-

---

[8]) Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 10—11.

[9]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18, 37 и др.

шихъ войскахъ, находясь въ отставкѣ, оставался въ это время въ Москвѣ. Онъ говоритъ, что, „исполняя долгъ справедливости, обязанъ замѣтить, что изъ всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ непріятельскихъ войскъ, Французы наименѣе отличались жаждою къ грабежу. Одно чувство справедливости заставляетъ меня сдѣлать это признаніе, потому что, въ продолженіи Семилѣтней войны, я съ молокомъ матери всосалъ ненависть къ Французамъ и терпѣть ихъ не могу. Они брали то, что̀ было имъ необходимо для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни, не грабили ни золота, ни серебра и другихъ драгоцѣнностей, даже часовъ. Не таковы были Баварцы и Поляки, которые ничего не оставляли послѣ себя, грабили даже вещи, не имѣвшія для нихъ значенія и все разрушали. Виртембергцы не замедлили послѣдовать ихъ примѣру: имъ принадлежитъ мысль разрывать могилы. Они дѣлали зло единственно изъ удовольствія дѣлать зло; они разрушали все что̀ не могли унесть съ собою, или изъ чего не могли извлечь выгодъ. Солдаты этихъ народовъ выразили свой вандализмъ въ разрушеніи статуй и Китайскихъ мостовъ въ императорскомъ саду. Ихъ жадность простиралась до того, что они обдирали обивку съ подушекъ въ каретахъ, съ мебели и сукно съ биліардовъ. Французы же не производили безполезныхъ опустошеній. Ихъ вѣжливость выражалась даже въ ихъ грабительствахъ и представляла иногда страшныя противорѣчія. Такъ, одинъ Французскій офицеръ велѣлъ отпилить боковую сторону дивана, найдя его короткимъ, чтобы спать на немъ; но потомъ, оставляя квартиру, привелъ его въ прежній видъ. Солдаты, войдя ночью въ домъ одного профессора и узнавъ, что его жена въ родахъ, наципочкахъ проходили мимо ея кровати, закрывая рукою зажженную свѣчу, все обобрали что́ принадлежало мужу и не тронули женскихъ вещей“ [10]).

Трудно заподозривать въ пристрастіи къ Французамъ человѣка, который ихъ *ненавидѣлъ*; но нельзя не замѣтить, что отзывъ его о всѣхъ вообще Французахъ невѣренъ: свидѣтельства не только Русскихъ, но и самихъ Французовъ, Московскихъ обывателей, говорятъ иное. Они очень усердно грабили драгоцѣнныя вещи, золото, серебро и деньги изъ этихъ металловъ, съ самаго вступленія въ Москву и особенно потомъ, когда грабежъ былъ разрѣшенъ. Только въ первое время они не знали цѣны нашимъ бумажнымъ деньгамъ и не обращали на нихъ вниманія. Но въ обширной Москвѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, многіе изъ очевидцевъ-свидѣтелей говорятъ только о томъ, что́ происходило вокругъ нихъ. Тамъ, гдѣ стояли войска начальника, болѣе соблюдавшаго дисциплину и болѣе сострадательнаго къ несчастнымъ жертвамъ войны, грабежъ дѣйствительно не доходилъ до той жадности и безчеловѣчія, какъ въ другихъ. Но во всякомъ случаѣ приведенное свидѣтельство доказываетъ различіе между Французами и ихъ союзниками въ этомъ отношеніи, которое и замѣтили Русскіе люди. „Всѣ на нихъ жаловались, а

---

[10]) B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 110—112.

намъ грѣшно сказать. У насъ стояли не одни Французы; а тоже и Поляки, и насъ не обижали, все потому что ихъ начальникъ, Задера, грѣха боялся.“ Такъ разсказаваетъ очевидица, бѣлица Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ стояли Французы и Поляки, принадлежавшіе къ корпусу маршала Даву́. Задера (Zadera) былъ одинъ изъ капитановъ, состоявшихъ при главномъ штабѣ этого корпуса [11]). Монастырь, находившійся на окрайнѣ города, на Дѣвичьемъ полѣ, окруженный высокими стѣнами съ башнями, казался непріятелямъ крѣпостью, а потому вѣроятно уцѣлѣлъ отъ грабежа въ первые дни пребыванія непріятелей въ Москвѣ, когда при разгоравшихся пожарахъ грабили въ разсыпую солдаты. На другой-же день, осмотрѣвъ монастырь, Задера назначилъ въ немъ квартиры для войскъ; но пожары выгоняли изъ Москвы и потому они оставались тамъ только до 8-го Сентября. Монахини, въ ожиданіи своихъ постояльцевъ, не зная, какая постигнетъ ихъ участь, по совѣту священника, приготовились къ смерти, исповѣдывались и пріобщались. „Въ тотъ самый день, говоритъ таже свидѣтельница, какъ они у насъ поселились, Задера вошелъ въ больничную церковь, а мы какъ пріобщались, такъ и оставили на престолѣ крестъ серебряный, Евангеліе и чарку съ теплотой: батюшка не успѣлъ прибрать. Онъ все это взялъ и принесъ къ казначеѣ монастыря; „на, говоритъ, пани“ и показываетъ, что за всѣхъ солдатъ отвѣчать нельзя. А батюшку просилъ, что если, молъ, мои солдаты васъ обижать станутъ, вы мнѣ жалобу принесите. Однако батюшка ему не сказалъ, что они въ первый-то день нашалили (разграбили что могли въ кельяхъ); потому, говоритъ, еще и не то могли бы сдѣлать“.

Монахини скорбѣли о неуваженіи, съ которымъ они относились къ святыни, соблазнялись присутствіемъ *мамзелей* (какъ они ихъ называли) въ кельяхъ занятыхъ ими, прятали отъ нихъ молодыхъ бѣлицъ и монахинь; но потомъ „сжились и бояться ихъ перестали. Бывало, которая изъ насъ заложитъ лошадь и поѣдетъ за капустой въ огородъ, а они смѣются и кричатъ намъ въ слѣдъ: добри кони, добри кони! Иныя слова научились порусски кое-какъ выговаривать и никого при нашихъ не обижали“ [12]). Самъ грозный маршалъ Даву́ благосклонно принималъ монастырскаго священника и конечно не потому, что *боялся грѣха*, но желая смягчить враждебныя чувства народа и особенно поддержать въ войскахъ дисциплину, говорилъ ему „что не позволитъ своимъ грабить или какое имъ притѣсненіе дѣлать. Что̀ намъ надо, мы тоже стѣсняться не можемъ, а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу свою справлять“.

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось также имя барона Таулета, который постоянно выражалъ сочувствіе и оказывалъ защиту

[11]) Capitaines adjoints à l'etat-major. Saint-Hilaire, Hist. de la campagne de Russie en 1812, ч. II. Tableau synoptique de la grande armée, стр. 374.

[12]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., разсказъ 1-й, занятіе Французами Дѣвичьяго монастыря, Русск. Архивъ 1864 г., стр. 843—858.

несчастнымъ жителямъ Москвы. Въ Зачатеевскомъ монастырѣ считалось въ это время 99 человѣкъ. Изъ нихъ только 23 женщины уѣхали изъ Москвы при приближеніи непріятеля. Всѣ другія, съ игуменьею Доримедонтою Протопоповою и священникомъ о. Емельяномъ, остались, скрывъ церковныя сокровища подъ своды, на которыхъ постилался полъ, только выстроенной и еще не отдѣланной соборной церкви. „Все необходимое для богослуженія оставили на престолахъ, потому что игуменья и священникъ рѣшили, что церковная служба не прекратится". Вступленіе непріятелей и начавшіеся пожары близъ самаго монастыря навели ужасъ на обитательницъ онаго. Пораженная ими скончалась одна изъ престарѣлыхъ, впрочемъ издавна больная, монахиня. Пожаръ подходилъ все ближе и ближе къ монастырю, куда укрывались многіе жители изъ горѣвшихъ по сосѣдству улицъ и приносили свои сундуки, которые ставили въ церковь. Однако порядокъ богослуженія не прерывался. Всѣ исповѣдались и пріобщились. 4-го Сентября пожаръ достигъ уже почти до монастырской стѣны. Въ этотъ день служили обычную обѣдню и отпѣвали усопшую монахиню. По окончаніи богослуженія, въ то время, какъ тѣло выносили изъ церкви, чтобы предать землѣ, монахини были поражены страхомъ при видѣ непріятельскихъ солдатъ, перелѣзавшихъ черезъ стѣны. Тѣло умершей было оставлено у церковной паперти; испуганныя женщины бросились назадъ въ церковь и заперли за собою двери. Непріятели начали стучаться и, увидавъ одну монахиню, которая вышла изъ церкви до выноса тѣла, чтобы отнести просфоры въ свою келью, окружили ее, притащили къ церковнымъ дверямъ и объясняли, чтобы она велѣла отпереть. Она отказывалась; солдаты начали ее бить тесакомъ по плечамъ и по шеѣ. Страданія принудили ее повиноваться. Когда ея умоляющій отчаянный крикъ поразилъ слухъ осажденныхъ, игуменья приказала отпереть двери, и непріятели ворвались въ церковь. Они увидали стоящіе около стѣнъ сундуки и принялись немедленно разбивать ихъ саблями и грабить. Одинъ солдатъ спросилъ, гдѣ игуменья? Въ числѣ монахинь многія были изъ дворянъ и знали иностранные языки; кто-то отвѣчалъ, что игуменья уѣхала и увезла съ собою все церковное имущество. Въ это время загорѣлись кельи. „Непріятели вышли изъ церкви, забравъ съ собою все награбленное добро и принялись разжигать пожаръ ружейными выстрѣлами; потомъ сломали ворота и ушли. Напуганныя грабителями, гонимыя распространившимся пожаромъ, монахини бросились изъ заднихъ воротъ къ рѣкѣ, надѣясь укрыться гдѣ нибудь за Крымскимъ мостомъ; но, увидавъ на той сторонѣ толпы непріятелей, снова возвратились въ монастырь. Онѣ укрылись въ каменной церкви, защищая ее отъ болѣе и болѣе распространявшагося пожара. Но вода истощилась, ходъ къ колодцу преградился пожаромъ, силы ихъ ослабѣли. „Отецъ, сказала игуменья, обращаясь къ священнику, смертный часъ насталъ, прочтите намъ отходную". Всѣ опустились на колѣна. Священникъ сталъ предъ алтаремъ и прочелъ напутственныя молитвы умирающимъ. Голосъ его дрожалъ, и слова сливались съ рыданіями и трескомъ

разрушавшихся вокругъ строеній“. Между тѣмъ, въ то время, когда монахини бросились назадъ въ монастырь отъ Крымскаго моста, одна изъ нихъ за мостомъ увидала свою знакомую, графиню Зотову и, перебѣжавъ по мосту къ ней, просила, не можетъ ли она оказать имъ помощь. Графиня указала ей на небольшой домъ, находившійся вблизи, „около котораго тѣснились толпой Московскіе обыватели. Въ немъ стоялъ непріятельскій чиновникъ, б. Таулетъ, который сталъ уже извѣстенъ въ городѣ своимъ милосердіемъ. Онъ защищалъ нашихъ отъ грабежа и насилій. Многіе обращались къ его покровительству, и онъ часто дѣйствовалъ на грабителей властію своего слова, а иногда посылалъ своихъ солдатъ, которые ихъ разгоняли“. Графиня Зотова вмѣстѣ съ монахинею пошла къ нему и просила его придти на помощь монастырю. „Я сдѣлаю все что̀ зависитъ отъ меня, сказалъ онъ; но долженъ васъ предупредить, что я дѣйствую незаконно. Сегодня гвардія получила разрѣшеніе грабить. Я могу при помощи моихъ солдатъ защитить хотя немногихъ несчастныхъ, живущихъ около моей квартиры; но препятствовать открыто дозволенному грабежу мнѣ невозможно“. Онъ предложилъ послать за монахинями и укрыть ихъ въ своемъ домѣ отъ пожара и грабежа. Его посланный пришелъ въ то время, когда монахини приготовились уже къ неизбѣжной смерти. Находившіяся въ церкви монахини воспользовались его предложеніемъ, три дня провели подъ его покровительствомъ и потомъ, по его предложенію, вновь отправились въ монастырь, который снова былъ ограбленъ непріятелями; но пожаръ, истребивъ всѣ деревянныя строенія, уже прекратился въ немъ.

Баронъ далъ имъ охранную стражу, которая однакоже удалилась, прибивъ надпись къ воротамъ, въ которой было сказано, что монастырь ограбленъ уже дочиста и сгорѣлъ, и потому входъ въ него запрещается. Такія надписи употреблялись въ то время, когда уже непріятели начали принимать мѣры, чтобы не столько положить предѣлъ грабежу, но чтобъ водворить порядокъ въ совершенно распущенныхъ войскахъ. „Когда, поблагодаривъ своего покровителя, игуменья съ монахинями отправилась въ монастырь, и онѣ подходили къ рѣкѣ, по мосту шла Французская конница. Видъ непріятелей поразилъ такимъ ужасомъ одну изъ монахинь, что она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя теплую одежду, подбѣжала къ берегу и бросилась въ рѣку. Всѣ вскрикнули. Одинъ изъ Французовъ пришпорилъ лошадь, въѣхалъ въ воду, ухватилъ за полу ряски утопающую, поднялъ ее на руки и вернулся къ берегу со своей ношей. Всѣ окружили Назарету и старались привести ее въ себя. Когда она открыла глаза, ея спаситель просилъ монахинь не бояться ни его, ни его товарищей и вызвался проводить ихъ до мѣста [13]).

---

[13]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 149—155. Имя б. Таулета не находится въ спискахъ чиновъ великой арміи; при корпусѣ Даву былъ главнымъ хирургомъ Паулетъ (Paulet). Hist. de la campagne de Russie par Saint-Hilaire, т. II, стр. 374.

Имя Коленкура, генерала Кампана и поступки нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ остались также въ народныхъ преданіяхъ. Въ первый день вступленія Французовъ въ Москву, толпу Русскихъ на Остоженкѣ окружили непріятели и начали грабить. „Въ это время (разсказываетъ свидѣтельница купчиха, которую также ограбили вмѣстѣ съ другими) вдругъ видимъ, идетъ еще полкъ, а впереди ѣдетъ командиръ, такой бравый. Около него шелъ одинъ изъ нашихъ; это его Французъ къ себѣ въ переводчики взялъ. Поровнявшись они съ нами, и остановились, какъ увидали насъ горькихъ. Командиръ крикнулъ на нашихъ грабителей, и они разошлись, а переводчикъ говоритъ намъ: „Это генералъ и очень важное лице; онъ велѣлъ, чтобы вы за нимъ шли; онъ васъ въ обиду не дастъ". И сказывалъ онъ намъ его имя; я его до сихъ поръ помню: звали его Кольникуръ. Мы обрадовались и пошли за ними. Приходимъ къ Пречистенкѣ, тутъ непріятелей видимо-невидимо. Приперли насъ къ рѣшеткѣ дома князя Голицина такъ, что мы двинуться не можемъ. Кольникуръ крикнулъ, чтобы солдаты посторонились, а намъ приказалъ идти въ ворота, самъ въѣхалъ и за нимъ человѣкъ сто солдатъ. Передъ подъѣздомъ стояла дорожная коляска, и на крыльцо вышелъ мущина съ дамой; на ней была дикая шляпка и дикій салопчикъ. Кольникуръ къ нимъ подъѣхалъ и что-то съ ними говорилъ. Потомъ они сѣли въ коляску; онъ за ними поѣхалъ и махнулъ рукой, чтобы мы шли за нимъ въ слѣдъ, а ужъ за нами его команда. Какой онъ право добрый былъ, царство ему небесное, когда его уже въ живыхъ нѣтъ! Услыхалъ онъ, что закричалъ ребенокъ у тетки и прислалъ ему крендель; откуда онъ его взялъ, не знаю". Такъ проводилъ онъ коляску и пѣшую толпу до самой заставы [14]).

Генералъ Кампанъ, извѣстный храбростью начальникъ дивизіи, принадлежавшей къ корпусу маршала Даву́, раненый поселился въ домѣ Всеволожскаго близъ Дѣвичьяго поля, гдѣ уже стояли Французскіе офицеры. Онъ любовался часами, стоявшими на каминѣ въ той комнатѣ, которую онъ занималъ. Оставляя Москву, онъ не уберегся отъ искушенія и объявилъ, что беретъ эти часы себѣ по праву завоеванія; но, не желая взять даромъ, оставляетъ за нихъ свою лошадь хозяину дома. „Это прекрасная лошадь, говорилъ онъ, и г. Всеволожскій будетъ ею доволенъ". Дѣйствительно она находилась потомъ на его конномъ заводѣ и называлась madame Campan. Жившіе въ этомъ домѣ Французы „весело проводили время: кладовыя и погреба Всеволожскаго доставляли имъ полную возможность роскошно кушать; а на Кузнецкомъ мосту нашлось много не слишкомъ суровыхъ красавицъ, которыя охотно переѣхали на Дѣвичье поле и увеселяли своимъ смѣхомъ и пѣснями обѣды и ужины соотечественниковъ". Въ домѣ Всеволожскаго, кромѣ множества дворовыхъ, оставшихся послѣ отъѣзда господъ, было и нѣсколько Французовъ, которые служили при его типографіи. Дворо-

---

[14]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 90—92

вые, въ ожиданіи нашествія непріятеля, вырыли норы въ саду, въ которыхъ рѣшились спрятать своихъ женъ и дѣтей. Ночью они приносили имъ пищу. Но это продолжалось недолго. „Въ скоромъ времени дворовые убѣдились, что Французъ никого не обижаетъ, и заключенные были выпущены изъ своихъ норъ“ [15]).

Въ Даниловымъ монастырѣ Французскіе офицеры занимали настоятельскія и братскія кельи. Непріятели и особенно офицеры, по свидѣтельству остававшихся тамъ монаховъ, хотя часто ходили въ церковь и все въ ней осматривали, однако ничего не трогали. Одинъ изъ нихъ, узнавъ, что въ этотъ же монастырь на постой назначены артилеристы, предупредилъ священника, что они все ограбятъ и совѣтовалъ скрыть церковную утварь. Сами же Французы помогали зарывать въ землю и не выдали потомъ артилеристамъ, которые грабили все что̀ только попадалось на глаза. Одинъ купецъ изъ серебрянаго ряда, предъ вступленіемъ непріятелей, уложилъ весь свой товаръ въ большой ящикъ, перевезъ его въ садъ своего дома и хотѣлъ зарыть въ землю, но не успѣлъ. Между тѣмъ жена его была на сносяхъ беременна. Пожаръ ихъ дома ускорилъ ея роды, и больную съ новорожденнымъ уложили на этотъ сундукъ. Сгорѣлъ и рядомъ, стоявшій домъ; но уцѣлѣла каменная кладовая, въ которой поселился Французскій офицеръ съ двумя солдатами. Увидавъ въ окно больную женщину подъ открытымъ небомъ, онъ предложилъ ей раздѣлить съ нимъ тѣсное помѣщеніе, перегороженное на двѣ комнаты. Купецъ отказывался, опасаясь потерять все свое имущество, скрытое въ сундукѣ. Офицеръ съ такимъ участіемъ настаивалъ, что, почувствовавъ къ нему довѣріе, купецъ объяснился съ нимъ откровенно. Офицеръ помогъ имъ ночью зарыть сундукъ, и они прожили въ его помѣщеніи во все время пребыванія непріятелей въ Москвѣ [16]).

Главный докторъ великой арміи Ларрей и нѣкоторые изъ его помощниковъ оставили признательную память между нашими ранеными, не вывезенными изъ Москвы. А. С. Норовъ, которому оторвало ногу въ Бородинскомъ сраженіи, лежалъ вмѣстѣ съ другими, также тяжело ранеными, въ Голицинской больницѣ, когда непріятели заняли Москву. Съ тѣхъ поръ, какъ ему отняли ногу подъ Бородинымъ, ему не было подано никакой помощи. Первую перевязку ему сдѣлалъ самъ Ларрей и спасъ ему жизнь. Поручая его потомъ на попеченіе своего помощника Бофиса (Beaufils), Ларрей сказалъ: „Вы мнѣ отвѣчаете за жизнь этого молодаго человѣка (vous me répondrez de la vie de ce jeune homme)“. Поступокъ доктора Ларрея не представляетъ ничего удивительнаго: онъ извѣстенъ былъ во Французскихъ войскахъ своимъ человѣколюбіемъ, и императоръ Наполеонъ по справедливости называлъ его добродѣтельнымъ (le vertueux Larrey). Лористонъ, занявшій по близости Голицынской больницы домъ Орловой-Чесменской и знавшій А. С. Но-

---

[15]) Г-жи Толычевой, стр. 33—34.

[16]) Тамъ-же, стр. 61—63.

рова по Петербургскому обществу, посѣтилъ его и принималъ въ немъ участіе. Но и простые солдаты оказывали пособіе раненымъ. „На другой день послѣ вступленія Французовъ, говоритъ А. С. Норовъ, вошелъ въ комнату кавалеристъ; это былъ уже Французскій мародеръ; онъ началъ шарить по всей комнатѣ, подошелъ и ко мнѣ, шарилъ подъ подушками и подъ тюфякомъ и ушелъ, пробормотавъ: у него ничего нѣтъ (il n'a donc rien), въ другія комнаты. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ, вошелъ старый солдатъ и также приблизился ко мнѣ. „Вы Русскій?—Да Русскій.—Вы кажется очень страдаете? Я молчалъ.—Не нуждаетесь ли вы въ чемъ нибудь?—Я умираю отъ жажды. Онъ вышелъ, и появилась женщина, которая прежде прислуживала раненымъ. Онъ принесъ какіе-то бѣлые бисквиты и воды; обмочивъ ихъ въ воду, самъ далъ мнѣ напиться и, пожавъ дружелюбно руку, сказалъ: эта женщина будетъ ходить за вами (cette dame vous aidera). Я узналъ отъ этой женщины, что все что было въ домѣ попряталось и разбѣжалось отъ мародеровъ; о людяхъ моихъ не было ни слуху, ни духу“ [17]).

При Голицинской болницѣ находилась и богодѣльня для престарѣлыхъ женщинъ. Одно семейство, гонимое пожаромъ и грабежемъ, долго скиталось по Московскимъ пожарищамъ, ища пріюта, и нашло его наконецъ въ домѣ Нѣмца, содержателя пансіона, женатаго на Француженкѣ, которая чествовала своихъ постояльцевъ-соотечественниковъ и гордилась ихъ присутствіемъ въ ея домѣ. Пріютившись въ этомъ домѣ, они вспомнили про старуху, мать одного изъ членовъ семьи и бабку сыновей, изъ которыхъ одинъ оставилъ воспоминанія объ этомъ времени. „Боже мой, говорилъ онъ, жива ли моя мать? Ты, любимый ея внучекъ, сходи-ка завтра въ Голицинскую богадѣльню; провѣдай, гдѣ она теперь голубушка находится“. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, риторъ духовной Славяно-Греко-Латинской Академіи, на другой день ходилъ около воротъ Голицинской больницы съ намѣреніемъ проникнуть во дворъ, гдѣ была богадѣльня. Одинъ изъ стоявшихъ часовыхъ замѣтилъ желаніе мальчика и сказалъ ему: проходи (alons donc, Russe, marchez). „Войдя во дворъ, я увидалъ бабушку, говоритъ онъ, сидѣвшую у окна, съ огромными очками на носу, и штопавшую чулки. Она, увидя меня, ахнула отъ неожиданной встрѣчи; затѣмъ посыпались вопросы: какъ мы, гдѣ мы, всѣ-ли живы? Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ насъ Богъ милуетъ, а она крестясь говорила: „А я многогрѣшная считала васъ погибшими и съ недѣлю назадъ просила нашего діакона записать ваши имена въ поминанье, и за каждой обѣдней подаю по грошу на проскомидіи объ упокоеніи усопшихъ душъ вашихъ“.— „Бабушка, отвѣчалъ я, и мы васъ считали на томъ свѣтѣ, полагая, что на старости лѣтъ, видя въ Москвѣ такіе ужасы и совершаемыя непріятелемъ злодѣйства и натерпѣвшись мученій, вы уже оставили этотъ міръ“. Старушка, съ удивленіемъ смотря на меня, сказала: „Дитятко, о какихъ ты толкуешь злодѣйствахъ? Да мы, живя въ бо-

---

[17]) Статья А. С. Норова, по поводу „Войны и мира“ гр. Л. Н. Толстаго, стр. 49—50.

гадѣльнѣ, не слыхали и не видали не только никакой обиды, но даже дурнаго слова. У насъ во всемъ домѣ прежняя тишина и спокойствіе; если бы въ городѣ не пожары, такъ мы бы и не знали, что здѣсь гоститъ непріятель. Намъ старухамъ говорилъ экономъ, что когда заморскій нàбольшій переѣхалъ сюда жить въ главный корпусъ, то сейчасъ же призвалъ его къ себѣ и приказалъ, чтобы въ больницѣ и богадѣльнѣ все шло прежнимъ порядкомъ, всѣ были-бы сыты, одѣты и обуты; да сверхъ того велѣлъ еще каждодневно служить священнику обѣдню. Мы сами не можемъ надивиться, говорятъ нàбольшій-то вѣры басурманской, а дѣла творитъ христіанскія". Старушка накормила своего внука, снабдила провизіей и впередъ обѣщала снабжать [18]).

Если народная память, безпристрастная къ врагамъ, сохранила эти черты, то мы считали долгомъ отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе выдающіяся и включить въ историческій разсказъ, передавая ихъ простою и безъискуственною рѣчью самихъ свидѣтелей-очевидцевъ. Одно изъ правилъ Наполеоновыхъ войнъ заключалось въ томъ, чтобы войска продовольствовались на счетъ страны, съ которою онъ воевалъ. Грабежъ для его солдатъ представлялся неизбѣжнымъ условіемъ войны, и онъ не только не ограничивалъ, но поощрялъ его [19]). Поэтому приведенныя черты особенно замѣчательны и могутъ быть объяснены свойствами Французскаго народа, какъ и объясняли Москвичи, различая *настоящихъ* по ихъ выраженію Французовъ отъ ихъ союзниковъ, а отчасти и тѣмъ, что въ его войскахъ было много новобранцевъ, еще не свыкшихся съ нравами Наполеоновыхъ войскъ.

Общія бѣдствія и несчастія могли соединить страдавшихъ Москвичей *какъ бы въ одну семью*, по выраженію современныхъ сказаній; но неужели рядомъ съ ними не было дурныхъ людей, готовыхъ также поживиться чужимъ добромъ въ такое время, когда понятія о правѣ собственности и личной безопасности не имѣли значенія? Въ нисшихъ слояхъ народонаселенія большихъ городовъ бываетъ значительное количество негодныхъ людей, готовыхъ на преступныя дѣйствія. Между тѣмъ эти-то именно слои населенія и оставались по преимуществу въ Москвѣ во время занятія ея непріятелемъ. Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ, образованнымъ и достаточнымъ слоямъ общества, осталось въ Москвѣ весьма немного, случайно захваченныхъ въ расплохъ нашествіемъ. Но бѣдность, недостатокъ средствъ, многочисленныя семейства, преимущественно духовнаго званія, удержали въ Москвѣ многихъ. Тогдашнее населеніе Москвы состояло изъ значительнаго количества крѣпостныхъ дворовыхъ людей при домахъ помѣщиковъ, еще съ начала весны выѣхавшихъ въ деревни, или обучавшихся разнымъ мастерствамъ, изъ небогатыхъ купцовъ и бѣдныхъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Самое общественное

---

[18]) Воспоминанія очевидца о пребыв. Французовъ въ Москвѣ въ 1812 г. Отд. 2, гл. 17, стр. 169—171.

[19]) Lanfrey, Hist. de Napoléon, т. V, стр. 342 и слѣд.

положеніе этихъ лицъ, между которыми конечно было много и хорошихъ людей, не давало ручательства за всѣхъ и каждаго изъ нихъ въ нравственномъ отношеніи. Неужели-та буйная и пьяная толпа, которая таскала по улицамъ тѣло несчастнаго Верещагина, которая вздумала защищать Кремль отъ непріятеля и едва не подвергла величайшей опасности нашъ арріергардъ, не успѣвшій еще окончательно выступить изъ Москвы, не состояла большею частію изъ такихъ людей, которые, при всеобщемъ грабежѣ непріятелей, не приняли бы въ немъ сами участія? Неужели только что прошедшее черезъ Москву многочисленное войско не оставило за собою хотя нѣсколькихъ мародеровъ, когда сами лавочники приглашали ихъ брать товаръ, чтобы онъ не достался непріятелямъ? Но если къ этому присоединить обитательницъ такъ называемыхъ домовъ терпимости и преступниковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что были въ Москвѣ и свои грабители. Народная память, отозвавшаяся безпристрастно о непріятеляхъ, съ тѣмъ же безпристрастіемъ отнеслась и къ своимъ. Грабившіе непріятели страшными пытками вынуждали жителей указывать имъ, гдѣ были зарыты или спрятаны имущества церквей, монастырей и частныхъ собственниковъ. Нѣкоторые, не выдержавъ мученій, указывали потаенныя мѣста; но находились и такіе, которые или добровольно указывали ихъ въ надеждѣ на то, что непріятели подѣлятся съ ними добычею, или сами выкрадывали имущество, если знали, гдѣ оно скрыто. Одна изъ свидѣтельницъ событій, дворовая женщина Соймоновыхъ, разсказываетъ, что имущество было скрыто въ кладовой, нарочно перегороженной каменною стѣною до потолка. „Барскіе сундуки, бѣлье, вещи разныя, чего-чего тамъ не было! Поверхъ и наше все имущество поклали, а стѣна все выше да выше поднимается. Стали туда уже бросать сверху перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршинъ стѣна была не доложена; вдругъ изъ сосѣдняго дома знакомый человѣкъ заглянулъ въ кладовую и сталъ упрашивать, чтобы мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякаго хламу, не стȯило бы и прятать, да вѣдь всякому своего жалко; какъ не помочь въ бѣдѣ: вѣдь и намъ самимъ добрые люди помогали. Мы на него понадѣялись, что онъ останется благодаренъ. Стѣну доложили до верха, немного позамазали, а то всякому въ глаза бросится, что новая. Въ переднюю кладовую натаскали того чтȯ было похуже и набили биткомъ; пожалуй, молъ, ломай да таскай, Французъ окаянный!“ Въ надеждѣ сохранить имущество, большая часть дворовыхъ удалились по господскимъ деревнямъ; но по возвращеніи оказалось, что каменная стѣна не спасла, и все было разграблено. „Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего, продолжаетъ разсказщица; я всплеснула руками, да какъ взвою; стала припоминать, чтȯ я сама запрятала, и Французовъ-то принялась честить по своему. А какъ я только узнала, вытаскали не Французы, а наши Русскіе! Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ жилъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ Французами жить было очень хорошо; они жили тихо, смирно, ни-

кого не обижали, только иногда пошлютъ имъ что нибудь принести; и мальчишки наши тоже у нихъ были на посылкахъ. А когда добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ. Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ, который упросилъ насъ къ намъ его добро спрятать“ [20]).—На третій день послѣ вступленія непріятеля въ Москву, 4-го Сентября, когда пожаръ Замоскворѣчья и за Яузою достигъ наибольшей силы, дворовые люди изъ дома Баташева вышли въ поле. „Здѣсь къ ужасу (разсказываетъ одинъ изъ нихъ) усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ Русскихъ солдатъ или мародеровъ и послѣ узнали, что они жили грабежемъ проходящихъ; однако какъ насъ было много, то и не смѣли до ночи насъ грабить. Мы, отдѣлясь отъ всѣхъ и посадивъ въ гряды капусты дѣтей и женъ, стояли вокругъ ихъ на караулѣ и черезъ четверть часа услыхали стонущаго человѣка за сто шаговъ отъ насъ. Часть нашихъ ребятъ туда побѣжали и увидали, что Русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволенія отомстить убійцамъ. Я, прибавивъ къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывавшимся разбойникамъ. Мы нашли 12 человѣкъ, лежавшихъ въ травѣ и въ кустахъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же были и тѣ самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили въ дубье, и мнимо-раненые вскочили, хотѣли бѣжать, но были жестоко прибиты. Послѣ поля сраженія, мы нашли въ водѣ поросшей осокою разнаго платья и прочихъ вещей, награбленныхъ разбойниками, воза два. Изъ числа этой добычи капоты и сюртуки достались и нашимъ побѣдителямъ“ [21]).

Особаго рода воровствомъ и грабежемъ занимались въ это время старообрядцы и раскольники, преимущественно безпоповцы Преображенскаго кладбища. По слухамъ о приближеніи непріятелей, они заблаговременно приняли свои мѣры, отправивъ всѣ капиталы, драгоцѣнности и 250 женщинъ и дѣвокъ подъ надзоромъ настоятелей и наставниковъ въ село Ивановское Владимірской губерніи. Оставался попечитель Никифоровъ и нѣсколько другихъ мущинъ и дѣвокъ. Сохранилось преданіе, что въ первый день вступленія Французовъ они отправили отъ себя депутатовъ въ Кремль съ подарками и напередъ приготовленнымъ переводчикомъ, которому поручалось объяснить, что они составляютъ общество *древнихъ* христіанъ, угнетаемое правительствомъ, но имѣющее по всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь Русскій народъ. Покоряясь Наполеону и признавая его власть, они просили оградить ихъ монастырь отъ грабежа и насилій. Есть также преданіе, что Наполеонъ посѣтилъ Преображенское кладбище

---

[20]) Русскій Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0198—0206. Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 84, 101 и слѣд.; Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 36.

[21]) Письмо Сокова къ Баташеву, Р. Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0222—0223.

съ Неаполитанскимъ королемъ и свитою, и старики, подъ предводительствомъ ихъ попечителя Алексѣя Никифорова, поднесли ему хлѣбъ-соль.

Трудно сказать, вполнѣ ли справедливо это преданіе или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ извѣстно то, что уже 2-го Сентября Преображенское кладбище получило охранную стражу и во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ пользовалось спокойствіемъ и безопасностью. Но старообрядцы сами себя обрекали на опасную дѣятельность, похищая древнія иконы изъ Московскихъ храмовъ. Изъ Срѣтенскаго монастыря всѣ такія иконы были выкрадены, и нѣкоторыя даже изъ Успенскаго собора, какъ напр. икона Іерусалимской Божіей Матери. Претерпѣвая побои отъ непріятелей, перетаскивая на себѣ возлагаемыя на нихъ тяжести, они выкрадывали иконы изъ приходскихъ церквей, пробирались даже въ опустѣлые дома частныхъ лицъ, въ которыхъ находились древнія иконы. Иногда за кусокъ хлѣба они покупали церковныя утвари у голодавшихъ непріятелей. Извѣстія объ ихъ дѣйствіяхъ доходили и до Владиміра, гдѣ находился въ это время графъ Ростопчинъ. А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ своей супругѣ, говоря о тѣхъ Русскихъ, которые рѣшились принять должности въ устроенномъ императоромъ Наполеономъ городскомъ управленіи и называя ихъ измѣнниками, прибавляетъ: „раскольники играютъ во всемъ этомъ важную роль“ [22]).

Эти воры не имѣли однакоже ничего общаго съ тѣми, на которыхъ жаловались жители Москвы. Но и вообще грабежъ своихъ Русскихъ негодяевъ конечно ничего не значилъ въ сравненіи съ грабежемъ непріятелей. Во всякомъ случаѣ ихъ было незначительное количество, въ отношеніи къ стотысячной арміи, систематически грабившей столицу, и при томъ немногимъ изъ нихъ конечно удалось воспользоваться имуществомъ своихъ соотечественниковъ. Ихъ въ свой чередъ грабили непріятели, да притомъ вскорѣ и нечего было грабить у несчастныхъ обывателей Москвы. Приходилось уже красть у самихъ грабителей; но это сопряжено было съ большими опасностями, на которыя могли рѣшиться только отчаянные преступники. Нашлись и такіе. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что его семейство, скрывавшееся въ одномъ изъ храмовъ, не имѣло пищи нѣсколько дней. Они спасли оставленную среди пожара дѣвочку лѣтъ трехъ; она томилась голодомъ и просила хлѣба, котораго не было ни у кого изъ укрывавшихся въ этой церкви. „Женщины, сочувствуя естественному требованію ребенка и сами не имѣя чѣмъ удовлетворить голодъ, плакали. Я, говоритъ очевидецъ, терзаемый страданіями невиннаго ребенка, вызвался оты-

[22]) Преданія о Москов. безпоповщинцахъ, ч. І. Θедосѣевцы (рукоп); Письмо Булгакова изъ Владиміра 19 Окт. 1812 г. Русск. Архивъ 1866 г. № 5, стр. 705; Извѣстія изъ Москвы отъ 18 Сент. 1812 г., Русск. Архивъ 1864 г., стр. 789; Письмо графа Ростопчина къ Императору изъ Владиміра 1-го Окт. 1812 г.: Les raskolniks jouissent de sa (т. е. Наполеона) protection, et j'ai la note des maisons qui sont sous la sauve-garde des Français.

скать пищи, во что́ бы то ни стало“. Бродя по пожарищамъ и заглядывая въ каждый погребъ, онъ находилъ кадки съ кислой капустой, огурцами, соленой рыбой и солониной; но ничего не попадалось ему, чѣмъ бы можно утолить голодъ ребенка. Вдругъ онъ увидалъ изъ отверстія свода рыжую полуобритую голову и услышалъ слова: „Мальчишка! Я давно на тебя смотрю, за чѣмъ ты заглядываешь въ каждую яму? Не отыскиваешь ли зарытый кладъ?“ Испуганный юноша хотѣлъ было бѣжать; но рыжая голова продолжала: „Не бойся, я не чертъ, а такой же человѣкъ, какъ ты. Чего ты ищешь?“ — На отвѣтъ юноши, что онъ ищетъ пищи для голоднаго ребенка, онъ сказалъ, опускаясь въ подвалъ: „Давно бы, чертенокъ, такъ и сказалъ; полѣзай за мной въ подвалъ: у насъ много съѣстнаго“. Собственный голодъ, а еще болѣе желаніе найти пищу для ребенка, заставили воспользоваться приглашеніемъ. Спустясь по лѣстницѣ, юноша очутился въ обширномъ подвалѣ, освѣщенномъ толстыми восковыми свѣчами (церковными). По одной сторонѣ около стѣнъ стоялъ длинный рядъ кадокъ съ разными припасами, по другой нѣсколько банокъ съ вареньями и множество бутылокъ съ винами. По срединѣ подвала кучею навалено было мужское и женское платье, куски разныхъ матерій, бархаты, атласы, парчи; на разосланныхъ рогожахъ блестѣли золотая и серебряная посуда и церковная утварь, украшенная драгоцѣнными каменьями. Въ углахъ, на красныхъ сафьянныхъ матрацахъ и шелковыхъ подушкахъ, небрежно развалясь, лежали шесть мужиковъ съ полубритыми головами, въ сѣрыхъ зипунахъ, подпоясанные веревками; у нихъ въ головахъ были ружья, сабли, кинжалы и другое оружіе. Они сурово взглянули, приподнявъ головы, на своего гостя. „Гараська, спросилъ одинъ изъ нихъ того, кто пригласилъ мальчика въ ихъ подвалъ, развѣ онъ изъ нашихъ острожныхъ карманниковъ?“—„Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, это бѣдный мальчикъ проситъ пищи голодному ребенку; такъ я посулилъ дать“. — „А что, Гараська, продолжалъ его собесѣдникъ, я вижу, что Французы наводятъ и тебя на путь добродѣтели; и ты начинаешь помогать ближнему, принимаешься за благочестивыя дѣла. Ты придумалъ, товарищъ, дѣло хорошее; пора вспомнить и намъ о своей душѣ; не все же рѣзать какъ барановъ своихъ православныхъ; пришло, братъ, время поработать надъ заморскими гостями. Я знаю, у тебя рука не дрогнетъ перехватить ножемъ непріятельское горло, или знаешь эдакъ“... Онъ поднялъ въ верхъ кулакъ и крѣпко ударилъ имъ о ладонь другой руки.... „Понимаешь покороче... Помнишь острожную поговорку: дать нахлобучку въ темя кистенемъ!“ „Эхъ Филька, отвѣчалъ рыжій мужикъ, не я бы слушалъ, не ты бы говорилъ. Вотъ у тебя безгрѣшнаго за добрыя дѣла и ноздри-то вырваны и штемпеля-то поставлены, чтобы не пропалъ; да я, братъ, молчу и зубы-то не точу, не разсказываю, что ты бѣжалъ изъ Сибири съ каторжной работы. Дурачина, самъ разсуди, въ теперешнее время грѣшно своему брату Русскому отказывать въ пищѣ; гдѣ онъ ее сыщетъ? И украсть-то негдѣ, все сожжено и разграблено; я сколько разъ на себѣ испыталъ, что голодъ не тетка“.

Мы передаемъ этотъ разговоръ словами самаго очевидца-разсказщика. Конечно, записывая свои воспоминанія много лѣтъ спустя, онъ не могъ до слова припомнить рѣчи острожниковъ; но 14 лѣтній, довольно образованный юноша, не могъ и забыть общій смыслъ и свойство этихъ рѣчей. Впечатлѣніе этой встрѣчи было слишкомъ сильно и не могло изгладиться изъ памяти. Рыжій мужикъ вынулъ изъ ящика сайку и, пододвинувъ банку варенья, сказалъ ему: „Мальчикъ, обмакивай да уписывай; сперва самъ наѣдайся досыта, а потомъ дамъ пищи и ребенку". Но „я смекнулъ, говоритъ этотъ разсказчикъ, что нахожусь въ гостяхъ у выпущенныхъ изъ острога колодниковъ. Эта мысль привела меня въ содроганіе. Я отъ страха стоялъ неподвижно и ничего не ѣлъ. Одинъ изъ колодниковъ, высокій, здоровый малый, замѣтивъ, что я дрожу отъ страха, ласково спросилъ: „Мальчикъ, почему ты не ѣшь? Или кусокъ въ горло нейдетъ, смотря на наши красивыя рожи! Ѣшь, братъ, благословясь, не церемонься и говори спасибо не намъ, а Французамъ: они надѣлили насъ всякимъ довольствомъ; по милости ихъ и выпущены мы изъ острога; а то быть бы намъ въ Сибири, кому на поселеньи, а кто подостойнѣе, и въ каторжной работѣ. Принимайся-ка, мальчуганъ, за работу, набивай скорѣй мамонъ, да и маршъ вонъ!" Голодъ пересилилъ страхъ, и юноша съ жадностью принялся за сайку съ вареньемъ, слушая, какъ острожники хвастались своими подвигами. „Цапля, говорилъ одинъ изъ нихъ, разскажи, какъ ты вчера воровалъ у Французовъ награбленное церковное серебро." Цапля отвѣчалъ, самодовольно улыбаясь: „Я прежде думалъ, что Французы народъ *полированный*, ловкій, а потому отличнѣйшіе воры; не тутъ-то было: оказались пошлые дураки, олухи. Наши острожные мальчишки-карманники много разъ ихъ хитрѣе и ловчѣе: не только очистятъ ихъ карманы, но съ ногъ скинутъ сапоги, а они не догадаются. Умора, какія вчера творили глупости міродеры! Изъ церквей награбятъ драгоцѣнныхъ вещей, положатъ въ фуры, не оставятъ караула и уйдутъ за другими вещами; а я и тутъ! Цапну что получше, да и маршъ въ какой нибудь близкій отъ того мѣста обгорѣлый погребъ и выглядываю оттуда. Они еще что нибудь вынесутъ, положатъ и снова уйдутъ; а я опять хвачу да и тягу. Такъ я нѣсколько разъ прикладывался къ ихнимъ фурамъ. Видите, сколько натаскалъ добра; есть на что полюбоваться и есть на что повеселиться".

Утоливъ голодъ и желая поскорѣе выбраться изъ этой берлоги, юноша началъ кланяться и благодарить за угощенье. Рыжій острожникъ далъ ему еще сайку и булку съ вареньемъ. „Снеси это голодному ребенку, говорилъ онъ, а выйдетъ провизія, еще дамъ, опять приходи; но только смотри никому не сказывай объ насъ, ни о подвалѣ, а то братъ угощу вотъ чѣмъ". Онъ вынулъ изъ за пазухи длинный и широкій ножъ и сказалъ ему: „Если забудешь мѣсто нашего подвала, то ходи по этому пожарищу и посвистывай: я тотчасъ отворю. Теперь ступай домой, береги съѣстное, а то какъ разъ отнимутъ непріятели: они сами голодны, какъ собаки. Ну маршъ!" Онъ поднялъ шестомъ творило, и юноша живо вы-

брался изъ подвала; но въ тотъ же день, желая накормить своего двоюроднаго брата, одннхъ лѣтъ съ нимъ, изнемогавшаго отъ голода, онъ снова побывалъ въ этомъ подвалѣ. Не находя спуска въ подвалъ, онъ ходилъ посвистывая по пожарищу, удивляя своего брата. „Кого чертъ принесъ?“ спросила, высунувшись изъ подвала, таже рыжая голова и, узнавъ знакомца, продолжала: „Такъ это ты посвистывалъ, пріятель, да еще и не одинъ!“ Кланяясь острожнику, юноша говорилъ, что онъ привелъ умирающаго отъ голода брата и Христа ради проситъ накормить его. „Слѣзайте проворнѣе, пострѣлята“, кричалъ изъ подвала острожникъ, когда испуганный такимъ неожиданнымъ явленіемъ новый посѣтитель не рѣшался идти въ подвалъ. Братъ насильно впихнулъ его туда.

Острожники были пьяны. „Ага, сказалъ одинъ изъ нихъ, здорово, мальчуганъ; скоренько къ намъ опять пожаловалъ: видно понравилось“. Кланяясь отвѣчалъ ему юноша: „Теперь я пришелъ не для себя, а для брата, который съ голоду едва стоитъ на ногахъ“. Острожникъ далъ ему два калача и банку варенья, говоря: „обработывай!“ „А какъ васъ зовутъ, сладкоѣшки?“ спросилъ онъ потомъ. На отвѣтъ: обоихъ Александрами, онъ запѣлъ: „ахъ вы Сашки-канашки, проголодалися дурашки!“ и началъ приплясывать, прищелкивая пальцами. Товарищи едва уняли его, забывшаго о присутствіи въ Москвѣ непріятелей.

Въ то время, какъ голодный мальчикъ ѣлъ калачи съ вареньемъ, одинъ изъ колодниковъ спросилъ другаго: „А ты что же безъ дѣла стоишь, не работаешь зубами“. „Я, отвѣчалъ тотъ, сытъ, давича по вашей милости наѣлся“. „Ты здѣсь въ Москвѣ что ли остался съ своимъ семействомъ?“ продолжалъ онъ съ нимъ разговоръ.—„Да, съ отцемъ, матерью и двумя братьями!“—„Французы, я чай, васъ ограбили до рубашки?“ На утвердительный знакъ головою онъ съ участіемъ посмотрѣлъ на него, вынулъ изъ за пазухи свертокъ, въ которомъ потомъ оказалось нѣсколько нитокъ жемчугу и подалъ его юношѣ, говоря: „Отнеси это матери“; потомъ изъ кармана плисовыхъ шароваръ вынулъ пукъ ассигнацій, выбралъ двѣ сторублевыхъ и подалъ также ему. „А это снеси отцу; хотя они теперь ничего не значатъ, но, можетъ быть, послѣ пригодятся“. Опустивъ руку въ другой карманъ, вынулъ горсть золотыхъ монетъ и, потряхивая ихъ на ладонѣ, говорилъ: „далъ бы тебѣ и *рыжиковъ*, да въ прокъ не пойдутъ; Французы отымутъ; они жадны къ золоту, какъ мухи къ меду“.

Такая неожиданная щедрость ободрила юношу, и онъ осмѣлился попросить пищи для своего семейства. Острожникъ навязалъ ему узелъ калачей, саекъ, вина и варенья и отдавая сказалъ: „Тащите ребята, только будьте осторожны, не накормите непріятелей“ [23]).

Приведенные разсказы, въ правдивости которыхъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться, разрѣшаютъ весьма важный вопросъ о томъ, находились ли въ составѣ населенія, остававшагося въ Москвѣ во

---

[23]) Воспоминанія очевидца (д-ра Рязанова), отд. 2-й, гл. 8 и 10-я.

время пребыванія въ ней непріятелей, колодники, выпущенные изъ острога.

Наполеонъ говорилъ въ своихъ извѣстіяхъ о дѣйствіяхъ великой арміи, что графъ Ростопчинъ выпустилъ изъ тюремъ до 3000 преступниковъ, вооружилъ ихъ и поручилъ имъ жечь городъ [24]). Графъ Ростопчинъ, въ письмѣ къ императору, оправдываясь въ убійствѣ Верещагина, говоритъ, что всѣ колодники изъ большой тюрьмы были съ 29 на 30 Августа, подъ военною охраною, отправлены въ Нижній Новгородъ. Верещагинъ и Мутонъ оставались въ другой тюрьмѣ, называемой *ямой* [25]). Возражая на 20-й бюллетень Наполеона, онъ говорилъ: „Что̀ касается до преступниковъ, употребленныхъ для зажигательства, то они находились тогда по крайней мѣрѣ на разстояніи 50 миль отъ Москвы, оставивши ее за четыре дня передъ тѣмъ" [26]). Тоже самое повторяетъ онъ въ своихъ запискахъ о 1812 годѣ. Таковы два совершенно одно другому противоположныя показанія, двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ случаѣ.

Конечно свидѣтельство извѣстій изъ великой арміи, писанныхъ со словъ Наполеона, не могли бы имѣть никакого историческаго значенія; но они основывались на показаніяхъ Французовъ и вообще иностранцевъ, остававшихся въ это время въ Москвѣ. Всѣ изъ нихъ, которые оставили письменныя объ этомъ времени воспоминанія, положительно увѣряютъ, что колодники были выпущены изъ тюремъ на свободу. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ графомъ Ростопчинымъ одному маіору Наполеоновской арміи, оставшемуся въ больницѣ послѣ ея выхода изъ Москвы, былъ слѣдующій: „Что̀ было главнѣйшей причиной ненависти Наполеона къ графу? Французская армія искренно ли раздѣляла эту ненависть, и почему?" На это маіоръ отвѣчалъ, что многіе иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ и особенно Французы, давно жившіе въ столицѣ, описывали графа Ростопчина въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. Они говорили, что онъ собственною властію выслалъ на баркахъ многихъ отцевъ семействъ, людей весьма почтенныхъ, между прочимъ своего повара, честнаго Француза; что наканунѣ вступленія въ Москву Французскихъ войскъ онъ самъ выпустилъ изъ тюремъ содержавшихся въ нихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ преступниковъ, выдалъ имъ оружіе и приказалъ имъ сжечь не только провіантскіе магазины и амуничные склады, но даже всѣ дома, въ которыхъ Французы могли что нибудь найти; наконецъ, что онъ приказалъ убить въ своихъ глазахъ однаго честнаго и благороднаго юношу, что-то написавшаго о Французской арміи. Иные говорили даже, что онъ самъ нанесъ ему первый ударъ. Однимъ словомъ по ихъ разсказамъ графъ былъ сущій извергъ, жесточайшій изъ тирановъ. На основаніи этихъ разсказовъ была составлена

[24]) 19-me bulletin de la grande armée.

[25]) Письмо графа Ростопчина къ Императору 2-го Декабря 1812 г. изъ Москвы.

[26]) La vérité sur l'incendie въ соч. гр. Ростоп., изд. Смирд., стр. 237 и 285.

подробная записка о его злодѣяніяхъ и сообщена была всѣмъ генераламъ и начальникамъ отдѣльныхъ частей. Съ описаніемъ въ той же запискѣ примѣтъ графа Ростопчина, имъ данъ былъ строгій приказъ схватить его, если онъ попадется въ руки Французскому авангарду и держать его подъ строгимъ надзоромъ. „Послѣ тѣхъ ужасовъ, которые разсказывали о графѣ, говорилъ полковникъ, неудивительно, что онъ сдѣлался предметомъ ненависти у большей части офицеровъ и солдатъ“. Что-же касается до Наполеона, „ненависть его къ нему происходила отъ того, что онъ оказалъ ему сопротивленіе и, вопреки его ожиданіямъ, не вышелъ встрѣчать его съ ключами города, какъ это было въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Поэтому онъ ежедневно отзывался о немъ съ самой дурной стороны“ [27]).

Въ показаніи маіора въ сокращенномъ видѣ изложено именно то, что̀ описали въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторые иностранцы съ бо̀льшими подробностями [28]). Конечно образъ дѣйствій графа Ростопчина не могъ расположить къ нему иностранцевъ, находившихся въ Москвѣ и тѣмъ болѣе Французовъ. Ихъ ненависть къ нему весьма понятна, точно также какъ и опасенія за свою судьбу. Уже давно носился между ними грозный слухъ, что Москва будетъ сожжена, если не представится возможнымъ защитить ее отъ непріятеля и что всѣ иностранцы сдѣлаются жертвами разъяренной черни.

„Около 10 часовъ утра, 2-го Сентября, говоритъ одинъ изъ нихъ, городъ, почти совершенно оставленный жителями, представлялъ обширную пустыню. За шумомъ, сопровождавшимъ выходъ Русскихъ войскъ, наступила ужасающая тишина, которая, казалось, предвѣстницею бѣдствій. Разсказывали, что отпертъ арсеналъ и растаскиваютъ оружіе, что вышедшіе изъ тюремъ преступники вмѣстѣ съ толпою народа вооружаются. Погреба и кабаки еще къ вечеру были разбиты, вино текло ручьями по улицамъ. Какое чувство ужаса испытывали иностранцы и мирные граждане, оставшіеся въ Москвѣ, думая, что̀ можетъ ожидать ихъ въ городѣ безъ полиціи, безъ всякой власти, гдѣ свободно могли дѣйствовать преступники, вышедшіе изъ тюремъ“ [29]). Запираясь въ своихъ домахъ, они съ ужасомъ прислушивались къ каждому звуку. Такое положеніе иностранцевъ можетъ возбудить сомнѣніе и недовѣріе къ ихъ показаніямъ: испуганное воображеніе могло создавать небывалыя опасности. Такъ и было дѣйствительно. Ихъ опасенія въ отношеніи вообще къ Русскому народу были не основательны; но что̀ касается показаній о преступникахъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, то они подтверждаются какъ приведенными уже разсказами очевидцевъ Русскихъ, такъ и слѣдующими словами, записанными въ памятной книжкѣ А. Я. Булгакова, бывшаго въ то время чинов-

---

[27]) Русскій Архивъ 1864 г., изд. 2-е, стр. 807 и 816.

[28]) Domergue, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 33 и слѣд.; Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 12; B—ch, Hist de la destruction de Moscou, стр. 68 и слѣд.

[29]) Surrugues, Lettres etc., стр. 14—15; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 5—8.

никомъ при графѣ Ростопчинѣ и совершенно преданнаго ему человѣка. Въ Субботу 31 Августа Булгаковъ выѣхалъ изъ Москвы въ подмосковную, чтобы поторопить свое семейство ѣхать въ болѣе отдаленную отъ столицы деревню. Сентября 2-го, говоритъ онъ, „выѣхалъ въ Москву въ телѣгѣ. Въ 5-ть часовъ пополудни подъѣзжаю къ ней. Картина бѣглецовъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ повозкахъ. Чтó мнѣ говорятъ, я не вѣрю; ѣду далѣе. У заставы нѣтъ никого. Кабакъ разбитъ. Изъ острога колодники бѣгутъ: ихъ выпустили, или они сами поломали замки́... Противъ (дома) Пушкина убиваютъ солдаты наши лавочника. Ѣду по Басманной. Ужасная картина! Грабежъ вездѣ ранеными и мародерами. Мнѣ говорятъ, что Французы уже въ Кремлѣ“.

Послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы генералъ Иловайскій, донося о состояніи столицы графу Ростопчину во Владимірѣ, между прочимъ писалъ, что въ теченіи двухъ дней переловлено болѣе 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенныхъ изъ острога преступниковъ, изъ которыхъ семь человѣкъ схвачены лейбъ-казачьимъ разъѣздомъ, противъ коего они стрѣляли изъ ружей, и нѣсколько пойманы въ святотатствѣ и убійствѣ; а за бѣжавшими и грабящими вокругъ города посланы разъѣзды“ [30]).

Эти свидѣтельства едва-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, находились-ли въ Москвѣ въ это время выпущенные изъ тюремъ преступники; а присутствіе подобнаго разряда людей конечно не могло не страшить иностранцевъ. Если общее бѣдствіе, постигшее мирныхъ жителей Москвы, и могло пробудить въ нихъ чувства состраданія къ своимъ соплеменникамъ; то едва ли они могли отнестись съ тѣмъ же чувствомъ къ иностранцамъ и особенно Французамъ, которымъ непріятели во всякомъ случаѣ оказывали болѣе покровительства, нежели Русскимъ.

Что же касается до свидѣтельства графа Ростопчина, то его можно объяснить только тѣмъ, что его приказаніе, данное въ самые послѣдніе дни передъ вступленіемъ непріятеля, не было исполнено, по крайней мѣрѣ вполнѣ, и часть острожниковъ не была выслана въ послѣдовавшее затѣмъ общее смятеніе въ первый день Сентября 1812 года.

---

[30]) Рапортъ ген.-маіора Иловайскаго гр. Ростопчину 16-го Окт. 1812 г. изъ Москвы; Записки Булгакова, Русс. Архивъ 1866 г. № 5, стр. 696; письмо Лунина 18 Сент. 1812 г. (Русск. Старина 1873 г., № 12, стр. 992).

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ЗЕНФТА *).

IV.

Мы имѣли цѣлью слегка очертить лица, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ближе и знаменательнѣе связываются съ именемъ императора Александра. Эти лица имѣли свое временное значеніе и свой кругъ дѣйствія; потомъ они сходили со сцены, иногда безъ причины извѣстной и явно оправданной. Можно было приписывать подобныя возвышенія и паденія одному непостоянству Государя и прихотямъ личнаго и безотвѣтственнаго произвола. Мы старались, по крайнему разумѣнію нашему и по совѣсти, если не вполнѣ оправдать, то объяснить эти перемѣны личностей, а съ ними иногда и перемѣну въ самомъ политическомъ направленіи. Молодая публицистика, догматическая, такъ сказать школярная, выше всего дорожитъ теоріею. Событія цѣнитъ она дешево. А когда встрѣчаетъ ихъ на пути и обойти не можетъ, то пригибаетъ ихъ такъ, чтобы они уложились въ теорію, которая составляетъ вѣру, законъ и единственное міровоззрѣніе новѣйшихъ историковъ. Внѣ этой теоріи они, какъ слѣпые, бродятъ въ потемкахъ. Не осмѣливаемся присвоивать себѣ ни званіе, ни права̀ публициста. Но позволимъ себѣ сказать, въ пользу свою, что имѣемъ нѣкоторыя данныя и задатки, намъ принадлежащіе. Во первыхъ, по складу понятій нашихъ, по независимости мыслей нашихъ, мы ни къ какой теоріи и ни къ какому толку (ученію, расколу) не приписаны, не закрѣпощены. Далѣе: годами нажили мы практику жизни. Если и не имѣли мы особеннаго, личнаго дѣйствія въ общественныхъ дѣлахъ, если были мы скорѣе седьмою спицею въ колесницѣ, то могли, покрайней мѣрѣ видѣть вблизи, какъ и чѣмъ вертятся колеса. Общественнымъ положеніемъ нашимъ, обстоятельствами, мы могли, такъ сказать, потереться около дѣлъ и дѣятелей. Насъ жизнь чему нибудь да научила; мы что нибудь узнали. А молодая публицистика такъ сложена, что она ничего не знаетъ и ничего знать не можетъ. При всемъ блестящемъ дарованіи своемъ, она можетъ только умствовать. Она загадываетъ, поэтизируетъ, гипотезничаетъ. Мы же можемъ похвалиться тѣмъ, что кое-что видѣли и кое-кого слышали.

На основаніи этихъ соображеній, къ прежнимъ главамъ хотимъ еще прибавить нѣкоторыя черты, путевыя впечатлѣнія, плоды странствованія нашего по области минувшаго, которое было, въ свое время, и нашимъ настоящимъ. Можетъ быть, эти впечатлѣнія, какъ ни поверхностны они, послужатъ къ лучшему пониманію характера Александра и положенія современной ему Европы. Мы, можетъ быть, войдемъ въ нѣкоторыя повторенія уже сказаннаго нами; но эти повторенія сами собою на насъ навязываются. Надѣемся на снисходительность и терпѣніе читателя.

---

*) См. выше, стр. 362.

V.

Не входя въ изслѣдованіе всего царствованія Александра, скажемъ, что особенно послѣднее десятилѣтіе его возбуждаетъ въ печати строгія сужденія. Но совершенно-ли они, то есть безусловно-ли они вѣрны? Не думаемъ. По теоріи, строгіе цѣнители, можетъ быть, и правы; но, если призвать дѣйствительность, то вѣроятно многія обвиненія падутъ сами собою. Невзгоды, разразившіяся надъ Россіею въ 1812 г., не могутъ быть отнесены къ событіямъ частнымъ, отдѣльнымъ. Нашествіе на Россію было событіе Европейское, едва-ли не міровое. Страданія, бѣдствія народа, во время войны, пожертвованія, великодушно имъ принесенныя, счастливое искупленіе, нечаянно и скоро совершившійся поворотъ, превратившій бѣдствія въ успѣхъ и въ народное торжество, имѣли цѣлью не только обезпеченіе независимости Русскаго государства, но и умиротвореніе и спасеніе Европы. Нужно было этой-же Россіи сорвать съ Европы тяготѣвшее на ней революціонное ярмо, прикрытое деспотическою властью. Не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ, какъ императоръ, былъ ничто иное, какъ воплощеніе, олицетвореніе и *оцарствореніе* революціоннаго начала. Онъ былъ равно страшенъ и царямъ, и народамъ. Кто не жилъ въ эту эпоху, тотъ знать не можетъ, догадаться не можетъ, какъ душно было жить въ это время. Судьба каждаго государства, почти каждаго лица, болѣе или менѣе, такъ или иначе, не сегодня, такъ завтра, зависѣла отъ прихотей Тюльерійскаго кабинета, или отъ боевыхъ распоряженій Наполеоновской главной квартиры. Всѣ были какъ подъ страхомъ землетрясенія или изверженія огнедышущей горы. Вся Европа задыхалась отъ этого страха. Никто не могъ ни дѣйствовать, ни дышать свободно. Александръ рѣшился обуздать, сокрушить беззаконную силу, всѣмъ и всѣми овладѣвшую. Въ походѣ своемъ отъ Русскихъ границъ до Парижа онъ неуклонно шелъ путемъ, который велъ къ этой цѣли; дорòгою освобождалъ онъ и вербовалъ подъ знамя свое правительства и народы, еще на канунѣ раболѣпно подчиненные чуждой власти. Александръ былъ вождемъ, связью и душою союза, который долженъ былъ совершить великое и святое дѣло избавленія и праведнаго возмездія. Кругóмъ его возникали робкія сомнѣнія и колебанія, прорывались личные расчеты: онъ отклонялъ тѣ и другіе. Часто подозрѣваемый въ недостаткѣ твердости, въ шаткости убѣжденій, онъ въ эти торжественные и нелишенные опасностей дни, явилъ въ себѣ волю непреклонную, всѣ препятствія и всѣ тайные помыслы превозмогающую. Какъ ни старайся скептическая, а болѣе всего мѣщанская и будничная исторіографія понизить величавость исторіи и стереть съ нея блескъ поэтической дѣйствительности, все-же не успѣетъ она въ своемъ иконоборствѣ. Народная любовь сохранитъ иконы и праздники свои. Она съ гордостью будетъ помнить и перечитывать нѣкоторыя праздничныя и эпическія страницы бытописанія своего. Чтò ни говóри, но Александръ вплелъ такую яркую и незабвенную страницу въ нашу народную исторію.

Когда поле битвы очистилось, когда палъ исполинскій боецъ, нужно было приступить къ мѣропріятіямъ, обезпечивающимъ одержанную побѣду. Европа была насильственно перетасована рукою счастливаго и не всегда добросовѣстнаго игрока. Нужно было возстановить болѣе правильный и законный порядокъ въ политической игрѣ. Европа, послѣ волненій и крушеній, господствовавшихъ надъ нею во время двадцатипятилѣтней бури, прежде всего нуждалась въ отдыхѣ, въ покоѣ. Улучшенія могли быть въ виду, впереди. На первый разъ самое спокойствіе было уже улучшеніе. Собранъ былъ Вѣнскій Конгрессъ. Александръ является и здѣсь первозваннымъ и верховнымъ лицемъ. Всѣ-ли постановленія и мѣры, принятыя симъ высшимъ вселенскимъ политическимъ соборомъ, были безупречны и освящены политическою мудростью? Нечего и спрашивать: разумѣется, не всѣ. Были и ошибочныя, и особенно непрозорливыя. Но не слѣдуетъ забывать, что въ теченіи многихъ лѣтъ, акты Вѣнскаго Конгресса были охранительными граматами Европейскаго, если не благоденствія, то спокойствія. Слышны были здѣсь и тамъ пререканія, слышны были частные взрывы; но не было Европейской войны. Промышленность, торговля, мирныя завоеванія науки развивались на пути преуспѣянія. Не всѣмъ было хорошо, потому что всѣмъ хорошо быть не можетъ; но вообще эра, наступившая послѣ паденія Наполеона и подготовленная Вѣнскимъ Конгрессомъ, была эрою перемирія, была яснымъ днемъ послѣ ненастныхъ и грозныхъ дней недавняго минувшаго. Александръ могъ не безъ удовольствія смотрѣть на умиротворенную Европу, дѣло рукъ его, въ которое положилъ онъ такъ много воли своей, мужества и устойчивости. Могъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ гордиться и народомъ своимъ, который содѣйствовалъ ему своими наслѣдственными доблестями, христіанскимъ и великодушнымъ терпѣніемъ, самоотверженіемъ и смиреніемъ, доходящимъ до высшей степени геройства: не говоримъ уже о мужествѣ и храбрости въ бояхъ, какъ о свойствахъ обычныхъ и, такъ сказать, уже второстепенныхъ качествахъ Русской натуры. Во всякомъ случаѣ, Государь былъ основателемъ, такъ сказать, главнымъ отвѣтственнымъ издателемъ новаго уложенія, которому подчинилась Европа. Отвѣтственность, лежавшая на немъ, была не мнимая, не зауряднная, не *синекурная*. По совѣсти, по исторической обязанности долженъ онъ былъ блюсти, оберегать постановленія, которыя облекъ онъ въ законную и обязательную силу. Не говоримъ уже о прирожденной каждому человѣку наклонности самолюбиво охранять и отстаивать дѣло рукъ своихъ, особенно когда это дѣло совершено съ убѣжденіемъ и добросовѣстнымъ желаніемъ. Александръ долженъ былъ поставить себѣ цѣлью согласовать, по возможности, встрѣчаемыя противорѣчія и, болѣе или менѣе, своекорыстныя пререканія и требованія. Послѣ великихъ событій 13-го и 14-го года, Европа была ошеломлена, упоена освобожденіемъ своимъ. Ей нужно было осмотрѣться, одуматься. Она, избавясь отъ желѣзной опеки, вступала въ возрастъ совершеннолѣтія и личной независимости. Она, единогласно, единодушно праздновала сокрушеніе того,

что̀ было еще вчера; но не знала опредѣлительно, что придумать къ завтрашнему дню, какъ пристроить себя въ будущемъ. Конгрессъ былъ необходимъ для обмѣна мыслей, для умиренія злопамятныхъ оскорбленій съ одной стороны, съ другой для умиренія честолюбивыхъ помысловъ и непомѣрныхъ притязаній. Наконецъ многосложная махина была улажена и пущена въ ходъ, если не на всегда, то потому, что *всегда* слово не житейское и не земное: въ дѣлахъ человѣческихъ слово *всегда* замѣняется выраженіемъ *на время*.

Въ томъ-же направленіи и также по почину Александра, заключенъ былъ и такъ называемый Священный Союзъ. Во первыхъ былъ онъ задуманъ и созданъ вовсе не въ видахъ притѣсненія и порабощенія народовъ. Напротивъ, побужденіе, давшее жизнь ему и цѣль, къ которой онъ стремился, было предохраненіе отъ новыхъ переворотовъ, потрясеній, отъ новыхъ тяжкихъ жертвъ, отъ новой Европейской войны. Если и могъ онъ быть для кого нибудь угрозителенъ, то развѣ для одной Франціи: военными неудачами уязвленное ея самолюбіе, зародыши безпорядковъ и возмущеній, которые въ ней всегда таятся, могли требовать учрежденія надъ нею постояннаго и бдительнаго надзора. Но вообще Священный Союзъ имѣлъ въ виду оградить нравственное и постепенное развитіе, политическое и гражданское, государствъ и народовъ. Правильна пословица наша: худой миръ лучше доброй брани. Да худаго мира и быть не можетъ въ общемъ значеніи. Всякая война есть недугъ: она изнуряетъ народныя силы, отвлекаетъ ихъ отъ правильнаго внутренняго разработыванія. Вѣнскій Конгрессъ и Священный Союзъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ обезпечили и сохранили Европейскій миръ. Европа имъ воспользовалась матеріально и нравственно. Въ продолженіи времени и при разглашеніи новыхъ политическихъ софизмовъ ослабились, расшатались столбы, на которыхъ построено было новое зданіе: безпрерывныя войны снова ринулись на Европу. Что̀ выиграли отъ того народы? Еще увидимъ: отвѣтъ впереди.

Неопровержимымъ доказательствомъ, что въ Александрѣ не таилось желаніе противодѣйствовать законнымъ народнымъ стремленіямъ, на пути гражданскаго преуспѣянія, служатъ дѣйствія его въ Польшѣ. Главный распорядитель на Вѣнскомъ Конгрессѣ, основатель Священнаго Союза, немедленно по совершеніи этихъ актовъ, открываетъ сеймъ въ Варшавѣ. Онъ даруетъ Царству Польскому политическое *законносвободное* бытіе. Гдѣ-же тутъ искать Макіавелическихъ умышленій противъ народовъ? При первой возможности примѣнить къ дѣйствительности свои молодыя и возлюбленныя мечтанія, онъ принимается за дѣло. Побѣдитель, рѣшитель судебъ Европейскихъ, самодержецъ, онъ добровольно, съ душевнымъ увлеченіемъ, освящаетъ опытъ, съ надеждою распространить его и далѣе, если Промыслъ благословитъ благое начинаніе его. Давши примѣръ въ Польшѣ, разумѣется, не онъ воспротивился-бы тому, чтобы послѣдовали ему въ Пруссіи и Австріи. Много толковали о Священномъ Союзѣ, много поносили его и поносятъ до

нынѣ, а никому не пришло въ голову и въ совѣсть сопоставить одно предъ другимъ эти два явленія: Священный Союзъ и учрежденіе представительнаго правленія въ Польшѣ. Кажется, дѣло не трудное: оно само по себѣ на виду; но предубѣжденія, но страсти, пошлое повтореніе какихъ-то теоретическихъ суевѣрныхъ причитаній, затемняютъ здравый смыслъ и порождаютъ призраки, которые заслоняютъ собою жизнь и дѣйствительность.

Кажется, все нами здѣсь сказанное не гадательныя предположенія, не адвокатскія уловки и увертки, чтобы представить предосудительное умилительнымъ, а черное бѣлѣе сельной лиліи. Мы даже остерегались отъ натяжекъ. Событіямъ и лицамъ старались мы смотрѣть прямо въ глаза. Желаемъ, чтобы сказанное нами и соображенія наши были взвѣшены и оцѣнены исторіею, когда исторія будетъ истиннымъ гласомъ Божіимъ и народа, а не заносчивымъ памфлетомъ, по горячимъ, по мимоидущимъ вопросамъ и прихотямъ дня.

Нынѣ забываютъ, или отрицаютъ, но исторія вспомнитъ, что послѣ умиренія Европы, правительствамъ пришлось бороться съ другими опасностями. Наслѣдникомъ Наполеона явился духъ мятежа, духъ революціонный: изъ огня да въ полымя. На островѣ Св. Елены Наполеонъ пророчилъ, что будетъ такъ. И онъ не ошибся. Новой, возрожденной Европѣ, было не болѣе пяти-шести лѣтъ отъ роду, а смѣльчаки, которымъ нечего терять, а можетъ быть, что нибудь еще и попадется въ мутной и встревоженной водѣ, помышляли и пытались возбудить новые безпорядки. Съ одной стороны возставалъ духъ революціонный, демократическій; съ другой шевелился во Франціи духъ бонапартизма. Однимъ словомъ, здѣсь и тамъ возникали враждебныя силы, отъ которыхъ философически и равнодушно отнѣкиваться было невозможно. Онѣ нагло вызывали на бой; надобно было принять его, или преклониться предъ ними и сказать имъ: милости просимъ, дѣйствуйте, какъ знаете; а мы мѣсто вамъ уступаемъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, какъ разъ пришла нам на помощь и на подкрѣпленіе переписка гр. Ростопчина съ гр. С. Р. Воронцовымъ *). Эта книга въ высшей степени и по многимъ отношеніямъ любопытна. Рѣдко, со времени введенія печати въ Россіи, появлялась книга, столь животрепещущая, хотя относится она къ эпохамъ уже минувшимъ. Многое можно сказать о ней. Нынѣ ограничиваемся тѣмъ, что привѣтствуемъ ее какъ союзницу по нѣкоторымъ вопросамъ, нами возбужденнымъ. Этихъ двухъ государственныхъ мужей никакъ нельзя, какъ видимъ изъ переписки, подозрѣвать въ излишней и безусловной приверженности къ Александру. Оба чуть-ли не держатся на окраинѣ оппозиціи. Графъ Воронцовъ, Англійскій тори, можетъ быть, смотритъ иногда на событія и политику съ Англійской точки зрѣнія; но воспоминаніями, душою онъ чисто и глубоко Русскій человѣкъ, Русскій сановникъ,

---

*) Въ осьмой книгѣ Архива Князя Воронцова.

каковы бывали въ царствованіе императрицы Екатерины. Онъ хладнокровенъ, сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ. Онъ и въ оппозиціи все таки Англійскій тори, преданный правительственной власти и правиламъ законнаго порядка. Ростопчинъ, напротивъ, страстный, необузданный, недовольный, раздраженный, даетъ полную волю чувствамъ и словамъ своимъ. Онъ не столько членъ оппозиціи, сколько frondeur, заносчивый, ѣдкій. Рѣчь и перо его бритва: такъ и рѣжетъ. Остроумію его нѣтъ предѣла. Но и у того и другаго, у Ростопчина еще чаще, вырываются ноты, въ которыхъ такъ и отзывается, такъ и звенитъ чистая, глубокая любовь къ Россіи. Прочтите, что̀ пишутъ они о современномъ положеніи Европы, объ опасностяхъ ей угрожающихъ, о броженіи умовъ, о неминуемомъ взрывѣ, который долженъ снова взорвать Европу и прикрыть ее новыми обломками и развалинами. Одинъ въ Лондонѣ, другой въ Парижѣ могли удобно вглядѣться въ облака, которыя сгущались на горизонтѣ; могли вслушаться въ глухіе, вѣщіе голоса и шумы, которые рокотали подъ землею и въ воздухѣ. Они вовсе были не киевретами Меттерниха и Австрійской политики: напротивъ, были скорѣе враждебны имъ. А между тѣмъ и Меттернихъ, и Ростопчинъ, и Воронцовъ, и Александръ сходятся въ одномъ оптическомъ средоточіи. Слѣдовательно мнительность, опасенія Русскаго императора не были самовольныя и ему исключительно свойственныя немощи. Опасность была, и она разразилась. Тѣни, ею наброшенныя на Европейскую почву, еще не окончательно разсѣялись. Пятидесятилѣтній періодъ еще не могъ ихъ пережить. Франція все еще мерещится пугаломъ, которое не сегодня, такъ черезъ годъ, черезъ два, можетъ поднять всю Европу на ноги. Одни наши простосердечные публицисты думаютъ, что она, достигнувъ обѣтованнаго берега своего, то есть республики, уже окончательно утвердитъ якорь свой и будетъ блаженствовать. Одно только озабочиваетъ ихъ, что Макъ-Магонъ и Бюфе пока мало отпускаютъ Французамъ товара, то есть республики: не скупились-бы они, то-ли было-бы дѣло! А между тѣмъ, судьба Франціи будетъ еще долго переливаться изъ республики въ имперію, изъ имперіи въ анархію и въ республику. Испанія едва-ли не жалѣетъ о временахъ, когда конгрессы рѣшали участь ее, которую сама рѣшить она не умѣла. И если теперь по дѣламъ ея не созываютъ новаго конгресса, то развѣ по той-же причинѣ, по которой Богъ не послалъ на землю втораго потопа: онъ видѣлъ, сказалъ Шамфоръ, всю безполезность перваго. Италія, послѣ долговременныхъ судорогъ и корчей, наконецъ кое-какъ устроилась съ помощью чужихъ рукъ и чужихъ ружей и пушекъ. Но все это прочно-ли? Все это созиждено-ли на честныхъ основахъ? Чиста-ли работа? Нѣтъ-ли тутъ подспудныхъ лукавыхъ продѣлокъ, недостойныхъ доблестнаго подвига, когда народъ дорожитъ независимостью и хочетъ съ боя сорвать ее?

Впрочемъ это не наше дѣло и до статьи нашей не относится. Мы пишемъ не о настоящемъ и не о будущемъ. Статья наша посвящена минувшему. Мы хотѣли, между прочимъ, доказать, что

послѣ долгаго владычества Наполеона и сверженія его, Вѣнскій Конгрессъ былъ нуженъ; что каковъ онъ ни былъ, но много лѣтъ былъ онъ охранителемъ мира въ Европѣ. А болѣе всего хотѣли мы доказать, что Александръ, главное лице въ этомъ конгрессѣ, былъ и долженъ былъ быть блюстителемъ постановленій, которыя вошли въ политическій кодексъ Европы. Отступая отъ нихъ, или измѣняя имъ, онъ не былъ-бы вѣренъ самъ себѣ.

VI.

Приписка. Прочитавъ статью свою, мы замѣтили въ ней довольно значительный пробѣлъ. Увертываться нечего; нужно восполнить его. Въ исчисленіи *личныхъ сочувствій* Александра, людей которыхъ онъ приближалъ къ себѣ, мы не упомянули одного имени; а это имя утаить нельзя, тѣмъ болѣе, что оно громко само возглашаетъ себя. Послѣ вышеупомянутыхъ личностей, болѣе или менѣе свѣтлыхъ, какъ-то странно, а во всякомъ случаѣ смѣло, выставить имя Аракчеева. Но, во первыхъ, мы смѣлости не страшимся; во вторыхъ, если-бы и промолчать, то, переиначивая стихъ Сумарокова, могли-бы намъ сказать:

Молчишь: но не молчитъ Россія и весь свѣтъ *).

По мнѣнію многихъ, имя Аракчеева легло темною и долгою тѣнью на царствованіе и на свѣтлый образъ Александра. Ему прощаютъ и Чарторыйскаго, и Сперанскаго, но не хотятъ простить ему Аракчеева.

Точно былъ-ли онъ безусловно темная личность, безъ малѣйшаго проблеска свѣта? Неужели таки нѣтъ вовсе облегчающихъ обстоятельствъ, которыя могли-бы умилостивить приговоръ, уже заранѣе произнесенный надъ нимъ? Неужели нѣтъ возможности, хотя отчасти, оправдать Александра въ выборѣ и приближеніи къ себѣ такого человѣка, каковъ былъ Аракчеевъ? На всѣ эти вопросы отвѣчать положительно нельзя: вѣроятно рано. Соглашаться со всѣми обвиненіями недобросовѣстно, пока свѣтъ исторіи недостаточно озаритъ дѣла и таинства минувшаго; пока исторія, основываясь на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, „не очиститъ гумна своего, не отребитъ пшеницы отъ соломы“, то есть слово истины отъ сплетней журнальныхъ приживалокъ и людской молвы, которая таже приживалка. Побѣдительно опровергать эти обвиненія также преждевременно. Остается быть безпристрастнымъ и не ругать человѣка, только потому, что другіе ругаютъ его.

Въ обществѣ нашемъ, а особенно въ печати нашей, очень любятъ, когда предаютъ имъ на прокормленіе, на съѣденіе, какое нибудь событіе политическое или имя высоко поставленное. Въ подобномъ случаѣ всѣ зубы острятся и работаютъ до оскомины. Разница въ этомъ отношеніи между живымъ обществомъ и печатью, еле живою, заключается въ томъ, что устное слово заѣдаетъ болѣе живыхъ, а печатное пока лакомится мертвечиною. Публици-

---

*) Молчу: но не молчитъ Европа и весь свѣтъ.

сты-Чичиковы скупаютъ мертвыя души, промышляютъ ими и готовятъ ихъ на всѣ возможные соусы. Одна изъ этихъ мертвыхъ душъ и есть Аракчеевъ. Разумѣется, не беру на себя защищать его и безусловно отстаивать. Я опять таки не адвокатъ. И при жизни, и при силѣ его многое мнѣ въ немъ не нравилось: многое претило понятіямъ моимъ, правиламъ, сочувствіямъ. Но у Аракчеева былъ и есть другой адвокатъ, а именно Александръ. Если онъ держалъ его при себѣ, облекалъ, почти уполномочивалъ властью, то несомнѣнно потому, что признавалъ въ немъ нѣкоторыя качества, вызывающія довѣріе его. Императоръ Александръ былъ щедро одаренъ природою. Умъ его былъ тонкій и гибкій. Всѣ духовные инстинкты его были въ высшей степени развиты. Онъ удивлялъ другихъ не столько тѣмъ, что̀ зналъ, сколько тѣмъ, что̀ угадывалъ. Свойства и нрава былъ онъ мягкаго и кроткаго. Онъ болѣе заискивалъ любви, нежели доискивался страха. Личнаго властолюбія было въ немъ немного. Преимуществами, присвоенными державѣ, онъ не дорожилъ. Скорѣе, а особенно въ послѣдніе годы жизни своей, онъ властью и царствованіемъ какъ будто тяготился. Были даже слухи, что онъ намѣревался отречься отъ престола. Духомъ былъ онъ не робокъ. Почитали его мнительнымъ; но онъ не укрывалъ себя во дворцѣ, какъ въ неприступной твердынѣ, не окружалъ себя вооруженными тѣлохранителями. Вездѣ могли встрѣчать его одного, на улицѣ, въ саду, за городомъ, во всѣ часы дня и ночи. Слѣдовательно, онъ за жизнь свою, за себя не боялся. Можно сказать утвердительно, что онъ имѣлъ неопредѣленныя, темныя свѣдѣнія о политическомъ броженіи нѣкоторыхъ умовъ, о попыткѣ устроить тайное общество. Расказывали, и довольно достовѣрно, что при одномъ смотрѣ войскъ на Югѣ, оставшись особенно доволенъ одною кавалерійскою бригадою, сказалъ онъ начальнику ея, который послѣ оказался крѣпко замѣшаннымъ въ заговорѣ: „благодарю тебя за то, что бригада приведена въ отличное положеніе, и совѣтую тебѣ и впередъ болѣе заниматься службою, нежели политическими бреднями“.

При такихъ обстоятельствахъ, при подобномъ расположеніи и настроеніи духа, спросимъ мы: къ чему нуженъ былъ ему грозный Аракчеевъ, это пугало, какимъ рисуютъ его? Александръ, при умѣ своемъ, при долгой опытности, онъ, умѣвшій оцѣнить обаяніе Сперанскаго и Каподистріи, могъ-ли быть въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ по государственнымъ дѣламъ, и не догадаться, что это человѣкъ посредственный и ничтожный? Здравый смыслъ и логика отрицаютъ возможность подобныхъ противорѣчій. Ясно и очевидно, что Аракчеевъ былъ не вполнѣ тотъ, что̀ мерещится намъ въ журнальныхъ легендахъ, которыя поются съ такою охотою на удовольствіе общественнаго суевѣрія. Александръ былъ въ данномъ случаѣ лучшимъ судіею въ этомъ дѣлѣ: предъ судомъ его слабѣютъ улики постороннихъ соглядатаевъ того, что̀ есть, и особенно того, что̀ было. Нужно при этомъ вспомнить, что Александръ въ послѣднее десятилѣтіе уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ годовъ. Онъ прошелъ школу событій

и тяжкихъ испытаній. Либеральные помыслы его и молодыя сочувствія болѣзненно были затронуты и потрясены грубою и безпощадною дѣйствительностью. Заграничныя революціонныя движенія, домашній бунтъ Семеновскаго полка, неурядицы, строптивыя замашки Варшавскаго сейма, на который еще такъ недавно онъ полагалъ лучшія свои упованія, догадки и болѣе чѣмъ догадки о томъ, что и въ Россіи замышлялось что-то недоброе, всѣ эти признаки, болѣзненные симптомы, совокупившіеся въ одно цѣлое, не могли не отразиться сильно на впечатлительномъ умѣ Александра. Діагностика врача не могла не измѣниться. Переписка о Семеновскомъ дѣлѣ, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ, убѣждаетъ насъ, что сей бунтъ былъ не просто солдатскій. Александръ до конца жизни оставался въ этомъ убѣжденіи. Если и не соглашаться со всѣми соображеніями и выводами честнаго и прямодушнаго Васильчикова и благоразумнаго и опытнаго князя Волконскаго, то нельзя не признать, что въ ихъ воззрѣніи много было государственной прозорливости и правды. Эта переписка проливаетъ на нихъ благопріятный свѣтъ, особенно-же на Государя. Волею, или не волею долженъ былъ онъ спуститься съ поэтическихъ и оптимическихъ, улыбающихся вершинъ. Мы уже замѣтили: лично былъ онъ выше страха; здѣсь боялся онъ не за себя, а могъ бояться за Россію. Политическія повѣтрія очень прилипчивы и заразительны. Въ такое время нужны предохранительныя мѣры и карантины. Аксіома: laissez faire, laissez passer можетъ быть удобно и съ пользою примѣняема въ иныхъ случаяхъ, но не всегда и не во всѣхъ. Напримѣръ, хоть-бы въ отношеніи къ огню, когда горитъ сосѣдній домъ. Мы оберегаемся отъ худыхъ и опасныхъ вліяній въ мірѣ физическомъ; противъ разлитія рѣкъ и наводненій мы устроиваемъ плотины; противъ бѣдствій отъ грозы мы застраховали себя громовыми отводами; противъ засухи мы пользуемся искусственными орошеніями; противъ излишней влажности и болотистой почвы искусственными осушеніями. Никто не порочитъ этихъ предосторожностей, никто не назоветъ суетною мнительностью и слабодушіемъ этой борьбы съ природою. Почему-же въ одномъ нравственномъ и политическомъ мірѣ признавать предосудительными эти мѣры общественнаго охраненія? Почему присуждать правительство и общественныя силы къ бездѣйствію и безчувственности восточнаго фатализма, даже и въ виду грядущей опасности.

Государь, вѣроятно, обратилъ первоначальное вниманіе свое на Аракчеева, какъ на преданнаго и благодарнаго слугу императора Павла. Онъ имѣлъ административныя военныя способности, особенно по артиллеріи; онъ былъ одинокъ въ обществѣ, не примыкалъ ни къ какой партіи вліятельной или ищущей вліянія, слѣдовательно не могъ быть орудіемъ какого нибудь кружка; не могъ быть и его главою. Государь не опасался встрѣтить въ немъ человѣка систематически закупореннаго въ той, или другой доктринѣ. Не могъ бояться онъ, что, при исполненіи воли и предпріятій его, будутъ при случаѣ обнаруживаться въ Аракчеевѣ свои заднія или передовыя мысли. Вспомнивъ бывшаго пріятеля своего Наполеона,

Александръ могъ также, какъ и тотъ, не возлюбить идеологовъ. Самъ Александръ оставался въ иномъ болѣе идеологомъ, нежели практикомъ; но въ работникахъ, въ дѣльцахъ своихъ не хотѣлъ онъ идеологіи. Не должно терять изъ виду ни времени, ни обстоятельствъ, въ которыя Государь приблизилъ къ себѣ Аракчеева. Мы выше уже упомянули о томъ. Въ Александрѣ не могло уже быть прежней бодрости и самонадѣянности. Онъ вынужденъ былъ сознаться, что добро не легко совершается, что въ самихъ людяхъ часто встрѣчается какое-то необдуманное, тупое противодѣйствіе, парализирующее лучшіе помыслы, лучшія заботы о пользѣ и благоденствіи ихъ. Здѣсь опять теорія сталкивается съ дѣйствительностью, и теорія рѣдко оказывается побѣдительницею. Тяжки должны быть эти разочарованія и суровыя отрезвленія. Александръ ихъ испыталъ: онъ извѣдалъ всю ихъ уязвительность и горечь. Строгіе судіи, умозрительные и безпощадные, могутъ, конечно сказать, что человѣкъ съ твердою волею, одаренный могуществомъ духа, долженъ всегда оставаться выше подобныхъ житейскихъ невзгодъ и сопротивленій. Можетъ быть. Но мы не чувствуемъ въ себѣ достаточной силы, чтобы пристать къ этимъ строгимъ приговорамъ. Мы полагаемъ, что если и были ошибки, то многія изъ нихъ были искуплены подобными испытаніями и подобнымъ горемъ. Мы здѣсь не осмѣливаемся судить: мы можемъ только сострадать.

Въ такомъ расположеніи, Государь прежде всего искалъ исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ соблюдателей насущнаго порядка.

Die schönen Tage in Aranjuez sind nun zu Ende. Исправнѣйшаго исполнителя въ кругѣ подобной дѣятельности онъ найти не могъ: выборъ его палъ на Аракчеева.

Вотъ что говоритъ о немъ сенаторъ Брадке въ Запискахъ своихъ: „Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способно„стей и дарованій, едвали можетъ быть подвержено сомнѣнію со „стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался „безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, „онъ въ тоже время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда „самъ того желалъ, и когда она не вовлекала его въ противорѣчіе „съ предвзятыми его намѣреніями“.

Еще выписка: „По истинѣ рѣдкая и строго-направляемая дѣятель„ность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени, да„вали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что̀ могло „быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ беззастѣнчи„вой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ“. (Р. Арх. 1875, кн. I).

Послѣднія строки не могутъ быть иначе разъяснены, какъ въ слѣдующемъ смыслѣ: что онъ былъ взыскательнымъ начальникомъ и что, много дѣлая, безпощадно требовалъ онъ отъ подчиненныхъ своихъ, чтобы и они многое дѣлали.

У Брадке за мадригаломъ обыкновенно недалеко слѣдуетъ и эпиграмма: медъ не мѣшаетъ быть и дегтю. Слѣдовательно одобрительное слово его имѣетъ свою существенную цѣнность. Довѣ-

рять ему можно. Брадке долго служилъ при Аракчеевѣ по вѣдомству военныхъ поселеній. Сдѣлалъ онъ, что̀ называется, дальнѣйшую служебную карьеру не при немъ. Слѣдовательно нельзя подозрѣвать его въ излишней признательности къ милостивцу своему. Онъ былъ человѣкъ нрава независимаго. Онъ былъ вовсе не Аракчеевецъ, ни по образованію своему, ни по чувствамъ, ни по своимъ понятіямъ. Онъ былъ ума свѣтлаго, безпристрастнаго. Самъ былъ дѣлецъ и тоже работникъ неутомимый по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ немъ самомъ были зародыши высшаго государственнаго дѣятеля; а потому и судитъ онъ Аракчеева, какъ государственный человѣкъ. А доселѣ и послѣ Брадке, многіе судили о немъ по анекдотамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, которыми питалась уличная молва.

Вотъ еще свидѣтельство, которое можно привести въ подтвержденіе и объясненіе нашего тезиса. Въ практическомъ отношеніи оно не имѣетъ вѣса и авторитета, подобнаго свидѣтельству, которое доставилъ намъ Брадке; но въ нравственномъ отношеніи оно тоже чего нибудь да сто̀итъ. Въ продолженіе пребыванія своего въ Петербургѣ, Карамзинъ ни въ какихъ сношеніяхъ, даже просто свѣтскихъ, съ Аракчеевымъ не состоялъ. Карамзинъ не могъ быть безусловнымъ сторонникомъ военныхъ поселеній. Вѣроятно, между нимъ и Государемъ возникали пренія по этому вопросу. Какъ-бы то ни было, однажды лѣтомъ Государь предложилъ Карамзину съѣздить вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ Новогородскія поселенія и лично ознакомиться съ ними и съ порядкомъ ихъ. Отказываться было невозможно. Карамзинъ и Аракчеевъ отправляются вдвоемъ въ коляскѣ. Двое сутокъ, а можетъ быть и трое, проводятъ они другъ съ другомъ почти безразлучно. Карамзинъ былъ словоохотливъ и скорѣе невоздерженъ, чѣмъ сдержанъ въ разговорѣ. Между придворными онъ часто возбуждалъ смущеніе и недоброжелательство своею рѣчью, недостаточно оффиціальною. Любопытно было-бы подслушать разговоръ двухъ этихъ личностей съ глазу на̀ глазъ. Странныя сцены разыгриваетъ случай: напримѣръ, сближеніе Карамзина и Аракчеева, двухъ разнородностей. Оба преданы были Государю, но преданность каждаго была привлечена къ нему едвали не съ противуположныхъ полюсовъ. Карамзинъ возвратился съ этой поѣздки, вѣроятно, не совсѣмъ убѣжденный въ пользѣ военно-колонизаторской системы, и во всякомъ случаѣ не возвратился онъ обращеннымъ въ Аракчеевскую вѣру. Положеніе воина-хлѣбопашца, ремесленника, семьянина могло до нѣкоторой степени плѣнять воображеніе его, какъ плѣнило оно воображеніе и Александра, *идиліею въ будущемъ*, по меткому выраженію Брадке. Но Карамзинъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые хотятъ строить зданіе будущаго благоденствія на жертвахъ, страданіяхъ и развалинахъ настоящаго. Разумѣется, поселенія были представлены Карамзину хозяиномъ ихъ съ казоваго конца. Аракчеева винятъ въ подобномъ способѣ казанія. Но это вовсе не исключительно Аракчеевскій обычай. Не онъ выдумалъ его, а просто Русскій человѣкъ: товаръ лицемъ продается. Но Карамзинъ возвратился съ нѣкоторыми

впечатлѣніями выгодными для Аракчеева. Онъ убѣдился въ умѣ его, въ распорядительности, въ нѣкоторыхъ свойствахъ нужныхъ для государственнаго человѣка. Онъ говорилъ, что, нѣсколько сблизившись съ нимъ, онъ теперь понимаетъ, какъ Александръ привыкъ къ нему и облекаетъ его довѣріемъ своимъ. Такія два свидѣтельства, какъ Брадке и Карамзинъ, могутъ нѣсколько поколебать вѣру въ другія, на скорую руку приведенныя свидѣтельства: въ приговорѣ по тяжбѣ, вызванной въ печати противъ подсудимаго, эти два голоса должны быть приняты въ соображеніе и повести, по крайней мѣрѣ, къ тому, что есть въ пользу его и нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. Огульно приговорить человѣка, лишить его *весьма живота*, какъ-то многіе дѣлаютъ съ Аракчеевымъ и въ видѣ нравоученія, говорить съ поэтомъ:

Поди душа во адъ и буди вѣчно плѣнна,

конечно судъ короткій и ясный; но мы въ дѣлѣ правосудія предпочитаемъ проволочки этимъ скорымъ производствамъ дѣлъ: мы не любимъ ни гражданскихъ, ни литтературныхъ Шемякинскихъ расправъ и судовъ.

VII.

Вопросъ о военныхъ поселеніяхъ слишкомъ обширенъ и многосложенъ, чтобы затрогивать его бѣглымъ перомъ, чтобы изучать и изслѣдовать его мимоходомъ. Сей вопросъ имѣетъ двѣ стороны одинаково важныя: военную и политическую, или государственную. Нужно глубоко провѣрить, можетъ-ли подобное учрежденіе образовать и облагонадежить существованіе военныхъ государственныхъ силъ, то есть такихъ, которыя были-бы залогомъ мира внутри и охранителями безопасности и независимости государства во внѣшнихъ отношеніяхъ его. Не можетъ-ли такая вооруженная сила быть опасностью для своихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабостью для отраженія нападающихъ внѣшнихъ враговъ? Уже извѣстно, что не Аракчеевъ былъ родоначальникомъ этой мысли. Она собственно принадлежитъ Государю и въ такомъ случаѣ истекаетъ, можетъ быть, изъ ошибочнаго, но человѣколюбиваго побужденія. Освобожденіе народа отъ ежегодныхъ и тяжкихъ рекрутскихъ наборовъ, водвореніе войска въ домашній и семейный бытъ, пополненіе на будущія времена этого войска собственными и наслѣдственными средствами, уничтоженіе различія, которое существовало между понятіями и дѣйствительностью въ званіи землепашца и воина, соединеніе этихъ двухъ лицъ въ одномъ лицѣ, все это могло улыбаться воображенію и внутреннимъ стремленіямъ Александра. Не смотря на суровые опыты, его все еще нѣсколько тянуло въ область мечтательности и благодушныхъ упованій. Съ новою возрожденною силою схватился онъ за эту мысль. Онъ пристрастился къ ней, онъ видѣлъ въ успѣшномъ осуществленіи ея одно изъ великихъ дѣлъ царствованія своего. Въ борьбѣ съ препятствіями, которыя встрѣчались ему на пути, не признавалъ онъ законной причины отказаться отъ цѣли своей. Каждое нововведеніе требу-

етъ болѣе или менѣе пожертвованія. Онъ надѣялся, что самое время придетъ ему на помощь, что предубѣжденія, народныя, закоснѣлыя суевѣрія ослабѣютъ, что одолѣетъ ихъ въ свой часъ видимая, осязательная польза; что зло, неминуемое при каждомъ переворотѣ, такъ сказать, перемелется и забудется, а добро, въ началѣ сопряженное съ нимъ, отъ него отдѣлится и устоитъ. При всей мягкости характера и возвышеннаго человѣческаго настроенія, которыми Карамзинъ плѣнялся въ Александрѣ, въ немъ было много и самолюбивой упорности. Этимъ послѣднимъ свойствомъ примыкалъ онъ къ Аракчееву. Аракчеевъ, съ своей стороны, былъ пропитанъ чувствомъ восточнаго повиновенія. Эти два качества, царя и подданнаго, на бѣду сошлись въ дѣлѣ военнаго поселенія: другъ другу помогали, то есть вредили другъ другу. Аракчеевъ, по натурѣ своей, по всѣмъ обстоятельствамъ жизни, былъ человѣкъ порядка, порядка доходящаго до педантизма, до деспотизма. Русскій человѣкъ вообще порядка не любитъ; законъ и подчиненность ему претятъ натурѣ его. Вотъ, кажется, въ короткихъ, но правдоподобныхъ словахъ, объясненіе прискорбныхъ послѣдствій, которыми омрачено было дѣло военнаго поселенія, задуманное во благо народа. Въ этомъ случаѣ Аракчеевъ былъ анахронизмъ. Онъ былъ-бы на мѣстѣ своемъ, какъ орудіе реформъ Петра Великаго. Но, по современнымъ понятіямъ, не былъ онъ приличнымъ орудіемъ преобразованій въ рукахъ того, котораго наименовали *Александромъ Благословеннымъ*. Какъ бы то ни было, когда улягутся страсти и злопамятныя впечатлѣнія, исторія, то есть судъ произносимый потомствомъ, взвѣситъ всѣ соображенія за и противъ и произнесетъ свой окончательный приговоръ.

VIII.

Мы Аракчеева лично не знали, но многое слышали о немъ отъ людей болѣе или менѣе близкихъ ему. Не только по кончинѣ, но уже и при жизни былъ онъ живая легенда. Домъ его на Литейной былъ какимъ-то таинственнымъ, заколдованнымъ замкомъ: въ немъ обиталъ Змѣй Горынычъ. Толпа съ невольнымъ страхомъ проходила мимо дома, любопытно и суевѣрно заглядывала съ робостью въ окна его, ничего особеннаго въ немъ не подмѣчала; тѣмъ болѣе многое ей мерещилось. Для пополненія очерка, нами намѣченнаго, соберемъ изъ памяти кое-какія сохранившіяся о немъ впечатлѣнія. Общій выводъ ихъ заключается въ томъ, что онъ былъ человѣкъ выходящій изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ пробилъ себѣ дорогу самъ собою. Но онъ и не пробивалъ ея, а просто шелъ и нечаянно дошелъ до высоты, на которой мы видѣли его. Онъ былъ безкорыстенъ, по крайней мѣрѣ относительно и сравнительно. Обезпеченный и щедро обезпеченный милостью императора Павла, онъ могъ-бы желать разбогатѣть еще болѣе. Случаи къ тому были ему сподручны. Но онъ остался при томъ, чтó имѣлъ. Когда императоръ Александръ пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, то онъ алмазы возвратилъ и просилъ дозволенія носить одинъ портретъ. Охотно вѣримъ, что тутъ проглядываетъ

отчасти гордость и желаніе отличить себя отъ другихъ. Но всѣ-ли, и многіе-ли способны имѣть такое желаніе? Другой, на мѣстѣ его и также для отличія, могъ-бы ходатайствовать о томъ, чтобы алмазы при портретѣ были покрупнѣе *не въ примѣръ другимъ*. Не чужды были ему гордость и надменность, но и ихъ выказывалъ онъ не подобно другимъ. Пошлаго чванства въ немъ не было. Онъ не хотѣлъ ослѣплять городъ и толпу роскошью и пышностью. Онъ могъ желать сравниться съ Потемкинымъ въ объемѣ власти; но по догадливости своей и благоразумію разсчелъ, что Таврическая постановка и обстановка были уже не въ духѣ времени. Онъ, въ будничной силѣ своей, не гонялся за праздничными принадлежностями исключительнаго положенія своего. Родъ жизни его былъ болѣе домосѣдный; привычки мало измѣнялись и сохранили во многомъ первоначальную простоту темныхъ и трудовыхъ годовъ его. Въ блестящихъ собраніяхъ двора какая-то суровость военнаго схимника отличала его отъ среды другихъ сановниковъ и вельможъ. Эта черта личности его, ему врожденная, или имъ благопріобрѣтенная, могла также служить точкою сближенія его съ Александромъ. Извѣстно, что и Государь былъ врагъ роскоши и пышности. Гордость Аракчеева, когда выступала наружу, имѣла что-то саркастическое и выказывалась какою-то эпиграммою въ лицахъ и въ дѣйствіяхъ. Нѣкоторые изъ податливыхъ сановниковъ испытывали ее и бывали ея жертвами. Онъ зналъ ихъ насквозь: хорошо вѣдалъ, что они готовы потворствовать ему и трусятъ предъ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всею душою ненавидятъ его. Онъ надъ ними въ веселый часъ—и у него были свои веселые часы—зло и забавно подтрунивалъ, напримѣръ такимъ образомъ. Когда живалъ онъ въ Грузинѣ, многіе сановники приглашаемы бывали имъ изъ Петербурга, или сами усердно напрашивались. Туалетный этикетъ въ то время вездѣ еще строго соблюдался. Тогда черныхъ нашейниковъ не знали; не знали и разныхъ пальто и пиджаковъ. Фракъ и бѣлый галстухъ были необходимыми принадлежностями порядочныхъ людей даже и на утреннихъ посѣщеніяхъ. Разумѣется, на офиціальныхъ съѣздахъ у высокопоставленныхъ личностей, у знатныхъ особъ обоего пола, соблюденіе правилъ въ какой *быть формѣ* было еще строже. Человѣкъ порядка, человѣкъ военной дисциплины и чинопочитанія, каковымъ былъ старый Гатчинецъ, не могъ не держаться такой туалетной іерархіи. Заранѣе распредѣлено было, въ какомъ видѣ явиться: въ мундирѣ-ли съ лентой, или безъ ленты, во фракѣ-ли безъ ленты, или съ лентою. Гости были о томъ заранѣе оповѣщены въ Петербургѣ. Но когда на хозяина находилъ веселый часъ, а этотъ веселый часъ падалъ особенно на самыя именитыя лица, на станціи Чудовѣ ожидала ихъ повѣстка, въ которой означалось, что туалетная форма измѣнена, такъ что приходилось имъ или возвращаться въ городъ безъ допущенія къ лицезрѣнію, или просидѣть нѣсколько часовъ на станціи, въ ожиданіи посланнаго, который былъ отправляемъ курьеромъ въ Петербургъ, чтобы привезти требуемыя принадлежности одѣванія.—Или вотъ еще потѣха Аракчеева. Въ извѣстный день недѣли проводилъ онъ вечеръ, кажется, у генерала

Апрѣлева. Тутъ за партіей бостона непремѣннымъ партнеромъ его была сановитая, престарѣлая личность, а именно, если не ошибаемся, свѣтлѣйшій князь Лопухинъ. На одномъ такомъ вечерѣ хозяинъ предложилъ графу начать партію.—„А гдѣ-же князь Петръ Васильевичъ?“ спрашиваетъ Аракчеевъ.—„Онъ прислалъ извиниться, что за болѣзнью быть сегодня не можетъ“.—„Какой вздоръ! Вѣрно старикъ полѣнился. Послать за нимъ!“ И вотъ несчастный является. Садятся за ломберный столъ, разумѣется съ княземъ. Аракчеевъ, едва взявъ карты въ руки, подзываетъ кого-то изъ присутствующихъ, отдаетъ ему игру свою и вставая говоритъ ему: „Играй за меня, а мнѣ сегодня что-то играть не хочется“, и тутъ-же уѣзжаетъ. Вотъ картина и драматическая сцена! Можно представить себѣ, какъ вытянулись лица хозяина и бѣднаго князя. Шутка жестокая, неблаговидная, недостойная человѣка благовоспитаннаго. Совершенно согласны. Но Аракчеевъ и не выдавалъ себя за человѣка благовоспитаннаго. Онъ любилъ хвастаться тѣмъ, что учился и образовалъ себя на мѣдныя деньги. Нельзя похвалить его за грубый и дикій поступокъ. Но, грѣшный человѣкъ, мнѣ какъ-то нравятся эти проказы его: въ нихъ есть замысловатость и много комическаго, есть и саркастическая язвительность. Впрочемъ, разсказомъ этимъ мы едва-ли не угодимъ нѣкоторымъ изъ нашихъ общественныхъ Катоновъ-цензоровъ. Это, можетъ быть, хотя нѣсколько примиритъ ихъ съ Аракчеевымъ; послѣ такихъ выходокъ его, они скажутъ: нельзя не сознаться, что и въ Аракчеевѣ было что-то хорошее.

Въ грубой и тусклой натурѣ Аракчеева, которой вполнѣ отрицать нельзя, просвѣчивались иногда отблески теплаго и даже нѣжнаго чувства. Не знаемъ, въ какой степени способенъ онъ былъ ощущать радость, но скорбь чувствовалъ онъ сильно и этому чувству предавался съ порывомъ и съ глубокимъ постоянствомъ. Всѣ изъявленія благодарной памяти его къ почившимъ благодѣтелямъ, Павлу и Александру, носятъ отпечатокъ не только глубокой преданности, но и чего-то поэтическаго. Часы, имъ заказанные, которые въ минуту, когда совершилась смерть Александра, издавали заупокойные звуки, могутъ служить доказательствомъ, что, если и были въ немъ стороны очерствѣлыя, то очерствѣніе не вполнѣ охватило его. Многія другія памятованія, или поминки его, обозначаются такими-же оттѣнками. Если даже и признавать въ нихъ характеръ не чисто духовный, болѣе наружный, нежели глубокій, что-то языческое, то и въ такомъ случаѣ скорбь все остается скорбью. Каждый выражаетъ ее по внутреннему настроенію и по своему.

IX.

Мы говорили, что Аракчеевъ, какъ историческое лице, будетъ въ свое время подлежать суду исторіи. Но онъ не страшился этого суда, а главное, хотя человѣкъ мало образованный, онъ сознательно, или мало сознательно, признавалъ и уважалъ достоинство и авторитетъ исторіи. Мало того, что не страшился, онъ самъ вы-

звалъ этотъ судъ надъ собою. Много въ послѣднее время было написано о немъ. Его разбирали по косточкамъ, даже по яблокамъ. Помнится, гдѣ-то чуть не ставили въ вину ему, что онъ требовалъ отъ хозяйственнаго управленія въ Грузинѣ вѣдомости о сборѣ яблокъ съ яблоней въ саду его, или что-тому подобное. Нѣмцовъ не удивила-бы такая взыскательность и акуратность. Въ Германіи все на счету и все записывается; подлинно у нихъ каждое лыко въ строку. Нашимъ счетчикамъ до мелочи всѣмъ дѣйствіямъ, движеніямъ и словамъ Аракчеева не пришло на умъ обратить вниманіе на знаменательную черту изъ жизни его. Мы говоримъ о завѣщаніи его, по которому опредѣляетъ онъ значительную сумму, кажется 100.000 рублей—тому, кто представитъ, черезъ сто лѣтъ, лучшую, по приговору ученыхъ, исторію царствованія Императора Александра. Онъ зналъ, что въ этой исторіи найдется мѣсто и ему, хорошее-ли, дурное-ли, но неминуемо. Если онъ хотѣлъ-бы задобрить и подкупить историка въ пользу свою, онъ не отложилъ-бы ея появленія на цѣлое столѣтіе. Напротивъ, онъ поторопилъ-бы благосклоннаго и благодарнаго историка написать ее какъ можно скорѣе и при немъ, еще заживо. Сомнѣваться нельзя, что нашлись-бы историки, которые въ запуски старались-бы перещеголять другъ друга въ восхваленіи щедраго героя.

Il s'en présentera, gardez vous d'en douter.

Но Аракчеевъ, по тонкому и истинно-просвѣщенному чувству, не хотѣлъ, ни въ отношеніи къ обожаемому Монарху, ни въ отношеніи къ себѣ, заискивать благоволительность присяжнаго и подкупнаго адвоката. Онъ вѣровалъ въ исторію и требовалъ отдаленнаго и нелицепріятнаго историка. Одна эта свѣтлая, оригинальная черта убѣждаетъ, что въ Аракчеевѣ были зародыши и заявленія, не во многихъ людяхъ встрѣчающіяся. Если нѣкоторые изъ этихъ зародышей не вполнѣ развились; другіе, можетъ быть, и заглохли: то причина тому недостатокъ образованности и сила житейскихъ условій и обстоятельствъ. Бѣда его въ томъ, что онъ родился въ средѣ хотя дворянской, но мало образованной и что первоначальное воспитаніе его было совершенно пренебрежено. Другая бѣда его, что почти безъ приготовленія былъ онъ судьбою заброшенъ на вышину, которая давала ему обширную власть, обязывала его большою отвѣтственностью и ставила всѣмъ на виду. Поболѣе равномѣрности и равновѣсія въ распредѣленіи того, что̀ онъ дать былъ въ силахъ и того, что̀ случайныя обстоятельства и взыскательность людей отъ него требовали, однимъ словомъ участь менѣе порывистая, но болѣе правильная и раціональная, и изъ Аракчеева вышелъ-бы человѣкъ, который могъ занять съ пользою второстепенное мѣсто въ государственномъ управленіи. Во всякомъ случаѣ, избѣжалъ-бы онъ тогда многихъ ошибокъ и тѣхъ укоризнъ, частью справедливыхъ, большею частью празднословныхъ и наглыхъ поношеній, которыми безжалостно и безпощадно преслѣдуютъ память его.

X.

А знаете-ли, что̀ меня, вовсе не почитателя и не приверженца Аракчеева, вовлекло въ защиту, не защиту, въ апологію и того

менѣе, а развѣ просто въ нѣкоторое изученіе и разъясненіе этой загадочной исторической личности? Во первыхъ: добросовѣстность. Говоря объ Александрѣ и о способности его пристращаться (s'engouer), указывая на лица, которыя были предметами такого пристрастія, я не могъ выключить, утаить изъ этой портретной выставки имя, которое болѣе и долѣе другихъ было у всѣхъ на виду. Я не могъ „слона-то и не примѣтить", или скорѣе не слона, а козла отпущенія. Но сознаюсь: у меня было и другое побужденіе. У меня есть своего рода скептицизмъ, недовѣріе къ тому, что̀ неправильно именуется общимъ или общественнымъ мнѣніемъ. По моему мнѣнію, общаго мнѣнія нѣтъ и быть не можетъ. Это опять одна изъ узаконенныхъ мистификацій, которыми промышленники цыганятъ и надуваютъ толпу, собранную на площади. Каждый кружокъ, какъ бы ни былъ онъ малъ, каждый журналъ имѣетъ у себя на готовѣ доморощенное общее мнѣніе, во имя котораго онъ разглагольствуетъ, судитъ и рядитъ, караетъ и милуетъ. Это общественное мнѣніе, раздробленное на многочисленныя части, другъ другу противорѣчащія и другъ другу враждебныя, и есть—въ добрый часъ молвить, а въ худой промолчать — тотъ бѣсъ, котораго имя: „легіонъ, яко мнози есмы".

Когда-же ночью и днемъ, въ горахъ и гробахъ, подъ этою кличкою, раздается, разносится и пошло повторяется сужденіе и приговоръ, тутъ невольно возбуждаются во мнѣ сомнѣнія въ правотѣ и законности подобнаго единогласія.

Было еще и другое побужденіе. Въ наше время, проповѣдующее систему всеобщихъ голосованій, истина бываетъ не рѣдко заглушена и затерта именно обиліемъ этихъ голосовъ. Бороться, въ текучій часъ, съ подавляющимъ изверженіемъ этихъ голосовъ безполезно и неблагоразумно; но это не мѣшаетъ подавать, хотя для очистки совѣсти, свой одиночный, протестующій голосъ. Этому голосу не дается сила стараго Польскаго veto, *не позволямъ*, который на Польскихъ сеймахъ останавливалъ бурный потокъ большинства; но нравственная сила и одинокаго протеста можетъ быть принята въ соображеніе, если не нынѣ, то завтра, какъ ни будь еще далеко это гадательное завтра.

Приступимъ наконецъ къ заключенію. Мы не хотѣли и не хотимъ возбуждать полемики объ Аракчеевѣ. Во всякомъ случаѣ, отъ нея заранѣе отказываемся. Повторяемъ: мы не защитники его. Еще менѣе принимаемъ на себя обязанность оправдать Александра, который, предъ судомъ исторіи и потомства, не будетъ нуждаться въ нашихъ оправдательныхъ рѣчахъ. Мы единственно, исключительно въ качествѣ свидѣтеля, хотѣли, по возможности, разъяснить нѣкоторыя темныя мѣста въ лѣтописи событій, которыхъ были мы современниками.

Гомбургъ предъ высотами.
Январь 1876.

Князь Вяземскій.

СТАРИНА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ [1]).

4.

Въ Лицейскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько замѣтокъ, относящихся до пребыванія въ этомъ заведеніи недавно скончавшагося графа М. А. Корфа. При поступленіи туда, ему только что минуло 11 лѣтъ, такъ что онъ былъ моложе всѣхъ своихъ товарищей; на пріемномъ экзаменѣ онъ оказалъ познанія въ ариѳметикѣ, географіи, исторіи, въ языкахъ: Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ—хорошія; а въ „познаніи общихъ свойствъ тѣлъ", т. е. въ первыхъ основаніяхъ физики, которыя между прочимъ отъ всѣхъ требовались, получилъ отмѣтку: „имѣетъ понятіе".

О его занятіяхъ и поведеніи записаны слѣдующія атестаціи:

1) Адъюнктъ-профессора логики и нравственной философіи, Куницына: „Понятіе имѣетъ острое, но съ нѣкотораго времени сдѣлался не такъ прилеженъ и болѣе разсѣянъ, а потому нѣкоторые изъ его товарищей превзошли его успѣхами въ теченіе прошлаго года. Но какъ сіе дано ему почувствовать и какъ онъ весьма чувствителенъ къ выговорамъ, то есть надежда, что онъ скоро исправится. Въ разсужденіи поведенія, по своей скромности и благородному обхожденію съ высшими и равными, заслуживаетъ онъ всякую похвалу". 2) Адъюнктъ-профессора географіи и исторіи, Кайданова: „Подаетъ о себѣ прекрасную надежду своими дарованіями, великою охотою къ ученію, примѣтными весьма хорошими успѣхами и своимъ благороднымъ поведеніемъ". 3) Адъюнктъ-профессора математики и физики, Карцова: „Рачителенъ не всегда въ одинаковой степени, имѣетъ хорошія дарованія и успѣваетъ очень изрядно". 4) Профессора Французской словесности де-Будри: „Il est très intelligent, fort docile et bien appliqué. Ses progrès font espérer qu'il sera toujours pour le françois un des premiers de sa classe". (Т. е. очень способенъ, весьма послушенъ и прилеженъ. Его успѣхи подаютъ надежду, что по Французскому языку онъ всегда будетъ однимъ изъ первыхъ въ классѣ). 5) Гувернера Пилецкаго: „Весьма благонравенъ, скроменъ, нѣсколько робокъ".

Вотъ, сверхъ того, двѣ найденныя въ лицейскихъ спискахъ отмѣтки, къ нему же относящіяся:

1) „Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей и, идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, ни мало не имѣли на нихъ дѣйствія". 2) „Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатіемъ класса чистописанія, остался въ аркѣ и читалъ безъ позволенія книгу „Voyage de Platon en Italie". Сіе было замѣчено г. директоромъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ, и приказано ему отъ него сидѣть съ прочими воспитанниками въ классѣ".

Графъ Корфъ кончилъ курсъ въ 1817 г. съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ серебряною медалью и выпущенъ на службу въ министерство юстиціи.

---

[1]) Начало сообщаемыхъ здѣсь замѣтокъ см. въ Р. Архивѣ 1875 года, I, 479. Еще прежде того была помѣщена мною относящаяся къ этому же предмету статья въ сборникѣ *Складчина*. Выписки изъ дѣлъ Лицея обязательно доставлены мнѣ нынѣшнимъ директоромъ этого заведенія Н. И. Миллеромъ.

Для біографіи Модеста Андреевича въ его молодые годы, какъ и вообще для первоначальной исторіи Лицея чрезвычайно важна извѣстная уже по многимъ отрывкамъ записка, составленная имъ по поводу напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1854 года статьи П. И. Бартенева о воспитаніи въ этомъ заведеніи Пушкина. Въ этой обширной запискѣ помѣщены характеристики многихъ Лицейскихъ наставниковъ и другихъ дѣятелей эпохи,—характеристики весьма замѣчательныя и драгоцѣнныя, хотя и не всегда согласныя съ отзывами другихъ современниковъ, и между прочимъ самихъ товарищей Модеста Андреевича, напр. Пушкина. Къ сожалѣнію, записка эта, касаясь отчасти лицъ, которыхъ ближайшіе потомки еще живы, не можетъ до поры до времени вполнѣ появиться въ печати.

5.

Изъ числа наставниковъ своихъ графъ Корфъ, въ этой запискѣ, съ особеннымъ уваженіемъ отзывается о преподавателѣ Французской литературы *де-Будри*, которому, по словамъ его, воспитанники были много обязаны своимъ развитіемъ. О немъ не разъ уже были сообщаемы свѣдѣнія въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи Царскосельскаго Лицея, но кажется, еще не было обращено вниманіе на некрологъ де-Будри, напечатанный въ концѣ 1821 года въ одномъ изъ тогдашнихъ нашихъ журналовъ, и потому не безполезно будетъ сообщить здѣсь эту довольно любопытную замѣтку. Она перепечатывается съ оттиска, доставленнаго мнѣ почтеннымъ ветераномъ Лицея, товарищемъ графа Корфа, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ.

23-го Сентября сего 1821 года скончался въ С.Петербургѣ профессоръ Французской Словесности колл. сов. и кавалеръ Давидъ Ивановичъ де Будри. Онъ родился въ 1756 г. въ городѣ Нейштадтѣ (въ Швейцаріи) отъ поселившагося тамъ изъ Италіи доктора медицины и философіи Ивана М...а (Марата). Ученіе началъ въ Нейштадтской гимназіи; а въ 1768 г., переселившись съ отцемъ своимъ въ Женеву, вступилъ въ гимназію сего города, гдѣ учился природному, Латинскому и Греческому языкамъ, также разнымъ наукамъ, кои преподаются въ гимназіяхъ, до 1773 г. Тогда переведенъ въ тамошнюю Академію; въ оной занимался словесными и философскими науками, геометріею, физикою и преимущественно теологіею, которой былъ кандидатомъ въ то время, какъ вызвалъ его въ Россію 1784 г. покойный камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ для воспитанія своихъ дѣтей. По окончаніи сего воспитанія, г. Будри посвятилъ себя наставленію юношества въ пенсіонахъ и частныхъ домахъ. Потомъ опредѣленъ учителемъ Французской словесности въ 1803 г. въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена Св. Екатерины, и въ 1806 г. въ С. П. б. губернскую гимназію; а въ концѣ того жъ года учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи. Въ 1808 г. пожалованъ чиномъ 9-го класса. Въ 1811 г. произведенъ въ профессоры 7-го класса и въ семъ званіи переведенъ изъ гимназіи въ Императорскій Царскосельскій Лицей. Въ томъ-же году издавъ Французскую грамматику съ Россійскимъ переводомъ, посвятилъ оную Государю Императору. Въ 1814 г. опредѣленъ для преподаванія Французской словесности въ Царскосельскій Благородный пенсіонъ. Въ 1819 получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. За отличное усердіе къ службѣ удостоивался въ разное время (кромѣ орденовъ Св. Анны 2-го класса, котораго имѣлъ въ послѣдствіи брильянтовые знаки, и Св. Владиміра 4-й степени) особенныхъ наградъ отъ Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, состоящихъ въ золотыхъ часахъ, табакеркахъ и брильянтовыхъ перстняхъ.

Образованный умъ, благородное сердце, примѣрная кротость нрава и добродушіе пріобрѣли покойному любовь и уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ имѣлъ друзей, для которыхъ память его пребудетъ навсегда драгоцѣнною.

Погребеніе сего почтеннаго мужа представляло трогательное зрѣлище. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ Лицеѣ, сохраняя къ бывшему ихъ наставнику, и по смерти его чувствованія уваженія и признательности, и желая отдать послѣдній долгъ покойному, несли бренные остатки его изъ церкви и сопровождали до кладбища. Въ несеніи гроба участвовалъ и директоръ Лицея г. дѣйствит. стат. сов. Энгельгардтъ.

6.

Въ исторіи Лицея за періодъ ближайшій ко времени перваго выпуска, встрѣчается замѣчательный эпизодъ, до сихъ поръ мало извѣстный. Въ краткой исторіи этого заведенія, составленной Селезневымъ, упоминается только вскользь о еженедѣльныхъ вечернихъ собраніяхъ, бывшихъ у директора для литературныхъ бесѣдъ [2]). Теперь могу сообщить болѣе полныя о томъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ, полученныхъ мною отъ нашего бывшаго министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина, вышедшаго изъ Лицея, по окончаніи тамъ курса, въ 1823 году (это былъ 3-й выпускъ). Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1821 году Е. А. Энгельгардтъ задумалъ основать въ Лицеѣ, для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, „общество лицейскихъ друзей полезнаго". Сохранившійся уставъ этого общества гласитъ, что *дѣйствительные* его члены избираются исключительно изъ лицейскихъ воспитанниковъ старшаго возраста; кромѣ того, есть члены *почетные*, избираемые изъ преподавателей и гувернеровъ; со временемъ же предполагалось приглашать въ общество, съ этимъ званіемъ, и постороннихъ лицъ. Президентъ общества есть директоръ лицея. Дѣйствительные члены обязаны, каждый въ свою очередь, прочесть въ собраніи какое-либо свое сочиненіе, а иногда и переводъ, и труды ихъ подвергаются общему обсужденію; при этомъ выражено желаніе, чтобы для большей пользы всѣ сочиненія писались на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ частныхъ собраній, съ одними дѣйствительными членами, предположены и публичныя съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ Лицея, а со временемъ и преподавателей и постороннихъ лицъ; каждое публичное собраніе открывается рѣчью. Въ концѣ года, въ день рожденія „благословеннаго Основателя Лицея", бываетъ чрезвычайное собраніе, на которое приглашается и публика. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно по два рубля на покупку словарей и другихъ книгъ, изъ которыхъ впослѣдствіи должна образоваться библіотека общества. Все происходящее въ частныхъ собраніяхъ остается между членами и ни подъ какимъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ; виновный въ нарушеніи этого правила исключается изъ общества.

При уставѣ, подписанномъ директоромъ и нѣсколькими воспитанниками Лицея, сохранились и относящіяся къ засѣданіямъ бумаги. На первомъ собраніи, бывшемъ 11 Ноября 1821 года, предсѣдатель произнесъ небольшую рѣчь на Французскомъ языкѣ, въ которой любопытно особенно окончаніе. „Предвижу, сказалъ директоръ, что это соединеніе, чисто литературное, приведетъ къ другому союзу,—нравственному, столь-же полезному, и, почему не сказать этого?—еще болѣе интересному. Эта литературная связь еще болѣе укрѣпитъ узы довѣрія, откровенности и дружбы, которыя уже соединяютъ насъ и которыя—скажу съ гордостью—ни въ какомъ другомъ заведеніи не существуютъ въ такой степени между воспитателемъ и воспитанниками. Да, друзья мои, наши литературные вечера еще утвердятъ сердечный союзъ, который путемъ любви и благодарности, а не страха, производитъ прочное повиновеніе и послушаніе, союзъ сердецъ, который вознаграждаетъ меня за всѣ непріятности, сопряженныя съ совѣстливымъ исполненіемъ моей должности. На этихъ вечерахъ мы сблизимся, мы соединимся еще тѣснѣе, и союзъ, образовавшійся въ этомъ убѣжищѣ мира и дружбы, продлится, надѣюсь, и за предѣлами Лицея. Наше желѣзное кольцо будетъ символомъ того. Разстоянія и обстоятельства могутъ

---

[2]) *Историческій очеркъ бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея.* Составленъ И. Селезневымъ. Спб. 1861, Стр. 148.

иногда удалять насъ другъ отъ друга, но вполнѣ они не разлучатъ насъ. Пусть Лицей будетъ намъ вѣчно дорогъ, пусть онъ останется нашимъ сборнымъ мѣстомъ. И когда меня уже въ немъ не будетъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и тогда, друзья мои, любите Лицей, будьте соединены, какъ руки, обвитыя нашимъ кольцомъ".

Въ первомъ же засѣданіи были избраны должностныя лица общества, и званіе секретаря досталось Д. Н. Замятнину; затѣмъ назначена очередь чтеній. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, на которыя сочиненія были задаваемы и отчасти написаны. „Отвѣтъ другу на вопросъ: Если бы ты жилъ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то въ которомъ изъ предыдущихъ желалъ бы ты жить"? — „Мысль о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастія человѣка". — „Отчего просвѣщеніе народовъ обыкновенно сопровождается испорченностью нравовъ? Можно ли утверждать, что образованіе влечетъ за собою упадокъ и ослабленіе народовъ и государствъ?"—„Сатирическая похвала клеветѣ".—„Очеркъ исторіи Мальтійскаго ордена [3])"—„Чтó вреднѣе для государства: частыя войны, или дурное управленіе?"—„Причины побѣдъ Россіи надъ Швеціею".—„Взглядъ на главные перевороты въ Русской исторіи".—„Объ общественномъ мнѣніи".—„Взглядъ на нравственное состояніе нынѣшней Европы".—„О Мизантропѣ Мольера."—„Взглядъ на законодательство Екатерины Великой."

Послѣднія четыре сочиненія, уцѣлѣвшія при протоколахъ общества, написаны секретаремъ его (Д. Н. Замятнинымъ); только одно изъ нихъ—четвертое—на Русскомъ языкѣ, и по самому предмету своему оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ краткомъ введеніи авторъ между прочимъ говоритъ: „Наиболѣе важно то, что всѣ узаконенія Екатерины II имѣютъ общій, къ одной цѣли ведущій духъ и отличаются вообще единствомъ, точностію и полнотою. Подробное систематическое изложеніе ея мудраго законодательства мнѣ не по силамъ и не по лѣтамъ, а потому я довольствуюсь однимъ только краткимъ обозрѣніемъ главнѣйшихъ частей онаго". Послѣ обстоятельнаго очерка законовъ и учрежденій Екатерины II, авторъ заключаетъ словами: „Слѣдуя во всѣхъ своихъ узаконеніяхъ однимъ началамъ съ Великимъ Преобразователемъ Россіи, Екатерина ознаменовала вторую блистательную эпоху нашего новѣйшаго законодательства. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, слѣдуя великимъ симъ примѣрамъ, предпринялъ довершить начатое Петромъ и Екатериною важное дѣло. По восшествіи его на престолъ, одно изъ первыхъ попеченій его было воскресить Комиссію составленія законовъ. Образованіе сего сословія изъ людей отличнѣйшихъ, неусыпное участіе, которое принимаетъ самъ Монархъ въ ихъ трудахъ, и важные успѣхи въ самихъ трудахъ сихъ служатъ намъ порукою въ томъ, что великое дѣло систематическаго нашего законодательства, начатое Петромъ I, продолженное Екатериною Великою, довершено будетъ Александромъ Благословеннымъ".

Но общество собиралось уже нѣсколько разъ и еще не было утверждено высшимъ начальствомъ. Чтобы дать ему это окончательное освященіе, Энгельгардтъ лично испрашивалъ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ разрѣшенія торжественно начать публичныя собранія въ день рожденія Гусударя, 12-го Декабря. 6-го числа директоръ Лицея получилъ отъ князя А. Н. Голицына слѣдующій собственноручный отвѣтъ [4]):

[3]) Е. А. Энгельгардтъ былъ въ царствованіе Павла секретаремъ этого ордена.

[4]) Эта бумага печатается съ соблюденіяхъ въ точности внѣшнихъ особенностей ея.

„Милостивый Государь мой Егоръ Антоновичъ.

По словесному Вашему вопросу, можно ли 12-го Декабря открыть общество изъ воспитанниковъ Лицея для литературныхъ занятій, я сегодня докладывалъ Государю Императору и Его Величеству угодно прежде видѣть правила, на которыхъ вы желаете оное устроить. И такъ ежели и послѣдуетъ разрѣшеніе Государя, то я сомнѣваюсь чтобъ къ 12-му числу Вы могли получить отвѣтъ.

По составленіи Вами правилъ пришлите ихъ немедленно ко мнѣ, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ,

С. Петербургъ
5-го Декабря 1821".

Отвѣтъ на это письмо, съ приложеніемъ проекта устава, былъ отправленъ Е. А. Энгельгардтомъ немедленно. Вотъ что писалъ директоръ:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! По приказанію вашего сіятельства, мною сегодня полученному, честь имѣю препроводить при семъ проектъ правилъ, предполагаемыхъ для литературнаго сословія между воспитанниками Лицея. Изъ общей физіогноміи оныхъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все сіе общество есть ничто иное какъ домашній способъ занять пріятнымъ и полезнымъ образомъ молодыхъ людей, готовящихся вступить въ дѣйствительную жизнь, пріучить ихъ нѣсколько къ общему порядку дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ пріучить ихъ къ необходимой способности объяснять и выражать мысли свои предъ публикою безъ робости, но и съ приличною скромностью. Все въ сихъ правилахъ содержащееся приспособлено преимущественно къ сей частной нашей цѣли, и мы, составляя оныя между собою, не дерзнули никогда полагать, чтобы оныя когда либо могли удостоиться быть представленными Государю Императору, почему и не обращали особеннаго вниманія, какъ на слогъ, такъ и на расположеніе. Не менѣе того однако я долгомъ поставляю представить оныя вашему сіятельству безъ малѣйшихъ перемѣнъ или поправокъ.

Впрочемъ я пріемлю смѣлость возобновить предъ вашимъ сіятельствомъ всепокорнѣйшую мою просьбу удостоить сію бездѣлицу благосклоннаго вашего вниманія, и если самое дѣло не найдетъ препятствія, то я смѣю надѣяться, что ваше сіятельство не откажете своего содѣйствія къ исполненію столь естественнаго, какъ и похвальнаго желанія воспитанниковъ открыть свою бесѣду въ благословенный для нихъ день рожденія нашего Отца и Благотворителя, и такъ праздновать оный достойнѣйшимъ образомъ, стараніемъ ихъ соотвѣтствовать по мѣрѣ силъ своихъ благодѣтельнымъ его желаніямъ и попеченіямъ. Съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ.

Царское Село, Декабря 6-го дня 1821 года".

Прошло 12-е Декабря, прошелъ и новый годъ,—а отвѣта отъ князя Голицына все не было. Наконецъ, 14-го Января 1822 года, получено въ Лицеѣ такое отношеніе:

„Милостивый государь мой Егоръ Антоновичь. Присланный при письмѣ вашего превосходительства отъ 6 числа минувшаго Декабря проектъ правилъ для учрежденія, между воспитанниками Императорскаго Царско-

сельскаго Лицея, общества подъ названіемъ: Лицейскіе друзья полезнаго, доводилъ я до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величество, по прочтеніи сихъ правилъ, соизволилъ признать учрежденіе такого общества между воспитанниками Лицея неприличнымъ и ненужнымъ: во первыхъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія, гораздо полезнѣйшія и существеннѣйшія по разнымъ предметамъ ученія; во вторыхъ, самые такъ называемые литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній, и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столько недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ; въ третьихъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ на ряду съ своими наставниками и воспитателями отниметъ у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

По всѣмъ симъ причинамъ Гусударю Императору не угодно учрежденіе такого Общества между воспитанниками.

Увѣдомляя васъ о семъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего провосходительства покорнѣйшимъ слугою.
Князь Александръ Голицынъ.

№ 3. Въ С. Петербургѣ 11 Генваря 1822".

Письмо было получено Егоромъ Антоновичемъ 14-го числа. Въ тотъ же день онъ собралъ членовъ своего неодобреннаго Монархомъ общества и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Милостивые государи! Сегодняшнее чрезвычайное собраніе наше имѣетъ предметомъ сообщить вамъ объявленную мнѣ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно существованія нашего сословія. Я получилъ сегодня отъ его сіятельства князя А. Н. Голицына слѣдующее отношеніе".

По прочтеніи бумаги, директоръ Лицея продолжалъ: „Повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданнаго, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего общества. Протоколъ сего засѣданія есть послѣдній нашъ; въ оный внесется письмо г. министра и немедленное исполненіе, по оному сдѣланное. Всѣ понынѣ состоявшіеся протоколы, уставъ нашъ, сочиненія и прочія бумаги я возьму къ себѣ на сохраненіе въ особо запечатанномъ пакетѣ, и общество лицейскихъ друзей полезнаго болѣе не существуетъ! Мы тѣмъ исполнили долгъ повиновенія. Но съ тою же откровенностію, которою руководствуюсь я всегда въ обращеніи моемъ съ вами, друзья мои, я не скрою отъ васъ, здѣсь, въ дружескомъ кругу, что я съ чувствомъ сердечнаго прискорбія разрываю связь, отъ которой ожидали мы нѣкогда многихъ полезныхъ послѣдствій для насъ, для любезнаго нашего Лицея и для будущей службы нашей Государю и Отечеству. Вы конечно всѣ дѣлите со мною сіе чувство, и я его не охуждаю, но я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что вы послѣдуете и совѣту и примѣру моему повиноваться безъ малѣйшаго роптанія волѣ высшаго начальства. Я требую отъ васъ, какъ начальникъ и какъ другъ, чтобы, вышедъ изъ сей комнаты, вы не позволили себѣ въ кругу прочихъ товарищей нашихъ никакихъ разсужденій на счетъ прекращенія нашего общества. „Оно прекращено по волѣ высшаго начальства": вотъ все, что можемъ, что должны мы дозволить себѣ о семъ сказать.

И такъ мы, какъ члены „Общества лицейскихъ друзей полезнаго", сегодня разлучаемся, но мы всегда останемся неразлучными лицейскими друзьями полезнаго; и здѣсь въ Лицеѣ, пока мы вмѣстѣ, и въ свѣтѣ, гдѣ каждый пойдетъ отдѣльною стезею, да будетъ всегда единственнымъ и непоколебимымъ предметомъ нашихъ стараній, всей нашей жизни — польза, честь и слава нашего Лицея, Отечества и Государя, благодѣтеля нашего".

Происшедшія вскорѣ послѣ этого перемѣны въ судьбѣ Лицея бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на строгость приговора, которому подверглись устроенныя Энгельгардтомъ собранія. Подобныя литературныя общества существовали тогда и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, чему первый примѣръ былъ поданъ Московскимъ университетскимъ пансіономъ. Уставъ или проектъ, откуда мною приведены главныя основанія, начинался словами: „Всѣ высшія учебныя заведенія, признавъ пользу, приносимую такъ называемыми литературными обществами, учредили таковыя между собою. Они, безъ сомнѣнія, суть вѣрнѣйшія средства распространять кругъ нашихъ свѣдѣній и понятій, утвердить насъ въ пріобрѣтенныхъ уже понятіяхъ, познакомить насъ самихъ съ недостатками и способностями нашими и вообще внушать охоту къ образованію. Увѣренные въ сей истинѣ и возбуждаемые искренними чувствами любви и благодарности къ нашему Отечеству и къ Лицею, мы вознамѣрились послѣдовать примѣру тѣхъ заведеній и учредить у себя подобное общество". И такъ, при всей справедливости изложенныхъ въ послѣднемъ письмѣ князя Голицына доводовъ для закрытія лицейскаго общества, нѣтъ сомнѣнія, что, въ первое время по назначеніи Энгельгардта директоромъ Лицея, мысль объ учрежденіи въ немъ такихъ собраній была бы совершенно иначе принята Государемъ. Извѣстно, какимъ довѣріемъ пользовался долгое время Энгельгардтъ. При опредѣленіи его въ названную должность удостоились полнаго одобренія предложенныя имъ (написанныя въ кабинетѣ Аракчеева) условія, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло слѣдующее: „Управленіе Лицея сдѣлать совершенно независящимъ отъ всякаго посторонняго и раздробительнаго вліянія, такъ чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распоряжать во всемъ по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей передъ Богомъ и Царемъ отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти" [5]). Но извѣстно также, какъ измѣнились мало по малу воззрѣнія императора Александра Павловича въ слѣдствіе обнаружившихся на Западѣ общественныхъ движеній, находившихъ отголосокъ и въ нашемъ Отечествѣ. Вотъ чѣмъ объясняется и перемѣна, происшедшая въ расположеніи Государя относительно Энгельгардта, къ чему конечно немало способствовало также вліяніе Аракчеева. Черезъ два мѣсяца послѣ запрещенія, объявленнаго въ письмѣ князя Голицына, Лицей поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича и въ непосредственное вѣдѣніе начальника кадетскихъ корпусовъ графа Коновницына. Не прошло года, какъ, по случаю бывшаго въ Лицеѣ концерта, у Энгельгардта возникли пререканія съ военнымъ начальствомъ, памятникомъ которыхъ осталась продолжительная оффиціальная переписка, кончившаяся тѣмъ, что директоръ Лицея подалъ въ отставку и былъ уволенъ 23 Октября 1823 года.

Я. Гротъ.

---

[5]) Русск. Архивъ 1872 г. стр. 1475. Воспоминаніе о Е. А. Энгельгардтѣ.

ПИСЬМО ГРАФА А. Г. РАЗУМОВСКАГО КЪ МАТЕРИ ЕГО НАТАЛЬѢ ДЕМЬЯНОВНѢ.

Милостивая государиня матушка.

Сказувалъ мнѣ Степанъ Лутай, что желаніе ваше есть, чтоби смотрѣть за тѣми дворами и хуторами, которіе вы изволили сами покупать. И ежели то подленно такъ, то прошу меня увѣдомить, то я съ радостію велю ихъ отдать вамъ. Не только хуторѣ и двори, но и Адамовку отдать велю. Однакъ вы извольте ее жаловать и что̀ извольте съ ними дѣлать, то въ волѣ вашей, и кому хочете, извольте приказать за ними смотрѣть. И ежели еще что́ надобно, то прошу меня увѣдомить: и я все то готовъ для васъ сдѣлать, для тебя, государыня матушка, сдѣлать, лишь бы тѣмъ не било вамъ затрудненія въ смотрѣніи. Да прикажи, матушка, прислать описаніе всѣмъ тѣмъ деревнямъ, которія пожаловани зятямъ, и дядюшкамъ, и Ондреенкамъ. Дворецкаго Степана Лутая вамъ рекомандую въ милость, котораго посилаю для услугъ вашихъ, и бить ему безотлучно при васъ, куда ни изволите поѣхать. И извольте имъ повелѣвать и приказивать, какъ своимъ слугою. И онъ вамъ, надѣюсь, будетъ угоденъ ко услугамъ. Ежели изволите куда пи́сьма писать, государиня матушка, то извольте приказать дворецкому Степану, чтобы онъ ихъ свидѣтельствовалъ и имя ваше подписывалъ: понеже онъ посланъ для того, чтобы какъ вѣрному слузѣ всего того наблюдать и смотрѣть, что̀ касается до чести вашей и моей. А ежели что̀ упущено несмотрѣніемъ его, то на немъ взищется, и за то будетъ наказанъ. Впрочемъ поручаюсь въ родительскія молитви и благословеніе и остаюсь вашъ синъ и слуга графъ А. Разумовскій.

Письма̀ Кирила Григорьевича посилаю, въ которомъ онъ въ одномъ жалобу на меня пишетъ, что будто я къ нему не пишу и не увѣдомляю его о здоровьи вашемъ, то извольте повѣрить, государиня матушка, что это онъ оправдаетъ свою лѣность, что онъ самъ въ томъ находится. И прошу письмо къ нему написать и его за то пожурить, чтобъ лѣнивъ писать и учиться не былъ: понеже онъ за тѣмъ посланъ, и то его только и дѣло.

Письмо это, на которомъ не означено времени, относится къ первымъ годамъ Елисаветина царствованія, такъ какъ въ немъ говорится объ ученіи графа Кирила Григорьевича, только въ 1745 возвратившагося изъ чужихъ краевъ, съ тѣмъ чтобы сѣсть на президентское кресло Императорской Академіи Наукъ. Письмо печатается съ своеручнаго подлинника, писаннаго въ листъ грубой бумаги, съ обозначеніемъ позднѣйшимъ: „собственноручное графское письмо“. Мы нарочно сохранили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывавшіяся въ общепонятной Русской рѣчи особенности правописанія и Малороссійскаго произношенія. Оно любопытно по принадлежности своей тайному супругу императрицы Елисаветы Петровны и показываетъ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ вовсе не былъ по тому времени безграмотенъ и грубъ, какъ его изображали современники-иностранцы. Вотъ какимъ слогомъ писали въ прошломъ столѣтіи Малороссіяне, волною случайностей выброшенные изъ народа на поверхность общества. — Подлинникъ письма доставленъ Александромъ Ильичемъ Стояновымъ (изъ Пятигорска). *П. Б.*

ЧЕТЫРЕ НОВЫЕ СТИХА А. С. ПУШКИНА.

Въ кружкѣ пріятелей и людей любимыхъ Пушкинъ не отказывался читать вслухъ свои стихи. (Читалъ онъ превосходно, и чтеніе его, въ противность тогдашнему обыкновенію читать стихи на распѣвъ и съ нѣкоторою вычурностію, отличалось, напротивъ, полною простотою). Однажды, поздно вечеромъ, передъ тѣмъ какъ собравшимся надо было разъѣзжаться, его попросили прочитать извѣстное стихотвореніе *Демонъ*, которое кончается двустишіемъ:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Только что прочитавъ эти стихи, Пушкинъ замѣтилъ, что одна изъ слушательницъ, молодая дѣвица, по имени *Варвара Алексѣевна,* зѣвнула, и мгновенно сказались слѣдующіе четыре стиха:

Но укротился пламень гнѣвный
Свирѣпыхъ адскихъ силъ,
И онъ Варвары Алексѣвны
Зѣвоту вдругъ благословилъ.

Это значило, что засидѣлись слишкомъ поздно и что пора ѣхать спать.

О ДНЕВНИКѢ ХРАПОВИЦКАГО.

Г-нъ Брикнеръ предлагалъ Русскому Архиву напечатать свое библіографическое розысканіе объ изданіи *Дневника Храповицкаго*. Напомнимъ читателямъ, что знаменитый дневникъ этотъ изданъ г. Барсуковымъ *вполнѣ точно*, съ подлинной рукописи, писанной отъ начала до конца самимъ Храповицкимъ, въ чемъ мы имѣли случай и убѣдиться, получивъ по благосклонности г-на Барсукова, на просмотръ самую рукопись и свѣривъ съ нею подозрѣваемыя гг. Безсоновымъ (въ Моск. Вѣдом. 1874) и Брикнеромъ (въ Russische Revue 1875) яко бы неточности Барсуковскаго изданія. На основаніи этого, а также по недостатку въ Русскомъ Архивѣ мѣста, мы отстранили статью г-на Брикнера. Нынѣ статья эта издана въ Дерптѣ особою книжкою (27 стр.).

Вмѣняемъ себѣ въ обязанность заявить читателямъ Русскаго Архива, что трудолюбивый розыскатель, посредствомъ сличенія Барсуковскаго изданія съ двумя прежними, достигъ весьма важнаго и несомнѣннаго вывода; именно, что Храповицкій оставилъ Дневникъ въ двухъ видахъ: въ первоначальныхъ замѣткахъ, писанныхъ поденно, и въ переписанныхъ на бѣло тетрадяхъ. Съ сихъ послѣднихъ напечатано прекрасное изданіе Н. П. Барсукова; съ черновыхъ же, неизвѣстно гдѣ находящихся, замѣтокъ Дневникъ появился первоначально въ Отечеств. Запискахъ Свиньина. Оказывается, что Храповицкій, переписывая на досугѣ свои замѣтки, коечто въ нихъ измѣнилъ, и вслѣдствіе того мы имѣемъ нѣсколько разнорѣчій. Но очевидно, что если бы можно было спросить самаго Храповицкаго, что́ онъ предпочитаетъ, первоначальную ли свою рукопись или переписанную на бѣло, онъ отдалъ бы преимущество послѣдней. Разнорѣчія могутъ быть любопытны для потомства и для розыскателей; но историкъ всегда скорѣе обратится къ тому, что́ самимъ сочинителемъ признано за лучшее.

Слѣдовательно заслуга г. Барсукова, превосходно напечатавшаго подлинную рукопись Храповицкаго, остается несомнѣнною. *П. Б.*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

никовъ матеріалы для этого словаря. Многосложныя и неусыпныя занятія по службѣ, а впослѣдствіи и слабость здоровья, отрывали его отъ этого дѣла. Нынѣ онъ занятъ редакціею накопленныхъ матеріаловъ.

О громадности этого труда можно заключать уже изъ того, что г-нъ Лундаль, для однаго собиранія матеріаловъ, долженъ былъ дѣлать выборки между прочимъ изъ слѣдующихъ сочиненій:

Сводъ Законовъ Р. Имперіи; Уложеніе и Постановленія Финляндіи; Сводъ мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній; Словарь церковно-славянскаго и Русскаго языка; Учебная книга Россійск. гражд. судоустройства и судебнаго дѣлопроизводства П. Дегая; Начертаніе Россійск. гражд. права А. Кранихфельда; Римское гражд. право, изл. (по Макельдею) И. Рождественскимъ; Руководство къ Россійск. законамъ сост. Рождественскимъ; Теорія налоговъ Гагемейстера; Общія основанія Русск. дѣлопроизводства соч. Вельдбрехта; Руководство къ воен. законамъ И. Рождественскаго; Основанія государствен. благоустройства, его же; Судебные Уставы 1864 г.; Руководство Соколова; Гражданскіе Законы Усова; Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, сост. Гарнакъ; Росси, основныя начала уголовнаго права, пер. съ Франц. Козополянскаго; Военные законы Михаилова; Судебный Журналъ, Судебный Вѣстникъ и пр. и пр.

По довершеніи своего труда г-нъ Лундаль намѣревается поручить повѣрку его Русскимъ юристамъ.

Изъ матрикула Финляндскаго Сената сообщаются здѣсь нѣкоторыя подробности о дѣятельности г. Лундаля (B. Lundahl). Онъ родился въ 1822 году въ г. Таммерфорсѣ. По окончаніи наукъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ по части юриспруденціи и по финансовымъ (камеральнымъ) наукамъ, онъ состоялъ въ разныхъ должностяхъ, также начальникомъ отдѣленія въ Канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, завѣдывалъ редакціею Финляндской Оффиціальной газеты, предсѣдательствовалъ въ разныхъ окружныхъ судахъ, былъ переводчикомъ Русскаго языка въ Сенатѣ и пр. Книги его на Русскомъ языкѣ: „Практическая грамматика Шведскаго языка“; „Изображеніе порядка судопроизводства въ Финляндіи“; въ Шведскомъ переводѣ, сочиненіе Гоголя „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“. Онъ сообщалъ въ Финляндскую Оффиціальную газету статьи о коронаціи въ Москвѣ въ 1856 году (состоя тогда въ свитѣ Финляндскаго генералъ-губернатора); издалъ порусски: „Руководство къ Финляндскимъ законамъ“, съ 2-мя таблицами присутственнымъ мѣстамъ. Кромѣ того г. Лундаль перевелъ на Шведскій языкъ сочиненіе Воронецкаго: „Практическое руководство для начальныхъ учителей“ и пр.
